Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

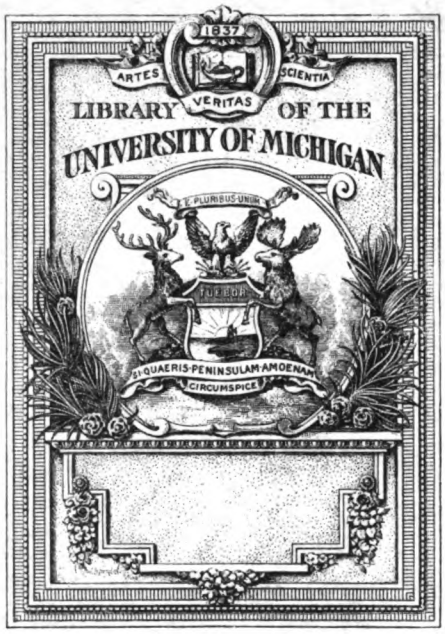
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

C 397109

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

AS
262
.P538

Digitized by Google

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ПО
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

ТОМЪ II.

(СЪ 3 КАРТАМИ).

1045-23

MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES
DE
ST.-PÉTERSBOURG.

CLASSE DES SCIENCES HISTORICO-PHILOLOGIQUES.

VIIIe SÉRIE.

TOME II.

(AVEC 3 CARTES).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1897. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. Н. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ и Варшавѣ,
В. В. Клюкина въ Москвѣ,
М. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou et Varsovie,
M. Klukine à Moscou,
N. Ogloblіne à St.-Pétersbourg et Kief,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна 7 р. = Prix 17 Mrk. 50 Pf.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1897 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА. — TABLE DES MATIÉRES DU TOME II.

№ 1. Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Съ двумя картами. 1897. (II + 518 стр.).

№ 2. **С. Г. Рыбаковъ.** Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта. Съ картою Уфимской и Оренбургской губерніи 1897. (VIII+330 стр.).

№ 1. Compte-rendu du XXXVIIe concours pour les prix du comte Ouvarov. Avec deux cartes. 1897 (II + 518 pp.).

№ 2. **S. Rybakov.** La musique et les chants des musulmans Ouraliens avec des remarques sur l'état social de ces tribus. Avec une carte des gouvernements d'Oufa et d'Orenburg. 1897. (VIII+330 pp.).

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG
VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ II. № 1. | Volume II. № 1.

ОТЧЕТЪ

О

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

Съ 2 картами.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1895 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1897. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Фосъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou et Varsovie,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цѣна: 3 р. 80 к. — Prix: 9 Mrk. 50 Pf.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1897 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1895 г. Непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ. 1— 24

I. Разборъ сочиненія А. М. Лазаревскаго: Описаніе старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій. Рецензія В. А. Мякотина . . . . . 25—150

II. Разборъ сочиненія Ѳ. И. Леонтовича: Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства. Рецензія академика К. Н. Бестужева-Рюмина . . . . . 151—157

III. Разборъ сочиненія И. К. Миклашевскаго: Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в. Москва 1894 г. Рецензія Д. И. Багалѣя . . . . 159—230

IV. Разборъ сочиненія подъ девизомъ: «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Рецензія С. О. Долгова. . . . . 231—259

V. Разборъ сочиненія г. Рункевича: Исторія Минской архіепископіи (1793—1832 гг.), съ подробнымъ описаніемъ хода возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 гг. Рецензія экстра-ординарнаго проф. С.-Петербургской духовной академіи П. Н. Жуковича. . . . . 261—269

VI. Разборъ сочиненія А. А. Дмитріева: Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Выпуски I—V. Рецензія С. А. Адріанова. (Съ 2 картами.) . . . . . 271—332

VII. Разборъ сочиненія В. Теплова: Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. Рецензія П. Д. Погодина. . . . . 333—459

VIII. Разборъ сочиненія академика А. М. Павлинова: 1. Исторія русской архитектуры. 2. Древности Ярославскія и Ростовскія. 3. Древніе храмы Витебска и Полоцка. 4. Деревянныя церкви г. Витебска. Рецензія Н. В. Султанова . . . . . 461—518

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЧЕТЪ

о

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 25 СЕНТ. 1895 Г.
НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій.

Согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена комиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова и г.г. Академиковъ А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго и А. А. Куника.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, комиссія, для подробнаго разбора ихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку.

По полученіи отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя трудъ разсмотрѣнія переданныхъ имъ сочиненій, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства ихъ, комиссія положила присудить малыя Уваровскія преміи, по 500 руб. каждая, нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

I. Лазаревскій — „Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія“. Т. II, полкъ Нѣжинскій. Кіевъ, изд. 1893 г.

Digitized by Google

Для оцѣнки достоинства этого сочиненія Академія обратилась къ содѣйствію преподавателя Императорскаго Александровскаго лицея Венедикту Александровичу Мякотину.

Въ обширной рецензіи, составляющей весьма цѣнное и, можно сказать, самостоятельное изслѣдованіе, рецензентъ прежде всего обращается къ указанію той тѣсной связи, въ которой стоитъ новый трудъ г. Лазаревскаго съ общимъ положеніемъ современной малорусской исторіографіи и въ частности съ прежними работами автора. „Указаніе этой связи, говоритъ В. А. Мякотинъ, думается, не будетъ здѣсь лишнимъ, такъ какъ оно поможетъ разобраться въ особенностяхъ послѣдняго труда почтеннаго ученаго и найти правильную точку зрѣнія для его оцѣнки".

Исторія гетманской или старой Малороссіи представляется еще весьма мало разработанной въ научной литературѣ. Наиболѣе выясненной стороной ея является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ; но едва мы обращаемся отъ внѣшней исторіи къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и дипломатическихъ переговоровъ, въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь немногія части котораго освѣщены свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. Формы землевладѣнія, существовавшія на ней, лишь недавно нашли себѣ перваго изслѣдователя въ лицѣ проф. Лучицкаго. Экономическія условія жизни населенія составляютъ вопросъ едва затронутый въ литературѣ, равно какъ и исторія государственнаго хозяйства гетманщины.

Самые источники для исторіи Малороссіи разбросаны невѣроятнымъ образомъ. Не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва и Петербургъ явились хранителями архивныхъ богатствъ старой Малороссіи. Такая раздробленность главнѣйшихъ источниковъ должна была отразиться и на ходѣ ученыхъ работъ по исторіи Малороссіи, крайне за-

Digitized by Google

трудняя разработку сколько нибудь широко поставленной темы. Если въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, посвященной изслѣдованію жизни гетманской Малороссіи, встрѣчается очень мало цѣльныхъ эпизодовъ, то причину такого явленія приходится искать въ условіяхъ пользованія источниками, ставящими изслѣдователя въ крайне затруднительное положеніе.

Въ ряду этихъ изслѣдователей А. М. Лазаревскому давно уже принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Выступая на поприще научныхъ занятій, онъ съумѣлъ не только сохранить полную самостоятельность по отношенію къ господствовавшимъ въ литературѣ взглядамъ, но и перенести дѣло изученія историческаго прошлаго Малороссіи на совершенно новую и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе плодотворную почву. Уже въ первомъ своемъ большомъ и серьезномъ трудѣ „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ онъ выступилъ съ оригинальнымъ взглядомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Малороссіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. На мѣсто исторіи политики выдвигалась исторія внутренней жизни народа и, слѣдя за этой послѣдней, историкъ старался уловить въ ней главнымъ образомъ соціальные интересы.

„М. А. Лазаревскаго, говоритъ рецензентъ, можно назвать по преимуществу историкомъ двухъ малорусскихъ сословій, изслѣдователемъ того процесса, въ силу котораго посполитые XVII вѣка обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, а казацкая старшина — въ благородное дворянство. Но изслѣдуя этотъ процессъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизни и особенно съ развитіемъ административныхъ порядковъ, онъ долженъ былъ постоянно касаться и другихъ сторонъ малорусскаго быта, матеріалъ для изученія которыхъ въ изобиліи доставляли ему его источники, а въ результатѣ своей долголѣтней дѣятельности на поприщѣ изученія исторіи гетманской Малороссіи пріобрѣлъ справедливо заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ этой исторіи“.

Послѣдній трудъ почтеннаго историка является естественнымъ плодомъ всей предъидущей его дѣятельности. Относительно характера своего труда г. Лазаревскій говоритъ, что онъ составляетъ

Digitized by Google

попытку „соединить въ нѣчто цѣлое собранные въ продолженіе многихъ лѣтъ матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія Малороссіи“ отъ присоединенія ея къ русскому государству въ 1654 году до введенія въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленія въ 1782 году. Авторъ полагаетъ, что его книга даетъ нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни, которая въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій внѣшней исторіи. Сообразно съ этимъ и книга озаглавлена: „Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія“ и заключаетъ въ себѣ массу свѣжаго и разнообразнаго матеріала. Пользуясь и печатными источниками, г. Лазаревскій преимущественно, однако, основываетъ свое изложеніе на неизданныхъ матеріалахъ, извлекая изъ нихъ множество въ высшей степени важныхъ свѣдѣній. Въ книгѣ г. Лазаревскаго мы находимъ новыя данныя для внѣшней политической исторіи страны и свѣдѣнія, относящіяся до исторической географіи и особенно богатый матеріалъ сгруппированъ имъ по вопросамъ внутренней жизни Малороссіи, той жизни, которую самъ онъ противополагаетъ событіямъ внѣшней исторіи.

„Въ виду общей задачи книги, говоритъ рецензентъ, и принятаго авторомъ плана этотъ матеріалъ излагается имъ въ формѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но и при такой формѣ изложенія авторъ даетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ простое собраніе матеріаловъ. Онъ не только предпринимаетъ критическое обслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ, входящихъ въ составъ его разсказа, но и устанавливаетъ нѣкоторую связь между ними, намѣчаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя общія черты въ рядѣ явленій, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, черты, придающія этимъ явленіямъ характеръ показателей опредѣленнаго историческаго процесса“.

Въ результатѣ знакомства съ фактами, которые даетъ книга Лазаревскаго, у читателя складывается опредѣленное представленіе о характерѣ администраціи, о развитіи землевладѣнія и сословныхъ группъ въ гетманской Малороссіи.

Переходя къ частностямъ разбора сочиненія г. Лазаревскаго, рецензентъ слѣдитъ за нимъ шагъ за шагомъ и сводитъ содер-

Digitized by Google

жаніе разбираемой книги въ три крупныя рубрики: 1) Администрація, 2) Заселеніе и землевладѣніе и 3) Сословія. Разбирая каждый отдѣлъ подробно, указывая на нѣкоторыя неточности и дополняя факты нѣкоторыми новыми матеріалами, В. А. Мякотинъ приходитъ къ слѣдующему общему заключенію.

„Работа г. Лазаревскаго, говоритъ онъ, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. Исторія управленія и исторія высшихъ сословій лѣвобережной Малороссіи, составлявшихъ въ ней владѣльческій классъ, являются самыми блестящими, наиболѣе обработанными и наибольшимъ количествомъ фактовъ, представленными отдѣлами книги г. Лазаревскаго, но и для другихъ затронутыхъ имъ темъ, онъ собралъ въ своемъ трудѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній. При той широкой постановкѣ, какую придалъ авторъ своей работѣ, вполнѣ естественной является сравнительная неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ значительной степени такая неполнота объясняется неразработанностью спеціальной литературы и хаотическимъ состояніемъ источниковъ и врядъ-ли она можетъ быть обращена въ упрекъ автору.

„Мнѣ приходилось, далѣе, отмѣчать при разборѣ труда А. М. Лазаревскаго нѣкоторыя его слабыя стороны. Главной изъ нихъ я считаю недостаточное пользованіе автора генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, не позволившее ему описать формы держанія имѣній въ гетманской Малороссіи и ихъ исторіи съ той точностію и обстоятельностью, какія были бы въ данномъ случаѣ желательны. Но отмѣчая эту сторону въ работѣ автора, я долженъ оговориться, что въ данномъ вопросѣ остаются еще нѣкоторые не вполнѣ разъясненные пункты, мнѣнія своего по поводу которыхъ я не могу выдавать за безспорное, пока оно въ свою очередь не подвергнется обсужденію.

Digitized by Google

„Во всякомъ случаѣ недостатки книги блѣднѣютъ передъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—XVIII вѣковъ, и критику остается только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ, долженствующій сильно подвинуть впередъ дѣло изслѣдованія пока еще во многихъ отношеніяхъ темной внутренней исторіи гетманщины. Въ виду этихъ крупныхъ достоинствъ своихъ, книга А. М. Лазаревскаго можетъ быть признана вполнѣ заслуживающей преміи графа Уварова.

П. Ѳ. И. Леонтовичъ — „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства". С.-Петербургъ 1894 года.

Оцѣнку этого труда принялъ на себя нашъ сотоварищъ ординарный Академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Ѳ. И. Леонтовичъ пользуется давно и вполнѣ заслуженной извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Еще въ 1863 году появились его статьи по Литовскому праву, длинный списокъ которыхъ помѣщенъ въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета Св. Владиміра" и въ „Двадцатипятилѣтіи Императорскаго Новороссійскаго университета".

Представленный на конкурсъ трудъ автора начинается съ изложенія образованія территоріи Литовскаго государства, обозначенія разныхъ составныхъ частей этой территоріи, указанія народностей ее населявшихъ и исторической судьбы составляющихъ ее частей. Характеръ своего изложенія авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы намѣрены въ настоящемъ очеркѣ свести въ одно мѣсто то, что сдѣлано по нашему вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ и по возможности провѣрить избранный вопросъ документальными данными, по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ послѣднее время". Такіе своды необходимы для начинающихъ работниковъ.

Digitized by Google

Еще не приступая къ своей задачѣ, авторъ представляетъ обширное библіографическое обозрѣніе источниковъ и пособій для изученія внутренней исторіи Литовскаго государства. Это обозрѣніе само по себѣ составляетъ важную услугу и даетъ возможность послѣдующимъ изслѣдователямъ имѣть подъ рукою готовый собранный матеріалъ.

Самое сочиненіе автора начинается указаніемъ на племенной составъ Литовскаго государства вообще и въ частности на литовское племя. Онъ останавливается на условіяхъ образованія территоріи, полемизируетъ съ мнѣніемъ о завоеваніи русскихъ областей и съ мнѣніемъ о феодализмѣ въ литовско-русскомъ государствѣ.

Представивъ общія соображенія объ образованіи Литовскаго государства, Ѳ. И. Леонтовичъ переходитъ къ подробному обзору отдѣльныхъ его частей и начинаетъ съ Литвы, указываетъ владѣнія князей въ Литвѣ и въ Жмуди, роды князей Гедиминовичей и другихъ.

„Такое обозрѣніе, говоритъ уважаемый рецензентъ, очень нужно въ виду болѣе яснаго представленія о строѣ, столь далекомъ отъ нашихъ понятій о государствѣ и часто темномъ для насъ. Конечно, критика не безъ основанія указываетъ на недостаточность нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ авторомъ генеалогій, въ особенности родословія Радзивиловъ; но надо припомнить трудности, представляемыя памятниками литовской исторіи, особенно генеалогіями. — Указывая часто на ихъ недоброкачественность, Ѳ. И. Леонтовичъ не вездѣ оградилъ себя отъ ихъ вліянія“.

Послѣ обозрѣнія литовскихъ земель, авторъ переходитъ къ обозрѣнію земель русскихъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго государства, и указываетъ на причину, по которой русское начало возобладало надъ литовскимъ. Входя въ подробности разбора сочиненія и указывая на нѣкоторыя обмолвки, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ находитъ, что для начинающихъ заниматься литовской исторіей едва-ли не слѣдуетъ указать на „Образованіе территоріи Литовскаго государства“ какъ на книгу, подъ руководствомъ которой они могутъ познакомиться съ литературою и съ главными

Digitized by Google

мнѣніями по вопросамъ, входящимъ въ составъ изслѣдованія. „Литературой авторъ пользуется полно: такъ въ статьѣ о Сѣверщинѣ встрѣчаются указанія не только на старыя изслѣдованія о Любецкомъ синодикѣ, важномъ матеріалѣ для генеалогіи сѣверскихъ князей, но и на изслѣдованіе покойнаго Р. В. Зотова". Вообще, относясь очень внимательно къ литературѣ, г. Леонтовичъ далъ намъ книгу, которая, составляя плодъ многолѣтней усиленной работы, свидѣтельствуетъ, что авторъ ея принадлежитъ къ хорошей исторической школѣ. „Книга эта, говоритъ рецензентъ, должна принести несомнѣнную пользу и своими общими замѣчаніями и библіографическими указаніями. Если замѣчанія автора не вездѣ безусловно вѣрны, то они всегда вызываютъ мысль и побуждаютъ къ новой работѣ надъ предметомъ.

„Къ недостаткамъ принадлежитъ достаточное количество ошибокъ и обмолвокъ, часто даже опечатокъ. Этотъ недостатокъ редакціи можетъ быть устраненъ при второмъ изданіи, котораго искренно желаемъ пр. Леонтовичу.

„Вотъ почему, говоритъ рецензентъ, считаемъ обязанностію ходатайствовать о награжденіи автора малою Уваровскою преміею".

III. И. Н. Миклашевскій — „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго Государства". Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. М. 1894 г.

Оцѣнку этого сочиненія по просьбѣ Академіи принялъ на себя профессоръ Харьковскаго университета Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Изслѣдованіе г. Миклашевскаго имѣетъ цѣлью изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ небольшой части южной окраины Московскаго государства XVII столѣтія, составляющей въ настоящее время части губерній Курской и Воронежской и части мѣстностей къ нимъ прилегающихъ. Въ обширной своей рецензіи Д. И. Багалѣй дѣлитъ обзоръ книги И. Н. Миклашевскаго на три отдѣльныя главы. Въ первой онъ опредѣляетъ планъ автора и его задачу, источники и

Digitized by Google

пособія, которыми онъ пользовался, и пріемы изложенія. Во второй главѣ своей рецензіи г. Багалѣй разсказываетъ вкратцѣ содержаніе труда автора и сдѣланные имъ выводы. Въ третьей главѣ рецензентъ указываетъ на недостатки и пробѣлы въ трудѣ г. Миклашевскаго и дополняетъ ихъ своими примѣчаніями и приложеніями. Слѣдя почти по страницамъ за разсказомъ автора, рецензентъ приходитъ къ такому общему выводу:

„Разбираемая книга, говоритъ г. Багалѣй, обладаетъ и крупными достоинствами и нѣкоторыми недостатками.

„Къ достоинствамъ нужно отнести: удачный выборъ мѣстности для изслѣдованія, раціональную постановку вопроса выводимаго изъ узкой области хозяйственной политики въ болѣе обширную сферу исторіи и экономики, знакомство съ важнѣйшими печатными источниками и пособіями, обиліе архивнаго неизданнаго матеріала, положеннаго въ основу книги, первоначальную сводку и разработку этого матеріала, отдѣльныя критическія изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ и, наконецъ, богатство фактическаго содержанія, въ особенности начиная со второй главы: тутъ мы находимъ и описаніе городовъ, и описаніе уѣздовъ, и данныя о разныхъ классахъ общества, о монастыряхъ, о малорусскихъ выходцахъ изъ-за Днѣпровья, о землевладѣніи и, наконецъ, о хозяйствѣ (земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ и виноградничествѣ).

„Недостатками книги слѣдуетъ признать: слабое эксплуатированіе печатныхъ источниковъ и пособій, неполноту въ извлеченіи архивныхъ матеріаловъ и, какъ естественный результатъ ихъ, пробѣлъ въ содержаніи, неясность, невыдержанность и несистематичность плана и недостаточную обработку матеріаловъ въ общей ихъ совокупности. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, книга г. Миклашевскаго представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и историко-статистическимъ описаніемъ.

„Изъ трехъ намѣченныхъ себѣ авторомъ вопросовъ — колонизаціи, землевладѣнія и хозяйства южной окраины — авторъ во всей полнотѣ не рѣшаетъ ни одного, но даетъ массу данныхъ для перваго, довольно много для третьяго и нѣсколько меньше для втораго.

Digitized by Google

„Въ виду всего этого, а также принимая во вниманіе значительный трудъ, положенный авторомъ на разысканіе и первоначальную сводку архивнаго матеріала, и вполнѣ добросовѣстное, строго научное отношеніе его къ дѣлу, мы бы считали справедливымъ поощрить г. Миклашевскаго къ продолженію его работы присужденіемъ ему неполной Уваровской преміи".

IV. Подъ девизомъ: „*И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ*". Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія, ч. I и II (рукопись).

По вскрытіи конверта оказалось, что сочиненіе это принадлежитъ С. Н. Браиловскому.

Разборъ этого труда, по просьбѣ Академіи, принялъ на себя ученый хранитель рукописей Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, Семенъ Осиповичъ Долговъ.

Рукопись подъ заглавіемъ „Одинъ изъ пестрыхъ XVII-го вѣка" есть изслѣдованіе объ одномъ довольно видномъ дѣятелѣ русской литературы и русскаго просвѣщенія въ исходѣ XVII столѣтія, іеромонахѣ Чудова монастыря Каріонѣ Истоминѣ. Какъ извѣстно, въ то время опредѣленно обозначились въ ходѣ русской образованности два направленія: западное, искавшее себѣ пособій преимущественно у католическихъ писателей западной Европы, и восточное, строго державшееся греческаго православнаго преданія. Но рядомъ съ представителями обѣихъ этихъ партій были и такіе книжные люди, которые занимали между ними среднее положеніе и не пренебрегали ни западными, ни восточными источниками просвѣщенія. Такихъ людей умѣреннаго образа мыслей одинъ изъ тогдашнихъ писателей іеродіаконъ Дамаскинъ назвалъ „пестрыми". Каріонъ Истоминъ былъ однимъ изъ такихъ „пестрыхъ", и авторъ разсматриваемаго сочиненія, посвященнаго обозрѣнію жизни и трудовъ Истомина, примѣнилъ къ нему это прозваніе. Рецензентъ признаетъ, что названіе „пестраго" вполнѣ подходитъ къ Каріону Истомину, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что характеристика противоположныхъ партій — западной и восточной, сдѣлана авторомъ не вполнѣ безпристрастно, съ нѣкоторымъ из-

Digitized by Google

лишнимъ усиленіемъ красокъ. Это обстоятельство не повредило, однако, по мнѣнію г. Долгова, достоинству сочиненія, въ которомъ жизнь и литературная дѣятельность Каріона Истомина разсмотрѣны весьма обстоятельно.

Изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей: біографической и собственно историко-литературной. Кромѣ того біографіи предшествуетъ введеніе, въ которомъ авторъ разсматриваетъ все, что̀ до сихъ поръ было писано о Каріонѣ Истоминѣ. Соотвѣтственно такому содержанію сочиненія составлена и прекрасная рецензія г. Долгова.

По замѣчанію рецензента, до автора настоящаго сочиненія никто не задавался изученіемъ жизни и трудовъ Каріона Истомина; авторъ же, какъ признаетъ и г. Долговъ, — „умѣло сводитъ всѣ появившіяся до его труда свѣдѣнія“ и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявляетъ нѣкоторую излишнюю придирчивость къ сужденіямъ тѣхъ, кому прежде него случалось говорить объ этомъ лицѣ. Въ заключеніе введенія авторъ представляетъ списокъ сочиненій Истомина, съ означеніемъ ихъ хронологіи, при чемъ въ особенности пользуется мало извѣстными доселѣ рукописями Чудова монастыря. По мнѣнію г. Долгова, „автору принадлежитъ заслуга ознакомленія русскаго общества съ содержаніемъ этихъ интересныхъ и во многихъ отношеніяхъ весьма важныхъ рукописей“, а „хронологическій указатель сочиненій Каріона Истомина, составленный авторомъ, будетъ всегда важнымъ пособіемъ для историковъ нашей литературы при обозрѣніи сочиненій этого писателя“.

Источники для біографіи Каріона Истомина немногочисленны и скудны. О немъ сохранились только отдѣльныя замѣтки, разсѣянныя по разнымъ документамъ. Чтобы привести ихъ въ порядокъ, авторъ былъ принужденъ прибѣгать иногда къ предположеніямъ, и если нѣкоторыя изъ послѣднихъ должны быть признаны вѣроятными, за то другія представляются излишними и неосновательными. Къ числу такихъ произвольныхъ догадокъ автора г. Долговъ относитъ, между прочимъ, примѣненіе къ личности Каріона Истомина нѣкоторыхъ извѣстій о другихъ, современныхъ ему лицахъ духовнаго званія, носившихъ то же имя.

Digitized by Google

Опредѣливъ, въ первой главѣ біографіи, происхожденіе Каріона Истомина, авторъ говоритъ о полученномъ имъ образованіи и по этому поводу распространяется о московскихъ школахъ XVII вѣка. Автору хорошо извѣстна литература по этому важному вопросу, но, какъ замѣчаетъ г. Долговъ, — онъ „при этомъ является не простымъ излагателемъ трудовъ, ранѣе появившихся, а относится къ взглядамъ другихъ критически, предлагаетъ свои соображенія и отчасти на основаніи новыхъ матеріаловъ, открытыхъ имъ, подтверждаетъ или отрицаетъ выводы послѣднихъ работъ по этому вопросу".

Вторая глава біографіи Истомина посвящена его службѣ на Московскомъ печатномъ дворѣ съ 1679 по 1701 годъ. Рецензентъ находитъ эту главу одною изъ самыхъ лучшихъ во всемъ сочиненіи. Авторъ обстоятельно воспользовался новымъ богатымъ матеріаломъ — указными и расходными книгами Печатнаго двора, и на основаніи этого источника не только представилъ общую картину его дѣятельности и очеркъ трудовъ Истомина по печатному дѣлу, но и сообщилъ свѣдѣнія о рядѣ книгъ, выпущенныхъ въ это время московскою типографіей, о которыхъ до сихъ поръ не было ничего извѣстно. По поводу этой главы критикъ обращаетъ вниманіе на умѣнье автора пользоваться своимъ матеріаломъ и замѣчаетъ, что библіографы будутъ благодарны автору за собранныя имъ указанія. Къ недостаткамъ этой главы г. Долговъ относитъ то, что авторъ недостаточно справлялся съ библіографическимъ указателемъ Ундольскаго, дополненнымъ покойнымъ Викторовымъ и нашимъ сочленомъ А. Ѳ. Бычковымъ, и что авторъ допустилъ предположеніе, будто бы при Печатномъ дворѣ существовала школа еще прежде открытія греческаго училища іеромонахомъ Тимоѳеемъ, и что Каріонъ Истоминъ былъ учителемъ греческаго языка въ этой проблематической школѣ. Убѣдительныя доказательства г. Долгова заставляютъ отвергнуть эти предположенія.

Въ видѣ приложенія къ I-й части изслѣдованія помѣщено авторомъ описаніе рукописныхъ сборниковъ Чудова монастыря, содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, сочиненія Каріона Истомина. Описаніе это составляетъ болѣе 200 листовъ весьма убо-

Digitized by Google

ристаго письма. Кромѣ сочиненій Истомина, въ обширныхъ чудовскихъ сборникахъ помѣщены письма патріарховъ Іоакима и Адріана къ царю Петру и къ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, письма особъ царскаго семейства и письма многихъ другихъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ. Авторъ справедливо понялъ важность этихъ сборниковъ и съ одинаковымъ вниманіемъ отнесся ко всему ихъ составу. Въ своемъ описаніи онъ приводитъ иногда цѣлые, доселѣ не изданные документы, а изъ остальныхъ сообщаетъ выдержки. Составленіе такого описанія потребовало долговременнаго и упорнаго труда, и это является несомнѣнною заслугой автора. Г. Долговъ, провѣрившій описаніе по подлинникамъ, приходитъ къ заключенію, что тщательно исполненный трудъ автора „заслуживаетъ большой признательности со стороны изслѣдователей русской исторіи и литературы".

Вторая часть разсматриваемаго сочиненія, посвященная историко-литературной оцѣнкѣ произведеній Каріона Истомина, состоитъ изъ пяти главъ: въ первой говорится о составленномъ имъ катехизисѣ, во второй — объ его проповѣдяхъ и стихотвореніяхъ нравоучительнаго содержанія, въ третьей — о букваряхъ и грамматическихъ отрывкахъ, въ четвертой — о сочиненіяхъ историческихъ, и въ пятой — о переводахъ Каріона. Авторъ излагаетъ содержаніе его произведеній, сравниваетъ ихъ съ однородными произведеніями его современниковъ и тѣмъ опредѣляетъ достоинство трудовъ Каріона, наконецъ, старается выяснить высказанныя имъ идеи. По замѣчанію г. Долгова, „все это обслѣдовано авторомъ съ достаточнымъ знаніемъ и необходимымъ для историка литературы навыкомъ... Въ большинствѣ случаевъ его освѣщеніе литературныхъ трудовъ Каріона не оставляетъ желать лучшаго, если не считать отсутствіе указаній на распространенность ихъ въ народной массѣ, чего онъ сдѣлать не былъ въ состояніи, потому что не нашелъ достаточныхъ для этого указаній въ существующихъ библіографическихъ трудахъ".

Но высказывая это вполнѣ благопріятное сужденіе объ историко-литературной части изслѣдованія, почтенный рецензентъ дополняетъ свое сужденіе нѣсколько отдѣльными замѣчаніями по

Digitized by Google

вопросамъ, въ которыхъ расходится съ авторомъ. Такъ, г. Долговъ сомнѣвается въ принадлежности Истомину приписываемыхъ ему катехизиса и „Малой грамматики“. Говоря о зависимости стихотвореній Каріона отъ южно-русскихъ образцовъ, критикъ указываетъ, что нѣкоторыя его вирши суть прямо переложенія малорусскихъ кантовъ: обстоятельство, не замѣченное самимъ изслѣдователемъ. Мнѣніе послѣдняго о достоинствахъ педагогическихъ сочиненій Истомина встрѣчаетъ возраженіе со стороны критика. Важнѣйшими изъ сочиненій Каріона г. Долговъ считаетъ его историческія замѣтки, и по спорному вопросу о томъ, кого слѣдуетъ считать составителемъ извѣстнаго „Созерцанія краткаго лѣтъ 7190, 7191 и 7192“ — Каріона Истомина или Сильвестра Медвѣдева, критикъ склоняется къ мнѣнію изслѣдователя и подкрѣпляетъ его новыми соображеніями.

Общее заключеніе г. Долгова вполнѣ въ пользу разсмотрѣннаго имъ сочиненія. Критикъ видитъ въ немъ полное и всестороннее обозрѣніе дѣятельности Каріона Истомина, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкладъ новыхъ и важныхъ матеріаловъ въ культурную исторію конца XVII вѣка. Недосмотры автора г. Долговъ объясняетъ скудостью источниковъ по данному предмету и нѣкоторыми увлеченіями автора, которыя, однако, происходятъ не отъ легкаго отношенія къ своей задачѣ. Многолѣтній и усидчивый трудъ автора г. Долговъ признаетъ заслуживающимъ Уваровской преміи.

V. С. Рункевичъ — „Исторія Минской архіепископіи (1793—1832 гг.) съ подробнымъ описаніемъ хода возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 г.г.“ С.-Петербургъ, 1893 года.

Разборъ этого сочиненія обязательно принялъ на себя профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Платонъ Николаевичъ Жуковичъ.

Въ предисловіи къ своему сочиненію г. Рункевичъ объясняетъ причину раздѣленія своего труда на три періода, опредѣляетъ

Digitized by Google

задачу своего изслѣдованія и сообщаетъ краткія свѣдѣнія о рукописныхъ и печатныхъ источникахъ, которыми онъ пользовался. — Гранью между первымъ періодомъ исторіи Минской епархіи и послѣдующими служитъ 1834 годъ, когда состоялось назначеніе на минскую каѳедру епископа Евгенія Божанова. — Впрочемъ, говоритъ авторъ „назначеніе въ Минскъ преосвященнаго Евгенія само по себѣ не составляетъ въ исторіи Минской епархіи событія выдающейся важности,... но его историческое значеніе заключается въ томъ, что оно явилось прямымъ результатомъ тѣхъ мѣръ, какія стало предпринимать въ это время высшее правительство по отношенію къ церковной жизни западнаго края Россіи, съ цѣлью подготовить почву для назрѣвавшаго возсоединенія уніатовъ 1839 года“.

Это важное событіе со всѣми его послѣдствіями внесло значительныя перемѣны въ епархіальную жизнь и замѣтно отдѣляетъ ее отъ прежняго времени.

При составленіи своего труда г. Рункевичъ, сравнительно, имѣлъ въ своемъ распоряженіи не много печатныхъ источниковъ и бо́льшая часть книги основана на неизданныхъ матеріалахъ, заимствованныхъ изъ разныхъ архивовъ: Синодальнаго, канцеляріи оберъ-прокурора Синода и, въ особенности, архива уніатскихъ митрополитовъ.—Для большей полноты своего изслѣдованія авторъ извлекъ много интересныхъ свѣдѣній изъ Минскихъ архивовъ: консисторскаго и семинарскаго. — Нѣсколько новыхъ данныхъ, преимущественно относящихъ къ ранней порѣ жизни и дѣятельности Виктора Садковскаго, ему удалось почерпнуть изъ дѣлъ, находящихся въ Кіевскихъ архивахъ: консисторскомъ и академическомъ, а также въ Могилевскомъ и Черниговскомъ консисторскомъ архивахъ. Наконецъ, изъ архивовъ Сенатскаго и Военно-ученаго главнаго штаба авторъ заимствовалъ нѣсколько очень важныхъ данныхъ для уясненія общихъ политическихъ и военныхъ дѣлъ разсматриваемой эпохи.

„Обиліе бывшаго у г. Рункевича подъ руками архивнаго матеріала, говоритъ рецензентъ, дало ему возможность обставить свое историческое повѣствованіе цѣлымъ рядомъ точныхъ, часто

Digitized by Google

малоизвѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ, сообщило всему его труду большую хронологическую точность, помогло ему съ успѣхомъ разобраться въ нѣсколькихъ запутанныхъ вопросахъ Минскаго церковнаго прошлаго. Г. Рункевичъ еще до выпуска въ свѣтъ настоящей своей книги, напечаталъ въ Минскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ „Письма къ разнымъ лицамъ преосвященнаго Виктора Садковскаго“ и „Дѣло объ арестованіи его поляками“, найденныя ими въ Синодальномъ архивѣ“.

Хотя значительная часть этихъ дѣлъ была предметомъ изученія многихъ лицъ, но г. Рункевичъ подмѣтилъ въ нихъ не мало новыхъ деталей и вообще съ фактической стороны книга его представляетъ образецъ полноты.

„Заслуживаетъ полнаго сочувствія, говоритъ профессоръ Жуковичъ, и то вниманіе, съ какимъ отнесся Рункевичъ ко всей предыдущей русской печатной литературѣ, имѣвшей какое либо отношеніе къ предмету его изслѣдованія. — Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ даетъ полный и точный указатель всей этой разсѣянной по разнымъ провинціальнымъ изданіямъ литературы, и, не смотря на множество встрѣчающихся въ ней ошибокъ, неточностей и невѣрныхъ догадокъ, умѣетъ уловить все, что въ ней есть вѣрнаго и важнаго. — Что касается польской исторической литературы, нужно сказать вообще, что авторъ воспользовался въ своемъ трудѣ всѣми важнѣйшими печатными на польскомъ языкѣ церковно-историческими матеріалами, на сколько они могли быть ему полезны“.

Указавъ на нѣкоторые неточности и недосмотры въ книгѣ г. Рункевича, рецензентъ находитъ, что авторъ ея заслуживаетъ награжденія одною изъ премій графа Уварова.

При общей оцѣнкѣ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій графа Уварова комиссія признала заслуживающими поощренія сочиненія г.г. А. А. Дмитріева, В. Теплова и А. М. Павлинова и признала справедливымъ присудить имъ почетные отзывы:

Digitized by Google

А. А. Дмитріевъ — „Пермская Старина“, сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Выпускъ I. Древности бывшей Перми великой. Пермь, 1889. Выпускъ II. Пермь великая въ XVII вѣкѣ. Пермь, 1890 г. Выпускъ III. Экономическіе очерки Перми великой. Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII вв. Пермь, 1891 г. Выпускъ IV. Строгоновы и Ермакъ. Пермь, 1892 г. и Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь, 1894 г.

Для разсмотрѣнія этого сочиненія Академія обратилась къ просвѣщенному содѣйствію преподавателя С.-Петербургской 1-й прогимназіи Сергѣя Александровича Адріанова.

Представленное на соисканіе преміи сочиненіе г. Дмитріева представляетъ только часть обширнаго труда, въ которомъ авторъ задумалъ изложить исторію Пермскаго края съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Находя неудобнымъ описывать заразъ прошлыя судьбы всей территоріи, заключающейся въ границахъ современной Пермской губерніи, г. Дмитріевъ дѣлитъ эту территорію на районы и предполагаетъ посвятить каждому изъ нихъ по особому тому. Въ настоящее время законченъ только первый томъ (выпуски I—IV), который посвященъ сѣверо-западной части губерніи и доводитъ исторію этой области до конца XVII вѣка. Пятымъ выпускомъ начинается второй томъ, въ которомъ авторъ намѣренъ дать исторію Пермскаго Зауралья.

„Принятое г. Дмитріевымъ раздѣленіе, говоритъ рецензентъ, несомнѣнно имѣетъ подъ собою извѣстную почву и, какъ планъ изложенія, можетъ быть признано довольно удачнымъ. Но, къ сожалѣнію, г. Дмитріевъ на томъ же раздѣленіи основалъ и систему своихъ занятій по исторіи Пермскаго края. Дѣло въ томъ, что углубившись первоначально въ изученіе сѣверо-западной части губерніи и ея прежнихъ обитателей — пермяковъ, авторъ оставилъ въ сторонѣ остальныя части Пермскаго края и ихъ древнѣйшее населеніе. Такое чрезмѣрное съуженіе поля зрѣнія, конечно, не могло не отразиться крайне невыгодно на прочности выводовъ г. Дмитріева и, дѣйствительно, съ первыхъ же страницъ „Пермской Старины“, мы можемъ наблюдать тѣ грустныя послѣдствія,

Digitized by Google

къ которымъ привело г. Дмитріева нежеланіе нѣсколько расширить рамки своихъ занятій".

Въ предисловіи ко второму выпуску Пермской Старины авторъ говоритъ: „Пермская старина составитъ собою сплошное систематическое изложеніе исторіи всего Пермскаго края". Нѣсколько ниже сказано, что „доселѣ не было предпринято ни одного новаго строго научнаго систематическаго изложенія исторіи Пермскаго края" и что авторъ имѣетъ въ виду пополнить этотъ пробѣлъ. Г. Дмитріевъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ сосѣднихъ губерніяхъ историческія работы принимали такое же универсальное направленіе, какъ и Пермская Старина. Изъ этого ясно, что г. Дмитріевъ считаетъ свой трудъ строго научнымъ, новымъ, систематическимъ и всестороннимъ изложеніемъ исторіи Пермскаго края. Такое заявленіе автора даетъ право и рецензенту предъявить къ разбираемому труду довольно серьезныя требованія.

Смотря съ этой точки зрѣнія С. А. Адріановъ въ своей обширной рецензій слѣдитъ шагъ за шагомъ за сочиненіемъ Дмитріева, указываетъ на его достоинства, неточности и недостатки и даже составилъ двѣ карты: Пермскій край въ 1579 г. и Чердынскій уѣздъ въ 1579 г. Капитальная работа г. Адріанова будетъ напечатана въ Запискахъ Академіи и мы приведемъ здѣсь лишь общій выводъ рецензента о сочиненіи г. Дмитріева.

„Я отнесся къ труду г. Дмитріева, говоритъ онъ, довольно строго, но онъ самъ далъ право на это, поставивъ себѣ слишкомъ широкія задачи. Однако ему не удалось дать намъ систематическую, полную всестороннюю и строго научную исторію Пермскаго края. Уже одно то обстоятельство, что при оцѣнкѣ воззрѣній Дмитріева на тотъ или другой вопросъ, мнѣ часто приходилось разыскивать и собирать данныя по различнымъ выпускамъ, уже одно это показываетъ, какъ слабо выдержана система въ „Пермской Старинѣ". Что касается до полноты и всесторонности, то мнѣ уже приходится отмѣчать крупные пробѣлы въ трудѣ г. Дмитріева: онъ совершенно не занялся инородческой культурой, уклонился отъ исторіи церковнаго и гражданскаго управленія,

Digitized by Google

исторію землевладѣнія охарактеризовалъ болѣе съ внѣшней, территоріальной стороны, чѣмъ съ внутренней, юридической и т. д. Нельзя назвать Пермскую Старину и строго научнымъ трудомъ: методы изслѣдованія и историко-критическіе пріемы г. Дмитріева оставляютъ желать очень многаго, да кромѣ того онъ часто берется за рѣшеніе вопросовъ, съ которыми мало знакомъ, и, не изучивъ достаточно источники и пособія, дѣлаетъ слишкомъ поспѣшные выводы.

„Всѣ эти качества заставляютъ признать Пермскую Старину не исторіей Пермскаго края, а только сборникомъ матеріаловъ, весьма различныхъ и по цѣнности и по степени обработки. Наиболѣе удачными являются III и IV главы второго выпуска, которыя почти цѣликомъ могутъ быть внесены въ будущую исторію Пермскаго края. Цѣнно также опредѣленіе границъ Чердынскаго воеводства въ первомъ выпускѣ. Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть сводъ извѣстій о русско-угорскихъ отношеніяхъ въ пятомъ выпускѣ. Спорнымъ слѣдуетъ признать рѣшеніе вопроса о мѣстоположеніи древней Югры и объ отношеніяхъ Ермака къ Строгоновымъ. Совершенно неудовлетворительно изложена древнѣйшая исторія Пермскаго края и пермяцкого племени. Матеріалы по экономическому быту Пермскаго края на рубежѣ XVI и XVII вв. приведены большею частію въ такомъ видѣ, что пользоваться ими крайне рискованно. За то несомнѣнную цѣнность представляютъ подлинные тексты Усольской писцовой книги Яхонтова и Кайсаровской писцовой книги по вотчинамъ Строгоновыхъ“.

Въ виду всего изложеннаго рецензентъ полагаетъ, что Академія наукъ могла бы почетнымъ своимъ отзывомъ поощрить г. Дмитріева къ дальнѣйшему собиранію матеріаловъ по исторіи Пермскаго края.

VI. В. Тепловъ — Графъ Іоаннъ Каподистрія Президентъ Греціи. С.-Петербургъ 1893 года.

Для оцѣнки этого сочиненія Академія обратилась къ содѣйствію секретаря Археологическаго института въ Константинополѣ Петра Дмитріевича Погодина.

Digitized by Google

Авторъ имѣлъ въ виду изобразить дѣятельность Каподистрія въ широкой исторической рамкѣ въ связи съ общимъ ходомъ борьбы Греціи за независимость. „Мысль, со справедливостью которой нельзя не согласиться, говоритъ рецензентъ, и которой нельзя не привѣтствовать; но съ сожалѣніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать, что въ рукахъ г. Теплова находились средства далеко къ тому недостаточныя. Вся обширная печатная литература предмета осталась ему почти неизвѣстной".

Не перечисляя спеціальныхъ работъ или источниковъ, появлявшихся въ малодоступныхъ греческихъ изданіяхъ, г. Погодинъ указываетъ только на главнѣйшіе, которые можно было бы найти безъ особыхъ затрудненій. Въ числѣ ихъ рецензентъ указываетъ на переписку графа Каподистрія съ Н. М. Карамзинымъ, изданную два раза и разъясняющую многіе важные вопросы въ политической его дѣятельности. Указывая на записки графини Эделингъ, урожденной Стурдзы, на соч. Е. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время" и другія, г. Погодинъ приводитъ 23 сочиненія иностранныхъ писателей, которые остались неизвѣстными г. Теплову. По мнѣнію рецензента авторъ потерялъ много, не познакомившись съ обширнымъ сочиненіемъ Мендельсона Бартольди „Graf Johann Kapodistrias", изданнымъ въ Берлинѣ въ 1864 году.

Представленныя послѣднимъ соображенія остались не опровергнутыми, доводы не оспоренными и отрицательный взглядъ на Каподистрію, высказанный Гервинусомъ и развитый до крайности его послѣдователемъ, не нашелъ себѣ критика въ лицѣ г. Теплова. Большинство источниковъ, которые авторъ положилъ въ основу своей работы, принадлежатъ перу сторонниковъ Каподистріи и затѣмъ рядомъ съ первокласными приведены сочиненія сомнительнаго свойства, что придаетъ сочиненію г. Теплова характеръ неравномѣрности и отчасти случайности.

Слѣдя подробно за сочиненіемъ г. Теплова и указывая на нѣкоторыя неточности и недомолвки, г. Погодинъ въ обширной своей рецензіи останавливается на главахъ IV и V, посвященныхъ описанію событій отъ отреченія принца Леопольда отъ

Digitized by Google

греческаго престола и до кончины Каподистріи. Эти главы по мнѣнію г. Погодина составляютъ лучшую часть сочиненія, по обилію сообщаемыхъ въ нихъ архивныхъ документовъ и другихъ фактовъ, заимствованныхъ хотя и изъ изданныхъ ранѣе, но оставшихся не эксплоатированными, какъ напримѣръ записка объ убіеніи Каподистріи, составленная полковникомъ Райкомъ.

Подводя итогъ, рецензентъ находитъ, что слабую сторону сочиненія г. Теплова составляютъ: малые размѣры при широкомъ планѣ и недостаточное знакомство съ литературой предмета, влекущія за собою, въ свою очередь, случайность и несистематичность изложенія; большіе пробѣлы, какъ напримѣръ умолчаніе о дѣятельности Каподистріи въ Женевѣ и отдѣльныя неточности, какъ напримѣръ отправленіе Франціей и Англіей пословъ въ Константинополь въ ноябрѣ 1828 г.

Положительныя стороны этого сочиненія составляютъ четвертая и пятая главы, вводящія въ науку много новаго матеріала какъ печатнаго такъ и рукописнаго, и вообще самая мысль сочиненія, заполняющая ощутительный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ.

На основаніи всего изложеннаго Академія постановила удостоить сочиненіе г. Теплова почетнаго отзыва.

VII. А. М. Павлиновъ — 1) „Исторія русской архитектуры“, Москва 1894 г., 2) „Древности Ярославскія и Ростовскія“, Москва 1892 г., и 3) „Древніе храмы въ Витебскѣ и Полоцкѣ и деревянныя церкви въ г. Витебскѣ“. 1894 г.

Оцѣнку этихъ трудовъ, по просьбѣ Академіи, принялъ на себя преподаватель института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I Николай Владиміровичъ Султановъ.

Сдѣлавъ краткій обзоръ литературы, предшествовавшей появленію въ свѣтъ сочиненія г. Павлинова, рецензентъ дѣлитъ всю исторію нашего зодчества на два главныхъ отдѣла:

1) Византійское зодчество удѣльно-вѣчевой Россіи и

2) Русское зодчество Московской Руси.

Digitized by Google

Первый отдѣлъ распадается на три части: а) архитектура въ Кіевѣ; б) въ Новгородѣ и в) въ Суздалѣ.

Во второмъ отдѣлѣ различаются двѣ части: а) Московская архитектура и б) Русскій Барокко.

Приблизительно тѣмъ же видоизмѣненіямъ слѣдуетъ и русская орнаментика, а слѣдовательно и все русское искусство (за исключеніемъ иконописи).

Г. Павлиновъ отбрасываетъ старое общепринятое дѣленіе исторіи русскаго зодчества и взамѣнъ того даетъ свое, новое. Всю свою исторію русской архитектуры авторъ раздѣлилъ на пять слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Домонгольскій періодъ, 2) Монгольскій періодъ, 3) Періодъ процвѣтанія, 4) Деревянное зодчество и 5) О гражданскихъ сооруженіяхъ.

„На сколько логично подобное дѣленіе, говоритъ рецензентъ, не говоря уже о томъ на сколько оно научно, видно изъ слѣдующихъ соображеній:

„Первыя два подраздѣленія сдѣланы на основаніи внѣшняго историческаго факта (вторженія монголовъ).

„Третье — на основаніи внутренняго развитія искусства (процвѣтанія).

„Четвертое — на основаніи свойства матеріала (дерево)

„И наконецъ пятое — на основаніи назначенія зданій (гражданскія постройки).

„И такъ въ пяти отдѣлахъ Павлинова мы видимъ четыре разныхъ основы для дѣленія: по времени, по внутреннему развитію, по матеріалу и назначенію. Ясно, что такого рода дѣленія не могутъ быть допускаемы въ научныхъ сочиненіяхъ“.

Не соглашаясь съ планомъ сочиненія и слѣдя подробно за изложеніемъ автора, рецензентъ приходитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

1) Заглавіе сочиненія г. Павлинова не соотвѣтствуетъ ни его содержанію, ни размѣрамъ.

2) Дѣленіе на части не согласуется съ данными, представляемыми самими памятниками.

Digitized by Google

3) Распредѣленіе матеріала не равномѣрно: одни отдѣлы разсмотрѣны довольно подробно, другіе изложены лишкомъ кратко.

3) Фактическая сторона не всегда вѣрна и

4) Многіе вопросы уже рѣшенные въ нашей археологической литературѣ остались незатронутыми.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію сочиненія Павлинова „Древности Ярославскія и Ростовскія“ Н. В. Султановъ говоритъ, что хотя сочиненію автора и предшествовали труды Снегирева, архимандрита Амфилохія, В. В. Суслова, Прохорова, Борщевскаго и другихъ—тѣмъ не менѣе изслѣдованіе Павлинова является наиболѣе цѣннымъ. Изъ ярославскихъ церквей г. Павлиновъ разсматриваетъ три: 1) Іоанна Предтечи въ Толчковѣ; 2) Іоанна Златоуста въ Коровникахъ и 3) Ильи Пророка на Площади. Изъ ростовскихъ церквей — 1) церковь Іоанна Богослова, поставленную между двухъ башенъ на стѣнѣ и 2) церковь Воскресенія. Въ отдѣлѣ деревяннаго зодчества г. Павлиновъ разсматриваетъ тѣ произведенія рѣзнаго и столярнаго дѣла, которыя сохранились въ нѣкоторыхъ церквахъ Ярославской губерніи, т. е. царскія врата, надпрестольныя сѣни, царкія и патріаршія мѣста. По мнѣнію рецензента, авторъ справедливо отмѣчаетъ ихъ общій характеръ и слѣды западнаго вліянія. Вообще очеркъ г. Павлинова „Древности Ярословскія и Ростовскія“ представляетъ первую попытку архитектурно-археологическаго обслѣдованія ростовско-ярославской архитектуры. Рисунки хороши и въ значительной степени пополняютъ текстъ и, наконецъ, большинство выводовъ по характеристикѣ мѣстной архитектуры вѣрно.

Что касается до изслѣдованій г. Павлинова „Древніе храмы Витебска и Полоцка“ и „Деревянныя церкви г. Витебска“, то въ двухъ этихъ очеркахъ авторъ сообщаетъ много новыхъ данныхъ. Обѣ статьи являются одною изъ первыхъ попытокъ архитектурнаго обслѣдованія храмовъ древняго Полоцкаго княжества. Хотя разсматриваемые въ первой статьѣ памятники мало интересны по своей искаженности, тѣмъ не менѣе г. Павлиновъ даетъ новыя данныя въ смыслѣ историческаго матеріала, ибо указываетъ на распространеніе византійскаго церковнаго стиля на

Digitized by Google

сѣверо-западѣ Россіи. Второй очеркъ устанавливаетъ существованіе также деревянныхъ церквей крестоваго плана.

На основаніи всего изложеннаго Академія постановила труды г. Павлинова увѣнчать почетнымъ отзывомъ.

По присужденіи премій комиссія, во изъявленіе глубокой признательности, положила благодарить г.г. рецензентовъ и назначитъ отъ имени Академіи золотыя Уваровскія медали: преподавателю Императорскаго Александровскаго лицея Венедикту Александровичу Мякотину, преподавателю С.-Петербургской 1-й прогимназіи Сергѣю Александровичу Адріанову, профессору Императорскаго Харьковскаго университета Дмитрію Ивановичу Багалѣю, секретарю Археологическаго института въ Константинополѣ Петру Дмитріевичу Погодину, преподавателю Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I Николаю Владиміровичу Султанову, хранителю рукописей Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Семену Осиповичу Долгову и профессору С.-Петербургской духовной Академіи Платону Николаевичу Жуковичу.

Digitized by Google

I.

Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій".

В. А. Мякотина.

Новый трудъ А. М. Лазаревскаго, разборъ котораго является задачей настоящей рецензіи, по своему плану и по характеру сообщаемаго авторомъ матеріала стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ положеніемъ современной малорусской исторіографіи и въ частности съ прежними работами самого автора. Указаніе этой связи, думается, не будетъ здѣсь лишнимъ, такъ какъ оно поможетъ разобраться въ особенностяхъ послѣдняго труда почтеннаго ученаго и найти правильную точку зрѣнія для ихъ оцѣнки.

Исторія гетманской, или, какъ любитъ называть ее въ своихъ работахъ г. Лазаревскій, «старой», Малороссіи представляется весьма еще мало разработанной въ научной литературѣ. Наиболѣе выясненной стороной ея является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ, среди которыхъ особенно почетное мѣсто занимаютъ изслѣдованія покойнаго Костомарова. Зато, едва мы обращаемся отъ внѣшней исторіи къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и дипломатическихъ переговоровъ въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь немногія части котораго освѣщены пока свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, только незначительная часть относящихся сюда вопросовъ рѣшена въ литературѣ, въ большинствѣ же случаевъ они едва поставлены, а то и едва намѣчены. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. Формы землевладѣнія, существовавшія на ней, лишь недавно нашли себѣ перваго изслѣдователя въ лицѣ проф. Лучицкаго. Экономическія условія жизни населенія составляютъ вопросъ, едва затронутый въ литературѣ,

Digitized by Google

равно какъ и исторія государственнаго хозяйства гетманщины. Болѣе вниманія посвящено было исторіи администраціи и развитію сословныхъ группъ среди населенія, но и эти стороны жизни гетманской Малороссіи далеко нельзя еще признать вполнѣ изученными: въ область изслѣдованія введено пока лишь сравнительно небольшое количество относящихся къ нимъ фактовъ и даже извѣстные уже факты не всѣ покрываются сдѣланными до сихъ поръ обобщеніями. Важнѣйшіе процессы внутренней исторіи страны представляются такимъ образомъ въ настоящее время мало изученными, рисуются въ неясныхъ и смутныхъ очертаніяхъ.

Самые источники этой исторіи находятся въ состояніи, какъ бы оправдывающемъ собою указанное положеніе литературы. Прежде всего, именно тѣ источники, въ которыхъ можно надѣяться почерпнуть наибольшее количество свѣдѣній о внутренней жизни гетманщины, разбросаны самымъ невѣроятнымъ образомъ. Не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава и Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва и Петербургъ явились наслѣдниками архивныхъ богатствъ старой Малороссіи. Неоднократно повторявшійся дѣлежъ этихъ богатствъ, происходившій въ зависимости частью отъ установленія новыхъ территоріальныхъ дѣленій въ предѣлахъ бывшей гетманщины и отъ позднѣйшихъ административныхъ распоряженій, частью же отъ различныхъ случайностей, привелъ къ тому, что старые малорусскіе архивы оказались не только разбросанными, но и разбитыми. Ни одинъ изъ архивовъ высшихъ правительственныхъ учрежденій Малороссіи не сохранился до нашего времени въ цѣломъ своемъ видѣ. Минуя уже всякія болѣе или менѣе случайныя невзгоды, въ видѣ пожаровъ, небрежнаго храненія, расхищенія документовъ частными лицами и. т. п., которыя выпадали на ихъ долю и благодаря которымъ значительно уменьшился ихъ объемъ, всѣ они въ настоящее время раздроблены между нѣсколькими бумагохранилищами. Такъ, бывшій архивъ генеральной войсковой канцеляріи въ большей своей части хранится теперь въ Харьковѣ, куда онъ былъ перевезенъ изъ Чернигова и Полтавы, но значительная часть этого же архива находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ. Дѣла Малороссійской Коллегіи времени генералъ-губернаторства П. А. Румянцева раздѣлены между четырьмя архивами: Харьковскимъ Историческимъ, Кіевскимъ архивомъ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и двумя московскими, Румянцевскимъ Музеемъ и Архивомъ Министерства Юстиціи. Бумаги, составлявшія нѣкогда архивъ генеральнаго войскового суда, переданы въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, но нѣсколько тысячъ дѣлъ и документовъ того же происхожденія продолжаютъ еще храниться въ архивѣ Черниговскаго Окружнаго Суда. То же самое имѣетъ мѣсто почти со всякимъ крупнымъ источникомъ. Книги ревизій, производившихся въ Малороссіи

Digitized by Google

въ XVIII вѣкѣ, разсѣяны въ Черниговѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Москвѣ. Изъ семи извѣстныхъ донынѣ книгъ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ 1729—30 г. пять находится въ Кіевѣ, двѣ — въ Москвѣ. Знаменитая Румянцевская Опись Малороссіи хранилась прежде въ Черниговѣ, Кіевѣ и Полтавѣ; теперь она находится въ Петербургѣ (въ библіотекѣ Академіи Наукъ), въ Кіевѣ (въ библіотекѣ университета св. Владиміра) и въ Харьковѣ (въ Историческомъ архивѣ мѣстнаго историко-филологическаго общества).

Такая разбросанность и раздробленность главнѣйшихъ источниковъ неминуемо должна была отозваться и на ходѣ ученой работы надъ ними, крайне затрудняя разработку всякой, сколько-нибудь широко поставленной темы и тѣмъ самымъ нерѣдко вынуждая работавшихъ въ этой области историковъ замѣнять изслѣдованіе того или другаго явленія описаніемъ отдѣльныхъ фактовъ, къ нему относящихся, безъ установленія прочной связи между ними. Если въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, посвященной изображенію жизни гетманской Малороссіи, встрѣчается очень мало цѣльныхъ и широкихъ картинъ, если въ этой литературѣ господствуетъ обрисовка отрывочныхъ эпизодовъ, то причину такого ея характера приходится, кажется, въ значительной мѣрѣ искать въ самыхъ условіяхъ пользованія источниками, ставящихъ подчасъ изслѣдователя въ крайне неудобное положеніе. Быть можетъ, далѣе, именно это состояніе источниковъ является и одною изъ причинъ того факта, что сравнительно небольшое число изслѣдователей посвящаетъ свои труды изученію прошлыхъ судебъ лѣвобережной Малороссіи за время ея самостоятельнаго существованія.

Въ ряду этихъ изслѣдователей А. М. Лазаревскому давно уже принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Его литературная дѣятельность началась болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ и продолжается безъ замѣтныхъ перерывовъ до настоящаго времени. Вся эта дѣятельность носила своеобразный и оригинальный характеръ. Началась она въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда особенно сильно сталъ пробуждаться въ южно-русскомъ обществѣ интересъ къ родной исторіи, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ трудовъ Н. И. Костомарова, и когда подъ вліяніемъ этихъ же трудовъ создавалась историческая школа, развивавшая теорію объ исконномъ строго-демократическомъ строѣ козацкой Малороссіи, нарушенномъ и извращенномъ лишь позднѣйшими посторонними вліяніями. При этомъ изслѣдовались по преимуществу факты внѣшней политической исторіи, отъ которыхъ и дѣлались уже обобщенія на всю исторію народа. А. М. Лазаревскій, выступая на поприще научныхъ занятій, съумѣлъ не только сохранить полную самостоятельность по отношенію къ господствовавшимъ въ литературѣ взглядамъ, но и перенести дѣло изученія историческаго

Digitized by Google

прошлаго Малороссіи на совершенно новую и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе плодотворную почву. Работая въ Черниговѣ, гдѣ въ ту пору собраны были многіе капитальные источники для исторіи гетманской Малороссіи, въ томъ числѣ такія первостепенной важности собранія документовъ, какъ архивъ генеральной войсковой канцеляріи и бо́льшая часть Румянцевской Описи, онъ имѣлъ возможность обстоятельно познакомиться съ характеромъ внутренняго быта гетманщины и въ результатѣ этого знакомства пришелъ къ выводамъ, далеко разошедшимся съ общепринятыми взглядами. Уже въ первомъ своемъ большомъ и серьезномъ трудѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1866 году подъ названіемъ «Малороссійскіе посполитые крестьяне» (Записки Черниговскаго Статистическаго Комитета, кн. I), онъ выступилъ съ изложеніемъ оригинальнаго взгляда на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Малороссіи за XVII-е и XVIII-е столѣтія. Занявшись именно изученіемъ водворенія въ гетманской Малороссіи порядковъ крѣпостнаго права, авторъ пришелъ къ тому выводу, что такое водвореніе явилось не результатомъ административнаго воздѣйствія на малорусскій строй со стороны русскаго правительства, а «естественнымъ послѣдствіемъ внутренней жизни гетманской Малороссіи». Процессъ закрѣпощенія народа шелъ въ этой жизни, по изображенію автора, задолго до появленія Екатерининскихъ указовъ и активными дѣятелями этого процесса явились члены козацкой старшины, захватившіе въ свои руки имѣнія и стремившіеся путемъ злоупотребленій своею административною и судебною властью пріобрѣсти широкія владѣльческія права надъ крестьянскимъ населеніемъ такихъ имѣній. Подобная мысль была уже, правда, высказана за нѣсколько лѣтъ до того А. Ф. Кистяковскимъ[1]), но у него она не имѣла столь ясной и опредѣленной формулировки и — что еще важнѣе — не была въ достаточной мѣрѣ обставлена фактическими указаніями. Выводы же г. Лазаревскаго являлись результатомъ тщательнаго изученія богатаго архивнаго матеріала и, вводя въ научный оборотъ рядъ новыхъ фактовъ, настоятельно вынуждали перестроить старыя представленія о малорусскомъ обществѣ XVII—XVIII вв., какъ единой, тѣсно сплоченной массѣ, за рѣдкими исключеніями проникнутой однимъ и тѣмъ же общественнымъ идеаломъ. Въ свѣтѣ новыхъ фактовъ и многое другое изъ того, что ранѣе казалось безспорно установленнымъ, потребовало пересмотра и провѣрки. Разъ вскрыты были серьезные размѣры антагонизма, существовавшаго между высшей общественной группой и народной массой, невозможнымъ становилось на будущее время полное отожествленіе ихъ инте-

1) Основа, 1862, № 1. Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи.

Digitized by Google

ресовъ и безусловное принятіе членовъ высшей группы, стоявшей въ положеніи правителей, за представителей управляемыхъ, какъ это нерѣдко имѣло мѣсто раньше. Болѣе точное историческое изслѣдованіе вело къ обнаруженію того факта, что выборная малорусская администрація далеко не всегда обезпечивала правильное удовлетвореніе интересовъ народа, что основной принципъ, лежавшій въ основаніи этой системы, на практикѣ часто подвергался извращенію, и наконецъ, что тѣ борцы за провинціальную автономію своей родины, какихъ выставилъ высшій слой малорусскаго общества въ первой четверти XVIII вѣка и какихъ раньше безъ всякихъ оговорокъ считали вмѣстѣ и защитниками національныхъ правъ и народной свободы, въ дѣйствительности являлись скорѣе борцами за интересы одного класса, нерѣдко противоположные желаніямъ и нуждамъ народа. Заслуга такого изслѣдованія въ наибольшей мѣрѣ принадлежала самому А. М. Лазаревскому. Намѣтивъ уже въ указанномъ ранѣе трудѣ важную роль класса старшины въ исторіи лѣвобережной Малороссіи, онъ дальнѣйшія свои работы посвятилъ по преимуществу разъясненію историческихъ судебъ этого класса и того вліянія, какое оказывалось имъ на общую жизнь страны. Сперва въ Запискахъ Черниговскаго Статистическаго Комитета, позднѣе, въ 70-хъ годахъ, въ Русскомъ Архивѣ, а съ основаніемъ въ 1882 году «Кіевской Старины» въ этомъ послѣднемъ журналѣ А. М. Лазаревскимъ помѣщенъ былъ длинный рядъ очерковъ по исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ малорусскихъ фамилій, вышедшихъ изъ рядовъ козацкой старшины XVII и XVIII столѣтій. Въ основу этихъ очерковъ былъ положенъ громадный и разнообразный матеріалъ по преимуществу неизданныхъ источниковъ, давшій возможность автору глубоко проникнуть въ жизнь изучаемаго имъ класса и дать яркое ея изображеніе. За время этихъ изысканій авторомъ были открыты и изучены, а частью и изданы, многіе новые источники по исторіи гетманской Малороссіи; помимо документовъ оффиціальнаго происхожденія имъ было привлечено къ дѣлу изслѣдованія значительное количество семейныхъ архивовъ, по большей части имъ впервые эксплуатированныхъ; наконецъ онъ успѣлъ составить себѣ за это время значительное по объему и чрезвычайно цѣнное по содержанію собраніе документовъ, относящихся къ исторіи изучаемой имъ эпохи. Въ работахъ, написанныхъ на основаніи этого матеріала и посвященныхъ малорусскому дворянству, изслѣдователь особенно останавливалъ свое вниманіе на процессѣ выдѣленія козацкой старшины изъ народной массы, роли ея въ качествѣ администраціи, ростѣ ея землевладѣнія и отношеніяхъ ея къ крестьянамъ, дѣлая попутно весьма важные порою экскурсы въ области управленія и финансовъ старой Малороссіи. Иногда же такіе экскурсы выливались въ форму отдѣльныхъ самостоятельныхъ очерковъ, охваты-

Digitized by Google

вающихъ собою ту или иную сторону порядковъ старой Малороссіи, тотъ или иной особенно важный моментъ ея жизни[1]). Въ цѣломъ, въ этихъ трудахъ развертывалась и ставилась рядомъ съ той картиной малорусской исторіи XVII—XVIII вѣковъ, какую давалъ покойный Н. И. Костомаровъ, иная, менѣе блестящая, гораздо скорѣе даже мрачная, во многомъ объясняющая и дополняющая первую, во многомъ и прямо противорѣчащая ей. На мѣсто исторіи политики выдвигалась исторія внутренней жизни народа и, слѣдя за этой послѣдней, историкъ старался уловить въ ней главнымъ образомъ соціальные интересы. А. М. Лазаревскаго можно назвать по преимуществу историкомъ двухъ главнѣйшихъ малорусскихъ сословій, изслѣдователемъ того процесса, въ силу котораго посполитые XVII вѣка обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, а козацкая старшина — въ благородное дворянство. Но, изслѣдуя этотъ процессъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизни и особенно съ развитіемъ административныхъ порядковъ, онъ долженъ былъ постоянно касаться и другихъ сторонъ малорусскаго быта, матеріалъ для изученія которыхъ въ изобиліи доставляли ему его источники, и въ результатѣ своей долголѣтней дѣятельности на поприщѣ изученія исторіи гетманской Малороссіи пріобрѣлъ справедливо заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ этой исторіи.

Послѣдній трудъ почтеннаго историка является естественнымъ плодомъ всей предъидущей его дѣятельности. Какъ опредѣлилъ онъ самъ характеръ этого труда въ предисловіи къ первому его тому, онъ «составляетъ попытку соединить въ нѣчто цѣлое собранные въ продолженіе многихъ лѣтъ матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія Малороссіи» за время «отъ присоединенія Малороссіи къ русскому государству въ 1654 году до введенія въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленія въ 1782 г.». Авторъ думаетъ, что его книга «дастъ нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни, которая въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій внѣшней исторіи» («Описаніе старой Малороссіи», т. I, стр. I и II). Въ своей книгѣ авторъ видитъ такимъ образомъ какъ бы сборникъ матеріаловъ, долженствующій служить источникомъ при изученіи прошлой жизни народа. Соотвѣтственно этому и подъ заглавіемъ книги онъ поставилъ: «матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія». Самый планъ книги въ общихъ чертахъ таковъ: авторъ даетъ сперва историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Нѣжинскій полкъ, затѣмъ перечень Нѣжинскихъ полковниковъ отъ 1649 г. до 1782 г., сообщая при этомъ свѣдѣнія объ ихъ

1) Таковы статьи о сотникахъ и духовенствѣ, о Павлѣ Полуботкѣ (Р. Архивъ, 1871, 1873, 1880), о Полтавскихъ полковникахъ (К. Стар., 1891).

Digitized by Google

управленіи и біографическія подробности относительно ихъ самихъ, затѣмъ перечни полковой старшины отъ полковаго обознаго до полковаго хорунжаго включительно, равнымъ образомъ присоединяя къ нимъ біографическія данныя относительно лицъ, чѣмъ-либо выдававшихся; за этимъ слѣдуетъ географическій очеркъ территоріи полка, свѣдѣнія объ административныхъ дѣленіяхъ этой территоріи, очеркъ исторіи г. Нѣжина и свѣдѣнія объ его войтахъ и комендантахъ. Далѣе идетъ описаніе отдѣльныхъ сотенъ, причемъ описанію каждой изъ нихъ предшествуетъ перечень всѣхъ извѣстныхъ автору ея сотниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, опять-таки съ сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній объ нихъ, а иногда и съ присоединеніемъ краткой исторіи ихъ фамиліи; самое описаніе сотни ведется такимъ образомъ, что авторъ перечисляетъ всѣ поселенія, входившія въ ея составъ, и возстановляетъ по возможности исторію каждаго изъ нихъ, приводя свѣдѣнія о времени ихъ возникновенія и объ ихъ владѣльцахъ въ промежутокъ времени отъ 1654 до 1782 года; тутъ же сообщаются имъ цифры козачьяго и крестьянскаго населенія въ каждомъ изъ этихъ поселеній въ 1736 г. (на основаніи ревизской книги этого года)[1]) и въ 1781 г. (на основаніи составленныхъ въ это время описаній Новгородсѣверскаго и Черниговскаго намѣстничествъ, въ составъ которыхъ вошелъ тогда Нѣжинскій полкъ). Какъ бы особые отдѣлы въ книгѣ составляютъ еще очерки исторіи мѣстныхъ монастырей, причемъ авторъ касается какъ внѣшней, такъ и внутренней ихъ исторіи, излагая, — особенно подробно тамъ, гдѣ онъ располагаетъ новыми данными, — свѣдѣнія о времени ихъ возникновенія, о личностяхъ архимандритовъ, игуменовъ и игуменій, о составѣ монаховъ и монахинь, порядкахъ монастырской жизни, монастырскихъ имѣніяхъ, отношеніяхъ монаховъ къ подвластнымъ имъ крестьянамъ, къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ и т. д. Вся книга такимъ образомъ какъ бы распадается на двѣ части, приблизительно равныя и по объему своему: въ одной заключаются біографическіе очерки полковниковъ, полковой и сотенной старшины и свѣдѣнія о монастыряхъ, вмѣстѣ составляющія какъ бы рядъ очерковъ изъ исторіи малорусскаго владѣльческаго класса, въ другой — исторія отдѣльныхъ поселеній. Строго, впрочемъ, это дѣленіе не выдерживается авторомъ и исторія отдѣльныхъ селъ иногда подробно разсказывается имъ въ очеркѣ, посвященномъ тому или другому изъ членовъ старшины, равно какъ въ описаніяхъ селъ передаются иногда свѣдѣнія, въ другихъ случаяхъ относимыя въ біографіи старшины.

---

1) Въ первомъ томѣ «Описанія старой Малороссіи» авторъ сообщалъ цифры населенія за 1723 и 1781 г., но для Нѣжинскаго полка самая ранняя ревизская книга, бывшая у него, относится къ 1736 г.

Digitized by Google

Въ этихъ внѣшнихъ рамкахъ авторъ сообщаетъ массу свѣжаго и разнообразнаго матеріала. Пользуясь и печатными источниками, онъ по преимуществу основываетъ однако свое изложеніе на источникахъ неизданныхъ, извлекая изъ нихъ множество въ высшей степени важныхъ свѣдѣній. Въ его книгѣ мы находимъ и нѣкоторыя новыя данныя для внѣшней политической исторіи страны, и свѣдѣнія, относящіяся къ области исторической географіи и доходящія у него иногда до степени мелочныхъ топографическихъ описаній, но особенно богатый матеріалъ сгруппированъ имъ по вопросамъ внутренней жизни Малороссіи, той жизни, которую самъ онъ противополагаетъ «событіямъ внѣшней исторіи». Заселеніе страны, характеръ землевладѣнія, строй управленія и личности правителей, различныя сословныя группы среди населенія и ихъ взаимныя отношенія, порядки общественной и семейной жизни, даже умственный и нравственный уровень если не цѣлаго общества, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его группъ, — всѣ эти стороны внутренняго быта Малороссіи на протяженіи полутора вѣковъ ея самостоятельнаго существованія представлены въ трудѣ г. Лазаревскаго массою фактовъ, въ большей части впервые теперь и выведенныхъ имъ на свѣтъ. Въ виду общей задачи книги и принятаго авторомъ плана этотъ матеріалъ излагается имъ въ формѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но и при такой формѣ изложенія авторъ даетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ простое собраніе матеріала. Онъ не только предпринимаетъ критическое обслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ, входящихъ въ составъ его разсказа, но и устанавливаетъ нѣкоторую связь между ними, замѣчаетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя общія черты въ рядѣ явленій, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, черты, придающія этимъ явленіямъ характеръ показателей опредѣленнаго историческаго процесса. Въ результатѣ знакомства съ тѣми фактами, какіе даетъ описаніе г. Лазаревскаго, у читателя его книги складывается опредѣленное представленіе о характерѣ администраціи, о развитіи землевладѣнія и сословныхъ группъ въ гетманской Малороссіи. Каково это представленіе, мы еще увидимъ ниже. Пока я хотѣлъ лишь отмѣтить ту особенность разбираемой книги, что ея содержаніе нѣсколько шире того сравнительно скромнаго опредѣленія, какое ей даетъ самъ авторъ, и что если она и представляетъ изъ себя по преимуществу собраніе матеріала, то во всякомъ случаѣ этотъ матеріалъ систематизированъ соотвѣтственно общимъ взглядамъ ея автора.

Сказаннымъ ранѣе относительно состоянія литературы и источниковъ исторіи гетманской Малороссіи опредѣляется уже до нѣкоторой степени и общее значеніе такого труда, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, и характеръ тѣхъ требованій, какія возможно предъявить къ нему критикѣ. Въ виду скудости исторической литературы и хаотическаго

Digitized by Google

состоянія источниковъ, трудъ, имѣющій своей непосредственной задачей систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ внутренней исторіи гетманщины и составленный на основаніи широкаго круга источниковъ, пріобрѣтаетъ весьма важную цѣну, такъ какъ онъ подготовляетъ почву для будущихъ изслѣдованій, создавая необходимый для нихъ фундаментъ и тѣмъ предопредѣляя уже до нѣкоторой степени ихъ содержаніе. То обстоятельство, что авторомъ такого труда является г. Лазаревскій, ученый, наиболѣе поработавшій для уясненія внутренней жизни гетманской Малороссіи, является уже нѣкоторымъ ручательствомъ въ успѣшномъ выполненіи предпринятаго описанія, позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ впередъ догадываться, что въ этомъ описаніи будутъ особенно выдвинуты и наиболѣе ярко освѣщены именно извѣстныя стороны жизни. Во всякомъ случаѣ, требовать отъ такого описанія безусловной полноты свѣдѣній было бы совершенно напрасно. Дать полное описаніе «старой Малороссіи» въ настоящее время почти невозможно уже по одному положенію источниковъ: для этой цѣли необходимо было бы предварительное изученіе всѣхъ существующихъ архивовъ, — задача, при наличныхъ условіяхъ превосходящая силы единичнаго изслѣдователя. Критикъ можетъ въ виду этого предъявить къ автору, взявшему на себя задачу такого описанія, лишь то требованіе, чтобы въ его область были включены наиболѣе общія и характерныя явленія изображаемой жизни и чтобы передаваемыя авторомъ свѣдѣнія отличались строгою точностью, находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми источниками, которыми онъ пользовался. Это ни мало не устраняетъ, конечно, возможности и порою даже необходимости дополненія собранныхъ уже фактовъ новыми, но такое дополненіе является уже результатомъ самостоятельной работы и врядъ ли его возможность можетъ быть поставлена въ упрекъ автору первоначальнаго описанія. Въ концѣ концовъ подобное описаніе можетъ быть доведено до возможной степени полноты лишь при условіи коллективнаго труда. Въ детальномъ разборѣ труда г. Лазаревскаго, предлагаемомъ на слѣдующихъ страницахъ, я попытался совмѣстить обѣ эти задачи: оцѣнить значеніе сообщаемыхъ авторомъ фактовъ, провѣряя вмѣстѣ соотвѣтствіе его изложенія съ источниками, на которые оно опирается, и дополнить собранный имъ матеріалъ нѣкоторыми новыми данными, почерпнутыми частью изъ тѣхъ же архивовъ, въ которыхъ работалъ авторъ «Описанія старой Малороссіи», частью изъ другихъ, документы которыхъ остались ему неизвѣстны. Нимало уже не претендуя на полноту этихъ добавленій, я старался лишь путемъ ихъ, поскольку позволялъ мнѣ это находившійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ, возстановить нѣкоторыя характерныя, на мой взглядъ, черты старой жизни, опущенныя или ослабленныя въ изложеніи г. Лазаревскаго, и тѣмъ увеличить коли-

Digitized by Google

чество фактовъ, пригодныхъ для работы будущихъ изслѣдователей. Въ своемъ разборѣ, далѣе, я не думаю строго держаться плана, принятаго г. Лазаревскимъ для его работы, такъ какъ буквальное слѣдованіе этому плану обратило бы критику въ рядъ отрывочныхъ замѣчаній, лишенныхъ общей связи. Я предпочитаю свести содержаніе разбираемой книги въ три крупныя рубрики, охватывающія собою всѣ наиболѣе существенныя свѣдѣнія, даваемыя ею: данныя объ администраціи, о заселеніи страны и землевладѣніи въ ней и о сословныхъ группахъ ея населенія, и къ этимъ рубрикамъ пріурочить свои замѣчанія. Въ этой связи удобнѣе будетъ и намѣтить важнѣйшіе результаты работы г. Лазаревскаго и коснуться вопроса о главныхъ источникахъ его труда.

I. Администрація.

Страницы, посвященныя описанію административныхъ дѣятелей и порядковъ старой Малороссіи, принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ и содержательныхъ отдѣловъ книги г. Лазаревскаго. Перечни полковой и сотенной старшины, составленные въ хронологическомъ порядкѣ на основаніи всѣхъ извѣстныхъ автору источниковъ, должны послужить на будущее время немаловажнымъ справочнымъ пособіемъ для архивныхъ изысканій въ области малорусской старины, подобнаго какому не имѣлось еще въ такихъ размѣрахъ въ литературѣ[1]), присоединенные же къ нимъ біографическіе очерки содержатъ въ себѣ массу матеріала для характеристики малорусскаго управленія XVII—XVIII столѣтій на всѣхъ его ступеняхъ, начиная отъ гетмана и генеральной войсковой канцеляріи, продолжая полковниками и полковой старшиною и кончая сотенными «урядами». Для составленія этихъ очерковъ авторъ пользовался и печатными источниками, и прежними своими трудами по исторіи малорусскихъ дворянскихъ родовъ, но главное количество матеріала выведено имъ теперь на свѣтъ заново, будучи извлечено частью изъ архивовъ судебныхъ и административныхъ учрежденій старой Малороссіи (по преимуществу изъ архива генеральной войсковой канцеляріи), частью изъ бывшихъ ему доступными семейныхъ бумагъ нѣкоторыхъ фамилій. Въ искусномъ расположеніи этого обильнаго матеріала чувствуется умѣлая рука опытнаго мастера исторической живописи. Рядъ мелкихъ эпизодическихъ очерковъ служитъ частями одной цѣльной картины, постепенно возстающей передъ глазами читателя

1) Максимовичъ составилъ нѣкогда списокъ полковниковъ, но и въ этотъ списокъ г. Лазаревскій вноситъ не мало поправокъ. См. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. I, стр. 737—40. Для другихъ полковъ у Максимовича имѣются и списки полковой старшины, а иногда и сотниковъ, но опять-таки далеко не полные.

Digitized by Google

по мѣрѣ ознакомленія съ книгой. Вглядываясь въ ту своего рода портретную галлерею полковниковъ, полковой старшины и сотниковъ, какую воссоздаетъ авторъ въ этихъ очеркахъ, читатель получаетъ возможность составить себѣ отчетливое представленіе не только о значительномъ числѣ личностей, стоявшихъ въ рядахъ малорусской администраціи, но и объ общихъ порядкахъ, господствовавшихъ въ области управленія, и о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ они подвергались за время существованія автономнаго малорусскаго строя. Черты сходства, постоянно встрѣчающіяся въ отдѣльныхъ портретахъ, невольно наталкиваютъ мысль на догадки о существованіи нѣкоторыхъ общихъ условій, которыми вызывалось такое сходство, и эти догадки тѣмъ легче обращаются въ опредѣленное представленіе, что авторъ самъ идетъ навстрѣчу имъ, связывая частные эпизоды своего разсказа одною общею нитью, придавая имъ значеніе иллюстраціи общихъ порядковъ и подчасъ довольно точно формулируя эти послѣдніе. Изображеніе деталей малорусскаго административнаго строя приводитъ такимъ образомъ къ уясненію общаго его характера и пережитыхъ имъ историческихъ судебъ. Указаніе важнѣйшихъ фактовъ, даваемыхъ для этой цѣли г. Лазаревскимъ, поможетъ яснѣе представить общее значеніе его работы для изученія этой области жизни старой Малороссіи.

Какъ извѣстно, малорусскій административный строй, со времени отторженія этой страны отъ Польши, держался на выборномъ началѣ, проникавшемъ равно во всѣ отрасли и на всѣ ступени администраціи. Гетманъ, полковникъ и сотникъ, генеральная, полковая и сотенная старшина равно были выборными должностными лицами и равно могли быть смѣщены съ своихъ должностей волею избирателей. Гетманы, правда, и собственною властью назначали полковниковъ, но такія назначенія предполагали во всякомъ случаѣ молчаливое согласіе избирателей. Необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка являлось отсутствіе строгой чиновной іерархіи: одинъ и тотъ же человѣкъ могъ занимать послѣдовательно то высшія, то низшія должности. Верховному главѣ администраціи, гетману, принадлежало, кромѣ того, право смѣщать низшихъ должностныхъ лицъ и надъ дѣйствіями послѣднихъ въ качествѣ администраторовъ существовалъ такимъ образомъ двойной контроль — мѣстнаго общества, въ лицѣ ихъ избирателей, и гетманской власти. Описывая администрацію Нѣжинскаго полка, г. Лазаревскій приводитъ нѣкоторые характерные факты, указывающіе, что отдѣльныя стороны, по крайней мѣрѣ, такого строя сохранялись здѣсь еще въ концѣ XVII-го и даже въ началѣ XVIII-го столѣтія. Такова, напримѣръ, указываемая авторомъ малая разграниченность козацкихъ урядовъ за это время: бывшій полковой обозный или полковой писарь дѣлался

Digitized by Google

затѣмъ сотникомъ, какъ это было съ Матв. Шепдюхомъ въ 1679 г. или съ Мих. Тар. Забѣлой въ 1710 г. (Лазар., стр. 107—8 и 139). Позже, ко второй четверти XVIII столѣтія прохожденіе козацкихъ чиновъ совершалось уже въ строгомъ порядкѣ лѣствичнаго восхожденія. Но рядомъ съ такого рода фактами въ книгѣ г. Лазаревскаго имѣется значительный рядъ другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что отъ указаннаго общаго строя уже очень рано совершались немалыя уклоненія въ сторону, съ теченіемъ времени пріобрѣтавшія все болѣе видное значеніе въ общемъ ходѣ жизни. Такого рода уклоненія пошли нѣсколько различнымъ путемъ по отношенію къ полковничьимъ и сотничьимъ урядамъ. Исторія Нѣжинскихъ полковниковъ, какъ она представлена г. Лазаревскимъ, указываетъ, какъ первоначально выборные или назначаемые гетманомъ и имъ же свободно смѣщаемые полковники уже къ концу XVII вѣка пріобрѣли возможность давленія на гетманскую власть, а въ XVIII-мъ столѣтіи совершенно почти освободились изъ-подъ ея контроля, сдѣлавшись вмѣстѣ независимыми и отъ подчиненнаго имъ мѣстнаго общества. Такое высвобожденіе совершилось цѣной обращенія избирательной должности въ должность, занимаемую по непосредственному назначенію высшаго русскаго правительства, и произведено оно было властью послѣдняго, руководившагося при этомъ стремленіемъ крѣпче привязать Малороссію къ общему составу имперіи и въ этихъ видахъ властно вмѣшивавшагося въ порядки внутренняго управленія страны. Съ 1719 года полковниками въ Нѣжинѣ были лица, назначенныя верховною имперскою властью, и въ качествѣ таковыхъ они не могли уже быть смѣщены гетманами, даже по жалобамъ полчанъ, желавшихъ по старому обычаю «вольными голосами избрать въ полкъ полковника». Великороссіяне — П. П. Толстой и маіоръ Ив. Хрущовъ, равно какъ сербъ по происхожденію и гусарскій подполковникъ по прежней службѣ Ив. Божичъ, послѣдовательно занимавшіе мѣсто Нѣжинскаго полковника съ 1719 по 1746 г., не имѣли внутренней связи съ мѣстнымъ обществомъ. Немногимъ въ большей степени могла быть такая связь и у двухъ слѣдующихъ полковниковъ малороссійскаго происхожденія, Сем. Кочубея и П. П. Разумовскаго, занимавшихъ эту должность исключительно въ силу своихъ родственныхъ связей съ всесильнымъ при дворѣ императрицы Елизаветы Ал. Гр. Разумовскимъ. Если въ обрисовкѣ этихъ измѣненій характера полковничьяго уряда, данной въ «Описаніи» Нѣжинскаго полка, новы только тщательно собранныя авторомъ детали, тогда какъ общее направленіе ихъ извѣстно было уже и ранѣе, то въ изображеніи аналогичныхъ измѣненій, происходившихъ въ характерѣ уряда сотничьяго, авторъ сообщаетъ крупныя новыя черты. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести подмѣченное имъ оригинальное явленіе наслѣдственности сотничьихъ урядовъ,

Digitized by Google

когда должность сотника втеченіе долгаго промежутка времени оставалась въ одной какой либо разбогатѣвшей и пользовавшейся значительнымъ вліяніемъ въ средѣ мѣстнаго козачества семьѣ, переходя какъ бы по наслѣдству отъ одного ея члена къ другому. Такъ, напримѣръ, въ Борзенской сотнѣ за все время гетманщины сотниками были почти исключительно одни Забѣлы: изъ 15 лицъ, смѣнившихся на этой должности, лишь 5 принадлежали къ другимъ фамиліямъ и на долю сотничества всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, едва приходится 15 лѣтъ изъ 130 лѣтъ существованія этой должности (Лазар., стр. 135). Такъ, въ сотнѣ Олишевской должность сотника около девяносто лѣтъ (1680—1773) оставалась въ семьѣ Шрамченковъ, въ Воронежской сотнѣ — около пятидесяти лѣтъ въ семьѣ Холодовичей (ibid., стр. 104 и 338). Подобнымъ образомъ Григоровичи въ Прохорской сотнѣ, Костенецкіе въ Конотопской удерживали за собою сотничество около сорока лѣтъ (ibid., стр. 122 и 184). Уже эти случаи представляютъ значительныя уклоненія отъ избирательнаго принципа: если порядокъ избранія «вольными голосами» и сохранялся въ нихъ внѣшнимъ образомъ, то онъ все же являлся не болѣе, какъ формой, подъ которой скрывалось совершенно иное содержаніе. Еще болѣе рѣзкія уклоненія совершались отъ этого принципа въ другомъ направленіи. Г. Лазаревскій приводитъ случай, когда уже въ XVII вѣкѣ сотникъ былъ назначенъ, и притомъ не изъ мѣстныхъ козаковъ, а изъ другой сотни (Григ. Довгеля въ 1681 г. въ Коропской сотнѣ, стр. 309). Въ XVIII вѣкѣ вмѣшательство высшихъ властей въ выборы сотниковъ становится все болѣе энергическимъ. Авторъ разсказываетъ характерный эпизодъ воздѣйствія, оказаннаго на выборы сотника въ Воронежской сотнѣ въ 1716 году гетманомъ Скоропадскимъ, проводившимъ на этотъ урядъ Ив. Холодовича (стр. 336—337). Въ эту пору сохраняется еще форма выборовъ, но позже и она исчезаетъ или извращается. Въ первые годы гетманства Разумовскаго еще сохранялась эта форма, имѣвшая, говоря словами г. Лазаревскаго, «призрачное подобіе избранія вольными голосами», но въ дѣйствительности, какъ показываетъ авторъ, «при назначеніи сотниковъ главный голосъ принадлежалъ полковой канцеляріи». Уже очень скоро Разумовскій пересталъ соблюдать и эту форму выборовъ, и прямо опредѣлялъ сотниками по своему назначенію, по преимуществу изъ канцеляристовъ генеральной войсковой канцеляріи (стр. 172—173, 173—174, 345). Любопытное отраженіе этой исторіи, пережитой сотничьимъ урядомъ, находится въ терминологіи одной частной родословной записки, приводимой г. Лазаревскимъ и составленной въ 1764 г. Авторъ этой записки, Гр. Павл. Огіевскій, перечисляя въ ней сотниковъ изъ своей фамиліи, про перваго изъ нихъ говорилъ: «всѣ козаки сдѣлали его сотникомъ Кролевецкимъ» въ 1680 г., про втораго,

Digitized by Google

что онъ въ 1720 г. былъ «опредѣленъ за выборомъ всѣхъ сотни Кролевецкой козаковъ и мѣщанъ въ Кролевецъ сотникомъ отъ гетмана Скоропадскаго», про самого себя, что онъ былъ въ 1741 г. «пожалованъ за силу выборовъ всѣхъ сотни Кролевецкой козаковъ и мѣщанъ сотникомъ» и про сына, что онъ въ 1764 г. былъ «гг. генеральною старшиною удостоенъ сотникомъ» (стр. 368—9). Такимъ образомъ сотники постепенно высвобождались изъ-подъ непосредственнаго вліянія мѣстнаго общества и дѣло ихъ назначенія переходило въ руки полковой и гетманской власти. Но въ исторіи сотниковъ Нѣжинскаго полка, какъ она обрисовывается собранными г. Лазаревскимъ фактами, былъ еще одинъ любопытный моментъ, когда часть сотенной администраціи, подобно полковой, высвободилась изъ подъ контроля не только мѣстнаго общества, но и высшей мѣстной власти. Такимъ моментомъ было именно начало XVIII столѣтія, годы, непосредственно слѣдовавшіе за Мазепинской измѣной, когда Петръ думалъ укрѣпить вѣрность Малороссіи, наполняя ея администрацію людьми, въ вѣрности которыхъ былъ почему-либо убѣжденъ. Г. Лазаревскій указываетъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ сотниковъ въ Нѣжинскомъ полку, назначенныхъ на эту должность по указамъ царя или по распоряженіямъ Меншикова въ награду за «вѣрность» или за какія-то, оставшіяся по большей части неизвѣстными, услуги, оказанныя ими царскому правительству въ моментъ Мазепинской измѣны [1]). Всѣ они считали себя неподвластными не только полковничьей, но и гетманской власти, и въ значительной мѣрѣ дѣйствительно были таковыми.

Таковы главнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя г. Лазаревскимъ о формѣ малорусской администраціи и о взаимныхъ отношеніяхъ ея составныхъ частей. Въ тѣсной связи съ этими сторонами ея быта стоялъ и общій характеръ ея дѣятельности, столь же обстоятельно обрисованный въ данной книгѣ, поскольку такая дѣятельность совершалась на территоріи Нѣжинскаго полка. При этомъ авторъ сообщаетъ не мало фактовъ, относящихся и къ XVII вѣку, но особенное богатство фактическихъ свѣдѣній, и въ соотвѣтствіи съ этимъ наиболѣе яркія краски въ изображеніи явленій пріобрѣтаетъ его изложеніе, начиная съ XVIII вѣка. Это будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ архивѣ генеральной войсковой канцеляріи, служащемъ въ этомъ случаѣ главнымъ источникомъ автора, почти не сохранилось документовъ XVII столѣтія. Не останавливаясь подробно на частностяхъ начертанной авторомъ на основа-

1) Таковы Боровскій въ Бахмацкой сотнѣ, Ф. Стожокъ въ Кролевецкой и позднѣе Батуринской, Григ. Шишкевичъ въ Новомлинской, Пискуненко въ Воронежской, К. Генваровскій въ Кролевецкой, А. Марковичъ въ Глуховской сотнѣ (Лазар., стр. 162—4, 216—7, 287, 328—33, 375—7, 421).

Digitized by Google

нiи этого матеріала картины, я укажу лишь общій ея характеръ. Расшатанная въ своихъ основахъ подъ давленіемъ имперской власти и соціальнаго движенія, совершавшагося внутри самого общества, малорусская администрація XVIII вѣка представляла собою печальную картину все возраставшей деморализаціи, обращая свою дѣятельность главнымъ образомъ на преслѣдованіе личныхъ интересовъ, которые сливались въ интересы создававшагося изъ администраторовъ класса старшины. Гетманъ (Скоропадскій), употребляющій средства войсковаго артиллерійскаго хозяйства на свои личныя нужды, безсильный передъ назначеннымъ помимо него сотникомъ и изъ страха передъ доносчикомъ обращающій своими распоряженіями козаковъ въ его крестьянъ; генеральный писарь, Семенъ Савичъ, поддѣлывающій универсалы отъ имени гетмана; полковники, вызывающіе горькія жалобы полчанъ, мѣшающіе, какъ Божичъ, въ полковыя дѣла своихъ женъ и прикащиковъ, укрывающіе за взятки часть жителей полка отъ податей и походовъ и налагающіе на другихъ тяжелые поборы въ свою пользу; сотники, берущіе взятки за увольненіе козаковъ отъ похода и по всевозможнымъ другимъ поводамъ, до того изобрѣтательные въ дѣлѣ нахожденія этихъ поводовъ, что берутъ даже «за тую причину, что отъ вѣтру (козацкаго) хутора сгорѣлъ (сотничій) лѣсъ»; сотники, заставляющіе козаковъ и цеховыхъ ремесленниковъ работать даромъ на себя, скупающіе при помощи насилія козацкія земли и переводящіе самихъ козаковъ въ число своихъ посполитыхъ, отвѣчающіе на жалобы побоями, иногда переходящими въ убійство, или даже стрѣльбой по жалобщикамъ, — вотъ главныя фигуры, выводимыя г. Лазаревскимъ въ этой части его труда и обставленныя громаднымъ рядомъ примѣровъ. Особенно отличались своими насиліями сотники, назначенные непосредственно верховнымъ правительствомъ: не признавая надъ собою дѣйствія никакой мѣстной власти, они позволяли себѣ самыя дерзкія притѣсненія сотнянъ, всѣмъ обвиненіямъ, противъ нихъ поднимавшимся, противопоставляя лишь фактъ своей «вѣрности» и въ отвѣтъ на жалобы выставляя угрозы доносами или и самые доносы. Жестокое обращеніе съ подвластными имъ козаками и посполитыми, самовольная смѣна сотенныхъ старшинъ и назначеніе на ихъ мѣсто новыхъ собственною властью вопреки волѣ козаковъ, неправильныя распоряженія въ области сотеннаго хозяйства, судъ, построенный по преимуществу на взяткахъ и вымогательствахъ, полное невниманіе ко всѣмъ правамъ частныхъ лицъ и ко всѣмъ распоряженіямъ гетманской власти, — таковы характерныя черты дѣятельности этихъ администраторовъ, какъ она представляется въ свѣтѣ сообщаемыхъ г. Лазаревскимъ фактовъ.

Въ этой широкой картинѣ административныхъ порядковъ старой Малороссіи, которая представлена въ работѣ г. Лазаревскаго и одни лишь

Digitized by Google

общіе обрисы которой я передалъ здѣсь, можно подмѣтить и одинъ очень существенный пробѣлъ, указанный уже проф. Багалѣемъ въ критикѣ перваго тома «Описанія старой Малороссіи»[1]). Подробно описывая характеръ и направленіе дѣятельности администраціи, авторъ мало останавливается на тѣхъ формахъ, въ которыя эта дѣятельность была заключена, и собравъ громадный матеріалъ для характеристики отношеній администраціи къ народу, онъ какъ будто упустилъ изъ виду необходимость характеризовать самую администрацію. Такіе вопросы, какъ нормальный объемъ власти полковника и сотника, составъ полковаго суда, формы сотеннаго и полковаго суда и т. д., почти не представлены въ книгѣ и постановка ихъ какъ будто даже не входила въ намѣренія автора. Но, дѣлая указаніе на этотъ пробѣлъ, я долженъ тутъ же оговориться, что причину его, по крайней мѣрѣ по отношенію къ той книгѣ, о которой идетъ рѣчь теперь, надо, повидимому, искать скорѣе въ свойствахъ обрабатываемаго авторомъ матеріала, нежели въ особенностяхъ его работы. Поставить указанные вопросы гораздо легче, нежели дать на нихъ ясный отвѣтъ, особенно въ трудѣ, носящемъ описательный характеръ и привязанномъ къ опредѣленной мѣстности. Судебныя дѣла, сохранившіяся въ архивахъ высшихъ административныхъ учрежденій, допускаютъ характеристику администраціи главнымъ образомъ именно со стороны направленія ея дѣятельности. Тѣ же полковые и сотенные архивы, которые одни могли бы служить вполнѣ точными и надежными руководителями для ознакомленія съ самымъ механизмомъ мѣстнаго управленія и суда во всѣхъ его особенностяхъ, въ громадномъ большинствѣ, повидимому, погибли безвозвратно. Среди жалкихъ остатковъ, какіе сохранились отъ нихъ и извѣстны въ настоящее время, мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось встрѣчать такихъ, которые бы давали сколько нибудь значительную сумму данныхъ для характеристики администраціи именно Нѣжинскаго полка съ указанной стороны. Но если отъ изслѣдователя исторіи администраціи гетманской Малороссіи мы могли бы требовать сопоставленія всѣхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, и характеристики, построенной именно на такомъ сопоставленіи, то подобное требованіе, очевидно, неприменимо къ труду, имѣющему своей задачей описаніе отдѣльной мѣстности, такъ какъ въ немъ можетъ найти себѣ мѣсто только матеріалъ, такъ или иначе касающійся послѣдней. Тамъ же, гдѣ матеріалъ, имѣвшійся въ распоряженіи г. Лазаревскаго, содержитъ въ себѣ соотвѣтственныя указанія, авторъ приводитъ ихъ и даетъ съ своей стороны разъясненія. Укажемъ для примѣра на любопытное описаніе порядка выбора сотника въ Воронежской сотнѣ въ 1716 г. (стр. 336), на

1) Д. И. Багалѣй. Новый историкъ Малороссіи. С.-Петербургъ. 1891, стр. 114—5.

Digitized by Google

разъясненіе порядка производства суда надъ сотникомъ (стр. 332), наконецъ на характерную жалобу Батуринскаго атамана Федора Примы на мѣстнаго сотника Стожка въ 1727 г., позволяющую отчасти возстановить обычныя отношенія сотенныхъ властей (стр. 249). Если подобныхъ указаній встрѣтилось сравнительно немного въ источникахъ автора, вина въ этомъ уже не его. Во всякомъ случаѣ, и то, что собрано у него, представляетъ громадный по размѣрамъ и цѣнный по содержанію матеріалъ.

Отношенія между малорусской администраціей и великорусскимъ военнымъ начальствомъ, равно какъ назначавшимися въ Малороссію великорусскими полковниками также представлены въ книгѣ нѣсколькими новыми и характерными эпизодами. Отмѣтимъ разсказъ объ оскорбленіи генераломъ фонъ-Ренномъ полковаго асаула Іосифа Тарасевича и эпизодъ столкновенія Нѣжинскаго коменданта Пущина съ полковымъ сотникомъ Магеровскимъ въ 1741 г. (стр. 44 и 63—4).

Наконецъ, любопытныя данныя имѣются въ трудѣ г. Лазаревскаго для переходнаго момента малорусскихъ административныхъ учрежденій, когда вслѣдъ за уничтоженіемъ въ 1764 г. гетманства во главѣ страны была поставлена Малороссійская Коллегія съ ея президентомъ и генералъ-губернаторомъ Малороссіи, П. А. Румянцевымъ. Личность Румянцева, этого администратора въ духѣ Екатерининскихъ реформъ, не признававшаго никакого стѣсненія для своей воли въ мѣстныхъ порядкахъ и обычаяхъ, безпощадно и круто ломавшаго послѣдніе и стремившагося водворить въ общественной жизни порядокъ по образцу военной дисциплины, ярко выступаетъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ его дѣятельности, пересказанныхъ г. Лазаревскимъ. Таково напр. столкновеніе Румянцева съ Холодовичемъ, у котораго онъ хотѣлъ купить имѣніе, угрожая въ противномъ случаѣ отнять его (стр. 341—343); таковъ эпизодъ столкновенія его съ «жолдаками» (солдатами изъ малороссовъ, составлявшими караульную роту при гетманахъ), просившими его «не занимать ихъ россійскимъ платьемъ и регулами» и за это посаженными на годъ въ острогъ (стр. 223—4). Но всего интереснѣе здѣсь впервые болѣе обстоятельно пересказанное дѣло о судѣ, устроенномъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи въ 1767 г. надъ шляхетствомъ Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ, просившимъ въ своемъ наказѣ въ Екатерининскую Коммиссію о возстановленіи гетманскаго управленія, дѣло, о которомъ до сихъ поръ въ литературѣ имѣлись лишь общія и не совсѣмъ ясныя свѣдѣнія. Придравшись къ тому обстоятельству, что шляхетство на мѣсто первоначально избраннаго имъ въ депутаты Л. Селецкаго, отказавшагося принять наказъ съ такой просьбой, выбрало другаго депутата, Румянцевъ предалъ весь составъ избирателей за незаконныя якобы дѣйствія суду, причемъ бо́льшая часть ихъ, какъ

Digitized by Google

состоящіе въ военной козацкой службѣ, были отданы подъ военный судъ (стр. 37—42).

Всѣмъ сказаннымъ, думаю, уже въ достаточной мѣрѣ выясняется, насколько важное значеніе имѣетъ эта часть работы г. Лазаревскаго, какъ много разнообразныхъ данныхъ содержится въ ней для характеристики управленія старой Малороссіи въ разные моменты ея исторической жизни. Будущему историку малорусской администраціи придется постоянно обращаться къ этой книгѣ за матеріаломъ и считаться съ выводами и обобщеніями, произведенными уже ея авторомъ.

Добавленія, которыя я могу сдѣлать къ этой части, не особенно велики. Прежде всего можно нѣсколько дополнить сообщаемые г. Лазаревскимъ перечни старшины. Въ документахъ Максаковскаго монастыря сохранилась копія оборонпаго листа, выданнаго монастырю на его имѣнія 19-го августа 1668 г. полковникомъ Нѣжинскимъ Матвѣемъ Юрьевичемъ [1]). Если только переписчикъ этого универсала не ошибся въ датѣ и если этотъ Матвѣй Юрьевичъ не былъ наказнымъ полковникомъ (что, впрочемъ, обыкновенно обозначалось въ универсалахъ), то приведенный у г. Лазаревскаго списокъ Нѣжинскихъ полковниковъ надо будетъ увеличить еще однимъ, поставивъ его между Артемомъ Мартыновымъ и Евстафіемъ Золотаренкомъ. Къ списку полковыхъ писарей равнымъ образомъ можно прибавить двухъ лицъ. Именно генеральное слѣдствіе о маетностяхъ послѣ Осипа Завадскаго знаетъ въ должности полковаго писаря какого-то Федора, фамиліи котораго нѣтъ въ документѣ, зятя попа Нѣжинскаго Пучковскаго, а во время или послѣ полковника Лукьяна Жураковскаго—Ивана Ананіевича [2]); оба эти лица отсутствуютъ въ спискѣ г. Лазаревскаго, какъ отсутствуетъ и показанный въ слѣдствіи же [3]) полковой асаулъ Шпаковскій, хотя въ другомъ мѣстѣ авторъ называетъ его, когда рѣчь идетъ о томъ селѣ, которымъ онъ владѣлъ, по утвержденію слѣдствія (стр. 94—95). Если предположить, что авторъ не внесъ этихъ лицъ въ свои перечни полковой старшины въ виду затруднительности точно опредѣлить время ихъ писарства и асаульства, то, во-первыхъ, приблизительное опредѣленіе все же возможно, а,

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/644. Документы монастырей хранятся здѣсь подъ общимъ № 1616, но кромѣ того имѣютъ и отдѣльную нумерацію, почему, ссылаясь на нихъ, я и ставлю всегда двойной №.

2) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, рукопись библіотеки Кіевской Коллегіи Павла Галагана, л. 1 и л. 59.

3) Тамже, л. 1. Въ 1767 г. полковыми асаулами, кромѣ Ник. Занкевича, были Дм. Григоровичъ и Григ. Кленусъ, см. Моск. Архивъ Мин. Юст., Дѣла упраздненныхъ присутств. мѣстъ, архивъ Черниг. Палаты Угол. и Гражд. суда, опись 4, св. 7, № 102 — списокъ Нѣжинскаго шляхетства, преданнаго суду Румянцевымъ въ 1767 г. по дѣлу выбора депутата въ Коммиссію; ср. также «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца», кн. V, стр. 113.

Digitized by Google

во-вторыхъ, въ другихъ случаяхъ, и не рѣдкихъ, авторъ называетъ въ своихъ спискахъ лицъ, относительно времени нахожденія которыхъ на урядѣ онъ не имѣетъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній. Не ходя далеко за примѣрами, укажемъ на полковыхъ писарей Самуся, Дорошевича и Завадскаго, относительно которыхъ г. Лазаревскій сообщаетъ лишь, что они выполняли эту должность при Самойловичѣ. Перечень Мринскихъ сотниковъ г. Лазаревскій дѣлаетъ по записанному въ генеральномъ слѣдствіи разсказу старожиловъ. Показаніе мѣстнаго же старожила, Василія Переясловца, занесенное въ одно судебное дѣло 1730 г., позволяетъ прибавить къ этому перечню еще одного сотника и назвать фамилію другаго: передъ Ив. Урсуломъ Переясловецъ называетъ именно Іосифа Завадскаго, а послѣ Ильи Завадскаго — Семена Хоминскаго [1]); послѣдній, очевидно, то же лицо, которое въ слѣдствіи носитъ имя Семена Великаго. Къ Шаповаловскимъ сотникамъ можно прибавить Скорбацкаго, котораго генеральное слѣдствіе о маетностяхъ знаетъ на этомъ урядѣ въ гетманство Брюховецкаго [2]). Въ ряду Бахмацкихъ сотниковъ пропущены Андрей Галѣженко и Данило Налѣтовскій, которыхъ то же слѣдствіе ставитъ между Сем. Боровскимъ и Вас. Покотиломъ [3]). О Налѣтовскомъ мы располагаемъ и болѣе точными свѣдѣніями. Въ гетманство Апостола онъ обратился къ послѣднему съ просьбой «призрѣть на мя страннаго и не имѣющаго где главу подклонити» и «приняти подъ свое високоповажное милосердіе, за что долженъ всякую службу, опредѣленную отъ вашей ясневелможности, со всѣмъ усердіемъ служить нелицемѣрно». Въ этой просьбѣ онъ изложилъ свое прошлое въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ: «отъ дѣтства своего служилемъ при дому Его Императорскаго Величества двадцять и осѣмъ лѣтъ и за оную службу мою пожалованъ былъ урядомъ сотничества Бахмацкого, которое правилъ черезъ чтири года, якъ належитъ, и семьсотъ двадцять семаго года нѣкоторіе тамошніе жители, даремне мя возненавидѣвши, отъ онаго уряду отдалили и живу теперь въ Батуринѣ, не имѣя, где главу подклонити» [4]). Въ лицѣ Налѣтовскаго мы имѣемъ дѣло такимъ образомъ съ однимъ изъ раннихъ «пожалованныхъ» сотниковъ, получившихъ притомъ этотъ чинъ даже не за политическія услуги, а за «домовую службу». Принимая его показаніе о четырехъ годахъ его сотничества (1723—1727),

1) Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, въ бумагахъ Черниговскаго Борисоглѣбовскаго монастыря, декретъ, выданный послѣднему изъ генер. войск. суда 28 окт. 1748 г. на владѣніе подсусѣдками въ м. Мринѣ и сс. Селищѣ, Комаровкѣ и Галчинѣ, л. 36 — об.; Переясловецъ показывалъ, что «помнитъ отъ того 730 году напередъ за 50 лѣтъ».

2) Рукопись генер. слѣдствія о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, л. 11 об. — 12.

3) Тамже, л. 60 об.

4) Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отдѣлъ, № 1155.

Digitized by Google

мы получаемъ для Галеженка около одного года. Далѣе, въ Новомлинской сотнѣ генеральное слѣдствіе передъ Григоріемъ Самойловичемъ называетъ на урядѣ сотничества пятерыхъ лицъ, которыхъ мы не находимъ въ спискѣ нашего автора: Писаренка, Рубана, Манденка, Коркача и Григ. Троцкаго[1]). Наконецъ, пользуясь тѣмъ же источникомъ, можно пополнить сообщаемый г. Лазаревскимъ списокъ Нѣжинскихъ войтовъ (стр. 61 и 509). Перечисляя именно владѣльцевъ с. Плоскаго со времени гетмана Самойловича, слѣдствіе называетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: «Леонтъ войтъ Нѣжинскій, Цурковскій войтъ, зять ево Кузма, а послѣ Кузми войти ж Нѣжинскіе Дмитренко, Иванъ Касяненко, Андрей Васютинскій и Леонтій Касяненко, Стерій Тернавіотъ»[2]). Изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ у г. Лазаревскаго имѣются лишь Васютинскій и Тернавіотъ.

Далѣе, руководясь архивнымъ матеріаломъ, можно сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ даваемымъ г. Лазаревскимъ свѣдѣніямъ о личностяхъ и дѣйствіяхъ сотенной администраціи. Таково, напримѣръ, довольно характерное дѣло сотника Ивангородскаго Андрея Безпалаго, разыгравшееся въ 1728—1731 гг. Въ 1728 г. козаки Ивангородской сотни подали полковнику жалобу на своего сотника «въ томъ», какъ писали они, «что видимъ его сотника великое въ сотнѣ нерадѣніе, а за тимъ нерадѣніемъ и неисправностію все товариство весма разорилось, ижъ, винайшедши на якого товариша вину, а болшъ того, что и безъ вини, до послѣдней нищети обдираетъ и нещадно бьетъ и протчія обиди и разоренія чинитъ», почему жалобщики просили его «отъ чина сотницкого отставити, а на мѣсто его опредѣлити, кого будемъ едностайне и согласне просить». Къ жалобѣ приложены были обвинительные «пункты». Привожу болѣе любопытные изъ нихъ: 1. «сотникъ собралъ зо всей сотнѣ зъ товариства ралецъ по шагу и по алтину, а по якому указу, невѣдомо»; 2. «зъ подсусѣдковъ козачихъ съ каждого человѣка взялъ по гривнѣ, а зъ иннихъ и по золотому»; пункты 3—12 гласятъ о присвоеніи сотникомъ собранныхъ на разныя общія повинности и нужды денегъ; 13. «у Грицка Ващенка взялъ себѣ денегъ золотихъ 5, и за такіе откупніе денги не послалъ его на форпости до берега Днѣпрового»; 14. «козаковъ убогихъ и подсусѣдковъ ихъ на всякіе свои домовіе работизни, яко то лѣтомъ на сѣнокосъ и протчіе, присилствуетъ безпрестанне, а хто бы когда не пошолъ, велитъ грабити»; 16. «зъ стойки, учрежденной для перевезенія всякихъ писемъ, беретъ козацкіе конѣ и ездитъ за своими дѣлами частокротне»; 17. «у судѣ своемъ сотенномъ наклади безмѣрніе беретъ, а справи жадной не учинитъ, якихъ накладовъ брать указъ Его И. В-ва запрещаетъ».... Полковникъ, получивъ эту жа-

1) Рукопись генер. слѣдствія о маетностяхъ Нѣж. полка, л. 60 об. — 61.
2) Тамже, л. 61.

Digitized by Google

лобу, отнесся 19 декабря 1728 г. къ гетману и послѣдній немедленно распорядился отобрать хоругвь у Безпалаго и поставить ее въ церковь, полковнику же поручилъ назначить въ Ивангородскую сотню наказнаго сотника, которому и передать сотенное правленіе, а надъ Безпалымъ назначить розыскъ. Все это и было исполнено, но затѣмъ козаки раздѣлились на двѣ партіи: одни поддерживали обвиненіе, другіе же, называя ихъ «цѣлой сотни возмутителями», просили сперва полковника, а затѣмъ, 22 марта 1731 г., и гетмана возвратить хоругвь и сотничество Безпалому. Когда гетманъ исполнилъ эту просьбу, первые подали новую жалобу полковнику, въ которой, заявляя, что сотникъ не вознаградилъ обнаруженныхъ розыскомъ обидъ, прибавили еще по его адресу глухое обвиненіе въ измѣнѣ: «по единогласному своему совѣту всѣ обще его Безпалого сотникомъ не желаемъ, понеже онъ человѣкъ злобній, и въ дѣлѣ сотенномъ неисправній, и неслужащій, и неграмотній, и подозрителній, а хочай служилъ, то нѣгде въ походахъ зъ нами сотенцями не козаковалъ, кромѣ въ Быховѣ у змѣнѣ былъ зъ Быидюкомъ, якій Быидюкъ затягалъ охотное войско, и, запершися въ Быховѣ, воевали блаженной памяти Петра Первого императора на его царское величество, а егда онъ Безпалій у насъ сотникомъ будетъ, то развѣ всѣ жилища всякъ сотнѣ нашой товаришъ оставивши принуждени будутъ въ иніе мѣста уходить»... Въ виду такого обвиненія полковникъ не возвратилъ Безпалому уряда и вновь отправилъ дѣло къ гетману въ Глуховъ[1]). Документы молчатъ объ исходѣ этого дѣла, но такъ какъ Безпалый оставался сотникомъ до 1736 г., то, очевидно, онъ благополучно выпутался изъ грозившей ему опасности. Помимо обычныхъ формъ злоупотребленій сотника своею властью, помимо свидѣтельства о ральцѣ, собиравшемся еще въ 1728 г, несмотря на запрещеніе его въ 1722 г., въ этомъ дѣлѣ любопытно еще оружіе, пущенное въ ходъ козаками противъ сотника въ качествѣ послѣдняго средства. Сознаніе грозной силы этого оружія проникло, стало быть, отъ старшины и въ народную массу и среди послѣдней находились люди, готовые за него схватиться. Свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ сотниковъ и о нарушеніи ими выборнаго начала по отношенію къ низшимъ сотеннымъ урядамъ находимъ мы еще въ письмѣ гетмана Апостола къ Нѣжинскому полковнику отъ 17 августа 1731 г.[2]). Атаманы и козаки Кролевецкой сотни жаловались гетману, «что сотникъ Кролевецкій Константій Генваровскій безъ общого согласія по своей волѣ Ониска Вечеру атаманомъ городовимъ безъ жаднихъ (всякихъ) заслугъ наставилъ, а оній Ониска Вечера великія козакамъ дѣлаетъ обиды, коньми козачими за своими

1) Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Мал. Коллегіи, Черн. отд., № 1447.
2) Тамже, № 12.450.

Digitized by Google

сдитъ нуждами, а кто на сотника челобитствуетъ, то онъ жонъ тихъ держитъ въ туремномъ вязенію (заключеніи), которій атаманъ тоей сотнѣ козака Павла Соломашенка хотѣлъ прибить до смерти, колибъ не ушолъ, а жену его держалъ въ туремномъ вязенію цѣлые сутки за тое, что помянутій Соломашенко чоломбитствуетъ на сотника въ своей обидѣ». Гетманъ поручилъ полковнику отрѣшить Вечеру отъ атаманства, и разслѣдовать поданныя на него жалобы, «а атаманомъ городовымъ опредѣлить того, кого атаманія зъ товариствомъ волними голосами изберутъ». И то укрывательство козаковъ и посполитыхъ старшиною отъ «общенародныхъ» повинностей и привлеченіе козаковъ къ работамъ на сотника, примѣры котораго въ изобиліи находятся въ книгѣ г. Лазаревскаго, можетъ быть иллюстрировано новыми фактами. Два изъ нихъ я позволю себѣ привести здѣсь въ виду интереса, представляемаго ихъ яркими красками. Въ 1745 г. житель м. Борзны, Ив. Стеф. Дудченко подалъ на имя императрицы Елизаветы доносъ на всю Борзенскую сотенную старшину, обвиняя ее въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій. По словамъ доносчика, «сотникъ Пантелеймонъ Михайловъ сынъ Забѣла въ недавно прошедшіе военные года принялъ подъ защищеніе свое въ оной Борзенской сотнѣ немалое число козаковъ и мѣщанъ подъ видомъ и предлогомъ купли и, отъ оныхъ на нихъ же къ себѣ купчія взявъ, въ собственную свою работу ихъ употребляетъ, тожъ и отецъ его сотника, генеральный, нынѣ въ отставкѣ обрѣтаючійся судія Михайло Забѣла учинилъ. Смотря на нихъ, бывшій Нѣжинскій обозный Иванъ Величковскій, писарь полковій Нѣжинскій Василій Кулаковскій, два брата компанѣйскіе полковники Часники, полковникъ и Глуховскій комендантъ Делятуръ и прочіе не токмо мірскіе, но и церковники, за козацкіе и мѣщанскіе грунта подъ видомъ купли, состоящіе въ цѣнѣ ста рублевъ, давъ точію десять рублевъ, къ себѣ принимаютъ и защищаютъ, еже паипаче полковая и сотенная старшина, охраняя оныхъ отъ всякихъ общенародныхъ повинностей, а въ ревизіялное число пишутъ ихъ подсусѣдками крайнѣйше нищетными, сверхъ же того не всѣхъ въ ревизіялное число включаютъ, но показуютъ неполна. По такимъ ихъ неправеднымъ поступкамъ прочіе слѣдуя, едва не всю Борзенскую сотню себѣ въ подсусѣдки забрали, о чемъ и засвидѣтельствовать можно съ годовыхъ дворового числа ревизій, и кромѣ того изъ остальныхъ за продажею поддапныхъ козачого и мѣщанского званія разныхъ ремесниковъ тотъ же Борзенскій сотникъ съ старшиною и владѣльцами на работу свою собственную употребляютъ, а отъ общенародныхъ повинностей защищаютъ, отчего прочіе козаки и мѣщане, исполняя должность свою, въ крайнюю нищету и разореніе пришли, а многіе въ Полское королевство за границу разойшлись». Жалуясь далѣе на неправильное распредѣленіе податей, на самовольное повышеніе ихъ размѣра старшиною, на излишній сборъ

Digitized by Google

сѣна, произведенный ею въ неурожайные годы изъ личныхъ видовъ, Дудченко прибавлялъ, что онъ уже доносилъ обо всемъ этомъ въ полковую и генеральную войсковую канцеляріи, но безуспѣшно. Назначенный полковникомъ розыскъ не привелъ ни къ чему, а въ генеральной канцеляріи дѣло затягивали ген. судья Мих. Забѣла, ген. писарь Андрей Безбородко, зять сотника, и тесть послѣдняго, ген. асаулъ Федоръ Лысенко. Жаловался Дудченко и генералу Леонтьеву, но и вмѣшательство послѣдняго въ розыскъ назначенныхъ генеральной канцеляріей слѣдователей не удовлетворило его и теперь онъ просилъ прислать для слѣдствія «отъ лейбъ-гвардіи полковъ оберъ-офицера». Новые слѣдователи въ лицѣ капитана Ив. Брянчанинова, бунч. тов. Павла Ломиковскаго и войск. канцеляриста Андрея Лишня были дѣйствительно назначены, но отъ ихъ слѣдствія сохранился только обрывокъ дѣла, начатаго ими противъ бунч. тов. Ив. Пироцкаго[1]). Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ все же дѣло съ обвиненіями, не провѣренными слѣдствіемъ, а потому можемъ сомнѣваться насчетъ дѣйствительнаго размѣра указанныхъ въ нихъ фактовъ. Въ аналогичномъ дѣлѣ, возбужденномъ въ 1760 г. въ Глуховской сотнѣ, имѣются уже факты, обнаруженные судебнымъ слѣдствіемъ, и заключающіяся въ этомъ дѣлѣ указанія на царившіе въ сотнѣ порядки тѣмъ важнѣе, что они отличаются большою точностью и обиліемъ подробностей. Въ 1760 г. по жалобамъ козаковъ Глуховской сотни на обиды, причиняемыя имъ мѣстной сотенной старшиной и владѣльцами, гетманъ Разумовскій назначилъ слѣдствіе, поручивъ производство его бунч. тов. Якову Галецкому, Ямпольскому сотнику Григ. Жовтобрюхову и Глуховскому сот. писарю Семену Уманцу. Слѣдователи, допросивъ жалобщиковъ, обвиняемыхъ и свидѣтелей, установили такіе факты: «сотнику Глуховскому Турапскому во всю бытность его при командѣ работали козаки такъ, какъ подданніе, разніе работизни его, селъ Березы, Слоута, Собичева, Ясмани и Сопича, а когда бывало хто съ козаковъ по нуждѣ своей не пойдетъ или не поедетъ на ту работу, то асаулчики, имѣючіесь при немъ сотнику, били, грабили, а инымъ и денги въ окошка вскидали, чтобъ ишли работать, нѣкоторихъ же и самъ сотникъ за то кіями билъ, когда жь съ тѣхъ же селъ временемъ потребуется бывало козаковъ куда въ указныя надобности, то иныхъ высылали атаманы по другому съ двора, а инымъ за бытіе ихъ у сотника на работахъ ставили за очередь; зъ другихъ же селъ, дальнѣйшихъ отъ его хутора, случайно по нѣсколько человѣкъ козаковъ бывало въ возкѣ дровъ, сѣна и протчіихъ къ дому его сотника потребностей, да онъ же сотникъ въ Слоутскихъ, Собичевскихъ и Ясманскихъ козаковъ поотнималъ

1) Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла упраздненныхъ присутств. мѣстъ, архивъ Черниг. Палаты Угол. и Гражд. суда, опись 12, св. 3, № 127.

Digitized by Google

кроме дворовъ козачихъ многие грунта, яко то поле пахотное, гаи, сѣнокосы, хлѣбъ житній и яринній»... «Бунчуковый товаришъ Иванъ Скоропадскій защищалъ козаковъ с. Дунайца отъ сотенныхъ нарядовъ и командированій, а употреблялъ около дому его Дунайского въ розъезды, на караулъ и въ посылки, и поотнималъ разные... многіе у козаковъ Дунайскихъ грунта»... «Бунчуковый товаришъ Василь Кочубей села Ярославца козаковъ употреблялъ въ разныя далекія посылки и въ подводы, и съ нимъ въ поѣздки, которыхъ выстатчали (поставляли) тамошніе атаманы по насильнымъ требованіямъ отъ его Кочубея чрезъ компанѣйцовъ и служителей, а за нескорое выстатченіе нѣкоторыхъ атамана и козаковъ компанѣйцы и служители били, о чемъ и сотнику Туранскому отъ атамана Ярославского объявливанно, токмо ничего на то сотникъ не учинилъ»; тотъ же Кочубей «особливо употребляетъ болѣе десяти уже годъ зъ с. Тулиголовъ чотирохъ козаковъ, двохъ гончарей, а двохъ шаповаловъ, на домъ свой Ярославскій насильно». Точно также бунч. тов. Вас. Туманскій и Яковъ Марковичъ, равно какъ покойный уже въ это время Стеф. Миклашевскій и его дѣти употребляли козаковъ на свои частныя посылки; кромѣ того Миклашевскіе и ген. асаулъ Валькевичъ, къ 1760 г. уже умершій, поотнимали земли у козаковъ. Кромѣ прямаго насилія, для принужденія козаковъ къ работамъ въ свою пользу сотенная старшина и владѣльцы прибѣгали и къ другимъ средствамъ. «Майоръ Яковъ Скоропадскій с. Локни козаковъ употребляетъ въ разныя посылки и въ нѣкоторыя партикулярныя работы, а какъ не поѣхали ему по сѣно, то по согласію изъ сотникомъ запретилъ винное куреніе и шинковать въ домахъ всѣмъ козакамъ, а мужикамъ своимъ и попу тамошнему дозволивъ курить».... И пользовались такими даровыми услугами не только сотникъ и крупные, вліятельные владѣльцы. «Атаманъ Глуховскій Иванъ Яновичъ села Землянки всѣми козаками работалъ чрезъ всю его бытность атаманомъ и до нынѣ такъ, какъ собственными подданными его, всякія домашнія надобности; а когда бывало временемъ некого за указными командированіями атаману тамошнему выслать ему Яновичу на работизны, то бивъ атамана сельского немилостиво и другихъ козаковъ, такожъ, если скоту его Яновича некого послать пасти, то пригоняли оный на дворъ староста его къ сельскому атаману, которой принужденъ по крайней нуждѣ жену свою послать тотъ его Яновича скотъ пасти, которая и пасла у полѣ дотоль, пока сискалъ козака и приставилъ пасти оный скотъ; послѣ же того отъ козаковъ показанія оной атаманъ Яновичъ тѣхъ, у коихъ покупилъ двори, держалъ подъ карауломъ и грабилъ возы и лошади, поколь ему денги обратно поотдаютъ, которые и поотдавали, позанимавши разныя движимости; да изъ другихъ селъ случайно онъ же атаманъ Яновичъ употреблялъ козаковъ на свои партикулярныя работы». Это выдержки изъ

Digitized by Google

«экстракта», составленнаго слѣдователями. Характеръ и условія возлагавшихся на козаковъ работъ яснѣе въ подлинныхъ показаніяхъ ихъ. Вотъ одно изъ нихъ: козаки с. Березы показали, что «они работали сотнику Глуховскому Туранскому разными часы чрезъ всѣ года по бытности его сотникомъ и донынѣ, а именно: поле пахали, сѣно косили, жали хлѣбъ, дрова и сѣно возили всякого года и греблю нѣкоторые гатили съ принужденія его сотника, для чего пріѣздятъ было за ними асауленки его сотника Кирило и Иванъ и, зъ бывшимъ атаманомъ Березовскимъ Андросенкомъ и зятемъ его Игнатомъ ѣздя по селу, ихъ туда выгоняютъ, а буде кого дома не застанутъ, то бьютъ женъ, разгоняютъ дѣтей и вкидаютъ въ окна денги, а иного и безъ заплаты; а кому отъ него сотника и заплата была, токмо несправедливо, ибо которые работаютъ дней по три или по четыре, то получаютъ заплаты только по пяти и по десяти копѣекъ»... Всѣхъ скупленныхъ, захваченныхъ и иными способами отошедшихъ въ подданство къ сотнику и къ другимъ владѣльцамъ дворовъ слѣдователи насчитали въ Глуховѣ и въ Глуховской сотнѣ 377[1]). Не буду уже приводить другихъ фактовъ, касающихся лицъ и дѣйствій, не отмѣченныхъ г. Лазаревскимъ, но тѣмъ не менѣе не выходящихъ изъ рамокъ общей картины, имъ набросанной, и не приносящихъ въ нее ничего новаго, а только подтверждающихъ соотвѣтствіе ея дѣйствительности.

Остановлюсь еще на одномъ только характерномъ эпизодѣ изъ дѣйствій генералъ-губернатора Малороссіи, П. А. Румянцева, на томъ именно судѣ надъ избирателями — Нѣжинскимъ и Батуринскимъ шляхетствомъ, о которомъ упоминалось выше. До появленія книги г. Лазаревскаго этотъ эпизодъ былъ извѣстенъ лишь въ общихъ чертахъ. Г. Лазаревскій разсказалъ довольно подробно и ходъ столкновенія избирателей съ первымъ ихъ депутатомъ, Селецкимъ, по внушенію Румянцева требовавшимъ перемѣнъ въ наказѣ, и преданіе ихъ суду за выборъ втораго депутата, суду, во время котораго подсудимыхъ держали въ тюрьмѣ, на хлѣбѣ и водѣ, а послѣ объявленія приговора и въ оковахъ; изложеніе автора построено при этомъ на двухъ жалобахъ, поданныхъ императрицѣ отданными подъ судъ лицами. Самый приговоръ и окончательный исходъ дѣла остались ему, однако, неизвѣстны. Въ заключеніе своего разсказа онъ говоритъ только: «впослѣдствіи Нѣжинская исторія была забыта, такъ какъ тотъ же Почека (одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой исторіи со стороны шляхетства) послѣ военнаго суда безпрепятственно служилъ по выборамъ» (стр. 42). Въ печатавшемся одновременно съ книгою г. Лазаревскаго V-мъ томѣ «Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца» проф. М. Ф.

1) Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Мал. Коллегіи, Черниг. отд., № 495.

Digitized by Google

Владимірскимъ-Будановымъ были изданы нѣкоторые документы, относящіеся къ исторіи Нѣжинскихъ выборовъ 1767 г.[1]), извлеченные издателемъ изъ хранящагося въ архивѣ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ сборника распоряженій Румянцева за 1767 г., но, кромѣ полнаго списка преданныхъ суду лицъ, въ этихъ документахъ не заключалось ничего существенно важнаго, такъ какъ они лишь подтверждали извѣстные уже ранѣе факты. Между тѣмъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи хранятся три дѣла, являющіяся непосредственнымъ источникомъ для исторіи какъ самыхъ выборовъ въ Нѣжинѣ, такъ и послѣдовавшаго за ними суда[2]) и дающія возможность не только прибавить новыя и характерныя подробности къ извѣстнымъ уже фактамъ «Нѣжинской исторіи» 1767 г., но и возстановить ту часть ея, которая до сихъ поръ оставалась совершенно неизвѣстной въ литературѣ. Пользуясь указаннымъ источникомъ, я позволю себѣ остановиться здѣсь подробнѣе на этомъ эпизодѣ, въ виду того крупнаго интереса, который представляетъ онъ, будемъ ли мы разсматривать его, какъ одинъ изъ моментовъ отношенія администраціи и общества въ Малороссіи въ Екатерининскую эпоху, или же какъ эпизодъ изъ исторіи Екатерининской Коммиссіи.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Начало шляхетскихъ выборовъ въ Нѣжинѣ назначено было Румянцевымъ на 24 марта[3]). Съѣхавшись къ этому времени въ Нѣжинъ, шляхетство еще до оффиціальнаго

---

1) «Чтенія въ ист. обществѣ Нестора лѣтописца», кн. 5, отд. III, стр. 111—117. Кромѣ отмѣченнаго въ текстѣ списка, здѣсь напечатаны распоряженіе Румянцева о кассаціи вторыхъ выборовъ депутата и объ отрѣшеніи отъ должностей избирателей, сенатскій указъ о преданіи избирателей суду и распоряженіе Румянцева о назначеніи въ военный судъ полковника фонъ-Зитмана. Къ сожалѣнію, издатель имѣлъ, повидимому, въ рукахъ не особенно исправный списокъ и при печатаніи не провѣрилъ его, благодаря чему въ немъ сохранились досадныя ошибки: такъ, Бахмацкій сотникъ обратился въ «сотника Вахмуцкаго», фамилія Виридарскій обращена въ Виродарскій, Голюнка въ Голунка, Грищенко въ Гриченко, Конисскій въ Каневскій. Разсказъ этого же эпизода у С. М. Соловьева (Р. Вѣстн. т. XXXV и Ист. Россіи, т. XXVII) основанъ на перепискѣ Румянцева съ имп. Екатериною и журналахъ Сената и не даетъ полнаго понятія о дѣлѣ.

2) Это именно дѣло о военномъ судѣ надъ избирателями, озаглавленное въ подлинникѣ: «Фергеръ и кригсъ-рехтъ, произведенной въ учрежденномъ въ г. Глуховѣ воинскомъ судѣ надъ присланными при указѣ Ея И. В-ва изъ Мал. Коллегіи ... малороссійскими воинскими чинами, всего 36 человѣками въ ослушаніи ими ... гр. П. А. Румянцова повелѣнія, даннаго объ отправленіи перво выбраннаго ими подъ присягою ... въ Комиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія депутата, а о уничтоженіи втораго учиненнаго ими выбора» (М. А. М. Ю., Дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, архивъ Черниг. Палаты Угол. и Гражд., опись 4, № 102); дѣло гражданскаго суда — тамже, № 106, и дѣло о возвращеніи осужденному шляхетству Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ чиновъ, — тамже, опись 7-я, № 214. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на эти дѣла я буду называть только ихъ №№. Особенно важно первое; второе сильно попортилось отъ времени.

3) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., Кіевъ, 1889, с. 187.

Digitized by Google

открытія выборовъ приступило къ частному обсужденію проекта своихъ ходатайствъ и съ этою цѣлью «дѣлало, собираясь въ особыхъ мѣстахъ, записки для сочиненія наказа»[1]). Никакого разногласія на этихъ собраніяхъ, повидимому, не обнаружилось и все шло мирно. 29 марта шляхетство произвело выборы предводителя и избраннымъ оказался земскій судья Лавр. Селецкій, принимавшій участіе въ предшествовавшихъ собраніяхъ[2]) и, слѣдовательно, освѣдомленный о настроеніи избирателей, которое онъ и самъ, повидимому, въ это время раздѣлялъ. Тѣмъ болѣе вѣроятно послѣднее предположеніе, что, когда приступили къ выборамъ депутата, и въ депутаты былъ выбранъ тотъ же Селецкій. Понадобилось въ виду этого избрать новаго предводителя и выборъ шляхетства палъ на этотъ разъ на армейскаго полковника Ив. Тернавіота. Затѣмъ избраны были, по «обряду» выборовъ, пять человѣкъ для составленія наказа: подкоморіи Григ. Долинскій и Андрей Жураковскій, полк. писарь Яковъ Почека, полк. асаулъ Дм. Григоровичъ и Батуринскій сотникъ Дм. Стожко. Предстояло составить наказъ и подписать какъ его, такъ и полномочіе избранному депутату, но въ это время шляхетство стало находить, что оно зажилось въ Нѣжинѣ, и подумывать о томъ, чтобы разъѣхаться на время по домамъ. Предводитель Тернавіотъ уговаривалъ шляхтичей раньше покончить дѣло составленія наказа, но безуспѣшно: «пріѣзжіе повѣтовъ Нѣжинскаго и Батуринскаго, писалъ онъ впослѣдствіи[3]), представляли, что они уже въ Нѣжинѣ прожились, а паче для наступившей Страстной недѣли, что многіе изъ нихъ не говѣли, какъ полномочіе депутату не подписали, такъ и въ сочиненіе наказа не вступили»; къ тому же шляхтичи заявляли, «что и въ другихъ мѣстахъ такожъ собранія для наказовъ отсрочены и что они крайне жить въ Нѣжинѣ болѣе не могутъ, а положили они сами собою срокъ съѣзда въ Нѣжинъ въ (черезъ) мѣсяцъ». Хозяйственныя и религіозныя соображенія рѣшительно брали такимъ образомъ перевѣсъ надъ интересомъ къ общественнымъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ Тернавіотъ счелъ нужнымъ доложить о желаніяхъ шляхетства Нѣжинскому полковнику, какимъ былъ на ту пору Разумовскій, и лишь когда отъ послѣдняго получено было имъ дозволеніе на отсрочку занятій шляхетства и объявлено было собранію, шляхтичи дѣйствительно разъѣхались. Генералъ-губернаторъ Румянцевъ, повидимому, тоже ничего не имѣлъ противъ такой отсрочки и по крайней мѣрѣ не протестовалъ противъ нея. Въ дѣйствительности, получивъ уже нѣкоторыя

1) Изъ втораго рапорта Тернавіота Румянцеву (отъ 28 мая 1767 г.), представленнаго Мал. Коллегіей въ военный судъ, дѣло М. А. М. Ю, № 102.

2) Объ его участіи въ этихъ собраніяхъ говоритъ Тернавіотъ въ своемъ второмъ рапортѣ; въ этомъ избраніи принимало участіе 72 человѣка, Лазар., с. 37.

3) Первый рапортъ его Румянцеву въ дѣлѣ М. А. М. Ю, № 102.

Digitized by Google

свѣдѣнія относительно настроенія собиравшихся въ Нѣжинѣ шляхтичей, онъ задумалъ воспользоваться ею въ своихъ цѣляхъ. Генералъ-губернаторъ, въ тотъ самый моментъ, когда императрица приглашала всѣхъ своихъ подданныхъ высказать откровенно ихъ нужды и желанія передъ верховною властью, провозглашавшій въ Малороссіи во всеуслышаніе непреложное правило, что «прошеніе, затрудняющее вышнее начальство, есть, конечно, преступленіе, которое заслуживаетъ наказаніе[1])», не могъ быть доволенъ настроеніемъ умовъ въ Нѣжинѣ, гдѣ именно собрались было «затруднять вышнее начальство». Неизвѣстно, путемъ ли угрозъ или увѣщаній, но только Румянцевъ успѣлъ за тотъ мѣсяцъ, на который Нѣжинское и Батуринское шляхетство устроило себѣ своего рода каникулы, отвлечь Селецкаго отъ плановъ его земляковъ и вступить съ нимъ въ нѣкоторое соглашеніе. Въ чемъ оно заключалось и какія послѣдствія повлекло за собою, мы еще увидимъ. Между тѣмъ шляхетство, ничего еще не подозрѣвая, къ 28 апрѣля вновь собралось въ Нѣжинъ и приступило къ составленію наказа. Набросанныя ранѣе предварительныя записки были переданы лицамъ, избраннымъ для редакціи наказа, и послѣдніе занялись этимъ трудомъ. Но теперь выраженныхъ въ этихъ запискахъ желаній казалось уже недостаточно шляхтичамъ и они рѣшили прибавить къ нимъ еще одно, о которомъ ранѣе, повидимому, не было рѣчи, но которое стояло въ связи съ общимъ духомъ составляемаго наказа. Тернавіотъ разсказывалъ впослѣдствіи[2]) такую сцену: 30 апрѣля, передъ вечеромъ, пришелъ онъ въ замокъ, въ помѣщеніе, служившее прежде квартирой Нѣжинскихъ комендантовъ, гдѣ въ это время засѣдали выбранныя для составленія наказа лица и «усмотрѣлъ тамо все собранное шляхетство, и когда я спросилъ тѣхъ сочинителей, зачѣмъ все собраніе сошлось, яко тогда въ нихъ надобности не находилось до окончанія сочиненія наказовъ, то оные сочинители пять человѣкъ объявили мнѣ, что оное шляхетство пришли къ нимъ съ требованіемъ тѣмъ, чтобъ внесть въ наказъ пунктъ съ прошеніемъ о дозволеніи выбрать гетмана, и по тому ихъ объявленію я, вышедши въ прихожую комнату къ обществу, спроса ихъ, для чего оные собрались, то они объявили тожъ, что пришли съ требованіемъ къ нимъ сочинителямъ, чтобъ пунктъ съ прошеніемъ внесли въ наказѣ и о гетманѣ, и хотя я имъ совѣтовалъ, чтобъ они тотъ пунктъ отставили, но, не пріемля того моего совѣту, какъ все собранное шляхетство, такъ и сочинители пять человѣкъ наказовъ всѣ обще объявили мнѣ, что имъ тотъ пунктъ потребенъ и они того желаютъ и просятъ». Такъ этотъ пунктъ и былъ включенъ въ наказъ, внесенный вслѣдъ затѣмъ на разсмотрѣніе общаго собранія шляхет-

1) Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 5, отд. III, с. 117.
2) Его второй рапортъ Румянцеву, въ дѣлѣ М. А. М. Ю, № 102.

Digitized by Google

ства. Но здѣсь послѣднее ожидалъ совершенно внезапный для него сюрпризъ. Когда прочитанъ былъ составленный выборными отъ шляхетства наказъ, Селецкій не согласился съ нимъ и потребовалъ, чтобы земскій писарь Паскевичъ прочиталъ другой проектъ наказа, имъ, Селецкимъ, составленный. Когда же это было исполнено, онъ рѣшительно заявилъ: «буде вы на моихъ (наказахъ) не подпишитеся, то я вашъ не депутатъ и съ вашими наказами въ Москву не ѣду, потому что мнѣ стыдно ихъ будетъ показать».[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предъявлялъ такое требованіе: «дайте мнѣ такіе наказы, какіе учинены и въ Черниговскомъ полку».[2]) Такого рода требованія были поддержаны лицами, не имѣвшими собственно и права присутствовать на собраніи мѣстнаго шляхетства, такъ какъ они не принадлежали къ его составу, бунч. тов. Безбородкомъ и исправлявшимъ должность секретаря Малороссійской Коллегіи канцеляристомъ Завадовскимъ, прибывшими въ Нѣжинъ, очевидно, по спеціальному порученію Румянцева.[3]) Нужно припомнить, что такое былъ Черниговскій наказъ, чтобы понять весь смыслъ требованія, предъявлявшагося такимъ образомъ. Составленный Безбородкомъ, онъ заключалъ въ себѣ рѣзкое осужденіе порядковъ старой гетманщины и желаніе скорѣйшаго и полнаго уравненія Малороссіи съ остальными частями имперіи. Замѣнять такою программою программу, въ которой отстаиваніе автономныхъ правъ доходило до требованія права выбора гетмана, значило желать, чтобы шляхетство сразу радикально измѣнило свой образъ мыслей и свое политическое настроеніе. Угрожающая обстановка, въ какой проявлялось такое требованіе, присутствіе на собраніи Румянцевскихъ чиновниковъ, не подѣйствовали на шляхетство. Въ горячемъ спорѣ, какой поднялся по поводу предложенія Селецкаго, масса собравшихся высказалась противъ него и настаивала на составленномъ выборными наказѣ. Поведеніе Селецкаго возбудило противъ него негодованіе и подозрѣнія. Одинъ изъ участниковъ собранія и составителей наказа, подкоморій Гр. Долинскій, высказалъ мысль, что ему «сумнительно оную челобитную поручить», и эта мысль нашла себѣ общую поддержку[4]). Тогда Селецкій ушелъ, объявивъ, что отказывается отъ званія депутата. Оставшись безъ представителя, шляхетство приступило къ предводителю своему съ

---

1) Показаніе Григоровскаго на военномъ судѣ, дѣло № 102, л. 81—2.

2) Показаніе Фед. Конисскаго, тамже, л. 74. То же показывали и другіе, напр. Стожко (л. 75) и Лахневичъ (л. 78).

3) О присутствіи на собраніи этихъ лицъ и о поддержкѣ, оказанной ими Селецкому, говорится въ приведенной у г. Лазаревскаго жалобѣ шляхетства. Судебныя дѣла молчатъ объ этомъ обстоятельствѣ. Объясненіе такого молчанія заключается, можетъ быть, въ другомъ пунктѣ жалобы, что судьи не писали въ допросы того, что служило къ оправданію подсудимыхъ.

4) Показаніе Забѣлы, дѣло военнаго суда, № 102, л. 86.

Digitized by Google

просьбой о дозволеніи выбрать новаго депутата. Тернавіотъ сначала предлагалъ обратиться съ просьбой о разрѣшеніи новыхъ выборовъ къ Румянцеву, который, какъ онъ слышалъ, долженъ былъ въ это время находиться около Нѣжина, но когда оказалось, что этотъ слухъ невѣренъ, далъ свое согласіе подъ условіемъ, чтобы шляхетство представило ему письменную просьбу объ этомъ. Такая просьба была дѣйствительно составлена земскимъ писаремъ Щигловскимъ при участіи полк. пис. Почеки и подк. Жураковскаго. Въ ней говорилось, что Селецкій не можетъ быть депутатомъ отъ Нѣжинскаго и Батуринскаго шляхетства, такъ какъ навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ умахъ всѣхъ избирателей своими дѣйствіями: онъ требовалъ выдачи ему особой суммы денегъ на поѣздку въ Москву и на жизнь въ этомъ городѣ; онъ сперва участвовалъ въ составленіи общаго наказа, а потомъ отступился отъ него и требовалъ принятія наказа, имъ однимъ сочиненнаго. За этимъ въ черновикѣ просьбы слѣдовала любопытная фраза, потомъ вычеркнутая: Селецкій, жаловалось шляхетство, угрожалъ, «что буде мы не окажемъ на тотъ въ полку Черниговскомъ сочиненной наказъ согласія, то всѣ обще будемъ мужиками и вольности въ промыслахъ винокурныхъ и другихъ не имѣтимемъ»[1]). Въ возбужденномъ собраніи шли между прочимъ рѣчи о томъ, чтобы просить о соединеніи Нѣжинскаго уѣзда, вѣроятно вмѣстѣ съ остальной Малороссіей, съ Запорожской Сѣчью подъ одною гетманскою властью[2]). На второй или на третій день послѣ отказа Селецкаго отъ депутатства состоялись новые выборы и 55 присутствовавшихъ шляхтичей избрали своимъ депутатомъ Григ. Долинскаго, подписавъ вмѣстѣ съ тѣмъ составленный имъ съ четырьмя названными выше товарищами наказъ и полномочіе на его имя[3]); шесть же человѣкъ не согласились съ общимъ наказомъ и подписали наказъ Селецкаго, но, передавъ было его предводителю Тернавіоту, затѣмъ взяли у него обратно. При такомъ положеніи дѣлъ Тернавіотъ, вѣроятно, предвидя уже возможность новыхъ осложненій, хотя и передалъ Долинскому наказъ и полномочіе, но предупредилъ его, чтобы онъ до распоряженія Румянцева

1) Тамже, л. 172.

2) Эти рѣчи особенно взволновали Румянцева и онъ старательно допытывался у Тернавіота, кто ихъ велъ, требуя отвѣта, «кто особливо проектовалъ соединять Нѣжинской уѣздъ съ Сѣчью Запорожскою, которая никогда быть подъ гетманомъ не хотѣла, толь меньше въ выборахъ ихъ участвовала, и не было ль писано о томъ въ Сѣчь или предлагаемо, чтобъ писать.» Тамже, ордеръ Румянцева отъ 9 мая. Что нѣчто подобное было дѣйствительно, можно заключить изъ того, что Тернавіотъ рѣшительнымъ отрицаніемъ отвѣчалъ только на вторую часть вопроса: «чтобъ подъ предводительствомъ моимъ кто писалъ въ Сѣчь Запорожскую или предлагалъ писать, я о томъ не слыхалъ и не бывало», — тамже, рапортъ его отъ 28 мая.

3) Страннымъ образомъ показанія насчетъ времени расходятся: Конисскій показывалъ, что выборъ Долинскаго произведенъ былъ на другой день послѣ отказа Селецкаго (тамже, л. 74), Яновичъ и Григоровскій — что на третій (лл. 80 и 82).

Digitized by Google

«въ надлежащее мѣсто не ѣхалъ»[1]). Эти осложненія не заставили себя ожидать. Получивъ извѣщеніе о томъ, что произошло въ Нѣжинѣ, отъ полковника Разумовскаго, Румянцевъ уже 5 мая отправилъ Тернавіоту грозный ордеръ: ставя предводителю на видъ нарушеніе «обрядовъ», выразившееся въ томъ, что шляхетство до окончанія дѣла выборовъ разъѣхалось на мѣсяцъ по домамъ, и указывая на то, что второй выборъ шляхетство произвело, «наруша свою присягу», онъ продолжалъ: «я, какъ сей второй выборъ послѣдовалъ незаконно и не ото всего шляхетства, а только отъ нѣкоторыхъ и не бывшихъ при первомъ собраніи, симъ кассирую, рекомендуя вамъ въ отправленіи перваго депутата въ повелѣнное мѣсто непремѣнно поступить по содержанію манифеста и обрядовъ, а шляхетству, кои съ первымъ выборомъ не соглашаются, объявить, чтобъ они свои доказательства, какихъ ради причинъ господинъ Селецкій депутатомъ быть не можетъ, предъявили, гдѣ заблагоразсудятъ». Напрасно Тернавіотъ пытался объяснить дѣло и доказать свою правоту, скромно выставляя на видъ Румянцеву, что шляхетство не желаетъ имѣть Селецкаго своимъ депутатомъ. Никакихъ оправданій Румянцевъ не принималъ. Уже 9 мая онъ послалъ Тернавіоту новый ордеръ, въ которомъ своимъ путанымъ, тяжелымъ слогомъ упрекалъ шляхетство въ томъ, что они «изъ единаго малодушія и того только ради, что Селецкій, доброжелая соземству своему, отсовѣтывалъ нѣкоторые для уѣзда Нѣжинскаго дворянъ не касающіеся и прямо ихъ благосостоянію вредившіе пункты въ наказъ не вносить, по предложенію нѣкоторыхъ глупыхъ и не знавшихъ себя, не токмо добра отчизны, и не понимая ни силы, ни долгу всего манифеста и обряда, и не чувствуя вовсе нимало толикихъ благодѣяній и безпримѣрной матерней милости Ея И. В-ва, а затѣявъ резонъ, являющій страстный и всѣмъ таковымъ свойственный порокъ сребролюбія, будто бы онъ, Селецкій, безъ дачи ему отъ общества на его содержаніе денегъ, также если они и наказа таковаго, какого онъ согласного съ Черниговскимъ требовалъ, не напишутъ, ѣхать въ Москву не хотѣлъ, сами собою его отрѣшили, а выбрали другаго». Генералъ-губернаторъ находилъ, что всѣ предъявленные ему Тернавіотомъ «резоны прямо суть безотвѣтные, а выборъ сдѣланный самъ собою уничтожается». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ отъ Тернавіота донесенія, «кто былъ первый предлагатель всего сего наказа», подъ страхомъ строгой отвѣтственности за утайку, «чего, продолжалъ онъ, я однако отъ васъ, какъ честію штабъ-офицерскою почтеннаго, не ожидаю, но напротиву, что вы о всемъ происходившемъ, о чемъ можетъ быть и не писано, въ доказательство вашей вѣрности и усердія увѣдомить съ симъ нарочнымъ не оставите».

1) Тамже, первый рапортъ Тернавіота Румянцеву.

Digitized by Google

Предводитель однако не счелъ, должно быть, исполненіе этого требованія вполнѣ совмѣстнымъ съ «штабъ-офицерскою честью» и предпочелъ, не отвѣчая на щекотливый вопросъ, просить объ отставкѣ отъ предводительской должности за болѣзнью. Отвѣчая на эту просьбу, Румянцевъ въ ордерѣ отъ 16 мая писалъ ему: «что жь принадлежитъ до увольненія васъ отъ предводительства, то какъ вы всѣмъ шляхетствомъ въ сіе званіе выбраны, слѣдовательно и надлежитъ вамъ, показавъ имъ о своихъ ко мнѣ прописываемыхъ болѣзняхъ и о прочихъ по обстоятельствамъ вашимъ препятствіяхъ, коихъ ради вы сей трудной должности исправлять себя не въ силахъ находите, просить ихъ согласія на выборъ другаго предводителя, на который по 29-му пункту обряда имъ поступить не воспрещается». Шляхетству, за которымъ отрицалось право выбрать новаго депутата на мѣсто не сошедшагося во взглядахъ со своими избирателями, не возбранялось такимъ образомъ выбрать новаго предводителя. Но правителю Малороссіи было не до того, чтобы считаться съ логикой. Въ томъ же самомъ ордерѣ онъ сообщалъ, что депутатомъ отъ Нѣжинскаго и Батуринскаго шляхетства въ коммиссію долженъ отправиться Селецкій, который съ момента своего избранія находится «подъ единственною Ея И. В-ва всемилостивѣйшею протекціею» и потому никѣмъ не можетъ быть лишенъ депутатскаго званія, и что онъ повезетъ съ собою наказъ «за руками тѣхъ, кои отъ прежняго своего безпристрастнаго выбора не отступали». Въ заключеніе Румянцевъ упрекалъ Тернавіота, что тотъ не отвѣтилъ на его вопросы и вновь повторялъ: «ожидаю отъ васъ, яко отъ особы, всѣмъ обществомъ на сіе признанной и высокимъ Ея И. В-ва манифестомъ и всего дѣла обрядами опредѣленной, лучшаго старанія и прямаго о семъ увѣдомленія такъ, какъ вамъ честь ваша, которой въ васъ я совершенно надѣюсь, лучше скажетъ; въ противномъ случаѣ все то причтено будетъ одному вамъ и вы понесете перваго всему тому зачинщика и сочинителя». Тутъ же Румянцевъ сообщалъ, что объ произведшихъ второй выборъ депутата онъ донесъ въ сенатъ и ожидаетъ сенатской резолюціи. Но надеждъ Румянцева Тернавіотъ такъ-таки и не оправдалъ, хотя не былъ затѣмъ привлеченъ и къ начавшемуся дѣлу, такъ какъ Румянцевъ «засвидѣтельствовалъ» передъ сенатомъ, что «преступленіе его не отъ вымыслу, но отъ одной простоты произошло»[1]). Что вызвало такую милость, сказать трудно: быть можетъ, дѣйствительное сознаніе его непричастности къ дѣлу, быть можетъ, соображеніе, что человѣка съ его чиномъ не совсѣмъ удобно втягивать въ задумывавшуюся игру.

Тѣмъ временемъ, какъ шла эта переписка между генералъ-губернаторомъ и предводителемъ шляхетства, въ Нѣжинѣ происходили новыя со-

1) Чтенія въ ист. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 5, отд. III, с. 116.

Digitized by Google

бытія. Получивъ рѣшительный приказъ Румянцева о кассаціи выборовъ Долинскаго и о признаніи депутатомъ Селецкаго, Тернавіотъ, согласно генералъ-губернаторскимъ инструкціямъ, попытался нѣсколько легализировать принятый дѣломъ оборотъ и съ этою цѣлью созвалъ для выслушанія Румянцевскаго приказа повое собраніе шляхетства. Но послѣднее, почуявъ бурю и не желая вмѣстѣ итти на уступки, предпочло укрыться отъ нея и изъ пятидесяти пяти лицъ, участвовавшихъ въ избраніи Долинскаго, на новое собраніе явилось только шестнадцать[1]). Такою формою пассивнаго протеста дѣло однако не могло быть исчерпано, такъ какъ собраніе все-таки состоялось. Но и оно не привело къ желательнымъ для властей результатамъ. Когда собравшемуся шляхетству объявленъ былъ 15 мая[2]) приказъ Румянцева, полк. пис. Почека потребовалъ для прочтенія наказъ Селецкаго, но единомышленники послѣдняго, подсудокъ Левицкій, сотникъ Сердюковъ и прочіе[3]), объявили, «что оного наказа уже у нихъ нѣтъ, а отосланъ въ Глуховъ»[4]). Шляхетство въ свою очередь заявило, что оно не можетъ подписываться на полномочіи депутату, самый наказъ котораго ему неизвѣстенъ, и собраніе было такимъ образомъ сорвано. 28 мая Тернавіотъ рапортовалъ Румянцеву, что 16 числа этого мѣсяца онъ получилъ отъ шести человѣкъ шляхетства, бывшихъ съ самаго начала на сторонѣ Селецкаго, подписанное ими полномочіе послѣднему, а 26 числа и наказъ, на которомъ 27 мая подписался еще одинъ сотникъ, и испрашивалъ повелѣнія, отправлять ли Селецкаго съ такимъ наказомъ и полномочіемъ[5]). Тогда-то въ конецъ выведенный изъ себя Румянцевъ рѣшился добиться «сатисфакціи» надъ непокорнымъ шляхетствомъ. 5 іюня онъ далъ ордеръ Малороссійской Коллегіи, сообщая, что имъ приказано Селецкаго съ его наказомъ отправить въ Правительствующій Сенатъ, а всѣ участвовавшіе во второмъ выборѣ депутата отрѣшены отъ земскихъ и военныхъ должностей, занимавшихся ими, причемъ «о поступленіи съ ними по законамъ» представлено въ Сенатъ же. Законы подобнаго казуса, правда, не предусматривали, но Правительствующій Сенатъ «въ охраненіе съ званіемъ генералъ-губерна-

1) Впослѣдствіи, на военномъ судѣ оказалось, что большинство шляхтичей были или больны или такъ заняты, что не могли попасть на 15 мая въ Нѣжинъ. Троцкій показывалъ, что онъ во время этого собранія былъ боленъ и жилъ въ с. Новыхъ Млинахъ; Пагуновъ—лежалъ больнымъ въ с. Плискахъ Борзенской сотни, Григоровичъ — отправлялъ въ Батуринѣ должность земскаго судьи и не могъ къ сроку прибыть въ Нѣжинъ, Кленусъ — жилъ въ Борзнѣ, уѣзжая по своимъ дѣламъ въ Прилуки и Лубны, Армашевскій — былъ въ отлучкѣ въ Черниговскомъ полку, Яновичъ — не могъ быть по дѣламъ службы, и т. д. — дѣло военн. суда, № 102, лл. 62, 64, 68, 70, 72, 80 и слѣд.

2) День этотъ означенъ въ показаніи Лахневича, тамже, л. 78.

3) Именъ этихъ «прочихъ» нѣтъ въ документахъ; ясно только, что это тѣ 4 человѣка, которые вмѣстѣ съ двумя названными въ текстѣ и на первомъ собраніи стояли за Селецкаго.

4) Показаніе Почеки на военномъ судѣ, дѣло № 102, л. 62.

5) Рапортъ его въ дѣлѣ № 102.

Digitized by Google

тора связанной власти» рѣшилъ оказать Румянцеву сатисфакцію «въ сихъ явныхъ ему оказанныхъ ослушаніяхъ» и, пойдя на встрѣчу его представленіямъ, постановилъ «первой сихъ повѣтовъ выборъ депутата Селецкаго подтвердить, похваля притомъ его и согласныхъ съ нимъ владѣльцевъ усердіе», предводителя Тернавіота въ виду его «простоты» отрѣшить отъ должности, а участниковъ избранія Долинскаго отослать «воинскихъ на воинской, а гражданскихъ и не служащихъ на гражданской судъ, которымъ велѣть, надъ виновными заключа сентенціи, подать въ Малороссійскую Коллегію, а оной, разсмотря, съ своимъ мнѣніемъ представить Сенату»[1]). Указъ этотъ полученъ былъ въ Глуховѣ 31 іюля[2]), но уже ранѣе этого полученія разнеслись слухи о его вѣроятномъ содержаніи и подъ вліяніемъ такихъ слуховъ, равно какъ принятой уже Румянцевымъ мѣры отрѣшенія отъ должностей, среди шляхетства, понявшаго, что генералъ-губернаторъ не намѣренъ церемониться въ дѣлѣ выбора средствъ для усмиренія ослушниковъ своей воли, стало проявляться обратное движеніе. Приподнятое настроеніе, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ участниковъ Нѣжинскихъ выборовъ, быстро смѣнилось упадкомъ духа и въ концѣ іюня къ Румянцеву поступили просьбы о прощеніи отъ шести лицъ, — Як. Почеки, Ив. Армашевскаго, Ив. Григоровскаго, Як. Володковскаго и компанейскихъ сотниковъ Карпа Забѣлы и Якима Демидовскаго[3]); изъ этихъ шести человѣкъ одинъ — Почека, несомнѣнно, былъ въ числѣ наиболѣе видныхъ руководителей всего предшествовавшаго движенія. Запоздавшаго раскаянія разгнѣванный генералъ-губернаторъ, однако, не принималъ, равно какъ не хотѣлъ онъ слышать и никакихъ оправданій, и просьбы эти были лишь переданы имъ впослѣдствіи въ военный судъ, который точно также не обратилъ на нихъ никакого вниманія, пріобщивъ лишь ихъ къ своему дѣлопроизводству, должно быть, въ качествѣ свидѣтельства для потомства. 2 августа по указу Малороссійской Коллегіи въ Глуховѣ назначенъ былъ военный судъ, которому предавались не только бунчуковые товарищи, полковые писарь, аса-

---

1) Чтенія въ ист. общ. Нестора, кн. 5, отд. III, с. 111—112 и 115—116.

2) Въ «Чтеніяхъ» на немъ стоитъ дата 31 іюля, но такъ какъ на основаніи его Мал. Коллегія уже 2 августа издала указъ объ учрежденіи военнаго суда, то надо думать, что эта дата проставлена въ Коллегіи, означая день прибытія указа.

3) Почека писалъ: «яко то не умышленно, но единственно ошибкою учинено, того ради ... всенижайше прошу погрѣшность свою вамъ съ особливаго вашего сіятельства природнаго великодушія милостиво простить и прежнюю довѣренность пожаловать и первому депутату полномочіе и наказъ подписать дозволить». Точно также мотивировалъ свою просьбу Григоровскій. Армашевскій просилъ исключить его изъ списка виновныхъ въ ослушаніи лицъ, «яко я для выбору депутата въ присягѣ не былъ, къ тому жъ кромѣ челобитной ни на чемъ не подписывался, и при баллотированіи на второго депутата не былъ и согласія на то не имѣлъ». Забѣла и Демидовскій, повторяя тѣ же доводы, что и Армашевскій, прибавляли, что они согласны подписаться на перваго депутата — Селецкаго. Всѣ эти просьбы помѣчены 27 іюня, см. дѣло № 102, лл. 32—35.

Digitized by Google

улы и хоружіе, сотники, войсковые и значковые товарищи, но и отставной капитанъ (Пагуновъ), вѣроятно, по тому соображенію, что онъ прежде служилъ въ военной службѣ. Презусомъ военнаго суда назначенъ былъ полковникъ кн. Хованскій, ассессорами Прилуцкій полковой судья Александровичъ, Стародубовскій полк. асаулъ Панковскій, Глуховскій сотникъ Уманецъ, войск. товарищи Іос. Чуйкевичъ и Лихошерстовъ и компанейскій сотникъ Левъ Порохненскій, а авдитора Коллегія рѣшила «истребовать отъ походной его сіятельства канцеляріи». Подкоморіи, земскій писарь, войсковые канцеляристы и возные, всего 18 человѣкъ, были преданы гражданскому суду. Впослѣдствіи обвиняемые жаловались на дѣйствія обоихъ судовъ, ихъ несправедливость и притѣсненія [1]). Но даже и безъ этихъ жалобъ одного дѣлопроизводства суда вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что судебное слѣдствіе и приговоръ явились въ данномъ случаѣ лишь не совсѣмъ подходящею формою для прикрытія начальственнаго произвола. 4 августа открылись засѣданія военнаго суда. Чтобы получить понятіе о дѣлѣ, подлежавшемъ его разбору, онъ рѣшилъ затребовать отъ Мал. Коллегіи «данныхъ отъ его сіятельства повелѣніевъ, противъ коихъ ослушны явились» подсудимые, и вмѣстѣ постановилъ допросить послѣднихъ, не имѣютъ ли они неудовольствія на составъ суда. Въ тотъ же день подсудимые заявили свое довольство и судьи принесли присягу. Но судъ еще не начинался, такъ какъ не всѣ подсудимые были на лицо. Къ 7 августа еще не явились значковые товарищи Ив. Медовникъ, Сид. Черный и Пав. Полишко, о чемъ судъ и сообщилъ Коллегіи, распорядившейся вытребовать этихъ лицъ. Затѣмъ въ дѣйствіяхъ суда произошла новая задержка. Хованскій уже 11 августа просилъ объ увольненіи своемъ изъ состава суда за болѣзнью. Скоро онъ и умеръ, а новымъ презусомъ Румянцевъ назначилъ полковника Ростовскаго карабинернаго полка фонъ-Зитмана. Одновременно съ этимъ измѣнился и составъ ассессоровъ, и 31 августа судъ въ обновленномъ составѣ приступилъ наконецъ къ своимъ занятіямъ, начавъ допросъ подсудимыхъ. Отъ открытія суда до дѣйствительнаго начала его занятій прошелъ такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ. Приступая къ допросу подсудимыхъ, судъ поставилъ имъ восемь вопросныхъ пунктовъ, изъ которыхъ пять носили, впрочемъ, формальный характеръ. Изъ нихъ стоитъ отмѣтить лишь второй вопросъ: «знаешь ли военный артикулъ», на который всѣ подсудимые дали почти буквально одинъ и тотъ же отвѣтъ: «права и указы и за что какой штрафъ чинится, знаю, а военной артикулъ не знаю, потому

1) См. эти жалобы у Лазаревскаго, стр. 41. Подсудимые обвиняли судъ въ пристрастіи, заявляя, будто судьи не записывали въ допросы всѣхъ показаній, а исключали изъ нихъ то, что могло служить къ оправданію подсудимыхъ, и затѣмъ насильственными мѣрами принуждали подписываться на составленныхъ такимъ образомъ допросахъ.

Digitized by Google

что никогда не читалъ». Къ существу дѣла относились лишь пятый, шестой и седьмой вопросы. Въ пятомъ обвиняемыхъ спрашивали, были ли они при первомъ выборѣ депутата, по шестому каждый изъ нихъ долженъ былъ отвѣтить, «какія имѣлъ причины и намѣреніе первой тотъ выборъ отставить, а ко второму приступить», по седьмому, — «для чего ты противъ его сіятельства повелѣнія и увѣщеванія своего генералъ-губернатора ослушнымъ и неисполнителемъ сдѣлался и кто первой какъ при томъ ослушаніи, такъ и при выборѣ втораго депутата въ сочиненіи наказа предлагатель былъ». Обвиненіе группировалось, стало быть, на двухъ пунктахъ — выборѣ втораго депутата и неисполненіи приказа Румянцева о возстановленіи полномочій Селецкаго, и въ обоихъ случаяхъ судебное слѣдствіе стремилось открыть зачинщиковъ. Обвиняемые усвоили себѣ такую тактику защиты. Они объясняли, что необходимость избранія втораго депутата создана была самимъ Селецкимъ, и затѣмъ въ большинствѣ не указывали ничьей частной иниціативы въ дѣлѣ выбора втораго депутата, выражаясь по этому поводу неопредѣленно: «просили все общество, въ томъ числѣ и я», и отзываясь, что «предлагателей» не примѣтили [1]). Часть же ихъ указывала «предлагателей» въ лицѣ авторовъ наказа. Иниціаторами наказа уже большинство прямо называло пятерыхъ его составителей. Трудно сказать, было ли это естественнымъ послѣдствіемъ положенія послѣднихъ, какъ выборныхъ представителей шляхетства, положенія, до нѣкоторой степени слагавшаго съ нихъ отвѣтственность обратно на массу избирателей, или же тутъ проявилось своего рода малодушное предательство. Едва ли не вѣрнѣе будетъ первое объясненіе, хотя въ то же время по деталямъ дѣла видно, что именно эти пять человѣкъ, вмѣстѣ, правда, съ немногими другими, и были истинными иниціаторами и руководителями движенія шляхетства. Что касается послѣдняго, и самаго щекотливаго, вопроса относительно неисполненія приказа Румянцева, то на него большинство допрашиваемыхъ отвѣчало, что они не были на самомъ собраніи, гдѣ этотъ приказъ былъ объявленъ, и доказывало невозможность для себя присутствовать на немъ, кто болѣзнью, кто отлучкой, кто служебными дѣлами. Изъ бывшихъ же на собраніи большинство заявляло, что они готовы были исполнить приказаніе и съ этой цѣлью просили наказъ Селецкаго, но такъ какъ онъ не былъ представленъ имъ, то не на чемъ было и подписаться. Такъ не оказывалось не только состава преступленія, но и того ослушанія, которое Румянцевъ

1) Особенно комично вышло при этомъ оправданіе Почеки: «о выборѣ втораго депутата кто первый предлагатель былъ, упомнить не могу, ибо я въ то время выходилъ для своей надобности на дворъ, и когда возвратился въ собраніе, то мнѣ сказано было, что выбранный депутатъ Селецкій въ Москву не ѣдетъ и надо другаго, на что и я согласился», дѣло № 102, л. 62. Въ исторіи политическихъ процессовъ врядъ ли часто встрѣчаются подобныя оправданія.

Digitized by Google

возводилъ въ преступленіе. Только четыре человѣка нашли въ себѣ достаточно мужества, чтобы и передъ лицомъ военнаго суда не отказаться вполнѣ отъ своихъ убѣжденій и только двое изъ нихъ рѣшились высказать эти убѣжденія съ гордой прямотой [1]). Зато имъ и было въ сентенціи военнаго суда вмѣнено въ особое преступленіе, что они требовали наказа Селецкаго не для исполненія приказа подписать его, а для предварительнаго разсмотрѣнія [2]). Какъ и слѣдовало ожидать, военный судъ вполнѣ усвоилъ себѣ ту теорію генералъ-губернатора Малороссіи, согласно которой выборы депутатовъ въ Коммиссію и составленіе для нихъ наказовъ слѣдовало производить по правиламъ фронтовой дисциплины. Но особое преступленіе, усмотрѣнное судомъ въ поведеніи этихъ четырехъ обвиняемыхъ, не особенно, впрочемъ, отягчило ихъ участь по сравненію съ ихъ товарищами, равно какъ способъ защиты, избранный послѣдними, не очень много принесъ имъ пользы. Нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ показали, что на послѣднемъ собраніи имъ предлагали для подписи полномочіе Селецкому, но они отказались подписать его. Судьи немедленно поставили всѣмъ остальнымъ вопросъ, отчего они не подписали депутатскаго полномочія, которое было на лицо и имъ предлагалось, и почему утаили это обстоятельство на судѣ. Тѣ отвѣчали, что не показывали объ этомъ на судѣ потому, что ихъ не спрашивали, а не подписали полномочія потому, что не видѣли съ нимъ наказа. Но ослушаніе было уже констатировано и рѣшеніе дѣла не заставило себя ждать. Приговоръ военнаго суда, подписанный 2 ноября 1767 г., постановилъ: 16 человѣкъ, бывшихъ на собраніи при объявленіи приказа генералъ-губернатора о возстановленіи депутатскихъ полномочій Селецкаго и не исполнившихъ этого приказа [3]), «равно и тѣхъ, которые въ согласіи съ ними противъ повелѣнія его сіятельства упрямство учинить отважились», въ количествѣ 17 человѣкъ, на основаніи Морскаго Устава 5 книги 9 арт. и Воинскаго Устава 27 арт., «лишить живота», и впредь до исполненія этого приговора, на основаніи Воинскаго Устава 50 гл. 3 пункта, аресто-

1) Это были именно Ф. Конисскій, П. Жураковскій, Веснинскій и Стожко. Первый заявилъ, что, еслибы наказъ Селецкаго былъ на лицо, онъ «по разсмотрѣнію можетъ быть и подписался бы»; второй, что при указанномъ условіи «по разсмотрѣнію его и всего общества, буде въ силу обрядовъ сочиненъ, то бъ оный и подписали»; Веснинскій прямо заявилъ, что на наказѣ Селецкаго не подписался, такъ какъ этотъ наказъ не правиленъ, сочиненъ не 5-ю выборными, какъ слѣдовало бы, да онъ и не знаетъ содержанія этого наказа; наконецъ Стожко, разсказавъ о собраніи 15 мая въ общемъ согласно съ Почекой, прибавилъ: «а когда бъ оный наказъ и былъ, то, если бъ сходенъ съ нашими, тогда бъ я и подписался, а буде не сходенъ, то такъ и остался бъ по прежнему».

2) Дѣло № 102, л. 238—239.

3) Эти 16 человѣкъ были: Як. Почека, Ф. Коницкій, Дм. Стожко, Гр. Лахневичъ, Ив. Григоровскій, Як. Володковскій, П. Жураковскій, Ал. Костенецкій, Ив. Комашинскій, Ант. Кленусъ, Ив. Велентій, Ив. Медовникъ, Ив. Виридарскій, Н. Писаревскій, Ив. Веснинскій, Андр. Голюнка.

Digitized by Google

вать, заковавъ въ желѣза; трехъ же обвиняемыхъ, войск. тов. П. Христіановича и значковыхъ товарищей Пант. Лободу и Вас. Дроздовскаго, лишить чиновъ и подвергнуть аресту безъ заковыванія въ кандалы [1]). Въ такомъ же духѣ велся процессъ и гражданскимъ судомъ, дѣлопроизводство котораго не даетъ уже, впрочемъ, никакихъ почти существенно новыхъ и важныхъ фактовъ сравнительно съ дѣломъ военнаго суда. Укажу одну лишь любопытную подробность этого процесса, вполнѣ подтверждающую жалобы подсудимыхъ: ихъ держали въ оковахъ еще до произнесенія приговора, почему Щигловскій, напр., отказывался даже итти къ допросу [2]). Въ концѣ концовъ гражданскій судъ, которымъ явился именно судъ генеральный, приговорилъ всѣхъ 18 судившихся въ немъ лицъ къ «вѣчной ссылкѣ». Когда это дѣло поступило на разсмотрѣніе Сената, то «сената третій департаментъ, разсматривая произведенныя слѣдствія о гражданскихъ чинахъ, нашелъ, что подведенные въ сентенціи генеральнаго суда законы приняты не въ прямой силѣ и къ сему дѣлу не приличны, и потому мнѣніемъ своимъ заключилъ, чтобъ приговоренныхъ къ вѣчной ссылкѣ, по точной силѣ книги Статута розд. 1, артик. 11, расковавъ, посадить въ тюрьму на шесть недѣль, а какъ власти учинили себя недостойными званія своего и должности, то лишить ихъ всѣхъ чиновъ и впредь къ дѣламъ не опредѣлять» [3]). Приговоръ военнаго суда, очевидно, тоже былъ кассированъ, и, по всей вѣроятности, Сенатомъ же, но чѣмъ онъ былъ замѣненъ, изъ данныхъ дѣлъ не видно; знаемъ только, что обвиняемые во всякомъ случаѣ 8 мѣсяцевъ просидѣли въ тюрьмѣ. Напрасно пытались они добиться оправданія путемъ жалобъ императрицѣ, въ которыхъ указывали на явно неправильное веденіе всего дѣла Румянцевымъ. Наконецъ и они поняли, что оправданія для нихъ не можетъ быть. 15 января 1770 года имп. Екатеринѣ доложенъ былъ «экстрактъ, учиненной изъ поданнаго Ея В-ву отъ малороссійскихъ шляхтичевъ, Гр. Долинскаго, Як. Почеки, Мих. Яновича, П. Жураковскаго, прошенія, въ которомъ написано: по обнародованіи высочайшего обряда выбрали они, Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ малороссійское шляхетство,

---

1) Позволю себѣ напомнить здѣсь статью Воинск. Уст., на которую ссылался судъ: «Буде офицеру или солдату въ Его В-ва службѣ отъ начальника своего что управить повелено будетъ, а онъ того изъ злости или упрямства не учинитъ, но тому нарочно и съ умысломъ противится будетъ, оный имѣетъ, хотя вышній, или нижній, всемѣрно живота лишенъ быть» (П. С. З., № 3006, Воинск. Уст., арт. 27). Снисхожденіе къ послѣднимъ тремъ лицамъ, несомнѣнно, объясняется тѣмъ, что они слѣдовали рецепту, который Румянцевъ старался внушить Тернавіоту, и говорили даже о томъ, о чемъ ихъ не спрашивали; такъ, Христіановичъ разсказывалъ, что обвиняемые, передъ отъѣздомъ въ Глуховъ, уговорились съѣхаться на дорогѣ у Великаго Яра, чтобы столковаться насчетъ своихъ показаній, и дѣйствительно собирались тамъ.

2) Дѣло гражд. суда, № 106, л. 48.

3) Изъ сенатскаго указа 25 янв. 1770 г. дѣло № 214.

Digitized by Google

состоящее изъ 54 человѣкъ, отъ себя депутата въ Коммиссію для сочиненія новаго Уложенія, но выбраннаго еще не дѣйствительнымъ почли депутатомъ, когда онъ отъ нихъ наказа принять не хотѣлъ, а сочинилъ свой безъ согласія ихъ, и потому выбранный отъ депутатства отказывался, а они на мѣсто его другаго выбрали и въ томъ по неразумѣнію своему правыми себя почитали, въ такомъ ихъ мнѣніи ежели бы могли они на то время отъ кого лучшій совѣтъ получить, никогда бы не сопротивились прямому толкованію обряда, но ни предводитель ихъ, ни они того по отдаленности своей не разумѣли и за то, какъ ослушники, наказаны осьмимѣсячнымъ заключеніемъ въ оковахъ и лишены всѣхъ чиновъ своихъ, просятъ изъ милосердія помилованія въ ихъ неумышленномъ преступленіи, *не принося никакого оправданія*, и чтобъ имъ возвратить прежніе ихъ чины и должности». «Ея И. В-во на ономъ экстрактѣ собственною рукою подписать соизволила тако: Богъ проститъ», и затѣмъ въ силу послѣдовавшаго именнаго указа Сенату «Правительствующій Сенатъ приказали въ Малороссійскую Коллегію послать указъ и велѣть ей оный всемилостивѣйшій указъ помянутому шляхетству объявить и всѣ отобранные у нихъ чины и на оные патенты, универсалы и открытые ордеры имъ возвратить и по прежнему къ должностямъ ихъ опредѣлить, словомъ во всемъ ихъ въ прежнее состояніе возстановить»[1]). Получивъ этотъ указъ, подписанный въ Сенатѣ 25 янв. 1770 г., Малороссійская Коллегія, заслушавъ его въ засѣданіи 23 февраля, рѣшила призвать находившихся тогда въ Глуховѣ Почеку и Жураковскаго, прочесть имъ сенатскій указъ, возвратить чины и поручить имъ передать остальнымъ ихъ товарищамъ, чтобы они ѣхали въ Глуховъ. Это и было исполнено, но три лица, полк. ас. Занкевичъ, в. т. Ант. Кленусъ и зн. т. А. Голюнка, не смогли уже воспользоваться монаршею милостью, такъ какъ за это время они умерли. Таковъ былъ эпилогъ этого тяжелаго дѣла, являющагося любопытной страничкой изъ исторіи Екатерининской Коммиссіи и вмѣстѣ мрачнымъ памятникомъ грубаго административнаго произвола. Въ его свѣтѣ все же яснѣе выступаютъ нѣкоторыя черты первыхъ годовъ Екатерининскаго царствованія, тѣхъ годовъ, которые часто считаютъ временемъ по преимуществу либеральнаго правленія.

II. Заселеніе и землевладѣніе.

А. *Заселеніе.* Исторіи заселенія территоріи Нѣжинскаго полка въ книгѣ г. Лазаревскаго посвящены краткій историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Нѣжинскій полкъ, и масса мѣстъ при изложеніи исто-

1) Дѣло № 214, указъ Сената Мал. Коллегіи 25 янв. 1770 г.

Digitized by Google

ріи отдѣльныхъ поселеній, мѣстъ, въ которыхъ авторъ сообщаетъ свои свѣдѣнія и предположенія о времени и обстоятельствахъ возникновенія этихъ поселеній. Въ общемъ очеркѣ своемъ авторъ лишь подводитъ въ немногихъ словахъ итоги множества тѣхъ частныхъ эпизодовъ заселенія страны, которые разсѣяны по страницамъ его книги. Если въ тѣхъ частяхъ книги г. Лазаревскаго, о которой я говорилъ въ предшествовавшей части своего разбора, авторъ почти не имѣлъ предшественниковъ и наново пролагалъ путь изслѣдованія, то по исторіи заселенія края у него былъ такой предшественникъ въ лицѣ архіеп. Филарета Гумилевскаго, составившаго въ свое время «Описаніе Черниговской епархіи» (Черниговъ, 1873 г.), и мы можемъ, слѣдовательно, оцѣнить здѣсь результаты работы автора еще и путемъ сравненія ея съ трудомъ предыдущаго изслѣдователя. Книга г. Лазаревскаго чрезвычайно выигрываетъ при такомъ сравненіи: его «Описаніе» частью уничтожаетъ, частью замѣняетъ «Описаніе» его предшественника. Безчисленныя догадки и предположенія, переполняющія трудъ архіеп. Филарета и направленныя главнымъ образомъ къ тому, чтобы доказать древность нынѣ имѣющихся на данной территоріи поселеній и существованіе ихъ еще въ до-татарскую эпоху, эти догадки, въ высшей степени порою произвольныя и доходящія иногда до удивительной смѣлости въ выводахъ и сопоставленіяхъ, въ бо́льшей своей части совершенно разбиваются критикою г. Лазаревскаго, опирающеюся къ тому же на обильный новый матеріалъ. Произвольныя построенія преосв. Филарета у послѣдняго ученаго по большей части замѣнены неподлежащими сомнѣнію фактами и въ общемъ съ появленіемъ его книги исторія заселенія края пріобрѣтаетъ гораздо болѣе достовѣрный характеръ, нежели какой она имѣла въ трудѣ его предшественника. Дѣйствительно, въ основу этой части своей работы г. Лазаревскій положилъ разнообразный и цѣнный матеріалъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ непосредственно извлеченный имъ изъ источниковъ. Кругъ его печатныхъ источниковъ весьма широкъ: въ него входятъ и лѣтописи, и отдѣльные документы, разбросанные въ повременныхъ изданіяхъ, какъ Черниг. Губ. Вѣдомости, Кіевск. Старина, Чтенія Общ. Ист. и Древн., Чтенія въ ист. общ. Нестора, Памятная книжка Черниг. губ. и др., и актовый матеріалъ такихъ изданій, какъ Дворцовые Разряды и Разрядныя Книги, Акты Западной Россіи и Акты Ю. и З. Россіи, но особенно много свѣдѣній доставляютъ здѣсь автору описанія Малороссіи, произведенныя московскими переписчиками въ 1654 г. (А. Ю. З. Р., т. X) и въ 1666 г.[1]), и акты Румянцевской Описи, извлекае-

1) Часть этой переписи, составленной при передачѣ Брюховецкимъ малороссійскаго посполъства въ вѣдѣніе московскихъ воеводъ, напечатана по документу Моск. Архива Мин. Юст. у Костомарова, Историч. монографіи и изслѣдованія, т. XV, Рунна, стр. 132—141.

Digitized by Google

мые имъ изъ составленнаго нѣкогда имъ же Обозрѣнія Рум. Описи по Нѣжинскому полку (Черниговъ, 1866, вып. 2-й). Далѣе, не ограничиваясь русскими источниками, авторъ нерѣдко пользуется и матеріаломъ источниковъ польскихъ, почерпая его какъ изъ малоизвѣстныхъ у насъ работъ польскихъ историковъ, такъ и непосредственно изъ изданій памятниковъ. Но все же особенно цѣнныя свѣдѣнія, на которыхъ и построена бо́льшая часть работы автора, доставляютъ ему источники неизданные. Въ ряду ихъ, несомнѣнно, на первое мѣсто слѣдуетъ поставить генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Нѣжинскомъ полку, произведенное въ 1729—1731 гг. и заключающее въ себѣ для массы поселеній болѣе или менѣе точныя данныя, относящіяся ко времени и обстоятельствамъ ихъ возникновенія. Многочисленные документы, принадлежащіе библіотекѣ самого автора и изученные имъ въ различныхъ архивахъ, какъ архивъ генеральной войсковой канцеляріи, собраніе монастырскихъ актовъ въ Черниговской Казенной Палатѣ, архивы Черниговскаго Дворянскаго Собранія и Кіевской Археографической Коммиссіи, даютъ ему возможность нерѣдко подтвердить показанія этого основнаго источника, генеральнаго слѣдствія, болѣе точными актовыми свидѣтельствами или же дополнить и исправить эти показанія.

Искусно группируя этотъ богатый и разнородный матеріалъ, находившійся въ его распоряженіи, А. М. Лазаревскій возстановляетъ, какъ я уже сказалъ, исторію заселенія края въ болѣе достовѣрныхъ чертахъ, нежели она была извѣстна раньше. Основныя положенія, къ которымъ онъ приходитъ и съ которыми въ общемъ ихъ видѣ трудно было бы не согласиться, имѣя передъ собою массу выдвинутыхъ авторомъ въ подкрѣпленіе ихъ частныхъ фактовъ, заключаются въ слѣдующемъ. Послѣ татарскаго нашествія мѣстность, впослѣдствіи образовавшая территорію Нѣжинскаго полка, совершенно запустѣла. Южная часть ея, къ югу отъ рѣкъ Сейма и Остра, повидимому, до XVII вѣка представляла собою полную пустыню. На сѣверъ отъ этихъ рѣкъ, въ лѣсистой части данной территоріи, поселе-

---

Ею и пользуется г. Лазаревскій. Укажу здѣсь кстати, что въ томъ же архивѣ хранится другая часть этой описи, относящаяся къ территоріи Нѣжинскаго полка — къ сотнямъ Батуринской, Бахмацкой, Конотопской и Новомлинской, именно книга Малор. Приказа 7174 г., № 121. Полное ея заглавіе по описи: «Переписная наличная книга 7174 г. малороссійскимъ городамъ, какъ то Батурину, Бахмачу, Конотопу, Новымъ Млинамъ и городамъ, приписаннымъ къ г. Батурину, съ обозначеніемъ, сколько находится въ каждомъ изъ нихъ жителей разныхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей, а также и въ принадлежащихъ къ нимъ селахъ, деревняхъ и слободахъ крестьянъ съ ихъ дѣтьми и родственниковъ, сколько у нихъ всякаго скота, хлѣбныхъ запасовъ, рыбныхъ ловель и всякихъ угодій, сколько собираютъ съ нихъ оброка, сколько платятъ податей и сколько находится въ городахъ и селеніяхъ разныхъ строеній и прочаго»; книга эта заключаетъ въ себѣ 758 маленькихъ листовъ.

Digitized by Google

нія существовали и ранѣе этого времени, особенно въ хорошо защищенныхъ природою мѣстахъ, но во всякомъ случаѣ количество ихъ было не особенно велико и болѣе значительные впослѣдствіи городки возникли здѣсь лишь позже. Наиболѣе же усиленное заселеніе всей этой территоріи происходило около второй четверти XVII вѣка, когда послѣ Деулинскаго перемирія поляками воздвигнутъ былъ на ней рядъ укрѣпленныхъ городковъ, подъ защитою которыхъ стали селиться и села. Около этого времени вновь заселился Нѣжинъ, ранѣе представлявшій изъ себя пустое «городище», и возникло большинство позднѣйшихъ сотенныхъ мѣстечекъ Нѣжинскаго полка, равно какъ и большое количество селъ. Затѣмъ, уже съ значительно меньшею интенсивностью, шло заселеніе края во второй половинѣ XVII-го и первой XVIII-го столѣтій. Рядъ тщательно собранныхъ авторомъ фактовъ позволилъ ему для многихъ поселеній впервые точно установить время ихъ возникновенія, относительно котораго въ литературѣ существовали до сихъ поръ неясныя или невѣрныя представленія, для другихъ — опредѣлить это время приблизительно, и такимъ путемъ, освободивъ въ немалой мѣрѣ исторію заселенія края отъ гаданій, вмѣстѣ внести въ нее весьма серьезныя поправки, выразившіяся въ указанныхъ общихъ его положеніяхъ. Чтобы обстоятельнѣе выяснить значеніе этой части труда г. Лазаревскаго, я остановлюсь еще на нѣкоторыхъ наиболѣе любопытныхъ изъ числа этихъ частныхъ фактовъ, обнаруженныхъ его изслѣдованіемъ.

Основываясь на сообщенномъ въ одной изъ старыхъ работъ Э. Руликовскаго свѣдѣніи, заимствованномъ этимъ польскимъ ученымъ изъ знаменитаго архива Росцишевскихъ, г. Лазаревскій окончательно опровергаетъ старую сказку объ основаніи г. Батурина Стефаномъ Баторіемъ, такъ распространенную до послѣдняго времени въ нашей литературѣ и повторявшуюся и въ литературѣ польской, гдѣ не было обращено вниманія на явившееся уже однажды болѣе точное свѣдѣніе. Батуринъ, изъ котораго лѣтописи и историки дѣлали то устроенную Баторіемъ столицу козаковъ, то мѣстопребываніе мнимаго «русскаго трибунала», въ дѣйствительности былъ поселенъ по королевскому порученію въ 1625 г. администраторомъ находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра имѣній п. Пясочинскаго, Матвѣемъ Стахорскимъ, очевидно, въ качествѣ пограничной крѣпости. Пясочинскимъ же вновь поселенъ былъ и Глуховъ, какъ доказываетъ это г. Лазаревскій, пользуясь показаніями старожиловъ, занесенными въ документъ начала XVIII вѣка, и отрывкомъ грамоты Владислава IV 1646 г. вдовѣ Пясочинскаго на м. Глуховъ, которую авторъ получилъ отъ Н. М. Бѣлозерскаго и которая ведетъ свое происхожденіе, какъ онъ думаетъ, изъ того же архива Росцишевскихъ. Руководясь печатными польскими источниками, авторъ устанавливаетъ далѣе поселеніе г. Кролевца полякомъ Вышлемъ (с. 377—8),

Digitized by Google

на основаніи генеральнаго слѣдствія относитъ съ большою вѣроятностью къ этому же времени, — началу XVII вѣка—основаніе Воронежа (с. 345), а одинъ изъ актовъ, помѣщенныхъ въ Обозрѣніи Рум. Описи, даетъ ему возможность къ той же порѣ пріурочить и возникновеніе м. Веркіевки, поселенной Григоріемъ Веркіемъ Осипковскимъ (с. 117). Въ виду этихъ твердо установленныхъ авторомъ фактовъ довольно вѣроятными представляются и его догадки о поселеніи приблизительно въ это же время Борзны, Олишевки, Мрина. Большое количество аналогичныхъ фактовъ устанавливаетъ авторъ и въ исторіи отдѣльныхъ селъ, которой я уже не буду касаться. Источники не даютъ г. Лазаревскому достаточнаго матеріала для рѣшенія вопроса о томъ, откуда являлось населеніе, заполнявшее собою новые или возобновлявшіеся города и села. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ пополняетъ этотъ пробѣлъ путемъ соображеній, которыя во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Таково, напримѣръ, остроумно обставленное предположеніе автора о поселеніи сс. Холмовъ, Краснаго-Става и Прачей въ Борзенской сотнѣ Нѣжинскаго полка малорусскими переселенцами изъ гг. Холма, Краснаго-Става и Парчова, находящихся въ нынѣшней Люблинской губерніи (с. 149—50), равно какъ сближеніе Батуринской Тростянки съ Люблинской (с. 276); такого рода сближенія тѣмъ болѣе имѣютъ вѣроятія, что авторъ въ подтвержденіе ихъ опирается на единичные, правда, но зато уже несомнѣнные факты существованія въ лѣвобережной Малороссіи въ XVII в. выходцевъ изъ Галиціи (с. 147, 149).

Значеніе собранныхъ такимъ образомъ г. Лазаревскимъ фактовъ и сдѣланныхъ имъ выводовъ для исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи врядъ ли требуетъ подробныхъ комментаріевъ. Несомнѣнно, и въ этой области къ сообщаемымъ въ ней фактамъ можно бы сдѣлать нѣкоторыя дополненія. Немаловажный матеріалъ для такихъ дополненій долженъ заключаться, какъ указываетъ самъ авторъ, въ архивѣ Росцишевскихъ или Пѣсочинскаго, копіи съ актовъ котораго находятся нынѣ въ Варшавѣ, въ библіотекѣ Красинскихъ, а подлинники, повидимому, въ Львовскомъ музеѣ Оссолинскихъ; въ большой мѣрѣ, по всей вѣроятности, подобный матеріалъ могутъ доставить и акты Литовской Метрики, равно какъ указанная выше и оставшаяся неизвѣстной г. Лазаревскому неизданная часть переписи Нѣжинскаго полка въ 1666 г. Но возможность такихъ дополненій нимало не устраняетъ серьезной цѣнности произведенной уже работы. Внося въ науку большое количество остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными фактовъ и прочно устанавливая на основаніи ихъ нѣкоторыя общія положенія, она является значительнымъ шагомъ впередъ и можетъ сдѣлаться надежной исходной точкой для дальнѣйшаго труда.

Но если въ деталяхъ своихъ эта работа представляется, вообще го-

Digitized by Google

воря, тщательно и искусно выполненной, если общіе выводы ея автора являются прочно обоснованными, то имѣются въ изложеніи ея и такія частности, которыя способны вызвать сомнѣніе и споръ. Таковъ прежде всего одинъ изъ пріемовъ изложенія почтеннаго автора, — введеніе въ работу слишкомъ слабо обоснованныхъ предположеній. Г. Лазаревскій упрекаетъ, и совершенно справедливо, своего предшественника по описанію территоріи Нѣжинскаго полка, преосв. Филарета, въ переполненіи труда малоосновательными догадками; какъ я уже говорилъ, большую часть этихъ догадокъ онъ уничтожаетъ и замѣняетъ точными фактами. Въ то же время, однако, онъ самъ не свободенъ отъ этого недостатка, хотя далеко не поддается ему въ такой мѣрѣ и не доходитъ въ своихъ догадкахъ до тѣхъ предѣловъ, какъ его предшественникъ. Но онъ, такъ сказать, перегибаетъ дугу въ другую сторону, и если преосв. Филаретъ всякое современное село стремился найти въ Руси XII—XIII вв., то г. Лазаревскій нерѣдко ставитъ датой возникновенія поселенія XVII столѣтіе, когда для этого нѣтъ никакихъ или есть весьма слабыя основанія. Съ общими положеніями его, что въ XVI в. южная, стецная часть территоріи Нѣжинскаго полка являлась почти незаселенной, а въ сѣверной—поселенія должны были главнымъ образомъ помѣщаться въ защищенныхъ природой мѣстностяхъ, можно легко согласиться, но эти положенія далеко еще не имѣютъ такого строго обязательнаго характера, чтобы примѣненіе ихъ къ каждому отдѣльному случаю не требовало особыхъ доказательствъ. Между тѣмъ авторъ какъ будто не замѣчаетъ этого и каждый разъ почти, какъ онъ находитъ село южнѣе Сейма и Остра или сѣвернѣе, но въ открытой мѣстности, онъ рѣшительно относитъ его возникновеніе къ XVII в. и наоборотъ, села, лежащія въ укрѣпленныхъ природой мѣстахъ, только по одному мѣстоположенію пріурочиваетъ къ XVI столѣтію, выражая притомъ подчасъ эти предположенія въ очень категорической формѣ. Такъ, напр., о с. Вересочи авторъ говоритъ еще въ предположительной формѣ, что, какъ «защищенная съ юга громаднымъ болотомъ, она можетъ быть поселена раньше XVI в.» (с. 95), а о с. Ковчинѣ уже инымъ тономъ замѣчаетъ: «по защищенному водою мѣстоположенію Ковчинъ поселенъ не позже XVI в.» (с. 96). Но вѣдь и въ XVII в., не говоря уже о XVI-мъ, населеніе этой мѣстности нуждалось нерѣдко въ защищенномъ мѣстоположеніи; почему же тогда не могли возникнуть эти села? Или: о с. Носилевкѣ авторъ не менѣе категорически заявляетъ: «по нахожденію на южномъ берегу Дочи, поселена не раньше начала XVII в.» (с. 160), о с. Стрѣльникахъ — «поселены не раньше начала XVII в., судя по малозащищенному положенію» (с. 160). Столь рѣшительныя утвержденія врядъ ли удобны, когда единственнымъ основаніемъ для нихъ служитъ мѣстоположеніе поселенія, и, быть можетъ, лучше было

Digitized by Google

бы обойтись вовсе безъ нихъ. Въ другихъ случаяхъ авторъ руководится инымъ признакомъ, именно наличностью или отсутствіемъ въ селѣ церкви. Такъ о с. Занькахъ онъ говоритъ, что «они возникли около половины XVII вѣка, такъ какъ первая церковь построена здѣсь около 1685 г.» (с. 120). Это опять слишкомъ рѣшительно, такъ какъ трудно вѣдь опредѣлить въ самомъ дѣлѣ, сколько времени село могло обходиться безъ собственной церкви. Авторъ же продѣлываетъ съ этимъ критеріемъ давности поселенія довольно неожиданныя комбинаціи. Такъ, на 130 стр. его книги читаемъ о с. Махновкѣ: «по описи 1654 г. значится съ церковью, изъ чего слѣдуетъ заключить, что поселена не позже начала XVII в.»; о. с. Бильмачевкѣ: «по описи 1654 г. показана съ церковью и потому поселена, можетъ быть, одновременно съ Махновкою»; о с. Мартыновкѣ: «по описи 1654 г. значится съ церковью и потому можетъ быть поселена одновременно съ Махновкою и Бильмачевкою»; о с. Хвастовцахъ: «по описи 1654 г. показаны съ церковью, что указываетъ на одновременное, быть можетъ, поселеніе съ Мартыновкой и др. селами Ивангородской сотни». Но если и признать, что церковь никогда не могла возникнуть одновременно съ селомъ, а отъ основанія послѣдняго до появленія въ немъ церкви непремѣнно проходило 35—50 лѣтъ, то такое признаніе еще не даетъ полномочія на новый выводъ, дѣлаемый авторомъ: если изъ трехъ селъ одно возникло 150, другое 100, третье 50 лѣтъ назадъ, то церковь будетъ имѣться во всѣхъ трехъ, но какъ же заключить отсюда объ одновременномъ ихъ возникновеніи? Иногда же авторъ высказываетъ свои предположенія и безъ всякой мотивировки, тѣмъ самымъ лишая читателя возможности провѣрить ихъ основательность; такъ, о д. Переходовкѣ онъ говоритъ только, что она, «повидимому, возникла одновременно съ Стодолами» (с. 100), или о с. Митченкахъ, что они «поселены, нужно полагать, одновременно съ Батуринымъ» (с. 277), о с. Британахъ, что они, «повидимому, возникли около половины XVII вѣка» (с. 118, ср. с. 119 о сс. Берестовцѣ и Смоляжѣ, с. 121 о с. Ильинцахъ). Или о сс Великой Загоровкѣ, Красиловкѣ, Конашевкѣ авторъ лишь говоритъ, что они «поселены не позже начала XVII в.», не сообщая источника и такихъ скромныхъ свѣдѣній (с. 143, 145, 148). При опредѣленіи времени основанія с. Озаричъ мотивировка имѣется, но столь шаткая, что и заключеніе автора страдаетъ опять крайней неопредѣленностью. «Начало Озаричъ, говоритъ онъ именно, должно быть отнесено къ нач. XVII в., а можетъ быть, и къ XVI в., такъ какъ водяныя мельницы должны были здѣсь появиться, по удобству мѣстности для ихъ устройства, очень давно» (с. 225). Трудно сказать, имѣется ли нужда въ такомъ опредѣленіи времени, тѣмъ болѣе, что не всѣ же удобныя для устройства мельницъ мѣста были заселены въ XVI и даже въ началѣ XVII в.: мельницы строили еще и въ XVIII вѣкѣ на

Digitized by Google

незанятыхъ мѣстахъ. Но иногда авторъ идетъ и дальше и столь же шаткія предположенія противопоставляетъ имѣющимся точнымъ даннымъ: такъ, о с. Старой онъ говоритъ: «по генеральному слѣдствію, поселена Пѣсочинскимъ, но едва ли это показаніе вѣрно, такъ какъ поселеніе здѣсь должно было возникнуть изъ хатъ мельниковъ, жившихъ около тѣхъ водяныхъ мельницъ, которыя здѣсь устроены были благодаря удобной для того мѣстности, вѣроятно, еще раньше Пѣсочинскаго» (с. 219). Трудно, пожалуй, согласиться и съ другою догадкою автора, что с. Переяславка «поселена въ концѣ первой половины XVII в., вѣроятно, владѣльцемъ Бурковки Синявскимъ, который, живя въ Переяславѣ, и назвалъ это село Переяславкою» (с. 224). Дѣло въ томъ, что, какъ говоритъ генеральное слѣдствіе (и это показаніе его г. Лазаревскій самъ добросовѣстно приводитъ на той же страницѣ), Синявскій владѣлъ Бурковкою «за гетманства Сомка», а исторію Переяславки генер. слѣдствіе знаетъ еще со времени гетманства Выговскаго, когда ею владѣлъ Гуляницкій, но Синявскаго въ числѣ ея владѣльцевъ не называетъ. Въ подобныхъ попыткахъ опредѣлить время основанія того или инаго поселенія съ помощью ненадежныхъ признаковъ, не имѣющихъ серьезнаго значенія, г. Лазаревскій порою запутывается и до явнаго противорѣчія съ самимъ собою. Напримѣръ, говоря о с. Шаповаловкѣ, онъ относитъ ея возникновеніе къ началу второй половины XVII в. на томъ основаніи, что она не занесена въ опись 1654 г. (с. 237). С. Мельня тоже не занесена въ эту опись, но по отношенію къ ней, по мнѣнію автора, это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ она уже въ универсалѣ Брюховецкаго 1663 г. названа селомъ, и изъ послѣдняго факта авторъ выводитъ заключеніе, что Мельня въ моментъ описи 1654 г. «должна была уже существовать» (с. 284). Но Шаповаловка всего тремя годами позднѣе фигурируетъ въ источникахъ, и именно въ описи 1666 г., тоже съ названіемъ села.[1]) Равнымъ образомъ о с. Богдановѣ авторъ заключаетъ, что онъ «поселенъ во второй половинѣ XVII вѣка, потому что еще и въ 1730 г. называется слободкою» (с. 440), но Демьяновка, напр., тоже еще и въ 1730 г., и позже даже называется слободкою, что не мѣшаетъ г. Лазаревскому принимать показаніе генеральнаго слѣдствія, что ею владѣлъ Пѣсочинскій (с. 493).

Нельзя, конечно, сказать, чтобы присутствіе подобныхъ догадокъ составляло прямо отрицательную сторону разбираемой книги, но оно во всякомъ случаѣ ничего не прибавляетъ къ ея положительнымъ достоинствамъ и потому было бы, можетъ быть, лучше, еслибы авторъ дальнѣйшіе томы своей работы не загромождалъ этимъ лишнимъ балластомъ или, по меньшей

1) Костомаровъ, Руина, с. 141 въ примѣчаніи.

Digitized by Google

мѣрѣ, высказывая тѣ или иныя предположенія тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ серьезной опоры въ источникахъ, не облекалъ бы ихъ въ такую категорическую форму, какую они принимаютъ у него иногда въ настоящемъ трудѣ. Важнѣе другое замѣчаніе, которое можетъ быть сдѣлано по поводу этой части книги г. Лазаревскаго и которое относится уже не къ пополненію авторомъ пробѣловъ, оставляемыхъ источниками, а къ пользованію самыми источниками. Выше я упоминалъ, что въ числѣ источниковъ г. Лазаревскаго имѣется и напечатанная у Костомарова часть описи 1666 г. Къ сожалѣнію, авторъ не счелъ нужнымъ внести ея данныя цѣликомъ въ свою книгу: изъ 26 значащихся въ ней свободныхъ селъ Нѣжинскаго уѣзда онъ только относительно пяти приводитъ тотъ фактъ, что они занесены въ опись 1666 г., и то въ двухъ изъ нихъ (Безугловкѣ и Кропивной) не отмѣчаетъ даваемаго описью числа дворовъ, а объ одномъ не говоритъ, что оно означено въ описи свободнымъ (с. Дремайловка). Точно также о свободныхъ селахъ Борзенскаго и Иванъ-Городищенскаго уѣзда онъ вовсе не беретъ данныхъ изъ этой описи; между тѣмъ, хотя бы цифру населенія Ивангорода, даваемую описью 1666 г., — 31 чел. мѣщанъ [1]), любопытно сопоставить съ такой же цифрой 1654 г. — 254 чел. Одно это сопоставленіе лишаетъ убыль населенія въ Ивангородѣ того постояннаго характера, которое какъ будто придаетъ ей авторъ, замѣчая, что къ 1736 г. въ немъ не осталось и половины населенія 1654 г. и прибавляя: «убылая половина поросходилась, конечно, по слободамъ» (стр. 129). Если принять, далѣе, показаніе ген. слѣдствія, то окажется, что съ 1730 г. посполитское населеніе въ Ивангородѣ возростало. Пропуская данныя описи 1666 г. въ своей книгѣ, авторъ могъ, конечно, руководиться тѣмъ соображеніемъ, что они уже напечатаны, и притомъ въ распространенномъ изданіи, тогда какъ на свою книгу онъ смотритъ, какъ на собраніе по преимуществу новаго или малоизвѣстнаго матеріала, но врядъ ли это соображеніе было правильнымъ. Если г. Лазаревскій нашелъ въ своей книгѣ мѣсто для перепечатки произведеннаго въ 1654 г. московскими писцами описанія укрѣпленій цѣлаго ряда городковъ Нѣжинскаго полка, то тѣмъ болѣе можно и должно было удѣлить мѣсто для воспроизведенія гораздо болѣе краткихъ по формѣ и важныхъ по существу свѣдѣній описи 1666 г. Это — во-первыхъ, а во-вторыхъ, игнорированіе данныхъ, заключающихся въ описи 1666 г., создаетъ порою пробѣлы и даже ошибки въ самомъ из-

1) Костомаровъ, Руина, стр. 141. Въ генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ мы объ Ивангородѣ читаемъ: «посполитие люде за прежнихъ гетмановъ и за г. Самойловича были подъ сотеннымъ Ивангородскимъ правленіемъ въ диспозиціи войсковой, а за гетмана Мазепи повписовались въ козаки, а иние пошли прочь, и нынѣ въ мѣстечку посполитихъ ни одного двора». Рукопись слѣдствія о маетностяхъ въ Нѣж. полку, л. 67.

Digitized by Google

ложеніи г. Лазаревскаго. Къ только что приведенному примѣру населенія м. Ивангорода можно присоединить другіе, болѣе убѣдительные. Такъ, о с. Черняховкѣ авторъ говоритъ только, что въ 1695 г. оно было отдано Дм. Максимовичу, и читатель можетъ подумать, что объ этомъ селѣ и не имѣется болѣе раннихъ свѣдѣній (стр. 84); между тѣмъ оно значится въ описи 1666 г. въ числѣ свободныхъ селъ Нѣжинскаго уѣзда[1]). Доказывая позднее возникновеніе с. Прохоровъ («не раньше второй половины XVII в.»), авторъ говоритъ: «видно, что это село было молодое, которое возникало помимо Нѣжинскаго магистрата, почему и крестьяне здѣсь явились только во второй половинѣ XVIII в. и то лишь въ видѣ подсосѣдковъ» (стр. 123). Во второй части этой фразы авторъ основывается на ревизіи 1736 г., которая не называетъ въ Прохорахъ крестьянъ. Но опись 1666 г. знаетъ Прохоры и знаетъ въ нихъ 53 крестьянскихъ двора и 6 бобыльскихъ[2]). О сс. Куликовкѣ, Жуковкѣ, Дроздовкѣ и Будѣ авторъ замѣчаетъ: «населеніе всѣхъ этихъ четырехъ селъ первоначально состояло изъ однихъ козаковъ, почему можно думать, что села эти возникли уже послѣ изгнанія поляковъ. Крестьянское населеніе въ этихъ селахъ образовано было мѣстною сотенною старшиною, съ помощью насилій и скупли» (стр. 112—113). То, что распространено въ данномъ мѣстѣ авторомъ на всѣ эти села, въ генер. слѣдствіи сказано только о с. Будѣ или Будахъ, и притомъ въ болѣе ограниченной формѣ: «за гетмана Самойловича въ с. Будахъ посполитихъ людей не було»[3]), опись же 1666 г. называетъ въ свободныхъ селахъ Жуковкѣ — 23 крест. двора, Куликовкѣ — 19 крест. и 4 боб. двора, Дроздовкѣ — 28 крест. дворовъ[4]), и это свѣдѣніе, по крайней мѣрѣ, относительно с. Куликовки, находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ генеральномъ слѣдствіи, гдѣ мы объ этомъ селѣ читаемъ: «за гетмана Самойловича не были посполитие Куликовские люди ни подъ кимъ въ подданствѣ»[5]).

Нѣсколько бо́льшее вниманіе къ свѣдѣніямъ описи 1666 г., надо думать, избавило бы книгу г. Лазаревскаго отъ этихъ ошибокъ. Еще болѣе вниманія и осторожности, естественно, требовалось при пользованіи рукописными источниками, по отношенію къ которымъ значительная часть читателей находится уже въ полной зависимости отъ автора, не имѣя возможности ни провѣрить сообщаемые имъ факты, ни восполнить въ нихъ пробѣлы, если таковые имѣются. Но и здѣсь можно указать отдѣльные, правда, немногочисленные, случаи недостаточно внимательнаго отношенія автора къ одному

1) Костомаровъ, Руина, стр. 139.
2) Тамже.
3) Рукопись слѣдствія о маетностяхъ въ Нѣж. полку, л. 5 об.
4) Костомаровъ, Руина, стр. 139.
5) Рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 58 об.

Digitized by Google

изъ наиболѣе цѣнныхъ неизданныхъ его источниковъ — генеральному слѣдствію о маетностяхъ въ Нѣжинскомъ полку. Мѣстами г. Лазаревскій опускаетъ въ своемъ изложеніи прямо относящіяся къ его задачѣ показанія этого источника или же сообщаетъ свѣдѣнія, находящіяся въ противорѣчіи съ ними, не указывая мотивовъ, по которымъ онъ предпочелъ эти свѣдѣнія даннымъ въ слѣдствіи и не приводя опять-таки послѣднихъ. О д. Хвостикахъ г. Лазаревскій говоритъ, что она возникла «не раньше половины XVIII в., такъ какъ по ревизіи 1736 г. не значится» (стр. 83). Въ генеральномъ же слѣдствіи, составленномъ въ 1729—1731 гг., эта деревня не только значится, но и сказано объ ней, что она «з давнихъ годовъ до ратуши Нѣжинской надлежитъ», причемъ указано и населеніе ея въ 1 дворъ[1]). При такомъ количествѣ населенія возможно, что Хвостики въ промежутокъ времени 1731—1736 гг. запустѣли совсѣмъ, а потомъ опять населились, но возможно также и то, что въ ревизіи 1736 г. они пропущены просто по недосмотру. Во всякомъ случаѣ возникла эта деревня не во второй половинѣ XVIII вѣка, разъ она была извѣстна уже въ 1730 г. Разсказывая о поселеніи сл. Данины (стр. 90), авторъ опускаетъ небезъинтересную для исторіи заселенія подробность, что Григорій Самойловичъ, владѣя хуторомъ Даниной, «купилъ у помѣжниковъ того хутора грунтъ и на ономъ поселилъ слободку прихожими людми»[2]). Говоря о Конотопѣ и приводя свидѣтельство Освѣцима, что въ 1647 г. имъ владѣлъ Юрій Оссолинскій, авторъ умалчиваетъ о прямомъ свидѣтельствѣ слѣдствія, по которому Конотопъ во время владѣнія поляковъ этимъ краемъ поселенъ «шляхтичемъ Пѣсочинскимъ»[3]). Съ именемъ Пѣсочинскаго связываетъ генер. слѣдствіе и другое поселеніе, с. Обложки, говоря, что оно «здавна было польского шляхтича Пѣсочинского, которой отъ себе надалъ ксензамъ въ владѣніе, а за гетмана Богдана Хмелницкого надано по универсалу на монастырь Новгородскій, а нынѣ владѣетъ монастырь Катедри Чернѣговской»[4]). У г. Лазаревскаго мы въ этомъ случаѣ встрѣчаемъ прямо невѣрную передачу текста памятника: «с. Обложки, говоритъ онъ, по свидѣтельству ген. слѣдствія, поселены Н.-Сѣверскими доминиканами на земляхъ с. Полошекъ, вмѣстѣ съ которыми въ 1670 г. поступили во владѣніе Черниговской «катедры» (стр. 441). Разногласіе съ слѣдствіемъ относительно времени основанія поселеній имѣется еще и въ слѣдующемъ случаѣ. О с. Ховзовкѣ и дд. Вязенкѣ и Будищахъ авторъ говоритъ на основаніи универсала Дорошенка 1668 г., что они поселены около 1660 г. монахами Петро-Павловскаго

1) Тамже, л. 67 об. — 68.
2) Тамже, л. 65 об.
3) Тамже, л. 39 об. — 40.
4) Тамже, л. 3 об. — 4.

Digitized by Google

монастыря (стр. 466), въ слѣдствіи же читаемъ о д. Будищахъ: «здавна была за гетмана Богдана Хмельницкого въ диспозиціи войсковой, а послѣ досталось во владѣніе по унѣверсалу гетмана Многогрѣшного на монастырь Петропавловскій», и то же самое о Вязенкѣ и Ховзовкѣ[1]). Старожилы могли не знать объ универсалѣ Дорошенка, или лица, составлявшія экстрактъ изъ слѣдствія, могли не имѣть его въ рукахъ, но въ виду яснаго показанія слѣдствія о существованіи этихъ поселеній при Хмельницкомъ и той точности, которой вообще отличаются свѣдѣнія этого источника, я нѣсколько затруднился бы такъ легко рѣшить вопросъ о времени возникновенія данныхъ селъ на основаніи лишь словъ универсала Дорошенка «на ихъ монастырскомъ грунтѣ новосѣлые деревнѣ або села». Монастырскія притязанія иногда шли очень далеко. Г. Лазаревскій самъ разсказываетъ въ своей книгѣ исторію завладѣнія монахами Крупицкаго Батуринскаго монастыря с. Спасскимъ на томъ только основаніи, что жители этого села были прихожанами одноименной съ монастыремъ церкви св. Спаса (Крупицкій монастырь сперва звался Спасскимъ, а позже сталъ называться Николаевскимъ). Мнѣ извѣстенъ случай, когда Кіево-Печерская Лавра утверждала, что вся земля Смѣлянской сотни принадлежитъ собственно ей, Лаврѣ, и козаки этой сотни должны быть монастырскими подданными[2]). А ужь назвать передъ гетманомъ, да еще правобережнымъ, старое поселеніе «новосѣлой на монастырскомъ грунтѣ деревней» — было рядомъ съ этимъ вовсе не трудно. Въ универсалѣ же Многогрѣшнаго эта фраза могла быть прямо перенесена изъ подтверждаемаго документа. Во всякомъ случаѣ, г. Лазаревскому слѣдовало бы, мнѣ кажется, упомянуть о показаніи слѣдствія, если даже онъ лично и не склоненъ придавать ему большой вѣры. О д. Черневѣ авторъ сообщаетъ, что она «поселена въ началѣ второй половины XVII в., причемъ по нахожденію здѣсь козачьяго населенія можно думать, что козаки Черневъ и поселили, а П.-Павловскіе монахи захватили Черневскія земли уже впослѣдствіи» (стр. 466). Въ слѣдствіи опять иное — «здавна былъ за гетмана Б. Хмельницкого и протчіихъ по немъ бывшихъ гетмановъ въ диспозиціи войсковой, а въ 7176 г. по жалованной грамотѣ владѣетъ монастырь П.-Павловскій и поднесь»[3]). Грамоту 7176 г. приводитъ далѣе самъ г. Лазаревскій и не довѣрять первой половинѣ показанія слѣдствія, кажется, не было здѣсь никакого основанія. О д. Мацковѣ авторъ говоритъ лишь, что она была поселена въ началѣ второй половины XVII в. и въ 1669 г. отдана П.-Павловскому монастырю (стр. 465), тогда какъ слѣдствіе

1) Тамже, л. 42, 42 — об.
2) Архивъ Черниг. Каз. Палаты, по общей описи № 274.
3) Рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 41.

Digitized by Google

повторяетъ здѣсь тѣ же данныя, что и при д. Будищахъ[1]). Но мало того: на 467 стр. авторъ уже говоритъ, что «изъ селъ, возникшихъ самостоятельно, монастырь получилъ только два — Холопковъ и Баничи», а всѣ остальныя осадилъ самъ, въ томъ числѣ, стало быть, и Черневъ, и Мацковъ. Далѣе, о сс. Холопковѣ и Баничѣ авторъ замѣчаетъ, что по свидѣтельству генер. слѣдствія они поселены при Пѣсочинскомъ (стр. 465); въ дѣйствительности въ слѣдствіи говорится только, что ими владѣлъ Пѣсочинскій[2]). Аналогичный случай разногласія мы имѣемъ еще относительно с. Слѣпорода: у г. Лазаревскаго о немъ читаемъ: «ген. слѣдствіе называетъ первымъ владѣльцемъ Слѣпорода Фил. Уманца, при которомъ онъ, кажется, только и возникъ» (стр. 477), обращаясь же къ слѣдствію, видимъ, что оно знаетъ Слѣпородъ еще при Б. Хмельницкомъ, когда онъ былъ еще «въ диспозиціи войсковой», и уже послѣ того дѣлаетъ Уманца его владѣльцемъ[3]). Иного рода разногласіе наблюдается въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: основателемъ д. Потаповки г. Лазаревскій называетъ войск. тов. Ивана Потапенка (стр. 482), слѣдствіе же козака Потапа[4]); поселеніе с. Марчишиной Буды у г. Лазаревскаго приписано вдовѣ Марка Кимбары, въ слѣдствіи — самому Марку[5]). Наконецъ, отмѣчу еще мѣста, въ которыхъ авторъ игнорируетъ свидѣтельства слѣдствія, дополняющія и разъясняющія однако сообщаемые имъ факты. Такъ, говоря о д. Новой Греблѣ (стр. 477), онъ упускаетъ моментъ заселенія ея, отмѣченный слѣдствіемъ, которое сообщаетъ, что здѣсь «за гетманства Брюховецкого» около существовавшей раньше мельницы осѣла слободка, названная Н. Греблей[6]). О сл. Рубановкѣ у автора находимъ только слѣдующія свѣдѣнія: «при с. Зазиркахъ находился приселокъ Рубанка, поселенная, конечно, еще сотникомъ Рубаномъ. По ревизіи 1736 г. Рубанка почему-то значится за Андреемъ Лизогубомъ» (стр. 461). Разсказъ слѣдствія даетъ болѣе точные факты о поселеніи Р—ки и разъясняетъ, почему она перешла въ руки Лизогуба[7]). Равнымъ образомъ опущенъ авторомъ и разсказъ слѣдствія о с. Семеновкѣ, сообщающій и приблизительную дату основанія здѣсь сло-

---

1) Тамже, л. 42 — об.
2) Тамже, л. 41 об.
3) Тамже, л. 24 об. — 25.
4) Тамже, л. 51 об. — 52.
5) Тамже, л. 52.
6) Тамже, л. 52 об. — 53.
7) «Оперва на р. Виргѣ занялъ займу и збудовалъ млинъ козакъ сотнѣ Глуховской житель Зазѣрскій Федоръ Зоръ, . . . а купивши тотъ млинъ Данило Рубанъ, знатній товаришъ войсковій, житель Глуховскій, осадилъ къ оному млину слободку и владѣлъ нею, а по смерти поручилъ во владѣніе зятевѣ своему Михаилу Миклашевскому, а нынѣ владѣетъ по женѣ своей дѣдизною своею Андрей Лизогубъ бунчуковій товаришъ», получившій на эту слободку и жал. грамоту, тамже, л. 26 об.

Digitized by Google

боды, и имя основателя ея, и время ея обращенія въ село[1]). Не совсѣмъ точно изложены у г. Лазаревскаго и обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе д. Хотьминовки (стр. 492). Всю исторію ея основанія онъ сжимаетъ въ одну фразу, что она «поселена Глуховскимъ протопопомъ Максимомъ Сафоновичемъ», между тѣмъ какъ слѣдствіе даетъ здѣсь гораздо болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Согласно имъ оказывается, что на мѣстѣ, гдѣ позже возникла Хотьминовка, въ давніе годы «занялъ займъ на р. Есманѣ и збудовалъ млинъ» козакъ Глуховской сотни Хома Хотминецъ (откуда, очевидно, и позднѣйшее названіе деревни) сообща («посполу») съ козакомъ же Максимомъ Сафоновичемъ, а по смерти Хотминца жена его продала половинную часть этого млина, доставшуюся ей отъ мужа, Сафоновичу; около этой-то мельницы осѣла слободка и была утверждена Сафоновичу универсаломъ г. Самойловича за услуги войсковыя[2]).

Я перечислилъ, кажется, всѣ болѣе существенные случаи не вполнѣ достаточнаго пользованія со стороны автора данными генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, останавливаясь на нихъ, въ виду того важнаго значенія, какое имѣетъ этотъ источникъ и какое, думаю, нѣсколько выясняется уже и въ приведенныхъ примѣрахъ, съ особою придирчивостью, которая, быть можетъ, покажется даже излишней и мелочной. Общее число такихъ случаевъ однако невелико и въ громадной массѣ собранныхъ въ книгѣ г. Лазаревскаго фактовъ по исторіи заселенія края они являются скорѣе довольно рѣдкими исключеніями. Можно, конечно, пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ томахъ своей работы авторъ совершенно не давалъ повода къ такимъ замѣчаніямъ со стороны критики, всецѣло исчерпывая находящійся въ его распоряженіи матеріалъ, но вмѣстѣ необходимо признать, что указанные единичные факты нѣкотораго невниманія автора къ своимъ источникамъ не могутъ и не должны сколько-нибудь серьезно ослабить высказаннаго выше общаго заключенія о большой тщательности этой части работы г. Лазаревскаго и серьезной цѣнности достигнутыхъ ею результатовъ.

Землевладѣніе. Переходя теперь въ порядкѣ своего разбора къ даннымъ, собраннымъ г. Лазаревскимъ для характеристики землевладѣнія на территоріи Нѣжинскаго полка, я долженъ прежде всего замѣтить, что именно этотъ отдѣлъ работы уважаемаго историка требовалъ бы, можетъ

1) Тамже, лл. 22 об. — 23: «Прежде осажовалъ на купленной землѣ слободку Семенъ Тарасовичъ Чорній, знатній товаришъ войсковій и житель Глуховскій за позволеніемъ гетмана Ивана Самойловича. А по немъ осталось во владѣніе Василію Федоровичу Ялоцкому, сестренцевѣ Чорного, за гетманства Мазепи и держалъ оную слободку по государевой грамотѣ 7198 г. и унѣверсалахъ гетманскихъ, а за его владѣнія людей примножилось и назвали село Семеновка», ср. Лазаревскій, стр. 474.

2) Рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 64 об.

Digitized by Google

быть, наибольшаго количества дополненій. И это не потому, чтобы собранный имъ матеріалъ былъ незначителенъ, но потому, что самая задача его собиранія поставлена была авторомъ нѣсколько узко и односторонне. Въ одной изъ наиболѣе авторитетныхъ рецензій на первый томъ «Описанія старой Малороссіи», посвященный Стародубскому полку, именно въ рецензіи, принадлежащей перу проф. Лучицкаго[1]), высказано было мнѣніе, что данная работа представляетъ изъ себя описаніе не «старой» вообще, а спеціально «владѣльческой» Малороссіи. Такой отзывъ, въ цѣломъ чрезмѣрно рѣзкій, наибольшее оправданіе для себя находитъ именно въ примѣненіи къ отдѣлу книги А. М. Лазаревскаго, посвященному землевладѣнію, и въ этомъ смыслѣ онъ, хотя и съ нѣкоторыми довольно существенными ограниченіями, можетъ имѣть значеніе и для настоящаго тома «Описанія старой Малороссіи». Дѣйствительно, авторъ послѣдняго, говоря о землевладѣніи на территоріи Нѣжинскаго полка, главное вниманіе обращаетъ на землевладѣніе державческаго класса, прослѣживая процессъ сосредоточенія земельныхъ богатствъ страны въ рукахъ козацкой старшины и монастырей и всецѣло почти подчиняя цѣлямъ этого наблюденія свой матеріалъ. Всѣ остальныя явленія, относящіяся къ области землевладѣнія, не занимаютъ въ его изложеніи виднаго мѣста и авторъ останавливается на нихъ лишь попутно, какъ бы даже мимоходомъ. Такая постановка описанія находитъ себѣ объясненіе и въ отмѣченномъ выше общемъ направленіи работъ г. Лазаревскаго, сосредоточившаго свое вниманіе, какъ историка, по преимуществу на изображеніи судебъ класса старшины, и въ особенностяхъ находившагося въ его распоряженіи матеріала, на которыя придется еще указывать. Но разъ будучи принята авторомъ, она уже необходимо повлекла за собою и пробѣлы въ его изложеніи. Такіе вопросы, какъ существовавшія на данной территоріи формы землевладѣнія, какъ размѣры землевладѣнія различныхъ группъ населенія, объемъ ихъ правъ на землю и взаимныя отношенія этихъ правъ и т. п., оказываются въ книгѣ г. Лазаревскаго или вовсе почти не представленными, или представленными небольшимъ количествомъ болѣе или менѣе случайно занесенныхъ въ нее фактовъ. Не принимая на себя задачи пополненія этихъ пробѣловъ во всемъ ея объемѣ, я попытаюсь въ дальнѣйшемъ разборѣ труда г. Лазаревскаго лишь намѣтить главнѣйшія черты нѣкоторыхъ изъ явленій, опущенныхъ авторомъ въ этой части его описанія.

Свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднимъ о существовавшихъ на территоріи Нѣжинскаго полка формахъ землевладѣнія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. владѣнія землею, а не населенными имѣніями, можно сказать, болѣе,

1) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1889, № 12.

Digitized by Google

чѣмъ скудны, скорѣе намекая на порядки жизни, чѣмъ обрисовывая ихъ. Указаніе на свободную въ началѣ XVIII в. Куренскую степь, которую «кто было займетъ на свою потребу, тотъ и коситъ» (стр. 179), на вольную пущу, въ которой селились с. Чарторія или Черториги и другія села Глуховской сотни (стр. 437), и на договоръ, заключенный въ 1691 г. жителями с. Чарторіи съ Лазаремъ Матвѣевичемъ, которому они позволили занять часть общей пущи въ его исключительную собственность и окопать, сохранивъ остальную часть въ общемъ пользованіи (стр. 362), — вотъ и все, что даетъ разбираемая книга по этому вопросу. Въ виду общей неразработанности вопроса о порядкахъ землевладѣнія гетманской Малороссіи, затрудняющей, естественно, и собираніе относящагося къ нему матеріала, равно какъ въ виду хаотическаго состоянія архивовъ, въ которыхъ разсѣянный матеріалъ такого рода приходится подбирать по клочкамъ, рискуя не получить отвѣта и на ясно и опредѣленно поставленный вопросъ, трудно было бы дѣлать серьезный упрекъ автору по поводу этой скудости свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ изъ архивныхъ источниковъ можно извлечь и нѣсколько болѣе ясныя свидѣтельства для характеристики формъ землевладѣнія, чѣмъ имѣющіяся у г. Лазаревскаго, и иногда такія свидѣтельства находятся въ тѣхъ самыхъ источникахъ, надъ которыми работалъ послѣдній. Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько подобныхъ свидѣтельствъ, вскрывающихъ существованіе на территоріи Нѣжинскаго полка оригинальныхъ формъ и порядковъ землевладѣнія, общихъ, правда, у нея съ остальной лѣвобережной Малороссіей. Одно изъ нихъ заключается въ томъ дѣлѣ, изъ котораго извлекъ г. Лазаревскій упомянутый выше договоръ Чарторійцевъ съ Лазаремъ Матвѣевичемъ въ 1691 г. По этому договору козаки и посполитые с. Чарторіи дозволили Лазарю Матвѣевичу закопать часть вольной пущи, лежавшей около села, а сдѣланный имъ раньше безъ вѣдома и разрѣшенія ихъ закопъ обратили въ общее пользованіе для всѣхъ жителей с. Чарторіи, съ условіемъ, однако (эта послѣдняя черта опущена г. Лазаревскимъ), чтобы никто не могъ здѣсь занимать земли въ частную собственность. Самый договоръ этотъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Лазарь Матвѣевичъ сталъ захватывать значительную часть Чарторійской вольной пущи въ свою исключительную собственность. Но въ дальнѣйшемъ и этотъ договоръ не положилъ предѣла такимъ захватамъ. Съ Лазаремъ Чарторійцы жили послѣ того мирно, но на сына его они подали въ 1729 г. жалобу гетману Апостолу, заявляя, что онъ захватываетъ принадлежащую имъ пущу и «грабитъ» ихъ самихъ при попыткахъ пользованія ею, почему Апостолъ потребовалъ, чтобы обвиняемый удовлетворилъ жалобщиковъ въ ихъ обидахъ или явился въ генеральный судъ для разбора дѣла. Мировой на этотъ разъ между сторонами не состоялось, очевидно,

Digitized by Google

такъ какъ въ 1730 г. генер. войск. канцелярія поручила бунч. тов. Вас. Дорошенку и Переяславскому полк. судьѣ Семену Новаковичу разсмотрѣть дѣло о спорной пущѣ между Чарторійцами и бунч. тов. Стеф. Лазаревичемъ, внукомъ Лазаря Матвѣевича. Слѣдователи, замѣтивъ, что по договору 1691 г. Чарторійцы и своимъ односельчанамъ и Лазарю дозволили только невозбранный въѣздъ въ пущу и рубку въ ней дровъ, «а рощищать поля или удѣлно себѣ закопувать кождому особно возбранили писменно», нашли затѣмъ, что Лазаревичъ не устоялъ на этомъ контрактѣ, но и «поля многія въ реченномъ общемъ грунтѣ порощищалъ», и не допускалъ Чарторійцевъ къ рубкѣ хворосту и дровъ въ захваченной имъ части пущи, и что изъ Чарторійцевъ многіе тоже закопали себѣ «немалое число гаевъ». Въ виду этого они полагали рѣшить дѣло слѣдующимъ образомъ: Лазаревичъ долженъ былъ впредь владѣть только тою частью пущи, которая уступлена была его дѣду по акту 1691 г., и той нивой въ общей пущѣ, какая была расчищена еще его дѣдомъ, Чарторійцы же, устроившіе себѣ закопы, могли сохранить въ частномъ владѣніи только тѣ изъ нихъ, которые были устроены лѣтъ сорокъ или тридцать назадъ, а всѣ недавно занятые должны уступить въ общинное владѣніе («повинны въ общину уступити»); общая пуща должна сохраниться въ пользованіи тѣхъ жителей с. Чарторіи, которые не имѣютъ въ ней своихъ отдѣльныхъ закоповъ. Мнѣніе это слѣдователи представили на утвержденіе гетмана и, повидимому, оно и было утверждено послѣднимъ. Но и судебный приговоръ подѣйствовалъ лишь на время. Въ іюнѣ 1749 г. атаманъ и войтъ с. Чарторіи снова подали въ ген. войск. канцелярію жалобу на Стеф. Лазаревича, обвиняя его въ томъ, что онъ не допускаетъ ихъ къ въѣзду въ ихъ пущу «общую займанную издревле». Указомъ генер. канцеляріи Лазаревичу было предписано воздержаться отъ такихъ самовольныхъ дѣйствій и, если у него есть права на данную землю, отыскивать ихъ судомъ. Но уже въ іюлѣ просители опять жаловались, что Лазаревичъ не возвращаетъ имъ заграбленныхъ лошадей, и ген. канцеляріи пришлось отправлять для отбора послѣднихъ отъ него особаго нарочнаго — компанейца[1]). Въ этомъ характерномъ примѣрѣ передъ нами является земельная община, въ составъ которой входятъ и козаки, и посполитые, и мѣстный «панъ» или «державца». Такая община, владѣя землею, въ данномъ случаѣ лѣсомъ, считаетъ себя въ правѣ выдѣлять части этой общей земли въ полную собственность отдѣльныхъ лицъ, не признавая вмѣстѣ съ тѣмъ ни за кѣмъ изъ членовъ общины права совершать заимки на ея землѣ безъ общаго согласія на то со стороны остальныхъ членовъ. Такія права общины признаются и судомъ, допускающимъ лишь нѣкоторое

1) Харьк. Ист. Арх., Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 14.529: см. приложеніе № 1.

Digitized by Google

смягченіе ихъ въ видѣ охраняющаго частныя заимки, произведенныя безъ согласія общины, права давности. На практикѣ далѣе, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, эти права общины подвергаются постоянному нападенію: болѣе сильные элементы стремятся выдѣлиться изъ общины, захватывая часть ея угодій, и съ общиннымъ владѣніемъ успѣшно конкуррируетъ вольный захватъ. Что такіе факты не были вполнѣ единичнымъ и исключительнымъ явленіемъ, можно подтвердить и другими примѣрами. Право вольнаго пользованія лѣсомъ, регулируемаго общиною, встрѣчается на земляхъ м. Салтыковой Дѣвицы: въ 1684 г. сотенный урядъ этого мѣстечка заключилъ мировую сдѣлку съ монахами Нѣжинскаго Красноостровскаго монастыря, помѣнявшись съ монастыремъ сѣнокосными землями и выговоривъ при этомъ условіе, чтобы на части уступленной такимъ образомъ монастырю земли всѣ Дѣвицкіе обыватели могли свободно рубить лозы[1]). Аналогичныя съ дѣломъ Чарторійцевъ черты можно найти еще въ одномъ документѣ 1739 года, по которому козаки с. Мутина уступаютъ свой «общій грунтъ съ посполитими Мутинскими жителями владѣной на всякіе наши потребы за прадѣдовъ и отцовъ нашихъ» по берегамъ р. Сейма, захваченный Глуховскимъ Петропавловскимъ монастыремъ, генералу фонъ-Штофелю подъ обязательствомъ дать 10 р. на поправку Мутинской церкви, когда такая поправка будетъ производиться, и, если устроитъ на этой землѣ перевозъ черезъ р. Сеймъ, перевозить на немъ козаковъ даромъ[2]). Помимо факта совмѣстнаго владѣнія козаковъ и посполитыхъ, признаваемаго въ этомъ документѣ, въ немъ любопытна еще подробность продажи общинной земли съ платою въ пользу церкви, совершенно аналогичная подобнымъ же фактамъ, указывавшимся проф. Лучицкимъ для южной Малороссіи. Совмѣстное же владѣніе козаковъ и посполитыхъ, но уже въ болѣе

---

1) Архивъ Черниг. Каз. Палаты, документы монастырей, № $\frac{1616}{2288}$: «поедналисмося і во всемъ з честными отцами погодили в тотъ способъ, же сѣножати ... прозиваемые Чорние Лози, за прозиваемий же Дубовий Рогъ в замѣну пускаемъ, до которого жаденъ з насъ, такъ козацкого, яко и посполитого стану людей жадного дѣла и потребы не маетъ мѣти и мочи не будетъ, кромѣ волного всѣмъ людемъ рубаня лозъ. При той же Дубового Рога сѣножати и островъ Перекопъ, противко Хворостянки, цале честнимъ отцамъ Нѣжинскимъ подаемъ, в якомъ уже з насъ нѣкому и лози не волно урубати. Около стану зась, где монастырскій теперъ на сей часъ остаетъ станъ, жадною мѣрою не толко окоповать, албо огорожовать, що нѣкгди не бивало, але и косою не позволяемъ ... ударити». Сбоку документа еще приписка: «на остатокъ просили насъ уряду, би позволилисмо честнимъ отцамъ у стану на стадо учинити стадницу и огородъ, окроме кошенія и урази бѣднимъ людемъ и мѣсту, що позволилисмо». Документъ помѣченъ 13 авг. 1684 г. и подписанъ сотникомъ Дѣвицы Салтыковой Матв. Мих. Шендюхомъ, городовымъ атаманомъ Павломъ Асмановскимъ и войтомъ Василіемъ Романовичемъ. Въ началѣ акта упоминается о «заводахъ, турбаціяхъ и контроверсіяхъ», втеченіе многихъ лѣтъ продолжавшихся между жителями м. Дѣвицы и Красноостровскимъ монастыремъ.

2) См. приложенія, № 2.

Digitized by Google

серьезныхъ размѣрахъ, находимъ мы еще въ половинѣ XVIII вѣка въ с. Ображѣвкѣ. Въ 1751 г. именно между козаками этого села и владѣльцемъ его, Черниговскимъ Каѳедральнымъ монастыремъ, возникъ споръ за лежащую около села рощу. Козаки доказывали, что эта роща издавна находилась въ общемъ владѣніи козачьяго и посполитскаго населенія Ображѣвки, монастырь же утверждалъ, что роща вновь занята его городничимъ въ 1731 г. Въ доказательствахъ своихъ монастырь пошелъ и дальше, утверждая, что Ображѣвка поселена по осадчому письму архіеп. Барановича на принадлежащей монастырю землѣ и затѣмъ утверждена царскими грамотами 7184 и 7196 гг., «после же того оного жъ села Преображѣвки жители разными временами по проискамъ тамошнихъ сотниковъ приняты въ козацкую службу и, оную отправляя, корыстуются тимъ жалованнымъ монастырскимъ грунтомъ». Представленные «Катедрой» документы не оправдали однако ея притязаній. Жалованныя грамоты 7174, 7184 и 7196 гг., утверждая за нею сс. Ивотъ и Преображѣвку, вмѣстѣ содержали въ себѣ обычныя оговорки насчетъ неприкосновенности земельныхъ владѣній козаковъ этихъ селъ, осадчое же письмо архіеп. Лазаря Барановича отъ 18 марта 1669 г. сотеннымъ Кролевецкимъ правленіемъ, судившимъ это дѣло, не было признано имѣющимъ силу доказательства, какъ не утвержденное на урядѣ. Наконецъ, изъ предъявленнаго монастыремъ на судѣ универсала Стародубскаго полковника Петра Рославца отъ 6 мая 1673 г., по словамъ сотеннаго правленія, «видно, что еще мужики, оселившіеся по тому осадчому писму, зъ десяти лѣтъ воли, имъ данной, имѣли досижовать шесть лѣтъ на земляхъ Катедри Чернѣговской, а козакамъ Ображѣвскимъ уже ихъ козачие землѣ послѣ осадчого того писма въ 4 года отдѣленни отъ Катедралнихъ». Поэтому сотенное правленіе отказалось признать рощу, изъ-за которой шелъ споръ, исключительной собственностью монастыря, признавая даже за козаками, которыхъ въ селѣ было больше, чѣмъ посполитыхъ, и право на бо́льшую часть спорной рощи и отрицая относительно послѣдней монастырскую заимку, какъ совершенную безъ согласія соучастниковъ, причемъ оно основывало свой приговоръ на п. 1 арт. 18-го разд. IX-го Статута. Это рѣшеніе было подтверждено и универсаломъ гетм. Разумовскаго отъ 14 сент. 1751 г., въ которомъ онъ приказывалъ монастырю уничтожить свою займу и уплатить козакамъ навязку. Генеральный судъ, на разсмотрѣніе котораго поступило это дѣло, рѣшилъ его, ссылаясь на то же мѣсто Статута, нѣсколько иначе, найдя, что козакамъ и посполитымъ слѣдуетъ «владѣть пополамъ, а не по персонамъ», мотивируя такое рѣшеніе еще и признаніемъ козаковъ, «что по осадчому архіепископа Барановича писму, въ которомъ о козачихъ грунтахъ оглушилъ (sic), то архіеп. Углицкій (Ѳеодосій) изъяснилъ и роздѣлилъ пополамъ, едну часть подданнимъ, а дру-

Digitized by Google

гую часть войсковимъ людямъ»[1]). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы видимъ, что владѣлецъ села — монастырь, перенеся на себя земельныя права посполитыхъ, стремится выдѣлить ихъ земли изъ совмѣстнаго съ козаками владѣнія, причемъ однако это стремленіе легко переходитъ въ захватъ козачьей земли. Съ обращеніемъ свободныхъ посполитыхъ во владѣльческихъ совмѣстное владѣніе двухъ сословныхъ группъ — крестьянской и козацкой — землей становится часто прямо опаснымъ для послѣдней изъ этихъ группъ и она стремилась сама обособиться и отдѣлить свои земли. Правда, на территоріи собственно Нѣжинскаго полка мнѣ такихъ случаевъ не встрѣтилось. Наконецъ, совмѣстное владѣніе разныхъ группъ населенія на началахъ сябринства можетъ быть указано еще въ одной мѣстности Нѣжинскаго полка, въ сѣверо-восточномъ углу его, именно въ Янпольской сотнѣ. Въ 1768 г. 40 козаковъ с. Орловки жаловались въ Малороссійскую Коллегію на маіора Як. Мих. Скоропадскаго, завладѣвшаго принадлежавшей къ этому селу пущей. По словамъ жалобщиковъ, дѣло было уже рѣшено противъ нихъ земскимъ судомъ, но неправильно, такъ какъ судъ не вызвалъ къ отвѣту всѣхъ участниковъ владѣнія, хотя козаки и заявляли ему, «что ми не едни въ той пущи, въ которую онъ, Скоропадскій, занапрасно владѣніемъ входитъ, но суть многіе владѣльци и сябри, яко то посполитие въ с. Орловкѣ жителствующіе ... Ив. Ив. Неплюева и прочіе». Неправильно былъ, по словамъ козаковъ, произведенъ и подкоморскій розыскъ, при которомъ не были допрошены они сами и ихъ свидѣтели. Спорной пущей, какъ утверждали козаки, Скоропадскій завладѣлъ только потому, что отецъ его ген. подскарбій Мих. Скоропадскій «з вѣдома, прошенія и дозволенія всего села Орловки козаковъ и посполства къ гаченю гребли зъ свободной къ с. Орловкѣ принадлежащей пущи закопалъ» окопъ, а потомъ сынъ его захватилъ и всю пущу къ своему хутору. Скоропадскій не возражалъ козакамъ по существу, но указывалъ, что они пропустили срокъ аппелляціи на рѣшеніе подкоморскаго суда, и благодаря этому обстоятельству дѣло дѣйствительно рѣшено было противъ козаковъ[2]).

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, Дѣла Черн. Пал. Уг. и Гр., опись 12-я, св. 5, № 217.

2) Оно восходило до Сената и было окончательно рѣшено въ 1803 г. противъ козаковъ сенатскимъ указомъ, но разбирательства по существу, о которомъ просили козаки, такъ и не состоялось. По словамъ козаковъ, «приговоръ въ томъ подкоморскомъ судѣ произошолъ неслиханно посягателный, приговоривъ бо онымъ землю всю по показаніямъ свидѣтельскимъ ... Скоропадскому утвердить ... тѣ же свидѣтели ни еденъ и до присяги приводими не были и писали, будто отъ нихъ показанія, сами, что хотѣли, и столь наглостно и насильственно» ... О спорной землѣ повѣренный козаковъ въ 1780 г. писалъ: «яко та земля зъ искони съ начала оселенія с. Орловки къ тому селу принадлежитъ вобщѣ всѣмъ козакамъ и посполитымъ; и всѣ жъ вобщѣ козаки и посполитые частьми изстари по предкамъ своимъ до того подкоморского суда спокойное владѣніе свое имѣли». — лл. 30, 40. Архивъ Черниг. Окружн. Суда, Дѣла Гражданскія, № 143.

Digitized by Google

Приведенныя указанія вскрываютъ существованіе на территоріи Нѣжинскаго полка, рядомъ съ господствовавшей здѣсь въ XVIII в. формой чистаго подворнаго владѣнія, формъ землевладѣнія общинной и сябринной, главнымъ образомъ послѣдней. Къ сожалѣнію, имѣющійся у меня матеріалъ не даетъ возможности болѣе обстоятельнаго описанія способовъ этого владѣнія въ данной мѣстности. Само собой разумѣется, этихъ отрывочныхъ указаній недостаточно и для того, чтобы судить о степени распространенности такихъ формъ землевладѣнія. Но положеніе изслѣдователя въ данномъ случаѣ таково, что приходится довольствоваться группировкой разсѣянныхъ показаній источниковъ за отсутствіемъ болѣе подходящаго матеріала. Просмотрѣнный мною матеріалъ Румянцевской Описи Нѣжинскаго полка не даетъ возможности сдѣлать сколько-нибудь значительныя дополненія къ приведеннымъ выше свидѣтельствамъ, и къ тому же этотъ источникъ, обыкновенно наиболѣе богатый въ сообщеніи подобнаго рода свѣдѣній, не сохранился какъ разъ для тѣхъ мѣстностей, къ которымъ относится наибольшее число такихъ свидѣтельствъ, — для Яппольской, Глуховской и Воронежской сотенъ.

Цифровыя данныя, заключающіяся въ Румянцевской Описи, ярко освѣщаютъ зато другой важный вопросъ, доставляя изслѣдователю малорусскаго землевладѣнія въ XVIII в. возможность по крайней мѣрѣ для одного хронологическаго момента точно опредѣлить размѣры землевладѣнія различныхъ сословныхъ группъ и характеръ распредѣленія земельной собственности внутри этихъ группъ, между отдѣльными ихъ членами. Было бы немыслимо, конечно, требовать, чтобы авторъ «Описанія старой Малороссіи» самъ произвелъ подобную работу, требующую затраты массы времени и труда, но нельзя не пожалѣть, что онъ не воспользовался для своей книги тѣмъ, что́ уже сдѣлано въ этой области. Я разумѣю именно взаимно пополняющія другъ друга статьи г. Червинскаго [1]) и г. Шликевича [2]), которыя захватываютъ какъ разъ часть территоріи Нѣжинскаго полка и пользованіе которыми позволило бы автору ввести въ свое изложеніе не-

1) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Черниг. губ., т. XV, Кролевецкій уѣздъ, статья П. Червинскаго: Подворная перепись 1767 и 1883 гг. Здѣсь и составленныя по Рум. Описи подворныя таблицы для 33 селеній, изъ которыхъ 7, впрочемъ, не входили въ составъ Нѣжинскаго полка.

2) «Лучше ли жилось въ Малороссіи за 100 лѣтъ назадъ?» Земскій сборникъ Черниговской губ. 1890, №№ 11—12, отд. IV, стр. 152—179. Здѣсь цѣнны нѣкоторыя поправки къ предыдущей статьѣ, именно къ характеру пользованія матеріаломъ Рум. Описи со стороны г. Червинскаго, остальная же часть статьи, направленная противъ выводовъ работы т. Лазаревскаго о малорусскихъ крестьянахъ, основана на ничтожномъ матеріалѣ и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Авторъ, напр., рѣшается установить процессъ измѣненія величины ренты на протяженіи столѣтія на основаніи двухъ извѣстныхъ ему примѣровъ.

Digitized by Google

маловажную иллюстрацію земельныхъ отношеній. Насколько серьезное значеніе могла бы имѣть въ немъ подобная иллюстрація, можно видѣть уже изъ того, что въ настоящее время единственнымъ въ книгѣ точнымъ указаніемъ такого рода является опредѣленіе количества земли, находившейся во владѣніи посполитыхъ с. Обтова въ 1727 г. (стр. 322—323).

Болѣе уже матеріала собрано г. Лазаревскимъ для характеристики самаго процесса передвиженія земельной собственности между различными группами населенія. На страницахъ его книги разсѣяно значительное число примѣровъ «скупли» земель козаковъ и свободныхъ посполитыхъ свѣтскими и духовными державцами, имъ приводятся здѣсь и цифровыя данныя, относящіяся если не къ количеству земли, то къ количеству дворовъ, переходившихъ такимъ путемъ въ руки державцевъ, онъ указываетъ далѣе общія причины успѣшнаго хода такой скупли, усматривая ихъ главнымъ образомъ въ тяжести повинностей, лежавшихъ на козачьихъ и свободныхъ посполитскихъ земляхъ, и въ насиліяхъ, пускавшихся въ ходъ со стороны державцевъ. Приводимые имъ конкретные примѣры относятся по преимуществу къ послѣдней сторонѣ дѣла, ярко обрисовывая тѣ по истинѣ поразительные размѣры, до какихъ доходили иногда подобныя насилія. Укажу хотя бы на дѣйствія въ с. Сосновкѣ въ 1713 г. сотника Андрея Лизогуба, который, принуждая козака продать ему землю, приковалъ его къ дымовой трубѣ и недѣль семь окуривалъ дымомъ (стр. 235—236). Менѣе представлена въ собранныхъ авторомъ фактахъ другая сторона вопроса — тѣ нужды, которыя и безъ насилій со стороны владѣльцевъ заставляли козаковъ продавать свои земли. Между тѣмъ въ документахъ можно найти нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ, позволяющія дополнить изложеніе г. Лазаревскаго. Въ бумагахъ Омбишскаго монастыря, напр., сохранилось 11 купчихъ 1723 г. и 1 — 1724 г., выданныхъ монастырю на разныя земли мѣстными козаками, которые продавали эти земли, нуждаясь, какъ они заявляютъ, въ деньгахъ «ку пилной своей потребѣ ку спораженю походу на услугу Императорскую»[1]). Иногда походъ ложился такимъ тяжкимъ

---

1) Ближайшее содержаніе этихъ купчихъ, являющееся любопытной иллюстраціей къ вопросу о переходѣ земель изъ рукъ козаковъ къ другимъ сословіямъ, таково: по первой — Ив. Шевченко продаетъ монастырю 2 нивы за 11 золотыхъ; по 2-й — Ив. Фесенко — ниву за $13^1/_2$ золотыхъ; по 3-й — Ил. Куценко ниву за 10 тал.; по 4-й — Ив. Жучокъ 2 нивы за 6 копъ; по 5-й — Кость Даниленко ниву за 8 копъ; по 6-й Кон. Сердюченко сѣножать за 9 копъ; по 7-й — Ил. Лузаненко 2 нивы за 8 копъ; по 8-й, выданной черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, онъ же 2 нивы за 8 копъ; по 9-й — Стеф. Даниленко ниву за 8 копъ; по 10-й — Кон. Сердюченко одну ниву продаетъ за 8 копъ, другую заставляетъ на 3 года за 10 золотыхъ; по 11-й — Зин. Кугивиденко заставляетъ ниву на 3 года за 6 копъ; по 12-й (1724 г.) — Якимъ Лузаненко продаетъ монастырю ниву за 6 копъ. За всѣми этими продажами и заставами въ документахъ слѣдуетъ фраза: отъ данной земли «зрекаюся и въ далшой моей потреби, аще ми нужно будетъ, и на прочій грунтъ мой всякій кредитъ себѣ у помененой

Digitized by Google

бременемъ на хозяйство козака, что сразу подрывалъ его состоятельность и вынуждалъ лишиться всей земли. Такъ, козакъ с. Холопкова, Федоръ Негреба, не желая самъ отправляться въ низовый Сулацкій походъ, нанялъ за себя другаго козака за 100 талярей, но не смогъ уплатить этихъ денегъ и занялъ ихъ у Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, отдавъ монахамъ въ заставу «грунтъ свой власній, то есть дворъ з строеніемъ, з гумномъ и з полемъ в селѣ Холопковѣ»; однако въ срокъ онъ не отдалъ долга и монастырю, и земля перешла окончательно во владѣніе послѣдняго[1]). Такой переходъ козацкой земли въ руки владѣльцевъ облегчался далѣе и самыми формами землевладѣнія, при которыхъ существовала общность владѣнія между козаками и посполитыми, съ теченіемъ времени, какъ я уже упоминалъ, становившаяся весьма неудобной для первыхъ. Какъ это происходило, можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій примѣръ. Въ 1734 г. Мринскій козакъ Иванъ Огій и посполитые Ярмола Вуйтенко и Мих. Прадченко заявили въ сотенномъ Мринскомъ правленіи, что они продаютъ мѣстному монастырю свой гай за 81 зол., «а въ томъ гаю козака Огія двѣ части, а посполитихъ Вуйтенка и Прадченка третая една часть». Мотивами продажи лѣса съ своей стороны Огій выставилъ: «1-е, что тотъ его гай стоитъ между грунтами монастирскими и ему въ порубѣ того гаю немаліе чинятся утиски; 2-е, что того его гаю (понеже очень клиноватій) отдѣлить нѣлзя отъ мужиковъ, а части мужичой козаку Огію, чтобъ весь его гай былъ, заплатить городничіе Мринскіе не попускаютъ, а хотя де онъ Огій продавалъ многимъ козакамъ Мринскимъ тіе двѣ части своего гаю, толко де нѣхто зъ козаковъ того гаю (понеже сполній зъ посполитими подданними монастирскими) не похотѣлъ купити». Входя въ положеніе Огія, сотенное правленіе разрѣшило ему эту продажу монастырю[2]). Стремленіе законодательства къ строгому разграниченію козацкой и посполитской земли должно было часто оказываться безсильнымъ передъ такими порядками жизни, въ основѣ которыхъ лежала совсѣмъ иная тенденція, къ тому же имѣвшая и свое правовое обоснованіе. Въ слѣдующемъ случаѣ мы какъ разъ имѣемъ примѣръ рѣзкаго нарушенія дѣйствующихъ законовъ на основаніи «права посполитаго». Въ 1736 г. козакъ с. Тиницы Вас. Колодченко продалъ Крупицкому Батуринскому монастырю «ради нужди незнос-

---

обытели святой салву зоставую и близкость записую и на тое все мой доброволный сей записъ... даю». Монастырь такимъ образомъ получалъ нѣкоторую гарантію перехода къ нему въ будущемъ и остальной козацкой земли. Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, подъ общимъ № 1616, №№ 1769, 1778, 1780, 1781, 1782, 1785—1789, 1792, 1774.

5) Тамже, № $\frac{1616}{912}$.

6) Тамже, № $\frac{1616}{2941}$.

Digitized by Google

ной» свой пляцъ и огородъ «единой ради великой близкости келіи монастирской, цѣною за 10 талярій, которой ради и право посполитое не токмо не возбраняетъ, лечъ и повелѣваетъ куповати всякому помѣщикови у помѣщика грунтъ праведною цѣною»; при этомъ однако Колодченко остался жить на проданной землѣ и обязался отбывать «монастирскую повинность зъ дворовими людьми монастирскими безъ всякой змаги и противности»[1]). Натяжка въ данномъ случаѣ очевидна: Колодченко въ силу «права посполитаго» продаетъ свою землю не-козаку и самъ переходитъ изъ козаковъ въ посполитые, и это въ виду существованія указовъ, запрещающихъ то и другое. Но, и признавая такую натяжку, нельзя не видѣть, что данные указы не охватывали собою всѣхъ сторонъ тѣхъ жизненныхъ явленій, на которыя они пытались воздѣйствовать, почему и самое воздѣйствіе часто не могло осуществиться. Между тѣмъ именно эти стороны мѣстныхъ порядковъ, не охваченныя касавшимся Малороссіи имперскимъ законодательствомъ, находили себѣ порой у мѣстной администраціи не только торжественную санкцію, но и спеціальное примѣненіе въ интересахъ владѣльцевъ. Таково, напримѣръ, изданное полковой Нѣжинской старшиной въ 1723 г. по просьбѣ Омбишскаго монастыря распоряженіе, которымъ она запрещала козакамъ с. Омбиша продавать или отдавать въ заставу свои земли кому бы то ни было, кромѣ мѣстныхъ посполитыхъ[2]).

Поскольку старшина и вообще владѣльцы старались муссировать процессъ мобилизаціи козацкой земли, постольку же они уже съ очень ранней поры стали стремиться предупредить и задержать вынесеніе на рынокъ земель, принадлежавшихъ владѣльческимъ посполитымъ, устанавливая сперва ограниченія правъ собственности посполитыхъ по отношенію къ этимъ землямъ, а затѣмъ и совершенно перенося такія права съ посполитыхъ на ихъ владѣльцевъ. Для разъясненія этой стороны земельныхъ отношеній въ книгѣ г. Лазаревскаго имѣются весьма цѣнные факты, значительно дополняющіе то, что было собрано имъ по этому вопросу въ его работѣ о малорусскихъ крестьянахъ и что вообще извѣстно въ литературѣ[3]). Таково напечатанное имъ распоряженіе ген. судьи Вас. Кочубея 1707 г., которымъ онъ запрещалъ своимъ посполитымъ въ с. Ярославцѣ покупать и принимать въ заставу земли отъ посполитыхъ сосѣдняго села Погребковъ безъ вѣдома державцы послѣдняго, —

---

1) Тамже, № $\frac{1616}{1500}$. «Помѣщикъ» здѣсь = помѣжникъ, т. е. сосѣдъ.

2) См. приложенія, № 3.

3) «Малороссійскіе посполитые крестьяне», Записки Черн. Губ. Стат. Комитета, кн. 1, Черниговъ, 1866, с. 27—30. Ср. также нѣкоторыя замѣчанія въ цитированной выше статьѣ А. Ф. Кистяковскаго и мою статью «Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи», Русское Богатство, 1894, № 2, с. 39—44.

Digitized by Google

наиболѣе ранній фактъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ попытокъ владѣльцевъ наложить свой контроль на распоряженіе посполитыхъ землею (с. 444); таковъ разсказываемый авторомъ и относящійся къ 1715 г. случай истязанія державцею с. Нехаевки, Гавр. Милорадовичемъ, козака за покупку земли у посполитаго этого села (с. 308); сюда же можно отнести и передаваемые авторомъ случаи отнятія владѣльцами уже въ началѣ XVIII столѣтія земли у посполитыхъ, происходило ли такое отнятіе въ видѣ наложеннаго доминіальнымъ судомъ штрафа или являлось оно простымъ, ничѣмъ неприкрытымъ насиліемъ (см. напр. с. 398, 308). Къ этому ряду фактовъ можно сдѣлать нѣкоторыя добавленія. Прежде всего можно указать болѣе ранній случай запрещенія посполитымъ продавать свои земли козакамъ, нежели запрещеніе Кочубея. Въ 1691 г. именно Мринскій «городничій» (монастырскій управляющій) Варлаамъ Хоминскій обратился къ Нѣжинскому полковнику Обидовскому съ жалобой, что козаки Мринской сотни покупаютъ сѣнокосы и другія земли у посполитыхъ Черниговскаго Каѳедральнаго монастыря и тѣмъ наносятъ ущербъ и посполитымъ, и монастырю, такъ какъ «чрезъ таковыя продажи тяглые люди бѣднѣютъ». Удовлетворяя этой просьбѣ, полковникъ въ томъ же году и издалъ универсалъ, которымъ запретилъ какъ въ селахъ Мринской сотни, такъ и въ самомъ м. Мринѣ козакамъ покупать земли у посполитыхъ, и обратно — посполитымъ у козаковъ, подъ страхомъ штрафа въ 100 талярей[1]). Во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка взглядъ на посполитскую землю, какъ на неподлежащую продажѣ безъ разрѣшенія державцы, уже очень прочно укрѣпился во владѣльческихъ кругахъ Малороссіи, но проведеніе этого взгляда на практикѣ встрѣчало серьезныя затрудненія и осуществлялось лишь съ помощью высшей власти страны — гетмана. Такъ, въ 1717 г. игуменъ Максаковскаго монастыря, Іосифъ Бѣлицкій, жаловался Скоропадскому, что «въ многихъ тамошнихъ посполитихъ жителей, подданихъ монастирскихъ, обыватели сотнѣ Борзенской лѣси и инніе кгрунта потаемнимъ способомъ мимо вѣдома ихъ законниковъ, яко державцовъ, поскупововали, черезъ що тие маетности до крайнего пришли и приходятъ знищеня и разореня», и просилъ гетманской обороны. Скоропадскій дѣйствительно запретилъ всѣмъ обывателямъ Борзенской сотни покупать земли у монастырскихъ посполитыхъ, ссылаясь при этомъ на общій установившійся въ Малороссіи порядокъ[2]). Это не помѣшало однако черезъ 12 лѣтъ игумену

1) См. приложенія, № 4.

2) «Мы теди гетманъ, писалъ Скоропадскій, вѣдаючи здавна ухвалений зде въ Малой Россіи порадокъ, же не волно нѣкому въ державскихъ маетностяхъ въ посполитихъ людей жадныхъ кгрунтовъ скуповивати, пилно черезъ сей универсалъ упоминаемъ и грозно приказуемъ, абы такъ духовніе особи, якъ козаки и посполитіе, помянутой сотнѣ Борзенской обы-

Digitized by Google

вновь «жалостливе доносить» гетману, на этотъ разъ Апостолу, «что въ маетностяхъ, до обители святой надлежачихъ, въ полку Нѣжинскомъ, въ сотнѣ Борзенской и Шаповаловской имѣючихся, у многихъ тамошнихъ посполитихъ жителей, подданихъ монастирскихъ, обыватели сотни Борзенской и Шаповаловской власніе лѣсы и кгрунта монастирскіе потай отважаются скуповати, а скупленнимы владѣти». Подтверждая универсалъ своего предшественника, Апостолъ вновь, и еще болѣе строго, запретилъ козакамъ и посполитымъ названныхъ сотенъ покупать землю у монастырскихъ подданныхъ[1]). Слѣдя за этими распоряженіями, исходившими отъ носителей высшей власти въ странѣ, легко подумать, что тотъ общій порядокъ, на который они такъ рѣшительно ссылаются, дѣйствительно существовалъ въ жизни, и тогда только приходится удивляться, почему для поддержанія его требовались столь постоянныя и энергическія усилія. Но, обращаясь къ памятникамъ иного рода, въ которыхъ нашла себѣ отраженіе сама текущая жизнь, а не заботы администраціи, направленныя на ея упорядоченіе, мы встрѣчаемъ въ нихъ слѣды иного порядка, не похожаго на тотъ, который рисуютъ гетманскіе универсалы, и такіе слѣды попадаются сравнительно очень даже поздно. Тѣ самые монастыри, которые въ теоріи такъ рѣшительно отрицали за своими посполитыми право распоряженія ихъ земельными участками, на практикѣ нерѣдко бывали вынуждены прямо или косвенно признавать это право и могли удержать за собою ускользавшую изъ-подъ ихъ владѣнія землю лишь путемъ компромиссовъ, для которыхъ, казалось бы, не было мѣста въ виду рѣшительныхъ заявленій гетманскихъ универсаловъ. Такъ, въ 1739 г. игуменъ Максаковскаго монастыря Іоасафъ Квятницкій «откупилъ» отъ жителя с. Прачей Ив. Сладковскаго и жены его скупленныя бывшимъ Прачевскимъ священникомъ Никифоромъ у монастырскихъ посполитыхъ земли въ видѣ нивъ, огородовъ, садковъ, и уплатилъ за нихъ 22 р. 22 к.[2]). Стало быть, земли, которыя

ватель, жадною мѣрою не важилися у подданихъ монастира Максакувского анѣ явнимъ, анѣ потаемнимъ способомъ кгрунтовъ куповати, а еслибы хто надъ сей нашъ указъ смѣлъ тое чинити, таковий за донесенемъ непоблажне каранъ будетъ, деклярuемъ»... Архивъ Черниг. Каз. Палаты, документы монастырей, № $\frac{1616}{640}$. Универсалъ помѣченъ 21 іюля 1717 г.

1) Тамже, № $\frac{1616}{645}$. Универсалъ гетм. Апостола 30 іюля 1729 г.: «упоминаемъ и грозно приказуемъ, абы такъ съ козаковъ, яко и зъ посполитихъ людей помянутой сотнѣ Борзенской и Шаповаловской нихто жадною мѣрою у подданнихъ монастира Максаковского нѣ явнимъ, нѣ потаемнимъ образомъ лѣсовъ и грунтовъ монастирскихъ не важился скуповати; а еслибы хто надъ сей нашъ указъ смѣлъ тое чинити, таковий въ своихъ денгахъ, якіе бы за купленний грунтъ далъ, шкодовати имѣетъ и неслушне купленного грунту уступити муситъ, зверхъ того за ослушание нашего указу и наказаниемъ прикритъ будетъ».

2) Тамже, № $\frac{1616}{687}$.

Digitized by Google

монастырь какъ будто имѣлъ возможность вернуть себѣ даромъ, въ качествѣ незаконно отошедшей отъ него собственности, онъ возвращалъ лишь путемъ денежныхъ пожертвованій. Трудно думать, чтобы монахи рѣшились на послѣднія безъ серьезной надобности въ нихъ. Другой примѣръ, имѣющійся въ источникахъ и относящійся къ тому же 1739 г., пожалуй, еще характернѣе. Священникъ Хмѣловскій Сем. Стефановъ купилъ у посполитой Крупицкаго Батуринскаго монастыря Анны Зленчихи и сына ея Якова ихъ лѣсъ и «фундушъ ступника» на монастырской землѣ около хутора монастыря на Будищахъ «безъ благословенія монастырского» за 175 золотыхъ, но затѣмъ уступилъ эту покупку монастырю, взявъ отъ монаховъ сумму, равную той, которую онъ уплатилъ Зленчихѣ, «понеже не токмо права малороссійскіе таковій помѣжній грунтъ зъ лѣсомъ и фундушъ ступника въ грунтѣ монастирскомъ не мнѣ повелѣваютъ куповати, лечъ и самое право посполитое и звичай кажутъ помѣжниковѣ у помѣжника куповати, а къ тому еще и въ подданного своего»[1]). Здѣсь выкупъ проданной посполитымъ земли, совершаемый владѣльцемъ имѣнія, мотивируется въ такой же, и едва ли не бо́льшей мѣрѣ, правомъ сосѣда, какъ и собственно владѣльческимъ правомъ. Рядомъ съ этими фактами можно указать и случаи, правда, болѣе поздніе, строгаго примѣненія статей Литовскаго Статута, трактующихъ о крестьянской землѣ, проданной безъ вѣдома и согласія пана. Въ 1747 г. Глуховскій Успенскій монастырь привлекъ къ суду въ мѣстномъ сотенномъ правленіи жителя с. Березы Исая Слѣпорода, обвиняя его въ завладѣніи дворомъ монастырскаго посполитаго въ этомъ селѣ. Отвѣтчикъ показывалъ на судѣ, что мѣсто, на которомъ стоитъ спорный дворъ, онъ купилъ четыре года назадъ у монастырскаго посполитаго Тишка Грѣшнаго съ дозволенія бывшей игуменьи Евфросиніи, къ этому времени уже умершей, и на этомъ мѣстѣ самъ затѣмъ выстроилъ дворъ. Монастырь отрицалъ однако существованіе такого дозволенія игуменьи, а Слѣпородъ не имѣлъ письменнаго документа, который бы доказывалъ его, и сотенное правленіе, ссылаясь на раздѣлъ IX, артик. 27 Лит. Статута, присудило возвратить дворъ Слѣпорода Грѣшному, какъ построенный на неправильно купленной землѣ[2]).

Сдѣланными указаніями я, конечно, не думалъ исчерпать особенностей козацкаго и посполитскаго землевладѣнія на территоріи Нѣжинскаго полка. Путемъ приведенныхъ выше частныхъ примѣровъ я пытался лишь намѣтить типичныя черты того, во многомъ еще не уясненнаго, строя земель-

1) Тамже, № $\frac{1616}{1501}$.

2) Тамже, № $\frac{1616}{2372}$.

Digitized by Google

ныхъ отношеній, какой сложился здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ лѣвобережной Малороссіи, за XVII—XVIII столѣтія. Полное изслѣдованіе этого строя, при состояніи нашихъ источниковъ, врядъ-ли и возможно подъ условіемъ пользованія матеріалами только одной какой-либо мѣстности, хотя бы эта мѣстность равнялась территоріи цѣлаго полка. Но задача описанія, посвященнаго вопросамъ землевладѣнія, можетъ, мнѣ кажется, заключаться и въ томъ, чтобы подобрать подобные факты изъ этой области и тѣмъ подготовить матеріалъ для будущаго изслѣдованія.

Главную часть того отдѣла книги г. Лазаревскаго, который посвященъ землевладѣнію, составляютъ однако, какъ было уже упомянуто, данныя, относящіяся къ землевладѣнію державческаго класса, и именно къ владѣнію имѣніями, или, употребляя оффиціальный терминъ старой Малороссіи, маетностями. Къ этой части я теперь и перехожу. Она изложена авторомъ въ формѣ ряда очерковъ по исторіи отдѣльныхъ селъ, причемъ въ каждомъ такомъ очеркѣ перечисляются владѣльцы даннаго поселенія въ ихъ хронологической послѣдовательности съ опредѣленіемъ тѣхъ правъ, на которыхъ основывалось ихъ владѣніе, и съ указаніемъ причинъ, въ силу которыхъ село переходило изъ однихъ рукъ въ другія. Такова собственно схема, въ которую авторъ заключаетъ свои свѣдѣнія; не всегда, конечно, ему удается заполнить всѣ ея рубрики, но въ общемъ она выдержана на протяженіи всей книги. Громадный и свѣжій матеріалъ, тщательно собранный авторомъ, составляетъ неоспоримое достоинство и этой части работы г. Лазаревскаго. Главнымъ источникомъ его свѣдѣній по исторіи владѣнія имѣніями за XVII вѣкъ и до 1730 года служитъ рукописное генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Нѣжинскомъ полку. Данныя этого источника онъ дополняетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ показаніями различныхъ документовъ, въ значительномъ количествѣ извлеченныхъ имъ изъ оффиціальныхъ и семейныхъ архивовъ. Гетманскіе универсалы и царскія жалованныя грамоты, указы генер. войсковой канцеляріи и приговоры генеральнаго суда, купчія крѣпости, завѣщанія, частная переписка — таковы разнообразные источники, при помощи которыхъ авторъ дѣлаетъ свои добавленія къ даваемой въ текстѣ генеральнаго слѣдствія исторіи маетностей, а съ 1730 г. и исключительно на основаніи которыхъ возсоздаетъ онъ эту исторію; къ ряду ихъ надо еще прибавить ревизію 1736 г. и описаніе намѣстничествъ 1781 г., изъ печатныхъ же источниковъ особенно Обозрѣніе Рум. Описи. Тамъ, гдѣ авторъ опирается на эти источники, сообщаемыя имъ богатыя данныя заслуживаютъ полнаго довѣрія и требовали бы развѣ нѣкоторыхъ дополненій по оставшемуся неизвѣстнымъ автору рукописному матеріалу, всегда, конечно, возможныхъ. Но въ подборѣ свидѣтельствъ источниковъ, сдѣланномъ авторомъ, есть, мнѣ кажется, и одна слабая сторона, на кото-

Digitized by Google

рую я и обращу особенное вниманіе. Г. Лазаревскій именно, на мой взглядъ, недостаточно внимательно отнесся къ тексту основнаго источника этой части своей работы — генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ и въ зависимости отъ этого въ картинѣ малорусскаго землевладѣнія XVII—XVIII вв., какъ она обрисовывается въ приводимыхъ авторомъ фактахъ, стушевываются или не совсѣмъ вѣрно представляются нѣкоторыя черты, свойственныя этому землевладѣнію въ дѣйствительности. Постараюсь доказать и уяснить свою мысль путемъ сопоставленія нѣкоторыхъ мѣстъ въ изложеніи г. Лазаревскаго съ текстомъ слѣдствія, служащимъ для него источникомъ. Но прежде два слова о самомъ источникѣ этомъ, къ которому мнѣ приходится возвращаться уже третій разъ втеченіе своего разбора.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ составлено было въ 1729—31 гг. въ силу «рѣшительныхъ пунктовъ», данныхъ гетману Апостолу, причемъ цѣлью его составленія являлась какъ провѣрка правъ владѣльцевъ на находившіяся въ ихъ обладаніи имѣнія, такъ и приведеніе въ извѣстность количества имѣній, оставшихся еще свободными, никому не розданными во владѣніе. Матеріалъ для этого слѣдствія собранъ былъ путемъ опроса мѣстныхъ старожиловъ о владѣльцахъ маетностей, настоящихъ и бывшихъ, и ихъ правахъ на владѣніе и путемъ повѣрки добытыхъ изъ этого опроса свѣдѣній документами, представленными самими владѣльцами. Затѣмъ этотъ матеріалъ разсмотрѣнъ былъ генеральною старшиною вмѣстѣ съ полковниками и полковой старшиною и всѣ маетности въ результатѣ такого разсмотрѣнія были раздѣлены на 6 разрядовъ или «статей»: наслѣдственныя маетности частныхъ владѣльцевъ, монастырскія, ранговыя или приписанныя къ должностямъ, носители которыхъ пользовались и доходами съ этихъ имѣній, сомнительныя, ратушныя или принадлежащія городамъ и свободныя войсковыя. Въ полномъ видѣ книги «слѣдствія» и дѣлятся на двѣ части, изъ которыхъ въ первой заключается самое слѣдствіе объ отдѣльныхъ маетностяхъ, а во второй сокращенное извлеченіе или «экстрактъ» изъ него (изъ «ревизіалныхъ книгъ о маетностяхъ», какъ называется еще оно въ текстѣ подлинника) и приговоръ, постановленный генеральною старшиною и полковниками по поводу каждой маетности относительно зачисленія ея въ ту или другую статью; въ приложеніи къ слѣдствію помѣщались наконецъ копіи съ представленныхъ владѣльцами документовъ на владѣніе[1]). Въ сохранившейся книгѣ

1) Слѣдствіе по Черниговскому полку издано А. М. Лазаревскимъ (Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, Черниговъ, 1892), по Кіевскому и Гадяцкому — Н. П. Василенкомъ, пользовавшимся для изданія рукописями библіотеки А. М. Лазаревскаго (Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка. Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 7, и Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, Полтава, 1893). О характерѣ слѣдствія, какъ источника, кромѣ предисловій издателей, см.

Digitized by Google

генеральнаго слѣдствія по Нѣжинскому полку первая часть слѣдствія отсутствуетъ и мы имѣемъ только окончательное распредѣленіе маетностей по статьямъ, сопровождаемое однако свѣдѣніями объ ихъ прошлой судьбѣ, и документы. Этотъ источникъ, заключая въ себѣ такимъ образомъ матеріалъ для исторіи имѣній лѣвобережной Малороссіи въ промежутокъ времени 1654—1730 гг. и для опредѣленія отношеній между различными родами владѣній къ послѣднему хронологическому моменту, имѣетъ первостепенное значеніе для исторіи малорусскаго землевладѣнія, тѣмъ болѣе, что его показанія отличаются въ общемъ замѣчательною точностью. Свѣряя занесенныя въ слѣдствіе «сказки» старожиловъ, излагающія исторію отдѣльныхъ селъ, съ документами тамъ, гдѣ такая свѣрка возможна, приходится, правда, иногда вскрывать въ этихъ сказкахъ мелкія погрѣшности и неточности, но число подобныхъ случаевъ очень невелико, чтобъ не сказать — ничтожно. Вообще же показанія старожиловъ, сообщавшихъ факты лишь за тотъ промежутокъ времени, «якъ ихъ память осягнетъ», даютъ чрезвычайно точныя свѣдѣнія, благодаря которымъ получается возможность возстановить характеръ владѣнія имѣніями въ лѣвобережной Малороссіи за XVII и начало XVIII столѣтія съ бо́льшею обстоятельностью, чѣмъ это можно было бы сдѣлать по сохранившимся въ сравнительно незначительномъ количествѣ актамъ этой поры. И это тѣмъ болѣе важно, что весь строй землевладѣнія гетманской Малороссіи съ этой его стороны остается еще весьма мало выясненнымъ въ литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что въ старой Малороссіи имѣніями владѣли и города, и монастыри, и урядники или лица, отправлявшія тѣ или иныя общественныя должности, и наконецъ лица изъ класса старшины, не занимавшія никакого уряда; знаемъ далѣе, что раздача имѣній производилась и гетманами и царскимъ правительствомъ, что имѣнія раздавались на время и въ наслѣдственное владѣніе. Но порядокъ возникновенія этихъ формъ владѣнія, взаимныя отношенія ихъ между собою, степень устойчивости правъ, пріобрѣтавшихся на имѣніе тѣмъ или инымъ путемъ, условія, которыми обставлялось владѣніе, группировка имѣній по родамъ владѣнія и происходившія въ ней измѣненія — все это вопросы, не рѣшенные еще въ литературѣ и едва только поднятые ею[1]). Въ виду этого задача описанія, основывающагося на такомъ источникѣ, какъ генеральное слѣдствіе о маетностяхъ, должна бы заключаться

рецензію И. В. Лучицкаго на первый томъ «Описанія старой Малороссіи» (Кіев. Ун. Изв. 1889, № 12), весьма важную по даваемымъ въ ней обобщеніямъ, и мои рецензіи на названныя изданія въ Кіев. Старинѣ, 1893, № 8 и 1894, № 4.

1) См. указанную въ предыдущемъ примѣчаніи рецензію И. В. Лучицкаго, указанія котораго по вопросу о фо́рмахъ держанія земель въ лѣвобережной Малороссіи могутъ стать отправною точкою для дальнѣйшей работы въ этомъ направленіи.

Digitized by Google

въ данномъ случаѣ въ строго точномъ перéсказѣ ряда фактовъ изъ исторіи имѣній со всѣми характерными особенностями, въ сопровожденіи какихъ являются они въ источникахъ, фактовъ, отъ которыхъ могъ бы уже спокойно отправляться будущій изслѣдователь въ своихъ изысканіяхъ. Такъ, конечно, понималъ свою задачу и самъ А. М. Лазаревскій. Выполнена однако она, на мой взглядъ, въ работѣ почтеннаго историка не въ той мѣрѣ, въ какой это требовалось положеніемъ вопроса и характеромъ источника.

Сличая изложеніе г. Лазаревскаго съ текстомъ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, приходится во многихъ случаяхъ открывать разногласіе между ними, ничѣмъ не оправдываемое со стороны автора «Описанія старой Малороссіи». Иногда это разногласіе заключается лишь въ пропускѣ авторомъ одного или нѣсколькихъ владѣльцевъ села, упомянутыхъ въ слѣдствіи. Въ перечнѣ владѣльцевъ с. Евлашовки напр. пропущенъ послѣ Шпаковскаго зять Нѣжинскаго попа Пучковскаго, полк. писарь Федоръ[1]). О с. Синякахъ авторъ говоритъ только, что оно послѣ изгнанія поляковъ принадлежало Нѣжинскому магистрату, слѣдствіе же знаетъ еще, что при полковникѣ Толстомъ имъ владѣлъ полк. асаулъ Моисей Левицкій, а затѣмъ, втеченіе одного мѣсяца, полк. пис. Леонтій Грановскій, послѣ чего оно вновь вернулось къ магистрату[2]). О с. Крапивнѣ мы у г. Лазаревскаго читаемъ, что оно находилось «во владѣніи полковниковъ до Лук. Жураковскаго, который отдалъ ее на урядъ полковыхъ писарей»; въ слѣдствіи же владѣльцемъ ея послѣ Л. Жураковскаго показанъ полк. пис. Иванъ Ананіевичъ, потомъ полк. ас. М. Левицкій и потомъ опять полк. пис. Л. Грановскій[3]). С. Володькова-Дѣвица, по словамъ г. Лазаревскаго, послѣ Гуменскаго «была присвоена Нѣжинскими полковниками и шла на ихъ урядъ» до 1708 г., а слѣдствіе называетъ ея владѣльцемъ послѣ полковника Ст. Забѣлы сына его Василія и потомъ уже опять полковниковъ[4]). Владѣльцемъ с. Пашковки послѣ Нѣжинскихъ полковниковъ авторъ считаетъ полк. ас. Левицкаго, которому, по его словамъ, она была отдана гетм. Скоропадскимъ въ 1720 г., между тѣмъ въ слѣдствіи говорится, что послѣ Л. Жураковскаго ею владѣлъ полк. пис. Иванъ Ананіевичъ и уже послѣ него п. ас. Левицкій по универсалу полковника Толстого 1720 г. за войсковыя услуги[5]). Въ перечнѣ владѣльцевъ с. Бакаевки г. Лазаревскій опускаетъ гетм. Мазепу, который, по слѣдствію, владѣлъ ею послѣ Т. Борсука, и, не совсѣмъ точно излагая дальнѣйшую ея исторію, опускаетъ въ ней любопыт-

1) Лазар., с. 85; рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 1.
2) Лазар., с. 89; рукопись Нѣж. сл., л. 66.
3) Лазар., с. 89; рукопись Нѣж. сл., л. 59—об.
4) Лазар., с. 89; рукопись Нѣж. сл., л. 57.
5) Лазар., с. 92; рукоп. Нѣж. сл., л. 63.

Digitized by Google

ныя черты. По его словамъ, именно, «при Мазепѣ Бакаевка отдана тогдашнему Дѣвицкому сотнику Вас. Селецкому, въ родѣ котораго и оставалась до конца XVIII в.» Слѣдствіе же говоритъ, что В. Селецкій владѣлъ Бакаевкой по универсалу гетм. Скоропадскаго 1708 г. «до ласки», а послѣ него владѣлъ его сынъ Як. Селецкій по универсаламъ гетм. Скоропадскаго 1717 г. и Апостола 1729 г., даннымъ «за услуги»[1]). Называя владѣльцевъ сс. Крупичполя, Вишневки и Сваричовки, авторъ опускаетъ занесенную въ слѣдствіе подробность, что Іос. Завадскій владѣлъ этими селами, будучи не только полк. писаремъ, но и полковымъ сотникомъ, и что послѣ полковн. Обидовскаго они находились втеченіе нѣкотораго времени во владѣніи его жены, равно какъ владѣлъ ими и полковникъ Толстой; для с. Вишневки же авторъ не указалъ момента ея возвращенія въ ранговое владѣніе, отмѣченнаго въ слѣдствіи, гдѣ сказано, что послѣ б. т. Як. Жураковскаго ею владѣетъ полковникъ Хрущовъ по универсалу гетм. Апостола[2]). Неполонъ равнымъ образомъ у автора и списокъ владѣльцевъ сс. Рожновки и Максимовки, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ упоминаемые въ слѣдствіи послѣ Ст. Забѣлы — сынъ его Василій и жена послѣдняго, послѣ Вас. Кочубея — гетм. Мазепа[3]). Говоря о принадлежности с. Печи Нѣжинскому магистрату, авторъ не сообщаетъ свѣдѣнія слѣдствія, что «по опредѣленію ратушной старшины» имъ владѣлъ прежде магистратскій писарь Драбко, а въ моментъ составленія слѣдствія — магистратскій же писарь Кошевій[4]). Въ перечнѣ владѣльцевъ с. Шабалинова отсутствуетъ послѣ Зах. Шійкевича гетм. Мазепа[5]), въ такомъ же перечнѣ для с. Ярославца первымъ его владѣльцемъ названъ при Мазепѣ Вас. Кочубей, отъ котораго оно и перешло къ его наслѣдникамъ, но слѣдствіе знаетъ здѣсь владѣльца раньше Кочубея, еще при гетм. Самойловичѣ — Якова Лизогуба[6]).

Уже въ приведенныхъ примѣрахъ нѣсколько уясняется характеръ пользованія источникомъ со стороны автора и результаты такого пользованія. Авторъ бралъ изъ своего источника, видимо, лишь тѣ свѣдѣнія, которыя обрисовывали, казалось, постоянныя и прочно установившіяся явленія, опуская въ своемъ подборѣ фактовъ то, что представлялось случайнымъ и неопредѣленнымъ. Но дѣло въ томъ, что при такомъ пріемѣ какъ разъ утерялась самая постоянная и характерная особенность изображаемаго строя, немедленно и ярко выступающая, какъ только мы возста-

---

1) Лазар., с. 92; рукоп. Нѣж. сл., л. 2—об.
2) Лазар., с. 94; рукоп. Нѣж. сл., лл. 1 об. — 2, 58.
3) Лазар., с. 94; рукоп. Нѣж. сл., л. 57 об.
4) Лазар., с. 123; рукоп. Нѣж. сл., л. 66 об.
5) Лазар., с. 306; рукоп. Нѣж. сл., л. 16 об.
6) Лазар., с. 443; рукоп. Нѣж. сл., л. 22 об.

Digitized by Google

новимъ относящіяся сюда мѣста источника въ ихъ неприкосновенномъ видѣ. Это именно — полная почти неразграниченность, господствовавшая въ XVII и даже въ началѣ XVIII вѣка, въ группѣ селъ, находившихся въ ранговомъ владѣніи, отсутствіе приписки опредѣленныхъ маетностей къ опредѣленнымъ должностямъ. Почти каждое изъ тѣхъ опредѣленій, какія мы встрѣчаемъ у автора при отдѣльныхъ селахъ, вродѣ: «шло на рангъ полковниковъ», «находилось въ ранговомъ владѣніи полковыхъ писарей» и т. п., требовало бы серьезныхъ поправокъ и оговорокъ. Однимъ и тѣмъ же селомъ владѣлъ полковой писарь, потомъ полковой асаулъ или хоружій; мѣсто полковника занималъ въ качествѣ владѣльца села полковой писарь, за нимъ слѣдовалъ сотникъ, потомъ опять писарь или полковникъ. Иногда одинъ и тотъ же человѣкъ, проходя различные войсковые уряды, удерживалъ за собою одно или нѣсколько селъ въ ранговомъ владѣніи. Въ этой, на первый взглядъ, пестрой и безпорядочной смѣнѣ владѣльцевъ, въ этомъ отсутствіи строгой связи между маетностью и урядомъ, или, точнѣе, въ отсутствіи строгихъ правилъ, опредѣляющихъ такую связь, и заключался настоящій порядокъ жизни, по крайней мѣрѣ, первое время послѣ освобожденія Малороссіи отъ поляковъ. Съ теченіемъ времени онъ подвергался видоизмѣненіямъ: съ одной стороны маетности, оставшіяся въ ранговомъ владѣніи, постепенно болѣе точно и постоянно распредѣлились между отдѣльными урядами, съ другой — рядомъ съ имѣніями ранговыми сложилась и разрослась группа имѣній, находившихся въ частномъ владѣніи, которая поглотила весьма значительную долю первыхъ. Зерномъ, вокругъ котораго образовалась такая группа, послужили, повидимому, имѣнія оставшейся въ Малороссіи послѣ возстанія и перешедшей въ ряды козацкаго войска шляхты, подтвержденныя ей гетманскими универсалами и царскими грамотами. Съ своей стороны гетманы уже очень рано начали вновь раздавать имѣнія отдѣльнымъ лицамъ изъ среды войска, даже и не несшимъ никакого опредѣленнаго уряда, «за услуги войсковыя». Иногда лицо, владѣвшее тѣмъ или другимъ селомъ на урядъ, переводило это село въ свое частное владѣніе съ помощью гетманскаго пожалованія «за услуги», и самая неопредѣленность ранговаго владѣнія должна была облегчать возможность подобнаго перехода. Первоначально и такая раздача имѣній предполагала лишь временное и условное пользованіе ими, совершаясь подъ характернымъ терминомъ «до ласки гетманской и войсковой», но постепенно пріобрѣтаемыя владѣльцами на имѣнія права отвердѣвали и временное владѣніе переходило во многихъ случаяхъ въ наслѣдственное, причемъ происходило и соотвѣтствующее измѣненіе терминологіи: пожалованіе «до ласки» замѣнялось пожалованіемъ «въ зуполное» или «спокойное владѣніе». Такъ землевладѣніе малорусскихъ державцевъ вылилось въ три формы,

Digitized by Google

соотвѣтствовавшія тремъ группамъ имѣній: ранговыхъ, имѣній отданныхъ «до ласки», или находившихся во временномъ пользованіи владѣльцевъ, носившемъ однако частный характеръ, и наконецъ наслѣдственныхъ или данныхъ «въ зуполное владѣніе», причемъ послѣдняя группа постоянно разросталась на счетъ двухъ первыхъ. Но, не говоря уже о томъ, что такое разграниченіе этихъ разрядовъ имѣній происходило лишь медленно, условный характеръ всѣхъ этихъ видовъ владѣнія продолжалъ существовать очень долго и даже послѣдняя группа, наиболѣе подходившая къ типу полной частной собственности, не скоро высвободилась изъ-подъ зависимости своей отъ гетманской власти, не смотря на энергичныя усилія, направленныя къ этой цѣли старшиной, пытавшейся обезсилить эту власть путемъ противопоставленія ей договорныхъ статей и царскихъ жалованныхъ грамотъ. Въ виду этихъ фактовъ, какъ ни бѣгло и неполно очерчены они здѣсь, понятно уже будетъ, какъ важно при описаніи владѣнія имѣніями точное опредѣленіе характера держанія въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ какъ подобныя опредѣленія дали бы возможность установить взаимныя отношенія различныхъ видовъ землевладѣнія и прослѣдить на массѣ примѣровъ направленіе и силу совершавшагося въ этой области процесса.

Обращаясь къ этой сторонѣ изображаемой въ очеркахъ г. Лазаревскаго исторіи имѣній, мы и здѣсь находимъ однако случаи неточной передачи авторомъ текста генеральнаго слѣдствія, благодаря чему скрадываются или представляются въ не совсѣмъ вѣрномъ видѣ довольно существенныя порою черты описываемыхъ явленій. Такъ, о с. Липовомъ-Рогѣ мы находимъ у г. Лазаревскаго свѣдѣніе, что онъ, «начиная съ Вас. Золотаренка, принадлежалъ на рангъ Нѣжинскихъ полковниковъ», а въ 1708 г. былъ укрѣпленъ царской грамотой за Лук. Жураковскимъ. Слѣдствіе излагаетъ исторію этого села иначе. Сперва оно было во владѣніи наказнаго гетмана Золотаренка, затѣмъ Нѣжинскаго полковника Як. Жураковскаго, потомъ владѣлъ Липовымъ-Рогомъ сынъ Якова, Лукьянъ Жураковскій, проходя послѣдовательно чины полковаго товарища, сотника, полк. асаула и судьи; во время нахожденія въ послѣднемъ чинѣ это село было утверждено за нимъ универсаломъ полковника Обидовскаго 1701 г. «за услуги» и онъ продолжалъ владѣть имъ, ставъ полковникомъ. По смерти его оно было утверждено его женѣ съ дѣтьми универсаломъ гетмана Скоропадскаго въ 1718 г., а въ моментъ составленія слѣдствія имъ владѣлъ сынъ Лукьяна, Яковъ, по универсалу гетмана Апостола, данному въ 1727 г. «за услуги войсковыя» дѣда и отца владѣльца и его самого[1]). Картина владѣнія, очевидно, получаетъ совсѣмъ иной характеръ: грамота 1708 г. не вывела село изъ ранговаго

1) Лазар., с. 83; рукоп. Нѣж. слѣдствія, л. 1 об.

Digitized by Google

владѣнія въ частное, а только подтвердила уже существовавшій фактъ частнаго владѣнія и въ свою очередь сама потребовала дальнѣйшихъ подтвержденій. Говоря объ утвержденіи с. Хибаловки за полк. ас. Ос. Тарасевичемъ универсаломъ г. Скоропадскаго въ 1709 г., авторъ опускаетъ занесенный въ слѣдствіе характерный титулъ владѣнія Тарасевича по этому универсалу: «за услуги войсковыя до ласки»[1]). Такое же опущеніе этого титула дѣлаетъ авторъ, говоря объ отдачѣ с. Березанки въ 1713 г. полковн. Жураковскимъ полк. об. Шрамченку, опуская притомъ и свѣдѣніе слѣдствія, что въ 1729 г. гетманъ Апостолъ подтвердилъ Шрамченку это же село «за службы въ спокойное владѣніе»[2]). Здѣсь такимъ образомъ остался неотмѣченнымъ моментъ перехода имѣнія изъ одной группы владѣній въ другую. О. с. Ильинцахъ авторъ замѣчаетъ, что они «находились въ ранговомъ владѣніи полк. хоружихъ», въ 1718 г. были отданы въ личное владѣніе п. хор. Ив. Величковскому, но по смерти послѣдняго возвращены въ ранговое владѣніе хоружихъ. Первое свѣдѣніе требовало бы здѣсь оговорки, второе же, кажется, невѣрно. Слѣдствіе говоритъ о владѣніи хоружихъ только съ гетманства Самойловича, умалчивая о предыдущемъ времени; что касается Величковскаго, то, по словамъ слѣдствія, онъ владѣлъ Ильинцами по универсалу г. Скоропадскаго 1718 г. на урядъ полковаго хоружества[3]). Въ разсказѣ о с. Сиволожѣ авторъ пропускаетъ имѣющуюся въ слѣдствіи подробность объ утвержденіи этого села за Вас. Жураковскимъ, помимо универсала гетм. Скоропадскаго, и царской грамотой въ вѣчное владѣніе[4]). При сс. Поповкѣ и Подлипномъ у г. Лазаревскаго отсутствуетъ показаніе слѣдствія, что при гетм. Многогрѣшномъ они «надлежали на его гетманскую особу»[5]). О с. Обмочевѣ авторъ говоритъ лишь, что оно принадлежало Батуринскому Крупицкому монастырю, было временно отобрано Мазепой и затѣмъ тутъ же былъ устроенъ послѣднимъ хуторъ, оставшійся во владѣніи гетмановъ. По словамъ слѣдствія, это село «за гетмана Многогрѣшного зъ его респекту было во владѣніи судіи енералного Ив. Самойловича», а, ставши гетманомъ, Самойловичъ далъ его Крупицкому монастырю. Позднѣйшій гетманскій хуторъ, по даннымъ слѣдствія, тоже устроенъ въ Обмочевѣ Самойловичемъ, который построилъ здѣсь дворецъ на купленной

1) Лазар., с. 96; рукоп. Нѣж. сл., л. 4—об.

2) Лазар., с. 97; рукоп. Нѣж. сл., л. 4. Равнымъ образомъ относительно с. Смолянки авторъ опускаетъ, что Л. Шрамченко владѣлъ имъ по универсаламъ г. Мазепы 1697 г. и г. Скоропадскаго 1715 г. «за услуги войсковыя до ласки», и относительно с. Топчіевки, что универсалъ полк. Жураковскаго 1709 г. давалъ его Шрамченку опять-таки «за услуги войсковыя до ласки», Лазар., с. 106; рукоп. Нѣж. сл., л. 5 — об.

3) Лазар., с. 121; рукоп. Нѣж. сл., л. 59 об.

4) Лазар., с. 125; рукоп. Нѣж. сл., л. 64—об.

5) Лазар., с. 229, 240; рукоп. Нѣж. сл., л. 44—об.

Digitized by Google

землѣ «и тимъ дворцомъ и приселившимися до него людми владѣлъ»[1]). Относительно с. Алтыновки авторъ не приводитъ свѣдѣнія, что дано оно было гетм. Скоропадскимъ Діаковской «до ласки войсковой»[2]). Изложенная въ слѣдствіи исторія с. Бужанки почему-то совсѣмъ отсутствуетъ въ книгѣ г. Лазаревскаго, приводящаго только свѣдѣніе, что съ конца XVIII вѣка здѣшніе крестьяне принадлежали гр. Румянцеву[3]). О с. Малой Загоровкѣ авторъ говоритъ, что она послѣ Ст. Кожуховскаго была «Апостоломъ отдана майору Мих. Дм. Банину», а слѣдствіе сообщаетъ, что Банинъ владѣлъ ею «по женѣ Стеф. Кожуховскаго и по указу бывшей Малороссійской Коллегіи 1727 г.», т. е. въ данномъ случаѣ дѣйствовало наслѣдственное право. Объ этомъ же селѣ у автора находимъ свѣдѣніе, что оно «послѣ поляковъ принадлежало, вмѣстѣ съ Сиволожью, нѣжинской артиллеріи», а въ слѣдствіи читаемъ: с. М. Загоровка «найдовалось до сотнѣ Прохорской и всякое надлежащое послушаніе отдавалы той сотнѣ сотникамъ, а за гетманства Бруховецкого оное село было ажъ по Самойловича гетмана въ диспозиціи войсковой»[4]). Но это противорѣчіе выводитъ уже насъ въ новую область, для которой необходимы нѣкоторыя предварительныя разъясненія. Раньше сдѣлаю только еще одно общее замѣчаніе по поводу сказаннаго до сихъ поръ. Дѣлая указанія на разногласія г. Лазаревскаго съ генеральнымъ слѣдствіемъ, я еще не хочу этимъ сказать, чтобы во всѣхъ случаяхъ подобныхъ разногласій авторъ былъ безусловно неправъ и свѣдѣнія его были невѣрны. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаевъ, равно какъ нѣсколькихъ, опускаемыхъ мною, авторъ руководился свѣдѣніями другихъ документовъ, имѣющихся у него и болѣе заслуживающихъ довѣрія, нежели данныя слѣдствія. Но въ такомъ случаѣ автору слѣдовало бы, мнѣ кажется, обнаружить противорѣчіе источниковъ и точно указать, какія именно свидѣтельства онъ предпочитаетъ показаніямъ слѣдствія. Пока это не будетъ сдѣлано, подобныя утвержденія его, противорѣчащія слѣдствію, останутся недоказанными.

Перехожу теперь къ третьей и самой многочисленной группѣ разногласій изложенія г. Лазаревскаго съ текстомъ слѣдствія о маетностяхъ. До сихъ поръ у насъ шла рѣчь объ имѣніяхъ, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ розданныхъ во владѣніе державцевъ. Но во какомъ положеніи находились села, никому еще не отданныя? Отыскивая отвѣтъ на этотъ вопросъ въ трудѣ г. Лазаревскаго, приходится какъ будто прійти къ убѣж-

1) Лазар., с. 273—4; рукоп. Нѣж. сл., лл. 36, 45 об. — 46.

2) Лазар., с. 413; рукоп. Нѣж. сл., л. 13.

3) Лазар., с. 320; въ слѣдствіи читаемъ: «за гетм. Самойловича дано было во владѣніе Ивану Быховцю, а потомъ знову отнято и отдано до канцеляріи войсковой енералной и якъ здавна, такъ и нынѣ до оной канцеляріи надлежитъ», сл., л. 56.

4) Лазар., с. 126; рукоп. Нѣжин. сл., л. 7.

Digitized by Google

денію, что, по мнѣнію автора, такія села принадлежали городамъ. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая книгу г. Лазаревскаго, мы относительно массы селъ находимъ въ ней опредѣленія, что они послѣ изгнанія поляковъ до отдачи въ ранговое или частное владѣніе «прислушали къ ратушѣ» того или другаго города или «находились въ числѣ ратушныхъ селъ»[1]). Авторъ не опредѣляетъ ближе содержанія понятія, скрывающагося подъ этими терминами, но и обычная терминологія и нѣкоторыя мѣста въ изложеніи самого автора какъ бы навязываютъ представленіе, въ силу котораго такіе термины надо понимать въ смыслѣ нахожденія данныхъ селъ во владѣніи ратушъ. Прежде всего именно къ такимъ селамъ былъ примѣненъ терминъ «ратушныхъ» въ 1730 г. и въ такомъ только смыслѣ употребляется онъ въ генеральномъ слѣдствіи[2]). Самъ г. Лазаревскій, далѣе, какъ будто противополагаетъ въ текстѣ своей книги принадлежность села къ «ратушнымъ» несенію имъ какихъ-либо обязанностей по отношенію къ войсковой администраціи[3]) и — что еще важнѣе — ничѣмъ не отдѣляетъ опредѣляемыхъ имъ такимъ образомъ селъ отъ имѣній, дѣйствительно, какъ мы знаемъ, находившихся во владѣніи ратушъ. Если только усвоить себѣ вытекающее отсюда представленіе, то общая картина землевладѣнія гетманской Малороссіи рисуется въ такомъ видѣ, будто послѣ изгнанія поляковъ масса селъ перешла немедленно во владѣніе городовъ, а затѣмъ уже изъ этого владѣнія была роздана старшинѣ. Но уже a priori можно замѣтить полное неправдоподобіе подобной картины и дѣйствительно, обращаясь къ источникамъ, мы не находимъ въ нихъ никакого подтвержденія для нея ни въ цѣломъ ея видѣ, ни въ частяхъ. Въ текстѣ слѣдствія мѣсто употребляемыхъ г. Лазаревскимъ терминовъ замѣняютъ совсѣмъ иныя опредѣленія,

1) См. о с. В. Загоровкѣ, с. 144, с. Конашевкѣ, с. 148, с. Веревкѣ, с. 227, с. Сосновкѣ, с. 233, с. Шаповаловкѣ, с. 237, с. Дубовичахъ, с. 394, Андреевкѣ, с. 395, с. Добротовѣ, с. 412, сс. Чарторіи и Землянкѣ, с. 437—8; о всѣхъ этихъ селахъ у автора читаемъ, что они прислушали къ той или иной ратушѣ. О с. Уздицѣ авторъ говоритъ, что она «находилась въ числѣ ратушныхъ селъ», с. 442, о с. Ярославцѣ — «входилъ въ число ратушныхъ селъ», с. 443, о с. Волокитинѣ — «оставался въ числѣ ратушныхъ селъ», с. 461 и т. д.

2) Проф. Багалѣй, опираясь на рецензіи И. В. Лучицкаго, въ своей критикѣ перваго тома «Описанія старой Малороссіи» говоритъ по этому поводу о противорѣчіи въ самомъ слѣдствіи (Новый историкъ Малороссіи, с. 39). Уважаемый критикъ однако въ данномъ случаѣ былъ введенъ въ заблужденіе своимъ незнакомствомъ съ подлинною рукописью генеральнаго слѣдствія по Стародубскому полку. Въ самомъ «слѣдствіи» никакого противорѣчія не имѣется, а есть противорѣчіе между слѣдствіемъ и внесенными въ него, но стоящими совершенно самостоятельно, въ особой графѣ, данными ревизіи 1726 года, и на это-то противорѣчіе и указывалъ проф. Лучицкій.

3) О с. Конашевкѣ г. Лазаревскій говоритъ: «до Мазепы «прислушала» къ Борзнѣ, т. е. находилось въ веденіи Борзенской ратуши; но при этомъ, по свѣдѣніямъ ген. слѣдствія, «бывало собираемую съ посполитыхъ людей годовую пашенную повинность гетм. Брюховецкому возятъ въ Гадячъ», с. 148; въ слѣдствіи же стоитъ: «за гетм. Брюховецкого въ вѣдомствѣ было старшины городовой Борзенской сотенной» и далѣе приведенное у автора мѣсто безъ всякаго противоположенія, л. 10 об.

Digitized by Google

мало того, такой терминъ, какъ употребляемый авторомъ въ кавычкахъ: «прислушало къ ратушѣ», совершенно отсутствуетъ въ слѣдствіи. О с. Вел. Загоровкѣ, о которой г. Лазаревскій говоритъ, что она «прислушала Борзенской ратушѣ», слѣдствіе сообщаетъ: «за гетмановъ Бруховецкого, Многогрѣшного и Самойловича въ вѣдомствѣ было старшины сотенной городовой Борзенской»[1]); о с. Веревкѣ, находящей для себя у автора опредѣленіе: «прислушала къ Конотопу», въ слѣдствіи читаемъ: «надлежало въ послушаніи до г. Конотопа и было въ вѣдомствѣ старшины Конотопской и въ диспозиціи же гетманской найдовалось»[2]). Въ другихъ случаяхъ противорѣчіе выступаетъ еще яснѣе: о с. Шаповаловкѣ напр. у автора находимъ, что она «прислушала къ Конотопской ратушѣ», въ слѣдствіи же про него говорится: «никому въ дачи не было и на жадние уряди не надлежало до нынѣ, якъ и теперъ въ вѣдомствѣ старшини Конотопской имѣется»; при распредѣленіи имѣній въ 1730 г. Шаповаловка зачислена въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ селъ[3]). О. сс. Чарторіи и Землянкѣ г. Лазаревскій говоритъ, что они «прислушали къ Глуховской ратушѣ», слѣдствіе, — что они «были подъ правленіемъ сотеннымъ Глуховскимъ» и опять они зачислены въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ маетностей[4]). С. Ярославецъ, по словамъ автора, «входилъ въ число ратушныхъ селъ», по словамъ слѣдствія — «за гетмана Богдана Хмелницкого и протчіихъ по немъ бывшихъ гетмановъ былъ въ диспозиціи войсковой»[5]). С. Бѣлокопытовъ, по слѣдствію, «за гетмана Богдана Хмелницкого было свободное войсковое и не было ни въ чіемъ подданствѣ и послушаніи»[6]). Такимъ образомъ, «прислушавшими къ ратушѣ» или «ратушными» г. Лазаревскій называетъ тѣ села, которыя въ слѣдствіи опредѣляются, какъ «свободныя войсковыя» или находившіяся «въ вѣдомствѣ сотенной старшины». Эти два вида терминовъ онъ ставитъ рядомъ, какъ совершенно однозначущіе, и въ текстѣ своей книги. Такъ, о с. Локоткахъ онъ говоритъ, что они «оставались свободными, т. е. находились въ вѣдѣніи Воронежской ратуши до Скоропадскаго», о с. Кочергахъ, что они «оставались свободнымъ или ратушнымъ селомъ до 1687 г.», о с. Есмани, что оно «находилось въ составѣ ратушныхъ селъ», приводя вмѣстѣ текстъ слѣдствія, по которому это село «стало подъ правленіемъ сотеннымъ Глуховскимъ», о с. Усокѣ, что онъ «находился въ присудѣ Глуховскаго сотеннаго правленія», т. е. принадлежалъ къ числу ратушныхъ

1) Лазар., с. 144; рукоп. Нѣж. сл., л. 11 об.
2) Рукоп. Нѣж. сл., л. 9 об.
3) Тамже, л. 68.
4) Тамже, л. 69 об.
5) Тамже, л. 22 об.
6) Тамже, л. 19 об. — 20.

Digitized by Google

селъ»[1]). Нѣкоторое право на такое отожествленіе терминовъ какъ будто даютъ автору иныя мѣста самихъ источниковъ. Такъ, о сс. Андреевкѣ и Добротовѣ, отнесенныхъ въ 1730 г. къ числу свободныхъ войсковыхъ, мы въ слѣдствіи читаемъ: «отъ гетмана Богдана Хмельницкого до ратуши Кролевецкой принадлежали и нынѣ до оной принадлежатъ», хотя тутъ же прибавлено, что крѣпостей на нихъ ратуша никакихъ не имѣетъ[2]). Еще убѣдительнѣе, повидимому, другой примѣръ. О с. Викторовѣ генеральное слѣдствіе говоритъ, что оно со времени Б. Хмельницкаго «было подъ правленіемъ сотеннымъ Глуховскимъ», потомъ при Скоропадскомъ было отдано во владѣніе Глуховскому коменданту Скорнякову-Писареву, «а нынѣ подъ тимъ же правленіемъ сотеннымъ обрѣтается». Г. Лазаревскій приводитъ выдержку изъ гетманскаго универсала 1721 г., по которому Викторовъ былъ отданъ Скорнякову-Писареву, — и въ этомъ универсалѣ Викторовъ называется «селомъ ратушнымъ»[3]). Но и при наличности такихъ случаевъ остается все же несомнѣннымъ, что подобное отожествленіе не можетъ быть полнымъ, что между селами ратушными и свободными войсковыми, выдѣленными въ 1730 г. въ двѣ совершенно особыя группы, лежала какая-то не уловленная и не отмѣченная съ достаточною ясностью въ изложеніи г. Лазаревскаго грань. Такое смѣшеніе двухъ группъ имѣній было замѣчено проф. Лучицкимъ уже въ первомъ томѣ «Описанія старой Малороссіи» и причину его критикъ видѣлъ въ томъ, что авторъ «не установилъ сразу точнаго и яснаго разграниченія между тѣмъ, что̀ относится къ сферѣ управленія, и тѣмъ, что̀ составляетъ объектъ собственности или права владѣнія». Критикъ указывалъ далѣе, что «рядомъ съ селами, составлявшими дѣйствительную собственность городовъ, существовали другія, обязанныя въ первое время при и послѣ Б. Хмельницкаго уплачивать опредѣленныя повинности въ пользу ратушъ и въ видахъ обороны, «на воинскія потребы». А эта уплата, продолжаетъ онъ, это несеніе повинностей обусловлены были сохраненіемъ за магистратами правъ гражданскаго управленія, дѣлавшимъ одно время изъ нихъ центръ администраціи и суда»[4]). Въ этомъ объясненіи совершенно вѣрно указано то направленіе, въ какомъ нужно искать рѣшенія темнаго вопроса о положеніи свободныхъ войсковыхъ селъ, но всецѣло принять даваемое проф. Лучицкимъ объясненіе я не счелъ бы возможнымъ. Уже въ приведенныхъ ранѣе текстахъ вырисовываются двѣ черты положенія этихъ селъ: ихъ нахожденіе «въ диспозиціи гетмана и войсковой» и ихъ подчиненность «сотенному правленію». Можно

1) Лазар., сс. 350, 464, 491, 505.
2) Рукоп. Нѣж. сл., л. 69.
3) Тамже, л. 69; Лазар., с. 465.
4) Кіев. Унив. Извѣстія, 1889, № 12; въ отд. оттискѣ с. 8—9.

Digitized by Google

привести, оставаясь въ предѣлахъ Нѣжинскаго слѣдствія, и болѣе ясные тексты или, по крайней мѣрѣ, болѣе полные. О с. Сварковѣ слѣдствіе говоритъ, что послѣ владѣнія Демьяна Уманца оно «осталось свободное войсковое, не было ни въ чиемъ подданствѣ и владѣніи, а толко вѣдомо было судомъ и росправою въ судѣ сотенномъ Глуховскомъ»[1]); о с. Усокѣ тамже читаемъ: «за гетмана Богдана Хмелницкого судимо толко бивало въ присудѣ сотенномъ Глуховскомъ и за протчіихъ по немъ бившихъ гетмановъ въ томъ же присудѣ»[2]). Источникъ говоритъ такимъ образомъ о сотенномъ судѣ надъ данной группой селъ, но упорно молчитъ о подчиненіи ихъ въ судебномъ или административномъ отношеніи ратушамъ, которое принимаетъ И. В. Лучицкій. Источники даютъ и полное разъясненіе этого загадочнаго молчанія. Правда, чтобы найти такое разъясненіе, намъ надо будетъ выйти изъ предѣловъ Нѣжинскаго полка и перейти на время въ другіе полки. Вотъ что писали наказный Бакланскій сотникъ Ив. Ширай, войтъ м. Баклани (Стародубскаго полка) Тарасъ Аѳанасовъ и сот. писарь Зах. Точицкій въ декабрѣ 1730 г., въ моментъ составленія генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, въ полковую Стародубскую канцелярію, потребовавшую отъ нихъ крѣпостей на села и другія угодія, принадлежащія м. Баклани: «якие крепости на ратушнии одинъ камень млива, в Бакланѣ на Судости стоячии, в ратуши Бакланской имѣются, тие крепости в канцелярии полковой явлени и копии с нихъ взяти, а на села, якие под видѣниемъ нашимъ сотеннимъ суть и по се время до мѣстечка Бакланѣ прислушаютъ судомъ и росправою, тако ж в нараженю подводъ и в другихъ общихъ случаючихся нуждахъ, жаднихъ крепостей в ратуши нашой Бакланской не було и теперь нѣтъ, ибо по изгнаніи ляховъ з Украини которие села от гетмановъ владѣлцамъ не роздани, тие толко до далшой волѣ гетманской же остались при сотенномъ и городовомъ вѣдомствѣ, а прямо оние не суть ратушние, хочай пространно простий народъ оние ратушними называетъ, но суть оние войсковие и подлежатъ всегда полной власти гетманской, а з онихъ селъ за всѣхъ прежде бившихъ гетмановъ до состоянія Малороссійской Коллегіи збирался годовии окладъ денежнии, которій назывался стаціею, такожъ за показанщину, покуховное и становое, хто вино куритъ з козаковъ, а хто шинкуетъ — з куховъ вишинкованнихъ и з становъ збиралися денги ж, а ис пустовихъ земель хлѣбъ, ис которого збору часть до двору гетманского отдавалась, а часть на заплату служителемъ сотеннимъ и войсковой полковой музики и на общие городовие росходи употреблять гетмани позволяли, а нынѣ тотъ увесь зборъ, з селъ годовии окладъ, показанщину, покуховное, становое и ис пустовихъ земель хлѣбъ,

1) Рукоп. Нѣж. сл., л. 18 об. — 19.
2) Тамже, л. 48.

Digitized by Google

до скарбу войскового завидовци собираютъ, и затимъ служителѣ сотенние чрезъ колко уже годъ плати себѣ не получали»[1]). Итакъ, здѣсь мы имѣемъ прямое заявленіе о значеніи названія свободныхъ войсковыхъ селъ ратушными. Въ виду важности затронутаго вопроса позволю себѣ привести еще одинъ текстъ, дорисовывающій нѣкоторыя черты, опущенныя въ цитированномъ только что документѣ. Прилуцкая полковая старшина и сотники, посылая гетману Апостолу составленное ими генеральное слѣдствіе о маетностяхъ, писали, что они произвели слѣдствіе, свѣривъ его съ доставленнымъ имъ извлеченіемъ (экстрактомъ) изъ офицерской ревизіи 1726 г. При этомъ по слѣдствію «явилось, что оного жъ Прилуцкого полку якие мѣстечка, села і деревни в мененномъ экстрактѣ написанни бить ратушними в роздаче, то оные никогда во владѣніи ратушномъ не бивали і нинѣ не найдуются, ібо на ратуши нѣ от кого не опредѣленни і на оние при ратушахъ нѣякихъ крѣпостей не имѣется, а тие мѣстечка, села і деревни за владѣния лядского били шляхетские, а за изгнаннемъ от гетмана Богдана Хмелницкого і войска Запорожского ляховъ стали бить войсковие свободние в волѣ і диспозиціи его Хмелницкого і протчіихъ по немъ бившихъ гетмановъ, которие бивало знатному товариству за ихъ вѣрние служби к Его И. В—ву села і деревни такъ по дачы от полковниковъ своими унѣверсалами подтверждають, яко і сами, усмотрѣвшы заслуги чии вѣрнии к Его И. В—ву, тому своими ж гетманскими унѣверсалами без препятствия оние опредѣляютъ, ... а что вишеозначенние мѣстечка, села і деревни названни ратушними і прежде сего в бившую Малороссійскую Коллегію з невидѣнія ратушними прописанни, то такое названіе произійшло ради тихъ причинъ, что по указамъ гетманскимъ бивало з помянутихъ мѣстечокъ, селъ і деревень войсковихъ збирается в ратуши на компанѣйцовъ мѣсячная плата, не обходя селъ і владѣлческихъ, также на служителей войсковихъ, армашовъ, пушкаровъ і трембачовъ, взималось в тие жъ ратуши годовая належитость з самихъ тихъ мѣстечокъ, селъ і деревень войсковихъ, которие от отдачи владѣлцамъ поостались, да і подводи, кому надлежитъ по указамъ, з онихъ вистатчаются, і оная плата компанѣйцамъ і годовая належитость служителемъ била по указамъ гетманскимъ з вѣдомомъ полковничимъ і старшини полковой видается; да с тихъ же мѣстечокъ, сёлъ и деревень войсковихъ люде по указу гетмановъ і полковниковъ в ратушахъ судятся старшиною полковою и сотенною въ своихъ обидахъ»[2]).

---

1) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись Кіевской Коллегіи П. Галагана, Документы, л. 319 — об.

2) Рукопись Моск. Румянц. Музея, № 1164, генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка.

Digitized by Google

Приведенные тексты позволяютъ, кажется намъ, съ полною ясностью опредѣлить главнѣйшія черты въ положеніи войсковыхъ свободныхъ селъ, тѣ именно, которыя послужили поводомъ къ недоразумѣніямъ въ изложеніи г. Лазаревскаго. Эти села находились въ непосредственномъ подчиненіи гетману, составляя своего рода фондъ для раздачи урядникамъ и вообще членамъ войска и неся на себѣ нѣкоторыя повинности въ пользу гетмана; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ населеніе уплачивало, въ повышенномъ противъ крестьянъ прочихъ имѣній размѣрѣ, сборы на содержаніе компанейцевъ и войсковыхъ служителей, взнося эти сборы въ ратуши, и подчинялось суду полковой и сотенной старшины, засѣдавшей въ ратушахъ, но не ратушному суду, какъ склоненъ, повидимому, думать проф. Лучицкій. Отсюда въ просторѣчіи названіе ихъ ратушными селами. Великорусскіе офицеры, составлявшіе въ 1726 г. въ Малороссіи ревизію или слѣдствіе объ имѣніяхъ, не съумѣли разобраться въ чуждой имъ терминологіи и всѣ села, названныя имъ населеніемъ ратушными, занесли въ ревизію, какъ принадлежащія ратушамъ и неправильно отъ нихъ отошедшія, — ошибка, которую пришлось исправлять малорусской полковой и сотенной старшинѣ въ 1729—30 гг., когда производилось новое слѣдствіе о маетностяхъ, долженствовавшее дополнить и исправить ревизію 1726 г. Эта-то ошибочная терминологія «офицерской ревизіи» и легла въ основаніе таковой же въ книгѣ г. Лазаревскаго, тѣмъ легче, что авторъ нашелъ въ документахъ выраженія, какъ бы подтверждающія ея правильность. Въ существѣ же своемъ эти выраженія не болѣе, какъ вульгарная передача другихъ, болѣе точныхъ терминовъ. Не входя въ болѣе детальное разсмотрѣніе различныхъ сторонъ положенія свободныхъ селъ, которое повело бы очень далеко, я возвращаюсь къ изложенію исторіи этихъ селъ въ работѣ г. Лазаревскаго. Въ этомъ изложеніи есть еще нѣкоторые пробѣлы. Еслибы въ книгѣ автора мы имѣли только ошибку въ терминологіи, это не представляло бы еще такого серьезнаго неудобства при пользованіи ею: выдѣливъ изъ селъ, которымъ онъ придаетъ названіе ратушныхъ, тѣ, которыя дѣйствительно находились во владѣніи ратушъ, мы могли бы отнести всѣ остальныя въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ. Но, къ сожалѣнію, у автора соединяется съ этимъ еще другая особенность въ пользованіи слѣдствіемъ: о многихъ поселеніяхъ именно онъ прямо пропускаетъ безъ вниманія показаніе своего источника, что они были свободными войсковыми. Такъ, авторъ опустилъ подобныя свидѣтельства генеральнаго слѣдствія относительно мѣстечекъ Олишевки, Шаповаловки, Конотопа, Батурина, Новыхъ Млиновъ съ присельками послѣдняго, сс. Кнутами, Пекаревымъ, Костыревымъ и Рижками, относительно мѣстечка Коропа, Воронежа, Кролевца, Глухова, с. Клина, изъ котораго возникло впослѣдствіи мѣстечко Янполь, — и благодаря этимъ

Digitized by Google

пропускамъ въ исторіи данныхъ поселеній утерялись нѣкоторыя черты или, наоборотъ, она пріобрѣла черты, ей несвойственныя[1]). Точно также не приведены авторомъ и аналогичныя указанія слѣдствія относительно многихъ селъ. Минуя тѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ простой пропускъ свѣдѣнія, что данное село принадлежало къ свободнымъ войсковымъ, я остановлюсь теперь лишь на тѣхъ мѣстахъ въ изложеніи автора, гдѣ та-

---

1) Олишевку авторъ называетъ, слѣдуя описи 1666 г., «городомъ». По его словамъ, «городомъ она стала, когда здѣшніе ремесленники образовали цехи» ... Но цехи бывали и въ селахъ и самъ авторъ называетъ ихъ хотя бы въ с. В. Загоровкѣ. Далѣе, по словамъ автора, «незначительнымъ количествомъ крестьянъ въ Олишевкѣ владѣли, начиная съ гетманства Самойловича, мѣстные сотники; затѣмъ Апостолъ отдалъ Олишевскихъ крестьянъ въ послушаніе полковой артиллеріи; а при Разумовскомъ отданы были въ послушаніе и мѣщане Олишевскіе» Мих. Будлянскому. Въ слѣдствіи для перваго періода исторіи Олишевки, до 1730 г., имѣются болѣе точныя свѣдѣнія: «посполитіе в вѣдомствѣ сотниковъ, а нѣ на якій урядъ и до ратушей не надлежали, толко еденъ разъ за г. Мазепи на кухню его в Батуринѣ давали стацѣю, а за гетмана Скоропадского оную стацію брано на полковниковъ Нѣжинскихъ, ажъ до битносты бившой Малороссійской Коллегіи, да зверхъ того для артилерійскихъ полковихъ коней з подсусѣдками козацкими оние посполитіе люде сѣно косятъ и возятъ оное». Спеціально же о сотничьемъ владѣніи слѣдствіе сообщаетъ, что «в вѣдомствѣ сотничомъ обрѣтались» и сотникамъ «исполняли послушенство» «мѣстечка Олишевки огородники». (Лазар., с. 105; рукоп. Нѣж. сл., лл. 62 об., 60 — об.). О м. Шаповаловкѣ авторъ говоритъ, что она была отдана Брюховецкимъ Нѣжинскому воеводѣ, слѣдствіе же раньше этой отдачи знаетъ такіе факты: «за г. Бруховецкого было в диспозиціи войсковой, потомъ из его ж гетманской волѣ опредѣлено было полковнику Нѣжинскому Небабѣ, по немъ владѣлъ Скорбацкій, сотникъ Шаповаловскій» ... (Лазар., с. 159; рукоп. Нѣж. сл., л. 11 об. — 12). О Конотопѣ слѣдствіе говоритъ: «за г. Бруховецкого и бившихъ по немъ гетмановъ ажъ до нынѣ ни по якой дачи в подданствѣ никому не билъ и ни на жадние уряди не надлежалъ, токмо обикновенно бивалъ в диспозиціи кождого гетмана и в вѣдомствѣ старшини Конотопской такъ, якъ и нынѣ имѣется» (рукоп. Нѣж. сл., л. 67 об.— 68). О Батуринѣ: «за гетмановъ Многогрѣшного, Самойловича и Мазепи било волнимъ, тилко в диспозиціи гетманской найдовалося, а за г. Скоропадского надлежали посполитие до сотнѣ Батуринской» ... (тамже, л. 45 об.). Относительно м. Новыхъ Млиновъ и его приселковъ авторъ говоритъ, что оно «было отдано гетманами на войсковую музыку», а по смерти Скоропадскаго «Ново-млинское поспольство кромѣ «мѣскихъ» повинностей, другихъ, вѣроятно, не отбывало»; въ слѣдствіи нѣсколько иначе: «за г. Бруховецкого и по немъ бившихъ гетмановъ ни въ чиемъ не билъ владѣніи, но в гетманской диспозиціи знайдовался, токмо даютъ бывало з того города и приселокъ по гетманскому же указу на музику войсковую платежъ обикновенній ежегодно до г. Скоропадского, а по смерти его той дачи на музику войсковую и понынѣ не давали, но в гетманской диспозиціи обрѣтались противъ прежнего»; по распредѣленію 1730 г. назначены «на войсковую музыку» (Лазар., с. 292—4; рукоп. Нѣж. сл., л. 56 — об.); равнымъ образомъ опущено авторомъ показаніе слѣдствія о пахатной и сѣнокосной землѣ въ с. Рижкахъ, принадлежавшей на рангъ Новомлинскихъ сотниковъ (Лазар., с. 300—1; рукоп. Нѣж. сл., л. 60 об. — 61). О г. Коропѣ слѣдствіе говоритъ, что онъ «послѣ измѣни Мазепиной лѣтъ десять не надлежалъ нѣкуда, бывъ свободенъ» (рукоп. Нѣж. сл., л. 54), и эта подробность тоже пропущена авторомъ. О Воронежѣ въ слѣдствіи читаемъ: «тотъ городъ изначала ни под якимъ владѣніемъ не бивалъ доселѣ» и рядомъ: «кормлювалы посполитие люде полтора ста коней енералной войсковой артиллеріи» (тамже, л. 68 — об.); о Кролевцѣ: «по вибитю ляховъ и до нынѣ в гетманской диспозиціи» (тамже, л. 68—69). Изъ сопоставленія этихъ текстовъ не трудно видѣть, что такіе «города», въ которыхъ не дѣйствовало магдебургское право, являлись по существу тѣми же свободными войсковыми имѣніями, и эта-то черта ихъ положенія не подчеркнута съ достаточною ясностью въ изложеніи г. Лазаревскаго.

Digitized by Google

кой пропускъ соединяется съ другими неточностями или прямо вызываетъ ихъ. О с. Николаевкѣ г. Лазаревскій говоритъ, что она «послѣ поляковъ опредѣлена была на чинъ резидировавшихъ при гетманахъ полковниковъ, а потомъ — Глуховскихъ комендантовъ», и такимъ образомъ опускаетъ истинный моментъ обращенія этого села изъ свободнаго въ ранговое. Въ слѣдствіи, именно, объ этомъ селѣ мы читаемъ: «за гетмана Многогрѣшного было въ диспозиціи войсковой, а по его гетманскому опредѣленію отдана во владѣніе воеводѣ Нѣжинскому, а за гетмановъ Самойловича, Мазепи и Скоропадского владѣлы великороссійскіе полковники»[1]... О крестьянскомъ населеніи с. Богдановки авторъ не говоритъ ничего, давая только свѣдѣніе, что по ревизіи 1736 г. здѣсь были крестьяне Воронежской ратуши, а по описанію 1781 г. — разныхъ владѣльцевъ; по слѣдствію же село это отнесено было въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ[2]). О с. Щебрахъ авторъ догадывается, что «вѣроятно, даръ Силичей (шляхтичей, подарившихъ въ 1657 г. эту деревню Кербутовскому монастырю) не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ Самойловичъ село это отдалъ Якову Жураковскому»; по свѣдѣніямъ слѣдствія, Щебры до отдачи Жураковскому были свободны[3]) и здѣсь не было, слѣдовательно, и мѣста догадкамъ. О с. Мутинѣ авторъ даетъ неопредѣленное свѣдѣніе, что его захватили гетманы; слѣдствіе, называя это село свободнымъ войсковымъ, указываетъ моментъ перехода въ гетманское владѣніе при Самойловичѣ[4]). С. Камень, по словамъ автора, «послѣ поляковъ включенъ былъ въ число гетманскихъ имѣній», а по слѣдствію онъ былъ свободнымъ селомъ и сталъ гетманскимъ только со времени Скоропадскаго[5]). О с. Ворголѣ авторъ сообщаетъ лишь, что онъ былъ поселенъ во второй четверти XVII в. и въ 1693 г. отданъ Мих. Миклашевскому; въ слѣдствіи находимъ болѣе точныя указанія, именно, что Ворголъ принадлежалъ при полякахъ Пѣсочинскому, по изгнаніи поляковъ былъ свободнымъ, «потомъ владѣлъ попъ Бабскій малое время» и потомъ уже Мих. Миклашевскій по универсалу гетм. Мазепы «за службы войсковыя» и по царской грамотѣ[6]). Упоминая объ отдачѣ с. Зазирокъ Многогрѣшнымъ Миклашевскому, авторъ умалчиваетъ о показаніи слѣдствія, по которому это село сперва было свободнымъ, а затѣмъ имъ владѣлъ «знатній козакъ сотни Конотопской Мурашка» еще до Миклашевскаго[7]). О с. Студенкѣ авторъ говоритъ, что имъ послѣ изгнанія поляковъ за-

1) Лазар., с. 160; рукоп. Нѣж. сл., л. 12 — об.
2) Лазар., с. 349; рукоп. Нѣж. сл., л. 68 об.
3) Лазар., с. 441; рукоп. Нѣж. сл., л. 24 об.
4) Лазар., с. 450; рукоп. Нѣж. сл., л. 52 — об.
5) Лазар., с. 454; рукоп. Нѣж. сл., л. 52 об.
6) Лазар., с. 458; рукоп. Нѣж. сл., л. 26.
7) Лазар., с. 459; рукоп. Нѣж. сл., л. 26 — об.

Digitized by Google

владѣлъ Ф. Уманецъ, за которымъ онъ былъ утвержденъ универсаломъ Многогрѣшнаго; по свѣдѣніямъ же слѣдствія Студенокъ сперва былъ свободнымъ, а потомъ имъ владѣлъ Уманецъ «по надачѣ гетм. Многогрѣшного за услуги войсковыя»[1]). Быть можетъ, авторъ имѣлъ въ этомъ случаѣ свѣдѣнія о владѣніи Уманца даннымъ селомъ и до полученія универсала, но тогда ему слѣдовало бы указать эти свѣдѣнія. О с. Улановѣ авторъ сообщаетъ, что оно послѣ изгнанія поляковъ поступило во владѣніе Черниговской архіепископіи; слѣдствіе же говоритъ, что Улановъ при Б. Хмельницкомъ былъ свободнымъ селомъ, затѣмъ имъ владѣлъ Новгородскій монастырь и уже послѣ Черниговская архіепископія[2]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ начальный моментъ въ исторіи имѣній гетманской Малороссіи оказывается такимъ образомъ нѣсколько затемненнымъ. Обращеніе бывшихъ «шляхетскихъ» владѣній въ «свободныя вой-

---

1) Лазар., с. 479; рукоп. Нѣж. сл., л. 20.

2) Лазар., с. 481; рукоп. Нѣж. сл., л. 39. То же самое имѣетъ мѣсто относительно сс. Ястребщины и Суходолщины, причемъ для нихъ слѣдствіе называетъ и моментъ перехода изъ свободныхъ селъ во владѣніе Новгородскаго монастыря — гетманство Брюховецкаго, см. Лазар., с. 481—2; рукоп. Нѣж. сл., л. 39 — об. Авторъ не сообщаетъ также часто, на какихъ земляхъ селились села, возникавшія послѣ 1654 г., пропуская напр., о сс. Локнѣ, Хижкахъ, Полковничьей Слободѣ, Марчишиной Будѣ показаніе слѣдствія, что они возникли на свободныхъ войсковыхъ пустошахъ, о с. Хохловкѣ, что оно поселено на купленной землѣ, о сс. Гримячкѣ, Имшаной, Шалимовкѣ (въ послѣднемъ случаѣ хуторъ, послужившій затѣмъ зерномъ для села), — что они поселились на свободной войсковой землѣ. Въ заключеніе укажу еще, что въ иныхъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, случаяхъ авторъ какъ бы вовсе теряетъ изъ виду показанія генеральнаго слѣдствія. Такъ, у него вовсе опущено свѣдѣніе о существованіи въ Борзнѣ, на подваркахъ Кустовцахъ, владѣнія компанейскаго полковника Карпа Часнока въ видѣ 1 владѣльческаго двора и 10 дв. подданныхъ, принадлежавшихъ ему со времени гетм. Многогрѣшнаго и утвержденныхъ универсалами 1713, 1715 и 1728 гг. «за услуги войсковыя» (рукоп. Нѣж. сл., л. 10 — об.). Говоря объ утвержденіи въ 1709 г. универсаломъ г. Скоропадскаго в. тов. Аѳанасію Дорошевичу 40 купленныхъ имъ дворовъ посполитыхъ въ с. Волокитинѣ и заимствуя это свѣдѣніе изъ принадлежащей ему рукописи XVIII в. — свода универсаловъ на маетности, авторъ сомнѣвается въ точности этой цифры и готовъ видѣть въ ней описку. Но та же самая цифра стоитъ въ генеральномъ слѣдствіи (Лазар., 462; рукоп. Нѣж. сл., л. 25 — об.). О д. Потаповкѣ г. Лазаревскій говоритъ, что она послѣ Ив. Потапенка «была, вѣроятно, пріобрѣтена Скоропадскимъ, потому что вошла въ составъ гетманскихъ имѣній». Гетманскимъ имѣніемъ Потаповка стала раньше: по слѣдствію, послѣ козака Потапа, который ее «осадилъ на себе и владѣлъ», она принадлежала Мих. Миклашевскому «по наданю гетм. Самойловича», послѣ того ею владѣли Мазепа, Скоропадскій, вдова его, а затѣмъ она была отдана Апостолу по жалованной грамотѣ на гетманскую булаву (Лазар., с. 482; рук. Нѣж. сл., л. 51 об. — 52). Въ другомъ случаѣ авторъ строитъ правильную догадку, но опять-таки напрасно, такъ какъ имѣется полное описаніе факта. Излагая исторію с. Годуновки, авторъ догадывается, что владѣлецъ этого села послѣ Юрія Годуна, Яковъ Демьяновичъ, «вѣроятно, былъ какой-нибудь родичъ Годуна, вѣроятно, его зять», а Марья Константьиха «несомнѣнно имѣла наслѣдственное право послѣ Якова Демьяновича». Текстъ слѣдствія прямо называетъ Якова зятемъ Юрія Годуна, а у Якова знаетъ сына и наслѣдника Константія, женой котораго и была, конечно, Марья Константьиха. Тутъ же авторъ приводитъ универсалы, данные Якову Демьяновичу на Годуновку Мазепой; прибавлю, что еще въ 1684 г. ему былъ данъ универсалъ Самойловичемъ на сл. Годуновку «до ласки» (Лазар., с. 494—5; рукоп. Нѣж. сл., л. 23 об. — 24 и документы, л. 255).

Digitized by Google

сковыя мѣстечки и села» не обрисовано въ описаніи г. Лазаревскаго съ достаточною яркостью и благодаря этому данное описаніе не способствуетъ въ такой мѣрѣ, въ какой оно могло бы это сдѣлать, къ уясненію общаго характера малорусскаго землевладѣнія и того процесса развитія, который оно пережило на протяженіи полутора почти вѣковъ самобытнаго существованія Малороссіи. Матеріалъ, даваемый генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, доставляетъ возможность, помимо описанія этого процесса на массѣ отдѣльныхъ примѣровъ, дать общую картину положенія имѣній и взаимнаго отношенія различныхъ группъ держаній въ одинъ избранный хронологическій моментъ, именно картину того-распредѣленія маетностей, которое произведено было генеральной старшиной и полковниками въ 1730—31 гг. Въ книгѣ г. Лазаревскаго, раздробившаго свое описаніе между отдѣльными поселеніями, такая картина отсутствуетъ и не всегда имѣется матеріалъ для ея возсозданія, такъ какъ авторъ, какъ мы уже отчасти и видѣли, опускаетъ иногда постановленный въ слѣдствіи о томъ или иномъ поселеніи приговоръ. Въ виду этого обстоятельства здѣсь не будетъ лишнимъ возстановленіе главныхъ очертаній этой картины. Распредѣленіе имѣній по родамъ владѣнія, произведенное въ 1730—31 гг., имѣло слѣдующій видъ. Состоящими въ наслѣдственномъ владѣніи частныхъ державцевъ признано было 88 маетностей; изъ нихъ относительно 35 слѣдствіе сохранило ясныя свѣдѣнія о принадлежности ихъ къ числу свободныхъ войсковыхъ ранѣе отхода къ державцамъ[1]); затѣмъ 20 селъ изъ общаго числа 88 были поселены послѣ 1654 г., 7 — на войсковой землѣ[2]), 11 — на купленной[3]) и 2 поселены владѣльцами, но на какихъ земляхъ — неизвѣстно[4]). Во владѣніи монастырей состояло 60 маетностей; изъ нихъ 13 слѣдствіе знаетъ свободными войсковыми до пожалованія монастырямъ[5]); поселенныхъ на пожалованной монастырямъ землѣ съ 1654 г. слѣдствіе называетъ 5[6]), на купленной монастырями землѣ — 3[7]), поселенныхъ на куплен-

---

1) Сс. Смолянка, Британовка, Малая Загоровка, Сосновка, Веревка, Конашевка, Великая Загоровка, м. Шаповаловка, сс. Николаевка, Носалевка, Подоловъ, Дуловъ, Дубовичи, Митченки, Литвиновичи, Княжичи, Пустогородъ, Гиринъ, Некрасовъ, Бѣлокопытовъ, Студенокъ, слободки Демяновка, Богдановка, Собичевка, сс. Журовка, Ярославецъ, Ромашковъ, Бачевскъ, Щебры, Слѣпородъ, Волокитинъ, Кочерги, Погребки, Ворголъ, Зазирки.

2) Сс. Дунаецъ, Слаутъ, Великая Кошелевка, Локня, Слободка Великая, сл. Имшаная, с. Хижки.

3) Сл. Данина, с. Берестовецъ, сл. Грузкая, с. Ретикъ, с. Подоловъ, сл. Гута, с. Хохловъ, с. Семеновка, с. Годуновка, сл. Дунайская, сл. Рубановка.

4) Сс. Чуйковка и Дорошовка.

5) Сс. Бильмачовка, Локотки, Улановъ, Суходолщина, д. Ястребщина, сс. Береза, Черневъ, Холопковъ, Баничи, Будище, Вязовка, д. Мацковъ, с. Ховзовка.

6) Сс. Сидоровка, Адамовка, Ображѣевка, Собичъ, сл. Ротовка.

7) Поселенія около г. Нѣжина и «близь монастыря Дѣвичого» и дворы въ м. Ивангородѣ.

Digitized by Google

ной землѣ частными владѣльцами и затѣмъ перешедшихъ къ монастырямъ — 2[1]), и поселенныхъ неизвѣстно на какой землѣ — 2[2]). Ратушныхъ имѣній считалось 10[3]). Затѣмъ особую группу составили т. н. описныя имѣнія, принадлежавшія Меншикову и Долгорукимъ и послѣ ссылки этихъ лицъ отписанныя въ казну на государя, въ числѣ 23; въ этой группѣ о 5 поселеніяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія относительно нахожденія въ числѣ свободныхъ войсковыхъ ранѣе отдачи во владѣніе[4]), о 7-ми, что они возникли на свободной войсковой землѣ[5]), объ одномъ, что оно поселено на купленной землѣ[6]) и наконецъ объ одномъ, что оно возникло послѣ 1654 г., но на какой землѣ — неизвѣстно[7]). Ранговыхъ маетностей было 45, считая въ томъ числѣ дворецъ въ с. Тиницѣ и хуторъ въ с. Хвастовцахъ[8]); въ томъ числѣ о 12 селахъ слѣдствіе даетъ свѣдѣнія, что они были ранѣе свободными войсковыми[9]), о 2-хъ, что они поселены на свободной войсковой землѣ[10]), о 2-хъ, что они поселены на землѣ купленной[11]), и относительно одной деревни умалчиваетъ, на какой землѣ она возникла[12]). Наконецъ свободныхъ войсковыхъ маетностей въ моментъ составленія слѣдствія насчитывалось 17[13]). Уже изъ одного этого сопоставленія не трудно видѣть, какова была господствующая группа имѣній въ начальный моментъ исторіи гетманской Малороссіи и въ какомъ направленіи шелъ процессъ развитія формъ держанія имѣній. Въ самомъ дѣлѣ изъ 200 маетностей, которыя генеральное слѣдствіе ведетъ отъ Богдана Хмельницкаго, оно 82 опредѣляетъ въ первомъ періодѣ ихъ

---

1) Сл. Гамалѣевка и с. Палѣевка.

2) Сс. Авдѣевка и Маковъ.

3) Гг. Нѣжинъ и Борзна, сс. Хорошее Озеро, Круты, Кагарлики, Печи, д. Хвостики, сс. Синяки, Кунашевка и Красиловка.

4) г. Батуринъ съ слободками, с. Клинъ (позднѣе м. Янполь), сс. Орловка, Усокъ и Порохонь.

5) С. Руденка, сл. Стягайловка, сс. Улица, Красовка, Бѣлица, Гримячка и Шалимовка; въ двухъ послѣднихъ случаяхъ лишь часть поселенія возникла на свободной войсковой землѣ, а часть на купленной.

6) С. Обмочевъ.

7) С. Чепилѣевка.

8) Кромѣ того, въ ранговомъ владѣніи Нѣжинскихъ полковниковъ была мельница о 3-хъ колахъ (поставахъ) въ Нѣжинѣ, Бахмацкихъ сотниковъ — «степъ» въ с. Бахмачѣ, Новомлинскихъ сотниковъ — поле пахатное и сѣнокосъ при с. Рыжкахъ и въ урочищѣ Некрасовкѣ и два озера у с. Рыжковъ — Ситное и Свѣтовалное, рукоп. Нѣж. сл. лл. 57, 60 об., 60 об. — 61.

9) Сс. Кучеровка, Сопичъ, Мутинъ, Камень, м. Н.-Млины, сс. Пекаревъ, Кнуты, Костыревъ и Рыжки, с. Куликовка, мм. Дѣвица и Олишевка.

10) С. Марчишина Буда и сл. Новая Гребля.

11) Сс. Курень и Тиница (въ послѣднемъ только дворецъ, а не самое село).

12) Д. Потаповка.

13) Мм. Ивангородъ, Конотопъ, Воронежъ, Кролевецъ и Глуховъ, сс. Мартыновка, Махновка, Шаповаловка, сл. Богдановка, сс. Андреевка, Добротовъ, Викторовъ, Есмань, Землянка, Чарторія, Собичевъ и Уздица.

Digitized by Google

исторіи, какъ свободныя войсковыя[1]). Даже при неполнотѣ нашего источника ясно рѣшительное преобладаніе этой группы имѣній надъ всѣми остальными. Къ концу 20-хъ годовъ XVIII столѣтія такое преобладаніе совершенно утеряно ею. Отъ свободныхъ войсковыхъ селъ къ этой порѣ сохранился не болѣе, какъ жалкій остатокъ, едва составляющій 7% общей массы имѣній, и столь же рѣшительный перевѣсъ пріобрѣли не игравшія вначалѣ видной роли группы имѣній, принадлежащихъ монастырямъ и членамъ класса старшины на правѣ наслѣдственнаго владѣнія. Вмѣстѣ взятыя, эти двѣ группы составляли уже въ 1730 г. болѣе 60% общаго числа маетностей, тогда какъ на долю имѣній ранговыхъ едва приходилось 18% общаго числа.

Позволю себѣ остановиться еще въ немногихъ словахъ на судьбѣ того остатка свободныхъ селъ, какой имѣлся къ 1730 г., и, пользуясь источниками, не служившими г. Лазаревскому, дополнить его изложеніе въ этомъ отношеніи нѣсколькими не вошедшими въ него фактами. Послѣ генеральнаго слѣдствія къ перечисленнымъ 17 свободнымъ войсковымъ селамъ было прибавлено еще 10[2]), причемъ во всѣхъ этихъ 27 селахъ въ 1730 г. считалось 2746 дворовъ. Но уже къ 1753 г. въ предѣлахъ Нѣжинскаго полка осталось только 7 свободныхъ поселеній и въ нихъ 147 дворовъ и 113 бездворныхъ хатъ посполитыхъ, именно въ м. Воронежѣ 101 дв., въ м. Кролевцѣ — 111 дв. и 8 б. х., въ м. Ивангородѣ — 2 дв., въ с. Собичевѣ — 4 дв., въ с. Уздицѣ — 9 дв. и 1 б. х., въ с. Есмани — 18 дв. и 3 б. х., въ с. Кнутахъ — 3 двора. Что касается остальныхъ, то ихъ судьба была такова: 891 дв. былъ скупленъ державцами, 34 двора оказались во владѣніи державцевъ безъ купли, изъ 83 дворовъ посполитые вписались въ козаки, на мѣстѣ 353 дворовъ оказались «пустые плецы», а 826 дворовъ и 246 б. х. были розданы въ промежутокъ времени 1730—1751 гг. въ ранговое и частное владѣніе[3]). Къ 1767 г. свободныхъ

---

1) Такой счетъ по маетностямъ, конечно, лишь очень приблизителенъ, но, къ сожалѣнію, въ Нѣжинскомъ слѣдствіи отсутствуютъ цифры дворовъ въ имѣніяхъ. Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нелишнимъ оговориться, что подъ маетностью я разумѣю здѣсь не село, а держаніе одного владѣльца въ данномъ поселеніи, которое не всегда совпадало съ границами самаго поселенія. Въ одномъ и томъ же мѣстечкѣ или селѣ бывало нѣсколько владѣній, такъ въ м. Ивангородѣ ихъ было три: частное, монастырское и свободныхъ посполитыхъ. Въ дѣйствительности такимъ образомъ отношеніе свободныхъ селъ къ другимъ для перваго періода еще недостаточно сильно выражается приведенными цифрами.

2) Мм. Дѣвица, Олишевка, Новые Млины, сс. Пекаревъ, Кнуты, Костыревъ, Рыжки, м. Борзна, сс. Оленевка и Красиловка.

3) Харьк. Ист. Арх., Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 6.290. Вѣдомость, составленная въ 1753 г. въ ген. войск. канцеляріи объ убыли свободныхъ посполитскихъ дворовъ съ 1729—30 г. по 1753 г. Заимствую отсюда свѣдѣнія о раздачѣ свободныхъ посполитскихъ дворовъ въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ селъ, отсутствующія у г. Лазаревскаго: с. Богдановка находилась уже въ 1751 г. во владѣніи Гадяцкаго полковника Галецкаго; въ м. Оли-

Digitized by Google

поселеній оставалось уже только два: мм. Кролевецъ и Воронежъ. Въ первомъ изъ нихъ населенія, съ «урядниками», ратушными служителями и почтальонами, было 245 дв., и въ нихъ 284 хаты, и 24 б. х. Въ ихъ владѣніи находилось 17 огородовъ, пахатнаго поля на 916 дней или на 458 четвертей посѣва, причемъ на этомъ полѣ, по свѣдѣніямъ вѣдомостей смотрителей свободныхъ войсковыхъ имѣній, нажиналось 4516 копъ хлѣба и вымолачивалось 1130 четв., и сѣнокоса на 624 воза. Окладной платежъ Кролевецкихъ посполитыхъ равнялся 287 р. Въ м. Воронежѣ считалось 20 дв., въ нихъ 22 х.; во владѣніи населявшихъ ихъ посполитыхъ было 18 огородовъ, на 148 дней или на $48^1/_2$ четв. посѣва пахатнаго поля, на которомъ нажиналось 306 копъ и вымолачивалось $124^1/_2$ четв. хлѣба, и на 62 воза сѣнокоса; окладной платежъ съ этого мѣстечка былъ 57 р. 25 коп.[1]). Такъ уже въ третьей четверти XVIII столѣтія свободныя войсковыя имѣнія почти совершенно исчезли на территоріи Нѣжинскаго полка.

Останавливаясь такъ подробно на данныхъ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, я имѣлъ въ виду способствовать отчасти разъясненію нѣкоторыхъ изъ основныхъ вопросовъ землевладѣнія гетманской Малороссіи, недостаточно полно представленныхъ въ книгѣ А. М. Лазаревскаго. Что касается собственно послѣдней, то по отношенію къ ней моей цѣлью было не столько отмѣтить существованіе нѣкоторыхъ ошибокъ въ ея текстѣ, тѣмъ болѣе, что во многихъ изъ приведенныхъ случаевъ не можетъ быть и рѣчи о прямой ошибкѣ, — сколько указать ту особенность этой части труда уважаемаго автора, что здѣсь онъ не исчерпываетъ вполнѣ находившійся въ его распоряженіи матеріалъ, благодаря чему послѣдующій изслѣдователь этой стороны старой малорусской жизни долженъ будетъ, не довольствуясь изложеніемъ ея въ книгѣ г. Лазаревскаго, обращаться еще и къ источнику, на которомъ послѣднее основано. Можно надѣяться, что А. М. Лазаревскій продолжитъ начатое уже имъ дѣло изданія книгъ генеральнаго слѣдствія и издастъ таковое для Нѣжинскаго полка, сдѣлавъ такимъ образомъ общедоступнымъ этотъ важный памятникъ. Тогда и тѣ отдѣльныя погрѣш-

---

шевкѣ 10 посп. дворовъ были отданы универсаломъ Разумовскаго въ 1752 г. сестрѣ его Агафіи Григорьевнѣ; с. Викторовъ было отдано имъ же въ 1752 г. бунч. тов. Гудовичу (этимъ устраняется догадка А. М. Лазаревскаго, что Викторовъ былъ пожалованъ Андр. Вас. Гудовичу имп. Павломъ, с. 465); въ с. Землянкѣ, кромѣ владѣнія (ранговаго) Вас. Туманскаго, 30 дворовъ принадлежали Глуховскому сотнику Туранскому; въ с. Пекаревѣ — 2 дв. принадлежали къ Батуринской волости, 13 дв. было во владѣніи асаула генер. артиллеріи, а остальные были отданы въ 1751 г. универсаломъ гетм. Разумовскаго отставному Нѣжинскому хоружему Витковскому; с. Костыревъ по универсалу г. Разумовскаго 1751 г. было отдано комп. полковнику Вас. Часнику.

1) Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 2560. Вѣдомость 1767 г., составленная по донесеніямъ смотрителей свободныхъ войсковыхъ и ранговыхъ имѣній.

Digitized by Google

ности сравнительно съ текстомъ этого источника, на какія мнѣ приходилось указывать въ разбираемой книгѣ, потеряютъ свое серьезное значеніе.

Мнѣ остается еще разъ оговориться, что за предѣлами указанныхъ погрѣшностей въ данной части труда автора, посвященной исторіи малорусскихъ имѣній, заключается весьма много новыхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, ярко освѣщающихъ различные моменты этой исторіи. Главное количество такихъ свѣдѣній относится къ XVIII вѣку, но и для XVII столѣтія авторъ съумѣлъ найти и указать весьма характерные факты. Не имѣя возможности перечислить здѣсь всѣ такіе факты, вновь вводимые авторомъ въ научный оборотъ, ограничусь лишь нѣсколькими выдающимися примѣрами. Авторъ указываетъ на примѣрѣ Ник. Маковскаго, какъ послѣ возстанія Хмельницкаго потеряли силу всѣ земельные акты, заключенные при польскомъ владычествѣ и какъ немного спустя происходило въ отдѣльныхъ случаяхъ возстановленіе значенія такихъ актовъ (с. 363—4); онъ отмѣчаетъ оригинальное явленіе малорусскаго землевладѣнія XVII в. — вмѣшательство въ его распорядки кіевскаго воеводы П. Шереметева, раздававшаго своею властью имѣнія (с. 439—40); другое, болѣе постоянное и важное явленіе въ этой области — непризнаваніе гетманами въ XVII столѣтіи вѣчной силы за царскими жалованными грамотами на имѣнія, также нашло себѣ отраженіе въ книгѣ автора на примѣрѣ с. Хибаловки, утвержденнаго царскою грамотой за Васютинскимъ, но затѣмъ при Мазепѣ находившагося во владѣніи разныхъ лицъ (с. 96). Значеніе матеріала, собраннаго авторомъ для XVIII вѣка, опредѣляется уже той общей схемой этой части его изложенія, которую я приводилъ выше. Для исторіи старшинскаго или державческаго землевладѣнія, какъ по отношенію къ цѣлому классу, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ фамиліямъ, входившимъ въ его составъ, и членамъ этихъ фамилій въ работѣ г. Лазаревскаго сосредоточена масса цѣнныхъ фактовъ и объясненій, ясно и отчетливо представляющихъ размѣры роста земельныхъ богатствъ этого класса. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ исторія монастырскаго землевладѣнія на территоріи Нѣжинскаго полка, представленная авторомъ въ рядѣ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ монастырямъ и ихъ владѣніямъ. Въ этихъ очеркахъ авторъ не только даетъ яркую картину разростанія монастырскаго землевладѣнія, но и отмѣчаетъ тѣ условія, при какихъ такое разростаніе совершалось, вскрывая часто въ нихъ совершенно новыя, остававшіяся раньше незамѣченными черты. Тщательный критическій анализъ земельныхъ актовъ монастырей далъ возможность автору возстановить въ исторіи монастырскаго землевладѣнія неизслѣдованныя еще стороны, указавъ именно такіе способы пріобрѣтенія имѣній монахами, которые стушевываются въ самихъ оффиціальныхъ документахъ. Особенно интересна въ этомъ отношеніи

Digitized by Google

данная авторомъ исторія владѣній Батуринскаго Крупицкаго монастыря (с. 267—270 и 446—449). Сопоставивъ рядъ универсаловъ, данныхъ этому монастырю различными гетманами, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. «Всѣ гетманы, начиная съ Богдана Хмельницкаго и кончая Брюховецкимъ, лично никакихъ маетностей не даютъ, а только подверждаютъ то, что дано прежде, т. е. то, что дано было Оссолинскимъ и Пѣсочинскимъ. Но въ актѣ Оссолинскаго имѣнія названы весьма неопредѣленно, а актъ Пѣсочинскаго едва ли и существовалъ. Тѣмъ не менѣе въ подтвердительныхъ универсалахъ гетмановъ является рядъ опредѣленно названныхъ маетностей, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, неопредѣленно названныя въ раннихъ универсалахъ, въ позднѣйшихъ уже называются «селами» (с. 270). Относительно того же монастыря г. Лазаревскій разсказываетъ еще любопытную исторію завладѣнія имъ с. Спасскимъ, на основаніи весьма сомнительнаго универсала Богдана Хмельницкаго, текстъ котораго давалъ къ тому же монахамъ право лишь на «поле Спасское». Весьма обстоятельно разсказана также авторомъ на основаніи монастырскихъ документовъ исторія владѣній монастырей Нѣжинскихъ, Благовѣщенскаго и Красноостровскаго (с. 67—79), Омбышскаго (с. 84—5), Максаковскаго (150—7), Кербутовскаго (294—9), Гамалѣевскаго (351—5) и особенно Глуховскаго Петропавловскаго (с. 467—74). Авторъ намѣчаетъ въ этихъ разсказахъ и скуплю земель, производившуюся монастырями, и тѣ насилія, путемъ которыхъ они иногда расширяли свое землевладѣніе, и наконецъ привилегіи, получавшіяся монахами для своихъ селъ, и изъ тщательно собранныхъ имъ деталей вырисовывается полная и яркая картина монастырскаго землевладѣнія, занимавшаго весьма видное мѣсто въ общемъ складѣ земельныхъ отношеній старой Малороссіи. Позволю себѣ сдѣлать лишь небольшое дополненіе къ одной, менѣе другихъ обрисованной у г. Лазаревскаго, сторонѣ этой картины, именно къ привилегированному положенію монастырскихъ селъ по отношенію къ общимъ повинностямъ, лежавшимъ на крестьянскомъ населеніи страны, пользуясь для этой цѣли документами Омбышскаго и Максаковскаго монастырей. Помѣщая нѣсколько такихъ документовъ въ приложеніи, я здѣсь лишь вкратцѣ коснусь ихъ содержанія. Универсаломъ отъ 24 ноября 1696 г. гетм. Мазепа бралъ подъ свою оборону с. Омбышъ, принадлежавшее Омбышскому монастырю, приказывая, чтобы никто «мимоездомъ и переездомъ чрезъ тое село не смѣлъ и не важился жаднимъ способомъ людей посполитихъ тамошнихъ, то есть бранемъ подводъ и вимаганемъ кормовъ и напитковъ, обтяжати подъ срокгимъ (строгимъ) войсковимъ каранемъ»[1]). Въ 1697 г. это же село было

1) Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, № 1616 1757 с.

Digitized by Google

освобождено гетманомъ отъ платежа на полковыхъ пушкарей и трубачей, и «аренда» съ него была ограничена суммой въ 100 золотыхъ[1]). Совершенно такого же содержанія универсалъ былъ выданъ Мазепою монастырю еще разъ, 22 дек. 1707 г.[2]), а затѣмъ всѣ эти льготы были подтверждены и г. Скоропадскимъ въ универсалѣ отъ 29 янв. 1709 г.[3]). Еще болѣе интереса представляютъ привилегіи, какія получалъ монастырь Максаковскій отъ гетмановъ. Гетманъ Многогрѣшный въ 1669 г. освободилъ села этого монастыря отъ сбора съ нихъ «стаціи»[4]). Гетм. Самойловичъ въ 1673 г. далъ монастырю право рубить лѣсъ въ вольныхъ пущахъ по верхнему теченію р. Десны[5]), а въ 1680 г. освободилъ посполитское населеніе сс. Максаковъ и Холмовъ отъ работъ по укрѣпленію городовъ («шарварковъ»)[6]). Гетманъ Мазепа въ 1688 г. по жалобѣ игумена Кердановскаго запретилъ сотенной старшинѣ Борзенской и Шаповаловской сотенъ судить монастырскихъ посполитыхъ, брать съ нихъ свадебныя куницы и вписывать людей изъ монастырскихъ маетностей въ козаки, такъ какъ «безъ указу нашого не доводится вамъ уписовати никого въ реестръ козацкій»[7]). Въ 1689 г. онъ, по просьбѣ игумена Гугуревича, освободилъ посполитыхъ трехъ монастырскихъ селъ, Высокаго, Холмовъ и Сидоровки, отъ работы по исправленію дорогъ (собственно, плотинъ)[8]). Наконецъ, гетм. Скоропадскій въ 1718 г. позволилъ монастырю собирать въ свою пользу съ посполитыхъ с. Высокаго какъ покуховную, такъ и показáнную повинность[9]). Въ этомъ рядѣ пожалованій выясняется нѣсколько то привилегированное положеніе, которое съ теченіемъ времени заняли владѣльческія и особенно монастырскія имѣнія.

Сдѣлаю въ заключеніе еще три мелкія дополненія къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Лазаревскимъ о различныхъ селахъ. Перечисляя владѣльцевъ с. Кладьковки по слѣдствію о маетностяхъ, авторъ называетъ въ числѣ ихъ и протопопа Симеона Адамовича. Послѣднему Кладьковка была отдана

---

1) Приложенія, № 5. Въ 1699 г. это пожалованіе гетмана было подтверждено еще универсаломъ полковника Обидовскаго, который подтверждалъ, чтобы по гетманскому универсалу монастырская маетность «отъ датковъ роковъ, приналежныхъ на слугъ нашихъ войсковыхъ, цѣле была волна», Арх. Черн. К. Пал., док. монаст., № $\frac{1616}{1761}$.

2) Тамже, № $\frac{1616}{1758}$. а.

3) Тамже, № $\frac{1616}{1757}$. а.

4) См. приложенія, № 6.

5) См. приложенія, № 7.

6) Тамже, № 8.

7) Тамже, № 9.

8) Тамже, № 10.

9) Тамже, № 11.

Digitized by Google

именно универсаломъ г. Многогрѣшнаго 29 янв. 1671 г., подтвержденнымъ затѣмъ и царскою грамотой, причемъ въ томъ и другомъ актѣ село жаловалось протопопу въ наслѣдственное владѣніе[1]). О с. Тростянкѣ г. Лазаревскій говоритъ (с. 276), что она была отдана Пашковской, «вѣроятно, взамѣнъ Ромашкова»; это можно сказать вполнѣ утвердительно, опираясь на свидѣтельство документовъ[2]). О с. Мыльникахъ авторъ сообщаетъ, что они были отданы Нѣжинскому Красноостровскому монастырю гетм. Мазепой; можно назвать и болѣе точную дату — 1688 г.[3]).

Въ разборѣ данной части книги г. Лазаревскаго я считалъ возможнымъ лишь въ общихъ чертахъ указать то богатое ея содержаніе, значеніе котораго не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній, и затѣмъ уже остановился по преимуществу на такихъ вопросахъ, для которыхъ могъ сдѣлать дополненія съ своей стороны или же по поводу которыхъ я расхожусь въ мнѣніи съ уважаемымъ авторомъ «Описанія старой Малороссіи». Заканчивая этотъ обзоръ, я долженъ опять повторить, что и въ этой своей части книга г. Лазаревскаго содержитъ обильный и важный матеріалъ по многимъ вопросамъ землевладѣнія гетманской Малороссіи и послужитъ цѣннымъ пособіемъ для всякаго изслѣдователя старой малорусской жизни.

III. Сословія.

Перехожу теперь къ третьей большой группѣ вопросовъ исторіи гетманщины, представленныхъ въ книгѣ г. Лазаревскаго, — именно къ собраннымъ авторомъ свѣдѣніямъ по исторіи сословій гетманской Малороссіи, поскольку эта исторія развертывалась на территоріи Нѣжинскаго полка. Дѣйствительно, не смотря на то, что такая тема не отмѣчена авторомъ въ подзаголовкѣ его труда, въ послѣднемъ имѣется весьма значительное количество относящагося къ ней матеріала. Наиболѣе вниманія удѣлено при этомъ авторомъ жизни высшихъ сословныхъ группъ лѣвобережной Малороссіи, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляли владѣльческій классъ въ странѣ, — козацкой старшины и чернаго духовенства. Въ своихъ очеркахъ по исторіи отдѣльныхъ лицъ изъ среды малорусскихъ администраторовъ, старшинскихъ фамилій и монастырей, очеркахъ, о которыхъ мнѣ уже приходи-

1) М. Арх. Мин. Юст., Дѣла Малор. Приказа, книга № 19, лл. 585—6 и грамота на лл. 590—592. Подлинное выраженіе универсала (переведеннаго московскимъ писцомъ съ малорусскаго): «Симеону Адамовичу протопопу Нѣжинскому и Иченскому и наслѣдію его на пропитание, владѣнье и спокойное дали ему держание».

2) Рукопись слѣдствія Нѣжинскаго полка, Документы, л. 184.

3) Универсалъ 17 марта 1688 г., въ которомъ гетманъ говоритъ, что онъ даетъ монастырю с. Мыльники вмѣсто ранѣе отошедшаго отъ него м. Салтыковой Дѣвицы съ присе-лками, — см. Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, № $\frac{1616}{2302}$.

Digitized by Google

лось упоминать въ другой связи, г. Лазаревскій, опираясь на богатый, въ массѣ своей еще не изученный другими изслѣдователями, а въ значительной мѣрѣ и остававшійся до него неизвѣстнымъ, матеріалъ оффиціальныхъ и частныхъ архивовъ, бросаетъ яркій свѣтъ на многія стороны жизни этого класса, подготовляя такимъ образомъ полную его характеристику. Не пытаясь охватить всего разнообразнаго содержанія этой части работы автора, я постараюсь лишь намѣтить главнѣйшіе ея результаты.

Подробно останавливаясь на исторіи отдѣльныхъ родовъ козацкой старшины, авторъ много вниманія и труда посвящаетъ возстановленію дѣйствительнаго происхожденія многихъ изъ нихъ, искусственно затемненнаго впослѣдствіи. Большинство оффиціальныхъ родословій малорусской старшины составлено во второй половинѣ XVIII вѣка, когда представители этого класса отдѣляли уже себя отъ народной массы именемъ «шляхетства» и, стремясь достигнуть уравненія въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ, всѣми мѣрами силились доказать свое благородное происхожденіе; въ виду послѣдней цѣли въ этихъ родословіяхъ малорусскія старшинскія фамиліи выводились обыкновенно или отъ польской шляхты или, по меньшей мѣрѣ, отъ козацкихъ гетмановъ и вообще лицъ, носившихъ высокіе войсковые чины. Г. Лазаревскій, подвергая безпощадной критикѣ такія родословія, вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ тщательнаго подбора и искусной группировки болѣе надежныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, извлекаемыхъ имъ часто изъ очень мелкихъ и невидныхъ источниковъ, вродѣ купчихъ крѣпостей на мельницы, земли и т. п., устанавливаетъ процессъ происхожденія высшаго класса малорусскаго общества XVIII вѣка въ чертахъ далеко отличныхъ отъ тѣхъ, какія старались навязать ему авторы шляхетскихъ родословныхъ. Не говоря уже о болѣе извѣстномъ фактѣ происхожденія многихъ фамилій позднѣйшаго дворянства изъ рядового козачества, обставленномъ въ книгѣ г. Лазаревскаго многими новыми примѣрами, отмѣчу болѣе оригинальное явленіе, указываемое авторомъ, — переходъ немалаго числа разбогатѣвшихъ членовъ городскаго «поспольства» или мѣщанъ въ ряды войсковаго товарищества. Такъ, авторъ устанавливаетъ происхожденіе родовъ Тарасевичей и Володковскихъ отъ Нѣжинскаго бурмистра XVII в. Тараса Аврамовича (с. 43—45), Александровичей отъ глуховскаго войта Александра (с. 45), Конисскихъ — изъ нѣжинскаго мѣщанства (с. 86)[1]), Лазаревичей и Холодовичей — изъ воронежскихъ мѣщанъ (с. 327—333), Троцкихъ — изъ мѣщанъ Новомлинскихъ (с. 290), Костенецкихъ — изъ Конотопскихъ

1) На основаніи дѣла о дворянствѣ Конисскихъ, хранящагося въ архивѣ Черниг. двор. собранія, авторъ даетъ родословіе Конисскихъ, возстановляя въ немъ между прочимъ происхожденіе извѣстнаго Георгія Конисскаго, архіеп. Могилевскаго, оказывающагося сыномъ Нѣж. бурмистра Осипа К—го (с. 509—10).

Digitized by Google

(с. 198—9). Рядомъ съ этимъ авторъ отмѣчаетъ и случаи противоположнаго характера, когда фамиліи, уже стоявшія въ рядахъ старшины, опускались затѣмъ въ низшія общественныя группы. Особеннно характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ потомства Мих. Дули, бывшаго Кролевецкимъ сотникомъ въ 1656 г. Его потомки въ концѣ XVII — началѣ XVIII вв. заняли положеніе гетманскихъ протекціантовъ — мельниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ стали даже посполитыми (с. 363—383). Собранные авторомъ факты такого рода ярко характеризуютъ начальный моментъ развитія сословныхъ отношеній въ гетманской Малороссіи, свидѣтельствуя объ отсутствіи строгихъ разграниченій сословныхъ группъ не только на нижнихъ, но и на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, и въ этомъ смыслѣ они имѣютъ большое значеніе и для общей исторіи страны. Не менѣе важны и данныя, сообщаемыя авторомъ для дальнѣйшей исторіи класса старшины. Разсказывая исторію отдѣльныхъ, составлявшихъ его родовъ, авторъ на массѣ частныхъ примѣровъ касается общихъ условій и порядковъ его жизни. Не ограничиваясь характеристикой общественной дѣятельности этого класса, о которой была у насъ рѣчь выше, г. Лазаревскій подробно обрисовываетъ его отношенія къ другимъ сословнымъ группамъ и тотъ путь, какимъ онъ дошелъ до положенія господствующаго класса. Изображеніе этой стороны жизни носитъ у автора мрачныя, но врядъ ли сколько-нибудь преувеличенныя краски. Передъ глазами читателя рисуется въ книгѣ жизнь, въ которой главнымъ побудительнымъ мотивомъ были узко-матеріальные интересы, возстановляется процессъ пріобрѣтенія богатства и привилегированнаго положенія группой выходящихъ изъ народной массы людей, процессъ, сопровождаемый насиліями, построенный часто на беззаконіи, проходитъ вереница типичныхъ пріобрѣтателей малаго и крупнаго размѣра. Захватъ земли какъ у другихъ сословій, такъ и у менѣе сильныхъ членовъ старшинскаго же класса[1]), насильственное подчиненіе козачества и переводъ козаковъ въ посполитые, совершаемый то силою власти, то путемъ экономическаго давленія, притѣсненія крестьянства, находившагося уже подъ властью державцевъ, — таковы стадіи этого процесса, громаднымъ рядомъ фактовъ представленныя въ трудѣ автора. Хотя въ меньшемъ количествѣ, онъ даетъ все же матеріалъ и для уясненія той экономической подкладки, какая присуща была данному процессу, обезпечивая возможность глубокаго вліянія старшины на народную жизнь. Авторъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя изъ завѣщаній и другихъ семейныхъ документовъ, позволяющія составить хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ движимаго имущества стар-

1) См. напр. объ отнятіи Маковскимъ земель у Голубовъ, с. 388—392.

Digitized by Google

шины[1]), и съ другой стороны намѣчаетъ тѣ пути, при помощи которыхъ создавались эти средства. Таковы напримѣръ его свѣдѣнія о происхожденіи богатства Троцкихъ и Марковича, источникомъ которыхъ послужили аренды, а въ первомъ случаѣ еще и торговля волами съ Силезіей (с. 290, 419). Объ этой торговлѣ съ Силезіей и Данцигомъ, ея размѣрахъ въ единичныхъ случаяхъ и результатахъ въ смыслѣ созданія значительныхъ денежныхъ средствъ малорусской старшины авторъ говоритъ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги (см. напр. торговыя операціи Кандибъ, с. 189—190, Костенецкихъ — Волѣватыхъ, с. 198, 202); упоминаетъ онъ и о другомъ промыслѣ малорусской старшины — торговлѣ водкой съ Астраханью (с. 192). Авторъ вводитъ далѣе своего читателя въ область домашней обстановки и семейныхъ порядковъ изображаемаго имъ класса, сообщая и здѣсь крайне любопытный матеріалъ. Таково особенно подробно разсказываемое имъ дѣло о семейныхъ неурядицахъ въ домѣ Андр. Кандибы въ началѣ XVIII в. (с. 189—192); отмѣчу также любопытное своими подробностями, относящимися къ исторіи не только старшины, но и духовенства, дѣло о разводѣ съ женой полк. обознаго Ив. Величковскаго въ первой же половинѣ XVIII столѣтія (с. 23—27). И въ этой области авторъ не довольствуется констатированіемъ отдѣльныхъ фактовъ, но устанавливаетъ и нѣкоторыя общія положенія. Такъ, приводя цѣлый рядъ завѣщаній, составлявшихся членами малорусской старшины, онъ приходитъ на основаніи ихъ къ выводу, что завѣщатели почти всегда стремились сохранить независимое положеніе за своими женами, передавая въ ихъ руки полное право распоряженія всѣмъ имуществомъ (ср. наприм. завѣщаніе Андр. Кандибы, с. 193—4; Туранскаго, с. 417—18). Наконецъ г. Лазаревскій отмѣчаетъ образовательный уровень старшины, указываетъ отдѣльные случаи стремленія къ просвѣщенію и появленія образованности въ средѣ этого класса, даетъ обстоятельныя характеристики людей, такъ или иначе выдѣлявшихся изъ него по своему нравственному складу (см. напр. очеркъ, посвящ. Матв. Холодовичу, с. 339—43). Г. Лазаревскаго упрекали иногда въ излишней мрачности красокъ, употребляемыхъ имъ въ его изображеніяхъ представителей владѣльческаго класса старой Малороссіи. Врядъ ли можно однако присоединиться къ этому упреку. Авторъ «Описанія старой Малороссіи» не только строго и точно передаетъ въ этомъ случаѣ находимые имъ въ источникахъ факты, но и съ явной охотой и любовью останавливается на личностяхъ, въ характерѣ и дѣйствіяхъ которыхъ можно отмѣтить болѣе положительныя черты. Не его вина, если въ его разсказѣ

1) См. напр. списокъ приданаго Т. Костенецкой въ 1753 г., с. 203; завѣщаніе Туранскаго, с. 417—18.

Digitized by Google

оказывается не особенно много подобныхъ владѣльцевъ. Такое перечисленіе внѣшнихъ рубрикъ заключающагося въ этой части книги матеріала врядъ ли можетъ дать полное представленіе объ его значеніи, но даже сжатый пересказъ богатаго ихъ содержанія потребовалъ бы слишкомъ много мѣста, и я ограничусь лишь однимъ общимъ заключеніемъ, оправдываемымъ уже и тѣмъ, что было сказано до сихъ поръ: въ книгѣ г. Лазаревскаго, поскольку она касается исторіи старшины, какъ соціальнаго класса, собранъ весьма цѣнный матеріалъ, дающій возможность характеризовать этотъ классъ въ различныхъ сторонахъ его жизни, причемъ значительная часть подготовительной работы для такой характеристики выполнена уже умѣлою рукой автора и пользующемуся его трудомъ придется имѣть дѣло не только съ собранными имъ въ громадномъ количествѣ фактами, но и съ построенными на нихъ обобщеніями.

Не меньшимъ обиліемъ фактическихъ подробностей и яркостью красокъ отличаются страницы книги, посвященныя изображенію внутренняго быта монастырей, причемъ авторъ сообщаетъ немало новыхъ данныхъ и для внѣшней ихъ исторіи. Монастыри старой Малороссіи не уступали свѣтскимъ владѣльцамъ въ погонѣ за матеріальнымъ благосостояніемъ, и если чѣмъ отличались въ этомъ отношеніи отъ послѣднихъ, то развѣ только своею бо́льшею энергіею и меньшей разборчивостью въ средствахъ. Въ трудѣ А. М. Лазаревскаго собрано много данныхъ для характеристики этой стороны ихъ дѣятельности, но вмѣстѣ авторъ внимательно относится и къ другимъ сторонамъ ея, пользуясь для ихъ изображенія по преимуществу рукописнымъ матеріаломъ какъ собственной библіотеки, такъ и нѣсколькихъ архивовъ, въ томъ числѣ особенно архива Черниговской Каз. Палаты, гдѣ сосредоточено рѣдкое по своей важности собраніе монастырскихъ документовъ. На основаніи этого матеріала авторъ даетъ свѣдѣнія о составѣ монастырскаго населенія (напр., монахинь Кербутовскаго монастыря въ 1777 г., с. 298—9), о монастырскомъ хозяйствѣ и способахъ его веденія, объ отношеніяхъ монастырей къ ихъ крестьянамъ и сосѣднимъ владѣльцамъ, объ отдѣльныхъ игуменахъ и ихъ управленіи, и изъ ряда такихъ свѣдѣній складывается эпизодически изложенная, но богатая содержаніемъ исторія внутренней жизни монастырей. Какъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ этой жизни, авторъ отмѣчаетъ глубокую деморализацію монашества. Непрерывная погоня за имущественнымъ благосостояніемъ, доходящая до отнятія земли отъ крестьянина и до собственноручнаго убійства игуменомъ посполитаго, защищающаго свою землю (с. 296—8, 157), жестокія притѣсненія крестьянъ монахами и игуменами, не останавливающимися передъ преступленіями, менѣе всего, казалось бы, свойственными монаху, вродѣ изнасилованія Максаковскимъ игуменомъ Гугуревичемъ

Digitized by Google

крестьянскихъ дѣвушекъ (с. 154—6), расхищеніе монастырской казны игуменами и братіею, вродѣ того, какое систематически происходило въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (с. 68—79), вражда между монахами и игуменами, выражающаяся въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ убійство игуменомъ одного изъ братіи, или какъ возстанія монаховъ противъ игумена, принужденнаго просить помощи у свѣтскихъ властей (с. 156, 74, 473—4), — таковы наиболѣе рѣзкіе симптомы этой деморализаціи, нашедшіе себѣ обстоятельное изложеніе и оцѣнку въ трудѣ г. Лазаревскаго. Авторъ намѣчаетъ и причину такого состоянія монастырей, усматривая ее въ томъ деморализующемъ вліяніи, которое должно было оказывать на монаховъ владѣніе крестьянами. Въ общемъ эти страницы книги вмѣстѣ съ тѣми, на которыхъ сообщаются свѣдѣнія о старшинѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ и содержательныхъ отдѣловъ всего труда.

Сравнительно менѣе уже представлены въ описаніи автора другія сословныя группы, для которыхъ предшествовавшія спеціальныя занятія автора, направленныя по преимуществу на изученіе исторіи владѣльческаго класса, можетъ быть, и не могли доставить ему столь богатаго и разнообразнаго матеріала. Тѣмъ не менѣе и относительно этихъ группъ въ его «Описаніи» Нѣжинскаго полка имѣется длинный рядъ весьма важныхъ данныхъ, главнѣйшія изъ которыхъ я отмѣчу, дополняя ихъ повременамъ имѣющимися у меня подъ руками матеріалами.

Городское сословіе не получило широкаго развитія на территоріи Нѣжинскаго полка; благодаря позднему ея заселенію здѣсь не было, за исключеніемъ самого Нѣжина, крупныхъ городовъ въ эпоху отторженія Малороссіи отъ Польши и вслѣдствіе этого населеніе даже болѣе значительныхъ впослѣдствіи мѣстечекъ не успѣло вполнѣ обособиться отъ остальнаго населенія, ставъ подъ защиту магдебургскаго права, въ моментъ, рѣшившій судьбу страны, и не могло уже достигнуть такого обособленія позже. Его исторія въ значительной мѣрѣ слилась съ исторіей другихъ сословныхъ группъ и видной самостоятельной роли оно не играло. Соотвѣтственно этому своему положенію оно и въ книгѣ г. Лазаревскаго занимаетъ не особенно много мѣста. Авторъ приводитъ цифры населенія городовъ за 1736 и 1781гг., сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о переходахъ мѣщанъ въ другія сословныя группы, козачества и крестьянства, даетъ краткій очеркъ городскаго хозяйства въ г. Нѣжинѣ и греческой общины (братства) въ немъ, по вопросу о магдебургскомъ правѣ въ Нѣжинѣ отсылая читателя къ статьѣ проф. Багалѣя.[1]) Далѣе авторъ останавливается лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни горожанъ. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ своей книги,

1) «Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи», Журн. М. Н. Пр., 1892, № 3.

Digitized by Google

онъ приводитъ свѣдѣнія о торговлѣ мѣщанъ, изъ которыхъ особенно интересно описаніе Кролевецкой ярмарки, сдѣланное по рукописямъ XVIII в., принадлежащимъ библіотекѣ автора (с. 378—382). Затѣмъ заслуживаютъ вниманія подобранныя авторомъ извѣстія о цеховой организаціи въ Нѣжинскомъ полку. Г. Лазаревскій приводитъ именно упоминанія о цехахъ въ Нѣжинѣ (с. 66), Олишевкѣ (с. 105), Ивангородѣ (с. 129), Борзнѣ (с. 143), Новыхъ-Млинахъ (с. 294) и Глуховѣ (с. 429), сообщаетъ «листъ» Кролевецкаго уряда 1671 г. объ установленіи здѣсь цеховъ и довольно подробно разсказываетъ о соединеніи четырехъ цеховъ с. Вел. Загоровки въ одно церковное братство въ 1695 г. и о дальнѣйшей исторіи этого братства (с. 144—5). Къ ряду установленныхъ такимъ образомъ авторомъ въ предѣлахъ Нѣжинскаго полка цеховъ можно однако прибавить еще нѣсколько, оставшихся, повидимому, неизвѣстными ему, равно какъ можно сообщить и нѣкоторыя не лишенныя интереса подробности о внутреннихъ цеховыхъ распорядкахъ, сравнительно мало затронутыхъ въ его изложеніи. Такъ, въ Глуховѣ существовалъ не упомянутый г. Лазаревскимъ гончарскій цехъ, по крайней мѣрѣ на протяженіи первыхъ четырехъ десятилѣтій XVIII-го вѣка. Въ 1732 г. «Иванъ Кондратьевъ сынъ, цехмистеръ гончарскій со всею братіею» подали просьбу гетм. Апостолу, въ которой писали: «прошлихъ годовъ за... г. Скоропадского зъ города Кролевца и Воронѣжа, такожъ и изъ селъ сотни Глуховской, где жителство свое имѣютъ гончари, чинили намъ помоществованіе во всѣхъ нашихъ налегливостяхъ, до якихъ когда насъ востребуютъ, яко то въ домъ ясневелможности вашой и протчиихъ особъ енералнихъ для поправки старихъ и становленія новихъ печей»; въ данное же время Глуховскіе гончары такой помощи не получали и потому, заявляя, что испытываютъ «въ цеху своемъ малолюдномъ немалую трудность въ частомъ требованіи насъ отъ господъ енералнихъ особъ,» просили, чтобы былъ возстановленъ старый порядокъ и Кролевецкому и Воронежскому сотникамъ данъ бы былъ указъ приказать мѣстнымъ гончарамъ «чинить намъ, когда востребуютъ къ дѣлу насъ, а мы ихъ, во всемъ помоществованіе, да не прійдемъ въ крайнее разореніе»[1]). Услугами цеховыхъ ремесленниковъ пользовались, какъ выясняется изъ этого прошенія, не только сотенная и полковая, но и генеральная старшина. Слѣдующій документъ[2]) относится уже къ области внутреннихъ порядковъ цеховъ, рисуя исторію попытки Нѣжинскихъ кушниров (скорняковъ) въ началѣ XVIII в. устранить въ своемъ цехѣ конкурренцію мастеровъ путемъ установленія равномѣрной раздачи работы выдѣлки мѣха («бѣлки») чрезъ цехмистра. Постановленіе объ этомъ, сдѣланное цехомъ и дважды утвержденное, полковой старшиной

1) Моск. Румянц. Музей, рукописн. отд., архивъ Лукашевича, № 283.

2) Въ виду представляемаго имъ интереса помѣщаю его въ приложеніяхъ, № 12.

Digitized by Google

и магистратомъ, въ 1727 г., не смогло однако осуществиться благодаря противодѣйствію пяти цеховыхъ мастеровъ, которые вошли въ частное соглашеніе съ купцами и брали отъ нихъ работу безъ вѣдома цехмистра, и понаѣхавшихъ въ Нѣжинъ барышниковъ. Цеху пришлось обращаться за подтвержденіемъ своего приговора къ гетману и Апостолъ въ 1729 г. дѣйствительно издалъ универсалъ, утверждавшій цеховое постановленіе и угрожавшій его ослушникамъ изъ среды ремесленниковъ «немалымъ штрафомъ и цеховымъ наказаніемъ.» Въ Нѣжинѣ существовалъ, по крайней мѣрѣ за время отъ Богдана Хмельницкаго до полковника Хрущова, еще одинъ цехъ, подобно Глуховскимъ гончарамъ не упомянутый у г. Лазаревскаго, именно цехъ «музицкій.» Универсалы, выданные этому цеху Богданомъ Хмельницкимъ и различными Нѣжинскими полковниками, позволяютъ возстановить нѣкоторыя черты его жизни. «Музыки» состояли подъ «козацкимъ правомъ», которое имъ неоднократно подверждалось[1]). Образованіе этого цеха совершилось, повидимому, въ 1652 г., когда и былъ данъ ему универсалъ Хмельницкимъ. Во время полковничества Гр. Гуляницкаго у цеха существовала «братерская скринка», въ которую каждый «музыка» (въ универсалахъ упоминаются скрипники, дудари и бандуристы) обязывался всякую пятницу вноситъ по «осьмаку» и за всякую ярмарку по «шагу», и деньги эти употреблялись «старшимъ братомъ» «церквамъ Божіимъ на оздобу». Кромѣ того существовали и экстраординарные сборы: такъ, полк. Як. Жураковскій разрѣшилъ въ 1685 г. цеху собирать со всѣхъ музыкантовъ полковыхъ, Мринской, Олишевской, Дѣвицкой, Веркіевской, Прохорской и Ивангородской сотенъ «ведлугъ слушности грошевій датокъ» на ремонтъ построенной цехомъ въ Нѣжинскомъ монастырѣ колокольни. Какъ состоящіе подъ «козацкимъ правомъ,» музыканты не подлежали посполитскимъ повинностямъ, «станціямъ» и т. д., но Нѣжинскіе войты нерѣдко покушались привлекать ихъ къ этимъ повинностямъ и цехъ долженъ былъ прибѣгать къ защитѣ полковниковъ и гетмана. Въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ чисто козацкимъ цехомъ или братствомъ, но и вообще нужно замѣтить, что цеховая организація не пріурочивалась исключительно ни къ сословію мѣщанъ, ни къ городу. Въ исторіи собственно городскаго населенія Нѣжинскаго полка г. Лазаревскій отмѣчаетъ еще одинъ крупный фактъ — переходъ значительной его части во второй половинѣ XVIII вѣка въ ранговое и частное владѣніе державцевъ путемъ пожалованій гетм. Разумовскаго. Такъ, Борзна, Конотопъ и Н.-Млины были отданы на рангъ ген. об. Сем. Кочубею (с. 143, 213), Олишевка — Будлянскому, Дѣвица — Закревскимъ (с. 105, 112) и т. д. Для яснаго уразумѣнія этой раздачи

1) Моск. Рум. Музей, рук. отд., архивъ Лукашевича, № 2588. Всего здѣсь въ копіяхъ 9 универсаловъ.

Digitized by Google

надо помнить однако то, что сказано было раньше о характерѣ этихъ поселеній, какъ свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ.

Въ исторіи козачества авторъ «Описанія» останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ фактахъ, которые свидѣтельствуютъ о постепенно возраставшей зависимости этой группы населенія отъ старшины, пользовавшейся своей административною властью и своимъ экономическимъ перевѣсомъ для перевода козаковъ въ ряды своихъ подданныхъ. Масса отдѣльныхъ случаевъ такого перевода въ видѣ примѣровъ «скупли» козаковъ державцами и насильственнаго верстанія козаковъ въ посполитые разсѣяна въ книгѣ[1]), но я не буду приводить ихъ здѣсь, такъ какъ объ этихъ примѣрахъ частью уже была рѣчь выше. Авторъ намѣчаетъ далѣе и такія условія жизни козачества, которыя побуждали членовъ этого класса къ добровольному переходу въ другія сословія, указывая именно на тяжесть повинностей и особенно походовъ (см. напр. с. 179), падавшую тѣмъ бо́льшимъ бременемъ на козаковъ, что владѣльцы защищали своихъ подданныхъ отъ тѣхъ повинностей, какія они должны были нести совмѣстно съ козаками (см. с. 177). Болѣе подробной и обстоятельной обрисовки этихъ условій онъ однакоже не даетъ, равно какъ и вообще не имѣется въ его книгѣ матеріала для характеристики экономическихъ условій жизни козачества. Важны за то цифровыя данныя о численности козацкаго населенія во всѣхъ поселеніяхъ полка, приводимыя авторомъ для 1736 и 1781 гг., равно какъ подобныя же цифры для Конотопской сотни въ 1711 г., заимствованныя авторомъ изъ напечатанной имъ же описи этой сотни, и для Батуринской волости по описи 1726 г., извлеченныя г. Лазаревскимъ изъ рукописи его библіотеки.

Немалую цѣну для исторіи развитія малорусскихъ сословій имѣютъ далѣе свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о тѣхъ группахъ населенія, которыя занимали какъ бы переходное положеніе между козачествомъ и крестьянствомъ или посполитыми. Такого рода группы были въ гетманской Малороссіи двухъ родовъ: козаки, на которыхъ возлагалась какая-либо спеціальная служба гетману или другимъ лицамъ изъ войсковой старшины по указу высшей, т. е. гетманской или замѣнявшей ее власти, и козаки и посполитые, подпадавшіе подъ частную зависимость отъ владѣльцевъ безъ какого-либо распоряженія со стороны власти. На территоріи Нѣжинскаго полка г. Лаза-

1) Такъ въ Бахмацкой сотнѣ только за 1736— 38 гг. 62 козака, по свѣдѣніямъ г. Лазаревскаго, «спродалось или такъ поддалось» владѣльцамъ, с. 178—9; ср. переходъ козаковъ въ подсусѣдки въ Ивангородѣ въ нач. XVIII в. въ результатѣ монастырской скупли (с. 129), переходъ въ посполитые въ с. Будѣ въ концѣ XVII стол. вслѣдствіе насилій сотниковъ Шендюховъ (с. 113), то же въ сс. Дунайцѣ и Локнѣ вслѣдствіе дѣйствій Четвертинскаго (с. 442, 451—2), то же въ сс. Погребкахъ и Хижкахъ, гдѣ дѣйствовалъ Лизогубъ (с. 444—5, 453; ср. также 458, 460, 475—7).

Digitized by Google

ревскій констатируетъ присутствіе обѣихъ этихъ группъ. Первая изъ нихъ представлена была служившими у нѣкоторыхъ лицъ изъ старшины куренчиками [1]), равно какъ гетманскими конюшевцами, палубничими (служившими при гетманскихъ экипажахъ) и волкогонами (охотниками). Эти три разряда служившихъ гетманамъ козаковъ населяли сс. Поповку и Обмочевъ. Авторъ довольно подробно разсказываетъ ихъ любопытную исторію (с. 231—2, 274—6). Къ его разсказу можно однако добавить одинъ характерный эпизодъ. Г. Лазаревскій указываетъ именно на стремленіе Обмочевскихъ волкогоновъ и палубщиковъ возвратиться въ козачество. Какъ можно заключить однако изъ слѣдующаго факта, такое стремленіе не было въ данной группѣ ни всеобщимъ, ни постояннымъ. Послѣ того, какъ волкогоны и палубщики с. Обмочева указомъ г. Апостола были поверстаны въ козаки, среди нихъ произошло обратное движеніе, направленное къ тому, чтобы выбиться изъ-подъ сотенныхъ повинностей. Поводомъ къ обнаруженію такого движенія послужилъ указъ Апостола 19 мая 1731 г., которымъ Батуринскому сотнику предписывалось нѣсколькихъ изъ бывшихъ волкогоновъ выслать на «линейную Орельскую работу», а палубщиковъ не отправлять, такъ какъ въ случаѣ объявленія общаго похода они выступятъ «по старымъ обыкновеніямъ» вмѣстѣ съ гетманомъ. По словамъ сотника Стожка въ его доношеніи гетману отъ 16 іюня 1731 г., этотъ указъ на палубщиковъ, которыхъ въ то время въ Обмочевѣ числилось до 60 дворовъ и которыхъ «найболшое число въ бытность гетм. Скоропадского старосты Обмочевскіе приняли съ подъ сотни, ухиляючихся самоволне отъ сотенныхъ служебъ для своего полегченія», произвелъ такое дѣйствіе, что они «взяли предъ себе возгорженс» и, объявивъ мѣстному атаману, «дабы до ихъ уже жадного не имѣлъ дѣла и до общенародныхъ сотенныхъ тяжестей, яко то до годованія консистентовъ, на сторожи, на стойки и на протчія службы

1) Позволю себѣ привести здѣсь выдержку изъ универсала г. Апостола отъ 30 марта 1733 г., непосредственно относящагося къ Нѣжинскому полку и заключающаго въ себѣ небезъинтересныя свѣдѣнія о куренчикахъ. Предписывая бунчуковымъ товарищамъ Нѣжинскаго полка, «в Засеймскихъ сотняхъ жительство свое имѣющимъ», быть готовыми къ походу «такъ, чтобъ по полученіи третичного указу нашого можно было к маршу куда повелено будетъ и виступить в три години непремѣнно», гетманъ прибавляетъ: «а понеже издавна обыкновеніе в полкахъ рейменту нашего бывало, когда бунчуковое товариство в походъ виправляются, то имъ для вспомоществованія отъ антецессоровъ нашихъ курѣнчики бывало опредѣляются, того ради и мы симъ нашимъ унѣверсаломъ пп. бунчуковимъ товариству всякому, если которій востребуетъ, козаковъ самихъ найубожшихъ к нынѣшному военному походу для вспомоществованія опредѣлить велѣли, о чомъ от насъ и к пану полковнику Нѣжинскому указомъ нашимъ сего ж марта 30 дня предложено, толко бъ тихъ себѣ опредѣленнихъ куринчиковъ чрезъ ввесь походъ пп. бунчуковіе товарищи на своемъ содержали виктѣ и коштѣ, когда же з означенного походу возвратятся, тогда онымъ курѣнчикамъ быть при своихъ прежныхъ коммандахъ предлагаемъ». Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 10.000.

Digitized by Google

не занималъ бы ихъ», выбрали себѣ особаго атамана; вмѣстѣ съ тѣмъ они отказались отвѣчать на какіе бы то ни было иски, предъявляемые къ нимъ въ сотенномъ судѣ, заявляя, «дабы искано зъ ихъ сатисфакціи въ Глуховѣ, въ двору гетмана». Смущенный сотникъ испрашивалъ резолюціи гетмана, надо ли впредь привлекать палубщиковъ къ сотенному суду и общимъ повинностямъ, «понеже нѣкоторые изъ нихъ уже и подъ описній Обмочевскій дворецъ поддалися»[1]).

Для второй изъ указанныхъ группъ, болѣе многочисленной и сложной по своему составу и игравшей несравненно болѣе важную роль въ общемъ складѣ малорусскихъ сословій, г. Лазаревскій также даетъ въ своей работѣ рядъ цѣнныхъ фактовъ. Группа эта состояла изъ двухъ разрядовъ: протекціантовъ, въ ряды которыхъ входили главнымъ образомъ козаки и свободные посполитые, стремившіеся избавиться отъ тяжести общихъ повинностей и съ этою цѣлью становившіеся «подъ протекцію» того или другаго сильнаго лица, и подсусѣдковъ, или лицъ, продавшихъ кому-либо свои земли и дворы, но оставшихся жить въ послѣднихъ подъ обязательствомъ платежа новому владѣльцу деньгами или работой; такіе подсусѣдки бывали и у владѣльцевъ, и у козаковъ, и у посполитыхъ, и въ свою очередь въ разрядъ подсусѣдковъ одинаково вступали и козаки, и свободные посполитые, искавшіе въ немъ облегченія отъ тяжести общихъ повинностей, и посполитые владѣльческіе, спасавшіеся отъ притѣсненій своихъ державцевъ и чрезмѣрныхъ работъ или уже утерявшіе благодаря такимъ притѣсненіямъ свое хозяйственное благосостояніе и принужденные разстаться съ землей. Въ трудѣ г. Лазаревскаго собрано весьма значительное количество фактовъ и цифръ, позволяющихъ наглядно представить себѣ какъ эти разнообразныя причины перехода лицъ той или иной сословной группы въ разряды протекціантовъ и подсусѣдковъ и общій процессъ образованія даннаго класса, такъ и размѣры послѣдняго. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи воспроизведенныя авторомъ данныя описи Конотопской сотни 1711 г., рисующія одинъ изъ сравнительно раннихъ моментовъ названнаго процесса. Авторомъ подобраны далѣе нѣкоторые факты, бросающіе свѣтъ на тѣ отношенія, въ какихъ стоялъ данный классъ къ общей администраціи страны и къ державцамъ. Такъ, онъ указываетъ на усилія администраціи, полковой и сотенной, привлечь покрывавшихся владѣльческой протекціею людей къ отбыванію общихъ повинностей, по большей части остававшіяся безуспѣшными (с. 14, 146, 179, 412). Позволю себѣ присоединить къ ряду приводимыхъ имъ примѣровъ одинъ, не менѣе, пожалуй, яркій. Въ 1706 г. гетм. Мазепа по жалобѣ Борзенскихъ мѣщанъ, что владѣльцы не оказываютъ

1) Харьк. Ист. Арх., Дѣла Малор. Колл., Черн. отд., № 9675.

Digitized by Google

имъ никакой помощи съ своихъ маетностей въ отбываніи общихъ повинностей и укрываютъ многихъ посполитыхъ въ г. Борзнѣ и с. Красиловкѣ подъ своею протекціей, издалъ грозный универсалъ, въ которомъ запрещалъ владѣльцамъ подобныя дѣйствія подъ страхомъ лишенія маетностей[1]). Эта угроза не особенно, повидимому, подѣйствовала на владѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, въ 1713 г. полк. Лук. Жураковскій опять жаловался гетману, что владѣльцы Борзенской сотни «ни на почту, ни на другія подводы не даютъ съ селъ своихъ помощи городу», благодаря чему, по словамъ жалобы, сперва мужики, а затѣмъ и козаки Борзенскіе совсѣмъ раззорились[2]). Еще раньше этой жалобы полковника послѣдовалъ по жалобѣ самихъ Борзенскихъ урядниковъ и мѣщанъ универсалъ г. Скоропадскаго, которымъ онъ предписывалъ ряду владѣльцевъ Борзенской сотни взятыхъ ими въ свою оборону людей уступить обратно къ городу[3]). Въ 1715 г. Александръ Чуйкевичъ по приказу гетмана производилъ въ г. Борзнѣ и с. Красиловкѣ розыскъ о протекціантахъ, по которому отъ владѣльцевъ должны были отойти къ ратушѣ 82 взятыхъ ими въ протекцію хаты[4]). Въ 1719 г. Скоропадскій далъ урядникамъ Борзенскимъ новый универсалъ, которымъ засвидѣтельствовалъ, что приговоръ Чуйкевича остался неисполненнымъ державцами, и требовалъ его исполненія подъ страхомъ лишенія маетностей[5]). Такимъ образомъ три распоряженія гетманской власти на протяженіи девяти лѣтъ оказались безсильными уничтожить «протекцію» и подчинить владѣльческія имѣнія несенію общихъ повинностей и можно сомнѣваться, имѣло ли какіе-нибудь результаты четвертое. Г. Лазаревскій намѣчаетъ еще одинъ весьма любопытный фактъ, относящійся къ другому разряду даннаго класса, къ подсусѣдкамъ козацкимъ, и стоящій въ полномъ противорѣчіи съ только что приведенными. Это именно — привлеченіе козацкихъ подсусѣдковъ м. Мрина и селъ, къ нему принадлежащихъ, къ отбыванію повинностей въ пользу владѣльца этой маетности — Черниговскаго Каѳедральнаго монастыря (с. 99). Въ данномъ случаѣ этотъ фактъ, слишкомъ кратко изложенный, принялъ не вполнѣ вѣрныя очертанія. Универсалъ г. Мазепы 1689 г. еще не подчинилъ монастырю вполнѣ козацкихъ подсусѣдковъ, которые и долго послѣ того подчинялись не монастырю, а Мринскимъ сотникамъ, отъ которыхъ отошли въ вѣдѣніе архіепископіи лишь въ 1748 г. по рѣшенію генеральнаго суда[6]). Но можно привести и другіе случаи, гдѣ имѣется

1) Рукопись Нѣж. слѣдствія о маетностяхъ, Документы, лл. 145—6.

2) Харьк. Ист. Архивъ, Д. М. К., Черн. отд., № 11.886. Письмо полковника помѣчено 20 марта 1713 г.

3) Рукоп. Нѣж. сл., Документы, л. 147— об. Универсалъ отъ 2 февр. 1713 г.

4) Тамже, лл. 150—1.

5) Тамже, л. 149 — об.

6) Архивъ Черн. Каз. Палаты, докум. монастырей, подъ общимъ № 1616, №№ 2922—2924, 2928, и декретъ ген. суда 1748 г. (бумаги Черниг. Борисоглѣб. монастыря).

Digitized by Google

подобное же подчиненіе козацкихъ подсусѣдковъ державцѣ маетности. Такъ, въ 1709 г. гетм. Скоропадскій, давая универсалъ Нѣжинскому полк. сотнику Ив. Пироцкому на с. Вересочъ, пишетъ: «тое село Веросочъ з людми посполитими, подсусѣдками козацкими, млинами... в зуполное владѣніе... ствержаемъ»[1]). Онъ же, отдавая въ 1714 г. знатному войск. товарищу Іос. Тарасовичу с. Британовку «во всегдашное владѣніе», говоритъ въ универсалѣ: «войтъ зась того селця Британовки з посполитими людми и подсусѣдками козацкими повинни ему... всякіе подданскіе отдавати послушенства и повиновенія»[2]). Точно также полковникъ П. Толстой отдаетъ въ 1725 г. полк. пис. Л. Гроновскому на урядъ с. Кропивну «со всѣмы мужикамы и подсусѣдками, которие з мужиковъ, а живутъ въ дворахъ чина козачого»[3]). И это лишь немногіе примѣры изъ цѣлаго ряда подобныхъ. Такимъ образомъ въ то самое время, какъ владѣльческіе протекціанты и подсусѣдки почти всецѣло избавлялись отъ тяготѣнія общенародныхъ платежей и повинностей, подсусѣдки козацкіе не только должны были нести это бремя повинностей, привлекаемые къ нему усиліями администраціи, какъ указываетъ авторъ (с. 235), но въ томъ случаѣ, если они происходили изъ посполитыхъ, не вполнѣ освобождались и отъ зависимости по отношенію къ державцамъ. Иногда же дѣйствія администраціи по отношенію къ такимъ подсусѣдкамъ принимали и болѣе опредѣленное направленіе: по просьбамъ владѣльцевъ, и особенно монастырей, гетманы неоднократно пытались въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ прекратить переходъ владѣльческихъ посполитыхъ въ козацкіе подсусѣдки путемъ запрещенія козакамъ принимать ихъ въ свои дворы. Такъ, г. Мазепа въ 1699 г. запретилъ козакамъ с. Омбыша принимать въ подсусѣдки посполитыхъ мѣстнаго монастыря[4]); г. Скоропадскій въ 1713 г. издалъ распоряженіе, чтобы козаки Борзенской и Шаповаловской сотенъ не осмѣливались принимать къ себѣ подсусѣдковъ изъ подданныхъ Максаковскаго монастыря[5]), а въ 1716 г. повторилъ подобное же распоряженіе для имѣній монастыря Крупицкаго[6]). Приводя эти факты, я хотѣлъ лишь болѣе оттѣнить различіе въ положеніи разныхъ разрядовъ класса подсусѣдковъ и отчасти дополнить съ этой стороны изложеніе г. Лазаревскаго, въ которомъ, хотя и имѣются весьма цѣнныя свѣдѣнія о происхожденіи и положеніи козацкихъ подсусѣдковъ (см. особ. с. 471, 473, 83), но главное вниманіе обращено на подсусѣдковъ владѣльческихъ. Полнаго разъясненія истори-

1) Рукоп. Нѣж. сл., Документы, л. 54—об.
2) Тамже, л. 57—об.
3) Тамже, л. 22—об.
4) Архивъ Черн. Каз. Пал., док. монаст., № 1616/1759. а.
5) Тамже, № 1616/641.
6) Харьк. Ист. Архивъ, Д. М. К., Черн. отд., № 123.

Digitized by Google

ческихъ судебъ этого оригинальнаго класса возможно ожидать лишь отъ спеціальнаго изслѣдованія, но задача послѣдняго во всякомъ случаѣ значительно облегчается благодаря собранному въ книгѣ г. Лазаревскаго матеріалу.

Обращаюсь къ послѣдней сословной группѣ гетманской Малороссіи — собственно крестьянству или посполитымъ. Для ихъ исторіи мы опять имѣемъ въ книгѣ г. Лазаревскаго богатый и важный матеріалъ, освѣщающій многія стороны жизни этого класса. Въ предыдущемъ изложеніи уже приходилось говорить о сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣніяхъ относительно пополненія этой сословной группы путемъ перехода въ нее значительной части козачества, равно какъ упоминалъ я и объ даваемомъ авторомъ изображеніи перехода посполитыхъ въ подсусѣдки. Въ рядѣ эпизодовъ обрисовываетъ г. Лазаревскій и другую сторону этого процесса, отмѣчая отсутствіе рѣзкихъ сословныхъ граней между козаками и посполитыми въ XVII в., когда переходъ изъ послѣдней группы въ первую не встрѣчалъ никакихъ серьезныхъ затрудненій и совершался вполнѣ свободно (с. 99, 392—3), и указывая постепенное стѣсненіе этого перехода въ XVIII в. Уже для времени Скоропадскаго авторъ представляетъ яркіе примѣры явной несправедливости высшей администраціи, и въ томъ числѣ самого гетмана, въ примѣненіи усвоенныхъ въ эту пору правилъ разграниченія козаковъ и посполитыхъ (см. особ. дѣло Дан. Забѣлы и гетманское рѣшеніе его, с. 403—9). Помимо дѣйствій собственно администраціи въ этомъ вопросѣ, авторъ изображаетъ и тѣ насилія, какія пускали въ ходъ сами державцы для удержанія посполитыхъ отъ перехода въ козачество и отъ какихъ не воздерживало ихъ наблюденіе Вельяминовской коллегіи, остававшееся больше на бумагѣ (с. 476). Размѣры посполитскаго населенія, отношеніе его къ другимъ сословнымъ группамъ и распредѣленіе между отдѣльными владѣльцами выясняются изъ представленныхъ авторомъ цифръ его по отдѣльнымъ поселеніямъ. Авторъ даетъ и болѣе подробныя указанія на составъ крестьянскаго населенія отдѣльныхъ имѣній, заимствуя данныя для такихъ указаній изъ описей Конотопской сотни 1711 г. и Батуринской волости 1726 г. Особенно богаты въ этомъ случаѣ свѣдѣнія послѣдней, дающія понятіе о тѣхъ разрядахъ, на которые распадались посполитые въ мастностяхъ: различныхъ мастеровыхъ, посполитыхъ тяглыхъ пахатныхъ, лѣзныхъ. Можно только пожалѣть, что авторъ нѣсколько поскупился на сообщеніе свѣдѣній объ экономической сторонѣ жизни посполитыхъ. Въ той же описи Батуринской волости содержатся, напримѣръ, точныя свѣдѣнія о количествѣ рабочаго скота (воловъ и лошадей) во всякомъ посполитскомъ дворѣ и эти свѣдѣнія были бы далеко не лишними въ книгѣ г. Лазаревскаго, особенно если принять въ разсчетъ, какъ мало до сихъ поръ имѣется въ

Digitized by Google

литературѣ матеріала подобнаго рода. Подробно представлены за то въ трудѣ автора отношенія посполитыхъ къ владѣльцамъ. Въ рядѣ характерныхъ эпизодовъ, подобранныхъ авторомъ изъ бывшаго въ его распоряженіи матеріала, отчетливо выясняется безправное положеніе посполитаго передъ владѣльцемъ, создававшееся не законами, а помимо дѣйствующихъ законовъ, и иногда даже вопреки имъ, въ силу того общаго строя жизни, который доставилъ владѣльческому классу въ Малороссіи рѣшительный перевѣсъ надъ другими группами населенія. Это безправное положеніе сказывалось въ беззащитности посполитыхъ отъ насилій со стороны владѣльца, имѣвшихъ своею цѣлью эксплуатацію имущества и труда ихъ. О такихъ насиліяхъ, поскольку они направлялись на лишеніе посполитаго его земли, рѣчь была уже выше, и здѣсь я отмѣчу только любопытные факты, сообщаемые авторомъ относительно державческаго суда и его злоупотребленій (с. 277—9, 398—400). Не менѣе важенъ матеріалъ, даваемый авторомъ для изображенія другой стороны отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, именно тѣхъ повинностей, которыя они несли на послѣднихъ. Г. Лазаревскій приводитъ здѣсь гетманскіе универсалы конца XVII вѣка, опредѣляющіе повинности посполитыхъ главнымъ образомъ возкой дровъ, кошеніемъ сѣна и уплатой «осыпа» владѣльцу (с. 95), извѣстія о спорахъ владѣльцевъ и посполитыхъ изъ-за повинностей въ началѣ XVIII столѣтія и о нормировкѣ повинностей гетманской властью, устанавливавшей въ это время обычную панщину въ видѣ двухъ дней работы въ недѣлю (с. 119), жалобы крестьянъ на чрезмѣрные платежи и работы, требуемые отъ нихъ владѣльцами (с. 413—14). Опись Батуринской волости доставила возможность автору опредѣлить повинности цѣлаго ряда селъ для времени Мазепы, Скоропадскаго и въ 1726 г., а опись Янполя, составленная въ 1728 г., позволила ему описать доходы, доставлявшіеся ранѣе этимъ мѣстечкомъ Меншикову[1]).

Цѣнный матеріалъ, собранный здѣсь авторомъ, относится такимъ образомъ по преимуществу къ концу XVII и началу XVIII столѣтій. Въ дополненіе къ нему я позволю себѣ представить нѣсколько аналогичныхъ данныхъ о крестьянскихъ повинностяхъ и платежахъ, относящихся большею частью ко второй половинѣ XVIII столѣтія. Прежде всего сообщу однако болѣе раннія свѣдѣнія для м. Янполя, именно за время владѣнія имъ Меншикова. Помимо той описи г. Янполя, которою пользовался г. Лазаревскій, въ бывшемъ архивѣ ген. войск. канцеляріи сохранилась еще одна, составленная въ 1750 г., и она значительно дополняетъ

1) Въ виду того, что ссылка автора на старый № архива ген. канцеляріи не имѣетъ значенія при перемѣнѣ №№ дѣлъ въ Харьк. Ист. Архивѣ, возстановлю нынѣшній № этого важнаго документа: Х. И. А., Д. М. К., Черн. отд., № 5618.

Digitized by Google

первую. Въ моментъ составленія этой описи въ г. Янполѣ числилось 296 «подданическихъ дворовъ мѣщанскихъ» и въ нихъ 368 жилыхъ хатъ; пустыхъ плецовъ было — 190; вмѣстѣ же съ сс. Усокомъ, Тримячкой, Орловкой, Рудней, Бѣлицей, Шалимовкой, Порохонью, Стягайловкой, Улицей и д. Руденкой — 630 дв., 791 жил. хать и 265 пустыхъ плецовъ. По показанію жителей, они платили со времени владѣнія Янполемъ Меншикова и по 1748 г. ежегодно 898 р. 39 к. Кромѣ того съ нихъ взимались слѣдующіе сборы, также установленные Меншиковымъ: съ винокурныхъ казановъ показанщины по 1 р. 20 к., да затульщины по 20 к. съ казана; съ вина, продаваемаго подданными малороссійскимъ обывателямъ, скатнаго по 10 к. съ куфы, а съ продаваемаго въ Великороссію, Донскимъ козакамъ и въ Слободскіе полки покуховнаго по 1 р. 50 к. съ куфы; на Георгіевской и Покровской ярмаркахъ въ Янполѣ съ пріѣзжающихъ купцовъ берется по 6 к. съ воза, а съ лавочниковъ по 10 и по 15 к. съ лавки, отъ воза рыбы и соли по 10 к., «а отъ мелочи по торговому»; съ пріѣзжающихъ на ярмарки шинкарей берется съ ведра вышинкованнаго вина по 15 к. «Съ имѣющихся чрезъ весь годъ въ каждой недѣлѣ двохъ торговъ, въ понедѣльникъ и въ пятницу, сбирается по малороссійскому обыкновенію торговое, съ продажного хлѣба поковшевое, со всякаго воза по ковшу, а съ деревянной посуды съ куфы по 2, а отъ соли и отъ рыбы по 3 к., а съ прочей посуды жъ, также съ саней, телѣгъ, колесъ, брусовъ и съ прочихъ всякихъ продажныхъ дробязговъ десятое или въ запечатанный ящикъ деньгами по разсмотрѣнію. Съ продажного дегтю, съ вышинкованного по 20 к. съ куфы, а отъ возовъ по 6 к. Съ вѣнчаючихся свадебъ куничныхъ, которые берутъ у подданыхъ же, съ таковыхъ берется по 40 к., а которые посторонніе берутъ у подданныхъ, съ таковыхъ по 1 р. Съ продажи грунтовъ и лошадей берется пошлины по 5 к. съ рубля, да отъ каждой лошади съ шерсти по 5 к. Съ бровара за проваръ котла берется отъ вары пива по 33 к., отъ ставки меду по 22 к., а нынѣ оного броварского котла не имѣется, а возятъ въ Самборъ. Съ Янполской важницы съ вѣсовыхъ товаровъ берется по 1 к. отъ пуда. Съ дегтярныхъ майдановъ берется по 1 р. 50 к. за лѣто». Въ 1748 г. окладной платежъ, названный выше, былъ отмѣненъ именнымъ указомъ имп. Елизаветы и по 1750 г. собирались только перечисленные мелкіе сборы [1]).

Въ этомъ случаѣ мы имѣли дѣло съ описнымъ имѣніемъ, находившимся нѣкогда во власти великорусскаго владѣльца. Слѣдующій примѣръ относится почти къ тому же самому времени, но касается имѣній ранговыхъ. Въ 1751 г. посполитые м. Шаповаловки и с. Николаевки, припадлежав-

1) Харьк. Ист. Арх., Д. М. К., Черн. отд., № 3516.

Digitized by Google

шихъ на рангъ Глуховскихъ комендантовъ, подали жалобу на владѣльца своего, коменданта Делятура, гетману Разумовскому. «Прежнихъ гетмановъ унѣверсалами, писали они, велѣно комендантамъ взимать съ насъ поежегодно ржи 40 четвертей, овса 50 ч., ячменю 15 ч., крупъ и пшона 4 ч., барановъ 12, гусей 12, утятъ 12, курей 100, яецъ сколко можно достать къ празднику Воскресенскому и денегъ рублей 30 со всѣхъ подданнихъ, да на ранговомъ степку сѣна вкосить и упратать 30 стожковъ по 7 возъ» и хотя оставалось еще ранговаго степа, но онъ косился уже солдатами Глуховскаго гарнизоннаго полка для государевыхъ лошадей. Делятуръ же заставилъ посполитыхъ косить и пахать весь этотъ степъ на него, принуждая ихъ по два и по три человѣка съ хаты «въ самое рабочое время днемъ и ночью косить» и за то снимая съ этой земли по 150 скирдъ сѣна и по 1000 копъ хлѣба; равнымъ образомъ поля ушедшихъ посполитыхъ онъ заставилъ убрать оставшихся и собралъ до 600 копъ хлѣба. Женъ посполитыхъ комендантъ принудилъ убирать, мочить и чистить ленъ и коноплю и раздавалъ имъ на пряжу ленъ и снятую съ овецъ шерсть, равно какъ отдавалъ имъ «товкти просо, овесъ и гречку, а до мѣри якъ не станетъ, велитъ досипать своимъ собственнимъ.» «Въ дворцѣ его коменданта Шаповаловскомъ, писали еще жалобщики, содержачогось прикажчика, писаря и при нихъ сколко есть людей, всѣхъ кормимъ непрестанно, даемо хлѣбъ, соль, пшоно, сало и всякого скоромного дня курицу, да на каждую ночь на свѣчку денежку, и изъ нашихъ лѣсовъ дровами въ ономъ дворцѣ отопляютъ, а два человѣка на сторожѣ всегда стоятъ въ томъ дворцѣ.» Делятуръ повысилъ норму осыпа и беретъ 68 ч. ржи, 28 ч. ячменю, 105 ч. овса, $3^1/_2$ ч. пшена, 30 барановъ, 60 гусей, 90 утокъ, «курей и яецъ безчисленно», денегъ 30 р. Онъ посылаетъ ранговыхъ посполитыхъ въ свой домъ въ м. Борзну каждый день по 15 и 20 человѣкъ на всякія работы, отправляетъ дважды въ годъ въ Крымъ человѣка по три за солью и виномъ, и въ Москву «въ купечество» человѣкъ двадцать съ хлѣбомъ. «А особливо, продолжаетъ жалоба, работаемъ на купленнихъ его коменданта поляхъ, оремо, жнемо, косимъ и возимъ своимъ скотомъ и молотимъ за своими харчми, которого купленнаго поля въ разныхъ мѣстахъ будетъ до 500 дней, якими излишними податями и безмѣрними непрестанними работизнами ми нижайшіе вовся разорились и пришли въ самую крайнѣйшую нищету». Посполитые просили поэтому или въ «податяхъ и работизнахъ учинить милостивое разсмотрѣніе и опредѣленіе по прежнему или повелѣть намъ дать коменданту то число денегъ, въ якое до жалованія ему ми отдани.» Гетманъ предложилъ Делятуру «отнюдь не отягощать» подданныхъ, но владѣть «во всемъ противъ того, какъ прежніе коменданти ними владѣли» [1]).

1) Харьк. Ист. Архивъ, Д. М. К., Черн. отд., № 24.399.

Digitized by Google

Въ дѣйствіяхъ Делятура можно видѣть яркій примѣръ того, какъ далеко заходилъ иногда произволъ владѣльца даже въ ранговыхъ имѣніяхъ, но въ работахъ, возлагавшихся имъ на Шаповаловскихъ и Николаевскихъ посполитыхъ, нельзя, конечно, усмотрѣть средняго размѣра крестьянскихъ повинностей данной эпохи. Для опредѣленія такого размѣра у насъ имѣются нѣсколько болѣе поздніе по времени, но и болѣе надежныя свидѣтельства. Я разумѣю именно занесенныя въ вѣдомости Румянцевской Описи свѣдѣнія о повинностяхъ посполитыхъ въ ранговыхъ, магистратскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Если и можно предполагать въ этихъ свѣдѣніяхъ какое-либо уклоненіе отъ истины, то, конечно, только въ видѣ уменьшенія посполитскихъ повинностей, такъ какъ вѣдомости составлялись владѣльцами имѣній и ихъ довѣренными лицами. Но посмотримъ раньше, какого рода факты обнаруживаютъ эти свидѣтельства. Начнемъ съ монастырскихъ имѣній. Въ многолюдномъ с. Лосиновкѣ, принадлежавшемъ Омбишскому монастырю, посполитые, по свидѣтельству вѣдомости, «владѣлцу работаютъ въ тижнѣ зимою одинъ, а лѣтомъ два днѣ». Въ с. Ковчинѣ, которымъ владѣлъ Кіево-Софійскій каѳедральный монастырь, посполитые отправляли двухдневную барщину[1]). Для села Авдѣевки, находившагося во владѣніи Черниговскаго Елецкаго монастыря, въ вѣдомость занесено не вполнѣ ясное показаніе: «владѣлцу работають въ недѣлѣ по два человѣка каждодень»[2]). Повидимому, это надо понять такъ, что два работника брались со всего села, хотя такое же опредѣленіе повторяется въ вѣдомости при каждомъ отдѣльномъ дворѣ. Если такое пониманіе вѣрно, то тогда панщина равнялась бы здѣсь 3 днямъ въ мѣсяцъ, такъ какъ село состояло изъ 16 дв. и 4 бездв. хатъ. Но этотъ размѣръ панщины слишкомъ низокъ для даннаго времени, чтобы можно было принять его съ довѣріемъ. Изъ имѣній Максаковскаго монастыря въ сс. Красномъ-Ставѣ, Ядутахъ, Прачахъ, Адамовкѣ, Холмахъ и Сидоровкѣ посполитые работали по 2 недѣли въ мѣсяцъ, въ с. Высокомъ — по недѣлѣ въ мѣсяцъ[3]). Изъ ранговыхъ имѣній въ с. Кропивной, принадлежавшей ранговымъ писарямъ, посполитые несли двухдневную барщину[4]). Въ м. Борзнѣ, составлявшемъ ранговое владѣніе ген. об. Сем. Кочубея, часть посполитыхъ сидѣла на чиншѣ, а остальные работали панщину по 3 дня въ недѣлю; чиншевики платили чиншъ въ размѣрѣ 1 р., 1 р. 50 к. и 3 р., а всего съ нихъ собиралъ Кочубей 85 р. Въ с. Красиловкѣ — ранговой маетности ген. судьи Дублянскаго, было 8 дворовъ посполитыхъ, которые

1) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 40.
2) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 50.
3) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 42.
4) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 40.

Digitized by Google

всѣ сидѣли на чиншѣ, уплачивая его въ размѣрѣ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. въ годъ [1]). Въ с. Занькахъ, находившемся въ ранговомъ владѣніи полковника Разумовскаго, панщина равнялась одной недѣлѣ въ мѣсяцъ [2]). Въ другой ранговой маетности полковника, м. Веркіевкѣ, съ жителей собирался денежный окладъ въ 96 р. и, кромѣ того, съ каждаго двора по одному человѣку постоянно находилось на работѣ полковника. Такая же работа требовалась отъ посполитыхъ третьяго ранговаго имѣнія полковника — с. Берестовца, съ жителей котораго взимались также и денежные поборы въ суммѣ 8 р. 80 к.; кромѣ того 2 двора не несли панщины, а платили «оброку» 10 р. Съ с. Вел. Кошелевки, находившейся во владѣніи малороссійскаго скарба, взимался окладъ въ 37 р. 99 к., расположенный между отдѣльными дворами въ размѣрѣ отъ 10 к. до 2 р., и сверхъ того съ каждой хаты требовался работникъ на 3 дня въ недѣлю. Трехдневная панщина существовала и въ ранговой маетности полк. хор. Клецунова — с. Ильинцахъ [3]). Въ с. Куликовкѣ ранговые посполитые полк. судьи Кулаковскаго сидѣли на чиншѣ, взимавшемся съ нихъ въ размѣрахъ $1^1/_2$—8 р. въ годъ; панщина существовала лишь для 4 дворовъ изъ 6-ти и то въ количествѣ одного мѣсяца работы въ году [4]). Въ с. Стрѣльникахъ, находившемся въ ранговомъ владѣніи писаря ген. суда Вас. Высоцкаго, посполитые, по словамъ вѣдомости «владѣлцу не платять деньгами, кромѣ работи ежедневной». Въ сс. Николаевкѣ и Носилевкѣ, принадлежавшихъ Глуховскому коменданту Делятуру, владѣльцу уплачивался оброкъ натурой, а въ первомъ изъ нихъ и деньгами въ количествѣ 7 р. 22 к. и, кромѣ того, посполитые работали Делятуру въ три недѣли одну, т. е., иначе говоря, ихъ повинности, помимо оброка, сводились къ двухдневной барщинѣ [5]). Что касается наконецъ магистратскихъ селъ, то относительно ихъ вѣдомости лишь говорятъ, что здѣсь посполитые отбываютъ «при магистратѣ указныя подводы и употребляются въ другія гражданскія употребленія» [6]). Во всякомъ случаѣ и изъ приведенныхъ уже фактовъ можно видѣть, что въ 1767—68 гг. въ Нѣжинскомъ полку представлялась уже довольно сильно распространенной трехдневная панщина, о которой въ началѣ XVIII вѣка еще нѣтъ упоминанія. Между тѣмъ можно не безъ основанія предположить, что въ имѣніяхъ частновладѣльческихъ повинности были выше, нежели въ ранговыхъ.

---

1) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 42.
2) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 49.
3) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 44.
4) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 50.
5) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 52.
6) Рум. Оп. въ б-кѣ Ак. Н., тт. 50 и 49.

Digitized by Google

Въ трудѣ А. М. Лазаревскаго представлена наконецъ и еще одна, весьма важная и чрезвычайно мало изученная до сихъ поръ сторона исторіи малорусскихъ посполитыхъ. Авторъ останавливается именно на томъ протестѣ, какой проявляла иногда народная масса противъ надвигавшагося на нее новаго крѣпостнаго права, указываетъ моменты, когда такой протестъ могъ особенно сильно разгораться благодаря тѣмъ или инымъ благопріятнымъ для него условіямъ, и намѣчаетъ такіе моменты въ 1708—9 гг. и въ 1722—24 гг., когда измѣна Мазепы и учрежденіе Вельяминовской Коллегіи оживили надежды крестьянства на избавленіе отъ старшины. Онъ сообщаетъ и рядъ свѣдѣній по исторіи отдѣльныхъ волненій крестьянства — въ с. Маковѣ въ 1709 г., въ имѣніяхъ Петропавловскаго монастыря въ 1709 и 1724 гг., въ с. Митченкахъ въ 1728—29 гг., указывая вмѣстѣ и мѣры, какія приняты были администраціей для подавленія этихъ волненій (470—473, 357, 279). Къ сообщеннымъ авторомъ фактамъ можно прибавить и еще нѣсколько подобныхъ. Такъ, въ 1709 г. вдова охочекомоннаго полковника Пашковская получила отъ Скоропадскаго с. Тростянку, а уже въ слѣдующемъ году гетманъ по жалобѣ ея на неповиновеніе крестьянъ этого села долженъ былъ возобновлять свое приказаніе имъ о «послушенствѣ» Пашковской[1]). Такъ въ 1722 г. вдова артилл. ас. Карпѣки Ульяна жаловалась Полуботку, что ея подданные, жители с. Пустогорода, «не тилко не хотятъ жадного послушенства отдавати, але и старости ей мало до смерти не убили». Пустогородскіе посполитые въ свою очередь жаловались на Карпѣчину за ея притѣсненія, и Полуботокъ по соглашенію съ Вельяминовымъ назначилъ слѣдствіе по этому дѣлу, которое было прервано заявленіемъ пустогородцевъ, что они не хотятъ быть въ подданствѣ, а хотятъ жить, какъ ихъ дѣды и отцы, подъ ратушей. Слѣдователь заподозрилъ въ этомъ заявленіи наущеніе Глуховскаго бурмистра и Полуботокъ обратился къ Вельяминову съ просьбой о наказаніи послѣдняго. Чѣмъ кончилось это любопытное дѣло, мнѣ однако неизвѣстно[2]). Въ 1730 г. Ив. Булавкинъ обратился съ жалобой къ гетману, что крестьяне его села Буды, записавшіеся было въ козаки и возвращенные въ ряды посполитыхъ послѣдовавшимъ послѣ розыска указомъ гет. Апостола, не слушаются этого указа и находятъ себѣ защиту у сотника Дѣвицкаго Як. Селецкаго. По этой жалобѣ было отправлено изъ ген. войск. канцеляріи Нѣжинскому полковнику приказаніе — «смирить» непослушныхъ посполитыхъ Булавкина и запретить Селецкому защищать ихъ[3]). Въ 1749 г. ассессоръ Министерской канцеляріи Як. Денисовъ жаловался

1) Рукопись Нѣжин. сл., Документы, л. 185.
2) Харьк. Ист. Арх., Д. М. К., Черн. отд., № 9504.
3) Тамже, № 8.813.

Digitized by Google

въ ген. войск. канцелярію, что его ранговые подданные въ с. Есмани «чинятся ослушны и прикащика и войта не слушаютъ и какъ войтъ станетъ имъ загадовать на работу, то оные бранятъ и похваляются бить до смерти», когда же прибылъ усмирять ихъ нарочный изъ Глуховской ратуши, то «пущіе ослушники и противники, собрався, его было прибили и сказали, что слушать не будутъ.» Генеральная канцелярія распорядилась послать въ Есмань 10 компанейцевъ для ареста зачинщиковъ ослушанія[1]). Черезъ два года подобная же жалоба поступила въ генер. канцелярію отъ Глуховскаго сотника Туранскаго. Онъ заявлялъ именно, что его ранговые подданные сс. Есмани и Собичева «по своему свирипству и жестокосердію не слушаются и подданической повинности отбувать не хотятъ и посылаемыхъ нарочныхъ моихъ людей бьютъ и войта похваляются прибить и когда приказуетъ имъ дровъ привезти или сѣна, всегда бранятъ и изъ дворовъ своихъ выгоняютъ, и чрезъ то свое свирипство и ослушность мнѣ приключили крайнюю обиду, ибо въ нынѣшное зимное время дровъ, сѣна и протчихъ потребностей къ дому моему привезть некому». Генеральная канцелярія распорядилась послать въ Есмань и Собичевъ нарочнаго компанейца, который долженъ былъ, взявъ на помощь мѣстныхъ козаковъ, арестовать и привезти въ Глуховъ тѣхъ ослушниковъ, на которыхъ укажутъ войты этихъ селъ[2]). Въ 1767 г. войск. тов. П. Забѣла доносилъ въ Малороссійскую Коллегію, что когда онъ 23 апрѣля этого года пріѣхалъ въ с. Землянку и послалъ за своими подданными «о явки ихъ къ нему къ отбуванію подлежащой повинности, то они не токмо ослушными явились, но еще, напавъ на его съ кіями на дорогѣ, гвалтомъ отняли лошади . . . и притомъ бранили его и хотѣли въ смерть убить, что бы и послѣдовало, еслибъ онъ не убѣжалъ пѣшъ». Коллегія распорядилась послать на мѣсто происшествія сотниковъ надворной компанейской хоругви Добренка и Ярошевича, приказавъ, если жалоба Забѣлы окажется справедливой, подданныхъ его «публично наказать кіями» и обязать къ повиновенію владѣльцу, а если въ дѣло замѣшаны и козаки, отослать ихъ въ сотенное Глуховское правленіе. Замѣшанными дѣйствительно оказались Землянскіе козаки Як. и Гр. Чубуны и Он. Коваль и Коллегія предписала сотенному правленію наказать ихъ и обязать подпиской «впредь отъ таковихъ поступокъ воздерживатися». Въ чемъ заключалась причина этого нападенія на Забѣлу, въ дѣлѣ однако не объяснено[3]). Полк. хор. П. Клецуновъ въ 1771 г. жаловался въ Малороссійскую Коллегію, что ранговые его посполитые с. Ильинецъ не слушаются его и уже десять лѣтъ не платятъ ему положеннаго на нихъ оклада. Черезъ четыре

1) Тамже, № 14.406.
2) Тамже, № 14.696.
3) Тамже, № 17.753.

Digitized by Google

года онъ возобновилъ жалобу на уклоненіе названныхъ его подданныхъ отъ повинностей и ослушаніе, и Коллегія постановила послать приказъ Нѣжинскому гродскому суду, чтобы «мужиковъ пристойнимъ образомъ къ должному владѣлцу ихъ послушанію привернено непремѣнно»[1]). Такимъ образомъ отдѣльныя вспышки крестьянскихъ волненій не прекращались на территоріи Нѣжинскаго полка въ продолженіе всего почти XVIII столѣтія, хотя ближайшія причины этихъ вспышекъ не всегда могутъ быть замѣчены въ нашемъ матеріалѣ.

Возвращаясь къ книгѣ А. М. Лазаревскаго, можно сказать, что авторъ далъ въ ней богатый матеріалъ для исторіи крестьянства гетманской Малороссіи, такъ какъ явленія, характеризованныя и описанныя имъ въ жизни этого класса на территоріи Нѣжинскаго полка, въ томъ же самомъ или немного лишь измѣненномъ видѣ повторялись и въ другихъ частяхъ страны. Въ этомъ смыслѣ и вообще отдѣлъ книги, посвященный исторіи сословій, въ которомъ авторъ съумѣлъ уловить и ярко характеризовать многіе наиболѣе типичные и важные моменты развитія сословныхъ отношеній въ гетманщинѣ, имѣетъ весьма серьезное значеніе и является цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу.

Заключеніе. Позволю себѣ подвести теперь въ немногихъ словахъ итоги своего разбора. Работа г. Лазаревскаго, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. По нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ малорусской исторіи въ книгѣ г. Лазаревскаго даны широкія и прочно обставленныя обобщенія, по многимъ другимъ — въ ней заключается большое количество въ высшей степени мѣткихъ и цѣнныхъ спеціальныхъ указаній. При этомъ исторія управленія и исторія высшихъ сословій лѣвобережной Малороссіи, составлявшихъ въ ней владѣльческій классъ, являются самыми блестящими, наиболѣе обработанными и наибольшимъ количествомъ фактовъ представленными отдѣлами книги г. Лазаревскаго, но и для другихъ затронутыхъ имъ темъ онъ собралъ въ своемъ трудѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній. При той широкой постановкѣ, какую придалъ авторъ своей работѣ, вполнѣ естественной является сравнительная неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ значительной степени такая неполнота объясняется неразработанностью спеціаль-

1) Тамже, №№ 24.476 и 14.286.

Digitized by Google

ной литературы и хаотическимъ состояніемъ источниковъ и во всякомъ случаѣ врядъ ли она можетъ быть обращена въ тяжелый упрекъ автору.

Мнѣ приходилось, далѣе, отмѣчать при разборѣ труда А. М. Лазаревскаго и нѣкоторыя его слабыя стороны. Главной изъ нихъ я считаю недостаточное пользованіе автора генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, не позволившее автору описать формы держанія имѣній въ гетманской Малороссіи и ихъ исторію съ тою точностью и обстоятельностью, какія были бы въ данномъ случаѣ желательны. Но, отмѣчая эту сторону въ работѣ автора, я долженъ оговориться, что въ данномъ вопросѣ остаются еще нѣкоторые не вполнѣ разъясненные пункты, мнѣнія своего по поводу которыхъ я не могу выдавать за безспорное, пока оно въ свою очередь не подвергнется обсужденію.

Во всякомъ случаѣ недостатки книги блѣднѣютъ передъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—XVIII вѣковъ, и критику остается только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ, долженствующій сильно подвинуть впередъ дѣло изслѣдованія пока еще во многихъ отношеніяхъ темной внутренней исторіи гетманщины. Въ виду этихъ крупныхъ достоинствъ своихъ книга А. М. Лазаревскаго можетъ быть признана вполнѣ заслуживающей преміи графа Уварова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

а) Договоръ жителей села Чарторіи съ Лазаремъ Матвѣевичемъ [1]).

Ми нижей подписанные старшина и всѣ жителѣ села Чарторіи вѣдомо чинимъ симъ нашимъ добровольнымъ писаниемъ, ижъ учинилисмо вѣчное постановлене з Лазаремъ Матвѣевичомъ, обивателемъ Воронежскимъ, в займаню пущи по над его власными ставами, позволяючи оному тотъ кутъ уз дорогу до Воронѣжа черезъ гуту лежачую, почавши от дехтярнѣ аж до гути, закопати и в ономъ окопѣ неповинны анѣ ми сами, ни дѣти наши жадной найменшой шкоди и пустошення оного займища под зарукою на старшину войсковую талярей ста, а що тежъ без вѣдома нашего закопалъ

1) Х. И. А. Д. М. К. Черниг. отд. № 14.529. Изъ этого же дѣла и слѣдующіе два документа.

Digitized by Google

билъ Лазаръ и к полю Собичевскому, теди в томъ закопѣ волно будетъ, поки станетъ потребной пущи по Собичевскую дорогу, якъ жителемъ Чарторийскимъ, такъ и ему пану Лазару рубати и жадной трудности и турбаціи не задавати единъ другому, тутъ же и тее докладаемъ, жеби нѣхто въ томъ закопѣ не важился закуповати, аби тамъ не било якъ намъ жителемъ Чарторийскимъ, такъ и пану Лазару жадной наименшой перешкоди, под зарукою вишенаписанной сумми. Писано сие постановлене при честному гп̃дну отцу Костантию, священнику Чарторийскому, и при Дмитру Сѣрому и при Семену Саченку и при Юску Осѣчку, козаку курѣня Чарторийского, и при мужахъ того ж села, яко то при Тарасу Збаразскому и при Якиму Кравцу, при Лаврѣну Бурому и при иннихъ на тотъ часъ не мало будучихъ, дѣялося въ селѣ Чарторіи 1691 году м̃ця августа 8 дня.

На тотъ часъ будучи Семенъ Гришковъ Раковѣченко атаманъ Чарторииійскій и Леско Попченко войтъ. Тутъ же и притомныи будучи до сего постановленного доброволного запису Костантѣй Ѳедоровичъ, попъ Чарторийскій, руку свою подписую.

б) Универсалъ г-на Апостола 15 декабря 1729 года.

Его І. В-ва войска З-го обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Данiилъ Апостолъ.

Вамъ, пану Лазаревичу, симъ нашимъ откритимъ обявляемъ листомъ, ижъ села Чарторіи атаманъ Иванъ Малченко со всѣмъ товариствомъ да войтъ Максимъ Мазенко со всѣмъ посполствомъ подали намъ суплѣку, в которой виразили, что в прошломъ 1691 году отецъ вытинъ зъ ими, села Чарторіи такъ козаками, яко и посполитыми, о спорные грунта имѣючи заводъ и не дожидая судового рѣшения, помирился полюбовне и в мировомъ писмѣ (с которого копию при суплѣцѣ своей намъ презентовали) положили границю, чтобъ уз дорогу до Воронѣжа чрезъ гуту лежачую, почавши отъ дегтярнѣ, аж до гути владѣть ему, а от села Чарторіи под Собичовъ село имѣючимися gрунтами такъ ему, яко і имъ суплѣкуючимъ владѣть сполне, по якому мировому писму тими gрунтами владѣли они от того 1691 по сей 1729 годъ спокойно без всякого спору, а нн̃ѣ вм̃ть не тилко отдаляешь ихъ от собственной удѣломъ доставшойся пущи, лечъ и грабежи многие позабиралесь, въ якой своей обидѣ суплѣкуючие атаманъ с товариствомъ и войтъ с посполствомъ просили нашего разсмотрения і з вм̃ти справедливости, прето (если такъ есть, якъ суплѣкуючие показали) предлагаемъ вм̃ти, абись во владѣніи удѣленныхъ gрунтовъ жадного вм̃. имъ не показовалъ препятия и перепоны и грабежи, которые самоволно позабиралъ, возвратилъ и во всемъ ихъ уконтентовалъ без болшой тур-

Digitized by Google

баціи, а еслиби не мѣлъ з ними погодитися, то мѣешъ прийдучого м҃ця генваря на 13 число становится в Глуховъ въ судъ войсковый енералный под неопустными правными винами, приказуемъ. З Глухова, декаврия 15 року 1729.

Звишъменованный гетманъ рукой власной.

в) Судебный приговоръ по дѣлу чарторійцевъ и Лазаревича.

Року 1730 марта 19 дня вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писаниемъ, ижъ суплѣковали до ясневелможного его м҃лти п҃на гетмана атаманъ с товариствомъ Чарторийскій и войтъ с посполствомъ на Стеѳана Лазаревича, товариша бунчукового, о общей пущѣ ихъ близь села Чарторіи лежачой, на которую з покойнымъ еще дѣдомъ его Лазаремъ Матвѣечемъ (sic) в 1691 году августа 8 дня учинили были вѣчное постановлене з такимъ обовязателствомъ, что по над его Лазара власными грунтами и ставами кутъ уз дорогу до Воронѣжа черезъ гуту лежачую, начавъ от дягтярнѣ, аж до гути закопати і вѣчне владѣти ему (чтобы имъ в общой пущѣ не чинилъ перешкоды) суплѣкуючие позволили и в оной кутъ нѣ самимъ имъ, нѣ дѣтямъ ихъ и потомкамъ не интересоватись писменно обваровали под зарукою за неустойку, куда надлежитъ, ста талярей д҃нгъ, а якую пущу безъ вѣдома ихъ закопалъ былъ покойный Лазаръ себѣ общую, уз поле Собичевское лежачую, тую по несоізволению села реченного обивателей Чарторийскихъ паки онъ Лазаръ имъ возвратилъ, по якому уступленю за согласиемъ всей громади междуусобное писмо за подписаниемъ рукъ честного отца Константия, священника Чарторийского, Семена Раковиченка, атамана тамошнего, и протчіихъ того села обивателей вмѣсто декрету сочинили оны и покойному Лазару отдали, якое у его внука Стеѳана Лазаревича і н҃нѣ імѣется, и дабы якъ ему покойному Лазару да и по немъ дѣтямъ и потомкамъ его, такъ імъ Чарторийцямъ от рода в родъ толко в мененную пущу въежжать и дерево на всякую потребу рубать невозбранно было, установили, а рощищать поля или удѣлно себѣ закопувать ему Лазару і имъ кождому особно возбранили писменно, на якомъ ихъ тогда учиненномъ контракту внукъ его Лазара Стеѳанъ Лазаревичъ не устоявши, поля многие в реченномъ общомъ ǥрунтѣ себѣ порощищалъ и, отдаляючи ихъ од всей пущи, многие грабежи у многихъ селянъ Чарторийскихъ позабиралъ, по якому ихъ челобиттю указомъ ясневелможного п҃на гетмана былъ чиненъ розыскъ между Чарторийцями и Лазаревичемъ о той общой пущѣ Ирадіономъ Павловичемъ, бурмистромъ Глуховскимъ, з товарыщи его ж, в якомъ, усмотря, положено, что Лазаревичъ, презрѣвши вмѣсто декрету от громади всей дѣдови его данное писмо, многие поля до паханя в общомъ томъ ǥрунтѣ не

Digitized by Google

токмо порощищалъ, але и грабительства Чарторийцямъ за рубание вороосту и дровъ многие починилъ, такожде и Чарторийцѣ в томъ же общомъ грунтѣ немалое число гаевъ позакопували, и тотъ розискъ при доношеніи розищиковъ в войсковую енералную канцелярию з ратуша Глуховского присланъ, по которому з войсковой енералной канцеляріи полѣцено пану Василию Дорошенку, знатному товаришу бунчуковому, да пану Семену Новоковичу (sic), судіи полковому Переясловскому, тую заводную справу его пана Лазаревича с Чарторийцями разсмотрѣть, где суплѣкуючой и обжалованной сторонамъ явившимся панове судящіи по аппробаціи розыску и прежде между собою полюбовне данного ими писма усовѣтовали такъ: чтобъ онъ Лазаревичъ дѣдовскимъ толко окопомъ, по над его ставами закопаннымъ, а Чарторийцями уступленнимъ по контракту, еще в 1691 году общесочиненнымъ, владѣлъ, а в другомъ грунтѣ общомъ толко бы тую ниву, якую дѣдъ его розробилъ, в своемъ вѣдомствѣ імѣлъ, а протчие уже отцемъ і имъ розробление вновь поля Чарторийцямъ в общое заживання уступил бы и грабежей за рубане хворосту и дровъ в мирскомъ томъ гаю не важился б брати и Чарторийцямъ грабежи и утрату всю подлугъ указу ясновелможного пана нагородил бы всеконечно, такожде и Чарторийцѣ, которые в томъ общомъ крунтѣ (sic) позакопували давно лѣтъ за сорокъ или за тридцать себѣ окопи, тими толко повинны владѣть, а которые вновь недавными часы позаймали, тихъ повинны в общину уступити, и яко себѣ купленные кгрунта тамъ імѣють і тими ж повинны свободно в вѣчные часы владѣти, а в общую пущу толко Чарторѣйцямъ, которые не имѣютъ закоповъ тамъ, въежжати и на потребу дерево и хворостъ рубать позволяется, симъ мнѣниемъ нашимъ до звѣрхнѣйшой власти ясневелможного его мти пана гетмана.

Судия полковой Переясловский Семенъ Новоковичъ (sic). Канцеляристъ Григорій Собескій.

№ 2.

Уступное письмо козаковъ с. Мутина генералу фонъ-Штофелю на берега Сейма. 17 марта 1739 г.[1]).

1739 году ноября 17 дня мы ниже іменованние атаманъ со всѣмъ товариствомъ козаками, села Мутина жителями, согласно всѣ з собою поговоря, приговорили, кому о томъ впредь надлежатиметь вѣдати, чрезъ сіе объявляется, ижъ общий нашъ грунтъ с посполитими Мутинскими жителями владѣной на всякіе наши потреби за прадѣдовъ и отцовъ нашихъ, такожде насъ самихъ противъ села нашего Мутина за Сеймомъ при берегахъ нашихъ

1) Архивъ Черн. Каз. Пал., док. мон., № 1616/969.

Digitized by Google

мирскихъ Сеймовихъ лежащий, который грунтъ минувшими годами Глуховского Петропавловского монастира игуменъ Гржибовский з братиею к своему купленному у жителки Мутинской Іванихи Косолапихи грунту, насилно у насъ отнявши, завладѣлъ и на части при берегахъ нашихъ самоволне собою, без позволеня нашего, шинковую избу построилъ и с оной колкогодную немалую прибель имѣлъ, такожъ и протчиимъ отнятимъ нашимъ грунтомъ користовался, а мы напрасную от оного игумена обѣду поносили и, чтобъ ему игумену тимъ у насъ гвалтовне отнятимъ грунтомъ владѣть вѣчне, онъ же игуменъ Никифоръ сего 1739 года на госпожу генералшу, нынѣшнаго села нашего Мутина державца высокопревосходителнаго господина генерала лейтнанта фонъ Штофеля жену, в войсковой енералной канцеляріи и в войсковомъ енералномъ судѣ былъ челомъ, и за отвѣтомъ госпожи генералъ лейтнанши опредѣленній для слѣдствія о томъ отнятомъ нашемъ грунтѣ капитанъ Матвѣй Ртищевъ, енералной артилеріи асаулъ Семенъ Карпѣка и войсковый канцеляристъ Павелъ Мокрѣевичъ слѣдовали и по слѣдствию и описѣ ихъ мѣрою явилось того общого нашего грунту, нимъ игуменомъ отнятого, а имено: начавъ от болота Мнявой по Косолаповъ окопъ, при окончаніи его жъ бору Косолапового, в смѣжности имѣющагося, в длину мирской нашей землѣ троаршиннихъ сажней сорокъ чотири, а в ширину от рѣчки Сеймища, где и хуторъ Косолаповъ проданній стоить, по Старанскую дорогу тоей же мѣри сѣмъдесять три сажнѣ, Старанскою дорогою в другой конецъ длини кута бору и окопу Косолапового жъ к Просткинимъ лозамъ, а от оного кута бору и окопу по той же Старанской дороги направо в длину по дорогу, идучую з села Козацкого, пятьдесять девять сажней, и по той же дорозѣ Козацкой в длину до шинковой избы, подля Хмизу устроенной, чотириста сорокъ одинъ сажень, и от шинковой избы по Козацкой же дороги до провалля Сеймового берега, где Конотопская дорога от пристанѣ лежить, нашей землѣ сто тридцять два сажнѣ, итого длини от окопу Косолапового по дорогамъ, з селъ Старой и Козацкой лежачимъ, до провалля Сеймового берега, где Конотопская дорога от пристанѣ лежитъ, нашей землѣ шестьсотъ тридцять два сажнѣ, а в поперекъ тую нашу мирскую землю от вышъ прописанного окопу и кута бору, которий от Просткинихъ лозъ по Старанскую дорогу закопанъ, розмѣреного веровкою в двадцяти мѣстахъ, в первой мѣри от Просткинихъ лозъ, якъ весняная вода поймаеть, сажней одинадцять, у третомъ (sic), где дороги Старанская и Козацкая сишлись, сажней землѣ нашей в ширину дванадцять, в четвертомъ сажней тринадцять, в пятомъ сажней дванадцять, в шестомъ сажней дванадцять же, в седмомъ и осмомъ мѣстахъ ширини землѣ нашей равно по осми сажней, в девятомъ сажней девять, в десятомъ мимо шинковую избу от Козацкой дороги по кручу к Просткинимъ лозамъ

Digitized by Google

и озеру Простки, якъ поймаетъ весняная вода, сажней землѣ тридцять шесть, в одинадцятомъ от пристаннѣ, где паромъ пристаетъ к мостку, от оного мостка до Козацкой дороги двадцять два сажнѣ, в дванадцятомъ мѣстахъ, где паромъ лѣтомъ на спадъ весняной води пристаетъ к провалю берега реки Сейму, по Конотопской дороги сѣмъдесятъ сажней, кромѣ же того розмѣру ширини нашей землѣ по розмѣру и показанію явилось, что мостокъ, до которого весняной великой води монастира Петропавловского паромъ пристаетъ, от озера монастирского Простки на мирской нашей землѣ издѣланъ за сѣмъ сажней, а шинковая того жъ монастира изба от мѣста того берега, якъ поймаетъ весняная вода, на мирской нашей землѣ построенна за шесть сажней; доброволне его высокопревосходителству гн̃дину генералу лейтнанту фонъ Штофелю, женѣ и наслѣдникомъ его со всѣмъ искомъ за гвалтовное владѣніе ними черницами завладѣнного черезъ колко лѣтъ с того грунту нашего и с построенного шинку на ономъ общомъ нашемъ грунтѣ полученную користь (понеже в иску оной общой нашей части грунта по челобитю помянутого игумена много ея высокопревосходителствомъ госпожею генералшею без всякаго нашего вспоможенія сумми роненно), такожъ и береги по обохъ сторонахъ реки Сейму, между которими они жъ черницы в части нашей перевозъ имѣють, вѣчними часи уступуемъ; до которого грунту нѣ ми сами, нѣ дѣти и потомки наши не повинни во вѣчное время інтересоватись, а за уступокъ того нашего грунту его высокопревосходителство господинъ генералъ фонъ Штофель имѣетъ намъ дать на Мутинскую нашу церковь, когда оная церковь от обетшаня будетъ реставровата рублей десять денегъ, да сверхъ того, если онымъ господиномъ генераломъ между берегами нашими мирскими, по обоихъ сторонахъ Сейму реки лежащими, противъ села нашего Мутина содержанъ будетъ перевозъ, то намъ всѣмъ козакамъ, жителямъ села Мутина, и потомкомъ н̃шимъ без всякаго платежа за всякими нашими нуждами на обѣ сторонѣ Сейму безплатежно будетъ волно ездить, и в достовѣрие всего того ми всѣ ниже именами вираженнии, яко неграмотние, при подписании именъ нашихъ мѣсто насъ подписатся (sic). Писалъ сіе уступное писмо по прошенію атамана Мутинского Юрия Клиндуха со всѣмъ товариствомъ и вмѣсто ихъ неграмотнихъ подписался Иванъ Андрѣевъ, дякъ Мутинскій, вишеписаного году, м̃ця и дня. Дѣялось у Мутинѣ.

Атаманъ Мутинскій Юрий Клиндухъ, Василь Халимонъ, Климъ Вязень, Иванъ Нужный и все товариство.

При семъ уступномъ писмѣ былъ и подписалъся значковий полку Переясловского товаришъ Михайло Могилнѣцкий. (М. П.).

При семъ уступномъ писмѣ былъ и во свѣдителство подписался войсковій товаришъ Іванъ Жуковскій. (М. П.).

Digitized by Google

№ 3.

Универсалъ полковой Нѣжинской старшины 7 Марта 1723 года[1]).

Ознаймуемъ сымъ нашимъ унѣверсаломъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежатиметь, особливе его мл. пну Пироцкому, сотниковѣ первой полковой Нѣжинской сотнѣ, з урядомъ, ижъ превелебный гднъ отецъ Павелъ Усовичъ, ігуменъ Свто-Печерской обителѣ Омбишский, донеслъ намъ жалобливе: что над унѣверсалъ покойного ясневелможного его млти пна Скоропадского, ему выданный, козаки тамошныи, в томъ селѣ мнтирскомъ свои угодія, яко то поля пахатныи и сѣнокосныи лѣсы и протчее, мѣючіи, на сторону заставляютъ и продаютъ, чрез що имъ в кгрунтахъ од постороннихъ сябровъ чинится обида, тако-ж помянутые козаки и іхъ подсусѣдки в гаченю греблѣ Омбышской, куда самы ездятъ за своею потребою и в млынахъ тамошныхъ борошно свое мелютъ, не хотятъ чинити жадного мужикамъ помоществованія. Над то, когда якая складка лучится, чи то на вистатчене указныхъ консистентамъ порцій и рацій или на якую иншую дабель (sic) сѣлскую, особливе в опредѣленіи квартеръ насланнымъ туда стоялцамъ или переежджимъ, отрѣкаютъ они козаки з своей сторони давати господъ для постою. Чого ради онъ отецъ ігуменъ просилъ насъ, дабысмо приказали помянутымъ козакамъ Омбышскимъ, если который свой кгрунтъ продати или заставити хочетъ, не продавати, нѣ заставляти на сторону, но мужикамъ тамошнымъ, в сосѣдствѣ живучимъ, греблю всѣ обще, всякому селянину до переезду и млыва потребную, гатили бъ и въ всякой складцѣ и налогу равномѣрно всѣ узнавали бъ участіе. Теды мы, тое его гпдна отца ігумена предложене просителное узнавши за слушное, в небытности велможного его млти пна полковника нашого Нѣжинского, до повороту его панской велможности и волѣ забороняемъ имъ козакамъ своихъ кгрунтовъ продавати на сторону мимо сусѣдственнихъ мужиковъ Омбышскихъ, которіи без насилства по обыклой ценѣ, прикладомъ постороннихъ, брати в заставу и на куплю повинны. Греблю, якъ всѣмъ Омбышанамъ потребную, селомъ гатити надлежитъ, якъ везде дѣется по городахъ и селахъ, консистентовъ и переежджаючихъ особъ чергою всѣ без выемки вмѣщати в своихъ домахъ и складку всякую по пропорціи людской и слушному разсмотренію збирати должны для оддачи кому надлежитъ, приказуемъ. Данъ в Нѣжинѣ марта 7 дня 1723 року.

Павелъ Мінѣцкии, писаръ полковый Нѣжинский

Леонтій Шрамченко, обозний полку Нѣжинского и полковникъ наказний.

---

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/1760.

Digitized by Google

№ 4.

Универсалъ полковника Нѣжинскаго Ивана Обидовскаго 11 мая 1691 года[1]).

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества столникъ, войска Запорозскаго полковникъ Нѣжинский Іоанъ Обѣдовский.

Вамъ п̄ну сотниковѣ Мринскому, атаманови городовому и сѣлскимъ и всему старшому тоей сотнѣ товариству и кому о томъ вѣдати належитъ ознаймуемъ: ижъ прекладалъ намъ тое честный отецъ городничий Мринский, Варлаамъ Хомѣнскій, же многіе товариство сотнѣ вашей Мринской у подданыхъ Катедралныхъ архіепископіи Чернѣговской, жителей тамошныхъ, купуютъ сѣножати и инние кгрунта лежачие, през що убиль дѣется такъ подданымъ в кгрунтахъ, яко и Катедри архипастырской знатная кривда, же през таковые продажи тяглые люде убожати мусятъ. Забороняючи теды мы таковой куплѣ и продажи, пилно того мѣти хочемъ и сурово под значнымъ войсковымъ каранемъ приказуемъ, абы такъ товаришъ войсковый, любъ в самомъ мѣстечку Мринѣ, любъ и по селахъ сотнѣ тоей не важился у подданыхъ архіепископіи Чернѣговской, анѣ тежъ взаемне помененныи подданыи у козаковъ жадною мѣрою лежачихъ скуповати кгрунтовъ, то есть сѣножатей, гаевъ, лѣсовъ, поли и якихъ же колвекъ кгрунтовъ не важилися под выною талярий ста на дворъ н̄шъ полковничий, чего п̄нъ сотникъ Мринский з атаманею и честный отецъ городничий тамошный пилно постерѣгати мѣетъ и намъ доносити, и повторе теды таковой куплѣ симъ н̄шимъ унѣверсаломъ забороняемъ. Даный въ Нѣжинѣ 11 мая 1691.

Звишъ менованний полковникъ Нѣжинский рукою власною (М. П.)

№ 5.

Универсалъ гетмана Мазепы 15 мая 1697 года[2]).

Его Ц. Пр. В-ва войска З-жского гетманъ Іоаннъ Мазепа.

Пану полковникови наказному Нѣжинскому, старшинѣ полковой и всему старшому и меншому того полку товариству, и посполитимъ людемъ ознаймуемъ. Поневажъ зо всѣхъ сторонъ православія восточного исповѣданія всякии визнавцы, притѣкаючи к чудотворной Киево Печерской с̄той Лаврѣ, многое ее узнаютъ ласковое прихилности, теды и мы, гетманъ, респектуючи на тое мѣстце с̄тое, уволняемъ село Омбышъ, маетность Печерскую, од поспо-

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/2926.
2) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/1758 (b).

Digitized by Google

литихъ тяжаровъ, именно од даваня на полковыи армаши и сторожи и певныхъ уложенныхъ датковъ. Вѣдаючи прето о такой волѣ нашой, абы нихто з старшини войсковой и посполитихъ людей не важился брати тоей на армаши и трубачи полковыи повинности жадной, которая нехай з иншого мѣстца на нихъ будеть вибырана; такъ же и арендовой рати сто золотихъ толко, а не болшъ, з того села Омбыша, для убожества тамошныхъ людей, до общей складки жебы без жадной турбаціи брано: того мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ з Батурина, мая 15 року 1697.

Звишъменованний гетманъ рукою власною (М. П.).

№ 6.

Универсалъ гетм. Многогрѣшнаго 11 ноября 1669 года[1]).

Демянъ Игнатовичъ гетманъ з войскомъ Его Ц. Пр. В-ва Запорозкимъ.

Паномъ сотникови Борзенскому и Шаповаловскому атаманомъ до вѣдомости доносимъ. Любо то писалося было до васъ, жебы у маетностяхъ монастирскихъ брали стацию, однакъ взглядомъ оскудности мнтра Максаковского з оныхъ селъ, щосте загадали были по селахъ стацiѣ, одпустилисмо на прозбу его мл. гпдна отца ігумена Максаковского, абысте дали тому покуй, пилно приказуемъ, особливе тобѣ, сотнику Шаповаловскому, приказую, же якъ чую, же много кривдъ селамъ, до монастиру належачимъ, чинишъ, а такъ од сего часу, кгди ся будешъ до тыхъ селъ интересовати, теди конечне не уйдешъ срокгого караня: а то абы иначей не было. Дата (sic) в Батуринѣ, ноеврія 11 1669 г.

Демянъ Ігнатовичъ гетманъ войска его Ц. Пр. В-ва Запорозкого.

(М. П.)

№ 7.

Универсалъ гетм. Самойловича 14 мая 1673 года[2]).

Іоанъ Самойловичъ гетманъ з войскомъ Его Ц. Пр. В-ва Запорозкимъ.

Всѣмъ, кому о томъ вѣдати належитъ, ознаймуемъ симъ нашымъ писанемъ. Поневажъ обытель стая монастыря Максаковского малъ не кождого року що разъ свѣжое потребуетъ направы, о которую насъ велебный гпднъ отецъ ігуменъ тамошный з братиею своею часто молествуетъ (sic), теды мы, чынячы досить ихъ жаданю, а барзѣй з побожности нашое жичячи, щобъ обытель тая стая в направленю брала поправу,

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/627.
2) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/628.

Digitized by Google

позволяемъ имъ на завше, коли колвекъ потреба будетъ, в верхъ Десни в волныххъ еднакъ пущахъ (частокротне при уставичныхъ забавахъ нашыхъ и насъ о томъ не турбуючи) дерева якого хотя выготовляти, и на низъ до своего монастиря спускати. Зачымъ пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, жебы нихто имъ в выпущеню и в спроваженю дерева з волныхъ пущъ не чынилъ найменшого затрудненя и перешкоды. Писанъ в Батуринѣ, мая 14 1673 года.

Звышъ менованный гетманъ рука власна (М. П.).

№ 8.

Универсалъ г-на Самойловича 29 марта 1680 года[1]).

Іоанъ Самойловичъ гетманъ з войскомъ Его Ц. Пресв. В-ва Зап-зкимъ.

Паномъ полковникомъ Чернѣговскому и Нѣжинскому ознаймуемъ, ижъ превелебный в Богу господинъ отецъ Еремѣя Ширкевичъ, ігуменъ манастыра Максаковского, просилъ насъ о охорону двохъ селъ своихъ, Максаковъ и Ховмовъ, жебы оные отъ шарварковъ, около поправы городовъ дѣючыхся, волны были, а чинили свое послушенство около укрѣпленя манастыра Максаковского и около справованя иншихъ потребъ манастырскихъ. Иншие зась села, у владѣніѣ его, отца ігумена, будучие, могутъ, где власне належитъ, подлугъ сили своее помагати укрѣпляти городы, подлугъ общое всего народу ухвалы. А такъ тые двѣ селѣ, Максаки и Ховмы, уволняемъ мы от тыхъ шарварковъ общихъ и рейментарскою звѣрхностю нашею заховуемъ цале на отдаванѣе послушенства пречоному отцу ігуменови и всей его братіи, где о раз жадаемъ, абы и панове полковники Чернѣговский и Нѣжинский и вся полковая и городовая старшина, до той волѣ нашой стосуючися, тыхъ селъ двохъ до жадныхъ общихъ работъ не потягали, иначей не чинячи. Данъ в Батуринѣ, марта 29 року 1680.

Звишъменованный гетманъ рука власна. (М. П.)

№ 9.

Универсалъ г-на Мазепы 13 ноября 1688 года[2]).

Іоанъ Мазепа гетманъ з войскомъ ихъ Ц-го Пр. В.-ва Зап-зкимъ.

Паномъ сотникомъ Борзенскому и Шаповаловскому, атаманомъ и войтомъ тамошнимъ ознаймуемъ, ижъ прекладалъ перед насъ супплику превелебный в Бг̃у гп̃динъ отецъ Германъ Кердановский, ігуменъ мн̃тра

1) Архивъ Черниговской Казеннсй Палаты, документы монастырей, № 1616/631.
2) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/634.

Digitized by Google

Максаковского, на васъ в тотъ способъ скаржачися, же вы, не знати одколь взявши смѣлость тую непотребную, ездячи в села ихъ, важитеся судити ихъ людей и здирства хочь за малую якую справу з людей чинити; такъ же передъ шлюбами куници брати и мужиковъ в козаки вписовати, на що вамъ ни од кого жадного позволеня не было. Зачимъ, ежели такъ есть, приказуемъ пилно симъ нш҃ымъ унѣверсаломъ, абысте перестали болшей тихъ пересудовъ, нехай оные люде судятся передъ тимъ, передъ кимъ имъ належитъ, такъ же и куницу передъ шлюбную до свого мн҃стра нехай отдаютъ. Козаковъ зась болше не вписовати, и тые теперъ вписанные нехай робятъ мн҃треви свою повинность, кгдыжъ безъ указу нш҃ого не доводится вамъ уписовати никого в реестръ козацкий; о що и повторе вамъ приказавши, абы иначей не было, жебы до насъ скарга о томъ болшей не доходила. З Батурина, ноеврія 13 року 1688.

Звишменованний гетманъ рукою власною. (М. П).

№ 10.

Универсалъ г-на Мазепы 8 іюля 1689 года[1]).

Ихъ Ц. Пресв. В-ва войска З-зкого обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Іванъ Мазепа.

Панамъ сотникамъ Шаповаловскому и Борзенскому и всей тамошной городовой старшинѣ ознаймуемъ. Ижъ, будучи в насъ теперъ превелебный в Бг҃у гп҃днъ отецъ Ѳеодосий Кгукгуревичъ, ігуменъ мн҃тра Максаковского, просилъ насъ о уволнене трохъ сѣлъ, Високого, Ховмовъ и Сидоровки, от шарварку нн҃ешного для помочи в кошеню сѣна и в зжинаню збожа монастирского. Теды мы, склонившися на прозбу его, отца ігумена Максаковского, жадаемъ и приказуемъ вамъ черезъ сей листъ нашъ, абысте на тотъ шарварокъ гребльѣ тутейшой Батуринской не займали в тихъ помененнихъ трохъ селахъ поданихъ монастирскихъ и двигати ихъ не важилися, якоби було кому що треба до мн҃тра на початку его ігуменского господарства упорати. А з иншихъ сѣлъ ихъ же мн҃трскихъ якъ тяглихъ, такъ и козаковъ ведлугъ давного звичаю виправоважати на тую гребелную роботу маете безпечне. Що предложивши, Гд҃у Бг҃у васъ поручаемъ. З Батурина, 8 іюля 1689 року.

Звишъ менованний гетманъ рукою власною. (М. П.)

---

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/635.

Digitized by Google

№ 11.

Универсалъ г-на Скоропадскаго 7 февраля 1718 года[1]).

Его Ц. Пресв. В-ва войскъ З-жскихъ гетманъ Іоаннъ Скоропадский.

Пнѣ полковниковѣ Нѣжинскому, старшинѣ его полковой, особливе п. сотниковѣ Шаповаловскому, тутъ же дозорци, покуховнимъ зборомъ завѣдуючому, симъ ншимъ ознаймуемъ универсаломъ: ижъ, яко прежде сего виданъ былъ листовний ншъ указъ, уволняючій село Високое обытели Максаковской од видачи покуховной належитости, такъ поневажъ просилъ насъ отецъ ігуменъ тамошній з братіею, жебы тотъ ншъ листъ чрезъ универсалъ ншъ для далшой крѣпости подтвержень, того ради опредѣлилисмо чрезъ сей ншъ универсалъ таковое позволене, жебы имъ на обытель для вспоможеня тую покуховную свободно одбирати повинность, якой уже не мѣютъ дозорци, покуховнимъ зборомъ завѣдуючіе, з того села мнстирского домагатися, мѣти хочемъ и приказуемъ. А же помянутій отецъ ігуменъ предложилъ свое намъ прошеніе и о показанщинѣ, жебы того жъ села з трохъ члвковъ подданихъ мнстирскихъ, робячихъ горѣлку, позволилисмо на обытель взимати, теды, если такъ есть, же тіе люди суть подданіе мнстирскіе, и толко три члвка робятъ горѣлку, позволяемъ з онихъ належную показанную повинность на мнтирскіе потребы стягати, в чомъ абы нѣхто законникамъ тамошнимъ не чинилъ препятія, и повторе рейментарско упоминаемъ. Данъ в Глуховѣ, февруарія 7 року 1718.

Звышъ менованный гетманъ рукою власною. (М. П.)

№ 12.

Универсалъ г. Апостола 28 авг. 1729 г. кушнирскому цеху г. Нѣжина[2]).

Его І. В-ва войска З-жского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Даніилъ Апостолъ.

Всѣмъ, кому бы колвекъ вѣдати надлежало, а особливе пну полковниковѣ Нѣжинскому, пп. старшинѣ полковой, такожъ п. войтовѣ майстрату тамошнего з урядникамы, ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ: ижъ Нѣжинскіе жители, козаки и посполитіе люде, цѣху кушнѣрского ремесники, Самойло Прокопіевъ цехмистеръ з братіею, суплѣковали до насъ, что имѣютъ оны такое цеховое у себе постановлене, же без вѣдома цехмистрового и всей братіи всякъ з нихъ у купцовъ для виробленя бѣлки и протчего звѣру брать

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей. № 1616/642.

2) Московскій Румянцевскій Музей, рукописное отдѣленіе, Архивъ Лукашевича, № 2944.

Digitized by Google

не повиненъ, але когда привезетъ купецъ в Нѣжинъ бѣлку, то б оную браль дѣлать цехмистеръ и роздавалъ вироблять роздѣломъ всякому, ис чего б всякъ себѣ зароблялъ для препитанія себе и для отбуваня всякихъ гражданскихъ повинностей, которое ихъ постановлене полковая и майстратовая Нѣжинскіе старшина ухваливши, же з оного постановленя якъ купечеству, такъ и всѣмъ того ихъ ремесла людемъ можетъ быть с ползою, ствердили оное писмами з подписомъ своихъ рукъ, толко нѣкоторіе понаездившіе в недавнихъ годахъ з рознихъ націй баришники, якіе жаднихъ своихъ в Нѣжинѣ не імѣють осѣдлостей и нѣякихъ градскихъ не отбуваютъ повинностей и нѣ в чомъ городу Нѣжину, а паче и в сустентаціи консистентовъ нѣякой гражданамъ не чинятъ помощи, тому ихъ цеховому постановленю не согласуючи и согласившись з іхъ же нѣкоторими ремесниками, якіе ремесники на томъ же ихъ постановленю подписались, захватують брать у купцовъ дѣлать бѣлку без вѣдома цехмистра и цеховой братіи, запобѣгаючи, скоро толко купецъ в Нѣжинъ з оною прибудетъ, и тими пожитками самы користуютъся. Нѣкоторіе же ихъ ремесники з козацства, ухиляючись от войсковой службы и другихъ козацкихъ и градскихъ повинностей, оставили доми свои и ради болшого прибытку своего для дѣланя бѣлки до баришниковъ попереходили, от чего всему цеху кравецкому не малое дѣлаетъся раззореные, ибо з такихъ ихъ ремесниковъ, которіе з баришникамы согласують, толко пять человѣка подпомагаютъся, а имъ, всему цеху, з того дѣлается обыда, да за такими ж самоволцами и купечеству можетъ быть не с ползою, в томъ, что когда хто з такихъ самоволнихъ ремесниковъ зопсуетъ купцевѣ бѣлку, а чимъ платить, не мѣеть, то принужденъ купецъ разоритись вовся, когда же по цеховомъ постановленю такая бѣлка будетъ дѣлатись, и оную и зопсовано б, то подписавшіеся на томъ вся цеховая братія платить повинны. А при той своей супплѣци означенніе ремесники цеху кушнѣрского презентовали намъ и писма отвористіе, одно з полкового Нѣжинского правленія за руками полковой старшины между полковничествомъ прошлого 1727 году августа 19 дня, другое з майстрату тамошнего того жъ 1727 году септеврія 15 дня, по соизволенію всего ихъ цеху виданные, з подтвержденіемъ высшеозначенного ихъ постановленя за поруками ихъ же самихъ атаманнѣ за братію, а братіи за атаманню, в ономъ майстратѣ Нѣжинскомъ взятими, противъ чего просили и нашой унѣверсалной конфірмаціи. Мы прето гетманъ, яко высше выраженное помянутихъ кушнѣрского цѣху ремесниковъ постановленіе и потвержателніе з правленія полкового и з майстрату Нѣжинскихъ писма симъ унѣверсаломъ нашимъ конфірмуемъ, такъ, дабы бѣлка дѣлалась по тому цеховому постановленю, а баришники в томъ ихъ цеховомъ постановленю перешкоди имъ не чинили и в тое ихъ ремесницкое дѣло не мѣшались и ремесниковъ ихъ у себе для робленя бѣлки не держали, если ж бы мимо

Digitized by Google

цеховое постановлене хто мѣлъ бѣлку у купцовъ тайнимъ образомъ для виробленя брать, такій мѣетъ подлежати немалому штрафу и цеховому наказанію, упоминаемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ в Глуховѣ, августа 28 дня року 1729.

Звишменованний гетманъ рукой власною. (М. П.)

Digitized by Google

II.

Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства, Ѳ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Варшавскаго университета. Спб. 1894 г.

Рецензія **К. Н. Бестужева-Рюмина.**

Ѳ. И. Леонтовичъ пользуется давнею и вполнѣ заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Знатокъ литовскаго права, онъ доказалъ своими сочиненіями, что и вопросы общеславянскаго права постоянно интересовали его: еще въ 1863 г. появились его статьи по литовскому праву. Его магистерскою диссертаціею было: «Историческое изслѣдованіе о правахъ литовскихъ евреевъ»; еще ранѣе онъ представилъ pro venia legendi диссертацію: «Крестьяне юго-западной Руси по литовско-русскому праву XV—XVI в.»; въ 1864 г. появилась его статья: «Русская правда и литовскій статутъ»; докторскою его диссертаціею послужило разсужденіе: «Древне-хорвато-далматское законодательство.» Его занятія общеславянскимъ правомъ отразились и на его взглядахъ на юридическую жизнь древней Руси. Его статья: «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи» открываетъ новые горизонты въ изслѣдованіи первоначальной эпохи русской исторіи. Не будемъ перечислять другихъ сочиненій Ѳ. И. Леонтовича, которыя поименованы въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей императорскаго университета св. Владимира» и въ «Двадцатипятилѣтіи императорскаго новороссійскаго университета».

Не только какъ писатель, но и какъ профессоръ, Ѳ. И. Леонтовичъ имѣетъ большое значеніе. Вотъ что говоритъ о немъ А. И Маркевичъ, бывшій его слушателемъ въ новороссійскомъ университетѣ: «Какъ довольно аккуратный, хотя и добровольный, слушатель Ѳ. И. Леонтовича могу сказать, что у него русской исторіи можно было научиться гораздо болѣе, чѣмъ у нашихъ профессоровъ. Нѣкоторыя части его курса, напр. исторія западнорусскаго законодательства, излагали такія области, которыя и до сихъ поръ не разработаны, и можно только пожалѣть, что онѣ не напечатаны.» (Двадцатипятилѣтіе императорскаго новороссійскаго университета. Од. 1890, стр. 487.) Этотъ курсъ теперь обрабатывается Ѳ. И. Леонтовичемъ подъ

Digitized by Google

вышеприведеннымъ заглавіемъ, и первая часть его лежитъ передъ нами. Авторъ основательно начинаетъ свой трудъ съ изложенія образованія территоріи Литовскаго государства, обозначенія различныхъ составныхъ частей этой территоріи, указанія народностей, ее населявшихъ и исторической судьбы составляющихъ ее частей. Характеръ своего изложенія авторъ обозначаетъ слѣдующимъ образомъ: «Мы намѣрены въ настоящемъ очеркѣ свести въ одно мѣсто то, что сдѣлано по нашему вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ, и по возможности провѣрить избранный вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ послѣднее время.» Отсюда ясно, что авторъ не намѣревался пользоваться архивными источниками. Это обстоятельство едвали могло быть поставлено ему въ вину въ виду ясно высказанной имъ цѣли. Труда подобнаго нынѣ издаваемаго имъ мы еще неимѣли. Хотя и въ польской отчасти въ русской литературѣ встрѣчается немало трудовъ, направленныхъ къ изученію древне-литовской исторіи и даже въ тѣхъ вопросахъ, которые составляютъ содержаніе книги нашего автора, но ни одинъ изъ этихъ трудовъ, частью составленныхъ на основаніи неизданныхъ источниковъ, не носитъ характера такой книги, которая содержала бы въ себѣ возможно полное обозрѣніе всего сдѣланнаго доселѣ по данному вопросу. Такимъ является трудъ пр. Леонтовича. Въ своемъ сочиненіи авторъ даетъ прочную основу будущимъ труженикамъ на этомъ поприщѣ. Они повѣрятъ его выводы и указанія архивными изысканіями; поправятъ встрѣчающіяся у него недомолвки и ошибки; но зато будутъ знать, гдѣ въ существующихъ источникахъ и пособіяхъ искать разъясненія для повѣрки. Такіе своды необходимы именно для начинающихъ работниковъ. Особенно на такомъ обширномъ и мало еще разработанномъ полѣ, какъ исторія Литвы, гдѣ, несмотря на значительное уже количество трудовъ, остается еще много неизслѣдованнаго (вспомнимъ любопытныя статьи М. Ф. Владимірскаго-Буденова въ Чтеніяхъ Общества Нестора Лѣтописца, кидающія поучительный свѣтъ не только на литовскую исторію, но и на исторію Кіевскаго періода, конечно ретроспективно). Нельзя же думать, что историку необходимо только открыть доступъ въ архивы, а школы ему совсѣмъ не нужно. Такую предварительную школу и предлагаетъ начинающимъ нашъ авторъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ по этому поводу: «Всякій, кто интересуется русской стариной, долженъ быть благодаренъ тѣмъ, кто выводитъ на свѣтъ Божій архивныя данныя. Объ этомъ, конечно не можетъ быть никакого спора. Но дѣло въ томъ, что сами то научныя изслѣдованія, обоснованныя на архивныхъ открытіяхъ, могутъ быть полезными для изслѣдователей и самой науки лишь подъ однимъ условіемъ, когда изслѣдователь основательно знакомъ какъ съ наличнымъ документальнымъ матеріаломъ, обнародованнымъ

Digitized by Google

въ печати, такъ и съ тѣмъ, что сдѣлано уже въ наукѣ на основаніи такого матеріала прежними изслѣдователями.» (стр. 27.) Авторъ не разъ высказываетъ ту мысль, что документы надо обнародовать вполнѣ, а не довольствоваться указаніями на №№, подъ которыми хранятся они въ архивахъ, или краткими изъ нихъ выписками. Конечно, здѣсь слѣдуетъ допустить то ограниченіе, что и такія указанія могутъ имѣть пользу для тѣхъ, кому доступны архивы, но мысль автора все-таки сохраняетъ свою силу.

Еще не приступая къ своей задачѣ, авторъ представляетъ обширное библіографическое обозрѣніе источниковъ и пособій для изученія внутренней исторіи Литовскаго государства. Это обозрѣніе въ связи съ библіографическими примѣчаніями по отдѣльнымъ главамъ изслѣдованія само по себѣ оставляетъ важную заслугу. Читатель могъ бы пожелать болѣе подробной оцѣнки исчисленныхъ источниковъ и пособій, но и въ настоящемъ своемъ видѣ это введеніе принесетъ несомнѣнную пользу. Нѣкоторыя ошибки въ обозначеніи книгъ не могутъ быть поставлены въ вину автору, а являются результатомъ обширности самого труда (напр. упоминаніе объ изданіи литовской лѣтописи въ такъ называемомъ сборникѣ Абрамки; извѣстно, что помѣщеніе лѣтописи въ изданіи предполагалось, но предположеніе осталось неосуществленнымъ).

Самое сочиненіе начинается главою: общее образованіе территоріи Литовскаго государства. Указавъ сначала на племенной составъ литовскаго государства, въ частности на племя литовское, авторъ переходитъ къ характеристикѣ его устройства: останавливается на условіяхъ образованія территоріи, полемизируетъ съ мнѣніемъ о завоеваніи русскихъ областей, съ мнѣніемъ о феодализмѣ въ Литовско-русскомъ государствѣ, впрочемъ, объ этомъ онъ говоритъ обстоятельнѣе въ другихъ мѣстахъ своей книги.

Представивъ общія соображенія объ образованіи Литовскаго государства, Ѳ. И. Леонтовичъ переходитъ къ подробному обзору отдѣльныхъ его частей, начинаетъ съ Литвы, указываетъ владѣнія князей въ Литвѣ и на Жмуди, роды князей Гедиминовичей и другихъ. Такое обозрѣніе очень нужно въ виду болѣе яснаго представленія о строѣ, столь далекомъ отъ нашихъ понятій о государствѣ и часто темномъ для насъ. Конечно, критика не безъ основанія указываетъ на недостаточность нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ авторомъ генеалогій, въ особенности родословія Радзивиловъ; но надо припомнить трудности, представляемыя памятниками литовской исторіи, особенно генеалогіями. Указывая часто на ихъ недоброкачественность, Ѳ. И. Леонтовичъ не вездѣ оградилъ себя отъ ихъ вліянія.

За обозрѣніемъ литовскихъ земель слѣдуетъ у автора обозрѣніе земель русскихъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго государства. Припоминая разницу между литовскими племенами, представлявшими каждое въ отдѣль-

Digitized by Google

ности разбросанную массу независимыхъ одна отъ другой сельскихъ общинъ и волостей безъ всякихъ политическихъ связей между собою, и племенами русскими, уже собравшимися въ болѣе крупныя единицы — авторъ указываетъ на причину, по которой русское начало возобладало надъ литовскимъ. Княжескія отношенія внесли нѣкоторое разстройство въ общій складъ земель, собиравшихся около нѣкоторыхъ центровъ (Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ и. т. д.). Соловьевъ вѣрно отмѣтилъ то, что дѣленіе по княженіямъ далеко не соотвѣтствуетъ старому племенному дѣленію: нерѣдко племя распадалось на нѣсколько княженій, а были случаи присоединенія нѣкоторыхъ частей племенъ къ одному княженію, а другихъ къ другому. Это замѣчаніе Соловьева въ корень разбиваетъ извѣстное ученіе Костомарова о нѣсколькихъ русскихъ народностяхъ. Съ XII в. начинаетъ замѣчаться другое стремленіе: собирать мелкія области въ обширныя (Галичъ со временъ Владимирка, Суздаль); это движеніе, разумѣется, встрѣчаетъ сопротивленіе и медленно развивается, но однако въ первую пору татарщины образуется обширное Галицкое государство — королевство Даніила. Такое стремленіе облегчило образованіе Литовскаго государства.

За общими соображеніями слѣдуетъ у автора обозрѣніе отдѣльныхъ областей. Начинается оно Черной Русью (между Нѣманамъ и Припятью), продолжается Бѣлоруссіею, внося сюда земли Полоцкую и Смоленскую (съ ихъ развѣтвленіями). Здѣсь, можетъ быть, слѣдовало бы упомянуть домыслъ Бѣляева о давней связи Бѣлой Руси съ Литвою, что много объяснило бы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Замѣтимъ, что едвали можно удовлетвориться по вопросу о русскомъ происхожденіи князей Путятичей, о которыхъ не находимъ достовѣрныхъ данныхъ, ссылкою на былины, упоминающія племянницу Володимира Запаву Путятишну. Такой же цѣнности было бы и указаніе на Путяту, поминаемаго у Татищева. Путята можетъ быть и русскимъ, а князья Путятичи могутъ быть и не русскаго происхожденія. Авторъ въ этомъ случаѣ основывается только на недостаткѣ извѣстій.

Кратко обозрѣвъ судьбу земли Дряговицкой, авторъ переходитъ къ къ южной Руси и начинаетъ съ Сѣверщины. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, критика можетъ замѣтить неточность: такъ, недостаточно ясно указано время, когда Рязанско-Муромская земля отдѣлилась отъ Черниговско-Сѣверской; но подобныя описки нельзя считать важными, какъ не важно и то, что въ другомъ случаѣ, говоря о княжествѣ Переяславскомъ, авторъ не отмѣтилъ, что здѣсь идетъ дѣло о Переяславлѣ Рязанскомъ, а не о Русскомъ или Залѣсскомъ. Подобныя обмолвки встрѣчаются и у другихъ изслѣдователей: Г. Любавскій полагаетъ, что ушелъ изъ Москвы въ Литву кн. Василій Шемячичъ, а ушелъ отецъ его кн. Иванъ. (Кар. V, пр. 358).

Digitized by Google

Говоримъ это потому, что критики уже ставили въ вину Ѳ. И. Леонтовичу ошибку въ имени Тверского великаго князя, отъѣхавшаго въ Литву: вмѣсто Михаила Борисовича, онъ помянулъ Бориса Александровича. Можно, пожалуй, поставить ему въ вину, что въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ объ Юріи Болеславичѣ, а въ другомъ мѣстѣ то же лицо совершенно правильно называется Болеславъ Юрій, на основаніи изслѣдованія Ржежабки. Вообще всѣ такія обмолвки и опечатки могутъ быть исправлены во второмъ изданіи, котораго изслѣдованіе пр. Леонтовича вполнѣ заслуживаетъ по своимъ серьезнымъ достоинствамъ и тогда достоинства эти представятся очевиднѣе, но и теперь для начинающихъ заниматься литовской исторіей едва ли не слѣдуетъ прежде всего указать на: «Образованіе территоріи Литовскаго государства», какъ на книгу, подъ руководствомъ которой они могутъ познакомиться и съ объемомъ литературы, и съ главными мнѣніями по вопросамъ, входящимъ въ составъ изслѣдованія. Литературой авторъ пользуется полно: такъ, въ статьѣ о Сѣверщинѣ встрѣчаются указанія не только на старыя изслѣдованія о Любецкомъ синодикѣ, важномъ матеріалѣ для генеалогіи Сѣверскихъ князей, но и на изслѣдованіе покойнаго Р. В. Зотова. Доказательство, что въ авторѣ не ослабѣваетъ интересъ къ избранному имъ предмету и что слѣдовательно въ дальнѣйшихъ частяхъ своего изслѣдованія онъ будетъ пользоваться всѣмъ, что появится впредь. Служба «верховскихъ» князей «на обѣ стороны», т. е. государству Литовскому и Московскому объясняется авторомъ согласно съ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ тѣмъ, что земли, находившіяся въ ихъ владѣніи, никогда прежде точно не были разграничены. Это служитъ новымъ доказательствомъ вниманія пр. Леонтовича къ литературѣ. Кстати, едвали не основательно его объясненіе названія князей верховскихъ отъ положенія ихъ удѣловъ въ верхней сторонѣ Сѣверщины, а не отъ слова верхнеокскіе, какъ полагаетъ г. Любавскій. Любопытны соображенія автора объ общихъ отношеніяхъ князей верховскихъ къ господарю литовскому: они смотрѣли на себя какъ на отчичей и дѣдичей и ревниво оберегали себя отъ притязаній господаря. Отсюда авторъ выводитъ едва ли не вполнѣ основательно, почему переходя на службу къ государю Московскому, они переходили съ своими «дѣльницами» что, разумѣется, объясняется отчасти и ихъ пограничнымъ положеніемъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что дѣльницы эти не были пожалованіемъ господаря, а исконными вотчинами.

Отъ Сѣверской земли пр. Леонтовичъ переходитъ къ Кіевской и сообщаетъ ея исторію, начиная отъ времени присоединенія ея къ Литовскому государству. Когда Кіевское княженіе было уничтожено Витовтомъ, появились намѣстники (воеводы или старосты). Есть недавно высказанное мнѣніе, что воеводы вступили во всѣ права бывшихъ князей; но пр. Леонто-

Digitized by Google

тичъ держится стараго мнѣнія, раздѣляемаго и другимъ знатокомъ литовской исторіи, В. Б. Антоновичемъ, что мѣстная шляхта была подсудна суду господарскому и только по собственному желанію могла обращаться къ суду воеводы. «Коли бы ся который князь, або панъ, або человѣкъ нашъ пожаловалъ нашему воеводѣ на князя, або на боярина кіевскаго», говорится въ кіевскомъ привилеѣ, и далѣе читаемъ: «то бы, не вступая у правѣ, передъ нашимъ воеводою отозвался на насъ, на господаря, того пустить передъ насъ.» Вопросъ о правахъ кіевскаго воеводы переходитъ въ изложеніи нашего автора въ общій вопросъ о правахъ воеводъ и старостъ въ Литовскомъ государствѣ. По мнѣнію пр. Леонтовича, воевода не получаетъ всей полноты власти бывшаго удѣльнаго князя, а значительная доля ея отходитъ къ господарю и можетъ быть частью передана по порученію. Онъ отвергаетъ іерархію между различными властями въ извѣстной области и дѣлаетъ здѣсь любопытныя сближенія съ правомъ Руси московской. Важно указаніе, что были князья (Вишневецкіе), владѣвшіе своими землями, вѣроятно, на основаніи стараго удѣльнаго права. На этомъ основаніи отвергаетъ онъ мнѣніе г. Любавскаго о правахъ Луцкаго старосты. Вопросъ этомъ очень любопытенъ и требуетъ спеціальныхъ изслѣдованій. Во всякомъ случая audiatur et altera pars.

Отъ общихъ соображеній авторъ переходитъ къ обозрѣнію княжескихъ родовъ, помѣщавшихся на кіевской территоріи.

За Кіевомъ слѣдуетъ Волынь и земля Галицкая. По своему обыкновенію авторъ излагаетъ въ началѣ главы общій взглядъ на исторію изслѣдуемыхъ областей. Здѣсь по случаю борьбы Литвы съ Польшею за Галицко-волынскую землю онъ пользуется диссертаціею пр. Филевича, подвергая и ея утвержденія документальной критикѣ. Вопросъ о волынскомъ наслѣдствѣ послѣ Любарта онъ ставитъ оригинально, доказывая, что, такъ какъ Любартъ получилъ Волынь за женой, отъ которой у него дѣтей не было, то дѣти его отъ второго брака не могли быть наслѣдниками Волыни, да и самъ онъ владѣлъ ею только пожизненно.

Послѣ судьбы княжества Волынскаго авторъ переходитъ къ изложенію судьбы княжества Луцкаго и другихъ княжествъ Волынской земли. Главу о Волыни авторъ заключаетъ изслѣдованіемъ о мелкихъ волостяхъ, повѣтахъ и княжествахъ, составлявшихъ южную украйну. Происхожденіе этой украйны въ занимающей насъ книгѣ объясняется потребностью Литовскаго государства въ охраненіи границы. Любопытно здѣсь по поводу князей Зборажскихъ замѣчаніе о стремленіи многихъ князей производить себя отъ Гедимина и присвоивать себѣ разныя прозванія. (Корибуты-Вишневецкіе и т. д.) Это явленіе особенно усилилось послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ.

Digitized by Google

Послѣдняя глава книги посвящена исторіи земли Подольской и рода Коріатовичей.

Таково содержаніе этой любопытной книги. Но, кромѣ фактовъ, она представляетъ выводы и замѣчанія, какъ мы уже видѣли выше. Замѣчанія автора должны обратить на себя вниманіе занимающихся литовской исторіей. Г. Любавскій говоритъ по поводу замѣчаній пр. Леонтовича о такъ называемомъ литовскомъ завоеваніи. «Почтенный профессоръ въ общемъ совершенно правильно объясняетъ образованіе Литовско-русскаго государства, и мы прочли страницы его книги, посвященныя этому вопросу, съ истиннымъ удовольствіемъ. Не завоеваніе, не насиліе были главнымъ факторомъ образованія Литовскаго государства, а «пріязнь», въ которую входили литовскіе князья съ населеніемъ разныхъ русскихъ земель и княжествъ, тяготѣвшихъ къ Литвѣ по инстинкту самосохраненія, видѣвшихъ въ ней избавителей отъ татаръ» (Ж. М. Н. Пр. 1894, VIII, 377—378. Это замѣчаніе г. Любавскій ограничиваетъ указаніемъ на то, что были случаи завоеваній чего, впрочемъ, не отрицаетъ и пр. Леонтовичъ; но это замѣчаніе не опровергаетъ общаго правила. Съ своей стороны, укажемъ еще на любопытную полемику автора противъ мнѣній о литовскомъ феодализмѣ и о федеративномъ строѣ Литовскаго государства. Эти мысли автора слѣдуетъ весьма и весьма принять въ соображеніе будущимъ историкамъ Литвы.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести, что книга пр. Леонтовича — плодъ многолѣтней усердной работы, что она свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ принадлежитъ къ хорошей исторической школѣ. Книга эта должна принести несомнѣнную пользу и своими общими замѣчаніями и библіографическими указаніями. Изъ нея молодые изслѣдователи вынесутъ ясное сознаніе необходимости, не принимаясь еще за самостоятельную работу, основательно ознакомиться съ тѣмъ, что уже сдѣлано, тогда окажутся и пробѣлѣ, требующіе новыхъ изслѣдованій. Если замѣчанія автора не вездѣ безусловно вѣрны, то они всегда вызываютъ мысль и побуждаютъ къ новой работѣ надъ предметомъ.

Къ недостаткамъ принадлежитъ достаточное количество ошибокъ и обмолвокъ, часто даже опечатокъ. Этотъ недостатокъ редакціи можетъ быть устраненъ при второмъ изданіи, котораго искренно желаемъ пр. Леонтовичу.

Вотъ почему считаемъ обязанностію ходатайствовать о награжденіи автора второй уваровской преміей.

Digitized by Google

Digitized by Google

III.

Отзывъ объ изслѣдованіи И. К. Миклашевскаго: „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства". Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М. 1894 г.

Д. И. Багалѣя.

Глава I-я. Задача, источники, пособія, пріемы изложенія и планъ автора.

Разбираемая книга представлена была авторомъ въ качествѣ диссертаціи на степень магистра сельскаго хозяйства, но оффиціальными оппонентами на диспутъ были приглашены, кромѣ представителя каѳедры сельскаго хозяйства, еще спеціалистъ-экономистъ (профессоръ Чупровъ) и спеціалистъ-историкъ (профессоръ русской исторіи Милюковъ). Уже отсюда видно, что сочиненіе это имѣетъ прямое отношеніе не только къ сельскому хозяйству, но и къ статистикѣ, и къ русской исторіи. Къ этому выводу приводитъ насъ и содержаніе книги; во введеніи самъ авторъ выясняетъ задачу и характеръ своего труда такимъ образомъ. «Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы имѣемъ въ виду изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ небольшой части южной окраины Московскаго государства XVII столѣтія, составляющей въ настоящее время части губерній Курской и Воронежской и части мѣстностей, къ нимъ прилегающихъ» (1).

Г. Миклашевскій не согласенъ съ большинствомъ писателей, понимавшихъ подъ исторіей сельскаго хозяйства или исторію техническихъ усовершенствованій, или исторію правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ той же цѣли. И та, и другая сторона дѣла (т. е. техническія усовершенствованія и правительственныя мѣропріятія) не имѣли, по его мнѣнію, особенно важнаго значенія въ исторіи русскаго сельскохозяйственнаго быта и культуры (стр. 1—4). «*Исторія сельскаго хозяйства есть, думается намъ, исторія заселенія края и превращеніе дикихъ полей,*

Digitized by Google

луговъ и лѣсовъ въ культурное состояніе» (стр. 5). И затѣмъ эта мысль развивается далѣе такъ. «При посредствѣ какихъ силъ происходило это заселеніе и какія матеріальныя послѣдствія оно имѣло — это вопросы, на которые, по нашему мнѣнію, прежде всего должно отвѣтить историку сельскаго хозяйства. Ибо распашка полей, разведеніе скота, появленіе той или иной системы полеводства, равно какъ той или иной системы хосяйства и т. д. обусловливаются наличностью тѣхъ силъ и потребностей, съ которыми являются въ новый край первые его насельники, и прогрессивнымъ и регрессивнымъ развитіемъ этихъ силъ, съ одной стороны, и физико-географическими, историческими и экономическими условіями заселяемой страны, съ другой. Историку сельскаго хозяйства, думается намъ, нужно также всегда имѣть въ виду тѣ юридическія условія, въ которыя въ данную эпоху поставляются трудъ и земля, какъ основные и необходимые факторы сельскаго хозяйства, ибо въ зависимости отъ условій, въ которыя поставлены эти факторы, находится движеніе впередъ или назадъ самаго состоянія промышленной дѣятельности народа» (стр. 5). Ставя на первомъ планѣ исторію колонизаціи, авторъ, естественно, придаетъ своему сочиненію характеръ историческаго изслѣдованія; при такой постановкѣ вопроса, его трудъ прямо входитъ въ область русской исторіи. Съ другой стороны, вопросъ о землевладѣніи на украйнѣ относится къ исторіи русскаго права; слѣдовательно, также имѣетъ очень близкое отношеніе къ русской исторіи. Самъ г. Миклашевскій ставитъ свой трудъ въ ближайшую связь съ моими «Очерками по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства». Сказавъ, что я смотрю на это сочиненіе, какъ на страницу для будущей исторіи русской колонизаціи, г. Миклашевскій прибавляетъ: «къ «страницѣ» г. Багалѣя мы хотѣли бы прибавить еще одну «страничку», въ которой мы попытались сгруппировать въ одно цѣлое нѣкоторыя данныя, касающіяся по преимуществу земледѣльческаго быта окраины XVII в.» (стр. 17).

Спрашивается: что можно сказать о такой постановкѣ вопроса? Не знаемъ, удовлетворитъ ли она вполнѣ спеціалистовъ сельскаго хозяйства. Быть можетъ, имъ она покажется нѣсколько односторонней, крайней, хотя и они едва ли могутъ возражать противъ важности и необходимости изученія исторіи сельскохозяйственной культуры въ связи съ исторіей колонизаціи и землевладѣнія. Заселеніе, землевладѣніе и земледѣліе связаны другъ съ другомъ неразрывными нитями, взаимно вліяютъ другъ на друга; нельзя изучать генезиса землевладѣнія и земледѣлія во вновь заселяемомъ краѣ, не изучивъ предварительно характера его колонизаціи, не познакомившись съ тѣми культурными задатками, которые переселенцы приносятъ съ собою на новыя мѣста жительства. Этотъ исходный моментъ, когда впервые скла-

Digitized by Google

дываются извѣстнымъ образомъ формы землевладѣнія и промышленности, несомнѣнно, представляетъ огромный интересъ и для спеціалиста по сельскому хозяйству, ибо для того, чтобы оцѣнить результаты культурныхъ усовершенствованій или законодательной дѣятельности правительства, направленной къ той же цѣли, необходимо знать, въ какія формы сложилось сельское хозяйство населенія въ первоначальное время, подъ вліяніемъ мѣстной природы, историческихъ условій и старыхъ культурныхъ привычекъ и традицій. Конечно, это нисколько не исключаетъ необходимости изученія дальнѣйшей судьбы сельскаго хозяйства какъ съ той точки зрѣнія, которой придерживается нашъ авторъ, такъ и съ той, которая имѣетъ въ виду техническія усовершенствованія или законодательныя мѣры. Государство оказало огромное вліяніе на исторію заселенія, землевладѣнія и даже земледѣлія древней Россіи и это вліяніе нужно изучать всесторонне: не только въ связи съ благотворными результатами, а и съ отрицательными и, такъ сказать, нейтральными. Въ особенности это слѣдуетъ замѣтить относительно Московской Руси, гдѣ роль центральнаго правительства и его органовъ была чрезвычайно велика и вмѣшательство въ народную жизнь было весьма замѣтно. Въ сущности между Московскимъ правительствомъ XVII в. и Петромъ Великимъ въ этомъ отношеніи нѣтъ такой рѣзкой разницы, какъ это обыкновенно принято думать. Правительственная опека надъ населеніемъ была и тогда очень велика...

Какъ бы то ни было, книга г. Миклашевскаго является историко-статистическимъ изслѣдованіемъ, касающимся одной изъ русскихъ окраинъ и можетъ (чтобы не сказать должна) быть разобрана спеціалистомъ по русской исторіи. Выборъ мѣстности для историческаго изслѣдованія (южной степной окраины) нельзя не признать весьма удачнымъ, какъ съ точки зрѣнія историка, такъ и съ точки зрѣнія спеціалиста сельскаго хозяйства. Заселеніе этого края, представлявшаго въ XV-мъ и I-й половинѣ XVI-го вѣка еще настоящую дикую степь, совершалось на глазахъ исторіи, которая сохранила о немъ много письменныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, для историка трудъ г. Миклашевскаго дѣйствительно является новой страницей изъ исторіи русской колонизаціи, а для историка сельскаго хозяйства онъ представляетъ страницу изъ исторіи сельскохозяйственной культуры, начиная отъ ея первыхъ зародышей въ дикомъ полѣ, въ степной глуши и заканчивая формами, выработанными окраинною жизнью XVII в.

Здѣсь мы переходимъ къ вопросу объ источникахъ и пособіяхъ автора. На этомъ вопросѣ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ имъ опредѣляются и содержаніе книги, и ея выводы, т. е. разрѣшеніе поставленной себѣ авторомъ задачи. Авторъ поставилъ своею цѣлью изученіе колонизаціи и хозяйственнаго быта Курскаго и Воронежскаго края; но такъ

Digitized by Google

какъ печатныхъ матеріаловъ для этого вопроса недостаточно, то онъ «предпочелъ обратиться къ первоисточникамъ вмѣсто того, чтобы извлекать изъ книгъ разныхъ писателей и ученыхъ тотъ небогатый матеріалъ, какой былъ въ ихъ распоряженіи» (стр. 19). Впрочемъ, какъ бы предвидя возраженіе, г. Миклашевскій дѣлаетъ дальше такую оговорку: «критика, говоритъ онъ, обратитъ, конечно, вниманіе на то, что въ этой книгѣ сдѣлано, быть можетъ, слишкомъ мало ссылокъ на литературу предмета. Въ этомъ однако авторъ можетъ быть обвиненъ всего менѣе» (стр. 19), и за тѣмъ слѣдуетъ приведенное нами выше мѣсто о недостаткѣ печатныхъ матеріаловъ. Тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Авторъ ставитъ вопросъ такъ, какъ будто ему приходилось дѣлать выборъ только между пособіями и архивными матеріалами или, какъ онъ выражается не совсѣмъ точно [1]), первоисточниками; но вѣдь, кромѣ пособій и архивныхъ данныхъ для избранной имъ темы, есть еще печатные источники, которые далеко не исчерпаны авторами разныхъ сочиненій; а если бы даже г. Миклашевскому показалось, что этотъ матеріалъ использованъ въ извѣстныхъ ему пособіяхъ, то и тогда онъ не долженъ былъ бы уклоняться отъ самостоятельнаго, критическаго его разсмотрѣнія, разъ онъ имѣетъ прямое отношеніе къ его вопросу, потому что изъ однихъ и тѣхъ же данныхъ дѣлаются часто, какъ извѣстно, неодинаковые выводы.

Посмотримъ теперь, въ какой полнотѣ г. Миклашевскій воспользовался печатными источниками и пособіями и нѣтъ ли у него здѣсь какихъ либо важныхъ пробѣловъ. Начинаемъ свой обзоръ съ источниковъ. Всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни относятся ко введенію и къ 1-ой главѣ книги г. Миклашевскаго, гдѣ рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ (напримѣръ, о сохѣ, четверти, писцовыхъ книгахъ и т. п.); другіе заключаетъ въ себѣ данныя о территоріи, служащей предметомъ прямого изученія нашего автора. И вотъ при подсчетѣ оказывается одинаковое количество тѣхъ и другихъ, хотя первые относятся къ какимъ-нибудь 50 страницамъ, а вторые къ 170 и при томъ наиболѣе существеннымъ въ книгѣ. Вообще, разсматривая печатные матеріалы, положенные г. Миклашевскимъ въ основу своего труда, мы невольно поражаемся скудостью ихъ. Вотъ перечень ихъ: Акты Московскаго государства, I и II, Книга большаго чертежа, Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ, хранящихся въ книгахъ разряднаго архива (Н. Н. Оглоблина), Акты, относящіеся къ Малороссіи (В. И. Холмогорова), Жалованныя грамоты Путивльскому Молченскому монастырю (въ Трудахъ Курс. Статис. Ком.), изданные мною «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины

1) Вѣдь и печатные источники — это то же первоисточники.

Digitized by Google

Московскаго государства», т. I и II, Орловскіе акты де-Пуле, Акты Воронежскаго края, изданные Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ, II и III и Писцовая книга по г. Воронежѣ, изданная Л. Б. Вейнбергомъ.

Спрашивается: исчерпывается ли этимъ весь печатный запасъ данныхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ заселенію и хозяйственному быту Курскаго и Воронежскаго края? Нѣтъ! Правда, ихъ вообще не много, но все-таки авторъ упустилъ здѣсь кое-что весьма существенное. У него нѣтъ ни одной ссылки на огромную серію документовъ XVII в., относящихся спеціально къ территоріи Воронежскаго края и изданныхъ Л. Б. Вейнбергомъ — «Воронежскіе акты», изданные Воронеж. Губерн. Статис. Комит. т. I-й 1887 года, 16 выпусковъ «Матеріаловъ по исторіи Воронежской и сосѣдн. г.», «Матеріалы для исторіи г. Воронежа» въ Воронежскомъ юбилейномъ сборникѣ, т, I-й, стр. 201—275; не пользуется авторъ изданными мною въ 1893 г. «Замѣтками и матеріалами по исторіи Слободской украйны», гдѣ напечатано нѣсколько документовъ XVII в. относительно Курскаго края; оставляетъ безъ вниманія «Царскія грамоты на Корочу», а также «Матеріалы для исторіи Курской епархіи», напечатанные въ Курскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ арх. Анатоліемъ, заключающіе въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія для исторіи монастырской колонизаціи, грамоты XVII в., напечатанныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ Дмитрюковымъ и т. п. Но независимо отъ полнаго игнорированія нѣкоторыхъ историческихъ источниковъ, г. Миклашевскій, какъ намъ кажется, недостаточно исчерпалъ и тѣ, которые были въ его распоряженіи, напримѣръ, «Воронежскіе акты» Второва и Александрова-Дольника — это по истинѣ драгоцѣнное собраніе, которое, можно сказать, положило прочное начало исторіи Воронежскаго края, или Орловскіе акты де-Пуле, дающіе такой богатый запасъ свѣдѣній о землевладѣніи на Украйнѣ.

То же самое мы должны сказать и объ отношеніи г. Миклашевскаго къ пособіямъ: онъ слишкомъ осторожно и скупо пользуется ими, по большей части только ссылаясь на нихъ, но не дѣлая оттуда выписокъ, между тѣмъ какъ отъ такихъ выписокъ могло бы выиграть его собственное сочиненіе. Авторъ, какъ мы видѣли, предубѣжденъ противъ пользованія пособіями и доходитъ въ своемъ воздержаніи, какъ намъ думается, до излишней крайности. Ему извѣстна, напримѣръ, спеціальная брошюра по исторіи сельскохозяйственной промышленности въ Воронежскомъ краѣ Л. Б. Вейнберга, но онъ пользуется ею очень мало (всего 3 ссылки), хотя она и заключаетъ въ себѣ достаточно цѣнныхъ свѣдѣній по интересующему его вопросу; то же нужно сказать и о статьяхъ по исторіи землевладѣнія г. Бѣлявскаго (въ Юрид. Вѣст. за 1888 годъ), профессора И. В. Лучицкаго (Сябры и сябренное землевладѣніе въ Малороссіи въ Сѣвер. Вѣстн. 1889 г.

Digitized by Google

№ 1 и 2), и о работахъ по исторіи однодворческаго сословія Германова и Я. Соловьева. А между тѣмъ если къ этимъ статьямъ присоединить еще работы Бѣляева (О сторожевой и станичной службѣ), Болховитинова (Историч., географич. и экономич. описаніе Воронежской губерніи), г. Чечулина (Города Московскаго гос. въ XVI ст.), мои «Очерки по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», г-жи Щепкиной (Тульскій уѣздъ въ XVII в.) профес. П. Н. Милюкова (Государственное хозяйство въ связи съ реформами Петра Вел.), г. Сторожева (Опись десятень), г. Гвоздаво-Голомбіевскаго (Опись чертежей, хранящихся въ разрядѣ), Костомарова (Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа), то этимъ исчерпывается вся литература предмета, которою пользовался авторъ въ главной части своего изслѣдованія[1]) (2-й, 3-й, 4-й и 5-й гл.). И здѣсь опять-таки есть не мало пропусковъ; такъ, г. Миклашевскій совершенно игнорируетъ довольно обширную литературу, касающуюся исторіи Воронежскаго и Курскаго края и перечисленную отчасти въ цитируемомъ имъ же библіографическомъ сочиненіи «Источники и пособія для изученія Воронежскаго края», напримѣръ, историческія работы о г. Воронежѣ Неизвѣстнаго, Веселовскаго и Вейнберга, ст. Второва, Скіады, замѣтки по исторіи отдѣльныхъ городовъ (Исаева о г. Орловѣ, Дмитрюкова о г. Суджѣ Курск. губ.), статьи по исторіи заселенія и землевладѣнія Воронежской губ. въ статистическихъ земскихъ сборникахъ, напримѣръ, Щербины «Заселеніе Острогожскаго края» (въ Сборникѣ Стат. Свѣд. по Ворон. губ.), замѣтки въ Курскихъ Губерн. вѣд. (Дмитрюкова) и т. п. Правда, кое-что изъ этого матеріала г. Миклашевскій, по всей вѣроятности, отложилъ для 2-й части своего труда, куда войдетъ спеціальное изслѣдованіе формъ землевладѣнія и вопросъ о повинностяхъ населенія; но это не измѣняетъ нашего заключенія о недостаточномъ эксплуатированіи имъ историческихъ пособій для болѣе яснаго и отчетливаго изображенія читателю излагаемыхъ имъ вопросовъ. Г. Миклашевскій можетъ на это замѣтить, что онъ не желалъ повторять уже извѣстнаго, тѣмъ болѣе что его трудъ имѣлъ спеціальное назначеніе (представлялъ изъ себя магистерскую диссертацію). Придавая значеніе этому обстоятельству, мы однако все-таки скажемъ, что и съ этой точки зрѣнія онъ былъ не совсѣмъ правъ, ибо, при изученіи самаго спеціальнаго вопроса, необходимо все-таки привлекать къ изслѣдованію и тотъ матеріалъ, который былъ уже раньше въ научномъ обиходѣ, а также считаться съ существующей литературой предмета, въ которой сдѣлана сводка матеріала и дано ему извѣстное освѣщеніе. Не говоримъ уже о тѣхъ неудобствахъ, которыя испытываетъ отъ

1) Мы не перечисляемъ здѣсь тѣхъ пособій, которыми пользуется г. Миклашевскій въ 1-ой и 2-ой гл. своего изслѣдованія въ виду болѣе общаго характера ихъ.

Digitized by Google

способа, усвоеннаго г. Миклашевскимъ, читатель: этого послѣдняго авторъ постоянно отсылаетъ за разъясненіемъ многихъ важныхъ подробностей къ разнымъ источникамъ и пособіямъ, которые ему не всегда извѣстны; въ результатѣ получается какая-то чисто-формальная связь между матеріаломъ книги г. Миклашевскаго и цитируемыми имъ источниками и пособіями, какая то отрывочность и сухость изложенія, оторванность отъ болѣе извѣстныхъ историческихъ фактовъ и обстоятельствъ. Говоритъ, напримѣръ, г. Миклашевскій, по своимъ источникамъ, о сябрахъ, дѣлаетъ указаніе на статью проф. Лучицкаго, посвященную сябренному землевладѣнію; но, благодаря слишкомъ краткому указанію и изложенію предмета, читатель не уясняетъ себѣ ни сущности сябренной формы землевладѣнія вообще, ни отношенія между фактами, сообщаемыми о немъ г. Миклашевскимъ и г. Лучицкимъ. Такія же послѣдствія происходятъ отъ слишкомъ краткаго извлеченія изъ статьи г. Бѣлявскаго. Впрочемъ, справедливость побуждаетъ насъ прибавить, что главные источники и пособія хорошо изучены г. Миклашевскимъ и изъ нихъ сдѣланы всѣ необходимыя извлеченія; въ особенности это нужно сказать относительно изданныхъ мною «Матеріаловъ». Затѣмъ на мои «Очерки» сдѣлано также много указаній — и тутъ г. Миклашевскій былъ совершенно правъ, дѣлая только ссылки на соотвѣтствующія страницы, такъ какъ моя книга вышла недавно и не представляетъ изъ себя библіографической рѣдкости, что нужно сказать относительно многихъ изъ тѣхъ статей, на которыя мы указывали выше.

Таковъ печатный матеріалъ въ книгѣ г. Миклашевскаго, но не онъ является фундаментомъ ея: въ основу ея положены архивные документы. Этими послѣдними авторъ пользовался такъ широко, что его сочиненіе смѣло могло быть названо изслѣдованіемъ по неизданнымъ матеріаламъ. Это привлеченіе новыхъ неизданныхъ источниковъ мы считаемъ главнымъ достоинствомъ разбираемой книги. Авторъ самъ говоритъ (стр. 17), что его данныя собраны были «путемъ довольно продолжительнаго изученія матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ и, главныхъ образомъ, въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи» (стр. 17—18). И это заявленіе вполнѣ подтверждается содержаніемъ его книги. Правда, въ ней мы видимъ матеріалъ, извлеченный исключительно изъ одного архива — Министерства юстиціи (нужно предполагать, что данныя изъ другихъ архивовъ, о которыхъ говоритъ г. Миклашевскій, войдутъ во 2-ю часть его работы); но извлеченіе его несомнѣнно должно было потребовать значительнаго времени и труда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сдѣлать самый бѣглый его обзоръ. На первомъ мѣстѣ среди источниковъ г. Миклашевскаго слѣдуетъ поставить писцовыя, переписныя, дозорныя, строельныя книги тѣхъ городовъ и уѣздовъ, которые служатъ предметомъ его изученія: таковы — писцовыя,

Digitized by Google

переписныя, дозорныя книги г. Бѣлгорода и его уѣзда (1626, 1646, 1674, 1677, 1678 и 1686 гг.), Воронежа и его уѣзда (1615, 1629, 1646 и 1678 гг.), Валуйки съ уѣздомъ (1626 и 1628 г.), г. Путивля съ уѣздомъ 1626—1627, 1628—1629 гг.), г. Оскола съ уѣздомъ (1615, 1643, 1646 и 1691 гг.), а также г. Хотмыжска (1686 г.), Карпова (1648 и 1651 г.), Курска съ уѣздомъ (1685 г.), Яблонова (1647 г.), Корочи (1647 г.); къ нимъ нужно присоединить отказныя книги по Бѣлгородской губ. разныхъ городовъ, межевую книгу по г. Бѣлополью съ уѣздомъ (1682 г.), вѣдомости объ отписныхъ дворахъ (въ разрядныхъ вязкахъ), росписи великорусскихъ сведенцевъ и нововъѣзжихъ черкасъ (въ книгахъ бѣлгородскаго стола), грамоты, отписки воеводъ и т. п. въ столбцахъ бѣлгородскаго стола и разные документы въ другихъ отдѣленіяхъ архива (напримѣръ, въ дѣлахъ печатной конторы, въ разрядныхъ вязкахъ, въ десятняхъ, въ столбцахъ помѣстнаго приказа). Сюда нужно еще прибавить документы, которые не имѣютъ прямого отношенія къ описываемой г. Миклашевскимъ территоріи (напримѣръ, писцовыя книги по г. Ливнамъ, Бѣлеву, Рязани, Новосили, свѣдѣнія о десятинной пашнѣ въ г. Ельцѣ и др.). Среди всѣхъ этихъ документовъ первенствующее мѣсто, какъ это мы уже замѣтили выше, должно быть отведено писцовымъ, переписнымъ книгамъ, затѣмъ идутъ столбцы и книги бѣлгородскаго стола. Сравнивая списокъ писцовыхъ книгъ, которыми пользовался г. Миклашевскій, съ перечнемъ [1]), опредѣляющимъ наличность ихъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, мы приходимъ къ заключенію, что нашъ авторъ познакомился почти со всѣми ими и оставилъ безъ вниманія только немногія (почти исключительно тѣ, которыя захватывали небольшія пространства [2]). Такъ обстоитъ дѣло съ тѣми 5 уѣздами; подробнымъ описаніемъ которыхъ занимается г. Миклашевскій (бѣлгородскимъ, путивльскимъ, оскольскимъ, воронежскимъ и валуйскимъ). Такое же заключеніе мы должны дать о тѣхъ новыхъ уѣздахъ, которые возникли нѣсколько позже въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ (корочанскомъ, хотмыжскомъ, бѣлопольскомъ и яблоновскомъ); относящіяся къ нимъ писцовыя книги также извѣстны г. Миклашевскому. Къ сожалѣнію, количество ихъ совершенно ничтожно и онѣ вовсе не захватываютъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ уѣздовъ, на которые дѣлился Бѣлгородскій и Воронежскій край въ самомъ концѣ XVII в. Это обстоятельство отразилось крайне неблагопріятно на содержаніи той части книги г. Миклашевскаго, которая должна была трактовать о населеніи этихъ областей въ концѣ XVII в.

---

1) Общій списокъ писцовыхъ книгъ помѣщенъ въ 1-мъ томѣ «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Минист. Юстиціи», стр. 1—304.

2) Такіе пропуски у него есть, напримѣръ, по путивльскому, оскольскому и воронежскому уѣздамъ.

Digitized by Google

Для г. Миклашевскаго этотъ моментъ (самый конецъ XVII в.) долженъ былъ имѣть чрезвычайно важное значеніе, и онъ обязанъ былъ бы подвести статистическіе итоги тому, что сдѣлано было для колонизаціи и сельскохозяйственной культуры въ теченіе XVII в. Но такихъ итоговъ мы у него не находимъ, также точно, какъ у него вообще очень скудны и совершенно случайны данныя изъ 2-й половины XVII ст. Очевидно, авторъ находился подъ вліяніемъ недостатка матеріаловъ: насколько обширны и систематичны были его свѣдѣнія о 1-й четверти XVII в., настолько недостаточны оказались данныя о 2-й половинѣ того же вѣка. Но нельзя не сказать при этомъ, что значительная часть вины падаетъ на самого г. Миклашевского. Изучая внимательно его книгу, всматриваясь въ ея планъ, невольно замѣчаешь, что онъ и не заботился особенно о томъ, чтобы матеріалъ его отличался извѣстною равномѣрностью; невольно получается впечатлѣніе, что авторъ находился во власти матеріала (а не возвышался надъ нимъ) и что это обстоятельство заставило его сосредоточиться главнымъ образомъ на 1-й половинѣ XVII ст., источники которой менѣе разбросаны и болѣе бросаются въ глаза изслѣдователю. Правда, писцовыхъ книгъ (въ собственномъ смыслѣ этого слова) по городамъ и уѣздамъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края 2-й половины XVII-го вѣка не особенно много; но, во первыхъ, недостатокъ ихъ могъ быть пополненъ обиліемъ другихъ матеріаловъ, а, во вторыхъ, г. Миклашевскій и ими не воспользовался въ должной мѣрѣ. Историкъ городовъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края располагаетъ значительнымъ и довольно разнообразнымъ матеріаломъ (кромѣ писцовыхъ книгъ) въ видѣ цѣлаго архива разряднаго приказа. Чтобы составить себѣ понятіе о богатствѣ заключающихся въ немъ документовъ для исторіи колонизаціи и хозяйственнаго быта южной окраины, достаточно внимательно перечитать превосходное обозрѣніе этихъ матеріаловъ, составленное Н. Н. Оглоблинымъ («Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа», 369, VI). Здѣсь отмѣчено не мало различныхъ документовъ, относящихся къ Бѣлгородскому и Воронежскому краю; таковы смѣтныя, годовыя смѣтныя книги, росписные списки, строельныя, оброчныя, сборныя книги, списки служилыхъ людей и десятни, росписи сторожъ, документы о струговомъ дѣлѣ. Чрезвычайно цѣнныя извѣстія находятся также въ столбцахъ разрядняго архива, къ сожалѣнію, совершенно еще не описанныхъ. Г. Миклашевскій далеко не исчерпалъ книгъ разряднаго архива и обратилъ преимущественное вниманіе на его столбцы; но само собою разумѣется, что благодаря отсутствію описанія ихъ, долженъ былъ идти ощупью и ограничиться болѣе или менѣе случайнымъ выборомъ; въ такомъ положеніи относительно столбцовъ былъ и я, когда собиралъ матеріалы для своей исторіи колонизаціи южной окраины.

Digitized by Google

Привлекши недостаточное количество источниковъ для 2-й половины XVII-го вѣка, г. Миклашевскій въ то же самое время (и въ этомъ уже только его вина) не извлекъ всѣхъ данныхъ объ этой эпохѣ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были въ его распоряженіи (изъ писцовыхъ книгъ 2-й половины этого столѣтія). Писцовыя книги могутъ дать цѣнный матеріалъ для исторіи заселенія и хозяйственнаго быта только въ томъ случаѣ, когда мы возьмемъ нѣсколько историческихъ моментовъ и сравнимъ ихъ между собою въ отношеніи статистическомъ; въ книгѣ же г. Миклашевскаго, можно сказать, отсутствуетъ самый важный (послѣ перваго) моментъ — конецъ XVII в., для котораго однако можно было бы найти не мало матеріаловъ какъ въ писцовыхъ книгахъ, такъ и въ книгахъ разряднаго архива. Затѣмъ не можемъ не отмѣтить и еще одного обстоятельства, которое повліяло на сокращеніе источниковъ г. Миклашевскаго: онъ почему-то игнорируетъ центральный городъ Бѣлгородскаго края — Курскъ, который всегда входилъ въ составъ «польской», т. е. полевой Украйны (объ этомъ мы еще скажемъ ниже). Одинъ рецензентъ, подвергшій книгу г. Миклашевскаго подробному разбору[1]) ставитъ въ вину автору, что онъ ограничилъ себя только однимъ архивомъ, между тѣмъ какъ въ новѣйшихъ диссертаціяхъ по русской исторіи замѣчается какъ разъ противоположное теченіе. Придавая нѣкоторое значеніе этому обстоятельству, мы все-таки повторимъ, что и въ этомъ одномъ архивѣ г. Миклашевскій могъ бы найти гораздо болѣе данныхъ для своей работы, если бы задался цѣлью по возможности систематическаго изученія ихъ; между прочимъ онъ, повидимому, совсѣмъ не обращался къ хранящимся въ архивѣ дѣламъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ Курской и Воронежской губерній, а между тѣмъ среди нихъ могли бы оказаться и документы XVII вѣка. Замѣтимъ кстати, что въ Курскѣ, въ архивѣ Губернскаго Правленія мы видѣли книги XVII в. Богатый дѣлами XVII ст. архивъ Воронежскаго статистическаго комитета, благодаря мѣстнымъ изслѣдователямъ, значительно разработанъ, хотя, быть можетъ, и не всѣ его документы еще изданы въ свѣтъ. Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ имѣются столбцы XVII в., относящіеся къ Воронежской губ. (къ территоріи б. Острогожскаго Слободскаго казачьяго полка). Укажемъ также г. Миклашевскому на весьма цѣнный для него фамильный архивъ, принадлежащій гр. Михаилу Михайловичу Толстому въ гор. Одессѣ. Документы этого архива, относящіеся исключительно къ территоріи нынѣшней Курской и Харьковской губерній, описаны профессо-

1) Г. В. Владиславлевъ въ майской книжкѣ Журн. Министр. Народн. Просвѣщ. за 1894 годъ.

Digitized by Google

ромъ А. И. Маркевичемъ[1]); нѣкоторые изъ этихъ документовъ въ спискахъ, доставленныхъ проф. Маркевичемъ, были посланы мною для печати въ Курскій статистическій комитетъ, но до сихъ поръ еще не появились въ свѣтъ. Быть можетъ, и въ Петербургской Публичной Библіотекѣ, и въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ нашлись бы также матеріалы для г. Миклашевскаго, но тѣ, которые отмѣчаетъ въ своей рецензіи г. Владиславлевъ, не относятся къ территоріи, которая служитъ предметомъ спеціальнаго его изученія (орловскій, елецкій и пронскій уѣзды[2]); что же касается столбцовъ Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи, то они составляютъ, повидимому, часть такъ называемой Чугуевской[3]) переписки и касаются почти исключительно Слободской Украйны.

Таковы архивные матеріалы, которые остались недоступны г. Миклашевскому. Въ общемъ, однако, можно сказать, что онъ извлекъ все самое существенное и долженъ былъ потратить на это дѣло много труда. И собранный имъ матеріалъ имѣетъ серьезное научное значеніе. Весь онъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: статистическій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и историческій; преобладаетъ въ книгѣ первый (писцовыя, дозорныя и т. п. книги) и сомнѣнія могъ возбуждать только онъ, ибо грамоты, отписки воеводъ и аналогичные имъ историческіе источники, по своему документальному характеру, въ общемъ должны быть признаны вполнѣ достовѣрными. Иное дѣло писцовыя книги: тутъ и при вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу писцовъ XVII в., могли быть ошибочныя свѣдѣнія, цифры. Неудивительно поэтому, что г. Миклашевскій остановился на вопросѣ о достовѣрности писцовыхъ книгъ и, хотя вопросъ этотъ имѣетъ уже цѣлую литературу, хотя собственныя соображенія г. Миклашевскаго не отличаются особенною новизною, а подчасъ и прямо-таки оказываются несостоятельными[4]), тѣмъ не менѣе общій выводъ его, совершенно совпадающій съ заключеніемъ такого глубокаго знатока финансовой исторіи Московскаго государства, какъ проф. Лаппо-Данилевскій, едва ли можетъ быть оспариваемъ.

Переходимъ теперь къ пріемамъ изслѣдованія и плану изложенія. Дѣлая общее заключеніе о характерѣ работы г. Миклашевскаго, мы должны замѣтить, что она представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и

1) См. его брошюру «Описаніе актовъ, принадлежащихъ гр. Мих. Мих. Толстому», Одесса 1891, 53.

2) Журналъ Министерст. Народн. Просвѣщ., май, 1894 г. стр. 238.

3) Другая часть хранится въ Харьковскомъ Историческомъ архивѣ.

4) Г. Владиславлевъ доказываетъ, напримѣръ, несостоятельность доводовъ г. Миклашевскаго относительно сохи, обжи, пополняетъ его выводъ объ ошибкахъ въ геометрическихъ измѣреніяхъ.

Digitized by Google

историко-статистическимъ описаніемъ. Въ этомъ трудѣ слишкомъ видное мѣсто отведено описательному элементу, чтобы онъ могъ быть названъ изслѣдованіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Конечно, и описаніе было необходимо; мы ничего не возражаемъ противъ принятой авторомъ системы отдѣльнаго описанія каждаго уѣзда; но при этомъ необходимо было бы сдѣлать общіе заключительные выводы, подвести итоги всѣмъ отдѣльнымъ описаніямъ, выбрать изъ нихъ типическія черты; а этого именно и не дѣлаетъ г. Миклашевскій. Благодаря этому и читатель не получаетъ общей картины украинскаго хозяйственнаго быта XVII в. и не можетъ рѣшить вопроса, въ чемъ же заключаются его особенности сравнительно съ бытомъ другихъ областей Россіи. Мы не отрицаемъ въ сочиненіи г. Миклашевскаго и элемента изслѣдованія, но только намъ кажется, что онъ проявляется спорадически, въ отношеніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, но не проникаетъ всей книги. Мы не желаемъ этимъ сказать, что бы г. Миклашевскій представилъ собранный имъ матеріалъ въ совершенно сыромъ видѣ, in crudo; нѣтъ — совсѣмъ сырого матеріала у него немного; но намъ кажется, что обработка источниковъ у г. Миклашевскаго все-таки недостаточная, что онъ далъ намъ въ своей книгѣ только первоначальную сводку и группировку ихъ. Но само собою разумѣется, что и эта сводка потребовала отъ него много времени и труда и является въ высшей степени полезной и необходимой. Съ этимъ согласится всякій, кому приходилось разбираться въ архивныхъ документахъ историко-статистическаго характера. Сколько труда нужно было, напримѣръ, положить на то, чтобы превратить именныя вѣдомости писцовой книги, касающіяся какого-нибудь города или селенія, въ небольшую сводную табличку, — а такихъ табличекъ мы находимъ цѣлую массу въ книгѣ г. Миклашевскаго; можно сказать, что они составляютъ особенность этого сочиненія и придаютъ ему характеръ настоящей статистической работы. Они замѣняютъ обычные историческіе выводы и итоги и въ нѣкоторыхъ случахъ должны быть поставлены даже выше этихъ послѣднихъ. Вообще техническая разработка цифръ у г. Миклашевскаго стоитъ, по нашему мнѣнію, высоко — вездѣ, гдѣ нужно, онъ вычисляетъ проценты, самъ дѣлаетъ подсчеты итоговъ, сопоставляетъ цифры переписей въ сводныхъ таблицахъ и т. п. и даже въ приложеніяхъ даетъ статистическія данныя въ видѣ таблицъ. Наиболѣе слабымъ представляется намъ планъ сочиненія г. Миклашевскаго: онъ не отличается ни ясностью, ни выдержанностью, ни систематичностью. Мы видѣли, какую задачу поставилъ себѣ авторъ: онъ хотѣлъ изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ связи съ исторіей заселенія Курскаго и Воронежскаго края (стр. 1). Какъ же выполняется эта задача?

Digitized by Google

Книга состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Во введеніи авторъ касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ (задачъ, источниковъ) и здѣсь же даетъ характеристику состоянія Украины въ XVI ст. Въ I-й главѣ говорится вначалѣ о постройкѣ городовъ до смутной эпохи, а потомъ слѣдуетъ обширный экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники — рѣчь идетъ о сохѣ, четверти и писцовыхъ книгахъ. Вторая глава посвящена описанію 5-ти украинскихъ городовъ (Бѣлгорода, Воронежа, Оскола, Валуекъ и Путивля) въ I-й четверти XVII в., а въ концѣ ея говорится объ одной группѣ ихъ населенія — дворникахъ. Въ 3-й главѣ дается описаніе двухъ уѣздовъ — (бѣлгородскаго и оскольскаго) въ I-й четверти XVII в., 3-го (воронежскаго) во 2-й четверти того же вѣка, 4-го (путивльскаго) во 2-й и 3-й четверти того же вѣка; въ концѣ главы описываются нѣкоторые монастыри — Путивльскій Молченскій, Воронежскіе Акатовскій, Карачунскій и Борщевскій, и дается общее заключеніе о населеніи уѣздовъ. Въ 4-й главѣ говорится о заселеніи новыхъ городовъ во 2-й и 3-й четверти XVII вѣка, о черкасахъ, переселявшихся изъ Литвы и Польши въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, о сельскомъ хозяйствѣ у переселенцевъ въ XVII и нач. XVIII вѣка, о ихъ землевладѣніи, о числѣ крестьянъ и бобылей въ бѣлгородскомъ и оскольскомъ уѣздахъ въ 1-й и 2-й половинѣ вѣка. 5 глава посвящена спеціально хозяйственному быту населенія: тутъ говорится вкратцѣ объ отрицательныхъ условіяхъ его существованія и подробно о Государевой десятинной пашнѣ; послѣднія 2 страницы трактуютъ о чугуевскихъ виноградникахъ и бакчахъ. Уже изъ этого краткаго перечня можно убѣдиться въ невыдержанности и несистематичности плана. Органичивъ себя географическими и хронологическими рамками, г. Миклашевскій долженъ былъ уже держаться ихъ во всемъ изложеніи; но онъ этого не дѣлаетъ. Прежде всего читатель не знаетъ, почему онъ выбралъ тѣ пять городовъ, которые описываются во 2-й главѣ — Бѣлгородъ, Воронежъ, Валуйку, Осколъ и Путивль. Г. Миклашевскій хотѣлъ дать намъ исторію заселенія Курскаго и Воронежскаго края, но почему-то совершенно игнорируетъ г. Курскъ — центральный пунктъ области (а также Рыльскъ). Если же предположить, что онъ взялъ города такъ называемой «польской» (т. е. полевой) украйны, оставивъ въ сторонѣ «сѣверскую», то и тогда его списокъ будетъ заключать въ себѣ одинъ лишній городъ — Путивль, входившій въ составъ городовъ сѣверской украйны. Впрочемъ, для цѣлей автора подходили бы, по нашему мнѣнію, и города «польской» и города «сѣверской» украйны, и онъ могъ бы вовсе не стѣснять себя географическими рамками, если бы поставилъ своею цѣлью дать не фактическую исторію заселенія въ связи съ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, а общую картину хозяйствен-

Digitized by Google

наго быта въ связи съ заселеніемъ и землевладѣніемъ. Чтобы себѣ не говорить, а главная задача его должна была состоять именно въ изученіи особенностей хозяйственнаго быта — ихъ генезиса и развитія, а не въ фактической исторіи колонизаціи. А если такъ, то ему удобнѣе было черпать свой матеріалъ изъ болѣе широкаго круга источниковъ, иными словами, расширить районъ своего изслѣдованія включеніемъ въ него и остальныхъ городовъ «польской» (Ельца, Ливенъ, Лебедяни) и «Сѣверской» украйны (кромѣ Путивля, Рыльскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ). Само собою разумѣется, что при такомъ планѣ не нужно было бы заниматься систематическимъ изслѣдованіемъ заселенія всей этой территоріи, а только пользоваться фактами для возсозданія типическихъ особенностей колонизаціоннаго процесса. Автора стѣсняли его географическія рамки; это видно изъ того, что онъ выходитъ за предѣлы намѣченной имъ территоріи и говоритъ о такихъ городахъ, которые не входили въ нее (напримѣръ, о Курскѣ, Ельцѣ).

Далеко не выдерживаетъ г. Миклашевскій и хронологическихъ рамокъ. Здѣсь коренная его ошибка, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ мало остановился на одномъ изъ двухъ важнѣйшихъ моментовъ изслѣдуемой имъ эпохи — концѣ XVII в., когда населеніе достигло уже нѣкоторыхъ успѣховъ въ области сельскохозяйственной культуры. Теперь же его очеркъ колонизаціи оказывается неполнымъ, незаконченнымъ; въ немъ мы не находимъ даже систематическихъ данныхъ о новыхъ городахъ, сдѣлавшихся во 2-й половинѣ XVII в. центрами новыхъ уѣздовъ (корочанскаго, вольновскаго, болховскаго, яблоновскаго, острогожскаго, усердскаго, коротоякаго и т. п.). Допустивъ такую неполноту для XVII в., г. Миклашевскій однако одинъ разъ беретъ данныя, относящіяся уже къ XVIII ст., т. е. раздвигаетъ свои хронологическія рамки (стр. 185—188). Ту же невыдержанность хронологіи мы замѣчаемъ и во многихъ другихъ случаяхъ: излагая цѣлый рядъ фактовъ, относящихся къ 1-й четверти XVII вѣка, онъ касается и 2-й, разсказывая о 2-й, приводитъ данныя изъ 3-й и даже 4-й (стр. 114, 120, 127, 130 и др.). Несистематичность изложенія выражается въ томъ, что авторъ не выдѣлилъ всѣхъ вопросовъ общаго характера въ особое введеніе, а говоритъ о нихъ и во вступительной, и въ 1-й главѣ; во введеніи говорится и объ общихъ вопросахъ, и о состояніи Украйны въ XVI в.; въ 1-й главѣ сначала разсказывается о постройкѣ городовъ, а потомъ снова идетъ рѣчь о вопросахъ общаго характера; въ 4-ой главѣ повѣствуется и о постройкѣ городовъ, и о населеніи уѣздовъ, и о хозяйствѣ, и о землевладѣніи ихъ; о городахъ идетъ рѣчь и во 2-й и въ 4-й главѣ. Эта несистематичность изложенія нѣсколько замаскировывается отсутствіемъ оглавленія (обстоятельство, отмѣченное уже г.

Digitized by Google

Владиславлевымъ), но мы увѣрены, что если бы г. Миклашевскій постарался составить такія оглавленія, то самъ бы ясно увидѣлъ этотъ недостатокъ своего сочиненія. Невыдержанность плана доказывается тѣмъ, что пообѣщавъ во введеніи говорить о землевладѣніи, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи только слегка касается этого основного вопроса и откладываетъ его до 2-го тома своего труда.

Глава 2-я. Содержаніе и выводы.

Покончивъ съ методологическою стороною труда г. Миклашевскаго, обращаемся къ разсмотрѣнію его содержанія и выводовъ. Во вступленіи, кромѣ соображеній о своихъ цѣляхъ и задачахъ, г. Миклашевскій даетъ еще общую характеристику южной степной окраины и ея заселенія въ XVI—XVII ст. Отмѣтивъ запустѣніе Курскаго и Воронежскаго края послѣ татарскаго нашествія, авторъ ставитъ вопросъ о причинахъ быстраго заселенія его въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ времени. Причины эти коренились, по его мнѣнію, съ одной стороны въ ослабленіи военно-политическаго могущества татаръ и усиленіи объединеннаго Московскаго государства, а съ другой во внутреннихъ измѣненіяхъ соціальнаго положенія народа въ сѣверовосточной и югозападной Руси; въ первой произошло закрѣпощеніе крестьянъ, вызвавшее бѣгство ихъ изъ центральныхъ областей въ юговосточныя окраины, а во второй тѣ же причины со включеніемъ религіозныхъ привели къ движенію населенія въ Запорожье, Приднѣпровье и наконецъ въ московскія степныя окраины; на этихъ-то послѣднихъ и произошла встрѣча двухъ колонизаціонныхъ потоковъ — великорусскаго и малорусскаго. Въ общемъ причины колонизаціи указаны г. Миклашевскимъ вѣрно; но въ деталяхъ есть преувеличенія, съ которыми нельзя согласиться. Г. Миклашевскій говоритъ, что послѣ завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царства, съ Крымскимъ ханствомъ и Ногаями — «съ этими полукочевниками было уже сравнительно легко бороться Московскимъ Государямъ» (стр. 8). Но на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, борьба съ ними была очень трудна и въ общей массѣ потребовала большей затраты силъ и средствъ, чѣмъ покореніе Казани (не говоря уже объ Астрахани, которая была присоединена къ Россіи безъ особыхъ усилій). И самъ авторъ, повидимому, сознаетъ это, приводя на слѣдующей страницѣ выдержки изъ Устава о порядкахъ пограничной службы, ярко рисующаго опасности татарскихъ нашествій. «Упомянутый уставъ, говоритъ онъ, лучше всякихъ описаній рисуетъ намъ положеніе интересующаго насъ края во второй половинѣ XVI в.» Опасность отъ прихода «воинскихъ людей» была такъ велика, что сторожамъ окраины вмѣнялось въ непремѣнную обязанность «не

Digitized by Google

сѣдати съ конь», воспрещалось «сварити каша два раза на одномъ и томъ же мѣстѣ» и предписывалось «въ коемъ мѣстѣ кто полдновалъ, и въ томъ мѣстѣ не ночевати» (стр. 9). Мы отъ себя еще прибавимъ, что и въ XVII в. украинное населеніе испытывало постоянную грозу татарскихъ нашествій — и это однако не останавливало не только военноправительственной, а и вольнонародной колонизаціи; очевидно, импульсы, двигавшіе населеніе къ окраинамъ, были сильнѣе страха передъ татарами. Конечно, импульсы эти были весьма разнообразные, и къ тѣмъ, которые указаны г. Миклашевскимъ, мы бы хотѣли присоединить еще два — географическій и психологическій. Границы русской земли должны были постепенно раздвигаться; но въ западномъ и отчасти сѣверномъ направленіи это расширеніе должно было встрѣтить препятствія частью политическаго, частью географическаго характера: на западѣ были сильные сосѣди, которые не позволяли двигаться сюда переселенцамъ изъ Московскаго государства; на сѣверѣ этому мѣшала природа мѣстности и климатъ; оставалось, слѣдовательно, два направленія — восточное и южное, гдѣ были или пустыя земли, или рѣдкое, слабое населеніе финновъ и татаръ-кочевниковъ; въ обоихъ направленіяхъ и сталъ энергично двигаться русскій народъ, тѣмъ болѣе что земли эти (въ особенности южныя) представляли изъ себя богатый край, съ тучнымъ черноземомъ, буйными травами, лѣсными оазисами, огромнымъ количествомъ рыбы, птицы, звѣрей и т. п. При этомъ русское населеніе, раздвигая свои предѣлы къ юго-востоку, въ сущности только возвращалось къ старымъ русскимъ пепелищамъ. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить одну характерную особенность въ исторіи нашего юга, непосредственно примыкавшаго къ степямъ, искони служившимъ любимымъ убѣжищемъ для номадовъ. Въ то время какъ сѣверовосточная Русь дѣлала прочные и устойчивые шаги въ своемъ поступательномъ колонизаціонномъ движеніи въ область финновъ, Русь южная, имѣвшая дѣло съ воинственными тюрками-кочевниками, то сильно выдвигала свои поселенія въ степь, распространяя ихъ до самаго сѣвернаго побережья Чернаго и Азовскаго моря, то снова отступала передъ ними, какъ бы сжималась въ своей территоріи, но все-таки, конечно, помнила о старыхъ селищахъ и городищахъ. Монголо-татарское нашествіе представляло изъ себя одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, когда южная Русь должна была особенно замѣтно сократить свое стремленіе къ югу. Но прошло три столѣтія — и это естественное стремленіе стало опять продолжаться. Русское населеніе опять стало разъѣзжать по той степи, гдѣ еще не забыты были старыя русскія названія рѣкъ и рѣчекъ, и намѣчать на ней мѣста своихъ будущихъ осѣдлостей, нерѣдко на старыхъ русскихъ городищахъ и урочищахъ; такимъ образомъ, это не было занятіе совсѣмъ чужихъ мѣстностей, — это было какъ бы своего

Digitized by Google

рода возвращеніе домой; геройскіе походы Адашева, Ржевскаго и Вишневецкаго напоминаютъ намъ аналогичную, хотя и окончившуюся печально попытку героя «Слова о полку Игоревѣ» — «поискати града Тмутараканя». Другой импульсъ былъ психологическій — это живая потребность у простого русскаго человѣка къ передвиженіямъ, къ переселеніямъ, дававшимъ ему возможность видѣть новыя мѣста и людей, испытать новыя условія существованія. Конечно, никогда, можно сказать, этотъ мотивъ не встрѣчался въ чистомъ его видѣ, а всегда почти соединялся съ другими (напримѣръ, матеріальными соображеніями); но все-таки нельзя на этомъ основаніи отрицать его важнаго значенія въ исторіи русской колонизаціи. Степь, съ ея волей и просторомъ, въ этомъ отношеніи имѣла особую прелесть для всякаго и должна была сильно дѣйствовать на фантазію; даже опасности имѣли своего рода привлекательность, ибо давали возможность совершить подвигъ, къ которому у всякаго энергичнаго, смѣлаго человѣка существуетъ невольное стремленіе; а переселенцами-колонистами оказывались именно такіе болѣе смѣлые, энергичные представители русскаго племени. При этомъ необходимо прибавить, что и малорусское племя, въ своемъ прошломъ, проявило такую же (если не большую) подвижность, страсть къ передвиженіямъ, какъ и великорусское; по крайней мѣрѣ и то, и другое выдѣлило изъ своей среды одинаково подвижной казацкій элементъ (Днѣпровское и Донское казачество), не говоря уже о вѣчно переходившихъ съ мѣста на мѣсто посполитыхъ, «мандрованыхъ» дьякахъ и т. п. Г. Миклашевскій, слѣдуя мнѣнію покойнаго Бѣляева, проводитъ слишкомъ рѣзкую грань между сторожевой и станичной службой XIV — XVI и ст. Объединеніе Русскаго государства подъ властью Москвы, конечно, должно было оказать огромное вліяніе и на выработку общей организаціи борьбы съ татарами. Но намъ кажется, что эта организація развивались постепенно, какъ постепенно объединялась и Русь, и самый уставъ о пограничной службѣ князя Михаила Ивановича Воротынскаго только развилъ и оформилъ то, что существовало уже и въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ приведенныя у Бѣляева данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что сторожи и станицы для наблюденія за движеніемъ татаръ существовали уже и въ XIV—XV в. Мало того: съ большою долею вѣроятности можно предполагать, что онѣ были и въ домонгольскій періодъ нашей исторіи, ибо и тогда уже съ полною силою дѣйствовала та основная причина, которая вызывала ихъ необходимость въ болѣе позднее время; и тогда было необходимо наблюдать за степью, чтобы половцы не явились «изгономъ» на наши украйны и не забрали въ плѣнъ жителей; полную аналогію позднѣйшимъ московскимъ украйнамъ представляютъ такія украйны древнерусскаго міра, какъ Переяславская или Кіевское Поросье, заселенное обрусѣвшими инородцами, игравшими роль пере-

Digitized by Google

дового оплота противъ нападеній болѣе дикихъ ихъ сородичей; въ лѣтописи употребляются даже самые термины — сторожа и украйна. Слѣдовательно, мы полагаемъ, что монгольское нашествіе и не могло вырвать съ корнемъ воспоминанія о старыхъ обиталищахъ руссовъ въ степной полосѣ — традиція сохранялась. Въ сущности перемѣнилось только населеніе степей — половцевъ замѣнили татары; но характеръ ихъ и ихъ новыхъ обитателей не измѣнился; осѣдлое русское населеніе, жившее на пограничьѣ, должно было испытывать постоянныя опасности, въ ожиданіи появленія различныхъ шаекъ. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что и древняя домонгольская Русь имѣла свою систему защиты отъ кочевниковъ, въ общихъ чертахъ сходную съ той, какую мы видимъ здѣсь впослѣдствіи въ московскій періодъ. По крайней мѣрѣ и тамъ были боевыя границы, выступавшія въ степь и соотвѣтствовавшія полосѣ сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ послѣдующаго времени; и тамъ были чисто военные городки — острожки, заселенные ратными людьми и охотниками — звѣроловами; и тамъ были бродники, по характеру своему вполнѣ соотвѣтствовавшіе позднѣйшему казачеству и, быть можетъ, послужившіе даже его первоначальнымъ зародышемъ. Свое сужденіе о причинахъ, вызывавшихъ движеніе малорусскаго племени въ наши степи, г. Миклашевскій основываетъ на отзывахъ П. А. Кулиша и С. М. Соловьева, которые указываютъ на экономическіе и религіозные мотивы. Самъ г. Миклашевскій сознается, что въ немногихъ словахъ трудно охарактеризовать эти причины. И дѣйствительно его указанія отличаются слишкомъ общимъ, огульнымъ, такъ сказать, характеромъ, и въ нихъ не принята во вниманіе хронологія. То, что говоритъ г. Кулишъ, объясняетъ намъ движеніе населенія въ южныя украйны Рѣчи Посполитой — въ Приднѣпровье и Запорожье, но не въ предѣлы Московскаго государства. Переселеніе малороссіянъ изъ Рѣчи Посполитой въ предѣлы Московіи въ XVI ст. не было значительно: оно сдѣлалось интенсивнымъ только въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Что же касается движенія населенія къ южнымъ украйнамъ Польскаго государства, то здѣсь имѣла огромное значеніе одна причина, не указанная г. Миклашевскимъ — это переломъ въ сельскохозяйственной культурѣ, совершившійся тогда въ Польшѣ: прежде тамъ господствовало лѣсное хозяйство (пчеловодство, звѣроловство), доставлявшее весьма значительный доходъ крупнымъ владѣльцамъ; въ концѣ же XVI ст. пріобрѣло важное экономическое значеніе собственно степное земледѣльческое хозяйство и въ связи съ этимъ повысилось значеніе «украинскихъ пустынь» съ ихъ черноземомъ; это обстоятельство и привлекло въ нихъ шляхту, которая стала выпрашивать себѣ у королей грамоты на эти «пустыни», яко бы никѣмъ не заселенныя (на самомъ дѣлѣ онѣ въ значительной степени были уже колонизованы казаками,

Digitized by Google

мѣщанами и крестьянами); благодаря этому и здѣсь появились вмѣсто прежнихъ мелкихъ участковъ огромныя латифундіи, вмѣсто прежняго свободнаго труда — зависимыя отношенія. Подъ вліяніемъ этого жители украинъ и стали переселяться въ предѣлы Московскаго государства и селиться за чертою его владѣній — въ южной степной окраинѣ. Къ этому присоединились причины соціально-политическія и религіозныя, дѣйствовавшія главнымъ образомъ на казацкое сословіе и побуждавшія его, послѣ неудачныхъ возстаній, подавляемыхъ потоками крови, бросать навсегда родину и переселяться цѣлыми толпами въ чужое, но единовѣрное государство Московское.

Таково содержаніе введенія г. Миклашевскаго; отличаясь по необходимости общимъ характеромъ, оно естественно страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями и неточностями.

Первая глава сочиненія, по содержанію своему, носитъ также еще характеръ введенія. Здѣсь авторъ, сказавъ вкратцѣ о постройкѣ украинскихъ городовъ до смутнаго времени, трактуетъ главнымъ образомъ о писцовыхъ переписныхъ книгахъ, послужившихъ основнымъ матеріаломъ его изслѣдованія. «Основнымъ матеріаломъ нашего описанія городовъ и уѣздовъ окраины,» говоритъ онъ, «послужатъ составленные въ то время поземельные кадастры — писцовыя книги, и переписи тяглаго населенія, составленныя нѣсколько позднѣе, это такъ называемыя переписныя книги. Мы должны поэтому сдѣлать небольшое отступленіе и прежде всего познакомиться съ только что названными источниками и сдѣлать критическую оцѣнку матеріала, въ нихъ заключающагося. Ни терминологія, употреблявшаяся нашими предками, въ особенности въ писцовыхъ книгахъ, ни достовѣрность того статистико-экономическаго матеріала, съ какимъ приходится сталкиваться изслѣдователю XVII в., до сихъ поръ не могутъ претендовать на прочную ихъ установленность въ нашей ученой литературѣ, и потому мы, не боясь упрека въ томъ, что принуждены будемъ повторить здѣсь уже отчасти извѣстное, начнемъ нашъ анализъ съ уясненіи значенія смысла нѣкоторыхъ цыфръ и выраженій, съ которыми намъ придется имѣть дѣло при изученіи писцовыхъ книгъ. Мы разскажемъ далѣе вкратцѣ, какимъ образомъ собирались статистико-экономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ XVII в. и отмѣтимъ главнѣйшіе типы этого рода источниковъ, имѣя въ виду, конечно, только южную окраину Московскаго государства. Мы должны, значитъ, прежде всего сдѣлать экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники» (стр. 28). Такъ самъ г. Миклашевскій формулируетъ содержаніе и задачу первой главы своей книги. И она дѣйствительно представляетъ изъ себя критическій экскурсъ въ область древней метрологіи и финансовой техники. Рѣчь идетъ здѣсь прежде всего о сохѣ и четверти, при чемъ авторъ особенно подробно останавливается на происхожденіи и уясне-

Digitized by Google

нiи загадочной «живущей четверти» и «пашни паханой», о которой постоянно говорится въ писцовыхъ книгахъ; затѣмъ указываются причины, вызывавшія описи и переписи тяглаго населенія въ XVII в., и порядки ихъ составленія. «Послѣднее намъ нужно,» говоритъ авторъ, «потому, что изученіе порядковъ собиранія статистико-экономическихъ свѣдѣній, такъ сказать, методъ этого собиранія въ большей мѣрѣ поможетъ намъ выяснить качества того матеріала, съ которымъ намъ придется имѣть такъ много дѣла» (стр. 47). Исторія составленія писцовыхъ и переписныхъ книгъ изложена авторомъ довольно ясно и обстоятельно. Способъ собиранія свѣдѣній, усвоенный писцами, приводитъ г. Миклашевскаго къ убѣжденію, что «цыфры писцовыхъ книгъ не могутъ претендовать на точность». «Такое же заключеніе приходится вывести, изучая вопросъ и съ другой стороны; а именно съ точки зрѣнія землемѣрной техники XVII в. (стр. 62). Цифры писцовыхъ книгъ, выражающія величину поземельныхъ владѣній, число дворовъ и населенія уменьшены сравнительно съ дѣйствительными. Этотъ выводъ вполнѣ сходится съ заключеніями профессора Лаппо-Данилевскаго. Но, прибавляетъ г. Миклашевскій, для современнаго изслѣдователя недостатки ихъ нѣсколько сглаживаются, и они остаются все-таки главнымъ и наиболѣе цѣннымъ источникомъ свѣдѣній для всякаго, кто изучаетъ хозяйственный бытъ нашихъ областей XVII (стр. 63).

Во второй главѣ (64—101 стр.) г. Миклашевскій даетъ описаніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ всѣхъ городовъ Бѣлгородской и Воронежской украйны въ I-й половинѣ XVII в. — Бѣлгорода, Воронежа, Оскола, Валуекъ и Путивля. Города эти, впрочемъ, описываются авторомъ не всесторонне, а только примѣнительно къ цѣлямъ и задачамъ труда — съ точки зрѣнія колонизаціи и хозяйственной дѣятельности населенія; единственнымъ матеріаломъ для описанія служатъ писцовыя книги. «Связывая себя такимъ образомъ,» говоритъ авторъ, «мы очень хорошо знаемъ, что наше описаніе проиграетъ въ полнотѣ и будетъ недостаточно, чтобы характеризовать города въ качествѣ культурно-соціальныхъ единицъ, но оно будетъ, думается намъ, вполнѣ достаточно для нашихъ цѣлей» (стр. 65). Описаніе всѣхъ перечисленныхъ выше городовъ составлено почти по одному и тому же плану, и это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основу каждаго изъ нихъ положены однородные по содержанію и характеру источники — писцовыя, переписныя и дозорныя книги. Прежде всего дается понятіе о самомъ городѣ, какъ объ укрѣпленномъ и заселенномъ пунктѣ. Города южной украйны, какъ и всѣ вообще московскіе города, состояли изъ «города» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. центральнаго укрѣпленія, изъ «острога», т. е. пространства, расположеннаго вокругъ города и обнесеннаго тыномъ, и, наконецъ, «посада», находившагося

Digitized by Google

за острогомъ и состоявшаго изъ слободъ; острогъ также состоялъ изъ слободъ, но въ посадскихъ слободахъ жили рядомъ со служилыми людьми и неслужилые (ремесленники, торговцы и т. п.). Впрочемъ, посадъ не составлялъ непремѣнной принадлежности украинскихъ городовъ (въ этомъ главное отличіе ихъ отъ центральныхъ); посадъ былъ только въ Путивлѣ, Бѣлгородѣ и Валуйкѣ; въ Осколѣ и отчасти въ Воронежѣ посадъ сливался съ острогомъ; но настоящее посадское населеніе жило только въ Путивлѣ. Служилые люди раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ или группъ: стрѣльцы, казаки, станичные ѣздоки, пушкари, и т. д.; всѣ члены каждой группы жили вмѣстѣ и представляли изъ себя какъ бы маленькій мірокъ (имѣли даже свою церковь); главнымъ занятіемъ жителей было земледѣліе. Г. Миклашевскій подробно останавливается на землевладѣніи всѣхъ описываемыхъ имъ городовъ и сообщаетъ о немъ не мало любопытныхъ подробностей, по преимуществу статистико-хозяйственнаго характера. Оказывается, что каждая группа военно-служилыхъ людей получала общій земельный надѣлъ, при чемъ часть земель (меньшая) отводилась близъ города, а другая (болѣе значительная) вдали отъ него (такъ называемыя «отхожія» пашни, пахавшіяся «наѣздомъ»); такой двойной надѣлъ авторъ объясняетъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько односторонне желаніемъ правительства удержать въ городахъ служилыхъ людей, предоставивъ имъ для обработки прежде всего пригородныя земли. Но, съ умиротвореніемъ края, «отхожія» пашни, по вѣрному замѣчанію г. Миклашевскаго, должны были привести къ обратному результату: выселенію горожанъ на свои отдаленные участки, т. е. другими словами, къ образованію поселковъ и деревень. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Миклашевскій отмѣчаетъ еще одну характерную черту этого украиннаго землевладѣнія — частныя перемѣны въ земельныхъ окладахъ служилыхъ людей, производимыя самимъ правительствомъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ практическихъ соображеній. Обобщая собранные имъ факты о г. Валуйкѣ, г. Миклашевскій говоритъ: «самое населеніе принимало, повидимому, сравнительно небольшое участіе въ установленіи тѣхъ или иныхъ поземельныхъ порядковъ. Правительство, при посредствѣ своего чиновника — писца, имѣло всесильную власть надъ распорядками служилаго землевладѣнія, оставляя самому населенію распредѣленіе земли между отдѣльными лицами, и то лишь въ ограниченномъ размѣрѣ.... Затратившій на распашку земель свой трудъ служилый человѣкъ пользовался результатами его только до тѣхъ поръ, пока это допускало и терпѣло правительство. А послѣднее, если того требовала служба, не обращало вниманія на трудовой принципъ. Оно смѣшивало въ одну общую массу всѣ земли города, обработанныя и необработанныя, накладывало свою руку на огороды и дворы и предоставляло своему чиновнику распредѣлить ихъ соотвѣтственно

Digitized by Google

служебному значенію каждаго, «противу окладу», какъ тогда выражались» (стр. 93). Этотъ выводъ автора мы считаемъ весьма важнымъ и существеннымъ. Онъ констатируетъ такую же черту украинскаго великорусскаго землевладѣнія, какую мы отмѣтили въ своемъ трудѣ, посвященномъ заселенію Украйны (Очерки по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, т. I-й, Исторія колонизаціи) въ характерѣ ея колонизаціи — огромное руководящее вліяніе центральнаго правительства и его органовъ на внутреннюю жизнь и отношенія военнослужилаго сословія. Да иначе и быть не могло въ виду того, что главнымъ контингентомъ городского населенія являлись такъ называемые «сведенцы», т. е. лица, которыхъ переселяло сюда правительство. Относительно земельныхъ распорядковъ г. Миклашевскій сообщаетъ не много данныхъ: лѣса были въ общемъ владѣніи, — ими владѣли «вопче»; въ большинствѣ случаевъ, какъ уже сказано было выше, каждая группа населенія получала отдѣльно свой земельный надѣлъ; но иногда нѣсколько группъ соединялось для этой цѣли вмѣстѣ, напримѣръ, по мѣстнымъ топографическимъ условіямъ, хотя связь эта была чисто внѣшняя; общій итогъ земельныхъ надѣловъ для каждой группы постоянно указывается г. Миклашевскимъ, но онъ совсѣмъ почти не останавливается на вопросѣ, въ какой мѣрѣ эти надѣлы обезпечивали матеріальное благополучіе этихъ группъ и отдѣльныхъ лицъ, ихъ составлявшихъ. Выводы, которые касаются отдѣльныхъ городовъ, таковы. Бѣлгородъ представлялъ изъ себя въ I-й четверти XVII в. «крупное поселеніе, сильно укрѣпленное и населенное почти исключительно ратными людьми»; торговопромышленная дѣятельность въ немъ была развита очень слабо въ описываемое время (стр. 69). Въ противоположность ему Воронежъ уже въ 1615 г. является виднымъ торговымъ пунктомъ: большинство лавокъ въ немъ принадлежало не служилымъ, а торговымъ людямъ (стр. 79); Осколъ и Валуйка представляли изъ себя чисто военные пункты. Наконецъ, Путивль былъ замѣтнымъ торговопромышленнымъ центромъ и въ этомъ отношеніи не уступалъ Воронежу; его посадскіе люди вовсе не занимались земледѣліемъ, а только промыслами, ремеслами и торговлей. Такое значеніе Путивля объясняется тѣмъ, что это, во первыхъ, былъ старый городъ, а, во вторыхъ, имѣлъ обширныя связи съ литовскимъ порубежьемъ; это былъ 1-й этапный пунктъ для литовскихъ выходцевъ. Чрезвычайно любопытна одна подробность, касающаяся города Путивля: въ немъ была церковь, поставленная Молченскимъ монастыремъ (находившимся въ уѣздѣ) «для осаднаго времени» (стр. 94) — яркое свидѣтельство тревожнаго состоянія, въ какомъ находился тогда этотъ уѣздъ. Чтобы дать полное понятіе о содержаніи 2-й главы изслѣдованія г. Миклашевскаго, замѣтимъ еще, что въ началѣ ея онъ касается спорнаго вопроса о томъ, какіе поселенные

Digitized by Google

пункты возникали раньше — города или селенія. Извѣстно, что по этому вопросу произошло разногласіе между мною и профессоромъ В. О. Ключевскимъ[1]). Къ сожалѣнію, г. Миклашевскій затрогиваетъ этотъ важный вопросъ мимоходомъ и не представляетъ отъ себя для него ни новыхъ данныхъ, ни новыхъ соображеній. Онъ указываетъ только на существованіе въ степяхъ, лежавшихъ далеко за предѣлами городовъ, казаковъ-звѣролововъ-промышленниковъ (въ юртахъ) и воровскихъ черкасъ и дѣлаетъ изъ этого слѣдующій выводъ: «было бы, кажется, ошибочнымъ утверждать, что города служили, такъ сказать, непремѣнными этапами разселенія, что уѣздныя поселенія возникли или только путемъ выдѣленія части городского населенія или только послѣ появленія городовъ, служившихъ имъ защитою отъ нападенія татаръ и другихъ воинскихъ людей. Безъ сомнѣнія и то, и другое имѣло мѣсто на Украйнѣ, но врядъ ли эти явленія были необходимы и неизбѣжны» (стр. 64). Существованіе юртовъ и проживательство въ степяхъ воровскихъ черкасъ было отмѣчено мною раньше; но нужно доказать еще связь этого рѣдкаго степного населенія съ возникновеніемъ селъ и деревенъ Украйны, между тѣмъ такихъ доказательствъ г. Миклашевскій не приводитъ ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ своей книги, гдѣ касается этого вопроса, несмотря на то, что пользуется такимъ богатымъ матеріаломъ, какъ писцовыя, дозорныя, строельныя книги. Мало того — г. Миклашевскій игнорируетъ еще одинъ важный факторъ въ процессѣ возникновенія городовъ и селеній — сторожевые и станичные пункты, изъ которыхъ могли возникать (и дѣйствительно возникали иногда) постоянныя мѣста осѣдлостей. Вопросъ о промышленникахъ, владѣвшихъ юртами, играетъ очень важную роль въ дѣлѣ первоначальной, вольной народной колонизаціи окраины и мы на немъ остановимся еще впослѣдствіи; но повторяемъ: одинъ фактъ существованія юртовъ еще не даетъ права сдѣлать заключеніе, что уѣздныя поселенія возникали раньше появленія городовъ. Мы склонны думать, что, вообще говоря, военно-служилая колонизація предшествовала мирной крестьянской. Въ доказательство противоположнаго мнѣнія приводились выдержки изъ писцовыхъ книгъ (по Воронежскому краю); теперь эти писцовыя книги использованы г. Миклашевскимъ; но изъ нихъ оказывается только, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежскаго края было довольно значительное количество крестьянъ (сравнительно съ другими уѣздами); а когда появились эти крестьяне, неизвѣстно; вѣроятнѣе же всего, они были переведены сюда ихъ помѣщиками; такое мнѣніе высказываетъ и самъ г. Миклашевскій. Въ концѣ главы г. Миклашев-

1) См. мою статью «Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины Московскаго государства» (Журналъ Министерства Народ. Просв., августъ, 1888 г.).

Digitized by Google

скій приводитъ свои соображенія о «дворникахъ», состояніе которыхъ онъ опредѣляетъ такъ: «дворничество представляется намъ состояніемъ, близкимъ къ тому, въ которомъ находились всѣ вообще вольные гулящіе люди... Писцы изоброчили этихъ людей и тѣмъ самымъ смѣшали ихъ съ общей массой посадскаго населенія» (стр. 101). По нашему мнѣнію, дворники представляютъ большую аналогію съ малороссійскими подсусѣдками, и характерно то, что въ составѣ украинскихъ дворниковъ мы встрѣчаемъ значительное число разнаго рода «прихожихъ» людей, въ томъ числѣ и малороссіянъ изъ Литвы и Польши; дворники, подобно подсусѣдкамъ, жили въ чужихъ домахъ (значитъ въ «сосѣдяхъ», отсюда и терминъ «подсусѣдокъ») и не имѣли собственной земли, а только иногда, опять-таки подобно подсусѣдкамъ, нанимали ее; оба эти класса (дворничество и подсусѣдчество) вызваны были къ жизни одними и тѣми же соціально-экономическими условіями, которыя съ особенною силою проявлялись на Украйнѣ, какъ среди великорусскаго, такъ и среди малорусскаго населенія. Въ Малороссіи подсусѣдчество сохранилось до настоящаго времени, вѣроятно, потому, что правительственное вмѣшательство въ народную жизнь, особенно съ фискальными цѣлями, въ ней было менѣе значительно, чѣмъ въ Великой Россіи; своихъ же «дворниковъ» Московское правительство старалось уничтожить, т. е. посадить въ тягло, перевести въ разрядъ посадскихъ людей еще въ XVII в. Такова вторая глава изслѣдованія г. Миклашевскаго. Она очень богата фактическимъ содержаніемъ и даетъ не мало важныхъ свѣдѣній о пяти городахъ южной окраины въ I-й четверти XVII в. Въ основу ея положенъ матеріалъ писцовыхъ книгъ и содержаніемъ этого источника опредѣляется и ея характеръ. Всесторонняго описанія городовъ авторъ не даетъ, потому что оно и не входило въ его задачу. Третью главу своего изслѣдованія г. Миклашевскій посвящаетъ описанію тѣхъ уѣздовъ, центрами которыхъ были описанные имъ выше города. Онъ опредѣляетъ занятую ими территорію, размѣры поселеній и составъ уѣзднаго населенія. Въ началѣ онъ высказываетъ любопытное замѣчаніе, что на разселеніе жителей оказывали вліяніе два естественные фактора — рѣки и лѣсъ; населеніе двигалось сюда первоначально по рѣкамъ и искало при этомъ для поселенія лѣсистыхъ мѣстностей; «не лѣсъ, а степь, говоритъ онъ, останавливала его движеніе» (стр. 102); для того же, чтобы избавить себя отъ труда по расчисткѣ лѣса, населеніе устраивало подчасъ свои деревни въ лѣсныхъ полянахъ (стр. 103). Въ административномъ отношеніи уѣзды обыкновенно дѣлились на станы, а въ Путивльскомъ уѣздѣ удержалось дѣленіе на волости. Г. Миклашевскій даетъ намъ описаніе четырехъ уѣздовъ (пропуская почему то пятый) — Бѣлгородскаго, Оскольскаго, Воронежскаго и Путивльскаго, опять-таки по писцовымъ и другимъ аналогичнымъ книгамъ, въ I-й

Digitized by Google

четверти XVII вѣка, при чемъ перечисляются станы и входящія въ составъ ихъ села, деревни, починки, указывается число дворовъ и составъ населенія въ нихъ, отмѣчаются владѣнія монастырей и церквей, говорится немного и объ уѣздныхъ укрѣпленіяхъ; впрочемъ, не всѣ уѣзды описаны одинаково подробно — Воронежскій и Путивльскій короче другихъ. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ относительно уѣздовъ, таковы. На огромномъ пространствѣ, занятомъ Бѣлгородскимъ уѣздомъ, было въ 1620 г. только 32 поселенія съ 874-мя дворами; въ томъ числѣ было 250 дворовъ помѣщичьихъ, 250 крестьянскихъ и 347 бобыльскихъ. «Почти всю массу помѣщиковъ составляли дѣти боярскіе»; на одного помѣщика въ среднемъ приходилось по 2 человѣка взрослыхъ крестьянъ и бобылей; слѣдовательно, они должны быть названы мелкопомѣстными. «Многіе изъ нихъ не имѣли ни крестьянъ, ни бобылей и обработывали землю личнымъ трудомъ» (стр. 109). Населеніе Оскольскаго уѣзда также состояло изъ дѣтей боярскихъ, но у нихъ вовсе почти не было крестьянъ и бобылей и это дѣлало ихъ однодворцами; «подъ этимъ названіемъ они фигурируютъ въ дозорной книгѣ Оскольскаго уѣзда» (стр. 111); мелкія поселенія преобладали въ Оскольскомъ уѣздѣ. Г. Миклашевскій объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ Бѣлгородскій уѣздъ, какъ болѣе важный и центральный, приходили для поселенія болѣе богатые помѣщики (стр. 114). Воронежскій уѣздъ отличался обиліемъ крестьянъ и бобылей; здѣсь ихъ было больше, чѣмъ въ Бѣлгородскомъ; заселялся онъ быстро и хозяйственныя выгоды его были столь значительны, что здѣсь устраивали себѣ помѣстья даже подъячіе московскихъ приказовъ, проживавшіе, конечно, въ Москвѣ. Въ Путивльскомъ уѣздѣ были крестьяне съ бобылями, но въ небольшомъ количествѣ. Характерною особенностью этого уѣзда является обиліе бортныхъ ухожаевъ. Г. Миклашевскій даетъ довольно подробное описаніе ихъ и также сообщаетъ свѣдѣнія о пасѣкахъ, постепенно, по его словамъ, начавшихъ замѣнять собою и вытѣснять бортныя деревья; и тѣ, и другія играли важную роль въ дѣлѣ колонизаціи края. Для своего описанія г. Миклашевскій пользуется частію данными, бывшими уже въ научномъ обиходѣ, а частію и вовсе еще неизвѣстными (извлеченными имъ изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи). Нѣкоторые изъ нихъ очень интересны, напримѣръ, изображенія такъ называемыхъ знаменъ, т. е. натесовъ, сдѣланныхъ на бортныхъ деревьяхъ топоромъ; это напоминаетъ знаменія, которыя устраивала еще великая княгиня Ольга въ Новгородской области («и ловища ея суть по всей земли, и знаменія, и мѣста, и погосты» говорится въ Ип. Лѣт., стр. 38); глубокою древностью отзывается также особый видъ дани, называвшійся куницей, взимавшійся прежде натурою и напоминающій намъ древнерусскій сборъ бѣлокъ съ дыма («имаху

Digitized by Google

Козаре по бѣлѣ и вѣверицѣ тако отъ дыма» Ип. Лѣт. стр. 11); характерна также терминологія бортныхъ ухожаевъ; ими владѣли «по кабыцямъ», т. е. по очагамъ или по куренямъ; слово это малорусское — и оно свидѣтельствуетъ о томъ, что бортниками были во всякомъ случаѣ преимущественно малороссіяне; это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что пасѣки принадлежали также главнымъ образомъ «черкасамъ» (стр. 127—132). Пасѣки сыграли видную роль въ дѣлѣ земледѣльческой культуры: гдѣ была пасѣка, тамъ скоро появлялась пашня; служилые люди распахали не мало земель «изъ подъ пчельниковъ»; при описаніи пасѣки упоминаются, впрочемъ, не только пахатныя поля, но и другія угодья (напримѣръ, хмельники стр. 130). Все это напоминаетъ по характеру своему Донецкую волость, въ то время еще почти совсѣмъ не заселенную, но имѣвшую на своей территоріи нѣсколько юртовъ, т. е. земельныхъ угодій, гдѣ занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ и бортничествомъ. Точныя статистическія данныя объ этихъ юртахъ и соображенія о нихъ приведены уже въ моихъ «Очеркахъ», и г. Миклашевскій только повторяетъ ихъ[1]). Въ концѣ главы г. Миклашевскій сообщаетъ краткія статистическія свѣдѣнія о монастырскомъ хозяйствѣ и землевладѣніи первой половины XVII в. по писцовымъ книгамъ; рѣчь идетъ здѣсь о мон. Путивльскомъ Молченскомъ, Успенскомъ и Акатовскомъ (въ г. Воронежѣ), Карочунскомъ и Борщевскомъ (въ Воронежскомъ уѣздѣ) и наконецъ, Пристанскомъ (въ Валуйкѣ); самымъ богатымъ изъ нихъ оказывается первый. Цифра всего населенія края, по мнѣнію г. Миклашевскаго, не превосходила въ 1-й четверти XVII в. 45000 душъ обоего пола (стр. 140). Переходимъ теперь къ обозрѣнію содержанія и разбору 4-й главы изслѣдованія г. Миклашевскаго. Тутъ говорится о заселеніи городовъ во 2-й четверти XVII в. и о составѣ и землевладѣніи украинскихъ поселенцевъ. Въ первоначальный составъ городского населенія входили постоянные жители (жилецкіе люди) и временные обитатели; первымъ давались деньги на обзаведеніе, а также жалованье, но только до тѣхъ поръ, пока они не распахивали такого количества земель, какое имъ было нужно для ихъ обезпеченія; вторые получали ежегодное жалованье. Расходъ правительства на содержаніе тѣхъ и другихъ былъ очень великъ; на устройство 3-хъ городовъ съ окологородными укрѣпленіями въ 1637 г. потребовалось, напримѣръ, по разсчету дозорщи-

1) «Постараемся опредѣлить положеніе этихъ юртовъ на современной картѣ», говоритъ г. Миклашевскій (стр. 106); но это опредѣленіе было уже сдѣлано мною раньше, и почтенный авторъ не прибавляетъ отъ себя ничего новаго. Отмѣтимъ кстати нѣкоторыя неточности въ его названіяхъ: есть рѣка Харькова, а не Харьковская, но впадаетъ она не въ р. Удъ, а въ р. Уды; «по теченію р. Бабки», говоритъ г. Миклашевскій, «находились юрты Бабкинскій и Псецкій» (стр. 106); что такое этотъ Псецкій юртъ, мы не знаемъ; очевидно, тутъ какая-то опечатка.

Digitized by Google

ковъ, 111574 руб. 15 алт. и 24000 четвертей всякаго хлѣба. Пользуясь «строельными» книгами (частью изданными мною во 2-мъ томѣ «Матеріаловъ», а частью и неизданными) г. Миклашевскій сообщаетъ любопытныя данныя о первоначальномъ населеніи гг. Усерда, Хотмыжска и Карпова — о его составѣ и землевладѣніи. Между прочимъ въ Хотмыжскѣ, Карповѣ, Болховѣ и др. городахъ теперь оказались слободы дѣтей боярскихъ, т. е. той группы населенія, которая раньше не встрѣчалась въ городахъ степной окраины, а проживала только въ селахъ; крестьянъ и бобылей, впрочемъ, у нихъ не было. Чрезвычайно интересны свѣдѣнія нашего автора о такъ называемыхъ «сведенцахъ», т. е. лицахъ, переселяемыхъ самимъ правительствомъ въ новые города (стр. 152—159). Переселеніе это имѣло принудительный характеръ. Но и послѣ такого переселенія правительство оказывало сильное вліяніе на ихъ бытъ; такъ, оно не останавливалось передъ самыми суровыми мѣрами, чтобы заставить поселенцевъ распахивать свои земли.

Г. Миклашевскій сообщаетъ намъ чрезвычайно важныя экономическія данныя о «сведенцахъ» переселенныхъ въ гг. Карповъ и Новый Осколъ, — о ихъ семейномъ и сословномъ составѣ, о количествѣ приведеннаго ими съ собою скота и отчасти о размѣрѣ ихъ земельныхъ надѣловъ (стр. 159—166); дополненіемъ этихъ свѣдѣній являются данныя (къ сожалѣнію, очень краткія) о переселеніи отдѣльныхъ лицъ: г. Миклашевскій приводитъ всего одинъ примѣръ ссылки на украйну уголовнаго преступника, между тѣмъ какъ подобные случаи представляютъ большой интересъ и желательно было бы имѣть о нихъ побольше фактовъ. Особое мѣсто занимали черкасы, добровольно переселявшіеся въ Московскія украйны. Къ тѣмъ фактамъ, которые собраны были мною, г. Миклашевскій присоединяетъ еще нѣсколько новыхъ. Наиболѣе любопытны его свѣдѣнія объ имущественномъ достаткѣ Коротоякскихъ, Урывскихъ, Острогожскихъ черкасъ и, наконецъ, той партіи ихъ, мѣсто поселенія которой было неизвѣстно (стр. 171—177). Приведя эти статистическія данныя, г. Миклашевскій производитъ любопытное сопоставленіе цифръ, касающихся великорусскихъ и малорусскихъ переселенцевъ въ отношеніи семейнаго состава и количества скота. Изъ него оказывается, что «великорусская семья была среднимъ числомъ въ полтора раза болѣе малорусской» (стр. 178). Этотъ выводъ пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду того, что вопросъ о составѣ древней малорусской семьи является далеко не выясненнымъ; теперь же изъ данныхъ г. Миклашевскаго оказывается, что малороссы переселялись въ Украйну изъ Польши малыми семьями, состоявшими въ среднемъ всего изъ 4—5 человѣкъ обоего пола; скота малорусскіе поселенцы приводили съ собою меньше, чѣмъ великорусскіе; да это и понятно, если обратить вниманіе на

Digitized by Google

то, что имъ нужно было проходить большія пространства раньше, чѣмъ достичь отведенныхъ пунктовъ.

Но вообще распредѣленіе скота и земли, какъ у великорусскихъ, такъ и у малорусскихъ переселенцевъ было довольно равномѣрное: преобладало мелкое хозяйство и землевладѣніе. Изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства въ государевой посопной волости привело г. Миклашевскаго къ убѣжденію, что благосостояніе ихъ было очень велико, гораздо выше благосостоянія крестьянъ любой полосы современной Россіи (стр. 185). Но этотъ выводъ, на нашъ взглядъ, недостаточно обоснованъ авторомъ и держится не столько на прямыхъ, сколько на косвенныхъ данныхъ и соображеніяхъ; во всякомъ случаѣ онъ какъ-то не мирится съ незначительнымъ размѣромъ у нихъ озимыхъ посѣвовъ и недостаточнымъ количествомъ лошадей (стр. 185). Хозяйство въ южной украйнѣ велось обыкновенно экстенсивнымъ образомъ: служилые люди распахивали только часть тѣхъ земель, которыя были въ ихъ распоряженіи; чрезполосица составляетъ также ихъ характерную особенность, являясь результатомъ отвода земель однимъ и тѣмъ же лицамъ въ разныхъ мѣстахъ. Землевладѣніе находилось въ тѣснѣйшей связи со службою и рѣшительное вліяніе на него оказывало правительство: сегодняшній пушкарь могъ сдѣлаться завтра казакомъ и получалъ надѣлъ, соотвѣтствующій его новому служебному положенію; различныя группы владѣли землею сообща («вопче»), «но доля каждаго изъ нихъ опредѣлялась не по принципу равноправности, ни на основаніи трудового принципа, а по тому значенію, какое имъ придавалось въ государственной жизни» (стр. 189). Въ первоначальномъ своемъ видѣ землевладѣніе на южной окраинѣ Московскаго государства находилось въ полной зависимости отъ системы поселенія и способа отвода земли, практиковавшагося въ то время въ интересахъ службы. Сами служилые люди называютъ себя по отношенію къ землевладѣнію «сябрами» или «себрами», т. е. товарищами (стр. 192).... «Такимъ образомъ, на южной окраинѣ складывались порядки землевладѣнія очень похожіе, если не совершенно тождественные съ тѣми, которые описаны профессоромъ Лучицкимъ для старой Малороссіи» (стр. 195). Далѣе г. Миклашевскій заявляетъ, что болѣе подробное изученіе порядковъ землевладѣнія не входитъ въ его нынѣшнюю задачу, и потому онъ ограничивается приведенными данными и соображеніями. Нельзя не пожалѣть объ этой краткости; благодаря ей у читателя не складывается опредѣленнаго представленія о системѣ землевладѣнія на Украйнѣ: указаніе же на сходство или даже тождество его съ сябринными формами старой Малороссіи приходится просто принимать на вѣру. При томъ и это сябринное землевладѣніе еще не изучено должнымъ образомъ, хотя оно, по-

Digitized by Google

видимому, существовало на Руси уже въ глубокой древности [1]). Во всякомъ случаѣ, кромѣ подробнаго изученія особенностей этого землевладѣнія, необходимо еще изучить степень его распространенности на Украйнѣ; необходимо также выяснить, въ какой мѣрѣ оно захватывало различные виды земель и промысловъ — пахатныя поля, лѣса, сѣнокосы, мельницы и т. п.

Почти ничего новаго не сообщаетъ г. Миклашевскій о малорусскомъ землевладѣніи Украины и не рѣшаетъ даже вопроса о томъ, существовала ли какая-нибудь разница между имъ и четвертнымъ землевладѣніемъ великорусскихъ служилыхъ людей. Между тѣмъ было бы чрезвычайно важно опредѣлить, имѣло ли мѣсто здѣсь то заимочное землевладѣніе, которое характеризуетъ земельные распорядки черкасъ Слободской украйны; въ особенности интересно было бы разрѣшить этотъ вопросъ относительно Острогожскаго слободскаго полка, возникшаго, какъ извѣстно, на территоріи Воронежскаго края бокъ о бокъ съ великорусскими ея уѣздами. Едва ли можно согласиться также съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое придаетъ г. Миклашевскій положенію черкасъ, жившихъ за путивльскими помѣщиками. Онъ видитъ въ нихъ готовыхъ кандидатовъ въ крѣпостные; но между ихъ положеніемъ и положеніемъ крѣпостныхъ была цѣлая пропасть, ибо черкасы пользовались правомъ вольнаго перехода; «закликанье же на слободы» въ XVII в. не могло еще быть особенно опаснымъ, потому что само правительство, въ интересахъ обороны края, было противъ закрѣпощенія вольныхъ малороссіянъ.

Относительно великорусскихъ крестьянъ и бобылей г. Миклашевскій приводитъ интересный статистическій выводъ, что число ихъ въ Бѣлгородскомъ, Оскольскомъ и Воронежскомъ уѣздахъ постепенно уменьшалось, а бывшіе владѣльцы-помѣщики превращались въ однодворцевъ.

Въ 5-й и послѣдней главѣ г. Миклашевскій сообщаетъ дополнительныя свѣдѣнія о хозяйствѣ южной окраины. Напомнивъ, что хозяйство это, вообще говоря, было преимущественно мелкое и экстенсивное и что крупными владѣльцами являлись здѣсь только монастыри, правительство и отчасти помѣщики-малороссы, авторъ указываетъ на тѣ причины, которыя мѣшали благосостоянію населенія: это были, кромѣ татарскихъ нашествій, неурожаи и болѣзни; къ сожалѣнію, онъ не останавливается

1) Первое упоминаніе о сябрахъ встрѣчается въ недавно изданномъ литературномъ памятникѣ XII в. — «Посланіи митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ» (Пам. древней письменности); тутъ говорится о тѣхъ, кои «прилагаютъ домъ къ дому и села къ селомъ, изгои же и сябры и борти, и пожни, ляда же и старины»; любопытно также здѣсь выраженіе ляда; это особый видъ хозяйства на лядинныхъ земляхъ, широко практиковавшійся въ древней Сѣверщинѣ, т. е. въ той области, въ которой было особенно много сябровъ.

Digitized by Google

на нихъ съ должнымъ вниманіемъ, хотя, по нашему мнѣнію, необходимо было разобрать вліяніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Весьма подробно зато г. Миклашевскій говоритъ о хозяйствѣ на государевыхъ земляхъ — о такъ называемой *«десятинной пашнѣ»*. Десятинною она называлась потому, что не была положена въ четверти, какъ не подлежавшая обложенію. Вызывалась она необходимостью имѣть большіе хлѣбные запасы для выдачи корма служилымъ людямъ на окраинѣ. Обрабатывали ее частью временно служилые, частію жилецкіе, а частью и наемные люди; для этого былъ необходимъ живой и мертвый инвентарь (скотъ, орудія). Но любопытнѣе всего то, что урожаи на этой «десятинной пашнѣ» были очень скудные, гораздо скуднѣе нынѣшнихъ; въ Ельцѣ, напримѣръ, рожь родилась въ среднемъ самъ 2,2, а овесъ самъ 1,5 (стр. 231). Г. Миклашевскій объясняетъ это странное явленіе крайне несовершенными пріемами обработки (между прочимъ отсутствіемъ удобренія), находившимися въ зависимости отъ обязательнаго характера этой повинности. «При непримѣненіи удобренія и трехъпольномъ сѣвооборотѣ, въ какомъ несомнѣнно находилась десятинная пашня на Ельцѣ», говоритъ г. Миклашевскій», низкіе урожаи не представляютъ изъ себя чего-либо непонятнаго» (стр. 233). Мы совершенно не компетентны въ вопросахъ, касающихся земледѣльческой культуры, и должны здѣсь полагаться in verba magistri; но для насъ все-таки не вполнѣ убѣдительна аналогія прежняго времени съ нынѣшнимъ; теперь сѣрыя земли могутъ давать большіе урожаи, чѣмъ черноземныя, благодаря отсутствію на этихъ послѣднихъ удобренія. Но могло ли имѣть такое важное значеніе удобреніе въ XVII в. на и безъ того тучномъ украинскомъ черноземѣ, о которомъ самъ же г. Миклашевскій приводитъ слѣдующее характерное извѣстіе: Карповскій воевода въ 1647 г. «разодралъ» 50 десятинъ ковылья (цѣлины) драгунскими лошадьми, но при этомъ многія лошади пали (стр. 220).

Послѣднія 2 страницы 5-й главы заняты извѣстіями о чугуевскихъ виноградникахъ и арбузныхъ огородахъ (235—236), о которыхъ, впрочемъ, сообщались уже тѣ же свѣдѣнія въ моихъ «Очеркахъ».

Глава 3-я. Пробѣлы въ трудѣ г. Миклашевскаго.

Уже изъ представленнаго нами краткаго обозрѣнія содержанія разбираемой книги можно убѣдиться, что авторъ и не стремился къ тому, чтобы дать систематическое изслѣдованіе колонизаціи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта въ избранной имъ мѣстности: онъ рѣшилъ сообщить только новые собранные имъ матеріалы по этимъ вопросамъ; при этомъ онъ от-

Digitized by Google

казался даже отъ одной изъ поставленныхъ первоначально себѣ задачъ (подробнаго изученія формъ землевладѣнія); что касается исторіи колонизаціи и хозяйственнаго быта, то и здѣсь у него, въ силу указаннаго выше свойства, не мало существенныхъ пробѣловъ. Эти пробѣлы являются прямымъ послѣдствіемъ недостаточнаго эксплуатированья источниковъ и пособій. Для насъ совершенно ясно, что если бы г. Миклашевскій постарался исчерпать всѣ печатные источники и пособія и нѣсколько расширилъ кругъ своихъ розысканій въ архивѣ Мин. Юстиціи, то онъ могъ бы дать весьма полную и всестороннюю картину хозяйственнаго быта южной окраины, взамѣнъ своихъ нынѣшнихъ отрывочныхъ, хотя и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ читатель все-таки не можетъ составить себѣ полнаго отчетливаго представленія объ экономической жизни и культурѣ этого уголка Россіи въ XVII в. Здѣсь невольно хочется сопоставить трудъ г. Миклашевскаго съ аналогичнымъ трудомъ б. секретаря воронежскаго статистическаго Комитета Л. Б. Вейнберга, заявившаго себя цѣлымъ рядомъ изданій и работъ по исторіи Воронежскаго края. Книжка его носитъ слѣдующее заглавіе: «Очеркъ сельскохозяйственной промышленности Воронежской губерніи. Выпускъ первый (XVI — XVIII в.)». Въ ней мы находимъ именно опытъ систематическаго изложенія сельскохозяйственной промышленности, основанный на всей совокупности доступныхъ автору матеріаловъ (печатныхъ и мѣстныхъ архивныхъ). Задавшись цѣлью систематическаго изученія этихъ послѣднихъ, Л. Б. Вейнбергъ, естественно, достигъ тутъ значительной полноты; онъ коснулся разныхъ сторонъ хозяйственнаго быта Воронежскаго края, давъ собственно о хозяйственной культурѣ болѣе обильныя свѣдѣнія, чѣмъ г. Миклашевскій. Говоря это, мы не сравниваемъ обоихъ сочиненій по существу (для этого намъ нужно было бы остановиться столь же внимательно на книгѣ г. Вейнберга, какъ это мы сдѣлали съ сочиненемъ г. Миклашевскаго); —мы только отмѣчаемъ разницу ихъ методовъ и результаты этой послѣдней. Не принимая на себя труда систематическаго пополненія всѣхъ пробѣловъ въ книгѣ г. Миклашевскаго, мы постараемся это сдѣлать относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ: —остановимся попробно, съ одной стороны, на промысловой колонизаціи, а съ другой, отмѣтимъ нѣкоторыя болѣе важныя черты сельскохозяйственной культуры великорусскихъ и малорусскихъ переселенцевъ края.

Высказавъ совершенно вѣрное положеніе, что хозяйственный бытъ населенія опредѣлялся уже въ первоначальный моментъ заселенія края, г. Миклашевскій почти вовсе не останавливается на одномъ видѣ колонизаціи, который имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и самъ по себѣ и вмѣстѣ съ

Digitized by Google

тѣмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ сельскохозяйственною промышленностію. Я имѣю въ виду такъ называемые юрты или ухожаи, служившіе первичною формою колонизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственной промышленности. Объ этихъ юртахъ и ухожаяхъ г. Миклашевскій говоритъ при описаніи Донецкой волости (106—107 стр.) и Воронежскаго уѣзда (115 стр.), но очень кратко и бѣгло, не прибавляя, какъ мы видѣли уже, отъ себя ничего къ тому, что сказано было въ нашихъ «Очеркахъ». Опредѣленіе юртамъ здѣсь дается такое: «слово «юртъ» обозначаетъ, кажется, болѣе или менѣе обширную территорію, съ очень неопредѣленными границами, но составляющую все-таки одно хозяйственное цѣлое. Кажется, «въ юртахъ» земледѣліемъ не занимались. Это были области, назначенныя исключительно для бортничества, звѣроловства и рыболовства» (стр. 106). Такимъ характеромъ отличалась какъ Донецкая волость съ ея юртами, такъ и южная часть Воронежскаго края съ его ухожаями; первые правительство жаловало разнымъ лицамъ взамѣнъ четвертной пашни, а вторые сдавало на оброкъ съ «наддачи».

Юрты и ухожаи занимали огромныя пространства еще не заселенной территоріи, куда владѣльцы ихъ, жители окраинъ, ѣздили на промыслы и оставались тамъ извѣстную часть года (вѣроятнѣе всего весною и лѣтомъ). Отсюда возникло, нужно думать, и самое названіе ихъ — ухожаи или входы, т. е. мѣста, куда ходили на промыслы. Вотъ древнѣйшее свидѣтельство о воронежскихъ ухожаяхъ. «Въ Резанскихъ въ писцовыхъ книгахъ Михаила Пушкина съ товарищи 93 году (1583 г.) написано: Резанскаго уѣзду села Ворыщъ за бортники — Демки Айдарова сына Панина да Игнатки Инютина сына Кочапина да Ивашки Олексѣева сына Ларивонова, за ними на оброкъ бортныхъ ухожеевъ да рыбныхъ: Ивашко Алексѣевъ сынъ Милкинъ, Ѳедоска Ѳѳонасьевъ сынъ Корыгинъ ходятъ лѣсъ бортной на Воронежѣ, Радчинской ухожей да Сѣкинской, два знамени — знамя крестъ косой наверху два рубежа да знамя крестъ косой же въ споди рубежъ, на верху рубежъ же; оброку съ тѣхъ знаменъ пять пудовъ меду. Демка да Гришка Ѳѳонасьевы дѣти Айдарова, Ивашко Григорьевъ сынъ Степанова ходятъ лѣсъ бортной на рѣкѣ на Устьмани, знамя соха внизъ на правой сторонѣ два рубежа; оброку два пуда меду... Демка Айдаровъ ловитъ тоню въ рѣкѣ въ Усманижъ да въ Хавѣ, оброку рубль. Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ ловятъ тоню Домажировъ да рѣчку протокъ верхней узголовьи да по нижней отъ Чертовицкой поляны на низъ по Воронежю по Черкасской бродъ; оброку двѣ гривны». Итакъ мѣстность Воронежа первоначально до основанія города, входила въ составъ Рязанскаго уѣзда и представляла изъ себя въ концѣ XVI в. (по отношенію къ нему) такіе же ухожаи промышленниковъ, какъ и Донецкая волость

Digitized by Google

по отношенію къ Бѣлгородскому уѣзду въ 1-й четверти XVII-го вѣка. Такимъ образомъ, ухожаи являлись какъ бы аванпостами русской колонизаціи въ степяхъ. Сюда приходили смѣлые предпріимчивые добычники съ тѣмъ, чтобы брать въ бортяхъ воскъ и медъ, ловить въ тоняхъ рыбу и бить въ лѣсахъ дикаго пушного звѣря. Характерною особенностью ухожаевъ нужно признать значительность занятаго ими пространства и необычайную рѣдкость населенія. Юрты и ухожаи занимали иногда цѣлые десятки верстъ. Огромная Донецкая волость, захватывавшая значительную часть нынѣшней Харьковской губерніи, заключала въ себѣ всего какой-нибудь десятокъ юртовъ.

Чтобы судить о размѣрахъ ихъ, достаточно вспомнить, что причту Троицкаго Бѣлгородскаго собора была отдана рѣка Нежеголь съ ея притоками Коренемъ и Корочою, оба берега Донца отъ впаденія въ него Нежеголи до впаденія Вольчихъ Водъ, лѣсъ по Нежеголи и другія болѣе мелкія угодья. О незначительномъ количествѣ населенія въ юртахъ и ухожаяхъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что 7 юртовъ Донецкой волости принадлежали 5-ти промышленникамъ. Конечно, нужно предполагать, что эти промышленники имѣли у себя сыновей, родственниковъ, племянниковъ, бобылей, иначе они и не могли бы справляться съ обширнымъ юртовымъ хозяйствомъ; но и при такихъ условіяхъ все-таки Донецкую волость нельзя назвать заселеннымъ краемъ. «Входники» — промышленники, выбирая богатыя пчелою, рыбою и звѣремъ угодія, намѣчали только мѣста будущихъ осѣдлостей и въ этомъ отношеніи напоминаютъ намъ станичниковъ и въ особенности сторожей. Сторожа подобно входникамъ являлись первыми піонерами русской колонизаціи. Такъ одновременно зарождались въ степяхъ очаги будущаго военнаго и промышленнаго быта. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти промышленники были въ одно и то же время и воинами, потому что хозяйство въ этихъ отдаленныхъ степяхъ, за чертою русскихъ поселеній, среди татарскихъ шляховъ и перелазовъ, должно было идти рука объ руку съ обороною края. Въ Донецкой волости юрты были розданы прямо служилымъ людямъ вмѣсто четвертной пашни; въ Воронежскомъ краѣ болѣе отдаленные ухожаи были на оброкѣ, ближайшіе же раздавались вмѣсто государева жалованья: «принесъ трубникъ Захаръ Звягинъ, читаемъ мы въ одномъ документѣ 1594 г., всего 16 пудъ съ полупудомъ (меду); а денегъ два рубля 30 алтынъ; сказалъ Воронежскій казакъ Рудачко; дано имъ за половину жалованья ухожаевъ по Воронежу вверхъ верстъ съ 30 по рѣчку Излегощъ, а тѣ ухожаи въ томъ мѣстѣ есть рѣчка Усмань отъ Воронежа верстъ съ десять, а по Дону вверхъ до Кривого Бору, а внизъ до Коросани». Оброчниками, какъ увидимъ далѣе, были по большей части служилые люди, но и вольные владѣль-

Digitized by Google

цы ухожаевъ (напримѣръ, черкасы [1]), не прибранные на государеву городовую службу, также были прекрасными воинами. Такимъ образомъ, существованіе юртовъ и «ухожаевъ», а равно и сторожей не колеблетъ стараго вывода, сдѣланнаго въ нашихъ «Очеркахъ», что города въ южной степной Украйнѣ являлись раньше селъ. Отождествлять сторожи и ухожаи съ селеніями невозможно; говорить, что крестьянская колонизація на Украйнѣ предшествовала служилой, нѣтъ никакихъ основаній — это значитъ идти противъ документальныхъ данныхъ; главными, чтобы не сказать исключительными, дѣятелями въ заселеніи и экспалутированіи ухожаевъ оказываются также служилые люди; они вовсе не чуждались прибыльныхъ промысловъ и охотно занимались ими какъ въ городахъ, такъ и за предѣлами ихъ — въ юртахъ или ухожаяхъ. Да и кому естественнѣе всего было заниматься здѣсь звѣроловствомъ или рыболовствомъ, какъ не отважнымъ воинамъ — всѣмъ этимъ бѣломѣстнымъ атаманамъ и черкасамъ, изучившимъ степь во время своихъ сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ и умѣвшихъ справляться съ грозными обитателями — татарами? Но продолжительное существованіе ухожаевъ укрѣпляло, такъ сказать, за Русью эти незаселенныя мѣстности и подготовляло здѣсь устройство правильныхъ поселенныхъ пунктовъ, т. е. городовъ, а вслѣдъ за тѣмъ или одновременно подъ прикрытіемъ ихъ, и селеній. Постройка города, естественно, производила рѣшительный переворотъ въ жизни такихъ уголковъ и ихъ населенія. Только тогда оживалъ край, только тогда являлись жители, которые устраивали здѣсь для себя прочную осѣдлость; только тогда онъ дѣлался на столько безопаснымъ, что подъ прикрытіемъ устроенныхъ въ немъ укрѣпленій, могли появляться здѣсь села и деревни, могло возникнуть правильное земледѣліе. Само собою разумѣется, что при этомъ прежніе владѣльцы юртовъ и ухожаевъ не могли уже удержать за собою своихъ огромныхъ территорій и должны были такъ или иначе уступать ихъ новому, несравненно болѣе густому населенію: для охоты за звѣремъ или для рыбныхъ ловель нужны были огромныя пространства лѣсовъ и рѣкъ; теперь эти лѣса и рѣки являются уже общественною собственностью всѣхъ жителей новаго города и образовавшихся въ его уѣздѣ селеній; необычайно экстенсивное хозяйство звѣролововъ и рыболововъ уступаетъ свое мѣсто относительное менѣе экстенсивному земледѣльческому переложному хозяйству. Вотъ документъ, свидѣтельствующій о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія имѣло построеніе г. Воронежа. «Въ 93 году (1585) били челомъ государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи Резанскаго уѣзду, села

[1]) О нихъ извѣстно, что они сытили медъ и продавали въ «медвяныхъ» корчмахъ, добывая его между прочимъ грабежомъ (это выражалось терминомъ «добуватьця»).

Digitized by Google

Ворыщъ, бортники Демка Айдаровъ сынъ Панинъ да Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ да Ивашко Олексѣевъ сынъ Ларивоновъ, а сказали: «были де за ними на оброкѣ въ Резанскомъ уѣздѣ бортные ухожьи и рыбные ловли и тѣ де ихъ бортные ухожеи и рыбныя ловли отписаны къ новому городу, къ Воронежу, и тѣми ихъ угодьи Воронежскіе жильцы владѣти имъ нынѣ не дадутъ и впредь де имъ оброку добывати негдѣ, а нынѣ на нихъ того оброку правятъ». Точно такія же явленія, какъ увидимъ далѣе, имѣли мѣсто и при началѣ настоящей колонизаціи Битюцкаго и другихъ сосѣднихъ ухожаевъ, лежавшихъ въ южной части Воронежской губерніи. Съ построеніемъ г. Воронежа (въ 1586 г.) и заселеніемъ сѣверной части Воронежской губ., ухожаи отодвинулись въ южную часть губерніи, гдѣ въ началѣ XVII в. мы видимъ цѣлый рядъ ихъ — Битюгскій (по р. Битюку), Икорецкій по р. Икорцу (въ нын. Бобровскомъ уѣздѣ), Осередскій (по р. Осередѣ въ нын. Павловскомъ уѣздѣ), Бѣлозатонскій, Богатозатонскій (въ Коротоякскомъ уѣздѣ) и др.

Любопытно прослѣдить судьбу ухожаевъ и юртовъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края въ теченіе XVII в., и это возможно сдѣлать, потому что для этого имѣется въ нашемъ распоряженіи достаточное количество данныхъ.

О бѣлгородскихъ юртахъ, находившихся въ предѣлахъ Донецкой волости, сообщены довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ моихъ «Очеркахъ»; они же повторены и у г. Миклашевскаго; поэтому мы на нихъ останавливаться не будемъ; замѣтимъ только, что во 2-й половинѣ XVII в., эта Донецкая волость заселилась выходцами изъ Заднѣпровья (и отчасти русскими переселенцами) и получила названіе Слободской украйны. Исторія ея заселенія подробно изложена въ моихъ «Очеркахъ». Совершенно аналогичное явленіе представляютъ изъ себя ухожаи южной части стариннаго Воронежскаго уѣзда.

Уже въ 1594 году воронежскіе ухожаи доходили по р. Дону до Коросани, какъ говорится въ актѣ, т. е. до р. Хворостани, но это были, вѣроятно, только ближайшіе. По крайней мѣрѣ въ 1615 году существовалъ цѣлый рядъ другихъ, которые были расположены южнѣе; ихъ-то отмѣчаетъ писцовая книга этого года. Можно думать, что они стали эксплуатироваться съ прекращеніемъ смутной эпохи, которая должна была отразиться отрицательно на заселеніи этой окраины. Въ 1615 году писецъ отмѣтилъ слѣдующіе вотчины-ухожаи: Хворосанскій, Лисогорьевскій, Подульскій, Сосенскій, Богатозатонскій, Икорскій, Марковскій, Битюцкій, Бабій, Серецкій съ Шиповыми лѣсами, Калитвянскій, Бѣлозатонскій, Боучарскій, Толучеевскій, Терновскій, Иловскій съ лѣсомъ и рѣчками Ольшанкой и Сосенскомъ и, нако-

Digitized by Google

нецъ, Окологородный. Они захватываютъ между прочимъ части нынѣшнихъ Коротоякаго, Острогожскаго, Богучарскаго, Бобровскаго, Павловскаго уѣздовъ Воронежской губ., т. е. южной половины ея, которая заселилась позже сѣверной. Всего собиралось съ нихъ оброку 300 р. съ полтиною; а отдавались они ежегодно въ Воронежѣ всякимъ людямъ «съ наддачи» съ Семенова дня[1]). Въ 1620 г. на откупъ были сданы слѣдующіе ухожаи: Битюцкій, Бѣлозатонскій, Богучарскій, Сосенскій (рѣка Сосна) Лысогорскій, Богатый Затонъ да копанище, рѣка Потудонь съ ухожаемъ Потудонскимъ, рѣка Икорецъ, Марковъ, юртъ Калитвянскій, рѣка Толучѣева, Ѳарасанскій, Голышевскій Затонъ и волочилище и селище внизъ по р. Дону. Сравнивая оба списка, мы замѣчаемъ, что во второмъ есть нѣкоторые новые ухожаи, но зато не достаетъ кое-какихъ прежнихъ; можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что нѣкоторые изъ прежнихъ ухожаевъ исчезали, а мѣсто ихъ занимали новые. Въ 1628—1629-мъ году мы встрѣчаемъ указанія на слѣдующіе ухожаи: Битюцкій, Бѣлозатонскій, юртъ Богучарскій, рѣчка Толучѣева, Марковскій, Калитвянскій, Затонъ Голышевскій съ волочилищемъ и селищемъ[2]). Представимъ свѣдѣнія о размѣрахъ оброчныхъ денегъ за нихъ въ разные періоды времени. Битюцкій въ 1615 г. сдавался за 30 руб., Серецкій — за 6 руб., въ 1620 г. оба за 31 руб., въ 1622 г. — за 31 руб., въ 1623 г. — за 54 руб.[3]), въ 1624 г. — за 56 руб., въ 1628—1629 — за 65 руб., въ 1664 г. — за 95 руб.; Форосанскій въ 1615 г. — за 12¼ руб., въ 1620 г. — за 12 руб.; Лысогорскій въ 1615 г. — за 20 руб., въ 1620 г. — за 20 руб., въ 1628—1629 г. — за 20 руб.; Сосенскій въ 1615 г. — за 20 руб., въ 1620 г. — за 34 р.; Богато-Затонскій въ 1615 г. — за 50 руб., въ 1620 г. — 50 руб.; Икорскій въ 1615 г. — за 10½, въ 1620 г. — за 9 руб.; Марковскій въ 1615 г. — за 18 руб., въ 1620 г. — 20 руб., въ 1628—1629 г. — за 20 р.; Калитвянскій въ 1615 г. — за 50½ руб., въ 1620 г. — за 50½ руб., въ 1628—1629 г. — за 51 руб.; Бѣлозатонскій въ 1615 г. — за 12½ руб., въ 1620 г. — за 14 руб., въ 1628—1629 г. — за 14 руб., въ 1651 г. — за 20 руб., въ 1652 г. — 23 руб.; Богучарскій и Толучѣевскій въ 1615 г. — за 15 р., въ 1620 г. — за 13 руб., въ 1628—1629 г. — за 16 руб. Изъ этихъ цифръ видно, что, вообще говоря, сумма оброка увеличивалась, хотя довольно слабо; во многихъ случаяхъ она оставалась безъ измѣненія, а въ нѣкоторыхъ даже уменьшалась. Въ концѣ же концовъ огромное пространство земель и угодій, занятое ухожаями, приносило сравнительно весьма небольшой доходъ казнѣ. Гораздо бо-

1) Ворон. писц. книги, изд. Ворон. Губ. Стат. Комит. 1891 г. стр. 139—141.
2) См. Приложеніе №№ 1 и 3.
3) Мы опускаемъ алтыны и деньги.

Digitized by Google

лѣе выгоды извлекали отсюда тѣ лица, которые брали на откупъ эти ухожаи и занимались въ нихъ звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ и даже хмелеводствомъ. Въ 1624-мъ году откупщикъ Битюцкаго и Серецкаго ухожаевъ Гришка Побѣжимовъ подалъ челобитную: «онъ де, Гриша, въ томъ ухожаѣ по нашей откупной грамотѣ рыбу ловилъ по прежнему и какъ де онъ, Гриша, ѣхалъ съ рыбной ловли и тѣ де казаки (новые откупщики) его били и грабили, а взяли... грабежомъ рыбы: 103 сазана, да щукъ и лещей и всякія рыбы 10 возовъ... да 25 куницъ да 25 лисицъ». Откупщикъ Потуданскаго и Лысогорскаго ухожаевъ Прокофій Шишкинъ жаловался въ 1625 году, что въ его вотчинѣ насильствомъ «рыбу ловятъ, звѣря бьютъ и хмель дерутъ».

Съ заселеніемъ сѣверной части Воронежскаго края и сосѣднихъ мѣстностей, въ томъ числѣ и Слободской украйны, въ составъ которой входилъ Острогожскій казачій малороссійскій полкъ, занявшій прежній Сосенскій ухожай, сталъ на очередь вопросъ и о колонизаціи бассейна рр. Битюка, Икорца и Осереды, гдѣ были расположены Битюцкій, Икорецкій и Осередскій ухожаи. Съ 1615 г. по 1684-й годъ 1-й и 3-й сдавались «по перекупкамъ изъ наддачъ» воронежцамъ и жителямъ другихъ городовъ; а въ 1684 году они были сданы въ оброкъ на 10 лѣтъ по 200 руб. за годъ архимандриту Козловско-Троицкаго монастыря Дороѳею съ братіею. Въ 1685 г. Государь велѣлъ послать въ Лысогорскіе городки и на рѣку Битюкъ и Осереду для описанія лѣсовъ и бродовъ подъячихъ и чертежниковъ; всѣ эти мѣста нужно было измѣрить и начертить на чертежъ, чтобы выяснить вопросъ о возможности постройки здѣсь новыхъ городовъ, слободъ, селъ и деревень; чертежники должны были также опредѣлить разстояніе тѣхъ урочищъ, на которыхъ предполагалось построить эти города, отъ украинскихъ городовъ по Тамбовской чертѣ, отъ Козлова, Воронежа, Коротояка и Донскихъ казачьихъ городковъ, узнать,—много ли можно было бы поселить тутъ жителей, сколько на долю ихъ пришлось бы пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ и всякихъ угодій, и опредѣлить, не будетъ ли отъ этого обиды старымъ поселеніямъ и будутъ ли ограждены отъ татарскихъ нападеній своими укрѣпленіями новыя. Дозорщики Трифонъ Картавцовъ и Иванъ Жолобовъ составили «дозорныя» книги и чертежъ всему этому краю и отправили ихъ въ Москву въ разрядный приказъ. Изъ нихъ видно, что они добросовѣстно исполнили свое порученіе и сдѣлали дѣйствительно тщательный дозоръ и чертежъ, указавъ при этомъ тѣ пункты, гдѣ нужно было, по ихъ мнѣнію, поставить городки, и опредѣливъ даже число жителей въ этихъ будущихъ городкахъ. Вотъ одинъ примѣръ: «а отъ рѣки Липовицы и отъ того мѣста, гдѣ быть городку и до рѣки Битюка, и до Чемльщкаго юрту по мѣрѣ 16 верстъ 180 саж. и въ томъ

Digitized by Google

мѣстѣ быть второму городку, а въ немъ жителямъ 200 человѣкамъ, а лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе имать по рѣкѣ Битюку. А отъ Чемлыцкаго юрту отъ того мѣста, гдѣ быть 2-му городку, внизъ по р. Битюку до острова 25 верстъ 970 саж. и въ томъ мѣстѣ быть 3-му городку, а въ немъ жителямъ 300 чел., а лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе имать по р. Битюку. А отъ того острова внизъ по рѣкѣ Битюку до Чулиньина острова 14 верстъ 150 саж., а въ томъ мѣстѣ быть 4-му городку, а въ немъ жителямъ 800 чел., на городовое и на дворовое строеніе лѣсъ чорный и боръ за рѣкою Битюкомъ». Всего отъ Тамбовскаго вала до рѣки Битюка и рѣкою Битюкомъ до впаденія ея въ Донъ и отъ устья ея до Коротояка вымѣрено было 166 верстъ, 150 саж. Писцы предлагали устроить здѣсь 7 городковъ и населить ихъ 2506 чел.; отъ старыхъ же поселеній эти новые городки отстояли бы на 20, 50 и 60 верстъ; лѣсу для нихъ было бы достаточно; но его не хватило бы для селъ и деревень и потому этихъ послѣднихъ писцы вовсе и не проэктировали; въ заключеніе указывалось, какія укрѣпленія нужно было сдѣлать въ этихъ мѣстахъ—предлагалось устройство валовъ, рвовъ, надолобъ, башенъ, чесноковъ, заповѣднаго лѣса, который также игралъ тогда роль укрѣпленій. Любопытно при этомъ отмѣтить одну подробность измѣренія: писцы проходили всѣ эти мѣста съ веревкою или, какъ они выражаются, съ «вервью» въ рукахъ; любопытно также, что лѣсъ признавался обязательною принадлежностью всякаго поселенія. По рѣкѣ Мотырѣ (притоку р. Воронежа) были цѣлыя тысячи четвертей пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ, но не было лѣсовъ—вотъ въ дозорной книгѣ и отмѣчено: «населенія населить въ томъ мѣстѣ не у чего». Но вышло не совсѣмъ такъ, какъ предлагали писцы: въ эти ухожаи устремилась двойная колонизація — малорусская и великорусская.

Въ 1680 году изъ-за Днѣпра явились на Государеву службу выходцы малороссіяне—уманцы, ольховчане, звенигородчане, богуславцы, калниболотцы, межибожцы, збарожане, зеславцы, тернопольцы и жители другихъ заднѣпровскихъ городовъ. Они перешли еще въ 1675-мъ году въ лѣвобережную Малороссію (бывшую тогда подъ властью Москвы) вслѣдствіе войнъ съ турками и татарами и оставались на жительствѣ въ малороссійскихъ городахъ. Они отправили въ Москву въ разрядъ своихъ челобитчиковъ—протопопа отца Іакова Мировицкаго, осадчаго Павла Тимофеева и атамановъ: Матвѣя Григорьева, Аѳанасія Павлова и Ѳедора Коротича, которые дали слѣдующее объясненіе: покинувъ свои дома и города подъ вліяніемъ «бусурманскаго разоренія» и перейдя на службу къ Его Царскому Величеству, они скитаются по Государевой Украйнѣ и не имѣютъ ни своихъ жилищъ, ни своихъ пашенъ; поэтому они просятъ о разрѣшеніи «ради

Digitized by Google

своего иноземчества» строиться имъ на вѣчное жилье городами и жилищами въ полѣ, за рѣкою Дономъ, на ногайской сторонѣ, на устьѣ р. Битюка, и если имъ Государь разрѣшитъ поселиться тамъ и дастъ на это свою грамоту за «отворчатою печатью», то пусть позволитъ имъ передъ началомъ весны назначить сборный пунктъ между городами Путивлемъ и Конотопомъ, въ Казачьей Дубровѣ, у Гетманскаго Кургана, на вершинѣ рѣчки Конотопа и на Краснахъ. И тамъ соберется тысячъ съ 10 семействъ; собравшись же и росписавшись въ сотни, они (протопопъ, осадчики, атаманы и всѣ прочіе) пойдутъ по первому лѣтнему пути обозомъ на поселеніе къ р. Битюку. Въ разрядѣ имъ сказали, что р. Битюкъ степная и крѣпостей тамъ подѣлать невозможно, что туда постоянно приходятъ ногайцы и калмыки и что имъ черкасамъ удобнѣе будетъ поселиться въ городкѣ Полатовѣ и его окрестностяхъ, гдѣ пахатныхъ земель, лѣсу и всякихъ угодій достаточно. Протопопъ съ атаманами отвѣтили на это, что они не знаютъ, захотятъ ли переселенцы поселиться въ Полатовскомъ лѣсу, а потому пусть Государь разрѣшитъ все-таки имъ, въ случаѣ, если они предпочтутъ Битюкъ, итти къ этому послѣднему и дастъ имъ пушекъ, пороху, свинцу для обороны; они же, получивъ льготу въ даняхъ, оброкахъ и податяхъ, сами безъ посторонней помощи построятъ городъ, подъ условіемъ свободнаго винокуренія, которымъ пользуются ихъ братія—казаки сумскаго, ахтырскаго и харьковскаго полковъ, и подъ условіемъ отсутствія на первыхъ порахъ воеводъ и приказныхъ людей; вмѣсто же этихъ послѣднихъ пусть ими вѣдаютъ протопопъ, полковникъ, осадчики, атаманы и старшины, какихъ они выберутъ изъ своей среды. Государь не разрѣшилъ имъ селиться по Битюку (въ виду указанныхъ выше неудобствъ этого пункта), а повелѣлъ устраиваться у Полатовскаго вала на р. Валуѣ при впаденіи въ нея Валуйца: построить городъ, а если его окажется недостаточнымъ, то и нѣсколько городовъ между гг. Полатовымъ, Усердомъ, Валуйкою и Новымъ Осколомъ выше Цареборисова, по обѣ стороны р. Оскола, Сѣверскаго Донца и по верховьямъ р. Сосны, въ тѣхъ урочищахъ, которыя они сами выберутъ; воеводамъ и приказнымъ у нихъ не велѣно быть въ теченіе 10 и болѣе лѣтъ, а разрѣшено было имъ составить изъ себя особый Полатовскій полкъ, управляться собственными выборными старшинами и вести безпошлинную торговлю въ новопостроенныхъ городахъ, держать безоброчно шинки по своимъ старымъ обычаямъ; полатовскаго валоваго дѣла (на которое высылались казаки острогожскаго полка) не дѣлать и вообще никакихъ податей въ теченіе 15 лѣтъ не платить; по истеченіи же этихъ льготныхъ лѣтъ нести полковую казацкую службу и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться тѣми льготами, какія имѣли казаки Сумскаго, Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ; въ такомъ смыслѣ были посланы указы русскимъ воеводамъ и слободскимъ полковникамъ.

Digitized by Google

Изъ этого видно, что центральное правительство отнеслось къ этимъ вольнымъ малорусскимъ переселенцамъ такъ, какъ оно относилось къ ихъ собратьямъ, заселившимъ Слободскую Украйну. Въ виду ихъ «иноземчества» оно предоставило имъ самоуправленіе и цѣлый рядъ льготъ экономическаго характера, вообще дало имъ возможность устроиться по ихъ «черкасскимъ обыкностямъ», т. е. по старымъ малороссійскимъ обычаямъ. И все это объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь сразу явилась большая масса. Иначе относилось правительство къ отдѣльнымъ выходцамъ и небольшимъ партіямъ—ихъ селили среди великорусскихъ обывателей и подчиняли общему приказному режиму, предоставляя только нѣкоторыя изъ тѣхъ льготъ, какими пользовались болѣе счастливые ихъ соплеменники. Такимъ образомъ, на территоріи Воронежскаго края образовались какъ бы двѣ группы малороссійскихъ поселенцевъ—одна, входившая въ составъ Острогожскаго слободскаго казачьяго полка, съ значительною внутреннею автономіей и оригинальными соціально-экономическими и бытовыми распорядками,—другая, не получившая такихъ льготъ, разсѣянная въ разныхъ городахъ и селеніяхъ среди великорусскаго населенія, стремившаяся, конечно, сохранять свои бытовыя особенности, но находившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ московскаго строя и порядковъ. Тѣ поселенцы, о которыхъ мы только что говорили, должны были образовать новую автономную единицу—Полатовскій полкъ, на подобіе существовавшаго давно уже Острогожскаго. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ опредѣленностью, чѣмъ окончилось все это дѣло. Полатовскаго полка во всякомъ случаѣ не образовалось; переселенцы все-таки, очевидно, хотѣли итти на Битюкъ, хотя часть ихъ, можетъ быть, и поселилась въ указанномъ имъ мѣстѣ—недалеко отъ предѣловъ Острогожскаго полка, другіе же, вѣроятно, двинулись въ привлекавшую ихъ своими угодьями мѣстность по рр. Битюку, Осередѣ и Икорцу.

Какъ бы то ни было, въ 1697 г. началось сильное движеніе колонизаціи въ эти мѣста. Между прочимъ явилась подъ предводительствомъ осадчаго Ивашки Артемьевича Сѣркова партія малороссіянъ въ 800 человѣкъ съ женами и дѣтьми, покинувшая родину вслѣдствіе татарскихъ погромовъ и разоренія «измѣнника Петрушки»; ихъ принялъ въ слободу Битюкъ, какъ будто въ свою вотчину, Острогожскій полковникъ Петръ Алексѣевичъ (Буларгъ) съ тѣмъ, чтобы они жили у него въ качествѣ крестьянъ; но они на это не были согласны и хотѣли служить государеву службу; вмѣстѣ съ тѣмъ они ходатайствовали о разрѣшеніи имъ постройки города, о пріемѣ выходцевъ изъ Малороссіи, о присылкѣ служилыхъ людей, денегъ, оружія, хлѣбнаго жалованья, церковной утвари, колоколовъ, книгъ, ризъ и т. п. Челобитную отъ имени всѣхъ ихъ подали въ Разрядѣ священники о. Іоаннъ

Digitized by Google

Семеновъ и о. Іоаннъ Ѳедоровъ, которые при этомъ дали слѣдующее объясненіе. О. Іоаннъ Семеновъ былъ священникомъ въ с. Красномъ Кутѣ, и о. Іоаннъ Ѳедоровъ—въ с. Бурлукахъ (помѣстьѣ изюмскаго полковника Константина Донца). Прослышавъ отъ малороссійскихъ и слободскихъ казаковъ, что, по указу Государя, правительство приглашаетъ всѣхъ желающихъ къ поселенію на р. Битюкъ, они, съ разными лицами, въ числѣ которыхъ было и полтораста семействъ, вышедшихъ вслѣдствіе скудости изъ полковничья селенія Бурлука, отправлялись туда же; поселились они на Красномъ островѣ, распахали себѣ пашни и посѣяли хлѣбъ и набралось ихъ около 300 дворовъ; являлись потомъ и новыя партіи по 30, 40 и 50 чел., такъ что собралось было до 800 человѣкъ, но, узнавъ, что указа Государева на поселеніе не имѣется, разошлись частью на прежнія мѣста, а частью въ русскіе города; чертежа земель они, по иноземчеству своему, составить были не въ состояніи; за разрѣшеніемъ о постройкѣ двухъ церквей они обратились къ патріарху Адріану. Государь велѣлъ отправить на устье Битюка писца для досмотра и измѣренія этой мѣстности и переписи новоприхожихъ черкасъ. Въ свою очередь полковникъ Булартъ объяснялъ, что рр. Битюкъ и Осереда отданы ему на откупъ и за нихъ онъ уплачиваетъ въ государеву казну оброку по 202 р. въ годъ; для охраны же ихъ онъ населилъ здѣсь вольными малороссіянами слободу Битюкъ; но сюда же являются другіе поселенцы и опустошаютъ его вотчину; въ виду этого онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему грамоты на свободный пріемъ такихъ «гулящихъ» (а не «служилыхъ») черкасъ, о постройкѣ крѣпостей для защиты государевой вотчины отъ непріятелей и о причисленіи поселенцевъ къ казакамъ Острогожскаго слободскаго полка въ виду его малолюдства. Изъ этого видно, что полковникъ Булартъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы подъ видомъ расширенія территоріи своего полка пріобрѣсти себѣ богатую вотчину съ значительнымъ количествомъ «подданныхъ» посполитыхъ; въ его словахъ было большое противорѣчіе: онъ хотѣлъ этихъ поселенцевъ причислить къ казакамъ Острогожскаго полка и въ то же время обратить ихъ въ своихъ «подданныхъ». Но правительство, какъ кажется, не хотѣло тогда еще способствовать превращенію вольныхъ малороссіянъ въ зависимыхъ, и повидимому, отказало въ просьбѣ Буларту. Такъ по крайней мѣрѣ говорили сами черкасы въ своей новой челобитной царю, гдѣ между прочимъ объясняли, что поселилось ихъ около 800 чел. и постоянно приходятъ новые поселенцы, что здѣсь можетъ легко помѣститься и 4000 чел., что ихъ урочище Красный Островъ находится отъ Острогожска и Коротояка въ 150 вер., а отъ Воронежа въ 120 и что атаманомъ у нихъ состоитъ Кононъ Ясенко, а они просятъ о присылкѣ изъ Москвы для строенія города дворянина Ивана Барсукова, потому что онъ имъ знакомъ и

Digitized by Google

ихъ «черкасскому обыкновенію навыченъ». Самъ Барсуковъ, бывшій на Москвѣ стряпчимъ, также просилъ Государя о томъ, чтобъ его назначили вѣдать на Битюкѣ и на Икорцѣ новопоселенныхъ русскихъ людей и черкасъ (въ томъ числѣ и тѣхъ, коихъ доселѣ вѣдалъ осадчикъ Карпъ Алтуховъ). Но и Буларту не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія: онъ явился съ вооруженными казаками своего полка, собралъ жителей Битюцкой слободы и велѣлъ имъ быть въ подданствѣ за нимъ; когда же они на это не согласились, онъ началъ ихъ бить и увѣчить «смертнымъ боемъ», приказалъ жечь ихъ дворъ, сѣно и рѣзать скотину; а самихъ разогналъ изъ слободы въ лѣса. Впрочемъ, скоро недоразумѣнія были улажены и между Буларомъ и слобожанами состоялось соглашеніе; слобожане написали Государю новую челобитную, гдѣ просили о зачисленіи ихъ въ вѣдомство полковника Буларта, который, оказывается, хочетъ причислить ихъ не въ свои подданные, а въ казаки Острогожскаго полка. Заселеніе Битюцкаго юрта прихожими черкасами между тѣмъ продолжалось; въ слободѣ Битюкѣ выстроено было нѣсколько церквей и явилось много новыхъ жителей (1000 семействъ). Но тутъ возникла сильная распря между поселенцами и ихъ приказнымъ Иваномъ Барсуковымъ, о назначеніи котораго, какъ мы уже знаемъ, раньше ходатайствовали они сами. На него жаловались, что онъ грабилъ поселенцевъ, отъ чего они брели врознь, и не жилъ съ ними «въ совѣтѣ», согласно ихъ черкасскому обыкновенію; вслѣдствіе этого они выбрали изъ среды своей, по своему старинному обычаю, въ атаманы добраго и разумнаго человѣка Ѳедора Степановича Зеньковскаго, чтобъ онъ управлялъ ими и вѣдалъ судомъ и расправою; Иванъ же Барсуковъ и церковь Божію грабилъ (повынималъ и забралъ къ себѣ въ домъ церковныя рамы со стеклами); въ заключеніе они просили о присылкѣ имъ государева чертежника для измѣренія земель, объ отдачѣ на оброкъ Битюцкаго и Икорецкаго юрта за ту плату, которую взносилъ прежній полковникъ Буларъ, и о предоставленіи, по старому черкасскому обычаю, Ѳедору Зеньковскому суда и расправы надъ ними. Съ своей стороны выступилъ съ жалобою на Барсукова и Св. Митрофаній епископъ Воронежскій, у котораго искалъ защиты Битюцкій соборный священникъ извѣстный уже намъ о. Іоаннъ. Жалоба эта въ высшей степени характерна; она ярко рисуетъ произволъ приказныхъ людей на окраинѣ. Оказывается, что Иванъ Барсуковъ пограбилъ въ домѣ у о. Іоанна, во время его отъѣзда въ Москву, всякаго имущества (въ томъ числѣ и церковной утвари) на 78 руб. 3 алт. и 2 деньги; въ другой разъ, опять во время отъѣзда его въ Москву, Барсуковъ снова напалъ на домъ о. Іоанна, выгналъ оттуда его жену и дѣтей, пограбилъ церковную утварь и книги и продалъ его дворъ; за это его привлекли къ суду — и онъ сознался въ грабежѣ и далъ на себя священнику о. Іоанну заемную кабалу; по приказанію

Digitized by Google

св. Митрофанія Барсукову запрещено было входить впредь до покаянія въ храмъ; но онъ являлся туда насильственно, разорялъ церковь (вынулъ окна) и входилъ даже въ самый алтарь, будучи женатъ 2-й разъ и говоря при этомъ: «я де владыки вашего не боюсь и не слушаю»; когда же его священникъ о. Іоаннъ спросилъ, зачѣмъ онъ позабиралъ окна и входитъ въ алтарь, то онъ во время самой литургіи въ церкви началъ его таскать за волосы и бороду и всячески ругать; другой разъ, когда о. Іоаннъ возвращался къ себѣ домой изъ церкви, онъ съ деньщиками своими схватилъ его снова за волосы, повалилъ на землю, началъ бить его «ослопьемъ» и кулаками, и пинками «смертнымъ боемъ» при постороннихъ людяхъ и за волосы протащилъ его отъ воеводскаго двора до церкви, всячески мучилъ и требовалъ своей заемной кабалы; для того же чтобы не пустить его для челобитья въ Бѣлгородъ и Воронежъ, онъ устроилъ на перевозахъ заставы и велѣлъ, въ случаѣ поимки, бить и утопить; сверхъ того онъ взялъ къ себѣ въ домъ изъ церкви безъ вѣдома его икону Николая Чудотворца. Жаловался св. Митрофанію на Ивана Барсукова и священникъ Николаевской церкви. Жалобы подкрѣплялись ссылками на свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ священникъ Леонтій самъ видѣлъ, какъ у о. Іоанна вся спина отъ побоевъ была черная, руки и ноги синія, а «кровь замерла». Св. Митрофаній отлучилъ Барсукова отъ церкви и потребовалъ, чтобы онъ явился для объясненій въ Воронежъ, въ духовный приказъ, но онъ укрывался и не являлся. Что отвѣчалъ Барсуковъ на столь серьезныя обвиненія, мы не знаемъ; сохранился только отвѣтъ его на челобитную черкасъ, въ которомъ онъ старался пустить въ ходъ объясненія политическаго, такъ сказать, свойства. Для того чтобы парализовать жалобы черкасъ, онъ самъ жалуется на нихъ, заявляя, что они будто бы его самого хотѣли убить и бросить въ Донъ, а колодниковъ у него насильственно позабирали и выбрали атаманомъ бѣглаго, «причиннаго» человѣка Ѳедьку Зеньковскаго, который живетъ въ Битюкѣ бурлакомъ, — не имѣя собственнаго двора, такъ какъ жена и дѣти его остались въ г. Зеньковѣ, — и каждый день собираетъ народъ на «рады», и «что̀ въ тѣхъ «радахъ» думаютъ, прибавляетъ Барсуковъ, того я, холопъ твой, не вѣдаю»; добрые люди на эти рады не ходятъ, съ ними на такія ихъ дурныя дѣла не соединяются и за это терпятъ отъ бунтовщиковъ — ихъ дома подвергаются разоренію, сами они запираются въ колоды; назвавъ главныхъ виновниковъ смуты, Барсуковъ прибавляетъ еще слѣдующія обвиненія противъ своихъ враговъ: они сажаютъ на цѣпь русскихъ людей и не позволяютъ имъ пользоваться угодьями, бьютъ и грабятъ гребцовъ, плывущихъ на стругахъ съ хлѣбомъ и на плотахъ съ лѣсомъ внизъ по Дону, не желаютъ платить оброка за ухожаи и не велятъ дѣлать уплаты и русскимъ людямъ, не позволяютъ устраивать заставы для удер-

Digitized by Google

жанія бѣглыхъ людей, стремящихся на Донъ; атаманъ ихъ Зеньковскій самовольно, безъ государева указа, отобралъ изъ-подъ вѣдѣнія его, Барсукова, черкасъ, управляетъ ими и писалъ письмо, уѣзжая изъ Москвы, чтобы они его Барсукова убили дрючьемъ. Чѣмъ окончились эти взаимныя жалобы, неизвѣстно. Можно предполагать, что причина столкновенія коренилась не столько въ личныхъ качествахъ Ивана Барсукова, сколько въ томъ, что онъ обманулъ ожиданія черкасъ и не захотѣлъ приспособляться къ ихъ «черкасскимъ обыкновеніямъ»; а не захотѣлъ онъ сдѣлать этого потому, что они не гармонировали съ крѣпкою, сильною, нерѣдко переходившей въ произволъ властью представителя Московской администраціи; и ему это было тѣмъ болѣе непріятно, что самовольство черкасъ (такъ онъ понималъ ихъ автономію — рады съ выборами атамановъ, свой судъ и т. п.) могло заразительно дѣйствовать и на великорусскихъ служилыхъ людей, которые также устремились сюда на поселеніе.

Великорусская колонизація здѣсь сильно отличалась отъ малорусской — вліяніе правительства въ 1-ой было гораздо сильнѣе, чѣмъ во 2-ой, несмотря на то, что среди поселенцевъ и тутъ было не мало вольныхъ людей — сходцевъ, являвшихся сюда добровольно, а не по указанію правительства; ихъ, очевидно, также какъ и выходцевъ-малороссіянъ, привлекало приволье этихъ мѣстъ. Приказный Карпъ Алтуховъ, отправленный для переписи поселившихся въ б. Икорецкомъ юртѣ русскихъ служилыхъ людей, сообщилъ о нихъ слѣдующія данныя. На устьѣ р. Икорца, гдѣ предполагался городъ, былъ выстроенъ пока государевъ дворъ для приказныхъ людей съ разными дворовыми постройками; здѣсь въ слободѣ и деревняхъ поселились выходцы изъ Воронежа, Орлова, Усмани, Костенска, Чернавска, Ельца, Данкова, Стараго Оскола и Урыва, явившіеся сюда въ 1693, 1694, 1695 и 1696 гг.; только немногіе изъ нихъ были въ городовой службѣ, остальные же никакихъ службъ не служили и помѣстьевъ за ними въ этихъ городахъ не было. Въ слободѣ было 42 чел., дѣтей, братьевъ, свойственниковъ у нихъ 71 чел.; въ томъ числѣ за 29 чел. было 580 четей помѣстьевъ, которыми они владѣли частью по грамотамъ изъ Помѣстнаго Приказа, частью же по заимкамъ; въ дер. Яблочной было 23 чел., владѣвшихъ 725 четями частью по грамотамъ, частью по заимкамъ; дѣтей, братьевъ и свойственниковъ у нихъ было 34 чел.; въ дер. Городецкой было 18 чел.; помѣстьевъ за ними не числилось, но они, конечно, владѣли землями по заимкамъ. Въ 1697 г. всѣ они ходатайствовали передъ Государемъ о пожалованіи имъ земель и угодій въ указываемыхъ ими самими предѣлахъ и урочищахъ. Затѣмъ мы имѣемъ еще ходатайство нѣкоторыхъ отдѣльныхъ поселенцевъ о дарованіи льготъ по части податей и о пожалованіи имъ «порожжей земли» съ угодьями въ помѣстье, безъ опредѣленія размѣ-

Digitized by Google

ровъ этого послѣдняго, при чемъ они хотѣли «прибрать» на эти земли, сколько окажется возможнымъ, русскихъ людей и черкасъ и поставить возлѣ своихъ дворовъ «надолбы», потому что въ урочищахъ этихъ мѣста были дикія и опасныя. Изъ этого видно, что примѣръ «черкасъ» дѣйствительно соблазнилъ русскихъ поселенцевъ и они хотѣли пустить въ ходъ и черкасскую «заимку», и «закликанье на слободы». Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ также выходецъ изъ Костенска Емельянъ Аѳанасьевъ Тереховъ, который сообщилъ о себѣ въ челобитной такія свѣдѣнія. Жилъ онъ въ г. Костенскѣ, переходя отъ одного хозяина къ другому, и кормился своею работой, а объ отцѣ своемъ — (въ какомъ городѣ и какую службу онъ служилъ) ничего не помнитъ, такъ какъ остался послѣ него малолѣтнимъ; въ разборныхъ и переписныхъ книгахъ онъ не написанъ потому, что жилъ въ разныхъ мѣстахъ; а въ 1697 г. онъ съ товарищами своими, которые также ничего не помнятъ о своихъ отцахъ, явился на р. Осереду и пріискалъ съ ними «порожжую землю» (слѣдуетъ описаніе ея межей). Но приказный Ив. Барсуковъ не позволяетъ владѣть ею изъ дружбы къ черкасамъ. Въ заключеніе Тереховъ проситъ, чтобы эта земля была утверждена за нимъ и его товарищами, и за нее они или будутъ служить Государю службу, или платить подати. Но центральное правительство, очевидно, желало устраивать русскихъ поселенцевъ по установившимся правиламъ, давая имъ помѣстья опредѣленнаго размѣра за службу; между прочимъ и первымъ просителямъ велѣно было отвести по 20 четвертей земли, а лишнихъ земель ни имъ, ни другимъ безъ граматъ не отдавать. Въ виду этого другіе поселенцы ходатайствовали уже объ отводѣ имъ помѣстьевъ опредѣленнаго размѣра (по 20 четей).

Столкновенія русскихъ поселенцевъ съ черкасами, впрочемъ, не прекращались и объ одномъ изъ нихъ мы имѣемъ указаніе въ челобитной.

Такъ заселялись Битюцкій, Икорецкій и Осередскій ухожаи. Ихъ богатыя угодья привлекали отовсюду колонистовъ и, благодаря этому, въ дѣлѣ колонизаціи ихъ видную роль играли вольные, свободные поселенцы (преимущественно малороссіяне); промыслы имѣли въ дѣлѣ колонизаціи этого края первенствующее значеніе. Мы воспользовались для своего экскурса только однимъ архивнымъ дѣломъ, которое напечатано во 2-мъ томѣ нашихъ «Матеріаловъ»[1]) и не касались вовсе другихъ печатныхъ данныхъ, относящихся къ этому же вопросу (въ воронежскихъ изданіяхъ); мы могли бы сгруппировать обильный матеріалъ относительно заселенія и землевладѣнія Острогожскаго слободскаго полка (помѣщенный въ тѣхъ же воронежскихъ изданіяхъ), но это завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило

1) См. Мои «Матеріалы», 2-й стр. 104—140.

Digitized by Google

бы написать цѣлую монографію. Всего этого могъ бы и долженъ былъ бы коснуться г. Миклашевскій; но онъ этого почему-то не сдѣлалъ.

Равнымъ образомъ онъ не далъ болѣе или менѣе систематической характеристики хозяйства въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ въ XVII в., хотя бы въ такихъ рамкахъ, въ какихъ это сдѣлалъ Л. Б. Вейнбергъ. Для того чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе объ этомъ пробѣлѣ, мы только отмѣтимъ тѣ вопросы, на которыхъ могъ бы остановиться г. Миклашевскій. Опираться мы будемъ главнымъ образомъ на книжку Л. Б. Вейнберга и нѣкоторые первоисточники. Г. Миклашевскій слишкомъ мало остановился на условіяхъ, при которыхъ развивалась мѣстная сельскохозяйственная промышленность вообще и въ частности на одной основной причинѣ, служившей огромнымъ тормазомъ для ея развитія — на татарскихъ нападеніяхъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ не только не извлекъ изъ Архива Мин. Юст. тѣхъ данныхъ о татарскихъ погромахъ, на которыя самъ указываетъ, но и не воспользовался печатными источниками. Онъ не отмѣтилъ даже результатовъ одного изъ наиболѣе крупныхъ погромовъ — 1680 г.; въ это время въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ было взято въ плѣнъ, побито и сгорѣло (въ погребахъ) 785 чел. (417 муж. и 368 жен.), скота уведено — 3870 штукъ (683 лошади, 820 коровъ и воловъ, 2255 овецъ, 112 козъ), хлѣба сожжено и захвачено 190 четей; въ Болховскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ 34 чел. (въ томъ числѣ одинъ дьячекъ); въ Карповскомъ—10 человѣкъ (въ томъ числѣ 3 женщины) съ 8 лошадьми и 4 коровами; въ Хотмышскомъ взято въ плѣнъ и сожжено въ избахъ 263 чел., захвачено 1054 штуки скота (180 лошадей, 209 коровъ и коровъ и быковъ, 653 овцы и 12 козъ)[1]); въ Вольновскомъ взято въ плѣнъ и побито 145 чел. (мужчинъ, женщинъ, русскихъ людей и черкасъ), захвачено 520 штукъ скота (147 лошадей, 148 коровъ, 213 овецъ, 12 козъ). Въ 1646 г. въ Путивльскомъ уѣздѣ было взято въ плѣнъ 639 чел.[2]). Весьма интересны также мѣры, которыя принимало правительство для борьбы съ татарами, для огражденія русскаго населенія. Въ числѣ ихъ слѣдовало бы отмѣтить одну очень оригинальную — это умышленные степные пожары. Въ 1647 г., напримѣръ, валуйскій воевода, по приказанію правительства, отправилъ въ три мѣста станицы для зажиганія степной травы. Трава была сожжена по рр. Бурлуку, Двурѣчной, Осиновкѣ, Осколу, Хотомлѣ (на Изюмской сакмѣ), по р. Полатовѣ, Черной Калитвѣ, Айдару, Верхней Бѣлой и Богучару (на Калміусской сакмѣ) и, наконецъ, по верховьямъ рѣчекъ Уразовой, Нижней Бѣлой, Айдара, Козинки, Боровой и

1) Мои «Матеріалы», II, стр. 91—94.

2) См. объ этомъ документѣ, извлеченный нами изъ Архива Мин. Юстиціи и помѣщаемый въ приложеніи подъ № 4.

Digitized by Google

Красной[1]). Оказывается, что по этимъ урочищамъ были прежде становища воинскихъ татаръ, и правительство хотѣло данною мѣрою преградить доступъ ихъ въ свои украйны. Районъ ихъ былъ очень значителенъ — они обнимали части нынѣшнихъ Воронежской и Харьковской губ. Л. Б. Вейнбергъ ставитъ въ связь съ этой мѣрой даже истребленіе Воронежскихъ лѣсовъ, но намъ кажется, что для такого заключенія нѣтъ достаточныхъ основаній.

Слѣдовало бы также сдѣлать обзоръ различныхъ видовъ сельскохозяйственной промышленности, опредѣлить постепенный прогрессъ въ однихъ изъ нихъ и регрессъ въ другихъ, чего также не дѣлаетъ г. Миклашевскій (бобровые гоны, чрезвычайно распространенные въ нач. XVII в., исчезаютъ совсѣмъ въ концѣ его).

Изъ книжки г. Вейнберга оказывается, что въ сѣверныхъ частяхъ Воронежскаго края преобладали посѣвы ржи, овса и гречихи, а въ южной — пшеницы, овса и ячменя; особенно много сѣялось овса, который служилъ предметомъ оживленной торговли. Интересны свѣдѣнія г. Вейнберга о недородахъ, постигавшихъ Воронежскій край, и о вызываемомъ ими поднятіи хлѣбныхъ цѣнъ. Кромѣ хлѣбопашества воронежцы занимались еще огородничествомъ, садоводствомъ и бахчеводствомъ, садили табакъ, хмель, даже виноградъ[2]). Изъ промысловъ, стоявшихъ въ связи съ царствомъ животныхъ, нужно отмѣтить — рыболовство, звѣроловство, пчеловодство, скотоводство (особенно много было свиней, которыхъ татары никогда не уводили во время своихъ набѣговъ) и коневодство. Изъ предметовъ міра ископаемаго здѣсь добывались: селитра, поташъ, глина, мѣлъ; въ концѣ вѣка открыто было въ Задонскомъ уѣз. желѣзо. Правительство очень заботилось о развитіи селитрянаго промысла: само занималось выварокою селитры и оказывало поддержку частнымъ лицамъ. Такая помощь оказана была, напр., Степану Тевяшову (Тевяшовы впослѣдствіи занимали полковничьи уряды въ Острогожскомъ полку), который рѣшилъ варить селитру въ степи за Чугуевомъ на рѣчкѣ Бурлукахъ и ему была выдана для этого дѣла отъ казны весьма значительная по тому времени сумма — 400 р.[3]) Изъ хлѣба курили вино, но свободой винокуренія пользовались только черкасы. О своеобразномъ характерѣ промышленности у этихъ послѣднихъ г. Миклашевскій не говоритъ ни слова, между тѣмъ этотъ вопросъ заслуживаетъ полнаго вниманія историка украинскаго сельскаго хозяйства.

---

1) Мои «Матеріалы», II, стр. 42—43.

2) Г. Миклашевскій приводитъ въ своей книгѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о чугуевскихъ виноградникахъ; въ дополненіе къ нимъ мы помѣщаемъ въ приложеніи одинъ документъ, извлеченный изъ Архива Мин. Юстиціи; см. прил. № 5.

3) Мои «Матеріалы», II, стр. 78—79.

Digitized by Google

Въ сельскохозяйственной культурѣ Воронежскаго края, какъ и въ его колонизаціи и землевладѣніи, нужно различать двѣ стихіи — великорусскую и малорусскую. Взаимодѣйствіе ихъ было чрезвычайно полезно и благодѣтельно — одна пополняла другую. Г. Миклашевскій представляетъ данныя только о первой, но совершенно игнорируетъ вторую, между тѣмъ какъ и она играла важную роль въ краѣ. Заднѣпровскіе черкасы, говоритъ Л. Б. Вейнбергъ, «не только ввели культуру многихъ новыхъ растеній, какъ ганусъ (анисъ), подсолнухъ и др., но своимъ присутствіемъ увеличили и производство, и сбытъ разныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Крупный и мелкій домашній скотъ, приведенный ими съ собою, также не мало посодѣйствовалъ къ улучшенію мѣстныхъ породъ, за исключеніемъ, какъ кажется, однихъ только лошадей, ибо мѣстныя ногайскія цѣнились гораздо выше. Черкасы преимущественно занимались посѣвами пшеницы, овса, ячменя и льна, а также — и при томъ въ очень широкихъ размѣрахъ — хмелеводствомъ»; культура этого послѣдняго растенія процвѣтала благодаря свободѣ винокуренія, которой пользовались только черкасы; въ связи съ обработкой зерновыхъ продуктовъ было у малороссіянъ обиліе мельницъ, въ строеніи которыхъ они отличались особеннымъ искусствомъ. Затѣмъ у черкасъ процвѣтало пчеловодство, въ особенности въ видѣ пасѣкъ. Хотя употребленіе табаку было строго запрещено въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, но его стали разводить и тайно имъ промышлять прибывшіе изъ заднѣпровья малороссіяне. Когда же введена была казенная табачная монополія, то само правительство начало у нихъ пріобрѣтать табакъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ «черкасскаго». Но главнымъ занятіемъ черкасъ было все таки винокуреніе: съ поселеніемъ на территоріи Воронежскаго края острогожскаго слободскаго полка, черкасы получили привиллегію свободнаго винокуренія и продажи вина (такой привиллегіи не имѣли великорусскіе поселенцы) и съ этого времени пользовались ею до начала XIX ст. «Пиво варили черкасы такъ искусно, что самъ адмиралтеецъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ съ удовольствіемъ принималъ бочки съ этимъ напиткомъ, присылавшимся изъ Острогожска въ почесть ему, а генералъ Ригиманъ даже самъ частенько бивалъ челомъ Острогожскому полковнику Ивану Семеновичу Сасу объ этой почести, обѣщая за это удерживать своихъ солдатъ отъ разныхъ насилій надъ черкасами и ихъ маетностями». Такою же славою пользовался и «черкасскій» медъ. Бахчеводствомъ занимались вначалѣ одни только черкасы, разводившіе преимущественно тыкву, которая употреблялась почти исключительно для откармливанія свиней». Центромъ рыбной торговли былъ черкасскій городъ Острогожскъ, получившій въслѣдствіе этого названіе »Рыбнаго». Черкасы также способствовали развитію въ Воронежскомъ краѣ скотоводства, въ особенности

Digitized by Google

овцеводства. Однимъ словомъ, въ культурно-промышленномъ отношеніи малороссійскіе переселенцы представляли изъ себя особый, своеобразный типъ: великорусскіе обыватели обрабатывали поля сохой и лошадьми; черкасы — волами и плугомъ; они принесли съ собою изъ-за Днѣпра искусство обработки дерева — мебели и такъ наз. «драницъ» и «гонта» (для кровли крышъ), приготовленія «ренсковаго» уксуса, наливокъ, выкармливанія скота бардою, особой выдѣлки кожи и т. п.

Не останавливаемся на другихъ пробѣлахъ въ трудѣ г. Миклашевскаго; замѣтимъ, только, что въ печатныхъ источникахъ онъ оставилъ безъ вниманія не мало любопытныхъ данныхъ для исторіи колонизаціи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ. Примѣровъ очень много и мы на нихъ останавливаться не будемъ[1]).

Заключеніе.

Изъ всего изложеннаго вытекаютъ слѣдующія заключенія. Разбираемая книга обладаетъ и крупными достоинствами и значительными недостатками. Къ достоинствамъ нужно отнести — удачный выборъ мѣстности для изслѣдованія, раціональную постановку вопроса, выводимаго изъ узкой области хозяйственной политики въ болѣе широкую сферу исторіи и экономики, знакомство съ важнѣйшими печатными источниками и пособіями, обиліе архивнаго неизданнаго матеріала, положеннаго въ основу книги, первоначальную сводку и разработку этого матеріала, отдѣльныя критическія изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ и, наконецъ, богатство фактическаго содержанія, въ особенности начиная со 2-ой главы — тутъ мы находимъ и описанія городовъ, и описанія уѣздовъ, и данныя о разныхъ классахъ общества, о монастыряхъ, о малорусскихъ выходцахъ изъ заднѣпровья, о землевладѣніи и, наконецъ, о хозяйствѣ (земледѣліи, скотоводствѣ пчеловодствѣ, виноградничествѣ). Недостатками книги слѣдуетъ признать — слабое эксплуатированіе печатныхъ источниковъ и пособій, неполноту въ извлеченіи архивныхъ матеріаловъ и, какъ естественный результатъ ихъ, пробѣлъ въ содержаніи, неясность, невыдержанность и несистематичность плана и недостаточную обработку матеріаловъ въ общей ихъ совокупности; благодаря этому послѣднему обстоятельству, книга г. Миклашевскаго представляетъ нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и историко — статистическимъ описаніемъ.

---

1) Помѣщаемъ въ приложеніи подъ № 2, документъ, извлеченный нами изъ Архива Мин. Юст. и содержащій въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ оброчныхъ земляхъ въ Бѣлгородскомъ краѣ.

Digitized by Google

Изъ трехъ намѣченныхъ себѣ авторомъ вопросовъ — колонизаціи, землевладѣнія и хозяйства южной окраины — авторъ во всей полнотѣ не рѣшаетъ ни одного — но даетъ массу данныхъ для перваго, довольно много для третьяго и нѣсколько меньше для второго.

Въ виду всего этого, а также принимая во вниманіе значительный трудъ, положенный авторомъ на разысканіе и первоначальную сводку архивнаго матеріала, и вполнѣ добросовѣстное, строго научное отношеніе его къ дѣлу, мы бы считали справедливымъ поощрить г. Миклашевскаго къ продолженію его работы присужденіемъ ему не полной уваровской преміи.

Харьковъ, 15 апрѣля 1895 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Воронежскіе ухожаи въ 1620 г.

Съ Воронажа съ рѣкъ и съ лѣсовъ и съ угодей оброчнаго откупу взяти на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году а въ откупъ отдаютъ воеводы на Воронажѣ.

Ухожей Бетюцкой да Серетцкой во 127 году былъ въ откупу за воронажцомъ за Кирѣйкомъ Левонтьевымъ Поздоровкою съ товарыщи а откупу тридцать одинъ рубль. А по книгамъ съ Воронажа воеводы Бориса Нащокина тотъ ухожей въ откупу за Неустроемъ Тарарыковымъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ Бетюцкого да съ Серецкого ухожея откупныя деньги на 128 годъ тридцать одинъ рубль взято.

Юртъ Бѣлозатонскай въ откупу за воронажцомъ за Офонкою Синцовымъ откупу взяти у него на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году четырнадцать рублевъ съ гривною.

И 128 г. марта въ 28 день по отпискѣ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у Воронежца у Карпа Ножевникова съ юрту Бѣлозатонского откупныя деньги на 128 годъ четырнадцать рублевъ съ гривною взято.

Юртъ Боучарской въ откупу за воронажцы за Исачкомъ Онохинымъ да за Иванкомъ Мешаевымъ откупу взяти у нихъ на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году восмь рублевъ и тринадцать алтынъ двѣ деньги.

И 128 г. марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ юрту

Digitized by Google

Боучарского откупныя деньги на 128 годъ восмь рублевъ и тринадцать алтынъ двѣ деньги взято.

Рѣка Сосна въ откупу за Воронажскимъ за Успенскимъ игуменомъ за Ѳедосьемъ откупу взяти у него на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году тридцать четыре рубли.

И 128 г. марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Сосны откупныя деньги на 128 годъ тридцать четыре рубли взято.

Ухожей Лысогорской въ откупу за воронажцы за Кирѣйкомъ да за Федкою Харинымъ откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году двадцать рублевъ и три алтына двѣ деньги.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ ухожея Лысогорскаго откупныя деньги на 128 годъ двадцать рублевъ съ гривною взято.

Затонъ Богатой да Копанище въ откупу за воронажскимъ за борщевскимъ игуменомъ за Семіономъ съ братьею откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году пятьдесятъ рублевъ и двадцать алтынъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина съ затону Богатаго да съ Копанища откупныя деньги на 128 годъ пятьдесятъ рублевъ и двадцать алтынъ взято платилъ воронежецъ Карпъ Ножевниковъ.

Рѣка Потудань съ ухожеемъ Потудонскимъ въ откупу за воронажцомъ сыномъ боярскимъ за Семейкою Ульяновымъ откупу взяти у него на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году осмнадцать рублевъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Потудони съ ухожеемъ Потудонскимъ откупныя деньги на 128 годъ осмнадцать рублевъ взято.

Рѣка Икорецъ въ откупу за воронажцомъ за Ларею Писаревымъ откупу взяти у него на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году девять рублевъ и двадцать пять алтынъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Икорца откупныя деньги на 128 годъ девять рублевъ и двадцать пять алтынъ взято.

А ко 129 году та рѣка Икорецъ отдана въ откупъ съ Воронажа Никольскому попу Саввѣ, а откупу взяти у него стараго и съ наддачею десять рублевъ да съ того откупу пошлинъ полтина съ рубля по десяти денегъ.

Digitized by Google

Ухожей Марковъ въ откупу за воронажцомъ за Ортемкомъ Бухоновымъ откупу взяти у него на нынѣшній 128 годъ противъ 127 году двадцать рублевъ и одиннадцать алтынъ четыре деньги.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ ухожея Маркова откупныя деньги на 128 годъ двадцать рублевъ и одиннадцать алтынъ четыре деньги взято.

Юртъ Калитвянской въ откупу за воронажцы за Якушомъ Киселемъ съ товарыщи откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году пятьдесятъ рублевъ съ полтиною.

И 128 году марта въ 28 день съ юрта Калитвянскаго по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина откупныя деньги на 128 годъ пятьдесятъ рублевъ съ полтиною взято платилъ воронежецъ Карпъ Ножевниковъ.

Рѣка Тулучѣева въ откупу за откупщики за Ѳедькою Проскурнинымъ да за Филькою портнымъ откупу взяти у нихъ на нынѣшній на 128 годъ противъ 127 году пять рублевъ двадцать пять алтынъ.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ рѣки Тулучѣевы откупныя деньги на 128 годъ пять рублевъ и двадцать пять алтынъ взято.

Ухожей Ѳарасанской въ откупу за воронажцомъ за Богдашкомъ Крячковымъ откупу взяти у него на нынѣшней на 128 годъ противъ 127 году двѣнадцать рублевъ и три алтына двѣ деньги.

И 128 году марта въ 28 день по отпискѣ и по книгамъ съ Воронежа воеводы Бориса Нащокина у воронежца у Карпа Ножевникова съ ухожея Ѳарасанскаго откупныя деньги на 128 годъ двѣнадцать рублевъ съ гривною взято.

Затонъ Голышевской и волочилище и селище внизъ по рѣкѣ по Дону данъ въ откупъ на 128 годъ въ первые декабря съ 15 числа 128 года декабря жъ по 15 число 129 году съ Воронажа Успенскому игумену Ѳеодосью откупу взяти у него рубль.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Приходо-расходная книга разныхъ городовъ, № 76, № 63—70)*

№ 2.

Оброчныя земли Бѣлгородскаго края 1620 г.

И въ прошломъ же въ 127 году августа въ 31 день писалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи изъ Бѣлаго-

Digitized by Google

рода стольникъ и воевода Исакъ Погожей, что по государеву указу сыскалъ онъ въ Бѣлѣгородѣ оброчные вотчинные земли верхового оброку бортные ухожеи и усады, а владѣютъ де тѣми землями бѣлогородцы дѣти боярскіе и сотники и атаманы и казаки и всякіе люди, а оброку съ тѣхъ оброчныхъ земель съ угодей не платили со 123 году.

Да Исакъ жъ писалъ къ государю, что въ Бѣлѣгородѣ многіе люди сверхъ своихъ окладовъ завладѣли государевою землею безъ дачъ и дворы поставили и пашню роспахали и пчельники устроили а оброку съ тѣхъ пашенъ и усадей не платятъ же.

И въ нынѣшнемъ въ 128 году по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи указу и по боярскому приговору писано отъ государя въ Бѣлгородъ къ стольнику и воеводѣ къ Исаку Погожево, а велѣно на дѣтѣхъ боярскихъ и на сотникехъ и на всякихъ людехъ которые оброчными мѣсты владѣли со 123 году оброкъ медъ и деньги и куницы взяти на 127 годъ, а на прошлые годы оброку до государева указу имати на нихъ не велѣно. А которые владѣли пашнею сверхъ своихъ окладовъ безъ дачъ и на ихъ земли и на всякіе угодья велѣно положити оброкъ примѣрясь къ инымъ оброчнымъ мѣстомъ да тотъ весь оброкъ и книги велѣно прислать къ государю.

И февраля въ 23 день писалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи изъ Бѣлагорода стольникъ и воевода Исакъ Погожей и прислалъ къ Государю съ Бѣлогородцы съ цѣловальники съ Ваською Росляковымъ да съ посадскимъ человѣкомъ съ Тимонкомъ Ереминымъ съ товарыщи тому Бѣлогородскому оброку оброчныя книги и деньги.

А въ книгахъ написано:

За станичнымъ атаманомъ за Ѳедоромъ Филатовымъ вотчина Берецкой юртъ что на Сѣверскомъ Донцѣ оброку рубль.

И февраля въ 23 день у бѣлогородскаго цѣловальника у Васки Рослякова съ того Берецкого юрту оброку на 127 годъ рубль взято.

За станичнымъ вожомъ за Лукьянкомъ Долгаревымъ да за путивльцомъ за Васкою Людоѣдовымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброка полтора пуда меду да полкуницы.

И февраля въ 23 день у бѣлогородского цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ полтора пуда меду да за полкуницу деньгами два алтына полпяты деньги взято.

За станичнымъ вожомъ за Богдашомъ Чорнымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку пять пудъ меду да куница.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ пять пудъ меду да за куницу деньгами пять алтынъ три деньги взято.

Digitized by Google

За станичнымъ вожомъ за Васкою Росляковымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восьмь пудъ меду да куница.

И февраля въ 23 день у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду да за куницу пять алтынъ три деньги взято.

За гулящимъ человѣкомъ за Панкою Топорниковымъ что было за станичнымъ атаманомъ за Третьякомъ Поповымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку шесть пудъ съ полупудомъ меду да куница.

И февраля, въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ шесть пудъ съ полупудомъ меду да за куницу пять алтынъ три деньги взято.

За сыномъ боярскимъ за Самойломъ Кротавскимъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у целовальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Злобою Подпоринымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду да куница.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду да за куницу пять алтынъ три деньги взято.

За станичнымъ ѣздокомъ за Иваномъ Становихинымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Семеномъ Шараповымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восмь пудъ меду да двѣ куницы.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду да за двѣ куницы одиннадцать алтынъ взято.

За сыномъ боярскимъ за Мелентьемъ Масловымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку двадцать пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ двадцать пудъ меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Иваномъ Видановымъ что было за сотникомъ стрѣлецкимъ за Ѳедоромъ Пищулинымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку семь пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ семь пудъ меду взято.

За сотникомъ стрѣлецкимъ за Ѳедоромъ Пищулинымъ что было за Власомъ Набережнымъ юртъ Старицкой оброку семнадцать алтынъ.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ семнадцать алтынъ взято.

Digitized by Google

За Михайломъ Посниковымъ сыномъ Обрютина вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Кондратомъ Стряпковымъ юртъ Топлинской оброку три алтына. А былъ де тотъ юртъ у Кондрата вопче съ ѣздокомъ съ Силою Олениным и Сила де свой жеребей сдалъ Кондрату жъ Стряпкову.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ три алтыны взято.

За сыномъ боярскимъ за Васильемъ Роговымъ юртъ Тюдинской оброку тридцать алтынъ.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ тридцать алтынъ взято.

За станичнымъ ѣздокомъ за Лепехою Бебехинымъ пчельникъ оброку тринадцать алтынъ двѣ деньги.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ четыре гривны взято.

За пушкаремъ за Томиломъ Дмитреевымъ да за ѣздокомъ за Романомъ Золотаревымъ пчельникъ оброку три алтыны.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ три алтыны взято.

За торговымъ человѣкомъ за Иваномъ Золотаремъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восмь пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду взято.

За бѣломѣстнымъ казакомъ за Ортемомъ Кривымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку пять пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ пять пудъ меду взято.

За торговымъ человѣкомъ за Родею Филатовымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За станичнымъ вожомъ за Иваномъ Зубачовымъ вотчина на рѣкѣ на Ворсклѣ оброку восмь пудъ меду.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ восмь пудъ меду взято.

За гулящимъ человѣкомъ за Мелешкою Котыгановымъ вотчина на Сѣверскомъ Донцѣ оброку полпуда меду.

Digitized by Google

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ полпуда меду взято.

За атаманомъ за Михайломъ Стариковымъ лѣсъ Нежегаловской оброку шесть алтынъ четыре деньги.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ двѣ гривны взято.

За станичнымъ вожомъ за меньшимъ Самойловымъ гумно оброку девять денегъ.

И февраля въ 23 день у цѣловальника у Васки Рослякова тотъ оброкъ на 127 годъ девять денегъ взято.

И всего у цѣловальника у Васьки Рослякова съ бѣлогородцовъ которые оброчными мѣсты владѣли со 123 году по 127 годъ верхового оброку на 127 годъ три рубли и семь алтынъ пять денегъ да за полсемы куницы деньгами жъ рубль два алтына полтретьи деньги, обоего четыре рубли и десять алтынъ полторы деньги да восьмьдесятъ шесть пудъ съ полупудомъ меду.

Да по Исаковымъ же книгамъ Погожево за тѣми которые на государевѣ землѣ въ отхожихъ мѣстехъ въ лугахъ по Донцу и по Разумной и въ полянахъ по лѣсомъ дворы поставили и пчельники устроили и пашню роспахали и всякими угодьи владѣли сверхъ своихъ окладовъ не подачѣ десятинные ихъ пашни и угодей и оброку написано.

За Сѣверскимъ Донцомъ по Крымской сторонѣ въ Донецкомъ лѣсу на большомъ логу вышѣ прежняго городища.

За пушкаремъ за Нефедкомъ Проскурнинымъ пчельникъ пашни паханые десятина оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадского человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

Да за Нефедкомъ же на оброкѣ мѣсто пчельное отъ Шераповского пчельника до пушкарскихъ гуменъ по большому логу что сидѣли ѣздоки не по дачѣ оброку полтина жъ.

И февраля въ 23 день у бѣлогородца у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За волжскимъ казакомъ за Обрамкомъ Родивоновымъ пчельникъ къ рѣкѣ къ Везеницѣ въ отхожемъ лѣсу пашни паханые полдесятины оброку пудъ меду безъ чети.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду безъ чети взято.

За стрѣльцы въ Донецкомъ лѣсу:

За Якимомъ Васильевымъ дворъ и пчельникъ оброку шесть денегъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ шесть денегъ взято.

Digitized by Google

За Иванкомъ Гребенкинымъ пчельникъ оброку шесть денегъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ шесть денегъ взято.

За Лукьяномъ винокуромъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку пудъ меду да гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да три алтыны и двѣ деньги взято.

За Михалкомъ Краюшкомъ дворъ да пчельникъ пашни паханые полдесятины оброку гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ гривна взято.

За станичнымъ ѣздокомъ за Якушкомъ Кривымъ Колпакомъ да за стрѣльцомъ за Сенькою Хлѣбникомъ дворъ да пчельникъ оброку пудъ меду да денегъ двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да шесть алтынъ и четыре деньги взято.

За Никонкомъ Лучникомъ дворъ да пчельникъ и огородъ оброку три пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимохи Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ три пуда меду взято.

За Денисомъ Хлыстовымъ пчельникъ оброку гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ гривна взято.

За Гришею Хлыстовымъ дворъ да пчельникъ и огородъ оброку двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ двѣ гривны взято.

По Липовомъ Донцѣ по крымской же сторонѣ:

За стрѣльцомъ за Лучкою Постоваломъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля земли паханые двѣ десятины оброку полтора пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтора пуда меду взято.

За бѣломѣстнымъ казакомъ за Агашкомъ Борыбинымъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку четыре пуды меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ четыре пуды меду взято.

За гулящимъ человѣкомъ за Оверкейкомъ Ястребовымъ пчельникъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

Digitized by Google

За гулящимъ человѣкомъ за Мишкою Прудцкимъ пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

Въ Донецкомъ лѣсу за станичными ѣздоки:

За Семеномъ Выродовымъ дворъ и пчельникъ оброку полтретья пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда съ полупудомъ меду взято.

За Костею Выродовымъ дворъ и пчельникъ оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За Мокѣйкомъ Петрищевымъ дворъ и пчельникъ пашни паханые осминникъ оброку двадцать алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ двадцать алтынъ взято.

За стрѣльцомъ за Карпомъ Кострикинымъ дворъ и пчельникъ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За рѣкою за Донцомъ по нагайской сторонѣ по рѣчкѣ по Разумницѣ за станичными ѣздоки:

За Иваномъ Карницкимъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За Познякомъ Огурцовымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку три пуды меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ три пуды меду взято.

За Третьякомъ Марковымъ дворъ и пчельникъ пашни паханые осминникъ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За Кондратомъ Менташинымъ дворъ и пчельникъ оброку полтретья пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда съ полупудомъ меду взято.

За станичнымъ атаманомъ за Павломъ Бѣляевымъ дворъ и пчельникъ оброку два пуда меду да денегъ полполтины.

Digitized by Google

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду да восмь алтынъ двѣ деньги взято.

За ѣздокомъ за Семенкою Воронкинымъ дворъ и пчельникъ оброку пять алтынъ.

И февраля въ 23 день у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Лукьяномъ Першинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Денисомъ Козловымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку полпуда меду да денегъ гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полпуда меду да три алтыны двѣ деньги взято.

За Иваномъ Толмачовымъ пчельникъ оброку пудъ меду да денегъ двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да шесть алтынъ четыре деньги взято.

За ѣздокомъ за Игнатомъ Бовыкинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Ѳедкомъ Сивцевымъ дворъ и пчельникъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За Власомъ Набережнымъ пчельникъ оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За ѣздокомъ за Богдашомъ Кошкаровымъ пчельникъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Левою Кортавцевымъ пчельникъ и огородъ оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За Ивашкомъ Рыболовомъ пчельникъ и рыбная ловля и хмѣлевое угодье оброку двадцать алтынъ.

Digitized by Google

И февраля въ 23 день у бѣлогородца у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ двадцать алтынъ взято.

За Тренкою Подставкинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За ѣздокомъ за Кирѣйкомъ Орѣховымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку полтора пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ съ полупудомъ меду взято.

За ѣздокомъ за Иванкомъ Трунинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ гривна взято.

За ѣздокомъ за Онтонкомъ Ѳоминымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку четыре гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ тринадцать алтынъ двѣ деньги взято.

За пушкаремъ за Томиломъ Дмитріевымъ пчельникъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За атаманомъ за Тимохою Рѣпинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За ѣздокомъ за Пахомомъ Рѣпинымъ пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду да денегъ гривна.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду да три алтыны двѣ деньги взято.

За ѣздокомъ за Дѣемъ Рѣпинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду безъ чети.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ меду пудъ безъ чети взято.

За ѣздокомъ за Офонею Кукосовымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку два пуда меду да денегъ двѣ гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду да шесть алтынъ четыре деньги взято.

За посадскимъ человѣкомъ за Тимонкомъ Ереминымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку четыре пуды меду.

Digitized by Google

И февраля въ 23 день у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ четыре пуды меду взято.

За ѣздокомъ за Фокою Кукосовымъ пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Олексѣемъ Нечаевымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и рыбная ловля оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Ондреемъ Корякинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку два пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ два пуда меду взято.

За ѣздокомъ за Хрѣномъ Корякинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ и хмѣлевое угодье и рыбная ловля оброку полтора пуда меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ съ полупудомъ меду взято.

За ѣздокомъ за Яковомъ Выродовымъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За ѣздокомъ за Иваномъ Становихинымъ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку полтина.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За ѣздокомъ за Омельяномъ Глазковымъ пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку четыре гривны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ тринадцать алтынъ двѣ деньги взято.

За вожомъ за Васкою Лодыгинымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку четыре алтыны.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ четыре алтыны взято.

За вожомъ за Фадѣйкомъ Трофимовымъ дворъ и пчельникъ и огородъ оброку десять алтынъ.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ десять алтынъ взято.

За Данилкомъ Трубицынымъ пчельникъ и хмѣлевое и рыбная ловля оброку полтина.

Digitized by Google

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ полтина взято.

За ѣздокомъ за Гришею Шопинымъ на Сѣверскомъ Донцѣ дворъ и пчельникъ и хмѣлевое угодье пашни паханые десятина безъ чети оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

За ѣздокомъ за Наумкомъ Борыбинымъ на Донцѣ пчельникъ и хмѣлевое угодье оброку пудъ меду.

И февраля въ 23 день у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина тотъ оброкъ на 127 годъ пудъ меду взято.

И всего у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина съ бѣлогородцовъ которые государевою землею владѣли сверхъ своихъ окладовъ не по дачамъ со пчельниковъ и съ десятинные ихъ пашни и съ угодей на 127 годъ оброку десять рублевъ и два алтына и четыре деньги да меду пятьдесятъ пудъ съ полупудомъ.

И обоего у цѣловальника у Васки Рослякова и у посадскаго человѣка у Тимонка Еремина съ бѣлогородцовъ оброку на 127 годъ по книгамъ противъ отписки денегъ и за куницы деньгами жъ тринадцать рублевъ и двѣнадцать алтынъ полшесты деньги да сто тридцать семь пудъ меду.

И февраля въ 25 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу тотъ медъ отосланъ въ большой дворецъ къ боярину къ Борису Михайловичу Салтыкову да къ дьякомъ къ Ивану Болотникову да къ Богдану Кашкину да къ Патрекѣю Насонову съ Васкою жъ Росляковымъ да съ Тимонкомъ Ереминымъ посланъ.

И марта въ 3 день по памяти съ дворца за приписью дьяка Богдана Кашкина тотъ медъ на государевъ обиходъ на сытной дворецъ у Васки Рослякова да у Тимонки Еремина противъ памяти взятъ сполна.

Въ Исаковыхъ же книгахъ Погожево написано за станичнымъ ѣздокомъ за Назаркомъ Позняковымъ пчельникъ что на Липовомъ Донцѣ оброку старого одиннадцать алтынъ четыре деньги да по государевѣ грамотѣ по челобитью атамана Орѣха Ѳедорова прибавлено на тотъ пчельникъ оброку четыре гривны обоего на Позднякѣ того оброку положено двадцать пять алтынъ.

И февраля въ 23 день съ Позняка Назарова того оброку на 127 годъ наддачи тринадцать алтынъ двѣ деньги взято платилъ бѣлогородской цѣловальникъ Васка Росляковъ.

А старой оброкъ одиннадцать алтынъ четыре деньги за Назаркомъ Позняковымъ съ островка да съ сѣножати что на Липовомъ Донцѣ во

Digitized by Google

взятьѣ въ окладныхъ въ приходныхъ книгахъ польскихъ городовъ 127 году писанъ подъ окладомъ.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Приходорасходная книга разныхъ городовъ № 76, л. 21—55).

№ 3.

Воронежскіе ухожаи 1629 г.

На Воронажѣ съ рѣкъ и съ лѣсовъ и съ угодей денежныхъ доходовъ на нынѣшній на 137 годъ по окладу.

Ухожей Бетюцкой да Серетцкой по отдачѣ 136 году въ откупу боярина Ивана Никитича Романова за крестьяниномъ за Микифоркомъ Ѳалелѣевымъ а откупу противъ 136 году шестьдесятъ пять рублевъ полтретьи деньги.

И 136 года марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожево у воронажскаго сотника у Якова Жохова того откупу на нынѣшній на 137 годъ тридцать восмь рублевъ двѣнадцать алтынъ полшесты деньги взято.

Да по отпискѣ жъ и по росписи на Воронажѣ по государевѣ грамотѣ изъ розряду воронежскимъ атаманомъ и стрѣльцомъ и казакомъ и пушкаремъ и затинщикомъ и всякимъ воронежскимъ жилецкимъ людемъ за посольскіе кормы что они давали турскому послу за куры и за бораны и за говядину двадцать шесть рублевъ двадцать алтынъ пять денегъ въ расходѣ.

Юртъ Бѣлозатонской въ откупу за воронежцомъ за Ѳомкою Синцовымъ откупу противъ 136 году четырнадцать рублевъ съ гривною.

И 137 года марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева юртъ Бѣлозатонской въ откупу за воронежскими полковыми казаками за Дуняйкомъ Боклановымъ съ товарыщи старого откупу четырнадцать рублевъ съ гривною да новыя наддачи шесть алтынъ четыре деньги обоего четырнадцать рублевъ десять алтынъ. И тѣ откупныя деньги съ юрту Бѣлозатонского на нынѣшній на 137 годъ у воронажскаго сотника у Якова Жохова четырнадцать рублевъ десять алтынъ взято.

Юртъ Боучарской да рѣка Тулучѣева въ откупу за воронажцомъ за Трофимкомъ Михневымъ откупу противъ 136 году шестнадцать рублевъ.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева юртъ Боучарской и рѣка Тулучѣева въ откупу за воронажскими полковыми казаки за Демкою Данилинымъ съ товарыщи стараго откупу шестнадцать рублевъ да новыя наддачи восмь алтынъ двѣ деньги. И тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ у воронежскаго сотника у Якова Жохова старой и съ новою наддачею шестнадцать рублевъ восмь алтынъ двѣ деньги взято.

Digitized by Google

Рѣка Сосна въ откупу за Воронажскимъ Успенскимъ келаремъ Онтонымъ откупу противъ 136 году 34 рубли.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у Воронажскаго сотника у Якова Жохова съ рѣки Сосны откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 34 рубля взято.

Ухожей Лысогорской въ откупу за воронажцомъ за Прокофьемъ Шишкинымъ откупу противъ 136 году 20 рублевъ съ гривною.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева ухожей Лысогорской за воронажскими полковыми казаки за Пронкою Тереховымъ съ товарыщи откупу стараго 20 рублевъ съ гривною да новыя наддачи 5 алтынъ обоего двадцать рублевъ 8 алтынъ 2 деньги. И тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ у воронажскаго сотника у Якова Жохова старой и съ паддачею 20 рублевъ 8 алтынъ 2 деньги взято.

Рѣка Потудонь съ ухожеемъ Потудонскимъ въ откупу за Прокофьемъ жъ Шишкинымъ откупу противъ 135 году 19 рублевъ.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронежскаго сотника у Якова Жохова съ рѣки Потудони и съ ухожья откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 19 рублевъ взято.

Николы чудотворца Гостунского что на Москвѣ за попомъ за Иваномъ на оброкѣ безъ перекупки съ 134 году на пять лѣтъ рѣка Икорецъ съ сентября по сентябрь да на рѣкѣ на Дону рыбныя ловли затонъ Бабей затонъ Окуневъ затонецъ Окуневъ же затонъ Ведовской затонъ Ситовъ съ марта по мартъ 139 году оброку съ рѣки Икорца и съ затоновъ на нынѣшній на 137 годъ 14 рублевъ 20 алтынъ 4 деньги срокъ тѣмъ деньгамъ Рождество Христово въ 138 году.

Ухожей Марковъ въ откупу Борщевскаго монастыря за игуменомъ Семіономъ да за воронажцомъ за Ортемкомъ Бухоновымъ откупу противъ 136 году 20 рублевъ 11 алтынъ 4 деньги.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева ухожей Марковъ отданъ въ откупъ Покровскому попу Ивану Махаю откупу стараго 20 рублевъ 11 алтынъ 4 деньги да новыя наддачи 25 алтынъ обоего 21 рубль 3 алтына 2 деньги. И тѣ откупныя деньги прежній откупъ и съ новою наддачею на нынѣшній на 137 годъ у воронажскаго сотника у Якова Жохова 21 рубль 3 алтыны 2 деньги взято.

Юртъ Калитвянской въ откупу по отдачѣ на Воронажѣ воеводъ Воронажскіе Чижовскіе слободы за Никольскимъ попомъ за Сергѣемъ а откупу на нынѣшній на 137 годъ 51 рубль.

Digitized by Google

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова съ юрта Калитвянскаго откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 51 рубль взято.

Затонъ Голышевской и волочилище и селище внизъ по рѣкѣ по Дону въ откупу за атаманомъ за Васильемъ Ломоносомъ откупу противъ 136 году 2 рубли срокъ тому откупу сентября 1 число 138 году.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева затонъ Голышевъ и волочилище и селище въ откупу за Борщевскимъ игуменомъ за Семіономъ стараго откупу 2 рубля да новыя наддачи 6 алтынъ 4 деньги. И тѣ откупныя деньги у воронежскаго сотника у Якова Жохова на нынѣшній на 137 годъ старой откупъ и съ новою наддачею 2 рубля 6 алтынъ 4 деньги взято.

Въ Воронежскомъ уѣздѣ въ селѣ Ступинѣ рыбныя ловли рѣчка Ивницы затонецъ Окуневъ озерко Боковое на оброкѣ села Ступина за атаманомъ за Корниломъ Цѣловальниковымъ съ товарыщи оброку противъ 136 году два рубли съ полтиною.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ у Воронажскаго сотника у Якова Жохова 2 рубля съ полтиною взято.

Воронажскія рыбныя ловли что ловятъ рыбу съ сѣжеми по рѣкѣ по Дону пять сѣжъ да по рѣкѣ по Воронажу осмнадцать сѣжъ того 23 сѣжи да на рѣкѣ на Дону перевозъ въ откупу за воронажцы за бѣломѣстными атаманы и за полковыми казаки и за стрѣльцы и за пушкари и за затинщики откупу на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году съ сѣжъ 7 рублевъ 21 алтынъ 4 деньги а съ перевозу рубль обоего 8 рублевъ 21 алтынъ 4 деньги.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 8 рублевъ 21 алтынъ 4 деньги взято.

Успенскаго монастыря что на Воронажѣ съ слободки оброку на нынѣшній 137 годъ противъ 136 году 10 рублевъ 26 алтынъ 4 деньги.

И 137 года марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 10 рублевъ 26 алтынъ 4 деньги взято.

На Воронажѣ пустовой лугъ на Нагайской сторонѣ позадъ Усманскихъ атамановъ за рѣкою за Томлыскомъ межъ Хавы прямо на Скупуху и на

Digitized by Google

Пономареву луку на оброкѣ Воронежскаго Успенскаго монастыря за игумномъ Іоною съ братьею оброку на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году рубль.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронежскаго сотника у Якова Жохова тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ рубль взято.

На Воронажѣ рѣчка Хава на оброкѣ за воронажцы за Неустроемъ Тарарыковымъ да за Клеменомъ Смагинымъ да за Григорьемъ Струковымъ оброку на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году рубль.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ рубль взято.

Озерко Жироко съ протокомъ на оброкѣ за воронажцомъ за Тимофеемъ Митрофановымъ оброку на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году 12 алтынъ.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева тѣ оброчныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 12 алтынъ взято платилъ деньги воронежской сотникъ Яковъ Жоховъ.

На Воронажѣ 6 бань въ прошломъ 136 году были въ откупу за воронажскимъ жильцомъ за Гришкою Сусленикомъ сентября съ 1 числа 136 году сентября жъ по 1 число нынѣшняго 137 году а откупу съ тѣхъ бань стараго 25 рублевъ да Гришкины паддачи Сусленика 2 рубля да съ того откупу пошлинъ рубль 11 алтынъ 4 деньги съ рубля по 10 денегъ всего 28 рублевъ и одиннадцать алтынъ 4 деньги.

И 137 году марта въ 16 день по отпискѣ и по росписи съ Воронажа стольника и воеводы Исака Погожева у Воронажскаго сотника у Якова Жохова тѣ откупныя деньги на нынѣшній на 137 годъ 28 рублевъ 11 алтынъ 4 деньги взято.

Рѣка Осколъ съ малыми рѣчками съ верховья и до Жестовыхъ горъ въ откупу за Оскольскими за всякими людьми откупу на нынѣшній на 137 годъ противъ 136 году 3 рубля да съ Котельскаго лѣсу и съ рѣки Семи 25 алтынъ обоего 3 рубля 25 алтынъ срокъ тѣмъ деньгамъ апрѣля 17 число во 138 году.

И 137 года апрѣля въ 19 день по отпискѣ съ Оскола Данила Яблочкова съ рѣки съ Оскола съ малыми рѣчками и съ Котельскаго лѣсу и съ рѣки съ Семи оброку на нынѣшній на 137 годъ 3 рубля 25 алтынъ взято.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Книга денежнаго стола, № 86, л. 13—18, 23—25, 158).

Digitized by Google

№ 4.

Татарскій погромъ 1646 года.

154 году генваря въ 26 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу и по отпискѣ боярина князя Алексѣя Микитича Трубецкаго Григорій Орефьевичъ Нероновъ допрашивалъ по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи крестному цѣлованью путивльцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и головъ верстаныхъ и кормовыхъ и жилецкихъ казаковъ и стрѣльцовъ какъ въ нынѣшнемъ во 154 году у воеводы у князя Василья Львова подъ Путивлемъ съ татары былъ бой и въ посылкахъ какъ воевода князь Василій Львовъ посылалъ стольника князь Ѳедора Львова въ посылку для поиску надъ татары и что гдѣ у татаръ полону отбито и кто именемъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей и посадскихъ и пашенныхъ людей и ихъ женъ и дѣтей и про то по государеву указу скажите имянно что тѣхъ мнѣ полонниковъ велѣно ставить передъ себя и роспрашивать порознь.

И путивльцы служилые и всякихъ чиновъ люди сказали въ нынѣшнемъ во 154 году декабря въ 21 день пришли подъ Путивль татарова на вѣсть и воевода де князь Василій Львовъ съ ними ратными людьми подъ Путивльцы къ нимъ выходилъ и съ ними билися съ перваго часа дни и до послѣдняго и къ надолобомъ и къ посадомъ и къ монастырскимъ слободамъ напущали татарове же жестокими напуски чтобъ имъ зажечь посады и Божіею де милостью и Пречистыя Богородицы помощію и государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи счастіемъ татары отъ посаду и отъ монастырей и отъ слободъ прочь отбили изъ наряду изъ мелкаго ружья побили многихъ и переранили а въ языцехъ взяли крымскихъ татаръ 11 человѣкъ а надъ посадомъ и надъ монастыри и надъ слободами татаромъ никакіе порухи учинить не дали пошли отъ Путивля прочь и воевода князь Василей Львовъ для поиску надъ татары послалъ стольника князь Ѳедора Львова а съ нимъ ихъ путивльцовъ ратныхъ людей головъ сотнями конныхъ и пѣшихъ съ обозомъ и съ нарядомъ и князь Ѳедоръ де Львовъ съ ними ратными людьми путивльцы татаръ дошелъ тысячъ съ пять въ Путивльскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Сногости отъ Путивля верстъ съ 50, а отъ Рылска верстъ съ 15, и былъ де у него съ татары бой и Божіею де милостію и Пречистыя Богородицы помощію и государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи счастьемъ татаръ побили и полонъ отбили многой а въ языцехъ де взяли татарина.

А полонъ де отбитъ Рыльскаго уѣзду до села Крупецы а Путимскаго уѣзду отбито полону вдовы Татьяны Ивановскія жены Черепова крестья-

Digitized by Google

пинъ Юшка Семеновъ съ женою съ Анюткою да съ сыномъ съ Гришкою да ее жъ вдовы Татьяны дворовая жонка Улитка.

И всего по семъ книгамъ на бою и въ посылкахъ взято въ полонъ и побито путивльцовъ дѣтей боярскихъ 7 человѣкъ.

Черниговецъ 1 человѣкъ.

Стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей 8 человѣкъ.

Посадскихъ людей да монастырской крестьянинъ всего 4 человѣка.

У нихъ же взято въ полонъ въ уѣздѣ жонъ ихъ и дѣтей и братьи 84 человѣка людей и крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей 114 человѣкъ.

У путивльцовъ же и у черниговцевъ въ уѣздѣ взято въ полонъ людей ихъ и крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей и братьи 439 человѣкъ.

Всего въ Путивлѣ и въ Путивльскомъ уѣздѣ взято въ полонъ всякихъ людей 639 человѣкъ.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Разрядный приказъ. Дѣла Сѣвскаго стола, кн. № 3, л. 36—39).

№ 5.

О Чугуевскихъ виноградникахъ 1661—1662 г.

Нынѣшняго жъ 169 года ноября въ 11 день въ памяти изъ приказу Большаго дворца за приписью дьяка Андрея Селина написано.

Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ построить въ Чугуевѣ 5 огородовъ или сколько доведется и на тѣхъ огородахъ садить арбузы а что подастъ Богъ арбузовъ и тѣ арбузы присылать къ Москвѣ на свой великаго государя обиходъ на ямскихъ подводахъ а къ тому огородному строенью взять изъ служилыхъ или жилецкихъ всякихъ чиновъ людей охочихъ 5 человѣкъ которымъ арбузное строенье было за обычай и учинить имъ своего государева годоваго денежнаго жалованья по 5 рублевъ человѣку на годъ а давать имъ то годовое денежное жалованье изъ Чугуевскихъ доходовъ да ихъ жъ которые будутъ къ тому строенью охотники взять изъ служилыхъ людей отъ службы отставить и на той памяти ноября въ 13 день помѣта думнаго дьяка Семена Заборовскаго учинить по сему государеву указу.

А изъ разряду великаго государя въ грамотѣ въ Чугуевъ къ воеводѣ къ Обакуму Ѳедорову сыну Іевлеву писано. Велѣно ему выбрать изъ Чугуевскихъ изъ служилыхъ и изъ жилетцкихъ изо всякихъ чиновъ охочихъ людей пять человѣкъ и учинить въ Чугуевѣ по веснѣ рано въ городѣ и на посадѣ и въ слободахъ пять огородовъ или сколько пригоже а на тѣхъ огородахъ велѣть тѣмъ выборнымъ людямъ на его государевъ обиходъ садить

Digitized by Google

арбузы, а его государева годоваго денежнаго жалованья для той работы давать имъ по пяти рублевъ на годъ изъ Чугуевскихъ доходовъ и того надъ ними смотрѣть почасту чтобъ они у того дѣла были безъотступно и промышляли о томъ съ великимъ радѣньемъ неоплошно и арбузъ садили всегда не испустя времени и береженье къ огородному строенью и къ арбузамъ держали великое чтобъ тому строенью порухи никакіе ни отъ кого не было и арбузовъ бы на тѣхъ огородахъ завести нескудно. А сѣмены велѣть въ Чугуевѣ имать у тѣхъ людей у которыхъ арбузы бывали наперед сего. А какъ аже дастъ Богъ нынѣшняго лѣта и впредь арбузы поспѣютъ и тѣ арбузы снять во время и устроя какъ пристойно присылать къ нему великому государю къ Москвѣ на ямскихъ подводахъ съ тѣми людьми которые къ тому строенью выбраны будутъ и съ провожатыми и приказывать накрѣпко чтобъ тѣ арбузы везли съ великимъ береженьемъ чтобъ въ дорогѣ порухи никакіе ни отъ кого не учинилось однолично бъ ему о томъ порадѣть для арбузнаго строенья нынѣшніе весны рано устроить огороды и къ тому арбузному и къ огородному строенью охочихъ людей выбрать и его государево денежное жалованье имъ для того дѣла дать а изъ какихъ людей и кого имяны къ тому дѣлу выберетъ и въ которыхъ мѣстехъ и каковы мѣрою на арбузное строенье огороды учинить и онъ бы писалъ о томъ къ нему великому государю.

Великаго государя грамота о томъ послана. Государеву грамоту Иванъ Харьевъ сынъ Іевлевъ взялъ.

А 169 жъ году іюня въ 23 день въ отпискѣ съ Чугуева Обакума Іевлева написано.

Къ арбузному строенью назвались изъ воли Чугуевцы дѣти боярскіе Степанъ Семеновъ Кирило Блудовъ казакъ Ѳедька Квасниковъ стрѣлецъ Петрушка Зубковъ пушкарь Мишка Булдыжовъ всего пять человѣкъ.

Огороды взяты у чугуевцовъ у дѣтей боярскихъ у Ивана Харитонова, да у Игнатья да у Кузмы Ганшиныхъ у Никона Мишнева у полковаго казака у Трофимка Аргунова пять огородовъ и на тѣхъ огородахъ нынѣшніе весны апрѣля въ 18 на государевъ обиходъ арбузовъ построена пополну и за арбузнымъ строеньемъ арбузники ходятъ безотступно а какъ дастъ Богъ арбузы поспѣютъ и онъ тѣ арбузы къ великому государю къ Москвѣ пришлетъ съ тѣми жъ арбузники.

А въ нынѣшнемъ въ 170 году сентября въ 3 день писалъ къ великому государю изъ Курска Александръ Похвисневъ а въ отпискѣ его написано въ 169 году августа въ 10 день прислана въ Курескъ къ нему великаго государя грамота изъ разряду за приписью дьяка Василья Брехова велѣно ему дать изъ курскихъ изъ таможенныхъ и кружечнаго двора денежныхъ доходовъ сытнику Ѳедору Осетрову для арбузные покупки сто рублевъ де-

Digitized by Google

негъ съ росписко̀ю а таможенному и кружечнаго двора головѣ и цѣловальникомъ велѣно ему дать отпись за своею рукою и по указу великаго государя и по грамотѣ онъ Александръ къ Курску изъ таможенныхъ и кружечнаго двора изъ денежныхъ доходовъ у головы у Павла Пинякова сто рублевъ денегъ взялъ и отдалъ сытнику Ѳедору Осетрову для арбузные покупки того жъ числа а головѣ въ томъ далъ отпись.

Октября въ 16 день въ памяти въ разрядъ изъ приказу большіе казны за приписью дьяка Дениса Савлукова писано.

Лѣта 7170-го октября въ 16 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу память дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Афанасью Зыкову били челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу чугуевскіе садовники Стенка Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ по указу де великаго государя велѣно имъ быть въ Чугуевѣ для арбузнаго строенья въ садовникахъ а воеводы де въ посылки и на всякіе службы и подѣлки ихъ посылаютъ и всякія подати велятъ платить и дѣтей ихъ и братьевъ и племянниковъ пишутъ въ солдаты и чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ быть у одного арбузнаго строенья а дѣтемъ и братьямъ и племянникомъ ихъ быть съ ними жъ въ одной службѣ и великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ садовниковъ Стенку Семенова съ товарыщи пяти человѣкъ пожаловалъ велѣлъ имъ быть въ Чугуевѣ у своихъ государевыхъ садовъ у одного арбузнаго строенья и въ службы ни въ какія выбирать ихъ не велѣлъ и о томъ указалъ великій государь послать свою государеву грамоту въ Чугуевъ къ воеводѣ изъ разряду и по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Афанасью Зыкову учинить о томъ по указу великаго государя.

Того жъ числа въ другой памяти писано.

Лѣта 7170-го октября въ 16 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу память дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Офонасью Зыкову били челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу Чугуевскіе садовники Стенка Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ по указу де великаго государя строили они въ Чугуевѣ подъ арбузы огороды городили и сѣяли и стерегли все собою а не городомъ а какъ де они тѣ огороды строили и хлѣба де они не пахали и сѣна не косили и нынѣ де

Digitized by Google

имъ съ женами и съ дѣтьми прокормиться нечѣмъ и чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ учинить свое великаго государя городовое и денежное и хлѣбное жалованье и великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ Чугуевскихъ садовниковъ Стенку Семенова съ товарыщи пожаловалъ велѣлъ имъ учинить своего государева жалованья оклады противъ ихъ братьи московскихъ оптекарскаго саду садовниковъ вполы денегъ по три рубля съ полтиною хлѣба по шти чети ржи овса потому жъ человѣку и то свое великаго государя денежное жалованье велѣлъ имъ давать изъ приказу большаго дворца а хлѣбъ въ Чугуевѣ и о томъ указалъ великій государь послать свою великаго государя грамоту въ Чугуевъ къ воеводѣ и по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василью Брехову да Афонасью Зыкову учинить о томъ по указу великаго государя.

А изъ Розряду послана великаго государя грамота такова.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Чугуевъ Обакуму Ѳедоровичу Іевлеву били челомъ намъ великому государю чугуевскіе садовники Стенка Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ по нашему де великаго государя указу велѣно имъ быть въ Чугуевѣ для арбузнаго строенья въ садовникахъ и ихъ де въ посылки и на всякія наши великаго государя службы и на городовыя подѣлки посылаютъ и всякихъ податей на нихъ правятъ а дѣтей ихъ и братью и племянниковъ пишутъ въ солдаты а въ прошломъ во 169 году строили они въ Чугуевѣ подъ арбузы огороды и городили арбузы сѣяли и стерегли все собою а городскіе люди тѣхъ арбузовъ не строили и не стерегли а въ которое де время они у арбузнаго строенья и въ то время хлѣба не сѣяли и сѣна не косили и нынѣ де имъ съ женами и съ дѣтьми прокормиться нечѣмъ и намъ великому государю пожаловати бъ ихъ велѣть имъ быть у арбузнаго строенья а дѣтемъ ихъ и братьямъ и племянникамъ быть съ ними жъ въ одной службѣ и учинить имъ нашего государева жалованья городовое денежное и хлѣбное жалованья и какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ и ты бъ чугуевскимъ садовникомъ Стенкѣ Семенову съ товарыщи пяти человѣкомъ велѣлъ быть въ Чугуевѣ у нашихъ государевыхъ садовъ у одного арбузнаго строенья и въ службы ихъ ни въ какія не ималъ и не выбиралъ да имъ же давалъ нашего государева жалованья изъ нашихъ государевыхъ житницъ хлѣба ржи по шти чети овса тожъ на годъ въ московскую таможенную мѣру и ту дачу велѣлъ писать въ расходныя книги а денежнаго жалованья впредь имъ въ Чугуевѣ не давалъ для того что имъ наше государево денежное городовое жалованье велѣно давать на Москвѣ

Digitized by Google

въ приказѣ Большаго Дворца и приказалъ бы еси садовникомъ чтобъ они однолично арбузнымъ строеньемъ промышляли съ великимъ радѣньемъ и были бъ у того дѣла безотступно и арбузы сѣяли всегда не испустя времени. Писанъ на Москвѣ лѣта 7170-го августа въ 18 день.

(Архивъ Мин. Юстиціи. Разр. приказъ. Дѣла Московскаго стола, № 11, л. 368—373).

Digitized by Google

IV.

Рецензія на сочиненіе подъ девизомъ: „И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ".

С. О. Долговъ.

Сочиненіе «Одинъ изъ пестрыхъ XVII-го вѣка» посвящено обозрѣнію жизни и трудовъ одного изъ московскихъ писателей конца XVII — начала XVIII вѣка, монаха Чудова монастыря Каріона Истомина, бывшаго довольно долгое время справщикомъ печатнаго двора и довѣреннымъ лицомъ двухъ послѣднихъ русскихъ патріарховъ — Іоакима и Адріана.

Авторъ очень удачно примѣнилъ для характеристики этого дѣятеля названіе «пестрый». Іеродіаконъ Дамаскинъ въ сочиненіи своемъ «Сто пять отвѣтовъ» даетъ характеристику русскаго общества второй половины XVII вѣка, особенно замѣтно раздѣлившагося на партіи во время споровъ о пресуществленіи. Одну изъ этихъ партій онъ называетъ *латинская часть*, *латинники*, *западная часть*, *инославные*, другую—*восточная часть*, *восточники*, *православные*.

«Обѣ эти партіи, говоритъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, такъ рѣзко обозначились во второй половинѣ XVII столѣтія, что даютъ возможность сдѣлать общую характеристику людей той и другой. «Восточникъ» представлялъ типъ истинно-русскаго человѣка, неиспорченнаго схоластической наукою, хотя для своего времени очень образованнаго, честнаго, неподкупнаго, съ прямымъ здравымъ смысломъ, непритворно смиреннаго и благочестиваго, но неустрашимаго борца за свою вѣру (Евѳимій, Дамаскинъ). «Западникъ же являлся человѣкомъ, окуреннымъ западною іезуитскою ученостію, хитрымъ, пронырливымъ, тщеславнымъ, способнымъ къ лести, интригѣ, ищущимъ только своихъ выгодъ и преимуществъ (Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ)»[1].

---

1) См. Изслѣдованіе, ч. I, предисловіе, л. I.

Digitized by Google

Авторъ, безъ сомнѣнія, чтобы рѣзче опредѣлить ту и другую партіи сгустилъ краски. На самомъ дѣлѣ такой рѣзкой разницы не было. Въ дѣятельности представителей какъ той, такъ и другой партіи были свои свѣтлыя и темныя стороны, среди нихъ встрѣчались люди, беззавѣтно преданные своему дѣлу, и люди, болѣе дорожившіе своей выгодой, чѣмъ общимъ дѣломъ. Евѳимій былъ истымъ восточникомъ, но при этомъ слишкомъ буквально слѣдовалъ греческому образцу, иногда прямо въ ущербъ здравому смыслу, былъ настолько нетерпимъ ко всему западному, даже хорошему, что, самъ не сознавая того, шелъ по слѣдамъ средневѣковыхъ католиковъ. Характеристика «западника» скорѣе идетъ къ такимъ дѣятелямъ, каковъ былъ грекъ Паисій Лигаридъ, чѣмъ къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдеву; особенно послѣдній, хотя и «окуренный западною ученостію», но искренній поборникъ просвѣщенія, представляется намъ скорѣе человѣкомъ, мало заботившимся о своей карьерѣ и мало предусмотрительнымъ, чѣмъ «хитрымъ, пронырливымъ, ищущимъ только своихъ выгодъ и преимуществъ». Нравственный обликъ его благороднѣе, чѣмъ обликъ Каріона, мѣнявшаго легко убѣжденія и не брезгавшаго выслѣживать Сильвестра, своего родственника и покровителя, который вывелъ его на дорогу[1]). Потому-то намъ и кажется удачнымъ примѣненіе клички «пестрый» къ Каріону Истомину. «Пестрыми» Дамаскинъ назвалъ людей, склонявшихся то къ тому, то къ другому лагерю. И въ сочиненіяхъ Каріона, и въ дѣятельности его проглядываетъ эта пестрота, эта смѣна одного направленія на другое, какъ не разъ показываетъ самъ авторъ разбираемаго сочиненія.

Сочиненіе раздѣляется на двѣ части, почти равныя по объему. Въ первой дается очеркъ жизни и дѣятельности Каріона Истомина, насколько объ этомъ можно было узнать изъ тѣхъ немногихъ и необильныхъ источниковъ, которые сохранили свѣдѣнія о немъ, во второй — разборъ главныхъ произведеній Каріона. Остановимся сначала на первой части изслѣдованія.

Во введеніи къ первой части авторъ разсматриваетъ, что̀ сдѣлано было для ознакомленія съ жизнью и произведеніями Каріона его предшественниками. Онъ умѣло сводитъ всѣ появившіяся до его труда свѣдѣнія объ этомъ, въ большинствѣ случаевъ библіографическія или находящіяся въ такихъ вспомогательныхъ сочиненіяхъ, каковы Словарь писателей митр. Евгенія, Обзоръ арх. Филарета, Библіологическій словарь Строева. Никто еще до автора не задавался спеціально Каріономъ Истоминымъ, а потому свѣдѣнія о немъ были и очень кратки, и часто не совсѣмъ точны. Представленное

1) См. показаніе Ивана Истомина въ дѣлѣ о Ѳ. Шакловитомъ, т. I, ст. 519—522. Сл. Изслѣдованіе, ч. I, лл. 6, 12—15, 116, 117. Г. Козловскій считаетъ Сильвестра Медвѣдева въ нравственномъ отношеніи выше своего учителя С. Полоцкаго. См. Кіевск. Унив. изв. 1895 г., № 2, ст. Козловскаго «Сильвестръ Медвѣдевъ», стр. 8, прим. 4.

Digitized by Google

сочиненіе выгодно отличается отъ трудовъ предшественниковъ по этому вопросу и богатствомъ матеріала и тщательной его обработкой. Кажется намъ только, что авторъ слишкомъ сжился съ Каріономъ, положилъ такъ много труда для отысканія и изученія его сочиненій, что порой невольно придаетъ этимъ сочиненіямъ бо́льшее значеніе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ представляютъ, а чрезъ это идеализуетъ и самого писателя. Примѣръ этой идеализаціи мы увидимъ ниже при разсмотрѣніи букварей Каріона, но и во введеніи можно подмѣтить нѣкоторую щепетильность автора при неблагопріятныхъ отзывахъ объ этомъ трудѣ Каріона предшественниковъ. Такъ Ѳ. И. Буслаевъ, перепечатывая въ своей Исторической хрестоматіи изъ букваря Каріонова стихи на букву *к*, замѣтилъ: «безсмыслица второй статьи изъ Букваря объясняется именно тѣмъ, что стихи эти стоятъ подъ буквою к, какъ и подъ прочими буквами помѣщены подобные же». Замѣчаніе вполнѣ справедливое. Немного смысла въ такихъ стихахъ, особенно взятыхъ отдѣльно отъ изображеній:

Како кто хощетъ видомъ си познати,
в'первыхъ вещей сих будешъ то писати.
Киты суть в'морях', кипарисъ на суши,
юный отверзай в'разумъ твоя ушы.
В'колесницу сядь, копіемъ борися,
конемъ поѣзжай, ключемъ отоприся.
Корабль на водахъ, а в'дому корова,
и кокошь в'требу, и людемъ здорова.(!)
Отложи присно тщеты, недосуги
и колоколъ слушай, твори в'небѣ други.

Между тѣмъ авторъ находитъ это примѣчаніе «не совсѣмъ справедливымъ» и обвиняетъ еще Ѳ. И. Буслаева, что онъ просмотрѣлъ «замѣчательную со стороны К. Истомина попытку облегчить дѣтямъ усвоеніе азбуки, изъ-за которой почти всѣ они подвергались наказанію «розгами мучительскими». (Часть I, л. XX). Если послѣднее справедливо, то обвиненіе это надо распространить на всѣхъ, писавшихъ о букварѣ Каріона до автора.

А. Ѳ. Бычковъ назвалъ открытое имъ въ рукописи Имп. Публичной Библіотеки сочиненіе Каріона — Домостроемъ Каріона Истомина. Авторъ находитъ, что этимъ много сказано, что это «страница изъ Домостроя». Сравнивая затѣмъ изданный текстъ съ новооткрытымъ въ чудовскомъ сборникѣ, авторъ указываетъ много ошибокъ противъ чудовскаго [1]). Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ рукахъ А. Ѳ. Бычкова былъ не подлинный текстъ Каріона, а списокъ съ него, прошедшій, можетъ быть, чрезъ много

1) Ч. I, л. XXII—XXVI.

Digitized by Google

послѣдовательныхъ копій, ибо текстъ чудовской писанъ въ 1696 году, а изданный, судя по припискѣ, не ранѣе 1700 года. Но, кромѣ того, возможно, самъ Каріонъ измѣнилъ нѣчто въ своемъ сочиненіи при перепискѣ изъ черновыхъ тетрадей. Мы, по крайней мѣрѣ, считаемъ въ начальномъ стихѣ Домостроя внесеніе слова *книжица* за поправку Каріона. Онъ думалъ издать это свое сочиненіе и назвалъ потому его книгой. Размѣръ перваго полустишія со введеніемъ слова *книжи́ца* измѣнился, поэтому измѣнено и второе: вмѣсто — *сію дщицу, взявъ въ десницу*, читаемъ — *сію книжи́цу возьми въ десницу*. Въ первомъ случаѣ въ каждомъ полустишіи по 4 слога, во второмъ, когда введено въ начальное полустишіе новое слово, увеличившее количество слоговъ до пяти, и конечное полустишіе измѣнено такъ, чтобы было 5 слоговъ.

Приводя свѣдѣнія о сочиненіяхъ Каріона Истомина, встрѣчающіяся въ разныхъ трудахъ архимандрита Леонида, авторъ недоумѣваетъ, на основаніи какихъ данныхъ архимандритъ Леонидъ приписалъ житіе преп. Аѳанасія Высоцкаго Каріону Истомину (Ч. I, л. XXXI об. — XXXII). Указаніе арх. Леонида взято, повидимому, изъ изслѣдованія В. О. Ключевскаго—Житія русскихъ святыхъ (М. 1871), гдѣ о житіи Аѳанасія замѣчено: «вирши, которыми оканчивается житіе, съ извѣстіемъ, что оно написано въ 1697 году, подтверждаютъ догадку, что авторъ его — извѣстный слагатель виршъ Каріонъ Истоминъ (стр. 356)»[1].

Чтобы покончить со введеніемъ, укажемъ автору одинъ его случайный просмотръ. Онъ недоумѣваетъ: «въ указателѣ (къ Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи А. Е. Викторова) названо еще одно сочиненіе К. Истомина — «Книга любве въ знакъ въ честенъ бракъ», но въ текстѣ ничего подобнаго нѣтъ, да и во всей книгѣ ничего не говорится объ упомянутой поэмѣ на бракъ Петра В. съ Евдокіей Лопухиною (ч. I, л. XXXI)». Зная аккуратность А. Е. Викторова и Д. П. Лебедева, издавшаго по смерти Алексѣя Егоровича это описаніе, мы удивились и поспѣшили провѣрить указаніе автора. Оказалось, что тутъ просмотръ нашего автора, а не покойныхъ хранителей рукописнаго отдѣленія Румянцевскаго музея, въ Описи на стр. 168 строки 5 — 6 сверху содержатъ: «Каріона Истомина, Книга любве въ знакъ, въ честенъ бракъ, — на бракосочетаніе царя Петра Алексѣевича, въ стихахъ, 1689 года».

Вотъ, что мы могли поправить въ подробномъ обзорѣ автора трудовъ его предшественниковъ по изслѣдуемому вопросу. Надо отдать справедливость, обзоръ составленъ достаточно полно и обстоятельно. Въ концѣ введенія авторъ предлагаетъ списокъ сочиненій Каріона Истомина по годамъ,

1) Сн. Филарета Обзоръ, I, стр. 380 и Русс. св., сент. стр. 48.

Digitized by Google

указывая часто мѣсяцы и числа. Матеріалъ для этого доставили, помимо указаній предшественниковъ, главнымъ образомъ четыре рукописи Чудова монастыря (№№ 291, 300, 301, 302). Рукописи эти, до появленія въ печати перваго труда нашего автора о Каріонѣ Истоминѣ[1]) были только разъ и притомъ весьма кратко указаны въ статьѣ Петрова «Книгохранилище Чудова монастыря» (Памятники Общ. древн. письм., 1879 г., IV). Автору принадлежитъ заслуга ознакомленія русскаго общества съ содержаніемъ этихъ интересныхъ и во многихъ отношеніяхъ весьма важныхъ рукописей; особенно подробно, какъ будетъ указано далѣе, описаны эти рукописи въ настоящемъ трудѣ автора. Хронологическій указатель сочиненій Каріона Истомина, составленный авторомъ, будетъ всегда важнымъ пособіемъ для историковъ нашей литературы при обозрѣніи сочиненій этого писателя. Между прочимъ къ числу сочиненій Каріона авторъ относитъ и всѣ письма, составленныя этимъ трудолюбивымъ іеромонахомъ по порученію разныхъ лицъ, начиная отъ патріарховъ Іоакима и Адріана, лицъ царской семьи и кончая малоизвѣстными и совсѣмъ неизвѣстными людьми; сюда же отнесены и записи о смерти знакомыхъ Каріона, которыя онъ заносилъ въ свои тетради. Такимъ образомъ понятіе о сочиненіи нѣсколько расширяется у автора сравнительно съ общепринятымъ[2]). Приступая къ біографіи Каріона Истомина (ч. I, л. 1), авторъ заранѣе предупреждаетъ, что «о жизни Истомина не дошло до насъ многочисленныхъ и полныхъ извѣстій». Главными источниками въ этомъ случаѣ для автора послужили замѣтки и письма, сохранившіяся среди сочиненій Каріона въ трехъ названныхъ сборникахъ Чудова монастыря, документы Московскаго печатнаго двора и «Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ». Эти отрывочныя свѣдѣнія авторъ дополняетъ данными изъ немногихъ писемъ современниковъ Каріона, которые или ему писали, или упоминали о немъ въ своихъ посланіяхъ къ другимъ лицамъ, и тому подобнымъ случайнымъ матеріаломъ. При существованіи только такихъ источниковъ для біографіи писателя, авторъ совершенно правильно разсуждаетъ: «поэтому, при описаніи жизни Каріона нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, равно какъ неизбѣжно должны остаться въ предлагаемомъ біографическомъ очеркѣ многіе пробѣлы (ч. I, л. 2)». Авторъ часто пользуется этимъ выговореннымъ себѣ правомъ, но пользуется иногда безъ видимой нужды, а иногда и безъ достаточной провѣрки тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ предположенія. Напримѣръ, на л. 12-мъ онъ предположительно, но еще до-

1) Въ Чтеніяхъ въ Общ. люб. дух. просв. за 1886 г. кн. 5, 6, 7.

2) «Сводя въ одно всѣ данныя о сочиненіяхъ Каріона Истомина, которыя можно извлечь изъ сборниковъ Чудова книгохранилища и изъ трудовъ нашихъ предшественниковъ, приписываемъ ему слѣдующія произведенія и т. д. (ч. I, л. XL об.)».

Digitized by Google

пустимо, приходитъ къ заключенію, что «можно считать временемъ прибытія Каріона въ Москву семидесятые или послѣдніе шестидесятые годы XVII столѣтія». Но зачѣмъ понадобилось автору опять выселять Каріона изъ Москвы въ Молченскую пустынь по вызову (опять предполагаемому) Сильвестра Медвѣдева, проведшаго въ этой обители отъ 1672 по 1676 годъ (по автору), мы недоумѣваемъ. Основаніемъ для предположенія послужило слѣдующее обстоятельство. Въ бумагахъ Каріона Истомина сохранилось письмо къ Сильвестру Медвѣдеву отъ Софронія, игумена Молченской пустыни. Это письмо написано, какъ думаетъ авторъ, 26 сент. 1676 г. «Какимъ образомъ это письмо попало въ число бумагъ Каріона, задаетъ себѣ вопросъ авторъ»? «Остается отвѣтить, рѣшается далѣе: или онъ былъ авторомъ письма, какъ онъ — авторъ почти всѣхъ сочиненій, заключающихся въ чудовскихъ сборникахъ, или же, будучи близокъ къ Медвѣдеву, выпросилъ или переписалъ его для себя на память. Вѣроятнѣе первое предположеніе. Тогда *надо допустить*, что въ 1676 году въ числѣ братіи Молченскаго монастыря находился и нашъ писатель (л. 12 об. — 13)». Засимъ слѣдомъ цѣлый рядъ предположеній: почему Каріонъ туда попалъ, не тамъ ли принялъ монашество? «Вѣроятнѣе, что онъ былъ уже монахомъ въ Молченской пустыни». Убѣдилъ, должно быть, его принять монашество Сильвестръ Медвѣдевъ, который тогда самъ былъ увлеченъ идеей монашества (л. 14). Конечная цѣль всего этого ряда предположеній — «не явись Каріонъ въ Москву монахомъ, онъ, *быть можетъ, никогда имъ и не былъ бы* (ibid)». Не лучше ли было обойтись безъ цѣлаго ряда подобныхъ предположеній, если результатъ ихъ такъ проблематиченъ и незначителенъ?

Приведемъ другой примѣръ, какъ не достаточно провѣренная запись привела автора къ отожествленію Каріона Истомина совсѣмъ съ другимъ лицомъ. Въ сборникѣ Чудовскомъ № 300, на л. 461, попалась автору замѣтка Каріона: «и в'Симоновъ (т. е. монастырь) поставили архіереи же Каріона Зоблонскаго во архимандриты». Стоитъ эта замѣтка въ концѣ дѣла о постановленіи 17-го января 1697 г. въ архіепископы черниговскіе Іоанна Максимовича, послѣ подобной же замѣтки о поставленіи архимандрита Новоспасскаго монастыря Трифилія въ митрополиты нижегородскіе. Авторъ не задумался отожествить архимандрита Каріона съ нашимъ писателемъ: «несомнѣнно, что Каріонъ Заболонскій, названный въ сборникѣ № 98/300, есть нашъ писатель, потому что подъ предисловіемъ къ Малой грамматикѣ, сочиненной для царевича Алексѣя Петровича, Каріонъ Истоминъ подписался: «послѣдній рабъ и всегдашній молитвенникъ, іеромонахъ Каріонъ Заоулонскій (ч. I, л. 3 об.)». Поставленіе Каріона состоялось, по автору, тогда же, т. е. 17 янв. 1697 г. (ч. I, л. 126 об.). Предположимъ, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ обстоятельствѣ, что Каріонъ Истоминъ пишетъ о самомъ

Digitized by Google

себѣ какъ о какомъ-то другомъ лицѣ[1]), все же нельзя отожествлять Каріона Истомина съ архимандритомъ Симонова монастыря Каріономъ Заблонскимъ или Заухонскимъ (по Строеву). Нельзя уже по одному тому, что нигдѣ самъ Каріонъ не именуетъ себя этимъ саномъ. Такъ въ предисловіи къ Веселеилу (1699 г.) и въ болѣе раннихъ трудахъ онъ называетъ себя «іеромонахомъ, приказнымъ и справщикомъ печатнаго двора», а мѣстомъ своего жительства постоянно указываетъ Чудовъ монастырь (ч. II, л. 22 об.). Точно такое же показаніе дается подъ трудами годовъ 1704, 1707, 1711, 1717, съ тою только разницею, что подъ этими, болѣе поздними трудами онъ подписывается «бывшій справщикъ» или «смотритель бывшій царственныя типографіи». (Опис. рукоп. гр. Уварова, сост. арх. Леонидомъ, ч. II, стр. 162 — 163). Въ дѣлахъ Печатнаго двора тоже вездѣ, какъ до 1697 года, такъ и потомъ до 1700 г. Каріонъ называется іеромонахомъ, а не архимандритомъ, даже не игуменомъ, какъ именовался бывшій до него начальнымъ человѣкомъ Сергій, бывшій игуменъ Молченской пустыни. Напримѣръ; 26 марта 7206 года (1698) «указъ великаго государя и благословеніе святѣйшаго патріарха сказалъ *іеромонахъ* Каріонъ Истоминъ (кн. указовъ № 67, л. 104. Изслѣдованіе, ч. I, л. 80 об.)», въ декабрѣ того же года «указъ святѣйшаго патріарха сказалъ іеромонахъ Каріонъ Истоминъ (тамъ же, л. 110. Изсл. ч. I, л. 81)», то же находимъ въ книгѣ расходной, № 99, л. 2: «жалованья іеромонаху Каріону на нынешней на 207 годъ сто рублевъ (Изсл., ч. I, л. 82)». Однимъ словомъ, нигдѣ этотъ точно именовавшій себя іеромонахъ, долго прописывавшій подъ своими сочиненіями и бывшее свое званіе, нигдѣ не назвалъ себя архимандритомъ Симонова монастыря, ни современники его нигдѣ такъ его не назвали, не надо и намъ прибавлять ему новый санъ. Строевъ въ «Спискахъ іерарховъ», перечисляя архимандритовъ Симонова монастыря, пишетъ такъ: «Каріонъ Заухонскій, 1697; † 28 окт. 1703». Годъ поставленія этого Каріона указанъ вѣрно, согласно съ замѣткой Каріона Истомина; нѣтъ основаній сомнѣваться въ правильности указанія и смерти архим. Каріона у Строева. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ источника, откуда почерпнулъ Павелъ Михайловичъ это указаніе. Мы нашли только слѣдующую, невѣрно датированную надпись у Новикова въ 19 ч. Древней Россійской Вивліоѳики, гдѣ помѣщены надгробныя надписи, находящіяся въ Симоновомъ Московскомъ монастырѣ, тамъ на стр. 383 читаемъ «6. Лѣта 173 (1664) году, мѣсяца Октовріа въ 28 день,

1) Св. Димитрій Ростовскій, современникъ Каріона, въ своемъ Діаріи отмѣчаетъ такъ же, какъ Каріонъ, кратко историческія событія и дни смерти извѣстныхъ лицъ, но о себѣ всегда говоритъ прямо: «1665 іюля 9 постриженъ есмъ въ чинъ иноческій.... 1675. На сошествіе Святаго Духа въ священничество поставленъ есмъ». (См. И. А. Шляпкина—Св. Димитрій Ростовскій и его время. Приложен. I, стр. 6).

Digitized by Google

преставися рабъ Божій сея пречестныя обители Архимандритъ Каріонъ Заухонскій, а погребенъ бысть въ паперти на семъ мѣстѣ у стѣны.» Вмѣсто 173 надо было, повидимому, прочесть 1703, тогда это показаніе совпадетъ со Строевскимъ. Во всякомъ случаѣ эта надпись удостовѣряетъ, что Каріонъ Заухонскій скончался въ санѣ архимандрита [1]).

Нельзя также отожествлять Каріона Истомина съ архимандритомъ Калужскаго Лаврентіева монастыря Каріономъ, какъ это предполагается въ «Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей» (ч. I, стр. 380, въ Сборникѣ Имп. русс. истор. общ.), такъ какъ тотъ Каріонъ постоянно, повидимому, жилъ въ своемъ монастырѣ. Въ «Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Прав. Сѵнода (т. I, стр. CCLXVIII) помѣщенъ документъ, въ которомъ между прочимъ читается»: «да онъ же судія охранилъ и укрылъ важнаго расколника и укрывателя, и оберегателя, и во всемъ потатчика расколническаго, Калужскаго архимандрита Каріона, которой въ томъ городѣ *болши двадцати лѣтъ* самъ чинилъ соблазнъ и противность церкви святѣй». Все это не можетъ отнесено быть къ Каріону Истомину. Спѣшимъ оговориться, что авторъ не настаиваетъ на отожествленіи Каріона Истомина съ архимандритомъ Калужскаго монастыря Каріономъ; онъ замѣчаетъ только, приводя свидѣтельство Азбучной росписи: «у насъ нѣтъ фактовъ, которые противорѣчили бы этому отожествленію (ч. I, л. 4)». Послѣ опредѣленія на мѣсто Каріона начальникомъ Печатнаго двора Ѳедора Поликарпова (15 н. 1701 г.) и по 1712 годъ Истоминъ пребывалъ въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, въ томъ же санѣ іеромонаха, какъ и ранѣе, а съ 1712 г. неизвѣстно сколько, но весьма вѣроятно, что по 1717 годъ, какъ думаетъ авторъ (ч. I, л. 150), жилъ въ Новгородѣ, по вызову митрополита Іова. Въ сент. 1717 г. онъ опять живетъ въ Чудовомъ монастырѣ, какъ свидѣтельствуетъ подпись въ концѣ слова объ иконахъ Оковецкихъ (ч. I, л. 151).

Опредѣливъ происхожденіе Каріона Истомина и указавъ на довольно широкую и многостороннюю дѣятельность его въ Москвѣ, авторъ во второй главѣ не безосновательно задается вопросомъ, «гдѣ же Каріонъ могъ пріобрѣсти тѣ свѣдѣнія, которыя обнаружилъ на печатномъ дворѣ и на другихъ поприщахъ дѣятельности?» Это обстоятельство даетъ поводъ автору пересмотрѣть весьма важный въ исторіи нашего просвѣщенія вопросъ о московскихъ школахъ XVII-го вѣка (ч. I, л. 16—37). Вопросъ этотъ довольно часто подымался въ нашей литературѣ; авторъ знаетъ и указываетъ всѣ выдающіеся труды по этому вопросу и въ своемъ изложеніи хода устрой-

1) Надпись эта до сихъ поръ цѣла въ притворѣ соборнаго храма Симонова монастыря и тамъ стоитъ дѣйствительно 1703 годъ: «лѣта ҂аѱг».

Digitized by Google

ства школъ пользуется ими, но при этомъ является не простымъ излагателемъ трудовъ, ранѣе появившихся, а относится къ взглядамъ другихъ критически, предлагаетъ свои соображенія и отчасти на основаніи новыхъ матеріаловъ, открытыхъ имъ, подтверждаетъ или отрицаетъ выводы послѣднихъ работъ по этому вопросу (см., напр., на лл. 19, 36 подтвержденія и поправки къ статьѣ Каптерева «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в.)». Напрасно только авторъ въ средину своего разсмотрѣнія вводитъ еще обзоръ школьнаго дѣла въ Россіи «наканунѣ XVII столѣтія» (л. 20 и сл.). Этимъ замедляется его интересное изложеніе, и онъ отдаляется отъ удачно поставленной ранѣе цѣли.

Еще самостоятельнѣе изложена слѣдующая глава — о службѣ Каріона на Московскомъ Печатномъ дворѣ. Она во многихъ отношеніяхъ полна интереса. Здѣсь авторъ имѣетъ дѣло съ первоисточниками, до него не разобранными и не обнародованными; сообщенія его даютъ новое звено въ исторіи Московскаго Печатнаго двора, служатъ продолженіемъ и дополненіемъ къ извѣстныхъ статьямъ Мансветова[1]) и Николаевскаго[2]). Новость матеріала и умѣнье имъ пользоваться дѣлаютъ эту главу одной изъ самыхъ значительныхъ въ изслѣдованіи. Авторъ сначала рисуетъ картину общаго положенія Печатнаго двора при двухъ послѣднихъ патріархахъ, слѣдитъ погодно за составомъ служащихъ на немъ и отмѣчаетъ всѣ измѣненія этого состава, смерть, удаленіе отъ должности или повышеніе въ окладахъ. Конечно, при этомъ особенное вниманіе удѣляется службѣ и дѣятельности Каріона Истомина. Затѣмъ, на основаніи книгъ указныхъ и расходныхъ Печатнаго двора, авторъ перечисляетъ по годамъ всѣ книги, которыя печатались во время службы Каріона (1679 — 1701 г.), приводитъ много любопытныхъ подробностей по печатному дѣлу того времени, напр. указы по извѣстному дѣлу объ исправленіи Евѳиміемъ служебныхъ миней (ч. I, л. 67, 68), а за время начальства Каріона надъ Печатнымъ дворомъ передаетъ всѣ указы, имъ читанные служащимъ. Для исторіи Московскаго книгопечатанія глава эта является весьма важною между прочимъ потому, что здѣсь сообщаются свѣдѣнія о выпущенныхъ Московской типографіей такихъ книгахъ, которыя теперь или совсѣмъ не сохранились, или не занесены еще въ библіографическіе труды. Такъ, сравнивая перечисленныя авторомъ изданія со спискомъ книгъ церковной печати, находящимся въ Очеркѣ славяно-русской библіографіи Ундольскаго (Москва 1870 г.), мы не нашли въ послѣднемъ многихъ изданій, указанныхъ авторомъ на основаніи безспорныхъ документовъ. Кромѣ указанныхъ въ «Очеркѣ», были изданы: въ 1682 г. — два канона, пасхальный и заупокойный съ помянникомъ, въ

1) Какъ у насъ правились церковныя книги. Приб. къ Твор. св. Отецъ 1883, кн. IV.
2) Московскій печатный дворъ при патр. Никонѣ. Христ. Чтеніе 1890 г., № 1, 2.

Digitized by Google

1683 г. — тріодь постная, два изданія заповѣдей, канонникъ въ 4-ку, октоихи всѣхъ 8-ми гласовъ (Унд. подъ № 1004 называетъ только гласы 5—8), часословъ въ 4°; въ 1684 году — псалтири, слѣдованная и учебная[1]), два изданія канона митр. Алексію; въ 1686 г. — канонъ пасхальный, часословъ въ 4°, въ 1689 — прологъ на весь годъ (Унд.—первая половина, № 1095); 1690 г. — каноны митр. Алексію и Сергію Радонежскому, 1691 г. — часословъ, 1693 г. — молитвы утреннія и вечернія на одномъ листѣ; 1694 г. — ирмологъ, апостолъ въ л. (М. б. Унд. № 1183, 1695 г?), часословъ; 1695 г. — псалтирь слѣдованная, въ л.; 1696 г. — часословъ, псалтирь учебная; 1697 г. — часословъ; 1698 г. — требникъ въ л.

За эти указанія русскіе библіографы должны быть благодарны автору[2]); но и автору было бы полезно заглянуть въ библіографическій указатель Ундольскаго, дополненный А. Е. Викторовымъ и А. Ѳ. Бычковымъ: тамъ онъ нашелъ бы указанія на книги, изданныя въ Москвѣ въ то же время, кромѣ означенныхъ имъ, и не сдѣлалъ бы такого напр. замѣчанія, что въ 1697 г. «только и были напечатаны псалтыри учебные (sic) и часословцы, такъ что дѣятельность книжнаго двора въ 205 году нельзя считать обширной (ч. I, л. 73)». Дѣятельность эта, по количеству изданій, не уступала предшествующимъ годамъ, а превосходила ихъ. Такъ въ 1695 году московскихъ изданій, добавляя указаніями автора, извѣстно 11, въ 1696—10, а въ 1697 г.—17. Подобныя же дополненія, на основаніи труда Ундольскаго, автору можно было бы сдѣлать къ годамъ 7206 — 7208-му, о которыхъ у автора мало извѣстій.

Записи въ книгахъ Московскаго Печатнаго двора, доставившія такой богатый матеріалъ этой главѣ изслѣдованія, привели автора къ мысли утверждать, что Каріонъ Истоминъ былъ учителемъ греческаго языка въ типографской школѣ.

Вотъ двѣ единственныя записи по этому поводу. Подъ 189-мъ годомъ въ книгѣ расходовъ № 78 значится: «сентября въ 24 д.... дано книжному четцу іеродіакону Каріону для наученія греческаго языка и для ево скудости десять рублевъ денегъ; а впредь ему и инымъ всякихъ чиновъ книгъ пе-

1) Послѣдней два изданія, у Ундольскаго одно—№ 1010.

2) Кромѣ книгъ въ сочиненіи отмѣчаются, съ указаніемъ количества экземпляровъ, и другія изданія Моск. Печатнаго двора, хиротоніи, грамоты жалованныя, ставленныя, разрѣшительныя, азбуки. О подобныхъ изданіяхъ еще меньше сохранилось свѣдѣній въ библіогр. трудахъ. Особенно важны свѣдѣнія о количествѣ напечатанныхъ въ томъ или другомъ году азбукъ. На основаніи ихъ можно всего вѣрнѣе судить о распространеніи грамотности въ Московской Руси того времени. Напр., въ 1682 г. было напечатано 7200 азбукъ, въ 1683 — 4800, 1684 — 7200, 1685 — 13200; въ 1686 азбуки печатались 3 раза, но количество не показано; въ 1688 — 4800; въ 1689 печатались тоже 3 раза, неизвѣстно сколько; въ 1691 г. — 19200, 1692 — 9600, 1693 — 14400, 1694 —12000. Далѣе у автора указаній не приводится.

Digitized by Google

чатнаго дѣла ся дача не во образецъ (л. 404)». Подъ 190 годомъ, тамъ же, на л. 551 об. и другая запись: «ноября въ 20 д.... велено дать старцу Каріону для греческаго ученія на 190-й годъ семь рублевъ, инымъ не во образецъ и не в окладъ (Изсл. ч. I, л. 45 об. — 46)».

Эти записи скорѣе свидѣтельствуютъ, что самъ Каріонъ учился греческому языку; потому-то и дано ему въ первый разъ 10, а во второй 7 рублей, «инымъ не во образецъ», какъ настойчиво замѣчается при каждой дачѣ[1]). Дѣлать отсюда выводъ о существованіи школы при Печатномъ дворѣ до открытія типографскаго греческаго училища іеромонахомъ Тимоѳеемъ — неосмотрительно (ч. I, л. 46). Конечно, Каріонъ узналъ впослѣдствіи греческій языкъ довольно основательно, въ чемъ убѣждаетъ долгая служба его на Печатномъ дворѣ въ должности справщика, но поступить на службу онъ могъ и безъ этого знанія. Вотъ онъ и хлопочетъ о пополненіи существеннаго пробѣла своего образованія, а патріархъ помогаетъ ему выдачей извѣстныхъ суммъ «для наученія греческаго языка», необходимаго для справщика. По временамъ Каріонъ выступалъ въ роли учителя, такъ 25 дек. 196 года ему было дано отъ патріарха два рубля за то, что онъ «домовымъ меньшимъ поддьякомъ училъ ораціи» (ч. I, л. 47 об.); 26 дек. 199 г. дано ему тоже два рубля за то, что онъ «домовыхъ меньшихъ станицъ училъ ораціи» (ч. I, л. 87). Но это учительство было не постоянное, а временное, «на случай», на что указываетъ и время выдачи вознагражденія (праздникъ Рождества). Онъ, очевидно, разучивалъ съ поддьяками разныя ораціи для поздравленія патріарха на праздникъ; въ тетрадяхъ Каріона сохранились слѣды этихъ его занятій. Въ сб. Чудова мон. № 302 на отдѣльныхъ листахъ переписано чистенько довольно большое стихотвореніе «О прелестнѣмъ семъ и видимом нами свѣтѣ и о живущих всѣхъ насъ человѣковъ в новѣм сем завѣтѣ». Переписано оно такъ, что записывается одна сторона листа, а оборотъ оставленъ чистымъ; на слѣд. листѣ продолженіе. На оборотахъ помѣты: «первая (т. е. орація) — Іоаннъ Маленкой» (л. 264), вторая — Петръ (л. 267), третія — Михаил (л. 221), четвертая — Михаилъ (222 л.), пятая — Стеѳанъ (л. 223), шестая — Андрей (л. 224), седмая — Адріан Тверитинъ, осмая — Петръ, девятая — Никита, десятая — Василей Тарасовъ». Эти любопытные стихи не приведены авторомъ въ описаніи сборника, поэтому мы на нихъ и останавливаемся. Образцы по-

1) Обученіе людей, состоявшихъ уже на службѣ, на казенный счетъ практиковалось и ранѣе. Въ 1665 г. для обученія подъячихъ Тайнаго приказа была построена школа въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ былъ учителемъ Симеонъ Полоцкій, учился, состоя подъячимъ, родственникъ Каріона Сильвестръ Медвѣдевъ; послѣднему велѣно было жить въ этой школѣ «для наученья» по латынямъ, какъ нашему писателю давались деньги для наученья же греческаго языка. См. И. Е. Забѣлина — Для біогр. Сильв. Медв., въ V т. Лѣт. Русс. литер. Тихонравова.

Digitized by Google

добныхъ же орацій занесены на л. 229, 251—259 этого сборника. Что стихи говорились предъ патріархомъ, можно судить изъ обращенія въ началѣ л. 264: «Азъ малѣйшій юнакъ[1]) твоего стаго архіерейства послѣдній рабъ, возглаголю при вашей милости». Стихотвореніе на л. 251—259 разсказываетъ объ успеніи Богородицы и разучивалось должно быть къ этому дню.

Подобно разсмотрѣнной главѣ о службѣ Каріона, на столько же обстоятельно обработано и само по себѣ важно приложеніе къ I-ой части, заключающее въ себѣ описаніе упомянутыхъ сборниковъ Чудова монастыря. Здѣсь описываются сочиненія самого Каріона Истомина и предлагается много матеріала, выходящаго изъ рамокъ изслѣдованія. Этотъ матеріалъ, будучи отнесенъ въ приложеніе, не вредитъ цѣльности изслѣдованія. Напротивъ, мы весьма благодарны автору, что онъ, выбирая и изслѣдуя литературныя сочиненія Каріона Истомина, не прошелъ безучастно мимо обильнаго матеріала, пожалуй, болѣе важнаго, чѣмъ слова и вирши Каріона, не оставилъ эту массу неизданныхъ писемъ и записей дожидаться новыхъ изслѣдователей, а взялъ и этотъ черновой, малоблагодарный трудъ на себя и, въ своихъ точныхъ извлеченіяхъ, познакомилъ насъ съ массою разнородныхъ документовъ, при чемъ наиболѣе важные привелъ въ полномъ объемѣ. Сколько труда и времени употребилъ авторъ на разборъ и описаніе этихъ мелко написанныхъ обширныхъ сборниковъ, можетъ судить только человѣкъ, самъ хоть разъ продѣлавшій нѣчто подобное. Этотъ невидный, но хлопотливый и долговременный трудъ заслуживаетъ большой признательности со стороны изслѣдователей русской исторіи и литературы. Здѣсь изложены въ выдержкахъ, а частію приведены вполнѣ, болѣе 150 грамотъ, писемъ, указовъ, замѣтокъ о смерти и т. п. Между прочимъ здѣсь приводятся неизданныя и неизвѣстныя доселѣ письма патріарховъ Іоакима[2]) и Адріана[3]) къ ц. Петру Алексѣевичу, къ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, напр. Димитрію Ростовскому, гетману Мазепѣ (л. 57); письма лицъ царской семьи, письма многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ по разнообразнымъ дѣламъ, церковнымъ, гражданскимъ и частнымъ. Перечислять всего этого мы не станемъ, отсылая интересующихся къ самому изслѣдованію, когда оно появится въ печати, и пожелавъ автору поскорѣе напечатать свой трудъ и это важное приложеніе. Вообще же замѣтимъ, что описаніе составлено очень тщательно, описаны даже незначительныя статьи, всюду масса интересныхъ выписокъ, освѣщенныхъ указаніями и ссылками, порой небольшими изслѣдованіями; довольно сказать, что описаніе трехъ

1) Это былъ названный выше Іоаннъ Маленкой.
2) См., напр. въ приложеніи л. 31 — 33, 56 об.
3) См. л. 28, 30, 33 — 43, 45, 49 — 55 и мн. др.

Digitized by Google

сборниковъ занимаетъ болѣе двухсотъ страницъ весьма убористаго письма. Если мы кое-гдѣ представляемъ замѣчанія или дополненія къ этому описанію, то этого не надо ставить въ вину автору: онъ и такъ въ своемъ трудѣ далъ гораздо болѣе, чѣмъ былъ обязанъ по характеру изслѣдованія. При окончательной обработкѣ къ печати своего изслѣдованія, авторъ, конечно, дополнитъ описаніе бумагъ Каріона сообщеніемъ о составѣ тѣхъ сборниковъ Истомина, которые находятся въ рукописномъ собраніи гр. Уварова и которые стали недавно лишь извѣстны, со времени выхода въ свѣтъ труда покойнаго арх. Леонида (см. Систематич. опис. слав.-русс. рукописей собранія гр. А. С. Уварова, ч, II, № 870, и ч. IV, № 2098), мы же считаемъ себя счастливыми, что можемъ дополнить интересное и важное приложеніе сообщеніемъ о случайно оставшихся автору неизвѣстными четырехъ листахъ, изъ бумагъ же Каріона, находящихся въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея № 1643 (изъ собр. И. Д. Бѣляева). Кратко эти листы описаны А. Е. Викторовымъ (Собр. рукоп. И. Д. Бѣляева и пр. М. 1881, стр. 119); который весьма вѣрно назвалъ ихъ «отрывкомъ изъ записной книги черновыхъ писемъ конца XVII вѣка, принадлежавшей, повидимому, патріаршему дьяку». До ознакомленія съ разсматриваемымъ трудомъ, мы не знали, что эти листы принадлежатъ Каріону. Теперь, сличивъ почеркъ ихъ съ подлинными рукописями Каріона Истомина, мы можемъ засвидѣтельствовать, что листы эти писаны Каріономъ. Представляемъ здѣсь болѣе подробное ихъ описаніе.

Тетрадка, изъ четырехъ листовъ, въ 4 д. л.; листы не сшиты, безъ помѣтъ; отдѣлены должно быть отъ болѣе обширной рукописи, въ родѣ чудовскихъ сборниковъ[1]). Содержатъ:

л. 1. Окончаніе письма патр. Адріана къ ц. Петру Алексѣевичу, отъ 13 авг. 1693 г., начинающееся словами: «о нашей же мѣрности, яко богомудрый и благочестивый царь и в' Дусѣ святѣмъ прелюбезнѣйшій сынъ, аще благоволиши извѣститися».

ibid. На іконѣ писати: Всеблагаго Бога, пресладчайшаго Спасителя нашего.

Надпись къ иконѣ Нерукотвореннаго Спаса, устроенной вдовою ц. Ѳеодора Алексѣевича царицей Марѳой Матвѣевной. См. ниже стихи къ этой иконѣ.

л. 1 об. Посланіе къ неизвѣстному, помѣченное 1692 г.; скорѣе форма, такъ какъ содержаніе очень обще. Нач. Блаженнѣйшій отче и господине мой пречестнѣйшій.

---

1) Прилагаемую при рецензіи копію съ этихъ 4 листовъ прошу Имп. Академію Наукъ препроводить въ полное распоряженіе автора.

Digitized by Google

О себѣ посылающій говоритъ: «азъ же меньшій за твое господское ко мнѣ пріятство и любезное во Христѣ Господѣ благодѣяніе всегда Господу Богу благодарен по премногу».

ibid. Поздравленіе ц. Прасковьи Ѳедоровны со днемъ ангела, говоренное при поднесеніи иконы; съ позднѣйшими приписками.

л. 2. Посланіе къ неизвѣстному, нач. Благодѣтель мой пріятнѣйшій и милостивый господинъ. — Помѣчено 1694 г.; опять скорѣе форма посланія.

ibid. Запись о преставленіи царицы Наталіи Кирилловны »7202 (1694)-го лѣта мѣсяца іаннуарія въ 25 д., во вторый часъ, в началѣ четвертка, преставися благородная государыня царица и великая княгиня Наталіа Кирилловна Нарышкиных, супруга блаженныя памяти великаго государя царя і великаго князя Алексіа Міхаиловича всея в. и м. и б. Россіи самодержца, и погребена в' дѣвичѣ Вознесенскомъ монастырѣ в' 26, в' пятокъ. Погребал святѣйшій патріархъ Адріан, с' нимъ митрополиты—Евѳимій Сарской, Аврамій Рязанской, архіепископ Гавріил Вологодской, епископъ Митрофан Воронежской. А государь ц П А[1]) не бѣ, только царь Іоан. А. — См. стихи на ея смерть въ сб. № 300, л. 302.

л. 2 об. Письмо патріарха къ ц. Петру Алексѣевичу, безъ даты. Нач. Благожеланнѣйшій и много (страно) царствующій благоразумный повелитель.

ibid. Письмо ц. Петру Алексѣевичу отъ сестры, сент. 1693 г. Нач. Благочестивѣйшій обладатель многоцарственный.

л. 3. Стихи къ иконѣ, пожертвованной ц. Марѳой Матвѣевной. Нач. Сію ікону устрои царица княгиня вѣрна росска владычица.

ibid. Надпись въ стихахъ къ иконѣ Богородицы въ обители Кизической. Нач. Въ обители Кѵзіческой святѣ святыхъ мученикъ девяти пріятѣ. Ср. въ сб. № 300, л. 278.

Двоестрочіе:

Аще Христосъ в' плоти спитъ, сердце Его выну бдитъ,
Спасаетъ Онъ вси люди, яко своя си уди.

л. 3 об. Письмо ц. Петру Алексѣевичу отъ сестры, авг. 1693 г. Нач. Благочестивѣйшій великій государь царь.... Не точію пѣснопѣсненными словесы умнословесныя души.

л. 4. Письмо ему же отъ матери ц. Натальи Кирилловны, безъ даты. Нач. Богоизбранный повелитель и православный монархъ.... Истинная суть премудрыхъ словеса.

---

1) Т. е. ц. Петръ Алексѣевичъ.

Digitized by Google

Всѣ перечисленныя здѣсь письма къ ц. Петру Алексѣевичу не содержатъ никакихъ интересныхъ извѣстій о лицахъ, ихъ посылавшихъ, не сообщаютъ ничего новаго относительно Петра. Это обычныя для Каріона сплетенія словесъ, украшенныя цвѣтами его риторики и назидательными примѣрами и изреченіями. Одну реальную черту можно подмѣтить въ нихъ, это — сильное желаніе, чтобы Петръ поскорѣе вернулся въ Москву; это — красная нить, скрѣпляющая между собою посланія.

Отмѣтимъ еще пріемъ составителя писемъ. Онъ подкрѣпляетъ свои мысли свидѣтельствами св. писанія и примѣрами и изреченіями славныхъ мужей древности, заимствованными изъ какого-то сборника, вродѣ Пчелы, но только западнаго происхожденія. Напр. въ посланіи сестры разсуждается о братской любви, при чемъ приводятся слѣдующіе примѣры и изреченія: «добрѣ Салюстій философъ написа: кто любезнѣйшій, яко братъ?... А яко много можетъ братская любовь, изобрази едина жена благообразная Аферпесъ, которая на вопрошеніе царя Даріа: кого бы паче пострадати изволила, мужа ли, или возлюбленная чада, или брата? — отвѣща: иная, рече чада, иной мужъ, аще Богъ восхощет, могутъ быти, иного же брата родителемъ умершимъ надѣятися не мощно». Въ посланіи ц. Натальи Кирилловны приведены подобныя же изреченія о родительской любви, «истинная суть премудрыхъ словеса, глаголющая сице: ничтоже сладчайше человѣческому роду естествомъ дадеся, якоже своя коемуждо чада; в' пріискрности бо философа Ѳеокрита глаголы имствуются: сыны егда зримъ, новый міръ зримъ».

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ передаетъ авторъ въ своемъ сочиненіи рукописные тексты. Онъ хочетъ, повидимому, соблюсти полнѣйшую точность при передачѣ. Такъ при описаніи сборника № 300 онъ еще разъ, «слово въ слово», приводитъ запись о смерти Сильвестра Медвѣдева, уже напечатанную имъ ранѣе два раза[1]) и г. Зубовскимъ[2]), основываясь на томъ, что онъ, и г. Зубовскій «привели эту запись не точно» (ч. I, прил., л. XXIV об.). Посмотримъ, въ чемъ состояла неточность передачи г. Зубовскаго, какъ самой послѣдней изъ печатныхъ. Разница эта состоитъ въ томъ, что авторъ сохраняетъ славянскія цифры, а г. Зубовскій передаетъ арабскими, ошибочно г. Зубовскій напечаталъ *бывъ*, вмѣсто рукописнаго *бысть*; г. Зубовскій печатаетъ *съ страннымі*, авторъ передаетъ *сстраннымі*; у г. Зубовскаго — *въ ямъ*, у автора *в ямъ*. Другими словами, авторъ признаетъ неточностью, если къ окончанію словъ добавляется ъ, пропущенный въ рукописи, иногда пишетъ предлоги слитно со словомъ, къ которому они относятся, но пропускаетъ рукописные ерики,

1) Въ Чтеніяхъ въ Общ. Люб. духовн. Просв. 1889 г. и въ Русск. Филологич. Вѣстникѣ 1890 г., № 1.

2) Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г. № 9, стр. 152.

Digitized by Google

которые у Каріона въ этомъ случаѣ ставятся. Сличая выписки автора съ подлинными рукописями Каріона, мы замѣтили эту тенденцію автора и хотя въ приводимыхъ нами выдержкахъ отчасти держимся той же системы[1]), но находимъ ее излишней по отношенію къ такимъ позднимъ памятникамъ, какими являются сборники Каріона. Эта передача, кромѣ затрудненій при списываніи и печатаніи, ничего не даетъ; она необходима для памятниковъ нашихъ до XV-го вѣка, а позднѣе, по признанію изслѣдователей русскаго языка, не имѣетъ значенія, кромѣ какихъ-нибудь исключительныхъ случаевъ. А что, гоняясь за ней, можно достаточно надѣлать ошибокъ, — примѣръ тому даетъ самъ авторъ. Въ приложеніи ко II ч. изслѣдованія переписаны стихи Каріона царевнѣ Софіи; здѣсь авторъ, напримѣръ, пишетъ Бг̃ благ, вмѣсто рукописнаго Бг̃ъ благъ, хощет, вм. хощетъ; съ чл̃ки, вмѣсто рукописнаго съ человѣки, в ея вм. въ ея; вездѣ Хр̃у вм. Хр̃ту; с цр̃ем вм. съ царемъ. Помимо важныхъ неточностей[2]), однихъ пропущенныхъ еровъ мы насчитали болѣе сотни и только одинъ лишній[3]), т. е. поставленный тамъ, гдѣ въ рукописи ера нѣтъ! Этимъ придается памятнику какой-то, несуществующій на самомъ дѣлѣ, колоритъ. Очень понятно, почему это произошло: если бы авторъ дипломатически копировалъ рукописи Каріона, то ему потребовалось просидѣть за этимъ не мѣсяцы, а цѣлый годъ. При спѣшной перепискѣ авторъ не дописывалъ слова, сокращалъ ихъ по своему, а потомъ, вдали отъ подлинника, и не могъ возстановить правописаніе вполнѣ точно. Въ подобныхъ обстоятельствахъ гораздо лучше измѣнить нѣсколько способъ письма памятника, тѣмъ болѣе, что во многомъ авторъ отклоняется отъ этого, и, добавляя къ словамъ вынесенныя надъ строкой буквы, добавить въ концѣ и въ срединѣ словъ полугласныя. Вѣдь не передаетъ же авторъ ериковъ Каріона, не передаетъ ξ, ω, ν, приближая этимъ правописаніе Каріоново къ современному, отчего же не сдѣлать его болѣе удобочитаемымъ прибавленіемъ къ мѣсту ъ и ь и раздѣленіемъ предлоговъ отъ словъ? Повторяемъ, отъ этого памятники, печатаемые авторомъ, ничего не потеряютъ, ибо по своему позднему происхожденію они не заключаютъ въ себѣ тѣхъ формъ, точная передача которыхъ важна для исторіи языка; правописаніе ихъ уже грамматическое, т. е. подчиненное извѣстному шаблону учебнаго руководства, а не фонетическое, иначе, не основанное на своеобразной для извѣстной мѣстности передачѣ звуковъ на

---

1) Мы не дописываемъ ъ и ь, опущенные въ концѣ словъ, сохраняемъ ерики, но вносимъ надстрочныя буквы въ слова, соблюдая при томъ современное произношеніе слова.

2) Напримѣръ, въ строфѣ 6-ой изъ двухъ строкъ слѣплена одна: Аще съдружится коему изрядству, вмѣсто рукописнаго:

Аще съдружится мудрость постоянству,
Нѣсть той подобенъ коему изрядству.

3) См. наши поправки въ тетради автора къ указаннымъ стихамъ.

Digitized by Google

письмѣ, какъ это мы находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ. При указанномъ нами способѣ передачи, авторъ избѣжалъ бы такихъ, напримѣръ, формъ: сполутетратю (ч. I, л. 72), искнигами (л. 126), изявлено (л. 75), запрописю Петра Артемева (л. 81 об.) и мн. др. Формы эти ни въ какую эпоху развитія русскаго языка такъ не произносились, ни писались.

Переходимъ ко второй части изслѣдованія, гдѣ разсмотрѣны сочиненія Каріона Истомина. Авторъ раздѣляетъ ихъ по содержанію на группы, дѣлаетъ общую характеристику каждой группы и подробно останавливается на наиболѣе замѣчательныхъ сочиненіяхъ. Въ этой части изслѣдованія пять главъ: въ первой разсматривается одно догматическое сочиненіе — катихизисъ, во второй — сочиненія духовно-нравственныя: прозаическія—проповѣди, и стихотворныя — Домострой, На ереси, Едемъ, Екклесія, Стамна, Вразуменіе, стихи царевнѣ Софіи. Глава третья посвящена грамматическимъ трудамъ — букварямъ и отрывкамъ грамматики, а вмѣстѣ съ ними разсматривается Полисъ. Четвертая глава занята сочиненіями историческими, пятая — переводами Каріона.

Нашему разбору считаемъ нужнымъ предпослать два общихъ замѣчанія. Первое относится къ нашему разбору. Во второй части авторъ разсматриваетъ весьма много сочиненій Каріона Истомина; часто передаетъ ихъ содержаніе, опредѣляетъ ихъ литературное достоинство сравненіемъ съ другими, подобными же, сочиненіями современниковъ Каріона; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ тѣ идеи, которыя старался провести въ своихъ сочиненіяхъ Каріонъ, и на сколько удачно это исполнилъ. Все это обслѣдовано авторомъ съ достаточнымъ знаніемъ и необходимымъ для историка литературы навыкомъ. Это обстоятельство дозволяетъ намъ ограничить нашъ разборъ: наши замѣчанія будутъ относиться лишь къ тѣмъ произведеніямъ Каріона, которыя или невѣрно, по нашему мнѣнію, оцѣнены авторомъ, или же не могутъ быть приписываемы Каріону.

Второе замѣчаніе — къ разсматриваемому сочиненію. Намъ кажется, авторъ нарушаетъ цѣльность и послѣдовательность изложенія довольно частыми и обширными отступленіями во времена, отдаленныя отъ Каріона, своими разсмотрѣніями вопросовъ «ab ovo». Пріемъ этотъ мы уже указали ранѣе, при разборѣ первой части сочиненія, въ разработкѣ вопроса о московскихъ школахъ. Еще чаще выступаетъ этотъ нежелательный пріемъ во второй части. Такъ, начиная разсматривать проповѣди Каріона, авторъ считаетъ нужнымъ изложить исторію русской проповѣди отъ первыхъ русскихъ проповѣдниковъ — Луки Жидяты, митр. Иларіона (л. 23 — 26) и только потомъ приближается къ дѣлу, разсказывая о проповѣди южно-русской и проповѣдяхъ ближайшихъ предшественниковъ Каріона — Симеона Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго (л. 27 — 28, 49 — 55). Подобный

Digitized by Google

отдаленный экскурсъ совсѣмъ не идетъ къ задачѣ автора: ни Каріонъ, по всей вѣроятности, ничего не слыхалъ о митр. Иларіонѣ и Лукѣ Жидятѣ, и не читалъ ихъ проповѣдей, ни изъ сѣмянъ первыхъ русскихъ проповѣдниковъ не могла органически развиться проповѣдь, подобная Каріоновой. То же самое дѣлаетъ авторъ въ главѣ о букваряхъ Каріона, разсматривая всѣ старопечатные буквари наши, начиная съ виленскаго 1596 года (л. 94 — 97), и въ другихъ случаяхъ. Все это, по нашему, только обременяетъ сочиненіе излишними подробностями, внѣшне лишь связанными съ задачами автора, и заслоняетъ послѣднія. Вѣдь для русской литературы давно миновало то время, когда писатель, желая разсказать о басняхъ Крылова или сатирахъ Кантемира, долженъ былъ предварительно разсуждать о баснѣ и сатирѣ вообще. Это — съ одной стороны, а съ другой — сочиненіе автора не есть учебное пособіе, гдѣ подобные общіе обзоры имѣютъ мѣсто.

Въ небольшомъ, но обстоятельномъ предисловіи ко II-ой части авторъ такъ опредѣляетъ задачи историка литературы: «приступая къ изученію какого-либо литературнаго произведенія, историку литературы мало указать, что оно составлено тѣмъ или инымъ лицомъ, на основаніи такихъ-то и такихъ-то устныхъ или письменныхъ данныхъ, словомъ — мало прослѣдить литературную исторію его; необходимо указать, какія духовныя побужденія руководили авторомъ при написаніи того или другого литературнаго произведенія; необходимо прослѣдить, какой моментъ общественнаго — умственнаго или нравственнаго — настроенія отразило оно въ себѣ, или же — какіе факты современнаго быта нашли въ немъ свое выраженіе. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что то или другое произведеніе читалось бо́льшимъ или ме́ньшимъ кругомъ читателей и должно было оказывать на нихъ извѣстное вліяніе. Иначе сказать, необходимо каждое литературное явленіе связать съ жизнію, его породившею (л. 1)». Авторъ старается удовлетворить этимъ требованіямъ въ своемъ изслѣдованіи, и надо сознаться, въ большинствѣ случаевъ его освѣщеніе литературныхъ трудовъ Каріона не оставляетъ желать лучшаго, если не считать отсутствія указаній на распространенность ихъ въ народной массѣ, чего онъ сдѣлать не былъ въ состояніи, потому что не нашелъ достаточныхъ для этого свѣдѣній въ существующихъ библіографическихъ трудахъ. Да едва ли и были они распространены, по крайней мѣрѣ большинство. Не ставя этого въ вину автора и отдавая ему должную справедливость за умѣнье освѣщать литературныя произведенія, при всемъ томъ, мы желали бы отъ автора относительно нѣкоторыхъ сочиненій, разсмотрѣнныхъ имъ, бо́льшей убѣдительности въ доказательствахъ, что сочиненія эти принадлежатъ именно Каріону, а никому другому. Основанія этимъ сомнѣніямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ самъ авторъ, весьма добросовѣстно сличая отрывки сочиненій, занесенныхъ въ

Digitized by Google

тетради Каріона съ извѣстными сочиненіями другихъ. Такъ, на л. 12-мъ приведены параллельно тексты изъ катихизиса, по автору, Каріонова и изъ Хлѣба животнаго Сильвестра Медвѣдева. Сходство между тѣмъ и другимъ настолько близко, что невольно задаешь себѣ вопросъ, не написанъ ли катихизисъ этотъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, а Каріономъ только переписанъ въ свои тетради? Зависимость этого катихизиса отъ сочиненія Симеона Полоцкаго, доказанная далѣе на л. 13 — 17, только увеличиваетъ сомнѣніе. Изслѣдованіе рукописи въ этомъ случаѣ не даетъ положительнаго отвѣта, такъ какъ это только отрывки катихизиса, переписанные набѣло; нѣтъ помарокъ, которыя бы свидѣтельствовали о процессѣ сочиненія. Можетъ быть, это выписки изъ тетрадей Сильвестра Медвѣдева, уничтоженныхъ послѣ его осужденія?

При разсмотрѣніи проповѣдей и словъ Каріона Истомина, авторъ очень кстати сравниваетъ ихъ съ произведеніями Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго. Въ построеніи проповѣдей Каріонъ замѣтно подражалъ Полоцкому, но проповѣди его бѣднѣе богословскимъ и ученымъ содержаніемъ чѣмъ проповѣди Симеона и Епифанія. Правда, чрезъ это онѣ были нѣсколько понятнѣе для слушателей, но вообще говоря уступали имъ. Въ одномъ развѣ стояли наравнѣ съ проповѣдями предшественниковъ: указанія на современныя историческія событія и бытовыя черты въ нихъ такъ же блѣдны и общи (л. 35 — 56 об.). Очень удачна мысль автора подкрѣплять выводы, полученные изъ разбора проповѣдей и словъ Каріона, его стихами, написанными на подобные же случаи (л. 47). Переходя затѣмъ къ стихотворнымъ трудамъ Каріона, авторъ дѣлаетъ, по обычаю, общій очеркъ стихотворства XVII в. и разбираетъ стихъ Каріона. Стихи Каріона такъ же близки къ южно-русскимъ стихамъ и стихамъ Полоцкаго, какъ и проповѣди (л. 57 об. и сл.). Зависимость ихъ отъ южно-русскихъ образцовъ ясна и по примѣрамъ, представленнымъ авторомъ, но еще болѣе въ ней убѣждаютъ его неоднократныя переложенія южно-русскихъ псальмъ или кантовъ, въ свою очередь подражавшихъ польскимъ. Такъ какъ эта сторона стихотворства Каріона не указана авторомъ, то мы подкрѣпимъ сказанное примѣрами. До сихъ поръ на югѣ поются и говорятся вирши, подобные слѣдующимъ Каріоновымъ:

Малый азъ пѣвчикъ, плету съ словъ вѣнчикъ
Себѣ и людем, да в' небѣ будем;
Пою тоненко, сладко-миленко:
Христосъ бо днесь, Спасъ, на земли у насъ
Дивно родися, в' вертепъ вселися,
Младенецъ в' тѣлѣ в' божеском дѣлѣ,
С Ним Дѣва Мати там в' благодати,

Digitized by Google

Маріа чиста, радость всѣмъ приста:
Тварь торжествует, Бога любуетъ.
С' Ним вы радуйтесь, в' жизнь оглядуйтесь,
Насъ призирайте, даръ подавайте! (Сб. № 300, л. 287).

Подобные же стихи помѣщены въ сб. № 301, л. 293:

Малый азъ птенецъ, плету с' словъ вѣнецъ
Прошу вонмите, во умъ вашъ вложите и т. д.[1]).

Такіе же явные слѣды переложенія съ малорусскаго канта носитъ слѣдующее стихотвореніе, найденное нами въ сб. 300, л. 287:

Дивно нынѣ тварь вся в' чинѣ поетъ Бога гласовъ многа,
Яко родись, в' плоти явись Христосъ Господь, во всемъ свободь.
В' тѣ родины, взявъ цвѣт крины, сыны, дщери, до пещеры
Виѳліемски добродènски вси грядите, даръ несите
Ко Іисусу любовь вкусу и Мать Его чти дорого:
Та дѣвица Владычица. В' том зравствуйте, насъ дарствуйте[2]).

Въ третьей главѣ II-ой части разсматриваются учебно-педагогическія сочиненія Каріона — буквари, грамматика и Полисъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, авторъ не ограничивается однимъ изложеніемъ руководствъ Каріона, но сопоставляетъ ихъ съ руководствами, появившимися до и вскорѣ послѣ этихъ трудовъ нашего писателя. Къ сожалѣнію, авторъ не могъ познакомить насъ такъ же обстоятельно съ большимъ букваремъ Каріона Истомина, какъ онъ это сдѣлалъ съ малымъ. Единственнымъ, довольно краткимъ описаніемъ большого букваря остается описаніе Пекарскаго (Наука и литр. при Петрѣ В., т. I, стр. 171 — 172), видѣвшаго экземпляръ этого букваря въ собраніи Каратаева. Нѣсколько поясняютъ содержаніе большого букваря свѣдѣнія, найденныя авторомъ въ рукописяхъ Каріона и въ записной книгѣ указовъ Печатнаго Двора (ч. II, л. 90). Авторъ весьма хвалитъ буквари Каріона между прочимъ потому, что въ нихъ «не нашли себѣ мѣста ни внушительныя и поучительныя картинки, изображающія дидаскаловъ съ розгами надъ разложенными на скамьяхъ школьниками, ни отеческія наставленія, въ родѣ: «цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте, та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте» (л. 104). Во время написанія изслѣдованія, описаніе рукописей гр. Уварова, составленное арх. Леонидомъ, еще не выходило въ свѣтъ, поэтому и не зналъ авторъ, что въ собраніи этомъ находится такой сборникъ сочиненій Каріона, гдѣ послѣднимъ на ряду съ букваремъ занесенъ «подарокъ учащымся дѣтямъ во младости, иже дарствитъ ранимымъ честность въ старости». Открывается

1) Ср. подобныя рацеи въ сб. Безсонова—Калѣки перехожіе, ч. II, вып. 4, стр. 46, 47.
2) Ср. тамъ же, стр. 49, 51. О стихотвореніяхъ этихъ въ описаніи автора (ч. I, прил., л. XXV) сказано только: «стихи на Рождество Христово».

Digitized by Google

этотъ «подарокъ» тѣми же стихами, которые занесены въ осуждаемый авторомъ Алфавитарь: «Розгою Духъ Святый дѣти бити велитъ, зане розга здравія ниже мало вредитъ и т. д.» (Опис. рук. гр. Уварова, ч. IV, стр. 500). Еще вотъ въ чемъ видитъ авторъ достоинство букваря Каріона: «Каріонъ своимъ букваремъ дѣлалъ первую на Руси попытку ввести въ обученіе грамоты наглядность и придать этому обученію больше занимательности» (л. 100 об. — 101). «Нельзя безъ сочувствія, продолжаетъ авторъ, отнестись къ педагогу конца XVII вѣка, стремившемуся найти средство—облегчить учащимся усвоеніе трудной науки, изъ-за которой имъ приходилось испытывать разныя мученія» (л. 104). «Нашъ писатель, заключаетъ авторъ свой разборъ букваря, какъ видно изъ заглавія малаго букваря, одинаково предназначалъ его для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, слѣдовательно не лишалъ умственнаго образованія и женщину. И русская женщина должна сказать ему за это великое «спасибо»; а всѣ изучившіе внимательно буквари Каріона и сравнившіе ихъ съ предшествующими трудами подобнаго рода невольно должны привѣтствовать въ лицѣ нашего писателя недюжиннаго русскаго педагога XVII вѣка» (л. 107).

Г. Извѣковъ, внимательно изучившій малый букварь Каріона, передавшій очень точно содержаніе его въ статьѣ «Букварная система обученія въ исходѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія», (Семья и школа, педагог. отдѣлъ, кн. II, стр. 735 — 737), дѣлаетъ объ этомъ букварѣ такой отзывъ, повидимому, оставшійся неизвѣстнымъ автору: «Обозрѣнный нами букварь Каріона Истомина относится къ категоріи кунштованныхъ (иллюстрированныхъ) азбукъ и представляетъ собою выразительный типъ ихъ. Но въ немъ опущенъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ азбукъ, въ которомъ помѣщались буквы, склады и нѣкоторыя изреченія (азбука толковая). Этотъ опускъ составляетъ существенный недостатокъ букваря и неизвинительный недосмотръ автора. Безъ складовъ дѣти какъ безъ рукъ; безъ нихъ дѣти не могли разбирать апоѳегмъ и принуждены были безсмысленно твердить и заучать ихъ вслѣдъ за учителемъ.... Другой не менѣе важный недостатокъ букваря — это отсутствіе въ немъ сколько-нибудь сноснаго матеріала для чтенія. Изъ нравоучительныхъ, нескладныхъ и почти безсодержательныхъ стиховъ дитя ничему не научалось: оно привыкало только къ безсмыслицамъ и безхарактернымъ присловьямъ. Букварь Истомина можно назвать *послѣсловіемъ* азбуки, безъ которой онъ представлялся для отроковъ іероглифической загадкой. Много несообразностей и нелѣпостей можно усмотрѣть въ самой графикѣ и кунштировкѣ букваря. Начнемъ съ заставокъ, или большихъ буквъ: многія изъ нихъ выгравированы очень фантастично и причудливо; буква *б* изображается напр. въ видѣ стоящаго рыцаря, который поднялъ на голову правой рукой что-то въ родѣ сабли, а лѣвой опи-

Digitized by Google

рается на дугообразную палку. При видѣ такой картинки дитя интересовалось, конечно, не буквой, да ее очень трудно и угадать по рисунку. Есть такія фигуры буквъ, которыя живо напоминаютъ собою «виды» рыцарскаго эротизма: буква *н* изображается въ образѣ нѣжно-ласкающейся, молодой четы, — буква *о* фигурируетъ двухъ наклонившихся и обнявшихся молодыхъ существъ (тоже буква *ѳ*), — буква *ц* представляется въ видѣ двухъ молодыхъ женщинъ, стоящихъ на одной доскѣ, съ растрепанными волосами, — буква *ч* рисуется въ образѣ двухъ нагихъ человѣкообразныхъ существъ, имѣющихъ одинъ общій хвостъ. Всякій согласится, что эти фигуры буквъ уродливы, нелѣпы и далеки отъ надлежащаго начертанія буквъ. Не разумно и то, что авторъ помѣстилъ нѣсколько очертаній печатныхъ буквъ, отличающихся другъ отъ друга только величиною: ненужное и тяжелое для дѣтскаго глаза и памяти однообразіе. Что же касается буквъ скорописныхъ, то онѣ отличаются другою крайностію, — излишнимъ и затѣйливымъ разнообразіемъ графики; тутъ предлагается нѣсколько неодолимыхъ трудностей заразъ: ребенокъ долженъ цѣлые дни заучать начертанія одной и той же буквы, и притомъ безъ видимой для себя пользы, — усвоить и выразить на письмѣ эти буквы нѣтъ возможности даже опытному глазу и привычной рукѣ. Итакъ формы и начертанія буквъ, по которымъ дѣти научались читать, очень неудачны. Нельзя одобрить и тѣхъ «видообразныхъ вещей, на которыя отроки смотрѣти должны, чтобъ не были вредны». Между ними мы встрѣчаемъ, напримѣръ: аранату козу (совершенно похожую на обезьяну), *крылатаго* змія(?), иппокентавра—человѣка съ лошадинымъ туловищемъ и ногами, феникса — баснословную птицу, возрождающуюся изъ своего праха. Разсматривая и запоминая эти куншты, дѣти пріобрѣтали сбивчивыя и фальшивыя понятія о предметахъ и могли воображать, что существуютъ люди съ лошадиными ногами, саморождающіяся птицы и т. п.»

Вотъ, каковы достоинства этого букваря, по мнѣнію современнаго педагога! Авторъ сознаетъ, что букварь Каріона — произведеніе слабое, но, во что бы то ни стало, стремится поднять его значеніе, набрасывая тѣнь сомнѣнія на безпристрастные отзывы другихъ объ этомъ трудѣ Каріона: «*можетъ быть*, скажутъ, что картинки, которыми снабдилъ свои буквари Каріонъ, какъ по содержанію, совершенно для дѣтей непонятному, такъ и по исполненію, могли принести учащимся *мало пользы*; *можетъ быть*, нравоучительные стихи, которыми Каріонъ сопровождаетъ рисунки на каждую букву славянскаго алфавита, назовутъ безсмысленными, — всѣ эти и подобныя замѣчанія должно отнести къ вопросу, насколько удачно нашъ писатель выполнилъ въ своихъ букваряхъ принципъ наглядности и занимательности и т. д.» (л. 103 об. 104).

Digitized by Google

Что касается до такъ называемой «малой грамматики», хранящейся въ библ. Импер. Эрмитажа подъ № 89, то мы сильно сомнѣваемся, чтобы она принадлежала Каріону Истомину. Во-первыхъ, потому, что подъ нею подписался «іеромонахъ Каріонъ Заоулонскій», а не Каріонъ Истоминъ, а во-вторыхъ, что въ ней совсѣмъ нѣтъ виршей, столь любимыхъ Каріономъ, есть же нѣкоторая своеобразность въ языкѣ, не свойственная нашему писателю: напримѣръ, употребленіе союза *бо* вм. *ибо*, *власный* въ см. собственный, *монарховичь*, *писати виршовъ*, *надлежитъ до трехъ остатныхъ частей*. Это указываетъ въ авторѣ ея или природнаго малоросса, или человѣка, долго прожившаго въ Малороссіи. Мы не могли, къ сожалѣнію, провѣрить показаніе автора, что нѣкоторыя мѣста этой грамматики писаны рукой Каріона Истомина (ч. II, л. 109, 112).

Перечитывая всѣ несомнѣнныя сочиненія Каріона Истомина, приходишь къ заключенію, что онъ былъ питомецъ южно-русскаго образованія, продолжатель литературной дѣятельности Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева. Тѣ же схоластическія проповѣди, построенныя по западному образцу, тѣ же вирши, поздравленія въ стихахъ, надписи къ иконамъ, эпитафіи, стихотворные акаѳисты и тѣ же большія поэмы «на случай», что и у Симеона Полоцкаго, бѣднѣе нѣсколько по содержанію, но по формѣ не хуже. Букварь Каріоновъ тоже близокъ къ западнымъ, даже заимствуетъ отъ нихъ шрифты и украшенія. Все это позволяетъ намъ высказать предположеніе, что первоначальное образованіе Каріона было латино-польское, а греческому языку онъ научился впослѣдствіи, будучи уже на службѣ на Печатномъ дворѣ. Подъ конецъ своей жизни, можетъ быть, онъ и былъ въ состояніи переводить съ греческаго, для чего, повидимому, и вызванъ былъ митр. Іовомъ въ Новгородъ, но переводовъ его съ этого языка пока неизвѣстно, а указанный арх. Леонидомъ «чинъ сочиненія и освященія святаго мѵра» только «преписася и исправися съ переводомъ греческаго языка», да и то, быть можетъ, не Каріономъ, который былъ лишь владѣльцемъ рукописи (Опис. рук. гр. Уварова, ч. II, стр. 21). На зависимость Каріона отъ Кіевской школы указываютъ извѣстные доселѣ несомнѣнные переводы Каріона сочиненій: бл. Августина — Боговидная любовь, и Юлія Фронтина — О случаяхъ военныхъ. Обозрѣніе этихъ переводовъ находится въ 6-ой главѣ второй части изслѣдованія. Первое сочиненіе авторъ считаетъ только переложеннымъ Каріономъ съ бѣлорусскаго перевода на московское церковно-славянское нарѣчіе, второе же переведеннымъ съ латинскаго. При сообщеніи о второмъ, авторъ разсматриваетъ достоинства перевода, сравниваетъ съ оригиналомъ и предполагаетъ причины, побудившія Каріона къ такому труду. Все это изложено обстоятельно. Въ концѣ главы указаны нѣсколько небольшихъ переводовъ Каріона — челобитной кіевскаго

Digitized by Google

войта І. Быковскаго и кіевскихъ мѣщанъ на митр. Варлаама, словъ Леонтія Карповича[1]) — съ малорусскаго. Сказаніе Іеронима объ Іудѣ предателѣ и отрывки изъ Римскихъ Дѣяній попали въ бумаги Каріона, по нашему, случайно; писаны они не Каріономъ, слѣдовъ перевода (т. е. помарокъ и исправленій Каріономъ) нѣтъ; разсказы изъ Р. Д. даже начинаются съ средины фразы. Сочиненія эти часто встрѣчаются въ рукописяхъ к. XVII вѣка, и нѣтъ основаній переводъ ихъ считать Каріоновымъ.

Общее заключеніе, вынесенное нами изъ знакомства съ сочиненіями Каріона—то же, къ чему пришли Горскій и Невоструевъ, разбирая содержаніе сочиненія Каріона «Имя новое», — всѣ они, за исключеніемъ развѣ букварей и стиховъ царевнѣ Софіи объ устроеніи въ Русской земли науки свободной, — не важны.

Гораздо важнѣе ихъ тѣ грамоты, письма и акты, которые или занесъ въ свои тетради для своего свѣдѣнія, или, по порученію другихъ, написалъ трудолюбивый чудовскій іеромонахъ; важнѣе ихъ для насъ тѣ некрологи и записи о событіяхъ современныхъ, которыя разсѣялъ Каріонъ среди своихъ тетрадей.

Замѣтки Каріона о различныхъ современныхъ событіяхъ, напр., о походѣ Петра къ Архангельску, о волненіяхъ раскольниковъ 1683—1684 г., о стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 г., наводятъ автора на мысль, что писатель нашъ любилъ лѣтописный трудъ. Историческихъ трудовъ, связанныхъ съ именемъ Каріона, до насъ не дошло, но сохранились два свидѣтельства, что подобные труды составлялись Каріономъ. Изъ нихъ самое важное находится въ дѣлѣ о Шакловитомъ, въ показаніи Сильвестра Медвѣдева, что у него «была написана книга лѣтописная, начата съ девяностаго году, о правленіи великія государыни (т. е. царевны Софіи), и что было съ того году. И та де книга у него въ палатѣ; *а писана та книга съ письма Каріонова*, а чернилъ тое книгу онъ Сенка, а переписывалъ для чисту Ивашка» (Роз. дѣла о Ѳ. Шакловитомъ. Спб. 1884, гл. I, стр. 630, 637, 677). Основываясь на этомъ показаніи, авторъ приписалъ Каріону составленіе извѣстнаго «Созерцанія краткаго лѣтъ 7190, 7191 и 7192, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ», безыменнаго сочиненія, приписываемаго обыкновенно Сильвестру Медвѣдеву. Доводы свои авторъ излагалъ печатно и ранѣе (Русс. Фил. Вѣстн. 1890, № 1); основаны они, главнымъ образомъ, на толкованіи вышеприведеннаго показанія Сильвестра Медвѣдева. Но и послѣ появленія въ печати этого мнѣнія, продолжаютъ признавать авторомъ Созерцанія Медвѣдева. Въ предисловіи къ новому изданію Созерцанія г. А. Прозоровскій подробно останавливается на мнѣніи автора и старается

1) Послѣднее, впрочемъ, сомнительно, такъ какъ слова эти переписаны не Каріономъ и притомъ съ поправками писца.

Digitized by Google

опровергнуть его (Чт. Общ. ист. и др. Росс. 1894, кн. 4). Доводъ г. Прозоровскаго, будто подъ Каріономъ показанія Сильвестра надо разумѣть другого Каріона, автора одной латинской хроники, намъ кажется натянутымъ. Мы склонны скорѣе согласиться съ мнѣніемъ автора, что этотъ важный историческій трудъ составленъ первоначально Каріономъ Истоминымъ и исправленъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Можно найти въ самомъ Созерцаніи косвенное тому свидѣтельство, на что не обратили еще вниманія изслѣдователи. Какъ извѣстно, въ Созерцаніи среди повѣствовательнаго разсказа занесено цѣликомъ много актовъ и грамотъ, пользованіе которыми для труда было доступно Каріону, довѣренному патріарха, и весьма затруднительно Сильвестру, послѣ 1681 г. потерявшему расположеніе патріарха, какъ основательно разсуждаетъ авторъ (л. 144). Между прочими документами здѣсь помѣщена «епистолія о Увѣтѣ Духовномъ» (по изд. А. Прозоровскаго, стр. 120 — 122), въ концѣ которой сообщается, что стрѣльцы раскаялись, хотятъ итти съ повинною къ государямъ въ Троицкій монастырь, просили патріарха отправить съ ними туда архіерея. «И по ихъ прилѣжному прошенію ради вашея, великихъ государей, милости послася отъ насъ съ прошеніемъ Иларіонъ, митрополитъ суздальскій и юрьевскій». Вмѣстѣ съ митрополитомъ и стрѣльцами патріархъ Іоакимъ посылалъ 10 экземпляровъ Увѣта: «съ книгами же «Увѣтовъ» послася печатного двора справщикъ іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ». Выѣхали всѣ эти лица изъ Москвы 25 сент. «И въ той день, уже къ вечеру поѣхавъ въ Троецкой монастырь, разсказывается далѣе въ Созерцаніи, *обнощева Иларіонъ митрополитъ и всѣхъ полковъ служивыхъ по двадесяти человѣкъ близъ Москвы пять верстъ на мосту.* Съ служивыми же ѣхалъ стольникъ и полковникъ ихъ Михайло Ознобишинъ. Въ нощь же тую *рѣдкой человѣкъ служивыхъ спаше, ибо вси бяша въ боязни и мнѣніемъ по смутительнымъ словамъ содержахуся сицевымъ*: бутто ихъ въ томъ мѣсте отъ великихъ государей посланы исъ похода ратныя люди порубятъ, и уже *въ мечтаніи томъ сказываша*, яко бы въ тое мѣсто въ ту нощъ исъ полковъ и подъѣздъ былъ. И того ради оттуду *многія хотѣли возвратитися, едва митрополитъ и полковникъ уговорили,* чтобы того мнѣнія не имѣли и шли въ походъ къ великимъ государемъ, на ихъ царскую милость и на прошеніе о нихъ святѣйшаго патріарха надѣяся». Изложить съ такими подробностями всѣ перипетіи этого похода, передать самое настроеніе толпы стрѣльцовъ, ихъ колебанія, опасенія быть перебитыми, потомъ не оправдавшіяся, — могъ только очевидецъ, а такимъ, мы знаемъ, былъ Каріонъ Истоминъ. Далѣе также подробно, шагъ за шагомъ описывается путь митрополита и стрѣльцовъ, передаются опять опасенія послѣднихъ быть перебитыми то у Мытищъ, то у Пушкина или Воздвиженскаго, и уговоры Иларіона. Подробно

Digitized by Google

описывается прибытіе въ Троицкую Лавру и что́ тамъ происходило, передаются даже слова государей къ митрополиту. Все это, повторяемъ, разсказъ очевидца, какимъ былъ Каріонъ. Другого, столь же детальнаго повѣствованія въ Созерцаніи мы не замѣтили. Манера писателя Созерцанія, замѣтная особенно въ концѣ, — включать въ изложеніе цѣлыя грамоты и посланія, кратко предваривъ ихъ собственнымъ разсказомъ о событіи, присуща и нашему писателю. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующіе лѣтописные отрывки, не приведенные авторомъ изслѣдованія. Въ Чуд. сб. № 300, л. 332, Каріонъ занесъ: «И мѣсяца іуніа въ 14 д. из' полковъ от боляръ и воеводъ в' царствующій градъ Москву к' царскому пресвѣтлому величеству, к' благочестивымъ государемъ царемъ, присланы столники съ сеунчемъ из' пяти полковъ по 4 человѣка, а гетман прислал из' своего полка своихъ казаков; и тѣ казаки подали святѣйшему патріарху в' той день листъ таковой». Далѣе оставлено пустое мѣсто, очевидно, для внесенія этого листа, а затѣмъ внизу листа рукописи продолжается: «іуніа въ 19 д. от лица царскаго пресвѣтлаго величества посланъ в' полки к' боляромъ и воеводамъ и ко всѣмъ ратным людемъ съ милостивыми словесы и съ скаскою, еже воинство и полки роспустити во своя домы околничей ближній Василій Савичь Нарбѣковъ. И с нимъ в' полки ко всему воинству святѣйшій патріархъ, писав граммату, посла таковую». Далѣе опять оставлено мѣсто для граматы, которая и находится въ этомъ же сборникѣ, но нѣсколько выше, на л. 329 — 331. Эти два отрывка, повидимому, предполагалось внести, какъ звенья, между граматами въ лѣтописномъ разсказѣ, подобно тому, какъ мы видимъ въ Созерцаніи. Приведенные отрывки относятся ко времени позднѣйшему, чѣмъ описываемое въ Созерцаніи, ко второму походу В. В. Голицына на Крымъ, и должны были служить для продолженія Созерцанія или для другого историческаго труда Каріона—его лѣтописи, о существованіи которой извѣстно изъ Голикова. Голиковъ разсказываетъ о войнѣ Петра Великаго съ Польшей и сообщаетъ, что въ Вильнѣ предсталъ предъ монарха присланный отъ курфирста Бранденбургскаго посланникъ Лазарь Кантельманъ, чрезъ котораго курфирстъ предлагалъ Его Величеству свое посредничество о примиреніи Россіи съ Польшею; но Царь не сего отъ курфирста ожидавшій, на то не согласился. Монархъ отослалъ многія тысячи плѣнныхъ шляхтичей, военныхъ людей и крестьянъ въ Россію, которыми по его повелѣнію и населены многія пустыя земли внутрь Россіи, а паче по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ» (дополн. къ Дѣян. П. В., III, 45 — 46). Въ примѣчаніи источникомъ этого указана «лѣтопись монаха Истомина». Теперь неизвѣстно такой лѣтописи. Въ 1890 г. арх. Леонидъ представилъ въ Общество Исторіи и Древностей Росс. принадлежащій ему лѣтописецъ, который онъ, послѣ ознакомленія съ первымъ трудомъ нашего автора о

Digitized by Google

Каріонѣ Истоминѣ, признаlъ за составленный Каріономъ, т. е., очевидно, за тотъ, который разумѣетъ и Голиковъ. Мы не станемъ передавать соображеній покойнаго арх. Леонида, раздѣляемыхъ и авторомъ, тѣмъ болѣе, что они же приводятся и въ предисловіи къ Созерцанію, изданному г. Прозоровскимъ (стр. XXII — XXIII). Укажемъ, почему мы не раздѣляемъ этого предположенія: 1) Лѣтописцу этому названія — «составленныйпо повелѣнію правительницы государыни Софіи» и «Каріона Истомина» — даны и подписаны на лѣтописцѣ арх. Леонидомъ (имѣемъ въ виду предисловіе г. Прозоровскаго). 2) Выше были приведены тѣ свѣдѣнія, которыя Голиковъ, по его словамъ, заимствовалъ изъ лѣтописи монаха Каріона; ничего подобнаго мы не нашли въ лѣтописцѣ арх. Леонида. 3) Нѣтъ ничего дословно сходнаго съ историческими замѣтками, которыя находятся въ тетрадяхъ Каріона, попавшихъ въ Чудовскіе сборники. Такъ, не говоря уже о приведенныхъ нами выше вступленіяхъ къ документамъ, нѣтъ даже самыхъ этихъ документовъ. 4) Авторъ подкрѣпляетъ мнѣніе арх. Леонида, утверждал, что въ разсматриваемомъ лѣтописцѣ и въ тетрадяхъ Каріона онъ встрѣтилъ извѣстіе о смерти ц. Іоанна Алексѣевича *и стихи на его кончину* (л. 142 об.). Мы пересмотрѣли довольно внимательно сборники Чудова монастыря и нашли въ нихъ только одну запись о смерти ц. Іоанна Алексѣевича, но не нашли стиховъ. Самъ авторъ не приводитъ этихъ стиховъ и даже не указываетъ, гдѣ ихъ найти. Не лишнее сопоставить замѣтку Каріона объ этомъ съ сообщеніемъ лѣтописца.

Запись Каріона Истомина (Чуд. Сб. № 100—300, л. 50 об.).

7204-го лѣта іанвуаріа мѣсяца въ 29 д. во второмъ часу в' среду преставися благочестивый великій государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ всея Великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и погребенъ въ 30 д., в' четвертокъ в' церкви Архангелскаго собора.

Лѣтописецъ арх. Леонида, л. 240.

Лѣта 7204-го году мѣсяца генваря 29-го дня часа втораго преставися от сего времянного вѣка и преселися в нѣкончаемый вѣкъ благовѣрный великій государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и погребенъ в' Москвѣ в городѣ Кремлѣ, в' церкве собора архангела Михаила.

При гробѣ жъ его надписаніе сіе.

Сходство, конечно, есть; но оно вызывается краткостью разсказа того и другого памятника и стереотипностью выраженій о событіи такого рода, какъ смерть царя. Въ лѣтописцѣ арх. Леонида приведено далѣе надписаніе при гробѣ. Оно довольно характерно и едва ли принадлежитъ Каріону: со стороны отдѣлки оно уступаетъ его эпитафіямъ, но размѣръ и мысли свободнѣе:

Digitized by Google

Охъ, тяжекъ высокосный годъ намъ нынѣ наставаетъ!
Генваря 29-го дня миру печаль являетъ:
Егда несчастная година третьяго часа наста,
Солнце на Россію свѣтити преста,
Угасе свѣтилникъ молитвенныя ломпады,
Разрѣшися благочестивый рачитель всякія правды,
Преста свѣтити ясная заря,
Похити неначаянная смерть россійскаго царя:
Зайде под землю скипетроносное тѣло,
Отъиде душа в нетлѣнныя чертоги смѣло,
Великій монархъ, тезоименитенъ благодати
Постнымъ трудомъ, царствіе небѣсное изволь пріяти.
Призри, Боже, на постъ его и труды всегдашныя,
Не лиши его и небѣснаго царствія,
Вчини его, идѣже Тя херувимы хвалятъ
И сотвори ему вѣчную память!

5) Авторъ изслѣдованія, подкрѣпляя доказательства арх. Леонида, утверждаетъ, что онъ нашелъ одну «почти дословную» замѣтку въ томъ и другомъ трудѣ (ч. II, л. 148 об.). Замѣтка эта—о походѣ Петра В. въ Архангельскъ. Хотя авторъ считаетъ это обстоятельство «особенно важнымъ», но не счелъ нужнымъ, какъ обыкновенно дѣлаетъ въ своемъ изслѣдованіи, сопоставить эти два извѣстія. Сдѣлаемъ это за него.

Запись Каріона Истомина (Чуд. сб. № 302, л. 94).

1702 априллія под 19 число, в' нощи, за три часа дня воскресна, пойде великій государь царь Петръ Алексіевичь и воинство его к морю, ко Архангелскому городу.

Лѣтописецъ арх. Леонида (л. 232).

А[1]) въ 202-мъ же году его жь царское величество изволил ходить к' городу жь Архангелскому, и от города в Соловецкой монастырь и на море, и в' Москву возвратился въ томъ же 202-мъ году.

Если судить по этому примѣру, то «почти дословное» сходство состоитъ въ сообщеніи объ одномъ и томъ же основномъ фактѣ, при чемъ подробности, сопровождавшія этотъ фактъ, могутъ быть различны и самое сообщеніе можетъ быть выражено разными словами. Очевидно, авторъ судилъ по памяти.

---

1) Въ лѣтописцѣ замѣтка находится подъ подобною же: «В' 201-мъ же году изволил его царское величество ходить к' Архангелскому городу и от города на море, и возвратился в Москву в томъ же году.

Москва, 25 апр. 1895 г.

Digitized by Google

Этимъ мы ограничимъ нашъ разборъ. Укажемъ только, что въ приложеніи ко второй части, столь же обширномъ, какъ къ первой, приводятся авторомъ многія неизданныя сочиненія Каріона Истомина и одно Симеона Полоцкаго.

Сочиненіе «Одинъ изъ пестрыхъ XVII-го столѣтія» представляетъ несомнѣнныя достоинства полнымъ и всестороннимъ обзоромъ жизни, трудовъ и дѣятельности довольно замѣтнаго писателя конца XVII-го, начала XVIII-го вѣка Каріона Истомина. Кромѣ того, оно сообщаетъ весьма много новыхъ и важныхъ матеріаловъ по отношенію къ разнымъ неяснымъ вопросамъ исторіи и литературы того же времени. Вопросы эти изслѣдуются съ достаточной точностью и умѣньемъ. Недосмотры автора зависятъ скорѣе отъ скудости матеріаловъ для біографіи писателя и отъ всецѣлаго поглощенія автора своимъ трудомъ, чѣмъ отъ легкаго отношенія къ поставленной себѣ задачѣ; многолѣтній и усидчивый трудъ — несомнѣненъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ ходатайствовать, чтобы Императорская Академія Наукъ поощрила автора въ его занятіяхъ этимъ — по истинѣ—смутнымъ періодомъ русской литературы и назначила ему, если не полную искомую премію, то половину ея.

Digitized by Google

Digitized by Google

V.

Отзывъ о сочиненіи г. Рункевича:

„Исторія Минской архіепископіи (1793—1832 гг.), съ подробнымъ описаніемъ хода возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 гг."
С.-Петербургъ, 1893.

Реценэія экстра-ординарнаго проф. С.-Петерб. духовной акад. **П. Н. Жуковича.**

Въ небольшомъ предисловіи къ своему изслѣдованію г. Рункевичъ мотивируетъ принятое имъ дѣленіе исторіи Минской православной епархіи на три періода, опредѣляетъ задачу своего историческаго изслѣдованія и сообщаетъ краткія свѣдѣнія о своихъ рукописныхъ и печатныхъ источникахъ. Гранью между первымъ періодомъ исторіи Минской епархіи, которому онъ посвятилъ свое изслѣдованіе, и послѣдующимъ служитъ для него 1832 годъ, когда состоялось назначеніе на Минскую каѳедру епископа Евгенія Божанова (стр. IX—X, ср. стр. 572). Впрочемъ, авторъ не особенно настаиваетъ на этой грани, признавая въ концѣ своей книги, что «назначеніе въ Минскъ преосвященнаго Евгенія само по себѣ не составляетъ въ исторіи Минской епархіи событія выдающейся важности»; «но его историческое значеніе — продолжаетъ онъ — заключается въ томъ, что оно являлось прямымъ результатомъ тѣхъ мѣръ, какія стало предпринимать въ это время высшее правительство по отношенію къ церковной жизни западнаго края Россіи съ цѣлью подготовить почву для назрѣвавшаго возсоединенія уніатовъ 1839 года» (стр. 571—572). Самъ г. Рункевичъ, повидимому, не прочь отодвинуть эту грань и на нѣсколько лѣтъ впередъ: по крайней мѣрѣ, о возсоединеніи уніатовъ 1839 года онъ весьма опредѣленно уже выражается, «что это важное событіе, со всѣми своими послѣдствіями, внесло значительныя перемѣны въ епархіальную жизнь и замѣтно отдѣляетъ ее отъ прежняго времени» (стр. X). Если бы г. Рункевичъ гранью перваго и второго періодовъ исторіи Минской епархіи прямо

Digitized by Google

призналъ 1839 годъ и до этого года довелъ свое изслѣдованіе, то получилось бы то преимущество, что въ его книгѣ мы имѣли бы вполнѣ законченную исторію Минской православной епархіи старой формаціи. Теперь же послѣднія семь лѣтъ ея остались у него недописанными, между тѣмъ какъ въ эти семь лѣтъ существенныхъ перемѣнъ не произошло ни во внутренней, ни во внѣшней ея жизни; включеніе въ ея составъ въ 1833 году Курляндіи и отчисленіе отъ нея Виленской губерніи, по малочисленности въ нихъ православныхъ приходовъ, не имѣли большого значенія, равно какъ и частичныя возсоединенія уніатовъ въ предѣлахъ Минской епархіи въ періодъ управленія ею архіепископа Никанора Клементьевскаго. Что же касается второго массоваго возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ, постепенно пододвигавшагося въ теченіе тридцатыхъ годовъ къ своему финалу, то оно, какъ извѣстно, направлялось совсѣмъ иными людьми и имѣетъ свою особую исторію, и если г. Рункевичъ выполнитъ свое обѣщаніе — напишетъ исторію и второго періода Минской епархіи, ему все равно придется начинать дѣло не съ 1832 года, а съ болѣе ранняго времени.

При написаніи своей книги г. Рункевичъ сравнительно не много имѣлъ въ своемъ распоряженіи печатныхъ источниковъ. Большую часть своихъ матеріаловъ онъ заимствовалъ прямо изъ разныхъ архивовъ, по преимуществу изъ синодальнаго архива — изъ архива собственно св. синода и изъ архива оберъ-прокурора св. синода, а также отчасти изъ хранящагося въ синодальномъ архивѣ архива уніатскихъ митрополитовъ и рукописнаго отдѣленія библіотеки св. синода. Много интересныхъ свѣдѣній онъ нашелъ также въ Минскихъ архивахъ — консисторскомъ и семинарскомъ. Нѣсколько новыхъ фактовъ, по преимуществу касательно ранней поры жизни и дѣятельности Виктора Садковскаго, удалось ему почерпнуть изъ дѣлъ, находящихся въ Кіевскихъ архивахъ консисторскомъ и академическомъ, а также въ Могилевскомъ консисторскомъ архивѣ; для послѣднихъ же годовъ жизни его онъ собралъ свидѣнія въ Черниговскомъ консисторскомъ архивѣ. Наконецъ, изъ сенатскаго архива и военно-ученаго архива главнаго штаба онъ заимствовалъ нѣсколько данныхъ очень важныхъ для уясненія общихъ политическихъ и военныхъ дѣлъ интересовавшей его эпохи. Обиліе бывшаго у г. Рункевича подъ руками архивнаго матеріала дало ему возможность обставить свое историческое повѣствованіе цѣлымъ рядомъ точныхъ, часто малоизвѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ, сообщило всему его труду большую хронологическую точность, помогло ему съ успѣхомъ разобраться въ нѣсколькихъ запутанныхъ вопросахъ Минскаго церковнаго прошлаго. Г. Рункевичъ, еще до выпуска въ свѣтъ настоящей своей книги, напечаталъ въ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ «Письма

Digitized by Google

къ разнымъ лицамъ преосв. Виктора Садковскаго» и «Дѣло объ арестованіи его поляками», найденныя имъ въ синодальномъ архивѣ. Въ самомъ текстѣ книги авторъ приводитъ цѣлый рядъ очень важныхъ буквальныхъ выписокъ изъ архивныхъ дѣлъ. Хотя значительная часть архивныхъ дѣлъ св. синода по западнорусской церковной исторіи прошлаго вѣка уже была предметомъ историческаго изученія, но внимательное изученіе ихъ вновь г. Рункевичемъ дало ему возможность подмѣтить въ нихъ не мало новыхъ деталей. Вообще съ фактической стороны книга г. Рункевича представляетъ, можно сказать, образецъ полноты. Заслуживаетъ полнаго сочувствія и то вниманіе, съ какимъ отнесся г. Рункевичъ ко всей предыдущей русской печатной литературѣ, имѣвшей какое-либо отношеніе къ предмету его изслѣдованія. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ даетъ полный и точный указатель всей этой разсѣянной по разнымъ провинціальнымъ изданіямъ литературы, и, «несмотря на множество встрѣчающихся въ ней ошибокъ, неточностей и невѣрныхъ догадокъ» (стр. XV) умѣетъ уловить все, что есть въ ней вѣрнаго и важнаго. Что касается польской исторической литературы, нужно сказать вообще, что авторъ воспользовался въ своемъ трудѣ болѣе важными напечатанными на польскомъ языкѣ церковно-историческими матеріалами, насколько они могли быть ему полезны. Нашъ авторъ находился въ данномъ случаѣ въ гораздо болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ польскіе церковные историки: даже у Ликовскаго (Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIV wieku, Poznań, 1880), которому доступны были заграничные польскіе архивы, почти не оказывается фактовъ, о которыхъ бы г. Рункевичъ не могъ дать точныхъ свѣдѣній на основаніи своихъ архивныхъ данныхъ. Вообще съ фактической стороны польская церковно-историческая литература не могла дать г. Рункевичу чего-либо новаго и важнаго, особенно по исторіи Минской епархіи въ текущемъ столѣтіи. Относительно польской литературы г. Рункевичу можно сдѣлать только тотъ упрекъ, что онъ въ своей книгѣ не достаточно удѣлилъ вниманія общей польской исторической литературѣ, посвященной эпохѣ раздѣловъ Польши. Онъ напр. совсѣмъ не упоминаетъ извѣстныхъ историческихъ работъ о. Калинки (Sejm Czteroletni) и г. Корзона (Wewnętrzene dzieje Polski zu Stanislawa Augusta). Не говоря уже о томъ, что въ каждомъ изъ названныхъ сочиненій есть цѣлыя главы, посвященныя обозрѣнію религіозныхъ дѣлъ въ Польшѣ въ эпоху послѣднихъ раздѣловъ, знакомство со польской исторической литературой, посвященной эпохѣ раздѣловъ, могло бы оказаться для г. Рункевича не безполезнымъ и въ области общихъ историческихъ взглядовъ на эпоху возсоединенія, бывшую вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой паденія Польши.

Digitized by Google

Самое изслѣдованіе г. Рункевича состоитъ изъ девяти «книгъ». Первыя двѣ книги имѣютъ значеніе какъ бы большого введенія къ написанной имъ исторіи Минской архіепископіи. Въ частности въ первой книги изображается общее состояніе православія въ Польшѣ въ эпоху, предшествовавшую учрежденію Минской архіепископіи. Въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ главъ авторъ рисуетъ картину тѣхъ религіозныхъ преслѣдованій всякаго рода, которымъ подвергалось тогда православное населеніе въ Польшѣ, и указываетъ тѣ средства внутреннія и внѣшнія, которыми располагало оно въ борьбѣ за свое существованіе. Авторъ въ этой «книгѣ» раздвигаетъ рамки своего историческаго обозрѣнія довольно далеко назадъ, вводитъ въ свое обозрѣніе не только факты непосредственно предшествовавшаго назначенію православнаго епископа въ Польшу времени, но и болѣе отдаленнаго, даже начала прошлаго вѣка. Это, можетъ быть, способствуетъ яркости нарисованной имъ картины, но дѣлаетъ въ то же время общее поле зрѣнія его черезчуръ широкимъ, такъ что на немъ иногда не достаточно рельефно обрисовываются тѣ специфическія черты польской религіозной жизни 70 и 80-хъ годовъ, въ которыхъ въ данномъ случаѣ заключается прямой историческій интересъ.

Во второй книгѣ г. Рункевичъ даетъ подробный обзоръ жизни и дѣятельности Виктора Садковскаго въ санѣ православнаго епископа въ Польшѣ. Произведенныя авторомъ архивныя разысканія дали весьма важные результаты въ дѣлѣ уясненія многихъ подробностей личной жизни и общественной дѣятельности Садковскаго. На Садковскаго въ періодъ епископства его въ Польшѣ и потомъ въ Россіи г. Рункевичъ старается установить средній взглядъ. Онъ не согласенъ со взглядомъ М. О. Кояловича на Садковскаго, какъ на человѣка «слабаго, нерѣшительнаго, который какъ будто не понималъ и не дорожилъ тѣмъ великимъ дѣломъ, во главѣ котораго ему пришлось стоять» (стр. 351). Г. Рункевичъ выдвигаетъ другіе факты, доказывающіе, что Садковскій, если и не былъ энергичный народный борецъ, то былъ усердный, преданный дѣлу работникъ (351—352). Жаль, что г. Рункевичъ не высказался по поводу другого обвиненія, выставленнаго покойнымъ профессоромъ противъ Садковскаго, именно, что онъ вообще не отличался широтою взгляда и потому не понималъ своей роли и общаго положенія польскихъ, въ частности уніатскихъ, дѣлъ («Исторія возсоединенія уніатовъ старыхъ временъ», 310, 322): это непониманіе, по взгляду Кояловича, и обусловливало въ сильной степени его нерѣшительность. Несогласенъ г. Рункевичъ и съ «другимъ взглядомъ, по которому преосвященный Викторъ представляется человѣкомъ въ высшей степени энергичнымъ, борцомъ, постоянно полнымъ всевозможныхъ плановъ къ достиженію задуманной цѣли во что бы то ни

Digitized by Google

стало». «Польскіе историки, выдвинувшіе этотъ взглядъ, говоритъ онъ, готовы назвать преосвященнаго какимъ-то чернымъ геніемъ, исполненнымъ фанатизма и коварной изобрѣтательности.» Такой взглядъ, дѣйствительно, нерѣдко встрѣчается у польскихъ писателей (даже г. Корзонъ называетъ Садковскаго «смѣлымъ агентомъ русской политики, ревностнымъ прозелитомъ православія»). Но г. Рункевичъ все-таки напрасно не указалъ точно тѣхъ польскихъ историковъ, которые держатся такого взгляда на Садковскаго, а ограничился ссылкой на одного Ликовскаго. По поводу изображенія отношеній Виктора Садковскаго къ польскому правительству нельзя не замѣтить того, что политическая сторона дѣла иногда у автора очень далеко отодвигается на задній планъ, вниманіе его сосредоточивается по преимуществу на епархіальной дѣятельности, на обстоятельствахъ личной жизни Виктора Садковскаго.

Третья, четвертая и шестая книги, составляющія главную, наиболѣе обширную часть разсматриваемаго сочиненія, посвящены исторіи возсоединенія уніатовъ, — третья и четвертая въ управленіе Минской архіепископіей Виктора Садковскаго (1794—1796), шестая — въ первые годы управленія ею архіепископа Іова Потемкина. Исторія возсоединенія уніатовъ прошлаго вѣка уже была предметомъ тщательнаго изученія. Проф. Кояловичъ въ своей «Исторіи возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ старыхъ временъ» и нарисовалъ общую картину положенія въ западной Россіи латинства, уніи и православія послѣ второго роздѣла, и изобразилъ въ основныхъ чертахъ постепенный ходъ возсоединенія уніатовъ въ царств. Екатерины и Павла, какъ въ Минской, такъ и въ Бѣлорусской епархіяхъ. Г. Рункевичъ не имѣлъ надобности воспроизводить во всей подробности исторію латинства и уніи въ западной Россіи въ изучаемую имъ эпоху, такъ какъ свое изслѣдованіе онъ посвятилъ собственно исторіи возраждавшагося православія. Все вниманіе свое онъ сосредоточилъ на самомъ ходѣ возсоединенія. За время управленія Минской архіепископіей Виктора г. Рункевичъ излагаетъ исторію возсоединенія на всемъ обширномъ тогда ея пространствѣ, на пространствѣ всѣхъ западнорусскихъ областей, отошедшихъ отъ Польши по второму раздѣлу и вошедшихъ въ составъ этой епархіи. Въ послѣдующее затѣмъ время, когда изъ состава Минской архіепископіи выдѣлились Подольская и Волынская епархіи, онъ слѣдитъ за ходомъ возсоединенія уже только въ Минской губерніи. Особенностью написанной г. Рункевичемъ исторіи возсоединенія является то, что онъ за ходомъ этого дѣла слѣдитъ шагъ за шагомъ во всѣхъ уголкахъ края, давая точныя свѣдѣнія о возсоединеніи почти каждой уніатской церкви, нерѣдко сообщая самыя обстоятельства, при которыхъ произошло ея возсоединеніе. Для него такимъ образомъ явилась возможность подвести

Digitized by Google

болѣе или менѣе точный итогъ возсоединенію и дать общее сужденіе о немъ, основанное на изученіи всѣхъ или почти всѣхъ относящихся сюда фактовъ. Г. Рункевичъ думаетъ, что правительственная политика Екатерины значительно съузила дѣло возсоединенія, что она задержала его начало и повліяла неблагопріятнымъ образомъ на его завершеніе. Въ уясненіи этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ ему удалось внести нѣсколько новыхъ деталей, и въ этомъ отношеніи очень полезнымъ оказалось для него знакомство съ военно-ученымъ архивомъ главнаго штаба. На основаніе точныхъ данныхъ о ходѣ военныхъ дѣйствій той поры онъ съ одной стороны проводитъ ту мысль, что польскій мятежъ 1794 г. задержалъ на нѣкоторое время начало возсоединенія, съ другой — указываетъ на то, что въ моментъ возсоединенія русскія войска находились не въ Украйнѣ, а въ предѣлахъ собственной Польши, слѣдовательно не могли оказывать вліянія на настроеніе возсоединявшагося народа и на самый ходъ этого возсоединенія. Относительно царствованія императора Павла онъ думаетъ, что въ отношеніи къ возсоединенію оно не было неблагопріятно — поворотнымъ пунктомъ; напротивъ, закрѣпляя установившійся къ концу царствованія Екатерины порядокъ вещей, оно задержало развитіе неблагопріятныхъ дѣлу возсоединенія обстоятельствъ. Вообще написанная г. Рункевичемъ исторія возсоединенія уніатовъ прошлаго вѣка обладаетъ несомнѣнными достоинствами и представляетъ собою по полнотѣ фактовъ и новизнѣ нѣкоторыхъ взглядовъ цѣнный вкладъ въ русскую церковно-историческую науку.

Пятая книга посвящена описанію внутренняго устройства Минской епархіи при Викторѣ, а седьмая и восьмая — при Іовѣ (1796—1812), котораго г. Рункевичъ считаетъ настоящимъ устроителемъ Минской епархіи. Эти отдѣлы въ изслѣдованіи г. Рункевича представляютъ въ извѣстной степени также интересъ новизны. Вниманіе изслѣдователей новѣйшей (послѣ возсоединенія прошлаго вѣка) западнорусской церковной исторіи сосредоточивается обыкновенно на положеніи оставшагося въ уніи народа, въ частности на постепенной подготовкѣ и самомъ ходѣ второго возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ, руководимаго митрополита Іосифомъ Сѣмашко. Исторія же въ это время минской православной паствы самой въ себѣ, т. е. какъ давней православной, такъ и возсоединившейся съ православною церковью въ прошломъ вѣкѣ, оставалась до сихъ поръ почти совсѣмъ внѣ поля научнаго изслѣдованія. Г. Рункевичъ и задался цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ — изобразить внутреннее состояніе Минской православной епархіи въ концѣ прошлаго и въ первыя десятилѣтія текущаго столѣтія, въ предѣлахъ какъ Минской, такъ и Литовскихъ губерній, принадлежавшихъ тогда къ составу Минской архіепископіи. Самая исторія внутренней жизни Минской епархіи написана имъ по такой

Digitized by Google

программѣ: архіерейскій домъ; каѳедральный и уѣздные соборы; консисторія, духовныя правленія и благочинные; семинарія, учебная и хозяйственная въ ней часть; приходскія церкви, ихъ благоустройство, способы ихъ постройки и содержанія; приходское духовенство; монастыри (послѣдніе описываются особенно подробно, почти каждый въ отдѣльности, преимущественно съ матеріально-экономической стороны). По каждому пункту своей программы авторъ сообщаетъ рядъ мало или совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ, стараясь выяснить ихъ значеніе и съ общецерковной точки зрѣнія, и со стороны тѣхъ или иныхъ условій мѣстной жизни (напр. онъ ясно доказалъ, что вызовъ на ново возсоединившіеся приходы иноепархіальныхъ священниковъ, по сложившимся обстоятельствамъ, не принесъ ожидаемой пользы ни для улаженія церковныхъ нестроеній, ни для дѣла обрусѣнія края). Въ отношеніи полноты программы можно сдѣлать автору только одинъ упрекъ, тотъ именно, что онъ въ своихъ обозрѣніяхъ внутренней жизни Минской епархіи не даетъ особыхъ главъ о положеніи въ ней православной паствы въ тѣ или другіе періоды: г. Рункевичъ пишетъ вѣдь не исторію Минской церковной іерархіи, а исторію Минской епархіи, составляющейся не изъ одного духовенства и не изъ однихъ церковныхъ учрежденій. Конечно, въ офиціальной перепискѣ, на которой г. Рункевичъ, по преимуществу основывается въ своемъ трудѣ, жизнь прихожанъ, въ данномъ случаѣ почти исключительно православныхъ крестьянъ, гораздо менѣе отразилась, чѣмъ жизнь іерархіи. Но все-таки кое-что нашлось бы и въ ней для этой цѣли; кое-что изъ этого матеріала даже попало въ разбираемую книгу (стр. 217, 219, 562, 563, 567 и др.). Повидимому, мысль о включеніи въ программу внутренняго епархіальнаго обозрѣнія и пункта о православной паствѣ была первоначально у нашего автора; въ первой книгѣ, посвященной имъ изображенію общаго положенія православія въ Польшѣ въ половинѣ XVIII вѣка, есть особая (VII) глава о «положеніи православнаго крестьянства». При отсутствіи въ общей исторической литературѣ полной исторіи крестьянъ въ западномъ краѣ со времени присоединенія его къ Россіи, несправедливо было бы требовать отъ церковнаго историка точнаго, по періодамъ, изображенія юридическихъ и экономическихъ условій жизни православнаго крестьянскаго населенія Минской епархіи. Но для цѣлей его на первый разъ было бы достаточно, если бы онъ имѣвшійся у него матеріалъ, разсѣянный на разныхъ страницахъ его книги, сгруппировалъ въ особыя главы о религіозно-нравственномъ состояніи Минской православной паствы, дополнивши его хотя бы немногими свѣдѣніями объ общемъ юридическомъ и экономическомъ положеніи западнорусскихъ крестьянъ, на сколько оно разъяснено уже общею историческою литературою. Но настаивая на этомъ, считаемъ нужнымъ еще разъ огово-

Digitized by Google

риться, что мы вовсе не хотѣли сказать, что г. Рункевичъ въ своемъ изслѣдованіи совсѣмъ игнорировалъ православную паству Минской епархіи. Вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣятельности іерархіи, виденъ у него и православный народъ Минской епархіи, особенно при изображеніи имъ самаго хода возсоединенія уніатовъ.

Послѣдняя книга въ изслѣдованіи г. Рункевича посвящена исторіи Минской архіепископіи съ 1812 года. Авторъ прежде всего даетъ біографическія свѣдѣнія о минскихъ архіепископахъ Серафимѣ Глаголевскомъ (1812—1814) и Анатоліѣ Максимовичѣ (1816—1832), затѣмъ описываетъ вторженіе въ предѣлы Минской епархіи полчищъ Наполеона. Авторъ описываетъ это вторженіе вполнѣ самостоятельно по даннымъ архивовъ св. синода и Минской духовной консисторіи, и описаніе его весьма любопытно, какъ яркая характеристика того внутренняго разстройства, въ которое приведена была сразу внутренняя жизнь подвергшихся нашествію епархій, и тѣхъ усилій, которыя пришлось употребить потомъ епархіальной власти для возстановленія церковнаго порядка. Въ слѣдующихъ главахъ (IV—XI) обозрѣвается внутренняя жизнь Минской епархіи послѣ нашествія Наполеона до конца перваго періода (до 1832 г.), обозрѣвается по прежней программѣ (новый пунктъ программы — духовныя училища, появившіяся въ Минской епархіи при Анатоліѣ). Время съ 1812 года характеризуется авторомъ, какъ время полнаго затишья мѣстной церковной жизни: «вдвинутая преосв. Іовомъ въ обычныя рамки русскихъ епархій, Минская епархія, говоритъ онъ, какъ бы остановилась въ своемъ развитіи, и послѣ 12 года, во все дальнѣйшее время до самаго конца разсматриваемаго періода, Минская епархіальная жизнь не представляетъ событій, которыя, при мѣстномъ характерѣ, имѣли бы выдающееся значеніе» (стр. 529, ср. стр. XII). Этимъ, конечно, объясняется, что въ изслѣдованіи г. Рункевича цѣлой половинѣ изученнаго имъ періода исторіи Минской епархіи посвящено одна лишь «книга», не особенно большая по своимъ размѣрамъ. Но мнѣ кажется, что, если бы онъ при изученіи этого времени нѣсколько расширилъ программу своего историческаго изслѣдованія, то онъ могъ бы занести на страницы своей книги нѣсколько новыхъ фактовъ, представляющихъ нѣкоторый своеобразный мѣстный интересъ. Г. Рункевичу слѣдовало бы обратить вниманіе на дѣятельность въ концѣ разсматриваемаго имъ періода православныхъ священниковъ-законоучителей Минской епархіи: вопросъ о преподаваніи закона Божія православнаго вѣроисповѣданія имѣлъ въ это время въ Минской епархіи своеобразную постановку. Въ концѣ попечительства кн. Чарторыйскаго, какъ извѣстно, предположено было преподаваніе закона Божія ученикамъ православнаго вѣроисповѣданія поручить въ гимназіяхъ

Digitized by Google

и уѣздныхъ училищахъ учителямъ русскаго языка, а въ попечительство Новосильцева (1824—1832), наоборотъ, преподаваніе русскаго и церковнославянскаго языковъ рѣшено поручить православнымъ законоучителямъ. То и другое по времени совпало съ архипастырствомъ въ Минскѣ преосвященнаго Анатолія и было одною изъ первыхъ мѣръ къ возвращенію православно-русской стихіи правъ гражданства въ средней школѣ Виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго тогда (при Новосильцевѣ) собственно одну Минскую епархію. Совершенное игнорированіе этого факта — серьезный пропускъ въ скудной вообще фактами исторіи Минской епархіи въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, тѣмъ болѣе, что вопросъ о преподаваніи закона Божія православнаго исповѣданія въ Виленскомъ учебномъ округѣ тѣсно связанъ былъ тогда съ вопросомъ объ открытіи новыхъ православныхъ приходовъ въ уѣздныхъ городахъ Литовскихъ губерній.

Имѣя предметомъ своего изученія теченіе жизни собственно православной Минской епархіи, г. Рункевичъ никогда не упускаетъ совершенно изъ виду и положенія въ ея предѣлахъ латинства и уніи. Но онъ касается католичества и уніи лишь на столько, на сколько они затрогивали интересы православія, т. е. говоритъ по преимуществу о стремленіяхъ и результатахъ католической и уніатской пропаганды въ средѣ православныхъ Минской епархіи. Сообщаемые авторомъ факты, заимствованные изъ синодальскаго архива, новы и интересны.

Указанныя выше научныя достоинства историческаго изслѣдованія г. Рункевича даютъ ему, по моему мнѣнію, право на полученіе одной изъ премій митрополита Макарія.

Digitized by Google

Digitized by Google

VI.

А. А. Дмитріевъ. Пермская Старина.

Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ.

Выпускъ I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889;
» II. Пермь Великая въ XVII вѣкѣ. Пермь, 1890;
» III. Экономическіе очерки Перми Великой. Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII в.в. Пермь, 1891;
» IV. Строгановы и Ермакъ. Пермь, 1892;
» V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь, 1894.

Рецензія **С. А. Адріанова.**

Вышедшіе до сихъ поръ въ свѣтъ выпуски «Пермской Старины» представляютъ только часть обширнаго труда, въ которомъ г. Дмитріевъ задумалъ изложить исторію Пермскаго края съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Находя неудобнымъ описывать заразъ прошлыя судьбы всей территоріи, заключающейся въ границахъ современной Пермской губерніи, г. Дмитріевъ дѣлитъ эту территорію на районы и предполагаетъ посвятить каждому району по особому тому. Въ настоящее время законченъ только первый томъ (выпуски I—IV), который посвященъ сѣверо-западной части губерніи и доводитъ исторію этой области до конца XVII вѣка. V-ымъ выпускомъ начинается уже второй томъ, въ которомъ г. Дмитріевъ обѣщаетъ дать исторію Пермскаго Зауралья. О дальнѣйшихъ своихъ планахъ авторъ ничего не сообщаетъ, но можно догадываться, что впослѣдствіи онъ увидитъ необходимость дать еще два тома: третій — для юго-западной части губерніи, четвертый — для исторіи Пермскаго края въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Digitized by Google

Нѣкоторое оправданіе вышеуказанному раздѣленію можно видѣть въ слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Пермскій край не весь одновременно былъ занятъ русскими; сначала московская власть утвердилась именно въ сѣверо-западной части его, а затѣмъ уже въ восточной и юго-западной; 2) русскіе колонисты въ разныхъ частяхъ края столкнулись съ различными этнографическими элементами: на сѣверо-западѣ — съ пермяками, на востокѣ — съ югорскими племенами и татарами, на юго-западѣ — преимущественно съ башкирами и отчасти также съ остяками и татарами; 3) въ административномъ отношеніи указанныя три части сливаются въ одно цѣлое и образуютъ отдѣльную единицу только въ XVIII вѣкѣ.

Такимъ образомъ, принятое г. Дмитріевымъ раздѣленіе несомнѣнно имѣетъ подъ собой извѣстную почву и, какъ *планъ изложенія* можетъ быть признано довольно удачнымъ. Но, къ сожалѣнію, г. Дмитріевъ на томъ же раздѣленіи основалъ и *систему своихъ занятій* по исторіи Пермскаго края. Дѣло въ томъ, что, углубившись первоначально въ изученіе сѣверо-западной части губерніи и ея прежнихъ обитателей — пермяковъ, авторъ оставилъ въ сторонѣ остальныя части Пермскаго края и ихъ древнѣйшее населеніе. Такое чрезмѣрное съуженіе поля зрѣнія, конечно, не могло не отразиться крайне невыгодно на прочности выводовъ г. Дмитріева. И, дѣйствительно, съ первыхъ же страницъ «Пермской Старины» мы можемъ наблюдать тѣ грустныя послѣдствія, къ которымъ привело г. Дмитріева нежеланіе нѣсколько расширить рамки своихъ занятій.

Но прежде чѣмъ приступить къ детальному разбору «Пермской Старины», я установлю ту точку зрѣнія, съ которой буду разсматривать трудъ г. Дмитріева. Рецензенты часто подвергаются обвиненіямъ въ томъ, что они ищутъ въ разбираемомъ трудѣ такихъ качествъ, которыхъ авторъ вовсе и не имѣлъ въ виду достичь, и, не находя искомаго, признаютъ книгу неудачной. Въ данномъ случаѣ рецензенту, болѣе чѣмъ когда-либо, грозитъ обвиненіе въ излишней требовательности, такъ какъ «Пермская Старина» есть трудъ, написанный въ Перми, въ отдаленной отъ центровъ просвѣщенія провинціи. Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, я буду требовать отъ труда г. Дмитріева только тѣхъ качествъ, которыя онъ самъ въ немъ находитъ.

Какъ смотритъ на свой трудъ самъ г. Дмитріевъ, яснѣе всего видно изъ предисловія ко II выпуску «Пермской Старины», гдѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующія строки: «Пермская Старина составитъ собою сплошное систематическое изложеніе исторіи всего Пермскаго края». Нѣсколько ниже авторъ говоритъ, что «доселѣ не было предпринято ни одного полнаго строго-научнаго систематическаго изложенія исторіи Пермскаго края», и что онъ имѣетъ въ виду пополнить этотъ пробѣлъ. Еще далѣе

Digitized by Google

г. Дмитріевъ выражаетъ желаніе, «чтобы и въ сосѣднихъ губерніяхъ историческія работы принимали такое же универсальное направленіе», какъ и «Пермская Старина». Изъ этихъ выдержекъ совершенно ясно, что г. Дмитріевъ считаетъ свой трудъ строго-научнымъ, полнымъ, систематическимъ[1]) и всестороннимъ (= универсальнымъ) изложеніемъ исторіи Пермскаго края. Усматривая въ «Пермской Старинѣ» такія выдающіяся достоинства, авторъ тѣмъ самымъ даетъ и рецензенту право предъявить къ разбираемой работѣ довольно серьезныя требованія. Этимъ выводомъ и будетъ обусловлена та точка зрѣнія, съ которой я буду разсматривать «Пермскую Старину».

Приступая къ исторіи Средняго Покамья или, по номенклатурѣ г. Дмитріева, Великой Перми, авторъ прежде всего останавливается на томъ народѣ, отъ котораго данная территорія получила свое названіе, т. е. на пермякахъ. I-ую главу своего труда г. Дмитріевъ озаглавилъ такъ: «Современное состояніе вопроса о финнахъ вообще, такъ называемой Чуди и въ частности народѣ Пермь (Пермякахъ)». Въ этой главѣ авторъ задѣваетъ массу трудныхъ и сложныхъ вопросовъ; тутъ онъ говоритъ и о «классификаціи народовъ всего Туранскаго племени», и о «раздѣленіи всѣхъ финновъ на вѣтви», и о національности Волжско-Камскихъ Булгаръ, и о племени Чудь, и о «непосредственной генетической связи самого народа Пермь съ Чудью» и пр. Всѣ эти вопросы г. Дмитріевъ находитъ возможнымъ обозрѣть на 5 страницахъ довольно разгонистой печати. Результаты обзора получаются крайне неутѣшительные: классификація финнскихъ племенъ совершенно еще не установлена, а про классификацію всего Туранскаго племени и говорить нечего: тутъ, «разногласіе ученыхъ бьетъ въ глаза, доказывая тѣмъ самымъ все еще недостаточное знакомство ихъ съ многочисленными языками этого племени». Не менѣе значительны разногласія ученыхъ и въ вопросѣ о древней Чуди, упоминаемой въ лѣтописяхъ и народныхъ преданіяхъ. Что же касается до

1) Въ этомъ пунктѣ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ предисловіи къ второму выпуску своего труда онъ называетъ «Пермскую Старину» систематической исторіей Пермскаго края, а между тѣмъ, удерживаетъ во всѣхъ выпускахъ подзаголовокъ «Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ». Одно изъ двухъ: либо систематическое изложеніе, либо сборникъ отдѣльныхъ статей. — Уже послѣ того, какъ моя рецензія была закончена и сдана въ Академію Наукъ, г. Дмитріевъ издалъ шестой выпускъ «Пермской Старины», половина котораго опять посвящена европейской части Пермскаго края и излагаетъ исторіи ея въ Смутную эпоху (глава III: Отношеніе пріемниковъ Іоанна Грознаго къ Строгановымъ, и глава IV: Пермскій край въ Смутное время). Такимъ образомъ явно нарушается вся система изложенія. Г. Дмитріевъ самъ сознаетъ, что отступаетъ отъ плана, и потому въ предисловіи старается разными соображеніями оправдать такое отступленіе. Но, видимо, чувствуя слабость своихъ оправданій, напоминаетъ читателю, что изданіе его носитъ названіе сборника. Итакъ, г. Дмитріевъ, въ концѣ концовъ, самъ сознается въ томъ, что не вполнѣ оправдалъ обѣщанія, данныя въ II-омъ томѣ.

Digitized by Google

Перми, то изъ-за этого названія въ наукѣ произошла «рѣдкая путаница», причиной которой «служило то обстоятельство, что ученые старались одновременно рѣшить *двѣ* задачи: что такое была Пермь, какъ страна, и Пермь, какъ народъ? въ какихъ границахъ заключалась эта страна съ одноименнымъ ей населеніемъ? какого происхожденія это населеніе? на какой степени культурнаго развитія стояла Пермь? и т. д.» До сколько-нибудь опредѣленныхъ выводовъ, по словамъ г. Дмитріева, можно добраться только по слѣдующимъ пунктамъ: 1) нынѣшніе пермяки суть прямой остатокъ прежней Перми; 2) пермяки по языку почти нисколько не отличаются отъ зырянъ и очень близки къ вотякамъ. Въ послѣдующихъ выпускахъ г. Дмитріевъ счелъ возможнымъ сдѣлать и еще одинъ положительный выводъ: нынѣшніе пермяки суть прямые потомки древней Пермской Чуди и искони жили на берегахъ Камы, имя которой стало названіемъ самого племени (Коми).

Читая страницы, содержаніе которыхъ я только что изложилъ, не знаешь, чему больше удивляться: малой ли освѣдомленности г. Дмитріева въ литературѣ тѣхъ вопросовъ, къ рѣшенію которыхъ онъ такъ смѣло приступаетъ, или той рѣшительности, съ которой онъ изрекаетъ обвинительный вердиктъ противъ вѣковыхъ усилій финнологіи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы г. Дмитріевъ далъ себѣ трудъ поближе познакомиться съ литературой финнологіи, то онъ увидалъ бы, что классификація урало-алтайскихъ языковъ достигла уже довольно значительной устойчивости, и что въ настоящее время возможенъ споръ только о частностяхъ. Классификація, предложенная Кастреномъ въ «Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker» не была уничтожена ни Регули, ни Гунфальви, ни Европеусомъ, какъ то думаетъ г. Дмитріевъ: она прочно держится и до сихъ поръ. Въ доказательство этого я приведу схему Кастрена и непосредственно за ней схему Фридриха Мюллера, одного изъ самыхъ видныхъ лингвистовъ нашего времени, трудъ котораго «Allgemeine Ethnographie» можно считать послѣднимъ словомъ лингвистики. Классификація Мюллера имѣетъ передъ всѣми другими то преимущество, что она основана не только на лингвистикѣ, но отчасти и на антропологіи. Высказанная впервые Мюллеромъ въ 1868 г., эта система въ 1870 г. была поддержана и развита извѣстнымъ натуралистомъ Эрнстомъ Гэкелемъ и въ настоящее время признана лучшими западно-европейскими учеными.

Digitized by Google

A. Схема Кастрена.

(Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. Spb. 1847).

Алтайскіе народы.

1. Тунгусы:	2. Монголы:	3. Тюрки:	4. Самоѣды:	5. Енисейскіе Остяки.	6. Финны:
A. Русскіе: α. Ламуты β. Чапогиры и др. B. Китайскіе: Манчжуры.	A. Восточные М. B. Буряты C. Калмыки.	A. Уйгуры: α. Узбеки β. Сельджуки и Османы. B. Туркоманы C. Ногаи D. Кумыки E. Киргизы и др.	A. Юрацкіе B. Тавгинскіе C. Остяцкіе D. Енисейскіе E. Камасинцы.		A. Угорская вѣтвь: α. Остяки β. Вогулы γ. Венгры. B. Волжская вѣтвь: α. Черемисы β. Мордва. C. Пермская вѣтвь: α. Пермяки β. Зыряне γ. Вотяки. D. Финская вѣтвь: α. Корелы β. Тавасты γ. Квены δ. Водь ε. Эсты ζ. Ливы η. Лапландцы (Лаппы).

Digitized by Google

B. Схема Фридриха Мюллера.

(Allgemeine Ethnographie. Zweite Auflage. Wien, 1879. — Grundriss der Sprachwissenschaft. II. Band. II. Abtheilung. Die Sprachen der mongolischen Rasse. Wien, 1882).

Многосложные монгольскіе языки.

I. Уральскіе.		II. Алтайскіе.			III. Японскій яз.	IV. Корейскій яз.
1. Самоѣдскіе:	2. Финнскіе:	1. Тунгузскіе:	2. Монгольскіе:	3. Тюркскіе:		
A. Юрацк.	A. Финское семейство:	A. Тунгузск.:	A. Восточно-Монгольск.	A. Якутскій.		
B. Тавгинск.	α. Суоми	α. Чапогирск. и др.	B. Западно-Монгольск. или Калмыцкій.	B. Уйгурскіе:		
C. Остяцк.-С.	β. Эстск.	B. Манчжурск.:	C. Бурятскій.	α. Туркоманскій		
D. Енисейск.-С.	γ. Ливск.	α. Ламутск. и др.		β. Узбекскій		
E. Камасинск.	δ. Лаппландскій			γ. Джагатайскій		
	B. Угорское семейство:			C. Ногайскіе:		
	α. Остяцк.			α. Кумыкск.		
	β. Вогульск.			β. Киргизск.		
	γ. Мадьярск.			D. Османскій и др.		
	C. Пермское семейство:					
	α. Зырянск.					
	β. Вотяцк.					
	D. Булгарское семейство:					
	α. Черемисск.					
	β. Мордовск.					

Digitized by Google

Необходимо еще прибавить, что и Фр. Мюллеръ признаетъ ближайшее родство уральскихъ и алтайскихъ языковъ: «Obwohl morphologisch zwischen den Sprachen der uralischen und altaischen Stämme eine enge Verwandtschaft nicht wegzuleugnen ist, so haben wir doch beide in Anbetracht der wurzelhaften Verschiedenheit vorläufig geschieden» [1]).

Приведенныя схемы, надѣюсь, достаточно доказываютъ полную несостоятельность словъ г. Дмитріева о плачевномъ состояніи, въ которомъ якобы находится классификація урало-алтайскихъ племенъ. Обращаясь въ частности къ финнамъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, или къ феннамъ, какъ ихъ теперь называютъ многіе ученые не только за границей, но и въ Россіи (А. А. Куникъ, К. Я. Гротъ), слѣдуетъ замѣтить, что почти никто не отрицаетъ существованія четырехъ основныхъ вѣтвей этого племени, установленныхъ Кастреномъ. Но при попыткахъ опредѣлить отношенія между этими вѣтвями не обходится безъ нѣкоторыхъ противорѣчій. Такъ, Европеусъ угорскіе народы ставитъ особнякомъ, а остальныя три вѣтви считаетъ родственными и объединяетъ подъ именемъ чудской или финнской вѣтви. Наоборотъ, Іосифъ Буденцъ находитъ родство между волжскими и финнскими народами («южно-угорская» вѣтвь) съ одной стороны и между пермскими и угорскими («сѣверо-угорская» вѣтвь) — съ другой. Однако большинство ученыхъ находитъ болѣе правильнымъ раздѣленіе феннскихъ племенъ на двѣ группы: западную и восточную. Къ первой относятся финны, а къ второй — пермскіе, угорскіе и волжскіе народы. Этого дѣленія придерживаются Гунфальви, Вамбери и другіе немепѣе авторитетные ученые [2]).

Если смыслъ имени «Чудь» кажется г. Дмитріеву также загадочнымъ и доселѣ невыясненнымъ, то это опять-таки зависитъ отъ того, что онъ недостаточно знакомъ съ литературой предмета. Въ самомъ дѣлѣ, г. Дмитріеву неизвѣстенъ единственный въ своемъ родѣ трудъ проф. Барсова [3]), неизвѣстны и критическіе разборы этого труда [4]), неизвѣстно изслѣдованіе

1) «Allgemeine Ethnographie», S. 377.

2) Вамбери, впрочемъ, отрицаетъ угорское происхожденіе мадьяръ и принадлежитъ къ сторонникамъ тюркской теоріи. Въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Der Ursprung der Magyaren. Leipzig, 1882» онъ съ замѣчательной эрудиціей и остроуміемъ старается поддержать эту теорію, которая, однако, врядъ ли можетъ разсчитывать на побѣду. Ср. изслѣдованіе К. Я. Грота: «Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X в. С.-Петерб. 1881», стр. 150—163.

3) «Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи». Впрочемъ, въ V вып. «Пермской Старины» г. Дмитріевъ приводитъ цитаты и изъ этой книги. Съ остальными онъ такъ и не успѣлъ ознакомиться.

4) Рецензія проф. Е. Е. Замысловскаго въ «Отчетѣ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» и рецензія Л. Н. Майкова въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1874 г. Августъ.

Digitized by Google

Е. К. Огородникова [1]), даже съ классическими изысканіями Шёгрена онъ знакомъ, какъ кажется, только по наслышкѣ. По крайней мѣрѣ, на I-омъ выпускѣ «Пермской Старины» ихъ вліянія не замѣтно.

Слово «Чудь» живо до сихъ поръ въ устахъ народа, который этимъ именемъ обозначаетъ древнѣйшихъ обитателей Сѣверной Россіи и Сибири вообще и финновъ въ частности. Надо полагать, что и въ древней Руси это слово употреблялось въ томъ же смыслѣ. Въ частности, начальная лѣтопись именемъ «Чудь» называетъ племена, находившіяся на противоположныхъ концахъ финнскаго Сѣвера: на южномъ берегу Финнскаго залива и (съ эпитетомъ «Заволочьская») за Волокомъ [2]).

Теперь я перейду къ слѣдующему вопросу, весьма интересному, но въ то же время въ значительной степени загадочному.

Въ бассейнѣ верхней и средней Камы находится немало городищъ и костищъ, которыя представляютъ слѣды исконнаго населенія этой территоріи, извѣстнаго подъ племенемъ Пермской Чуди. Къ какому племени принадлежала эта Пермская Чудь? Слѣдуетъ ли ее отождествлять съ современными пермяками, или правильнѣе признать ее принадлежащей къ другой группѣ урало-алтайскихъ народовъ? Вотъ вопросъ, которымъ задается г. Дмитріевъ на первыхъ же страницахъ своего труда, и который, дѣйствительно, не имѣетъ права обойти историкъ Пермскаго края.

Взгляды г. Дмитріева на національность древнѣйшихъ обитателей сѣверо-западнаго района Пермской губерніи постепенно видоизмѣнялись по мѣрѣ того, какъ его работа подвигалась впередъ. Я постараюсь собрать вмѣстѣ все существенное, что высказано имъ по этому вопросу въ различныхъ мѣстахъ «Пермской Старины».

Въ I-омъ выпускѣ слѣдуетъ указать два мѣста. Въ главѣ первой г. Дмитріевъ утверждаетъ слѣдующее: «что касается непосредственной генетической связи самаго народа Пермь съ Чудью, то этотъ вопросъ въ наукѣ остается открытымъ». Высказавъ такое сужденіе, авторъ считаетъ уже себя свободнымъ отъ обязательства точнѣе выяснить состояніе намѣченнаго вопроса въ наукѣ, т. е. указать, какіе существуютъ доводы въ пользу отождествленія этихъ двухъ племенъ, и какіе противъ этого.

Затѣмъ въ концѣ II-ой главы г. Дмитріевъ приводитъ народное преданіе о Чуди, записанное Добротворскимъ. Это преданіе гласитъ, что во время христіанской проповѣди св. Стефана Пермскаго Чудь, не желая

---

1) «Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками по книгѣ Большаго Чертежа». С.-Петерб. 1877.

2) Барсовъ. Очерки русской исторической географіи. Изданіе 2-ое. Варшава, 1885, стр. 44, 45, 238. — Огородниковъ. Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей, стр. 5—9 и 57—58.

Digitized by Google

креститься, отчасти заживо погребла себя въ чудскихъ ямахъ, а отчасти скрылась въ лѣсахъ. Отъ этихъ-то бѣглецовъ и произошли пермяки. «Мы должны заключить, говоритъ г. Дмитріевъ, что, по убѣжденію самихъ пермяковъ, нынѣшніе пермяки ведутъ свое происхожденіе отъ той части древней Чуди, которая измѣнила язычеству и согласилась перейти въ новую христіанскую вѣру. «Конечно», замѣчаетъ онъ: «эти народныя преданія въ научномъ отношеніи особой цѣнности не представляютъ, но и не заслуживаютъ того, чтобъ ихъ совершенно игнорировать». По мнѣнію г. Дмитріева, въ пользу справедливости приведеннаго преданія говоритъ свидѣтельство Двинского лѣтописца о крещеніи Заволоческой Чуди, которая вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ язычества потеряла и свое прежнее народное имя и стала называться Двинянами. «Итакъ, говоритъ г. Дмитріевъ, слово Чудь исчезаетъ въ книжномъ языкѣ съ принятіемъ христіанства, какъ напоминающее о временахъ язычества и потому презрѣнное въ глазахъ духовныхъ лицъ, каковыми у насъ были тогда почти всѣ писатели. Вотъ причина, почему Епифаній Премудрый, написавшій въ XIV в. житіе св. Стефана, многіе народы называетъ по именамъ тѣхъ рѣкъ, на берегахъ которыхъ они жили; а до него такія названія не употреблялись, такъ какъ на тѣхъ же мѣстахъ до временъ св. Стефана жила языческая Чудь, язычники-финны. Нельзя не замѣтить, что все сказанное служитъ однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ прямого происхожденія нынѣшнихъ финскихъ инородцевъ отъ древней Чуди».

Въ III выпускѣ г. Дмитріевъ снова возвращается къ тому же вопросу, по поводу историко-этнографическаго очерка И. Н. Смирнова: «Пермяки», въ которомъ, между прочимъ, доказывается тождественность Пермской Чуди съ пермяками. Находя доводы казанскаго профессора вполнѣ убѣдительными, г. Дмитріевъ цѣликомъ принимаетъ его выводъ (стр. IX—XV).

Въ V выпускѣ находимъ уже вполнѣ точную формулировку воззрѣній г. Дмитріева на прародину пермяковъ: «отъ истоковъ рѣки Камы до ея притока Чусовой включительно лежала Пермь Великая или страна Великопермская. Здѣсь, на верхней Камѣ, донынѣ населенной народомъ Коми, какъ называютъ пермяки самихъ себя, первоначально и локализировалось, повидимому, все населеніе Перми, пока остальныя части обширной территоріи заняты были уграми, несомнѣнными предшественниками Перми на европейскомъ сѣверо-востокѣ . . . Самое слово Кама не одного ли корня со словомъ Коми?»[1]) (стр. 1). Ниже находимъ еще болѣе опредѣленное

1) Мысль о связи названій «Кама» и «Коми» была высказана еще Кастреномъ («Ethnologische Vorlesungen», стр. 136), но г. Дмитріевъ на Кастрена не ссылается и, повидимому, приписываетъ это сопоставленіе себѣ самому.

Digitized by Google

выраженіе: «колыбель этого племени на Верхнемъ Покамьи, между озеромъ Чусовскимъ и рѣкою Чусовою» (стр. 20). Итакъ, окончательные выводы г. Дмитріева по вопросу о древнѣйшемъ населеніи Пермскаго края сводятся къ тому, что пермяки искони занимали ту территорію, которая въ XVI в. была подвѣдомственна Чердынскимъ воеводамъ. Но на чемъ держится такой выводъ?

Отъ себя г. Дмитріевъ приводитъ только одно доказательство: преданіе, записанное г. Добротворскимъ. Но вѣдь это преданіе существуетъ въ различныхъ редакціяхъ. Самъ авторъ «Пермской Старины» знаетъ версію, сообщенную Роговымъ, въ которой ни слова не говорится о происхожденіи пермяковъ отъ Чуди и даже наоборотъ: пермяки и Чудь прямо противополагаются другъ другу, какъ различныя племена. Такимъ образомъ, если изъ народныхъ преданій и можно сдѣлать какой-нибудь выводъ, такъ только тотъ, что пермяки не Чудь, но среди первыхъ сохранились остатки опермяченой Чуди, которые помнятъ еще свое происхожденіе. На то же обстоятельство, какъ будто, указываетъ и сообщенный священникомъ Блиновымъ фактъ: «въ зюздинскихъ приходахъ до сихъ поръ есть пермяцкое племя, которое называетъ себя Чудью; типъ населенія этой мѣстности нѣсколько иной, чѣмъ типъ пермяковъ карсовайскихъ»[1]). Съ народными разсказами о томъ, какъ древніе обитатели Перми уклонялись отъ принятія христіанства, слѣдуетъ, какъ кажется, сопоставить свидѣтельство, идущее изъ начала XVIII вѣка: «како Остяцкій народъ въ сія всселися страны (т. е. въ Тобольскую губернію), наченше отъ дни святаго Стефана Великія Пермыи епископа — извѣстно есть: сей бо первый проповѣдникъ и просвѣтитель во тмѣ невѣрія Великой Пермыи бысть яко солнце свѣтомъ боговидѣнія тму нечестія и скверну идолобѣсія отъ странъ Великія Пермыи начатъ прогонити, тогда мракомъ идолскимъ одержимыя Пермяне свѣта истинны евангельской благодати Божіей бѣжаша въ сія полунощныя страны, укривахуся зде, гдѣ и доселѣ съ тмою идолобѣсія пребиваху»[2]). Въ этомъ извѣстіи истинно, надо полагать, только то, что остяки и угорскія племена вообще пришли въ Тобольскую губернію изъ областей, лежащихъ по сю сторону Урала.

Что же касается до словъ двинского лѣтописца, то я не вполнѣ понимаю, какое отношеніе могутъ они имѣть къ Прикамскому краю. Если г. Дмитріевъ хочетъ провести аналогію между принятіемъ новокрещенною заволоческой Чудью имени двинянъ и переходомъ въ Пермскомъ краѣ

---

1) А. А. Спицынъ. Къ исторіи вятскихъ инородцевъ. Вятка, 1888, стр. 43.

2) Памятники древней письменности и искусства. — Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издано подъ редакціей Л. Н. Майкова. С.-Петерб. 1884, стр. 26—27.

Digitized by Google

туземной Чуди въ пермяковъ, то это невозможно по двумъ соображеніямъ: 1) по точному смыслу двинского лѣтописца Заволоческая Чудь принимаетъ новое имя уже послѣ крещенія, а имя пермяковъ принадлежитъ языческому народу; 2) заволоческая Чудь получаетъ новое прозвище по рѣкѣ, возлѣ которой живетъ, а имя пермяковъ ни къ какой рѣкѣ пріурочено быть не можетъ. Сверхъ того самое свидѣтельство двинского лѣтописца врядъ ли можно признать источникомъ безусловной достовѣрности.

Такимъ образомъ, категорически утверждая, что пермяки являются аборигенами на сѣверо-западѣ Пермской губерніи, г. Дмитріевъ отъ себя не даетъ ни одного доказательства въ пользу этого положенія, а отсылаетъ читателя за таковыми къ изслѣдованію И. Н. Смирнова, гдѣ, по его мнѣнію, этотъ вопросъ рѣшенъ окончательно. Для провѣрки словъ г. Дмитріева мы принуждены нѣсколько остановиться на трудѣ казанскаго профессора.

Проф. Смирновъ въ самомъ началѣ своего труда старается опредѣлить «предѣлы, въ которыхъ жило когда-то пермское племя». Для этого онъ прибѣгаетъ къ тому же пріему, которымъ пользовались Шёгренъ, Европеусъ и другіе. Онъ выдѣляетъ характерные суффиксы, которые встрѣчаются въ пермяцкихъ названіяхъ рѣкъ, урочищъ, населенныхъ пунктовъ и т. д., а затѣмъ указываетъ районъ, въ предѣлахъ котораго до сихъ поръ сохранились названія съ такими суффиксами, и считаетъ, что во всемъ этомъ районѣ нѣкогда обитали пермскіе народы. Наибольшій матеріалъ для такихъ разысканій даютъ рѣчныя названія, изъ которыхъ проф. Смирновъ считаетъ пермяцкими оканчивающіяся на ва, ма, шоръ и т. д. На основаніи этихъ признаковъ онъ отмежевываетъ для пермяковъ громадную территорію, въ составъ которой входятъ: область между низовьями Оби и Ураломъ, небольшая часть Архангельской губерніи, къ югу отъ Усы, Печеры и Цыльмы, вся Вологодская губернія, большая часть Пермской, до Чусовой включительно, вся Вятская, западная половина Владимірской, вся Московская и Кирилловскій уѣздъ Новгородской. Но И. Н. Смирновъ отнюдь не утверждаетъ, чтобы пермяки занимали все это пространство одновременно на всемъ протяженіи и притомъ безъ сосѣдей-совладѣльцевъ. «Это, говоритъ онъ, — предѣлы, въ которыхъ совершалось въ теченіе вѣковъ передвиженіе племени». Почти относительно всѣхъ финнскихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверѣ Европы можно утвердительно сказать, что они неоднократно перемѣняли свои обиталища и бродили съ мѣста на мѣсто. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если и Коми бывали въ различныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи и весьма вѣроятно, что указанныя проф. Смирновымъ границы, дѣйствительно, совпадаютъ приблизительно съ предѣлами, въ которыхъ совершались вѣковыя странствованія этого

Digitized by Google

племени. Однако я думаю, что Московская и Владимірская губерніи напрасно включены въ эти границы. Во-первыхъ, этотъ районъ представляетъ сравнительно незначительный островокъ, совершенно оторванный отъ сплошной громадной территоріи съ пермскими рѣчными названіями въ предѣлахъ Вологодской, Вятской и Пермской губерній. Во-вторыхъ, въ этомъ районѣ встрѣчается крайне незначительное количество названій съ пермскими суффиксами ма и ва: всего по 3 на каждую изъ двухъ губерній, а мы можемъ, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, предполагать пермяковъ только тамъ, гдѣ эти названія скучены въ большомъ числѣ. Въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы раздвинуть границы пермскихъ передвиженій еще болѣе на югъ и западъ. Въ самомъ дѣлѣ, двигаясь отъ Прот*вы* на югъ, мы черезъ Вос*му* (притокъ Оки ниже Протвы) и Шла*ву* (притокъ Упы) попали бы на Непряд*ву*, т. е. въ бассейнъ Дона. Съ другой стороны, слѣдя рѣчныя названія отъ той же Протвы на западъ, мы переходимъ въ бассейнъ Днѣпра, гдѣ находимъ Бол*ву* и Витьм*у*, притоки Десны, Над*ву*, притокъ Ипути, Осьм*у* и Вязьм*у*, притоки верхняго Днѣпра, Мальв*у*, притокъ Березыни. Но строя выводы на такомъ, въ сущности, мало надежномъ матеріалѣ, какъ данныя географической номенклатуры, надо быть крайне осторожнымъ и обращать вниманіе только на слишкомъ большую скученность названій съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ, въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, что окончанія ва и ма не настолько оригинальны, чтобы не могли получиться случайно у какого угодно народа. Достаточно вспомнить Ара*гву* на Кавказѣ, или чисто-славянскія названія: Са*ва*, Дра*ва*, Морава, Молдава и др. На этомъ основаніи мнѣ кажется болѣе правильнымъ оставить въ сторонѣ Московскую и Владимірскую губерніи.

Но за то я нахожу, что проф. Смирнову слѣдовало бы нѣсколько расширить границы, установленныя имъ, на сѣверо-западъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ восточной части Олонецкой губерніи мы находимъ цѣлый рядъ рѣчныхъ названій съ суффиксами ма и ва: Шова, Елсома, Шежма, Елгома, Няндома, Порма (bis), Шелтома, Конема, Истома, Келма, Лекшма, Шайва, Тундома, Пялма, Андома, Тагажма, Ваткома. Затѣмъ, въ Архангельской губерніи, въ предѣлахъ отъ Мезени до Кандалакской губы мы находимъ также весьма значительное количество подобныхъ названій: Созима, ручей Комь, Сова, Сюзма, Ахтома, руч. Парсова, оз. Сума, Кучема, Ума, Усюма (bis), Кисема, Кова, Коложма, Роума, Това, Ижма, Лодма, Колозима, Сюзьма, Моложма, Кодема, Колежма, Сума, Бирма, Шижма, Понгома, Гома, Шума, Онигма, Одома, Улма.

Опираясь на этотъ списокъ, который не претендуетъ на полноту, такъ какъ составленъ по картѣ сравнительно небольшого масштаба, я полагаю, что, если вообще считать суффиксы ма и ва характерными признаками

Digitized by Google

пермяцкихъ рѣчныхъ названій, то необходимо предполагать, что Коми нѣкогда побывали и въ восточной части Олонецкой губерніи и на берегахъ Бѣлаго моря въ предѣлахъ отъ устья Мезени до Кандалакской губы.

Но теперь подымается вопросъ, въ какой части указанной обширной территоріи надо искать древнѣйшія поселенія пермяковъ? Проф. Смирновъ рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Анализируя массу мѣстныхъ названій сѣверо-западной части Пермской губерніи, онъ во всѣхъ ихъ находитъ пермяцкіе суффиксы и не открываетъ ни одного чуждаго. Изъ этого онъ выводитъ, что въ данной территоріи пермяки являются автохтонами. Частное подтвержденіе своему мнѣнію проф. Смирновъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ городища, приписываемыя народными преданіями Чуди, носятъ чисто-пермяцкія названія, и слѣдовательно, ихъ прежними обитателями являются пермяки. Такимъ образомъ Чудь народныхъ преданіи отождествляется съ пермяками. Не будучи спеціалистомъ по финнской филологіи, я не могу провѣрить лингвистической стороны этихъ соображеній, однако по прочтеніи монографіи проф. Смирнова у меня явились нѣкоторыя сомнѣнія, которыя заключаются въ слѣдующемъ. Въ массѣ названій, проанализированныхъ почтеннымъ ученымъ, оказались несомнѣнно пермяцкіе суффиксы, но опредѣляющая часть названія сплошь и къ ряду остается загадочной. И. Н. Смирновъ считаетъ эти загадочныя составныя части мѣстныхъ названій личными пермяцкими именами, и въ немногихъ случаяхъ ему удается доказать свою догадку. Однако въ большинствѣ случаевъ опредѣляющая часть остается загадочной, и проф. Смирновъ ограничивается тѣмъ, что выражаетъ надежду на возможность въ будущемъ удовлетворительно рѣшить эту загадку. Однако, кто поручится за то, что тщательный анализъ этихъ названій не откроетъ въ нихъ присутствія чуждыхъ, не пермяцкихъ элементовъ? Весьма возможно, что пермяки заимствовали названія у своихъ предшественниковъ по обладанію Камскимъ бассейномъ и только прибавили къ чуждымъ именамъ свои суффиксы. Аналогическое явленіе подмѣчено самимъ проф. Смирновымъ въ бассейнѣ Сѣверной Двины, гдѣ народъ, дававшій рѣкамъ названія на «нга» и явившійся туда позже пермяковъ, во многихъ случаяхъ заимствовалъ пермяцкія названія, снабдивъ ихъ своимъ суффиксомъ. Другое возраженіе проф. Смирнову заключается вотъ въ чемъ. Предположимъ даже, что всѣ названія въ бассейнѣ верхней и средней Камы чисто-пермяцкія. Все-таки выводить изъ этого, что раньше пермяковъ въ данной области не обитало никакого другого народа, нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, названія, данныя прежними обитателями могли совершенно исчезнуть и замѣниться чисто пермяцкими. Аналогичный случай находимъ опять-таки въ трудѣ самого проф. Смирнова, который указываетъ на совер-

Digitized by Google

шенно такое-же явленіе къ востоку отъ Уральскаго хребта и въ бассейнѣ Вычегды.

Все вышесказанное, какъ мнѣ кажется, достаточно ясно показываетъ, что г. Дмитріевъ поторопился признать вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Перми рѣшеннымъ. Вопросъ не рѣшенъ доселѣ и менѣе всего можетъ быть рѣшенъ при томъ поверхностномъ отношеніи къ нему, которое мы видимъ въ «Пермской Старинѣ». Во всякомъ случаѣ разсматривать вопросъ въ постановкѣ г. Дмитріева, который совершенно изолируетъ пермяковъ отъ другихъ обитателей сѣверо-востока Россіи, нельзя. Необходимо рѣшать его въ связи съ размѣщеніемъ другихъ финскихъ племенъ, и въ частности въ связи съ вопросомъ о древнѣйшихъ обиталищахъ Югры, которой г. Дмитріевъ, слѣдуя своему плану работы, занялся только въ послѣднемъ выпускѣ «Пермской Старины».

Другой важный недостатокъ разбираемаго труда — это недостаточное знакомство автора съ источниками, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты свѣдѣнія о древнѣйшемъ населеніи Пріуральскаго края. Свидѣтельства арабскихъ писателей кажутся г. Дмитріеву сбивчивыми и смутными, а извѣстія скандинавовъ — баснословными, и потому онъ считаетъ себя въ правѣ игнорировать ихъ. Правда, про саги авторъ сказалъ нѣсколько строкъ, но онъ знакомъ съ этимъ источникомъ только по скуднымъ и невполнѣ точнымъ выдержкамъ въ популярной книгѣ П. Н. Полевого: «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. СПБ. 1879». Точно также игнорируетъ г. Дмитріевъ и лингвистическія соображенія и данныя географической номенклатуры, которыя, за недостаткомъ другихъ источниковъ, должны занять видное мѣсто при разрѣшеніи нашего вопроса. Случайный и отрывочный характеръ имѣютъ познанія г. Дмитріева и въ археологіи Пермскаго края; напримѣръ, онъ не знакомъ съ прекраснымъ изданіемъ Аспелина: «Les antiquités du Nord Finno-Ougrien», не знаетъ ни одного изданія Императорской Археологической комиссіи, не принялъ во вниманіе богатыхъ коллекцій Екатеринбургскаго музея и мѣстнаго собирателя древностей г. Теплоухова. Въ виду такихъ пробѣловъ[1]) становится вполнѣ понятнымъ тотъ фактъ, что г. Дмитріевъ оказался въ невозможности не только внести свою лепту въ дѣло выясненія вопроса о древнихъ обитателяхъ Пермскаго края, но даже дать характеристику положенія, въ которомъ въ настоящее время находится этотъ вопросъ. Поэтому сначала онъ совершенно голословно объ-

1) Конечно, недостаточное знакомство съ пособіями и источниками нельзя ставить въ вину человѣку, работающему въ провинціи, и я не сдѣлалъ бы этого упрека г. Дмитріеву если бы онъ самъ не сообщилъ, что нарочно ѣздилъ «въ Петербургъ, Москву и Казань, чтобы въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ пополнить свои свѣдѣнія по изслѣдуемымъ вопросамъ» (V, стр. VI). Въ этихъ городахъ онъ могъ, безъ сомнѣнія, достать всѣ книги на которыя я ссылаюсь.

Digitized by Google

явилъ вопросъ неразрѣшеннымъ, а потомъ, ознакомившись съ трудомъ И. Н. Смирнова, столь же поспѣшно призналъ рѣшеніе казанскаго профессора правильнымъ во всѣхъ деталяхъ. Истина, конечно, будетъ посерединѣ: нашъ вопросъ еще не рѣшенъ окончательно, но выясненъ уже настолько, что въ скоромъ времени можно надѣяться на установленіе прочныхъ выводовъ. Во всякомъ случаѣ, имѣющіеся въ распоряженіи науки факты дѣлаютъ ископность пермяцкихъ поселеній на верхней и особенно средней Камѣ весьма сомнительной.

До VIII в. по Р. Х. включительно Пермскій край окутанъ непроницаемымъ для историка мракомъ. Только на рубежѣ VIII и IX вѣковъ этотъ мракъ начинаетъ нѣсколько разсѣиваться, и глазъ изслѣдователя начинаетъ улавливать смутныя очертанія. Какая же національность вырисовывается передъ нами сквозь этотъ туманъ на берегахъ Камы? Нѣкоторыя соображенія заставляютъ принять ее за южную вѣтвь нѣкогда великаго угорскаго племени, за тотъ народъ, которому суждено было сыграть видную роль въ исторіи Европы вообще и въ судьбахъ Западнаго Славянства въ частности. Я говорю о мадьярахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту эпоху, которую я имѣю въ виду, низовья Камы и прилегающая къ нимъ часть Поволжья занята болгарами, національность которыхъ остается загадочной до сихъ поръ[1]). Къ востоку отъ болгаръ помѣщаются башкиры, которыхъ теперь признаютъ самымъ сѣвернымъ турецкимъ племенемъ въ Заволжьи. Жилища башкиръ надо предполагать въ нынѣшней Уфимской губерніи и въ южной части Пермской; помѣстить ихъ южнѣе препятствуютъ орды печенѣговъ и узовъ, тогда уже кочевавшихъ въ южномъ Заволжьи. Ближайшими сосѣдями болгаръ и башкиръ были мадьяры, которыхъ почти всѣ ученые единогласно признаютъ угорскимъ народомъ, но сильно потуреченнымъ именно подъ вліяніемъ башкиръ и, можетъ быть, болгаръ[2]). Такимъ образомъ, мадьяръ приходится помѣщать къ сѣверу отъ болгаръ и башкиръ, а, принимая во вниманіе многочисленность этого племени и небольшое количество мѣстъ, удобныхъ для поселенія въ древнемъ Пермскомъ краѣ, мы должны отмежевать мадьярамъ всю ту часть Камскаго бассейна, которая не была занята ихъ южными сосѣдями. Именно

---

1) Во всякомъ случаѣ нѣтъ данныхъ считать болгаръ славянами, какъ то думаетъ Д. И. Иловайскій, мнѣніе котораго кажется г. Дмитріеву заслуживающимъ серьезнаго вниманія.

2) А. А. Куникъ считаетъ чувашей остатками болгаръ, а языкъ современныхъ чувашей несомнѣнно принадлежитъ къ тюркскимъ («Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Часть I. Статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена. С.-Петербургъ. 1878). Отсюда слѣдуетъ, что, если болгары и были финскимъ племенемъ, то во всякомъ случаѣ подвергшимся сильному турецкому вліянію, которое они и передали мадьярамъ.

Digitized by Google

изъ нынѣшнихъ Вятской и Пермской губерній и двинулись мадьяры въ IX в. по Волгѣ и Окѣ на юго-западъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ К. Я. Гротъ, внимательно пересмотрѣвшій вопросъ о переселеніи мадьяръ въ Средне-Дунайскую низменность[1]). Впрочемъ, доказательства проф. Грота вызвали весьма вѣскія возраженія со стороны Н. Я. Данилевскаго[2]), который утверждаетъ, что венгры двинулись на юго-западъ не изъ Камскаго бассейна черезъ Оку, а изъ Уфимской и Оренбургской губерній черезъ южно-русскія степи. Вѣскость доводовъ Н. Я. Данилевскаго призналъ самъ проф. Гротъ, но тѣмъ не менѣе и со своей стороны привелъ нѣсколько соображеній, которыя не дозволяютъ считать выводы Н. Я. Данилевскаго окончательными. Такимъ образомъ, вопросъ пока еще открытъ, и, конечно, тутъ не мѣсто снова подвергать его пересмотру. Во всякомъ случаѣ и Н. Я. Данилевскій не отрицаетъ того, что первоначально мадьяры жили въ Пермскомъ краѣ, а этого для насъ пока достаточно: значитъ, нѣтъ основанія отрицать, что мадьяры были древнѣйшимъ населеніемъ Камскаго бассейна, а пермяковъ въ такомъ случаѣ надо считать уже позднѣйшими колонистами.

Не позже начала IX в. мадьяры покинули Пермскій край и удалились на юго-западъ. Кто же занялъ ихъ мѣсто? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны предварительно остановиться на другомъ спорномъ пунктѣ, а именно разсмотрѣть вопросъ, въ какихъ мѣстахъ надо искать древнѣйшія обиталища Югры.

Въ V выпускѣ «Пермской Старины» есть глава, озаглавленная: «Пермь и Югра въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Современное состояніе вопроса о древней Югрѣ» (стр. 1—46). Тутъ мы находимъ добросовѣстный пересказъ мнѣній различныхъ ученыхъ о мѣстоположеніи Югры и объ отношеніи ея къ современнымъ угорскимъ народамъ, а затѣмъ г. Дмитріевъ пытается самостоятельно истолковать свидѣтельства источниковъ и отвѣтить на оба вопроса. Надо замѣтить, что къ вопросу объ Югрѣ г. Дмитріевъ отнесся гораздо внимательнѣе, чѣмъ къ вопросу о Перми: онъ ознакомился почти со всѣми источниками и пособіями на русскомъ языкѣ и старался, по мѣрѣ силъ, разобраться въ нихъ. Однако полученные имъ выводы далеко не могутъ похвалиться безупречной точностью. Вотъ какъ формулируетъ г. Дмитріевъ свои воззрѣнія на древнюю Югру.

«Названіе Югра употреблялось въ древности въ двоякомъ гео-этнографическомъ значеніи: собирательномъ, общемъ значеніи разныхъ земель, населенныхъ народами одного угорскаго племени, и спеціальномъ, частномъ

1) «Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. С.-ПБ. 1881».

2) «О пути мадьяръ съ Урала въ Лебедію. Замѣтки Н. Я. Данилевскаго и К. Я. Грота» въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», т. XIX.

Digitized by Google

значеніи собственно Югры, какъ особой, исчезнувшей уже народности въ бассейнѣ Сыгвы (Ляпины тоже) и сѣверной Сосвы, на восточномъ склонѣ Урала» (стр. 20).

«Уже въ самомъ началѣ нашей исторіи мы видимъ Югру на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и впослѣдствіи, т. е. на берегахъ Ляпиной и Сосвы. Главная масса угровъ, стало быть, передвинулась за Уралъ еще въ доисторическую эпоху, послѣ чего къ западу отъ Урала угры встрѣчались только спорадически, уступивъ большую часть своей прежней территоріи передвинувшейся съ р. Камы на сѣверъ Перми. Это передвиженіе несомнѣнно совершилось также до временъ Нестора, заставшаго Пермь уже на Вычегдѣ и Печорѣ» (стр. 21). «Отдѣльныя части Югорской земли — собственно Югра, Конда и Обдорія» (стр. 26). «Полное перерожденіе древней Югры въ вогуловъ, неправильно называемыхъ у русскихъ «остяками Ляпинскаго нарѣчія», слѣдуетъ отнести къ первой четверти прошлаго вѣка» (стр. 43). «Югра жила на Вычегдѣ и Двинѣ въ доисторическія времена, оставивъ позади себя въ Европѣ до позднѣйшихъ временъ часть вогуловъ и остяковъ» (стр. 33). Наконецъ, г. Дмитріевъ присоединяется къ мнѣнію проф. Смирнова, который говоритъ: «въ періодѣ отъ половинѣ XV до конца XVII в. Манысы жили еще на пространствѣ между Усть-Вымомъ и Ураломъ по рѣкамъ Вычегдѣ, Печорѣ и восточнымъ притокамъ Камы: Колвѣ, Вишерѣ, Яйвѣ, Косьвѣ и Чусовой. Передвиженіе Югры на востокъ представляетъ собою результатъ борьбы, въ которой Югрѣ принадлежала оборонительная роль. Югра ассимилировалась, отступала, пока главная масса ея не перешла наконецъ черезъ Уралъ... Борьба эта не остановилась у подножія Урала: мы видимъ ее еще и теперь. Югра уступаетъ постепенно оба склона Урала Перми-зырянамъ» (стр. 13).

Я не стану шагъ за шагомъ разбирать воззрѣнія г. Дмитріева на Югру какъ потому, что это потребовало бы слишкомъ много мѣста, такъ и потому, что нѣкоторыя частности не могутъ быть обсуждаемы безъ знанія финнскихъ нарѣчій (напр., вопросъ объ отношеніи остяковъ ляпинскаго нарѣчія къ вогуламъ и березовскимъ остякамъ). Замѣчу только, что врядъ-ли правильно полагаетъ г. Дмитріевъ, будто древнѣйшіе источники, употребляя терминъ «Югра» даже въ широкомъ смыслѣ, разумѣли только Обдорію, Конду и Сосву, т. е. Зауралье. Необходимо въ понятіе «Югра» включить также остяковъ и вогулъ по сю сторону хребта, иначе придется признать, что, довольно часто говоря о зауральской Югрѣ, наши источники совсѣмъ молчатъ о вѣтвяхъ того же племени, обитавшихъ гораздо ближе. Невозможность такого вывода особенно бьетъ въ глаза, если вспомнить новгородскія договорныя грамоты, въ которыхъ въ числѣ новгородскихъ волостей упоминается Югра, но нѣтъ вогулъ. По пониманію

Digitized by Google

г. Дмитріева слѣдовало бы заключить, что вогулы никогда не были подвластны Новгороду, что явно невозможно. Затѣмъ, замѣчу еще, что древнѣйшіе источники не даютъ ни малѣйшей возможности отличить, когда они говорятъ про Обдорію, когда про Конду и когда про Сосву. Думаю, что въ древности и не различали этихъ трехъ областей, и г. Дмитріевъ напрасно пытается возвести къ эпохѣ начальной лѣтописи разграниченіе, выведенное имъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ.

Но на вопросѣ о времени переселенія Югры за Уралъ я остановлюсь подробнѣе. Г. Дмитріевъ относитъ этотъ фактъ къ доисторическимъ временамъ, но тутъ же ослабляетъ свое утвержденіе, признавая, что часть угорскихъ племенъ оставалась еще долго по сю сторону горъ, и что еще въ XV в. вогульскія поселенія доходили до Усть-Выма. Кромѣ того, я никакъ не могъ понять, въ какомъ смыслѣ, въ общемъ или въ частномъ, авторъ употребляетъ тутъ терминъ «Югра». А между тѣмъ отъ того или другого пониманія термина зависитъ пониманіе самой его теоріи. Все это путаетъ читателя и заставляетъ думать, что г. Дмитріевъ самъ не вполнѣ отчетливо выяснилъ себѣ отношенія различныхъ частей югорскаго племени между собою и границы ихъ распространенія въ разныя эпохи.

Единственное основаніе, на которомъ г. Дмитріевъ строитъ выводъ, будто Югра переселилась за Уралъ въ доисторическія времена, заключается въ томъ, что авторъ начальной лѣтописи засталъ на Вычегдѣ и Печерѣ уже пермяковъ. Но это основаніе совершенно мнимое. Начальная лѣтопись знаетъ отдѣльное племя Печеру, которое не отождествляетъ съ Пермью, и національность которой мы опредѣлить не можемъ, ввиду полнѣйшаго отсутствія данныхъ. Съ одинаковымъ правомъ можемъ мы считать Печеру западно-финскимъ племенемъ, какъ то дѣлалъ Кастренъ, самоѣдскимъ, какъ допускалъ Огородниковъ, пермскимъ, какъ думаетъ большинство ученыхъ, и т. д. Столь же мало данныхъ въ начальной лѣтописи и для того, чтобы считать пермяковъ XI в. исключительными обитателями Вычегды: лѣтопись совсѣмъ не упоминаетъ этой рѣки, а мѣстожительство Перми не опредѣляетъ никакъ.

Съ другой стороны, самъ г. Дмитріевъ не отрицаетъ двухъ фактовъ: 1) въ XV в. югорскія поселенія доходили до устьевъ Выма и были разбросаны по всей верхней Вычегдѣ и Печерѣ; 2) въ теченіе всей русской исторіи югорскія племена постоянно отодвигаются съ запада на востокъ. Изъ этихъ двухъ фактовъ возможенъ слѣдующій выводъ. Отдалившись отъ XV в. на пять столѣтій назадъ, мы должны предположить, что югорскія племена: 1) въ гораздо большемъ количествѣ населяли территорію къ востоку отъ Выма и, вѣроятно, занимали ее одни; 2) поселенія югорскія въ то время простирались и на западъ отъ Выма и доходили, можетъ быть, до

Digitized by Google

Сѣверной Двины или даже до Устюга. Вотъ западный пунктъ, до котораго, мнѣ кажется, можно доводить Югру въ X—XI вв., не рискуя впасть въ крупную погрѣшность. Такая догадка опирается на данныя географической номенклатуры [1]) и на соображенія объ общемъ ходѣ югорскаго движенія. Письменнымъ источникамъ, которые мнѣ извѣстны, она не противорѣчитъ.

Теперь обращаюсь къ южнымъ границамъ югорскихъ поселеній. Арабскіе писатели знаютъ Югру и кое-что разсказываютъ о ней, со словъ болгаръ, которые имѣли съ Югрой торговыя сношенія. Конечно, мы тщетно стали бы искать у арабовъ точнаго опредѣленія границъ югорскихъ. Но вотъ на какое обстоятельство, мнѣ кажется, слѣдовало бы обратить вниманіе. Арабы помѣщаютъ Югру прямо за болгарами, къ сѣверу или сѣверо-востоку отъ нихъ и ни разу не упоминаютъ, чтобы между болгарами и Югрою жилъ еще какой-нибудь третій народъ. Такъ какъ эти извѣстія относятся уже къ X и XI вѣкамъ, т. е. къ тому времени, когда мадьяръ уже не было въ Камскомъ бассейнѣ, то мы должны предположить, что мѣсто мадьяръ было занято послѣ ихъ ухода ихъ ближайшими родичами югорскаго племени, вогулами и остяками, которые продержались въ Пермскомъ краѣ до XVII вѣка, что признаетъ и г. Дмитріевъ. За Югрою арабы помѣщаютъ миѳическую страну Яджуджъ и Маджуджъ (Гога и Магога), а про Пермь совсѣмъ ничего [2]) не знаютъ. Ясно, значитъ, что въ X и XI вѣкахъ пермяки жили гдѣ-то очень далеко отъ болгаръ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они въ это время занимали Камскій бассейнъ, т. е. помѣщались между болгарами и Югрою, то, внѣ всякаго сомнѣнія, арабы, знающіе Югру, еще болѣе свѣдѣній имѣли бы о ближе лежащей Перми.

Такимъ образомъ, вся территорія къ востоку и къ югу отъ Выма по крайней мѣрѣ до XI или XII в. оказывается занятою югорскими племенами. Обращаясь къ низовьямъ Вычегды, верховьямъ Сѣверной Двины и Сухонѣ, мы, благодаря изслѣдованіямъ Шёгрена, можемъ утвердительно сказать, что около той же эпохи эта область была занята Емью. Не находя нужнымъ повторять доказательства знаменитаго ученаго, приведенныя имъ въ изслѣдованіи: «Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen», я ограничусь только тѣмъ, что приведу цитату изъ одного недавно найденнаго памятника древней русской литературы, цитату, которая замѣчательнымъ образомъ подтверждаетъ выводы этого прозорливаго изслѣдователя. Въ «Словѣ о погибели рускыя земли» мы читаемъ: «Отселѣ до угоръ и до

1) Эти данныя сгруппированы И. Н. Смирновымъ: «Пермяки», стр. 106—107.

2) Если, впрочемъ, не считать за Пермь Берамію, которая случайно упоминается у одного писателя. Но если бы Берамія и дѣйствительно соотвѣтствовала Перми, то ужъ одно то обстоятельство, что это упоминаніе стоитъ совершенно особнякомъ, подтверждаетъ мою мысль объ отдаленности Перми отъ болгаръ (См.: Савельевъ, Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. С.-Петерб. 1847, CXV).

Digitized by Google

ляховъ, до чаховъ, отъ чаховъ до ятвязи, и отъ ятвязи до литвы, до немець, отъ нѣмець до корѣлы, до Устьюга, гдѣ тамо бяху то имици погаиіи, и за дышючимъ моремъ, отъ моря до болгаръ, отъ болгаръ до буртасъ, отъ буртасъ до чермисъ, до моръдви — то все покорено было Богомъ крестиянскому языку поганьскыя страны»[1]). «Слово» написано въ первой половинѣ XIII в., слѣдовательно, къ тому же времени относится и то расположеніе племенъ, которое оно даетъ. Около Устюга помѣщены «имици», въ которыхъ не трудно узнать лѣтописную Емь. Замѣчательно, что за Емью авторъ «Слова» помѣщаетъ легендарное «дышючее море» и затѣмъ прямо переходитъ къ болгарамъ. О Перми совсѣмъ не упоминается. Не упоминаютъ о ней и передѣлки той же темы въ позднѣйшихъ памятникахъ, которыя мы находимъ въ древнемъ родословцѣ русскихъ князей и у Каменевича Рвовскаго[2]). Такъ мало была извѣстна на Руси въ XIII вѣкѣ Пермь.

Мы обозрѣли размѣщеніе финнскихъ племенъ въ бассейнахъ Камы, Печеры и Вычегды и не нашли возможнымъ помѣстить Пермь ни въ одной изъ этихъ областей: онѣ оказались занятыми Югрой, Печерой и Емью. Къ западу отъ Сѣверной Двины помѣстить Пермь также нельзя, такъ какъ тамъ пришлось бы опять столкнуться съ Емью и Карелой. Итакъ, единственная территорія, которую мы можемъ отвести подъ древнѣйшія поселенія Перми, — это бассейнъ Мезени и полоса между Мезенью и Западной Двиной.

Этотъ выводъ находитъ себѣ сильное подтвержденіе въ свидѣтельствѣ норманскаго мореплавателя IX вѣка, Отера или Оттара, который, посѣтивъ устья Двины, нашелъ на ея берегахъ многочисленный народъ Беормовъ или Бьярмовъ. Имѣя въ виду все вышесказанное, мы должны признать въ этихъ Бьярмахъ Пермь нашихъ лѣтописей, а низовья Сѣверной Двины — древнѣйшимъ извѣстнымъ исторіи мѣстожительствомъ этого племени. Такое толкованіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что тождество звукового состава словъ «Пермь» и «Бьярмы» не подлежитъ сомнѣнію, вопреки мнѣнію г. Дмитріева, а разсказъ Оттара имѣетъ полное право на совершенное довѣріе, какъ разсказъ очевидца, записанный прямо съ его словъ. Предполагать, что Оттаръ перенесъ на кореловъ имя племени, жившаго въ его время гдѣ-то на верховьяхъ Камы, значитъ приписывать пермякамъ IX-го вѣка необычайно широкую извѣстность, на что мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основаній. Съ другой стороны, если въ послѣдующіе вѣка мы находимъ на устьяхъ Двины кореловъ, то это отнюдь не противо-

1) Памятники древней письменности. LXXXIV. Слово о погибели Рускыя земли. Сообщеніе Хрусанова Лопарева. С.-Петерб. 1892.

2) И. Н. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. С.-Петерб. 1895, стр. 95.

Digitized by Google

рѣчитъ свидѣтельству Оттара, а значитъ только, что пермяки, занимавшіе въ IX в. низовья Сѣверной Двины, впослѣдствіи были оттѣснены отъ прибрежій Бѣлаго моря западно-финнскими племенами. Далѣе, при моемъ толкованіи становится вполнѣ ясно, почему арабы ничего не знали про Пермь. Наконецъ, безъ натяжекъ объясняется и порядокъ, въ какомъ перечисляетъ финнскія племена Начальная лѣтопись. Тамъ[1]) мы читаемъ: «Пермь, Печера, Ямь, Угра». Если написать эти имена такъ:

Пермь Печера
Ямь Угра,

то мы получимъ какъ разъ такое же точно расположеніе, какое вышло бы при нанесеніи ихъ на карту. Наверху два сѣверныхъ племени, внизу два южныхъ; справа два восточныхъ, слѣва — два западныхъ. Наоборотъ, если мы помѣстимъ Пермь въ бассейнахъ Камы и Вычегды, то придется думать, что авторъ Начальной лѣтописи нагромоздилъ имена финскихъ племенъ въ безпорядкѣ.

Остается еще замѣтить, что и данныя географической номенклатуры, какъ я показалъ выше, не противорѣчатъ полученному выводу. Если только можно считать эти данныя вѣрными, то придется предположить, что нѣкогда пермяки жили и къ западу отъ Двины. Но такъ какъ исторія застаетъ тамъ уже западно-финнскія племена, то надо думать, что Пермь занимала эти мѣста во времена доисторическія. Въ такомъ случаѣ именно область между Онежскимъ озеромъ и Западной Двиной пришлось бы считать древнѣйшимъ обиталищемъ пермяковъ на сѣверѣ Европы.

Не позже XI вѣка пермское племя уступило прибрежья Бѣлаго моря кореламъ. По крайней мѣрѣ, именно въ этомъ вѣкѣ норманскіе витязи находятъ на берегахъ Двины характерный для западно-финнскихъ племенъ культъ Юмалы. Если саги все еще продолжаютъ низовья Двины называть Бьярміей, то только по старой памяти. Искать тутъ позже XI в. пермяковъ также тщетно, какъ разыскивать боіевъ въ теперешней Богеміи или вандаловъ въ Андалузіи.

Первое упоминаніе о Камской Перми идетъ отъ конца XIV в., когда мы встрѣчаемъ ее въ житіи св. Стефана Пермскаго, принадлежащемъ иноку Епифанію Премудрому. На Камскихъ пермякахъ ниже мнѣ придется остановиться подробнѣе, и тамъ, разсматривая вопросъ о заселеніи Камскаго бассейна Пермью, я буду имѣть возможность высказать еще нѣсколько соображеній въ пользу сравнительно поздняго появленія этого племени въ предѣлахъ Пермской губерніи, и притомъ появленія съ сѣвера. Заканчивая разсмотрѣніе вопроса о разселеніи племенъ на сѣверо-востокѣ Восточно-

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 3.

Digitized by Google

Европейской равнины, я считаю необходимымъ замѣтить, что все вышеизложенное я отнюдь не считаю прочно обоснованнымъ. Нѣтъ, многое еще остается въ значительной мѣрѣ гадательнымъ, а для построенія прочной теоріи у насъ недостаетъ пока фактовъ. Но, во всякомъ случаѣ, соображаясь со всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи данными, я не могу не признать набросанную выше картину наиболѣе вѣроятной при современномъ состояніи науки. Прибавлю еще, что, при скудости письменныхъ источниковъ, окончательныхъ выводовъ приходится въ нашемъ вопросѣ ожидать отъ археологіи, которая уже располагаетъ весьма значительнымъ матеріаломъ, при томъ же со дня на день увеличивающимся. Къ сожалѣнію, этотъ богатый матеріалъ далеко еще не весь приведенъ въ систему. Впрочемъ, нельзя пройти молчаніемъ, что послѣдняя работа по археологіи Пермскаго края привела ея автора къ убѣжденію въ принадлежности югорскому племени цѣлой весьма характерной группы предметовъ, добытыхъ раскопками въ Камскомъ бассейнѣ [1]).

«Указавъ мѣсто пермяковъ, прямыхъ потомковъ древней Перми, въ обширной семьѣ финскихъ народовъ, говоритъ г. Дмитріевъ на 10 страницѣ I выпуска, — остановимся теперь на вопросѣ о степени культурнаго развитія обитателей Перми въ древнѣйшія времена». «Всѣ изслѣдователи древнѣйшей Перми раздѣлились на двѣ рѣзко очерченныя группы: на поклонниковъ нѣкогда славной будто бы Біарміи, именовавшейся у русскихъ славянъ Пермью, и на скептиковъ, считающихъ эту прославленную Біармландію столько же плодомъ фантазіи скандинавскихъ скальдовъ, сколько и простого недоразумѣнія позднѣйшихъ ученыхъ» (стр. 11). Къ «апологетамъ Біарміи» г. Дмитріевъ причисляетъ П. Савельева, автора «Мухаммеданской нумизматики въ отношеніи къ русской исторіи», Гаркави, автора «Сказаній мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ» и П. Полевого, автора «Очерковъ русской исторіи въ памятникахъ быта». Тутъ произошло какое-то очевидное недоразумѣніе: только Полевой можетъ быть съ нѣкоторымъ правомъ причисленъ къ «апологетамъ Біарміи», а оба остальныхъ ученыхъ къ этой группѣ отнюдь не принадлежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ вышеназванномъ трудѣ Гаркави нѣтъ ни слова о Біарміи и Перми, а у Савельева читаемъ слѣдующія строки, которыя показываютъ его настоящій взглядъ на культуру древней Біарміи: «Изъ всѣхъ извѣстій скандинавскихъ о Біармландіи, какъ бы они преувеличены ни были, можно съ достаточной вѣроятностью вывести историческій фактъ о существованіи торговыхъ сношеній между нею и норманнами по крайней

1) Ѳ. А. Теплоуховъ. «Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ», въ «Пермскомъ краѣ», т. II, Пермь. 1893.

Digitized by Google

мѣрѣ съ IX вѣка, и о нѣкоторомъ благосостояніи Двинского края. Если же дѣйствительно въ храмѣ Юмалы найдены были серебряныя деньги, то деньги эти могли быть только куфическія, — и это обстоятельство свидѣтельствовало бы притомъ о сношеніяхъ двинянъ съ волжскими булгарами»[1]).

Такимъ образомъ апологетомъ Біарміи оказывается одинъ Полевой, да еще нѣсколько полузабытыхъ ученыхъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, наконецъ, нѣкоторые мѣстные любители исторіи, недостаточно освѣдомленные въ литературѣ предмета. Въ виду этого г. Дмитріевъ совершенно правъ, становясь на сторону «скептиковъ», но онъ напрасно считаетъ мечтанія «апологетовъ» столь опасными для науки: врядъ ли теперь найдется хоть одинъ серьезный изслѣдователь, который станетъ рисовать Біармію въ видѣ обширнаго, могущественнаго и богатаго государства съ высоко развитой культурой. Да, собственно говоря, для этого нѣтъ и основаній. Самыя извѣстія скандинавовъ, въ которыхъ г. Дмитріевъ видитъ корень зла, вовсе не заслуживаютъ такого отрицательнаго отношенія. Ближайшее знакомство съ ихъ настоящимъ текстомъ обнаруживаетъ, что г. Дмитріевъ напрасно простираетъ на нихъ свой скептицизмъ. Для доказательства этого я приведу выдержки изъ монументальнаго сборника сагъ: «Antiquités russes d'après les monuments historiques des islandais et les anciens scandinaves, éditées par la société royale des antiquairs du Nord. Copenhague. 1852». 2 vol.

Древнѣйшее и достовѣрнѣйшее извѣстіе о Біарміи находится въ началѣ англосаксонскаго перевода исторіи Орозія, сдѣланнаго королемъ Альфредомъ Великимъ, и принадлежитъ, какъ сказано, Оттару. Вотъ что мы въ немъ читаемъ: «Ottarus dixit domini suo Alfredo regi, ... ventum esse ad ostium magni fluvii, qui ab interioribus terrae illius partibus proveniret. In hunc fluvium aliquantulum se penetrasse, sed longius ascendere sese suosque non ausos, metuentes hostiles incursus accolarum, qui alteram ripam frequentes habitarent. ... Bjarmos terram suam frequentissime dixit habitare, quare se suosque ibi appellere non ausos, Terfinnorum autem terram fuisse desertam, nisi quod venatores aut piscatores aut aucupes ibi vagarentur. Multa ei Bjarmos narrasse tum de ipsorum terra, tum de regionibus prope eam sitis, sed quam vera haec essent, nescire se, quippe qui propriis oculis non vidisset. Quod ad linguam attineret, eandem prope Bjarmorum ac Finnorum fuisse sibi visam»[2]).

Къ IX—X в. по сюжету и къ XII в. по редакціи принадлежитъ Egilssaga Scallagrímssonar, которая въ главѣ «Bjarmalands Ferd» (expeditio in

1) П. Савельевъ. Мухаммеданская нумизматика, стр. CXII—CXIII.
2) Antiquités, II, 458—462.

Digitized by Google

Bjarmiam) сообщаетъ слѣдующее: «Tunc Eiricus Blodaxa imperium accipiebat... Vere quodam Eiricus iter in Bjarmiam comparavit, ad quod iter comites lectissimos adhibuit; socium hujus itineris se adjunxit Thorolvus, in navi regia proretae et signiferi munerefungens... Multa in hac expeditione evenerunt memoratu digna. Eiricus ingens praelium in Bjarmia ad Vinam commisit, victoriamque obtinuit, quemadmodum in carminibus de ipso scriptis commemoratum est; in hoc quoque itinere conjugem duxit»[1]).

Въ сборникѣ Heimskríngla, составленномъ Снорре Стурласономъ въ началѣ XIII в., находимъ цѣлый рядъ сагъ, упоминающихъ про Бьярмію. Такъ, въ Haraeds saga ens Hárfagra читаемъ: «Eiricus Haraldi filius... septentrionem versus in Finniam et in Bjarmiam usque profectus, ibi praelia fecit victoriamque obtinuit, deinde in Finiam reversus est»[2]).

Затѣмъ, въ Saga af Harald Gráfeld есть слѣдующій эпизодъ: «Haraldus Grafeldus aestate quadam exercitum septentrionem versus in Bjarmiam duxit ibique praedas egit; magnum praelium in ripa Vinae cum Bjarmiis commisit victoriamque reportavit, multis hominibus interfectis; quo facto in multis terrae locis populationem fecit immensamque vim opum lucratus est; hujus rei mentionem facit Glumus Geirii filius:

Animosus regum oppressor
Gladium in oriente rubefecit,
Ubi gentes bjarmicas fugientes conspexi
A regione ardentis territorii in boream versa;
Reconciliator virorum in ripa Vinae
Egregiam famam consecutus est;
Hastarum tempestas juveni principi
In hac expeditione contigit»[3]).

Въ Heimskríngla находится и сага о походѣ Торфа Гунда, но я ее не буду приводить, потому что она заняла бы слишкомъ много мѣста. Къ тому же она хорошо уже извѣстна, да, наконецъ, и относится къ той эпохѣ, когда устья Двины заняты были уже не пермяками, а карелами.

Гораздо менѣе извѣстна Saga af Hálfi ok Halfrekkum. Въ ней разсказывается, какъ Hjörleifr, сынъ короля Hjǒw'a, почувствовавъ недостатокъ въ деньгахъ, отправился съ дружиной на кораблѣ въ Бьярмію. Войдя въ устья Двины, онъ дѣлитъ свою дружину, состоящую изъ 90 человѣкъ, на три части: одна треть подъ начальствомъ самого Гьörлейфа вступаетъ въ битву, другая треть охраняетъ корабль, а остальные 30 дружинниковъ

1) Antiquités, II, 248—254.
2) Antiquités, I, 270.
3) Antiquités, I, 271—272.

Digitized by Google

proreta duce tumulum effringebant, qui magnam pecuniae vim adepti sunt[1]). Эта сага любопытна особенно потому, что показываетъ, съ какими ничтожными силами норманны нападали на Бьярмію. Невелико, очевидно, было могущество бьярмійцевъ, если 30 скандинавскихъ витязей рисковали вступать съ ними въ битву.

Вообще-же, просматривая приведенные тексты, мы не находимъ въ нихъ никакого указанія на существованіе на сѣверѣ Восточно-Европейской равнины большого, могущественнаго и высоко-культурнаго государства. Если гдѣ и находимъ преувеличенные разсказы о Бьярміи, то только въ сагахъ, имѣющихъ полусказочный характеръ, вродѣ Saga af Herraudi ok Bòsa, или Orvarodds-Saga. Но подобныя саги столь же мало можно считать историческимъ источникомъ, какъ и русскія былины.

Однако г. Дмитріевъ, положившись на сомнительный авторитетъ П. Н. Полевого, повѣрилъ, что всѣ саги наполнены вымыслами о высокой культурѣ Бьярміи, и счелъ необходимымъ доказать ихъ несостоятельность. Но для этого доказательства онъ выбралъ путь совершенно нецѣлесообразный. Соглашаясь съ тѣмъ, что Бьярмія лежала на берегахъ Бѣлаго моря и никакого отношенія къ Пермскому краю не имѣла, г. Дмитріевъ для опроверженія мнимыхъ вымысловъ сагъ пользуется данными, добытыми раскопками въ Камскомъ бассейнѣ и никакого отношенія къ Бьярміи не имѣющими. Въ результатѣ ему удается доказать съ полною очевидностью, что въ Пермскомъ краѣ въ древности не было высокой самобытной культуры, но вѣдь это до Бьярміи совсѣмъ не касается.

Не могу обойти молчаніемъ еще одного крупнаго промаха, допущеннаго г. Дмитріевымъ въ его изысканіяхъ о древне-пермской культурѣ, и происшедшаго опять-таки оттого, что онъ часто черпаетъ свои свѣдѣнія не изъ первоисточниковъ, а беретъ ихъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, да и пособія выбираетъ иногда мало надежныя. На этотъ разъ я имѣю въ виду вопросъ о «закамскомъ серебрѣ». Объ этомъ серебрѣ г. Дмитріевъ узналъ изъ какого-то невполнѣ надежнаго пособія[2]), которое на основаніи этого выраженія утверждало, что въ Пермскомъ краѣ издревле было развито добываніе и разработка драгоцѣнныхъ металловъ. Не справившись въ источникѣ, говорящемъ о закамскомъ серебрѣ, г. Дмитріевъ принялъ на вѣру толкованіе своего пособія и, не подозрѣвая всей его несостоятельности, вступилъ съ нимъ въ серьезную полемику, которая заняла немало страницъ (выпускъ I, глава IV). Между тѣмъ вопросъ о закамскомъ серебрѣ рѣшается очень просто.

1) Antiquités, I, 86.

2) Заключаю это изъ того, что г. Дмитріевъ ссылки на лѣтопись не ставитъ, да и все его разсужденіе о закамскомъ серебрѣ показываетъ незнакомство автора съ подлиннымъ текстомъ.

Digitized by Google

Въ Новгородской первой лѣтописи читаемъ слѣдующій эпизодъ «Въ лѣто 6840. Великый князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра Закамьского, и в томъ взя Торжокъ и Бѣжичьскый верхъ чересъ крестное цѣлованіе. Въ лѣто 6841. Послаша Новгородци владыку Василья къ великому князю Ивану с молбою, и приихалъ к нему въ Переяславль с Терентіемъ Даниловицемъ и с Даниломъ Машковицемъ, и давали ему 5 сотъ рублевъ, а свободъ бы ея отступилъ, по крестьному цѣлованию; и много моли его владыка, чтобы миръ взялъ, и не послуша. В лѣто 6842. Пріиде из орды князь великый Иванъ Даниловичь, и послаша къ нему Новгородци Валъфромѣя Юрьевича, и прия ихъ с любовию» [1]).

Чтобы правильно истолковать это извѣстіе, необходимо принять во вниманіе два слѣдующихъ текста: «В лѣто 6641. Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскые и отъ Смолиньска даръ, и тако хресть цѣловаша» [2]).

«А что волостей Ноугородцкихъ всѣхъ вамъ не держати своими мужи, держати мужи Ноугородцкими, и даръ имати отъ тѣхъ волостей» [3]).

Послѣдній текстъ показываетъ, что въ пользу великаго князя съ новгородскихъ волостей шелъ «даръ». Предыдущій текстъ упоминаетъ о такомъ дарѣ или дани съ Печеры. Надо думать, что и съ Закамскихъ владѣній Новгородъ долженъ былъ платить извѣстную сумму въ великокняжескую казну, но платилъ не особенно исправно, что и вызвало въ 1332 г. понудительныя мѣры со стороны Іоанна Калиты. Такимъ образомъ, подъ Закамскимъ серебромъ приходится разумѣть именно великокняжескій даръ или дань, а отнюдь не серебро, добываемое въ Пермскомъ краѣ.

Вышесказанное, какъ мнѣ кажется, съ достаточной ясностью показываетъ, что г. Дмитріевъ, плохо ознакомившись съ источниками и пособіями по древне-пермской культурѣ, приписалъ «апологетамъ Біарміи» слишкомъ большое значеніе. Эта ошибка заставила его обратить главное вниманіе на опроверженіе тѣхъ мнѣній, которыя выставлены «апологетами», что оказалось дѣломъ нетруднымъ, и ему вполнѣ удалось. Но, увлекшись полемикой, г. Дмитріевъ не замѣтилъ, что пришелъ въ концѣ концовъ къ выводамъ, хотя и вѣрнымъ, но исключительно отрицательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ доказалъ, что древнепермская культура вовсе не стояла на той высокой степени развитія, которую ей приписываютъ «апологеты»; но положительной характеристики этой культуры читатель тщетно будетъ искать

1) Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, стр. 327 sqq.

2) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, стр. 287.

3) Договорная грамота Новгорода съ великими князьями Василіемъ Васильевичемъ и Іоанномъ Васильевичемъ 1456 г. А. Э., I, № 57.

Digitized by Google

въ «Пермской Старинѣ». Образъ жизни, общественный бытъ, религіозныя вѣрованія древнихъ пермяковъ — все это вопросы, которые г. Дмитріевъ обошелъ полнымъ молчаніемъ, и которыхъ однако не имѣлъ права обойти изслѣдователь, поставившій себѣ задачей дать полную, систематическую и всестороннюю исторію Пермскаго края. Этотъ пробѣлъ тѣмъ менѣе простителенъ, что нельзя сказать, чтобы не было матеріаловъ для его восполненія, — блестящимъ доказательствомъ этого служитъ изслѣдованіе проф. Смирнова: «Пермяки», о которомъ мнѣ неоднократно уже приходилось упоминать.

Теперь, слѣдуя за г. Дмитріевымъ, я долженъ буду перейти къ вопросу о «границахъ и административномъ дѣленіи Перми Великой до начала XVII вѣка» (выпускъ I, глава V). Но, заканчивая обозрѣніе древнѣйшаго періода Пермской исторіи, я считаю необходимымъ въ краткихъ словахъ опредѣлить значеніе труда г. Дмитріева для этого періода. Значеніе это крайне невелико, чтобы не сказать болѣе, да иначе оно и быть не могло, принимая во вниманіе крайне недостаточное знакомство автора съ первоисточниками и литературой тѣхъ вопросовъ, за которые онъ взялся. «Пермская Старина» не только не вноситъ ничего новаго въ наши познанія по древнѣйшей исторіи Пермскаго края, но даже далеко не вмѣщаетъ въ себѣ всего того, что было сдѣлано въ этомъ направленіи предшественниками г. Дмитріева. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что разобранная часть «Пермской Старины» является самой слабой во всемъ трудѣ г. Дмитріева.

V-ая глава, къ разбору которой я теперь перехожу, составляетъ центръ тяжести всего I-го выпуска «Пермской Старины», и по значенію, которое придаетъ ей авторъ, и по объему: она занимаетъ ровно половину выпуска. Тутъ г. Дмитріевъ прежде всего останавливается на историко-географической номенклатурѣ, имѣющей отношеніе къ имени «Пермь». Онъ перечисляетъ слѣдующія родственныя названія, встрѣчающіяся въ источникахъ: Біармія; Пермь, Перемь, Пермія; Пермь Великая — въ смыслѣ названія цѣлой страны; Пермь Великая Чердынь, въ смыслѣ названія города; Пермь Старая (= Усть-Вымъ); Пермь Малая или Пермица. Затѣмъ г. Дмитріевъ дѣлаетъ сводъ разнорѣчивыхъ мнѣній о значеніи этихъ названій и наконецъ останавливается на слѣдующемъ справедливомъ заключеніи: Біармія есть названіе страны, лежащей у береговъ Бѣлаго моря, подъ Пермью слѣдуетъ разумѣть всю совокупность пермяцкихъ поселеній въ бассейнахъ Вычегды и Камы, Пермь Великая представляетъ спеціальное названіе Камской Перми и никогда не пріурочивается въ источникахъ къ бассейну Вычегды. Что касается «Малой Перми», то г. Дмитріевъ въ I выпускѣ ограничился замѣчаніемъ, что этотъ терминъ употреблялся «въ смыслѣ названія одной зырянской волости въ Сольвычегодскомъ краѣ и упоминается въ

Digitized by Google

нѣкоторыхъ мѣстныхъ документахъ Московскаго періода въ Вологодскомъ краѣ» (стр. 51). Болѣе подробное розысканіе о Малой Перми находимъ во II выпускѣ, гдѣ авторъ приходитъ къ заключенію, что Малая Пермь есть фикція, и, совершенно позабывъ, что въ I выпускѣ онъ самъ принялъ эту фикцію за дѣйствительную величину, разражается потокомъ упрековъ по адресу ученыхъ, придававшихъ Малой Перми реальное значеніе. Я позволю себѣ привести выдержки изъ этихъ страницъ, такъ какъ онѣ являются весьма характерными для того тона, въ которомъ написана почти вся «Пермская Старина». «Въ дѣйствительности никогда не существовало именно такого географическаго термина, придуманнаго нашими учеными въ позднѣйшее время[1]) и по слѣпой традиціи употребляемаго ими и понынѣ... Такъ-то возникаютъ иногда крупныя историческія ошибки, которыя и существуютъ потомъ въ наукѣ долгое время!.. Какая путаница понятій выходитъ изъ-за этой Малой Перми!... И эта логическая несообразность такъ укоренилась и упрочилась въ понятіяхъ множества ученыхъ, что ея никто до сихъ поръ даже не замѣтилъ! По крайней мѣрѣ въ печати я ни разу не встрѣчалъ указанія на этотъ старый историческій абсурдъ, а напротивъ, въ каждой новой статьѣ о Перми и св. Стефанѣ опять встрѣчаю его повтореніе, какъ встрѣчалъ тысячи разъ и прежде» и т. д. (стр. 41—43). Совершенно вѣрно, что Малая Пермь есть позднѣйшій терминъ, но все-таки непонятно, къ чему тутъ раздраженный тонъ, къ чему это «распеканіе» ученыхъ за ошибку, которую повторилъ и самъ г. Дмитріевъ въ I-омъ выпускѣ своего труда?...

Толкованіе терминовъ «Пермь» и «Пермь Великая» у г. Дмитріева совершенно правильное и нельзя не поставить ему въ заслугу, что онъ наконецъ прочно установилъ истинное значеніе этихъ названій, которыя, дѣйствительно, употреблялись до сихъ поръ часто неправильно. Замѣчу только, что врядъ ли правъ г. Дмитріевъ отождествляя Пермь Великую и весь Камскій бассейнъ до рѣки Чусовой включительно. Кажется, подъ Пермью Великой разумѣлся только городъ Чердынь да его уѣздъ, къ Усольскому же уѣзду и къ Строгановскимъ вотчинамъ это названіе, по крайней мѣрѣ въ XVI в., не прилагалось.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Уставной грамотѣ чердынцевъ и усольцевъ, возобновленной въ 1553 году, мы видимъ, что сначала жители обоихъ этихъ городовъ соединяются подъ именами «Пермичъ, Пермитинъ, Пермякъ», а потомъ читаемъ такія фразы: «Также есми пожаловалъ Великопермцовъ и Усольцовъ гостинскимъ — въ Пермь Великую и къ Соли... торговати не ѣздятъ никто опрочь Устюжанъ... А кто взыщетъ Великопермецъ или

1) Между тѣмъ въ I выпускѣ г. Дмитріевъ утверждалъ, что этотъ терминъ встрѣчается въ какихъ-то мѣстныхъ актахъ!

Digitized by Google

Усолецъ на гостехъ на Устюжскихъ» и т. д. Тутъ совершенно ясно противополагаются Пермь Великая и Соль Камская, великопермцы и усольцы. Слѣдовательно, эта грамота оба уѣзда считаетъ частями Перми, но подъ Великой Пермью разумѣетъ только Чердынь съ ея уѣздомъ. Въ первой жалованной грамотѣ Строгановымъ (1558 г.) подъ Пермью Великой также разумѣется городъ Чердынь: «Ниже Великія Перми за восемьдесятъ за восемь верстъ по Камѣ рѣкѣ... мѣста пустыя». «А изъ Перми и изъ иныхъ городовъ нашего государства Григорью тяглыхъ людей и писменныхъ къ себѣ не называти»[1]). Во второмъ случаѣ Чердынь названа даже просто Пермью. Въ томъ же смыслѣ терминъ Пермь Великая употребляется въ царской грамотѣ о неприкосновенности угодьевъ Чердынскаго Богословскаго монастыря[2]), въ нѣкоторыхъ грамотахъ Пискорскаго монастыря[3]), въ писцовой книгѣ Кайсарова[4]). Наоборотъ, къ Усолью Камскому этотъ терминъ никогда не прилагается[5]). Вообще, надо замѣтить, что почти во всѣхъ грамотахъ XVI и начала XVII вв. Пермь Великая означаетъ городъ Чердынь, и потому г. Дмитріевъ выражается совсѣмъ неточно, утверждая, что «Пермь Великая въ смыслѣ названія цѣлой страны употребляется постоянно во всѣхъ государевыхъ грамотахъ и указахъ Московскаго періода, писцовыхъ книгахъ XVI—XVII вв. и во всѣхъ другихъ правительственныхъ актахъ того же времени» (в. I, стр. 51). Такое значеніе терминъ Пермь Великая имѣетъ почти исключительно въ однѣхъ лѣтописяхъ.

Далѣе г. Дмитріевъ переходитъ къ вопросу о границахъ Перми Великой, первое упоминаніе о которой находимъ въ житіи св. Стефана Пермскаго, составленномъ Епифаніемъ Премудрымъ въ концѣ XIV вѣка. Епифаній, перечисляя народы, живущіе вокругъ Перми, называетъ въ самомъ концѣ Пермь Великую, глаголемую Чусовую. Извѣстіе Епифанія повторяется въ Московскихъ лѣтописныхъ сводахъ, въ которыхъ однако вмѣсто «Пермь Великая, глаголемая Чусовая» читаемъ: «Пермь Великая. Гамаль. Чусовая». Возникаетъ вопросъ, которое чтеніе правильнѣе? Г. Дмитріевъ признаетъ слово «Гамаль» безсмысленнымъ, а считаетъ древнѣйшимъ чтеніе «глаголемая» и утверждаетъ, что всѣ безъ исключенія ученые держатся того же мнѣнія. Это невѣрно. Прежде всего одинаково возможно

---

1) Обѣ грамоты перепечатаны въ «Пермской Старинѣ»: первая — въ I вып., вторая — въ IV выпускѣ.

2) А. И., I, № 207.

3) Напечатаны въ «Пермской Старинѣ», II вып.

4) Напечатана въ IV-омъ вып. «Пермской Старины».

5) Для примѣра укажу на упомянутыя уже грамоты Пискорскаго монастыря № 1, № 4, № 5.

Digitized by Google

какъ то, что позднѣйшіе компиляторы, не разобравъ слово «глаголемая», стоявшее подъ титломъ, передѣлали его въ «Гамаль», такъ и обратное: замѣна ставшаго непонятнымъ слова «гамаль» словомъ «глаголемая». (Замѣчу, что списокъ житія, напечатанный въ Кушелевскомъ собраніи относится къ XVI в.; къ тому же времени относятся и нѣкоторые списки Московскаго лѣтописнаго свода). Затѣмъ, чтеніе «Гамаль» вовсе не всѣми учеными признается безсмысленнымъ. Если бы г. Дмитріевъ былъ знакомъ съ вышеупомянутымъ трудомъ Огородникова «Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей», то тутъ онъ нашелъ бы какъ разъ противоположное мнѣніе, къ которому примкнулъ и Барсовъ во второмъ изданіи своихъ «Очерковъ русской исторической географіи». Оба названные ученые отождествляютъ Гамаль Епифанія съ Емью лѣтописей и данными географической номенклатуры подтверждаютъ свою догадку о томъ, что нѣкогда Емь жила въ бассейнѣ Чусовой. Но какъ попала Емь такъ далеко отъ своихъ древнихъ жилищъ? Это могло произойти слѣдующимъ образомъ. Выше я привелъ извѣстіе «Слова о погибели русской земли», которое даетъ возможность еще въ XIII в. помѣщать Емь въ бассейнѣ Вычегды. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что пермяки пришли въ Камскій бассейнъ съ сѣвера, и притомъ пришли довольно поздно. Въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ своемъ движеніи къ югу пермяки натолкнулись въ Вычегодскомъ бассейнѣ на остатки Еми, которые и погнали передъ собою. Постепенно отступая передъ пермяками, эти осколки емьянъ или гамовъ наконецъ дошли до Чусовой, гдѣ и засталъ ихъ Епифаній и помѣстилъ въ своемъ спискѣ подъ именемъ Гамали Чусовой. Все это построеніе, конечно, совершенно гипотетично, но, смѣю думать, отнюдь не «безсмысленно», а главное, г. Дмитріевъ не даетъ никакой опоры, чтобы признать намѣченную гипотезу невѣроятной; значитъ, пока извѣстіе Епифанія о Гамали Чусовой не можетъ считаться истолкованнымъ безповоротно въ одномъ, опредѣленномъ смыслѣ, и строить на немъ какіе бы то ни было выводы — рисковано. А между тѣмъ г. Дмитріевъ, признавъ чтеніе «глаголемая Чусовая» единственнымъ возможнымъ, пришелъ къ такому выводу: «Слово Чусовая и понынѣ служитъ наименованіемъ лѣваго притока Камы и довольно значительнаго озера въ сѣверной части Чердынскаго уѣзда. Такимъ образомъ, по указанію Епифанія, Пермь Великая, какъ особая страна, упиралась южнымъ концомъ въ рѣку Чусовую съ ея притоками, а сѣвернымъ — въ озеро Чусовское» (стр. 65—66). Такое толкованіе врядъ ли правильно. Во-первыхъ, оно опирается на сомнительный текстъ, котораго г. Дмитріевъ не подвергъ серьезной критикѣ; во-вторыхъ, кромѣ даннаго мѣста изъ Епифаніева житія, мы рѣшительно нигдѣ не находимъ при словѣ Пермь эпитета Чусовая; въ-третьихъ, ни

Digitized by Google

одинъ изъ послѣдующихъ источниковъ не даетъ намъ права распространить поселенія пермяковъ на весь указываемый г. Дмитріевымъ районъ; въ четвертыхъ, наконецъ, изъ словъ Епифанія отнюдь не вытекаетъ, чтобы Пермь занимала все пространство отъ Чусовскаго озера до Чусовой и даже южнѣе.

Слѣдующее извѣстіе, имѣющее значеніе для опредѣленія территоріи Перми Великой, даетъ Никоновская лѣтопись въ разсказѣ о походѣ Московской рати 1472 г., когда Камская Пермь была покорена Іоанномъ III. Тутъ упоминаются города пермскіе: Чердынь, Покча, Искоръ и Уросъ. Мѣстоположеніе трехъ первыхъ городовъ намъ извѣстно: всѣ они лежали на нижнемъ теченіи Колвы на незначительномъ разстояніи одинъ отъ другого. Гдѣ былъ Уросъ, неизвѣстно, но нѣтъ основанія отдалять его отъ трехъ предыдущихъ городковъ. Такимъ образомъ изъ разсказа о походѣ 1472 г. видно, что центръ Великой Перми находился на Колвѣ, и нѣтъ тутъ ни одного намека на то, чтобы владѣнія великопермскихъ князей тянулись далеко на югъ, до самой Чусовой и даже за Чусовую, какъ думаетъ г. Дмитріевъ.

Перехожу вслѣдъ за г. Дмитріевымъ къ третьему и самому важному источнику для древней географіи Пермскаго края, къ писцовымъ книгамъ Яхонтова (1579 г.) и Кайсарова (1623—1624 гг.). Г. Дмитріевъ вполнѣ оцѣнилъ значеніе писцовыхъ книгъ, какъ историко-географическаго источника и сообразно съ этимъ отвелъ имъ въ своемъ изслѣдованіи весьма почетное мѣсто. Прежде всего онъ приводитъ подробныя библіографическія данныя объ этихъ книгахъ и указываетъ, гдѣ можно найти каждую изъ нихъ. Эта библіографія составлена очень тщательно, но въ ней оказалась одна неточность. Г. Дмитріевъ утверждаетъ, что чердынскія и соликамскія книги не вошли совсѣмъ въ изданіе г. Шишонко «Пермская лѣтопись». Между тѣмъ какъ разъ въ I томѣ «Пермской лѣтописи» на стр. 82—87 находятся довольно значительныя извлеченія изъ обѣихъ книгъ.

Далѣе г. Дмитріевъ переходитъ къ опредѣленію границъ Пермскаго края на основаніи писцовыхъ книгъ. Для этой цѣли онъ опредѣляетъ сначала границы каждаго отдѣльнаго уѣзда и стана, а потомъ уже даетъ и общую границу всего края. Однако этотъ вполнѣ цѣлесообразный планъ не выдержанъ: авторъ, издавая I выпускъ «Пермской Старины», очевидно, не зналъ еще, что впослѣдствіи посвятитъ особый выпускъ экономическому состоянію Пермскаго края и отдѣльный выпускъ Строгановымъ. Поэтому, занимаясь вопросомъ о границахъ Пермскаго края, онъ постоянно отвлекается въ сторону и торопится почерпнуть изъ писцовыхъ книгъ и актовъ все, что есть въ нихъ интереснаго, хотя бы это и не имѣло прямого отношенія къ той задачѣ, которую онъ намѣтилъ себѣ въ I выпускѣ. Такъ,

Digitized by Google

онъ сообщаетъ много данныхъ о количествѣ дворовъ въ Чердыни и Соликамскѣ, о количествѣ лавокъ, о возникновеніи и постепенномъ ростѣ Строгановскихъ владѣній, о монастырскихъ земляхъ и привилегіяхъ и т. п. Все это только отклоняетъ его въ сторону, не помогая ничуть выяснить границы Пермскаго края, и совершенно непроизводительно увеличиваетъ объемъ книги. О томъ же самомъ г. Дмитріеву приходится говорить въ III и IV выпускахъ своего труда, гдѣ онъ подробнѣе останавливается на тѣхъ же вопросахъ и зачастую бываетъ вынужденъ цѣлыми страницами почти дословно повторять сказанное уже въ I выпускѣ. Тѣмъ болѣе имѣемъ мы права сѣтовать на эти повторенія, что, выкинувъ ихъ, г. Дмитріевъ тѣмъ самымъ значительно уменьшилъ бы расходы на свое изданіе, и тогда, можетъ быть, оказалась бы возможность приложить къ «Пермской Старинѣ» карту Пермскаго края, отсутствіе которой авторъ объясняетъ исключительно недостаткомъ средствъ. Но недостатокъ карты, по мнѣнію г. Дмитріева, не имѣетъ особаго значенія. «Для составителя полной карты Перми Великой въ XVI—XVII вв., говоритъ онъ, мы дали самыя полныя и точныя свѣдѣнія; для него осталась только механическая работа». Эта фраза снова свидѣтельствуетъ, что г. Дмитріевъ смотритъ на свой трудъ оптимистически. Въ самомъ дѣлѣ, для составленія тѣхъ картъ, которыя я прилагаю къ своей рецензіи, мнѣ пришлось потратить значительное количества труда, и при томъ далеко не механическаго. Я считаю себя въ правѣ прямо сказать, что «Пермская Старина» мало помогла мнѣ въ этомъ трудѣ. Я работалъ почти исключительно по писцовымъ книгамъ и, если иногда, затрудняясь опредѣлить мѣстоположеніе того или другого населеннаго пункта, я обращался къ труду г. Дмитріева, то очень рѣдко находилъ тамъ нужное мнѣ указаніе. Между тѣмъ именно на такія-то указанія и слѣдовало автору обратить преимущественное вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сообщаетъ, что, объѣздивъ всю Пермскую губернію, прекрасно изучилъ ее и знаетъ въ ней теперь каждый уголокъ. При такихъ условіяхъ г. Дмитріевъ успѣшнѣе, чѣмъ кто-либо, могъ выполнить задачу — опредѣлить точно, гдѣ именно находился каждый населенный пунктъ XVI—XVII вв. Человѣку, незнакомому съ Пермской губерніей эта задача иногда непосильна, такъ какъ самыя подробныя изъ имѣющихся въ продажѣ картъ (10 верстъ въ англійскомъ дюймѣ) часто бываютъ недостаточны. Этимъ и объясняется, почему на моихъ картахъ недостаетъ многихъ поселеній, упомянутыхъ въ писцовыхъ книгахъ (особенно въ Усольскомъ уѣздѣ).

Главное вниманіе г. Дмитріевъ сосредоточилъ на опредѣленіи границъ отдѣльныхъ становъ и уѣздовъ, и эти границы онъ описываетъ весьма подробно. Но откуда взяты эти границы? По нѣкоторымъ фразамъ г. Дмитріева можно подумать, что онъ прямо выписываетъ ихъ изъ писцовыхъ

Digitized by Google

книгъ. Однако и Яхонтовъ, и Кайсаровъ точно опредѣляютъ границы только Строгановскихъ земель, а относительно остальныхъ частей Пермскаго края никакихъ границъ не даютъ. Объ этихъ границахъ приходится догадываться уже на основаніи расположенія населенныхъ пунктовъ. Тщательно провѣривъ границы, данныя г. Дмитріевымъ, я долженъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ съ нимъ нельзя не согласиться. Онъ видимо много потрудился надъ этой частью своей работы и достигъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Однако, сравнивая мои карты съ соотвѣтствующими страницами «Пермской Старины» легко усмотрѣть нѣкоторое разногласіе между тѣми и другими. Постараюсь объяснить, почему мнѣ казалось необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дать иныя границы.

Границей между Окологородным и Верхнимъ станами г. Дмитріевъ считаетъ р. Лызовку. По моему, границу надо провести южнѣе Лызовки, потому что къ югу отъ этой рѣки находимъ нѣсколько селеній, отнесенныхъ Яхонтовымъ къ Верхнему стану. Границу Верхняго стана, которую даетъ г. Дмитріевъ (I, стр. 79) физически невозможно нанести на карту: «рѣчка Вильва и на Вильвѣ деревня Ужинская, отсюда далѣе къ сѣверозападу слобода Кишконогова, погостъ Янидоръ, еще далѣе на западѣ Южная Кельтма и правый притокъ послѣдней р. Тимшеръ. Съ Южной Кельтмы граница поворачивала на сѣверо-востокъ, переходила рѣку Пильву» и т. д. Да и вообще г. Дмитріевъ, кажется, сильно преувеличиваетъ территорію Верхняго стана, раздвигая его до Тимшера на западъ и Чусовскаго озера на сѣверъ: населенные пункты этого стана не заходили западнѣе Пильвы и сѣвернѣе Ухтыма. Земли внѣ этихъ предѣловъ, отнесенныя въ «Пермской Старинѣ» къ Верхнему стану, несомнѣнно входили въ составъ Чердынскаго уѣзда, что ясно изъ слѣдующихъ словъ писцовой книги Яхонтова: «въ Чердынскомъ же уѣздѣ вверхъ по рѣкѣ по Колвѣ озеро Чусовое въ долину на 10 верстъ; а поперегъ на 5 верстъ; озеро Вокишъ, озеро Лиманъ, озеро Тимшеръ, въ длину по 3 версты, а поперегъ по верстѣ; а рыбу въ тѣхъ озерахъ ловятъ посадскіе люди и волостные крестьяне. Посадскихъ же и волостныхъ крестьянъ рыбная ловля въ рѣкѣ Камѣ отъ Верхкамскіе межи отъ рѣчки Порыша внизъ по Камѣ рѣкѣ до межи Камского Усолья до погоста Мошева. Въ рѣкѣ Вишерѣ отъ рѣки отъ Камы, вверхъ по Вишерѣ до Морчана. Въ рѣкѣ Колвѣ отъ усть-Вишеры вверхъ по Колвѣ рѣкѣ до озера Чусового[1])». Но нѣтъ никакого основанія этотъ пустынный районъ относитъ къ Окологородному или къ Верхнему стану. Мнѣ кажется, что правильнѣе причислить его къ отхожимъ землямъ Чердынскаго уѣзда.

1) Пермскія губернскія вѣдомости, 1878 г., № 93, стр. 533—534.

Digitized by Google

Границы Нижняго стана указаны у г. Дмитріева вѣрно. Границы отхожихъ земель Чердынскаго уѣзда трудно опредѣлить точно, да врядъ ли въ то время и существовали онѣ въ этомъ громадномъ пустырѣ. Я причислилъ къ отхожимъ землямъ только ту территорію, на которой были населенные пункты, либо угодья чердынцевъ.

Для Усольскаго уѣзда можно почти вполнѣ принять границы, установленныя «Пермской Стариной».

Относительно Строгановскихъ вотчинъ спору быть не можетъ, такъ какъ ихъ предѣлы точно указаны какъ въ жалованныхъ грамотахъ, такъ и въ писцовыхъ книгахъ. Однако въ концѣ XVI в. Строгановы далеко еще не заселили всѣхъ обширныхъ земель, пожалованныхъ имъ Грознымъ. Въ виду этого я покрылъ сплошной краской только ту часть ихъ владѣній, которую они дѣйствительно эксплуатировали въ указанную эпоху, остальныя же земли, правами на которыя они еще не успѣли воспользоваться, и часть которыхъ занята была тяглыми крестьянами Чердынскаго уѣзда, я только обвелъ синимъ ободкомъ. Для установленія этой послѣдней границы я воспользовался картой Пермскаго края, составленной въ 1734—1736 гг. (Помѣщена въ «Пермскомъ краѣ, сборникѣ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемомъ Пермскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціею Д. Смышляева. Томъ II. Пермь. 1893»).

Далѣе г. Дмитріевъ приводитъ и разбираетъ свидѣтельства грамотъ, имѣющія нѣкоторое историко-географическое значеніе, и въ заключеніе повторяетъ вкратцѣ «всѣ границы древней Перми Великой въ ихъ совокупности». Въ общемъ можно признать эти границы правильными, только я назвалъ бы данную территорію Чердынскимъ воеводствомъ, а не Пермью Великой, такъ какъ послѣднее названіе, какъ кажется, прилагалось только къ Чердынскому уѣзду, а не ко всему Пермскому краю XVI—XVII вв.

Свои выводы относительно административнаго раздѣленія Чердынскаго воеводства г. Дмитріевъ формулируетъ въ 4 положеніяхъ, изъ которыхъ три послѣднія слѣдуетъ признать вѣрными, но первое возбуждаетъ полное недоумѣніе. Вотъ оно: «Съ древнѣйшихъ временъ до XV столѣтія Пермь Великая-Чусовая, составляя одинъ «Пермскій—Чердынскій уѣздъ», дѣлилась по управленію на 4 части: а) станъ Окологородный, б) станъ Верхній, в) станъ Нижній, г) округъ Отхожій, простиравшійся первоначально отъ южной границы Нижняго стана едва ли не на всю обширную, но въ тѣ времена пустынную область Перми Великой до р. Чусовой». (I, стр. 143).

Прежде всего замѣчу, что съ древнѣйшихъ временъ и до конца XIV в. мы не имѣемъ ровно никакихъ извѣстій не только объ административномъ дѣленіи Перми Великой, но даже и вообще объ ея существованіи. Затѣмъ,

Digitized by Google

въ XV в. Пермь Великая является въ видѣ особаго владѣнія, вассальнаго сначала Новгороду Великому, а затѣмъ Москвѣ, и управляемаго собственными князьями, слѣдовательно ни о какомъ Пермскомъ-Чердынскомъ уѣздѣ въ XV в. и рѣчи быть не можетъ. Далѣе, о раздѣленіи Пермскаго уѣзда на 4 стана мы узнаемъ впервые изъ писцовыхъ книгъ Яхонтова 1579 г. и не имѣемъ рѣшительно никакого основанія предполагать такое же раздѣленіе не только въ древнѣйшія времена, но даже и въ XV вѣкѣ. Наконецъ, крайне сомнительно, чтобы Пермь Великая простиралась въ первые вѣка своего историческаго существованія до Чусовой. Выше мы видѣли, на какомъ шаткомъ основаніи держится этотъ выводъ г. Дмитріева, а теперь, имѣя передъ глазами карту Пермскаго края конца XVI в., мы можемъ на основаніи ея высказать еще нѣсколько возраженій противъ гипотезы г. Дмитріева.

Вглядываясь въ эту карту, мы замѣтимъ, что главная масса населенія въ Чердынскомъ уѣздѣ сосредоточена на Камѣ, между Пильвой и Боровой и на низовьяхъ Колвы и Вишеры. Гораздо менѣе поселеній находимъ въ бассейнахъ Косы и Луньи, еще менѣе на Иньвѣ и всего 2 на Обвѣ; къ востоку отъ Камы, въ бассейнахъ Яйвы и Косьвы видимъ всего три населенныхъ пункта. Такимъ образомъ Чердынскія поселенія даже въ концѣ XVI в. не достигаютъ Чусовой, по которой разбросано незначительное количество деревень, основанныхъ уже Строгановыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ, что главная масса населенія сосредоточена на сѣверѣ, а чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ рѣже становятся поселки. Между тѣмъ при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ современной картой Перискої губерніи выясняется совершенно противоположный фактъ: наиболѣе густо заселенными оказываются именно пустынные въ XVI в. бассейны Иньвы, Обвы и Чусовой, а къ сѣверу населеніе сильно рѣдѣетъ. Чердынскій уѣздъ кажется совсѣмъ пустыннымъ по сравненію съ южными уѣздами. Да оно и понятно: богатые бассейны Иньвы, Обвы и Чусовой имѣютъ слишкомъ много преимуществъ сравнительно съ угрюмой природой Чердынскаго края. Это обстоятельство вполнѣ удовлетворительно объясняетъ, почему въ теченіе XVII и XVIII вв. центръ Пермскаго края, а вмѣстѣ съ нимъ и наибольшая масса населенія передвинулись съ сѣвера на югъ. Но это же обстоятельство дѣлаетъ крайне невѣроятнымъ предположеніе обратнаго процесса для болѣе ранней эпохи. Было бы весьма странно, если бы въ періодъ до XVI вѣка пермяки, занимавшіе первоначально бассейны Чусовой, Обвы и Иньвы, покинули эту область и промѣняли ее на Чердынскій край. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что въ XVII и послѣдующихъ вѣкахъ продолжался начавшійся гораздо раньше процессъ движенія пермяковъ съ сѣвера на югъ.

Digitized by Google

Выше я собралъ факты, которые дѣлаютъ вѣроятною гипотезу о движеніи пермяковъ отъ Бѣлаго моря въ бассейнъ Вычегды. Изъ Вычегды же существуетъ торный водный путь въ бассейнъ Камы. Притокъ Вычегды, Усть-Немъ приводитъ къ Бухонину волоку, за которымъ протекаетъ Березовка. Черезъ Березовку, Чусовское озеро и Вышерку попадаетъ въ Колву, на которой сейчасъ же къ югу отъ устья Вышерки начинались довольно густыя пермяцкія поселенія. Если пермяки двигались въ Камскій бассейнъ съ Вычегды, то именно тутъ и должны были они прежде всего утвердиться. И дѣйствительно, древнѣйшее лѣтописное извѣстіе о Перми Великой, которое я разобралъ выше, называетъ города Искоръ, Покчу и Чердынь — всѣ расположенные на Колвѣ ниже Вышерки. Я думаю, что древнѣйшая Пермь Великая и сосредоточивалась именно на низовьяхъ Колвы и Вишеры да на прилежащихъ частяхъ Камы, т. е. занимала ту территорію, которая въ Яхонтовскихъ писцовыхъ книгахъ образуетъ Окологородный, Верхній и Нижній станы Чердынскаго уѣзда. Отхожія земли были колонизированы пермяками уже позже, и поселенцы шли сюда именно изъ Чердыни.

Приведу выдержку изъ одной грамоты 1639 г., которая ярко рисуетъ причины, подъ давленіемъ которыхъ совершалось передвиженіе народонаселенія изъ Чердынскаго края на югъ. Вотъ что пишутъ чердынцы о жителяхъ Обвинскаго и Ильвенскаго (Инвенскаго) бассейновъ: «а въ сошномъ де письмѣ они (обвинцы и ильвенцы) передъ ними (чердынцами) живутъ въ великой льготѣ, потому что изо многихъ мѣстъ къ нимъ на Обву и на Ильву крестьяне селятся многіе, и пашни у нихъ великія, и мѣсто теплое, и земли родимыя, и хлѣбъ и медъ и хмель у нихъ родится по вся годы; а у нихъ де у пермичь мѣсто подкаменное, студеное, хлѣбъ не родится, побиваетъ морозъ по вся годы, и отъ нашихъ денежныхъ сборовъ, и отъ сибирскихъ отпусковъ, и отъ сибирскихъ же хлѣбныхъ запасовъ, и отъ новоприбылыхъ отъѣзжихъ службъ, и отъ хлѣбнаго недобору они пермичи обнищали и одолжали великими долги и врознь разбрелись по лготнымъ мѣстамъ и къ нимъ на Обву и на Илву»[1]).

Наконецъ, напомню еще одинъ фактъ, подтверждающій предположеніе, что поселенія пермяковъ на Вычегдѣ древнѣе, чѣмъ на Камѣ: въ противуположность Камской, Великой Перми, Вычегодская Пермь называется «Старой». Такого эпитета она, очевидно, не могла бы носить, если бы была моложе Великой Перми.

Заканчивая разборъ главы о границахъ и административномъ дѣленіи Пермскаго края, я долженъ сказать, что въ этой части работы г. Дмитрі-

1) В. Шишонко. Пермская лѣтопись. Второй періодъ. Пермь, 1882, стр. 418.

Digitized by Google

еву удалось добиться нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ. Во-первыхъ, онъ довольно прочно устанавливаетъ значеніе историко-географическихъ терминовъ, которые до сихъ поръ смѣшивались, во-вторыхъ, пользуясь вполнѣ надежнымъ источникомъ, опредѣляетъ границы Чердынскаго воеводства въ XVI—XVII вв. Несмотря на нѣкоторыя неточности въ томъ и другомъ отношеніи, своевременно мною отмѣченныя, все-таки г. Дмитріевъ дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно со своими предшественниками. Что же касается до размѣровъ Перми Великой до XVI вѣка, то тутъ выводы г. Дмитріева далеко не столь цѣнны и, во всякомъ случаѣ, требуютъ еще тщательной провѣрки.

Послѣдняя глава I-го выпуска «Пермской Старины» посвящена «управленію древней Перми Великой до XVII вѣка». Въ ней авторъ сначала останавливается на церковномъ управленіи и разсматриваетъ церковныя отношенія между Великой Пермью—Чердынью и Старой Пермью—Усть-Вымомъ, при чемъ почти исключительное вниманіе обращаетъ на то, чтобы подтвердить свое «основное положеніе о географической обособленности Перми Чусовой (вѣрнѣе Камской) отъ Перми Вычегодской». Въ виду этого собственно церковное управленіе въ Пермскомъ краѣ оказывается обойденнымъ. Но г. Дмитріевъ и не считаетъ нужнымъ подробнѣе остановиться на немъ, потому что это «можетъ составить предметъ особой монографіи». Однако врядъ ли авторъ имѣлъ право уклониться отъ такой задачи, разъ онъ поставилъ себѣ цѣлью всестороннюю исторію Пермскаго края.

Переходя къ гражданскому управленію г. Дмитріевъ указываетъ «въ политической жизни древней Пермской страны 3 главныхъ періода: 1) періодъ полной политической автономіи, 2) періодъ новгородской зависимости и 3) періодъ московской зависимости и полнаго обрусѣнія края» (стр. 151). Исторія древнѣйшаго, перваго періода немногосложна; вся она заключается въ одной, и то чисто гипотетической фразѣ: «Въ глубокой древности Пермь управлялась независимо своими князьями» (стр. 152). Дѣйствительно, про общественный бытъ пермяковъ въ періодъ ихъ самостоятельности нѣтъ абсолютно никакихъ письменныхъ источниковъ, и судить объ этомъ можно было бы только по даннымъ языка и археологіи. Но г. Дмитріевъ ни къ тому, ни къ другому источнику не прибѣгаетъ.

Дальнѣйшее изложеніе страдаетъ нѣкоторой сбивчивостью и отрывочностью, и г. Дмитріевъ, начавъ говорить о новгородскомъ періодѣ, скоро переходитъ къ московскому, потомъ опять къ новгородскому — и такъ нѣсколько разъ. Для характеристики новгородскаго управленія Пермью авторъ пользуется выпиской изъ «Сѣверноруссихъ народоправствъ» Н. И. Костомарова и отъ себя ничего существеннаго не прибавляетъ. Затѣмъ переходитъ къ постепенному утвержденію въ Перми московскаго вліянія

Digitized by Google

и устанавливаетъ фактъ, впрочемъ уже не новый, что «переходъ отъ новгородской зависимости къ московской въ Перми совершался постепенно» (стр. 157). Далѣе г. Дмитріевъ обращается къ списку пермскихъ князей и княгинь, сохранившемуся въ синодикѣ чердынской Іоанно-Богословской церкви. Нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ въ этомъ синодикѣ князей автору удается отождествить съ личностями, извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ, а относительно остальныхъ никакихъ свѣдѣній не оказывается. Что касается до характера власти пермскихъ князей и до политическихъ отношеній между князьями, сидѣвшими одновременно въ разныхъ городахъ Камской и Вычегодской Перми, то этихъ вопросовъ г. Дмитріевъ даже и не затрогиваетъ. Послѣ этого авторъ обѣщаетъ заняться пермской администраціей при московскихъ намѣстникахъ, но опять отвлекается въ сторону и берется за вопросъ о древнѣйшихъ туземныхъ и русскихъ поселеніяхъ въ Пермскомъ краѣ. Древнѣйшимъ туземнымъ поселеніемъ г. Дмитріевъ объявляетъ Чердынь, хотя нѣсколько строкъ выше совершенно справедливо замѣтилъ, что «этотъ вопросъ даже приблизительно не можетъ быть рѣшенъ, за совершеннымъ отсутствіемъ историческихъ данныхъ» (стр. 167). Древнѣйшимъ русскимъ поселеніемъ г. Дмитріевъ, вслѣдъ за Берхомъ, считаетъ Соликамскъ. Далѣе находится списокъ чердынскихъ и Соликамскихъ воеводъ 1505—1636 гг., заимствованный изъ труда протоіерея Луканина: «Церковно-историческое и археологическое описаніе города Соликамска». Слѣдуютъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ описанію тѣхъ злоупотребленій, которыя совершали пермскіе воеводы, опираясь на «вредный обычай кормленія», а затѣмъ г. Дмитріевъ останавливается на любопытной уставной грамотѣ чердынцевъ и усольцевъ, но и изъ нея опять-таки извлекаетъ преимущественно тѣ данныя, которыя характеризуютъ воеводскія злоупотребленія. На цѣнные факты, сообщаемые этой грамотой относительно суда, торговли и обложенія пермяковъ, авторъ обращаетъ мало вниманія, равно какъ тщательно обходитъ вопросъ и о старинныхъ грамотахъ пермскихъ князей, которыя упоминаетъ эта уставная грамота. Заканчивается выпускъ перечисленіемъ югорскихъ набѣговъ на Пермскій край. Этотъ перечень, которому авторъ придаетъ громкое названіе «Эпопеи кровавой борьбы русскихъ съ исконными жителями обоихъ склоновъ Урала»,—этотъ перечень ничѣмъ не связанъ съ предыдущимъ изложеніемъ и совершенно излишенъ, такъ какъ на той же борьбѣ г. Дмитріеву приходится подробнѣе остановиться въ V выпускѣ «Пермской Старины», въ главѣ о покореніи угорскихъ странъ.

Въ общемъ, о VI главѣ перваго выпуска «Пермской Старины» слѣдуетъ сказать, что она составлена поверхностно и въ значительной степени компилятивно.

Digitized by Google

II выпускъ «Пермской Старины» посвященъ исторіи Пермскаго края въ XVII вѣкѣ, но въ первой главѣ авторъ еще разъ возвращается къ вопросу о пермскихъ границахъ. Тутъ онъ разсматриваетъ, какое значеніе въ этомъ вопросѣ могутъ имѣть старыя географическія карты. Конечно, если бы г. Дмитріевъ строго придерживался разъ установленнаго плана, то этой главѣ несомнѣнно надо было бы отвести мѣсто въ первомъ выпускѣ, но онъ, приступая къ вопросу о границахъ Перми Великой, совершенно еще не былъ знакомъ со старинными картами и только по выходѣ въ свѣтъ I выпуска замѣтилъ этотъ пробѣлъ, который и поспѣшилъ восполнить. Разсмотрѣніе картъ привело г. Дмитріева къ тому выводу, что онѣ «мало (чтобъ не сказать ничего[1]) даютъ намъ новыхъ свѣдѣній сравнительно съ важнѣйшими источниками—писцовыми книгами и грамотами» (стр. 33). Выводъ совершенно правильный, и я вполнѣ раздѣляю его. Но я не могу не отмѣтить того необъяснимаго и совершенно неподходящаго тона рѣзкой полемики, въ который впадаетъ г. Дмитріевъ, доказывая малое значеніе источниковъ этого рода. Такъ, про карты Герберштейна онъ говоритъ, что онѣ «не даютъ намъ ничего, кромѣ чудовищныхъ ошибокъ и несообразностей; мы должны совершенно игнорировать этотъ источникъ ошибокъ и заблужденій» (стр. 12). Еще рѣзче отзывъ о картѣ Герарда: «вотъ какой невообразимый сумбуръ представляетъ собою на картѣ 1614 г. русскій сѣверовостокъ. Въ отношеніи самаго грубаго незнанія этой части Россіи Герарду, по сравненію съ Герберштейномъ, даже принадлежитъ пальма первенства» (стр. 14). Вотъ какую благодарность заслужилъ отъ г. Дмитріева тотъ самый Герберштейнъ, трудъ котораго такъ много даетъ именно для русской исторической географіи!

Во второй главѣ г. Дмитріевъ говоритъ объ «области пермско-зырянскаго населенія въ XVII вѣкѣ». Тутъ онъ сначала приводитъ административное раздѣленіе Камской Перми въ XVII вѣкѣ, а затѣмъ указываетъ и другія области, въ которыхъ мы находимъ въ то же время, или даже ранѣе, поселенія народовъ пермской группы: уѣзды Пустозерскій, Еренскій, Сольвычегодскій, Мезенскій, Кеврольскій и др. Факты собраны довольно тщательно, но автору, повидимому, осталось неизвѣстно, что еще въ первой половинѣ XVI вѣка пустозерскіе пермяки распространились по прибрежьямъ Ледовитаго океана до Чесской губы и Кольскаго полуострова, оттѣснивъ самоѣдовъ, жившихъ по рѣкамъ Волонгѣ, Индигѣ, Пеглѣ, Желѣзной и др.[2]).

1) Курсивъ г. Дмитріева.

2) «Жалованная несудимая грамота Канинскимъ и Тіунскимъ самоѣдамъ». А. Э., I, № 204. 1545 г.

Digitized by Google

Поселенія пермяковъ на Вашкѣ и Пинегѣ, извѣстныя намъ съ XV вѣка, г. Дмитріевъ считаетъ позднѣйшими колоніями вычегодскихъ пермяковъ, впрочемъ, не приводитъ въ подтвержденіе этого никакихъ доказательствъ. Дѣйствительно, времени возникновенія этихъ поселеній мы не знаемъ. Не будетъ ли вѣрнѣе видѣть въ нихъ остатки того пермскаго племени, которое еще въ IX вѣкѣ, по словамъ Оттара, жило густой массой на низовьяхъ Сѣверной Двины? Въ такомъ случаѣ вашскіе и пинежскіе пермяки дали бы лишнее подтвержденіе выставленной мною гипотезѣ о древнѣйшихъ обиталищахъ пермскаго племени.

Главная часть II-го выпуска «Пермской Старины» — третья и четвертая главы, которыя занимаютъ $^3/_4$ всего выпуска. Эти главы — безусловно лучшія во всей «Пермской Старинѣ». Авторъ поставилъ себѣ въ нихъ простую и опредѣленную задачу, для выполненія которой располагалъ чрезвычайно обильнымъ матеріаломъ, какъ рукописнымъ, такъ и печатнымъ, и вполнѣ справился съ ней. А задача заключалась вотъ въ чемъ. Г. Дмитріевъ раздѣлилъ Камскую Пермь на шесть отдѣльныхъ округовъ: Чердынскій уѣздъ, Усольскій уѣздъ, Кайгородскій уѣздъ, вотчины Строгановыхъ, владѣнія Пыскорскаго монастыря, владѣнія Соликамскаго монастыря. Затѣмъ онъ останавливается на каждомъ изъ этихъ округовъ въ отдѣльности и старается прослѣдить, съ одной стороны, тѣ территоріальныя измѣненія, которыя претерпѣвалъ онъ въ XVII в., а съ другой — движеніе народонаселенія въ немъ, т. е. успѣхи колонизаціи въ Пермскомъ краѣ. Богатый матеріалъ для этого даютъ г. Дмитріеву писцовыя книги, а также жалованныя и судныя грамоты. Обильныя выписки изъ этихъ документовъ и комбинаціи цифровыхъ данныхъ, заключающихся въ нихъ, даютъ автору возможность нарисовать рельефную картину, лучшими частями которой слѣдуетъ считать развитіе монастырскаго землевладѣнія и ростъ Строгановскихъ вотчинъ со всѣми трагическими и часто невѣроятными, но дѣйствительно бывшими эпизодами этой драмы.

Я назвалъ задачу, поставленную г. Дмитріевымъ въ главахъ, о которыхъ я говорю, простой, потому что она рѣшается на основаніи матеріала, который своей достовѣрностью исключаетъ необходимость критической его провѣрки, а обиліемъ — избавляетъ автора отъ необходимости прибѣгать къ гипотетическимъ построеніямъ. Все дѣло заключается только въ томъ, чтобы тщательно собрать матеріалъ и умѣло сгруппировать его. Какъ я уже сказалъ, г. Дмитріевъ сумѣлъ сдѣлать и то, и другое, и, конечно, третья и четвертая главы разбираемаго выпуска составляютъ цѣнный вкладъ въ исторію Пермскаго края. Противъ этихъ главъ можно сдѣлать только одно возраженіе. Раздробивъ Пермскій край на цѣлый рядъ частей и говоря о каждой особо, авторъ иногда принужденъ бываетъ

Digitized by Google

прибѣгать къ повтореніямъ. Такъ, ему пришлось два раза говорить о первомъ башкирскомъ бунтѣ, такъ какъ отъ него пострадали вотчины и Пыскорскаго монастыря и Соликамскаго Вознесенскаго, а каждому изъ этихъ монастырей посвященъ особый отдѣлъ. Неоднократно встрѣчаемъ повторенія и въ исторіи Строгановскихъ вотчинъ, которую авторъ также дробитъ по отдѣламъ, посвящая по особому отдѣлу каждому изъ членовъ именитой фамиліи. Въ виду этого, когда какое-нибудь событіе касается нѣсколькихъ представителей этой семьи, г. Дмитріеву приходится говорить о немъ въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, причемъ, конечно, повторенія неизбѣжны.

Далеко не столь сочувственно вынужденъ я отозваться о пятой, послѣдней главѣ II-го выпуска «Пермской Старины» («Управленіе Перми Великой въ XVII столѣтіи»). Она, какъ и послѣдняя глава I-аго выпуска, распадается на двѣ части: первая посвящена церковному управленію, вторая — гражданскому. Сначала авторъ останавливается на причинахъ, вызвавшихъ отдѣленіе Пермскаго края отъ Вологодской епархіи и присоединеніе его къ Вятской, потомъ незамѣтно сбивается на свою любимую тему о заблужденіи ученыхъ, смѣшивающихъ Пермь Великую съ Пермью Вычегодской и кончаетъ тѣмъ, что отказывается подробно остановиться на исторіи Перми въ XVII вѣкѣ въ церковномъ отношеніи, «такъ какъ это можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія» (стр. 226). Что же касается до отдѣла, посвященнаго гражданскому управленію, то онъ и начинается и кончается тѣмъ же заявленіемъ, что «этотъ сложный вопросъ составитъ со временемъ предметъ особаго изслѣдованія» (стр. 226 и 233). Въ виду этого г. Дмитріевъ ограничивается перечисленіемъ соликамскихъ и чердынскихъ воеводъ, заимствованнымъ изъ вышеупомянутой книги Луканина, да такимъ же голымъ перечнемъ воеводъ кайгородскихъ, составленнымъ В. В. Голубцовымъ.

Припомнимъ, что какъ разъ въ предисловіи къ этому выпуску г. Дмитріевъ приписываетъ своему труду систематичность, полноту и универсальность.

Во второмъ выпускѣ «Пермской Старины» г. Дмитріевъ дошелъ до конца XVII вѣка и, какъ видно изъ предисловія къ этому выпуску, считалъ исторію Перми Великой законченой, такъ какъ къ началу XVIII в. этотъ терминъ, по его же собственнымъ словамъ, выходитъ изъ употребленія. Но одно случайное обстоятельство заставило автора «Пермской Старины» явно нарушить систему своего изложенія и вернуться назадъ. Въ его руки попала новѣйшая копія съ пермскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова и Кайсарова, и эта случайность натолкнула г. Дмитріева на мысль написать «экономическіе очерки Перми Великой». Что же представляютъ эти экономическіе очерки?

Digitized by Google

III-ій выпускъ «Пермской Старины» распадается на четыре главы: первая посвящена Чердыни, вторая — Чердынскому уѣзду, третья — Соликамску, четвертая — Соликамскому уѣзду. Въ каждой главѣ авторъ пересказываетъ сначала относящуюся къ данному городу или уѣзду часть Яхонтовской писцовой книги, а потомъ — соотвѣтствующую часть книги Кайсарова и затѣмъ отмѣчаетъ разницу между той и другой. Я умышленно употребилъ слово «пересказываетъ», желая оттѣнить то обстоятельство, что г. Дмитріевъ предлагаетъ читателю въ III-мъ выпускѣ не обработку писцовыхъ книгъ, а прямо сырой матеріалъ, только перефразируя его и стараясь смягчить его сухость стилистическими украшеніями. Доказательствомъ того, что авторъ мало прибавляетъ отъ себя къ тексту писцовыхъ книгъ, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: приложивъ въ концѣ выпуска подлинный текстъ писцовой книги Яхонтова по Соликамску и Соликамскому уѣзду, г. Дмитріевъ самъ сознался, что въ обозрѣніи экономическаго состоянія Усольскаго уѣзда въ 1579 г. ему придется быть краткимъ, во избѣжаніе повторенія.

Авторъ настолько рабски слѣдуетъ за текстомъ писцовыхъ книгъ, что иногда даже цифровые итоги беретъ прямо изъ нихъ, не подвергая ихъ повѣркѣ, хотя каждому, работавшему надъ писцовыми книгами, извѣстно, какъ часто въ этомъ источникѣ приходится наталкиваться на итоги невѣрные. Чтобъ не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

На стр. 9 сказано, что отхожей пашни у чердынцевъ было 140 четей, между тѣмъ какъ изъ приведеннаго выше подробнаго перечня отхожихъ земель получается итогъ въ $157^{7}/_{16}$ чети.

На стр. 10 читаемъ: «всей земли пахатной чердынцы имѣли при Кайсаровѣ 339 четей», а правильный итогъ $= 356^{11}/_{16}$ чети.

На стр. 15: «Всего съ лавокъ, амбаровъ и кузницъ Чердынь платила 9 руб. 19 ал. $1^{1}/_{2}$ д.», а должно быть: 9 р. 23 ал. $4^{1}/_{2}$ д. и т. д.

Впрочемъ, я не увѣренъ, это погрѣшность въ денежныхъ итогахъ допущена писцовыми книгами; очень возможно, что въ этомъ виноватъ и самъ г. Дмитріевъ, который обнаруживаетъ полное неумѣнье справляться со стариннымъ счетомъ на алтыны и деньги. Онъ, «для точности счисленія», вводитъ еще и копѣйки, чѣмъ, конечно, значительно затрудняетъ оперированіе надъ цифрами. Кромѣ того, благодаря этому же пріему, онъ доходитъ до совершенно невозможныхъ ариѳметически составныхъ именованныхъ чиселъ, какъ напримѣръ, 7 руб. 22 алт. *16 коп.* $^{1}/_{2}$ деньги, 9 руб. 14 алт. *15 коп.* $1^{1}/_{2}$ деньги, 148 руб. *3 коп.* $1^{1}/_{2}$ деньги. Дѣло въ томъ, что 1 алтынъ $=$ 3 копѣйкамъ, поэтому въ составномъ именованномъ числѣ никогда не можетъ быть болѣе 2 коп., такъ какъ 3 коп. должно превратить уже въ алтынъ. Вполнѣ понятно, что, оперируя надъ такими сложными

Digitized by Google

цифрами, г. Дмитріевъ сбивается со счету и изъ трехъ вышеприведенныхъ чиселъ получаетъ сумму = 165 руб. 13 алт. *4 коп.* $1^1/_2$ д., что на нашъ счетъ составитъ 165 руб. $43^3/_4$ коп. Между тѣмъ дѣйствительная сумма этихъ чиселъ = 165 р. 4 алт. 1 коп. $1^1/_2$ д. или 165 руб. $13^3/_4$ коп.

Такимъ образомъ пересказъ писцовыхъ книгъ, сдѣланный г. Дмитріевымъ, не только не облегчаетъ работы будущему изслѣдователю, который захотѣлъ бы воспользоваться этимъ источникомъ, но даже усложняетъ ее, заставляя на каждомъ шагу провѣрять цифры г. Дмитріева. По моему мнѣнію, авторъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы вмѣсто пересказа напечаталъ подлинный текстъ Яхонтовскихъ и Кайсаровскихъ книгъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ книгъ были уже напечатаны г. Шишонко въ «Пермскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», а потомъ отчасти перепечатаны въ изданіи того же г. Шишонко «Пермская лѣтопись». Но этотъ текстъ въ значительной степени отличается отъ рукописнаго текста, которымъ располагалъ г. Дмитріевъ, и притомъ, по мнѣнію послѣдняго, отличается въ невыгодную сторону. Свою рукопись г. Дмитріевъ считаетъ гораздо болѣе исправной и въ случаяхъ разногласія отдаетъ ей всегда предпочтеніе. Между тѣмъ это не совсѣмъ такъ. У меня въ рукахъ цѣлый рядъ фактовъ, которые показываютъ, что во многихъ случаяхъ текстъ г. Шишонко правильнѣе. Вотъ примѣры.

Одна изъ деревень Окологороднаго стана Чердынскаго уѣзда названа у г. Дмитріева на стр. 35 «Саитиново», а на стр. 59 «Санникова»; у г. Шишонко читаемъ: «Сакинова»[1]), что несомнѣнно правильнѣе, такъ какъ деревня Сакинова существуетъ до сихъ поръ, а ни Саитиновой, ни Санниковой нѣтъ.

Въ Нижнемъ станѣ г. Дмитріевъ упоминаетъ дважды деревню Мелентьеву (стр. 39 и 79); у г. Шишонко читаемъ: «Мелехина»[2]), что опять-таки вѣрнѣе, такъ какъ на берегу Камы до сихъ поръ есть деревня съ такимъ именемъ.

Въ отхожемъ районѣ у г. Дмитріева дважды поименована деревня Огга (стр. 41 и 90), а у г. Шишонко она названа Очга[3]); и снова послѣднее чтеніе вѣрнѣе.

Въ спискѣ г. Дмитріева пропущены шесть поселеній Усольскаго уѣзда, которыя однако всѣ поименованы у г. Шишонко[4]), равно какъ и починокъ Абрамовъ, который г. Дмитріевъ, положившись на свой текстъ, считаетъ основаннымъ послѣ Яхонтова (стр. 153), на самомъ дѣлѣ существовалъ уже при этомъ писцѣ[5]).

1) «Пермская лѣтопись», I, 84.
2) Ibid., 85.
3) Ibid., 86.
4) Ibid., 82—83.
5) Ibid., стр. 83.

Digitized by Google

Тѣмъ страннѣе тотъ пренебрежительный и недоброжелательный тонъ, которымъ г. Дмитріевъ отзывается о трудахъ г. Шишонко. Онъ тщательно отмѣчаетъ всѣ его неточности и каждый разъ при этомъ непремѣнно прибавляетъ колкую фразу о небрежности, невнимательности или невѣжествѣ своего предшественника. Да будетъ мнѣ позволено выразить то крайне тяжелое впечатлѣніе, которое произвела на меня эта столь откровенно выставляемая на глаза читателей непріязнь къ человѣку, работающему на томъ же поприщѣ и въ той же неблагодарной обстановкѣ, какъ и самъ г. Дмитріевъ. Какой пользы можно ожидать для науки, если мѣстные ученые, вмѣсто того, чтобы поддерживать другъ друга и посильно помогать въ научныхъ занятіяхъ, будутъ тратить время на безплодныя препирательства!...

Чтобы покончить съ III выпускомъ «Пермской Старины», я замѣчу еще, что какъ по матеріалу, на которомъ онъ основанъ, такъ и по содержанію, онъ, какъ я имѣлъ случай замѣтить еще выше, въ значительной степени совпалъ съ I выпускомъ, результатомъ чего, конечно, оказались частыя повторенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ выпускахъ идетъ рѣчь объ однихъ и тѣхъ же писцовыхъ книгахъ, въ обоихъ выпускахъ, главнымъ образомъ, сообщаются данныя о населенныхъ пунктахъ Пермскаго края въ концѣ XVI и началѣ XVII вв.

Въ общемъ, я долженъ замѣтить, что III-ій выпускъ «Пермской Старины» въ своемъ настоящемъ видѣ врядъ ли окажетъ много пользы будущему историку Пермскаго края, и во всякомъ случаѣ еще много придется потратить труда на то, чтобы сообщаемый въ немъ матеріалъ подвергнуть окончательной обработкѣ.

IV-ый выпускъ «Пермской Старины» озаглавленъ: «Строгановы и Ермакъ» и раздѣленъ на двѣ главы: 1) спорные вопросы въ первоначальной исторіи рода Строгановыхъ и 2) экономическое состояніе великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ на рубежѣ XVI и XVII вв. Изъ первой главы я выдѣляю вопросъ о роли Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири. Къ этому вопросу г. Дмитріевъ возвращается въ V-омъ выпускѣ своего труда и тамъ подвергаетъ его новому болѣе полному пересмотру. Въ виду этого обстоятельства я остановлюсь на немъ при разсмотрѣніи V-аго выпуска, а теперь обращусь къ остальнымъ спорнымъ вопросамъ, изложеннымъ г. Дмитріевымъ въ настоящемъ выпускѣ. Вотъ эти вопросы: а) о происхожденіи рода Строгановыхъ, б) что означало званіе «именитыхъ людей», в) объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II Темнаго, г) замѣтки Ѳ. А. Волегова по разнымъ другимъ вопросамъ въ исторіи рода Строгановыхъ.

Digitized by Google

Въ сущности, не было основанія выдѣлять всѣ эти вопросы въ отдѣльную главу. Гораздо умѣстнѣе было бы остановиться на нихъ въ соотвѣтствующихъ главахъ I и II выпусковъ, гдѣ идетъ рѣчь о возникновеніи землевладѣнія Строгановыхъ въ Пермскомъ краѣ и о ихъ генеалогіи. Единственная причина, по которой г. Дмитріевъ сдѣлалъ изъ «спорныхъ вопросовъ» особую эпизодическую главу, заключается въ томъ, что надъ ними работалъ мѣстный изслѣдователь первой половины нашего вѣка, Ѳ. А. Волеговъ, служившій управляющимъ на Строгановскихъ заводахъ. Какъ скромный и безкорыстный труженикъ на поприщѣ науки, Ѳ. А. Волеговъ имѣетъ полное право на наше уваженіе, и г. Дмитріевъ хорошо сдѣлалъ, извлекши его имя изъ мрака забвенія. Однако мы не должны преувеличивать значеніе этого дѣятеля. Всю жизнь занимаясь исторіей рода Строгановыхъ, Ѳ. А. Волеговъ успѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ весьма значительное количество разнообразныхъ документовъ, имѣвшихъ отношеніе къ его задачѣ. Въ виду этого въ его трудахъ (всѣ они остались въ рукописяхъ) мы часто встрѣчаемъ ссылки на источники, неизвѣстные другимъ изслѣдователямъ, но заключающіе въ себѣ весьма цѣнные факты. Вотъ въ чемъ надо видѣть главное значеніе трудовъ Волегова. Но, когда рѣчь заходитъ объ истолкованіи спорнаго текста или о примиреніи противорѣчивыхъ извѣстій, словомъ, когда приходится прибѣгать къ помощи исторической критики, — тогда мы рѣдко найдемъ у Волегова цѣнныя соображенія, которыя помогли бы намъ разобраться въ спорныхъ пунктахъ. Г. Дмитріевъ думаетъ иначе, — онъ считаетъ Волегова не только трудолюбивымъ и свѣдущимъ собирателемъ матеріаловъ, но и тонкимъ изслѣдователемъ, и отзывается обо всѣхъ его мнѣніяхъ съ явнымъ сочувствіемъ.

Вся глава построена такимъ образомъ: сначала г. Дмитріевъ приводитъ мнѣнія различныхъ писателей о данномъ вопросѣ, а затѣмъ подробно останавливается на воззрѣніяхъ Ѳ. А. Волегова, и наконецъ даетъ собственное резюме. Подборъ мнѣній произведенъ тщательно, даже болѣе тщательно, чѣмъ слѣдовало бы: г. Дмитріевъ беретъ не только взгляды, опредѣленно формулированные и подкрѣпленные доказательствами, но и отдѣльныя фразы, случайно оброненныя тѣмъ или другимъ ученымъ и не обоснованныя надлежащимъ образомъ. Собственныя резюме г. Дмитріева отличаются излишней осторожностью, которая иногда доходитъ до полной туманности и неопредѣленности.

Первый спорный вопросъ, о происхожденіи рода Строгановыхъ, сводится, собственно говоря, къ двумъ предположеніямъ. Одно, которое находимъ у писателей прошлаго вѣка, основано на легендѣ, сообщенной Исаакомъ Массою и выводящей Строгановыхъ изъ Золотой Орды. Но леген-

Digitized by Google

дарность этого сообщенія настолько очевидна, что въ нашемъ вѣкѣ никто уже и не настаивалъ на его справедливости. Вмѣсто того утвердилось прочно мнѣніе Устрялова о новгородскомъ происхожденіи именитой фамиліи, мнѣніе, которое и надо считать справедливымъ. Г. Дмитріевъ указываетъ только двухъ ученыхъ, которые не согласны съ этимъ — Соловьева и Костомарова. Но Соловьевъ причисленъ къ противникамъ происхожденія Строгановыхъ изъ Новгорода по ошибкѣ. Г. Дмитріева ввело въ заблужденіе слѣдующее мѣсто. Говоря о томъ, что Лука Строгановъ искалъ на новгородцахъ нѣкоторыхъ Двинскихъ земель, Соловьевъ замѣчаетъ: «искалъ ли Строгановъ этихъ земель потому, что онѣ находились у него на оброчномъ содержаніи, или потому, что былъ уполномоченъ искать ихъ отъ князей Московскаго и Ростовскаго, какъ извѣстный богатый, искусный въ дѣлахъ и знающій старину уроженецъ тѣхъ странъ,.. рѣшить нельзя». Совершенно ясно, что «тѣхъ странъ» — Двинскихъ земель, и что Соловьевъ, не изслѣдуя вовсе вопроса о происхожденіи рода Строгановыхъ, считаетъ Луку двинскимъ уроженцемъ. Г. Дмитріевъ почему-то предположилъ, что подъ «тѣми странами» Соловьевъ разумѣетъ владѣнія князей Московскаго и Ростовскаго и выводитъ Строгановыхъ изъ Московской либо Ростовской земли (IV, стр. 7). Что же касается до Костомарова, то въ его «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» дѣйствительно есть фраза: «отечество этого рода (Строгановыхъ) было въ старину Ростовская земля». Но эта фраза не подтверждается никакимъ изъ извѣстныхъ намъ источниковъ, а потому и не можетъ играть никакой роли въ вопросѣ о происхожденіи Строгановыхъ. Правда, г. Дмитріевъ догадывается, что Костомаровъ опирался на «Отказную грамоту новгородцевъ 1471 г.», но такая догадка для меня совершенно непонятна: въ этой грамотѣ нѣтъ ни слова о происхожденіи рода Строгановыхъ.

Въ виду всего вышесказаннаго я нахожу возможнымъ считать новгородское происхожденіе Строгановыхъ прочно установленнымъ и невполнѣ понимаю робкій тонъ, которымъ формулируетъ свое резюме г. Дмитріевъ: «предположеніе о новгородскомъ происхожденіи Строгановыхъ приходится пока признать наиболѣе правильнымъ» (стр. 11).

Второй вопросъ — что означало званіе «именитыхъ людей»? Главными противниками въ этомъ вопросѣ являются Устряловъ и Погодинъ. Первый настаивалъ на томъ, что титулъ «именитыхъ людей» имѣлъ опредѣленный юридическій смыслъ, создавалъ Строгановымъ исключительное положеніе въ Московскомъ государствѣ, образовывалъ изъ одной семьи отдѣльное сословіе. Погодинъ, наоборотъ, считалъ званіе «именитыхъ людей» только просто почетнымъ титуломъ, не имѣющимъ опредѣленнаго юридическаго содержанія: онъ повышалъ «честь» семьи, но не измѣнялъ ея обще-

Digitized by Google

ственнаго положенія, не давалъ Строгановымъ какихъ-нибудь особыхъ правъ.

Резюме г. Дмитріева ясно показываетъ, что онъ не понялъ самой сущности вопроса. По его мнѣнію, пожалованіе именоваться съ вичемъ не было исключительнымъ, а пожалованіе званіемъ именитыхъ людей принадлежало однимъ Строгановымъ (стр. 20). Но вѣдь объ этомъ никто и не спорилъ. Вопросъ не въ распространенности привилегіи, а въ юридическомъ смыслѣ ея.

Третій вопросъ—объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II Темнаго. Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ полагаютъ, что Строгановы дали только часть выкупной суммы, а Устряловъ и Волеговъ пытаются доказать, что именитые солевары уплатили одни всю сумму. Г. Дмитріевъ склоняется на сторону второй группы. Однако доказательства Устрялова и Волегова сводятся только къ тому, что у Строгановыхъ хватило бы средствъ выкупить великаго князя изъ плѣна, вопросъ же, дѣйствительно ли выкупили они одни остается открытымъ, да и не можетъ быть рѣшенъ по отсутствію положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ.

«Замѣтки Ѳ. А. Волегова по разнымъ другимъ вопросамъ въ исторіи рода Строгановыхъ» (стр. 63—72) представляютъ, главнымъ образомъ, мелкія фактическія поправки къ книгѣ Устрялова «Именитые люди Строгановы». Поправки эти, сдѣланныя на основаніи документовъ, которыхъ Устряловъ не зналъ, вполнѣ основательны и, конечно, съ благодарностью будутъ приняты будущимъ историкомъ Строгановыхъ.

Вторая глава IV-аго выпуска служитъ прямымъ продолженіемъ III-яго выпуска. Тамъ г. Дмитріевъ говорилъ объ экономическомъ состояніи Чердынскаго и Усольскаго уѣздовъ на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, тутъ онъ останавливается на экономическомъ состояніи Строгановскихъ вотчинъ за ту же эпоху и на основаніи тѣхъ же источниковъ — писцовыхъ книгъ Яхонтова и Кайсарова. Впрочемъ, книги Яхонтова по Строгановскимъ вотчинамъ въ распоряженіи г. Дмитріева не было, и ему пришлось воспользоваться выдержками изъ этого источника, которыя находятся въ Кайсаровской книгѣ и въ жалованной грамотѣ Строгановымъ отъ 25 іюля 1692 года.

Г. Дмитріевъ сначала приводитъ данныя Яхонтовской книги по отдѣльнымъ округамъ Строгановскихъ владѣній: Орловскому, Чусовскому, Сылвенскому и Яйвенскому, а затѣмъ приступаетъ къ выводу общаго итога и тутъ находитъ большое разногласіе между различными извлеченіями изъ писцовой книги Яхонтова. Это его наводитъ на мысль, что книга подлинная исчезла, а копіи съ нея существовали въ различныхъ редакціяхъ, изъ

Digitized by Google

которыхъ самой правильной ему кажется редакція, сообщаемая Кайсаровымъ. Но г. Дмитріевъ не замѣтилъ еще одного обстоятельства. Если сложить данныя, приводимыя имъ по отдѣльнымъ округамъ, то получится слѣдующая таблица.

	Деревень	Починковъ	Дворовъ	Пашни	Перелогу	Лѣсу пашен.	Сѣна
Орелъ-городокъ	3	4	100	128 ч.		118 д.	4.180 к.
Чусовая	5	16	40	182 ч.	51 ч.	225 д.	4.895 к.
Сылва	3	5	35	291 ч.	658 ч.	222 д.	4.725 к.
Яйва		3	15	389 ч.		112 д.	3.730 к.
Итогъ . . .	11	28	190	990 ч.	709 ч.	677 д.	17.530 к.

Полученный итогъ совершенно непохожъ ни на одинъ изъ разобранныхъ г. Дмитріевымъ. Что же это такое? Новая ли редакція Яхонтовской книги, или причина разногласія кроется въ ошибкѣ г. Дмитріева? И если это новая редакція, то откуда она взялась и не вѣрнѣе ли она Кайсаровской? Вотъ вопросы, рѣшенія которыхъ мы тщетно станемъ искать въ «Пермской Старинѣ».

Приведенный примѣръ, надѣюсь, достаточно ясно показываетъ, что цифровыми данными изъ писцовыхъ книгъ, которыя приводитъ г. Дмитріевъ, пользоваться крайне рисковано. А если это такъ, то какое же значеніе могутъ имѣть пространныя выдержки, которыми занятъ весь III-ій выпускъ, часть IV-аго и часть I-аго? Наконецъ, я долженъ замѣтить, что содержаніе Яхонтовскихъ писцовыхъ книгъ по вотчинамъ Строгановыхъ г. Дмитріевъ уже излагалъ въ I выпускѣ «Пермской Старины», пользуясь тѣми же извлеченіями изъ нихъ, какъ и въ разбираемомъ выпускѣ. Вслѣдствіе этого чуть не на каждой страницѣ второй главы III-яго выпуска повторяются снова тѣ же свѣдѣнія, которыя мы уже узнали изъ пятой главы I-аго.

Содержанія Кайсаровской писцовой книги авторъ не излагаетъ подробно, потому что въ приложеніи даетъ подлинный ея текстъ.

Перехожу къ V-ому выпуску. Онъ распадается на три главы: 1) Пермь и Югра въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Современное состояніе вопроса о древней Югрѣ; 2) Подчиненіе сѣверо-восточныхъ Угорскихъ земель Московской коронѣ и ихъ взаимныя отношенія; 3) Первоначальныя отно-

Digitized by Google

шенія русскихъ къ Сибири и постепенное утвержденіе въ ней русской власти.

Считая исторію сѣверо-западной части Пермской губерніи законченной въ IV выпускѣ «Пермской Старины», г. Дмитріевъ въ V-омъ выпускѣ приступаетъ къ исторіи Пермскаго Зауралья и прежде всего останавливается на племенахъ, жившихъ тутъ съ древнѣйшихъ временъ, и на постепенномъ покореніи ихъ подъ русскую власть. Первое племя, съ которымъ столкнулись русскіе за Ураломъ, и которое они подчинили своей власти, была Югра. Этому племени и удѣлена первая половина V-аго выпуска «Пермской Старины». Что касается до соображеній г. Дмитріева относительно области распространенія югорскихъ народовъ, то мнѣ пришлось уже коснуться этого въ началѣ моей рецензіи, и я не стану снова возвращаться къ этому вопросу. Отмѣчу только опять весьма важный пробѣлъ въ главахъ, посвященныхъ изученію Югры: это — полное отсутствіе какихъ бы то ни было данныхъ относительно образа жизни, нравовъ, вѣрованій и общественнаго быта югорскихъ племенъ. Правда, во второй главѣ разбираемаго выпуска спорадически попадаются строки, въ которыхъ авторъ говоритъ объ югорскихъ князьяхъ и объ ихъ отношеніяхъ между собою. Но, во-первыхъ, всѣ такія соображенія г. Дмитріева страдаютъ отрывочностью, приводятся только между прочимъ, среди описанія внѣшнихъ событій, во-вторыхъ, о самомъ характерѣ княжеской власти у Югры мы не находимъ ничего, а о междукняжескихъ отношеніяхъ находимъ только неопредѣленныя фразы (V, стр. 92—94, 100 и др.).

Главное содержаніе второй главы составляетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій о походахъ русскихъ въ югорскія земли. Сводъ этотъ составленъ весьма тщательно, и въ немъ мы найдемъ весь фактическій матеріалъ касательно внѣшнихъ сношеній русскихъ съ югорскими племенами. Но если бы мы захотѣли ознакомиться съ исторіей торговыхъ сношеній этихъ двухъ народовъ или прослѣдить культурное воздѣйствіе русскихъ на Югру, то въ этихъ отношеніяхъ «Пермская Старина», не дала бы намъ не только опредѣленной картины, но даже и отрывочныхъ фактовъ.

Ограничиваясь о первыхъ двухъ главахъ V-аго выпуска «Пермской Старины» этими краткими замѣчаніями, я позволю себѣ подробнѣе остановиться на томъ вопросѣ, который является центральнымъ въ IV и V-омъ выпускахъ, — на вопросѣ о покореніи Сибири.

Я уже дважды имѣлъ случай печатно высказаться о той части «Пермской Старины», которая посвящена этому вопросу[1]). Въ своихъ рецензіяхъ

1) Рецензіи на «Пермскую Старину»: на IV-ый выпускъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1893 г., Апрѣль, и на V в. — ibid., 1894 г., Іюль.

Digitized by Google

на IV и V выпуски я указывалъ на то, что вопросъ о покореніи Сибири, около вѣка уже составляющій предметъ споровъ между учеными, не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ послѣ разбора г. Дмитріева. Въ самомъ дѣлѣ, труды Небольсина, Соловьева и Иловайскаго показали, что каждое изъ трехъ возможныхъ рѣшеній даннаго вопроса имѣетъ совершенно одинаковое количество шансовъ pro и contra. Безпристрастно взвѣсивъ доводы всѣхъ названныхъ ученыхъ и ихъ предшественниковъ, я пришелъ къ заключенію, что имѣющихся въ нашемъ распоряженіи фактовъ недостаточно для того, чтобы опредѣленно примкнуть къ тому или другому мнѣнію. Въ IV-омъ выпускѣ «Пермской Старины» авторъ не привелъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ соображеній, а между тѣмъ нашелъ возможнымъ категорически признать преимущество Строгановской лѣтописи передъ другими, ничѣмъ не доказавъ недостовѣрности Есиповской и Ремезовской лѣтописей. Въ V выпускѣ, побуждаемый моими возраженіями, г. Дмитріевъ попытался привести нѣсколько новыхъ данныхъ въ подтвержденіе своей теоріи, но въ рецензіи на этотъ выпускъ я показалъ, сколь мало довѣрія заслуживаютъ вновь приводимыя моимъ оппонентомъ извѣстія. Я не буду повторять здѣсь своихъ прежнихъ доводовъ, а ограничусь только замѣчаніемъ, что они до сихъ поръ остались со стороны г. Дмитріева безъ опроверженія, и что, слѣдовательно я не имѣю основаній отказаться отъ своего основного положенія: вопросъ о покореніи Сибири еще не рѣшенъ и не можетъ быть рѣшенъ въ той постановкѣ, какую даетъ ему г. Дмитріевъ.

Вѣковыя усилія недюжинныхъ умовъ, направленныя на внѣшнюю критику источниковъ о покореніи Сибири, не привели къ прочнымъ выводамъ, и, по моему мнѣнію, одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что и впредь всякая работа въ томъ же самомъ направленіи рискуетъ остаться безплодной. Для того, чтобы достигнуть положительныхъ результатовъ необходимо либо отыскать новый, рѣшающій источникъ, либо измѣнить методъ изслѣдованія. Не имѣя въ своемъ распоряженіи новыхъ источниковъ, я предпочелъ второй путь и попытался внутреннимъ анализомъ опредѣлить составъ и происхожденіе сибирскихъ лѣтописей, надѣясь такимъ образомъ отыскать новые опорные пункты для оцѣнки извѣстій этихъ памятниковъ. Первые же мои шаги въ этомъ направленіи привели къ выводамъ, которые приняты г. Дмитріевымъ и даже признаны плодотворными. Но работа мной далеко еще не была окончена — я опредѣлилъ составъ и происхожденіе Строгановской и Есиповской лѣтописей, а относительно Ремезовской ограничился пока только нѣкоторыми отрывочными соображеніями, такъ что для того, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о покореніи Сибири, необходимо было сначала завершить мою работу. Г. Дмитріевъ не

Digitized by Google

захотѣлъ продолжать это дѣло, пользу котораго онъ самъ призналъ, а поэтому и всѣ его новые попытки рѣшить вопросъ, идя старымъ путемъ, остались столь же мало плодотворными, какъ и предшествующія.

Моя работа надъ анализомъ сибирскихъ лѣтописей не закончена и до сихъ поръ, однако за послѣднее время у меня накопилось нѣсколько новыхъ наблюденій, которыя я считаю нелишнимъ сообщить здѣсь.

Прежде всего сдѣлаю нѣсколько дополненій къ мыслямъ, высказаннымъ мной относительно Строгановской и Есиповской лѣтописей.

Запись Кипріана была составлена со спеціальной цѣлью — выяснить, кто именно изъ казаковъ и въ какомъ именно сраженіи былъ убитъ. Поэтому въ запись Кипріана вошли упоминанія только о тѣхъ битвахъ, въ которыхъ казаки понесли уронъ убитыми, а это случалось далеко не при каждомъ столкновеніи Ермаковой рати съ кучумлянами, благодаря превосходству вооруженія русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, излишне было бы вносить въ запись Кипріана подробныя свѣдѣнія о маршрутѣ Ермака и о всѣхъ прочихъ фактахъ, кромѣ сраженій.

Есиповъ положилъ въ основу своей лѣтописи запись Кипріана и, надо полагать, руководствуясь ей, собиралъ дополнительныя свѣдѣнія отъ участниковъ покоренія Сибири. При такой системѣ работы, весьма вѣроятно, что многія подробности похода Ермака могли ускользнуть и отъ Есипова, такъ что, во всякомъ случаѣ, нѣтъ основанія считать его лѣтопись самой полной, а всѣ новыя подробности, встрѣчаемыя въ другихъ лѣтописяхъ, напримѣръ въ Ремезовской, заподозривать только потому, что ихъ нѣтъ у Есипова. Столь же мало основаній считать непогрѣшимой хронологію событій, устанавливаемую этой лѣтописью.

Всѣ соображенія относительно полноты, высказанныя сейчасъ въ примѣненіи къ труду Саввы Есипова, вполнѣ приложимы и къ той части Строгановской лѣтописи, которая заимствована изъ Есиповской. Обращаясь къ первой половинѣ Строгановской лѣтописи, составленной преимущественно по царскимъ грамотамъ Строгановымъ, я долженъ сказать относительно ея источниковъ слѣдующее.

I-ая глава разсказываетъ, что самъ царь, озабоченный охраною Пермскаго края отъ нападеній немирныхъ инородцевъ, обратился къ Строгановымъ за совѣтомъ, какъ бы лучше организовать защиту этой отдаленной окраины; пользуясь такимъ случаемъ, Строгановы вызвались взять это трудное дѣло на себя. Однако такое изображеніе событій совершенно противорѣчитъ первой жалованной грамотѣ Строгановымъ, изъ которой ясно, что вычегодскіе солевары сами били челомъ царю о пожалованіи имъ земель въ Камскомъ бассейнѣ. Между тѣмъ эта грамота, несомнѣнно была извѣстна автору Строгановской лѣтописи. Для чего же онъ въ самомъ на-

Digitized by Google

чалѣ своего труда уклонился отъ истины? Конечно, потому, что для Строгановыхъ была гораздо болѣе лестна лѣтописная версія разсказа, чѣмъ дѣйствительное изображеніе событій въ грамотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ лѣтописи Строгановы являются не корыстными промышленниками, заботящимися о расширеніи своихъ вотчинъ, а благородными слугами престола, великодушно помогающими царю въ затруднительномъ положеніи. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ рукахъ еще одинъ случай умышленнаго уклоненія отъ истины, допущеннаго авторомъ Строгановской лѣтописи для вящшаго прославленія его именитыхъ покровителей.

Главы II—V представляютъ простой пересказъ царскихъ грамотъ.

Глава VI повѣствуетъ о бунтѣ черемисы на основаніи царской грамоты и тутъ же приводитъ выдержку изъ нея.

Глава VII, разсказывая о нападеніи на Пермь Маметкула, опять дословно воспроизводитъ отрывокъ изъ царской жалованной грамоты на Сибирь.

Главы VIII (о призваніи казаковъ), IX (о прибытіи ихъ), X (о нападеніи на Пермь Бегбелія), XI (о выступленіи казаковъ въ походъ на Сибирь), XII (о нападеніи на Пермь пелымскаго князя) — всѣ основаны не на царскихъ грамотахъ, въ которыхъ, впрочемъ, встрѣчаемъ упоминанія о призваніи Ермака, объ отправленіи его противъ Кучума и о нападеніи пелымскаго князя, но упоминается кратко, безъ тѣхъ подробностей, которыя находимъ въ Строгановской лѣтописи.

Мнѣ кажется, что факты, сообщаемые лѣтописью и не находимые въ грамотахъ, можно раздѣлить на двѣ категоріи: въ первую я отнесъ бы разсказы о нападеніяхъ Бегбелія и пелымскаго князя — бѣдствія общенародныя, о которыхъ память не могла скоро исчезнуть изъ среды прикамскаго населенія. Объ этихъ фактахъ авторъ Строгановской лѣтописи пишетъ, можетъ быть, на основаніи разсказовъ, ходившихъ въ народѣ. Трудно приписать такое же происхожденіе извѣстіямъ лѣтописи о призваніи Ермака, объ его связяхъ со Строгановыми и объ отправкѣ казаковъ въ Сибирь — тутъ, какъ кажется, надо предполагать другой источникъ.

Отмѣчу еще одинъ любопытный фактъ, что хотя, согласно съ IX-ой главой лѣтописи, во время нападенія Бегбелія Ермакъ и казаки находились уже въ Строгановскихъ вотчинахъ, отпоръ напавшимъ даютъ не Ермакъ и не казаки, а просто «Рустіи вои».

Теперь перехожу къ Ремезовской лѣтописи, которой до сихъ поръ я не могъ анализировать подробнѣе.

Начну съ описанія ея внѣшняго вида, потому что внимательное знакомство съ ней именно съ этой стороны приведетъ къ нѣкоторымъ результатамъ.

Digitized by Google

Ремезовская лѣтопись принадлежитъ къ типу лицевыхъ; она состоитъ изъ 39 листовъ или 78 страницъ; каждая страница раздѣлена пополамъ на 2 квадрата. Верхняя часть каждаго квадрата занята текстомъ, а нижняя— картинкой, иллюстрирующей текстъ. Такихъ картинокъ, а слѣдовательно и маленькихъ текстовъ или статей въ Ремезовской лѣтописи заключается 154. Всѣ статьи перенумерованы. Нумера стоятъ иногда надъ текстомъ, въ особой строкѣ, иногда въ строку съ текстомъ. Приглядываясь къ этой, повидимому, случайной разницѣ въ способѣ нумераціи, мы замѣтимъ слѣдующее:

1. На каждомъ листѣ находится по 4 статьи, но ни разу не наблюдается, чтобы на одномъ и томъ же листѣ были различные способы нумераціи: если нумера стоятъ сверху, то ужъ непремѣнно надъ всѣми статьями даннаго листа, а если нумера написаны въ строку, то опять-таки во всѣхъ четырехъ статьяхъ.

2. Надъ всѣми мѣстами, гдѣ нумера стоятъ надъ текстомъ, сверху имѣется надпись — «Исторія Сибирская». Наоборотъ, на листахъ, гдѣ нумера написаны въ строку съ текстомъ, такой надписи нѣтъ.

3. Листы, разнящіеся между собой по способу нумераціи статей, значительно отличаются другъ отъ друга также по почерку и по типу рисунковъ.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, можно съ большою вѣроятностью предполагать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ вклеенными листами. Такихъ вклеенныхъ въ разныхъ мѣстахъ листовъ насчитывается семь, а именно: листы 2, 13, 19, 20, 25, 35 и 36. Если, несмотря на эти вставки, нумерація все же остается непрерывной, то это объясняется вполнѣ удовлетворительно тѣмъ, что самъ Ремезовъ не нумеровалъ статей своей лѣтописи, а нумера выставлены именно тѣмъ лицомъ, которое позже произвело вклейки. Этимъ объясняется также и то, почему въ «исторіи Сибирской» нумера стоятъ не въ строку съ текстомъ, а проставлены сверху.

Если теперь обратиться къ самому содержанію лѣтописи, то догадка, высказанная только-что, получитъ сильное подтвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, первая вставка (л. 2) подробно повѣствуетъ о пребываніи Ермака въ Прикамскомъ краѣ, а слѣдомъ за ней снова идетъ разсказъ о томъ же, но уже краткій и не совсѣмъ согласный съ первымъ.

Вторая вставка (л. 13) прямо разрываетъ повѣствованіе Ремезова о взятіи Карачина улуса. Это повѣствованіе начинается въ 48 статьѣ и кончается въ 53-ей, а статьи 49—52, находящіяся на вклеенномъ листѣ повѣствуютъ о походѣ Ермака на Туру, случившемся гораздо позже.

Третья вставка (лл. 19 и 20) опять разрываетъ пополамъ разсказъ объ избіеніи казаковъ подъ Абалацкимъ озеромъ, взятый цѣликомъ изъ Есипов-

Digitized by Google

ской лѣтописи, и содержитъ описаніе похода казаковъ на Кодскіе городки, а этотъ походъ случился опять-таки позже.

Четвертая вставка (л. 25). Тутъ опять наблюдаемъ то же самое: въ разсказъ о смерти Ермака, заимствованный изъ Есиповской лѣтописи, вставленъ другой разсказъ о томъ же событіи, но этотъ вставленный источникъ передаетъ массу фактовъ, Есипову неизвѣстныхъ.

Пятая вставка находится уже въ концѣ, гдѣ Ремезовъ, закончивъ повѣствованіе о покоренiи Сибири, даетъ длинный рядъ статей, имѣющихъ цѣлью возбудить въ читателѣ чувство благодарности къ Богу, помогшему Ермаку въ его трудномъ предпріятіи. Вставленные листы 35 и 36-ой также наполнены благочестивыми разсказами, но ничего общаго съ Сибирью не имѣющими.

Подводя итогъ всѣмъ этимъ наблюденіямъ, можно смѣло утверждать, что Семену Ремезову принадлежатъ только 32 листа «Исторіи Сибирской», а остальные 7 листовъ, не носящіе этого названія, вклеены въ трудъ Ремезова уже позже и извлечены изъ какого-то источника, неизвѣстнаго Ремезову. Такимъ образомъ, у насъ получается два совершенно самостоятельныхъ источника: «Исторія Сибирская» Ремезова и другая лѣтопись, вклеенная въ предыдущую. Разсматривая вклеенные листы, какъ отдѣльный памятникъ, и исключая ихъ изъ состава Ремезовской лѣтописи, мы этимъ самымъ значительно облегчаемъ трудъ изученія послѣдней. Прежде всего, послѣ такого исключенія, Ремезовская лѣтопись теряетъ тотъ характеръ сбивчивости и запутанности, который такъ затрудняетъ изслѣдователя при первомъ знакомствѣ съ нею. Передъ нами оказывается толковый, подробный и связный разсказъ о походѣ Ермака. Событія излагаются въ строгой хронологической послѣдовательности, за исключеніемъ двухъ, впрочемъ, весьма естественныхъ отступленій (разсказъ о древнихъ сибирскихъ царяхъ и о злоключеніяхъ трупа Ермака).

Теперь обратимся къ изученію состава Ремезовской лѣтописи. Если изъ 154 статей, заключающихся въ рукописи этой лѣтописи откинемъ 20 статей вклеенныхъ, 4 статьи вступительныя и 23 статьи, посвященныя благочестивымъ размышленіямъ, то получимъ повѣсть о покоренiи Сибири, состоящую изъ 107 статей, на которыхъ я теперь и остановлюсь.

Я уже имѣлъ случай въ своей рецензіи на IV выпускъ «Пермской Старины» указать на то, что Есиповская лѣтопись почти цѣликомъ вошла въ составъ Ремезовской. Прибавлю еще, что изъ вышеуказанныхъ 107 статей по крайней мѣрѣ 45, т. е. около половины представляютъ несомнѣнное извлеченіе изъ труда Саввы Есипова. Не перечисляя всѣхъ этихъ статей, я упомяну только, что наибольшее сходство между обѣими лѣтописями начинается со времени рѣшительной побѣды Ермака надъ Кучумомъ подъ

Digitized by Google

Чувашевой горой, т. е. со статьи 68-ой. Но, если внимательно сравнивать Ремезовскую лѣтопись съ тѣмъ текстомъ Есиповской, который изданъ Спасскимъ, то мы замѣтимъ, что, заимствуя свои свѣдѣнія несомнѣнно отъ Есипова, Ремезовъ во многихъ случаяхъ гораздо подробнѣе описываетъ событія, чѣмъ это сдѣлано въ рукописи Спасскаго. Отбрасывая цвѣты краснорѣчія и картины, которыя досужая фантазія безъ труда могла воткать въ текстъ Есипова, мы все-таки не достигнемъ полнаго совпаденія между обѣими лѣтописями. У Ремезова останутся и послѣ этой операціи чисто фактическія данныя, которыхъ мы у Есипова не находимъ, и которыя трудно счесть выдуманными. Эти дополненія, находимыя въ Ремезовской лѣтописи, сводятся къ двумъ категоріямъ фактовъ: съ одной стороны, она чаще Есиповской даетъ число и мѣсяцъ того или иного событія, а также точнѣе обозначаетъ мѣстности, гдѣ событія происходятъ. Для иллюстраціи приведу нѣсколько примѣровъ. Статья 87-ая, о взятіи въ плѣнъ Маметкула, почти дословно воспроизводитъ 17-ую главу Есиповской лѣтописи, но прибавляетъ двѣ даты: 20 февраля, когда казаки получили извѣстіе о приближеніи Маметкула и 28 февраля — день взятія царевича въ плѣнъ. Статья 89-ая, объ уходѣ Карачи отъ Кучума = 18 главѣ Есипова, но прибавляетъ: «Кучуму же пребывающу на дорогахъ на урочищахъ Вагаю, Куларова и Тарханъ въ крѣпкихъ мѣстѣхъ». Такихъ примѣровъ можно бы привести весьма значительное количество.

Съ другой стороны, Ремезовъ вводитъ эпизоды, о которыхъ Есиповъ либо совсѣмъ не упоминаетъ, либо упоминаетъ вскользь. Такъ въ статьѣ 82-ой разсказывается о приходѣ къ Ермаку съ изъявленіемъ покорности туземныхъ князьковъ Шибердея и Суклана, въ статьѣ 90 — извѣстіе о походѣ казаковъ на Кодскіе городки и на Тавду, въ статьяхъ 129 и слѣдующихъ подробно разсказывается про послѣднюю борьбу съ Кучумомъ и т. д.

Чѣмъ объяснить такія отличія Ремезовской лѣтописи отъ Есиповской? Объясненій можетъ быть два: либо у Ремезова былъ въ рукахъ еще какой-нибудь, неизвѣстный намъ источникъ, либо онъ пользовался другой редакціей Есиповской лѣтописи, значительно отличающейся отъ изданной Спасскимъ.

Отъ вышеуказанныхъ дополненій фактическаго характера слѣдуетъ отличать вставки явно легендарнаго происхожденія, какія находимъ въ статьяхъ: 70 (чудесный звонъ при вступленіи казаковъ въ Сибирь), 90 (Никола Можайскій предвѣщаетъ Ермаку скорую гибель), 109 — 118 (судьбы Ермакова трупа). Такія преданія Ремезовъ могъ и самъ собрать. Вспомнимъ, что ему же принадлежитъ первый сибирскій атласъ, для составленія котораго ему, конечно, пришлось не мало ѣздить. Во время этихъ

Digitized by Google

путешествій Ремезову, вѣроятно, приходилось бесѣдовать и съ русскими и съ инородцами, отъ которыхъ онъ и могъ услышать преданія о покореніи Сибири.

Таковъ составъ второй части Ремезовской лѣтописи, написанной почти сплошь по Есиповской.

Зависимость первой части отъ труда Есипова далеко не столь ощутительна: изъ 55 статей, которыя я отношу сюда, едва 12 напоминаютъ Есиповскую лѣтопись, да и то, большей частью отдаленно. Самый ходъ событій изображенъ у Ремезова совершенно иначе. Во-первыхъ, онъ упоминаетъ о Строгановыхъ, про которыхъ Есиповъ совсѣмъ молчитъ; во-вторыхъ, по Есипову, весь походъ Ермака до занятія Сибири совершился въ одну осень, а по Ремезову Ермакъ два раза зимовалъ въ пути, прежде чѣмъ дошелъ до столицы Кучума. Кромѣ того, Ремезовская лѣтопись передаетъ извѣстія о многихъ битвахъ и другихъ эпизодахъ, о которыхъ Есиповская ничего не знаетъ. Въ общемъ, разница на столько велика, что, вѣроятно, первая часть труда Ремезова основана не на Есиповской лѣтописи, а на какомъ-то другомъ, намъ неизвѣстномъ источникѣ. Нѣкоторое подтвержденіе мысли, что въ рукахъ Ремезова заразъ были и Есиповская лѣтопись и еще другая, и что онъ компилировалъ эти два источника, можно видѣть въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Про битву подъ Бабасаномъ Ремезовъ говоритъ въ двухъ статьяхъ — 41-ой и 43-ей. Статья 43-ья, очевидно, заимствована изъ VIII-ой главы Есиповской лѣтописи; а статья 41-ая разсказываетъ про то же событіе совершенно иначе. Такое противорѣчіе можно объяснить только тѣмъ, что 41-ая статья заимствована изъ одного источника, а 43-ья — изъ другого. Почти на всѣхъ фактическихъ дополненіяхъ, которыя мы находимъ въ первой части Ремезовской лѣтописи, лежитъ печать достовѣрности, и трудно предположить, чтобы эти факты были сохранены до конца XVII вѣка устнымъ преданіемъ.

Но рядомъ съ такими фактическими подробностями находимъ и въ первой части рядъ легендъ, отчасти татарскаго происхожденія (ст. 16—21, 24—28, 55—57), отчасти — христіанскаго (ст. 45—47).

Подводя итогъ всему сказанному о Ремезовской лѣтописи, получимъ слѣдующій выводъ. Лѣтопись можно раздѣлить на двѣ половины: первая половина основана на неизвѣстной намъ, весьма подробной лѣтописи, вторая — на Есиповской. Кромѣ того, въ обѣ половины вставлены легенды и преданія, собранныя у русскихъ и татаръ.

Теперь перехожу ко вклееннымъ листамъ. Что такое представляютъ они?

Первый вклеенный листъ начинается такъ: «Лѣтопись Сибирская краткая Кунгурская. Начало заворуя Ермака Тимоѳеева сына Поволскаго» etc.

Digitized by Google

Понимать эти строки надо такъ: виновникъ вставки, пожелавъ дополнить Ремезовскую лѣтопись выдержками изъ новаго памятника, попавшаго въ его руки, сталъ списывать этотъ новый памятникъ буквально, удержавъ даже его заглавіе. Такимъ образомъ, «лѣтопись Сибирская краткая Кунгурская» есть заглавіе не труда Ремезова, а именно того источника, изъ котораго извлечена вставка. Но я не рѣшусь утверждать, чтобы всѣ семь вклеенныхъ листовъ извлечены были изъ Кунгурской лѣтописи. Правда, они писаны всѣ несомнѣнно одной рукой, но кто поручится, что одно и то же лицо не могло написать выдержки изъ разныхъ памятниковъ? Несомнѣнно только одно, а именно, что текстъ перваго вклееннаго листа взятъ изъ Кунгурской лѣтописи. Такимъ образомъ, мы располагаемъ отрывкомъ новаго памятника сибирскаго лѣтописанія.

Несмотря на свою краткость, этотъ отрывокъ, какъ самостоятельный памятникъ, долженъ занять довольно видное мѣсто среди тѣхъ матеріаловъ, которыми мы располагаемъ для рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ между Ермакомъ и Строгановыми. Дѣло въ томъ, что именно этотъ отрывокъ Кунгурской лѣтописи выставляетъ появленіе Ермака въ Камскомъ бассейнѣ результатомъ случайности, заставившей казацкія шайки броситься отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ на сѣверъ. Тутъ, независимо отъ Строгановыхъ, у Ермака появляется мысль поживиться на счетъ обитателей Зауралья, и онъ самостоятельно, безъ всякихъ сношеній съ пермскими солеварами отправляется туда, но по ошибкѣ попадаетъ въ Сылву, изъ которой нѣтъ пути въ Сибирь. Потерявъ изъ-за этой ошибки цѣлую зиму, Ермакъ рѣшается выполнить свою идею инымъ образомъ: онъ силой принуждаетъ Строгановыхъ оказать ему матеріальную поддержку и дать проводниковъ. Добившись того и другого, онъ уже вторично, и на этотъ разъ удачно, по настоящему пути отправляется въ Сибирь. Это извѣстіе, которое до сихъ поръ приписывали Ремезову, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ изображеніемъ тѣхъ же событій въ Строгановской лѣтописи, а потому сторонники послѣдней старались доказать его недостовѣрность. Это было не особенно трудно: во-первыхъ, Ремезовская лѣтопись — поздняя и уже по одному этому можетъ уступать въ достовѣрности Строгановской; во-вторыхъ, Ремезовская лѣтопись составлена въ Сибири, а Строгановская — по сю сторону Урала, и потому естественно, что о фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Камскомъ бассейнѣ, авторъ Строгановской лѣтописи былъ лучше освѣдомленъ, чѣмъ Ремезовъ. Но эти соображенія въ значительной степени ослабляются, если считать Кунгурскую лѣтопись самостоятельнымъ памятникомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если эта лѣтопись названа Кунгурской, то, конечно, потому, что написана въ Кунгурѣ, т. е. по сю сторону Урала и, такимъ

Digitized by Google

образомъ, по мѣсту своего происхожденія она съ полнымъ правомъ можетъ стать рядомъ со Строгановской. Степень ея достовѣрности въ значительной степени возрастетъ, если примемъ во вниманіе слѣдующее обстоятельство: въ нашемъ отрывкѣ, между прочимъ, разсказывается, что Ермакъ, заблудившись на Сылвѣ, принужденъ былъ тутъ зимовать и устроилъ на берегу рѣки укрѣпленный лагерь или городище, за которымъ осталось прозвище Ермакова. Когда онъ покидалъ зимовище, то часть его дружинъ, «остався на городищи томъ, вѣчно оселишася». Это извѣстіе подтверждается тѣмъ, что и до настоящаго времени на лѣвомъ берегу Сылвы, повыше села Тохтарева, Красноуфимскаго уѣзда, есть деревня Хуторы Ермаковы. Такимъ образомъ, данное извѣстіе Кунгурской лѣтописи является весьма вѣроятнымъ. А если это такъ, то значитъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ оставалось нѣкоторое время потомство этихъ казаковъ, хорошо, конечно, знавшихъ судьбы своего атамана, по крайней мѣрѣ, до ухода его въ Сибирь. Въ такомъ случаѣ весьма возможно, что нашъ отрывокъ основанъ на разсказахъ, если не самихъ сподвижниковъ Ермака, то ихъ ближайшихъ потомковъ. Высказанныя соображенія, какъ мнѣ кажется, даютъ новый опорный пунктъ для критики сибирскихъ лѣтописей и, быть можетъ, окажутъ нѣкоторое вліяніе на рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ Строгановыхъ къ Ермаку.

Что касается до вопроса о времени составленія Кунгурской лѣтописи, то, при имѣющихся въ моихъ рукахъ скудныхъ данныхъ, я не могу рѣшить его. Во всякомъ случаѣ, она написана не ранѣе 1623 г. (годъ основанія Кунгура) и, надо полагать, еще въ XVII вѣкѣ. Болѣе точный отвѣтъ можно будетъ дать только тогда, когда отыщется полный экземпляръ Кунгурской лѣтописи.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ разсказѣ о покореніи Сибири, который мы находимъ въ «Новомъ Лѣтописцѣ». До сихъ поръ на этотъ разсказъ обращали мало вниманія, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Изъ трехъ извѣстныхъ въ печати редакцій «Новаго лѣтописца» этотъ разсказъ есть въ двухъ: въ Никоновской лѣтописи (т. VIII, стр. 1—3) и въ спискѣ князя Оболенскаго (стр. 22—23); въ «Лѣтописи о многихъ мятежахъ» нашего разсказа нѣтъ. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что данный разсказъ представляетъ самостоятельное литературное произведеніе, включенное авторомъ «Новаго лѣтописца» въ свой трудъ. Между тѣмъ, какъ вполнѣ ясно доказано С. Ѳ. Платоновымъ, «Новый лѣтописецъ» составленъ въ 1630 г. [1]). Но если это такъ, то и сказаніе о покореніи Сибири, включенное въ древнѣйшую редакцію Лѣтописца,

1) С. Ѳ. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ историческій источникъ. С.-Петерб. 1888. Стр. 246—269.

Digitized by Google

должно быть составлено не позже этого года, т. е. раньше Строгановской и Есиповской лѣтописей. Такимъ образомъ, разсказъ «Новаго лѣтописца» приходится считать однимъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, повѣствующихъ о покореніи Сибири. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ собрать данныхъ, которыя позволили бы выяснить происхожденіе этого памятника, такъ что пока ничего не могу сказать о степени его достовѣрности. Замѣчу только, что въ Ремезовской лѣтописи замѣтно вліяніе «Новаго лѣтописца», что ясно изъ слѣдующаго сопоставленія.

Никон., VIII, стр. 3.

Татаринъ же у нево Кучюма въ винѣ, и посла его Кучюмъ в реку: отвѣдаи мнѣ въ рекѣ броду, будетъ отвѣдаешь и я тебя от казни пожалую; Татаринъ же реку перебрелъ и видя ихъ спящихъ, и пришедъ Татаринъ и повѣда то Кучюму. Кучюмъ же ему не повѣря и посла его вдругие и повелѣ у нихъ что взяти; Татаринъ же поіде вдругие и пришедъ взялъ у казаковъ три пищали да три вязни, и принесе Кучюму.

Ремезовъ, ст. 104.

Бѣ бо у Кучюма татаринъ въ смертной казни; и сего посла провѣдати Ермака и броду черезъ перекопь.

Татаринъ же перебрѣлъ и, видя казаковъ всѣхъ спящихъ, возвѣстивъ Кучюму,
и невѣрно бѣ; и паки посла, велѣ унести что.

И пришедъ второе, взятъ 3 пищали и 3 лядунки и принесе.

Ни въ Есиповской, ни въ Строгановской лѣтописяхъ этого эпизода нѣтъ.

Вотъ все, что до сихъ поръ удалось мнѣ сдѣлать по анализу сибирскихъ лѣтописей. Такъ какъ эта работа далеко ещене закончена, то я пока удержусь отъ всякаго окончательнаго вывода изъ моей полемики съ г. Дмитріевымъ касательно отношеній Строгановыхъ къ Ермаку.

Покончивъ съ вопросомъ о призваніи Ермака, г. Дмитріевъ приступаетъ къ установленію хронологическихъ датъ сибирскаго похода. Дѣйствительно, между лѣтописными датами существуютъ существенныя противорѣчія, которыя авторъ и старается разъяснить. Но при этомъ онъ прибѣгаетъ къ странному пріему: помимо сентябрьскаго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра и январьскаго отъ Рождества Христова, г. Дмитріевъ для чего-то вводитъ еще третье—сентябрьское отъ Рождества Христова. Въ результатѣ получается такая сложная хронологія, что самъ авторъ сбивается и приходитъ къ такой путаницѣ трехъ лѣтосчисленій, которую я положительно отказываюсь разобрать. Приведу только нѣсколько примѣровъ, чтобы не показаться голословнымъ.

Digitized by Google

«Въ Строгановской лѣтописи, куда занесенъ фактъ посылки къ казакамъ приглашенія отъ Строгановыхъ при письмѣ ихъ отъ *6 апрѣля 1579 г.*, прибытіе казаковъ въ Пермь относится *къ 28 іюня того-же года, а по сентябрьскому счисленію едва ли не къ концу 1578 года*» (V, стр. 139—140). Какимъ образомъ, хотя бы и по сентябрьскому лѣтосчисленію, апрѣль оказался въ 1579 г., а іюнь—въ 1578 г.?

«Весною 1582 г., *а по сентябрьскому счисленію того же 1581 года*[1]), Ермакъ... достигъ рѣчки Барончи» (V, стр. 168). Разница между сентябрьскимъ и январьскимъ годами замѣчается только отъ сентября до декабря, а весною разницы никакой нѣтъ. Кромѣ того, только сентябрьскій годъ можетъ уйти впередъ отъ январьскаго, а никакъ не наоборотъ.

Такую же путаницу наблюдаемъ на стр. 142, 165, 176 и мн. др. Сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы показать, какую цѣну имѣютъ хронологическія выкладки г. Дмитріева: онѣ не только не разъясняютъ вопроса, но, наоборотъ, еще болѣе затемняютъ его[2]).

Моя рецензія подходитъ къ концу. Я разобралъ все, что помѣщено въ «Пермской Старинѣ» въ отдѣлѣ «изслѣдованій», но кромѣ того въ каждомъ выпускѣ есть еще второй отдѣлъ—«Матеріалы». Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о достоинствѣ изданныхъ г. Дмитріевымъ матеріаловъ.

Въ I-мъ выпускѣ находимъ два документа: 1) Великопермская уставная грамота чердынцевъ и усольцевъ XVI вѣка и 2) поступное письмо братьевъ Строгановыхъ Пыскорскому монастырю 1570 г. Первый документъ былъ напечатанъ всего разъ—Берхомъ въ его книгѣ «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ». Такъ какъ книга эта стала теперь библіографической рѣдкостью, то г. Дмитріевъ сдѣлалъ очень хорошо, перепечатавъ уставную грамоту. Второй документъ былъ напечатанъ уже четыре раза—въ послѣдній разъ у г. Шишонко въ его «Пермской лѣтописи» (Пермь. 1881, т. I, стр. 62—63). Г. Дмитріевъ утверждаетъ, что у г. Шишонко напечатана позднѣйшая редакція, но я сравнивалъ оба текста и никакой разницы, кромѣ какъ въ орѳографіи нѣкоторыхъ словъ, да въ пропускѣ двухъ неважныхъ эпитетовъ, не нашелъ. А такъ какъ сборникъ г. Шишонко необходимъ каждому, кто занимается исторіей Пермскаго края, то г. Дмитріевъ напрасно перепечатывалъ это поступное письмо.

Во II-омъ выпускѣ напечатаны пять, нигдѣ еще не изданныхъ грамотъ Пыскорскаго монастыря, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для исторіи этой

---

1) Курсивъ автора.

2) Г. Дмитріевъ самъ впослѣдствіи замѣтилъ хронологическія несообразности, допущенныя имъ въ V-мъ выпускѣ и въ VI-омъ выпускѣ далъ хронологическую таблицу, даты которой значительно расходятся съ тѣми, которыя онъ установилъ прежде. Поэтому считаю нужнымъ оговориться, что мои слова не касаются VI-го выпуска «Пермской Старины».

Digitized by Google

обители. Остается только пожалѣть, что г. Дмитріевъ не сдержалъ своего обѣщанія постепенно издавать и дальнѣйшіе акты изъ архива Пыскорскаго монастыря. Въ изданныхъ грамотахъ отмѣчу слѣдующія погрѣшности издателя. Первая грамота ошибочно отнесена къ 1589 г., тогда какъ она помѣчена 17 декабря 7097 г., т. е. 1588 г. По прямому недоразумѣнію г. Дмитріевъ приписалъ ее и въ текстѣ и въ оглавленіи царю Ѳеодору Алексѣевичу. Столь же неудачно переведена на наше лѣтосчисленіе дата третьей грамоты: 17 декабря 7102 г.=1593 г., а не 1594 г. Та же ошибка допущена и въ пятой грамотѣ: 25 декабря 7130 г.=1621 г., а не 1622 г. Въ той же грамотѣ (стр. 247) ошибочно напечатано «къ Соликамской» вмѣсто «къ Соли Камской».

Въ III-емъ выпускѣ напечатана впервые писцовая книга Яхонтова по Камскому Усолью и Усольскому уѣзду. Этотъ документъ имѣетъ, конечно, весьма важное значеніе, хотя, судя по выдержкамъ изъ той же книги, приведеннымъ г. Шишонко («Пермская лѣтопись, I, 82—83), списокъ г. Дмитріева не совсѣмъ исправенъ.

Столь же цѣнна и писцовая книга Кайсарова по Строгановскимъ вотчинамъ, напечатанная въ IV выпускѣ, въ которомъ, кромѣ того, находимъ и первую жалованную грамоту Строгановымъ. Эту грамоту г. Дмитріевъ перепечатываетъ, между прочимъ, потому, что ея нѣтъ у Шишонко, который, по его словамъ, «вообще мало сообразовался со степенью важности того или другого акта» (IV, стр. 103). Упрекъ въ данномъ случаѣ совершенно не заслуженный: первая жалованная грамота *цѣликомъ* повторена въ грамотѣ на построеніе Орла-городка, а эта послѣдняя помѣщена у г. Шишонко (I, 51—53). Считаю при этомъ не лишнимъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ, впрочемъ неважныхъ, частностяхъ редакція Шишонко, кажется, лучше, чѣмъ Миллеровская, перепечатываемая г. Дмитріевымъ.

О томъ, сколь малое значеніе имѣетъ «Сказаніе Сибирской земли», напечатанное г. Дмитріевымъ въ V-омъ выпускѣ, я уже имѣлъ случай говорить довольно подробно[1]).

Теперь я долженъ подвести итогъ всему вышесказанному.

Я отнесся къ труду г. Дмитріева довольно строго, но онъ самъ далъ право на это, поставивъ себѣ слишкомъ широкія задачи и благосклонно отозвавшись о достоинствахъ своего труда. Однако ему не удалось дать намъ «систематическую, полную, всестороннюю и строго-научную исторію Пермскаго края». Уже одно то обстоятельство, что при оцѣнкѣ воззрѣній г. Дмитріева на тотъ или другой вопросъ мнѣ часто приходилось разыскивать и

1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1894 г., іюль, моя рецензія на V-ый выпускъ «Пермской Старины».

Digitized by Google

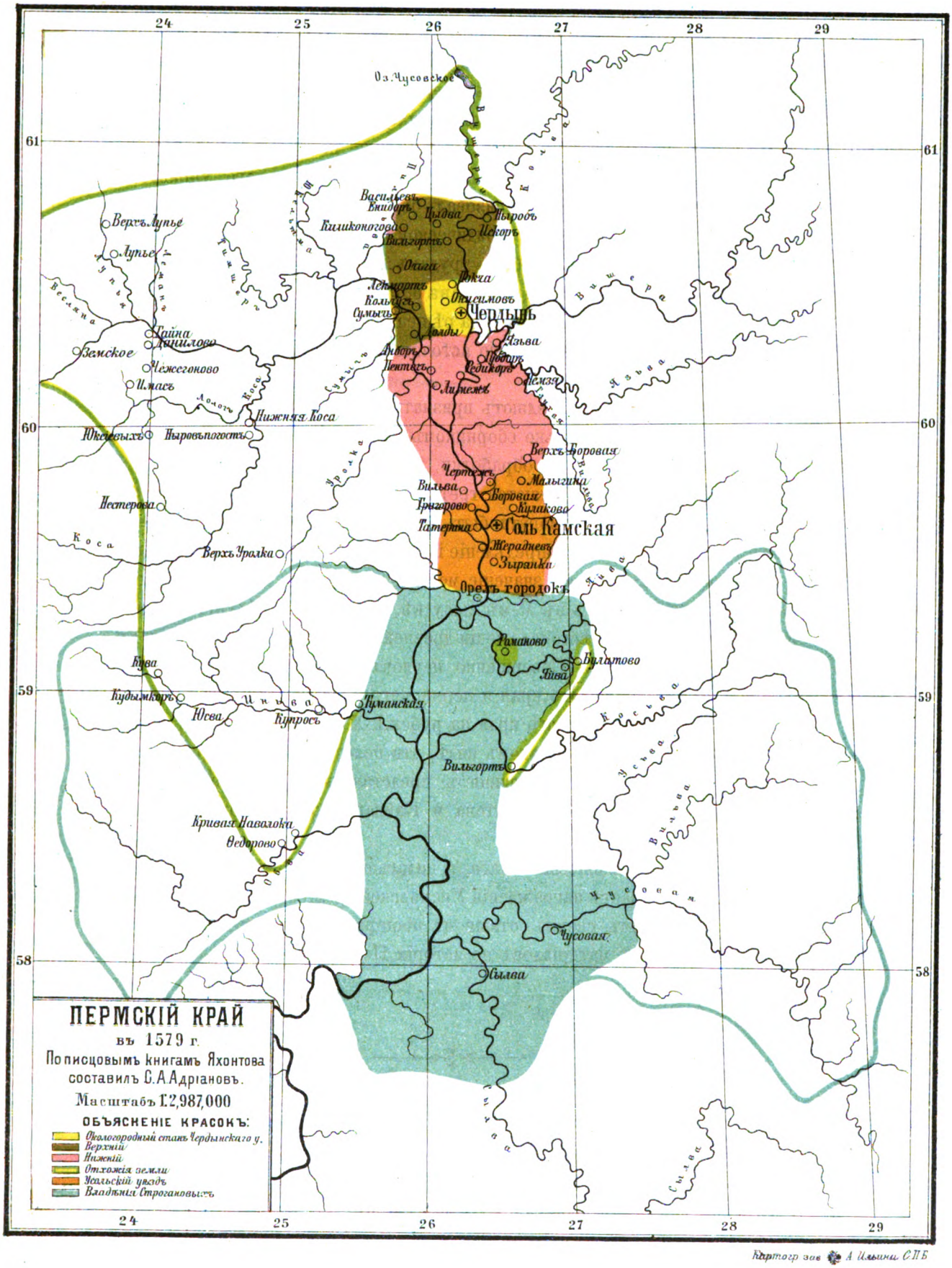
собирать данныя по различнымъ выпускамъ, ужъ одно это показываетъ, какъ слабо выдержана система въ «Пермской Старинѣ». Что касается до полноты и всесторонности, то мнѣ уже приходилось отмѣчать крупные пробѣлы въ трудѣ г. Дмитріева: онъ совершенно не занялся инородческой культурой, уклонился отъ исторіи церковнаго и гражданскаго управленія, исторію землевладѣнія охарактеризовалъ болѣе съ внѣшней, территоріальной стороны, чѣмъ съ внутренней, юридической и т. д. Нельзя назвать «Пермскую Старину» и строго-научнымъ трудамъ: методы изслѣдованія и историко-критическіе пріемы г. Дмитріева оставляютъ желать очень многаго, да, кромѣ того, онъ часто берется за рѣшеніе вопросовъ, съ которыми мало знакомъ, и, не изучивъ достаточно источники и пособія, дѣлаетъ слишкомъ поспѣшные выводы.

Всѣ эти качества заставляютъ признать «Пермскую Старину» не исторіей Пермскаго края, а только сборникомъ матеріаловъ, весьма различныхъ и по цѣнности и по степени обработки.

Наиболѣе удачными являются третья и четвертая главы II-го выпуска, которыя почти цѣликомъ могутъ быть внесены въ будущую исторію Пермскаго края. Цѣнно также опредѣленіе границъ Чердынскаго воеводства въ I-омъ выпускѣ. Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть сводъ извѣстій о русско-югорскихъ отношеніяхъ въ V-мъ выпускѣ. Спорнымъ слѣдуетъ признать рѣшеніе вопросовъ о мѣстоположеніи древней Югры и объ отношеніяхъ Ермака къ Строгановымъ. Совершенно неудовлетворительно изложена древнѣйшая исторія Пермскаго края и пермяцкаго племени. Матеріалы по экономическому быту Пермскаго края на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ приведены, большею частію, въ такомъ видѣ, что пользоваться ими крайне рисковано. Зато несомнѣнную цѣнность представляютъ подлинные тексты усольской писцовой книги Яхонтова и Кайсаровской писцовой книги по вотчинамъ Строгановыхъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, я полагаю, что «Пермская Старина» врядъ ли заслуживаетъ награжденія Уваровской преміей, но Академія Наукъ могла бы почетнымъ своимъ отзывомъ поощрить г. Дмитріева къ дальнѣйшему собиранію матеріаловъ по исторіи Пермскаго края.

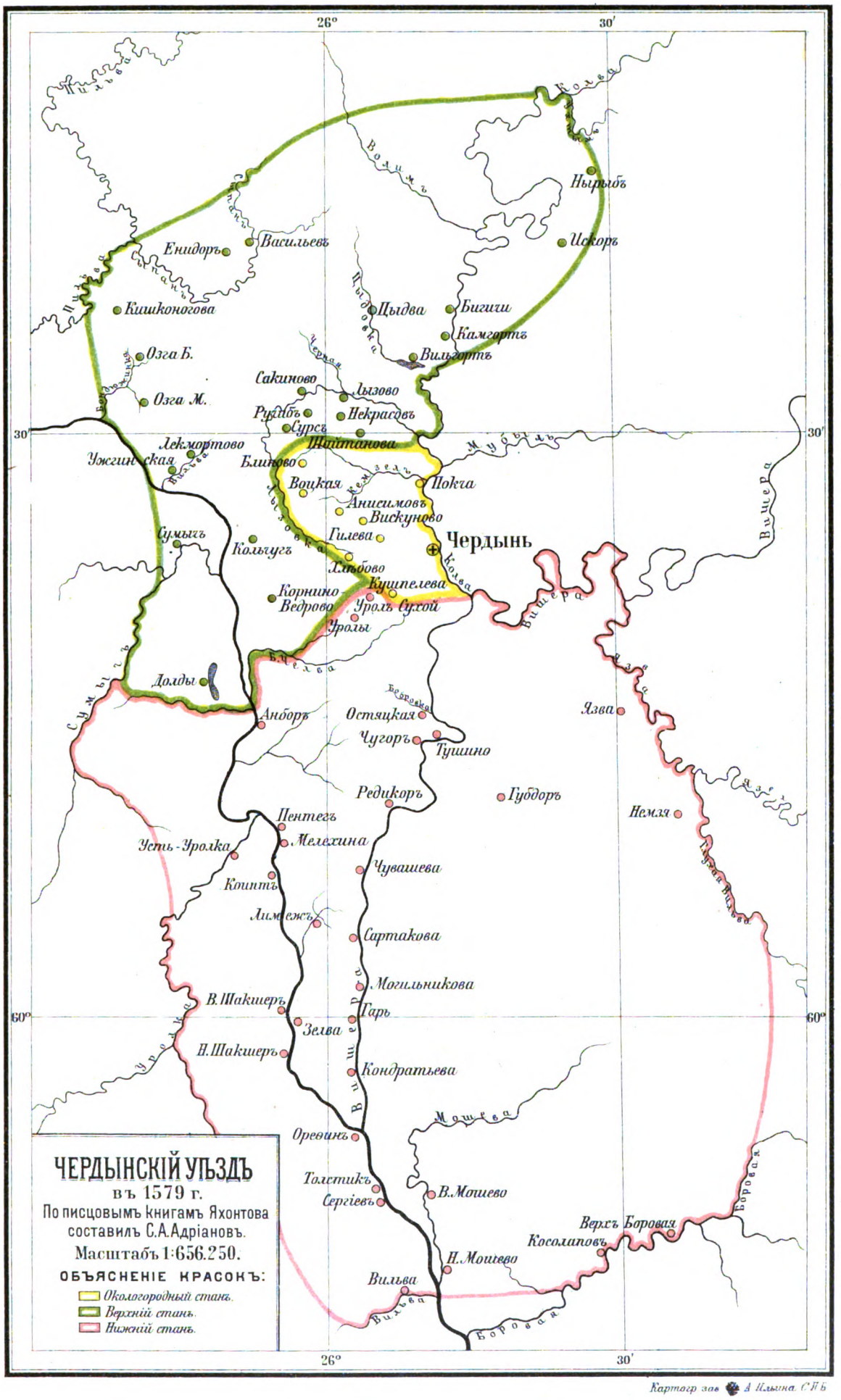
Digitized by Google



Картогр зав. А. Ильинъ. СПБ

Digitized by Google

Digitized by Google


26°
30′
30′
60°
Ныробъ
Искоръ
Енидоръ
Васильевъ
Кишконогова
Цыдва
Бигичи
Камгортъ
Вильгортъ
Озга Б.
Озга М.
Сакиново
Лызово
Некрасовъ
Рудобъ
Сурсъ
Шайтанова
Лекмортово
Ужгинская
Бликово
Воцкая
Покча
Анисимовъ
Вискуново
Гилева
Чердынь
Кольчугъ
Хлыбово
Кушпелева
Корнино
Ведрово
Урольская
Урольская Сухой
Урольы
Долды
Анборъ
Остяцкая
Чугоръ
Тушино
Язва
Редикоръ
Губдоръ
Немля
Пентегъ
Мелехина
Усть-Уролка
Чувашева
Коинтъ
Лимежъ
Сартакова
Могильникова
В. Шакшеръ
Царь
Зелва
Н. Шакшеръ
Кондратьева
Оревинъ
Толстикъ
Сергіевъ
В. Мошево
Н. Мошево
Верхъ Боровая
Косолаповъ
Вильва
Колва
Вишера
Сыпъ
Сумычъ
Бобровка
Мошева
Боровая
Вильва
Чердынскій уѣздъ
въ 1579 г.
По писцовымъ книгамъ Яхонтова
составилъ С.А.Адріановъ.
Масштабъ 1:656.250.
Объясненіе красокъ:
Окологородный станъ.
Верхній станъ.
Нижній станъ.
Картогр. зав. А. Ильина. СПБ

Digitized by Google

VII.

Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи.

Историческій очеркъ **В. Теплова.** С.-Петерб. 1893. 74 in 8°.

Рецензія **П. Д. Погодина.**

Сочиненіе г. Теплова озаглавлено: «Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи», историческій очеркъ.

Мнѣ кажется, не будетъ чрезмѣрнымъ требовать отъ такого типа исторической работы возможно полнаго знакомства съ литературою предмета. Знакомство это тѣмъ болѣе представлялось необходимымъ для г. Теплова, что онъ задумалъ изобразить дѣятельность Каподистріи въ широкой исторической рамкѣ въ связи съ общимъ ходомъ борьбы Греціи за независимость. Мысль, со справедливостію которой нельзя не согласиться и которой нельзя не привѣтствовать; но съ сожалѣніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать, что въ рукахъ г. Теплова находились средства, далеко къ тому недостаточныя.

Вся обширная печатная литература предмета осталась ему почти неизвѣстной. Я не буду входить въ перечисленіе спеціальныхъ работъ или источниковъ, появлявшихся въ малодоступныхъ греческихъ изданіяхъ, какъ Пандора, Γενικὴ Ἐφημερίς, укажу только на главнѣйшія, которыя г. Тепловъ могъ бы найти безъ особенныхъ затрудненій.

На первомъ мѣстѣ, конечно, тутъ нужно поставить переписку графа Каподистріи съ Н. М. Карамзинымъ. Переписка эта и ея переводъ, сдѣланный Жуковскимъ, изданы въ Россіи дважды [1]) и вполнѣ того заслуживаютъ по своей чрезвычайной важности. Положимъ, писемъ немного, но они проливаютъ яркій свѣтъ не только на духовную жизнь и духовный складъ самого Каподистріи, на тотъ кружокъ, въ которомъ онъ вращался

1) Утро, лит. и полит. сбр. изд. М. Погодинымъ. Москва, 1866. I, 195—210 стр. и «Н. М. Карамзинъ» М. Погодина. Москва, 1866. 2 in 8° II, 339—348 и 443—447.

Digitized by Google

въ Петербургѣ, но и разъясняютъ многіе важные вопросы въ его политической дѣятельности. Изъ писемъ этихъ выступаютъ необыкновенно рельефно, между прочимъ, чувства Каподистріи во время его пребыванія въ 1819 году на Іоническихъ островахъ; представляются въ совершенно новомъ видѣ отношенія къ нему императора Александра въ наименѣе изслѣдованный періодъ его удаленія отъ дѣлъ и жизни въ Женевѣ.

Изъ другихъ русскихъ сочиненій, которыя могли бы быть полезны г. Теплову, назову записки графини Эделингъ, рожденной Стурдзы (Русскій Архивъ 1887 г.), Ковалевскаго «Графъ Блудовъ и его время» СПб. 1866, in 8° и т. д., и слѣдующія изъ иностранныхъ:

1. Mémoires biographiques-historiques sur le président de la Grèce le comte Jean Capodistrias par André Popadopoulo-Vrétos. Paris. 1837. 2 v. in 8°.

2. Notice sur le comte Jean Capodistrias, président de la Grèce, suivi de l'extrait de sa correspondance avec le capitaine Stamati Bulgari. Paris. 1832. 32 p. in 8°.

3. Kolocotronis. Sixty years of peril and daring, transl. by Ms. Edmond. London. 1890. 1 v. in 8°.

4. Soutzo. Histoire de la révolution grecque. Paris. 1829. 1 v. in 8°.

5. Κ. Παπαρρηγοπούλου. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους. Ἀθήναι. 1887. V-ый томъ.

6. Histoire de l'empire ottoman depuis 1792 jusqu'à 1844, par le baron Jucherau Saint-Denys, ministre de France en Grèce en l'année 1828. Paris. 1844. 4 v. in 8°.

7. Finlay. The history of the Greek Revolution. London. 1861. 2 v. in 8°.

8. Gordon, Th. The History of the Greek Revolution. London. 1832. 2 v. in 8°.

9. Gervinus. Insurrection et régénération de la Grèce, trad. franç. par Minssen et L. Sgouta. Paris. 1863. 2 v. in 8°.

10. Mendelsohn-Bartholdy, K. Geschichte Griechenlands seit 1453. 1870—1874. 2 Bd. in 8°.

11. Hertzberg, G. F. Neueste Geschichte Griechenlands von der Erhebung der Neugriechen gegen die Pforte bis zum Berliner Frieden. Gotha. 1879. 1 Bd. in 8°.

12. Correspondence of princess Lieven and earl Grey, edited and translated by Guy Le Strange. London. 1890. 3 v. in 8°.

13. The Port folio or a Collection of state papers. London. 1836—1837. 6 v. in 8°.

Digitized by Google

14. Le Recueil des documents pour la plupart secrets et inédits et d'autres pièces historiques, utiles à consulter dans la crise actuelle. Paris. 1853. 1 v. in 8°.

15. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, publiées par son fils Richard de Metternich.

16. Dépêches inédites du Chevalier de Gentz aux hospodars de Vallachie, publiées par le comte Prokesch-Osten fils. Paris. 1876, 1877. 3 v. in 8°.

17. Zur Geschichte der orientalischen Frage. Briefe aus dem Nachlasse Friedrichs von Gentz 1823—1829, herausgegeben von Anton Grafen Prokesch-Osten. Wien. 1877. 1 Bd. in 8°.

18. Memoir of the life of admiral Sir Edward Codrington by lady Bourchier. London. 1873. 2 v. in 8°.

19. Barrington de Fonblanque, Ed. Lifes of the lords Strangford. London. 1877. 1 v. in 8°.

20. Wellesey Arth, Duke of Wellington. Despatches, correspondence andmemoranda. London. 1867. 8 v. in 8°.

21. Cochran, Lord. The Autobiography of a Seaman. London. 1861. 1 v. in 8°.

22. Viel Castel. Histoire de la Restauration. Paris.

23. Vaulabelle, Ach. Histoire des deux restaurations. Paris. 8 v. in 8°.

24. Mémoires du Chancelier Pasquier. Paris. 1893, 1894. 5 v. in 8°. V-me volume.

25. Bernhardi, Th. Geschichte Russlands (1814—1831). Leipzig. 1853. 3 Bd. in 8°.

26. K. Mendelsohn-Bartholdy. Graf Johann Kapodistrias. Berlin. 1864. 4 Bd. in 8°.

Въ особенности много потерялъ г. Тепловъ, не познакомившись съ послѣдней изъ названныхъ книгъ. Какъ бы ни были велики ея недостатки, въ какія бы преувеличенія и извращенія фактовъ не впадалъ Мендельсонъ Бартольди, столь же беззавѣтно, какъ и Гервинусъ, его учитель, вѣровавшій въ единую истинность и цѣлебность либеральныхъ формъ правленія, столь же фанатически отвергавшій все, въ чемъ заключается хотя малѣйшее отступленіе отъ того политическаго идеала, въ которомъ одномъ, по его мнѣнію, единственный залогъ счастія и преуспѣянія человѣчества, все же работа его представляетъ самый полный изъ имѣющихся на лицо сводъ документовъ относительно Каподистріи, самый объемистый трудъ, посвященный дѣятельности знаменитѣйшаго человѣка новой Греціи. Къ сожалѣнію, книга эта осталась неизвѣстной г. Теплову. Прошли такимъ образомъ безслѣдно для полноты его очерка богатыя данныя, собранныя

Digitized by Google

Мендельсономъ Бартольди; представленныя послѣднимъ соображенія остались неопровергнутыми, доводы неоспоренными, и отрицательный взглядъ на Каподистрію, высказанный Гервинусомъ и развитый до крайности его послѣдователемъ, не нашелъ себѣ критика въ лицѣ г. Теплова. Между тѣмъ это всецѣло лежало на обязанности послѣдняго. Какъ бы ни были, можетъ быть, превратны подобные взгляды, но ихъ нельзя обходить молчаніемъ, разъ ихъ высказываютъ люди столь талантливые, какъ Гервинусъ, и развиваютъ и обосновываютъ люди, столь трудолюбивые и усидчивые, какъ Мендельсонъ Бартольди. Сопоставивъ въ иномъ освѣщеніи различныя мѣста изъ переписки самого Каподистріи, воспользовавшись отчасти матеріаломъ, который дается у Гервинуса и Мендельсона Бартольди, а главное богатой фактами исторіей Прокешъ Остена, можно было бы, если и не окончательно разрѣшить поставленный этими историками вопросъ, то по крайней мѣрѣ указать на всѣ тѣ ошибки и противорѣчія, въ которыя вовлекло ихъ предубѣжденіе противъ Каподистріи, какъ мнимаго поборника реакціи и врага внутренней свободы Греціи.

Но и только что названное сочиненіе Прокешъ Остена о борьбѣ Греціи за независимость осталось безъ надлежащаго вліянія на разбираемую работу. Г. Тепловъ цитируетъ его одинъ только разъ и больше имъ не пользуется, тогда какъ лучшаго инвентаря для внѣшней исторіи дипломатіи съ 1821 по 1833 г. и внѣшняго хода греческой исторіи и желать нечего. Съ необыкновенною полнотою собрано изъ австрійскихъ архивовъ все, что можно было обнародовать по обстоятельствамъ времени, даже больше того, пожалуй, что считалось возможнымъ австрійской цензурой: книга оставалась долгое время подъ запрещеніемъ. Наконецъ, помимо удивительной тщательности и осмотрительности въ собраніи матеріаловъ въ шести увѣсистыхъ томовъ, самые взгляды автора на Каподистрію въ высшей степени любопытны, и что особенно важно, они безусловно положительны.

Считаться съ такими основными сочиненіями было совершенно необходимо; но г. Тепловъ смотритъ на дѣло иначе. Минуя перечисленную литературу, онъ считаетъ возможнымъ ограничиться для своего очерка меньшимъ. Онъ беретъ слѣдующіе источники и пособія: 1) Ѳеоктистова «Борьба Греціи за независимость», 2) Палеолога и Сивиниса «Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи», 3) Ихъ же «Исторія вмѣшательства Россіи, Англіи и Франціи въ войну за независимость Греціи», 4) Téxier la Gréce et ses insurrections», 5) A. de S. (Alexandre Stourdza) Notice biographique sur le comte Iean Capodistrias, président de la Gréce. 6) послужной списокъ и записка о служебной дѣятельности графа Каподистріи (Сб. Р. Ист. Общ. III, 1868), 7) Спиридона Дестуниса рукописная біографія Каподистріи. Сославшись разъ или два на Fontanier

Digitized by Google

«Voyage en Orient» и Poujoulat «Histoire de Constantinople», г. Тепловъ считаетъ матеріалъ свой совершенно достаточнымъ для изображенія жизни и дѣятельности графа Каподистріи, и только для пятой главы, посвященной разбору вопроса объ истинныхъ причинахъ его убіенія, біографъ президента привлекаетъ къ дѣлу: записку объ убіеніи Каподистріи, составленную полковникомъ Райкомъ» (Русскій Архивъ, 1869 г. стр. 881—919, Exposé des événements de la journée du 27 septembre 1831 à Nauplie par le Colonel Almeïda, commandant supérieur de Nauplie et ses forts и донесенія барона Рикмана, русскаго резидента въ Греціи.

Таковъ матеріалъ, находившійся въ рукахъ г. Теплова. Если онъ оставляетъ желать большаго въ смыслѣ полноты, то и качество его не во всѣхъ его частяхъ отличается равными достоинствами. Во-первыхъ, онъ страдаетъ однимъ общимъ недостаткомъ: большинство тѣхъ источниковъ и пособій, которыя г. Тепловъ положилъ въ основу своей работы, принадлежатъ перу сторонниковъ Каподистріи. Во-вторыхъ, на ряду съ такими первоклассными источниками для біографіи Каподистріи, какъ донесенія Рикмана или разсказъ Райко, стоятъ пособія сомнительнаго достоинства въ родѣ Téxier или Θеоктистова. И такія свойства матеріала, конечно, не могли не отразиться невыгоднымъ образомъ на разбираемой работѣ и въ связи съ ея малыми размѣрами не могли не придать самому изложенію характера неравномѣрности и отчасти, можетъ быть, случайности.

I.

На первыхъ страницахъ (1—21) г. Тепловъ даетъ краткій очеркъ исторіи греческаго народа съ основанія латинской имперіи, «раздробившей его на безчисленное множество леновъ» (стр. 1) до избранія графа Каподистріи въ президенты Греціи. Такимъ образомъ на изложеніе исторіи грековъ съ 1204 года до конца восемнадцатаго вѣка отводится пять страницъ (1—5), гетеріи посвящается одна (6), Али-Пашѣ двѣ (7 и 8), внѣшней и внутренней исторіи самой борьбы Греціи за независимость двѣнадцать (9—21). При такомъ ограниченномъ объемѣ трудно было что-нибудь сдѣлать. Нужна была необыкновенно глубокая разработка вопроса, нужна была рѣдкая способность къ обобщеніямъ, чтобы очеркъ, охватывающій столь большое пространство времени, могъ быть дѣйствительно содержательнымъ и вводить читателя въ главные моменты греческой исторіи. Во всякомъ же случаѣ нужна была самая строгая концентрація. Необходимо было избрать среди массы фактовъ одну какую-нибудь идею, и на ней сосредоточиться, пожертвовавъ всѣми подробностями, хотя бы даже столь любопытными, какъ описаніе осады Миссолонгъ (стр. 17). Относительно

Digitized by Google

идеи этой, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Разъ освобожденіе Греціи явилось результатомъ взаимодѣйствія трехъ силъ: самодѣятельности греческаго народа, политики кабинетовъ и общественнаго мнѣнія въ Европѣ, введеніе въ исторію свободной Греціи должно излагать исторію постепеннаго образованія и развитія этихъ трехъ факторовъ.

При такомъ условіи, намѣченныя даже въ общихъ только чертахъ, выступили бы ясно и рельефно главныя историческія теченія, среди которыхъ пришлось впослѣдствіи дѣйствовать Каподистріи. Приводимые г. Тепловымъ отдѣльные факты, распредѣлившись по отдѣламъ, пріобрѣли бы недостающее имъ единство, и самый очеркъ выигралъ бы въ стройности и цѣльности. Съ устраненіемъ нѣкоторыхъ подробностей явилась бы возможность отвести болѣе мѣста такому основному вопросу въ исторіи греческой самодѣятельности, каковъ вопросъ о положеніи греческой общины подъ турецкимъ владычествомъ. Я не могу сказать, чтобы г. Тепловъ совершенно его не затрогивалъ; нѣтъ, онъ посвящаетъ ему четверть страницы (стр. 2), и даетъ схему общины, упуская однако изъ виду, что община была распространена не повсюду, не вездѣ имѣла одинаковыя права, и если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигала чуть не полунезависимости и дѣлала своихъ членовъ чуть не свободными гражданами, то, рядомъ съ этимъ, въ другихъ мѣстахъ она ничѣмъ не предохраняла ихъ отъ произвола турокъ, и подъ ея покровомъ греки оставались полными рабами турецкихъ чиновниковъ. Но какъ бы отрицательно ни смотрѣлъ г. Тепловъ на дѣятельность греческихъ приматовъ, считая, что спасеніе и возрожденіе Греціи могло выйти только «изъ нижнихъ слоевъ народа» (стр. 2), во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что община представляла единственную организацію въ ту пору, когда вспыхнуло возстаніе, и уже самый фактъ существованія этой организаціи, какъ бы ни были велики ея недостатки, наличность людей, привыкшихъ и умѣвшихъ внушать повиновеніе, не могли не способствовать въ значительной степени успѣшному ходу борьбы Греціи за независимость. Распространенная не во всѣхъ, положимъ, но во всякомъ случаѣ въ большинствѣ общинъ система выборовъ, открытой или тайной подачей голосовъ, всенародныхъ ли или ограниченныхъ, не могла не поддерживать и не развивать въ грекахъ чувства самостоятельности[1]).

Что же касается до этихъ чувствъ народа, то для характеристики ихъ должно было привести больше фактовъ, чѣмъ это дѣлаетъ г. Тепловъ. Возьму, напримѣръ, походъ Петра Великаго. Мало было сказать: «Петръ Великій открыто выступилъ въ роли защитника православныхъ христіанъ Турціи» (стр. 3). Попытка его, какъ извѣстно, окончилась полною неуда-

1) Папарригопуло. Op. cit. V, 558.

Digitized by Google

чею, но важно то обстоятельство, что ему удалось пробудить греческое самосознаніе, вдохнуть въ него новыя силы и надежды. Въ церквахъ служились молебны о быстромъ пришествіи новаго Мессіи, имя грядущаго избавителя раздавалось съ церковнаго амвона, и въ горахъ Румеліи слышались народныя пѣсни, предвѣстники свободы:

Ἀκόμα τοῦτ' τὴν ἄνοιξι,
ραγιάδες, ραγιάδες,
τοῦτο τὸ καλοκαῖρί,
καϋμένη Ῥούμελη·
ὅσο νὰ ρθῇ ὁ Μόσκοβος
ρανιάδες, ραγιάδες,
νὰ φέρῃ τὸ σεφέρι,
Μωρὴὰ καὶ Ῥούμελη [1])

[И въ продолженіе этой весны, райя, райя, этого прекраснаго времени, ты — несчастна, Румелія, пока не придетъ царь Московскій, райя, райя, не начнетъ похода по Морећ и Румеліи.]

Какъ глубоко и широко распространилась въ греческомъ народѣ надежда на Россію, увѣренность въ освобожденіи съ Сѣвера, объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ Турнефоръ, бывшій на Востокѣ въ концѣ семнадцатаго и въ самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка: «10 іюля 1700 года, говоритъ онъ, мы остановились въ одной изъ большихъ критскихъ деревень, по имени Брисса, у священника. Священникъ былъ старъ и невѣжественъ до жалости, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно ревнивъ къ своей вѣрѣ, на плохомъ итальянскомъ языкѣ онъ старался убѣдить насъ, что на стѣнахъ лабиринта находится древнее пророчество, предсказывающее, что царь Московскій скоро долженъ завладѣть Оттоманской имперіей и освободить грековъ отъ турецкаго рабства [2]), «Греки, говоритъ Турнефоръ въ другомъ мѣстѣ, льстятъ себя надеждою, что царь Московскій освободитъ ихъ со временемъ отъ ихъ страданій и разрушитъ Турецкую имперію [3]).

Мало того, помимо пробужденія греческихъ надеждъ, походъ Петра Великаго повлекъ за собой одно въ высшей степени важное въ исторіи Греціи обстоятельство, обойденное молчаніемъ г. Тепловымъ. Господарство придунайскихъ княжествъ было отнято турецкимъ правительствомъ отъ туземцевъ и передано въ руки грековъ. Фактъ—поднявшій грековъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и значительно усилившій подъемъ греческаго

1) Παπαρρηγοπυλο, Op. cit. V, 646.
2) Pitton de Tournefort. Relation d'un voyage du Levant, Paris 1717 2 vl. I, 71.
3) Idem I, 98.

Digitized by Google

благосостоянія. Молдавія и Валахія сдѣлались золотымъ дномъ для греческой національности, откуда почерпали полными руками и сами господари, и весь обширный штатъ, ихъ сопровождавшій, и вся та масса грековъ, которая наѣхала туда для поправленія обстоятельствъ подъ покровительствомъ соотечественниковъ.

Въ томъ же направленіи не могли не дѣйствовать Кучукъ-Кайнаржійскій и Ясскій миры. Въ силу §§ 24, 26, 68, 69 и 74 договора 1783 года грекамъ предоставлялось съ разрѣшенія Россіи право пользоваться русскимъ флагомъ. Обстоятельство, имѣвшее тѣмъ бо́льшее значеніе, что одновременно открылись для европейской торговли богатѣйшія южно-русскія области; въ ней греки стали посредниками, и вновь основанная Одесса стала цвѣтущимъ центромъ съ преобладаніемъ греческаго элемента. Самый фактъ подъема греческаго благосостоянія въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія г. Тепловъ не обходитъ молчаніемъ, но, во-первыхъ, даетъ преувеличенное число судовъ (600) и экипажа (30,000), которыми располагали греки (стр. 5). По мнѣнію Папарригопуло, на мой взглядъ имъ достаточно обоснованному, число экипажа было не болѣе 18,000 человѣкъ, а судовъ ни въ коемъ случаѣ не могло быть 600[1]). Во-вторыхъ, развитіе греческаго флота г. Тепловъ относитъ исключительно на счетъ великой борьбы между Франціей и Англіей, ошибочно думая, что «Греки подъ охраною турецкаго флага развили свои коммерческія операціи» (стр. 5). Въ томъ-то и дѣло, что русскій флагъ предоставлялъ грекамъ больше льготъ и они упорно продолжали имъ пользоваться вопреки всѣмъ настояніемъ турецкаго правительства[2]).

Былъ еще одинъ могущественный факторъ въ усиленіи греческаго самосознанія и самодѣятельности, не упоминаемый г. Тепловымъ. Я говорю про разложеніе Турецкой имперіи. Центральная власть утратила средства прямого воздѣйствія на провинціи, которыя возмущались одна за другой, и самая имперія, казалось, была готова распасться по швамъ. Обстоятельство, въ значительной степени способствовавшее грекамъ сначала въ подготовленіи возстанія, потомъ въ самой борьбѣ. Рядомъ съ этимъ нельзя не поставить того особеннаго, привилегированнаго положенія, которое заняли греки въ самомъ турецкомъ правительствѣ, проникши во всѣ его отрасли и оттѣснивши со многихъ мѣстъ прирожденныхъ турокъ. На этотъ счетъ особенно любопытны слова одного отставного турецкаго министра, обращенныя къ англійскому послу въ Константинополѣ, лорду Стрэнгфорду; «Чего Россія достигла, ускоривши греческое возстаніе? Что оно возникло изъ надеждъ, поддерживаемыхъ русскими министрами въ Петербургѣ и

1) Папарригопуло. Op. cit. V, 590—593.
2) Папарригопуло. Op. cit. V, 587.

Digitized by Google

ихъ агентами въ Турціи, въ этомъ и минуты не станетъ сомнѣваться всякій, у кого есть уши и глаза. Но слава Богу, что Россія такъ поступила. Не будь ея консуловъ въ Архипелагѣ, не будь ея пословъ здѣсь, не вызови они взрыва, мы и до сихъ поръ пребывали бы въ обманчивой и роковой безопасности. Медленно, можетъ быть, и постепенно, но тѣмъ вѣрнѣе греки захватили бы въ свои руки все турецкое правительство. Въ торговлѣ и въ дѣлахъ государственнаго управленія они уже были всемогущи, и никто между нами не подозрѣвалъ незамѣтнаго на первый взглядъ и тихаго увеличенія ихъ вліянія. Продлись такой порядокъ вещей еще тридцать лѣтъ, мы бы пропали совсѣмъ. Россія оказала намъ громадную услугу, сама того же желая. Въ ея рукахъ былъ рычагъ, которымъ она, когда угодно, могла перевернуть вверхъ дномъ наше государство. Теперь рычагъ этотъ сломанъ [1]).

Переходя теперь къ разсмотрѣнію другого фактора въ освобожденіи Греціи, дѣятельности европейскихъ кабинетовъ, я долженъ сказать, что г. Тепловъ намѣчаетъ только традицію русской политики на Востокѣ. Между тѣмъ, разъ въ окончательномъ рѣшеніи греческаго вопроса приняли участіе и «лицемѣрные друзья грековъ» (стр. 10), хотя бы даже «эксплоатировавъ, что можно было изъ полезныхъ результатовъ народной борьбы» (idem), необходимо было прослѣдить, какъ они раньше относились къ греческой и турецкимъ народностямъ, и насколько измѣнилось ихъ традиціонное отношеніе къ Востоку подъ вліяніемъ новаго порядка вещей, созданнаго Вѣнскимъ конгрессомъ, и новой, послѣдовавшей затѣмъ группировки европейскихъ державъ. Однимъ обвиненіемъ въ лицемѣріи, и въ стремленіи къ эксплоатаціи ограничиться нельзя. Во всякомъ случаѣ, высказывая его, г. Тепловъ долженъ былъ бы привести для него основанія болѣе вѣскія, чѣмъ тѣ, которыя мы находимъ въ разбираемой работѣ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ представлять доказательство подобнаго своекорыстія увѣреніе г. Теплова, будто «Англія, которая на всякій чужой флотъ смотритъ подозрительнымъ окомъ, видѣла даже по сознанію западно-европейскихъ историковъ въ договорѣ 6 іюля 1827 года лишь весьма вѣроятный и удобный случай уничтожить мусульманскія военныя суда. Послѣдующія событія показали, что дальновидный Альбіонъ не ошибся въ своихъ расчетахъ» (стр. 19).

Уже по одной своей ничтожности, турецкій флотъ никогда не могъ составлять предмета опасенія для Англіи и никогда его не составлялъ. Какъ мало входило въ ея расчеты уничтожить въ рукахъ стариннаго союзника одно изъ его средствъ борьбы противъ Россіи, свидѣтельствуютъ слова

1) Record Office. Turkey 166 vl. № 70. Strangfork to Londonderry. 10 may 1822.

Digitized by Google

тронной рѣчи, назвавшей Наваринскій бой untoward event и отставка Кодрингтона, виновника этого грустнаго въ глазахъ Англіи событія. «Пьесу нужно освистать, хотя актеры и заслуживаютъ похвалы», отозвался о Наваринскомъ боѣ англійскій король, и острота эта служитъ вѣрнымъ и точнымъ выраженіемъ того, что думало англійское общественное мнѣніе по поводу уничтоженія турецкаго флота.

Я не думаю вообще, что однимъ только своекорыстіемъ можно было объяснить поведеніе европейскихъ кабинетовъ. Конечно, всегда есть извѣстная примѣсь эксплоатаціонныхъ стремленій въ томъ, что принято называть внѣшними интересами той или другой стороны. Конечно, каждое государство стремится не только охранять внѣ своихъ предѣловъ выгоды и преимущества своихъ гражданъ, но и расширять ихъ, хотя бы въ ущербъ чужимъ правамъ. Несомнѣнно, со всѣмъ этимъ нужно считаться при объясненіи событій. Но суть дѣла все-таки же не въ этомъ. Самосохраненіе— есть первая и самая безспорная обязанность государства. Ея потребностями и опредѣляется внѣшняя политика прежде всего и больше всего. Въ чемъ же заключались эти потребности въ ту пору, когда вспыхнуло греческое возстаніе? Вотъ вопросъ, которымъ долженъ былъ бы задаться г. Тепловъ, вмѣсто того, чтобы обвинять державы въ своекорыстіи и лицемѣріи. Могла ли, дѣйствительно, Европа съ точки зрѣнія своей безопасности отнестись къ греческому вопросу иначе, какъ враждебно? По-моему, нѣтъ. Послѣ столькихъ лѣтъ гигантской борьбы, миръ былъ первою потребностью истомленныхъ народовъ.

Соображеніе, само по себѣ достаточно вѣское, чтобы заставить смолкнуть всѣ остальныя. Присоедините къ нему то, чѣмъ былъ восточный вопросъ въ глазахъ государственныхъ людей Европы, и вы поймете, съ какою враждебностью они должны были встрѣтить возстаніе грековъ. Въ сущности, что такое восточный вопросъ? Когда турокъ не будетъ, что̀ ихъ замѣститъ? Трудно было сказать навѣрное, что̀. Одно казалось несомнѣннымъ: разрушеніе Турціи не могло не повлечь за собой новаго усиленія Россіи, и безъ того уже черезчуръ сильной по мнѣнію Европы. Ея вліяніе должно было увеличиться, тѣсные узы, искони соединявшіе ее съ православнымъ Востокомъ, должны были стать нерушимыми отъ чувства благодарности освобожденныхъ къ освободителямъ. Разсужденіе совершенно ошибочное, но вполнѣ отвѣчавшее духу дипломатіи того времени, которая не признавала за принципомъ національности никакихъ правъ и находилась въ полномъ невѣдѣніи относительно всѣхъ его свойствъ и особенностей, хотя бы даже эти особенности могли явиться для нея могущественными союзниками въ достиженіи ея цѣлей. Національная упругость, сила сопротивленія, которой она обладаетъ, естественное стремленіе освобожденныхъ

Digitized by Google

прежде всего освободиться отъ опеки освободителей, все это были величины неизвѣстныя, съ которыми не считались и не умѣли считаться. А безъ нихъ, конечно, рѣшеніе восточнаго вопроса не могло не вызывать опасенія новыхъ успѣховъ русскаго могущества.

Рядомъ съ этимъ страхомъ за будущее, рядомъ съ этою неизвѣстностью поставьте еще соображенія религіозныя и торговыя. Ни одна страна въ мірѣ не признала бы религіознаго покровительства надъ частью своихъ подданныхъ со стороны чужого государства въ томъ видѣ, въ какомъ Турція признала его за Франціей. Нигдѣ на свѣтѣ иностранная торговля не пользовалась такою свободою, какъ въ Турціи, нигдѣ она не занимала такого привилегированнаго положенія въ ущербъ даже мѣстному купечеству.

Такимъ образомъ соображенія и религіозныя, и политическія, и торговыя требовали единогласно сохраненія въ неприкосновенности прежняго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ, и много времени должно было пройти, много перемѣнъ совершиться, пока ихъ не заставили умолкнуть вновь назрѣвшія, болѣе сильныя потребности.

Какъ онѣ возникли, какъ развивались, вотъ вопросы, которые, казалось бы, должны были привлечь особенное вниманіе г. Теплова. Дѣйствительно, Петербургскому протоколу и Лондонскому договору онъ посвящаетъ нѣсколько замѣчаній, но, на мой взглядъ, впрочемъ, недостаточныхъ. Лучше другихъ изложена (стр. 18 и 19) политика Англіи, хотя, можетъ быть, не всѣ ея двигатели поняты вѣрно. Рядомъ, напримѣръ, со стремленіемъ помѣшать отдѣльному вмѣшательству Россіи въ греческій вопросъ и тѣмъ вытѣснить исключительное ея вліяніе на Востокѣ, г. Тепловъ ставитъ желаніе уничтожить флотъ султана и охранить торговлю, страдавшую отъ греческихъ и турецкихъ пиратовъ. Относительно перваго я уже имѣлъ случай говорить, что же касается до второго, то торговля выставлялась какъ юридическое оправданіе вмѣшательства, а не была самою причиною его. Несмотря на частыя нападенія пиратовъ, англійская торговля на самомъ дѣлѣ значительно выигрывала отъ смутъ на Востокѣ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ переписка лорда Стрэнгфорда съ англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Сравнительно хуже изложена политика другихъ державъ въ греческомъ вопросѣ. Въ особенности страннымъ мнѣ кажется утвержденіе г. Теплова, будто «Австрія и Пруссія присоединились къ протоколу 4-го апрѣля» (стр. 18). На всѣ предложенія принять въ немъ участіе Пруссія и Австрія отвѣчали отказомъ и потому не подписали и Лондонскаго трактата, представлявшаго лишь въ сущности развитіе Петербургскаго протокола[1]).

1) Prokesch Osten. Op. cit. II, 82.

Digitized by Google

Что же касается до Франціи, этой третьей участницы въ рѣшеніи греческаго вопроса, то причины ея вмѣшательства остались совершенно не выясненными, если не считаться съ общею тѣнью своекорыстія и лицемѣрія, которую г. Тепловъ набрасываетъ вообще на политику европейскихъ кабинетовъ, и, по-моему, не совсѣмъ справедливо относительно Франціи и даже Англіи.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя бы Франція и приступила къ апрѣльскому протоколу, не желая оставить дѣйствовать однѣхъ Англію и Россію, въ чемъ же выразилась ея эксплоатація въ Греціи? Ничего она не пріобрѣла (Алжиръ былъ платою за поддержку, оказанную русскому правительству во время турецкой войны, за готовность вооруженною рукою остановить Австрію, а совсѣмъ не за Морейскую экспедицію), истратила наоборотъ до ста милліоновъ франковъ, пожертвовала нѣсколькими сотнями своихъ сыновъ, погибшихъ въ Наваринской битвѣ и отъ болѣзней въ болотахъ Петалиди, гарантировала заемъ въ 60 милліоновъ франковъ, устроила въ Греціи археологическій институтъ, сняла топографическую карту, содѣйствовала всячески развитію греческой національности [1]).

Теперь относительно Англіи. Положимъ, Каннингъ помимо своихъ филеллинскихъ симпатій, съ одной стороны, и своего стремленія поддерживать всюду національное начало съ другой, вмѣшался въ восточный вопросъ, руководствуясь еще двумя побужденіями, которыя не могли у него не стоять на первомъ планѣ, какъ у англійскаго государственнаго человѣка. Онъ желалъ прежде всего разрушить «континентальный» Священный Союзъ, въ сущности бывшій по своимъ проявленіямъ союзомъ крайней реакціи и стѣснявшій естественный ходъ и развитіе народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Россіи честь исключительной освободительницы балканскихъ народностей. Но развѣ въ этомъ есть какія-нибудь основанія, чтобы обвинять его политику въ лицемѣріи и эксплоатаціи?

Что касается до третьяго фактора въ дѣлѣ освобожденія Греціи, общественнаго мнѣнія въ Европѣ, то ему г. Тепловъ отводитъ здѣсь и тамъ по нѣскольку строкъ, но ограничивается только общими фразами въ родѣ: «крикъ ужаса пронесся по Европѣ при полученіи извѣстія о Хіосской рѣзнѣ» (стр. 13), или «во Франціи, въ Германіи, въ Англіи образовались общества филеллиновъ, которыя путемъ подписокъ собирали значительныя суммы, пересылавшіяся грекамъ вмѣстѣ съ оружіемъ и военными припасами; кромѣ того, на защиту ихъ двинулись ряды добровольцевъ, среди которыхъ былъ Байронъ, полковникъ Фавье, графъ Роза и другіе» (стр. 14).

1) Le Moniteur въ эпоху Крымской войны; цитирую по книгѣ «Les grecs à toutes les époques», par un ancien diplomate en Orient. Paris. 436 in 8° стр. 351.

Digitized by Google

Напрасно было бы искать у г. Теплова болѣе точныхъ данныхъ. Очевидно, для него остались неизвѣстными «Documents relatifs, à l'état présent de la Grèce» (изданіе греческаго комитета въ Парижѣ) и статья Викеласа Le philhéllenisme français. Основные вопросы по исторіи филеллинизма даже не подняты, напр: въ какое время, въ какой странѣ проявлялось сочувствіе къ грекамъ, какой характеръ оно носило, преобладалъ ли въ немъ элементъ классическій, или религіозный, или политическій, или филантропическій, въ какихъ партіяхъ находило себѣ сторонниковъ, въ какихъ отношеніяхъ стояло къ общему ихъ политическому міровоззрѣнію, какое участіе приняла въ филеллинизмѣ организація франкмасоновъ? какъ проявлялся онъ: въ литературной ли формѣ (пресса, памфлеты), въ художественной ли (знаменитая картина Delacroix «Хіосская рѣзня»), или въ практической (экспедиціи добровольцевъ, посылка денегъ и припасовъ)? Какія суммы были собраны! почему усиливался онъ или ослабѣвалъ въ ту или другую эпоху, какія взаимныя отличія французскаго филеллинизма отъ англійскаго и американскаго и наоборотъ, а главное, какъ относилось къ нему правительство, и какими способами друзья грековъ пытались воздѣйствовать на ходъ политики (парламентскіе запросы, митинги, депутаціи къ министрамъ).

Я думаю, отъ біографіи Каподистріи не было бы чрезмѣрнымъ требовать хотя бы частнаго разрѣшенія подобныхъ вопросовъ, потому что душою филеллинскаго движенія былъ самъ Каподистрія, направлявшій и поддерживавшій его изъ Женевы. На важность этой стороны въ дѣятельности президента, казалось бы, должна была навести г. Теплова сама переписка Каподистріи. Помимо личной дружбы, всѣ его письма къ Эйнару вызваны постояннымъ и неослабнымъ стремленіемъ поддерживать черезъ его посредство живую и дѣятельную связь съ филеллинизмомъ. Такихъ писемъ въ одномъ первомъ томѣ двадцать четыре[1]). Рядомъ съ ними въ томъ же первомъ томѣ стоитъ множество писемъ Каподистріи къ различнымъ филеллинамъ непосредственно[2]).

Дѣйствительно, дѣятельность Каподистріи въ этомъ направленіи была такъ разностороння и обильна послѣдствіями, что не только біографы президента, но даже авторы статей въ энциклопедическихъ словаряхъ считаютъ долгомъ остановиться на ней подробнѣе. Вотъ, напр., что говоритъ Дебидуръ въ La Grande Encyclonédie (2-nu édit. IX p. 217. Capodistrias).

---

1) Corresp. I.

2) Къ Charles Dupin á Paris I, 211, Favre Bertrand, président du Comité Philhéllenique de Genéve I, 282, къ знаменитому барону Штейну I, 348, Hufeland въ Берлинѣ I, 470, Ternaux, président de la Société philanthropique en faveur des Grecs à Paris II, 184, Haagendorp въ Гагѣ II, 326 герцогу Dandoville въ Парижѣ II, 329 и пр., и пр.

Digitized by Google

Capodistrias servait (la cause grecque) plus efficacement en suscitant soit à Genève, où il a été puissament secondé par le banquier Eynard, soit dans d'autres parties de l'Europe, la formation de nombreux comitès de secours, *dont il étoit sans se montrer le directeur suprême. Grâce au philhéllenisme, dont il fut le propagateur le plus autorisé et le plus résolu, etc. etc....*

II.

Глава вторая работы г. Теплова (стр. 21—29) посвящена біографіи Каподистріи до его отъѣзда въ Грецію въ 1827 году. Задача автора была несравненно легче, чѣмъ въ первой главѣ, и разрѣшилъ онъ ее гораздо лучше, хотя все же не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Особенно чувствуется въ изложеніи отсутствіе внутренняго единства. Изображая пятьдесятъ лѣтъ жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ и дѣятелей девятнадцатаго столѣтія, нужно было избрать одинъ основной вопросъ, чтобы на немъ сосредоточиться всецѣло. Только подъ этимъ условіемъ можно было создать нѣчто цѣльное и пролить свѣтъ на загадочную во многихъ отношеніяхъ личность Каподистріи. При томъ двойственномъ положеніи, которое занималъ послѣдній, необходимо было опредѣлить, что было руководящимъ, основнымъ двигателемъ въ его жизни и въ его отношеніяхъ къ Греціи и къ Россіи, необходимо было возстановить его нравственные и политическіе идеалы[1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ по примѣру Гервинуса слѣдовало бы произвести психологическій анализъ этой сложной души, разложить ее на составныя части, объяснить тѣ двигатели, которымъ она повиновалась, но безъ того страстнаго чувства вражды, съ которымъ это дѣлалъ Гервинусъ, а спокойно и безпристрастно, не прилагая ко всему отвлеченной мѣрки либерализма, а объясняя событія изъ нихъ самихъ, судя дѣятелей по тѣмъ идеа-

1) Матеріалъ для этого есть. Не говоря уже про письма Каподистріи, можно было бы съ этою цѣлью воспользоваться запиской Каподистріи о положеніи Іоническихъ острововъ (Observations sur e'état interieur des îles Ioniennus. British Museum. Manuscripts. Additianal 27,937, i, 21. Capodistrias), Rapport, présenté à S. M. l'Empereur par S. Ex. Le Comte de Capodistrias sur les établissements de Fellenberg à Hofwyl en octobre 1814. Paris 1815, анонимнымъ обращеніемъ графа Каподистріи къ грекамъ отъ 18-го апрѣля 1819 года, въ бытность его на Іоническихъ островахъ, напечатаннымъ у George Waddington, A Visit to Greece in 1823 and 1824. London 1825. 2d ed. 248 in 8° и озаглавленнымъ «Observations sur les moyens d'améliorer le sort des Grecs», письмами Каподистріи, напечатанными въ видѣ приложенія къ его біографіи Мендельсона Бартольди (Op. cit. 375–413), фактами, приводимыми его біографами и всѣмъ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который можетъ дать изучаемая въ этомъ направленіи богатоя литература предмета, какъ выше приведенная, такъ и болѣе спеціальная. Важное значеніе, напримѣръ, имѣютъ «Documents diplomatiques inédits du Comte Jean Capodistrias», напечатанные въ греческомъ журналѣ Πατρίς, giornale di Corfou и т. д., и т. д.

Digitized by Google

ламъ, которые они сами себѣ ставили, примѣняясь къ условіямъ мѣста и времени, примѣняясь ко всѣмъ тѣмъ сложнымъ законамъ, по которымъ дѣйствуетъ человѣческая душа.

Только подъ условіемъ такого мѣрила дѣятельности Каподистріи, возможно будетъ сказать, насколько онъ былъ искренень въ своемъ поведеніи. До той же поры, все, что будетъ говориться за и противъ, ничего собственно доказывать не будетъ, кромѣ развѣ того, что въ обширныхъ складахъ историческихъ матеріаловъ, всякій можетъ найти, что захочетъ.

Мнѣ кажется, что г. Тепловъ не поставилъ себѣ достаточно ясно этого вопроса. Иначе онъ отвелъ бы не одну страницу дѣятельности графа Каподистріи на Іоническихъ островахъ, изобразивъ ее притомъ съ чисто внѣшней стороны, въ томъ духѣ, въ какомъ пишутся формуляры, и прибавивъ только нѣсколько похвалъ гибкости ума, ровности характера, строгости нравовъ и увлеченію общимъ благомъ въ своемъ героѣ (стр. 22). Нужно было выставить его участіе въ управленіи, его отношеніе къ созданнымъ на Іоническихъ островахъ новымъ формамъ государственной жизни, ибо его дѣятельность въ ту пору была для него подготовкою къ обязанностямъ президента, и, стоя во главѣ Греціи, онъ дѣйствовалъ, повинуясь правительственнымъ идеаламъ, въ то время составленнымъ, слѣдуя той рутинѣ, съ которою освоился въ бытность статсъ-секретаремъ республики. Въ высшей степени важнымъ является также его участіе въ походѣ на Санта Мавра. Тамъ онъ ближе узналъ Колокотрони, Боцари, Караискаки и другихъ греческихъ вождей, тамъ онъ заключилъ съ ними связи, оказавшія ему впослѣдствіи столько услугъ, тамъ научился удивляться и цѣнить храбрость арматоловъ[1]).

И въ дальнѣйшей его жизни, когда онъ покинулъ Іоническіе острова и перешелъ «хотя и вовсе неохотно на русскую службу»[2]), особенно важны тѣ факты, которые представляютъ выраженіе его двойственныхъ чувствъ къ Греціи, съ одной стороны, и къ Россіи, съ другой. Держась этой точки зрѣнія нельзя было пройти молчаніемъ многое, опущенное въ изложеніи г. Теплова. Нельзя было, напримѣръ, не привести замѣчательныхъ словъ, сказанныхъ Каподистріей графинѣ Несселороде въ отвѣтъ на ея предложеніе женить его на русской: «Я не хочу стать русскимъ по женѣ, а только по добросовѣстному исполненію моихъ обязанностей передъ Россіей. Но рано или поздно я вернусь на тотъ островъ, гдѣ покоятся кости моихъ предковъ»[3]). Въ той же самой Вѣнѣ, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, нахо-

1) Mendelsohn. Op. cit. 17.
2) Эделингъ. Op. cit. 206.
3) Mendelsohn. Op. cit. 25.

Digitized by Google

дясь на верху царской милости, Каподистрія съ грустью повторялъ Гази: «Неужто среди насъ не найдется новаго Θразибула!» [1]).

То же самое чувство постоянной заботы Каподистріи о Греціи сказалось въ разговорѣ его съ герцогомъ Ришлье на Ахенскомъ конгрессѣ, гдѣ Франція была избавлена отъ уплаты болѣе шести сотъ милліоновъ франковъ. Ришлье предлагалъ Каподистріи за оказанныя имъ Франціи услуги какую угодно награду. Каподистрія отказался наотрѣзъ отъ денегъ и попросилъ только, чтобы во вновь образованный на Іоническихъ островахъ университетъ были пожертвованы дуплеты королевской библіотеки [2]). Слова замѣчательныя, не только потому, что они свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ уровнѣ Каподистріи, о его безупречной честности, но также и потому, что въ нихъ высказалась со всею силою его неизмѣнная дума о несчастной родинѣ и о средствахъ спасти ее; видя ихъ въ образованіи, Каподистрія съ своей стороны дѣлалъ все, бывшее въ его власти, чтобы поддержать и усилить въ Греціи просвѣщеніе. Помимо общества Филомузъ, упоминаемаго г. Тепловымъ, помимо связей съ лордомъ Гильфордомъ, устроившимъ на Іоническихъ островахъ первый греческій университетъ, Каподистрія своими личными средствами служилъ дѣлу распространенія просвѣщенія среди грековъ. Въ различныхъ европейскихъ университетахъ учились на его счетъ молодые его соотечественники [3]). Въ этомъ же направленіи онъ пользовался своимъ положеніемъ и своимъ вліяніемъ, какъ русскаго министра. Оказавъ, напримѣръ, услугу Маріупольскимъ грекамъ, Каподистрія отказался отъ предложенной ему вещественной благодарности съ тѣмъ, чтобы въ Маріуполѣ было заведено преподаваніе греческаго языка [4]).

Въ то время однако, когда Каподистрія желалъ постепеннаго и закономѣрнаго возрожденія своей отчизны, другіе греки хотѣли мѣръ, болѣе рѣшительныхъ и насильственныхъ. Рядомъ съ обществомъ Филомузъ, дѣйствовавшимъ въ духѣ Каподистріи, преслѣдовавшимъ образовательныя цѣли по преимуществу, остававшимся въ большей или меньшей степени на почвѣ порядка, возникла гетерія, олицетворившая стремленіе греческаго народа сбросить немедля тяготѣвшее надъ нимъ иго. Каподистріи пришлось не одинъ разъ стать лицомъ къ лицу съ новымъ движеніемъ и внутри его должна была начаться тяжелая борьба, плодъ его двойственнаго положенія, съ одной стороны, какъ греческаго патріота, съ другой, какъ русскаго министра.

---

1) Δοκίμιον περὶ τῆς Ἑλληνικῆς ἐπαναστάσεως Ἀθηναι παρὰ 1. Φιλήμονος 1859. 416 in 8, стр. 29.

2) Popadopoulo Brétos. Op. cit. I, 34.

3) Popadopoulo Brétos. Op. cit. I, 27.

4) Idem II, 36.

Digitized by Google

Бываютъ такія минуты въ жизни, когда сразу нарушается ея обычный ходъ. Полууступки, полумѣры, попытки примирить идеалъ съ дѣйствительностью посильнымъ его осуществленіемъ становятся болѣе невозможными. Необходимо высказаться окончательно и безповоротно, и здѣсь-то обнаруживается весь человѣкъ, спадаетъ паутина повседневной жизни и изъ подъ нея выступаетъ вся мѣра его нравственныхъ и духовныхъ силъ, степень его самоотверженія и искренности въ служеніи высшимъ идеаламъ. Такимъ испытаніемъ для Каподистріи было сначала предложеніе, сдѣланное ему гетеріей, и затѣмъ возстаніе Греціи. И изъ этого испытанія, изъ этой внутренней борьбы Каподистрія вышелъ чистымъ и безупречнымъ, и въ его жизни эти событія имѣютъ слишкомъ большую важность, чтобы біографъ, изображая ихъ, могъ ограничиться только двумя страницами и про отношенія президента къ гетеріи сказать только: «Въ 1817 году Галлатисъ предложилъ графу Каподистріи стать во главѣ гетеріи, предполагавшей освободить грековъ отъ турецкаго ига посредствомъ повсемѣстнаго возстанія; онъ съ негодованіемъ отказался отъ того, выразивъ также, какъ тщетно было бы разсчитывать возставшимъ на вооруженную поддержку Россіи. Этотъ отказъ такъ поразилъ вожаковъ гетеріи, что съ цѣлью скрыть отъ грековъ, что Россія не окажетъ имъ помощи въ возстаніи, они не остановились передъ убійствомъ везшихъ такое сообщеніе Галлатиса и сопровождавшаго его посланца Спарты, Камариноса. Въ 1820 году гетерія вторично предлагала графу Каподистріи (стр. 27) чрезъ Ксанѳоса принять начальство надъ этимъ тайнымъ обществомъ; за новымъ его отказомъ верховное руководительство этимъ послѣднимъ было принято на себя Александромъ Ипсиланти» (стр. 28).

Совершенно непонятно, почему г. Тепловъ ни словомъ не упоминаетъ, что Ипсиланти принялъ предложеніе гетеріи съ вѣдома и съ одобренія Каподистріи. Фактъ, черезчуръ важный и въ исторіи борьбы Греціи за независимость, и въ личной жизни самого президента, чтобы его можно было обойти молчаніемъ. Вообще, этотъ вопросъ нуждался въ бо́льшемъ освѣщеніи, и исторія Россіи Бернгарди даетъ къ тому новый матеріалъ.

Вотъ какъ было дѣло. Когда Галлатисъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Каподистрія испросилъ у императора разрѣшеніе принять его. «Примите, сказалъ ему Александръ I, посмотримъ, что за человѣкъ». Собравши предварительно справки, Каподистрія понялъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ несерьезнымъ, молодымъ и легкомысленнымъ, и сообразно съ этимъ велъ себя въ разговорѣ съ Галлатисомъ[1]). «Нужно съума сойти, чтобы думать о подобномъ предпріятіи, — а чтобы говорить объ немъ въ русскомъ мини-

1) Bernhardi. Op. cit. III, 617.

Digitized by Google

стерствѣ иностранныхъ дѣлъ, нужно быть молодымъ человѣкомъ, ничего, кромѣ Итаки, не видѣвшимъ», сказалъ ему взволнованный и огорченный Каподистрія [1]).

Тѣмъ не менѣе, когда полиція арестовала Галлатиса въ виду того, что онъ болталъ про свои проекты направо и налѣво, Каподистрія выхлопоталъ у императора разрѣшеніе отпустить его. Допросъ Галлатиса, найденныя у него бумаги открыли планы и организацію гетеріи. Императоръ говорилъ на этотъ счетъ съ Каподистріей, выражалъ желаніе облегчить участь грековъ законными путями [2]), но боясь только ухудшить ихъ положеніе своими представленіями турецкому правительству, заключилъ свою бесѣду съ Каподистріей такими словами: «Мы ничего не можемъ сдѣлать; не будемъ вмѣшиваться, предупредите на этотъ счетъ грековъ. Такое предупрежденіе будетъ спасительно для другихъ» [3]).

Исполняя волю императора, Каподистрія написалъ въ этомъ духѣ въ Одессу и въ княжества [4]). Такой же отвѣтъ получили пріѣхавшіе въ Петербургъ съ подобными же предложеніями пять греческихъ вождей съ Іоническихъ острововъ (1818 годъ) [5]). Такіе же взгляды проводилъ Каподистрія и въ бытность свою на родинѣ въ 1819 году, о чемъ свидѣтельствуютъ написанныя имъ тогда: «observations sur les moyens d'améliorer le sort des Grecs».

Тѣмъ не менѣе хозяйничаніе англичанъ на семи островахъ возбуждало въ немъ сильное негодованіе. «Вмѣсто покровительства, писалъ онъ къ Карамзину отъ 11 (23) апрѣля 1819 года, Великобританія поступаетъ со страною такимъ образомъ, какому нѣтъ имени, какого вообразить нельзя отъявленному недоброжелательству. Исполнивъ, насколько отъ меня будетъ зависѣть, обязанности сына и гражданина, я отплыву опять въ Италію. По дорогѣ я воспользуюсь въ продолженіе двухъ недѣль минеральными водами, чтобы избавиться отъ той желчи, которая у меня накопилась здѣсь [6]). Подъ вліяніемъ испытываемаго имъ негодованія Каподистрія отправляется лично въ Лондонъ, чтобы сдѣлать представленія англійскимъ министрамъ. Если насильственныя мѣры претили духу Каподистріи, привыкшему болѣе дѣйствовать словомъ и перомъ, то тѣмъ сильнѣе было въ немъ желаніе служить родинѣ законными путями. Опираясь на письма императора Александра, ссылаясь на договоры, онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы облегчить положеніе своихъ соотечественниковъ на Іоническихъ островахъ.

1) Idem 618.
2) Idem 619.
3) Idem 620.
4) Idem 620.
5) Idem 624.
6) Утро I, 196.

Digitized by Google

Но Кастльри, Веллингтонъ и Бэворстъ оставались также равнодушны къ его просьбамъ, какъ и къ угрозамъ по поводу неисполненія договоровъ [1]). Попытка его окончилась полною неудачею и только возстановила противъ него Англію. Англійскіе государственные люди съ той поры стали относиться съ нескрываемою враждебностію и подозрительностію къ Каподистріи, и тотъ въ свою очередь сталъ платить имъ тою же монетою. Обстоятельство, осложнившее въ значительной степени положеніе Каподистріи, когда онъ сталъ во главѣ греческаго правительства.

По возвращеніи въ Петербургъ Каподистрію ожидало новое испытаніе. Несмотря на неудачу Галлатиса, гетерія не оставляла мысли привлечь на свою сторону будущаго президента Греціи. За этимъ въ 1820 году пріѣхалъ въ Петербургъ Ксанѳосъ. Раньше Каподистрія безусловно уклонялся отъ всякаго участія въ подготовлявшемся движеніи, но теперь его настроеніе было иное. Онъ только что вернулся съ Іоническихъ острововъ. Страданія его соотечественниковъ были живы передъ его глазами, и сердце его болѣло съ новою силою за участь несчастной родины. Постигшая его въ Англіи неудача оскорбила въ немъ его чувство національной гордости и заставила его, можетъ быть, усумнится въ достаточности мирныхъ и законныхъ средствъ. Къ этому присоединялось сознаніе, что ему не остановить потока, готоваго прорваться сквозь сдерживающія его преграды. И подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чувствъ Каподистрія далъ гетеріи иной отвѣтъ, чѣмъ раньше. Положимъ, онъ опять отклонилъ отъ себя честь стать во главѣ возстанія, но прибавилъ къ своему отказу такія слова: «Вы можете найти другія средства и да поможетъ вамъ Богъ осуществить вашу цѣль [2])». Указаніе на Ипсиланти было ясно. Ксанѳосъ не преминулъ имъ воспользоваться. Ипсиланти обратился за совѣтомъ къ Каподистріи. Тотъ скорѣе склонялъ его принять предложеніе, чѣмъ отказаться отъ него. «А какое положеніе займетъ Россія?» сказалъ Ипсиланти. «Разъ въ Греціи возстанетъ нѣсколько тысячъ, Россія придетъ на помощь [3])», отвѣтилъ Каподистрія. Ипсиланти просилъ довести происшедшій разговоръ до свѣдѣнія императора, но Каподистрія счелъ это неудобнымъ, такъ какъ Александръ I не согласился бы поощрить замыслы гетеріи; рѣшено было поставить Россію лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ.

Въ такомъ видѣ сохранился разговоръ этотъ у Филимона, который передаетъ его на основаніи семейныхъ архивовъ Ипсиланти. Положимъ, въ интересахъ этой семьи было выставить участіе Каподистріи въ рѣшеніи, принятомъ Александромъ Ипсиланти. Положимъ, съ этой стороны можно

1) Mendelsohn. Op. cit. 50—55.
2) Филимонъ. Op. cit. 32.
3) 1 d. idem.

Digitized by Google

заподозрѣть достовѣрность свидѣтельства Филимона, но зато въ его пользу говоритъ несомнѣнная близость Каподистріи съ Ипсиланти, постоянныя бесѣды о будущемъ ихъ несчастной родины. «Надежда, что греческій народъ будетъ свободенъ, пишетъ графиня Эделингъ, рожденная Стурдза, являлась намъ (ей и Ипсиланти) радужнымъ сномъ. Восторженныя чувства наши раздѣлялъ съ нами графъ Каподистрія, человѣкъ старше насъ лѣтами, уже пытавшійся осуществить эти золотыя мечты и посвятившій лучшіе годы своей молодости на созданіе Іонической республики[1])».

При такой близости съ Каподистріей, Ипсиланти не могъ принять столь важнаго рѣшенія въ ихъ общемъ дѣлѣ, не заручившись полусогласіемъ, по крайней мѣрѣ, своего болѣе опытнаго и вліятельнаго друга. Такъ ли понялъ Ипсиланти слова Каподистріи, придалъ ли онъ имъ тотъ смыслъ и значеніе, который они дѣйствительно имѣли, вопросъ другой, но во всякомъ случаѣ, много лѣтъ спустя (2 (11) января 1828 года) онъ не усумнился написать императору Николаю, что Каподистрія посовѣтовалъ ему начать возстаніе и не сомнѣвался въ его успѣхѣ[2])». И что особенно важно, президентъ оставилъ эти слова безъ опроверженія.

Если сопоставить съ этими фактами слова, вырвавшіяся у императора Александра подъ первымъ впечатлѣніемъ извѣстія о возстаніи, поднятомъ Ипсиланти: «Я всегда говорилъ, что этотъ достойный молодой человѣкъ питаетъ благородныя чувства»[3]), то, можетъ быть, надежды гетеріи на Россію покажутся не столь не основательными. Фантастичными только оказались ожиданія, что Россія въ своихъ дѣйствіяхъ пойдетъ дальше точнаго смысла словъ императора Александра «je ferai quelque chose pour les Grecs», сказалъ онъ однажды въ разговорѣ съ Ипсиланти, и слова эти стали руководящею нитью его политики. Ихъ онъ никогда не забывалъ, даже въ тѣ минуты, когда, казалось, совершенно оставлялъ грековъ.

Каподистрія зналъ, конечно, про эти чувства императора, когда поддерживалъ надежды Ипсиланти, но онъ не могъ не понимать, что quelque chose еще далеко не все, что отъ смутнаго состраданія и отъ туманнаго желанія прійти на помощь еще далеко до рѣшительныхъ шаговъ. Каподистрія надѣялся, вѣроятно, что потокъ событій увлечетъ за собой императора, что время усилитъ и укрѣпитъ его сочувствіе къ грекамъ, и съ своей стороны направилъ всѣ свои помыслы, всѣ свои старанія, чтобы сдержать обѣщаніе, данное имъ Ипсиланти, и заставить Россію выступить защитницей грековъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, ему нужно было вдохнуть силу и рѣшительность въ душу императора, истомленнаго долгой борьбой и

1) Эделингъ. Op. cit. 206.
2) Папарригопуло. Op. cit. V, 702.
3) С. Соловьевъ. Императоръ Александръ I, СПб. 1877, стр. 486.

Digitized by Google

искавшаго отдыха и покоя, пробудить въ ней дремавшую волю и направить ее по своему желанію, однимъ словомъ подчинить своему вліянію того человѣка, который никогда не подчинялся всецѣло чужимъ вліяніямъ и котораго никто въ рукахъ никогда не держалъ[1]). Въ своихъ стараніяхъ Каподистрія потерпѣлъ неудачу, и если онъ говорилъ впослѣдствіи съ гордостію: «на что былъ могущественный монархъ императоръ Александръ, но и тотъ не смогъ переломить меня», то эти слова можно понять и наоборотъ: «хоть и надѣялся Каподистрія переломить императора, но не удалось». Впрочемъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Въ самомъ дѣлѣ полный успѣхъ едва ли былъ возможенъ при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Каподистріи. Если обратиться къ тѣмъ принципамъ, которые лежали въ основѣ политики императора Александра; если выдѣлить тѣ часто скрытые отъ глазъ зрителей двигатели, которымъ она повиновалась; если принять во вниманіе вліяніе на нее Священнаго союза и новаго положенія Европы послѣ Вѣнскаго конгресса,—то станутъ понятны тѣ трудности, побѣдить которыя предстояло Каподистріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая политика императора Александра выступитъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ это представляется г. Теплову, который все склоненъ объяснять «мороченіемъ» и интригами Меттерниха (стр. 10 и 28).

Средство, чрезвычайно простое, но едва ли вѣрное. Въ томъ то и дѣло, что императоръ Александръ только наружно поддавался вліяніямъ, но никогда не отдавался имъ всецѣло и безраздѣльно. Если онъ шелъ путемъ уступокъ и примиреній, то это еще не значитъ, чтобы у него не было своей цѣли, чтобы за внѣшнею гибкостію и уклончивостію не скрывалось воли, которой не могли сломить ни люди, ни обстоятельства.

На первый взглядъ, конечно, политика его не представляется стройною и цѣльною; напрасно въ ней искать постояннаго и упорнаго развитія одной какой-нибудь мысли, простой и осязательной. Ряды фактовъ, ее выразившихъ, не образуютъ цѣпи изъ звеньевъ, послѣдовательно входящихъ одно въ другое; они напоминаютъ скорѣе клубокъ перепутанныхъ нитей, въ которомъ, кажется, не найти ни начала, ни конца. Привыкши имѣть дѣло съ ясными и реальными цѣлями, и современники, и историки за исключеніемъ Соловьева терялись въ попыткахъ разгадать ускользающую отъ ихъ пониманія цѣль императора Александра. Отъ наблюденія, отъ изученія отдѣльныхъ фактовъ только рѣзче выступала ихъ непримиримая противорѣчи-

1) No man living has him in hand. Sir. Ch. Bagot to George Canning June 1823. St. Petersburgh. Barrington. Op. cit. 133.

Digitized by Google

вость, и, казалось, не было имъ другого объясненія, кромѣ слабохарактерности и нерѣшительности императора [1]).

А между тѣмъ воля императора проявлялась не одинъ разъ, и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ самые твердые люди могли бы легко пасть духомъ, а императоръ не упадалъ. Всѣ вліянія, которымъ онъ подчинялся, были только частныя и условныя, и въ размѣрѣ и въ выборѣ ихъ проявлялась воля того, кто имъ сознательно подчинялся, кто бралъ изъ нихъ лишь то, что считалъ нужнымъ. Если такимъ образомъ внѣшнихъ противорѣчій въ политикѣ императора Александра нельзя объяснить отсутствіемъ воли и слабостью характера, то нужно искать другого ключа къ ихъ пониманію, и, какъ мнѣ кажется, нигдѣ не найти его, кромѣ особенностей необыкновенно сложной его психологической организаціи. Онѣ однѣ лишь могутъ примирить на видъ непримиримое, стать путеводною нитью среди мыслей и дѣйствій, часто несогласныхъ между собою, часто даже исключающихъ другъ друга на первый взглядъ.

Съ раннихъ лѣтъ своей жизни императоръ почувствовалъ себя одинокимъ среди окружающей его среды. «Сердце его затворилось отъ дѣйствительности и стало питаться туманною мечтательностію[2]), страсть, не покидавшая его ни при какихъ обстоятельствахъ въ теченіе всей жизни[3]). «Я вамъ скажу одну вещь, говорилъ онъ другу г-жи Крюднеръ, Емпейтазу, которая бы удивила міръ, если бы была извѣстна. Въ совѣщаніяхъ съ министрами, которые далеки отъ моихъ принциповъ, вмѣсто того, чтобы спорить, я начинаю внутренне молиться и вижу, какъ они приходятъ къ началамъ милосердія или справедливости [4]).

Идеологъ отъ природы, императоръ Александръ сохранилъ вопреки всему вѣру въ силу идей до конца жизни. Онъ исповѣдывалъ ихъ со всею силою и страстностью человѣка, внезапно прозрѣвшаго; внѣ ихъ, казалось ему, не было спасенія; для нихъ онъ былъ готовъ на всякую жертву, и никакая крайность въ ихъ проявленіи не останавливала его на томъ пути, по которому онъ шелъ, часто изнемогающій въ борьбѣ и разувѣрившійся въ людяхъ. И какъ бы ни была велика пропасть, раздѣляющая его взгляды въ началѣ и въ концѣ царствованія, все же въ нихъ основа оставалась не-

---

1) Мнѣніе Лаферроннэ. Vie de Madame de Krudener par Charles Eynard. Génève. 1849. 2 v. in 8°. II, 350.

2) Эделингъ. Op. cit. 202.

3) The life of William Allen with sebetions from his correspondence London. 1846. 1847. 3 vl. in 8°. II, 257, 260, 262, 265, 281, 286. «Императоръ говорилъ мнѣ, какъ тяготитъ его общество. Онъ предпочитаетъ оставаться одинъ въ своей комнатѣ. «Съ вами только я могу дышать» сказалъ онъ мнѣ. Говорилъ про свои искушенія. Опять молились; сидѣли въ молчаніи III ,215.

4) Eynard. Op. cit. II, 11, 12.

Digitized by Google

измѣнной. Императоръ Александръ говорилъ про себя, что онъ послѣдователенъ, и былъ по своему таковымъ. Какъ въ юности стремился онъ разрѣшить вопросы жизни, пересоздать ее на новыхъ началахъ для вящшаго блага человѣчества съ помощью либеральныхъ теорій, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ пытался онъ осуществить ту же цѣль путемъ полухристіанскихъ, полумистическихъ мечтаній. Это были отвлеченныя, туманныя, неумѣлыя, можетъ быть, мечтанія, но во всякомъ случаѣ въ своей основѣ они оставались чистыми и благородными. «Онъ можетъ дѣлать зло, но въ намѣреніи дѣлать добро», писалъ про него Лаферроннэ. Цѣлая бездна лежала между ними и жизнью. И при всякомъ столкновеніи идеала съ дѣйствительностью обнаруживался весь трагизмъ положенія императора Александра, и душа его наполнялась скорбію и грустію. Дѣйствительность звала его къ себѣ, жизнь требовала вмѣшательства и вмѣшательство это рѣдко увѣнчивалось успѣхомъ, и ничего, кромѣ огорченія, не приносило императору, ибо всѣ его попытки низвести идеалъ на землю, поднять землю до идеала кончались неудачею. Разъ наступала минута для рѣшительныхъ дѣйствій, въ душѣ его начинались колебанія; то одно теченіе брало въ ней верхъ, то другое, то третье получало перевѣсъ, ибо во всѣхъ нихъ была частица его идеала и ни одно не могло олицетворить его совершенно. Широкій и гибкій умъ во всемъ умѣлъ находить долю истины, сердце было отзывчиво, необыкновенная впечатлительность дѣлала его живымъ участникомъ настроенія окружающей его среды, а отсутствіе твердости и рѣшительности помогало ему съ необыкновенной быстротой переходить отъ одного къ другому, оставлять сегодня то, что вчера, казалось, занимало его безусловно, съ тѣмъ, чтобы опять вернуться къ нему завтра. Прощаясь съ нимъ сегодня, жаловался Нессельроде, мы не знаемъ, что скажетъ онъ завтра[1]). Переходъ совершался тѣмъ легче, чѣмъ яснѣе была въ умѣ самого императора связь всѣхъ его чувствъ, взглядовъ и дѣйствій съ однимъ его основнымъ направленіемъ.

Такъ было въ дѣлахъ, такъ было и въ отношеніяхъ его къ людямъ. Отдаваясь своимъ чувствамъ вполнѣ искренно и нелицемѣрно, со всею увлекательностью и страстностью своей подвижной натуры, императоръ Александръ никогда не видѣлъ въ близкихъ ему людяхъ полнаго осуществленія вѣчно носимаго имъ въ душѣ идеала, никогда не отдавался имъ всецѣло и безусловно. А между тѣмъ его искренность, его обаятельность, подкупавшая людей, заставляла ихъ принимать часть за цѣлое и ошибочно думать, что они обладаютъ императоромъ Александромъ, что они имѣютъ на него нравственныя права. Дѣйствительность рано или поздно выводила ихъ изъ

1) A. d. M. d. A. Z. Russie 168 vl. № 64. Laférronnays à Damas 22 juillet 1825. Confid.

Digitized by Google

заблужденія, и въ горечи разочарованія они называли его византійскимъ грекомъ (Наполеонъ) или обвиняли въ двуличности (Лаферроннэ).

Но въ отношеніяхъ императора къ людямъ не было двуличности, наоборотъ, это было совершенно искреннее исканіе правды въ людяхъ, хотя, можетъ быть, не всегда удачное и не всегда успѣшное въ дѣйствительности. Разочарованіе въ людяхъ стоило всегда императору большой душевной борьбы. Отнимать свое расположеніе ему, можетъ быть, было не менѣе больно, чѣмъ тому, кто его лишался, и каждое новое разочарованіе еще болѣе усиливало трагизмъ его положенія, еще яснѣе выступала неосуществимость его идеаловъ отъ невозможности найти истинно понимающихъ исполнителей[1]).

И не въ одномъ, можетъ быть, случаѣ не выступила съ такою яркостью непримиримость его идеаловъ съ дѣйствительностью, невозможность извлечь изъ нихъ для человѣчества все то, что они должны были ему дать, какъ въ эпоху борьбы Греціи за независимость.

Греческое возстаніе застало его увлеченнымъ идеею Священнаго союза, имъ самимъ созданнаго. Вознесенный сверхъестественнымъ усиліемъ русскаго народа на высшую ступень славы и могущества, на которую когда-либо поднимались русскіе государи, императоръ Александръ хотѣлъ держаться на ней, ставши на стражѣ мира, въ которомъ такъ нуждались измученные гигантской борьбой народы. Свершившееся было ужасно. Чтобы оно никогда не повторялось, нужно было въ корнѣ уничтожить зародыши международной вражды. Упояемый со всѣхъ сторонъ лестію, императоръ Александръ искренно вообразилъ, что наступила минута осуществить издавна взлелѣянную имъ мечту (миссія Новосильцова въ Лондонъ въ 1804 году), пришла пора пересоздать международныя отношенія, другія начала положить въ основу ихъ и превратить поклонниковъ силы и успѣха въ служителей добра и справедливости. Во главѣ ихъ хотѣлъ онъ охранять миръ противъ революціи и либерализма. Либеральныя идеи онъ ненавидѣлъ съ тою же силою, съ какою поклонялся имъ въ молодости. Въ глазахъ его онѣ были источникомъ всѣхъ страданій, всѣхъ бѣдствій человѣчества во время вызванныхъ ими опустошительныхъ войнъ; онѣ отождествились въ воспоминаніи императора съ уничиженіемъ порфирородныхъ передъ сыномъ счастія, съ позоромъ Аустерлица, съ пожаромъ Москвы.

И Европа, собравшаяся дѣлить добычу, съ удивленіемъ и наружнымъ согласіемъ слушала страстную проповѣдь императора, ибо что можно было

---

1) Душевное состояніе императора необыкновенно картинно рисуется въ письмѣ квакера Вилера отъ 3 декабря 1821 г. Императоръ изливалъ передъ нимъ всѣ свои задушевныя мысли и описывалъ свои страданія. Memoirs of the life and Gospel labours of the late Daniel Wheeler. London 1842 793 in 8 стр. 94, 95 и 104.

Digitized by Google

возразить человѣку, за спиной котораго стояло 800,000 штыковъ. Слушала тѣмъ болѣе, что не вѣрила ея искренности, стараясь открыть за ней тайные умыслы, своекорыстные расчеты. И дѣйствительно, такъ невѣроятно звучали эти новыя слова, что даже сами русскіе министры не могли сразу понять ихъ во всемъ объемѣ [1]). Когда же, наконецъ, Европа поняла мысль императора, увѣрилась въ его искренности и безкорыстіи, она наружно согласилась со всѣмъ, но въ дѣйствительности извлекла лишь то, изъ предложеній Александра I, что было ей выгодно: стѣснила свободу русскихъ дѣйствій и усилила реакцію.

Но и такимъ частичнымъ осуществленіемъ своей идеи дорожилъ императоръ. Онъ вѣровалъ въ ея силу, какъ вѣруютъ всѣ идеологи. Онъ думалъ, что велика истина и превозможетъ, что сѣмя, имъ брошенное, когда-нибудь взойдетъ и дастъ свой плодъ. Въ Священномъ союзѣ такъ, какъ онъ самъ его понималъ, онъ видѣлъ залогъ лучшаго будущаго, способъ рѣшить всѣ вопросы и устранить всѣ недоразумѣнія. Съ его же помощью онъ хотѣлъ устроить и участь грековъ, въ которыхъ не переставалъ никогда принимать живое участіе. Какъ онъ хотѣлъ соединить эти двѣ идеи, объ этомъ свидѣтельствуетъ его разговоръ съ французскимъ посломъ графомъ Лаферронэ. «Вѣрьте мнѣ, любезный графъ, сказалъ онъ ему 19-го іюля 1821, нельзя возлагать надежды на революцію, въ какой бы странѣ она ни происходила; сдѣлки съ нею невозможны, ибо она объединена повсюду и имѣетъ своимъ центромъ Парижъ. Она стремится къ ниспроверженію всѣхъ престоловъ, къ разрушенію всякаго общественнаго порядка. Она работаетъ надъ этимъ всѣми силами и во всѣхъ направленіяхъ. Она же вызвала возстаніе въ Греціи. Возстаніе вспыхнуло раньше предположеннаго. Заправилы думали прійти этимъ на помощь своимъ братьямъ въ Италіи. Ипсиланти, какъ я знаю навѣрное, собирался отправиться въ Парижъ за инструкціями, но тотъ оборотъ, который приняли дѣла въ Италіи, заставилъ революціонеровъ не медлить болѣе возстаніемъ Греціи; необходимо было помочь своимъ братьямъ въ другихъ странахъ, поставивъ союзныхъ государей въ затруднительное положеніе. Средство, казалось, дѣйствительно было вѣрное; революціонеры думали, что я буду вынужденъ высказаться въ пользу греческаго возстанія; что я отрекусь такимъ образомъ отъ тѣхъ принциповъ, которые я исповѣдую; что я потеряю довѣріе своихъ союзниковъ, пробудивъ въ нихъ безпокойство насчетъ тѣхъ честолюбивыхъ замысловъ, которые они могли бы во мнѣ предположить [2]).

---

1) Correspondance diplomatique du Comte Pozzo di Borgo pbl. par le Cte Ch. Pozzo di Borgo Paris. 1890. 1 v. in 8 стр. 500 и 504.

2) Прил. № 1.

Digitized by Google

Но ожиданія революціонеровъ не сбылись. Я сразу отвергъ Инсиланти, не принималъ въ расчетъ того, что думаетъ Россія. Я позволялъ печатать въ газетахъ, что я не одобряю возстанія грековъ. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, ловкіе вожди постояннаго заговора перемѣнили свою тактику, и, какъ мнѣ кажется, я располагаю данными, свидѣтельствующими, что подъ ихъ вліяніемъ Диванъ перешелъ всѣ границы въ своемъ неистовствѣ.

Тѣмъ не менѣе я все сдѣлалъ, все перенесъ, чтобы сохранить миръ, несмотря на ежедневныя оскорбленія, не смотря на нарушеніе договоровъ, я готовъ на все, чтобы избѣжать войны. Если она будетъ, то только вопреки моей волѣ, вопреку моему желанію (à mon corps défendant). Небо мнѣ свидѣтель, что моя единая мысль, мое единое попеченіе — сохранить для человѣчества тотъ миръ, который столько ему стоилъ. Въ этомъ одномъ я полагаю свою славу. Я прошу союзниковъ помочь мнѣ совѣтами, вразумить турокъ, изыскать средство сохранить неприкосновеннымъ настоящій строй Европы, и если этого средства не найти, если доведенный до крайности, я вынужденъ буду обратиться къ оружію, я опять ихъ прошу вступить со мною въ соглашеніе. Передъ разставаніемъ съ императоромъ австрійскимъ я хотѣлъ обратить его вниманіе на великія послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собою греческое возстаніе, но вообще люди неохотно вѣрятъ тому, что можетъ быть имъ стѣснительно или непріятно.

Въ Вѣнѣ воображаютъ, что нѣсколькихъ фразъ въ Beobachter достаточно, чтобы успокоить населеніе, доведенное до отчаянія, и вразумить необузданное правительство. Дѣло дошло однако до того, что крайнія мѣры стали необходимы.

Тѣмъ не менѣе, любезный графъ, призываю въ свидѣтели небо, какимъ вы меня видѣли съ той поры, какъ со мной познакомились, такимъ я и остался, такимъ и останусь. Надѣюсь выйти безупречнымъ изъ этого новаго испытанія, на которое я обреченъ, остаться чистымъ въ глазахъ Бога, послѣдовательнымъ въ глазахъ людей. У меня нѣтъ и не можетъ быть другого честолюбія, кромѣ обезпеченія и сохраненія мира. Въ немъ моя лучшая слава, и ей я готовъ принести въ жертву все остальное. Вѣрьте мнѣ, я не только не питаю честолюбивыхъ замысловъ, но мнѣ прямо ненавистны сами завоеватели. Уже давно я позналъ тщету ихъ славы, ту цѣну, которой она покупается. Конечно, можетъ казаться, что меня влечетъ широкое поприще, открываемое моему честолюбію войною съ турками. Но повторяю вамъ, я свое сдѣлаю, чтобы предотвратить ее. Затѣмъ-то я и обращаюсь къ своимъ союзникамъ, и, если война все-таки же окажется неизбѣжной, то съ ними сообща я хочу обсудить ея послѣдствія. Имъ сообщены всѣ документы; я хотѣлъ, чтобы мое положеніе, точно

Digitized by Google

также какъ мое поведеніе и мои намѣренія были извѣстны во всемъ объемѣ моимъ союзникамъ. Я хотѣлъ, чтобы они видѣли, какъ далеко простирается мое терпѣніе, и какъ много я вынесъ ради сохраненія мира; я желалъ, чтобы, убѣдившись въ моихъ правахъ, въ томъ, что я вынужденъ вести войну, они увѣрились бы, что я не только не хочу одинъ кончить этотъ споръ, какъ мнѣ могло бы совѣтовать честолюбіе, но приглашаю ихъ всѣхъ, или указать мнѣ и найти средство для предотвращенія войны, или вступить со мною въ соглашеніе относительно возможныхъ ея послѣдствій.

Любезный графъ, войти въ это соглашеніе необходимо. Ваша прежняя политика сближала васъ съ турками, но теперь сближеніе это доставляетъ вамъ мало выгодъ. Вѣрьте мнѣ, дорогой посолъ, и взгляните на карту, чтобы въ этомъ убѣдиться:. Союзникомъ Франціи должна быть Россія; мы будемъ вамъ болѣе вѣрными и болѣе полезными друзьями, чѣмъ турки. У насъ все общее; обѣ народности взаимно уважаютъ другъ друга, и мнѣ хочется вѣрить, что я велъ себя по отношенію къ вашему отечеству такъ, что французамъ меня нельзя считать за врага. Видите, съ какою откровенностію я съ вами говорю. Развѣ это дипломатія? Мы говоримъ съ вами съ тѣмъ довѣріемъ, съ какимъ говорятъ люди, другъ друга знающіе и уважающіе.

Впрочемъ, я всѣхъ зову на совѣтъ; пусть всѣ выскажутся и общій интересъ образуется изъ совокупности частныхъ. Если турки, не внемля ни разуму, ни собственной выгодѣ, заставятъ вести противъ себя войну, если въ необходимости ея всѣ сойдутся, нужно ихъ отбросить подальше, потому что ихъ сосѣдство столь же неудобно, сколь ихъ присутствіе, и потому что всѣмъ необходимо устроиться. Чѣмъ меньше мѣста для выбора, тѣмъ онъ затруднительнѣй.

Возьмите всю Европу отъ Босфора до Гибралтара, и каждому найдется мѣсто. Но, можетъ быть, лучше всего было бы, еслибы никто ничего не бралъ. Я первый заявляю, что таково мое желаніе. Какъ устроить страну, оставшуюся безъ правителей, какую форму правленія дать ей въ соотвѣтствіи со степенью ея цивилизаціи, насчетъ этого можно прійти къ соглашенію».

Донося объ этомъ разговорѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, графъ Лаферроннэ прибавляетъ: «во время нашей бесѣды все свидѣтельствовало о совершенной искренности со стороны императора. Иногда даже его величество говорилъ мнѣ съ слишкомъ большимъ волненіемъ, чтобы оно могло быть притворнымъ, съ черезчуръ полной откровенностью, чтобы возможно было предположить въ его словахъ иное что, кромѣ истиннаго выраженія его мыслей и чувствъ».

Digitized by Google

И мнѣ кажется, на эту бесѣду нельзя смотрѣть иначе, какъ на самое полное и точное отраженіе взглядовъ императора Александра I, въ ней одной нужно искать ключъ къ пониманію всѣхъ послѣдующихъ его дѣйствій. Въ ней одной можно найти только полное оправданіе въ его мнимомъ порабощеніи австрійской политикѣ. На этотъ счетъ грѣшили и современники, грѣшитъ и г. Тепловъ, считая, что «императоръ Александръ повиновался вѣнскому двору» (стр. 28), что «Меттерниху удалось воспользоваться европейскою точкою зрѣнія, на которой стояла тогда Россія, чтобы обморочить ее, заставляя ее видѣть демократическую революцію въ священномъ возстаніи грековъ» (стр. 10).

При чемъ тутъ австрійскія интриги? Что Меттернихъ говорилъ про революцію, вполнѣ естественно. Положимъ, она ему грезилось даже тамъ, гдѣ ея не было. Но все же нельзя отрицать, что есть общее въ движеніи итальянскомъ и движеніи греческомъ, одинаково направленныхъ къ возстановленію попранной самобытности на развалинахъ ненавистнаго чужеземнаго господства; а развѣ многимъ отличаются конституціонныя требованія неаполитанцевъ и испанцевъ отъ первыхъ греческихъ конституцій? Гдѣ нашло себѣ поддержку греческое возстаніе въ Европѣ? Въ радикальной партіи въ Англіи, въ Хьюмѣ, Борингѣ, Кокренѣ и др., среди націоналистовъ въ Германіи, между крайними либералами во Франціи. Конечно, среди филеллиновъ были и другіе элементы, какъ классическій, филантропическій и христіанскій, проявлявшіеся въ отдѣльности, или въ совокупности; я хотѣлъ только указать на отношеніе къ грекамъ крайнихъ лѣвыхъ партій въ Европѣ, привѣтствовавшихъ ихъ возстаніе и въ прозѣ, и въ стихахъ, и съ ораторской каѳедры, и помогавшихъ имъ изо всѣхъ силъ.

Развѣ этого не могъ видѣть самъ императоръ Александръ и такъ уже предрасположенный всюду подозрѣвать революцію? Конечно, онъ не могъ съ этой стороны одобрить греческаго возстанія, и Меттернихъ тутъ не при чемъ. Но если въ принципѣ борьба Греціи за независимость была на руку ненавистной для императора Александра крайней партіи въ Европѣ, то послѣдствія возстанія на дѣлѣ, жестокости турокъ, страданія массы единовѣрцевъ, торговыя потери не могли оставить его равнодушнымъ къ рѣшенію вопроса. Представлялось два пути: или мирные перегоноры въ согласіи съ Европой, или прямая война съ турками. Въ борьбѣ между этими двумя рѣшеніями и нужно искать объясненіе дѣйствій императора Александра. По обстоятельствамъ то одно, то другое брало перевѣсъ. Торжествовалъ или Меттернихъ, или Каподистрія, но оба они ошибались, ежели считали себя господами положенія. No man living has him in hand. Человѣкъ такого тонкаго и широкаго ума, какимъ былъ императоръ Александръ, не могъ не понимать ихъ обоихъ, и пользовался только ими попе-

Digitized by Google

ремѣнно, какъ орудіями, въ виду того, что сознавалъ въ самомъ себѣ недостатокъ иниціативы и искалъ самостоятельности въ другихъ съ тѣмъ, чтобы, примѣняя ее по частямъ, въ общемъ осуществить свою цѣль. Не обладая силою, чтобы принимать частныя рѣшенія, уступая въ отдѣльныхъ случаяхъ, императоръ Александръ никогда не терялъ изъ виду того, къ чему стремился, въ чемъ видѣлъ свой идеалъ. То одно лицо казалось ему подходящимъ орудіемъ, то другое, онъ старался испробовать ихъ до конца, извлечь все, что они могли ему дать. Когда же послѣ долгихъ испытаній императоръ Александръ убѣждался, что онъ обманывался на ихъ счетъ, что тѣ, изъ кого онъ хотѣлъ сдѣлать свое орудіе, пользуясь его уступчивостію, пытались, наоборотъ, заставить его идти своими путями, онъ отрекался отъ нихъ и обращался къ новымъ. Такъ было и съ Каподистріей, между прочимъ, такъ было и съ Меттернихомъ, вообразившимъ себя руководителемъ русской политики.

Охлажденіе императора къ Каподистріи началось еще въ Троппау, гдѣ обсуждался вопросъ объ участіи Священнаго союза въ подавленіи италіянскаго революціоннаго движенія. Каподистрія имѣлъ мужество высказаться противъ вмѣшательства Россіи. Императору не могло это понравиться, и цѣлый рядъ фактовъ мучительно и больно далъ Каподистріи почувствовать перемѣну въ отношеніяхъ къ нему государя. Начиная съ Троппау и Лайбаха, каждый день его жизни былъ отравленъ этимъ тягостнымъ сознаніемъ[1]). Перемѣна эта была замѣтна не только для самого Каподистріи, но и для всѣхъ окружающихъ. Каподистрія, писалъ Лаферроннэ въ маѣ 1821 года, не то, чтобы въ немилости, но обреченъ на безцвѣтное существованіе. Графъ Mocenigo говорилъ мнѣ, что огорченія и непріятности, испытанныя имъ, подорвали его здоровье. Онъ потерялъ отца сверхъ того, въ ту самую минуту, когда собирался его посѣтить. Императоръ лично взялся передать ему эту новость, и участіе, оказанное государемъ, было единственнымъ утѣшеніемъ, которое имѣлъ Каподистрія за долгое время[2]).

Царская немилость, съ одной стороны, постоянныя страданія за несчастную родину съ другой, вѣчныя сомнѣнія, вѣчная борьба между страхомъ и надеждою—дѣлали его существованіе совершенно невыносимымъ. Онъ замкнулся отъ людей, ушелъ въ самого себя, старался найти утѣшеніе въ лихорадочной работѣ; по временамъ, впрочемъ, его надежды окрылялись. Онъ мечталъ о вмѣшательствѣ Россіи въ восточныя дѣла въ союзѣ съ Франціей. Онъ говорилъ на этотъ счетъ съ французскимъ посломъ, который писалъ въ Парижъ:

---

1) Прил. 2. A. l'Empereur Alexandre comte de Capodistrias. 31 décembre 1821.

2) A. d. M. d. A. E. Russie. 161 vl. № 86. Laférronnays à Pasquier. 23 mai 1821. Milan.

Digitized by Google

..... Графъ Каподистрія находитъ, что это (греческій вопросъ) случай для Франціи занять старое мѣсто въ Европѣ. По его плану Франція должна явиться въ Архипелагъ съ флотомъ, съ дессантомъ въ 1500—2000 человѣкъ, съ посланникомъ, потребовать отъ Турціи, чтобы она подчинилась русскимъ требованіямъ. Если турки послушаются, Франція въ согласіи съ ними и съ Россіею должна принять мѣры къ возстановленію спокойствія въ Греціи. Въ случаѣ ихъ сопротивленія Франція высадитъ дессантъ въ Грецію подъ предлогомъ обезпечить имущество и безопасность своихъ подданныхъ. Не забывайте, прибавилъ онъ, ни Троппау, ни Лайбаха, и будьте увѣрены, что, еслибы у васъ была армія, многія изъ вашихъ предложеній, не принятыхъ во вниманіе, были бы приняты и Италія отъ этого только бы выиграла [1]).

Императоръ дѣйствительно, казалось, склонялся къ этой комбинаціи. Въ такомъ духѣ говорилъ онъ лично съ графомъ Лаферроннэ, и даже осторожный Нессельроде, не стѣсняясь, обсуждалъ вопросъ объ войнѣ, о томъ, какъ она будетъ вестись, и въ чемъ можетъ выразиться содѣйствіе Франціи. «Въ случаѣ чего, говорилъ онъ Лаферроннэ, одна русская армія пойдетъ со стороны Кавказа, другая со стороны Дуная, а прекрасный французскій флотъ прорвется черезъ Дарданелы и подастъ намъ руку въ св. Софіи». Слова эти доказываютъ, что императоръ разсчитываетъ на насъ, но вознагражденіе предлагаютъ не тамъ, гдѣ бы мы въ правѣ были ожидать. «Франція, говоритъ Нессельроде, устроитъ въ Троадѣ и Анатоліи колонію» [2]). Война дѣйствительно казалась неизбѣжной. Если есть средство, писалъ тотъ же Лафероннэ 25-го августа 1821 предотвратить войну, то его нужно искать въ Константинополѣ, а не въ Петербургѣ. А можетъ быть, нѣтъ такого чуда, которымъ можно было предупредить взрывъ. Если даже турки уступятъ русскимъ, послушавшись совѣта державъ, какимъ образомъ подчинить имъ грековъ, возстаніе которыхъ дѣлаетъ постоянные успѣхи; таковъ излюбленный аргументъ Каподистріи въ пользу войны [3]).

Несмотря на то, что отвѣтъ державъ на русскія предложенія былъ отрицательнымъ, что Россія не добилась отъ союзниковъ желаемаго согласія, императоръ Александръ не переставалъ думать о войнѣ. «Я думаю, говорилъ онъ англійскому послу, что въ случаѣ необходимости войны, меня не покинутъ мои союзники; но быть вмѣстѣ со мною не хотятъ, меня оставляютъ однимъ. Ну такъ я буду вести ее одинъ, если нужно; между нами нѣтъ соглашенія относительно войны, мы согласимся относительно мира.

1) A. d. M. d. A. E. Russie. 161 vl. № 109. Laférronnays à Pasquier 18 juillet 1821.
2) A. d. M. d. A E. Russie. 162 vl. № 16. Laférrounays à Pasquer. 3 (15) sept. 1826. Chiffrie.
3) A. d. M. d. A. E. Russie. 162 vl. № 6 и 7. Laférronnays à Pasquier. 26 août. 1821.

Digitized by Google

Будемъ надѣяться, что его еще можно сохранить. Что касается до меня, то я объявляю и даю мое императорское слово, что если онъ возможенъ, я не потребую ни одного волоса больше моего ультиматума[1]).

Но Каподистрія понималъ, какой ударъ нанесъ этотъ отказъ союзниковъ возникавшимъ было у него надеждамъ, какое впечатлѣніе должно было произвести на умъ императора Александра единодушіе Европы. Заставить Священный союзъ дѣйствовать рѣшительно на Востокѣ не удалось, и императору приходилось выбирать или войну за Грецію, или сохраненіе имъ созданнаго, имъ взлелѣяннаго дѣтища. Соединить и примирить эти начала было невозможно. Одному нужно было пожертвовать другимъ. Каподистрія зналъ, какой мучительной борьбы стоило принять рѣшеніе императору Александру. Онъ считалъ дѣло проиграннымъ и не скрывалъ своего раздраженія въ разговорахъ съ французскимъ посломъ.

..... Неужто русскій императоръ палъ такъ низко, что, когда онъ оскорбленъ, каждый считаетъ себя въ правѣ указывать ему мѣру возмездія![2]).

«Я понимаю ваши расчеты, ваши выгоды, чтобы переговоры съ турками окончились успѣшно безъ насъ. Этимъ вы достигнете сохраненія мира и повредите русскому преобладанію въ Константинополѣ. Вы уничтожите наше вліяніе на грековъ, ослабите наше право вмѣшательства, нанесете ущербъ нашему флагу и извлечете изъ этого выгоды. Ловко задумано».

Близкія отношенія между Франціей и Россіей, писалъ Лаферроннэ[3]), утратили свой былой характеръ, разъ отвѣтъ Франціи на циркуляръ отъ 22-го іюня оказался тождественнымъ съ отвѣтами Австріи и Англіи. Отъ вниманія императора и его министровъ не ускользаетъ, что англійскій и австрійскій послы сблизились со мною за послѣднее время, можетъ быть, не безъ аффектаціи. Каподистрія съ большою ядовитостью поздравилъ меня со сближеніемъ съ Австріею и Англію и сказалъ, что императоръ можетъ видѣть въ этомъ намѣреніе осуществить проектъ Талейрана.

Къ отрицательному отвѣту державъ на русскія предложенія присоединяется угрожающее свиданіе Меттерниха съ Лондондерри въ Ганноверѣ; сквозь уклончивый отвѣтъ Франціи встаетъ призракъ Талейрановскаго союза противъ Россіи. Въ душѣ императора начинаются колебанія. Война съ Турціей, кажется ему, можетъ повлечь не только разрушеніе Священнаго союза, но и подвергнуть Россію опасности борьбы съ цѣлою Европою. И вмѣстѣ съ этими сомнѣніями, вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіемъ въ

1) A. d. M. d. A. E. Russie. 162 vl. № 51. Laférronnays à Pasquier. 15 (27) nov. 1821.

2) A. d. M. d. A. E. Russie. 162 vl. № 51. Laféronnays à Pasquier. 15 (27) nov. 1821.

3) A. d. M. d. A. E. Russie. 162 vl. № 49. Laféronnays à Pasquier. 22 novembre 1821. Particulière.

Digitized by Google

надеждахъ, все сильнѣе и сильнѣе становится разочарованіе и въ человѣкѣ, который вопреки всему совѣтуетъ ему идти на проломъ. Все болѣе и болѣе хладѣетъ императоръ къ Каподистріи. Положеніе послѣдняго становится невыносимымъ. Онъ чужой въ Петербургѣ, у него нѣтъ ни партіи, ни семьи; нѣтъ иной поддержки, кромѣ личной доброты императора[1]). И онъ видитъ, что расположеніе это уходитъ день за днемъ.

Чтобы положить конецъ своимъ страданіямъ и сомнѣніямъ, онъ рѣшается на послѣдній шагъ и взываетъ къ добротѣ императора Александра.

«Состояніе моего здоровья, пишетъ онъ ему[2]), и еще болѣе удручающая мою душу скорбь не позволяютъ мнѣ выходить изъ дома. Позвольте мнѣ, Государь, обратиться къ Вамъ съ этими строками и пожелать Вамъ счастливаго новаго (1822) года.

Находясь въ невѣдѣніи, не оставилъ ли въ Васъ неблагопріятнаго впечатлѣнія мой образъ дѣйствій за истекшій годъ, я счелъ бы нарушеніемъ самыхъ священныхъ своихъ обязанностей, если бы не повергъ на усмотрѣніе Вашего Величества того положенія, въ которое меня ставитъ эта неизвѣстность.

Когда я спрашиваю свою совѣсть на счетъ моихъ чувствъ, принциповъ и дѣйствій, она говоритъ мнѣ, что я не заслужилъ и никогда не заслужу потери того добраго мнѣнія, того довѣрія, которымъ Ваше Императорское Величество удостоивали меня съ 1814 года до 1819 года, въ особенности въ Фрибургѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Россіи. Но когда я ощущаю всѣ тѣ страданія, которыя отравляютъ каждый день моего существованія вотъ уже два года, въ особенности послѣ Троппау и Лайбаха, я долженъ признаться, что свидѣтельство моей совѣсти вводитъ меня въ заблужденіе, чары котораго не могъ разрушить цѣлый рядъ фактовъ.

Перечислять ихъ значило бы злоупотреблять Вашимъ терпѣніемъ, Государь. Ограничусь приведеніемъ только одного изъ нихъ, заставившаго меня написать графу Нессельроде письмо, прилагаемое въ копіи; оно вызвало въ свою очередь отвѣтъ, который я позволю себѣ представить въ подлинникѣ.

Благоволите, Ваше Величество, прочесть то и другое; позвольте мнѣ прибавить, съ своей стороны, только одно замѣчаніе. Принимая утвержденіе графа Нессельроде, я все-таки затрудняюсь понять, почему онъ взялъ на себя комментировать мою личную работу.

Какъ могло случиться, что, давая иностраннымъ посламъ тѣ объясненія, относительно которыхъ между нами послѣдовало взаимное соглашеніе,

---

1) A. d. M. d. A. E. Russie. 163 vl. № 42. Laférronnays à Montmorency. le 22 mai 1822. Confidentielle.

2) Прил. № 2.

Digitized by Google

онъ дѣлаетъ изъ этого двойную тайну: обходитъ вопросъ молчаніемъ при нашихъ свиданіяхъ и отдаетъ Вашему Величеству отчетъ наединѣ[1]). Сверхъ того зачѣмъ давать устныя объясненія въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что они разрѣшаются такъ ясно въ нашихъ депешахъ и въ нашихъ инструкціяхъ. Если же объясненія даны письменно, отчего мнѣ ихъ не сообщили? изъ нихъ по крайней мѣрѣ можно было сдѣлать добавочную инструкцію, которая должна была бы согласить дѣйствія пословъ Вашего Величества въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ съ представителями этихъ дворовъ въ Петербургѣ.

Я не смѣю думать, чтобы графъ Нессельроде рискнулъ на такой чрезвычайный шагъ, не имѣя на то основаній и соотвѣтствующаго разрѣшенія.

Если основанія эти дѣйствительно существовали, если разрѣшеніе это въ самомъ дѣлѣ было дано, благоволите, Государь, низойти съ той высоты, на которую Васъ поставило Провидѣніе, подумать обо мнѣ и разсудить, въ какомъ душевномъ состояніи меня находитъ Новый годъ.

Онъ застаетъ меня глубоко удрученнымъ, но не недостойнымъ Вашего благоволенія. Чувство преданности къ Вашей Августѣйшій особѣ отнынѣ отождествилось съ моею жизнью и покинетъ меня только съ ней. Не въ моей власти подчинить его какому бы то ни было разсужденію или расчету, точно также невозможно для меня заставить его умолкнуть. Это чувство даетъ мнѣ смѣлость просить у Васъ двойной милости.

Не судите меня, не выслушавъ, и каково бы ни было рѣшеніе, принятое Вами на мой счетъ, не отнимите отъ меня хотя той надежды и того утѣшенія, что Ваше Величество не лишите меня своихъ милостей и убѣжища въ своихъ владѣніяхъ. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ Каподистрія. 31-го декабря 1821 года».

Между Каподистріей и Нессельроде произошелъ слѣдующій обмѣнъ писемъ:

«Я еще сижу надъ мемуаромъ, относительно толкованія перваго Гентскаго параграфа, писалъ Каподистрія къ Нессельроде 29-го декабря 1821 года[2]), и кончу его, по всей вѣроятности, не раньше, какъ завтра къ вечеру. Я хочу утвердить свое мнѣніе на незыблемыхъ основаніяхъ, а ихъ нужно искать въ классическихъ сборникахъ по международному праву. Справка Матусевича недостаточна въ виду того, что приходится имѣть дѣло съ людьми предубѣжденными.

Не одинъ вечеръ провелъ я, разбираясь въ ошибкахъ Бэгота и Мидельтона, но не покину ихъ пріятнаго общества до той поры, пока не исчерпаю всѣхъ возраженій; надѣюсь освободиться послѣ завтра.

1) И Каподистрія и Нессельроде обыкновенно являлись къ докладу вмѣстѣ.

2) Прил. № 3.

Digitized by Google

Тѣмъ временемъ мнѣ въ утѣшеніе сообщаютъ, что англійскій посолъ и австрійскій министръ отправляютъ, или отправили уже курьеровъ, и что курьеры эти везутъ вѣнскому и лондонскому дворамъ новыя объясненія со стороны Его Императорскаго Величества по восточнымъ дѣламъ, и что императоръ въ понедѣльникъ вечеромъ приказалъ Вамъ сообщить свои намѣренія Бэготу и Лебцельтерну.

Отъѣздъ курьеровъ и Ваша работа съ императоромъ суть факты неоспоримые, а въ алгебрѣ двѣ величины извѣстныя даютъ третью, неизвѣстную.... Не знаю, такъ ли это въ политикѣ?

Какъ бы то ни было, мнѣ хочется вѣрить, любезный графъ, что Вы не оставите меня долгое время въ невѣдѣніи и объясните мнѣ, какъ мнѣ на этотъ счетъ думать, и какъ главнымъ образомъ отвѣчать тѣмъ, кто со мной по этому поводу заговариваетъ. Вамъ хорошо извѣстно, что я избѣгаю общества, что я живу въ самомъ полномъ уединеніи, но не могу же я отказывать вмѣстѣ съ тѣмъ въ пріемѣ по служебнымъ дѣламъ. Вотъ та причина, которая заставляетъ меня нарушить долгое молчаніе. Вѣрьте мнѣ, я рѣшаюсь высказаться съ глубокою скорбью; скорбь эта тѣмъ глубже, чѣмъ она незаслуженнѣе. Тысячи извиненій въ длинноте письма. Весь вашъ Каподистрія. 29 декабря 1821 г.»

«Любезный графъ, отвѣчалъ ему въ тотъ же день Нессельроде [1]), я не былъ одинъ, когда мнѣ подали Ваше письмо, и только сейчасъ прочелъ его.

Съ того дня, какъ мы сообщили Бэготу и Лебцельтерну депешу къ графу Ливену, они рѣшили отправить курьеровъ. По поводу этой депеши между ними и мной было, дѣйствительно, нѣсколько совѣщаній. Въ своихъ объясненіяхъ я держался точнаго смысла того, что мы съ Вами выработали на докладѣ у императора, и объясненія эти послы и сообщаютъ своимъ дворамъ. Если бы въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ Вы не уклонялись самымъ тщательнымъ образомъ отъ всякихъ переговоровъ съ ними по восточнымъ дѣламъ, конечно, дать эти объясненія выпало бы на Вашу долю, любезный графъ. Увѣряю Васъ, никакихъ новыхъ объясненій я имъ не давалъ и не сообщалъ другихъ рѣшеній, кромѣ хорошо Вамъ извѣстныхъ. Если послѣднее время я говорилъ съ Вами меньше объ этихъ несчастныхъ дѣлахъ, то только потому, что видѣлъ, въ какую глубокую скорбь Вы погружены, и считалъ нужнымъ воздерживаться отъ разговоровъ о предметахъ, о которыхъ и прежде я заводилъ съ Вами рѣчь только съ неохотою и болью. Мнѣ хотѣлось бы, любезный графъ, чтобы въ этой деликатности Вы усмотрѣли новое доказательство тѣхъ чувствъ, съ которыми я къ Вамъ отношусь. Ни одинъ случай въ нашихъ служебныхъ отношеніяхъ не да-

1) Прил. № 4.

Digitized by Google

валъ Вамъ повода усомниться въ ихъ искренности. Нессельроде. 29-го декабря 1821 года».

Прочитавъ письмо Каподистріи, императоръ отвѣтилъ ему[1]).

«Цѣлый день вчера, писалъ онъ, я былъ такъ занятъ, что не могъ отвѣчать; пользуюсь первою свободною минутою сегодня, чтобы писать Вамъ. Благодарю за Ваши пожеланія по поводу Новаго года. Искренно желаю, чтобы Провидѣніе вознаградило Васъ за семейное горе, постигшее Васъ въ истекшемъ году.

Что же касается до содержанія Вашего письма, я Вамъ скажу, что Ваши предположенія, точно такъ-же, какъ Ваши разсужденія, исходятъ изъ совершенно ложныхъ основаній. Вечеромъ въ понедѣльникъ я не работалъ съ графомъ Нессельроде; онъ являлся на нѣсколько минутъ съ отчетомъ въ особыхъ порученіяхъ, мною на него возложенныхъ. Разговоры же его съ Бэготомъ и Лебцельтерномъ въ порядкѣ вещей. По своей должности онъ не можетъ отказывать имъ въ пріемѣ. Никакихъ письменныхъ документовъ имъ не сообщалось. Такимъ образомъ отъ Васъ ни въ чемъ тайны не дѣлали, и слѣдовательно всѣ Ваши опасенія лишены основанія.

Но съ тою же откровенностью, которая составляла отличительную черту моихъ къ Вамъ отношеній, я Вамъ скажу, что изъ Вашихъ же собственныхъ писемъ явствуетъ, что въ Вашемъ министерствѣ есть господа, которые стараются сообщать Вамъ свѣдѣнія не только ложныя, но и способныя поселить раздоръ между графомъ Нессельроде и Вами. Ихъ роль не изъ почтенныхъ. Что касается до отдаленія, въ которое Вы поставили себя отъ дипломатическаго корпуса, я объяснялъ его желаніемъ избѣгать съ послами объясненій на счетъ греческихъ дѣлъ, такъ какъ по собственному сознанію Вы не чувствовали въ себѣ того безпристрастья, которое необходимо при обсужденіи подобныхъ предметовъ. Можетъ быть, и они съ своей стороны опасались вашей раздражительности, вполнѣ, впрочемъ, естественной, разъ дѣло идетъ о гонимыхъ соотечественникахъ. Таково истинное изложеніе происшедшаго, какимъ оно мнѣ представляется, и въ немъ отвѣтъ на содержаніе вашего письма. Александръ». P. S. (къ Нессельроде). Вотъ письмо, которое я получилъ отъ Каподистріи; при немъ приложенія и черновикъ моего отвѣта. Не подавайте вида, что они Вамъ извѣстны».

Помимо заключающихся въ этой перепискѣ фактовъ, въ критическій разборъ которыхъ я по нѣкоторымъ соображеніямъ считаю неудобнымъ входить, она особенно цѣнна для характеристики императора Александра и графа Каподистріи. Въ письмѣ графа Каподистріи нельзя не видѣть доказательства его безусловной нравственной независимости, его полнѣйшей

1) Прил. № 6.

Digitized by Google

неспособности идти на сдѣлки или на уступки въ коренныхъ вопросахъ, поступаться тѣмъ, что онъ считалъ священнымъ. Такъ не сталъ бы говорить простой наемникъ, не имѣющій другой воли, кромѣ воли своего господина. Такъ думать и такъ чувствовать могъ только человѣкъ, всю жизнь свою, всѣ свои силы и разумъ отдавшій на служеніе высокимъ идеаламъ; для нихъ никакая жертва не казалась ему черезчуръ дорогой; ничтожнымъ казалось въ сравненіи съ ними и личное благо, и личныя выгоды.

И такимъ идеаломъ для Каподистріи была его страждущая отчизна, Россіи же онъ служилъ настолько, насколько позволяла ему совѣсть, и до тѣхъ поръ, пока пути Греціи и Россіи не расходились. Когда это случилось, онъ не поколебался покинуть Россію и обратиться къ иному способу служенія родинѣ, вмѣсто того, чтобы оставаться орудіемъ политики, согласиться съ которой ему не позволялъ патріотизмъ.

Но рядомъ съ этимъ, положимъ даже, что подозрѣнія Каподистріи и были болѣе основательны, чѣмъ они кажутся Нессельроде, все же въ тонѣ его письма и къ императору Александру и къ Нессельроде въ особенности, нельзя не видѣть той раздражительности, той склонности къ подозрѣніямъ и преувеличеніямъ, той рѣзкости въ выраженіяхъ, которыя впослѣдствіи такъ много повредили ему въ его дѣятельности въ Греціи. Увѣренный въ своей правдѣ, правъ ли онъ былъ въ самомъ дѣлѣ или нѣтъ, все равно, онъ шелъ напроломъ, не взирая ни на какія препятствія, не боясь никакихъ опасностей. Несомнѣнно, для этого нужно было большое благородство, большое нравственное мужество, но разъ они проявлялись по поводу опасностей, иногда вовсе не существующихъ, иногда раздутыхъ его подозрительнымъ, безпокойнымъ воображеніемъ, они являлись источникомъ лишнихъ страданій для самого Каподистріи, а въ дѣлахъ были вредны, обостряя отношенія тамъ, гдѣ еще возможно было примиреніе, или создавая почву для разлада тамъ, гдѣ дѣла пока еще шли гладко. Такъ и въ данномъ случаѣ.

Какъ бы ни мягко отвѣтилъ императоръ Александръ на полученное отъ Каподистріи письмо, оно не могло не причинить ему глубокой скорби, не могло не нанести ему оскорбленія, тѣмъ бо́льшаго, чѣмъ оно было неожиданнѣе и незаслуженнѣе. Въ сущности, если снять красивую оболочку фразъ, если вглядѣться пристальнѣе въ то, что прикрыто почтительными увѣреніями въ безграничной преданности, на что̀ жаловался Каподистрія? Ни много, ни мало онъ обвинялъ императора въ неискренности.

Такія вещи трудно забываются и трудно прощаются. Ни одинъ подданный не посмѣлъ бы написать своему государю того, что написалъ Каподистрія императору Александру. И если подобное письмо дѣлаетъ честь гражданскому мужеству своего автора, то еще большую честь оно дѣлаетъ

Digitized by Google

тому, кому оно было написано, и кто такъ спокойно снесъ урокъ, данный ему имъ же облагодѣтельствованнымъ и возвеличеннымъ человѣкомъ, и кто, когда прошли первыя минуты раздраженія, когда забылась горечь обиды, сохранилъ все-таки же хорошія чувства къ лицу, его оскорбившему. Но за всѣмъ тѣмъ, нанесенное оскорбленіе чувствовалось больно, отношенія надтреснули и стороннимъ зрителямъ могло казаться, что даже времени ихъ не поправить.

Человѣкъ, олицетворявшій воинственное направленіе въ русской политикѣ, съ той поры, какъ казалось, окончательно и невозвратно потерялъ свое вліяніе. Одновременно случилось событіе, которое дѣйствительно отрѣзывало у Россіи всѣ пути къ войнѣ. Во Франціи пало министерство Ришлье и съ тѣмъ вмѣстѣ Россія лишилась единственнаго союзника въ Европѣ, помощь котораго могла быть ей полезной въ случаѣ крайности [1]).

«Среди вихря всякихъ комбинацій, страстей, ненависти, часто подлой, хотя способной повлечь за собою великія послѣдствія, среди всего того, что было разнуздано смѣною министерства, писалъ Поццо ди Борго, трудно опредѣлить, гдѣ во Франціи находится центръ власти и гдѣ помѣщается главный двигатель. Король, все болѣе и болѣе опускающійся подъ бременемъ лѣтъ, весь предавшійся близости съ женщиною корыстолюбивою, изъ которой сдѣлала свое орудіе партія Monsieur, воспользовавшись ея любовными отношеніями съ Сосѳеномъ де Рошфуко, адъютантомъ Monsieur. Monsieur, хотя и творецъ и опора новаго министерства, устроивающій особый совѣтъ изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ сомнительнаго благоразумія и Полиньяка, своего любимца. Наконецъ, показное министерство, благоразумные члены коего каждую минуту оскорбляются господствомъ косвенныхъ вліяній и требовательностью вождей партіи и находятся въ состояніи вѣчнаго безпокойства вслѣдствіе дѣйствительной трудности ихъ положенія».

Разсчитывать такимъ образомъ на Францію было немыслимо. Враждебность Австріи и Англіи были несомнѣнны. Оставался одинъ благожелательный нейтралитетъ Пруссіи, а съ нимъ однимъ нельзя было итти на рискъ европейской войны, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію великаго князя Константина Павловича, на поляковъ положиться было нельзя [2]). На шведскомъ престолѣ сидѣлъ авантюристъ, не скрывавшій своего намѣренія отвоевать Финляндію при первой войнѣ, которую начнетъ Россія, и вступавшій на этотъ счетъ въ переговоры съ Англіей [3]).

---

1) A. d. M. d. A. E. Russie. 162 vl. № 27. Мемуаръ Рейневаля о сближеніи съ Россіей 14, 15 (?) октября 1821 и помѣтка на немъ Ришлье.

2) A. d. M. d. A. E. Russie. 169 vl. № 9 Laférronnays à Montmorency 20 févr. 1822.

3) Г. А. М. И. Д. Londres. № 12170. Lieven à Nesselrode. 29 mai 1822.

Digitized by Google

Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, а главное желаніе спасти Священный союзъ и сохранить миръ для Россіи, истощенной цѣлымъ рядомъ войнъ, склонили императора Александра вновь испробовать дѣйствительность переговоровъ, и Татищевъ былъ посланъ въ Вѣну.

Я не думаю, чтобы въ этой уступчивости можно было видѣть порабощеніе русскихъ интересовъ интересамъ Европы и безусловное торжество австрійской политики. Ни одинъ русскій государь не могъ начать войны съ Турціей, не обезпечивъ себя отъ европейскаго вмѣшательства. Безъ надежной и твердой увѣренности съ той стороны война становилась невозможной. Если въ 1828 году, въ то время когда Англія была связана лондонскимъ договоромъ, когда во главѣ русской политики стоялъ государь твердый и рѣшительный, Россія спаслась отъ европейскаго вмѣшательства только благодаря поддержкѣ Франціи, то еще болѣе опасно было начинать войну въ 1822 году: Австрія и Англія были свободны, Франція далека отъ дружественныхъ чувствъ, и что было бы при такихъ условіяхъ, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ крымская компанія. Конечно, можетъ быть, молніеносный успѣхъ, успѣхъ Маренго и Садовой не далъ бы державамъ опомниться; но для этого нужна была другая военная организація, чѣмъ та, во главѣ которой стоялъ императоръ Александръ, и онъ это зналъ и не увлекался обманчивыми надеждами. Какъ бы ни волновалось русское общество, какъ горячо ни желало войны, крѣпкій вѣрою въ свои идеи онъ находилъ въ своей душѣ силы противостать бушующему вокругъ него потоку.

Каподистрія же послѣ своего письма къ императору остался совершенно въ тѣни. Ничего нѣтъ мудренаго, что дополнительная инструкція Татищеву была составлена помимо его вѣдома [1]). Но за всѣмъ тѣмъ, опальному министру приходилось переживать тяжелое время. Кромѣ небольшого кружка избранныхъ лицъ, какъ Карамзинъ, Жуковскій, одинъ французскій посолъ оставался ему вѣренъ изъ дипломатическаго корпуса. «Въ ту минуту, писалъ онъ [2]), когда всѣ отвернулись отъ Каподистріи, я счелъ недостойнымъ послѣдовать общему примѣру. Онъ знаетъ свое положеніе, но ни совѣсть, ни разумъ не могутъ его упрекать. Его мнѣнія остались прежними. «Я всегда дѣйствовалъ по приказанію императора, говорилъ онъ мнѣ, зачѣмъ мнѣ прятаться? что благородно и справедливо, то не боится свѣта. Всѣ эти проволочки, уступки передъ преувеличеннымъ страхомъ доказываютъ только слабость и не остановятъ хода событій».

Кругомъ Каподистріи кипѣла между тѣмъ интрига. Австрія пускала въ ходъ всѣ средства, чтобы низвергнуть его окончательно, чтобы никогда въ русской политикѣ не возродился апокалипсическій Іоаннъ, а онъ при-

1) A. d. M. d. A. E. Russie. 163 vl. № 42. Laférronnays Montmorency le 22 mai. Confidentielle.
2) Idem.

Digitized by Google

нужденъ былъ оставаться безсильнымъ зрителемъ того, какъ дѣлилось его наслѣдство. Австрія выдвигала на его мѣсто Татищева, но быстрые успѣхи послѣдняго, писалъ Лаферроннэ[1]), вызываютъ неудовольствіе тѣхъ, кто видѣлъ въ немъ орудіе противъ Каподистріи. Партія, поддерживавшая и выставившая Татищева, готова его низвергнуть. Дѣйствительно, онъ человѣкъ безнравственный и безпринципный, снѣдаемый однимъ честолюбіемъ. Ему нельзя отказать въ большомъ умѣ, но, какъ показала его дѣятельность въ различныхъ миссіяхъ, въ умѣ его больше способности къ интригамъ, чѣмъ настоящей силы. Онъ хочетъ занять первое мѣсто. Достигнуть этого онъ можетъ, только устранивши Нессельроде и сведя роль его къ нулю. Нессельроде уже начинаетъ раскаиваться въ томъ движеніи, которое самъ вызвалъ. Ему не найти такого сотрудника, какимъ былъ Каподистрія, всегда предупредительный и любезный, и, конечно, Татищевъ не оставитъ ему почета и выгодъ того мѣста, всѣ трудности котораго будутъ лежать на немъ.

Не въ силахъ будучи выносить дольше такое положеніе, Каподистрія подалъ императору мемуаръ, гдѣ прямо и открыто указывалъ безцѣльность и опасность новой политики[2]). Оставаться послѣ того на русской службѣ было невозможно и онъ уѣхалъ въ Женеву.

Но съ его удаленіемъ въ русской политикѣ не окончательно исчезло то направленіе, которое имъ олицетворялось, ибо, какъ я говорилъ раньше, и Каподистрія и Меттернихъ были только орудіемъ въ рукахъ императора Александра. Тотъ, у кого сила и власть, всегда останется господиномъ положенія, какъ бы ни казался уступчивымъ и податливымъ въ частностяхъ; но разъ у него есть твердо намѣченная цѣль, онъ заставитъ другихъ итти своимъ путемъ, или откажется отъ нихъ, изобрѣтя другія средства. А такая цѣль у императора Александра, несомнѣнно, была, и этою цѣлью являлось рѣшеніе греческаго вопроса въ духѣ Священнаго союза.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ. Въ періодъ наибольшей уступчивости, въ то время, когда, казалось, всецѣло восторжествовало вліяніе Меттерниха, когда французскіе послы писали съ грустію: «европейскіе кабинеты управляются однимъ человѣкомъ, и этотъ человѣкъ Меттернихъ[3])», императоръ Александръ заводитъ рѣчь съ австрійскимъ императоромъ о томъ, какъ устроить судьбу грековъ[4]). Потомъ на Веронскомъ конгрессѣ, гдѣ Грецію, казалось, была совершенно отвергнута, онъ не затрудняется сказать слѣдующія замѣчательныя слова лорду Стрэнгфорду: «въ высшей степени

1) A. d. M. d. A. E. Russie. 163 vl. 44 Laférronnays à Montmorency. 28 mai 1822.
2) Прил. № 6.
3) A. d. M. d. A. E. Russie. 161 vl. № 86. Laférronnays à Pasquier 23 mai 1821. Milan.
4) Прил. № 1.

Digitized by Google

естественно, что я чувствую прямой и живой интересъ къ преуспѣянію и политическому благосостоянію моихъ единовѣрцевъ. Но, съ другой стороны, я не могу не сознаться, что этотъ интересъ въ извѣстной степени ослабленъ, какъ поведеніемъ и образомъ дѣйствій самихъ грековъ, такъ и характеромъ тѣхъ лицъ, которыя стоятъ у нихъ во главѣ правленія, въ особенности же ихъ явною связью съ революціонной партіей всѣхъ странъ. При такихъ условіяхъ, я не могу взять на себя почина въ улучшеніи ихъ участи, какъ бы ни желалъ этого; я совершенно удовлетворюсь тѣмъ, что сдѣлаетъ Англія въ этомъ направленіи. Я не ищу ни вліянія, ни популярности среди грековъ; мнѣ все равно, кому они будутъ обязаны облегченіемъ своей участи, Великобританіи ли, или Россіи. Я увѣренъ, что рано или поздно общественное мнѣніе въ Англіи заставитъ министерство обратить вниманіе на положеніе Греціи и постараться его улучшить. Англію не можетъ въ этомъ случаѣ останавливать связь Греціи съ революціей, та связь, которая мѣшаетъ мнѣ желать успѣха грекамъ. Я предпочитаю ждать тѣхъ мѣръ, которыя мы можемъ принять по почину Англіи, разъ греческій вопросъ станетъ у васъ національнымъ, подобно рабовладѣльческому, а такъ и будетъ. Идею греческой независимости я считаю химерою. Самое бо̀льшее, что я желаю для грековъ, положеніе Сербіи и, если это достижимо, положеніе Молдавіи и Валлаліи»[1]).

Это желаніе помочь грекамъ сказывалось впослѣдствіи нѣсколько разъ въ политикѣ императора Александра; оно выразилось, между прочимъ, въ проектѣ 9-го января 1824 года, составленномъ при непосредственномъ участіи императора[2]) и въ Петербургскихъ конференціяхъ, имъ вызванныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о войнѣ съ турками никогда не покидала императора. Вотъ что пишетъ по этому поводу въ іюнѣ 1823 года англійскій посолъ въ Петербургѣ Чарльзъ Бэготъ: «Изъ Константинополя нѣтъ извѣстій; признаюсь, это меня безпокоитъ. Я говорилъ больше двухъ лѣтъ, что императоръ не хочетъ войны; я продолжаю думать, что таково его теперешнее настроеніе, но мы не должны себя считать въ полной безопасности на этотъ счетъ. Я думаю, что князь Меттернихъ и лордъ Стрэнгфордъ черезчуръ увѣрены, что съ Веронскаго конгресса императоръ у нихъ въ рукахъ. Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который держалъ бы его въ рукахъ. Я надѣюсь, что императоръ въ настоящую минуту не желаетъ войны; но будетъ много сказать, что онъ не считаетъ ее возможною. Онъ не можетъ не чувствовать, что, если турки будутъ упорно ставить точное исполненіе всѣхъ прежнихъ договоровъ условіемъ улаженія новыхъ спорныхъ вопро-

1) Record Office. Turkey vl. 168 № 163. Strangford to Canning 26 th november 1822.
2) R. O. Turkey. vl. 180. Gentz à Strangford mai 5 1823.

Digitized by Google

совъ, ему не останется ничего другого, какъ обратиться къ оружію, и отъ одного выстрѣла старыя и новыя условія взлетятъ на воздухъ[1]).

Дѣйствительно, разъ императоръ убѣдился, что все посредничество, всѣ уступки не повели ни къ чему, наступилъ переломъ, и оказалось, что Меттернихъ напрасно убаюкивалъ себя мечтою быть руководителемъ русской политики.

«Я знаю, любезный Лебцельтернъ, пришлось услышать австрійскому послу изъ устъ Нессельроде, Вы недовольны своимъ положеніемъ. Еще менѣе доволенъ имъ г. Меттернихъ. Вамъ очень хочется, тому и другому, перейти на нашу сторону, но мелочное самолюбіе Васъ удерживаетъ. Подождемъ Васъ, но просить не станемъ. Пора каждому заняться своимъ дѣломъ. Прошу Васъ объ одномъ. Скажите отъ меня князю, что я жду отъ него немногаго. Не угодно ли ему будетъ не вмѣшиваться въ наши дѣла. Объясните ему, что онъ ошибается, если считаетъ наше молчаніе за нерѣшительность и непонятливость. Каждый его шагъ, каждое его слово намъ извѣстны. А Вамъ, любезный графъ, я посовѣтую для Вашей же собственной пользы: откажитесь отъ надежды все путать, какъ Вы путали въ прошломъ году; перестанете сѣять раздоръ между нами и дипломатическимъ корпусомъ. Если же Вы противъ насъ, дѣйствуйте, какъ знаете. Всякій игрокъ воленъ вести игру по-своему. Но если, какъ я въ томъ увѣренъ, Вы хотите вступить съ нами въ соглашеніе, тогда идите къ намъ прямо, какъ сдѣлали два другихъ посла и бросьте окольные пути, они Васъ больше никуда не приведутъ[2])».

Рядомъ съ этимъ всплылъ и «апокалипсическій Іоаннъ», котораго по мнѣнію г. Теплова (стр. 29) Меттерниху удалось низвергнуть окончательно. «Воспоминаніе о Васъ, пишетъ Карамзинъ къ Каподистріи, отъ 23 ноября 1825 года, живетъ въ Россіи. Государыня Елизавета Алексѣевна поручила мнѣ написать Вамъ, что она продолжаетъ попрежнему принимать въ Васъ искреннее участіе: она такъ прямодушна; и государь ни мало къ Вамъ не перемѣнился; онъ знаетъ цѣну Вашей души и Вашихъ высокихъ дарованій. Удостоивъ насъ въ городѣ однажды своимъ посѣщеніемъ, онъ много, много объ Васъ говорилъ, и съ такимъ чувствомъ, которое меня порадовало. Я люблю его все болѣе и болѣе, не помышляя ни о какихъ милостяхъ, ни о какомъ вліяніи, то есть не тревожа себя мыслію, что никакого вліянія не имѣю. Богъ одинъ читаетъ въ глубинѣ сердца[3]).

---

1) Barrington Op. cit. стр. 133 и 134.

2) A. d. M. d. A. E. Russie. 169 vl. № 48. Laférronnays à Damas 4 décembre 1825.

3) Утро I, 201. Дата письма ошибочна; возстановляется съ помощью отвѣта Каподистріи стр. 202.

Digitized by Google

Насколько позволяло время и мѣсто, я привелъ самые выдающіеся изъ цѣлаго ряда фактовъ, убѣждающихъ меня, что въ уступчивости императора Александра нельзя видѣть порабощенія русской политики австрійскимъ интересамъ, какъ думаетъ г. Тепловъ, что уступчивость эта вызывалась совершенно естественнымъ и законнымъ опасеніемъ европейской войны. Факты эти на мой взглядъ устанавливаютъ также въ главныхъ чертахъ взаимныя отношенія императора Александра и Каподистріи, Александра и Меттерниха; изъ нихъ, мнѣ кажется, нельзя не видѣть, что политика императора Александра никогда не была безусловно тождественна ни со взглядами одного, ни со взглядами другого. Также очевидно выступаетъ изъ нихъ, что Каподистрія отстаивалъ свои собственныя убѣжденія, но убѣжденія эти не были убѣжденіями и взглядами русскаго человѣка, а греческаго патріота больше всего и прежде всего. Такимъ образомъ приведенные факты проливаютъ отчасти свѣтъ на тотъ вопросъ, какой элементъ преобладалъ въ Каподистріи, русскій или греческій, но, конечно, они не даютъ еще на него полнаго отвѣта, ибо для этого необходимо подробное возсозданіе тѣхъ политическихъ идеаловъ, которыми руководствовался графъ Каподистрія,—вопросъ очень сложный, такъ какъ на нихъ въ значительной степени отразилось русское вліяніе, и масса русскихъ чертъ, ихъ характеризующихъ, можетъ подать и подавала дѣйствительно поводъ называть русскимъ и цѣлое. Съ другой стороны независимость его отношеній не можетъ быть цѣликомъ объяснена изъ одного греческаго патріотизма; тутъ, конечно, могло входить и высокое сознаніе своихъ обязанностей передъ Россіей, и своеобразность ихъ пониманія, и благородная гордость его чистаго характера, не привыкшаго на уступки въ дѣлахъ совѣсти.

Въ общемъ и приблизительно, на основаніи приведенныхъ фактовъ, можно, впрочемъ, сказать, что Каподистрія во взглядахъ, чувствахъ, помыслахъ былъ прежде всего грекъ, но прежде всего не значитъ всецѣло, и потому было бы такъ любопытно, такъ важно, не довольствоваться общимъ, а фактически и детально рѣшить вопросъ о постороннихъ, русскихъ въ особенности, примѣсяхъ въ характерѣ и взглядахъ Каподистріи. Къ сожалѣнію, для рѣшенія этого вопроса такъ, какъ я его понимаю, требуется слишкомъ много мѣста, приходится лишь намѣтить самое главное и пожалѣть, что біографъ графа Каподистріи не взялъ на себя этой задачи, ибо въ ней весь ключъ вопроса; остальное можетъ быть и любопытно и важно, но не имѣть того значенія для личности Каподистріи, которая въ существенномъ остается загадкой, разрѣшаемой только приблизительно и въ общихъ чертахъ.

Въ виду того, что г. Тепловъ не счелъ нужнымъ ближе познакомиться съ жизнью и дѣятельностью Каподистріи въ Швейцаріи, ограничиваясь на

Digitized by Google

этотъ счетъ лаконическимъ замѣчаніемъ: «поселился въ Женевѣ» (стр. 20), постараюсь заполнить насколько возможно этотъ пробѣлъ въ разбираемомъ сочиненіи. Размѣры рецензіи не позволяютъ мнѣ захватить всю его дѣятельность, и потому я остановлюсь только на его отношеніяхъ къ Россіи.

Въ январѣ 1824 года Каподистрія просилъ разрѣшенія вернуться на родину и раздѣлить бѣдствія своихъ соотечественниковъ[1]), 19 февраля ему послано на то разрѣшеніе[2]); почему онъ имъ не воспользовался, этого не видно изъ его переписки съ русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Напрасно искать на этотъ счетъ указаній у Мендельсона Бартольди, самый фактъ остается ему неизвѣстнымъ. Считалъ ли Каподистрія свое присутствіе въ Европѣ необходимымъ, чтобы вдохнуть новыя силы въ филеллинизмъ, сдѣлавъ Парижъ его центромъ, боялся ли онъ подозрительности Англіи и не ѣхалъ въ Грецію, чтобы не лишить ее расположенія единственной державы, ей покровительствовавшей въ ту пору, надѣялся ли онъ на перемѣну въ русской политикѣ, — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ его поѣздка въ Грецію въ 1824 году не состоялась.

Отъ 24-го марта 1824 года мы находимъ еще два письма: одно къ Нессельроде, другое къ самому императору, гдѣ онъ благодаритъ за полученный рескриптъ и проситъ разрѣшенія прислать мемуаръ въ виду новаго освѣщенія, которое получили событія.

Затѣмъ переписка замолкаетъ. Только 1 (13) декабря 1825 года онъ посылаетъ дѣйствительно обѣщанный мемуаръ[3]), гдѣ описываетъ подробно свое свиданіе съ Стратфордомъ Каннингомъ, отправлявшимся въ Константинополь. Мемуаръ этотъ въ высшей степени важенъ не только потому, что содержитъ въ себѣ такой фактъ, какъ предложеніе, сдѣланное Стратфордомъ Каннингомъ Каподистріи взять въ свои руки бразды правленія въ Греціи, но и потому, что сопоставленный съ инструкціями Стратфорда Каннинга и съ его донесеніями изъ Константинополя, онъ даетъ мѣрило дипломатическихъ способностей Каподистріи. Рядомъ съ поразительнымъ умѣніемъ разгадывать людей и ихъ истинныя намѣренія, схватывать необыкновенно быстро и ясно положеніе вещей, въ немъ выступаютъ и другія духовныя особенности этого выдающагося политическаго дѣятеля. Нельзя отрицать, напримѣръ, что въ его предположеніяхъ есть значительная доля предвзятости и предубѣжденности, заставляющія его предполагать гораздо хуже и больше того, что было въ дѣйствительности. Положимъ, можетъ быть, въ данномъ случаѣ Каподистрія намѣренно шелъ да-

1) Г. А. М. И. Д. Capodistrias. 1821—1829. Capodistrias à l'Empereur Alexandre I. Janvier 1824.

2) Idem. Lettre de Cabinet au Comte de Capodistrias le 19 février 1824.

3) Прил. № 7.

Digitized by Google

леко въ своихъ опасеніяхъ, чтобы вызвать въ Россіи чувство ревности къ Англіи и заставить ее такимъ образомъ выйти изъ бездѣйствія, но тѣмъ не менѣе вся та часть разговора, которая касается его лично, носитъ на себѣ печать закоренѣлаго, неисправимаго предубѣжденія и враждебности къ Англіи, которыхъ ни время, ни обстоятельства не смогли въ Каподистріи уничтожить. Предоставлю, впрочемъ, говорить ему самому:

«Стратфордъ Каннингъ», пишетъ онъ къ Нессельроде изъ Женевы 1 (13) декабря 1825 года, отправляясь въ Неаполь, чтобы тамъ сѣсть на корабль, идущій въ Константинополь, былъ проѣздомъ въ Женевѣ и удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Свиданіе наше происходило 14 (26) октября.

«Послѣ обычныхъ привѣтствій, я поздравилъ своего стараго товарища съ его успѣхами по службѣ и съ тѣмъ порученіемъ, которое на него возложено по газетнымъ извѣстіямъ. Поблагодаривъ меня, онъ заговорилъ самъ о своемъ порученіи тономъ человѣка, который хотѣлъ бы узнать мое мнѣніе относительно угрожающихъ грекамъ опасностей и средствъ помочь и спасти, если возможно, этотъ храбрый народъ. Мнѣ не трудно было дать ему почувствовать, что я раздѣляю его пожеланія, но что, не располагая необходимыми свѣдѣніями, я не могу подать ему ни одной мысли относительно ихъ осуществленія; что ему, наоборотъ, нужно со мною подѣлиться своими. Хотя, повидимому, Стратфордъ Каннингъ не соглашался со мною на этотъ счетъ и предполагалъ, что я освѣдомленъ и относительно греческихъ дѣлъ, и хода европейскикъ переговоровъ, съ ними связанныхъ, онъ все-таки же высказалъ свою точку зрѣнія на вопросъ.

«Я не буду приводить здѣсь разговора цѣликомъ, постараюсь однако выразить его смыслъ, насколько я могъ схватить его въ продолженіе нашей бесѣды, во время которой Каннингъ оставался чрезвычайно сдержаннымъ и осторожнымъ.

«Каннингъ, повидимому, склоненъ думать, что деньги составляютъ могущественное орудіе при переговорахъ съ турками; что греки поэтому должны пойти на всякія денежныя жертвы, чтобы навсегда освободиться отъ ига мусульманъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ грустію видитъ, что Греція еще не доросла до свободы и независимости и дорастетъ только путемъ постепеннаго воспитанія.

«Онъ считаетъ вслѣдствіе этого, что, отдавшись подобно Іоническимъ островамъ исключительному протекторату Великобританіи, Греція можетъ воспитаться для полной свободы и привлечь на свою сторону Австрію и Россію, такъ какъ онѣ никогда не допустятъ для Греціи ничего иного, кромѣ полунезависимости.

«Каннингъ спросилъ меня, что я думаю на этотъ счетъ. Я ограничился

Digitized by Google

замѣчаніемъ, что въ глазахъ цѣлаго міра и въ своихъ собственныхъ Греція имѣетъ право надѣяться на большее, чѣмъ то колоніальное существованіе, на которое обречены Іоническіе острова. Кромѣ того, опытъ прискорбнымъ образомъ показалъ, что безъ предварительнаго, полнаго и дѣйствительнаго соглашенія между европейскими державами никакіе переговоры съ Портою не могутъ имѣть спасительнаго успѣха, если вообще простыми дипломатическими переговорами возможно заставить турокъ признать тотъ порядокъ вещей, который въ своей справедливости и мудрости державы сочтутъ нужнымъ установить и признать въ Греціи.

«Повидимому, Каннингу не особенно понравились тѣ доводы, которыми я подкрѣплялъ свою мысль, и, видя, что я остаюсь непреклоннымъ, онъ перешелъ отъ высшихъ политическихъ вопросовъ къ внутреннему положенію Греціи, къ той анархіи, которая раздираетъ страну, и къ крайней необходимости положить ей конецъ.

«Здѣсь Каннингъ прибавилъ: «Знаете ли, я часто самъ себя спрашивалъ, отчего вы не приняли того приглашенія, съ которымъ къ вамъ такъ часто обращались греки за эти четыре года? Они васъ звали, они васъ зовутъ... Можетъ быть, вы держитесь въ сторонѣ только потому, что вы не военный?» — «О нѣтъ, отвѣтилъ я ему, есть болѣе вѣскія причины; вы ихъ понимаете не хуже моего, и я не колеблясь могу ихъ вамъ сказать.... Вотъ онѣ. Во-первыхъ, я состою на службѣ у Его Величества Императора Всероссійскаго и не въ моей власти располагать собой по волѣ грековъ. Во-вторыхъ, пріобрѣти я свободу, отправься я въ Грецію, развѣ бы у васъ не стали думать, или по крайней мѣрѣ дѣлать видъ, что думаютъ, будто я являюсь съ намѣреніемъ превратить Грецію рано или поздно въ русскую провинцію, сдѣлать изъ нея нѣчто въ родѣ русской колоніи? Развѣ не этого боится постоянно вашъ кабинетъ съ той поры, какъ французская революція и паденіе венеціанскаго правительства создали возможность къ улучшенію участи Греціи.

«Я изучалъ столько же, какъ и всѣ внимательные наблюдатели, больше, можетъ быть, чѣмъ другіе, эту сторону вашей политики. И послѣ двадцатипятилѣтняго наблюденія я вижу только два факта: страхъ передъ Россіей и утвержденіе вашего владычества на Востокѣ. Необыкновенно какъ-то счастливо слагаются обстоятельства для вашего правительства, такъ что страхъ передъ Россіей идетъ ему на пользу. Въ 1815 году страхъ этотъ далъ ему Іоническіе острова. Отчего бы теперь тѣмъ же самымъ причинамъ не произвести того же самого слѣдствія. Не попроситъ ли Европа Англію охранить миръ и положить предѣлъ разливу русскаго могущества, прекративъ смуты на Востокѣ распространеніемъ своего протектората на всю Грецію. Въ такомъ случаѣ, для большей безопасности, бе-

Digitized by Google

рите уже все сами въ свои руки, и не такому ничтожному существу, какъ я, привлекать ваше вниманіе». «Я думалъ, возразилъ Каннингъ, что я говорю съ соотечественникомъ». — «Есть ли они у васъ, кромѣ тѣхъ, кто родился въ Англіи? Что до меня, то я этому никогда не повѣрю. Впрочемъ, я еще не собираюсь просить паспорта у генерала Эдамса, но, еслибы и пришлось, будьте увѣрены, я не перемѣнюсь. Въ мои лѣта уже не мѣняются! Я никогда не приносилъ въ жертву собственнымъ выгодамъ интересы своихъ ближнихъ и еще менѣе тѣхъ, кто удостаиваетъ меня своимъ довѣріемъ. Я увѣренъ, что ваше доброе обо мнѣ мнѣніе основывается именно на этомъ убѣжденіи». Любезности и общія мѣста закончили нашъ разговоръ».

«Не знаю, какое впечатлѣніе оставилъ этотъ разговоръ въ Каннингѣ», говоритъ по этому поводу Каподистрія: «но, зрѣло обдумавъ его слова, я считаю, что они обнаруживаютъ основную мысль возложеннаго на него порученія съ такою ясностью, что я осмѣлюсь свести ее къ тремъ предложеніямъ.

«I. Турки откажутся за извѣстную сумму отъ своихъ верховныхъ правъ на ту часть Греціи, которая будетъ находиться внѣ ихъ власти въ пору заключенія договора.

«II. Англія заплатитъ требующуюся сумму, взамѣнъ чего получитъ верховныя права надъ Греціей, пока та не уплатитъ ей долга.

«III. Формальнымъ актомъ будутъ установлены сроки этого платежа, способъ, какимъ Англія будетъ пользоваться своими временными и переходными правами, и условія, на которыхъ Греція будетъ признана свободной и независимой, выйдя изъ-подъ англійской опеки.

«Представивъ этотъ проектъ туркамъ, Каннингъ можетъ имъ сказать: Пять кампаній подъ рядъ служатъ доказательствомъ того, что Греція будетъ съ вами еще долго бороться, и, можетъ быть, вамъ никогда не удастся ее покорить. Ради ея бѣдствій и ея мужества европейскіе народы оказываютъ ей существенную помощь. Ихъ сочувствіе усиливается и будетъ усиливаться до той поры, пока сами правительства не увидятъ себя вынужденными прійти къ ней на помощь.... Что тогда съ вами будетъ? Принявши же наше предложеніе и умиротворивъ Грецію, вы окончите войну, не уронивъ достоинства и пріобрѣтя, наоборотъ, выгоды. Вы отдѣлаетесь отъ народа, съ которымъ вамъ не справиться, да если бы вамъ и удалось справиться, онъ останется тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше; при первомъ случаѣ онъ будетъ союзникомъ вашихъ естественныхъ враговъ— русскихъ. Но разъ мы имъ будемъ управлять, онъ станетъ, если и не полезнымъ, то по крайней мѣрѣ безвреднымъ для васъ сосѣдомъ. Наше управленіе Іоническими островами служитъ тому порукой. Съ другой стороны,

Digitized by Google

на полученныя деньги вы приведете въ порядокъ свои финансы, свое войско, свой флотъ, вы подчините свои непокорныя провинціи и внушите уваженіе миролюбивымъ сосѣдямъ, васъ окружающимъ. Сдѣлавшись въ силу этого договора вашей ближайшей союзницей, Англія обезпечитъ вамъ неприкосновенность вашей имперіи и доставитъ вамъ то политическое значеніе, которое приличествуетъ Портѣ въ сонмѣ первоклассныхъ державъ.

«Въ то самое время, какъ офиціальный уполномоченный пуститъ въ ходъ всѣ средства воздѣйствія на турокъ, тайные агенты постараются склонить грековъ на предложенныя измѣненія. Принявъ ихъ, скажутъ они грекамъ, вы освободитесь навсегда отъ турокъ и оставите въ наслѣдство своимъ дѣтямъ ту самую свободу, ту самую независимость, ради которой вы принесли столько благородныхъ жертвъ и которой вамъ иначе никогда не получить. И народъ, истощенный пятилѣтними бѣдствіями, доведенный до отчаянія увидитъ въ этомъ предложеніи якорь спасенія, а кучка людей, имѣющая притязаніе дѣйствовать и договариваться отъ его имени, найдетъ при этихъ условіяхъ, чѣмъ удовлетворить свое тщеславіе и, можетъ быть, свое корыстолюбіе.

«Британскій народъ одобритъ единодушно высокіе замыслы министерства и не откажетъ ему въ средствахъ къ ихъ осуществленію. Для большинства англичанъ Греція представитъ новое поле для эксплоатаціи наравнѣ съ Индіей и богатыми областями Южной Америки. Для друзей свободы, для филантроповъ, для почтеннаго класса, проповѣдующаго нравственныя и христіанскія добродѣтели, прибавится еще одинъ народъ, который они сочтутъ долгомъ воспитать въ своей школѣ. Въ глазахъ такихъ людей народы не могутъ ни развиваться достойнымъ образомъ, ни быть счастливыми на этомъ свѣтѣ, ни спастись даже въ будущемъ иначе, какъ исповѣдуя ихъ принципы.

«При томъ предположеніи, что такой проектъ, или вообще проектъ въ этомъ родѣ, вызвалъ миссію Каннинга, остается опредѣлить, какія у него есть основанія разсчитывать на успѣхъ.

«Прежде всего, конечно, ему могутъ способствовать побѣды Ибрагима-паши и увеличеніе раздоровъ среди жителей Пелопоннеса, Восточной и Западной Греціи и Архипелага.

«Во-вторыхъ, продажность турокъ и самого султана.

«Въ-третьихъ, согласіе или молчаніе Россіи.

«Къ первому. Бездѣйствіе державъ и происки иностранныхъ агентовъ иногда ненамѣренно, иногда и намѣренно увеличиваютъ внутренніе раздоры въ Греціи и приготовляютъ такимъ образомъ почву для турецкихъ успѣховъ. Иностранцевъ, служащихъ у египетскаго паши и устроившихъ ему правильную армію, также не мало приходится опасаться. Съ другой сто-

Digitized by Google

роны, съ іюля мѣсяца, т. е. съ того времени, когда Грецiя воззвала къ покровительству Англіи, греческій вопросъ вышелъ изъ моды въ Англіи. Не изъ Лондона непосредственно идетъ помощь грекамъ. И филеллины, даже тѣ между ними, которые раньше были безусловными сторонниками греческой независимости, готовы твердить встрѣчному и поперечному, что греки храбры, но что, обладая однимъ только этимъ качествомъ, они не могутъ быть поставлены сразу на одинъ уровень со свободными народами.... Этого достаточно, чтобы обезпечить успѣхъ турокъ?... Не явится ли мысль отдать имъ Пелопоннесъ, ограничить Грецію нѣсколькими островами и кусочками береговъ Аттики и Акарнаніи. Дѣйствительно, только въ такихъ границахъ Грецiя можетъ стать предметомъ купли и продажи и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточить въ себѣ всѣ силы несчастнаго народа. Держава, захватившая его въ свои руки, стала бы хозяйкою великихъ интересовъ, сопряженныхъ съ разложеніемъ Оттоманской имперіи.

«Ко второму. Извѣстно, что въ Константинополѣ среди правительства, въ сералѣ золото всемогуще. Но англійское золото въ этомъ случаѣ было бы еще неотразимѣе. Оно дало бы туркамъ и султану то, чего никогда имъ не получить при покореніи Греціи. И золото это было бы предложено тѣмъ правительствомъ, которое, какъ вѣрный союзникъ, вернуло имъ въ 1799 году Египетъ.... Прецедентъ первостепенной важности, ибо онъ единственный въ своемъ родѣ въ исторіи отношеній европейскихъ державъ къ туркамъ, ибо онъ можетъ оправдать въ глазахъ убѣжденныхъ мусульманъ ту сдѣлку, къ которой ихъ склоняло бы корыстолюбіе больше, чѣмъ всѣ другія соображенія.

«Къ третьему. Не въ силахъ людей разрушить въ короткое время то — созданное вѣками, а греки, не покидавшіе своей родины и не положившіе своего оружія, сохранившіе во всей неприкосновенности древніе нравы своихъ предковъ и чистоту православной вѣры, вся народная масса столь же несчастная, сколь достойная удивленія,—одинаково презираютъ опасности, и тѣ, которыми ихъ окружаетъ европейская политика, и ту, которой имъ грозитъ колоссальная турецкая держава.

«Можетъ быть, оттого-то они теперь такъ и страждутъ, что черезчуръ презирали эти опасности; но ихъ вѣра въ Бога и въ правду ихъ дѣла даетъ имъ еще силы пренебрегать ими. А надежда эта столь же неизмѣнна, какъ ихъ вѣра.

«Въ церкви и церковью греки порабощенные не переставали составлять народа. Въ церкви же ихъ спасеніе, и они надѣются на него, вознося изъ глубины сердца мольбы за единаго государя, ея покровителя.

Каподистрія».

Женева, 1 (13) декабря 1825 г.

Digitized by Google

Если сравнить содержаніе этого письма[1]) съ инструкціями, полученными Стратфордомъ Каннингомъ[2]) и съ его донесеніями изъ Константинополя[3]), то, на мой взглядъ, подтвердится справедливость выше мною высказанныхъ замѣчаній относительно цѣнности этого документа для характеристики его автора. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться поразительному политическому уму Каподистріи. Послѣ мимолетнаго разговора съ Каннингомъ онъ понялъ во многихъ случаяхъ цѣль его миссіи такъ же хорошо, какъ если бы читалъ его донесенія, или полученныя имъ инструкціи. Поглядите въ самомъ дѣлѣ, какъ вѣрно понято стремленіе Англіи къ отдѣльному посредничеству между Турціей и греками; какъ точно воспроизведены всѣ тѣ доводы, на которыхъ Каннингъ разсчитывалъ основать успѣхъ своего предложенія туркамъ; какъ хорошо охарактеризовано отношеніе англійскаго общества къ греческому вопросу!

Но рядомъ съ этимъ, какъ далеко заводитъ его отъ дѣйствительности этотъ умъ подъ вліяніемъ постоянной наклонности къ подозрѣніямъ и преувеличеніямъ. Ни въ инструкціяхъ Каннинга, ни въ его донесеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на стремленіе присоединить Грецію къ Іоническимъ островамъ. Все послѣдующее поведеніе Джоржа Каннинга дѣйствительно показало, что умолчаніе объясняется отсутствіемъ факта, а не желаніемъ скрыть его.

Никогда Каннингу и въ голову не приходило урѣзывать Грецію такъ, какъ рисуется это Каподистріи. Чтобы знать истинныя его на этотъ счетъ намѣренія, сравните тѣ границы, на которыя пошелъ носитель идеи Джоржа Каннинга Стратфордъ Каннингъ вопреки инструкціямъ новаго министерства, отлично сознавая, что этимъ il se casse le cou auprès du Duc de Wellington, что этимъ онъ вызоветъ гнѣвъ министерства, который на него дѣйствительно и обрушился[4]). Что общаго между границей Воло—Арто и предположеніемъ Каподистріи? Его мысль о томъ, что Англія или навсегда, или временно захватитъ Грецію (въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ навсегда, въ другомъ считаетъ, что захватъ будетъ лишь временнымъ), также мало похожа на дѣйствительность, какъ подозрѣніе Веллингтона, будто Каподистрія въ бытность президентомъ Греціи стремился возмутить противъ англичанъ Іоническіе острова. Политика Джоржа Каннинга по отношенію къ Греціи чрезвычайно напоминаетъ его отношеніе къ Южной Америкѣ. И къ Греціи пытался онъ приложить тотъ самый принципъ, который раньше

1) Прил.

2) Record Office. Greece 26 vl. Canning to Stratford Canning, № 2, october 12, 1825, Canning to Wellington, № 2, February 10, 1826. Turkey. 198 vl., № 2, Canning to Stratford Canning, 8 th. January 1826.

3) Прил. № 8, 9, 10.

4) Record Office. Turkey. 236 vl., №8. Aberdeen to Stratford Canning 10 april 1829.

Digitized by Google

увѣнчался столь полнымъ успѣхомъ въ Америкѣ. Торговыя выгоды были безконечно меньше, но зато политическія соображенія имѣли рѣшительный перевѣсъ. Уладивъ греческій вопросъ помимо Россіи, Англія наносила ударъ престижу Россіи на Востокѣ и отнимала отъ нея предлогъ къ войнѣ, или, еслибы война возгорѣлась на почвѣ чисто русскихъ отношеній, получала полную свободу дѣйствій. Такимъ образомъ помѣшать отдѣльному вмѣшательству Россіи было главною, первенствующею цѣлью Каннинга, а отнюдь не желаніе пріобрѣсти Грецію, какъ то заставила думать Каподистрію его подозрительность.

Далѣе, нельзя не видѣть въ разговорѣ Каподистріи съ Стратфордомъ Каннингомъ слѣдовъ его закоренѣлаго недовѣрія и упрямого предубѣжденія къ англичанамъ, а, казалось, представлялся такой удобный случай разсѣять взаимную вражду. Несомнѣнно, Стратфордъ Каннингъ сдѣлалъ къ тому шагъ, заѣхавъ въ Женеву; несомнѣнно, онъ ждалъ отъ Каподистріи указаній и совѣтовъ, нравственной поддержки и сочувствія, не даромъ заводилъ онъ рѣчь о томъ, не поѣдетъ ли Каподистрія въ Грецію и не прекратитъ ли тамъ анархію. Что онъ на это встрѣтилъ? Избитые дипломатическіе аргументы въ духѣ Священнаго Союза, непобѣдимую подозрительность, уклончивые отвѣты на свои предложенія и даже не мало непріятнаго на счетъ англійской политики на Востокѣ. Немудрено, что онъ уѣхалъ недовольный Каподистріей, немудрено, что потомъ онъ совѣтовалъ послѣднему побольше искренности въ отношеніяхъ къ Англіи.

Въ заключеніе, чтобы кончить разборъ второй главы работы г. Теплова, я позволю себѣ сдѣлать еще одно дополненіе, на основаніи имѣющихся въ моихъ рукахъ документовъ. «Каподистрія, говоритъ г. Тепловъ на стр. 29, отклонилъ пенсію, предложенную ему императоромъ Николаемъ за прежнюю службу, въ размѣрѣ до 60,000 франковъ въ годъ, желая въ новомъ своемъ положеніи сохранить полную независимость». Совсѣмъ не независимость хотѣлъ сохранить графъ Каподистрія, а видъ независимости въ глазахъ Европы, ибо для него былъ открытъ кредитъ въ размѣрѣ одного милліона рублей ассигнаціями у банкировъ Harmon въ Лондонѣ, и Ливенъ долженъ былъ брать отъ нихъ деньги для Каподистріи, дѣлая видъ, что онѣ предназначаются на покрытіе издержекъ по флоту[1]).

Что же касается до того, что г. Тепловъ считаетъ ошибочнымъ общепринятый переводъ словомъ président греческаго званія Каподистріи «κυβερνήτης», то съ справедливостью этого замѣчанія нельзя не согласиться.

---

1) Г. А. М. И. Д. Londres. 1827. Nesselrode á Lieven. 15 Juillet 1827. Très secrète.

Digitized by Google

III.

Глава третья разбираемаго сочиненія посвящена изложенію событій съ избранія графа Каподистріи въ президенты Греціи до отреченія принца Леопольда отъ греческой короны (1827—1830 г.). Нельзя не пожалѣть, что въ распоряженіи автора не было больше мѣста (глава обнимаетъ всего одиннадцать страницъ — съ 29-ой по 40-ую). Г. Теплову приходится вслѣдствіе этого рѣшать самые сложные вопросы одною, двумя фразами, и рѣшеніе, конечно, получается не всегда удовлетворительное. При такихъ условіяхъ трудно требовать особенной точности, но всеже можно было бы избѣгнуть по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ недосмотровъ. Напримѣръ, на стр. 35-ой г. Тепловъ говоритъ: «по соглашенію Англіи и Франціи обѣ державы послали въ ноябрѣ 1828 года своихъ посланниковъ въ Константинополь для возобновленія сношеній съ Портою». Утвержденіе безусловно невѣрное. Г. Теплова, очевидно, ввела въ заблужденіе миссія Жобера, второстепеннаго дипломатическаго чиновника, посланнаго въ Константинополь сообщить туркамъ протоколъ 16-го ноября 1828 года. Жоберъ пріѣхалъ въ Константинополь въ январѣ 1829 г.[1]), оставался тамъ недолго и вернулся въ Парижъ. Настоящіе же послы Гордонъ и Гильемино прибыли въ Константинополь только 20-го іюня 1829 года[2]).

Недосмотръ этотъ могъ бы легко исправить самъ г. Тепловъ, если бы изучилъ лучше капитальное сочиненіе Прокешъ Остена. Точно также онъ могъ бы безъ труда устранить нѣкоторыя неточности, не находящіяся въ зависимости отъ недостатка мѣста. Рѣшительно все равно съ точки зрѣнія экономіи его работы было бы сказать, напримѣръ: «въ силу аккерманскаго договора Порта исполнила всѣ русскія требованія», какъ того требовала точность, вмѣсто того, чтобы говорить: «Порта исполнила всѣ русскія требованія, результатомъ чего явился аккерманскій договоръ» (стр. 30), или вмѣсто того, чтобы приводить одну цифру для числа войскъ Морейской экспедиціи, привести другую, болѣе точную, вмѣсто 15,500 (стр. 35) сказать 13,327[3]) и т. п.

Но за всѣмъ тѣмъ, повторяю, главная причина неточностей въ работѣ г. Теплова — недостатокъ мѣста, не позволявшій входить въ болѣе подробное изложеніе событій. Для примѣра возьму хоть описаніе наваринскаго боя (стр. 30—31). Въ нѣсколькихъ строкахъ было въ высшей степени трудно передать причину такого сложнаго и важнаго событія; можетъ

1) A. d. M. d. A. E. Turquie. 254 vl. № 7. Jaubert á Laférronnays. 10 Janvier 1829.

2) Idem № 112. Guilleminot á Portalis. 26 Juin 1829.— Record Office. Turkey. 237 vl. № 2. Gordon to Aberdeen. June 26 1829.

3) Archives du Ministère de la Guerre. Corps Expéditionnaire de la Morée. Octobre 1828.

Digitized by Google

быть, было бы лучше совсѣмъ ея не затрогивать; но г. Тепловъ слѣдуетъ и въ этомъ случаѣ принятой имъ системѣ изображать дѣятельность Каподистріи въ связи съ общимъ ходомъ борьбы Греціи за независимость и вмѣшательства европейскихъ державъ. «Адмиралы союзныхъ эскадръ получили приказаніе дѣйствовать», говоритъ онъ на стр. 30-ой. Они потребовали отъ турецко-египетскаго флота, чтобы онъ удалился изъ Наварина въ Александрію или къ Дарданелламъ, и грозили битвой. «Изъ-за случайно сдѣланнаго выстрѣла по шлюбкѣ англійскаго корабля Darmouth загорѣлся наваринской бой». Слѣдуетъ его описаніе (стр. 31).

Не говоря уже про то, что «приказаніе дѣйствовать» совсѣмъ не предполагало возможности битвы, что адмиралы, давши ее, не безъ страха ждали, какъ отнесутся ихъ правительства къ совершившемуся, самая причина ея далеко не выстрѣлъ, случайно сдѣланный турками по англійской шлюпкѣ. Если бы г. Тепловъ познакомился съ сочиненіемъ Jurien de la Gravière и біографіей Кодрингтона, если бы имѣлъ въ рукахъ описаніе наваринской битвы Е. Богдановича (La bataille de Navarin d'après les documents inédits des archives impériales russes, trad. de Napol. Ney. Paris, 1887. XII, 374 in 12°), онъ изложилъ бы осторожнѣе вопросъ о томъ, кто былъ ея виновникомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, битва была рѣшена заранѣе. Только штиль помѣшалъ ей состояться 19-го октября. This day has gone with all preparation and no fight. The wind was not strong enough to carry us in, писалъ Кодрингтонъ своей женѣ[1]). Все было готово. Офицеры говорили матросамъ: let us fight as british seamen[2]). Когда турки просили Кодрингтона не входить въ гавань, тотъ отвѣчалъ надменно: «Я пришелъ давать приказанія, а не получать ихъ. Сдѣлайте хоть одинъ выстрѣлъ, и я пущу съ радостью весь вашъ флотъ ко дну»[3]). Люди, посланные съ Дармута удалить брандера, были вооружены. Часть ихъ вскочила на бортъ брандеровъ съ обнаженными палашами, и, конечно, по нимъ стали стрѣлять. Въ то же самое время съ борта раздался залпъ, убившій лейтенанта и часть экипажа, остававшихся въ шлюпкѣ. Darmouth немедленно открылъ ружейный огонь по брандеру, который взлетѣлъ на воздухъ[4]).

---

1) Codrington. Op. cit. II, 70.

2) Life on board a man of war including a full account of the battle of Navarino by a british Seaman. Glasgow. 1829. 193 in 8° стр. 128.

3) The battle of Navarino, Malta and others poems by a Naval officer. London. 1828. 127 in 8° стр. 94. Особенно цѣнны примѣчанія. Авторъ присоединился къ флоту немедленно послѣ битвы.

4) Idem. стр. 94. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста мѣшаетъ мнѣ войти въ ближайшій критическій разборъ всѣхъ показаній участниковъ битвы и вынуждаетъ меня ограничиться приведеніемъ лишь такихъ свидѣтельствъ, которыя бы устанавливали неточность въ изображеніи этого событія г. Тепловымъ.

Digitized by Google

Если изложеніе общаго хода исторіи не свободно у г. Теплова отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, то дѣятельность Каподистріи, какъ главы греческаго правительства изложена несравненно лучше; можетъ быть, достоинства этой части разбираемой работы увеличились бы, если бы авторъ старался больше говорить словами самого Каподистріи, переписка котораго даетъ къ тому совершенно достаточный матеріалъ. Можетъ быть, также, слѣдовало бы обратить больше вниманія на отношенія Каподистріи къ Морейской экспедиціи вообще, и къ генералу Мэзону въ частности. Кстати, напрасно думаетъ г. Тепловъ, что французамъ удалось заранѣе выговорить себѣ право на эту экспедицію (стр. 35). Наоборотъ, они встрѣтились сначала съ упорнымъ отказомъ Англіи, и только лѣтомъ 1828 года Веллингтонъ принялъ ихъ предложеніе, отвергнутое весной [1]), и то вскорѣ сталъ раскаиваться, такъ что французское министерство, желая положить конецъ этимъ колебаніямъ, принуждено было телеграфировать Мэзону: «выходите въ море, съ чѣмъ есть; таковъ формальный приказъ короля [2])». Не только отношенія Каподистріи къ Морейской экспедиціи, но и вообще отношенія его къ французскому правительству не мѣшало бы г. Теплову выяснить подробнѣе [3]), потому что въ концѣ концовъ въ смерти Каподистріи, если онъ и не прямо обвиняетъ французское правительство въ лицѣ его посланника барона Руана, то оставляетъ послѣдняго подъ сильнымъ подозрѣніемъ.

Не меньшую важность имѣютъ отношенія Каподистріи и къ Россіи; въ нихъ, мнѣ кажется, можно было бы найти новое доказательство того, что Каподистрія по своимъ мыслямъ и чувствамъ былъ прежде всего грекомъ и держался Россіи лишь постольку, поскольку позволяли выгоды Греціи. Несмотря, напримѣръ, на то, что Россія поддерживала его всегда и во всемъ, что русскій посланникъ имѣлъ «ordre de voir la Grèce pour ainsi dire personnificé en Capodistrias» [4]), всѣ старанія Булгари убѣдить Каподистрію въ необходимости примириться съ протоколомъ 22-го марта не привели ни къ чему [5]). Каподистрія ни за что не хотѣлъ признать перемирія. Ему все равно было, что Россія путемъ частныхъ уступокъ, путемъ добровольнаго признанія того, чего избѣгнуть была не въ силахъ, пріобрѣ-

1) Г. А. М. И. Д. Capodistrias. 1828. № 425. Capodistrias á Nesselrode le 6 (18) Septembre 1828.

2) A. d. M. d. l. G. Cors Exp. de la Morée. 1822 août. De Caux à Maison le 11 août 1828.

3) Въ этомъ направленіи слѣдовало бы изучить переписку Каподистріи съ Мэзономъ, Дерини, Лаферроннэ, Ловердо и др., I, 234, 278, 327, 453, 521, II, 38, 103, 188, 229—234, 264, 287, 309, 320, 323, 337, 354, 358, 408, 420, 451, 454, 466, 512, 520, 530 и т. д. и т. д. Correspondance и въ особенности Capodistrias á Loverdo 3 (15) décembre 1828, II, 454—466.

4) Г. А. М. И. Д. Capodistrias. 1828. № 210. Nesselrode á Capodistrias le 8 Juillet 1828.

5) Idem. Bulgary. 1829. № 12531. Bulgary à Nesselrode le 17 (22) mai 1829. Idem. Bulgary á Nesselrode. № 12538. Reservée le 17 (22) mai 1829.

Digitized by Google

тала свободу дѣйствій и возможность безопасно начать вторую компанію [1]). Онъ негодовалъ на границы, назначенныя для Греціи, и не стѣснился со свойственнымъ ему упрямствомъ пойти въ разрѣзъ съ совѣтами Булгари и созвать народное собраніе вопреки всѣмъ своимъ обѣщаніямъ не созывать его [2]). Было бы, впрочемъ, большимъ заблужденіемъ думать вмѣстѣ съ г. Тепловымъ, что греческое правительство сдѣлало при этомъ все, чтобы обезпечить свободу выборовъ» (стр. 37).

И правительствомъ и оппозиціей были пущены въ ходъ всѣ средства къ борьбѣ, и побѣда досталась Каподистріи не даромъ. Исторія эта разсказана подробно въ донесеніяхъ англійскаго резидента Даукинса [3]), и что въ данномъ случаѣ ему можно вѣрить, объ этомъ свидѣтельствуютъ подлинныя донесенія русскаго резидента Булгари, который предлагалъ даже русскому правительству закупить голоса избирателей въ пользу Каподистріи. Когда предложеніе это было отклонено русскимъ правительствомъ какъ вещь недостойная [4]), Булгари дѣйствовалъ такъ, что самъ уже говоритъ: «До сихъ поръ я могъ сказать про себя, что заговорщикомъ никогда не былъ, теперь не могу [5])».

Въ высшей степени также важны для характеристики политическихъ идеаловъ Каподистріи, его взгляды на турецкую войну. Ему представлялось, что восточный вопросъ будетъ рѣшенъ окончательно, и новая политическая система возникнетъ на развалинахъ Оттоманской имперіи. Какъ она ему рисовалась, объ этомъ свидѣтельствуетъ мемуаръ, посланный имъ въ Петербургъ въ мартѣ 1828 [6]) и тамъ одобренный [7]).

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь ставитъ новые вопросы, или выдвигаетъ на очередь старые, историческіе дѣятели пытаются разрѣшать ихъ, или слѣдуя традиціи, или примѣняя аналогіи, или исходя изъ назрѣвающихъ потребностей времени. Иногда эти двигатели дѣйствуютъ порознь, иногда сообща. И проектъ Каподистріи представляетъ именно одно изъ такихъ соединеній. Чего въ самомъ дѣлѣ онъ хочетъ? Онъ стремится къ созданію федераціи изъ пяти независимыхъ государствъ, управляемыхъ принцами изъ второстепенныхъ европейскихъ королевскихъ домовъ. Такими государствами должны были бы быть: княжество или королевство Дакійское (Молдавія и Валахія), королевство Сербское (Сербія и Болгарія),

---

1) Г. А. М. И. Д. Londres. 1829. Lieven et Matussewitz à Nesselrode le 19 (31) mart 1829.

2) Прилож. №№ 11 и 12.

3) Прил. № 23 а также Г. А. М. И. Д. Bulgary. 1829. № 54. Bulgary à Nesselrode le 1 (13) mai 1829.

4) Г. А. М. И. Д. Bulgary. 1828. № 4823. Nesselrode à Bulgary 5 déc. 1828. Chiffrée.

5) Г. А. М. И. Д. Bulgary. 1829. № 13064. Bulgary à Nesselrode 15 mai 1829.

6) Прил. №№ 14 и 15.

7) Г. А. М. И. Д. Capodistrias. 1828. № 210. Nesselrode à Capodistrias le 3 Juillet 1828.

Digitized by Google

королевство Македонское (Македонія, Ѳракія, острова Имвросъ, Самоѳракія, Ѳазосъ), королевство Эпирское и, наконецъ, государство Эллинское, простирающееся на сѣверъ до Арты и Пенея и заключающее въ своихъ предѣлахъ островную систему, включая и Іоническіе острова. Мѣстопребываніемъ конгресса, объединительнаго начала въ этой системѣ государствъ, становится свободный городъ Константинополь съ прилежащею нейтральною полосою отъ Деркоса до Силиври. Три державы, устроительницы новаго порядка, получаютъ себѣ вознагражденіе въ видѣ острововъ Кандіи, Родоса и Кипра, а отказъ Англіи отъ семи острововъ обусловливаетъ отказъ Россіи отъ покровительства надъ Дакіей и Сербіей[1]).

Дѣйствительно, въ этомъ проектѣ есть соединеніе всѣхъ началъ, указанныхъ выше. Тутъ и традиціонный раздѣлъ, и исконное стремленіе Россіи возродить народности Балканскаго полуострова, тутъ и отраженіе европейской реакціи, вызывающее монархическій образъ правленія для новыхъ государствъ, тутъ, наконецъ, въ самой мысли о федераціи вліяніе на Каподистрію устройства Швейцаріи. Проектъ замѣчательный уже по тому одному, что онъ предугадалъ то направленіе, по которому пойдетъ исторія Балканскаго полуострова, и хотѣлъ сразу достигнуть того, что осуществилось впослѣдствіи только отчасти, и то цѣною долгой борьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на несомнѣнное знаніе дѣйствительности, проектъ этотъ грѣшитъ тѣмъ пренебреженіемъ къ національнымъ особенностямъ, которое вообще отличало дипломатію начала девятнадцатаго столѣтія.

Чтобы показать однако, какъ значительно меньше этотъ недостатокъ въ проектѣ Каподистріи, чѣмъ въ другихъ подобныхъ же проектахъ, приведу французскій планъ рѣшенія восточнаго вопроса, принятый королевскимъ совѣтомъ 4-го августа 1829 г.[1]). Два соображенія господствовали при его составленіи. Съ одной стороны, нужно было воздвигнуть на Востокѣ оплотъ противъ Россіи, и съ другой, получить естественныя границы. Для первой цѣли необходимо было создать на Балканскомъ полуостровѣ одно сильное государство, способное противостать Россіи. Византійская идея тутъ являлась на помощь. Всѣ земли на югъ отъ Дуная объединялись въ одно государство и получали одного государя; въ сущности все оставалось по старому, только однихъ господъ смѣняли другіе. Такимъ образомъ достигалась одна цѣль, но оставалась другая — лѣвый берегъ Рейна. Чтобы брать, нужно давать. Всего легче было удовлетворить Россію и Австрію; одна получала Молдавію, другая Валахію. Но Пруссія и Англія, имъ что дать? Бельгія должна была отойти къ Франціи, за этимъ все и дѣлалось,

1) Г. А. М. И. Д. Capodistrias. 1828. № 9220. Capodistrias à Nesselrode. 20 mars (1 avril) 1828.

2) Прил. № 16.

Digitized by Google

но тогда какъ вознаградить и голландскаго короля за потерю владѣній? Въ видѣ вознагражденія у него брали все: и Бельгію и Голландію, колоніями удовлетворяли Англію, Голландію, Пруссію, а короля, оставшагося безъ престола, посылали въ видѣ утѣшенія царствовать въ Константинополь.

Въ мои задачи не входитъ разбирать, какъ страненъ и нецѣлесообразенъ этотъ планъ съ французской точки зрѣнія; я его привелъ по другимъ соображеніямъ: во-первыхъ, потому, что онъ представляетъ самый характерный образецъ полнѣйшаго пренебреженія къ національнымъ особенностямъ, а во-вторыхъ, потому, что по немъ отчасти можно судить объ австрійскомъ планѣ раздѣла Турціи, къ сожалѣнію, мною не найденномъ. И Меттернихъ, qui après avoir mal mené demandait un pour boire, и Полиньякъ прежде всего примѣнялись, составляя свои планы, ко вкусамъ Веллингтона.

Но ни планамъ Каподистріи, ни Полиньяка, ни Меттерниха не суждено было осуществиться. Адріанопольскій миръ кончилъ войну и рѣшилъ греческій вопросъ въ частности. Для новаго государства нуженъ былъ король; выборъ палъ на принца Леопольда, который однако вскорѣ оказался отъ принятой имъ короны. Вопросъ объ его отреченіи изложенъ г. Тепловымъ совершенно правильно. Поведеніе Каподистріи въ этомъ случаѣ было дѣйствительно безупречно. Самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ тому служитъ письмо президента къ принцу Леопольду отъ 18 (30) мая 1829 года[1]). Уже въ ту пору, даже раньше, у принца явилась мысль занять греческій престолъ, и онъ послалъ довѣренное лицо къ Каподистріи[2]). Президентъ привѣтствовалъ мысль Леопольда, писалъ въ этомъ духѣ русскому двору[3]), но условія для принятія короны ставилъ тѣ же, что и впослѣдствіи, а именно, переходъ въ православіе, подтвержденіе конституціи и границы Воло-Арто съ островами Кандіей и Самосомъ[4]).

IV.

Главы IV (стр. 40—50) и V (стр. 51—66) работы г. Теплова посвящены событіямъ отъ отреченія принца Леопольда отъ греческаго престола до смерти Каподистріи (27-го сентября 1831 года) и по обработкѣ и содержанію составляютъ лучшую часть разбираемаго сочиненія. Спорадически разсѣянныя раньше выписки изъ архивныхъ документовъ здѣсь становятся полнѣе и цѣльнѣе, привлекаются къ дѣлу и другіе источники, хотя

1) Прил. 17. 2) Прил. 18. 3) Прил. 19. 4) Прил. 20.

Digitized by Google

и изданные раньше, но остававшіеся не эксплоатированными, какъ, напримѣръ, записка объ убіеніи Каподистріи, составленная полковникомъ Райкомъ.

Авторъ начинаетъ свой разсказъ съ того, какъ возникла и чѣмъ питалась оппозиція противъ Каподистріи. Совершенно вѣрно указываетъ онъ на ту поддержку, которую находила она въ представителяхъ Англіи и Франціи, хотя, можетъ быть, было осторожнѣе не говорить такъ огульно, какъ это дѣлаетъ г. Тепловъ. Среди представителей Франціи были также безусловные сторонники Каподистріи. «Я считаю, писалъ, напримѣръ, генералъ Мэзонъ, президента совершенно необходимымъ для водворенія спокойствія и порядка, и потому поддерживать его нужно во всякомъ случаѣ[1])». Или, вотъ какъ отзывается о Каподистріи преемникъ Мэзона, Шнейдеръ: «президентъ, человѣкъ добра (homme de bien), методичный, искусный, но не энергичный; обладая даромъ слова, онъ черезчуръ разсчитываетъ на силу убѣжденія. Онъ старается больше убѣждать, чѣмъ приказывать. Несмотря на мягкость своего характера, онъ возстановилъ противъ себя почти всѣ высшіе классы, но ихъ вражда дѣлаетъ честь, если не его ловкости, то его нравственному достоинству. Подъ его управленіемъ приматамъ приходится вздыхать о вліяніи и деньгахъ, которыя имъ оставляла турецкая безпечность, интриганамъ, вертѣвшимъ раньше общественными дѣлами, — о былломъ значеніи и грабительствѣ, капитанамъ — объ утраченной кровожадной власти.

«Среди всѣхъ препятствій, среди столькихъ притязаній и вожделѣній, Каподистрія направляетъ всѣ свои силы единственно на служеніе благу большинства, онъ трудится для народа, и послѣдній его благословляетъ, хотя ничѣмъ не можетъ ему помочь въ своей бѣдности и разъединенности, а между тѣмъ, по моему мнѣнію, онъ-то и составляетъ здоровую часть націи.

«Для продолженія своей благотворной дѣятельности президентъ нуждается въ силѣ и поддержкѣ; ставить ему на пути препятствія, оскорблять его подобно англичанамъ значитъ желать продленія кризиса въ Греціи[2])».

Не только не всѣ офиціальные представители Франціи были противниками Каподистріи, но и среди общественнаго мнѣнія въ его пользу раздавались такіе авторитетные голоса, какъ голосъ Эдгара Кинэ. «Каподистрія, пишетъ онъ, былъ единственною надеждою и почти единственною мыслію страны. Встрѣтивъ его подъ деревомъ въ глуши Мореи, я подалъ ему свои письма и сознался откровенно, какое неблагопріятное мнѣніе я привезъ съ собой изъ Франціи о его управленіи и объ его популярности, и насколько я долженъ былъ измѣнить это мнѣніе подъ вліяніемъ всего ви-

1) A. d. M. d. A. E. Grèce. VI vl. № 67. Maison à Laférronnays. 15 Janvier 1829.
2) Прил. № 20.

Digitized by Google

дѣннаго. Онъ не безъ грусти, но спокойно отвѣтилъ: «пускай ихъ говорятъ, имъ не измѣнить того, что есть». Президентъ могъ бы добавить, что при пріѣздѣ его въ Наполи, старики падали ему въ ноги, цѣловали ихъ и обливали слезами [1])».

Точно также и между англичанами не всѣ были противъ Каподистріи. Кодрингтонъ, напримѣръ, навсегда сохранилъ съ нимъ наилучшія отношенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, какъ ихъ переписка, такъ и отзывъ самого Каподистріи. «L'entretien avec l'amiral, пишетъ онъ къ Нессельроде, été amical et j'ose dire familier. Sir E. Cadrington est la candeur et la franchise personnifiées [2]).

Большинство же представителей Англіи было враждебно президенту, но нельзя сказать, чтобы въ этомъ были виноваты одни они. Часть вины падаетъ, несомнѣнно, и на долю самого Каподистріи. Отношенія не могли не обостриться при его предубѣжденности и подозрительности, заходившихъ такъ далеко, что даже въ желаніи Франціи организовать греческое войско, онъ видитъ un système, qui ne serait ni plus, ni moins qu'un ystème d'asservissement pour le pays et pour le gouvernement [3]). Его ближайшіе совѣтники, іонійцы по происхожденію, шли въ своей ненависти къ англичанамъ еще дальше и своими сплетнями и пересудами поддерживали въ Каподистріи раздраженіе и подозрительность. Душею всего былъ русскій посланникъ Булгари, корфіотъ по рожденію и англофобъ по взглядамъ. Больной, раздражительный, измученный семейнымъ горемъ, Булгари не умѣлъ сдерживать своей горячности и не могъ подобно Панину, своему преемнику дѣйствовать на Каподистрію умиротворяющимъ образомъ [4]); наоборотъ, ему постоянно казалось, что Каподистрія недостаточно смѣлъ и энергиченъ, и онъ старался дѣйствовать на него и самъ, и черезъ своего наперстника Августина Каподистрію, главу крайней русской партіи [5]). Вокругъ президента создалась нездоровая атмосфера, вся проникнутая подозрительностью и раздраженіемъ, плодомъ чего явились разговоры Каподистріи съ Гильемино и Стратфордомъ Каннингомъ въ родѣ слѣдующихъ: «Согласитесь, сказалъ Гильемино Каподистріи, вы намъ вчера задали хорошій урокъ. Мой сосѣдъ, продолжалъ онъ, подразумѣвая Каннинга, порядкомъ долженъ былъ изумиться; урокъ-то былъ на его счетъ». — «Оши-

1) De la Grèce Moderne et ses rapports avec l'antiquité, par Edgard Quinet, membre de la commission, envoyée par le Gouvernement en Morée. Paris. 1830. 445 in. 8°, стр. 200.

2) Г. А. М. И. Д. Capodistrias. 1828. Cadodistrias à Nesselrode pro memoria, прил. къ № 8280.

3) Idem. Bulgary. 1829. № 54. Bulgary à Nesselrode le 1 (13) mai 1829, выдержка изъ письма Каподистріи къ Булгари.

4) Péllion. La Grèce et les Capodistrias pendant l'occupation française. Paris. 1855. 418 in 8°.

5) Г. А. М. И Д. Bulgary 1829. Bulgary à Nesselrode le 13 (25) Juillet. 1829, № 12759.

Digitized by Google

баетесь, г. посолъ, возразилъ Каподистрія, мое намѣреніе было предупредить не одного г. Каннинга». — «Возможно ли, воскликнулъ Гильемино, неужто вы меня считаете способнымъ!... Неужто можно подозрѣвать короля, столько сдѣлавшаго для вашего отечества?» — «Оттого то, что король тутъ ни при чемъ, что на немъ не можетъ быть и тѣни подозрѣнія, я и счелъ долгомъ сказать откровенно обо всемъ, что творится у меня на глазахъ. Вамъ не можетъ не быть извѣстнымъ, что я явился въ Грецію подъ покровомъ трехъ государей съ тѣмъ, чтобы возстановить порядокъ, и что только чувство долга меня здѣсь удерживаетъ. Но позвольте васъ спросить, зачѣмъ водворять порядокъ въ странѣ, которую интригами возбуждаютъ противъ меня?» — «Боже мой, отвѣтилъ Гильемино, мы ничего лучшаго не желаемъ, какъ упроченія вашей власти, но съ другой стороны нельзя же тревожиться изъ-за всякихъ пустяковъ». — «Не изъ-за пустяковъ», сказалъ Каподистрія. «У меня полны руки доказательствъ». — «Можетъ быть, отвѣтилъ Гильемино, смутившись, вы не довольны Жюперо де Сентъ Дени?».. «Очень жаль, отвѣтилъ Каподистрія, что у меня назначено свиданіе съ коммодоромъ Стэномъ. Я не могу дольше оставаться, но завтра увидимся, и я выложу передъ вами всѣ свои доказательства[1])».

Такой разговоръ, конечно, не могъ быть пріятнымъ Гильемино, который все сваливалъ на «ce misérable de mr. Canning»[2]), а тотъ въ свою очередь еще меньше могъ быть доволенъ такою бесѣдою съ Каподистріею. «Ваше превосходительство, услыхалъ онъ, вы слишкомъ опытны, чтобы не знать къ чему ведетъ обращеніе къ простому народу въ политическихъ вопросахъ. Когда послы черезъ своихъ агентовъ спрашиваютъ у кофеенъ и кабаковъ ихъ мнѣнія, когда они открыто позволяютъ себѣ производить слѣдствіе надъ главою государства, что удивительнаго, если безпорядокъ и анархія воцаряются въ странѣ. Будьте однако увѣрены, что Европа узнаетъ, кто и какими средствами вызвалъ безпорядки».

«Лежащая на мнѣ отвѣтственность, возразилъ Стратфордъ Каннингъ, не позволяетъ мнѣ довольствоваться вашими увѣреніями и еще менѣе составлять на основаніи ихъ свое мнѣніе о Греціи».

«Жалко, воскликнулъ Каподистрія, что вы постарались основать его на отзывахъ фальшивыхъ монетчиковъ и морскихъ разбойниковъ, оставшихся не у дѣлъ. Впрочемъ, не заблуждайтесь, греческій вопросъ зависитъ отъ иныхъ силъ, и не интригамъ и происками рѣшить его[3])».

И кому это говорилъ Каподистрія? Кого противъ себя возстановля ъ? Единственнаго человѣка, на котораго въ то время Грецiя могла надѣяться

1) Г. А. М. И. Д. Bulgary. 1828. Bulgary à Nesselrode le 17 (29) sept. 1828. Confid. № 9766.
2) Idem. Bulgary à Nesselrode le 22 septembre (4 octobre) 1828. Confid. № 9771.
3) Idem.

Digitized by Google

и благородной твердости котораго была столь многимъ обязана. Онъ постоянно склонялъ свое правительство дать новому государству возможно широкія границы [1]); вопреки полученнымъ инструкціямъ, зная, что онъ рискуетъ мѣстомъ, онъ подписался подъ границами Воло-Арта. Когда вспыхнуло возстаніе на островѣ Кандіи, онъ тайно вмѣстѣ съ Каподистріей [2]) сталъ поддерживать его и, получивъ отъ своего правительства приказаніе снять блокаду Кандіи, намѣренно его не исполнилъ. «Когда я взялъ на себя отвѣтственность, отложивъ снятіе блокады, я зналъ, что подвергаюсь опасности заслужить неодобреніе министровъ Его Величества», писалъ онъ Абердину 17-го января 1829 года: «но я въ самомъ дѣлѣ считалъ бы себя недостойнымъ не только того высокаго положенія, которое я занимаю, но и вообще всякаго мѣста на службѣ моего государя, если бы затруднился на свой страхъ измѣнить или пріостановить дѣйствіе инструкцій, разъ я получилъ бы свѣдѣнія, неизвѣстныя моему правительству и вмѣстѣ съ тѣмъ способныя по моему крайнему разумѣнію перемѣнить его взгляды [3]).

Какъ бы ни держалъ себя Стратфордъ Каннингъ по отношенію къ Каподистріи лично, все же, цѣня его независимость и расположенность къ Греціи, глава греческаго правительства долженъ былъ съ нимъ обращаться мягче и помнить, что всякій другой на мѣстѣ Каннинга былъ бы вреднѣе не только для временно существовавшаго въ Греціи порядка, но и для жизненныхъ интересовъ Эллады. Никто, кромѣ Каннинга, не взялъ бы на себя такой отвѣтственности, никто не имѣлъ бы мужества дѣйствовать вопреки волѣ своего правительства въ силу служенія одной идеѣ, ради осуществленія того, что онъ называлъ one of dearest wishes of my heart [4]), и спокойно получить отставку, къ которой былъ присоединенъ еще выговоръ: «поведеніе всѣхъ слугъ Его Величества, писалъ ему Абердинъ, должно безусловно соотвѣтствовать волѣ Его Величества, передаваемой имъ черезъ отвѣтственныхъ совѣтниковъ короны [5])».

Другой поддержки, кромѣ Каннинга, у грековъ въ ту пору среди англичанъ не было. Высшее англійское правительство было безусловно противъ Греціи вообще и Каподистріи въ частности. Самымъ явнымъ доказательствомъ тому служитъ обвиненіе Каподистріи въ попыткахъ возмутить Іоническіе острова противъ англичанъ. Обвиненіе столь нелѣпое, что даже англійскій резидентъ въ Греціи Даукинсъ счелъ своею обязанностію донести своему правительству, что онъ считаетъ его совершенно вздорнымъ;

1) Record Office. Turkey. 225 vl. № 65. Stratford Canning to Aberdeen 10 november 1828. № 68. Stratford Canning to Aberdeen. 15 novembre 1828. Прил. № 21.

2) Г. А. М. И. Д. Bulgary. 1828. Bulgary à Nesselrode le 23 sept. (5 oct.) 1828. № 9773.

3) Record Office. Turkey. 236 vl. № 2. Stratford Canning to Aberdeen. 17 January 1829.

4) Record Office. Turkey. 236 vl. № 20. Stratford Canning to Aberdeen. 27 april 1829.

5) Idem. Turkey 236 vl. № 2. Aberdeen to Stratford Canning 17 January 1829.

Digitized by Google

тѣмъ не менѣе герцогъ Веллингтонъ не усумнился выступить съ этимъ обвиненіемъ передъ императоромъ Николаемъ, который, конечно, ему не повѣрилъ[1]).

Оставляя безъ замѣчаній все, что г. Тепловъ говоритъ дальше о ростѣ оппозиціи противъ Каподистріи, обращусь къ исторіи убіенія его. Здѣсь и тамъ (стр. 51, 70, 71, 72, 73) г. Тепловъ бросаетъ тѣнь на Англію и Францію, считая смерть Каподистріи дѣломъ всѣхъ его политическихъ противниковъ. Мнѣ кажется, отъ этого осторожность требовала бы воздержаться.

Какъ ни любопытно все то, что приводитъ г. Тепловъ изъ переписки барона Рикмана, изъ свидѣтельствъ Райка и Альмеиды, нельзя забывать, что это говорили люди, ожесточенные долгой и упорной борьбой, дышавшіе все время воздухомъ, пропитаннымъ интригами, подозрительностію и преувеличеніями, что они свидѣтельствовали, скорбя и негодуя изъ-за смерти президента. Нельзя забывать также, что Рикманъ, подобно Булгари, былъ издавна извѣстенъ, какъ человѣкъ страстный и раздражительный, отличавшійся крайнею враждебностью ко всему, что не отвѣчало его взглядамъ и убѣжденіямъ[2]). Съ этой стороны онъ уже достаточно заявилъ себя въ бытность свою совѣтникомъ Минчіаки въ Константинополѣ[3]). Райко и Альмеида были люди лично преданные Каподистріи и весь этотъ кружокъ находился подъ вліяніемъ Августина Каподистріи, въ интересахъ котораго было сдѣлать все, чтобы свалить съ грековъ на чужія плеча запятнавшее греческую исторію преступленіе. Самый фактъ колебаній Руана при выдачѣ Мавромихали еще ничего не говоритъ въ его обвиненіе. Семья Петробея постоянно держалась Франціи[4]), и если бы этого даже не было, ни одинъ посолъ не согласится отдать преступника, нашедшаго у него убѣжище, прямо на растерзаніе толпы, а этого Руанъ не могъ не бояться, не убѣдившись первоначально въ устойчивости новаго правительства и его способности судить виновнаго законнымъ судомъ. На этотъ счетъ я никакъ не могу согласиться съ г. Тепловымъ, который видитъ нѣкоторое доказательство нравственнаго соучастія французской миссіи въ убійствѣ президента въ томъ, что убійца нашелъ у нея убѣжище (стр. 73). Не могу согласиться еще потому, что г. Тепловъ не привлекъ къ дѣлу воспоминаній Пелліона, одного изъ ближайшихъ свидѣтелей смерти Каподистріи. И вообще, хотя бы и можно было расширить рамки изслѣдованія привлеченіемъ

1) Прил. № 22.

2) Pellion. Op. cit. 183.

3) A. d. M. d. A. E. Turquie. 241 vl. № 72. Guilleminot à Damas 26 octobre 1825.

4) A. d. M. d. A. E. Grèce vl. VI, № 45. Jucherau de Saint Dénes à Laférronnays 15 décembre 1828.

Digitized by Google

другихъ напечатанныхъ источниковъ, все же отъ произнесенія приговора, по-моему, слѣдуетъ воздержаться, пока не откроютъ своихъ тайнъ французскій и англійскіе архивы. До тѣхъ поръ мы располагаемъ только однимъ обвинительнымъ актомъ, но не слыхали рѣчей защитниковъ и показаній обвиняемыхъ.

Во всякомъ однако случаѣ, на сторонѣ г. Теплова останется безспорная заслуга, что онъ расширилъ и укрѣпилъ этотъ обвинительный актъ на основаніи совершенно новыхъ матеріаловъ. Нельзя только не пожалѣть, что онъ не ограничился сдѣланнымъ и присоединилъ къ нему еще приговоръ, по-моему, преждевременный.

Глава VI (66—74) составляетъ заключеніе всей работы. Здѣсь г. Тепловъ даетъ характеристику графа Каподистріи и развиваетъ дальше свои взгляды на истинную причину его смерти. Насколько справедливы эти послѣдніе, я только что имѣлъ случай говорить. Что же касается до характеристики графа Каподистріи, то она написана красиво, но подходитъ больше къ древнимъ римскимъ героямъ, чѣмъ къ живому человѣку съ его страстями и недостатками. Впрочемъ, г. Тепловъ съ того и начинаетъ, что «Каподистрія былъ вылѣпленъ по образцу древнихъ» (sic, стр. 68). Странное дѣло, совершенно незамѣтно для себя г. Тепловъ сходится во взглядахъ на президента съ тѣмъ самымъ адмираломъ Дериньи, котораго онъ обвинялъ во враждебности къ грекамъ и ихъ правительству (стр. 43): въ засѣданіи французской палаты 21-го марта 1832 года Дериньи сказалъ про Каподистрію: «c'était un homme qui a été taillé à l'antique, si je puis m'exprimer ainsi; il avait toutes les vertus et toutes les passions, qui caractérisent les anciens. (Archives parlementaires. II s. XXXV).

Теперу подведу итогъ всему сказанному о работѣ г. Теплова.

На мой взглядъ, ея слабыя стороны составляютъ: малые размѣры при широкомъ планѣ и недостаточное знакомство съ литературою предмета[1]), влекущія за собой, въ свою очередь, случайность и несистематичность изложенія, большіе пробѣлы, какъ, напримѣръ, умолчаніе о дѣятельности Каподистріи въ Женевѣ, и отдѣльныя неточности, какъ, напримѣръ, отправленіе Франціей и Англіей пословъ въ Константинополь въ ноября 1828 года (стр. 35).

Положительныя же стороны этого сочиненія составляютъ четвертая и пятая глава, вводящая въ науку много новаго матеріала, какъ печатнаго, такъ и рукописнаго и вообще самая мысль сочиненія, заполняющая ощутительный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ.

---

1) Г. Теплову остается неизвѣстной біографія Каподистріи, написанная Мендельсономъ Бартольди.

Digitized by Google

Въ виду вышеизложеннаго, если бы я смѣлъ высказать свое мнѣніе, я бы полагалъ, что работа г. Теплова заслуживаетъ почетнаго отзыва.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. Лаферронэ къ Пакье 19 іюля 1821 года.

Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Paris. Russie 161 v. № 110.

Particulière et secrète.

St. Pétersbourg le 19 Juillet 1821.

Monsieur le Baron,

Je sors de chez l'Empereur et quoique la conversation dont j'ai à rendre compte apporte plusieurs modifications à ce que j'ai déjà mandé à Votre Excellence, je laisseroi cependant mes dépêches telles qu'elles sont; c'est à vous, Monsieur le Baron, à apprécier les causes auxquelles doit être attribué le changement qui semble s'être fait dans les dispositions de l'Empereur, depuis la dernière fois que j'ai eu l'honneur de le voir, et si c'est seulement à la confiance avec laquelle j'ai parlé à Sa Majesté que je dois celle qu'elle m'a montrée aujourd'hui, ou si la manière dont l'Ambassadeur d'Angleterre et M. de Lebzeltern s'expriment sur la déclaration Russe, a fait faire des réflexions importantes à ce Cabinet, et penser qu'il pouvoit devenir important pour lui de se rapprocher de la France.

Depuis dix jours déjà, l'Empereur étoit prévenu que j'avois une lettre du Roi à lui remettre; depuis quatre, Sa Majesté étoit à 50 pas du Palais; Tous les jours, j'avois rappelé à M. de Nesselrode la demande que j'avois faite d'une audience, chaque fois de nouvelles raisons ou de nouveaux prétextes avoient fait éluder cette demande. Le départ de l'Empereur étoit annoncé pour aujourd'hui et je devois croire que je serois obligé de rendre compte à Votre Excellence, par M. de Gabriac, d'une conduite, dans laquelle il m'étoit difficile de voir de la bienveillance. Hier au soir, enfin le Comte Capodistria m'écrivit que l'Empereur me recevroit ce matin et M. de Nesselrode vint lui-même hier au soir me prévenir de l'heure à laquelle je serois attendu chez Sa Majesté.

A midi, j'étois chez l'Empereur, chez lequel j'ai été immédiatement admis. Je m'attendois à un accueil froid et réservé, Sa Majesté, au contraire est venue à moi et m'a tendu la main avec sa bonté ordinaire. — «M. l'Ambassadeur, m'a-t-il dit, je suis charmé de vous revoir, ne m'en voulez pas «si je ne vous ai pas reçu aussitôt que je l'aurais désiré, ce n'a pas été ma «faute, et depuis trois jours que je suis ici, je puis vous donner ma parole

Digitized by Google

«d'honneur, que je n'ai pas eu un moment de liberté. Ce n'est que pour «avoir le plaisir de vous recevoir, que j'y ai prolongé mon séjour, car, à «3 heures, je retourne à Tszarscoeselo. Vous avez une lettre à me remettre, «savez-vous ce qu'elle contient?» — «Je l'ignore, Sire, je crois cependant «que c'est une réponse à celle que le Général Pozzo a été chargé de remettre «au Roi de la part de Votre Majesté, dans tous les cas elle est bien précieuse «pour moi, puisqu'elle me donne l'occasion de lui faire ma Cour». — «Ce «sera toujours pour moi un véritable plaisir de vous voir, mon cher Général, «comme vous, je suis enchanté que nous en ayons trouvé un prétexte, pro- «fitons-en pour parler de toutes nos affaires».

. . . . . .

«— Croyez-moi, mon cher Comte, il n'y a ni espérance à avoir ni com- «position à faire avec les révolutionnaires de tous les pays dont le centre «est chez vous. Ils veulent la ruine de tous les trônes et le bouleversement de l'ordre social. Ils y travaillent par tous les moyens et de tous les côtés, «car, ne vous y trompez pas, c'est encore eux seuls qui ont suscité l'affaire «de Grèce; elle a éclaté plutôt qu'elle ne le devoit, parce que les directeurs «ont cru que ce seroit un moyen de venir au secours de leurs frères d'Italie. «J'ai sçu positivement qu'Ypsilanti alloit partir pour Paris et chercher ses «dernières instructions, lorsque pressé par la tournure que prennoient les «choses en Italie, on a cru que le soulèvement de la Grèce jetteroit les Sou- «verains alliés dans des embarras qui seroient utiles aux révolutionnaires «des autres pays et l'on a décrété le mouvement. Le moyen devoit, en «effet, leur paroître d'un succès certain, mais ils ont été trompés dans leur «attente. Ils croyoient que je serois forcé de me prononcer en faveur de «l'insurrection Grecque et que démentant ainsi les principes que je professois, «je perderois la confiance de mes alliés, en même tems que je leur donnerois «de l'inquiétude sur les projets ambitieux qu'ils pourroient me supposer. «Vous avez sçu que ma première démarche avoit été de désavouer Ypsilanti «et, *sans calculer ce que l'on penseroit ici;* j'ai publiquement laissé imprimer «dans tous les journaux l'improbation dont j'ai frappé, dès le premier mo- «ment l'insurrection de la Grèce. Déjoués dans leurs projets et dans leurs «espérances, les chefs habiles de ce complot permanent ont changé leurs «batteries, et je crois avoir la preuve que c'est par l'influence secrette qu'ils «exercent sur le Divan au moyen des Drogmans, qu'ils ont porté les Turcs «à des excès et à des profanations auxquelles il n'étoit plus possible de «rester insensible. Toutefois j'ai tout fait, tout supporté pour conserver la «paix et malgré les outrages de toute nature, malgré la violation journalière «de tous les Traités, je suis encore prêt à tout faire pour éviter la guerre. «Elle ne se fera, je vous le déclare, qu'à mon corps défendant; le Ciel m'est

Digitized by Google

«témoin, que mon seul voeu, mon unique ambition, est de conserver au «monde une paix qui lui a tant coûté. Je demande à mes Alliés de m'aider «de leurs conseils, de faire entendre raison aux Turcs, de trouver un moyen «de ne rien changer à l'état actuel de l'Europe et si ce moyen est introuvable, «si poussé à bout je suis obligé d'avoir recours aux armes, je leur demande «encore de s'entendre avec moi. Avant de quitter l'Empereur d'Autriche, «j'avois voulu fixer son attention sur les grandes conséquences que pouvoit «avoir cette insurrection Grecque; mais on n'aime jamais à croire ce qui «peut nous gêner et nous être désagréable; On s'est figuré à Vienne que «quelques phrases dans le *beobachter* suffiroient pour calmer une population «exaspérée et faire entendre raison à un Gouvernement forcené. Les choses «aujourd'hui en sont venues au point que des mesures terribles sont, pour «ainsi dire, devenues nécessaires. Cependant mon cher Comte, j'en atteste «le Ciel, tel vous m'avez vu depuis que vous me connoissez, tel je suis «encore, tel je resterai. J'espère que mon caractère sortira sans tache de «la nouvelle épreuve à laquelle je suis condamné et que je resterai pur «aux yeux de Dieu, probe et conséquent à ceux des hommes. Je n'ai ni ne «puis avoir d'ambition autre que celle d'assurer et de maintenir la paix. «C'est là mon plus beau titre, celui auquel je sacrifierai tous les genres de «gloire. Croyez, Monsieur l'Ambassadeur, que non seulement je n'ambi- «tionne pas, mais que j'ai horreur du métier de conquérant, depuis longtems «la réflexion m'a appris la valeur de ce titre et à quel prix il s'acquiert. «Je ne doute pas que l'on ne me soupçonne de sourire à la perspective «que semble offrir à mon ambition une guerre avec les Turcs. Je ferai tout «pour l'éviter. Je vous le répète encore, c'est pour la prévenir que je «m'adresse à mes Alliés, et si elle est inévitable, c'est encore avec eux «tous que je veux régler les mesures qui doivent en être la conséquence. «On vous a donné communication de toutes les pièces, j'ai voulu que ma «position, comme ma conduite et mes intentions fussent mises sous les yeux «de mes Alliés. J'ai voulu qu'ils vissent jusqu'où a été ma patience et «tout ce que m'a fait supporter mon amour pour la Paix, et qu'enfin con- «vaincus de mon droit de la nécessité où je suis de prendre les armes, ils «vinssent s'assurer que loin de vouloir terminer seul cette querelle, comme «l'ambition pourroit le conseiller, je les appelle tous, soit pour m'indiquer «et trouver un moyen de prévenir la guerre, soit pour s'entendre avec moi, «sur ses conséquences. —

«Mon cher Comte, il est important que nous nous entendions, Votre an- «cienne politique vous attachoit aux Turcs, leur alliance aujourd'hui vous «assure peu d'avantages. *Croyez-moi, mon cher Ambassadeur*, et regardez «la carte pour vous en *convaincre, c'est la Russie que la France doit avoir*

Digitized by Google

«*pour allié, nous serons pour vous des amis plus sûrs et plus utiles que des* «*Turcs; tous nos rapports sont les mêmes, les deux Nations s'estiment, et* «*j'aime à croire que la manière dont je me suis conduit dans votre patrie* «*peut me donner le droit d'espérer que je n'y suis pas considéré comme* «*ennemi.* Vous voyez avec quelle franchise je vous parle, ce n'est pas là de «la diplomatie, c'est de la confiance et nous causons ensemble comme gens «qui se connoissent et s'estiment. Tout le monde, au reste, est appelé au «conseil, il faut que tous parlent et que l'intérêt général se trouve composé «de tous les intérêts particuliers. Si les Turcs sourds à leurs intérêts comme «à la raison, obligent à leur faire la guerre; si la nécessité en est avouée par «tous, il faut qu'ils soient repoussés très-loin, — parce que leur voisinage «seroit tout aussi incommode que leur présence et qu'il est nécessaire que «tout le monde puisse s'arranger; *plus vous resserrerez le compas, plus vous* «*vous gênerez; mais ouvrez le depuis le Bosphore jusqu'à Gibraltar, et dès* «*lors chacun trouve sa place et sa convenance,* mais ce qu'il y auroit peut-«être de mieux c'est que personne ne prit rien: et je suis le premier à «déclarer que c'est ce que je désire. On pourroit s'entendre pour l'arran-«gement du pays qui se trouveroit sans Gouvernans, et le constituer d'une «manière heureuse pour lui, conforme au degré de civilisation auquel il est «parvenu et en même tems cependant rassurante pour ses voisins, mais «encore une fois, pour celà, comme pour le reste, il faut s'entendre. Votre «Gouvernement ne vous a sûrement fait encore passer aucune instruction.— «Non, Sire, quand j'ai quitté Paris, et même au départ de mon Courrier, on «étoit bien éloigné de savoir l'état actuel des choses, ni de croire que cette «question eût pu prendre un aussi grand développement. C'est de moi que «l'on espéroit des renseignemens. Les communications faites, par l'Ambas-«sadeur de Votre Majesté, auront éclairé les Ministres du Roi, peut-être le «premier courrier me mettra-t-il à même de faire connoître à Votre Majesté «leur détermination; Cependant il est possible que l'on attende encore de «mes nouvelles et c'est ce qui me détermine à envoyer à Paris M. de Gabriac «qui pourra donner des informations bien plus précises que celles que peut «contenir une dépêche, et sera à même de répondre à toutes les questions «que je n'avois pu prévoir. J'ai été charmé, a répondu l'Empereur, d'ap-«prendre que vous eussiez pris cette détermination, elle est une preuve de «plus de votre bon esprit, M. de Gabriac s'est acquis ici une juste considé-«ration, il a eu le tems de nous connoître; Je suis sûr qu'il donnera des «notions certaines et sera à même de redresser bien des fausses idées, bien «des préventions que l'on va s'efforcer de donner. Je vous remercie pour «mon compte d'avoir eu l'idée d'envoyer quelqu'un de confiance à Paris. «Je désire maintenant qu'on vous le réexpédie le plutôt possible, muni de

Digitized by Google

«bonnes et larges instructions. J'ignore si, pour cette circonstance, Votre «Gouvernement voudra donner à un autre qu'à vous la direction de ses «intérêts; mais s'il n'a d'autre projet que celui de se bien entendre avec moi, «certes il ne peut les confier à un agent plus propre que vous pour atteindre «ce but. — Adieu, cher Général; — voilà une de ces bonnes conversations «qui m'a rappelé celles de Laybach. Je vous ai parlé avec toute la confiance «que vous m'inspirez, et comme j'aurois pu le faire devant mes ministres; «j'en agirai toujours de même; car j'ai de vous cette opinion, que si votre «devoir vous obligeoit à changer de manière avec moi, vous me quitteriez, «mais ne tromperiez pas».

Là dessus, l'Empereur m'a donné la main et m'a quitté en me disant: «J'espère que dans peu nous serons souvent dans le cas de nous entretenir «ensemble».

Voilà, Monsieur le Baron, la conversation que je viens d'avoir, elle ressemble si peu à celle sur laquelle je comptois, que je ne puis me l'expliquer, ni comprendre comment tant d'abandon a pu succéder si promptement à tant de réserve. Tout ce que je puis dire à Votre Excellence, c'est que pendant toute cette conversation tout annonçoit dans l'Empereur non-seulement la plus grande franchise, mais que souvent même, Sa Majesté m'a parlé avec une émotion trop profonde pour être simulée et un abandon trop entier pour qu'il me soit possible de croire que ce qu'il m'a dit ne soit pas l'expression vraie de sa pensée et de ses sentimens.

Agréez, Monsieur le Baron, les assurances de ma haute considération

Comte de la Ferronnays.

№ 8. Стратфордъ Каннингъ къ Каннингу 20 марта 1826.

R. O. Turkey 199 vl.

Stratford Canning to the Right honourable George Canning.

№ 5 Constantinople March 20th 1826.

Sir!

Before I received your important instruction by the Messenger Clewes, I had already applied for an interview with the Reis-Efendi, being naturally anxious to execute those, which you had previously adressed to me. His Excellency objected to my request on the ground, that it was not the practice of the Turkish Ministers to admit a foreign Ambassador to a Conference with them till after the ceremony of his public audiences. This objection is not strictly true; but knowing the pertinacy, whith which the Porte is want to maintain pretensions of this kind and being unwilling to

Digitized by Google

engage at the very outset of my Embassy in a sharp discussion of a matter of etiquette, when questions of the greatest moment were to be brought forward, I thought it advisable not to press for a formal conference, provided I could obtain an audience of the Reis-Efendi, under circumstances, which would ensure the transmission of my communications to the Divan in a clear and authentic shape.

This object, I conceive, that I have accomplished, though I cannot conceal from myself, how small a step it is towards the attainment of those great ends, to which it is directed. I saw the Reis-Efendi at his house on the 15th instant and remained in close communication with him from one o'clock till six in the afternoon No notes of what passed between us were taken at the time. But the Amidje-Efendi, or under-secretrary of state, was present for the express purpose of assisting the Reis-Efendi in drawing up his report of our conversation, and I was assured, that a very detailed report of it has since been submitted to the Sultan and also, as I presume, to the Members of the Divan.

The Reis-Efendi took my communications and the proposals, founded upon them, as it was natural to expect that he would, entirely *ad referendum*. It is useless therefore for me to hazard at present an opinion, as to what is likely to be the final decision of the Porte. The Reis-Efendi had every appearance of listening to my statements with intense interest, but he received them without acknowledgement and the purport of what he threw out in manifestation of his first inconclusive impressions on hearing them, was, that he considered the discussions respecting Walachia and Moldavia, as terminated, that it would be contrary to the constitution of the Empire to enter into terms of composition with the Greeks, and, in short, that the Turcs might as well consent to be slaves themselves, as submit any longer to the dictation of Russia.

Agreeably to your instructions, I endeavoured to convince him of the many and powerful reasons, which exist for apprehending a hostile determination on the part of the new Emperor of Russia. I urged the Porte to avert the impending danger, by coming, on the one hand, to a final and amicable arrangement, as to whatever remains in dispute on the subject of the Principalities, and by declaring, on the other, her readiness to treat for an accommodation on some reasonable basis with the Greeks: I offered the friendly mediation of His Majesty's Government for the accomplishment of this twofold purpose, and dwelt upon the independent and advantageous position, in which Great Britain is placed for the moment with respect to those questions, which immediately concern the tranquillity of Eastern Europe.

Digitized by Google

I communicated also on this occasion to the Reis-Efendi the information, which has reached His Majesty's Government whith respect to a plan, supposed to have been concerted between the Porte and Ibrahim-Pasha for the extermination of the Christian inhabitants of the Morea and the substitution of a Mahometan population in their room. Several important considerations have prevailed with me to bring this question at once before the Turkish Government, and it is some satisfaction for me, to be able to state, that the Reis-Efendi had no sooner heard the charge, than he denied it with a degree of readiness, which leads me to hope, that, as far as the Porte is concerned, no plan so atrocious, as that, which has been imputed to her, is in contemplation.

There is still, however, room enough for apprehending the perpetration of great excesses in the Morea, either with or without the connivance of the Turkish Government. If nothing has lately come to my knowledge in corroboration of the statements, which I sent to you from Corfou, nothing on the other hand, has since occurred within my observation or recollection to invalidate the principal circumstances, therein reported to you. The inclosed narrative, drawn up by a very respectable and intelligent officer in His Majesty's Navy, of which I did not send you a copy from Corfou, because I thought, that you would not have failed of receiving one either from the Admiralty, or from the Colonial Office, appears to be decisive of the facts, on which it might be supposed, that the suspicion of a plan of extermination has been founded.

The manner, in which the Reis-Efendi has in the first instance denied the existence of such a plan restrains me from proceeding at once to the express declaration, which I am authorized to make, if necessary, in the name of His Majesty's Government. But it is not my intention to be trifled with in a matter of so much importance. A few days must decide, whether it be the intention of the Porte to accede with frankness to the demands, which I have made of an explicit and official disavowal of the project, imputed to her, and to send to Ibrahim Pasha, as I have also required, instructions, corresponding with this disavowal. The use, which might be made of such a disavowal at St. Petersburgh has been duly pressed upon the consideration of the Reis-Efendi.

Meanwhile, as I see but little prospect of being able to ascertain till after my public audiences the definitive intentions of the Porte, as to the twofold offer of British Mediation, which has been made to her, I determine on sending the messenger Krauss to England with this Dispatch, that you may no longer be kept in the dark as to my position here. Conceiving at the same time, that to duke of Wellington may feel himself embarrassed

Digitized by Google

by remaining in ignorance of my proceedings, retarded, as they have been by my unfortunate detention at the Dardanelles. I have also determined on sending the Messenger Waring to St. Petersburgh with the imperfect information, which alone I am at present able to impart to His Grace.

I shall of course take measures for communicating again in the most expeditions manner, as well with you, as with the duke of Wellington, so soon as I learn the decision of the Turkish Government. With this view I detain the messenger Clews.

I should not omit to mention, that the Reis-Efendi, in referring to the points at issue between Russia and his Government during lord Strangford's embassy at this Court, spoke of the presentation of M. de Minziaky's credentials, as the closing act of the late discussions and as having placed the diplomatic relations of the two Countries on a footing satisfactory to the Porte.

I know not, with any degree of certainty, whether the Turkish Government has received information of the plan, given by lord Strangford with a view to the pacification of Greece, but in consequence of your communications to me upon the subject I thought it right to take occasion during my late interview with the Reis-Efendi to apprize that Minister, that His Lordship's plan, what ever it's object may have been, had met with no countenance from His Majesty's Governement and that great Britain was still for the moment unfettered by any engagements with other powers relating the eastern Europe. It has come to my knowledge, that the French Ambassador received information of lord Strangford's plan before he set out from Constantinople and that he had described prince Metternich to have declared his readiness to subscribe the whole of it with the exception of a few sentences.

I have the honour to be with truth and respect,

Sir,

Your most obedient

humble servant

Stratford Canning.

№ 9. Стратфордъ Каннингъ къ Каннингу 7 апрѣля 1826.

R. O. Turkey 199 vl.

Stratford Canning to the right honourable George Canning.

№ 15 Constantinople April 7th 1826.

Sir!

The utter inability, in which I found myself to dispatch the Messenger Clews, as I had wished, last night, affords me an opportunity of throwing

Digitized by Google

some additional light on the temper of the Turkish Ministers with respect to the demands addressed to them by Monsieur de Minziaky.

I sent my first interpreter to the Porte at an early hour for the purpose of making a final communication to the Reis-Efendi on the subject of the Ibrahim Pasha and his supposed plan for the more effectual reduction and easy administration of the Morea.

M. Cbabert informs me, that the Reis-Efendi after listening to it with fixed attention, replied with considerable agitation, that the answer, verbally sent to me, was one, which he had been ordered by his Government to deliver, that he had no power to alter it, and that the Porte must rely on the friendly disposition of the British Government to consider the difficulties of her situation and to make excuses for it.

I had directed Mr. Chabert to say to the Reis-Efendy, after allowing a sufficient interval for ascertaining, how far he persisted in the decision, already announced, that recognising in the state of the question, as between our respective Governments two distinct circumstances, either of which might eventually prevent our difference from coming to a painful extremity, I still ventured to indulge in those feelings of interest, which agreeably to your instructions I could not but entertain for the welfare of this Country more especially as it was connected at the present juncture with the preservation of peace in Europe, that I had recently learnt from M. de Minziaky himself the nature of the step, which he had taken the day before yesterday at the Porte and that although the proceeding had come upon me by surprise and I was still unprepared to view it in all it's bearings, I conceived, that I should only express the sentiments of His Majesty's Government in stating to him, that if the Porte could succeed in settling her disputes with Russia by a direct understanding with that power, Great Britain would be among the first to rejoice at the event.

The Reis-Efendi replied in a tone of sarcastic irony, that the Porte was of course on the point of acceding to all the demands of Russia, and turning round to two of his Colleagues in office, who happened to be present: «Is it not so, Gentlemen», said he, «we mean without a moment's hesitation to do every thing, that is required of us!» Reassuming after a moment's pause the air of gravity, which particularly belongs to the Turkish Character, he added, that the Porte had fully executed her treaties, that she had done her duty and more than her duty in that respect even to the conviction of other powers, and that Heaven would maintain her in the path of justice and rectitude.

Having said thus much in terms as obscure, as the tone in which they were pronounced was significant, he closed the conversation; and Mr. Chabert

Digitized by Google

took his leave under an impression, that the Reis-Efendi had been half exhausted before his admittance to His Excellency's presence by two long audiences which he had already given to the French and Austrian Interpreters.

I shall lose no time in transmitting to the Commander of His Majesty's Naval Forces in the Mediterranean the answer, such as it unhappily is, which I have received from the Reis-Efendi relating to Ibrahim Pasha with the addition of what little explanation I can offer to assist him in forming his judgment as to the real intentions of the Porte in that particular.

I have the honour to be with the highest Respect, Sir

St. Canning.

№ 10. Стратфордъ Каннингъ къ Каннингу 19 апрѣля 1826 г.

R. O. Turkey 199 vol.

Stratford Canning to the Right honourable George Canning.

№ 18 Constantinople April 19th 1826.

Sir!

The expectations, which I derived from your instructions of having most serious difficulties to encounter in the course, and particularly in the outset of my communications with the Ottoman Porte is now completely realized. That expectation had been considerably abated by the reception, which I experienced on my arrival from the various Turkish Authorities, with whom I was thrown into momentary connection. The attentions, which I received from all quarters, were at that time such as in a great degree to counterbalance the apprehensions, which I found on arriving here to prevail in this Embassy, corresponding sufficiently with the impressions, under which you had framed my instructions.

It would be an unpardonable waste of your time, if at this late period I were to particularize the several circumstances, which then induced me to hope, that the temper of the Turkish Ministers had been rendered more favourable to Great Britain by their acquaintance with His Majesty's declaration of Neutrality. Whatever may have been the cause of those flattering appearances, which I could not fail to observe and which my former residence in this Country enabled me to estimate, their cessation may clearly be traced to the moment, at which the Sultan announced his determination to reject the proposals, which under your directions, I had submitted to the Reis-Efendi.

It has since come to my knowledge, under circumstances, which entitle the story to a fair degree of credit, that before my arrival, orders were issued by the Porte to such of the Turkish Authorities, as I was likely to

Digitized by Google

meet on my way towards the Capital, to receive me with the greatest civility and to report with exactness, what ever might happen to escape from me on any political question. If this be true, the necessity, to which I was reduced of travelling hither from the Dardanelles by land, must be allowed to have given the Mehmendar, who accompanied me, a fair opportunity of doing justice to the instructions of his Court. I do not, however, bear in mind a single instance, in which he seemed to have a thought unappropriated to the vexations of the journey; and the abstinence, which he exercised with respect to all political subjects, has since been religiously observed by the Ministers, whom he served, with respect to the visit, which I received from prince Maurocordato off Hydra and as to which I had been prepared for a most rigid inquisition on the part of the Reis-Efendi, notwithstanding the means, which I had previously furnished of bringing the occurence within its natural dimensions and relating the exagerations, with which it had been represented to the Porte by one of the foreign missions.

I had the honour of stating to you in a former dispatch, that the opinions of the Turkish Ministers take their colour entirely from the Seraglio. The Sultan, since the death of his favourite Halet Efendi has adopted a system, which, if it has the merit of keeping intriguers at a distance, is also attended with the inconvenience of narrowing the Sovereign's views and preventing the approach of knowledge and enlightened opinions to his throne. He still has a confidant among the officers of the Palace The Selictar-Aga, or Imperial Sword bearer, who was formerly His Highness head-barber, at present enjoys that precarious distinction, though it does not appear, that his vicinity to the source of power has yet inspired him with the boldness to aim at more, than being the depository of His Master's cares and companion of his amusements. The Reis-Efendi is the appointed and the only channel, through which the Sultan receives communications from foreign powers. No other individual within or without the cabinet except the Grand-Vizier, who is identified with the Sultan, would at present undertake the perilous charge of conveying the suggestions of any foreign Minister to the Seraglio. Of the persons, whom lord Strangford employed on critical occasions, to support indirectly the measures, which he was engaged, in pressing on the acceptance of the Divan, some few are still existing and in office but the bare idea of being supposed to listen to any political communication alarms them and there is not one of them, who would not rather shut his door against every European, than incur the suscipion of taking part in a diplomatic intrigue. The very minister, whose long and interesting conversation with the first interpreter of the Embassy I reported to you by the last Messenger, has since exhibited a most extraordinary degree of ner-

Digitized by Google

vousness on the occasion of returning a memorandum in Turkish which had been secretly communicated to him by my direction.

The system, which the Sultan thus succeded in establishing, is not entirely without advantage as a necessary part of it is, that every communication whatever, addressed to the Reis-Efendi in relation to foreign politics, must pass at once into His Highness's Cabinet. I am assured, that even the verbal communications of the Dragomen on objects of secondary importance are noted down and conveyed without loss of time to the immediate knowledge of the Sultan nor is there any reason to believe, that the system is intended otherwise, than impartially applied to the whole diplomatic Body, though it is evident, that its effects must be felt in the greatest degree by those Missions, which are at any time called upon to recommend the adoption of measures unpalatable to the Court.

The personal character of the Sovereign becomes under these circumstances an object of the highest, one might almost say, of exclusive importance. That of the reigning Sultan must be sufficiently known to you through the correspondence of my Predecessor. You must be aware, that His Highness is by no means deficient in the natural qualities of judgement and resolution; that he is rather severe than unjust; and prejudiced rather, than ill intentioned; that he is capable of great perseverance in the pursuit of a favourite idea, and that he has so far succeeded in confirming his authority over the Turkish portion of his subjects, as to enlist their fears of his personal vigilance and severity in aid of their general respect for the Head of their religion and the possessor of the throne. But how is any enlargement of mind to be derived from the education of the Seraglio? And what is to be expected of a Sovereign, who from the hour of his accession has made it the principle of his Government to preserve power by removing abruptly or cutting off insidiously not the turbulent alone and aspiring officers of the Janissaries, but every distinguished candidate for the honours of the State? With such complete success has this principle been applied, that there is not now a single man of superior capacity in his employment with the exception perhaps of the Pasha of the Bosphorus, who has manifested his energy by an unsparing execution of refractory Janissaries and his shrewdness in being the first to remind his Master, that he is the only survivor of them. The exclusion of all superior talents from the departments of the administration is not unmarked by the populace of Constantinople and, if what I hear of the language held by the lower orders be true, a trifle might at any time suffice to occasion a serious insurrection.

That despotic authority, which the Constitution of the Turkish Empire assigns to the Sultan, is thus essentially and practically centered in the

Digitized by Google

person of the present Monarch. Fanatical as well as despotic he has no idea, but that of governing through the superstitious prejudices of his people, at the same time that the disastrous experience of his Reign and the instinctive jealousy of power have taught him to mistrust the use of that only force, which custom, growing out of the policy of his predecessors, has left at his immediate disposal. He fears to employ and cannot get rid of the Janissaries. He is known to have a decided leaning towards the introduction of the Nizam-Dgedid, that new system of discipline, to which the Janissaries are so averse and which cost Sultan Selim his throne and his life. He is suspected of being on the watch for a favourable opportunity to repeat the attempt of it's introduction, and to have gradually prepared the way for it's adoption by a systematic removal of the leading opponents of the measure. In other respects the marked features of his policy are a continual recurrence to ancient customs and an endeavour to revive the spirit and practice of those earlier times, when the moral and physical forces of the Empire were not in contradiction with each other, and the troops, who fought under the banner of Mahomet had to contend with Christians not yet formed into the disciplined Battalions of the ninetienth Century.

Combining the various measures of his reign and drawing a general conclusion from them I should say, that if the Sultan were able to wield with full vigour the powers, which he has collected in one point, if his means, in short, were equal to his will, his force to his authority, the following results are those, which would more immediately appear; an increase of the direct action of the Governement upon the inhabitants of the provinces; a more complete detachment of the Empire from foreign connections; and a yet more vigorous enforcement of Turkish Supremacy over the Christian Subjects of the Porte. His disposition to accomplish the first of these objects has been proved by the total suppression of the authority of the *Déré-Beys*, or land holders, who in many ports of Asia governed to a certain degree the population residing on their property and who had an immediate interest in sparing the ressources of the Country. The kind of paternal sway, exercised by these powerful and half feudal lords, has been made to give way to the iron rules of Beys and Pashas, appointed, as in other parts of the Sultan's dominions and holding office on such a tenure, as to make it impossible for them to be otherwise, than oppressive and rapacious. The consequence of the change are such, as it was easy to foresee, a neglected soil, a wasting population and that degree of discontent, which is almost ripe for a revolution.

Applying these notions to the question of Greece, there is little difficulty in accounting for the manner, in which my proposals were received by the Sultan, or in comprehending the motives of that reserve, which has since

Digitized by Google

more particularly marked the conduct of his Ministers. However willing I might at one time have been to attribute my ill success in a great measure to the abruptness, with which your instructions were unavoidedly executed, I am now satisfied, that the obstacles I had to encounter were te deeply roated to admit of their being removed by any ordinary process of management or persuasion. In truth the Turkish Governement is dead to every consideration but that of force. Whether it be the religious idea of yielding only when there is a necessity of yielding, or dread of popular opinion, or unwillingness to reflect on their weak and embarrassed situation, or a mere Turkish obstinacy, it is altogether impossible to bring them to any reasonable determination by means of argument. It does not appear, that even Austria, though all but the Ally of the Sultan in his contest with the Greeks has obtained by her obsequiousness any substantial influence over his Counsels, or that her Minister enjoys any greater advantages even in current affairs, than that of a certain air of confidential intimacy with the Reis-Efendi. I am persuaded, that the apprehension of force itself, to have any decisive effect upon the Turkish Government, must not be remote or uncertain. The system of menace has been so often employed by the leading powers of Europe in negotiating with them, that they are become by habit callous to all admonition, not accompanied with evident proofs of a determination to act. The members of the Divan will sometimes boast in private of their thorough acquaintance with the arts of European diplomacy, through all it's various shades from friendly persuasion to downright intimation. Nor are they less disposed than in former times to reckon upon the jealousies and dissentions of Christendom, as a never failing source of security to their Empire.

It is out of the question to expect, that the Turkish Government, so long as it retains the faintest shadow of power, should ever repose a full and unreserved confidence in any Christian State. That suspicious mistrust of the enemies of their faith and of the ancient opponents of their establishment in Europe, which has coexisted with them for ages, is at this moment particularly active. The question, on which it shows itself with the greatest acrimony, is that of Greece. The Sultan's bosom is the special depository of this sentiment; and his Ministers, who of all his subjects alone dare to mingle in public affairs, are not only the official instruments of his authority, but are so intimidated by their ideas of his severity, and means of observing their conduct, as scarcely to acknowledge their natural capacity for entertaining an opinion of their own.

It is useless to dwell longer on this picture of the Ottoman Court. In offering it to you at all I have it less in view to supply the deficiency of my last hurried dispatch by explaining the result of transactions, now gone by,

Digitized by Google

than to prepare you for the probable issue of any further attempts of the same kind and to point at the only course, by which there is a chance of accomplishing the pacification of Greece under the influence of foreign powers.

I have already stated, that the circumstances under which the Divan received our proposals of mediation, were peculiarly untoward. In addition to these, which were connected with my unfortunate detention at the Dardanelles was first the prevailing belief of serious embarrassements in Russia, secondly the assurances, given to the Porte by one, if not by two of Foreign Ministers here, that the Emperor of Russia was decidedly bent upon peace, and, thirdly, the successful progress of the Turkish generals, besieging Missolonghi.

The peremptory nature of your last instructions, the urgency of the case itself, the orders already given to the Commander of His Majesty's Forces in the Mediterranean and the temporary character of the duke of Wellington's Embassy, combined to leave me without discretion as to the time of making my communications to the Porte, and obliged me, as I could not entirely divest the step, which I was ordered to take, of an appearance of precipitancy and intimidation, to act upon the Turkish Ministry by giving to that appearance the strongest colouring, consistent with the friendly and pacific views of His Majesty's Government.

There is no reason to doubt, that for the moment a deep impression was made upon the Divan; but how is it possible to wonder at the decision of the Sultan after knowing that, besides the difficulties, already enumerated, His Highness had received from the Court of Austria the most distinct expressions of satisfaction at the last concession, made respecting the Turkish Police in Walachia and Moldavia, as the complement of all, that could in reason be expected from the Porte on that subject, although it amounted in fact to nothing more, than a personal change of the Bash Beshlis with some slight difference in their rank, their nomination and the number of the Beshlis, remaining, as before.

Aware, that my only chance of success in offering the twofold mediation of Great Britain, depended on my bringing the sense of danger home to the thorough conviction of the Divan, I did not hesitate to make a most unreserved communication of the facts and documents which you have sent me in relation to the supposed disposition of the Emperor Nicholas. The Reis-Efendi must certainly have been struck with the very unusual degree of confidence which I showed him in reading to him, though under a promise of secrecy, whole passages of your instructions and several of the most important inclosures, which accompanied them. Not satisfied with this, I sent

Digitized by Google

my first interpreter to ascertain, before the report of our Conference was submitted to the Sultan, that the Reis-Efendi had perfectly comprehended the nature of my proposals and the facts and considerations, on which they were grounded; and I had taken the precaution of opening the Conference itself with an ample explanation of those points, on which you had directed me in your first set of instructions to anticipate the inquiries of the Porte. I inclose for the more complete elucidation of my proceedings at that time copies of Mr. Chabert's Report of his conversation with the Reis-Efendi, and of a memorandum of the heads of my conference, which I had previously put into his hands. I add a copy of a written instruction, relating to the affair of Ibrahim Pasha, which I gave to Mr. Chabert on the morning of the 18th Instant.

It was within two days of my public audience of the Vizir, that I received an official answer of the Porte, which was no less disdainful in form, than conclusive in substance. Embracing, as it did the matter of Ibrahim Pasha's plan for the reduction of the Morea, I confess, that I thought at first of shewing my sense of the proceeding by declining to take my audience at that time. The doubts, however, which I could not but feel as to the existence of the precise plan, imputed to Ibrahim Pasha, concurred with other considerations to restrain me from the adoption of so strong a measure — though I conceived, that it was incumbent upon me not to leave the matter without another effort to obtain a satisfactory disavowal from the Porte. Whatever uncertainty I may have felt at first, as to the expediency of giving in a note on the subject, it was removed by considering that nothing short of a very determined expression of His Majesty's sentiments would afford a chance of shaking the Sultan's resolution, that another conference was at that time out of the question, that in a few days the Porte would learn from Ibrahim Pasha (what I have not myself learnt to this hour), that a peremptory demand of disavowal had been adressed directly to him on the part of His Majesty's Government, that the obligation of answering an official Note would afford the Porte the opportunity of satisfying my just expectation without compromizing her dignity and that a written denial of the supposed project would serve as a powerful instrument of Peace in the hands of the duke of Wellington. If any additional motives had been wanting, I should have found them in the importance, of not giving way in the opening of my Embassy to the first appearance of ill-humour on the part of the Sultan, and in the effect, which, at all events, a distinct knowledge of the sentiments and determination of His Majesty's Government would necessarily have in deterring the Porte, and by her means in deterring Ibrahim-Pasha himself from the execution of any sanguinary projects, which might have been formed between them.

Digitized by Google

With the refusal of the Turkish Government to reply to my Note in any other terms or any other form, but those, which the Reis-Efendi had before employed, you are, Sir, already acquainted. I have also informed you in my preceeding Dispatch of the final declaration, which I made to the Reis-Efendi on this subject, and I have since written in pursuance of your instructions to state the issue of the business to the Commander in Chief of His Majesty's naval forces in the Mediterranean.

Every hope of prevailing on the Porte to accept our offers of mediation, without the impulse of some new and extraordinary circumstance was of course extinguished by the conclusive manifestation of the Sultan's sentiments. In reflecting however on the course, pursued by His Highness and making every fair allowance for Turkish Prejudices, I was at a loss to conceive any adequate reasons for the dry unceremonious manner, in which the friendly overture of His Majesty's Government had been rejected. The repugnance of the Porte to admit any foreign interference respecting Greece, and her motives for pretending to consider her differences with Russia, as settled, were perfectly conceivable; but where could be the necessity or the advantage of rejecting a friendly proposal in such a manner, as to show the most decided ill-humour and to risk giving serious offence to Great Britain? The result of the inquiries made through various channels and in various directions with a view to the unravelling of this mystery, is, what I have already, in substance, stated to you, namely, that the Sultan is absorbed, heart and soul, in the desire of reducing the Greeks to submission, that he suspects us of aiming at their independence, that he more, than suspects us of having contributed to the success, which has hitherto attended their insurrection, and, in fine, that every suggestion of ours is viewed through the medium of this persuasion; — a persuasion, which is fed and sustained by the misrepresentations of some, and the exagerations of others of our proceedings, which are continually poured in upon the Porte by those, who either hate the principles of His Majesty's Government, or are jealous of British ascendancy.

On general grounds of expediency it must still be desirable to counteract the intrigues and to correct the false impressions, which threaten to affect most seriously the whole Body of our relations with this Empire. In a preceeding Dispatch I had the honour of transmitting to you an unofficial paper, explanatory of the tender, which had been made through me of His Majesty's good offices for restoring the Turkish Empire to a state of complete and durable tranquillity. That memorandum was circulated confidentially among the members of the Divan and submitted to the Sultan himself. I have since judged it necessary in consequence of further information as to the prevailing

Digitized by Google

impressions at the Porte, respecting our Policy towards Greece, to draw up, in the form of a note, a frank and comprehensive statement of the principles, on which His Majesty's declaration of neutrality is founded, and of the difficulties, which in some instances attend a complete execution of it, accompanying the statement with detailed and authentic communications tending to set in it's proper light the conduct of His Majesty's officers, wether employed in the Archipelago or in the Jonian Islands and to refute the calumnies, with which they have been aspersed. In the performance of this task I have found it advisable (as you will perceive by the inclosed Copy of my Note) to make some admissions, as to the conduct of the individuals; but I trust, that you will find the statement in all essential points consistent with the truth and with your instructions. What change it may produce in the feelings of the Turkish Government and particularly of the Sultan towards us, I cannot undertake to say; but I am well persuaded, that it cannot have the effect of rendering them less open to our counsels, or more mistrustful of our designs, than they were, before it was given in.

You will easily imagine, Sir, that the importance which I attach to the removal of false impressions from the minds of the Sultan and his administration, is not diminished by the new position, into which the differences between Russia and the Porte have been thrown in consequence of the Note, which M. de Minziaky presented to the Reis-Efendi on the 5-th Instant.

The object of that note is now as well known in the streets at Constantinople, as at the Visir's palace, and the leaning of the people, instinctively alive to the weakness of the Empire, is so decidedly towards peace, that the circulation of the Russian demands is likely to be attended with advantage. The decision of the Government, if any decision has yet been made, is kept in a profound secret. Various contradictory reports are flying about from mouth to mouth; but no act of the Government, which looks like a preparation for war, has yet come to my knowledge, and I am inclined, on the contrary, to think, that the pride of the Sultan will ultimately give way. The council, in sending their report on M. de Minziaky's ultimatum to the Seraglio have manifested, as I am assured, their opinion, that nothing in the Russian demands is contrary to the law. They could hardly venture render the present system to say more in favour of concession, without offending their Sovereign; and even the insinuation, which they have hazarded, was seasoned, as it appears for the Imperial palate with strong complaints of Russian injustice.

I have reason to believe, that the Internuntio, the Prussian Minister and the French chargé d'affaires have, each by his respective Dragoman, held a language, calculated to improve any disposition, which the Turkish

Digitized by Google

Government may feel towards concession. They are all, however without instructions, and equally with myself uninformed of what has taken place at St. Petersburgh beyond what has been communicated to us by M. de Minziaky. The internuntio expects a courier from Vienna and has no doubt imparted his expectation to the Reis-Efendi.

With respect to myself I have thought it advisable to abstain hitherto from taking any direct step in furtherance of M. de Minziaky's proceedings beyond that, which I mentionned in a former despatch. Mr. Chabert however had my instructions to afford to the Reis-Efendi an opportunity of returning to the subject and on the 11-th instant His Excellency entered into a long confidential conversation with that gentleman, in which it was observable, that all angry feelings with respect to Russia were hushed, and that the tendency of the Reis-Efendi's remarks was rather to shew a want of right and reason on the side of Russia, than any conclusive motives for the Porte to withhold the required concessions.

The Porte is fully in possession of the opinion of His Majesty's Government, as to the expediency or rather the necessity of her avoiding hostilities with Russia. The Court of St. Petersburgh having taken upon itself to treat directly with the Turkish Government, I can hardly err in thinking, that, so long, as she is inclined to give way, the less I interfere, the better, and that, in case of her counsels taking a different turn, I shall be able to interfere with more effect, after I shall hear from the duke of Wellington, and after the Reis-Efendi shall have learnt from the Internuntio, that the satisfaction expressed by his Court at the completeness of the last concessions of the Porte will not prevent his recommending a frech sacrifice with unabated earnestness.

I have the honour to be with truth and respect,

Sir,

Your most obedient

humble servant,

Stratford Canning.

La Note de M. Stratford Canning à Reis-Effendi le 22 mars 1826.

№ 16. Французскій проектъ раздѣла Турціи.

A. d. M. d. A. K. Russie 178 vl.

Russie 178. № 32. St. Pétersbourg le 29 Septembre 1829.

Son Excellence le Prince de Polignac à Monsieur le Duc de Mortemart.

. . . . . .

Dans la question grecque, l'Empereur a également trouvé le moyen de déployer la noblesse de son caractère au même degré que la sagesse de ses

Digitized by Google

vues. Les intérêts d'une population malheureuse, la conformité de religion, la sainteté d'engagements pris à la face du monde tout prescrivait à ce Prince d'insister sur l'exécution effective des résolutions prises à Londres. Mais le sens restreint que l'Angleterre aurait voulu donner à la transaction primitive, le territoire exigu qu'elle eut voulu voir accorder au nouvel état, eussent soumis la Grèce à l'influence que donnent aux Anglois, dans la Méditerranée, les points importants qu'ils y occupent. La Russie a dû penser aux moyens de faire, au contraire, de cet état, le premier élément d'un contrepoids à cette influence. Ses succès lui ont fourni les moyens d'y parvenir, et cette occasion n'a point été négligée. Les Grecs sauront quelles ont été les puissans qui ont plaidé franchement leur cause, lors de la première sanction donnée à leur délivrance, quelles ont été les nations qui faisaient concourir à ce but la force de leurs armes et le langage de leurs négociateurs. A cet égard, Prince, leur reconnaissance s'adressera autant aux Rois de France qu'aux Empereurs de Russie.

. . . . . .

Russie 178. № 37.

St. Pétersbourg le 6 octobre 1829.

Confidentielle.

A. S. C. Mr. le Prince de Polignac Ministre des affaires étrangères.

Mr. le Duc de Mortemart.

Prince,

Pendant les dernières manoeuvres et en assistant aux parades, où l'Empereur semble voir avec plaisir les militaires du corps diplomatique, j'ai eu l'occasion d'entretenir S. M. I. sur les divers sujets qui se rattachent aux affaires générales. Un, entre autres, que le hazard a mis sur le tapis a semblé fixer l'attention du Prince qui n'est jamais insensible à une idée généreuse.

Je parlais à S. M. I. de la reconnoissance que les puissances faibles lui devraient pour l'insertion de la clause du traité de Paix d'Andrinople qui leur assure la libre navigation du Bosphore, et j'ajoutais que le bienfait seroit complet si l'on parvenait à purger la Méditerranée des Barbaresques qui entravent et inquiètent toujours le commerce, malgré les sacrifices pécuniaires de l'Europe. Oh! pour cela, reprit vivement l'Epereur, ça vous regarde; terminez votre querelle avec Alger en conséquence. — Cela serait peut-être déjà fait, Sir, sans de jaloux voisins dont nous craignons d'eveiller l'inquiétude car V. M. sent très-bien que la France n'ira pas sacrifier ses trésors et ses soldats pour une expédition éphémère, qui ne ferait cesser

Digitized by Google

les brigandages de ces pirates que pour les voir recommencer de plus belle à la première occasion.

Aussi, dit l'Empereur, n'est-ce pas comme cela que je l'entends et que l'Evêque doit le désirer; en tous cas, quelle que soit la détermination du Roi à cet égard, je l'approuve, vous pouvez être bien sur que je l'appuyerai de toute mon influence. — Je remercie V. M. de ses nobles intentions; mais je m'empresse de la prévenir que je n'ai pas la moindre idée des résolutions que les circonstances imposeront peut-être au Roi relativement à cette affaire. Ce dont je suis sûr c'est que mon Souverain qui désire la paix et la tranquillitésur les côtes de Barbarie comme partout ailleurs, s'il est obligé d'avoir recours aux armes pour soutenir la juste cause, les employera avec la vigueur qui a caractérisé nos expéditions d'Espagne et de la Morée.

. . . . . .

Duc de Mortemart au Prince de Polignac.

Russie 178. № 46. St. Pétersbourg 8 Novembre 1829.

Déchiffrement.

Prince,

Mr. Valade m'a remis le 30 Octobre à 5 heures du soir, les dépêches et la lettre particulière dont Votre Excellence l'avait chargé pour moi. Je vais m'occuper avec zèle des affaires auxquelles elles se rapportent.

L'Empereur a été enchanté de la lettre du Roi; il en est profondément touché et reconnoissant. Les dispositions sont excellentes pour la France; il prend confiance dans le nouveau Ministère et approuve toutes ses idées sur la Grèce, sur le Prince Charles de Bavière et sur toutes les autres questions. Son mécontentement du rappel de nos troupes de Morée et surtout de la forme de ce rappel s'appaise. Il m'a avoué qu'avant la paix d'Andrinople un projet de partage de la Turquie, dont la France était exclue, lui avait été proprosé par l'Autriche; qu'il n'avait pas daigné y faire attention, et que le Roi pouvoit compter qu'il n'entrerait jamais dans aucune combinaison de ce genre, sans son loyal et fidèle allié. Il engage le Roi à s'occuper des suites de la chute de l'Empire Ottoman, qui, malgré ses soins pour conserver un voisin aussi commode, peut arriver d'un moment à l'autre.

L'Empereur est sûr de la coopération de la Prusse aux vues sages qu'il concerteroit d'avance avec le Roi. Je m'empresse de vous adresser cet important aperçu que je completterai par mon premier courier.

. . . . . .

Digitized by Google

Duc de Mortemart au Prince de Polignac.

Russie 178. № 80. St. Pétersbourg le 22 Décembre 1829.

Particulière.

C'est Mr. Delille, qui selon vos instructions je vous envoye, Mon cher Prince, qui vous remettra cette lettre, en réponse à la votre du 5 courant.

La santé de l'Empereur se remet, mais très-lentement, il a été beaucoup plus malade qu'on ne le disait et fort mal soigné par ses médecins dans les premiers jours, ce qui fait croire à quelques personnes qu'il aura de la peine à se remettre, à d'autres, que je ne puis citer, mais qui comptent un savant fameux parmi eux, qu'il ne retrouvera jamais sa première constitution. Ce n'est pas l'avis de mon médecin dont je partage entièrement l'opinion à cet égard, et je suis persuadé qu'en se ménageant encore quelque temps contre le climat et sur le détail des affaires, l'Empereur retrouvera toute une santé qui doit être chère au monde. . . . . .

Je ne répondrai pas aujourd'hui à la partie chiffrée de votre lettre, et même je ne crois pas être en mesure de le faire d'ici à longtemps. Le moment n'est pas favorable pour aborder une pareille question; l'état d'épuisement des finances de la Russie, après sa guerre de Turquie, doit être sensible; la foiblesse de la santé de l'Empereur ne relève pas son énergie dans ce moment, ainsi, toute idée qui ne tendroit pas directement au maintien du repos seroit mal vue, dans un laps de temps très-court il en sera probablement tout autrement. De plus, mon cher Prince, me lancer sur un terrain que je prépare et j'observe depuis longtemps en en comprenant les difficultés et les dangers, sans autre secours que mon patriotisme et sans autre appui que quelques chiffres anéantis de votre part, j'avoue que cela m'effraye. Je dois aussi vous dire, avec la franchise d'un ami et d'un soldat, que les explications que vous me donnez sur la retraite du C. de la Bourdonnaye en me faisant apprécier cet évenèment, ne suffisent pas pour faire renaître chez le cabinet Russe la confiance dans votre administration. On est en crainte et en observation, moment très défavorable à une ouverture fort délicate. Je pense donc, et j'agirai ainsi, sauf les ordres contraires du Roi, que le chiffre de votre lettre doit rester incompréhensible jusqu'à l'ouverture favorable d'une session des chambres. Alors je crois qu'il seroit encore très-utile, peut-être même nécessaire que votre négociateur, pour avoir plus de poids, eut reçu ses ordres de la bouche du Roi; et ses instructions de vous verbalement; rien ne doit être négligé dans l'origine de pareilles questions; et d'une énergique initiative dépend souvent toute la marche et l'heureuse issue de l'affaire. Si vous goûtiez de pareilles idées, si Dieu protégeoit des vues qui sont le constant sujet de mes réflexions; après avoir puisé des forces sur les bords de la Seine, je les quitterois de nouveau avec

Digitized by Google

joie pour venir travailler à un pareil plan sur les bords de la Néva. Ceci me ramène à moi, ni remèdes ni régime ne peuvent me débarrasser de bruits dans la tête qui me vexent, me gênent pour dormir, et souvent m'empêchent de travailler: le seul exercice me fait du bien, ce qui a manqué me rompre le cou sur la Néva. Dans ce moment, je désire terminer les affaires de la Grèce et adoucir la queue du traité d'Andrinople, mais d'après ce que nous avons calculé avec le C. de Nesselrode, vers la fin de février, je pourrai quitter cette résidence avec d'autant moins d'inconvénient que l'Empereur veut aller de bonne heure à Varsovie. Ainsi, mon cher Prince, je vous prie de m'envoyer vos dernières instructions pour mon absence, vers la fin de Février, comptant, à moins de circonstances extraordinaires, profiter du congé que le Roi a eu la bonté de me donner, à cette époque.

Ma dépêche № 12 répond à vos questions sur les Pays-Bas, je n'y ajouterai ici qu'une réflexion. Si 25 mille Prussiens venoient occuper ce royaume, il n'y auroit pas de quoi inquiéter la France; mais il y auroit de quoi faire méditer quelques-uns de ses habitants d'une manière très-utile pour notre pays. Ce séjour des étrangers en Belgique rendroit la maison de Nassau plus modeste, le nom des Prussiens odieux au pays et le souvenir des François plus cher à ses habitants. Il n'y a rien de machiavélique dans ma pensée; ce sont des résultats que je prévois.

Par ma dépêche № 15, vous comprendrez du reste que l'intérêt de l'Empereur pour le P.ce I-e des Pays-bas tient uniquement à son amitié pour son beau-frère le P-ce d'Orange. Est-ce que cette fidélité de l'Empereur Nicolas à l'amitié, est ce — que cette tendresse de coeur pour ses parents, cette sollicitude pour leurs intérêts, ne frappe pas vos esprits? Toutes ces choses me font penser, et je vous dois celles de mes pensées qui regardent le Roi et la France, qu'un Prince Français qui auroit pour femme une belle Princesse parfaitement élevée et pour beau-père l'Empereur Nicolas y trouveroit des avantages qui ne sont pas à dédaigner. Ceci sort absolument de me tête; mais réfléchissez-y, car bien d'autres y pensent.

. . . . . .

Russie 178. № 83.

Le Prince de Polignac au Duc de Mortemart.

Confidentielle. Paris 4 octobre 1829.

Les progrès des armées Russes produisent en Europe une vive sensation; quelques puissances ont paru s'en allarmer; mais le Roi, plein de confiance pans les promesses et la loyauté de l'Empereur Nicolas, n'y a vu que le développement du senl moyen qui pût vaincre la résistance du Sultan et le

Digitized by Google

décider enfin à accepter une paix qui établisse sur des bases solides la tranquillité de l'Orient. Le Roi aime à se rappeler les intentions que l'Empereur a manifestées à cet égard, à Berlin: ces intentions sont entièrement conformes au voeu de S. M. qui ne désire que le maintien de tout ce que les traités antérieurs ont établi et qui craindrait que les acquisitions que la Russie pourrait faire dans ses arrangements avec le Sultan, ne laissassent dans plusieurs cabinets des germes de mécontentement qui compromettroient plus tard le repos de l'Europe.

Cependant, Mr. le Duc, le Roi ne s'est pas dissimulé que des circonstances indépendantes de la volonté de l'Empereur Nicolas peuvent mettre obstacle à l'accomplissement des vues modérées de ce Prince, telle serait l'obstination aveugle du Sultan à se refuser à tout arrangement raisonnable, une insurrection à Constantinople, la paix de cette capitale par les Russes: c'est dans la prévision de semblables évènemens que S. M. a désiré que vous fussiez instruit de ses intentions.

L'Empire Turc une fois détruit de l'Europe, il ne peut entrer dans la pensée d'aucun Cabinet de le rétablir. Un état de choses tel que celui qui existe en Turquie a pu se conserver jusqu'à présent par la force des traditions et des habitudes, mais s'il venoit à être brisé violemment par la conquête, il ne seroit plus possible d'en réunir les élémens dispersés. On sait quelles sont les dispositions de la population de la Turquie d'Europe, sa résistance aux innovations introduites par le Sultan, les passions qui l'agitent, la différence de langue, de religion, d'intérêts qui la divisent. On en voit déjà une partie combattre les armes à la main contre la Porte; d'autres n'obéissent plus qu'à prix d'argent; d'autres se sont assuré une indépendance presque complète. Comment une telle population, laissée à elle-même se formerait-elle en un état régulier? Comment, une fois le joug brisé, des sujets, quatre fois plus nombreux que leurs maîtres, rentreroient-ils sous une domination dont une guerre malheureuse auroit détruit le prestige? Comment avec de tels élémens l'Empire Turc reprendrait-il en Europe la consistance qu'il doit y avoir pour que l'équilibre entre les différens états ne se trouve pas entièrement rompu?

La dissolution de l'Empire Ottoman amènerait la nécessité d'un autre ordre de choses; il faudroit ou que la Russie en gardât les débris comme sa conquête, ou que toutes les Puissances s'accordassent pour y former un nouvel état Chrétien.

Le premier de ces partis est évidemment inadmissible: la Russie ne peut songer à s'approprier Constantinople sans s'attirer une guerre avec toutes les Puissances Européennes, et elle considérera d'ailleurs que cette acquisition, si éloignée du centre de sa puissance, aurait l'inconvénient

Digitized by Google

d'inquiéter les autres Etats, sans avoir l'avantage d'ajouter véritablement à sa force.

Ce parti étant écarté, il ne reste plus que la formation d'un Etat Chrétien, concerté entre les Puissances et avec des dispositions propres à calmer les inquiétudes et à satisfaire aux intérêts et aux prétentions des diverses Cours.

Dans cette entente, la Russie doit avoir évidemment l'initiative, et la France est, de tous les alliés de cette Puissance, celui auquel Elle peut s'adresser avec le plus de confiance pour lui faire part de ses vues; les intérêts des Cabinets de Paris et de St. Pétersbourg étant pour ainsi dire, identiques dans la question actuelle.

Vous devez donc, Mr. le Duc commencer par reconnaître quelles sont les dispositions de l'Empereur et par les sonder avec adresse et ménagement; vous vous efforcerez d'amener de sa part des ouvertures de manière à ce que les explications qui pourront s'en suivre paraissent être plutôt une réponse aux avances et aux confidences de ce Prince que des propositions faites par nous et qui pourraient nous compromettre avec nos autres alliés.

Invité par l'Empéreur à lui faire connoître les arrangemens qui entreraient dans les vues de la France, vous pourrez, Mr. le Duc, indiquer les dispositions suivantes. Elles reposent sur l'idée principale d'établir une organisation qui ne soit dirigée par un esprit hostile à personne et dans laquelle chacun trouve, autant que possible la satisfaction des prétentions qu'il peut raisonnablement former.

Dans une réorganisation combinée par suite de démembrement de l'Empire Ottoman, la France désire avoir pour sa part les provinces Belges telles que la Hollande les possède jusqu'à la ligne de la Meuse et du Rhin, et recouvrer en Alsace la ligne de frontière qu'on lui a enlevée en 1815. La Russie ne peut qu'être intéressée à ce que nous fassions une acquisition qui nous donnera de nouveaux moyens de résister à l'ascendant d'une prépondérance voisine qui ne lui est pas moins à charge qu'à nous-mêmes.

Si la Saxe est abandonnée à la Prusse, la conservation des principes de légitimité, l'espèce de solidarité qui existe entre les Maisons régnantes, la dignité du Roi, demandent que le Prince qui règne à Dresde retrouve ailleurs une compensation; les provinces Prussiennes situées entre le Rhin et la Meuse, érigées en royaume, pourraient la lui fournir. On détacherait, toutefois, en faveur de la Bavière quelque portion de ce territoire qui est plus étendu et plus peuplé que ne l'est celui de la Saxe.

La Prusse trouverait un riche dédommagement à cette cession en obtenant elle-même les provinces hollandaises depuis la mer du Nord jusqu'au Rhin: cette acquisition en ferait une puissance maritime, ce qui doit répondre également aux vues de la France et de la Russie.

Digitized by Google

Les colonies hollandaises pourraient, dans cet arrangement, être assignées à l'Angleterre, en partie, du moins, pour son lot.

Le Roi des Pays-Bas irait règner à Constantinople: son emploi seroit formé des possessions de la Turquie d'Europe; on en détacherait les cessions à faire à la Russie, de même que la Servie et la Bosnie qui seraient données à l'Autriche pour servir de contrepoids aux acquisitions nouvelles de son puissant voisin. Les acquisitions de la Russie pourraient consister en Europe, dans la Valachie et la Moldavie. Cette puissance augmenterait aussi son territoire en Asie: c'est surtout de ce côté plutôt qu'en Europe, qu'il serait important de l'inviter à s'agrandir.

Sans prétendre que ces bases d'arrangement soient exactement celles qui dûssent être adoptées, le Roi verrait avec plaisir, Mr. le Duc, qu'on tendît le plus possible à s'en rapprocher. Je joins ici un mémoire qui a reçu l'approbation de S. M. et de son Conseil, et qui indique le point de vue général sur lequel le Roi considéreroit une nouvelle organisation de l'Europe, et les principales dispositions que nous devrions chercher à y introduire dans l'intérêt de la France. Vous n'aurez aucun usage à en faire; mais vous pourrez le consulter avec fruit pour arrêter vos propres idées et pour vous servir de documens et de direction dans les conversations que vous aurez à ce sujet avec l'Empereur et avec ses Ministres.

Si la Russie donnait à entendre qu'un Congrès deviendroit nécessaire pour sanctionner des combinaisons de la nature de celles que je viens de vous indiquer, le Roi consentirait à accéder au voeu de son allié; mais ce ne serait qu'après qu'une entente préalable aurait eu lieu entre les deux cabinets relativement à la cession future de la Belgique à la France.

Je dois cependant, Mr. le Duc vous faire observer, à ce sujet, que les dispositions générales de l'organisation dont je vous ai exposé la base, étant plus favorables à la France, à la Russie et à la Prusse, qu'elles ne le sont à l'Angleterre et à l'Autriche, nous devrions prévoir bien des difficultés à la réaliser au moyen des discussions d'un Congrès: ces discussions se prolongeraient nécessairement très-longtemps, et peut-être auraient-elles pour résultat d'aigrir les esprits, de laisser à chacun le temps de se préparer à la guerre, de former dans les différens pays une opinion passionnée qui domineroit la sagesse des Cabinets et d'amener enfin une rupture entre les Puissances. L'Empereur jugera probablement que le moyen le plus efficace de prévenir cette rupture et en même temps de réaliser un plan qui réponde aux intérêts et au voeu des deux Cours serait un accord secret et séparé entre elles deux, dans lequel elles entraîneroient ensuite la Prusse et la Bavière, l'Autriche alors pressée entre la France, la Russie et l'Allemagne s'estimerait heureuse de sortir d'une telle situation en acceptant le lot que

Digitized by Google

les Cours alliées auraient jugé convénable de lui attribuer, et l'Angleterre, abandonnée de tout le Continent n'oserait pas entreprendre seule la guerre, pour s'opposer à une combinaison dans laquelle d'ailleurs, on lui assignerait aussi une part convenable.

Après être tombé d'accord avec l'Empereur, vous concerterez aussi avec lui les moyens qu'il y aura à employer pour en faire part aux Cabinets de Berlin et de Munich, et pour s'assurer de leur prompte adhésion. Il sera nécessaire aussi de convenir du genre de communication que nous devrons faire à ce sujet à l'Autriche et à l'Angleterre. Vous pourrez enfin règler immédiatement quel sera le nombre de troupes que chaque Puissance devra mettre sur pied de guerre pour appuyer les arrangemens arrêtés.

Le Roi, Mr. le Duc, s'en remet entièrement pour ces moyens d'exécution, à votre habileté et à votre prudence, ainsi qu'à l'amitié et à la haute sagesse de son allié; en les réglant, il importe que vous ne perdiez pas de vue que la promptitude et le secret peuvent seuls en assurer le succès et que le concours de la Prusse nous est indispensable et celui de la Bavière nécessaire. Le Roi porte cette conviction si loin qu'il ne vous autorise à rien conclure que dans la supposition de l'adhésion de la Prusse. Ce n'est qu'en présentant inopinément à l'Europe une alliance compacte et toute formée, et une réunion de forces à laquelle les autres Puissances n'auront rien d'égal à opposer, que nous préviendrons une guerre générale et ferons adopter à toutes les Cours une combinaison que les circonstances nous forcent à former et à réaliser en peu de momens.

Je dois ajouter un mot sur la part qui est attribuée à la France dans la supposition d'un partage, il se peut qu'elle paroisse considérable au Cabinet de St. Pétersbourg. Si vous observiez, Mr. le Duc, qu'elle produisit cette impression, vous pourriez faire valoir les titres que nous avons à être traités avec quelque faveur.

Vous rappelleriez les bénéfices que nous avons faits dans l'affaire de Grèce, notre expédition de Morée, les subsides et les secours de tous genres que nous avons donnés aux Grecs. Lorsqu'un arrangement définitif termine les affaires d'Orient, il est juste que les deux Puissances qui ont fait les plus grands sacrifices pour l'obtenir s'y trouvent plus avantageusement traitées que les autres. Vous feriez aussi observer qu'étant les seuls qui n'ayons reçu aucune augmentation de territoire en 1815, nous nous trouvons dans une situation comparativement très-inférieure et à ce que nous étions avant la révolution. Vous ajouteriez enfin que la France et la Russie sont placées de manière à ce que tous les avantages politiques que nous pouvons recevoir se trouvent devenir utiles à la Russie, et ont pour effet d'augmenter sa force fédérative en Europe.

Digitized by Google

Dans aucun cas, la France ne pourraît souffrir que l'Angleterre, la Prusse et l'Autriche s'agrandissent, si elle-même n'augmentait se puissance territoriale: sans cela elle regarderait comme entièrement rompu l'équilibre politique, déjà tellement affaibli à son désavantage, au congrès de Vienne; ce serait la faire descendre du rang que non seulement la dignité du trône et l'honneur national, mais l'intérêt même de sa conservation lui commandent de maintenir.

S. M. ne veut aucune augmentation de territoire du côté de l'Italie; ce ne pourroît être qu'aux dépens du Roi de Sardaigne son beau-frère; et ce serait seulement nous faire acheter une guerre contre l'Autriche. Ce ne sont pas, Mr. le Duc, des vues d'ambition qui dirigent la politique du Roi; S. M. ne recherche, dans les acquisitions sur lesquelles elle a jeté les yeux, qu'un simple intérêt de préservation: elle ne fait que satisfaire à la nécessité et au devoir qui lui est imposé de pourvoir, autant que les circonstances le lui permettent, à la sûreté de son peuple, de sa capitale, de son trône. Lorsque la guerre se faisait par de lentes combinaisons et que la rigueur des saisons en suspendoit, chaque année, la poursuite, le Roi pouvait voir sans inquiétude entre les moins d'une puissance étrangère une province telle que la Belgique aussi rapprochée de sa capitale, mais qui était alors ouverte, sans défense, séparée par de longs intervalles du centre de l'empire dont elle dépendait: aujourd'hui tout est changé: la guerre se fait par des invasions subites et impétueuses, dirigées contre les capitales.

A la place d'une province détachée de l'Autriche se trouve un royaume compact, guerrier, défendu par tous les travaux de l'art militaire. La Belgique, l'Allemagne, le Piémont se sont couverts de forteresses qui augmentent la confiance d'une armée envahissante en lui offrant des refuges en cas de revers: une armée Prussienne campe à 70 lieues de Paris: une armée Belge, qui peut, en quelques instans, devenir une armée Anglaise et être soutenue de toutes les forces de l'Angleterre, n'en est qu'à 60 lieues. Dans cet état de choses, le Roi ne saurait penser à des conquêtes éloignées: S. M. ne peut vouloir et ne veut que sortir de la situation très-déplorable où le Congrès de Vienne nous a placés.

Ce sont des considérations que vous aurez, M. le Duc, à faire valoir auprès de l'Empereur; vous pourrez, d'ailleurs faire connaître à ce Prince que le désavantage même de notre position nous a fait plus vivement sentir la nécessité de nous ménager des moyens de défense; le Roi aura, avant trois mois, s'il est nécessaire, une armée de plus de 200,000 hommes de disponible pour faire valoir ses droits ou garantir l'exécution des arrangemens consentis par lui.

Il n'est pas besoin, Mr. le Duc, de vous faire observer que cette dépêche

Digitized by Google

est de la nature la plus confidentielle. Il sera bien que vous vous réserviez la connaissance pour vous seul, et ne la classiez pas dans les Archives de l'Ambassade, afin qu'il n'en reste pas de trace en Russie et que vous puissiez me la rapporter vous-même lors de votre retour en France. Comme vous n'aurez à en faire usage qu'éventuellement, dans le cas d'un démembrement de la Turquie; et si vous trouviez les intentions de la Russie favorables, je n'ai pas cru devoir en donner connaissance à M. le Comte Pozzo di Borgo. La négociation que vous êtes chargé d'ouvrir n'admet, d'ailleurs, que des communications verbales, et elle ne permettra de dresser aucune note écrite qu'après qu'un engagement d'honneur aura été pris préalablement. Il est bien entendu que, dans le cas où vous apprendriez que la paix est signée sur les bases annoncées par l'Empereur Nicolas, vous n'auriez aucun usage à faire de tout ce que je vous écris aujourd'hui, et le regarderiez comme non avenu.

Toute cette négociation, Mr. le Duc, demande de votre part un langage plein d'intimité et de confiance, et qui réponde aux sentimens qui unissent si intimement le Roi à son noble allié; vous pourrez toutefois, si vous en voyez la nécessité, faire sentir à ce Prince qu'en se rapprochant ainsi de lui d'une manière particulière, le Roi obéit autant à un sentiment d'amitié qu'à des considérations tirées de l'intérêt de ses peuples, et que nous repoussons pour cela d'autres combinaisons où nos intérêts trouveraient également à se satisfaire. Le Roi regretterait vivement que des exigences tout à fait inattendues de la part de son allié le forçassent à recevoir d'une autre part des avances que jusqu'à présent il a mis tous ses soins à écarter de lui et à ne pas apercevoir.

En vous remettant entre les mains une négociation aussi importante, le Roi, Mr. le Duc, aime à vous donner la preuve la plus éclatante que vous puissiez recevoir de la confiance qu'il met en vous de l'estime qu'il fait de vos talens et de votre caractère: S. M. verra avec plaisir votre nom attaché à une transaction qui doit remettre la France au rang qu'elle a si longtemps tenu et qu'elle doit recouvrer en Europe.

Je charge, avec l'approbation du Roi, Mr. . . . . de vous porter cette expédition. Je lui en ai laissé prendre lecture avant de la lui remettre. Je l'ai parfaitement mis au courant des instructions de S. M. et des vues de son gouvernement; et les renseignemens qu'il vous fournira pourront servir de développement à mes instructions. Il sera entièrement à vos ordres, et vous pourrez le considérer comme votre Secrétaire pour cette importante négociation. Je désire, Mr. le Duc, qu'il vous soit utile; et je ne doute pas qu'il ne justifie à tous égards la confiance que je vous prie de lui accorder. Vous pourrez me le réexpédier quand cette affaire sera ter-

Digitized by Google

minée; les renseignemens que j'en recevroi, à mon tour, complèteront ceux que vous me donnerez par écrit dans votre correspondance. Je désire que, par tout ce que vous aurez à m'adresser à ce sujet, vous ne fassiez pas usage du chiffre, afin de ne pas être forcée de mettre un trop grand nombre de personnes dans la confidence. Vous aurez pour m'écrire l'occasion que vous offrira le retour de Mr. . . . . et vouz pourrez ensuite confier vos dépêches aux personnes qui vous paraîtront offrir le plus de garanties et de sûreté par leur caractère et leur existence.

Russie № 178.
84.

Mémoire lu et approuvé au Conseil du Roi,
Septembre 1829.

Que la chute éventuelle de l'Empire Ottoman peut amener la nécessité d'un partage et, par suite, d'une nouvelle organisation territoriale de l'Empire. — Les armées Russes s'avancent vers Constantinople, étonnées elles-mêmes de leur triomphe, elles traversent sans obstacle, une population qui n'a eu le temps de faire aucun préparatif de guerre; l'Europe les regarde avec inquiétude, mais elle ne peut arrêter leur marche, car personne ne prévoyait que le sort de l'Empire Ottoman pût être décidé dans cette campagne, et personne n'est prêt à faire la guerre. Cependant nous pouvons apprendre chaque jour que Constantinople est pris, ou qu'une de ces révolutions si fréquentes en Asie, sourtout dans les momens de crise, a précipité le Sultan Mahmoud du trône: l'un ou l'autre de ces événements amènerait la dissolution de l'Empire Ottoman. Toutes les puissances ayant été également surprises par la rapidité avec laquelle les choses ont marché, toutes se trouvent également embarassées de la conduite qu'elles ont à tenir. Si la France peut arrêter la première, ses idées sur le parti qu'elle doit chercher à tirer des circonstances qui se développent devant elle, elle aura un grand avantage pour faire prévaloir les combinaisons que son intérêt lui aura conseillé d'adopter; mais si, au contraire, elle reste sans plan et sans volonté, et laisse les autres puissances se concerter et s'entendre, elle s'expose à être elle-même sacrifiée à des arrangements qui se feront sans elle, peut-être à rester encore une fois témoin impossible et forcé d'un partage que l'accord de l'Angleterre, de l'Autriche et de la Russie lui enlèverait les moyens que déjà la Cour de Vienne a fait passer à celle de St. Pétersbourg des propositions applicables à la supposition que les événements de la guerre amenassent la nécessité de nouvelles combinaisons territoriales en Europe. Une fois l'Empire Turc renversé, sa reconstruction devient impossible. On se

Digitized by Google

trouve donc, ou dans la nécessité de laisser l'importante possession du Bosphore à ceux qui l'auront conquise, ou de relever dans ces contrées un nouvel empire, et d'y substituer un royaume chrétien à un état musulman. Aucune puissance pourroît consentir à voir la Russie s'établir à Constantinople; les raisons en sont trop évidentes pour qu'il soit nécessaire de les rappeler ici. Reste donc l'établissement d'un royaume chrétien; mais on ne pourraît, dans ce cas, s'empêcher d'en détacher les portions de l'Empire Ottoman dont l'acquisition serait nécessaire à la Russie pour l'indemniser des frais de la guerre et lui permettre de rappeler avec honneur ses armées victorieuses. L'augmentation de puissance que la Cour de St. Pétersbourg en recevrait, feraît naître pour les autres Cours l'obligation de conserver l'équilibre que cette circonstance menaceroit de rompre, si les principaux Etats de l'Europe ne recevoient aucun accroissement proportionné, et la nécessité d'un partage qui entraînerait une organisation nouvelle de l'Europe. Avant d'examiner quelle pourraît être cette organisation, il importe de reconnaître quels seroient les moyens que la France devra choisir pour la réaliser et la diriger d'une manière conforme à ses intérêts; car ces moyens d'exécution doivent déterminer, en grande partie, la nature même des prétentions et des projets avec lesquels elle peut entrer dans une semblable entreprise. Il s'en présente deux principaux, une négociation générale suivie dans un Congrès, ou une entente séparée et secrète avec la Russie.

Examen de la question: si cette circonstance demanderait la réunion d'un Congrès, ou une entente séparée avec la Russie. L'intensité de relations et l'habitude d'agir de concert, qui est toute établie avec l'Angleterre et l'Autriche, et la profonde conviction que ces deux puissances ont de la solidarité de leurs intérêts, leur donneraient dans un Congrès une supériorité décisive sur la France et la Russie: les difficultés imprévues et les questions nouvelles qui dans ces sortes d'assemblées, s'élèvent tout à coup et y changent impunément l'objet même des négociations; l'impossibilité de s'entendre à l'amiable dans un partage où l'on ne peut traiter toutes les puissances aussi favorablement les unes que les autres, la perte de temps qui résultérait de la prolongation de ces discussions, et l'inconvénient qui s'en suivrait de tenir toute l'Europe dans l'attente et l'inquiétude, et de laisser les Anglois et les Autrichiens préparer les moyens d'attaquer l'armée Russe, sur les succès de laquelle repose tout ce plan, telles sont les autres considérations principales qui s'accordent à faire rejeter l'idée d'un Congrès.

Considérations qui portent à préférer ce dernier moyen. Une entente séparée et secrète avec la Cour de St. Pétersbourg offre plus de chances de succès: la France et la Russie se trouveraient par là prendre les devants sur les Puissances opposantes. Une fois d'accord, il leur serait facile ensuite

Digitized by Google

d'entraîner la Prusse et la Bavière par les avantages qu'elles leur offriraient. Maîtresses alors de l'Allemagne par ces deux puissances, elles feraient connaître leur plan à l'Autriche, d'abord, puis à l'Angleterre. L'Autriche se voyant pressée, entre la Russie, la Prusse, l'Allemagne et la France, se trouveroit heureuse de sortir d'une telle situation en recevant le lot qui lui serait réservé dans le partage; l'Angleterre, alors, abandonnée de tout le Continent, ne pourrait que bien difficilement entreprendre, seule et sans alliés, une guerre pour empêcher la réalisation d'un plan qui aurait été adopté par toutes les autres puissances, et elle se verrait contrainte de suivre l'exemple de l'Autriche.

Indication du plan de réorganisation territoriale de l'Europe qui pourrait être proposé. — *La Russie.* — On ne saurait se refuser, dans l'état actuel des choses, à donner à la Russie, la Valachie et la Moldavie: ces provinces sont en sa puissance et n'ont pas de moyens de défense contre elle. La Russie en convoite, de vieille date la possession, elle s'y est fait reconnoître d'ailleurs des privilèges et un droit d'intervention qui, depuis longtemps l'en avoient déjà rendue presque maîtresse absolue: comment en exiger d'elle l'abandon? Et, d'un côté, comment pourrait-on les lui conserver dans une organisation nouvelle où l'ont voudroit introduire quelques principes de repos et de stabilité? On reconnoît que cette cession à l'inconvénient de fortifier et d'étendre en Europe une puissance qui n'y est déjà que trop formidable, mais on ne croit pas pouvoir la lui refuser, lorsque ses armées ont pénétré jusqu'à la Capitale de l'Empire Ottoman. La part, au contraire, que l'on fera aux Russes dans les provinces asiatiques de la Turquie sont à notre avantage: elle peut leur frayer un jour le chemin des Indes, et il ne sauroit être indifférent pour nous d'introduire et de fortifier dans cette partie du monde une rivale de l'Angleterre. De plus, il est utile de rapprocher la Russie de la Méditerranée, où nous avons un si grand besoin d'appui contre la prépondérance britannique. Ou laissera donc les Russes s'attribuer le tiers de Asie-Mineure, contrée qui est peuplée de six millions d'habitants; et s'ils ne trouvent pas ce lot proportionné à l'importance du rôle qu'ils jouent dans cette question, nous pourrions consentir à ce qu'ils s'étendissent davantage encore en Asie. Si l'on comparait d'une manière absolue et isolée, d'un côté, l'importance des acquisitions qu'on assigne ici à la France et à la Russie, et, de l'autre, la part que ces deux Puissances prennent aux événemens qui ont lieu en ce moment, la Russie aurait sans doute à se plaindre; mais on lui fera observer que les principaux arrangemens qui sont proposés en faveur des autres puissances, la cession de la Hollande à la Prusse, l'établissement d'un Etat chrétien à Constantinople, la réunion même de la Belgique à la France, doivent influer d'une manière tout aussi avantageuse sur sa puis-

Digitized by Google

sance fédérative que sur la nôtre; ce n'est même que cette combinaison, fondée sur l'accord et la solidarité des intérêts des deux Cours, qui nous permet de présenter, avec des chances suffisantes de succès, ce plan de réorganisation.

L'Autriche. — Les possessions que nous destinons à l'Autriche, la Servie et la Bosnie presque enclavées dans ses Etats; elle y a toujours eu des intelligences et des relations. Sans lui procurer une plus grande étendue de côtes, ces acquisitions la renforcent cependant sur l'Adriatique, en donnant à ses provinces maritimes plus de profondeur; c'est un avantage pour nous de fortifier les intérêts maritimes de l'Autriche, et de développer ainsi chez elle, celui des élémens de sa puissance qui pourra lui faire sentir un jour à elle-même tout ce qu'il y a de pesant pour l'Europe dans la prépondérance navale de l'Angleterre. La Bosnie et la Servie presqu'aussi étendues, plus peuplées, mieux défendues par la nature, par l'art et par l'esprit, tout militaire des habitans que ne le sont la Valachie et la Moldavie, serviroient de contrepoids à l'extension que la Russie recevrait sur le Danube.

La Prusse. — En autorisant la Prusse à échanger contre la Saxe Royale les provinces qu'elle possède entre le Rhin et la Meuse, nous remplissons un voeu de prédilection de son Cabinet; nous renforçons en même temps le centre de cette puissance, par là nous fortifions l'Allemagne d'un côté que la Conquête de Vienne à laissé sans défense et nous affermissons la ligne de séparation qui existe entre la France et la Russie. Nous y joignons la Hollande jusqu'au Rhin et à la Meuse, parce que nous faisons ainsi de la Prusse une puissance maritime et que nous préparons par là un nouvel auxiliaire pour combattre la domination que les Anglois excercent sur les mers. La Prusse est, d'ailleurs, le noeud de notre plan, et il est indispensable de la contester, elle à 300,000 soldats qui peuvent entrer en campagne dans un mois; si elle se joignoit à l'Autriche, la force relative des Puissances changerait entièrement.

La Bavière. — L'acquisition d'une portion du territoire qui rétablisse la contiguité interrompue entre ses provinces du Rhin et le Corps de la Monarchie, est, dans le Roi de Bavière une véritable passion à laquelle il est disposé à tout sacrifier: nous ne pouvons, de notre côté que gagner à soutenir en Allemagne une Puissance intermédiaire entre l'Autriche et la Prusse et il est d'une bonne politique de l'augmenter aussi quand ces deux Etats s'accroissent. On conçoit les prétentions de la Bavière sur le Comte de Sponheim, c'est une question qu'il ne vous conviendroit pas de résoudre comme droit en sa faveur, parce que l'application du même principe pourraît remettre l'Autriche en possession du Brigau, et compromettre de l'autre côté des Alpes, les droits, que le prince de Carignon tient des Actes du

Digitized by Google

Congrès de Vienne, mais comme fait on pourroit aborder cette question dans un arrangement qui donnerait à la Cour de Munich beaucoup plus qu'elle ne prétend. Les Provinces Prussiennes, situées entre le Rhin et la Meuse, sont peuplées de 1,600,000 âmes, et si le montant exact de leur population n'atteignoit pas ce nombre; on en pourraît prendre de complément sur les portions de ces provinces situées sur la rive opposée du Rhin. Or, le nouveau Roi qu'on y établirait ne pourraît prétendre qu'à 1,400,000 âmes; on auroit donc à disposer encore de 200,000 âmes: de ce nombre 20,000 environ rentreroient avec Sarrebruck et Sarreloous dans les anciennes frontières de la France; le reste seroit donné à la Cour de Munich, moyennant qu'elle nous restituerait Landau et son territoire, que nous avons dû lui céder en 1815, il lui resterait encore un accroissement de population de plus de 100,000 âmes, ce qui lui donnerait la facilité de procurer aux deux parties de ses Etats, par des échanges avec Darmstadt et Bade, la contiguité du territoire qu'elle désire. Si le plan de partage amenait une guerre avec l'Autriche, la Bavière devant alors faire de grands sacrifices et s'exposer à de grands dangers, on pourroît l'en indemniser en lui rendant l'Innviertel, l'Haurück, et le Salzbourg, sa barrière naturelle, que la Cour de Vienne l'a contrainte à lui céder en 1816. Ces provinces peuvent avoir une étendue de 200 milles allemands et une population de 400,000 âmes. Ayant nous-mêmes peu de soldats disponibles en ce moment, nous devons attacher beaucoup de prix à attirer dans notre alliance des puissances toutes militaires, comme la Prusse et la Bavière. Cette dernière peut réunir en peu de temps sous les armes 60,000 hommes bien exercés et très-bons soldats; son accession entraîne forcément celle de Wurtemberg et de Bade. Entr'elle au midi et la Prusse au nord, il est impossible à l'Allemagne de former aucune opposition.

Le Roi de Saxe. — Plusieurs motifs engagent à ne pas disposer de la Saxe, sans donner au Souverain un autre Royaume à gouverner. C'est d'abord un triste et funeste spectacle à donner au peuple que l'exil d'une dynastie dépossédée par la prépotence des grandes Puissances et par l'abus de la force. Il est ensuite toujours entré dans les principes de la politique des Rois de France de conserver en Europe l'existence des Etats secondaires: ce sont d'utiles intermédiaires à placer entre les grandes puissances dont ils empêchent le contact et le froissement. Il nous importe aussi beaucoup de prévenir la réunion en un ou deux grands Etats. Si jamais cette circonstance se réalisait; cette contrée qui est aujourd'hui partagée entre des princes qui ont besoin de notre protection, ne nous offrirait plus alors que des forces rivales, jalouses et bientôt ennemies; notre puissance relative en serait sensiblement affectée. Enfin, les provinces prussiennes, voisines de la

Digitized by Google

Champagne, touchent au point le plus vulnérable de nos frontières; nous avons donc intérêt à les enlever à une puissance aussi formidable que la Prusse, pour les mettre entre les mains d'un Prince qui ne pourra jamais nous donner aucune inquiétude. C'est par ces mótifs que l'on propose d'établir à Aix-la-Chapelle, la famille règnante à Dresde; on lui donnerait pour royaume les provinces Prussiennes situées entre le Rhin et la Meuse: ce qui, en retranchant au midi 200,000 âmes nécessaires pour les arrangements relatifs à la Bavière et au rétablissement de l'ancienne frontière de la France, lui laisserait une population égale à celle de la Saxe, et un territoire un peu plus étendue. La Maison de Saxe ne perdrait ainsi rien de sa puissance, et elle acquerroit l'avantage de règner sur des sujets de la religion qu'elle professe ce qui établiroit entre le trône et les sujets un lien qui manque aujourd'hui également au Royaume gouverné par la dynastie Saxonne, et aux provinces Rhénances soumises au Roi de Prusse.

La France. — La France entreroit enfin en possession des provinces Belges jusqu'au Rhin et à la Meuse, avec les forteresses qui en dépendent, et elle recouvrerait en Lorraine et en Alsace la frontière de 1789. Il n'est pas besoin de relever l'importance d'une pareille acquisition. On n'a pas cru devoir se dispenser également de faire ressortir les avantages que nous trouverions nous-mêmes dans la part que le plan proposé adjuge à chacune des autres Puissances; et l'on doit remarquer ici, en général, que cette organisation nouvelle de l'Europe serait dominée par l'idée de l'intérêt de la France, comme celle qui a été faite au Congrès de Vienne l'a été par le désir de nous abaisser et de fortifier les autres puissances contre nous. Que si l'on trouve que ces acquisitions sont comparativement trop considérables, nous répondrons que nous ne faisons que satisfaire d'une manière plus équitable et plus complète, au principe d'équilibre politique que le Congrès de Vienne a proclamé, mais qu'il n'a réalisé qu'en ce qu'il avait de plus avantageux aux autres Etats et de défavorable à la France; en effet, que l'on compare la situation de l'Europe en 1792 à ce qu'elle est actuellement, et on reconnaîtra que tandis que la France a perdu ses colonies et vu resserrer ses frontières, la Russie, l'Angleterre, l'Autriche, la Prusse, et jusqu'à la Hollande, au Piémont et à la Bavière, ont étendu leurs limites, accru et concentré leurs forces, et augmenté le nombre de leurs possessions et de leurs sujets.

L'Angleterre. — L'Angleterre ne se prêteroit jamais volontairement au plan d'organisation proposé, précisément parceque celui qu'il remplace était celui de ses combinaisons, et n'a pu se réaliser qu'au moyen de la grande influence qu'elle exerçoit en Europe. Cependant il est nécessaire de lui faire dans le partage projeté une part suffisante, afin de ne rien négliger de ce

Digitized by Google

qui peut prévenir une guerre, et de convaincre toute l'Europe de l'exigence de ses prétentions, si elle vient à ce parti extrême. On lui destine les Colonies Hollandoises en Asie, en Afrique et en Amérique. Les établissements des Hollandois dans les îles de la Soude et des Moluques comptent jusqu'à six millions et demi de Sujets: elles sont situées sur le chemin de la Chine, entre la Nouvelle Hollande et les Indes. L'Angleterre y trouvera aussi un avantage précieux dans le monople d'une branche de commerce considérable, celui des épiceries que produisent ces contrées Asiatiques. L'acquisition des établissements Hollandois, sur la Côte de Guinée, lui donnerait de nouvelles facilités pour réprimer la traite des Noirs, à la suppression de laquelle elle attache tant d'importance. Les Colonies Hollandoises en Amérique quoique peu considérables par elles-mêmes, ne laissent pas, par leur situation d'avoir une grande valeur. Sans même parler de la Guyane, la petite île de Curaçao est d'autant plus propre à former un riche entrepôt de marchandises, qu'elle se trouve beaucoup plus rapprochée du Continent que ne l'est aucune possession européenne. St. Martin et St. Eustache ne sont aussi nullement sans importance pour le commerce de ces parages. En donnant à l'Angleterre les colonies Hollandoises, on y mettrait la condition d'accorder la libre commerce à toutes les nations, comme l'Espagne le fait pour l'île de Cuba. Dans le cas où la Cour de Londres refuseroit son adhésion au plan de partage, l'acquisition de Curaçao procurerait de grands avantages à notre commerce. On pourraît laisser à la Prusse la Guyane, St. Eustache et St. Martin, si on ne craignoit pas de donner par là trop d'encouragement à des fabriques dont les produits entrent déjà en concurrence avec les nôtres. Peut-être la Russie élèverait-elle des prétentions sur ces prétentions et sur ces possessions; nous aurions moins à redouter de sa rivalité commerciale.

Le Roi des Pays-Bas au nouveau royaume de Grèce. — Le roi des Pays-Bas irait règner à Constantinople avec le titre de roi de Grèce, la question Grecque se trouverait absorbée par cette combinaison. Candie, la Morée, les îles de l'Archipel, feroient partie du nouvel Etat. Cet Etat porterait avec lui de féconds élémens de force et de grandeur. Il aurait avec nous l'intérêt commun que toutes les Puissances maritimes auront longtems encore, à abaisser l'Angleterre. Il faudrait plus de temps et de réflexion que les circonstances ne nous en laissent pour apprécier avec justesse les chances de son existence et la nature des autres intérêts qui dirigeront sa politique: on doit se contenter de dire en thèse générale, que les autres nations ne peuvent que gagner à voir un état chrétien et civilisé remplacer un Etat livré à la misère, à la stérilité et au dénûment qui est devenu le partage des provinces Turques. La libre navigation du Bosphore, moyennant

Digitized by Google

le paiement de droits très-modérés qui seraient règlés de commun accord, serait assurée à toutes les nations et garantie par elles toutes. L'état de choses qui s'établiroit en Anatolie indiqueroit s'il serait nécessaire d'autoriser le roi de Grèce à occuper aussi la rive asiatique des Dardanelles et du Bosphore.

Débris restans de l'Empire Ottoman. — Asie. — Egypte — Barbaresques. — On doit s'attendre à la suite de ces évènemens, à voir une grande partie de la population Musulmane refluer en Asie. Si elle peut y former en Etat régulier, on reprendra avec elle les relations que l'influence, la fréquentation, le voisinage des peuples civilisés adouciront et rendront graduellement plus avantageuses; si, au contraire, elle y reste livrée à l'anarchie et à la barbarie, elle provoquera sans doute, de la part des puissances Chrétiennes, à une époque plus éloignée, de nouvelles mesures dont les circonstances détermineront le caractère et le but. Il est probable que le Pacha d'Egypte profitera de ces évènemens pour se déclarer indépendant. Peut-être aspirera-t-il à devenir le chef de la puissance Musulmane, et à faire de nouveau de l'Egypte, le siége du Califat. Maître de deux villes Sacrées et d'une grande partie de l'Arabie, placé entre le Barbaresques et la Syrie, il trouverait des puissants encouragements dans cette situation, dans sa richesse, dans sa force militaire, dans toutes les ressources dont il dispose. Les progrès de sa puissance tourneroient au profit de la civilisation et du commerce. Ce qu'il a fait de l'Egypte, si pauvre quand il en a pris le gouvernement, et aujourd'hui devenue pour l'Europe un marché si riche et si abondant, montre ce que deviendroient, entre ses mains les cotes d'Afrique et les débris de l'Empire Turc en Asie.

Tableau indiquant la nature et l'importance des changements introduits par le plan de partage.

1. Acquisitions.

		Etendue en milles allemands.	Habitans.
La Russie acquiert.	La Valachie	1,125	900,000
	La Moldavie	800	400,000
	En Russie, le tiers de l'Anatolie	4,000	2,000,000
		5,925	3,300,000
L'Autriche . . .	La Bosnie propre avec la Croatie la Dalmatie Turque, l'Herzégovine.	839	850,000
	La Servie	920	1,000,000
		1759	1,850,000

Digitized by Google

		Etendue en milles allemands.	Habitans.
La Prusse . . .	Le Royaume de Saxe	308	1,400,000
	La Hollande jusqu'au Rhin . . .	412	1,700,000
		720	3,100,000
	à déduire les Provinces situées entre le Rhin et la Meuse . .	400	1,615,000
	accroissement total de la Prusse	320	1,485,000
La Bavière . . .	Dans le Palatinat et sur le Main		120,000
	Et cas de guerre avec l'Autriche l'Haurück, Innviertel, le Salzsbourg	200	400,000
		200	520,000
La France . . .	La Belgique, la Zélande, le Nouv. Brabant, le Luxembourg, et Landau	760	3,800,000
L'Angleterre . .	Les Colonies Hollandaises . . .	4,700	6,600,000

2. Translations de Souverains.

Roi de Saxe . .	Les provinces de Juliers, Cologne et Cleves	110	500,000
	sur la rive gauche du Rhin . . .		
	Le gouvernement du Bas-Rhin, avec déduction de 200,000 âmes	250	920,000
		360	1420,000
Le Roi des Pays-Bas devenu roi de Grèce . . .	La Turquie européenne, moins la Moldavie, la Valachie, la Servie, la Bosnie	504	6,200,000

3. Débris restants de l'Empire Ottoman.

En Asie	17,000	7,000,000
L'Egypte et ses dépendances . .	12,960	4,000,000
Les Barbaresques		3,000,000
		14,000,000

Digitized by Google

Conclusion.

Nota. — (Le Conseil ayant préféré charger M. de Mortemart lui-même de la négociation, cette dernière partie a été retranchée dans la copie qui en a été faite pour être envoyée à St. Pétersbourg). — A la première nouvelle que l'on aurait eu en France de la prise de Constantinople ou de la déposition du Sultan, le Roi devroit envoyer à St. Pétersbourg un agent habile et expérimenté, investi de ses pouvoirs. Le Plénipotentiaire du Roi reconnaîtrait quelles sont les dispositions de l'Empereur Nicolas et se dirigeroit en conséquence. Il remplirait entièrement les vues de S. M., si, tout en évitant de lui faire de lui-même des propositions directes, il réussissait à recevoir des ouvertures dont l'exposé de nos projets ne paraîtrait plus alors que le développement. On a dû dans ce travail se borner à indiquer l'idée générale d'un plan qui a paru au Roi répondre aux intérêts de la France. S. M. ne veut cependant pas astreindre un Plénipotentiaire à en obtenir strictement l'exécution; pleine de confiance dans la connaissance approfondie qu'il a des intérêts politiques de l'Europe, elle lui laissera la faculté de souscrire aux modifications que les vues et les propositions de la Russie et de la Prusse rendront nécessaire d'y introduire. Le Plénipotiaire du Roi seroit autorisé à en signer les bases; il s'entendra avec le Cabinet russe sur la manière de la communiquer à la Prusse; il pourroît être muni de pouvoirs suffisans pour suivre lui-même à Berlin cette négociation à son retour de Russie. Il règleroit avant son départ, avec l'Empereur le nombre de troupes que chaque Puissance devra mettre sur le pied de guerre, pour appuyer ses propositions et ils se concerteroit avec ce Souverain sur ce qu'il faudrait faire, après avoir reçu l'adhésion de la Prusse, pour avoir celles de la Bavière, de l'Autriche et de l'Angleterre. Mais comme notre voix n'aura de force qu'autant qu'elle sera soutenue par l'idée que l'on se fera de nos moyens, il est nécessaire que M. M. les Ministres de la guerre, de la marine et des finances prévoient l'éventualité d'une guerre, et qu'ils se mettent en mesure de n'être pas surpris par les évènements.

Note.

Russie 178. № 85.

Cette note a été rédigée pour combattre l'opinion du dauphin qui vouloit attribuer à la France les provinces Rhénanes Prussiennes au lieu de la Belgique. Elle a reçu l'approbation de S.A.R.

Septembre 1829.

Les provinces Belges jusqu'à la Meuse ont une étendue de 760 milles carrés d'Allemagne, une population de 3,700,000 âmes: chaque habitant

Digitized by Google

y apporte à l'Etat 26 francs. C'est un des pays de l'Europe les plus riches et les plus peuplés. Les moeurs et le langage y sont français.

Les provinces entre la frontière Belge et le Rhin ont une étendue de 500 milles carrés, une population de 2 millions d'âmes, chaque habitant y apporte à l'Etat 20 francs, elles sont riches et florissantes, mais moins que la Belgique. Les moeurs, les souverains, la langage, tout y est allemand.

Si les provinces Belges étaient réunies à la France, elles augmenteraient notre force défensive, elles mettroient à couvert notre capitale; en rendant la monarchie plus compacte, elles en fortifieraient à la fois toutes les parties. Elles ajouteroient aussi beaucoup à notre force maritime en nous donnant une port sur la mer du Nord; ce port rendroit la sûreté à nos côtes, qui actuellement restent très-exposées, depuis Cherbourg, jusqu'à la Hollande, faute d'offrir un abri à nos vaisseaux.

Les provinces du Rhin augmenteraient plûtôt notre force agressive, elles porteraient nos armées au coeur de l'Allemagne, Mayence serait entre nos mains, un vaste camp retranché d'où nous pourrions envahir à notre gré telle partie de l'Allemagne où nous voudrions porter nos armes. Mais pendant ce temps, notre capitale resterait à découvert, et l'on prendrait Paris, pendant que nous marcherions sur Berlin.

Les provinces Belges, en nous donnant une frontière plus forte, nous permettraient de diminuer le nombre de nos troupes, ce qui nous procurerait une grande économie.

Les provinces Rhenanes, isolées du reste de la monarchie, se trouveraient pressées entre les armées Belges, nous devrions donc entretenir un nombre de troupes considérable, et cependant nous ne pourrions pas diminuer la force de celles que nous tenons en Flandre.

Il est en de même pour l'administration; l'acquisition des provinces Belges n'étendrait que peu la ligne des frontières.

Celle des provinces Rhénanes les prolongeroit comparativement beaucoup plus envers l'Allemagne d'un côté et la Belgique de l'autre: aussi seraient-elles plus difficiles à garder, et plus dispendieuses à administrer.

L'acquisition de la Belgique, en tournant ses forces vers la mer et contre l'Angleterre, rassurerait l'Europe centrale plutôt qu'elle ne l'effraierait. Quand nous nous montrons à l'Europe comme puissance continentale et envahissante, les souvenirs, encore si récents, de nos dernières guerres se réveillent, tout le monde s'inquiète, et on est encore prêt à se réunir contre nous. Quand, au contraire, nous nous présentons comme puissance maritime, comme seule puissance qui puisse un jour se mettre à la tête d'une grande ligue Européenne formée pour affranchir les mers, alors toutes les puissances voient en nous une force amie et conservatrice. Elles se sont toutes liguées

Digitized by Google

avec l'Angleterre pour briser le joug que nous faisions peser sur le continent; elles se ligueront, un jour, toutes avec nous pour briser le joug que les Anglois font peser sur les Mers. C'est leur laisser entrevoir, et qui, si nous savons la ménager, nous reportera invinciblement, sans qu'on le remarque, sans qu'on nous jalouse, à la tête de l'Europe.

L'acquisition des provinces Rhénanes produirait un tout autre effet: elle nous donnerait une position toute menaçante et agressive envers l'Allemagne; l'Allemagne sentiroit sa liberté et son indépendance menacées, et nous réunirions de nouveau contre la Prusse, l'Autriche et toutes les puissances secondaires, qui, pendant près de 2 siècles, avant les jours sanglans de la révolution, étaient accoutumées à voir dans la France une puissance protectrice, gardienne de leur indépendance et de leur liberté; ce sentiment commence à renaître chez la plupart d'entre elles, et nous ne saurions trop les ménager.

Si donc nous demandons la Belgique, nous pouvons avoir favorable à nos voeux, la Russie, la Prusse et toute l'Allemagne.

Si nous demandons les provinces Rhénanes, nous rencontrons une oppositions invicible dans la Prusse, dans l'Allemagne entière, dans l'Autriche et dans la Russie elle-même, qui ne se trouve plus intéressée à soutenir nos prétentions; car ce n'est que contre l'Angleterre que la Russie désire nous voir nous renforcer. On ne parle pas de l'idée d'appuyer l'acquisition des provinces Rhénanes sur la voix de l'Angleterre; si elle nous l'accordoit, c'est qu'elle aurait acquis une conviction bien profonde que cette acquisition n'aurait d'effet que de nous mettre en hostilité permanente avec le reste de l'Europe.

Nous terminons cet examen par une considération: Si nous demandons la Belgique, la Russie et la Prusse y voient l'indice d'une révolution ferme et arrêtée de faire la guerre à l'Angleterre dans le cas où cette demande entraînerait la guerre; ces puissances nous accordent alors la confiance qui a toujours été accordée à ceux en qui l'on croit reconnaître de la volonté et de l'énergie, et elles ne craignent pas de le compromettre en se liant avec nous.

Si nous demandons les provinces Rhénanes, comme chacun en Europe a la conviction que c'est la Belgique que nous désirons et qui nous convient véritablement, on ne verra dans notre demande que la preuve d'une timidité extrême envers l'Angleterre et de notre crainte de nous engager avec elle dans une guerre. Une fois que l'on nous croira dominés par ce sentiment, qui oseroit contracter avec nous une alliance dont on nous considérera comme toujours au moment de nous retirer après avoir compromis ceux qui y seroient entrés?

Digitized by Google

On conclura donc en établissant: qu'il nous serait plus avantageux de posséder la Belgique que les Provinces Rhénanes, et que vous avons plus de chances de l'obtenir. C'est une de ces circonstances où il est à la fois honorable et plus sûr de demander beaucoup que de demander peu.

Grèce V bis № 89. (Copie).

Mr. le Colonel Baron Suchereau à St. Denys agent du Roi près le Gouvernement provisoire de la Grèce.

Corfou 5 Juillet 1828.

Monsieur le Baron, je viens de recevoir la dépêche que vous avez bien voulu m'adresser le 15. Sous peu de jours j'expédierai pour la France celles que vous m'avez transmises pour les ministres des affaires étrangères et de la Guerre. J'ai lu avec un vif intérêt les données qu'elles contiennent sur vos premiers rapports avec le Président de la Grèce. J'attendrai avec impatience les observations que vous nous annoncez sur la question des limites. Mais je dirai ici que, dans mon opinion: les Grecs calculent mal peut-être, s'il croyent qu'il leur suffira d'avoir quelques cents hommes éparpillés ça et là hors de la Péninsule, pour que les trois cours puissent s'accorder à leur procurer, coûte qui coûte, des provinces, dont ils n'occuperoient pour ainsi dire que quelques points. Selon moi, le Président devroit s'attacher surtout à enlever l'Eubée aux Turcs; une fois maître de cette isle, les Grecs le deviendroient sans peine de l'Attique, de la Béotie, de la Phocide etc., jusqu'aux Thermopyles. L'expédition de Church, si pitoyablement dirigée d'ailleurs, n'est bonne que comme diversion pour partager les forces du Seraskier. — Church avait demandé récemment aux Anglais des moyens d'évacuation, il n'a pas profité, il est vrai, de ceux qu'on lui a fournis parceque de nouvelles dissensions survenues entre les Albanais Musulmans lui ont donné quelque répit, mais si Restchid-Pacha, dont il ne faut pas mépriser les talents, parvient à surmonter ce nouvel obstacle, il aura probablement bon marché de Church, qui s'est aventuré très-loin, sans avoir derrière lui de retraite assurée.

En vous parlant ainsi, Monsieur, je ne suis certes préoccupé d'aucun sentiment défavorable aux Grecs, si je n'avais à consulter qu'une carte, des souvenirs, des idées de Philanthropie et même des idées d'avenir, j'abonderais le premier dans le sens le plus favorable à la Grèce, mais le présent est trop compliqué et recèle en soi trop d'orages pour qu'il soit prudent de n'en pas tenir compte avant tout. Si la Russie par de rapides succès contraint la Porte à souscrire aux besoins du traité de Londres et qu'en même temps elle resolve seule la question des limites au plus grand avantage des Grecs, tout sera dit sur ce point — mais si la guerre se prolonge ou que le Cabinet

Digitized by Google

Russe laisse cette question en dehors pour n'être règlée que dans des négociations communes, les meilleures chances, les seules peut-être en faveur de la Grèce, se trouveront dans ce que les Grecs occuperont effectivement de provinces et surtout de Places-fortes hors de la péninsule. Voilà, Monsieur, ce qui me fait depuis longtemps envisager l'occupation de l'Eubée par eux, comme la chose la plus urgente et la plus immédiatement utile dans leur intérêt. — Si je n'entre pas ici dans plus de développemens, c'est que votre expérience et l'habitude que vous avez de balancer le pour et le contre dans les complications politiques me persuadent que ces développemens ne vous sont pas nécessaires pour me comprendre. Le Proverbe dit: on ne tient bien que ce qu'on tient, c'est avant tout suivant moi, d'après ce principe que le Gouvernement Grec doit se diriger.

Agréez, Monsieur le Baron, l'assurance etc.
Signé Cte. Guilleminot.

Grèce V-bis. № 90.

M. le Baron de Juchereau à St. Denis.

Paris 9 Juillet 1828.

Mr. le Baron, Tous les rapports qui parviennent au gouvernement du Roi sur la position d'Ibrahim Pacha lui donnent lieu de croire que l'évènement de la Morée offre moins de chance que jamais. Ibrahim a reçu des cargaisons de vivres, la Porte lui a fait passer des sommes considérables avec lesquelles il s'en procure dans le pays et ce qui fait qu'il est loin de songer à se retirer si les mesures que prennent les trois Cours pour l'y forcer se bornent à un blocus maritime.

Le geb. Guilleminot nous annonce que dans son opinion, le seul moyen de chasser Ibrahim est d'envoyer contre lui les quelques bataillons français et anglais, nous savons par le Consul du Roi en Egypte que le Vice-Roi devoit . . . . . le fait qui puisse justifier aux yeux de la Porte la retraite de son fils et Ibrahim lui-même paraît n'attendre d'une démarche de cette sentence pour retourner près de son père avec ses troupes.

L'amiral Rigny nous a mandé que M. le Cte. Capo d'Istrias qui s'étoit jusqu'ici montré opposé à l'intervention des troupes étrangères en Grèce, l'appelloit aujourd'hui de tous ses voeux comme l'unique moyen de sauver la Morée.

Comme le Roi est disposé à faire une expédition militaire en Morée et va proposer au Gouvernement Britannique d'y prendre part, Il est fort à désirer que nous sachions précisément à quoi nous en tenir sur l'opinion de Mr. le Comte Capo d'Istrias.

Digitized by Google

Je vous prie donc, Monsieur, de faire en sorte de nous mander le plus promptement possible si en effet Il regarde un débarquement de Troupes en Morée comme le meilleur moyen de chasser Ibrahim et ses Egyptiens et s'il le désire comme on nous l'a annoncé. Il serait bon que vous eussiez du Comte cette déclaration par écrit et à cet effet vous lui adresseriez une lettre pour poser les questions que je vous charge de lui faire, Vous ne perdrez pas un moment pour m'en faire connaître par la voie la plus prompte le résultat de votre démarche.

Grèce V-bis. № 91.

M. le Baron Juchereau de St. Denis.

Paris 9 Juillet 1828.

Mr. le Baron, Le Roi à l'intention de proposer à l'Angleterre de faire de concert avec elle une expédition militaire en Morée pour en chasser Ibrahim Pacha. Si l'Angleterre n'y peut prendre part S. M. est déterminée à la faire seul.

Comme le tems presse, vous voulons faire immédiatement les préparatifs de cette expédition.

Il nous seroit nécessaire de savoir (quel nombre de Troupes devrait y être employé et de quelles armes il faudroit les composer;

Quel serait le lieu le plus commode pour un débarquement.

Quelles ressources on trouveroit pour les approvisionnemens.

Quelle marche devroient tenir les troupes pour forcer le plutôt Ibrahim à évacuer le pays.

Enfin nous aurions besoin de toutes les informations nécessaires pour bien éclaircir cette question fort importante et opérer le succès de l'expédition.

Personne plus que vous Mr. le Baron n'est en état de nous les fournir, votre expérience militaire, la connoissance que vous avez de la Morée, l'habitude du pays où vous vous êtes dévoué avec un grand intérêt aux renseignements que vous nous donnerez.

Je vous prie de me les adresser le plus promptement possible.

Grèce V-bis № 98.

M. Juchereau de St. Denis.

Paris 25 Juillet 1828.

Mr. le Baron, Je vous ai informé par mes deux dépêches du 9 Juillet du projet que le Roi avoit de faire une expédition en Morée: Ce projet, déjà formé à une époque antérieure avoit été abandonné sur ce que le Cabinet anglais nous avoit fait savoir que le Cte. Capodistrias avait déclaré à un officier de la marine de S. M. B. qu'il verrait avec regret débarquer dans la Grèce des soldats étrangers. La marche des évènemens et les progrès de

Digitized by Google

la misère du Greco, ayant chargé cette opinion du Cte. Capodistrias et lui-même appellant aujourd'hui notre intervention armée le Roi, dans sa constante sollicitude pour faire cesser le plus promptement qu'il est possible les désastres de la guerre qui désole la Grèce depuis 6 ans, a repris l'idée d'envoyer une corps d'armée en Morée pour séparer les combattans sur terre, comme les escadres alliées les ont déjà séparées sur mer et pour presser l'exécution du traité du 6 Juillet en forçant Ibrahim à évacuer la Morée. Les alliés de S. M. ont approuvé avec empressement ce projet. La Russie, l'Angletere en soutiennent l'exécution de leur appui moral et cette dernière Puissance nous à même offert de mettre à notre disposition tous les bâtimens de transport dont elle peut disposer en ce moment. . . . . .

. . . . . .

Grèce V-bis № 127.

Monsieur le Comte de Ferronays etc. etc. à Paris.

Confidentielle. Egine le 5/17 août 1828.

Mon cher Comte. Je vous ai écrit de Paris le 22 Juillet/3 Août.

Je vous écris encore aujourd'hui en profitant du départ de la seconde gabare du Roi pour Toulon.

Vous ne doutez pas, j'espère, de l'impatience, pour ne pas dire de l'anxiété avec laquelle j'attends un mot de votre part. J'aime à espérer que vos réponses me mettront l'âme en repos. Jusque-là permettez-moi de vous faire part de deux affaires qui ajoutent, s'il se peut, aux désagrémens dont se compose mon existence.

Donnez-vous la peine de juger de la première, en jetant les yeux sur la copie ci-jointe de la lettre que Monsieur l'Amiral de Rigny m'a écrite en date du 4 Août, et sur celle de la réponse que je viens de lui donner. Ce n'est pas la première fois que je n'ai pas le bonheur de partager l'opinion de Monsieur l'Amiral. Après la chute de Scio, Son Excellence m'a engagé par un office écrit à conseiller au Gouvernement de l'île Samos d'ouvrir une négociation spéciale avec les Turcs, sous la médiation de Monsieur l'Amiral. Je lui ai répondu comme je le devais, et il ne fut plus question de Samos.

Je crois qu'il en sera de même de la proposition qu'il me fait aujourd'hui relativement aux mesures coërcitives qu'il suppose en état de prendre contre Ibrahim Pacha. Si Monsieur l'Amiral se bornoit à s'expliquer directement et exclusivement avec le Gouvernement sur des questions semblables, ses opinions personnelles ne produiraient aucune conséquence fâcheuse; mais l'Amiral pense haut, et il aime à faire connaître et même à faire adopter ses opinions à ses officiers et au cercle étendu des personnes avec lesquelles

Digitized by Google

il est en relation. Je n'ajouterai rien à ce peu des mots et je vous supplie seulement de les honorer de votre attention.

L'autre affaire est bien plus grave. J'apprends que les Ambassadeurs des Puissances Alliées vont s'assembler à Corfou. J'ignore l'objet de leur réunion, mais si, comme on le prétend, ils se réunissent à Corfou pour travailler à l'exécution du Traité de Londres, je me demande à quel titre a-t-on préféré Corfou à tout outre île de l'Archipel? Ordinairement le choix du point où l'on établit un Congrès ou bien une conférence diplomatique, est déterminé par des raisons d'une convenance mutuelle entre les parties contractantes. Or, je doute qu'à Corfou cette convenance puisse être mutuelle entre les Grecs et les Turcs, et si j'ose le dire entre les Puissances médiatrices. La position de Corfou n'est avantageuse qu'à l'une d'elles et aux Turcs. Il ne m'appartient pas de vous en dire d'avantage.

Rappelez-vous le proverbe italien: Chi ben comincia è alla metà dell opra, et ne permettez pas qu'on commence mal les travaux desquels dépendent tant de destinées. Dixi, et salvam feci animam meam.

Je n'écris pas au Général Pozzo di Borgo, parce que je n'ai pas même le tems de respirer. Veuillez cependant me rappeler à son bon souvenir et agréez l'expression bien sincère et bien cordiale de tous les sentimens que je luy ay voués.

J. Capodistrias.

Grèce V-bis № 116.

Monsieur le Cte. Roi Ministre des finances.

Paris 8 Août 1828.

. . . . . .

Je vous ai fait connoître dans ma dépêche № 4 que l'intention du Roi était de donner suite à l'expédition préparée par la Morée, malgré ce que nous venions d'apprendre qu'Ibrahim a annoncé l'intention de rembarquer pour l'Egypte, je dois ajouter que cette expédition aurait lieu également quand bien même les 2000 Turcs qu'il laisse dans les places fortes les auroient évacuées: car le principal avantage que nous recherchons est d'ôter aux Turcs tout espoir de rentrer dans cette province, dans l'état d'épuisement où sont les Grecs, ce que Reichid et Omer Pacha seroient toujours à portée de faire s'ils ne sont contents par la présence de nos troupes ce n'est que lorsqu'il aura perdu cet espoir que le Sultan se décidera enfin finir les longs malheurs de la Grèce, ne lui accordent le genre d'existence stipulé dans le traité du 6 Juillet et que la paix se rétablira dans l'Archipel.

. . . . . .

Digitized by Google

№ 20. Шнейдеръ къ Военному Министру 24 декабря 1892.

Archives du Ministère de la Guerre à Paris.
Corps Expéditionnaire de la Morée.

Modon, 24 Décembre 1829.

Rapport confidentiel en réponse aux derniers paragraphes de la lettre de Son Excellence le Ministre de la Guerre du 12 Novembre 1829.

S. E. le Président, homme de bien, froid et méthodique est habile, mais sans entraînement; avec le don de la parole, il compte trop sur la persuasion, et avec de la défiance, il se trouve souvent la dupe de ses rusés auditeurs. Il gouverne en un mot comme il faisait de la diplomatie, et tient plus à convaincre qu'à commander.

Malgré la douceur de son caractère, il as oulevé contre lui presque toutes les classes élevées, mais cette inimitié fait l'éloge de la vertu, si ce n'est de son habilité. En effet, les anciens primats regrettent sous son administration l'influence et l'argent que leur laissait l'incurie turque; tous les intrigants mélés dans les affaires publiques depuis la révolution, leur crédit et leurs rapines, les capitaines, leur sanglante autorité.

Il existe toutefois une autre cause d'éloignement contre le Président, et dont il n'est pas aussi facile de la justifier, c'est la présence dans les affaires de ses frères Viaro et Augustin, esprits médiocres, brouillons, et qui passent pour aimer l'argent.

La marche de S. E. le Président au milieu des obstacles qui lui présentent tant d'intérêts et de prétentions lésées est droite, et toute dirigée vers le bien du plus grand nombre; mais elle est sans vigueur, car il laisse impunis les vols et les résistances des fonctionnaires, et ellc manque peut-être d'habileté en ce qu'il ne s'est attaché aucun des nombreux partis qui divisaient le pays. Il ne travaille que pour le peuple, qui le bénit, mais qui jusqu'à présent pauvre et clairsemé ne peut rien pour lui. C'est pourtant, à mon gré, la partie saine de la nation.

On voit d'après cela que pour faire le bien, le Président a besoin de force, et d'appui dans l'opinion, et que c'est prolonger la crise en Grèce que de lui susciter des embarras ou des affronts comme le font les Anglais.

Du reste, dans l'état où est le pays je n'y peux comprendre la présence d'un Roi européen. La Grèce n'a rien d'un royaume, rien encore d'un état constitué. — Point de capitale, point de villes, aucune route; le Roi pourrait à peine voyager à cheval et vivrait sous la tente. Il y faudrait littéralement un Roi pasteur, avec les moeurs et les goûts des temps héroïques.

Digitized by Google

C'est sous ce rapport que le Président sobre, économe, sans besoins convient le mieux à la Grèce: c'est en quelque sorte un être de raison qui la gouverne en lui.

Je ne pense pas qu'il existe en Europe un Prince qui puisse se satisfaire d'une telle domination, et j'en conclus que voulut-on fonder par la suite une monarchie en Grèce il faudrait encore prolonger de quelques années l'administration du Président, qui pénétrant dans les plus petits détails fait un bien d'abord inaperçu, et qui s'étendra sans cesse. Il faudrait même la fortifier par la considération extérieure qui impose aux ambitieux et aux brouillons, et par une assistance réelle.

Si on demande quel résultat, quel bien ont produit en Grèce l'assistance française et la présence des troupes de l'expédition, il est facile de répondre qu'outre l'éloignement forcé des Egyptiens et des Turcs, et la séparation d'ennemis acharnés, l'armée a sauvé des horreurs de la faim une partie de la population de la Morée; nous l'avons nourrie pendant les premiers mois; elle s'est ensuite rendue utile, et a gagné ses semailles; sous notre protection, elle a fait une première récolte, et l'année suivante elle a eu le moyen de vivre, et de cultiver une plus grande étendue de terrain. Elle n'avait, à notre arrivée, aucune ressource contre la famine, la peste et le désespoir.

La Grèce ne compte dans ses sommités qu'un très petit nombre d'hommes vertueux, et ce ne sont pas les plus habiles. Je ne pourrais citer parmi les Généraux que Miaoulis, Canaris, Ypsilanti et Nikitas; Tricoupi parmi les fonctionnaires. Beaucoup d'autres que les événements de la révolution ont successivement mis en évidence sont plus capables, mais livrés à l'esprit de faction ou à la cupidité; parmi eux sont au premier rang Coletti, Mavrocordati, Conduriotti, Metaxa, Spiliadis.

Au reste, S. E. le Président n'en emploie quelques-uns que pour la forme; tout le Gonvernement réside en lui seul, et ce n'est qu'à ses frères qu'il délègue par fois quelque partie du pouvoir.

Je redoutais beaucoup pour l'ordre intérieur, et la tranquillité du pays l'influence du chef de Palicares, et les habitudes oisives et pillardes de leurs armatoles. Je vois avec plaisir que le travail des basses classes et commencement d'aisance jusqu'alors inconnue pour elles a beaucoup diminué ce danger. Les principaux chefs armés et toujours entourés de leurs soldats ont suscité des embarras au Gouvernement dans les réunions actives de Thèbes et de Romélie; mais leur rentrée en Morée n'offrira plus les mêmes dangers; ils seront obligés de se diviser pour vivre et le nombre des habitants possédant quelque chose et intéressés à l'ordre leur imposera à l'avenir.

J'ai déjà rendu compte de l'éloignement qu'avait S. E. Le Président pour l'extension et même la création d'un état militaire régulière en Grèce.

Digitized by Google

J'ai fait un voyage de Nauplie pour chercher à le ramener sur cet important objet, et j'insistais particulièrement sur la nécessité d'une conscription, le recrutement n'ayant lieu jusqu'à présent que par les vagabonds de tout âge et de tout pays ramassés dans les iles. Son Excellence s'est rendue à l'évidence, et une levée de quinze cents hommes s'opère en ce moment. C'est le premier essai de ce genre en Morée; il présentera bien quelques difficultés, mais j'en attends néanmoins un résultat avantageux.

Jusque là, l'armée régulière d'environ trois mille hommes seulement est fort mal composée.

Les Grecs conservent contre la domination turque, il faut le dire, une grande animosité. Ils ont généralement vu la paix avec peine, et se sont refusés longtemps à en croire la confirmation. Il n'en ont pas senti les avantages pour eux, parce qu'ils n'ont pas douté un moment de ces avantages. Rien n'aurait pû les faire croire à un traité de limites qui les priverait de l'Attique et de la Romélie. Ce sont encore les Athéniens de Démosthènes, et dans une foule de circonstances, j'ai dû faire la remarque qu'aucune nation n'avait moins changé d'esprit, de moeurs et d'habitudes que celle-ci.

On doit croire cependant que le besoin du repos d'une part, et de l'autre l'appât d'un gain facile amèneront bientôt des relations de bon voisinage entre les nouvelles frontières turques et greques, et je ne doute pas que des besoins mutuels n'y cimentent en peu de temps la meilleure harmonie.

L'agriculture reprend vigueur, et de grandes étendues de terrain sont cultivées cette année. Partout des écoles sont ouvertes à la jeunesse, qui de tout temps au reste a appris à lire et à écrire; la marine est active et sobre; les Grecs ont en général de l'esprit et de l'habileté dans les affaires; voilà bien des chances de prospérité pour un pays. L'Etat Grec peut donc se constituer et se fortifier sous l'administration actuelle et offrir ainsi à l'Europe des garanties d'ordre et de stabilité.

La Nation professe pour la France, et pour elle seule, des sentiments de gratitude et de vénération qui ont de profondes racines chez les individus. Ces sentiments unanimes ne peuvent manquer d'assurer à nos relations et à notre commerce des avantages précieux, comme une grande influence à notre politique.

Mondon, le 24 Décembre 1829.

Le Maréchal de camp commandant
les troupes françaises en Morée.
V. Schneider.

Digitized by Google

№ 21. Стратфордъ Каннингъ къ Абердину 21 октября 1828 г.

R. O. Turkey 225 vl.

№ 62.
Confidential.

Dish № 62.

His Majesty's Ship Dryad
Harbour of Poros.

October 21st 1828.

My Lord,

You will easily imagine that Count Capodistrias has been grievously disappointed by the sudden suspension of General Maison's intended movement upon Attica. His Excellency returned yesterday from Aegina, in consequence of an invitation which I sent him to meet Sir Pulteney Malcolm; and it was only a few minutes before the Admiral waited upon him that he had been apprized by M. de Ribeaupierre of the change in General Maison's plans. When I arrived about half an hour later, he was still greatly excited and unwilling to converse upon any other subject. His anger was particularly directed against the French. It even escaped him to say that General Guilleminot, who had sailed for Milo the day before in quest, as he told us, of provisions for his Frigate, had gone away, in order to avoid an explanation with him. He asserted that the expectation of General Maison's advance had already induced the Turks to distrain the Country of provisions and to carry off a number of families as hostages, and that now the abandonment of the entreprise, which the General's language to the Greeks in his Camp had made known to the public, would throw dejection and despair into the hearts of the Greek population throughout Roumelia. He accused the Ambassadors of cruelty in not declaring at an earlier period that the French Expedition was irrevocably limited to the Morea, and he intimated that upon such a communication he should have founded a conviction that the Allies had fixed upon the Isthmus of Corinth as the utmost boundary of Greece. Such a determination, he added, would indeed have been fatal in his mind to every great and permanent result of the Treaty of London, but at least it would have enabled him to understand the position of the Country and to take his measures accordingly.

It was impossible for me not to respect the feelings by which Count Capodistrias was agitated. I assured His Excellency that no one lamented more deeply than myself the disappointment under which he was suffering, or could be more earnestly anxious to diminish any evil consequences likely to result from it. I begged him in justice to remember that I had frequently warned him of the existence of a positive engagement between the Allied Powers, limiting the operations of the French Army to the Morea. I said

Digitized by Google

that if the Protocol, containing that agreement, had not been communicated officially to him by my Colleagues and myself, it was owing to the want of any Instruction authorizing such a communication; which want of authority we had subsequently felt ourselves the less at liberty to supply because the manner of notifying the French Expedition to the Porte had been expressly prescribed by our Instructions, and also because the notice, which he had himself received from the French Government of General Maison's approach, had, as he told me, named the evacuation of the Morea by Ibrahim Pasha's army as the specific object of that expedition. I added, that if there had been cruelty in raising expectations on light grounds, the fault did not lie with us, but with the Commander of the French Army, or with those who had prompted him.

In reply to this last remark, the President assured me that if General Maison had been prompted to overstep his powers, he, for one was not to be included amongst the Instigators.

His Excellency went on to say that grieved as he was at what had taken place he was now more anxious to find a remedy for the evil than to heap reproaches on those who had caused it. It was too late to prevent the precautionary measures taken by the Turks; but something might yet be done to restrain them from further violence, and to rescue the Greek population from a state of hopeless despondency. The presence of a part of the Allied Squadrons on the Coasts of Megara, of Attica, or of the Negropont would, he thought, be attended with salutary effects. His mind seemed also to turn towards placing a part of Ipsilanti's force in position so as to threaten Athens, and, if possible, to intercept its supplies.

Sir Pulteney Malcolm told him that he was perfectly ready to comply with his request as to keeping a part of the Allied Forces on the neighbouring Coast; and I took occasion to say, with reference to Your Lordship's Instructions on the subject of supplies, that if he would concentrate Ipsilanti's troops in such a manner as to cover the Isthmus, he would find the Admiral prepared to lend him every assistance in that respect, compatible with the wants and prior claims of General Maison's Army.

Count Capodistrias returned my visit in the course of the afternoon, but nothing occurred to throw any additional light on the subject of my present Dispatch.

This morning I had an interview with His Excellency and M. de Ribeaupierre at the request of the latter, on board the Russian Frigate Constantine.

It cannot be necessary for me to trouble Your Lordship with the details of a Confidential, and in some respects desultory conversation drawn out to no trifling length.

Digitized by Google

It was Count Capodistria's purpose to state to us in the forms of private intercourse, what appeared to him the most expedient mode amidst numberless difficulties of meeting the present exigency. He had recovered his usual composure, and referred to the disappointment, which had agitated him the day before, only as the ground work of his argument in unfolding his ideas. It is fair to add that even in mentioning General Guilleminot and repeating his suspicion as to the cause of that Ambassador's absence, he declared that His Excellency had by no means encouraged him to reckon upon the immediate advance of General Maison's Army into Attica.

The count's idea was simply this: To prevail on General Maison to allow a small detachment of his force, two companies of Artillery for instance, two Squadrons of Cavalry, and, if possible a battalion or two of infantry, to pass at once into the Greek Service, constituting a centre round which he might form his irregular troop and take up a more decided position in Attica, than he could venture to do with the irregulars alone, unprovided with either Cavalry or Artillery.

He grounded his hope of success on two circumstances; first that the French Government had sometime before consented through its agent at Aegina to allow him to recruit for the Greek Service in France, and to furnish from the King's stores the necessary equipment for the volunteers; secondly that General Maison, not being able to realize the expectation which he had held out, was bound to do his utmost to obviate the consequence of that disappointment. He argued that the present inapplicability of the French Army in the Morea to any service beyond the Isthmus of Corinth, gave him a claim upon France for the execution of that promise which had been superseded with respect to the Morea by the expedition from Toulon and that the Commander of the French Troops would best consult the interest of his Army, and of the Country to which it belonged, by detaching a part of it as speedily as possible from the unhealthy position of Navarino.

That General Maison should accede without orders to a proposal of this nature, I conceive to be quite chimerical. A sentiment of unfeigned concern for the difficulties and painful embarassment of the President's situation restrained me from expressing this opinion in broad terms. I only requested His Excellency to consider whether the object in view could not be attained by means of a more obvious description — what was that object? Not certainly to take the Citadel of Athens; for such an enterprize would require a larger force than General Maison could possibly make over to the Greek Government according to the plan proposed, were he ever so well inclined and empowered to meet the wishes of the President. The only conceivable

Digitized by Google

objects of the measure were those which I have before stated — to keep up the courage of the Greeks, and to restrain the Turks from further violence, and possibly also to act upon their line of communication now, might not these objects be suffiently attained by means of an allied blockading force on the coast, the maintenance of Ipsilanti's irregular troops in some well chosen position covering the approaches of the Isthmus, and if General Maison's Army were suffering from the unhealthiness of Navarino, might he not possibly find a motive in that circumstance for advancing as far as the Isthmus himself.

I felt that in approaching this point I was treading on delicate ground, and should have thought it my duty to abstain from the suggestion, even at a private interview, had I not also felt that after what had passed everything not absolutely inconsistent with the agreement and known intention of the allies was due to Count Capodistrias. I observed, however, that according to the letter of the Protocol, it was to be expected that General Maison's Army would reembark for France as soon as the Fortress of the Morea had been completely evacuated, though it was evidently immaterial from what part of the Peninsula the embarkation of the troops might be effected, any which seemed evidently desirable, that during their stay in that Country they should render every reasonable service to the Greek cause.

Count Capodistrias replied that it was his duty as President of Greece to knock at every door, and that it would be time enough to fall back upon the second expedient when he had failed in his endeavours to obtain the first.

M. de Ribeaupierre supported the opinions which I had expressed, but appeared to see no reason why the proposed application to General Maison should not be made matter of experiment in the first instance.

I suggested the propriety of waiting at all events for the return of General Guilleminot; an idea in which Count Capodistrias so far acquiesced as to say, that he should only write in the meantime to sound General Maison as to the reception which his intended proposal was likely to meet.

It can hardly be necessary for me to remind Your Lordship that the whole conversation was of a Confidential, or rather private character. I took occasion in the course of it, as indeed on the preceding day, to do justice to the benefits already conferred upon Greece by the forced retreat of Ibrahim Pasha. I ventured also to inquire whether the precautionary measures adopted by the Turks were not rather to be ascribed to the operations of General Church, and the corps under Zavalla and Stratos detached from Ipsilanti's army to the districts of Lidoniki and Malandrino, than to the expectation of General Maison's advance into Attica and the Negroponte

Digitized by Google

Count Capodistrias did not reply in a manner to remove this impression from my mind; but he said that General Church's expedition had not been undertaken with any other view than that of cutting off the supplies from Missolonghi and Anatolico. He was evidently labouring under much internal anxiety, and an apprehension ever foremost to his thoughts, of not doing enough for the welfare of the Country, and for his own reputation.

Your Lordship will perhaps do me the Honour to remember the tenour of a conversation reported from the Bay of Calamata in my Dispatch № 34. The same embarrassment which resulted at that time from Count Capodistrias' inquiries must necessarily be felt in receiving his present communication. During our interview this morning he observed to Mr. de Ribeaupierre and myself, that unless we kept silence altogether we had no choice but either to countenance his plan, or to discourage him from the prosecution of it. I confess that I should have preferred keeping silence as on the former occasion, had it been possible for me to do so without an appearance of harshness or indifference ill-suited to the circumstance of the case. As to the difficulty of knowing what to say, that difficulty is obvious, and the causes of it are not unknown to Your Lordship. The joint Instructions, under which I am acting in concert with the Representatives of France and Russia, show the extreme uncertainty which prevails as to what is to be the extent of Greece, nor can that uncertainty be removed until our Reports, grounded upon the information which we are expecting from the Greek Government, be sent in, and until a final decision be taken thereon by the Allied Cabinets. In the meantime it would be equally unfair, and might in the end prove equally impolitic, either to stimulate the Greeks to further exertions, or to discourage them from any undertaking suggested by the notion which they conceive of their own interests.

Considering the impressions which I entertain, in common, I believe with every person of any weight employed by the Allied Sovereigns in Greece or the Archipelago, and also my instructions to recommend that arrangement which shall appear, after due enquiry, to be the least exceptionable, it is impossible for me to regulate my conduct exclusively by any indication which Your Lordship's correspondence may occasionally disclose of a tendency on the part of His Majesty's Government, to carry the limits of Greece further than the Isthmus of Corinth. Uninformed, at the same time, as I and my Colleagues necessarily are of the high political considerations, which may ultimately fix the determination of the Allied Courts, it is equally out of the question for us collectively to assume the very delicate charge of imposing a complete inaction upon the Greek Government, at the present most critical period of their affairs.

Digitized by Google

In following the intermediate course which I have already described to Your Lordship I humbly trust that my Conduct will be judged with indulgence by His Majesty's Government.

I have the honor to be

with great Truth and Regard

My Lord, Your Lordship's

most obedient humble servant Stratford Canning.

№ 22. Обвиненіе Каподистріи въ попыткѣ возмутить Іоническіе острова.

R. O. Greece vl. 7.

Sir Frederic Adam to W. Hay Esq. 30 May 1829 Corfu.

Sir!

I have received Your confidential Letter of the 16th. I have nothing material to say by this opportunity on the subject, to which it relates. Mr. Dawkins' confidential Dispatch to Lord Aberdeen, just now received, will put Sir George Murray in possession of Capodistrias' feelings towards England, and we may fairly conclude, that in his present state of excitement, he will more than ever attempt to give us uneasiness here. I can only say, that my best vigilance shall be exerted to follow up his intrigues, and to prevent their producing mischief; some short time must elapse before any of Capodistrias' new attempts can come into play here and Sir George Murray may rely upon hearing from me.

I enclose a copy of Mr. Dawkins' letter to me; I coincide with him in regard to Capodistrias. I have anticipated that such would sooner or later be the effect of his Government of Greece. One of the effects of his removal will be the return of all those discontented adventurers from these Islands, who have either preceded, accompanied or followed the President of Greece, and they will be troublesome but hardly dangerous, if he be removed.

Mr. Dawkins observes, that the Marighal is fairly bitten and states his conviction, that «no other man can govern Greece for years to come». I know not, what weight this opinion may have in France. I believe it to be at variance with that of Count Guilleminot and admiral de Rigny, but at any rate it ought to be counteracted by the French Government.

I remain etc.

Frederic Adam.

Digitized by Google

R. O. Greece vl. 3.

№ 16. Aberdeen to Dawkins 31 August 1829.

Sir!

I enclose to you confidentially for your information the instruction (№ 19 Aug. 28th 1829), which I have addressed to His Majesty's Ambassador at St. Petersburgh in consequence of the information, which His Majesty's Government received of the conduct, pursued by the Agents of the Provisional Government of Greece in endeavouring to excite discontent among the Inhabitants of the Ionian Islands.

Aberdeen.

№ 21 Aberdeen to Dawkins 9 October 1829.

....I now enclose to you copies of two dispatches, which I have received from Lord Heystesbury on that Subject (the intrigues carried on from Greece against the existing form of Government in the Ionian Islands) from the last of which you will perceive, that Count Boulgari disclaims any participation in such proceedings...

R. O. Greece vl. 5.

№ 42 Dawkins to Aberdeen 22 June 1829.

My Lord!

I have the honor to receive Your Lordship's dispatch № 9 of the 16th Ultimo, referring to rumours, which have been circulated in these parts, that an insurrection is about to break out in the Ionian Islands, and directin me to ascertain, whether the source of these rumours is to be found in Greece and whether the President is in any way a party to their circulation.

Although I have received no information upon this subject, which I thought important enough to transmit to Your Lordship, I have not neglected to pursue it.

Since the month of February I have been in correspondence with the person, in whom, I believe, those rumours chiefly originated, and I have regularly sent copies of his letters to the Lord High Commissioner of the Ionian Islands.

The last letters, which passed between this Gentleman and myself are dated the 10th und 28th of April. The palpable inaccuracy of the information, contained in the latter, which implicates one of the warmest advocates, that Great Britain possesses in this Country (Zaimi) has induced me to discontinue the correspondence.

It is notorious, that the present Government of Greece and especially those members of it, who are natives of the Ionian Islands, are unfriendly to

Digitized by Google

the administration of that Republic, but I have no reason to believe that they have carried their hostility so far, as to endeavour to excite it's Inhabitants to insurrection.

I have the honor to be with the greatest respect etc.
Dawkins.

R. O. Russia vl. 300.

№ 17 Aberdeen to Heytesbury August 28th 1829.

For a considerable time His Majesty's Government had reason to complain of the conduct, pursued by the agents of the Provisional Government of Greece as well as by the President himself in endavouring to excite discontent among the inhabitants of the Ionion Islands . . . . Count Boulgari also participates. . . .

R. O. Russia vl. 303.

№ 131 Lord Heytesbury to the right honourable the Earl of Aberdeen. St. Petersburgh October 14th 1829. Secret and Confidential.

My Lord!

I had the honor of reading to the Emperor on Sunday last the memorandum, enclosed in your Lordship's dispatch № 19[1]). Altho' there were some parts of it, in which His Majesty did not appear entirely to agree, and others, where a difference of opinion was still more strongly marked, the general effect it produced was extremely satisfactory inasmuch as it was received as an undoubted proof of a growing disposition to smooth away the asperities, which had been suffered to spring up, in the relations between the two Governments, and to reestablish that harmony and good intelligence, which can alone offer any real security for the peace and tranquillity of Europe.

The part of the memorandum, which relates to the conduct of the Count Capodistrias, was that, which seemed principally to fix His Imperial Majesty's attention. He had been accustomed all his life, he said, to think well of Monsieur de Capo d'Istrias, and it was difficult for him to reconcile himself to the idea, that he was the dangerous revolutionary character, he was now represented to be. If the charges, brought against him were substantial, he would deserve to be put «hors de la loi». It would be his immediate care to cause the most accurate information to be taken of the Count's past and present conduct, — and if he should find any grounds for suspecting, that

1) Mem. of the D. of Wellington Sept. 4. 1829 (for removing the erroneous impressions of the Emperor about his policy towards Russia).

Digitized by Google

he had been really guilty of the charges, brought against him, his countenance and protection would be withdrawn from him for ever. What proofs had we, His Majesty asked, of the attempts made to revolutionize the Ionian Islands?

I told His Majesty, that I was unable to give any immediate answer to that question, but I was convinced an accusation of so serious a nature would not have been brought forward, unless His Majesty's Government had possessed not only the fullest conviction of Monsieur de Capodistrias' complicity, but ample means to substantiate its charge.

The Emperor observed, that the existence of such an accusation, whether well or ill founded, was an additional reason for proceeding without loss of time to the choice of a Prince, to whom the future Government of Greece might be confided. That I would do well to direct the attention of my Government to this object.

The allusion, made in the memorandum to the pecuniary succours, furnished to the President, afforded His Majesty fresh ground for observation. He thought the case was not fairly stated. These pecuniary succours were not supplied to enable to President to carry on a war beyond the frontiers of the Morea (which war he had been invited to put an end to) but to enable him to exist, to prevent the stipulations of the 6th of July and of the several conferences from becoming a mere dilusion, by suffering the state to ədrish from inanition, whilst we were disputing about the most proper means of supporting it.

With respect to the danger to be apprehended from the propagation of revolutionary principles, the Emperor said, that the Duke of Wellington would find nobody more ready to subscribe to all he had advanced than himself. From the moment of his accession he had been at open war with the revolutionists. He had given his proofs. Upon this point at least, he thought, all Europe was disposed to do him justice.

After I had completed the reading of the Memorandum, His Imperial Majesty changed the conversation and spoke of the Peace, lately concluded, and of the article concerning Greece, which general Diebitch had introduced into his treaty, asking me, how it would be received in England?

I told His Imperial Majesty I could not take upon myself to prejudice the opinions of my Government. That it was certainly a great point to have the question definitively set at rest, and that perhaps this consideration might reconcile my Government to whatever there was of irregular in the proceeding. But in saying this, I begged His Imperial Majesty not to understand me as pronouncing any official opinion. I could say nothing officially upon the subject, until I had heard from my Government.

Digitized by Google

Reverting to the other articles of the Treaty, His Majesty said, that he thought nobody would accuse him of exaggerated pretensions in exacting anually a million of ducats (something less than £ 500,000) for ten years, as an idemnity for the expenses of the war. Adding this sum to the value of the cessions in Asia, he was still by no means repaid for the losses he had experienced. He was moreover far from being satisfied with the guarantee, which general Diebitch had consented to accept, as a security for the payment. The Turks attached no importance to the possession of the principalities, and would therefore be in no hurry to fulfil their engagements, when the worst alternative of a failure, would only be a prolonged occupation of territories, they did not care to recover. During the course of the negociation they had repeatedly tendered the cession of these provinces in lieu of any payment. But he would have nothing to do with the occupation of the principalities. He would stand clear with Europe and leave open no door for suspicion. He would ratify the Treaty as it stood, that no further doubts might be started as to the conclusion of the peace, and in order not to give any public mark of his disapproval of general Diebitch's arrangements. But he was still not the less firmly determined to look for some other guarantee.

I took the liberty of asking His Imperial Majesty to what other guarantee he would look?

With all I have in hand, replied the Emperor, I shall have no difficulty in finding guarantees. I may retain temporary possession of Varna or of Silistria or of another fortress in Asia.

His Majesty did not explain, which fortress he meant but I have some reason for believing, that the occupation of Batoum is contemplated. In this case some negociation will be necessary, for Batoum is not in the possession of the Russians.

From the discussion of these questions the Emperor passed to a consideration of the general state of the Turkish Empire, expressing his conviction, that it was impossible, it should hold together much longer, — He would take care, it should not fall to pieces during the few months his troops remained in the Country, but he was very much afraid, that a general dismemberment of the Empire by the Pashas would speedily follow the evacuation. Would to God His Majesty said, it might be found he was mistaken. Russia could desire no better, no more convenient neighbour than the Sultan. He could not, however, shut his eyes to the rottenness of the Empire, it was his first wish to uphold, nor to the dangers, that would accompany its fall. His Imperial Majesty entreated me to draw the attention of my Government to this subject also, and to declare his readiness to concert with the

Digitized by Google

other great powers of Europe upon the measures most proper to be adopted, not to hasten the catastrophe, but to prevent it, if inevitable from causing a general conflagration in Europe.

A short pause here ensued, after which the Emperor abruptly asked me, what I thought of the state of things in France? There, he said, was our real danger, there the mischief was brewing, replete with peril to us all. On one side, nothing but feebleness and indecision — on the other nothing but audacity and revolution, — when he read the triumphant progress of monsieur de la Fayette, he felt as if a bucket of water had been thrown upon his head (I give his Imperial Majesty's exact expression). What did they wish for in that ill fated country? A third march to Paris? Was a third march to Paris possible?

His Majesty considered any attempt to bring about a reaction in an Ultra-royalist sense, as a mere madness. Even if the thing were possible, the present people were not the persons to effect it. And if the attempt were made and failed, what would be the consequence?

This state of things, continued the Emperor, is a source of constant inquietude to me. Does the Duke of Wellington keep up any direct intercourse with His Most Christian Majesty?

I professed myself unable to answer the question. Do not imagine, said His Majesty, that I ask this from any belief in the silly stories of English interference so industriously circulated in the French newspapers, but because I know the weight, which the Duke of Wellington's opinions always have with His Most Christian Majesty and because of my conviction, that at this moment the counsels of such a man would be invaluable to him.

After exhausting the subject of France, the Emperor told me, that there was nothing much more satisfactory to be said of the state of the Low Countries. He had received a letter from the Prince of Orange, written in the most desponding strain. His Royal Highness complained much of the irksomeness of his position and of his inability to do any good. To prevent a greater degree of evil was the utmost, to which he could aspire.

The Emperor then again changed his theme and spoke of the new organisation of his forces. He informed me, that in consolidating the first and second armies, he had more in view an economy of money, than of men. He wished to do away with a number of very extensive staffs, and at the same time to render the several corps more complete and more manageable. These were the objects he had in view. The casualties of war and sickness had so effectually thinned the ranks of the Army, that no great diminuation of numbers would be necessary in order to reduce it to the new peace establishment.

Digitized by Google

After a few more general remarks upon indifferent subjects His Majesty dimissed me in the usual manner withdrawing into his private apartment.

In a subsequent conversation with Count Nesselrode in which I related to him, what had passed between the Emperor and myself, I found His Excellency very much disposed to modifiy all, that His Majesty had said. He told me, that the Emperor was in the habit of viewing every thing in the blackest point of view, and of expressing his thoughts to those, in whom he had confidence with a freedom and warmth, that led sometimes to an exaggerated idea of his meaning. For his own part he by no means partook of the Emperor's alarm with respect to the state of things in France — nor did he think that His Majesty's opinions as to the possibility of a speedy dissolution of the Ottoman Empire, were exactly borne out by the reports, he had received from that country. At all events he could see no reason why any steps should now be taken to bring on discussions upon points, where no practical result could be arrived at, — and where it was impossible to foresee all the complications, which may eventually arise to baffle the wisest calculations. In his opinion it would be quite time enough to proceed to consideration of what measures it would be prudent to adopt with respect to the Turkish Empire, when the danger of its dissolution was more imminent.

Upon one point he perfectly coincided in opinion with His Majesty — namely the expediency of proceeding without loss of time to the choice of a Prince, to whom the Government of Greece might be confided. He expressed his conviction, that the longer the choice was delayed, the greater would be the difficulty attending it.

I have the honor to be with great respect,

My Lord,

Your Lordship's

most obedient

humble servant

Heytesbury.

№ 23. Даукинсъ къ Абердину 18 іюля 1829 г.

R. O. Greece 5 vl.

R. O. Greece № 5. Disp. 52.

Egina 15 July 1829.

My Lord,

Count Capodistrias has definitively fixed the 22nd instant for the Meeting of the National Assembly.

I have the honor to inclose the following documents relating to this event.

Digitized by Google

1. A Decree ordering all the Extraordinary Commissioners and Provisional Governors to take immediate measures for concluding the Elections, and enclosing a circular instruction for their guidance.

2, 3, 4 et 5 some specimens of the Instruction given by the Electors to their Deputies.

The first question which will probably occur to Your Lordship in this. Why convoke a National Assembly whilst the Negociations are pending at Constantinople?

It might have been justifiable whilst they were suspended: it would be perfectly proper after they are concluded: but at the present moment it is not only useless as regards the Greeks, but disrespectful towards the Allied Powers.

Such is the language generally held by me, and addressed particularly, I am told, to Count Capodistrias by Monsieur de Rouen the French President.

Count Capodistrias can no longer avail himself of the plea so often put forth in his decrees, that it is called for unanimously by the Greeks. This Plea is disproved in the enclosed Documents.

The fact is, that His Excellency whishes to throw upon the Greeks a responsibility which although belonging exclusively to himself, he fears to incur alone — to make this Assembly a cloak under which he may oppose with the least censure the policy of the allies as expressed in the Protocol of the 22nd March.

This assertion is borne out by the haste with which His Excellency pressed forward the Elections as soon he became acquainted with the Protocol; by the nature of the instructions given to the Deputies, some of which there is good reason to believe, were dictated by himself, and by the great pains His Excellency has taken, and the heavy Expense he has incurred in order to exclude from the Assembly all the Greeks whom he thought opposed to his policy, and to fill that body with obscure and needy individuals who may pass in Europe for the Plenipotentiairies of Greece, but who are in reality the blind instruments of his own will: whereas, had his intention been merely to regulate and consolidate the internal concerns of this Country, His Excellency was well assured that no undue precautions were necessary to secure to him his just influence.

I shall now endeavour to explain to Your Lordship the process by which His Hxcellency's object has been attained.

During a visit to the Provinces which he made in March and April, His Excellency had an opportunity, of which he availed himself successfully, of attaching to himself the peasantry of the Morea, and of becoming acquainted with those Chiefs (Capitani) who unfortunately still possess too much influence over them.

Digitized by Google

At the Head of these His Excellency found General Colocotroni, whom, by the bye, His Excellency had formerly denounced to Monsieur de la Ferronnazo as «le seul homme qui ne veut pas le bien de la Grèce».

The general had a heavy claim for past services on a former Government. Count Capodistrias had refused to acknowledge any such debts. The claim however was liquidated — the tenths of his Province were granted to him at his own price — a command at Lensina (Eleusis) was given to his son, and the General in return engaged to conduct the Elections to His Excellency's satisfaction in the province of Arcadia, and to send emissaries for the same purpose throughout the Morea.

The Extraordinary Commissioners, Provisional Governors and Demogeronties were then instructed to decoy those Primates, (especially Monsieur Zaimi), who were most respected by their tenantry, and to accuse Prince Movrocordate, Monsieur Tricoupi, Monsieur Zographo, Monsieur Zaimi, and indeed nearly all the well informed and independent Greeks of having sold themselves to the English, whose purpose it is to enslave the Morea.

For proof of this I beg leave to refer Your Lordship to My Dispatch № 45.

Where, as at Kalavrita (Monsieur Zaimi's province), the Demogeroncy was found intractable, the Municipal Officers were instantly discharged by the Government and were replaced by a «Special Commission» named by itself.

The Agents of the Government were not only afforded every facility for packing the Electoral Chambers according to their will but (as Your Lordship will observe in sub enclosure № 1) they were even authorized by Count Capodistrias, should these chambers not answer their purpose, to appeal directly to the People.

The first consequence of these Measures was an almost general request addressed to His Excellency that he would himself accept the full powers of the Electors.

This was going too far, and the offer was declined.

The second was the issue of positive instructions to nearly all the Deputies to obey His Excellency's Commands in every thing, on pain of forfeiting their Seats in the Assembly.

The Instructions from Corinth (Enclosure № 2) are said to have been written originally as they are herewith sent, in French, the language always employed by Count Capodistrias.

They declare that the Deputies from that Town «n'ont pas le droit de «donner une opinion contraire à celle du Président et, s'ils prennent cette «liberté, leur Mandat devient nul» and that, «ils ne doivent pas oser de «changer en rien la position du Président».

Digitized by Google

The Missolunghiotes (enclosure № 3) forbid their Deputies «to give a vote against their holy religion» or to call in question in any manner the preceding Acts of the Government, «either as they regard home affairs, or Connections with Foreign Powers» and they order them to acquaint the National Assembly that «they will have no other Chief but Count «Capodistrias, who is alone capable of saving the Nation; and to give «him full power to govern their Country and to elevate it to a rank of «Honor and Happiness».

It will appear strange that the Missolunghiotes, barbarously ignorant and until the Month of May living under the dominion of the Turks, should anticipate the possibility of a change in the person of their President.

It is explained thus.

They are governed by a Cephaloniote (Dr. Pilavin'o) lately arrived from the Ionian Islands, who dictated these instructions; named the Deputies they were to choose; and threatened if they refused them, to stop the supply of grain which is issued to them by the Government.

There are a few exceptions to this rule of passive obedience, which are to be found in the Islands and in the larger towns.

Your Lordship shall hear how they have been dealt with.

At Napoli de Romaina and at Pyrgos, in spite of all the exertions of the local Authorities, Deputies capable of opposition were chosen. The President annulled the Elections and ordered new ones.

At Modon an independent person was elected. The Extraordinary Commissioner threatened to imprison him if he did not resign his seat: He made his escape: and a reelection conformable to the wishes of the Government has taken place.

Other examples of the some nature might be given: but I am fearful of trespassing too much upon Your Lordship's patience by enumerating them. But the precautions of the President do not end here.

A Commission of eleven, to be presided, I am told, by Count Vearo Capodistrias, and composed of his firm adherents, is empowered to examine the powers and instructions of every Deputy before he is allowed to approach the Seat of the Assembly. The town of Argos, in which it is held, is surrounded by troops under the Command of General Colocotroni: under whom is Capitain Nikitas, famous for having insulted and dispersed a former National Assembly: and the approach to it is forbidden by proclamation to all persons who have not business to transact: even in which case, they are to address themselves, not to the Deputies, but to the Minister of the Interior, who will communicate on their part with the Assembly.

Digitized by Google

The Russian Admiral Count Heiden has been requested to send two line of battle Ships to Napoli di Romania: and he has proceeded there in person.

Under these Circumstances Monsieur Zographo, one of the cleverest Men in Greece, has been forcibly excluded: Prince Mavrocordato has refused to be elected: Monsieur Tricoupi has declined to take his Seat; and Monsieur Zaimi has stated his determination to quit the Assembly as soon as any proposition is laid before it at variance with what he considers to be the true interest of his Country.

The facts will suffice to convince Your Lordship that whatever this Assembly may produce, whether good or bad, is attributable to Count Capodistrias alone.

I fear I should only mislead Your Lordship by repeating the rumours in circulation respecting the measures it will probably embrace.

I cannot yet state exactly the number of the Deputies: but I must not omit to observe that Thessaly, Epirus, Negropont, Candia, Samos, Scio and Ipsara, all belonging to the Porte, have sent Deputies to the Assembly.

The French President and I have received an official invitation to remove to Argos during the Session. Monsieur de Rouen is now at Constantinople, and I have neither accepted nor refused it: but I feel a strong inclination to remain at Egina for the following reasons.

I think it of more importance to me to continue in Communication with His Majesty's Ambassador at Constantinople than to attend the Assembly:— I cannot hope to influence its proceedings, and shall be as well informed of them for the purpose of my Correspondence with Your Lordship's Office if I remain in this Island, as if I were on the spot.

I doubt the propriety of giving too much countenance to a Body, which at the present critical moment, contains many Deputies from the dominion of the Sultan and which according to the instructions of its' Electors, professes its intention to legislate on matters which the Allied Powers have to lately declared to be their own prerogative: and lastly, I wish to give as little confirmation as possible, to the absurd and scandalous reports in circulation that Great Britain has selfish and ambitious views on Greece.

I have the Honour to be with the greatest respect,
My Lord,
Your Lordship's, most obedient
humble Servant
H. Dawkins.

Digitized by Google

Digitized by Google

VIII.

1. „Исторія русской архитектуры".

Сочиненіе академика А. М. Павлинова. — Москва. 1894 г.

Рецензія Н. В. Султанова.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Россія является единственнымъ, которое имѣетъ свою архитектуру, но не имѣетъ ея исторіи, по этому намѣреніе А. М. Павлинова пополнить этотъ пробѣлъ можно только привѣтствовать отъ души. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что сочиненіе А. М. Павлинова является далеко не первымъ трудомъ въ области исторіи русскаго зодчества: помимо множества отдѣльныхъ статей, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, отдѣльныхъ монографій, появившихся на послѣднія 40—50 лѣтъ, докладовъ и рефератовъ на 9-ти археологическихъ съѣздахъ и, наконецъ, всевозможныхъ мелкихъ брошюръ и замѣтокъ, было сдѣлано нѣсколько очень серьезныхъ попытокъ написать «общій обзоръ» исторіи нашей родной архитектуры.

Едва-ли не первой попыткой въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать книгу подполковника Инженеровъ Путей Сообщенія Валеріана Кипріанова «Histoire pittoresque de l'architecture en Russie». — Pétersbourg. — Moscou. — Paris. 1864. 120 стр. in 8° съ 55 лит. таб., съ библіографическимъ указателемъ источниковъ и пояснительнымъ перечнемъ рисунковъ. Сочиненіе это, конечно, вещь немного слабая и вполнѣ компилятивная, но любопытная, во 1-хъ, въ томъ отношеніи, что уже въ то время могла зародиться смѣлая мысль приняться за «исторію» русской архитектуры, а во 2-хъ, также и въ томъ отношеніи, что Г-нъ Кипріановъ столько лѣтъ тому назадъ разсматриваетъ тѣ-же самыя группы зданій и почти въ томъ

Digitized by Google

же самомъ порядкѣ, какъ это дѣлаетъ теперь А. М. Павлиновъ[1]). На столько онѣ опредѣленны въ исторической жизни нашего зодчества.

Затѣмъ, второю крайне серьезною и притомъ «основною» попыткою было «Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества» покойнаго Л. В. Даля, напечатанное въ «Зодчемъ» за 1872—73-й и 75-й годъ. Изслѣдованіе это представляетъ собою мастерскую, сжатую картину исторіи нашей архитектуры, набросанную опытной рукой прекраснаго художника и глубокаго знатока дѣла. Тутъ вкратцѣ очерчены всѣ отдѣлы и явленія нашего зодчества: Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ, вліяніе татарскаго нашествія, призывъ итальянцевъ, Москва, военная архитектура, наружная отдѣлка, орнаментъ и т. д. Словомъ, изслѣдованіе Даля было цѣлымъ откровеніемъ для русскаго архитектурнаго міра и надѣлало въ свое время не мало шуму. Не удивительно, значитъ, что оно имѣло вліяніе на дальнѣйшихъ изслѣдователей и что ими были усвоены дѣленія, принятыя Далемъ; Даль же дѣлитъ все русское зодчество на четыре главныхъ группы: Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ и Москва[2]). Вслѣдъ за Л. В. Далемъ В. А. Прохоровъ начинаетъ помѣщать въ своихъ «Христіанскихъ Древностяхъ» обзоръ исторіи русскаго зодчества, распредѣляя его по намѣченнымъ выше группамъ, и снабжая его очень *вѣрными* рисунками, сдѣланными большею частью съ фотографій, въ чемъ, конечно, заключается немалая заслуга. Такимъ образомъ покойнымъ В. А. Прохоровымъ были помѣщены: въ 1875 году *Кіевъ*, — «археологическій обзоръ кіевскихъ древностей» и «археологическій обзоръ древнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ во *Владимірѣ* и *Суздалѣ*»; въ 1872 г. — «О *Новгородскихъ* и *Псковскихъ* церквахъ»; и, наконецъ, въ 1877 году—«Историческій и археологическій обзоръ древнихъ *московскихъ* церквей». Соединенныя вмѣстѣ, эти четыре статьи даютъ очень любопытный обзоръ исторіи русскаго церковнаго зодчества, поясненный множествомъ, и притомъ, какъ мы уже говорили, очень вѣрныхъ рисунковъ.

Одновременно съ этимъ послѣднимъ выпускомъ изданія Прохорова появляется въ Парижѣ книга Віолле-ле-Дюка «*L'art russe*, — ses origines, ses elements constitutifs, son apogée, son avenir». Paris. 1877, написанная имъ по предложенію покойнаго директора Строгоновскаго Училища В. И.

---

1) Вотъ перечень таблицъ, приложенныхъ у Кипріанова «по группамъ»: — кіевскіе памятники, новгородскіе, московскіе, жилища, крѣпости, деревянная архитектура и новая русская архитектура.

2) Того же дѣленія придерживается и И. И. Горностаевъ, знаменитый литографированный курсъ Исторіи Искусства котораго долго былъ единственнымъ руководствомъ на русскомъ языкѣ. Мы не считаемъ себя вправѣ его цитировать, потому что онъ «литографированный», но позволяемъ себѣ сослаться въ выноскѣ, потому что онъ *вѣроятно извѣстенъ* А. М. Павлинову, какъ бывшему *питомцу Академіи Художествъ*.

Digitized by Google

Бутовскаго и переведенная нами на русскій языкъ по желанію того-же лица. Самъ Віолле-ле-Дюкъ, какъ извѣстно, никогда въ Россіи не бывалъ, русскаго языка не зналъ, а потому въ смыслѣ матеріаловъ и источниковъ находился въ полной зависимости отъ того, что присылалъ ему В. И. Бутовскій. А такъ какъ этотъ послѣдній былъ только любителемъ, а не спеціалистомъ въ области исторіи искусства, то неудивительно, что онъ посылалъ Віолле-ле-Дюку матеріалы безъ всякой системы, все что попадало подъ руку и что можно было послать. Неудивительно послѣ этого, что книга Віолле-ле-Дюка вышла по своему содержанію немного пестрой. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей огромной эрудиціи и опытности, онъ съумѣлъ разобраться въ этомъ хаосѣ разнородныхъ матеріаловъ и распредѣлить ихъ болѣе или менѣе удачно по рубрикамъ, выписаннымъ нами выше въ заглавіи его книги.

Несмотря на массу ошибокъ и неточностей, которыя были указаны и русской и западно-европейской критикой, книга Віолле-ле-Дюка представляетъ собою громадный интересъ, какъ по ширинѣ взглядовъ ея автора и новизнѣ постановки имъ нѣкоторыхъ вопросовъ, такъ и по превосходнымъ, украшающимъ ее рисункамъ. Віолле-ле-Дюкъ, какъ иностранецъ, конечно могъ не знать выводовъ русской науки и кромѣ того писалъ очеркъ *всего* русскаго искусства, а не одной только архитектуры, и потому неудивительно, что онъ ввелъ въ него свои подраздѣленія, изъ которыхъ только три первыхъ относятся къ прошлому этого искусства, т. е., къ его исторіи, именно: «его источники», «его составные элементы» и «его высшее развитіе». Что же касается до послѣдняго подраздѣленія «его будущее», то этотъ отдѣлъ составляетъ всецѣло плодъ фантазіи Віолле-ле-Дюка и къ исторіи русскаго искусства никакого отношенія не имѣетъ. Кіевская и владиміро-суздальская архитектуры отнесены у него въ отдѣлъ «источниковъ» слѣдовательно представляютъ собою, по мнѣнію французскаго ученаго, какъ бы періодъ «формаціи».

Затѣмъ Успенскій соборъ[1]) въ Москвѣ, Василій Блаженный, Рождество въ Путинкахъ и Ярославскія постройки, деревянная архитектура, военное и гражданское зодчество разсматриваются имъ въ отдѣлѣ «высшаго развитія». Слѣдовательно этимъ періодомъ онъ считаетъ XV—XVII вв. съ XVI вѣкомъ во главѣ.

Книга Віолле-ле-Дюка оказала исторіи русскаго искусства одну великую услугу: она вызвала жаркую полемику какъ въ русской, такъ и въ иностранной печати.

---

1) См. планъ, page 110.

Digitized by Google

Въ ней принимали участіе Ѳ. И. Буслаевъ, В. В. Стасовъ, Л. В. Даль, В. И. Бутовскій и «неизвѣстный авторъ» у насъ; и — г. г. J. Martinov и Alfred Darcel за границей[1]). Вся эта критика и полемика выяснила не мало темныхъ вопросовъ въ области нашего древняго искусства.

Разбирая книгу Віолле-ле-Дюка извѣстный русскій іезуитъ Иванъ Мартыновъ написалъ почти цѣлый обзоръ исторіи русскаго искусства, гдѣ онъ разбираетъ не только русскую архитектуру, но касается также иконографіи и орнаментики[2]).

Затѣмъ «неизвѣстный авторъ»[3]), заклятый врагъ и русскаго искусства и его самостоятельности, въ опроверженіе Віолле-ле-Дюка издалъ цѣлый альбомъ памятниковъ русскаго зодчества съ объяснительнымъ текстомъ, подъ заглавіемъ «Русское искусство Е. Віолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи отъ X-го по XVIII-й вѣкъ». С.-Петербургъ, 1878 г.

Наиболѣе любопытная сторона этого сочиненія заключается въ томъ, что атласъ, вопреки волѣ самого автора и его текста, наглядно доказываетъ самостоятельность русскаго зодчества и распаденіе его на вышеупомянутыя четыре группы.

Таковы главныя попытки въ исторіи русскаго зодчества, сдѣланныя до появленія книги А. М. Павлинова.

Соединяя теперь все, что изложено во всѣхъ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ, а также во множествѣ монографій изъ области древнерусской архитектуры, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Судьбы русскаго зодчества тѣсно связаны съ историческими судьбами его родины.

2) Историческая жизнь до петровской Руси распадается на два главныхъ отдѣла: *a*) періодъ удѣльно-вѣчевой и *b*) періодъ единодержавный. Въ первомъ періодѣ Россія дробится на мелкія части, что способствуетъ возникновенію повсемѣстной областной самостоятельности; во второмъ періодѣ народная жизнь собирается около одного центра и въ ней проявляется несравненно больше единства въ отношеніяхъ политическомъ и культурномъ. Соединительнымъ звеномъ обоихъ періодовъ служитъ татарское иго, во время котораго вновь народившаяся Москва въ союзѣ съ православною церковью возросла до степени первопрестольнаго града, а удѣльно-вѣчевой

---

1) Объ этомъ подробно см. нашу статью «Русское зодчество въ западной оцѣнкѣ» въ «Зодчемъ» за 1880 г.

2) См. его статью «L'art russe» въ Revue d'Art chretien. Tome IX.

3) Хотя этотъ «неизвѣстный» авторъ, теперь уже покойный, давно разоблаченъ, но, уважая право каждаго сохранять свое литературное incognito, мы оставляемъ за нимъ имя «неизвѣстнаго автора».

Digitized by Google

порядокъ послѣ долгой борьбы долженъ былъ уступить свое мѣсто единодержавному. Слабая и раздробленная Русь превратилась въ сильное и обширное Московское Государство, которое достигло во второй половинѣ XVII вѣка своего наибольшаго блеска и преобразовалось въ началѣ XVIII вѣка въ Россійскую Имперію, занявшую первенствующее положеніе въ восточной Европѣ.

3) Въ первое время своего существованія раздробленная и почти первобытная Русь не могла имѣть своего искусства въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ теперь, или какое существовало въ античной Греціи, въ Римѣ, въ готическую эпоху въ средней Европѣ и пр., и должна была заимствовать его вмѣстѣ съ вѣрою и началами цивилизаціи у первыхъ учителей своихъ — византійскихъ грековъ. Вслѣдствіе того, всѣ памятники удѣльно-вѣчевого періода отличаются или вполнѣ византійскимъ характеромъ или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ византійскую основу. Впрочемъ, ихъ византійскій характеръ не остается постояннымъ, но видоизмѣняется въ зависимости отъ мѣстныхъ вліяній.

4) Главными историческими центрами удѣльно-вѣчевой Руси были Кіевъ, Новгородъ и Суздаль, и въ каждомъ изъ нихъ архитектура принимаетъ свой особый оттѣнокъ. Кіевскіе памятники принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ, но они, къ сожалѣнію, или находятся въ состояніи полнаго разрушенія, каковы, напр., Золотыя ворота въ Кіевѣ, или же до того искажены позднѣйшими передѣлками и пристройками, что отъ прежняго ихъ вида почти ничего не осталось (Кіево-Софійскій соборъ). Впрочемъ, и всѣ тѣ многіе остатки, которые дошли до насъ, прямо показываютъ, что характеръ кіевской архитектуры былъ чисто византійскій или, пожалуй, характеръ той византійской архитектуры, которая господствовала въ Восточной Имперіи въ X и XI вѣкахъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самобытнаго національнаго искусства кіевскіе памятники имѣютъ весьма слабый интересъ, и то лишь какъ источникъ дальнѣйшаго развитія нашего зодчества.

5) Памятники Новгорода и Пскова сохранились лучше, но въ нихъ за исключеніемъ самыхъ древнихъ въ родѣ Святой Софіи или церкви Спаса въ Нередицахъ (XII в.) византійскій или греческій типъ не такъ уже чистъ; въ XIV вѣкѣ становится замѣтнымъ западное романское вліяніе, которое и составляетъ мѣстную особенность архитектуры на сѣверо-западѣ тогдашней Руси. Вліяніе это объясняется обширною торговлею, которую велъ Новгородъ съ Ганзою, и неопровержимо подтверждается, какъ сходствомъ нѣкоторыхъ деталей новгородскаго зодчества съ деталями романскихъ построекъ сѣверной Германіи, такъ и лѣтописными указаніями на нѣмецкихъ каменщиковъ, работавшихъ въ Новгородѣ. Оно признается всѣми

Digitized by Google

нашими изслѣдователями, работавшими надъ архитектурою Новгорода и Пскова.

6) Какъ въ Новгородѣ византійско-русская архитектура попадала подъ западно-романское вліяніе, такъ точно въ Суздальской области подверглась она также западному, но только уже, какъ увидимъ далѣе, не романскому, а *ломбардскому* вліянію, которое въ свою очередь составляетъ мѣстную особенность архитектуры на сѣверо-востокѣ Россіи. Владиміро-суздальскіе памятники, сохранившіеся несравненно лучше прочихъ, отличаются небывалымъ еще дотолѣ на Руси совершенствомъ зодчества и служатъ образцами первыхъ проблесковъ самостоятельнаго русскаго стиля.

7) Тѣ немногіе памятники, которые дошли до насъ отъ начала татарскаго владычества, свидѣтельствуютъ всѣ о крайнемъ упадкѣ зодчества въ эту эпоху, что, впрочемъ, становится вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что послѣ перваго татарскаго нашествія Россія представляла собою страну, покрытую развалинами городовъ и пожарищами деревень. Впрочемъ, это не относится къ Пскову и Новгороду, которые не знали ужасовъ татарскаго нашествія.

8) При первыхъ князьяхъ московскихъ строительная дѣятельность начинаетъ понемногу оживляться, хотя московское зодчество представляетъ собою на первыхъ порахъ какъ бы продолженіе новгородскаго и суздальскаго. Между тѣмъ западные сосѣди Москвы, Польша и Швеція, стараются все болѣе и болѣе уединить ее отъ Европы, и хотя онѣ этого окончательно не достигаютъ, ибо, напр., при Іоаннѣ III и Іоаннѣ Грозномъ происходятъ довольно дѣятельныя посольскія сношенія съ нѣкоторыми западными государствами, но тѣмъ не менѣе Московское Государство все болѣе и болѣе подчиняется вліянію Востока, что неизбѣжно отражается на его зодчествѣ. Съ помощью техническихъ познаній западныхъ зодчихъ и тѣхъ восточныхъ и византійскихъ художественныхъ элементовъ, которые были у нея подъ руками, а также и своихъ собственныхъ Московская Русь создаетъ ту своеобразную и причудливую архитектуру, которая извѣстна подъ названіемъ «московской». Этотъ московско-русскій стиль достигаетъ своего наибольшаго, хотя далеко неполнаго, развитія въ XVI и XVII вв. и представляетъ намъ образцы *самостоятельнаго русскаго искусства*. Лучшими его созданіями, безспорно, слѣдуетъ считать: по каменной архитектурѣ — церковь въ с. Дьяковѣ и соборъ Св. Василія Блаженнаго XVI в. и церкви XVII в. Грузинской Божіей Матери въ Китай-Городѣ въ Москвѣ и Троицы въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ, а по деревянной архитектурѣ — дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.

9) Въ самомъ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. въ московской архитектурѣ начинаетъ сильно чувствоваться новое вліяніе, вліяніе западное:

Digitized by Google

формы итальянскаго Возрожденія послѣдняго періода проникаютъ въ Россію, начинаютъ покрывать собою русскія зданія, образуя при этомъ весьма оригинальную и часто весьма гармоничную смѣсь мѣстныхъ строительныхъ пріемовъ со своеобразно передѣланными западными деталями.

Направленіе это было чрезвычайно плодотворно и оставило множество церквей, иногда весьма красивыхъ и самобытныхъ, разсѣянныхъ по всей Россіи. Изъ нихъ мы укажемъ на московскія церкви Успенья Пресвятыя Богородицы на Покровкѣ и Николы Большаго Креста на Ильинкѣ, колокольню Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ, и Строгановскую (Рождественскую) церковь Пресвятыя Богородицы въ Нижнемъ Новгородѣ. Стиль всѣхъ этихъ сооруженій не получилъ еще опредѣленнаго *имени* въ русской наукѣ, но его лучше всего назвать, какъ мы увидимъ ниже, «русскимъ Барокко».

10) Вслѣдъ за Петровскою реформою вся наружная и обрядовая сторона русской жизни теряетъ свой прежній обликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ временно замираетъ и наше народное зодчество, такъ что время существованія его обнимаетъ собою періодъ приблизительно въ 700 съ небольшимъ лѣтъ, т. е. съ концѣ X до начала XVIII вѣка.

Сообразно съ этимъ можно раздѣлить всю исторію нашего зодчества на два главныхъ отдѣла:

I. Византійское зодчество удѣльно-вѣчевой Руси.

II. Русское зодчество Московской Руси.

Первый отдѣлъ распадается на три части: *a*) архитектура въ Кіевѣ; *b*) въ Новгородѣ; *c*) въ Суздалѣ.

Во второмъ отдѣлѣ различаемъ двѣ части: *a*) московская архитектура; *b*) русскій Барокко.

Само собою разумѣется, что приблизительно тѣмъ же видоизмѣненіямъ слѣдуетъ и русская орнаментика, а, стало быть, и все русское искусство, за исключеніемъ иконописи.

Таковы выводы, къ которымъ пришла русская наука до появленія книги А. М. Павлинова.

Посмотримъ теперь, какъ онъ къ нимъ относится.

А. М. Павлиновъ отбрасываетъ старое общепринятое дѣленіе исторіи русскаго зодчества и взамѣнъ того даетъ свое, новое[1]). При этомъ онъ къ сожалѣнію, не указываетъ на тѣ причины, которыя вынуждаютъ его это дѣлать и въ силу которыхъ онъ, слѣдовательно, признаетъ старое дѣленіе

1) Правда, въ предисловіи онъ говоритъ: — «разсматривая взятый матеріалъ, придерживаемся нашей программы, опубликованной еще въ 1886 г.» но самой программы этой вторично не излагаетъ и такимъ образомъ лишаетъ возможности познакомиться съ нею безъ излишнихъ розысковъ.

Digitized by Google

неудовлетворительнымъ. Значитъ, намъ остается теперь только одно: оставить въ сторонѣ прежнее дѣленіе и разобрать то новое, которымъ замѣняется прежнее.

А. М. Павлиновъ все свое сочиненіе раздѣлилъ на пять слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Домонгольскій періодъ.
2) Монгольскій періодъ.
3) Періодъ процвѣтанія.
4) Деревянное зодчество.
5) О гражданскихъ сооруженіяхъ.

Насколько съ подобнымъ дѣленіемъ трудно согласиться, видно изъ слѣдующихъ соображеній:

Первыя два подраздѣленія сдѣланы на основаніи внѣшняго историческаго факта («вторженіе монголовъ»).

Третье — на основаніи внутренняго развитія искусства («процвѣтаніе»).

Четвертое — на основаніи свойствъ матеріала («дерево»).

И, наконецъ, пятое — на основаніи назначенія зданій («гражданскія» постройки).

И такъ въ *пяти* отдѣлахъ А. М. Павлинова мы видимъ *четыре* разныхъ основы для дѣленія: по времени, по внутреннему развитію, по матеріалу и назначенію. Отсюда ясно, что такого рода дѣленіе не правильно и не будетъ имѣть примѣненія въ дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ въ области русской архитектуры.

Убѣдившись такимъ образомъ въ неудобствѣ главныхъ дѣленій, предлагаемыхъ А. М. Павлиновымъ, разсмотримъ каждое изъ нихъ въ частности.

Начнемъ съ первыхъ двухъ рубрикъ и посмотримъ, возможно-ли вводить такіе періоды, какъ «домонгольскій» и «монгольскій».

Если-бы удѣльно-вѣчевая Русь представляла собою одно цѣлое, сплоченное и законченное на подобіе нынѣшней Россіи, то татарское нашествіе отразилось бы на ней и на ея искусствѣ повсюду одинаково. Но такъ какъ этого не было, и разныя части тогдашней Россіи были не только обоюдно независимы, но даже часто находились во взаимной враждѣ, то такого *общаго* значенія для судебъ ихъ искусства это событіе имѣть не могло. И что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ: первоначально въ концѣ X вѣка кіевская область воспринимаетъ каменное церковное зодчество отъ Византіи и передаетъ его въ слѣдующемъ вѣкѣ далѣе на сѣверъ — Новгороду. Затѣмъ еще вѣкъ спустя загорается на сѣверо-востокѣ Россіи «за лѣсами» новая жизнь, куда переносятся также формы вновь принятаго зодчества.

Digitized by Google

Когда возвысился Владиміръ, Кіевъ уже сказалъ свое послѣднее слово не только въ политическомъ отношеніи, но и въ смыслѣ монументальной строительной дѣятельности. Молодой Владиміръ созидаетъ свои великолѣпные храмы, которые могутъ поспорить съ лучшими романскими постройками Западной Европы. А что дѣлаетъ въ это время Кіевъ? Ничего, если не считать обычнаго удовлетворенія мелкихъ строительныхъ потребностей, которое не можетъ итти въ счетъ «исторіи» зодчества. Затѣмъ Новгородъ, пользуясь ослабленіемъ Кіева и отдаленностью (въ смыслѣ физическихъ препятствій) грознаго Владиміра, продолжаетъ развивать, хотя и на свой ладъ, строительные завѣты Кіева. Являются татары, и нашествіе ихъ отражается различнымъ образомъ не на «обще-русскомъ» зодчествѣ, котораго тогда еще не было, а на строительной дѣятельности указанныхъ выше центровъ русской государственной жизни. Кіевское зодчество было уже и безъ нихъ при послѣднемъ издыханіи, и они нанесли ему только послѣдній ударъ; владимірское — они убили въ самомъ блескѣ его начинавшагося разцвѣта; а новгородскаго — не коснулись вовсе, потому что Новгородъ и Псковъ отдѣлались отъ нихъ лишь легкою данью.

Послѣ гибели Кіева и Владиміра русская жизнь тлѣетъ въ Москвѣ сперва чуть замѣтнымъ огонькомъ, затѣмъ разгорается все ярче и ярче, обжигаетъ татаръ на Куликовомъ полѣ и наконецъ подъ стѣнами Казани и Астрахани пожираетъ въ своемъ пламени ихъ политическое преобладаніе.

Совершенно параллельно съ этимъ развивается и строительная дѣятельность Москвы. Робко и боязливо строитъ она свои первые крохотные храмы, но затѣмъ становится все сильнѣе и не стѣсняется наконецъ «кликнуть кличъ» и вызвать иноземныхъ зодчихъ, когда ея доморощенные мастера не въ силахъ были отвѣчать ея строительнымъ запросамъ.

Отсюда слѣдуетъ, что послѣ нашествія татаръ зодчества Кіева и Владиміра умираютъ окончательно; первое — своей естественной смертью, второе — насильственной; что новгородское зодчество продолжаетъ свою жизнь, какъ будто-бы никакихъ татаръ и небывало, и что въ Москвѣ нарождается совершенно новая строительная дѣятельность.

Ясно, значитъ, что татарское нашествіе было только внѣшнимъ толчкомъ, который перевернулъ русскую историческую жизнь, разрушивъ Кіевъ и Владиміръ, оставя въ покоѣ Новгородъ и давъ вырости Москвѣ, при чемъ въ двухъ изъ этихъ центровъ зодчество *умираетъ* окончательно, въ третьемъ спокойно *продолжаетъ* развиваться, а въ четвертомъ *нарождается* вновь.

Спрашивается, что-жь тутъ общаго во всѣхъ этихъ явленіяхъ? Какъ соединить ихъ въ одну общую рубрику подъ названіемъ «монгольскаго пе-

Digitized by Google

ріода»? Гдѣ-жь тутъ «общерусское» искусство, на которомъ могло бы повсюду настолько одинаково отозваться нашествіе Орды, чтобы образовать отдѣльный «монгольскій» періодъ.

Вѣдь, ни въ Кіевѣ, ни во Владимірѣ не только «монгольскаго», но *никакого* періода не было послѣ нашествія татаръ, потому что тамъ цѣлый вѣкъ ровно ничего не строилось.

Въ Новгородѣ же продолжается свой «новгородскій» періодъ, потому новгородцы продолжаютъ развивать свое прежнее зодчество, ничего «монгольскаго» не имѣвшее; наконецъ, въ Москвѣ народилось свое собственное зодчество «ранне-московскаго» періода, потому что «кочевники», татары и притомъ еще несомнѣнно «поганые» въ глазахъ москвичей на архитектуру «храмовъ Божіихъ», конечно, вліянія имѣть не могли[1]).

Значитъ весь этотъ «монгольскій» періодъ является чисто внѣшнимъ подраздѣленіемъ и врядъ-ли оправдывается какими-либо историческими или художественными соображеніями. Въ этомъ, впрочемъ, отчасти признается и самъ А. М. Павлиновъ, говоря (стр. 128) «что трудно провести рѣзкую границу между домонгольскимъ и монгольскимъ періодомъ». Оттого-то и трудно, прибавимъ мы отъ себя, что такихъ періодовъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и что они созданы искусственнымъ путемъ.

Итакъ отсутствіе «монгольскаго» періода въ нашемъ зодчествѣ нами уже доказано. Перейдемъ теперь къ «домонгольскому» періоду и посмотримъ не окажется ли удачнѣе это опредѣленіе.

Опредѣленіе «домонгольскій» періодъ непремѣнно предполагаетъ слѣдующій «монгольскій» періодъ, ибо если не было-бы второго, то, конечно, не было и перваго. Но ни въ кіевскомъ, ни во владимірскомъ зодчествѣ второго, т. е. монгольскаго, періода *не было*, потому что и самыя эти зодчества перестали существовать. Слѣдовательно, незачѣмъ было вводить для нихъ это неудобное подраздѣленіе, а нужно было оставить имъ ихъ собственныя наименованія.

Затѣмъ въ новгородскую архитектуру татарское нашествіе не внесло никакихъ перемѣнъ: она плавно и послѣдовательно продолжаетъ свою историческую жизнь, а, значитъ, никакого подраздѣленія въ ней, соотвѣтствующаго татарскому нашествію нѣтъ, и слѣдовательно дѣленіе, вводимое въ нее А. М. Павлиновымъ на два періода «домонгольскій» и «монгольскій», есть дѣленіе искусственное и притомъ совершенно безпочвенное.

Это немного свободное обращеніе съ историческими фактами ставитъ дальше автора въ совершенно невозможное положеніе: чтобы не выдумывать

---

1) Восточное вліяніе сказывается въ нашемъ искусствѣ главнымъ образомъ въ орнаментикѣ и кое-какихъ архитектурныхъ деталяхъ.

Digitized by Google

для новгородскаго зодчества еще третьяго періода «послѣ монгольскаго», такъ какъ зодчество это далеко пережило татарское иго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не относить этихъ позднѣйшихъ проявленій новгородской архитектуры къ періоду процвѣтанія, потому что они, подчинясь московскому вліянію, являли собою признаки упадка въ «новгородскомъ» смыслѣ, А. М. Павлиновъ разсматриваетъ въ «монгольскомъ» періодѣ псково-новгородскія постройки XVI и XVII вѣка (стр. 107, 108 и 109), т. е. того времени, когда ужь объ татарскомъ игѣ давнымъ давно никто и не думалъ. Это, конечно, свидѣтельствуетъ о неправильности основного дѣленія.

Перейдемъ теперь къ періоду «процвѣтанія». Періодъ этотъ А. М. Павлиновъ заимствовалъ, по всей вѣроятности, у Віолле-ле-Дюка съ тою только разницею, что Віолле-ле-Дюкъ, оставаясь строго логичнымъ, разсматриваетъ въ этомъ же отдѣлѣ крѣпостную и деревянную архитектуру, а А. М. Павлиновъ выводитъ ихъ въ отдѣльныя рубрики.

Начинаетъ онъ этотъ отдѣлъ постройкой Успенскаго и Архангельскаго соборовъ въ Москвѣ, а заканчиваетъ церквами Нарышкинской постройки и имъ подобными. Но теперь рождается вопросъ, насколько такое начало и такой конецъ соотвѣтствуютъ названію періода? Какъ извѣстно, соборы Успенскій и Архангельскій были построены итальянцами за *неимѣніемъ знающихъ свое дѣло русскихъ зодчихъ*. Спрашивается, возможно-ли отнести къ періоду «процвѣтанія» то время, когда въ странѣ не было даже порядочныхъ мастеровъ? Далѣе, — эпоху, начатую Нарышкинскими церквами, авторъ называетъ періодомъ «упадка», помѣщая ее въ то же время, какъ болѣе мелкій отдѣлъ въ періодѣ «процвѣтанія». Невольно рождается вопросъ какъ можно совмѣстить эти два попятія, взаимно исключающія другъ друга? Слѣдовательно, и это подраздѣленіе А. М. Павлинова не выдерживаетъ критики: періодъ «процвѣтанія», конечно, былъ въ русскомъ зодчествѣ, но далеко не въ тѣхъ предѣлахъ, которые указываетъ авторъ. Что же касается до отдѣла «деревянное зодчество», то мы уже указывали на неудобство выдѣлить извѣстную архитектурную группу по «матеріалу», когда всѣ другія выдѣлены на другихъ основаніяхъ. Здѣсь прибавимъ только то, что она не на мѣстѣ: самъ же А. М. Павлиновъ говоритъ постоянно о вліяніи деревянныхъ формъ на нашу каменную архитектуру, а знакомитъ съ ними читателя *послѣ* каменнаго зодчества, лишая его такимъ образомъ возможности провѣрить автора. Между тѣмъ, какъ неудобство это могло бы быть устранено простымъ перемѣщеніемъ.

Остается одинъ послѣдній отдѣлъ — «О гражданскихъ сооруженіяхъ». Мы уже указывали на нелогичность такого подраздѣленія по отношенію къ предыдущимъ. Помимо того, несомнѣнно, что «гражданское зодчество» существовало во всѣ три первыхъ періода и, слѣдовательно, его тамъ и

Digitized by Google

надо было разсматривать, или же, вынося его въ отдѣльную рубрику, озаглавить иначе предыдущіе періоды и дать понять читателю, что они относятся только къ «церковному» зодчеству. На это можно возразить, что о гражданскихъ сооруженіяхъ до XV—XVI столѣтія мы почти ничего не знаемъ.

Прекрасно, — въ такомъ случаѣ, нужно было оговорить это обстоятельство и разсмотрѣть «гражданское зодчество» какъ особый отдѣлъ въ періодѣ «процвѣтанія», т. е. въ томъ періодѣ, когда мы объ немъ кое-что знаемъ, какъ это и дѣлаетъ Віолле-ле-Дюкъ.

Отмѣтимъ еще ту особенность, что А. М. Павлиновъ въ отдѣлѣ «гражданскихъ» сооруженій вноситъ и отдѣлъ «укрѣпленій», забывая, что всегда, всюду и вездѣ архитектура раздѣляется на «церковную», «гражданскую» и «военную», и что задачи и цѣли послѣдней столько же противуположны второй, сколько вторая противуположна первой. А, значитъ, соединять ихъ въ одинъ отдѣлъ ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Въ наше время военная архитектура выдилась даже въ совершенно особою науку «фортификацію».

Чтобы сказалъ самъ А. М. Павлиновъ, если бы кто-нибудь вздумалъ теперь разсматривать въ трактатѣ объ современной гражданской архитектурѣ устройство «фортовъ», «брустверовъ», «траншей», «амбразуръ» и т. д.?

Разобравъ общія дѣленія А. М. Павлинова, перейдемъ теперь къ частностямъ его книги, начавъ, какъ и быть должно, съ кіевской архитектуры.

I.

Кіевскому искусству особенно посчастливилось въ нашей археологической наукѣ. По этому отдѣлу у насъ существуетъ цѣлая литература, посвященная какъ общимъ обозрѣніямъ, такъ и отдѣльнымъ памятникамъ. Въ числѣ первыхъ изъ нихъ надо указать во 1-хъ, на «Описаніе Кіева» Закревскаго, на «Обозрѣніе Кіева» Фундуклея и на «Кіевскую архитектуру» Лашкарева, а, во 2-хъ, на труды: Сементовскаго «Кіевъ, его святыни, древности и пр.», Захарченко «Кіевъ теперь и прежде» и П. Полеваго «Очерки Русской Исторіи въ памятникахъ быта» (часть II). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ монографій и статей. Таковы, напр., П. Г. Лебединцева «О св. Софіи Кіевской» въ трудахъ III Археологическаго Съѣзда, «Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—53 гг.» его-же (Кіевъ 1879 г.), «Кіево-Софійскій Соборъ» въ «Древностяхъ Россійскаго Государства», «Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской іерархіи» (Кіевъ 1825 г.), П. Г. Л. «Описаніе Кіево-Софійскаго каѳедральнаго Собора» (Кіевъ, 1882 г.), «Древности и символика

Digitized by Google

Кіево-Софійскаго Собора» (Кіевъ, 1880 г.), Н. Кондакова «О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго Собора» (СПБ. 1888 г.), Айналова и Рѣдина «Кіево-Софійскій Соборъ», — Изслѣдованіе древней мозаичной и фресковой живописи (СПБ. 1889 г.), «Описаніе Десятинной церкви въ Кіевѣ» (Кіевъ 1872 г.), Пр. П. Л. «Церковь Спаса на Берестовѣ въ Кіевѣ» (Кіевъ 1862 г.), П. Л. «Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь» (Кіевъ 1884 г.), П. Лашкарева «Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской лавры» (Кіевъ, 1883 г.), Его-же «Развалины церкви Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева» (Кіевъ 1879 г.), А. Прохорова «Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства» (Древности Т. XI) и его-же «Открытіе фресокъ Кіево-Кирилловской церкви XII вѣка, исполненное въ 1881 и 1882 гг.» (СПБ. 1883 г.) и, наконецъ, «Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи» за разные года и т. д., и т. д.

Кромѣ этого, у насъ есть не мало изслѣдованій, касающихся дальнѣйшаго продолженія и развѣтвленія кіевскаго зодчества въ Литвѣ и юго-западной Россіи, какъ, напр., Н. Н. Батюшкова «Бѣлоруссія и Литва» (СПБ. 1890 г.), «Волынь» его-же (СПБ. 1888 г.), Сементовскаго «Бѣлорусскія древности» (СПБ. 1890 г.), «Сборникъ памятниковъ русской народности и православіе на Волыни» (Житоміръ 1868), Карскаго «Православныя святыни города Вильны» (СПБ. 1893 г.), Н. Теодоровича «Городъ Владиміръ Волынской губ» (Житоміръ, 1868) и др.

Таково богатое наслѣдіе, доставшееся А. М. Павлинову. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, что сдѣлано имъ въ этой области.

Церквамъ кіевскаго типа онъ посвящаетъ 17 страницъ (6—23), потомъ переходитъ къ раннимъ новгородскимъ постройкамъ, на долю которыхъ выпадаетъ 15 стр. (23—38), затѣмъ распространяется объ церквахъ Витебска и Полоцка (стр. 38—55) и въ заключеніе прибавляетъ девять строкъ объ церквахъ Смоленска. Вотъ и все, что авторъ извлекъ изъ собственныхъ изслѣдованій и изъ выше приведенныхъ нами въ переченѣ литературныхъ источниковъ. Если же принять во вниманіе, что изъ первыхъ 17-ти страницъ девять (6—15) отведены спеціально Черниговскому собору, то оказывается, что на долю *всѣхъ* Кіевскихъ церквей со Св. Софіей во главѣ выпадаетъ всего 8 страницъ съ рисунками въ текстѣ [1]).

Далѣе, изъ указаннаго содержанія видно, что А. М. Павлиновъ касается только церквей Чернигова, Кіева, Витебска, Полоцка и Смоленска. А затѣмъ остаются незатронутыми православные храмы Волыни и Литвы, прямыя чада кіевскаго зодчества.

1) Впрочемъ, на стр. 29—30 онъ удѣляетъ еще 14 строчекъ кіевскимъ церквамъ XII вѣка.

Digitized by Google

Положимъ, на это можно возразить, что всякій авторъ можетъ писать свое сочиненіе въ какомъ угодно объемѣ и потому воленъ «для краткости» изложитъ въ очень сжатомъ видѣ очеркъ не только одного кіевскаго, но и всего русскаго зодчества и оставить въ сторонѣ по той же причинѣ всю Литву, Волынь и Галицкую Русь.

Но въ такомъ случаѣ врядъ-ли можно называть свое сочиненіе «Исторіей русской архитектуры». Если предлагаемое сочиненіе названо авторомъ «исторіей», то и требованія къ нему мы представляемъ, какъ къ «исторіи». Но подъ это понятіе очевидно не подходитъ сочиненіе, хотя-бы и весьма почтенное, въ которомъ, съ одной стороны, любопытнѣйшимъ памятникамъ древняго періода, имѣющимъ богатую научную литературу, отводится всего 8 страницъ, а съ другой, цѣлыя полосы этихъ памятниковъ даже не упоминаются.

Разберемъ теперь общіе пріемы и порядокъ изложенія, принятые авторомъ.

Вмѣсто того, чтобы сдѣлать сперва общій обзоръ памятниковъ кіевскаго зодчества и, указавъ время его существованія и географическіе предѣлы распространенія, начать подробное разсмотрѣніе памятниковъ въ хронологическомъ порядкѣ съ построекъ Владиміра Святого; затѣмъ разобрать Святую Софію и замѣчательнѣйшія кіевскія церкви, а послѣ этого перейти къ развѣтвленіямъ кіевскаго зодчества на сѣверъ, западъ и юго-западъ, А. М. Павлиновъ прямо начинаетъ свое изложеніе памятникомъ XI вѣка, Черниговскимъ соборомъ, которому и отдаетъ большую часть своего вниманія. Разобравъ его общія формы, А. М. Павлиновъ сообщаетъ длинный перечень тѣхъ поновленій и передѣлокъ, которымъ подвергся Черниговскій соборъ въ теченіе своего долгаго существованія, перечень необходимый въ «монографіи собора» и немного излишній въ «Исторіи русской архитектуры». Далѣе, предлагая свой собственный проэктъ реставраціи собора, А. М. Павлиновъ заканчиваетъ изложеніе ея слѣдующей фразой: «мнѣніе, которое было высказано въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ нѣсколько разъ, говоритъ онъ, что Черниговскій соборъ имѣетъ малоазійское происхожденіе. . . . мы считаемъ неубѣдительнымъ» (стр. 14).

Это — полемическій пріемъ, съ которымъ очень трудно согласиться: если авторъ считаетъ это мнѣніе «неубѣдительнымъ», то незачѣмъ было приводить его; а если оно приведено, то нужно съ нимъ считаться и *доказать* его несостоятельность, а не ограничиваться однимъ безаппеляціоннымъ приговоромъ.

Переходя затѣмъ къ Св. Софіи, А. М. Павлиновъ вкратцѣ повторяетъ объ этомъ, по его же собственнымъ словамъ, «самомъ замѣчательномъ

Digitized by Google

кіевскомъ храмѣ» все, что уже извѣстно въ нашей археологической литературѣ и утверждаетъ, что «теперь видъ храма такъ измѣнился, что по его наружнымъ формамъ нельзя составить себѣ понятіе о томъ, каковъ онъ былъ въ древности» (стр. 20).

Между тѣмъ покойнымъ профессоромъ Солнцевымъ былъ сдѣланъ проэктъ реставраціи Св. Софіи, чертежи котораго хранятся въ Императорской Археологической Коммиссіи, и одна часть котораго (восточный фасадъ) опубликована въ «Древностяхъ Россійскаго Государства». Затѣмъ профессоръ Лашкаревъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи «Кіевская Архитектура X—XII вѣка» самымъ точнымъ образомъ раздѣляетъ новыя и древнія части Св. Софіи. Наконецъ, самъ же А. М. Павлиновъ прилагаетъ на стр. 21-ой извѣстный рисунокъ XVII в., на которомъ Св. Софія изображена *безъ позднѣйшихъ прибавокъ*.

Слѣдовательно, высказанное имъ предположеніе не имѣетъ основанія.

Далѣе А. М. Павлиновъ разсматриваетъ новгородскія и полоцко-витебскія церкви, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, при разборѣ его изложенія новгородской архитектуры и отдѣльной статьи того-же автора «Древніе храмы Витебска и Полоцка». Теперь-же скажемъ нѣсколько заключительныхъ словъ объ кіевскомъ отдѣлѣ книги Г-на Павлинова.

Въ отдѣлѣ этомъ прежде всего бросается въ глаза неравномѣрное распредѣленіе имѣющагося въ нашей литературѣ матеріала: съ одной стороны, отводится очень много мѣста Черниговскому собору и мало интереснымъ церквамъ полоцкимъ и витебскимъ, а, съ другой стороны, поражаетъ недостаточность свѣдѣній о прочихъ произведеніяхъ кіевской архитектуры, среди которыхъ пропущены такія общеизвѣстные памятники, какъ, напр., Золотыя Ворота, Гробница Ярослава, Троицкая Надвратная церковь въ Лаврѣ, Великая Лаврская церковь и многіе др. Такое странное, повидимому, отношеніе объясняется тѣмъ, что А. М. Павлиновъ спеціально занимаясь Черниговскимъ соборомъ, о которомъ онъ и помѣстилъ статью въ «Зодчемъ» и выше упомянутыми витебскими и полоцкими церквами. Такимъ образомъ весь «кіевскій» отдѣлъ его исторіи представляетъ собою какъ-бы два извлеченія изъ двухъ его *личныхъ* спеціальныхъ работъ, соединенныхъ краткими свѣдѣніями, почерпнутыми въ нашей археологической литературѣ!

Основа слишкомъ «личная» для научнаго, историческаго изложенія, которое должно быть строго объективнымъ. Конечнымъ итогомъ такого отношенія является нѣкоторая невѣрность исторической картины, страдающей съ одной стороны излишними подробностями, а съ другой стороны такою недостаточностью свѣдѣній, что въ смыслѣ полноты ихъ гораздо выше этого отдѣла «исторіи русской архитектуры» стоитъ, напр., простой рефератъ профессора Лашкарева «Кіевская архитектура X—XII вѣка».

Digitized by Google

II.

Оставивъ пока въ сторонѣ, по выше изложеннымъ причинамъ, церкви Новгорода, Витебска и Полоцка, обратимся теперь къ владиміро-суздальскому отдѣлу.

Отдѣлъ этотъ былъ предметомъ весьма серьезнаго изученія нашихъ археологовъ и архитекторовъ.

Помимо перечисленныхъ уже А. М. Павлиновымъ мнѣній графа Уварова, Даля, Артлебена и Мансветова, помѣщенныхъ въ Трудахъ I-го Археологическаго Съѣзда и разсмотрѣнія его Віолле-ле-Дюкомъ, мы можемъ указать на описаніе храмовъ этого отдѣла, сдѣланное профессоромъ Голубинскимъ въ его «Исторіи Русской Церкви», (глава 5-ая, отд. II-ое «Архитектура церквей каменныхъ»), на чертежи по реставраціи Владимірскаго Успенскаго Собора, изданные архитекторомъ Карабутовымъ и, въ особенности, на превосходное изслѣдованіе покойнаго И. А. Артлебена «Общій обзоръ памятниковъ зодчества древней Суздальской области» (Владиміръ 1880 г.), удостоенное медали Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ и, повидимому, неизвѣстное А. М. Павлинову. Слѣдовательно, исторія «владиміро-суздальскаго» зодчества обслѣдована очень обстоятельно въ нашей ученой литературѣ, и потому мы вправѣ были ожидать отъ автора ясной, точной и вполнѣ опредѣленной картины развитія этого отдѣла русской архитектуры.

Къ сожалѣнію, въ изложеніи его замѣтна нѣкоторая непослѣдовательность и то же преобладаніе «личнаго» элемента, какое мы видѣли и въ кіевскомъ отдѣлѣ.

А. М. Павлиновъ перечисляетъ сперва церкви Св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ (самую позднѣйшую въ Суздальской области), Спаса въ Ефимьевомъ монастырѣ въ Суздалѣ и Дмитріевскій соборъ. Затѣмъ онъ разсматриваетъ болѣе подробно этотъ послѣдній памятникъ и его нынѣшній внѣшній видъ, переходитъ къ Владимірскому Успенскому собору, посвящая очень много времени полемикѣ по поводу его послѣдней реставраціи, и заканчиваетъ свой обзоръ, бросивъ два-три слова объ церкви Покрова на Нерли и оставивъ въ сторонѣ всѣ прочія церкви Суздальской области, упомянувъ однако, что ихъ дошло до насъ «до десяти» (стр. 56).

Въ этомъ изложеніи есть легкія погрѣшности и противъ исторіи, и противъ логичнаго развитія искусства. Историческая невѣрность заключается въ томъ, что А. М. Павлиновъ довѣрчиво повторяетъ показанія нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ и относитъ Георгіевскую церковь въ Юрьевѣ-Польскомъ къ 1152 году (стр. 56), тогда какъ она относится, какъ это неопровержимо доказалъ Артлебенъ (стр. 66) къ 1234, ибо въ

Digitized by Google

лѣтописи прямо сказано подъ 1230 г.: «Святославъ князь въ Юрьевѣ *руши* церковь Св. Юрія каменную, обветшала бѣ и поломалася, юже бѣ *создалъ дѣдъ его Юрій* Володиміричъ. . . . (П. С. Л. 1, 193) и нача Святославъ здати чуднѣйшу первыя. . . . совершли въ 1234 г. церковь въ Юрьевѣ Св. Великомученика Георгія и украси ю паче всѣхъ церквей, бѣ бо извну около всея церкви по каменю рѣзаные святые чудны вельми иже есть и до сего дне» (П. С. Л. VII. 37. 138).

Эта хронологическая ошибка роковымъ образомъ приводитъ автора къ противорѣчію въ ходѣ естественнаго развитія искусства, ибо онъ говоритъ сперва о соборѣ въ Юрьевѣ-Польскомъ (стр. 56), потомъ о Димитріевскомъ (стр. 57—59) и, наконецъ, упоминаетъ объ храмѣ на Нерли (стр. 68).

Если наиболѣе характерные памятники суздальской архитектуры расположить въ *вѣрномъ* хронологическомъ порядкѣ, то получится совершенно правильный подборъ не только въ историческомъ отношеніи, но и въ смыслѣ художественнаго развитія. Для этого надо: сперва поставить ц. Покрова на Нерли 1165 г., затѣмъ Димитріевскій соборъ 1197 года и, наконецъ, церковь Св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ 1234 года.

Этотъ рядъ памятниковъ представляетъ намъ такую художественную послѣдовательность: — на Нерли мы видимъ лишь *немного* обронныхъ украшеній, помѣщенныхъ вверху, подъ архивольтами наружныхъ арокъ; въ Димитріевскомъ Соборѣ эти обронныя украшенія заполняютъ собою всю верхнюю *половину* фасада, а въ Юрьевѣ-Польскомъ они покрываютъ собою уже *весь* фасадъ. Такимъ образомъ здѣсь является строго послѣдовательное развитіе зодчества: сперва памятники его отличаются умѣренностью украшеній, затѣмъ богатствомъ ихъ и, наконецъ, излишествомъ.

Совершенно аналогично съ тѣмъ, что дѣлается въ это время на западѣ въ романскомъ искусствѣ, и совершенно согласно тому закону, который можно прослѣдить въ исторіи любого зодчества, начиная съ Готики и кончая Возрожденіемъ.

Если же разсмотрѣнію этихъ церквей предпослать еще разсмотрѣніе древнѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ суздальскихъ храмовъ, Спасопреображенскаго собора въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (1152 г.), который совершенно оставленъ въ сторонѣ авторомъ, то получится полная картина постепеннаго развитія и зарожденія владиміро-суздальскаго зодчества, ибо Переяславскій соборъ по своему матеріалу, «бѣлому камню», примыкаетъ къ суздальскимъ постройкамъ, а по своимъ формамъ относится къ кіевскому типу и такимъ образомъ служитъ связующимъ звеномъ между кіевскою и владимірскою архитектурою.

Къ сожалѣнію ни съ чѣмъ подобнымъ А. М. Павлиновъ не считается.

Digitized by Google

Посвятивъ полъ страницы общему обзору владиміро-суздальскихъ храмовъ, онъ говоритъ: «разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ, не держась хронологическаго порядка ихъ сооруженія». И вслѣдъ затѣмъ обозрѣваетъ бѣгло Димитріевскій соборъ, очень долго останавливается на Успенскомъ соборѣ, главнымъ образомъ на его покрытіяхъ и, сдѣлавъ ссылку, буквально въ два слова, на чертежи церкви Покрова на Нерли (стр. 68), заканчиваетъ этимъ обзоръ храмовъ Суздальской области, оставляя читателя совершенно неудовлетворительнымъ.

И дѣйствительно, онъ можетъ вынести только довольно умѣренное представленіе объ суздальскихъ церквахъ, если ему сказать, что такихъ церквей дошло до насъ «до десяти», потомъ бѣгло познакомить его съ однимъ образцомъ — Димитріевскимъ соборомъ, затѣмъ ввести въ область совершенно чуждой ему полемики и на долго остановитъ его вниманіе на Успенскомъ соборѣ, который по своимъ формамъ является *исключеніемъ*, а не *общимъ типомъ* и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ заполнять собою трехъ четвертей того, что говорится обо *всѣхъ* суздальскихъ церквахъ.

Самъ же А. М. Павлиновъ говоритъ, что въ Успенскомъ соборѣ «первоначальный храмъ (Андреевой постройки) . . . . оказался какъ бы въ футлярѣ (Всеволодовой постройки)» (стр. 62).

Ясно, слѣдовательно, что зданіе такое не представляетъ собою ничего «цѣльнаго», а, слѣдовательно, и ничего «типичнаго»: очень можетъ быть, что первоначальный соборъ, построенный Андреемъ и былъ очень «типиченъ» для суздальской архитектуры, но онъ былъ полууничтоженъ уже въ XII вѣкѣ перестройками Всеволода, слѣдовательно утратилъ свою «типичность». Причина, по которой мы здѣсь снова видимъ ту же неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала, опять прежняя: слишкомъ «личное» отношеніе къ дѣлу. А. М. Павлиновъ, какъ извѣстно, разошелся во взглядахъ при реставраціи Владимірскаго собора съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ: онъ утверждалъ, что закомары надо перекрыть двускатыми крышами («по фронтонному» какъ онъ выражается), а московскіе археологи рѣшили, что надо покрыть ихъ и покрыли «по полукругамъ». А. М. Павлиновъ усиленно полемизировалъ съ ними въ «Зодчемъ», и «Русскомъ Художественномъ Архивѣ» и не утерпѣлъ, чтобы не перенести эту полемику въ свою «Исторію», гдѣ онъ всѣми силами старается доказать правоту «пофронтнныхъ» покрытій, забывая, впрочемъ, что вопросъ о покрытіи является такою мелочью сравнительно съ общимъ историческимъ ходомъ искусства, что выдвигать его на первое мѣсто ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

Для насъ лично несомнѣнно, что оба покрытія и «пофронтонное» и «по полукругомъ» существовали въ русскомъ зодчествѣ. Первое — при прямо-

Digitized by Google

линейныхъ деревянныхъ кровляхъ, а второе — при мягкихъ свинцовыхъ. Которая же изъ спорящихъ сторонъ права относительно Успенскаго собора, теперь рѣшить очень трудно, такъ какъ въ настоящее время всѣ слѣды стараго покрытія уже уничтожены (см. рис. 33). Рисунки же, прилагаемые А. М. Павлиновымъ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ (№№ 30, 31 и 32), конечно далеко не то, что натура. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и правъ.

Но вотъ, что наводитъ насъ на сомнѣніе: А. М. Павлиновъ утверждаетъ и на этотъ разъ ужь безо всякаго фактическаго основанія, что Димитріевскій соборъ и церковь Покрова были крыты «пофронтонно» (стр. 68). Предполагать онъ это, конечно, можетъ, но утверждать — ни въ какомъ случаѣ. Теперь слѣдовъ стараго покрытія нѣтъ никакихъ, и ихъ не замѣтили ни графъ Строгановъ, ни Артлебенъ. А кто же поручится, что первоначально эти церкви не были покрыты металломъ? По крайней мѣрѣ графъ Строгановъ прямо говоритъ: «наружные своды (закомары) церкви были покрыты оловомъ или желѣзомъ» (стр. 7).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что чертежъ пофронтонныхъ покрытій, данный А. М. Павлиновымъ для Димитріевскаго собора (№ 2) *не вѣренъ:* какъ-бы не были расположены коньки угловыхъ «пофронтовыхъ» покрытій, они непремѣнно пересѣкутся съ барабаномъ главы противъ серединъ оконъ, расположенныхъ по діагональнымъ діаметрамъ, а не такъ, какъ показано на рисункѣ.

Покончивъ съ обозрѣніемъ памятниковъ, авторъ излагаетъ существующіе взгляды на суздальскую архитектуру и приходитъ къ тому убѣжденію, что «всѣ изслѣдователи, по своему, правы» (стр. 72).

Конечный выводъ его тотъ, что «храмъ суздальскаго типа есть произведеніе, отмѣченное многими самостоятельными чертами» (къ сожалѣнію, неперечисленными) и что въ суздальской архитектурѣ «есть много такого, что изстари существовало на русской почвѣ . . . .» (стр. 75).

Выводъ вполнѣ справедливый, хотя и не новый, къ которому и пришелъ Артлебенъ, и на что мы тоже указывали въ свое время (см. «Зодчій» 1880, стр. 12).

Этимъ оканчивается у А. М. Павлинова разсмотрѣніе храмовъ въ частности, и онъ развиваетъ свой «домонгольскій періодъ» прибавленіемъ разныхъ свѣдѣній о крестахъ, объ алтарныхъ преградахъ (преимущественно по Филимонову и Стасову), «о призывѣ къ богослуженію» (по Казанцеву) и заканчиваетъ «общими выводами» объ этомъ періодѣ.

Относительно первыхъ замѣтимъ, что авторъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою: на стр. 87 онъ говоритъ, что «нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы придти къ какому-либо положи-

Digitized by Google

тельному выводу, касательно формы алтарныхъ преградъ въ древнѣйшихъ церквахъ, а страницею дальше пытается указать ихъ устройство.

Относительно второго можемъ сказать, что все излагаемое А. М. Павлиновымъ «по Казанцеву» совершенно вѣрно. Что-же касается до его предположенія, что съ XIV вѣка стали строить для колоколовъ «перси» или «перши», то онъ въ этомъ случаѣ ошибается ибо «перси» были принадлежностями крѣпостныхъ стѣнъ, а никакъ не колокольнями, въ чемъ мы сошлемся на такого спеціалиста, какъ Ласковскій (см. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, ч. I, стр. 116). Да и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Псковская лѣтопись говоритъ о «першахъ» и «колоколахъ», она выражается такъ: «Лѣта 6932 кончена бысть стѣна перси Кромскыи и поставиша на персѣхъ *колокольницю* и колокола повѣсиша . . . .» — Слѣдовательно, въ этомъ частномъ случаѣ колокола были повѣшены не на персяхъ, а на колокольницѣ, которая на нихъ стояла, какъ на независимой части городской стѣны!

Наконецъ, относительно третьихъ замѣтимъ, что предложеніе его раздѣлить всѣ церкви византійскаго періода на два типа «крестовый» и «кубическій» врядъ ли привьется въ русской наукѣ, потому что перваго типа (если ужъ его и допустить) наберется всего какихъ-нибудь три-пять церквей, слѣдовательно это не типъ, а исключеніе; а церквами второго типа, т. е. «кубическими» придется считать даже и такія, у которыхъ одна сторона *вдвое* болѣе другой (Благовѣщенья въ Витебскѣ, стр. 40) или ширина въ *полтора* раза больше высоты (Софія Новгородская, стр. 24).

III.

Мы уже указывали на всю неестественность раздѣленія новгородскаго зодчества на періоды домонгольскій и монгольскій и потому разберемъ здѣсь сразу всѣ группы псково-новгородскихъ памятниковъ.

Подобно другимъ отдѣламъ русскаго зодчества новгородско-псковская архитектура имѣетъ свою богатую литературу. Помимо указанныхъ уже общихъ трактатовъ, слѣдуетъ припомнить еще и многіе другіе: Архимандрита Макарія «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ». (Москва, 1860), графа М. Толстого «Святыни и древности Новгорода» (Москва 1862) и тоже «Псковъ» (Москва 1861), П. Соловьева «Новгородскій Софійскій соборъ», Князева «Историко-статистическое описаніе Псковскаго Каѳедральнаго Троицкаго Собора» (Псковъ 1858), Яхонтова «Городъ Псковъ и его окрестности» (СПБ. 1886), Евлентьева «Археологическая записка о Поганкиныхъ» (Псковъ

Digitized by Google

1870), Алексѣева «Краткое описаніе Новгородскаго Юрьевскаго Монастыря» (Новгородъ 1875), М. Погодина «Псковъ» (Псковъ 1881), Преосвященнаго Павла «Лѣтописное разъясненіе о Владычныхъ Палатахъ во Псковѣ» (Псковъ 1881), Годовикова «Описаніе и изображеніе древностей Псковской губ.» (Псковъ 1880), Костомарова «Сѣверно-русскія народоправства», Никитскаго «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода» (Москва 1893), его-же «Очеркъ внутренней исторіи Пскова» (СПБ. 1873), Мансветова «Церковно-строительная дѣятельность въ Новгородѣ» (Древности, Т. VI), Суслова «Матеріалы къ исторіи древней новгородско-псковской архитектуры (СПБ. 1888) и мн. др.

Это значительное количество источниковъ прямо показываетъ, что большинство черновой работы было уже сдѣлано и что оставалась только провѣрить и обобщить, а это, конечно, значительно должно было облегчить трудъ историка.

А. М. Павлиновъ начинаетъ обзоръ новгородскаго зодчества со Св. Софіи (XI в.) и древняго храма Антоніева монастыря (XII в.) и приходитъ къ тому заключенію, что «въ XII вѣкѣ церкви строились по тому же типу, какъ и церкви XI вѣка» (стр. 26). А какъ строились церкви XI вѣка, онъ это заключаетъ по Св. Софіи, при чемъ разбираетъ этотъ памятникъ и нѣсколько смѣло утверждаетъ, что для реставраціи его «надо отбросить всѣ позднѣйшія пристройки, замѣнить новое покрытіе главъ византійскимъ и сдѣлать покрытіе крышъ по аркамъ, тогда, добавляетъ онъ, получится храмъ византійскаго кубическаго типа, подобный Черниговскому собору» (стр. 25).

Но здѣсь оказало плохую услугу А. М. Павлинову, во 1-хъ, слѣпое довѣріе къ тому, что было сдѣлано до него въ этой области, а во 2-хъ, больше всего, желаніе подогнать, во чтобы то ни стало, всѣ памятники подъ выдуманный и излюбленный имъ «кубическій» типъ. Изъ самыхъ точныхъ обслѣдованій собора, сдѣланныхъ Г-мъ Сусловымъ при производящемся нынѣ ремонтѣ, оказывается, что *объемъ* и *планъ* его былъ первоначально точно такой же, какъ и теперь, и что *новыя* части стоятъ на *древнихъ* фундаментахъ и слѣдовательно являются *не позднѣйшими пристройками*, а простыми ремонтными *замѣненіями* ветхихъ частей[1]).

Значитъ, «отбрасывать» въ немъ ничего нельзя, и все сказанное А. М. Павлиновымъ не достаточно обосновано. На это можно возразить въ оправданіе автора, что онъ могъ этого не знать, потому что отчетъ Г-на Суслова появился послѣ его книги. Пусть будетъ такъ, но въ такомъ

1) См. его «Краткое изложеніе изслѣдованій Новгородскаго Софійскаго собора» стр. 11 и планы (СПБ. 1894).

Digitized by Google

случаѣ ему надо было или провѣрить на самомъ памятникѣ предположенія его предшественниковъ, или же сдѣлать ссылку на тѣ изслѣдованія, на которыя онъ опирался въ данномъ случаѣ. А такъ какъ все выше приведенное онъ говоритъ отъ *своего* лица, то на него и падаетъ *вполнѣ справедливо* полная отвѣтственность.

Приводимая затѣмъ легенда объ рукѣ Спасителя является совершенно излишней въ исторіи архитектуры, особенно, если принять во вниманіе, что авторъ не считаетъ нужнымъ говорить объ интереснѣйшихъ Нередицкихъ фрескахъ, отсылая «къ сочиненію Г-на Покровскаго любознательнаго читателя» (стр. 28).

Объ церкви Спаса въ Нередицахъ онъ буквально говоритъ два слова, прибавляя отъ себя, что «*въ настоящее время* она *не имѣетъ* башни-лѣстницы, ведущей на хоры» (стр. 28). Но, замѣтимъ мы по этому поводу, такой башни никогда не было, и ее никто никогда не предполагалъ, ибо для всхода на хоры съ самаго начала существованія церкви и до нашего времени служила и служитъ каменная лѣстница, устроенная въ толщѣ западной стѣны.

Относительно же того, что А. М. Павлиновъ удѣлилъ такъ мало вниманія Нередицкой церкви, можно только пожалѣть: это едва-ли не единственный изъ Новгородскихъ памятниковъ, удержавшихъ до такой степени чистоту византійскаго типа.

Всѣ перечисленные памятники А. М. Павлиновъ называетъ «кіевскимъ видомъ церквей» (стр. 29) на томъ основаніи, что «Кіевъ былъ городомъ, гдѣ началось христіанство», но мы полагаемъ, что это названіе невѣрно вдвойнѣ: во 1-хъ, быть можетъ, первоначально эти церкви и были очень похожи на настоящія кіевскія, но теперь, благодаря цѣлому ряду новыхъ слоеній, онѣ приняли такой мѣстный оттѣнокъ, что, напр., назвать Св. Софію Новгородскую церковью «кіевскаго вида» совсѣмъ не возможно. Во 2-хъ, Кіевъ этого вида не выработалъ, а принялъ его цѣликомъ отъ Византіи. Слѣдовательно, спеціально «кіевскаго» въ этихъ церквахъ ничего нѣтъ, а потому если ужь и называть ихъ какимъ-нибудь общимъ именемъ, то только «русско-византійскими».

Сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ объ кіевскихъ церквахъ XII в. (стр. 30), А. М. Павлиновъ переходитъ къ разсмотрѣнію церкви Мирожскаго монастыря во Псковѣ и сообщаетъ многое изъ того, что было открыто въ этомъ храмѣ и опубликовано въ 1888 году Г-мъ Сусловымъ, но не указываетъ при этомъ источника, а органичивается лишь коротенькой выноской по поводу покрытія, говоря, что «академикъ Сусловъ, *тоже изслѣдовавшій* соборъ на мѣстѣ, полагаетъ, что главный крестъ Мирожскаго монастыря имѣлъ круглыя покрытія».

Digitized by Google

Въ «монгольскомъ» періодѣ новгородскаго зодчества А. М. Павлиновъ разсматриваетъ псково-новгородскія церкви XIII—XVII вв. Наилучшими и наиболѣе типичными онъ признаетъ храмы XIV—XV в. (стр. 107). Храмы же XIII вѣка, по его мнѣнію, представляютъ собою «сколокъ съ церквей XII вѣка» (стр. 103).

Заимствуя въ этомъ отдѣлѣ всѣ рисунки у Прохорова, авторъ въ изложеніи довольно близко придерживается его, хотя и дѣлаетъ нѣкоторыя добавленія изъ Суслова и др., такъ что здѣсь, собственно, читатель мало найдетъ новаго. Наоборотъ, нѣкоторые отдѣлы, какъ, напр., внутреннія и внѣшнія детали, у него разработаны гораздо слабѣе, чѣмъ, напр., у Суслова.

Кромѣ того, ставя нѣкоторые вопросы, онъ даже и не пытается ихъ разрѣшить, а прямо оставляетъ «открытыми», напр., вопросъ объ «нѣмецкомъ вліяніи» (стр. 106) или вопросъ объ слѣпыхъ западныхъ главахъ (стр. 99).

Наконецъ, съ нѣкоторыми положеніями его довольно трудно согласиться; такъ напр., онъ утверждаетъ (стр. 107), что голосники мѣшали живописи. А церкви Ростова Великаго, возразимъ мы на это: развѣ тамъ нѣтъ голосниковъ, а между тѣмъ онѣ росписаны сверху до низу? А, наконецъ, Св. Софія Новгородская?

Затѣмъ и здѣсь онъ не отступаетъ отъ своего обычнаго пріема и не указываетъ литературныхъ первоисточниковъ. Напр., онъ не оговаривается, что пріемъ уступчатыхъ арокъ (стр. 107) былъ уже указанъ Сусловымъ, что щипцовая реставрація аркадъ, звоницъ и колокольницъ была первоначально открыта Горностаевымъ, что первое и прекрасное изслѣдованіе Липенской церкви было сдѣлано и опубликовано Филимоновымъ и т. д.

Заканчивается этотъ отдѣлъ у А. М. Павлинова нѣсколькими словами объ «московскомъ вліяніи» появляющемся, замѣтимъ между прочимъ, въ «монгольскомъ» періодѣ, и коротенькимъ описаніемъ звоницъ и колокольницъ.

По этому послѣднему поводу мы можемъ сдѣлать два замѣчанія: во 1-хъ, А. М. Павлиновъ считаетъ, повидимому, колокольницу Св. Софіи «цѣлымъ зданіемъ» построеннымъ одновременно во всѣхъ частяхъ (стр. 110), тогда какъ она состоитъ изъ двухъ *разновременныхъ* частей: — древней задней бутовой стѣны, поддерживающей аркаду, и болѣе новой передней, кирпичной, поддерживающей террасу.

Во 2-хъ, онъ всякую арочную колокольню безразлично называетъ «звоницею», тогда какъ обыкновенно звоницей называютъ лишь такія, которыя поставлены на стѣнѣ церкви. Отдѣльно же стоящія называются «колокольницами». Въ доказательство этого сошлемся на то мѣсто Псков-

Digitized by Google

ской лѣтописи, которое мы приводили по поводу слова «перши», а также и на то обстоятельство, что Софійская «звоница» (по Павлинову) называется въ лѣтописяхъ «колокольницею».

Въ общемъ картина псково-новгородскаго зодчества получается довольно блѣдная и немного невѣрная.

IV.

Ранне-московское зодчество изложено у А. М. Павлинова довольно кратко. Онъ перечисляетъ сначала тѣ первые московскіе храмы, которые до насъ не дошли и затѣмъ указываетъ на тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли до настоящаго времени: Спасъ на Бору и Св. Лазаря въ Москвѣ, Звенигородскій соборъ, соборъ Саввина монастыря и старый соборъ Троицкой Лавры, но рисунокъ прилагаетъ всего *одинъ* — Звенигородскаго собора (№ 53).

Такимъ образомъ читатель рѣшительно не имѣетъ возможности хотя сколько-нибудь познакомиться съ этими «единственными» и, слѣдовательно, любопытнѣйшими постройками ранне-московскаго зодчества; изъ текста же ему этого никакъ не удастся сдѣлать, ибо авторъ все время ведетъ его такъ, какъ будто его читателю безусловно знакомы всѣ тѣ памятники, о которыхъ идетъ рѣчь. Этотъ недостатокъ рисунковъ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и самые памятники перечислены далеко *не всѣ:* а соборъ въ Волоколамскѣ (1430 г.), а храмъ Можайскаго Лужецкаго монастыря (нач. XV в.) съ любопытнѣйшими готическими деталями на абсидахъ, а остатки стараго собора, задѣланные въ стѣны новаго въ Можайскѣ, а церковь въ селѣ Городищѣ подъ Коломной? Отчего все это не вошло въ исторію А. М. Павлинова? Положимъ, на это можно возразить, что перечисленіе *всѣхъ* памятниковъ не возможно ни въ какой исторіи. Безспорно, отвѣтимъ мы, если только этихъ памятниковъ цѣлые десятки; но если такихъ памятниковъ на перечетъ, то безспорно они *всѣ* должны имѣть мѣсто въ исторіи архитектуры.

Мало того, приведенные А. М. Павлиновымъ соборы (Звенигородскій и Саввинъ) имѣютъ важныя детали, какъ, напр., детали разныхъ поясовъ по серединѣ фасадовъ, которыя въ свое время были прекрасно разработаны покойнымъ Далемъ въ «Зодчемъ». Отчего же они не выяснены совершенно въ этой «Исторіи Русской Архитектуры»? Одного упоминанія объ нихъ (стр. 116) совершенно недостаточно, а одинъ рисунокъ 53-ій по своей крайней неудовлетворительности въ этомъ отношеніи не даетъ никакого понятія.

Digitized by Google

Что же касается до приведенной миніатюры конца XIV вѣка, то при всемъ желаніи признать сходство изображенныхъ на ней луковичныхъ главъ съ главой Звенигородскаго собора мы этого сдѣлать не можемъ уже по тому одному, что въ Звенигородскомъ соборѣ діаметръ луковицы равенъ діаметру шеи, а въ миніатюрѣ онъ шире.

Да и вообще эта параллель кажется странной: вѣдь самъ же авторъ повторяетъ за другими, что глава передѣлана, такъ что жь ее сравнивать съ миніатюрами XIV вѣка?

Затѣмъ мы пойдемъ еще далѣе: если А. М. Павлиновъ задался цѣлью написать исторію «русской» архитектуры почему же тогда въ своемъ «монгольскомъ» періодѣ онъ говоритъ только объ Москвѣ и Псково-Новгородскомъ братствѣ. Почему же онъ упорно молчитъ объ другихъ частяхъ Россіи, напр., объ Нижнемъ Новгородѣ или Твери? Вѣдь въ Нижнемъ есть очень замѣчательный соборъ этой эпохи, который былъ подробно разобранъ тѣмъ-же незабвеннымъ Далемъ[1]).

А въ Твери уже въ 1285 и 1323 гг., т. е. при татарахъ, но ранѣе первыхъ церквей московскихъ, были построены двѣ каменныя церкви, Спаса и Св. Ѳеодора. Затѣмъ въ той же Тверской области, въ Микулиномъ-Городищѣ была построена въ 1398 г. каменная церковь, которая не только уцѣлѣла и до нынѣ, но недавно была даже реставрирована съ покрытіемъ «по сводамъ», при чемъ *никакихъ слѣдовъ* «пофронтоннаго» покрытія *не было* найдено.

Вотъ если бы А. М. Павлиновъ привелъ рисунки всѣхъ этихъ церквей, да попытался бы найти въ нихъ хоть *единый* слѣдъ монгольскаго вліянія, тогда, быть можетъ, онъ и не сталъ бы вводить такихъ періодовъ какъ «монгольскій».

Послѣ краткаго очерка московской Ризположенской церкви онъ заканчиваетъ свой «монгольскій» періодъ Благовѣщенскимъ соборомъ, которому отводитъ, опять таки подъ вліяніемъ личнаго знакомства съ памятникомъ (участіе въ реставраціи стр. 120), ровно *вдвое* больше мѣста, чѣмъ всѣмъ остальнымъ церквамъ.

Исторія построенія храма изложена у него довольно вѣрно, но тѣмъ не менѣе нельзя согласиться съ нѣкоторыми изъ его заключеній, а равно и съ предлагаемымъ проэктомъ реставраціи. Во 1-хъ, прилагаемый имъ разрѣзъ (черт. 56) не вѣренъ: храмъ стоитъ на подклѣтѣ, котораго на разрѣзѣ нѣтъ. Во 2-хъ, утвержденіе его, что Иванъ III приказалъ снести *до основанія* (стр. 119) храмъ, построенный Василіемъ Димитріевичемъ, не вѣрно, также: если бы А. М. Павлиновъ изучилъ подклѣтъ собора и

1) См. «Зодчій» 1872 и 1873 г.

Digitized by Google

въ особенности приложилъ бы *планъ подклѣта*, то онъ увидалъ бы, вѣроятно, что верхніе пилоны храма Ивановой постройки прорѣзываютъ своды подклѣта, среднія поперечныя стѣны котораго не служатъ продолженіями верхнихъ стѣнъ[1]); слѣдовательно несомнѣнно, что существующій подклѣтъ — древней, Василіевой постройки[2]).

Въ 3-хъ, все сказанное объ иконостасахъ придѣловъ (стр. 124) не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и получаетъ смыслъ только тогда, если XIV и XV вѣка замѣнить XV и XVI, ибо нынѣ существующій соборъ начатъ постройкою лишь въ 1484 году, т. е. въ концѣ XV вѣка.

Въ 4-хъ, аркады, которыя мы видимъ на шеяхъ главѣ (а не «на главахъ») и въ поясѣ, составляютъ принадлежность только владиміро-суздальскаго зодчества и въ *настоящемъ* псково-новгородскомъ не встрѣчаются, вопреки утвержденію А. М. Павлинова (стр. 125).

Въ 5-хъ, реставрація, имъ предлагаемая, можетъ быть оспариваема (черт. 58), ибо нижнія подклѣтныя части галлерей несомнѣнно одновременны съ верхними частями, а потому нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы соборъ стоялъ *на террасѣ*: вѣрнѣе онъ стоялъ на подклѣтѣ той-же ширины и длины, какъ и у самого храма. Кромѣ того, на реставрированномъ фасадѣ нѣтъ *ни одного* окна, чего никогда не бывало; оно могло быть на мѣстѣ нынѣшней западной наружной двери на хоры, если въ другомъ мѣстѣ не оказалось его слѣдовъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти невѣрности, А. М. Павлиновъ сообщаетъ объ соборѣ многія, очень интересныя свѣдѣнія: напр., о тайникахъ, объ прежнемъ положеніи иконостаса и объ стѣнкахъ на хорахъ.

Въ заключеніе «монгольскаго» періода онъ приводитъ перечень тѣхъ формъ, которыя выработались въ теченіе этого времени, т. е. появленіе главъ въ видѣ умѣренныхъ луковицъ, арокъ съ остріемъ, колонокъ съ «бусами» (?) и кокошниковъ.

V.

Періодъ процвѣтанія Г-нъ Павлиновъ начинаетъ Успенскимъ соборомъ въ Москвѣ, исторія построенія котораго прекрасно изложена въ нашихъ лѣтописяхъ и, кромѣ того, въ текстѣ, приложенномъ къ «Памятникамъ московской древности» Ив. Снегирева (Москва 1845 г.) и въ особенности у Рихтера въ «Памятникахъ древнерусскаго зодчества» (Москва

1) Фундаменты его стѣнъ стоятъ прямо *на материкѣ*, какъ я лично успѣлъ убѣдиться при раскопкахъ князя Щербатова въ 1894 году.

2) Тоже утверждалъ и Снегиревъ въ «Памятникахъ московскихъ древностей» еще въ сороковыхъ годахъ.

Digitized by Google

1850 г.), такъ что памятникъ этотъ обслѣдованъ у насъ очень основательно. А. М. Павлиновъ даетъ его планъ и разрѣзъ и бѣгло описываетъ то и другое. При этомъ замѣчаются у него слѣдующіе недочеты: исторія построенія собора, полная любопытнѣйшихъ техническихъ подробностей, сообщаемыхъ лѣтописью, опущена у него совершенно. Личность Аристотеля, этого перваго учителя русскихъ въ области техники послѣ татарскаго разгрома, не выяснена совершенно. Равнымъ образомъ не указаны тѣ архитектурные пріемы, которые были имъ введены впервые и которые такъ привились въ русскомъ зодчествѣ XVII вѣка. А между тѣмъ этой личностью стоило бы заняться. Помимо того, что напечатано объ немъ на русскомъ языкѣ, есть очень интересныя изслѣдованія и на итальянскомъ языкѣ, напр., Carlo Malagola — «Del trasporto delle torre di Santa Maria del Tempio in Bologna» (Bologna 1874) или Luca Beltrami — «Aristotele da Bologna al servizio de Duca di Milano» (Milana 1888) и въ особенности того-же Malagola — «Delle cose operate in Mosca da Aristotele Fioravanti» (Modena 1877) съ библіографіей со множествомъ наименованій! Очень жаль, что все это осталось незатронутымъ авторомъ. Останавливается онъ, разумѣется, на своемъ излюбленномъ конькѣ — «пофронтонномъ покрытіи», которое будто-бы было и на Успенскомъ соборѣ.

Относилельно этого мы можемъ прибавить на основаніи *личнаго* осмотра, что все сказанное имъ объ нынѣшнемъ состояніи чердака собора и старыхъ слѣдовъ вѣрно. Но вотъ только въ чемъ онъ противорѣчитъ самъ себѣ: на стр. 133 онъ говоритъ, что «наружные полукруги сдѣланы выше сводовъ и возвышаются теперь надъ старой опущенной крышей» и тутъ же прилагаетъ разрѣзъ, у котораго эти полукруги показаны на *одномъ* уровнѣ со сводами въ пятахъ и *ниже* ихъ *шалыги*! Слѣдовательно, или текстъ, или чертежъ *невѣренъ*, чего, конечно, въ серьезномъ научномъ изслѣдованіи допускать нежелательно.

Техническія подробности объ исполненіи стѣнописи въ XVII вѣкѣ совершенно не нужны, особенно если принять во вниманіе, что разсмотрѣніе самой стѣнописи выпущено вовсе, а всѣ строительные пріемы, которые, конечно, гораздо умѣстнѣе въ исторіи «архитектуры», не упомянуты совсѣмъ!

За Успенскимъ соборомъ слѣдуетъ такое же бѣглое описаніе Архангельскаго собора, при чемъ объ строителѣ его Алевизѣ Фрязинѣ, игравшемъ столь значительную роль въ нашемъ зодчествѣ, сказано всего два слова. Въ очеркѣ собора пропущено его коренное значеніе для насъ, русскихъ, и не сказано даже, что онъ служитъ усыпальницею русскихъ Царей и Великихъ Князей.

Въ предложенномъ А. М. Павлиновымъ въ видѣ эскизнаго рисуночка (№ 65) проэктѣ реставраціи сдѣланы двѣ ошибки:

Digitized by Google

Въ 1-хъ, *оставлено* большое нижнее восточное (лѣвое по фасаду) окно XVII в.; а во 2-хъ, антаблементъ надъ пилястрами перваго яруса показанъ въ видѣ широкаго гладкаго пояса. Между тѣмъ какъ въ такой видъ онъ приведенъ позднѣйшими передѣлками и изуродованіемъ храма. Первоначально онъ состоялъ, какъ и верхній антаблементъ, изъ архитрава, фриза и карниза.

Иныхъ итальянскихъ зодчихъ кромѣ Алевиза и Аристотеля А. М. Павлиновъ не упоминаетъ, а между тѣмъ у насъ ихъ работала цѣлая плеяда[1]).

Ихъ имена и дѣятельность неоднократно были предметомъ научныхъ изысканій въ нашей археологической и исторической литературѣ, напр., у Карамзина, у Ласковскаго, и вышеприведеннаго «неизвѣстнаго» автора, писавшаго противъ Віолле-ле-Дюка, и у многихъ другихъ. Наконецъ, ихъ роль и значеніе въ исторіи русскаго зодчества прекрасно выяснены И. Е. Забѣлинымъ въ его превосходнѣйшемъ изслѣдованіи «Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ» (Древняя и Новая Россія 1872 года). Очень жаль, что все это почти *ничѣмъ* не отразилось въ трудѣ А. М. Павлинова, и что читатель почти ничего не можетъ изъ нея узнать объ нашихъ итальянцахъ строителяхъ.

Давъ понятіе объ церкви Чуда-Архангела Михаила, А. М. Павлиновъ переходитъ къ церквамъ другого вида, не имѣющимъ ничего общаго со всѣми выше разсмотрѣнными, какъ выражается онъ на стр. 138-ой, но къ сожалѣнію, никакой характеристики этихъ церквей не дѣлаетъ и прямо приводитъ, какъ примѣръ ихъ, церковь въ с. Коломенскомъ. А между тѣмъ такая характеристика безусловно необходима: съ этого времени появляется въ нашемъ каменномъ зодчествѣ самый красивый и вполнѣ русскій типъ «шатровыхъ» церквей. Типъ этотъ, какъ извѣстно, сыгралъ въ исторіи нашего зодчества громадную роль и имѣетъ свою исторію.

Съ этого же времени начинается у насъ вліяніе деревянной архитектуры: едва-ли не три четверти нашихъ храмовъ XVI и XVII столѣтій составляютъ продолженіе выработанныхъ ею типовъ. Оно было неоднократно разбираемо въ нашей литературѣ, см., напр., Труды V Археологическаго Съѣзда или у Забѣлина («Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ») и дало также отголосокъ въ французской литературѣ (см. ст. Bouhon въ «Architecte» отъ 1-го февраля 1891 года).

У А. М. Павлинова же вліяніе это является чѣмъ-то нѣсколько бездоказательнымъ, въ чемъ читатель долженъ вѣрить ему на слово.

Объ Коломенскомъ храмѣ, этомъ замѣчательнѣйшимъ памятникѣ древнерусскаго зодчества, изъ «Исторіи» А. М. Павлинова можно вынести лишь

1) Впрочемъ, на стр. 247 онъ упоминаетъ еще Марко Руфа, Петра Антонія и Петра Фрязина (стр. 260).

Digitized by Google

неясное представленіе. Приложенный рисунокъ храма немного неудовлетворителенъ (№ 68). При планѣ не приложенъ масштабъ, такъ что читатель лишенъ какой-бы судить объ размѣрахъ храма, между тѣмъ какъ его огромная высота является одной изъ причинъ производимаго имъ великолѣпнаго впечатлѣнія. Между тѣмъ А. М. Павлиновъ не хочетъ даже помочь читателю хоть нѣсколько уяснить себѣ впечатлѣніе, производимое этимъ превосходнымъ памятникомъ, цитированіемъ извѣстнаго выраженія восхищеннаго лѣтописца — современника: «бѣ-же та церковь вельми чудна высотою и свѣтлостью».

При чертежахъ пропущенъ разрѣзъ, а потому остается неизвѣстнымъ устройство восьмигранаго шатра и «коническихъ парусовъ», являющихся едва-ли не впервые въ этомъ храмѣ. Кромѣ того, А. М. Павлиновъ умалчиваетъ, что шатеръ на храмѣ «каменный», что въ высшей степени важно.

Затѣмъ вполнѣ справедливыя замѣчанія его объ итальянскихъ деталяхъ являются «голословными», потому что онъ не приложилъ *ни одной* изъ нихъ, а на рисункѣ разобрать ничего нельзя.

Описаніе церкви села Дьякова болѣе подробно, нежели Коломенской, но, къ сожалѣнію, также неудовлетворительные рисунки и здѣсь портятъ дѣло. Что же касается до дѣлаемаго авторомъ отдѣленія древнихъ и новыхъ частей, то все это было уже сказанно у Рихтера и его научнаго достоянія не составляетъ. Но за то у него есть нѣсколько пробѣловъ, которые мы не можемъ пройти молчаніемъ.

Во 1-хъ, А. М. Павлиновъ выводитъ формы этой церкви изъ архитектуры деревянной и не указываетъ того обстоятельства, что въ ней *нѣтъ* «подклѣта», составляющаго почти *непремѣнную принадлежность* всякой деревянной церкви.

Во 2-хъ, онъ умалчиваетъ объ происхожденіи внутренняго перехода (рис. 71) съ помощью арочнаго карниза и довольствуется словами: «внутри сдѣланъ переходъ рядами выступающихъ кирпичей, который съуживаетъ всю башню и подготовляетъ основаніе для болѣе узкой шеи главы» (стр. 141—142), хотя переходъ этотъ тоже изъ деревянной архитектуры выводить нельзя.

А дѣло между тѣмъ объясняется очень просто. Такого рода арочные карнизы составляютъ необходимую принадлежность европейской средневѣковой крѣпостной архитектуры, и историческій путь, съ помощью котораго они образовались, давно ужь объясненъ въ западной наукѣ (см., напр., у Viollet-le-Duc'a «Dictionnaire raisonné de l'architecture française» (vol. VI «Machicoulis»).

Итальянцы принесли ихъ къ намъ и примѣнили во многихъ мѣстахъ въ Кремлѣ и Китай Городѣ. А русскіе мастера воспользовались ими

Digitized by Google

и остроумно примѣнили внутри то, что у итальянцевъ было только снаружи!

Въ 3-хъ, А. М. Павлиновъ совершенно не объясняетъ происхожденія тѣхъ восьми «ниш̀ъ», которыя окружаютъ шею главы. Откуда онѣ взялись? Ужъ, конечно, не изъ деревянной архитектуры.

Василій Блаженный, который остался сфинксомъ для столькихъ изслѣдователей, пытавшихъ разгадать эту каменную загадку, остался безотвѣтнымъ и передъ А. М. Павлиновымъ. Все, къ чему онъ приходитъ относительно этого храма, сводится къ словамъ: «храмъ этотъ несомнѣнно строенъ на подобіе деревянной церкви» (стр. 147—148). Но это нѣсколько мало для «исторіи русской архитектуры».

Посвящаетъ онъ этому замѣчательнѣйшему памятнику русскаго зодчества три съ половиною страницы, за вычетомъ рисунковъ, изъ которыхъ одна — 164-ая — заимствована.

Разсмотримъ же теперь подробно, что говоритъ объ этомъ соборѣ авторъ.

По слѣдамъ покойнаго Даля и В. А. Прохорова онъ указываетъ, и притомъ совершенно справедливо, на Дьяковскую церковь, какъ на прототипъ Василія Блаженнаго. Затѣмъ онъ разбираетъ планъ собора, приводитъ длинный списокъ позднѣйшихъ передѣлокъ или правильнѣе «историческій мартирологъ» собора, хорошо извѣстный и изъ прежнихъ литературныхъ источниковъ. Цитируетъ надпись, бывшую когда-то на соборѣ, затѣмъ сравниваетъ его нынѣшній видъ съ древними изображеніями, хотя рисунки этихъ послѣднихъ таковы, что разобрать ихъ немного трудно (№№ 73 и 74) и послѣ всего этого переходитъ къ выводамъ, изъ которыхъ первый мы уже приводили, а второй сводится къ тому, что храмъ этотъ «произведеніе чисто русскаго стиля XVI вѣка» (стр. 148), что, впрочемъ, уже давно извѣстно. Спрашивается, сталъ ли послѣ всего вышесказаннаго этотъ памятникъ яснѣе и понятнѣе, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ? Разумѣется, нѣтъ, и ужь, конечно, болѣе тщательныхъ изысканій заслуживаетъ онъ въ «Исторіи русской архитектуры».

Соборъ этотъ представляетъ памятникъ, пользующійся не только русскою, но и всемірною извѣстностью. Нѣтъ ни одного иностраннаго иллюстрированнаго путешествія по Россіи, ни одной иностранной всеобщей исторіи архитектуры, гдѣ бы въ отдѣлѣ русскаго зодчества (если только таковой въ ней имѣется) не красовалось изображеніе Василія Блаженнаго, и гдѣ-бы совершенно не понимающіе иностранцы не наговорили объ немъ кучу самыхъ невѣроятныхъ и иногда даже самыхъ обидныхъ вещей. И такое отношеніе мы видимъ не только у какихъ-нибудь мелкихъ досужихъ путешественниковъ, но даже и у первоклассныхъ авторитетовъ европей-

Digitized by Google

ской науки. Мы вполнѣ понимаемъ, что съ болтовнею первыхъ нечего считаться, но за то авторитетнымъ и самонадѣяннымъ приговорамъ послѣднихъ необходимо было дать отпоръ и разобрать, напр., все то, что наговорилъ объ Василіи Блаженномъ какой-нибудь Куглеръ въ своей «Исторіи искусства», который не только сравниваетъ его съ «кучей исполинскихъ грибовъ» (sic), но и относитъ къ заключительному періоду магометанскаго искусства» (!!!)[1]. А вѣдь многіе ему на слово вѣрятъ!

Да и родными то изслѣдователями, писавшими объ Василіи Блаженномъ, не надо было бы пренебрегать, а разобрать, какъ слѣдуетъ, насколько, напр., былъ правъ Снегиревъ, видѣвшій въ немъ смѣсь стилей «мавританскаго, готическаго, ломбардскаго, индѣйскаго и византійскаго» (!!!)[2]; словомъ, всѣхъ, кромѣ «русскаго»; или Чаевъ, полагавшій, что это каменное осуществленіе сна Св. Андрея[3]).

Затѣмъ, А. М. Павлиновъ не единымъ словомъ не обмолвливается объ томъ, *кто* его строилъ, забывая даже сказать, что имя его строителя неизвѣстно. А между тѣмъ разъяснить этотъ вопросъ и очень-бы слѣдовало. Мы, конечно, не говоримъ о такихъ предположеніяхъ, какъ приписыванье его Аристотелю Фіоровенти, въ виду явной ихъ нелѣпности, но мнѣніемъ русскихъ авторитетныхъ археологовъ, хотя бы даже и *ошибочнымъ*, не слѣдуетъ пренебрегать. Даль, напр., говоритъ, что «въ силуэтахъ Василія Блаженнаго замѣтна рука опытнаго итальянскаго художника»[4]), а аббатъ Мартыновъ ужь прямо съ его словъ утверждаетъ, что Василій Блаженный построенъ итальянцемъ[5]).

Вотъ опроверженія подобныхъ мнѣній мы безусловно вправѣ ожидать отъ «историка» русской архитектуры, а этого-то, между тѣмъ, тамъ нѣтъ.

Въ настоящее время впрочемъ такая постановка вопроса уже не имѣетъ мѣста, ибо въ прошломъ 1896 году были опубликованы имена строителей Василія Блаженнаго (см. чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. т. I и II, 1896 г.), но по отношенію ко времени появленія книги А. М. Павлинова (1894 г.) она всецѣло сохраняетъ свою силу.

По поводу формъ, имѣющихся въ храмѣ Василія Блаженнаго, А. М. Павлиновъ замѣчаетъ только, что онъ имѣетъ внутри весьма интересные своды при переходѣ башенъ изъ одной фигуры въ другую» (стр. 147), что «отдѣлка стѣнъ раскосами весьма напоминаетъ дерево» (стр. 148), что

---

1) См. его «Покровско-Троицкій соборъ» въ «Памятникахъ московской древности» стр. 348. Москва 1841 г.

2) См. его «О русскомъ старинномъ церковномъ зодчествѣ въ «Древней и Новой Россіи» за 1875-й годъ.

3) Часть I, стр. 352, Москва 1869 г.

4) См. «Зодчій» 1873 г. № 1 стр. 7.

5) См. «L'art russe par le r. p. Martinov, p. 126.

Digitized by Google

внутренніе входы средней башни, хотя и имѣютъ русскія детали, но къ нимъ примѣшаны иногда итальянскіе профили» (ib), и что что «самый складъ аркатуръ (?) тоже исполненъ подъ вліяніемъ входныхъ дверей, появившихся у насъ . . . . съ приходомъ итальянцевъ» (ib).

Принадлежность Василія Блаженнаго къ произведеніямъ *чисто русскаго* мастерства для насъ лично не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе очевидно, что русскій художникъ до половины XVI вѣка не могъ еще отдѣлаться вполнѣ отъ вліянія итальянскихъ мастеровъ, закончившихъ свои работы какихъ-нибудь 20—30 лѣтъ раньше[1]), и потому мы не можемъ не указать, что тѣ интересные переходы, которые отмѣчаетъ А. М. Павлиновъ, а равнымъ образомъ и тѣ арочные карнизы въ родѣ того, который мы видимъ, напр., на западной башнѣ, есть нѣчто иное, какъ тотъ же западный крѣпостной карнизъ, который мы указывали въ Дьяковской церкви, что нѣкоторые карнизы главъ и тѣ «треугольные раскосы», которые А. М. Павлиновъ упорно называетъ деревянными, быть можетъ, навѣяны итальянской готикой и т. д.

Вотъ, если бы А. М. Павлиновъ обратился ко всеоружію историко-архитектурныхъ познаній, выработанныхъ за послѣднее время европейской наукой, тогда онъ несомнѣнно произвелъ бы подробнѣйшій анализъ тѣхъ формъ, которыя были у него передъ глазами на Василіи Блаженномъ, и тогда онъ могъ бы показать съ произведеніемъ «какого» мастера мы имѣемъ дѣло.

Положимъ, историческая судьба памятника сильно измѣнила его «внѣшній» видъ, но мы имѣемъ неизмѣнными «профили»—эту альфу и омегу характерности въ стилѣ. Слѣдовало бы тщательно обмѣрить профили и другія типичныя детали и приложить ихъ въ болѣе крупномъ масштабѣ къ «исторіи», тогда по крайней мѣрѣ было бы на что опереться.

Изъ церквей XVI вѣка Г-нъ Павлиновъ упоминаетъ еще Алексѣевскую церковь (1598 г.) въ Рязани, прибавляя, что она сама *не* существуетъ, а рисунокъ ея сохранился (стр. 149), при этомъ не указываетъ, гдѣ онъ сохранился. Мы же полагаемъ, что если церковь эта, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія, то въ «Исторіи» русской архитектуры не только должно быть указано, гдѣ хранится рисунокъ, но онъ самъ долженъ быть къ ней приложенъ.

Кромѣ того, замѣтимъ по поводу той же церкви, что если ужь А. М. Павлиновъ упоминулъ ее, то ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало умалчивать объ Старицкомъ соборѣ, опубликованномъ впервые Снегиревымъ въ «Русской Старинѣ» и такъ прекрасно разобранномъ покойнымъ Далемъ

1) Мы полагаемъ, что уже около 1525 года ихъ дѣятельность прекратилась, хотя *точно* это сказать нѣтъ ни малѣйшей возможности.

Digitized by Google

въ «Зодчемъ» за 1878 годъ, потому что соборъ этотъ какъ-бы замыкаетъ собою въ высшей степени своеобразную группу — Дьяково-Василій Блаженный и является родоначальникомъ многихъ нашихъ церквей XVII вѣка. Заканчиваетъ свое обозрѣніе памятниковъ XVI вѣка А. М. Павлиновъ колокольней Ивана Великаго, при чемъ повторяетъ басню о томъ, что царь Борисъ затѣялъ эту постройку, «чтобы дать средства къ пропитанію во время голода» (стр. 149), очевидно забывая, что голодъ этотъ начался лишь лѣтомъ 1601 года, т. е. *годъ спустя* послѣ окончанія колокольни, и что басня эта давно уже была опровергнута Снегиревымъ [1]).

Затѣмъ онъ описываетъ ея внѣшній видъ и выписываетъ надпись съ шеи главы, свидѣтельствующую, что колокольня была окончена въ 1600 году. Но ни объ ея стилѣ, ни объ архитектурныхъ формахъ, ни о происхожденіи ихъ не говоритъ *ничего*. Такимъ образомъ, какъ появленіе подобнаго памятника, такъ и значеніе его для русской архитектуры остаются для читателя совершенно невыясненными.

Переходя къ XVII вѣку, А. М. Павлиновъ начинаетъ прямо съ шатровыхъ церквей, пропуская церковь въ селѣ Вяземахъ, Годуновской постройки, стоящую на рубежѣ столѣтій. Она очень замѣчательна, какъ переходный типъ: въ ней обрисовываются уже всѣ черты будущихъ церквей XVII в. и притомъ черты вполнѣ русскія, но детали сохраняютъ еще свой полуитальянскій характеръ и очень напоминаютъ детали южной галлереи Московскаго Благовѣщенскаго собора.

Церкви XVII вѣка давно уже служили предметомъ изысканій нашихъ археологовъ. Особенно много потрудились надъ ними Снегиревъ и Мартыновъ («Русская Старина», «Подмосковная Старина» и пр.), Рихтеръ («Памятники древняго русскаго зодчества»), затѣмъ Даль и его послѣдователи, обнародовавшіе обширный матеріалъ въ «Зодчемъ» за разные года и др. Кромѣ того, множество снимковъ церквей этой эпохи можно найти въ прекрасномъ изданіи Н—ва «Москва» — «Соборы, монастыри и церкви» и наконецъ въ великолѣпнѣйшихъ и громаднѣйшихъ коллекціяхъ фотографій И. Ѳ. Борщевского.

Словомъ, здѣсь, изслѣдователь ни въ какомъ случаѣ не можетъ страдать отъ недостатка матеріала; наоборотъ, онъ скорѣе будетъ подавленъ его обиліемъ. Затрудненіе является въ выборѣ, а не въ недостаткѣ. А. М. Павлиновъ поступилъ въ данномъ случаѣ весьма благоразумно: онъ останавливается на тѣхъ памятникахъ, которые и до него считались въ нашей литературѣ наиболѣе характерными.

---

1) См. его «Иванъ Великій» (стр. 111) въ «Памятникахъ московскихъ древностей».

Digitized by Google

Изъ шатровыхъ церквей онъ касается Медвѣдковской (подъ Москвою), Архангельскаго собора въ Нижнемъ, Рождества Путинокъ въ Москвѣ и церкви Предтеченскаго монастыря въ Казани, рисунки которыхъ онъ прилагаетъ. Затѣмъ онъ перечисляетъ еще нѣсколько другихъ по городамъ и именамъ. Въ обзорѣ этомъ А. М. Павлиновъ отмѣчаетъ два типа шатровыхъ церквей (одношатровыя — вытянутыя, высокія, и трехшатровыя— низкія и широкія), но, къ сожалѣнію, совсѣмъ не занимается самимъ шатромъ, какъ отдѣльною архитектурною формою, хотя шатеръ имѣетъ у насъ, какъ мы уже говорили, свою «исторію» и, кромѣ того, громадное значеніе.

У А. М. Павлинова мы не видимъ ни постепеннаго развитія этой формы, ни выработки ея деталей, ни объявленія того страннаго, повидимому, явленія, что шатры на церквахъ вдругъ пропадаютъ съ половины XVII столѣтія и въ изобиліи появляются на колокольняхъ. Между тѣмъ вопросъ этотъ уже выясненъ въ нашей литературѣ [1]) и долженъ былъ имѣть мѣсто въ «Исторіи русской архитектуры».

Оставивъ затѣмъ шатровыя церкви А. М. Павлиновъ вдругъ переходитъ къ концу XVII в. и разбираетъ Бутырскую церковь подъ Москвою соборнаго или, какъ онъ называетъ «кубическаго» типа, хотя впрочемъ этотъ «кубъ» состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ геометрическихъ тѣлъ: средней массы, двухъ придѣловъ и западной низкой трапезы, не считая алтарныхъ абсидъ и главъ.

Покончивъ съ Бутырской церковью, онъ снова возвращается къ церквамъ половины XVII столѣтія и останавливается на церквахъ Грузинской Божіей Матери, Николы въ Хамовникахъ и Николы на Столпахъ въ Москвѣ и на подмосковныхъ: Останкинской и Тайнинской, отводя имъ всѣмъ вмѣстѣ четыре съ половиною страницы, давая всего три маленькихъ рисунка фасадовъ (№№ 83, 84 и 85) и не прилагая при этомъ ни плановъ, ни разрѣзовъ. Между тѣмъ какъ рядомъ же онъ посвящаетъ церквамъ Ярославля и Ростова Великаго *тридцать восемь* страницъ съ *двадцатью семью* рисунками (№№ 88—114), среди которыхъ мы видимъ и планы, и фасады, и разрѣзы, и детали, и конструктивные чертежи, при чемъ нѣкоторые изъ рисунковъ даже въ цѣлую страницу.

Такимъ образомъ коренное и основное зодчество московское сведено къ очень малымъ размѣромъ, а производное развито до крайности. Вѣдь это все равно, что написать исторію Россіи и отвести Ивану III, Василію III и Грозному двѣ странички и посвятить цѣлый томъ покоренію Сибири.

---

1) См. Покровскаго «Древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря» въ «Вѣстникѣ Исторіи и Археологіи» за 1885 г. и нашъ докладъ «Русскія шатровыя церкви и пр.» въ Трудахъ V Археологическаго Съѣзда.

Digitized by Google

Тутъ не будетъ ни равномѣрности, ни безпристрастія. Отъ такого отношенія «Исторія русской архитектуры», конечно, страдаетъ, но это объясняется прежними работами того-же автора: онъ писалъ объ ярославскихъ церквахъ для Ярославскаго Археологическаго Съѣзда, онѣ ему хорошо знакомы, — вотъ ему легко было дать ихъ широкое мѣсто въ своемъ новомъ трудѣ.

Въ очеркѣ московскихъ церквей чувствуются у А. М. Павлинова нѣсколько пробѣловъ; такъ напр., онъ не выясняетъ читателю того новаго своеобразнаго сочетанія матеріаловъ, которые мы видимъ въ церквахъ этой эпохи: лекальнаго кирпича, пестрыхъ изразцовъ и бѣлокаменныхъ обронныхъ растёсокъ и рѣзей, не разбираетъ и не перечисляетъ формъ лекальнаго кирпича, столь характерныхъ для эпохи. Не разбираетъ вовсе исторію происхожденія и постепеннаго видоизмѣненія луковичныхъ главъ, хотя эти главы составляютъ преимущественную особенность московскаго періода и многими считаются за форму «индѣйскаго» происхожденія. Вотъ это все бы надо выяснить, тѣмъ болѣе, что часть этихъ вопросовъ уже давно разобрана въ нашей литературѣ [1]), а другая часть еще только затронута [2]). Наконецъ, касаясь плановъ церквей XVII вѣка, А. М. Павлиновъ говоритъ, что онѣ представляютъ собою квадратъ, покрытый сомкнутымъ сводомъ, на которомъ стоятъ «глухія» главки. По этому поводу замѣтимъ, что А. М. Павлиновъ при этомъ не объясняетъ вовсе, какъ могъ появиться такой планъ въ русскомъ зодчествѣ, и куда дѣвались четыре традиціонныхъ византійскихъ столба. Между тѣмъ какъ въ московскомъ зодчествѣ есть цѣлый рядъ переходныхъ формъ, и вопросъ этотъ въ свое время былъ уже выясненъ въ «Зодчемъ» на примѣрахъ и Далемъ [3]) и нами [4]).

Точно также онъ не выясняетъ той послѣдовательности, съ которою простѣйшій планъ московскихъ церквей (напр., Чуда Архангела Михаила) переродился въ такой сложный и спеціально московскій типъ, какъ, напр., планъ церкви села Маркова, имѣющей четыре придѣла.

Этотъ типъ четырехпридѣльныхъ церквей XVII вѣка не затронутъ имъ вовсе, какъ будто его даже и не было. Укажемъ, кромѣ того, на слѣдующее обстоятельство: А. М. Павлиновъ утверждаетъ, что главки въ этомъ періодѣ дѣлаются глухими, и повторяетъ это объ Останкинской церкви (стр. 160). Мы-же можемъ утвердительно сказать, будучи хорошо знакомы съ этою церковью по реставраціи 1878 года, что главы ея извнутри от-

---

1) См. «Зодчій» за разные года: у Даля, у Ленова, наши статьи и т. д.

2) См. К. Г. Г. Г. «Происхожденіе пятиглавныхъ церквей» СПБургъ 1881 г. П. Д. П.

3) См. «Зодчій» 1873 г. стр. 57.

4) См. «Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской г. СПБ. 1884.

Digitized by Google

крыты. Кромѣ того, на разрѣзѣ Тайнинской церкви, помѣщенномъ покойнымъ Леоновымъ въ «Зодчемъ», средняя глава также показана открытою. Рисунковъ церквей Грузинской Богоматери и Николы на Столпахъ нѣтъ, а по описанію ихъ читатель яснаго представленія себѣ составить не можетъ. Снимокъ съ Останкинской церкви, этого несомнѣнно замѣчательнѣйшаго московскаго архитектурнаго произведенія, чрезвычайно малъ и неясенъ (№ 84) и представляетъ, кромѣ того, церковь до реставраціи съ безобразящими ее позднѣйшими пристройками.

Годъ *освященія* Останкинской церкви А. М. Павлиновъ указываетъ 1668-й, довѣрчево повторяя, хотя, по обыкновенію, и безъ ссылки, показанія какого-то плохого источника, между тѣмъ какъ самую челобитную объ постройкѣ ея князь Черкасскій подалъ *только* въ 1677 году[1]), т. е. девять лѣтъ спустя послѣ даты, указанной А. М. Павлиновымъ; да и, кромѣ того, изъ надписи на деревянномъ крестѣ, находящемся подъ престоломъ видно, что главный храмъ освященъ въ 1693 году. Трудно себѣ представить, какъ А. М. Павлиновъ не замѣтилъ всю ошибочность приводимой имъ даты: во 1-хъ, потому, что по необычайному богатству и развитію стиля церковь эта должна быть отнесена къ послѣдней четверти столѣтія, а во 2-хъ, потому, что если она освящена въ 1693 г., то невозможно и предположить, что она начата постройкою въ 1668 году: вѣдь не двадцать пять лѣтъ же она строилась.

Къ свѣдѣніямъ о московскихъ церквахъ А. М. Павлиновъ прибавляетъ еще страницу объ звоницахъ и колокольняхъ и переходитъ къ ярославскому зодчеству, которое мы пока оставимъ въ сторонѣ, до разсмотрѣнія отдѣльной статьи того-же автора о томъ же предметѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ его заключительныхъ страницахъ и выводахъ по этому періоду.

На этихъ заключительныхъ страницахъ (числомъ шесть) дѣлается бѣглый обзоръ церковныхъ сооруженій въ разныхъ городахъ Россіи, какъ, напр., въ Костромѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, Муромѣ, Казани, Соликамскѣ и Чердыни.

Что же сказать объ этомъ заключительномъ очеркѣ? Да то, что уже неоднократно указывалось: описанія безъ рисунковъ совершенно непонятны; выборъ городовъ слишкомъ субъективенъ: почему, напр., пропущены Тула, Вологда, Нижній, Астрахань, Угличъ и многіе другіе. Развѣ въ нихъ нѣтъ любопытныхъ памятниковъ? Конечно, ни одна «исторія архитектуры» въ мірѣ не можетъ охватить всѣхъ памятниковъ родной страны, да это и не ея задачи: задача исторіи архитектуры заключается въ томъ,

1) См. Мартынова «Подмосковная Старина», «Село Останкино». Москва 1889 г.

Digitized by Google

чтобы показать зарожденіе и постепенное развитіе памятниковъ зодчества данной страны; отдѣлить въ нихъ свое отъ чужого, самостоятельное отъ заимствованнаго; показать, что въ немъ есть прекраснаго и что, наоборотъ, заслуживаетъ порицанія; прослѣдить постепенное появленіе и объяснить, по возможности, происхожденіе деталей; указать географическіе предѣлы распространенія и вліянія на искусство сосѣднихъ странъ; наконецъ, выяснить то мѣсто, которое занимаютъ памятники зодчества данной страны среди однородныхъ произведеній другихъ народовъ. Вотъ истинныя задачи «исторіи архитектуры».

А съ этой точки зрѣнія двадцать пять заключительныхъ строкъ (стр. 206) А. М. Павлинова кажутся нѣсколько недостаточными.

VI.

Зодчество конца XVII вѣка А. М. Павлиновъ называетъ періодомъ «упадка». Прежде чѣмъ разобрать это названіе, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ изложеніи этого періода.

Памятникомъ, привлекающимъ наибольшее вниманіе автора, является, какъ и слѣдовало ожидать, церковь «на Филяхъ» подъ Москвою. Онъ представляетъ ее какъ наиболѣе типичный образчикъ и даетъ рисунокъ и краткое описаніе. Кромѣ того, онъ перечисляетъ церкви Владимірскую, Шереметевскую и Воздвиженскую въ Москвѣ, Петровско-Разумовскую подъ Москвою и церкви въ Казани, Черниговѣ и Сумахъ. Этому небольшому обзору онъ предпосылаетъ краткую характеристику стиля, чѣмъ и исчерпываются всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ этомъ «отдѣлѣ» (полторы страницы) его труда.

Все это такъ кратко, что не допускаетъ никакого разбора, а потому мы ограничимся лишь указаніемъ одной ошибки фактическаго характера. А. М. Павлиновъ говоритъ: «Такая же церковь находится въ Московскомъ университетѣ, принадлежавшая графу Шереметеву» (стр. 208). Во-первыхъ, эта церковь стоитъ на дворѣ дома графа Шереметева, а не въ университетѣ, а во-2-хъ, и понынѣ принадлежитъ графу Шереметеву и съ университетомъ *ничего общаго* не имѣетъ.

Перейдемъ теперь къ названію періода. Появленіе особаго стиля, названнаго А. М. Павлиновымъ «періодомъ упадка», замѣчено далеко не имъ первымъ: почти всѣ изслѣдователи русскаго зодчества на него указывали, какъ, напр., Забѣлинъ, Даль, неизвѣстный авторъ, Снегиревъ и многіе другіе. Но особенно хорошо онъ охарактеризованъ у Забѣлина въ его «Домашнемъ бытѣ русскихъ Царей и Царицъ» и въ «Описаніи Донского монастыря (Москва 1865 г.), гдѣ не только разобраны формы и

Digitized by Google

происхожденіе этого стиля, но и приведена даже та иностранная терминологія, которую онъ внесъ въ наше древнее строительное дѣло.

По опредѣленію самого А. М. Павлинова, «въ эту переходную пору церкви строились, придерживаясь деревянныхъ башенныхъ церквей, но съ сильной примѣсью западныхъ формъ» (стр. 207). — Слѣдовательно, въ Россіи въ это время замѣчается то же явленіе, которое мы видимъ на Западѣ двѣсти — полтораста лѣтъ ранѣе, т. е. въ эпоху такъ называемаго *Смѣшаннаго* стиля, когда сооруженія *готическія* по своей основѣ облѣплялись деталями стиля *Возрожденія* (таковы, напр., замокъ Шамборъ, церковь St. Etienne du Mont въ Парижѣ, ратуша въ Бременѣ, такъ наз. Gewandhaus въ Брауншвейгѣ и пр.). А значитъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ появленіемъ *новаго* направленія въ искусствѣ, которое никакъ нельзя называть «періодомъ упадка», т. е. продолженіемъ *стараго*. Мы не споримъ, что формы его, быть можетъ, въ художественномъ отношеніи и ниже того, что мы, напр., видимъ на Останкинской или на Тайнинской и др. церквахъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эти *новыя* формы были бы «упадкомъ», т. е. искаженіемъ *старыхъ*, ибо между ними нѣтъ ничего общаго. Періодъ этотъ можно лишь тогда бы назвать періодомъ «упадка», если бы зданія конца XVII вѣка имѣли детали, представлявшія собой извѣстную варваризацію или уродованіе формъ половины столѣтія. Но вѣдь этого нѣтъ! Вѣдь руководствуясь подобной логикой, пришлось бы всѣ постройки «Смѣшаннаго» стиля на Западѣ отнести къ упадку готики, а между тѣмъ тамъ этотъ послѣдній періодъ существуетъ отдѣльно и извѣстенъ подъ разными наименованіями: «Пламенѣющаго стиля», «Готики упадка», «Готическаго барокко» и «стиля Тюдоръ». Или же въ Италіи отнести къ этому періоду «Раннее Возрожденіе», потому что тамъ «Смѣшаннаго» стиля не было. Но такъ какъ это рѣшительно невозможно, то нельзя и нашу архитектуру конца XVII вѣка, называть «періодомъ упадка», а надо подыскать ей другое наименованіе, которое выражало бы лучше ея сущность.

Покойный Снегиревъ, авторъ «Русской Старины», называлъ его «итальяно-русскимъ зодчествомъ» — терминъ, ничего не выражающій, ибо это названіе можетъ подходить и къ нашимъ постройкамъ XV и XVI вѣка, возведеннымъ итальянцами на русской почвѣ, каковы, напр., Архангельскій соборъ въ Москвѣ, Грановитая Палата и проч. Покойный Даль окрестилъ его названіемъ «петровскаго стиля», но названіе это нисколько не лучше, если даже не хуже снегиревскаго, потому что, во-первыхъ, стиль этотъ появляется въ Россіи въ концѣ XVII вѣка (преимущественно въ церквахъ сооруженныхъ Нарышкиными) еще во время малолѣтства Петра; а во-вторыхъ, потому что всѣ чисто петровскія сооруженія представляютъ собою постройки безусловно западныя, не имѣющія ничего общаго съ

Digitized by Google

прежней архитектурой. Самое правильное названіе для этого стиля было бы «русскій Барокко». Оно сразу показывало-бы на его сущность, т. е. на то, что онъ представляетъ собою формы третьяго періода итальянскаго Возрожденія, или періода Барокко, зашедшія къ намъ чрезъ нѣмецкія руки и видоизмѣненныя на русской почвѣ. Если мы признаемъ, что Франція, Германія и даже Нидерланды могли переработать настолько формы итальянскаго Возрожденія, что современная историко-архитектурная наука признаетъ французскій Ренессансъ, нѣмецкій Ренессансъ, Фламандскій стиль и пр., и пр., то мы не видимъ причины, почему сильная въ національномъ отношеніи до-петровская Русь не могла того же сдѣлать. Если мы хотимъ быть послѣдовательными, то безусловно должны признать и русскій Ренессансъ или, для большей точности, русскій Барокко. Правда, на это можно возразить, что барокко въ искусствѣ свойственъ не только одному итальянскому искусству, но что онъ можетъ быть и во всякомъ другомъ искусствѣ, каковы, напр., готическое Барокко или «Готика упадка». Но возраженіе это падаетъ само собою, если употреблять слово «барокко» въ смыслѣ имени собственнаго, т. е. писать Барокко, а не барокко, и тогда основная мысль названія будетъ ясна, потому что въ наукѣ, въ одномъ только итальянскомъ искусствѣ, періодъ его упадка просто называется Барокко-стилемъ. Соотвѣтственность подобнаго названія можно подтвердить еще тѣмъ, что тотъ же Даль, который предлагалъ названіе «петровскаго стиля», какъ бы случайно проговорившись, пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «колокольни же этого періода стали принимать самыя вычурныя формы, какія могъ только придумать нашъ тогдашній *нѣмецко-русскій барокко*»[1]).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующаго отдѣла.

VII.

Первое, что бросается въ глаза въ отдѣлѣ «Деревянное зодчество»— это его неумѣстность въ данномъ порядкѣ, на что мы уже указывали. Затѣмъ наводитъ на размышленіе и самое названіе: отдѣлъ озаглавленъ «Деревянное зодчество», между тѣмъ разбираются въ немъ только церкви, а дома и остроги (крѣпости) отнесены въ слѣдующую главу. Такимъ образомъ является несоотвѣтствіе между заглавіемъ отдѣла и содержаніемъ: нужно было или разобрать въ немъ всѣ части деревяннаго зодчества, или же озаглавить *церковное деревянное зодчество.*

Приступая къ разбору того, что заключаетъ въ себѣ эта глава «Исторіи» А. М. Павлинова, мы не можемъ пройти молчаніемъ и того, что у насъ уже сдѣлано въ области церковной деревянной архитектуры.

1) См. «Зодчій», 1873 г., № 5, стр. 59.

Digitized by Google

Едва-ли не первый заговорилъ о деревянныхъ церквахъ графъ Уваровъ (см. его «Объ архитектурѣ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси» въ Трудахъ Археологическаго Съѣзда), потомъ превосходно разъяснилъ ея суть въ своихъ трудахъ и преимущественно въ «Чертахъ самобытности въ русскомъ зодчествѣ» И. Е. Забѣлинъ; послѣ него мы видимъ цѣлый подборъ типовъ деревянныхъ церквей у Шохина («Сборникъ русскихъ старинныхъ построекъ» Москва 1872 г.); затѣмъ въ томъ же 72 году начинаетъ помѣщать въ «Зодчемъ» свои прекрасныя изслѣдованія Даль, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ особенно выдаются его «Древнія деревянныя церкви въ Россіи» (Зодчій 1875), — тоже «въ Олонецкой губерніи» (ib. 1877) и тоже — «трехглавыя» (ib. 1877). Немалыя услуги этому отдѣлу русскаго зодчества оказалъ Г-нъ Сусловъ, напечатавъ въ 1888 году свои «Путевыя замѣтки по сѣверу Россіи» съ превосходными рисунками, а въ 1889 году «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества» съ множествомъ прекрасныхъ таблицъ, въ которыхъ имѣется масса матеріала по деревяннымъ церквамъ нашего Сѣвера и Юга. Наконецъ, въ 1892 году А. И. Виноградовъ обнародовалъ «Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII вв.», гдѣ приведено въ рисункахъ сто восемнадцать деревянныхъ церквей и рисунковъ.

Весь этотъ матеріалъ довольно слабо отразился въ книгѣ А. М. Павлинова. Самъ онъ, повидимому, спеціально деревянной архитектурой никогда не интересовался, а потому набросанная имъ картина нашего церковнаго деревяннаго зодчества не отличается особенною ясностью; на 164 строкахъ онъ упоминаетъ объ двадцати шести церквахъ, такъ что на каждую приходится въ среднемъ всего по восьми строкъ. Кромѣ того, разбора деталей совсѣмъ нѣтъ, а потому получить изъ всего этого отчетливое представленіе о деревянной церковной архитектурѣ довольно трудно. Тѣмъ не менѣе выводъ, дѣлаемый имъ, объ разницѣ между сѣвернымъ и южнымъ типомъ (стр. 217) совершенно вѣренъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что говоря столькою вліяніи деревянной архитектуры на каменную, А. М. Павлиновъ ничего не упоминаетъ о вліяніи обратномъ; между тѣмъ въ нашихъ лѣтописяхъ неоднократно говорится объ деревянныхъ церквахъ, построенныхъ «на каменное дѣло».

Вопросъ этотъ долженъ бы имѣть свое разрѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, постановку въ «Исторіи русской архитектуры».

Оставляя до разбора статьи объ «Ярославскихъ и Ростовскихъ церквахъ» главу объ «иконостасахъ» по вышеуказаннымъ причинамъ, перейдемъ теперь къ послѣднему отдѣлу — «О гражданскихъ сооруженіяхъ».

Digitized by Google

VIII.

Послѣдній отдѣлъ книги А. М. Павлинова распадается на двѣ части: 1) дома, 2) крѣпости.

Мы разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Покойный Даль весьма вѣрно замѣтилъ въ одной изъ своихъ статей, что, вѣроятно, пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ можно будетъ прибавить что-либо серьезное къ исторіи русскаго жилья въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена у Забѣлина въ «Домашнемъ бытѣ русскихъ Царей и Царицъ». Предсказаніе это вполнѣ сбылось на трудѣ А. М. Павлиновѣ, который почти весь этотъ отдѣлъ (стр. 239—254) излагаетъ по Забѣлину, вслѣдствіе чего все, сообщенное имъ, очень вѣрно и читается съ большимъ интересомъ, хотя, конечно, въ подлинникѣ все это выступаетъ гораздо ярче, такъ какъ у И. Е. Забѣлина изложеніе не отличается тою краткостью, которую мы видимъ у А. М. Павлинова.

Затѣмъ, мы считаемъ долгомъ указать на тѣ дополненія, которыя онъ дѣлаетъ въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ.

Въ 1-хъ, онъ цитируетъ свидѣтельство Ибнъ-Даста (стр. 240); во 2-хъ, приводитъ «по Котову» (стр. 248) предположеніе объ вліяніи готики на особый видъ нашихъ большихъ палатъ со столбомъ въ серединѣ; въ 3-хъ сообщаетъ нѣсколько своихъ соображеній объ данныхъ, добытыхъ при реставраціи Грановитой Палаты (стр. 247); и, наконецъ, въ 4-хъ, упоминаетъ вкратцѣ объ Углицкомъ Дворцѣ (стр. 251).

Такимъ образомъ у него является желаніе подновить по возможности свѣдѣнія, сообщенныя еще въ 1872 году И. Е. Забѣлинымъ, и приспособить ихъ для «Исторіи русской архитектуры».

Тѣмъ не менѣе по поводу этого отдѣла мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего слѣдуетъ указать, что «русская изба» разобрана у А. М. Павлинова не вполнѣ достаточно: И. Е. Забѣлинъ, какъ историкъ «быта», могъ изложить ея исторію по лѣтописнымъ актамъ; но А. М. Павлиновъ, какъ историкъ «архитектуры», долженъ былъ разобрать этотъ вопросъ совершенно иначе, гораздо «спеціальнѣе» и «детальнѣе», чѣмъ это сдѣлано у него, т. е. такъ, какъ напр., сдѣлалъ это Даль въ «Зодчемъ» за 1872 и 1874 года.

А. М. Павлиновъ даже не даетъ ни одного рисунка избы, а между тѣмъ ихъ опубликовано у насъ не мало, напр., у Кипріанова, у Суслова, у Берга[1]) и у другихъ. Писано про избы также не мало. Существуетъ.

1) См. «Памятники древней письменности».—«Нѣчто о древности типа деревянныхъ построекъ» и пр. СПБ. 1882 г.

Digitized by Google

напр., мнѣніе, что русская изба «Финскаго» происхожденія. Въ Гельсингфорсѣ даже напечатана по этому поводу цѣлая книга (см. A. O. Heikel «Rakennukset teremisseillä, mordvalaisilla, virolaisilla ja suomalaisilla». Helsingissa 1887).

Съ такого рода мнѣніемъ надо считаться, и опредѣлить истинную національность нашей избы задача чисто историко-архитектурная.

Относительно высказаннаго А. М. Павлиновымъ предположенія (стр. 247), что «московская Грановитая Палата первоначально была въ русскомъ стилѣ», мы можемъ возразить, что въ томъ видѣ, какъ она изображена въ миніатюрахъ извѣстной книги «Избраніе на царство», въ ней показаны двойныя первоначальныя окна въ стилѣ «венеціанской готики», какихъ мы не мало видимъ и до сихъ поръ въ Венеціи и которыя были, конечно, прекрасно знакомы ея строителю. Слѣдовательно, предположеніе А. М. Павлинова повидимому недостаточно обосновано.

Въ заключеніе А. М. Павлиновъ перечисляетъ (стр. 256) нѣкоторые древніе дома, уцѣлѣвшіе до нашего времени и заканчиваетъ указаніемъ двухъ домовъ періода «упадка».

Въ виду такого «краткаго» окончанія отдѣла мы позволимъ себѣ замѣтить, во 1-хъ, что А. М. Павлиновымъ приведено далеко не все, что уцѣлѣло до насъ изъ нашего древняго зодчества, хотя это весьма желательно при крайней скудности памятниковъ этого рода; а во 2-хъ, что А. М. Павлинову не слѣдовало ограничиваться однимъ ихъ перечисленіемъ, а заняться подробнымъ разборомъ ихъ. Вѣдь И. Е. Забѣлинъ описывалъ только домашній бытъ «Царей и Царицъ», а потому и имѣлъ полное право ограничиться исторіей *Московскихъ дворцовъ*. А А. М. Павлиновъ пишетъ исторію *русской архитектуры*, слѣдовательно онъ долженъ разобраться въ томъ, что дѣлалось *во всей Россіи*, а не касаться только «по Забѣлину» однихъ *московскихъ* дворцовъ. Странные пріемы употребляетъ онъ иногда для опредѣленія эпохи зданій. «Въ концѣ XVII вѣка, говоритъ онъ (стр. 256—257), появляются постройки, принадлежащія къ періоду паденія искусства. Такъ, напр., домъ князя Юсупова въ Москвѣ времени Петра II». Одно изъ двухъ: или XVII вѣкъ, или Петръ II, вѣдь не въ XVII-мъ же вѣкѣ было царствованіе Петра II.

Наконецъ, самому внутреннему убранству А. М. Павлиновъ отводитъ крайне мало мѣста. Вѣдь, кромѣ трудовъ И. Е. Забѣлина, опубликовано теперь не мало интереснаго по этому поводу; возьмемъ хотя-бы, напр., «Розыскныя дѣла о Ѳеодорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ» (СПБ. 1886—1888) или Е. Опочинина «Домъ боярина XVII столѣтія» — СПБ. 1889 г. Очень жаль, что А. М. Павлиновъ ничѣмъ этимъ почему-то не воспользовался.

Digitized by Google

IX.

Древне-русскія укрѣпленія можно и должно разсматривать двояко: или съ точки зрѣнія фортификаціонной, или съ точки зрѣнія чисто архитектурной.

Въ первомъ случаѣ надо смотрѣть на нихъ подъ угломъ зрѣнія военнаго инженера и постепенно прослѣдить ихъ исторію въ смыслѣ усовершенствованія обороны пропорціонально усиленію средствъ атаки, какъ это и дѣлаетъ Ласковскій въ своей прекрасной «Исторіи инженернаго дѣла въ Россіи»; или-же, оставивъ въ сторонѣ всю ихъ «военную хитрость», заняться исключительно одной архитектурной стороной дѣла и опредѣлить ихъ особенности въ смыслѣ внѣшней формы, постепенную выработку ихъ деталей, ихъ художественныя достоинства и наконецъ ихъ болѣе или менѣе національную, самобытную выработку въ смыслѣ стиля.

Конечно, самымъ полнымъ обзоромъ былъ бы такой, который разрѣшалъ обѣ эти задачи вмѣстѣ. Но, такъ какъ А. М. Павлиновъ не военный инженеръ, то, конечно, разрѣшенія первой отъ него нечего и ожидать Посмотримъ, что сдѣлано имъ для разрѣшенія второй.

Повидимому, А. М. Павлиновъ ею вполнѣ даже и не задается. Сдѣлавъ краткое вступленіе и бросивъ нѣсколько словъ объ первобытныхъ деревянныхъ укрѣпленіяхъ (стр. 257—258), онъ посвящаетъ полъ страницы (259) обзору нѣкоторыхъ нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ (городовъ и монастырей) и затѣмъ переходитъ прямо къ Москвѣ и ея укрѣпленіямъ Кремлю, Китаю и Бѣлому городу, которымъ и посвящаетъ остальныя три четверти главы. Все излагаемое имъ по этому поводу уже извѣстно и подробно опубликовано у Снегирева въ его «Памятникахъ московской древности» и «Монументальной Исторіи Москвы» (Москва 1841—1845 г.). Объ стилѣ этихъ построекъ А. М. Павлиновъ дѣлаетъ отрывочныя замѣчанія на стр. 258, 259 и 261. Заканчивается этотъ обзоръ Сухаревой башней, о стилѣ которой авторъ говоритъ, что онъ «принадлежитъ къ періоду «упадка», когда западное вліяніе уже было сильно» (стр. 263). Изъ этого краткаго перечня видно, что большая часть мѣста отведена Москвѣ и что прочія русскія укрѣпленія остались совершенно въ сторонѣ. Такъ, напр., нѣтъ ни рисунковъ, ни какихъ-либо свѣдѣній объ живописнѣйшемъ по своему положенію и отличающемся замѣчательнымъ благородствомъ своихъ формъ Смоленскомъ кремлѣ, построенномъ русскими мастерами; или, напр., не упомянуты вовсе прекрасныя стѣны и башни Астрахани, Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря или Ростовскаго Борисо-Глѣбскаго! А формы эти составляютъ неотъемлемое «русское» достояніе, ничего итальянскаго не имѣющее.

Digitized by Google

Наконецъ, самый стиль нѣкоторыхъ сооруженій, коихъ касается А. М. Павлиновъ, не разобранъ имъ вовсе; такъ, напр., совсѣмъ не затронута та интересная путаница стилей, которую мы видимъ на верхушкѣ Спасской башни и которая потомъ повторяется въ Троицкой башнѣ. Или, напр., ничего не говорится про «общій стиль» стѣнъ и башенъ Китая-города [1]), а равнымъ образомъ не упоминается имя его строителя. Не указаны вовсе разныя формы зубцовъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ крѣпостныхъ стѣнахъ и т. д. Эти пробѣлы, конечно, значительно вредятъ полнотѣ изложенія, и потому и представленіе объ русской крѣпостной архитектурѣ получается изъ «Исторіи» А. М. Павлинова нѣсколько не то, какое желательно.

Разсмотрѣвъ книгу А. М. Павлинова по отдѣламъ, мы считаемъ долгомъ присовокупить въ заключеніе нѣсколько общихъ замѣчаній.

Начнемъ съ названія. Авторъ считаетъ свое сочиненіе «Исторіей Русской Архитектуры». Но мы уже показали на сколько соотвѣтствуетъ этому заглавію его содержаніе, а потому ограничимся здѣсь лишь замѣчаніемъ, что ему слѣдовало бы удовольствоваться какимъ-нибудь болѣе скромнымъ и гораздо менѣе отвѣтственнымъ названіемъ. Тогда и масштабъ предъявляемыхъ къ нему требованій былъ бы другой.

Затѣмъ, во всякой «Исторіи архитектуры» едва-ли не столько же существенную часть, какъ и текстъ, составляютъ рисунки. Изъ 146 рисунковъ у А. М. Павлинова около одной четверти самостоятельныхъ, а остальные заимствованые [2]). Винить за это авторъ конечно, нельзя, ибо и въ европейской наукѣ принято за обыкновеніе пользоваться для общихъ трактатовъ рисунками изъ монографій, но при этомъ принято также за *непремѣнное* правило цитировать источникъ. А. М. Павлиновъ, за весьма малыми исключеніями, этого не дѣлаетъ и такимъ образомъ нарушаетъ извѣстные литературные обычаи. Кромѣ того, нѣкоторые изъ рисунковъ до того малы и неудовлетворительны, что разобрать въ нихъ рѣшительно ничего нельзя, какъ, напр., рисунки 73, 74, 83, 84, 129 и 140.

А вотъ нѣсколько образчиковъ языка, правописанія и исторической точности въ книгѣ А. М. Павлинова:

Стр. 12 — «эта *кладка* представляетъ прекрасный *образецъ* нашихъ *древнихъ церквей*... (?!).

Стр. 13 — «для этого надо *отбросить* всѣ.... постройки, т. е., обѣ башни и три *наружные* (ныхъ) вход*ные* (ныхъ) тамбур*ы* (ра).

---

1) На стр. 258 упоминаются только «нѣкоторыя его башни».

2) Источниками въ этомъ случаѣ являются Рихтеръ, Прохоровъ, Сусловъ, Даль, фотографія Борщевскаго и др.

Digitized by Google

Стр. 99 — «*изв*ѣ(е)стью».

Стр. 111 . . . . Даніилъ выстроилъ церковь *Спаса Преображенья* . . . . Калита построилъ здѣсь церковь каменную во имя того-же *святого*. (? !)

Стр. 121 . . . . «полъ изъ небольшихъ *ромбочекъ*» (?) (ромбъ — ромбиковъ).

Стр. 126 — «*ме*(и)ніатюра».

Стр. 127 — «снести нижнюю галлерею до подоко*нокъ* (ковъ?).

Стр. 129 — «Появленіе арокъ и порта*лей* (ловъ?).

Стр. 139—141 — «*Царемъ* (Великимъ Княземъ?) Василіемъ Іоанновичемъ».

Стр. 147 — «*Храмъ* Покровскаго *собора* (?)».

Стр. 152 — сист*ѣ*(е)ма . . . . съ уженъ (съуженъ?).

Стр. 207 — на подкл*ѣти* (ѣ?).

Стр. 218 и 219 — Царское рѣзное *сидѣнье* (мѣсто?).

Стр. 258 и 259 — «*Царь* (Великій Князь?) Иванъ III и т. д.

Нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ, напр., *царь* Василій III, царское *сидѣнье*, *ромбочка* и др. показались намъ столь странными, что мы искали ихъ въ отдѣлѣ «поправокъ». Но поиски наши оказались тщетными: мы тамъ ничего не нашли и объяснили себѣ все это «спѣшностью» работы автора.

Кромѣ того, въ иностранныхъ сочиненіяхъ по исторіи архитектуры, какъ напр., у Daniel Ramée въ его «Histoire générale de l'architecture», бываютъ очень часто приложены передъ каждымъ отдѣломъ библіографическій указатель источниковъ и хронологія главнѣйшихъ событій. Это, во 1-хъ, облегчаетъ читателю возможность познакомиться болѣе подробно съ какимъ либо отдѣломъ, если бы онъ того пожелалъ, а во 2-хъ, помогаетъ ему освѣжить въ памяти хронологическія данныя и легче связать то или другое художественное явленіе съ событіями исторической жизни.

Далѣе, во многихъ сочиненіяхъ прилагается *указатель* или даже цѣлый объяснительный *словарь* спеціальныхъ словъ и выраженій, который сопровождается иногда еще указателями *предметнымъ*, *географическимъ* и *личнымъ*. И наконецъ, *во всѣхъ* безусловно научныхъ сочиненіяхъ прилагается *перечень* рисунковъ и *оглавленіе* общаго содержанія.

Изъ всего этого къ «Исторіи Русской Архитектуры» А. М. Павлинова приложено только одно оглавленіе. А это очень жаль, потому что отсутствіе указателей крайне затрудняетъ пользованіе его книгой, даже какъ справочнымъ изданіемъ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы можемъ сдѣлать теперь объ сочиненіи А. М. Павлинова слѣдующіе общіе выводы:

Во 1-хъ, заглавіе сочиненія не соотвѣтствуетъ ни его содержанію, ни размѣрамъ.

Digitized by Google

Во 2-хъ, дѣленіе на части нѣсколько искусственно и, кромѣ того, не согласуется съ данными, представляемыми самыми памятниками.

Въ 3-хъ, распредѣленіе матеріала очень не равномѣрно: одни отдѣлы разсмотрѣны довольно подробно, другіе — изложены слишкомъ кратко.

Въ 4-хъ, фактическая сторона не всегда вѣрна.

Въ 5-хъ, рисунки большею частью имѣютъ незначительные размѣры, при чемъ нѣкоторые неудовлетворительны.

Въ 6-хъ, языкъ и правописаніе (или по крайней мѣрѣ «корректурная» сторона дѣла) оставляетъ многаго желать.

Въ 7-хъ, многіе вопросы, уже рѣшенные въ нашей археологической литературѣ, остались даже не затронутыми.

И, наконецъ, въ 8-хъ, кромѣ общаго оглавленія, къ книгѣ не приложено никакихъ указателей, которые бы облегчали пользованіе ею.

---

2. Древности Ярославскія и Ростовскія.

А. М. Павлинова. Москва. 1892 г.

Изъ всѣхъ нашихъ провинціальныхъ центровъ Ярославль является едва-ли не самымъ счастливымъ въ томъ отношеніи, что въ немъ самомъ и во всемъ его краѣ вообще было и есть и теперь не мало мѣстныхъ силъ, которыя посвятили себя исторической и отчасти археологической разработкѣ своихъ родныхъ древностей, благодаря чему ихъ историческая сторона уже давно хорошо разработана.

Стоитъ только вспомнить труды Титова, Лѣствицына, Крылова, Троицкаго, Шлякова и др., чтобы въ этомъ убѣдиться.

Едва-ли не первою попыткою археологическаго описанія памятниковъ Ростова-Великаго является статья Снегирева «Церковь Іоанна Богослова въ Кремлѣ Ростовскомъ», помѣщенная въ «Русской Старинѣ»; потомъ являются рисунки ростовскихъ церквей въ неизданномъ альбомѣ Рихтера, частью недавно опубликованные Академіей Художествъ. Затѣмъ помѣщаетъ въ «Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства» за 1874 годъ свою статью архим. Амфилохій: «Исторія построенія церквей Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря». Послѣ этого принимаются за это дѣло архитекторы, и въ «Зодчемъ» за 1885 годъ появляются сперва прекрасные рисунки Романова Борисоглѣбскаго собора В. В. Суслова, а потомъ чертежи Ярославской церкви Тихвинской Божіей Матери Даля и Леонова. Въ томъ-же 1885 году Прохоровъ опубликовалъ въ краскахъ въ своихъ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной»

Digitized by Google

изъ альбома Даля детальные рисунки изразцовъ той-же Тихвинской церкви и, кромѣ того, рисунки оконъ нѣкоторыхъ Ярославскихъ церквей, какъ, напр., церкви въ Толчковѣ или въ Коровникахъ.

И, наконецъ, выходитъ въ свѣтъ великолѣпная и подробнѣйшая коллекція фотографій Борщевскаго.

Такимъ образомъ археологическій матеріалъ этотъ становится не только затронутымъ, но уже въ значительной степени обработаннымъ. Но изъ всего, что было обнародовано, изслѣдованіе А. М. Павлинова является наиболѣе цѣльнымъ. Тѣмъ не менѣе оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемо, какъ монографія ростово-ярославскихъ церквей, ибо А. М. Павлиновъ разбираетъ ихъ далеко не всѣ, а ограничивается шестью-семью наиболѣе характерными и описываетъ попутно наиболѣе типичныя части внутренняго убранства, какъ, напр., «царскія двери», «надпрестольныя сѣни» и «царскія мѣста». Такимъ образомъ изслѣдованіе это скорѣе всего можно назвать этюдомъ въ области стиля церковной ярославской архитектуры.

Такъ какъ нѣкоторые изъ разсматриваемыхъ памятниковъ А. М. Павлиновъ обмѣрялъ самъ, а другіе ему хорошо извѣстны, и такъ какъ онъ здѣсь, повидимому, никакими историческими задачами не задавался, а ограничивался только областью чисто архитектурно-археологической, то подобное изслѣдованіе оказалось для него гораздо болѣе удобнымъ, чѣмъ «Исторія русской архитектуры». Поэтому неудивительно, что первое вышло гораздо лучше второй.

Рисунки здѣсь также гораздо лучше, чѣмъ въ «Исторіи». Объясняется это тѣмъ, что масштабъ ихъ несравненно крупнѣе и, кромѣ того, еще тѣмъ, что многіе изъ нихъ представляютъ собою большіе ортогональные чертежи плановъ, разрѣзовъ и фасадовъ.

Изъ 60-ти слишкомъ изображеній около половины оригинальныхъ обмѣровъ составителя, между которыми есть два (табл. XV и XVII) весьма значительныхъ размѣровъ. Фототипическія копіи съ фотографій очень приличны, но фотоцинкографіи — слабѣе. Вообще же въ смыслѣ рисунковъ изданіе обставлено безусловно прилично.

Изъ ярославскихъ церквей А. М. Павлиновъ разсматриваетъ три:

1) «Іоанна Предтечи въ Толчковѣ»,

2) «Іоанна Златоуста въ Коровникахъ»

и 3) «Ильи Пророка на Площади».

Изъ нихъ первыя двѣ — подробно, съ планами и разрѣзами; послѣднюю — кратко, съ однимъ только перспективнымъ видомъ.

Описаніе первой, т. е. Толчковской, А. М. Павлиновъ начинаетъ сообщеніемъ разныхъ историческихъ свѣдѣній (стр. 2), которыя заим-

Digitized by Google

ствуетъ изъ подробнаго описанія этой церкви, изданнаго въ Ярославлѣ въ 1881 году, подъ заглавіемъ «Предтеченская церковь въ Ярославлѣ», но, по своему обыкновенію, источника не указываетъ. Послѣ этого онъ переходитъ къ разсмотрѣнію плана и внутренняго устройства, при чемъ обращаетъ вниманіе на особенное «надъалтарное» помѣщеніе встрѣчаемое въ ярославскихъ церквахъ и высказываетъ предположеніе, что оно было «тайникомъ». Противъ этого можно возразить, что такое помѣщеніе, будучи закрыто только иконостасомъ и легко обнаруживаемое съ боковыхъ фасадовъ, врядъ-ли могло служить для этихъ цѣлей. Такимъ образомъ вопросъ этотъ надо по прежнему считать *открытымъ*.

Затѣмъ г-нъ Павлиновъ предлагаетъ проектъ реставраціи, который, повидимому, вѣренъ, за малыми исключеніями.

Сдѣланная имъ замѣна новыхъ вычурныхъ и большихъ главъ болѣе простыми и меньшими, луковичными, вполнѣ оправдывается рисункомъ 1731 года.

Предположеніе его объ надстройкѣ придѣловъ и пристройкѣ боковыхъ входовъ имѣютъ много вѣроятія. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о предлагаемой имъ реставраціи крыши. Древняя крыша была, по всей вѣроятности, тоже четырехскатная и ограничивалась снизу горизонтальными краями, но только она была гораздо положе, такъ что низы шей были видны. Предполагаемому имъ покрытію «по закомарамъ» противорѣчитъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что число закомаръ не равно числу сводовъ, а во-вторыхъ, то, что между закомарами стоятъ древнія колонки.

Если бы даже и было доказано, что накладка по аркамъ новая, мы все-таки же остаемся при своемъ мнѣніи, ибо она легко могла быть сдѣлана послѣ пожара 1707 года, когда верхъ церкви пострадалъ отъ огня, и когда, слѣдовательно, верхній край стѣны непремѣнно требовалъ поправки.

Мы основываемъ наше предположеніе на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Число сводовъ по продольному и поперечному фасаду — *три* (рис. 1-й), а число закомаръ — *четыре* (рис. 4-й); такимъ образомъ число закомаръ не соотвѣтствуетъ числу сводовъ, вслѣдствіе чего разжелобки приходятся на *шалыгахъ*, чего мы никогда въ русскомъ зодчествѣ *не видали*.

2) Въ томъ же Ярославлѣ существуютъ церкви, у которыхъ сдѣлано безспорно древнее заполненіе подъ одинъ уровень между закомарами. Образцомъ можетъ служить Всесвятская церковь, у которой въ кладку между закомарами вставлены древніе изразцы XVII вѣка и притомъ по старинному — «на уголъ», т. е. ромбомъ.

3) Нынѣшняя крыша Толчковской церкви сдѣлана въ 1750 г.; на рисункѣ 1731 года крыша, устроенная послѣ пожара 1708 г., показана четырехскатной. — Слѣдовательно съ 1708 по 1731 годъ покрытія «по

Digitized by Google

закомарамъ» не было. Если старая крыша *сгорѣла* въ 1708, то она была *деревянная;* если же она была деревянная, то несомнѣнно *четырехскатная*, ибо крышу съ яндовами изъ дерева *безъ течи* устроить крайне трудно.

4) Никакихъ основаній для своего предположенія о покрытіи по закомарамъ А. М. Павлиновъ не приводитъ, ибо самъ же утверждаетъ (стр. 7), что «чердакъ носитъ слѣды передѣлки и *не даетъ никакихъ другихъ данныхъ* для реставраціи первоначальной формы крыши» (кромѣ того, что она была *ниже).*

Всѣ эти соображенія и заставляютъ насъ предполагать, что реставрація А. М. Павлинова крыши «по закомарамъ» больше, чѣмъ гадательна.

Послѣ Толчковской церкви А. М. Павлиновъ переходитъ къ другому памятнику — къ церкви Іоанна Златоуста въ Коровникахъ.

Сообщивъ краткія имѣющіяся объ ней историческія данныя, онъ разсматриваетъ планъ и разрѣзъ и находитъ въ нихъ, и — прибавимъ — совершенно справедливо, большое сходство съ предыдущей.

Затѣмъ онъ обращается къ западному фасаду и подъ вліяніемъ предвзятой мысли, что первоначальное покрытіе было непремѣнно *посводное*, предполагаетъ, что онъ передѣланъ, но когда? — На это отвѣта у него нѣтъ. «Среднія лопатки, говоритъ онъ (стр. 10), плоскія: онѣ, оче«видно, *позднія* и сдвинуты къ срединѣ для того, чтобы вверху можно было «сдѣлать три полукруга одинаковой вышины подъ общій горизонтальный «карнизъ. Вотъ почему среднія лопатки въѣхали въ наличники оконъ. *Пер«воначальный фасадъ, очевидно, былъ другой;* прежде, чѣмъ говорить объ «немъ, необходимо замѣтить, что внутренняя конструкція храма дѣлитъ «все зданіе на три неравныхъ части: средина шире боковъ и вовсе не соот«вѣтствуетъ дѣленію фасада. При такомъ размѣщеніи тягъ крыша по по«лукругамъ становится невозможной, потому что линіи полукруговъ не «сойдутся съ линіями сводовъ церкви. Для возстановленія фасада слѣдуетъ «среднія лопатки передвинуть на средину оконныхъ промежутковъ, тогда «наружное дѣленіе фасада будетъ соотвѣтствовать внутреннему, — среднее «дѣленіе будетъ больше боковыхъ. Если сдѣлать покрытіе по тремъ зако«марамъ, то явится возможность открыть нижнія части главъ и обнаружить «скрытыя подъ существующей нынѣ крышей украшенія въ видѣ кокошни«ковъ» (стр. 11)[1].

Вся высказанная здѣсь гипотеза основана на одномъ словѣ: «очевидно». Это же послѣднее основаніе, т. е. «очевидность», явилась подъ вліяніемъ того непремѣннаго условія, что во время *первоначальной* по-

1) Если все сказанное справедливо, то придется сдѣлать то же самое съ Толчковскою церковью. Однако-же А. М. Павлиновъ дѣлать этого не рѣшается.

Digitized by Google

стройки храмъ долженъ быть крытъ по закомарамъ, соотвѣтствующимъ сводамъ.

Посмотримъ теперь, что мы имѣемъ *за* это предположеніе и что *противъ* него.

Во-первыхъ, на фасадѣ церкви Михаила Архангела въ Ярославлѣ мы видимъ шесть древнихъ маленькихъ закомаръ и одну икону, выравненныхъ подъ одинъ общій уровень въ видѣ стѣнки; слѣдовательно первоначальность *четырехскатнаго* покрытія здѣсь *несомнѣнна*.

Во-вторыхъ, Петропавловская церковь на Волжскомъ берегу ни лопатокъ, ни закомаръ не имѣетъ и оканчивается горизонтальнымъ карнизомъ, слѣдовательно четырехскатная сторона первоначальной крыши здѣсь также *несомнѣнна*.

Въ третьихъ, церковь Спасо-Яковлевскаго монастыря заканчивается не закомарами, а мелкою аркатурою, значитъ опять объ иной крышѣ, кромѣ *четырехскатной*, рѣчи быть не можетъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, въ «прибрежной» церкви на Волгѣ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ архивольты закомаръ помѣщаются *подъ* горизонтальнымъ карнизомъ *первоначальной* крыши и превращаются исключительно въ декоративный мотивъ, будучи *парными* на боковыхъ фасадахъ.

Итакъ, мы имѣемъ очень вѣскія доказательства того, что храмы XVII вѣка *первоначально* далеко не всегда имѣли посводное покрытіе.

Далѣе, чтобы доказать *позднѣйшее* происхожденіе трехъ арокъ на фасадѣ церкви въ Коровникахъ, надо удостовѣриться, во-первыхъ, что матеріалъ иной и что кладка другая. Между тѣмъ А. М. Павлиновъ этого не сдѣлалъ, иначе онъ сослался бы и на то, и на другое, чего мы у него не видимъ.

Если это была только перелицовка фасада, то *безслѣдно* этого сдѣлать нельзя; если же стѣны выведены вновь, начиная съ пятъ оконныхъ арокъ, то безъ сломки сводовъ это неисполнимо; своды же А. М. Павлиновъ не считаетъ позднѣйшими, иначе онъ на это указалъ бы.

Пойдемъ далѣе. Если на западномъ фасадѣ, передвинувъ лопатки, можно будетъ получить еще какъ-нибудь закомары болѣе или менѣе обычнаго вида, то что-же будетъ на боковыхъ фасадахъ?

Средняя закомара будетъ имѣть *четыре сажени* длины и *одну* высоты. Мы смѣемъ думать, что во всемъ русскомъ зодчествѣ ни одной такой закомары найти нельзя, а потому и всѣ предположенія А. М. Павлинова о томъ, что «лопатки позднія» и что онѣ «сдвинуты», не имѣютъ основанія. Не проще ли предположить, что мастера, доведя церковь до пятъ оконныхъ перемычекъ, и сообразивъ, что надо *украсить* верхъ церкви традиціонными закомарами, заложили на равныхъ разстояніяхъ лопатки одно-

Digitized by Google

временно съ оконными арками[1]) и вывели на нихъ архивольты закомаръ, а когда эти послѣдніе не сошлись у нихъ со сводами, они избрали простѣйшее рѣшеніе: подогнали стѣнку подъ одинъ уровень, покрыли четырехскатной крышей — и дѣлу конецъ!

Вѣдь памятниковъ зодчества, построенныхъ такимъ образомъ, разсѣяно по Россіи цѣлыя сотни, и всякій, кто обмѣрялъ ихъ, знаетъ это. Очень часто, особенно въ XVII вѣкѣ, наши мастера дѣлали не такъ, какъ предварительно было предположено, а такъ, «какъ выйдетъ». Привести этому можно тысячи доказательствъ.

Покончивъ съ крышей, А. М. Павлиновъ обращается къ самому храму и приходитъ къ довольно неожиданнымъ выводамъ. По его мнѣнію, галлерея, придѣлы и крыльцо XVIII вѣка. Подобнаго вывода мы, признаться сказать, ожидали меньше всего, ибо считали и *продолжаемъ считать* эти формы *типичнѣйшими* формами XVII вѣка.

Посмотримъ, на чемъ же онъ основываетъ свое предположеніе?

«Изображеніе церкви Іоанна Златоуста находится также на гравюрѣ города Ярославля» (1731 года), говоритъ онъ (стр. 11), и приводитъ этотъ рисунокъ (№ 8). «Тамъ этотъ храмъ, продолжаетъ онъ, представленъ пятиглавымъ, но безъ галлереи и придѣловъ; только небольшіе фронтонные входы приставлены къ самымъ стѣнамъ храма. *Намъ кажется*, что первоначально *этотъ храмъ былъ именно такимъ*».

Итакъ, основа предположенія г-на Павлинова — рисунокъ 1731 г.

Разберемъ же «достовѣрность» этой основы.

Прежде всего замѣтимъ, что рисунокъ этотъ, крайне неумѣлый и грубый, отчасти напоминаетъ собою наше «палатное» письмо, т. е. изображеніе зданій на иконахъ, и въ особенности на иконахъ XVIII вѣка. Слѣдовательно въ немъ нечего искать ни перспективы, ни правильной передачи архитектурныхъ формъ. А потому ссылаться на него въ этомъ отношеніи нѣсколько рискованно.

Мы можемъ привести даже одно чрезвычайно яркое доказательство его неправильности.

На церковной землѣ въ Коровникахъ стоятъ почти рядомъ два храма, алтарныя части которыхъ соединены каменнымъ заборомъ съ воротами[2]), такъ что съ востока они расположены на одной линіи.

Изъ нихъ сѣверный, разсматриваемый А. М. Павлиновымъ, холодный храмъ Іоанна Златоуста; южный, теплый — Владимірской Божіей Матери.

---

1) Чѣмъ и объясняетъ ихъ прекрасное соединеніе въ смыслѣ кладки.

2) См. фотографію Борщевскаго, № 18.

Digitized by Google

Между ними съ западной стороны, нѣсколько выступая впередъ, стоитъ превосходная шатровая колокольня.

Относительное расположеніе храмовъ и колокольни можно обрисовать для большей ясности еще такъ: если мы представимъ себѣ треугольникъ, то въ углахъ его, прилегающихъ къ основанію, будутъ находиться алтари храмовъ, а въ вершинѣ — колокольня.

Изъ этого расположенія ясно, что если смотрѣть на юго-восточный уголъ церкви Іоанна Златоуста, которымъ она обращена къ зрителю на рисункѣ 1731 года, приводимомъ А. М. Павлиновымъ, то колокольня придется непремѣнно *слѣва*, между тѣмъ какъ она показана на рисункѣ *справа*. Если же смотрѣть при тѣхъ условіяхъ на южный храмъ Владимірской Божіей Матери, отъ котораго колокольня отставлена въ сѣверо-западномъ направленіи, то она дѣйствительно можетъ быть видима *справа*. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или рисунокъ совершенно *невѣренъ*, или же на немъ изображенъ храмъ не Іоанна Златоуста, а какой-нибудь другой. А значитъ, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ на основаніи этого рисунка объ церкви Іоанна Златоуста *вѣрныхъ выводовъ сдѣлать нельзя*.

Что же касается до разныхъ соображеній А. М. Павлинова (стр. 12), что части этого храма разновременной постройки, потому что одни взяты съ камня (средняя масса), а другія съ дерева (придѣлы и галлерея), то они сами собою падаютъ, принимая во вниманіе, что такихъ храмовъ (за исключеніемъ «шатровъ») мы знаемъ не мало въ московскомъ зодчествѣ. Почему же нельзя допустить въ Ярославлѣ того, что возможно въ Москвѣ?

По разсмотрѣніи этихъ двухъ храмовъ, А. М. Павлиновъ дѣлаетъ бѣглый очеркъ церквей Ильинской, храмовъ Николо-Мокринскаго[1]) погоста и ярославскихъ колоколенъ, при чемъ, къ сожалѣнію, не разсматриваетъ Коровницкой колокольни, которая своею архитектурою обращаетъ на себя вниманіе Віолле-ле-Дюка, видѣвшаго въ ней «очень явный *индѣйскій* характеръ»[2]). Съ подобными отзывами А. М. Павлинову слѣдовало бы сосчитаться и доказать всю ихъ нелѣпость.

Покончивъ съ этими церквами, А. М. Павлиновъ дѣлаетъ краткіе выводы и перечисляетъ слѣдующія особенности ярославскихъ церквей:

1) Шатровыя покрытія придѣловъ.

2) Входы съ высокими щипцами и высокой двускатной крышей.

3) Громадное количество изразчатыхъ украшеній.

Особенности эти дѣйствительно въ другихъ мѣстахъ Россіи не встрѣчаются.

---

1) По мѣстному произношенію.

2) См. его «L'art russe», page 131.

Digitized by Google

Оставляя въ сторонѣ «деревянное зодчество», чтобы разсмотрѣть его вмѣстѣ съ ростовскимъ, перейдемъ теперь къ древностямъ Ростова-Великаго.

Первый храмъ, который разсматриваетъ А. М. Павлиновъ — церковь Іоанна Богослова, поставленная между двухъ башенъ, на стѣнѣ.

Это положеніе церкви даетъ поводъ А. М. Павлинову высказать слѣдующія соображенія:

«Ростовскія церкви, говоритъ онъ (стр. 23), находятся въ близкой связи съ военными сооруженіями. Эта связь рождаетъ особую комбинацію массъ. Всѣ церкви такого типа обыкновенно находятся во 2-мъ этажѣ и чаще всего стоятъ на воротахъ».

На это замѣтимъ, во-первыхъ, что церквей такого устройства (кромѣ боковыхъ башенъ) имѣется множество во всей Россіи, въ любомъ большомъ монастырѣ со стѣною, слѣдовательно тутъ нѣтъ никакой близкой связи съ военными сооруженіями, а во-вторыхъ, что въ самомъ Ростовѣ такихъ церквей всего двѣ, а десятки прочихъ ничего подобнаго не представляютъ собою. Слѣдовательно, если и можно указать на что-либо, какъ на особенность, то только на то обстоятельство, что по бокамъ церкви стоятъ башни. Да и это обстоятельство чисто случайное: ворота въ средневѣковой, крѣпостной архитектурѣ защищались обыкновенно башнями, которыя ставились или *прямо* надъ воротами (одна) или *по бокамъ* ихъ (двѣ). У насъ предпочитался обыкновенно первый пріемъ, какъ это мы видимъ на множествѣ примѣровъ. Въ Ростовскомъ же Кремлѣ, который по своему позднему происхожденію представлялъ скорѣе ограду, нежели крѣпость, и потому отличается *малыми* размѣрами своихъ частей, проѣздныхъ воротъ въ башнѣ нельзя было устроить, а потому нужно было сдѣлать двѣ башни. Церковь же, построенная потомъ «надъ воротами», пришлась между ними. Вотъ и вся связь съ «военными» сооруженіями.

Послѣ этого А. М. Павлиновъ даетъ описаніе плана фасада и внутренняго устройства и указываетъ на покрытіе «сомкнутымъ сводомъ съ четырьмя распалубками къ срединамъ стѣнъ» (стр. 25) какъ на «ростовскую» особенность, хотя — замѣтимъ мы — особенность эта встрѣчается и въ Москвѣ, напр. въ церкви Трифона Кречетника.

Переходя къ покрытію, онъ, конечно, стремится доказать (стр. 26), что оно было по закомарамъ. На это можно возразить, что при покрытіи по закомарамъ *чердака быть не можетъ*. А древняя лѣстница, устроенная въ стѣнѣ, ведетъ по его же собственнымъ словамъ *на чердакъ*. Спрашивается, зачѣмъ же было дѣлать лѣстницы на чердакъ, когда его самаго не было? А лѣстницу ведущую на *крышу* врядъ ли можно указать въ древнемъ русскомъ зодчествѣ.

Digitized by Google

Кромѣ того, если на разрѣзѣ чердака, приводимаго А. М. Павлиновымъ (рис. 16), провести прямую линію отъ верхушки закомаръ къ нижнему поясу средней главы, то получится крыша весьма приличнаго уклона. Слѣдовательно вопросъ о покрытіи надо пока оставить *открытымъ*.

Что же касается до предположенія его, что *вторыя* арки подведены въ пролетахъ воротъ впослѣдствіи (стр. 27), то оно основанія не имѣетъ, ибо движеніе, происшедшее въ лѣвомъ пролетѣ (черт. 18), имѣетъ въ *натурѣ* всѣ признаки *одновременности*, какъ въ верхней, такъ и въ нижней аркѣ.

Послѣ Богословской церкви А. М. Павлиновъ даетъ бѣглое описаніе (около *одной* страницы) другой подобной-же церкви — Воскресенья, при чемъ отмѣчаетъ особое устройство главы и подраздѣленіе свода подпружными арками стѣнъ, опирающимися на парныя, очень вытянутыя колонки.

Пріемъ этотъ дѣйствительно нигдѣ больше не встрѣчается.

По поводу ростовскихъ надвратныхъ церквей, А. М. Павлиновъ упоминаетъ вскользь объ совершенно однородныхъ церквахъ Св. Сергія и Срѣтенія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Опредѣленіе эпохъ постройки, сдѣланное имъ по деталямъ, совершенно правильно, но нельзя не пожалѣть объ той исключительной краткости замѣчаній объ этихъ памятникахъ (*шестнадцать* строчекъ), которую мы видимъ у А. М. Павлинова. Памятники такой красоты и значенія несомнѣнно заслуживаютъ гораздо большаго вниманія. Интереснѣйшій памятникъ Ростовскаго Кремля, церковь Спаса на Сѣняхъ, изслѣдованъ А. М. Павлиновымъ также довольно поверхностно (всего одна страница съ четвертью — 32—33-я). Онъ, напр., не пытается даже объяснить необычайную пятипролетную аркаду, возвышающуюся на солеѣ и соединенную перекидными арками съ восточной стѣной храма, оставляя этотъ вопросъ не только *открытымъ*, но даже и *не затронутымъ*.

Относительно покрытія онъ ссылается на г. Суслова и думаетъ вслѣдъ за нимъ, что покрытіе было *трехлопастное*.

Не отрицая того, что существующая четырехскатная крыша дѣйствительно новая, мы на основаніи личнаго изслѣдованія чердака, на которомъ сохранились слѣды гнѣздъ отъ старыхъ деревянныхъ стропилъ, полагаемъ, что покрытіе было щипцовое, восьмискатное, совершенно подобное тому, какое мы видимъ на церкви Св. Исидора въ томъ же Ростовѣ Великомъ.

Послѣднимъ ростовскимъ каменнымъ храмомъ, разсматриваемымъ А. М. Павлиновымъ, является городской соборъ.

Г-нъ Павлиновъ на основаніи свидѣтельства лѣтописи полагаетъ (стр. 34), что древній соборъ XII вѣка разрушился весь отъ пожара, что нынѣшній вновь построенъ въ XV в. и сильно передѣланъ въ XVII в.

Digitized by Google

Относительно сильной передѣлки въ XVII в. А. М. Павлиновъ, повидимому, правъ. Что же касается до того, что нынѣшній построенъ въ XV в. весь вновь, то этому обстоятельству противорѣчитъ открытіе Леонтьевскаго придѣла, и, кромѣ того, то соображеніе, что отъ пожара весь древній соборъ не могъ развалиться; нижнія части должны были сохраниться. Рѣшить этотъ вопросъ можно только съ помощью отбитія внутренней и наружной штукатурки и раскопки фундамента. Но такъ какъ А. М. Павлиновъ такихъ работъ не производилъ, то вопросъ этотъ надо пока оставить *открытымъ*.

Большая часть выводовъ А. М. Павлинова по поводу ростовскихъ церквей (объ ихъ связи съ «военной архитектурой», объ покрытіи по закомарамъ и т. д.) уже была нами указана. Въ заключеніе надо упомянуть еще на его указаніе позднѣйшей надкладки шей церковныхъ главъ.

Указаніе это совершенно вѣрно, ибо новая надкладка ихъ замѣтна съ перваго же взгляда (табл. XIX).

II.

Въ отдѣлѣ «деревяннаго зодчества» А. М. Павлиновъ разсматриваетъ тѣ произведенія рѣзного и столярнаго дѣла, которыя сохранились въ нѣкоторыхъ церквахъ Ярославской губерніи, т. е. царскія врата, надпредстольныя сѣни и царскія и патріаршія мѣста. Большинство изъ нихъ онъ даетъ въ снимкахъ г-на Борщевскаго, а *три* — въ собственныхъ обмѣрахъ.

Разсматривая произведенія ярославскаго рѣзного дѣла, А. М. Павлиновъ совершенно справедливо отмѣчаетъ ихъ общій характеръ и слѣды западнаго вліянія. Дѣйствительно вліяніе порталовъ Благовѣщенскаго собора на общую отдѣлку царскихъ вратъ древнихъ церквей верхняго Поволжья несомнѣнно. Остается пожалѣть только, что А. М. Павлиновъ не повелъ дальше этого анализа и не разобрался совсѣмъ въ орнаментѣ; а слѣдовало бы указать, *что* въ немъ русское и *что* итальянское, и *что*, наконецъ, представляетъ собою русскую передѣлку итальянскаго стиля. Не нужно было также ограничиваться указаніемъ на одинъ очень странный мотивъ, который мы увидимъ на нѣкоторыхъ вратахъ: руки, поддерживающія коруну (таб. IX и XI), тѣмъ болѣе, что мотивъ этотъ не разъясненъ вовсе въ *нашей* археологической литературѣ, — нужно было или объяснить его или поставить вопросъ. Указывать же можно только на вещи, давно уже объясненныя или заурядныя. Что же касается до «сѣней» и «царскихъ мѣстъ», то появленіе ихъ и происхожденіе не объяснены у А. М. Павлинова.

Онъ правъ, говоря, что «центръ этого рѣзного производства пока указать трудно», но не правъ въ томъ отношеніи, что онъ не указываетъ

Digitized by Google

на связь этихъ произведеній съ Москвою; а связь эта несомнѣнна, ибо эти «мѣста» и «сѣни» ведутъ оттуда свое начало и родоначальникимъ ихъ является такъ называемый «Мономаховъ тронъ» или рѣзное царское мѣсто XVI в. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Доказательствомъ этого служитъ, во 1-хъ, древнѣйшая изъ Ярославскихъ «сѣней»—Николо-Надѣинская (временъ царя Михаила Ѳедровича), шатеръ которой очень похожъ на шатеръ «Мономахова» трона; а во 2-хъ, тѣ «мѣста» XVI вѣка, которыя мы видимъ въ Софіи Новгородской [1]), и которыя появились въ Новгородѣ ужь конечно не подъ вліяніемъ Ярославля. Все это надо бы выяснить.

Въ томъ же отдѣлѣ ростовской архитектуры А. М. Павлиновъ разсматриваетъ врата Вознесенской церкви (таб. XXIV) и церкви на Ишмѣ (Ишнѣ?) (таб. XIII).

Віолле-ле-Дюкъ также разсматривалъ тѣ и другія и нашелъ въ первыхъ слѣды «индѣйскаго» вліянія, а во вторыхъ — «персидскаго». Но А. М. Павлиновъ вопросъ «о вліяніяхъ» оставляетъ въ сторонѣ, съ Віолле-ле-Дюкомъ не считается и приводитъ миніатюры XIV вѣка для доказательства, что эти ворота «древнѣе» ярославскихъ. Въ этомъ, впрочемъ, никто не сомнѣвался, ибо, во 1-хъ, покойный Даль уже давно доказалъ, что восточное вліяніе въ нашей *орнаментикѣ* предшествовало итальянскому; а во 2-хъ, на вратахъ церкви на Ишнѣ сохранилась надпись съ датой, которая почему-то не обратила на себя вниманіе А. М. Павлинова.

Что же касается до его заключенія, что царскія «врата» были сперва царскими *дверями*, т. е. створами въ невысокой стѣнкѣ, то стоило ему посмотрѣть такой рисунокъ въ сочиненіи Ленуара для убѣжденія въ томъ, что это давно уже извѣстно въ европейской наукѣ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы можемъ сдѣлать теперь слѣдующіе выводы объ этомъ очеркѣ А. М. Павлинова:

1) Онъ представляетъ собою первую попытку архитектурно-археологическою обслѣдованія ростовско-ярославской архитектуры.

2) Языкъ, сравнительно съ исторіей гораздо лучше, хотя и встрѣчаются шероховатости въ родѣ царскихъ «сидѣній».

3) Изслѣдованія памятниковъ отличаются большею частью краткостью, отчего многіе вопросы остались невыясненными.

4) Предлагаемыя реставраціи не всегда достаточно обоснованы.

---

1) Копіи въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

Digitized by Google

5) Прилагаемые рисунки хороши и въ значительной степени пополняютъ текстъ.

И, наконецъ, 6) большинство выводовъ по характеристикѣ мѣстной архитектуры вѣрно.

---

3. „Древніе храмы Витебска и Полоцка".

А. М. Павлинова.

4. Его-же. „Деревянныя церкви г. Витебска".

Эти замѣтки А. М. Павлинова являются одною изъ первыхъ попытокъ архитектурнаго обслѣдованія храмовъ древняго Полоцкого княжества.

Сообщивъ разныя историческія данныя, заимствованныя изъ «Витебской Старины» Сапунова, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію церкви Благовѣщенія въ Витебскѣ, относимой или ко временамъ Св. Ольги, или ко временамъ Ольгерда. Древняго въ ней немного: своды, куполъ, алтарная преграда, колокольня и западная пристройка — новыя. Остаются лишь стѣны, древній планъ чисто византійскаго характера, да части древней кладки, по тожеству которой съ кладкой Софіи Новгородской А. М. Павиновъ относитъ этотъ Витебскій храмъ къ XI вѣку.

Второй памятникъ, разсматриваемый А. М. Павиновымъ — Полоцкій Софійскій соборъ. Онъ передѣланъ настолько, что отъ первоначальной постройки остался одинъ восточный выступъ, который по характеру кладки можетъ быть отнесенъ къ XI—XII вв. На немъ еще сохранилась наружная отдѣлка (рис. 8), какую мы видимъ на древнихъ кіевскихъ церквахъ.

Кромѣ этихъ двухъ памятниковъ церковной старины, является весьма любопытнымъ еще третій — храмъ Спасо-Евфросиніевскаго монастыря, основанный въ XII вѣкѣ преподобной Евфросиніей, въ мірѣ княжной Предславой Святославновой Полоцкой.

Храмъ этотъ, за исключеніемъ новыхъ верхнихъ частей, сохранился довольно хорошо. Планъ его очень похожъ на планъ витебской Благовѣщенской церкви. Внутреннее расположеніе имѣетъ ту особенность, что на хорахъ съ западной стороны мы видимъ двѣ келейки: одну основательницы преподобной Ефросиніи, другую — ея сестры Евдокіи.

Фасадъ не утратилъ еще слѣдовъ древности, но приложенный рисунокъ крайне блѣденъ и даетъ объ немъ очень слабое представленіе. По мнѣнію г-на Павлинова, такія витебскія и полоцкія церкви относятся къ кіевскому періоду нашего зодчества, но однѣ изъ нихъ ближе къ кіевскимъ церквамъ, другія — къ новгородскимъ, откуда онъ заключаетъ, что Витебскъ былъ «Колоніей новгородцевъ» (стр. 17).

Digitized by Google

Разсматриваемыя г-мъ Павлиновымъ три витебскія деревянныя церкви довольно позднія (второй половины XVII вѣка). Всѣ онѣ въ планѣ имѣютъ крестъ, концы котораго, за исключеніемъ западнаго, ограничены полувосьми-угольникомъ.

Съ запада расположены глухія паперти. Фасады очень некрасивые съ многогранными луковичными главами поздняго характера. Такъ что ни съ исторической, ни съ художественной стороны церкви эти любопытнаго ничего не представляютъ.

Довольно интересными являются, впрочемъ, царскія двери въ Марковомъ монастырѣ (таб. VI), сооруженныя вмѣстѣ съ храмомъ въ концѣ XVII вѣка полякомъ-католикомъ, княземъ Симеономъ Карломъ Огинскимъ. На нихъ вмѣсто Благовѣщенія надписи, вмѣсто Евангелистовъ-символы. Стиль — Барокко.

Выводы, которые г-нъ Павлиновъ дѣлаетъ на основаніи этихъ церквей, тѣ же, что онъ сдѣлалъ въ своей «Исторіи русской архитектуры»; здѣсь они только повторены. Такимъ образомъ эта послѣдняя статья даетъ мало новаго въ смыслѣ выводовъ, но много новаго въ смыслѣ матеріала.

Резюмируя теперь все вышесказанное по поводу первой статьи, мы приходимъ къ тому заключенію, что, хотя разсматриваемые въ ней памятники мало интересны по своей крайней искаженности, тѣмъ не менѣе она даетъ «нѣчто» въ смыслѣ историческаго матеріала, ибо указываетъ на распространеніе византійскаго церковнаго стиля на *сѣверо-западѣ* Россіи.

Вторая же устанавливаетъ существованіе *тамъ-же* деревянныхъ церквей крестоваго плана.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ II. № 2. | **Tome II. № 2.**

С. Г. РЫБАКОВЪ.

МУЗЫКА И ПѢСНИ
УРАЛЬСКИХЪ МУСУЛЬМАНЪ
СЪ ОЧЕРКОМЪ ИХЪ БЫТА.

204 МЕЛОДІИ СЪ ТЕКСТАМИ И РУССКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ. — ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЗЫКАНТОВЪ И ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ. — ДВА ПРИЛОЖЕНІЯ.

СЪ КАРТОЮ УФИМСКОЙ И ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІЙ И ПОРТРЕТОМЪ БАШКИРА-МУЗЫКАНТА.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 9 ноября 1894 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1897. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ и Варшавѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фосъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et **C. Ricker** à St.-Petersbourg.
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou et Varsovie,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 3 р. — Prix: 7 Mrk. 50 Pf.

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, декабрь 1897 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . V—VIII

Введеніе . . . . . 1—50

I. Очеркъ быта и современнаго состоянія инородцевъ Урала 3

Татары 8

Башкиры 15

Тептяри 38

II. Произведенія творчества уральскихъ мусульманъ . . . 44

Образцы книжнаго творчества инородцевъ Урала . . . . . 51—60

Мынажатъ 53

Баитъ 55

Татарскія народныя пѣсни (джыр) . . . . . 61—108

Образцы татарскихъ инструментальныхъ мелодій 67

Протяжныя татарскія пѣсни (узун-куй) 73

Скорыя » » (такмак) 84

Татарскія пѣсни безъ мелодій въ русскомъ переводѣ . . . 104

Башкирскія пѣсни (джыр) . . . . . 109—194

Башкирскій музыкальный инструментъ—курай и его строй 112

Инструментальныя мелодіи Башкиръ, исполняемыя на кураѣ 123

А) Мелодіи въ честь героевъ (123). Б) Мелодіи, воспѣвающія красоты природы: горы, рѣки и проч., а также животныхъ (135). В) Звукоподражательныя мелодіи (139). Г) Мелодіи различнаго характера (142). Д) Плясовыя мелодіи (біукуй) (145); марши (152). Е) Русскія пѣсенныя мелодіи въ передѣлкѣ Башкиръ (153).

Протяжныя пѣсни Башкиръ (куйляп) 155

Скорыя » » (жиңыль-куй) 181

Башкирскіе тексты безъ мелодій съ переводомъ 186

Тептярскія пѣсни . . . . . 195—208

Протяжныя пѣсни (мункӳй, узункӳй) 199

Скорая пѣсня (такмак, кыскак) 207

Бакалинскія пѣсни . . . . . 209—214

Digitized by Google

Пѣвцы и музыканты среди уральскихъ мусульманъ (очерки путешествія). . . . . 215—292

Инородческіе музыканты въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ. . . 217

Ибрагимовъ (219); Мурзиковъ (219); Ахмадей Алеевъ (221); Валейка (223); ученикъ муллы (225); Зиновій Салимъ-Гиреевичъ Кудашевъ (225); Мирсеидъ Магасумовъ (226); Галимъ Баймухаметовъ Тулубаевъ (227); Ислямъ Муратовъ (ночь въ горахъ Башкиріи) (227); Лукмановъ—башкиръ-импровизаторъ (229); Мирсеидъ Марзаголовъ (гулянье среди горъ) (231); башкирскіе музыканты на свадьбѣ (233); пѣвцы и музыканты на пріискахъ: Магафуръ Башаровъ (236); Шагіахматъ Валіевъ (236); Павелъ Ивановичъ Шуруповъ (236).

Башкирскіе музыканты въ Орскомъ уѣздѣ 237

Выѣздъ изъ города Верхнеуральска (237); деревня Ташбулатова (237); Магафуръ Каракаевъ (238); деревня Темясова (240); Мансурка (241); Мансурка вечеромъ (242); деревня Иткулова II-я; Тулунгужа Губейдуллинъ (242); пріискъ Горяевыхъ; Абдрахимъ Даулятовъ (244); вечеръ съ башкирскими музыкантами (244); Биргалé (245); любопытство Башкиръ (245); башкирская сходка (247); неумѣнье Башкиръ цѣнить свои богатства (249); настойчивое любопытство Башкиръ (249); толки Башкиръ по поводу собиранія пѣсенъ (251); 3-я Бурзянская волость; гора Масимъ (252); пѣсельники на горѣ Масимъ (258); Лукманъ Ишмуратовъ — игрокъ на куракѣ (260); отъ деревни Мендегуловой до Кананикольскаго завода (260); Башкиріи въ прошломъ столѣтіи и теперь (261); Кананикольскій заводъ (263); Иванъ Лукмановъ (264); ночной переѣздъ отъ Кананикольскаго завода до деревни Юлукъ (265); деревня Юлукъ (267); музыканты въ деревнѣ Юлукъ (269); игра горломъ (270); деревня Иткулова I-я (272); башкиръ-писатель (273); кочевка деревни Иткуловой I-й (273); ночная пирушка (275); Бахтіаръ; продолженіе пирушки (276); кокетство башкирки (279); нищіе (280); на пріискѣ Горяевыхъ вторично (281); хребетъ Ирендыкъ; озеро Кылтыбанъ (282); татарскій пріискъ (284); Султановскій пріискъ (286); Абдрахманъ Узенбаевъ (287); на обратномъ пути въ г. Верхнеуральскъ (288); конецъ путешествія; завоеванія мусульманской Азіи въ Башкиріи (290).

Заключеніе. . . . . 293—294

Приложенія . . . . . 294—327

I. Азіатскій музыкальный журналъ, издаваемый Ив. Добровольскимъ. Астрахань, 1816—1818 гг. 297

II. Опытъ указателя литературы инородческихъ пѣсенъ . 316

Таблица скорости мелодій по метроному 328

Опечатки . . . . . 329—330

Карта Уфимской и Оренбургской губерній съ маршрутомъ поѣздки.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже давно сознана необходимость близкаго этнографическаго изученія Россіи для блага и роста нашей общественной и государственной жизни. И это изученіе уже началось и совершается, хотя и не въ такой степени, какъ подобало бы для нуждъ и роли великаго государства.

Несомнѣнно, на первомъ планѣ должно быть поставлено изученіе родного русскаго народа, но волею судебъ, Россіи предназначено внести и въ среду народностей востока просвѣщеніе и христіанскую культуру.

Но чтобы успѣшнѣе быть носителями просвѣщенія, намъ необходимо близко и хорошо познакомиться съ жизнью восточныхъ народностей: сила вещей невольно все тѣснѣе сближаетъ насъ съ инородцами, и даже центръ нашихъ культурныхъ и государственныхъ интересовъ все болѣе склоняется въ сторону Азіи, востока, гдѣ въ настоящее время подготовляется, можетъ быть, съ ростомъ русской культуры новая великая сцена для міровой работы человѣчества. На востокѣ, и притомъ русскомъ востокѣ, зрѣютъ великія задачи, великія дѣла для будущаго человѣчества:

Молчитъ сомнительно востокъ,
Повсюду чуткое молчанье:
Что это — сонъ иль ожиданье,
И близокъ день или далекъ? (Ѳ. И. Тютчевъ).

Digitized by Google

Не случайно, не безъ причинъ ширится и ширится русское племя все на востокъ; дѣло созданія нашего могущества на востокѣ, ростъ нашего государства есть дѣло не одного только правительства, но и въ огромной степени самого русскаго народа, который, терпя и страдая, неся крестъ на себѣ и Христа съ собою, полагалъ въ этихъ дальнихъ странахъ первыя сѣмена просвѣщенія и культуры:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь небесный
Исходилъ благословляя. (Ѳ. И. Тютчевъ).

И только на этой самимъ народомъ подготовленной почвѣ стало возможно дальнѣйшее упроченіе готовящейся развиться здѣсь культуры.

Уже издавна одной изъ отличительныхъ чертъ нашей инородческой политики было признаніе племенныхъ особенностей инородцевъ, права за ними жить по ихъ собственнымъ вѣковымъ устоямъ жизни, и единственнымъ постояннымъ стремленіемъ русскаго народа и правительства было духовно вліять на инородцевъ путемъ водворенія христіанскаго просвѣщенія и культуры.

Вотъ это-то непрекращающееся стихійное движеніе русскаго міра на востокъ, неизмѣнно проводимое начало признанія племенныхъ особенностей народовъ, и просвѣтительныя задачи, являются главными побужденіями для насъ, русскихъ, къ изученію жизни и быта инородцевъ, населяющихъ Россію, къ изученію того востока, съ которымъ намъ придется и впредь жить или, по народному, вѣкъ вѣковать и съ которымъ общее можно находить въ самомъ настроеніи нашемъ: и народности востока, и русскій народъ одинаково настроены монархически и религіозно.

Помимо знакомства съ формами внѣшняго быта однимъ изъ наиболѣе интересныхъ предметовъ изученія являются памятники народнаго духовнаго творчества, въ томъ числѣ пѣсни и музыка, которые даютъ ключъ къ пониманію духовнаго склада инородцевъ, ихъ понятій, взглядовъ, образа мыслей, стремленій, настроенія, знакомство съ каковыми весьма существенно для успѣховъ нашихъ просвѣтительныхъ задачъ. Независимо отъ этого, вліянія востока уже давно играютъ свою роль въ складѣ русской жизни, что особенно ярко доказывается присутствіемъ множества вос-

Digitized by Google

точныхъ элементовъ въ нашемъ искусствѣ, въ томъ числѣ въ поэзіи и музыкѣ. И въ предлагаемомъ собраніи инородческихъ пѣсенъ и мелодій наши музыканты и композиторы найдутъ, можетъ быть, не менѣе интересные образчики восточнаго творчества для своихъ занятій и работъ, чѣмъ какіе были въ распоряженіи прежнихъ рускихъ мастеровъ, а наши поэты — хотя немного новыхъ для себя мотивовъ.

Въ своей книгѣ я сдѣлалъ попытку сгруппированія всѣхъ по возможности видовъ музыкально-поэтическаго творчества мусульманскихъ народностей Урала съ изображеніемъ ихъ современнаго быта на основаніи впечатлѣній и матеріаловъ моихъ поѣздокъ по Уралу въ 1893—94 гг.

Первый отдѣлъ пѣсенъ, татарскія пѣсни, редактированы академикомъ В. В. Радловымъ. Что касается текстовъ башкирскихъ, тептярскихъ и бакалинскихъ, то я вновь провѣрилъ ихъ въ бытность лѣтомъ 1896 года въ Оренбургѣ и при окончательномъ редактированіи ихъ пользовался содѣйствіемъ П. М. Меліоранскаго.

Въ правописаніи собственныхъ именъ, названій мѣстностей, предметовъ, когда они служатъ наименованіемъ пѣсенъ или мелодій, я избѣгалъ употребленія твердаго знака, какъ это принято въ транскрипціи инородческихъ текстовъ, и лишь по корректурнымъ недоразумѣніямъ попадается иногда въ окончаніяхъ собственныхъ инородческихъ именъ буква ъ.

При обозначеніи тональности записанныхъ мною мелодій я держался правила—ставить въ нотномъ станѣ, въ ключѣ, лишь столько знаковъ (діезовъ, бемолей), сколько встрѣчается ихъ въ самой мелодіи, такъ что съ обычной точки зрѣнія можетъ казаться, что въ ключѣ недостаетъ знаковъ, напр., мелодія движется по всѣмъ признакамъ (съ точки зрѣнія европейской гармоніи) въ тонѣ ля-мажоръ, и въ ключѣ слѣдовало бы поставить три діеза: на фа, до и соль, между тѣмъ я ставлю только два діеза: на фа и до, — это значитъ, что въ самой мелодіи встрѣчаются только фа-діезъ и до-діезъ и вовсе не попадается соль-діезъ.

Такого правила я держался потому, что установленіе тональности инородческихъ мелодій — вопросъ сложный и недостаточно

Digitized by Google

еще выясненный и во всякомъ случаѣ не можетъ производиться по пріемамъ западно-европейской музыкальной теоріи.

Въ концѣ книги приложены таблица скорости мелодій по метроному, во избѣжаніе слишкомъ различныхъ толкованій при ихъ исполненіи, и карта Уфимской и Оренбургской губерній съ маршрутомъ моей поѣздки.

С. Р.

Digitized by Google

ВВЕДЕНІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Очеркъ быта и современнаго состоянія инородцевъ Урала.

Совершенная мною экскурсія лѣтомъ 1893 г. имѣла мѣсто въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. Собранные мною матеріалы и наблюденія ограничиваются предѣлами города Уфы и верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи и потому легко могутъ оказаться односторонними, неполными, требующими добавленія и поправокъ.

Упомянутымъ лѣтомъ я сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на собираніи инородческаго этнографическаго матеріала, преимущественно пѣсенъ татарскихъ, башкирскихъ, тептярскихъ, черемисскихъ съ *мелодіями*, не упуская при случаѣ записыванія русской народной пѣсни, которая, оказывается, имѣетъ въ этомъ краѣ весьма интересные и высокіе образцы. Отдѣлъ башкирскихъ пѣсенъ пополненъ матеріалами и наблюденіями моей поѣздки по орскому уѣзду лѣтомъ 1894 года среди коренной горной Башкиріи.

Въ описываемомъ краѣ — въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ обитаетъ, какъ извѣстно, много разнообразныхъ инородческихъ племенъ, среди которыхъ все болѣе и болѣе распространяется господствующая нація русская. Здѣсь встрѣчаются народности, принадлежащія къ финно-угорскому и тюрко-татарскому племенамъ: Татаръ, Киргизъ, Башкиръ, Тептярей, Мещеряковъ, Мордву, Чувашъ, Черемисъ и др.

Край этотъ до послѣдняго времени можно было считать почти дѣвственнымъ, нетронутымъ, и народности обитали въ немъ въ первобытныхъ, немѣняющихся условіяхъ жизни, сохраняя цѣльность своего племеннаго облика. Но въ послѣднее время поступательное движеніе русской культуры на востокъ коснулось и этого края и произвело въ жизни Пріуралья суще-

Digitized by Google

ственный переломъ, открывая въ ней новую эру. Измѣненія въ жизни края связаны съ проведеніемъ великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на примитивныя народности и вызвалъ между ними новыя экономическія и соціальныя отношенія.

Проведеніе этого пути, начавшагося съ запада, со стороны Европейской Россіи отъ г. Самары и пересѣкшаго уже Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую и даже Тобольскую губерній, знаменуетъ рѣшительное воцареніе русской культуры въ этомъ краѣ, до сихъ поръ почти первобытномъ, изобилующемъ дарами и красотами природы и населенномъ столь разнообразными народностями. Эта культура грандіознымъ предпріятіемъ привлекла сюда громадные капиталы и массу новыхъ людей, начиная съ участниковъ построенія великаго желѣзно-дорожнаго пути и произвела шумъ и переполохъ въ мирной, захолустной жизни отдаленной провинціи, ускоривъ кровеобращеніе въ народномъ организмѣ и поразивъ воображеніе наивныхъ и примитивныхъ обитателей невиданными сооруженіями, неслыханными предпріятіями и широкою, привольною жизнью.

Волна жизни и культуры, надвигаясь на инородцевъ, ставитъ имъ тяжелую задачу приспособленія къ новымъ основаніямъ жизни и принуждаетъ отказываться отъ прежняго вѣковаго жизненнаго строя, ставитъ имъ вопросъ: «быть или не быть». Тяжесть этого кризиса увеличивается тѣмъ, что представители господствующаго племени вносили сюда хищническую культуру, безцеремонно эксплоатируя край, обезземеливая кочевыя народности, уничтожая у нихъ скотоводство и такимъ образомъ насильственно, безъ всякой постепенности, выбивая ихъ изъ вѣковаго строя жизни и ведя ихъ къ вымиранію.

Въ видѣ иллюстраціи можно привести извѣстное хищеніе башкирскихъ земель, имѣвшее мѣсто въ 70-хъ годахъ и получившее своего историка въ лицѣ Н. В. Ремезова, разоблачившаго въ книгѣ «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи» всѣ тайны этого хищенія, практиковавшагося и частнымъ и оффиціальнымъ путемъ.

Жизненная волна стала совершать свои перестройки и перетасовки въ этомъ краю особенно съ проведеніемъ рельсоваго пути.

Самаро-Златоустовско-Челябинская желѣзная дорога, несмотря на свое недавнее существованіе, уже вызвала въ жизни края много новыхъ явленій и много старыхъ намѣтила къ упраздненію.

Проходя по краю, заселенному массой разнообразныхъ народностей, она усилила сношеніе и общеніе между ними, а будучи связана съ другими путями сообщенія, привлекла въ край другія отдаленныя народности и облегчила мѣстному населенію сношенія съ ними. Проѣзжая осенью 1892 г. отъ Златоуста въ Самару, я встрѣтилъ татарина изъ г. Троицка, Орен-

Digitized by Google

бургской губерніи, который, оказалось, ѣхалъ въ Бухару по Волгѣ, Каспійскому морю и Закаспійской желѣзной дорогѣ — окружнымъ путемъ вмѣсто прежняго черезъ среднеазіатскія степи. Въ Оренбургской губерніи, въ городахъ Оренбургѣ и Троицкѣ, издавна до послѣдняго времени существуетъ такъ называемая мѣновая торговля съ средней Азіей, преимущественно съ Бухарой и Туркестаномъ. Въ прежнее время названіе торговли соотвѣтствовало дѣйствительности и вмѣсто купли и продажи товаровъ существовала мѣна; но уже давно установилась обыкновенная торговля на деньги. До послѣднихъ лѣтъ среднеазіатская торговля въ Троицкѣ имѣла обширные размѣры: изъ Средней Азіи приходили десятки верблюжьихъ каравановъ съ азіатскими товарами — различными фруктами, хлопкомъ, шелковыми матеріями, пріѣзжала масса Бухарцевъ — Сартовъ, Киргизъ и другихъ народностей для покупки русскихъ товаровъ — желѣза, хлѣба, сундуковъ и т. п. Троицкъ и Оренбургъ были складочными пунктами среднеазіатскихъ товаровъ для всего Пріуралья и даже большаго района— этимъ объясняются размѣры торговли, а путь слѣдованія товаровъ пролегалъ по среднеазіатскимъ степямъ и былъ весьма продолжителенъ — до 3 мѣсяцевъ; передвиженіе совершалось на верблюдахъ; недостатки его отражались на состояніи товаровъ, доходившихъ до Урала обыкновенно въ измятомъ, запыленномъ и изсушенномъ видѣ. Но вотъ сооружаются сначала Закаспійская, а затѣмъ Самаро-Златоустовская желѣзныя дороги, и направленіе среднеазіатской торговли съ Европейской Россіей совершенно мѣняется къ огромной ея выгодѣ. Образуется окружный, весьма удобный и дешевый путь — по Закаспійской желѣзной дорогѣ, Каспійскому морю, Волгѣ въ Европейскую Россію, а по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ въ Пріуралье. Хотя съ проведеніемъ Закаспійской дороги для Средней Азіи открылся прямой путь въ русскіе центры безъ посредства Пріуралья, тѣмъ не менѣе среднеазіатскія народности поддерживаютъ торговыя сношенія съ послѣднимъ, и значеніе Самаро-Златоустовской дороги для этихъ сношеній обнаружилось и было сознано Бухарцами на первыхъ же порахъ. Оказалось, что по этимъ новымъ путямъ сообщеніе съ Пріуральемъ совершается въ 6 разъ быстрѣе: вмѣсто прежнихъ 3 мѣсяцевъ по степямъ — въ 15 дней, а товары доставляются въ свѣжемъ и незапыленномъ видѣ, что особенно отразилось на фруктахъ, которые стало возможнымъ доставлять на Уралъ въ неизмятомъ, сочномъ и почти свѣжемъ состояніи. Убѣдившись въ этомъ, среднеазіатское населеніе довольно усердно пользуется новымъ путемъ сношеній. Такимъ образомъ строющійся сибирскій желѣзнодорожный путь, началъ оказывать значительное вліяніе на столь отдаленныя страны, какъ Бухара. Усиливающееся постоянно товарное движеніе на этой дорогѣ доказываетъ все ея значеніе.

Digitized by Google

Новое значеніе дороги для края оказалось въ неурожайные годы 1891—92 г., когда при посредствѣ ея транспорты хлѣба доставлялись сравнительно дешево и легко въ отдаленные уголки Уфимской и Оренбургской губерніи и спасали отъ голода и смерти обрадованное населеніе, которое съ ужасомъ представляло себѣ размѣры бѣдствія въ томъ случаѣ, если бы не была проведена желѣзная дорога, и возсылало благодарности за заботы государственной власти. Дорогѣ выпала возможность сдѣлаться полезной для края еще во время ея постройки.

Культура, движущаяся въ дѣвственный край вмѣстѣ съ желѣзной дорогой, вызвавъ эти новыя явленія и факты, уже намѣтила много старыхъ явленій жизни къ упраздненію. На первомъ планѣ она произнесла свой приговоръ надъ патріархальнымъ, несложнымъ строемъ жизни низшихъ классовъ народа въ деревнѣ съ его нравами, обычаями, вѣрованіями, пѣснями и т. п. Культура, какъ подмѣчено, всюду вытѣсняетъ непосредственное народное творчество въ строѣ жизни, обычаяхъ, пѣсняхъ, міросозерцаніи, и это народное творчество быстро улетучивается или поддается всевозможнымъ вліяніямъ, а между тѣмъ плоды этого творчества, какъ установлено, имѣютъ огромное значеніе для развитія культуры. Поэтому важно и интересно собираніе продуктовъ народнаго творчества въ такихъ мало еще затронутыхъ цивилизаціей мѣстахъ, какъ Пріуралье.

Желѣзныя дороги, какъ проводникъ культуры, въ корнѣ переворачиваютъ строй народной жизни и міровоззрѣнія, производя часто самыя уродливыя сочетанія старыхъ формъ жизни съ новыми городскими и отталкивающія нравственныя метаморфозы. Около начальной станціи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги — Кинеля — образовался по поводу ея возниковенія поселокъ въ одинъ порядокъ съ десяткомъ домовъ; онъ выдѣлился изъ сосѣдняго большаго села. Жители поселка всѣ торгаши или содержатели трактировъ и промышляютъ мелочной торговлей около желѣзнодорожнаго вокзала. Торговля эта стала прибыльной съ тѣхъ поръ, какъ на ст. Кинель соединилась съ Оренбургской желѣзной дорогой Самаро-Златоустовская; число поѣздовъ и пассажировъ удвоилось, а съ ними увеличились и барыши торговцевъ изъ поселка, такъ что они всецѣло занимаются торговлею и ни о чемъ другомъ думать не хотятъ. Желая познакомиться съ жизнью поселка, я отправился туда пить чай: каждый домъ представляетъ изъ себя въ родѣ чайнаго заведенія для проѣзжающихъ.

Торговка, у которой я заказалъ чаю, на мои разспросы о жителяхъ сообщила мнѣ, что поселяне никогда не занимались хлѣбопашествомъ, поддерживаютъ только огородничество для торговли, ходятъ въ городскихъ костюмахъ, женщины въ ситцевыхъ модныхъ платьяхъ; любимымъ ихъ времяпрепровожденіемъ служатъ прогулки парочками по платформѣ вок-

Digitized by Google

зала; деревенскія пѣсни пѣть стыдятся и никогда ихъ не поютъ, а поютъ жестокіе романсы. Мало этого, они стыдятся своихъ родичей — деревенскихъ мужиковъ и бабъ изъ сосѣдняго села, никогда у нихъ не бываютъ и сухо и непріязненно ихъ принимаютъ. Моя собесѣдница увѣряла, что когда, напримѣръ, приходитъ къ сыну въ поселокъ мать, то онъ скрываетъ ея прибытіе отъ гостей, если они окажутся, и на вопросъ послѣднихъ, кто пришелъ, нехотя отвѣчаютъ: «да такъ себѣ», а если гости настойчивы въ своемъ любопытствѣ, говоритъ: «да мать». Въ станицѣ Черкасской по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ крестьяне перестали пѣть свои пѣсни съ проведеніемъ дороги.

Наоборотъ на станціи Абдулино, которая съ проведеніемъ дороги сдѣлалась значительнымъ пунктомъ хлѣбной торговли, мѣстные крещеные инородцы (татары) начали заимствовать у русскихъ пѣніе духовное и свѣтское.

Такъ перерождается строй народной жизни подъ вліяніемъ надвигающейся культуры даже въ этомъ отдаленномъ краѣ. Впрочемъ измѣненія въ строѣ народной жизни здѣсь только еще намѣтились и не дали большихъ ростковъ и группируются пока вдоль линіи желѣзной дороги. Поэтому богатѣйшій и цѣнный этнографическій матеріалъ этого края остается еще налицо во всей своей нетронутости въ ожиданіи изслѣдованія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ уже возникла опасность для его цѣльности и нетронутости съ проведеніемъ желѣзной дороги. Этнографическій матеріалъ, могущій быть собранъ въ этомъ краѣ, обѣщаетъ быть особенно разнообразнымъ и любопытнымъ въ виду массы народностей, уживающихся здѣсь, и своеобразныхъ богатыхъ природныхъ условій жизни. Для изслѣдователя представляется весьма интересный вопросъ о вліяніи русской народной стихіи на инородческую и на оборотъ въ явленіяхъ быта и, между прочимъ, въ пѣсенной и музыкальной сферѣ: обращаетъ на себя вниманіе, напримѣръ, фактъ усвоенія инородцами не только русскаго языка, но и русскихъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, выраженій, а также обратное явленіе — распространеніе среди русскихъ ломаннаго русскаго языка, инородческихъ мелодій, пѣсенъ и т. п.

Въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ водворились русскіе переселенцы изъ различныхъ губерній внутренней Россіи, и здѣсь можно подмѣчать смѣшеніе и взаимную переработку самыхъ разнородныхъ этнографическихъ особенностей русскаго народа: здѣсь встрѣчаются коренные, не тронутые, сложившіеся вѣками народные нравы; можно слышать драгоцѣнныя старинныя, вѣющія эпической красотой — пѣсни. Пѣсельниками славятся многіе горные заводы и села, напримѣръ, Міасъ. Инородческія племена, наравнѣ съ русскимъ интересныя для изслѣдованія и изученія,

Digitized by Google

хотя подлежатъ неизбѣжному перерожденію подъ вліяніемъ культуры и потерѣ своей индивидуальности, но пребывая въ настоящее время еще въ почти первоначальной цѣльности, этимъ особенно цѣнны для науки.

Особую категорію этнографическаго матеріала доставятъ казачьи поселенія, гдѣ раздается лихая казачья пѣсня, мало еще изслѣдованная, и царятъ своеобразные казачьи учрежденія и обычаи.

Указавъ въ общихъ чертахъ на вліяніе новыхъ явленій жизни, развивающейся русской культуры на бытъ мѣстнаго населенія, я перейду затѣмъ къ посильному изображенію этого быта, на сколько представленіе о немъ сложилось у меня въ теченіе лѣтней экскурсіи и насколько это надобно для большаго пониманія того этнографическаго матеріала, который мнѣ удалось собрать въ теченіе экскурсіи.

Я ограничусь бытомъ инородцевъ, потому что преимущественно среди нихъ дѣлалъ наблюденія прошедшимъ лѣтомъ. Я записывалъ пѣсни съ мелодіями среди слѣдующихъ инородческихъ племенъ: среди Татаръ, Башкиръ, Тептярей, Нагайбаковъ, т. е. крещеныхъ Татаръ, Черемисъ и Мордвы. Послѣднихъ двухъ народностей я не буду касаться въ виду недостаточности собраннаго матеріала и въ интересахъ единства остальнаго матеріала, который даютъ другія изъ перечисленныхъ народностей, принадлежащія всѣ къ тюркско-татарскому племени, исповѣдующія магометанскую религію, за исключеніе небольшаго числа крещеныхъ татаръ, и говорящія на родственныхъ нарѣчіяхъ.

Татары.

Среди Магометанскихъ народностей Пріуралья самая распространенная и устойчивая по своимъ племеннымъ традиціямъ — это Татары, сосредоточивающіеся преимущественно въ городахъ и торговыхъ центрахъ, начиная отъ Казани, татарской столицы, и частью въ деревняхъ. Излюбленное и почти единственное ихъ занятіе — торговля и финансовыя предпріятія, для чего Татары обнаруживаютъ вполнѣ соотвѣтственную энергію и предпріимчивость; изъ всѣхъ инородческихъ племенъ Урала они единственные, которыхъ можно встрѣчать на всѣхъ главнѣйшихъ торговыхъ путяхъ Европейской Россіи и особенно на Волгѣ, гдѣ они слывутъ подъ именемъ «князей»; тогда какъ другія народности точно приросли къ своимъ насаженнымъ прадѣдовскимъ мѣстамъ и дальше и больше своихъ юртъ и кибитокъ ничего не знаютъ. Естественно, что у Татаръ кругозоръ шире и нѣтъ и слѣда той первобытной наивности, какою отличаются другія племена — дѣти своей природы. Татаринъ — это человѣкъ себѣ на умѣ,

Digitized by Google

гешефтмахеръ, ловко смекающій свой барышъ, родственный во многомъ по настроенію Еврею. Поэтому почти всѣ Татары — торгаши или маклеры, непремѣнный элементъ всѣхъ базаровъ, ярмарокъ и торговыхъ мѣстъ. Среди нихъ встрѣчаются богачи-милліонеры, ведущіе торговые обороты на обширномъ районѣ, напримѣръ, въ г. Троицкѣ Оренбургской губерніи, самомъ значительномъ послѣ Уфы центрѣ мусульманства въ Пріуральѣ, первенствующій крезъ среди купцовъ — это татаринъ Яушевъ, ведущій милліонную торговлю хлѣбомъ и мануфактурными товарами въ Туркестанѣ, Троицкѣ, Уфѣ и Казани.

Такова главная дѣятельность Татаръ. Что касается ихъ настроенія, то это народъ прежде всего религіозный до фанатичности. Извѣстна религіозность мусульманскихъ народностей и ихъ тщательная заботливость объ исполненіи обрядностей. Татары же особенно ревнивы въ соблюденіи и охраненіи своей религіи: малѣйшій поводъ можетъ возбудить ихъ религіозную подозрительность и готовность стать за свою вѣру. Съ религіей связано ихъ племенное самознаніе, которое у нихъ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ и обнаруживаетъ большую устойчивость въ борьбѣ съ посторонними вліяніями и, между прочимъ, съ вліяніемъ русской національности. Упроченію племеннаго сознанія мусульманъ и Татаръ въ особенности содѣйствовало учрежденіе при Екатеринѣ II двухъ должностей муфтіевъ — въ Уфѣ и Крыму, съ какого времени Татары создали у себя собственную грамотность и книжность.

Религіозно замкнутые и фанатичные, они ревниво оберегаютъ отъ измѣненій свою племенную индивидуальность, будучи предубѣжденно настроены къ другимъ религіознымъ и національнымъ началамъ.

Религіозность мусульманскихъ народностей проявляется уже въ томъ, что въ самомъ маленькомъ селеніи имѣется мечеть и духовное лицо при ней — мулла, соотвѣтствующій нашему священнику. По деревнямъ мечети обыкновенно деревянныя четырехугольной формы съ высокимъ минаретомъ въ родѣ свѣчи. Внутри главное помѣщеніе — мѣсто молитвы — представляетъ просторную четырехугольную комнату съ большими окнами, чисто содержимую и устланную половиками. Впереди нея — углубленіе въ стѣнѣ — ниша, гдѣ хранятся священныя книги и куда во время богослуженія входитъ только мулла. По стѣнамъ висятъ канделябры или лампы, а посрединѣ потолка въ родѣ люстры. Передъ молитвеннымъ заломъ при входѣ одинъ или два притвора, гдѣ правовѣрные снимаютъ обувь, прежде чѣмъ войти на молитву.

Общественная молитва совершается у нихъ въ высшей степени чинно: молящіеся въ бѣлыхъ чалмахъ на головѣ занимаютъ мѣста правильными рядами и всѣ одновременно дѣлаютъ различныя движенія при молитвѣ:

Digitized by Google

всѣ разомъ поднимаютъ ладони, въ молитвенномъ настроеніи, дѣлаютъ поясной поклонъ, образуя своими спинами ровную площадь, опускаются на колѣни и припадаютъ головою къ землѣ, затѣмъ встаютъ, точно кто нибудь командуетъ ими при этихъ движеніяхъ. Все богослуженіе мусульманъ протекаетъ среди большой тишины, прерываемой только шепотомъ и вздохами молящихся и скуднымъ пѣніемъ муллы и муэдзина съ характернымъ восточнымъ пошибомъ, сбивающимся часто на речитативъ.

Неизмѣнно 5 разъ каждый день во всякомъ мусульманскомъ селеніи съ высоты минаретовъ раздается меланхолическій голосъ муэдзина, призывающій правовѣрныхъ къ молитвѣ. Селенія нерѣдко имѣютъ 2—3 мечети: а въ большихъ городахъ ихъ бываетъ и болѣе, гдѣ онѣ обыкновенно каменныя. Уфа — главный духовный центръ мусульманъ, резиденція муфтія; здѣсь получаютъ посвященіе и соотвѣтственныя наставленія муллы не только Пріуралья, но и Казанскаго края и Сибири, — лучшее доказательство духовной централизаціи и сплоченности мусульманъ и степени значенія Уфы какъ мусульманскаго центра.

Дѣятельный пунктъ свило себѣ мусульманство на Уралѣ также въ г. Троицкѣ Оренбургской губерніи, наполовину населенномъ Татарами; до послѣднихъ лѣтъ въ городѣ мечетей было больше, чѣмъ христіанскихъ церквей, и ихъ въ настоящее время насчитывается до 6-ти. Всѣ онѣ построены изъ камня въ красивомъ стилѣ, приближающемся къ стилю русскихъ церквей — съ куполами, шпицами, что̀ вводитъ въ обманъ вновь пріѣзжающаго, который издали любуется многочисленностью храмовъ, украшающихъ городъ, принимая ихъ за христіанскіе. Красота и благоустройство мечетей говоритъ о силѣ мусульманскаго элемента въ городѣ, а частые призывы молитвъ съ высоты многочисленныхъ минаретовъ значительно придаютъ городу восточно мусульманскій отпечатокъ, не смотря на то, что въ городѣ при половинномъ русскомъ населеніи (7—8 тысячъ) имѣется классическая гимназія, женская прогимназія, общественная библіотека, русскій клубъ, до 11 русскихъ начальныхъ и городскихъ школъ. Настоящимъ восточнымъ городомъ Троицкъ выглядываетъ лѣтомъ, когда Татары и вообще мусульмане справляютъ свой постъ — уразу, а послѣ него главный праздникъ Курманъ-Байрамъ.

Во время уразы Татары цѣлый день не принимаютъ пищи, а послѣ заката солнца, возвратившись изъ мечетей, устраиваютъ цѣлое пиршество на весь городъ: во всѣхъ татарскихъ домахъ свѣтятся огни до глубокой ночи, топятся печи, кипятъ самовары, слышенъ оживленный говоръ вокругъ трапезы, устрояемой по восточному обычаю на полу на разостланныхъ половикахъ и коврахъ. Почти неизмѣннымъ спутникомъ описываемой уразы являются пожары въ татарскихъ кварталахъ благодаря тому, что

Digitized by Google

приготовляясь разговляться или послѣ того, правовѣрные, уснувъ незамѣтно, забываютъ о печи или самоварѣ, грѣющемся въ сѣняхъ, и печь, а особенно самоваръ тѣмъ временемъ и подожгутъ домъ.

Главный свой праздникъ Курманъ-Байрамъ, наступающій послѣ уразы, мусульмане справляютъ особенно торжественно. Онъ продолжается 7 дней, для бѣдныхъ впрочемъ дня 3—4. Въ мечетяхъ совершаются торжественныя службы. Правовѣрные одѣваются въ лучшія одежды и бѣлыя чалмы, усердно посѣщаютъ другъ друга, особенно бѣдные богатыхъ, употребляютъ въ пищу непремѣнно всѣ мясо, каковое въ другое время у большинства отсутствуетъ, различныя восточныя кушанья, напримѣръ пилавъ изъ риса, мяса, фруктовъ лимона и пр., восточные фрукты и сласти — урюкъ, изюмъ, бухарскую вишню, алибухару, фисташки въ сахарѣ, бухарскую дыню и т. п., — и напитки кумысъ и медъ. Богатые устраиваютъ угощеніе для бѣдныхъ: «для Бога», какъ они говорятъ, сзываютъ ихъ часто въ большомъ количествѣ и раздаютъ подарки: ситцы, платки, припасы.

Вообще обрядовая сторона мусульманства въ Троицкѣ проявляется ярче, чѣмъ даже въ Уфѣ.

Въ Троицкѣ же сосредоточиваются носители мусульманской премудрости и бдительные стражы ея интересовъ въ лицѣ мѣстныхъ муллъ.

Троицкъ является центромъ, откуда зорко слѣдятъ за неприкосновенностью религіи правовѣрныхъ въ окружающихъ странахъ, и гдѣ сосредоточиваются всѣ вѣсти о положеніи дѣлъ мусульманства.

Мѣстные муллы постоянно первыми поднимаются по малѣйшему поводу въ защиту своей вѣры или въ отстаиваніе попранныхъ интересовъ ея, и берутъ на себя роль ходатаевъ за весь мусульманскій міръ Пріуралья и прилежащихъ странъ даже передъ высшими государственными властями, доказывая всякій разъ фактъ фанатичности Татаръ. Приведу въ видѣ иллюстраціи слѣдующіе разсказы, слышанные мною на мѣстѣ.

Въ 70-хъ или началѣ 80-хъ годовъ въ Златоустовскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи въ одномъ татарскомъ селеніи во время страшной зимней вьюги, когда всѣ дороги замело и зги не было видно, урядникъ или становой приставъ распорядился въ заботахъ о путникахъ, застигнутыхъ въ страшную ночь вьюгою, повѣсить нашедшійся въ селеніи колоколъ на минаретѣ, какъ единственномъ высокомъ въ деревнѣ пунктѣ, и звонить непрерывно. Трудно описать смятеніе переполохъ среди татарской деревни, послѣдовавшіе за этимъ распоряженіемъ: Татары увидѣли посягательство на свою вѣру, намѣреніе окрестить ихъ и поднялись какъ одинъ; волненіе необыкновенно заразительно передалось въ слѣдующіе дни сосѣднимъ и дальнѣйшимъ деревнямъ и спустя немного охватило цѣлый округъ, перева-

Digitized by Google

лило черезъ Уральскій хребетъ въ Оренбургскую губернію и отразилось въ Троицкѣ, гдѣ оно нашло своихъ выразителей передъ государственными властями въ лицѣ мѣстныхъ муллъ, которые ѣздили (будто бы) съ петиціей въ Петербургъ въ защиту своей попранной религіи, а мѣстнымъ властямъ причинило массу хлопотъ по возстановленію нарушеннаго спокойствія цѣлаго края, для чего сочли надобнымъ, устранить изъ той мѣстности урядника, распорядившагося повѣсить на минаретѣ колоколъ.

Въ послѣдніе годы Министерство Народнаго Просвѣщенія рѣшило взять подъ свой надзоръ учебники, употребляемые въ татарскихъ школахъ при мечетяхъ — такъ называемыхъ *медресэ*, подозрѣвая въ нихъ антигосударственныя тенденціи, такъ какъ многіе изъ нихъ напечатаны заграницей — въ Бухарѣ, Персіи, и распорядилось по учебно-окружному начальству взять изъ медресе образщики учебниковъ. Недостаточная тактичность мѣстныхъ учебныхъ властей сдѣлала то, что это собираніе учебниковъ было учинено безцеремонно при посредствѣ полицейской власти,. и въ г. Чистополѣ, напримѣръ, инспекторъ народныхъ училищъ, исполнявшій распоряженіе начальства, устроилъ вмѣстѣ съ исправникомъ почти осаду мечети, окруживъ ее внезапно со всѣхъ сторонъ и заперевъ выходы, и отобравъ учебники, прибѣгнувъ такимъ образомъ къ силѣ. Въ г. Троицкѣ полиція безъ участія мѣстной учебной администраціи по распоряженію высшей учебно-окружной власти послала муллямъ повелительное предложеніе представить учебники начальству, и муллы оскорбились тономъ предложенія.

Намѣреніе государственной власти подчинить общей цензурѣ мусульманскіе учебники застало Татаръ врасплохъ и озадачило ихъ, а дѣйствія мѣстныхъ властей, приводившихъ въ исполненіе названное намѣреніе, рѣшительно могли возбудить религіозную подозрительность Татаръ, и у нихъ могли родиться мрачныя мысли о беззащитности ихъ религіи, и вотъ голоса смятенныхъ правовѣрныхъ доходятъ до слуха троицкихъ муллъ и, гармонируя съ ихъ личнымъ настроеніемъ, нашли въ нихъ ревностныхъ выразителей общаго смятенія мусульманскихъ умовъ и ходатаевъ за унижаемую религію передъ властями. Опять ѣдутъ троицкіе муллы въ С.-Петербургъ, проживаютъ здѣсь довольно продолжительно, находятъ не вполнѣ литературнаго выразителя ихъ жалобъ и подаютъ обширную петицію министру народнаго просвѣщенія, въ которой сообщаютъ, что не могутъ въ скоромъ времени исполнить распоряженія министерства о представленіи учебному начальству учебниковъ въ виду ихъ ограниченнаго количества и о замѣнѣ ихъ руководствами, одобренными русскою цензурою, за неимѣніемъ таковыхъ въ продажѣ, просятъ отсрочки помянутаго распоряженія и затѣмъ жалуются на мѣры и дѣйствія мѣст-

Digitized by Google

ныхъ властей, указываютъ на случай въ Чистополѣ и Троицкѣ, высказываютъ свою обиду по поводу безцеремонности полиціи, обращаютъ вниманіе министра на изложенныя происшествія, желая предупредить-де осложненіе дѣлъ для русскихъ властей, если придетъ въ волненіе населеніе, простирающееся отъ вершинъ Урала до границъ Индіи. Такая угроза, которою оканчиваютъ свою петицію троицкіе муллы, отличается, конечно, болѣе широтою замысла и разсчетомъ на извѣстное впечатлѣніе, чѣмъ реальнымъ значеніемъ. Разсказанные случаи показываютъ, сколь велика религіозная возбудимость и подозрительность Татаръ и въ какой степени они находятся на стражѣ своей религіи. Много другихъ фактовъ подтверждаютъ ихъ фанатичную предубѣжденность противъ всякихъ чуждыхъ вліяній и упорное сопротивленіе воздѣйствію русской культуры. Татары не охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ русскія гимназіи, а въ Троицкѣ, напримѣръ, до сихъ поръ не было ни одного татарина въ гимназіи, тогда какъ Киргизы безъ малѣйшихъ сомнѣній и раздумья поступаютъ въ среднія учебныя заведенія, проходятъ ихъ курсъ и нерѣдко съ блескомъ оканчиваютъ, а затѣмъ успѣшно слушаютъ университетскій курсъ и вырабатываются въ культурныхъ общественныхъ дѣятелей: врачей, слѣдователей, судей и даже ученыхъ.

Татары обнаруживали неудовольствіе и были непрочь поупорствовать по поводу требованія русскаго правительства обязательнаго знанія русскаго языка для каждаго муллы, безъ чего не можетъ быть совершаемо поставленіе въ муллы, и лишь видя неизбѣжность, Татары волей — неволей примолкли, и теперь въ Уфѣ каждый посвящающійся въ муллы держитъ предварительно экзаменъ по русскому языку, кажется, при городскихъ училищахъ.

Русская миссіонерская дѣятельность, довольно энергично ведомая въ Уфѣ преосвященнымъ Діонисіемъ, извѣстнымъ миссіонеромъ, подвизавшимся раньше въ Якутскѣ на поприщѣ обращенія въ христіанство Якутовъ, — пожинаетъ плоды преимущественно среди язычниковъ края: Черемисъ, Мордвы, а не среди Магометанъ и особенно Татаръ.

Поддержанію религіозной замкнутости и фанатичности значительно содѣйствуютъ школы мусульманской грамотности, состоящія обыкновенно при мечетяхъ и называющіяся низшія, подготовительныя — *мектебэ* и высшія — *медресэ*.

Въ нихъ изучаются арабскій языкъ и Коранъ. Періодъ обученія продолжительный отъ 5 до 20 лѣтъ и наполняется большею частью усвоеніемъ наизусть отдѣльныхъ мѣстъ Корана, при чемъ пониманіе ихъ отходитъ на второй планъ, и многіе инородцы, напримѣръ, Башкиры отдаютъ явное

Digitized by Google

предпочтеніе русскимъ начальнымъ школамъ за быстроту и простоту обученія въ нихъ грамотѣ.

Въ медресэ сосредоточивается вся татарская грамотность и письменность и изъ нихъ же выходятъ произведенія книжнаго сочинительства, стоящія особнякомъ отъ произведеній народнаго творчества и извѣстныя подъ названіемъ *мнажатъ* или *байтъ*. Это — нѣчто вродѣ религіозныхъ и свѣтскихъ поэмъ и стихотвореній поучительныхъ или повѣствовательныхъ или на злобы дня изъ жизни народной. Отъ Татаръ эти продукты искусственнаго сочинительства распространяются среди другихъ инородцевъ.

Такимъ образомъ Татары, крѣпко держась своей религіи и будучи неподатливы на постороннія вліянія, обнаруживаютъ несравненно бо́льшую племенную упругость и самосознаніе, чѣмъ другіе инородцы, и обѣщаютъ долго отстаивать свою племенную индивидуальность, въ каковыхъ предположеніяхъ утверждаетъ малая измѣняемость ихъ быта: живя бо́льшею частью въ городахъ среди русскаго населенія, они успѣшно сохраняютъ въ обстановкѣ, обычаяхъ и нравахъ весь ихъ восточный колоритъ.

Жилища ихъ имѣютъ обычное у инородцевъ устройство: посрединѣ избы сѣни, налѣво отъ которыхъ чистая половина, гдѣ обитаютъ супруги и принимаются гости, устланная коврами и половиками, уставленная иногда русскими стульями, и столами и шкафами, которыми хозяева почти не пользуются, такъ какъ возсѣдаютъ и принимаютъ пищу сами постоянно на полу; направо отъ сѣней нѣчто въ родѣ кухни съ широкими скамейками — нарами, печью въ родѣ камина или русской съ вмазаннымъ въ нее котломъ, на этой половинѣ обитаютъ другіе домочадцы — родственники работники и т. п. Жилища и вообще домашній обиходъ Татаръ отличается бо́льшею чистотой и опрятностью, чѣмъ у другихъ инородцевъ. Семейная жизнь ихъ замкнута: жены почти не показываются мущинамъ за исключеніемъ русскихъ, тщательно скрываютъ свою физіономію отъ постороннихъ взоровъ и вращаются только въ семейномъ кругу, не появляясь ни въ какихъ общественныхъ мѣстахъ и сборищахъ, въ то время какъ у другихъ инородцевъ женщины пользуются бо́льшею свободою: у Башкиръ почти не закрываются въ присутствіи мущинъ, а у Киргизъ и того больше — вовсе не закрываются и наравнѣ съ мущинами занимаются промыслами: пріѣзжаютъ иногда однѣ въ города на базары, продаютъ тамъ кумысъ, пшеницу и прочее.

Многоженство у Татаръ распространено больше, чѣмъ у другихъ инородцевъ, а богатые изъ нихъ имѣютъ цѣлые гаремы, соотвѣтственно приспособляя для этого свои жилища, въ которыхъ нерѣдко азіатская обстановка совмѣщается съ европейской, такъ что въ парадныхъ, пріем-

Digitized by Google

ныхъ комнатахъ встрѣчаются зеркала, мягкая мебель, диваны, бархатъ, а во внутреннихъ оказывается пестрое убранство коврами, матеріями въ восточномъ вкусѣ, гдѣ многочисленныя жены проводятъ время, вкушаютъ пищу безъ вилокъ и хлѣба прямо на полу среди ковровъ и пуховиковъ.

И такъ, весь строй жизни и наклонности Татаръ обусловливаютъ спеціализацію занятій и интересовъ, односторонность и убогость воззрѣній и чувствованій подъ вліяніемъ религіозной и бытовой замкнутости, и извѣстную сухость характера, ведущую къ прозаичности ихъ жизни и дѣятельности, что́, можетъ быть, отражается и на поэтическомъ творчествѣ этого народа, которое едва ли можетъ быть поставлено впереди творчества другихъ инородцевъ.

Башкиры.

Въ иномъ обликѣ рисуется намъ другая крупная народность Пріуралья — Башкиры, исповѣдующіе магометанскую религію и говорящіе нарѣчіемъ, родственнымъ съ татарскимъ.

Что касается численности Башкирскаго народа, то точныхъ статистическихъ данныхъ относительно этого не имѣется.

Въ религіозномъ отношеніи Башкиры также вѣрные сыны Ислама, но чуждые той фанатичности, какую встрѣчаемъ у Татаръ. Въ каждой башкирской деревнѣ имѣется непремѣнно мечеть, которую усердно посѣщаютъ обремененные лѣтами Башкиры. Выселяясь лѣтомъ на кочевки въ горы, они берутъ съ собою муллу съ муэдзиномъ, и крикъ послѣдняго раздается каждый день и въ кочевкахъ съ высоты отведеннаго для молитвы помѣщенія.

Представленія о Божествѣ у нихъ довольно опредѣленныя; прежде всего они, конечно, монотеисты представляютъ себѣ божество вездѣсущимъ и на небѣ, и на землѣ и подъ землею (одинъ Башкиръ въ видѣ иллюстраціи указывалъ присутствіе Бога и на его плечѣ). Сравнивая свою религію съ русскою, они говорятъ что Богъ одинъ, только «киняги» (т. е. книги) разныя.

Представленія о загробномъ состояніи довольно смутныя: что́ будетъ послѣ смерти съ человѣкомъ и гдѣ онъ будетъ, объ этомъ они ничего опредѣленнаго не сообщаютъ, только говорятъ, что за добрыя дѣла будетъ хорошо, а за плохія дурно, знаютъ только, что въ «кинягахъ» предписывается людямъ дѣлать добро и сказано все, что́ надобно для того, чтобы человѣку послѣ смерти было хорошо.

Въ общемъ никакихъ страховъ передъ будущимъ у нихъ нѣтъ, нѣтъ

Digitized by Google

также представленія о необходимости трудныхъ нравственныхъ подвиговъ для достиженія благоденственной жизни за гробомъ. Не дѣлать зла — и это уже достаточно доброе дѣло, которое зачтется человѣку.

Посѣщать мечети считается необходимымъ, хотя молодежь не обнаруживаетъ ревности въ этомъ отношеніи.

Сознаніе нравственныхъ обязанностей поддерживаютъ муллы, путешествуя иногда по деревнямъ и внушая Башкирамъ, что надо ходить въ мечети, помогать бѣднымъ, не гулять съ чужими бабами и т. п.

Башкиры менѣе обнаруживаютъ боязни за свою религію, чѣмъ Татары, спокойно разсуждаютъ о своей и русской вѣрѣ, не обнаруживая ни малѣйшей склонности возвеличивать свою, считая всѣ вѣры равными. Они спокойно встрѣтили распоряженіе русскихъ властей объ обязательности знанія русскаго языка муллами, безъ опасеній за вѣру отдаютъ своихъ дѣтей въ русскія начальныя школы. Къ этому надобно прибавить, что Башкиры обнаруживаютъ несравненно меньшее знакомство съ Кораномъ, чѣмъ Татары: о содержаніи Корана почти никто изъ нихъ не въ состояніи чего либо сказать, а случается, что Башкиръ не понимаетъ самаго слова «Коранъ» и начинаетъ кое-что смѣкать лишь послѣ того, если скажешь ему не Коранъ, а «Аль-Коранъ», да и то если потолкуетъ съ нимъ сначала кто нибудь изъ болѣе просвѣщенныхъ соплеменниковъ.

Страна, гдѣ обитаютъ Башкиры, это оба склона южнаго Урала, слывущаго подъ именемъ русской Швейцаріи за свои чудныя природныя красоты, о которыхъ болѣе опредѣленное представленіе русское общество начинаетъ составлять съ проведеніемъ желѣзной дороги, когда оно было изумлено роскошью и изобиліемъ картинъ, какія скрывалъ въ себѣ Уралъ. Русская публика сдѣлала въ этомъ отношеніи у себя дома открытіе, какъ и въ будущемъ предстоитъ ей дѣлать не мало открытій у себя: такъ мало знакома она съ своей родиной.

Башкирскій Уралъ богатъ еще лѣсомъ, хотя Башкиры истребляютъ его немилосердно, и минералами, которыхъ Башкиры вовсе не эксплоатируютъ, а изыскиваютъ ихъ и обрабатываютъ русскіе предприниматели.

Башкиры даже боятся браться, напримѣръ, за добываніе золота, называя это дѣло опаснымъ, не чуждаясь впрочемъ хищнической добычи въ малыхъ размѣрахъ.

Между тѣмъ въ Башкиріи находятся одни изъ главнѣйшихъ мѣсторожденій золота. Любопытно, что золото встрѣчается почти только на восточномъ склонѣ Урала, а на западномъ, напримѣръ, въ Уфимской губерніи не существуетъ ни одного золотаго пріиска, въ Оренбургской же сосредоточены всѣ главнѣйшіе пріиски Урала.

Мои наблюденія касались Башкиръ, живущихъ по восточному склону

Digitized by Google

Уральскихъ горъ въ Оренбургской губерніи и извѣстныхъ подъ именемъ горныхъ. Они считаются коренными Башкирами, благодаря горной природѣ болѣе защищенными отъ постороннихъ вліяній и въ бо́льшей цѣлости сохранившими племенные устои жизни. Въ орскомъ и верхнеуральскомъ уѣздахъ Оренбургской губерніи существуютъ башкирскія волости, почти недоступныя для туристовъ благодаря дикой горной природѣ и первобытнымъ дорогамъ, по которымъ Башкиры путешествуютъ только верхомъ.

Русскій элементъ въ подобныхъ волостяхъ почти отсутствуетъ, и Башкиры имѣютъ весьма отдаленное знакомство съ русскимъ языкомъ. Въ Уфимской же губерніи строй башкирской жизни значительно измѣнился подъ вліяніемъ мирнаго и немирнаго столкновенія съ господствующей націей и сокращенія кочеваго образа жизни.

Что касается быта горныхъ Башкиръ, то зимою живутъ они въ деревняхъ, построенныхъ на подобіе русскихъ, но отличающихся большею запущенностью, называемыхъ *зимовками*, а лѣтомъ перебираются въ *кочевки* (*юртъ*) верстъ за 10—15 и не далѣе 20—30 отъ зимовокъ.

Мѣста кочевокъ въ теченіе лѣта мѣняются раза два. Кочеванія — вѣковѣчное обыкновеніе у Башкиръ и необходимы въ виду скотоводства у нихъ.

Выѣздъ въ кочевку ранней весной — сущій праздникъ для Башкиръ, особенно бѣдныхъ: послѣ тѣснаго и голоднаго для большей части Башкиръ житья зимою, они съ радостью принимаются за хлопоты по перекочеванію, зная, что ихъ ждетъ привольное житье на лонѣ природы, которая и будетъ доставлять имъ пропитаніе на все теплое время: скотъ даетъ мясо, молоко, а у богатыхъ и кумысъ, въ лѣсахъ по горамъ родятся ягоды, рыщутъ звѣри, ютятся птицы; окружающіе лѣса въ полномъ распоряженіи каждаго Башкира для выдѣлки и сбыта въ города и заводы; живя вообще въ большой бѣдности, особенно въ послѣдніе годы, лѣтомъ Башкиръ не удрученъ вопросомъ, чѣмъ ему жить, ибо на это время многія потребности упраздняются, а природа даетъ массу подспорій; зимой же приходится существовать тѣмъ скуднымъ заработкомъ, бо́лѣе скуднымъ, чѣмъ у русскаго населенія, какой каждому удастся достать, въ то время, какъ и скотъ почти ничего не даетъ.

Жизнь кочевки представляетъ совершенно своеобразный міръ. Европеецъ, попадая туда, разстается со всѣми привычными принадлежностями своей жизни: здѣсь онъ не найдетъ ни столовъ, ни стульевъ, ни т. п. удобствъ, потому что все это замѣняетъ Башкирамъ лоно природы, сама земля.

Для кочевокъ Башкиры, большіе поэты въ душѣ, выбираютъ весьма часто мѣста, отличающіяся замѣчательной природной красотой, и можно почти безошибочно предполагать, что тамъ, гдѣ ютится башкирская

Digitized by Google

кочевка, окажется красивый горный видъ. Башкирская кочевка производитъ на туриста впечатлѣніе большого оживленнаго, точно населеннаго мѣста, хотя обыкновенно въ ней бываетъ не болѣе десять кошей, благодаря присутствію разнообразнаго скота: и возгласы людей, ревъ коровъ, ржанье лошадей, блеяніе козъ широко и звонко разносятся среди горъ.

Лѣтнія жилища вообще, въ которыхъ живутъ Башкиры, двоякаго рода. Жилища богачей, устрояемыя изъ кошемъ, имѣющія куполообразную форму съ отверстіемъ наверху, называются *кошъ*. Послѣдній, по словамъ Башкиръ, заимствованъ ими отъ Киргизъ сравнительно въ недавнее время. Но можетъ быть, кошъ существовалъ у нихъ искони какъ вообще у восточныхъ тюркско-татарскихъ народностей; только въ эпоху кантоннаго устройства нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, когда ихъ заставили жить на манеръ русскаго крестьянина и научили строить русскую избу, Башкиры забыли о своемъ кошѣ и вспомнили опять, когда дали имъ прежнюю свободу съ отмѣной кантоновъ. Обращаются же они за кошами къ Киргизамъ потому, что послѣдніе большіе мастера строить ихъ. Русскіе кошъ называютъ кибиткой. Устройство коша слѣдующее. Деревянный остовъ—переплетъ изъ драницъ или жердей куполообразной формы покрывается сначала плетеніями изъ соломы, а затѣмъ плотными сѣрыми киргизскими кошмами, которыя сшиваются другъ съ другомъ. Наверху оставляется отверстіе для свѣта, которое въ случаѣ ненастной погоды или отъ яркаго солнца можетъ задергиваться кошмою, прикрѣпленной на вершинѣ коша и приводимой въ движеніе веревкой. Съ какой-нибудь стороны коша устраивается входъ небольшой высоты съ дверцами на петляхъ, иногда узорчатыми.

Внутри коша половина его ближе къ выходу устилается свѣжею травою, а иногда вовсе не застилается; въ центрѣ подъ свѣтовымъ отверстіемъ отводится мѣсто для костра, который горитъ значительную часть дня и дымъ котораго почти постоянно царитъ въ кошѣ, не весь уходя вверхъ въ отверстіе. Другая половина коша — сторона, противоположная входу, устилается кошмами и коврами съ подушками для лежачаго времяпрепровожденія днемъ и спанья ночью; здѣсь же у самой стѣнки коша помѣщаются сундуки съ имуществомъ; на правой и лѣвой сторонѣ отъ входа устанавливаются кровати, на которыхъ помѣщаются домочадцы, не находящіе мѣста въ центральной части коша. Эти части иногда отгораживаются ситцевыми занавѣсками, за которыми укрываются жены и вообще женскій полъ, когда у хозяина коша бываетъ въ гостяхъ мужская компанія; вблизи отъ входа налѣво помѣщаются кадушки и кадочки и кожаные мѣха: такъ называемые *сабà* — большихъ размѣровъ для приготовленія кумыса и *турсуки* — небольшіе мѣха для его перевозки; по стѣнамъ развѣшиваются разныя хозяйственныя принадлежности: ковши, рѣшето, лошадиная сбруя и т. п.

Digitized by Google

Бѣдняки живутъ въ лачугахъ, устрояемыхъ или изъ бересты или изъ бревенъ; въ послѣднемъ случаѣ эти жилища производятъ впечатлѣніе недоконченныхъ русскихъ избъ, потому что бревна, плохо отесанныя, коекакъ, неплотно положены другъ на друга, такъ что сквозь нихъ просвѣчиваютъ щели; дверей нѣтъ, а замѣняютъ ихъ занавѣски; крыши почти отсутствуютъ: тѣ дырявыя, небрежно набросанныя настилки изъ бересты, дерна, изрѣдка изъ досокъ, которыя высятся на башкирскикъ лачугахъ, трудно считать за крыши. Одинъ уголъ постройки обязательно остается непокрытымъ: здѣсь устраивается костеръ, дымъ отъ котораго при каждомъ дуновеніи вѣтра заполняетъ всю лачугу и сильно ѣстъ глаза. Въ такихъ постройкахъ, усѣянныхъ по всѣмъ стѣнамъ щелями, постоянно гуляетъ сквозной вѣтеръ, который не только не безпокоитъ Башкиръ, но доставляетъ имъ удовольствіе, и они говорятъ, что отъ этого продуванія легко становится имъ и прохладно, и въ подобныхъ лачугахъ они не боятся и заморозковъ, которые застигаютъ ихъ въ горахъ ранней весною и осенью.

Еще первобытнѣе устройство лачугъ изъ бересты (березовой коры): остовъ изъ 5—6 жердей, связанныхъ вмѣстѣ верхними концами, а нижними разставленныхъ и воткнутыхъ въ землю, покрывается листами березовой коры, и такое жилье устраивается и убирается въ короткое время. Подобныя жилища—удѣлъ или крайнихъ бѣдняковъ или отчаянныхъ лѣнивцевъ.

Башкиры устанавливаютъ свои жилища въ кочевкахъ или полукружіемъ или подъ прямымъ угломъ. Дневная жизнь кочевки начинается рано, вскорѣ послѣ восхода солнца. Ее предваряетъ пробужденіе скота: ревъ коровъ, блеяніе козъ, рѣзвыя движенія и игры козлятъ—все это находится уже въ разгарѣ въ моментъ восхода солнца, а побрякиванія колокольчиковъ и ржаніе по временамъ конныхъ табуновъ, пасущихся въ окружающихъ лѣсахъ и полянахъ, не прекращаются цѣлую ночь. Вскорѣ послѣ восхода пробуждаются люди, прежде всего Башкирки, которыя принимаются за хозяйство: доятъ коровъ, козъ, разводятъ костры, ставятъ самовары; спустя немного, ночные пастухи пригоняютъ съ пастбища дойныхъ кобылъ, и Башкирки принимаются за доеніе ихъ, держа на перевѣсѣ деревянныя кадочки. Доеніе кобылъ происходитъ 5 разъ въ день, и 5 разъ сгоняются ихъ табуны. Чтобы жеребята не истощали молока у матерей, ихъ въ теченіе дня привязываютъ на лужайкѣ близъ кочевки, такъ что днемъ лошади пасутся безъ жеребятъ, и лишь на ночь отпускаютъ послѣднихъ вмѣстѣ съ матками. Передъ каждымъ доеніемъ жеребятамъ даютъ немного пососать матокъ, чтобы послѣднія были спокойнѣе при доеніи. Благодаря тому, что человѣкъ отнимаетъ у нихъ молоко для своихъ потребностей, башкирскіе

Digitized by Google

жеребята выглядываютъ менѣе развитыми и плотными, чѣмъ въ русскихъ поселеніяхъ.

Табуны въ кочевкахъ—составная часть населенія, и лошади, коровы, козы какъ бы чувствуютъ свои права и безпрепятственно бродятъ вокругъ жилищъ, а иногда заходятъ и въ нихъ, умѣютъ эксплоатировать костры для своихъ удобствъ: животныя охотно подходятъ къ кострамъ и въ дыму ихъ спасаются отъ нападеній насѣкомыхъ въ лѣтній жаръ.

Позже Башкирокъ поднимаются Башкиры и не сразу принимаются за работу, а потягиваются, позевываютъ, продолжительно тараторятъ за чаепитіемъ и послѣ этого расходятся на работы. Вообще Башкирки дѣятельнѣе, чѣмъ Башкиры.

Работы и занятія Башкиръ даже лѣтомъ не многочисленны: Башкиры рубятъ лѣсъ, пилятъ и свозятъ затѣмъ его на заводы и въ города, гдѣ они постоянно поощряются къ истребленію своихъ лѣсныхъ богатствъ, получая въ подарокъ пилы; занимаются небольшой торговлею, перепродавая товары на базарахъ и ярмаркахъ; заготовляютъ вѣники, собираютъ ягоды, охотятся, и все это продаютъ русскимъ въ городахъ. Вообще же Башкиры крайне безпечны о завтрашнемъ днѣ и зарабатываютъ только на сегодня, поэтому средства къ существованію у нихъ весьма скудны, и питаніе ихъ очень умѣренно.

Богачи, конечно, не стѣсняютъ себя въ пищѣ, но и они повидимому мало питаются. Утромъ, вставши, они пьютъ чай съ лепешками изъ прѣснаго тѣста или съ такъ называемой іосой (юваса). *Іосà* (или *ювасà*) — это маленькія лепешки изъ прѣснаго тѣста, жареныя на салѣ. Спустя немного послѣ чая принимаются за питіе кумыса и пьютъ его въ теченіе дня почти непрерывно въ огромномъ количествѣ изъ деревянныхъ круглыхъ чашекъ, иногда довольно значительныхъ размѣровъ; и больше ничего изъ пищи не принимаютъ, лишь изрѣдка закалываютъ корову, лошадь или козленка и приготовляютъ мясное варево. Къ вечеру принимаются за второе чаепитіе, опять съ мучными лепешками, а послѣ все тотъ же кумысъ вплоть до самаго сна, отходя къ которому, они считаютъ необходимымъ подкрѣпиться еще чашкой, двумя кумыса. Питательныя качества кумыса восполняютъ отсутствіе другой пищи.

Количество кумыса или число дойныхъ кобылъ служитъ однимъ изъ признаковъ богатства хозяина. Появленіе того или другого количества дойныхъ кобылъ или, тоже, количества жеребятъ ставится Башкирами въ связь съ волей Божіей: къ кому Богъ милостивъ, тому даетъ много жеребятъ и много кумысу, и кумысъ является у нихъ вродѣ священнаго напитка, который можно даромъ давать другимъ, но продавать грѣхъ; дѣйствительно, по крайней мѣрѣ между собою Башкиры не допускаютъ про-

Digitized by Google

дажи кумыса, и богачи остающійся отъ собственнаго употребленія кумысъ назначаютъ для гостей и бѣдныхъ, дѣлая это «для Бога», по ихъ выраженію. Всякій Башкиръ, не имѣющій кумыса, желая пить его, приходитъ къ богачу и немедленно безъ всякихъ объясненій получаетъ неограниченное число чашекъ. Впрочемъ, кумысъ, предназначаемый для общаго пользованія, не для почетныхъ или званыхъ гостей, худшаго качества, чѣмъ употребляемый хозяиномъ, кислѣе и жиже, благодаря смѣшиванію его съ водою. Башкиры вообще не употребляютъ цѣльнаго кумыса, а прибавляютъ нѣкоторую долю воды, находя цѣльный кумысъ тяжелымъ. Поэтому ихъ кумысъ слабѣе и менѣе вкусенъ, чѣмъ у Киргизъ, приготовляющихъ его изъ цѣльнаго молока.

Бѣдняки, у которыхъ скота почти нѣтъ, обходятся совсѣмъ безъ кумыса, пользуясь имъ лишь случайно, и ихъ питаніе буквально ограничивается чаепитіемъ съ прѣсными лепешками, которыя они нехитростно приготовляютъ передъ каждымъ чаепитіемъ; а именно мѣсятъ на водѣ и лишь изрѣдка на молокѣ муку, даютъ ей видъ лепешки и кладутъ печься въ горячую золу, черезъ нѣсколько минутъ вынимаютъ и, отряхнувъ золу, употребляютъ въ пищу это мало пропекшееся прѣсное тѣсто. Чаепитіе нѣсколько разъ въ день съ лепешками—вотъ всѣ рессурсы питанія бѣдняковъ, которымъ имѣть мясо представляется въ очень рѣдкихъ случаяхъ, напр., въ большіе праздники, когда они покупаютъ сами или ѣдятъ его у богачей, угощающихъ въ это время бѣдняковъ «для Бога» кушаньемъ, называемымъ *биш-бармакъ* (т. е. пять пальцевъ, потому что ѣдятъ его всего пятернею) и представляющимъ мясную лапшу въ огромныхъ котлахъ.

Приглашенные на половикахъ размѣщаются вокругъ котла, поджавъ по восточному ноги, или просто опустившись на колѣни и откинувшись на пятки, и воздавъ хвалу Аллаху, начинаютъ вкушать, вылавливая пальцами сначала кусочки мяса и квадратики изъ тѣста, а затѣмъ выпивая бульонъ. Кончивши трапезу, во время которой они почти ничего не говорятъ, они всѣ одновременно поднимаютъ ладони передъ своими лицами, шепчатъ слова благодарности Аллаху и разомъ встаютъ, не выражая явной благодарности хозяину, затѣмъ одни изъ нихъ идутъ къ рукомойнику мыть свои сальныя руки, а другіе просто ихъ вытираютъ о траву и даже о свое платье.

Чаепитіе въ настоящее время весьма распространено среди Башкиръ: въ каждой юртѣ непремѣнно имѣется самоваръ или по крайней мѣрѣ мѣдный чайникъ, и Башкиръ прежде всего другаго заботится о пріобрѣтеніи чая и сахара. Если еще есть небольшой запасъ муки, то Башкиръ вполнѣ удовлетворенъ. Распространеніе чаепитія надо отнести къ послѣднимъ 3—4 десятилѣтіямъ. Вначалѣ это обыкновеніе видимо встрѣчало сильное нерасположеніе со стороны ревнителей старинныхъ народныхъ обычаевъ и

Digitized by Google

привычекъ. По крайней мѣрѣ мнѣ удалось познакомиться и записать *два баита* — произведенія книжнаго татарскаго и башкирскаго творчества, — посвященныя разсужденіямъ о чаѣ.

Въ одномъ изъ нихъ, очевидно болѣе древнемъ, мы находимъ вполнѣ враждебное отношеніе къ чаю — новой, вредной травѣ, развращающей Башкира и пріучающей его къ мотовству: «Нынѣ для бѣдствія народа вышла трава подъ именемъ чай; люди, покупая его въ долгъ, расплачиваются и разоряются. Сказавши одинъ другому: «поѣдемъ на базаръ!», ѣдутъ Башкиры съ лѣсомъ потихоньку. «Боже мой, прости насъ, какъ люди съ ума сходятъ» (изреченіе изъ духовныхъ книгъ). Однимъ словомъ запрягъ Башкиръ тощую лошадь, самъ бьетъ, а лошадь скачетъ во весь махъ, ѣдетъ за чаемъ въ (верхнеуральскій) магазинъ и, хоть у него нѣтъ достатка, требуетъ $\frac{1}{8}$ чаю и $\frac{1}{4}$ сахару: накажетъ жена анаѳема мужа, если чаю не привезетъ. «Боже мой, прости насъ, какъ люди съ ума сходятъ». Если чай весь выйдетъ, жена закричитъ мужу: «давай чаю!» Онъ, бѣднякъ, задыхаясь, во всѣ стороны побѣжитъ искать и т. д.

Въ другомъ баитѣ, напротивъ, оказывается хвалебный гимнъ чаю и воспѣваются его чудесныя качества. Очевидно, новыя поколѣнія успѣли не только свыкнуться, но и войти во вкусъ, пристраститься къ чаю.

Въ баитѣ между прочимъ говорится:

«Скажу я вамъ сказку,
Если не сочтете за глупость,
Скажу я вамъ сказку
Про хорошій и худой чай:
Если пить утромъ этотъ чай,
То прибудетъ въ головѣ ума или оживленія;
Если же въ другой разъ пить этотъ чай въ полдень,
То годенъ будешь на многія дѣла;
Если пить чай вечеромъ,
Не остается никакой работы въ умѣ.
Въ этой бумагѣ завернутъ чай:
Напившись чаю, отдохнемъ».

Пристрастіе Башкиръ къ чаепитію находится въ связи съ ихъ склонностью къ кейфу, предаваться которому за чаепитіемъ весьма удобно.

Башкиръ не отягощаетъ себя работою, а работаетъ лишь столько, сколько это неизбѣжно, и всякую минуту готовъ предаться самой беззаботной праздности: лежать въ своей юртѣ или въ гостяхъ, пить кумысъ и болтать. Лежать — столь обычное времяпрепровожденіе Башкира, что онъ сросся съ понятіемъ, выражаемымъ этимъ глаголомъ, и употребляетъ по-

Digitized by Google

слѣдній гораздо шире, чѣмъ русскіе: такъ, Башкиры говорятъ, напр.: «*гдѣ лежишь?*» въ смыслѣ «*гдѣ живешь*», понимая обычное времяпрепровожденіе въ жилищахъ въ формѣ лежанія.

Кстати, Башкиры и вообще инородцы многимъ русскимъ словамъ придаютъ другой смыслъ, чѣмъ обыкновенно, напр., выряженіе «куда гулялъ?» значитъ «куда ходилъ?», а иногда выдумываютъ новыя отъ русскихъ же корней, напр., *пѣсни́ть* въ смыслѣ пѣть: «пѣсни́ пѣсни» значитъ «пой пѣсни».

Въ лѣтніе мѣсяцы для Башкиръ возникаетъ новое занятіе — сѣнокосъ, обыкновенно съ іюля. До начала его происходитъ на общественной сходкѣ дѣлежъ луговъ, предназначенныхъ для покоса. У Башкиръ сельское устройство такое же, какъ у русскихъ крестьянъ: ихъ земля раздѣлена на тѣ же волости со старшинами, сотскими, судьями, писарями (послѣдніе постоянно изъ русскихъ); Башкиры также собираются на сходки для рѣшенія общественныхъ дѣлъ и вопросовъ: и для дѣлежа покосовъ представители отъ каждой юрты, точнѣе, отъ каждаго семейства устраиваютъ въ кочевкахъ сходки, на которыхъ участвующіе заявляютъ о своихъ претензіяхъ на извѣстные луга и выслушиваютъ общій приговоръ. Иногда такія сходки бываютъ бурны, когда-кому нибудь отводятъ или слишкомъ много или слишкомъ мало луговъ, или два соперника не хотятъ другъ другу уступить; и сердитыя препирательства участниковъ сходки звонкимъ эхомъ раздаются по кочевкѣ и окрестнымъ горамъ, а иные отдѣльные два, три голоса такъ рѣзко выдѣляются надъ общей суматохой голосовъ, что кажется, вотъ началась свалка среди этихъ разъярившихся и жестикулирующихъ дикарей. Но до свалки рѣдко доходитъ дѣло. На такихъ сходкахъ присутствуютъ и внимательно прислушиваются кулаки-богачи, здѣсь же послѣ раздѣла за безцѣнокъ скупающіе у бѣдняковъ доставшіеся на ихъ долю луга и соблазняющіе Башкиръ наличными деньгами и перспективой освободиться отъ косьбы.

Послѣ сходки въ случаѣ передѣла луговъ партія выборныхъ отправляется верхомъ и на мѣстѣ производитъ раздѣленіе покосовъ.

Самый сѣнокосъ производится у Башкиръ несравненно менѣе интенсивно, чѣмъ у русскихъ крестьянъ.

Выѣзжаютъ на него не спозаранку, а попивъ чаю и покейфовавъ; на мѣстѣ когда-то они распояшатся, раздѣнутся и возьмутся за косы. Спѣшить Башкиру совсѣмъ не надо: хлѣба не сѣетъ, заботъ о скотѣ нѣтъ никакихъ, потому что скотъ самъ себя кормитъ, не только лѣтомъ, но и зимой, а коситъ Башкиръ траву для продажи зимой; для своего скота онъ даже на зиму ничего не заготовляетъ, видя болѣе выгоды продавать русскимъ весь запасъ сѣна по высокимъ цѣнамъ, а свой скотъ онъ выгоняетъ

Digitized by Google

съ осени прямо на снѣжныя поля, предоставляя ему самому копытами выбивать изъ-подъ снѣга оставшуюся отъ осени траву. И скотъ съ успѣхомъ обезпечиваетъ свое существованіе; особенно поразительные примѣры способности промышлять о себѣ башкирскій скотъ показалъ въ голодную зиму 1891—1892 гг., когда нѣкоторые табуны уходили въ глубь горъ и тамъ внѣ всякаго человѣческаго надзора отыскивали себѣ кормъ изъ-подъ снѣга и дотянули благополучно до весны, въ то время, какъ скотъ, остававшійся на мѣстахъ, не уходившій далеко, весь помиралъ за отсутствіемъ всякихъ остатковъ травы и растительности по близости.

Вечеромъ Башкиры предаются отдыху и подкрѣпленію силъ: вновь разводятся костры, ставятся самовары, приготовляются печенія и варится мясо. Отдыхаютъ впрочемъ только Башкиры, у Башкирокъ же къ вечеру, какъ и утромъ, открывается дѣятельность: доеніе скота, приготовленіе кумыса и ужина для мущинъ и проч.

Вечеромъ кочевки принимаютъ весьма оживленный и живописный видъ, чему способствуютъ: наличность всего населенія, возвратившагося изъ отлучки, многочисленность костровъ, дымъ которыхъ причудливо вьется въ воздухѣ или стелется по горамъ, а пламя живописно выдѣляется среди начающихся сумерекъ; ревъ собравшагося скота, оживленные голоса взрослыхъ, клики и молодецкій свистъ мальчишекъ. Немного позже устраиваются борьба или игра или раздаются мелодическіе звуки свирѣли изъ тростника — *кураи* и меланхолическое, исполненное своеобразной поэзіи, пѣніе; иногда устраиваются пляски.

Впрочемъ всѣ эти развлеченія не надолго затягиваются послѣ заката солнца, и спустя немного, кочевка спитъ глубокимъ сномъ среди величавой горной обстановки, безмолвіе которой нарушается лишь журчаніемъ горныхъ ручейковъ, криками изрѣдка ночныхъ птицъ да тихимъ равномѣрнымъ побрякиваніемъ колокольчиковъ пасущихся лошадей въ окрестныхъ лѣсахъ и полянахъ. Скотъ башкирскій вообще безопасно пасется среди горныхъ лѣсовъ, среди такъ называемаго *урмана* (бора), ибо кража вообще мало распространена среди самихъ Башкиръ, и случается, что лошадь одна уходитъ въ глубь урмана и по недѣлямъ тамъ остается, а хозяинъ почти не безпокоится о ней, потому что почти не случается, чтобы крали лошадей; только Киргизы дѣлаютъ иногда нападенія на башкирскій скотъ, но это весьма рѣдко.

Находясь постоянно въ общеніи съ природой, Башкиры вообще обладаютъ хорошимъ здоровьемъ и легко выносятъ климатическія перемѣны. Существующія среди нихъ болѣзни сравнительно немногочисленны и зависятъ больше отъ бѣдности и неряшливости жизни.

Такъ, среди нихъ распространены глазныя болѣзни и встрѣчается

Digitized by Google

много слѣпыхъ. Эти болѣзни надобно поставить въ связь съ почти постояннымъ присутствіемъ въ ихъ жилищахъ дыма и пепла.

Попадаются случаи сифилиса, но рѣдко, ибо половая нравственность стоитъ среди этого народа высоко и проституція вполнѣ отсутствуетъ, но башкирская молодежь не чуждается незаконной любви въ русскихъ городахъ и оттуда изрѣдка приноситъ зародыши сифилиса, который въ отдѣльныхъ лицахъ иногда развивается до чудовищныхъ размѣровъ, среди абсолютнаго невѣжества этого первобытнаго народа, до того, что извращаетъ формы отдѣльныхъ органовъ, а Башкиры объясняютъ себѣ эту болѣзнь тѣмъ, что «червякъ ѣстъ».

Въ послѣдніе годы въ башкирскихъ поселеніяхъ гнѣздился тифъ какъ слѣдствіе голоднаго 1891 г. Эту болѣзнь Башкиры называютъ «лихоманкой» и страдаютъ ею поголовно цѣлыми деревнями, особенно въ концѣ зимы и весною. Другихъ болѣзней не встрѣчается или онѣ рѣзко не бросаются въ глаза.

Вообще этотъ народъ живетъ запущенно среди грязной и бѣдной обстановки, безъ слѣдовъ зажиточности за рѣдкими исключеніями, при отсутствіи почти всякой благоустроенности.

Такой плачевный строй его жизни находится въ зависимости помимо историческихъ обстоятельствъ, такъ называемой силы вещей, еще отъ особенностей его племеннаго характера, къ бѣглому обзору которыхъ я теперь перейду.

При болѣе близкомъ знакомствѣ среди Башкиръ можно подмѣчать различные типы: одни изъ нихъ имѣютъ физіономію съ приплюнутымъ носомъ и прямымъ профилемъ или квадратныя и плоскія лица и являются, можетъ быть, представителями остяцкаго или финскаго типа; другіе носятъ рѣзкія киргизскія черты съ большими скулами, широкими лицами, орлинымъ или горбатымъ носомъ и свирѣпымъ выраженіемъ лица, но это въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частію среди Башкиръ встрѣчаются относительно благообразныя физіономіи, а иногда даже красивыя въ своемъ родѣ съ правильными и тонкими чертами, съ осмысленнымъ и мягкимъ выраженіемъ, напоминая типы Татаръ или Сартовъ,—а извѣстно, что бухарскій или сартскій типъ очень красивъ. Вообще башкирскій типъ гораздо правильнѣе и красивѣе, чѣмъ типъ другихъ инородцевъ, и въ этомъ отношеніи стоитъ на ряду съ татарскимъ.

Будучи физически крѣпкимъ народомъ, Башкиры обладаютъ соотвѣтственно высокимъ ростомъ и развитыми органами, и физически этотъ народъ является достаточно приспособленнымъ для сильнаго, долговременнаго и самостоятельнаго существованія. Не то, къ сожалѣнію, приходится сказать о его моральной и духовной состоятельности. Онъ обладаетъ въ настоящій историческій моментъ нѣкоторыми такими чертами племен-

Digitized by Google

наго характера, которыя вовсе не служатъ къ поддержанію и закрѣпленію его типа. Онъ не обнаруживаетъ, напр., той замкнутости, племенной упругости и самосознанія, какъ Татары; не проявляетъ такой жизненной энергіи, какъ Киргизы, которая обезпечиваетъ послѣднимъ, воспріимчивымъ вообще къ новымъ вліяніямъ, способность возможно скорѣе и лучше и по собственному побужденію приспособляться къ новымъ явленіямъ и формамъ жизни и быть, такъ сказать, впереди или въ уровнѣ съ движеніями послѣдней.

При первомъ знакомствѣ съ бытомъ Башкиръ становится яснымъ, что это — народъ малодѣятельный, непредпріимчивый, прямо даже лѣнивый, существующій тѣмъ, что̀ пошлетъ ему природа, живущій только настоящимъ днемъ и не заботящійся о слѣдующемъ, не знающій цѣны тѣмъ великимъ природнымъ богатствамъ, которыя ему принадлежатъ и среди которыхъ онъ живетъ на Уралѣ. Это изобиліе богатствъ поощряетъ его къ лѣнивой жизни тѣмъ успѣшнѣе, что потребности его не поднимаются далѣе степени ничтожности и первобытности. Какова эта племенная лѣнь, инертность или дряблость — прирожденная или привитая обстоятельствами, это вопросъ, требующій спеціальнаго вниманія; но есть основанія предполагать, что племенная лѣнь и вялость Башкиръ до извѣстной степени воспитаны неблагопріятными историческими обстоятельствами: нѣсколько десятилѣтій тому назадъ среди Башкирскаго народа введено было такъ называемое кантонное устройство, когда башкирскіе земли были раздѣлены на округа, совершенно одинаково устроенные. Организація ихъ напоминала устройство военныхъ поселеній. Башкиры считались казаками и отбывали поголовно на свое иждивеніе военную службу, а кромѣ этого должны были жить въ деревняхъ и заниматься сельскими работами на подобіе русскихъ, и это послѣ вѣковѣчнаго кочеваго строя жизни они обязаны были по предписанію и подъ плетьми кантонныхъ начальниковъ пахать землю, сѣять хлѣбъ, разводить огороды и т. п. Понятно, при этомъ происходила ломка племеннаго характера, и эти чуждыя, тяжелыя и ненавистныя поэтому для народа занятія могли поддерживаться только непрерывнымъ примѣненіемъ порки, каковымъ правомъ были облечены всѣ кантонные начальники изъ тѣхъ же Башкиръ. Башкиры дѣлали все изъ-подъ плети, лѣниво и привыкли къ лѣни. Правда, матеріальное благосостояніе въ эпоху кантоновъ было достигнуто хорошее: среди Башкиръ появилась даже зажиточность, но, вѣроятно, народъ не сжился и не сроднился съ упавшимъ на него какъ снѣгъ на голову строемъ жизни, и трудно было непрерывно путемъ порки поддерживать новую реформу; только черезъ нѣсколько десятилѣтій кантоны были уничтожены, и Башкирамъ представили возвратиться къ прежнему вольному кочевому образу жизни.

Digitized by Google

Такимъ образомъ была произведена огромная перетасовка въ жизни Башкиръ и насильственное воздѣйствіе на его племенной характеръ, пріучившее его къ жизни и работѣ по чужой волѣ и отучившее его отъ самодѣятельности. Можетъ быть, въ это-то время энергія народа была надорвана. Башкиры, пріученные жить подъ опекой, отвыкли помышлять о себѣ, а вмѣстѣ отучились отъ прежняго наиболѣе свойственнаго имъ строя жизни кочеваго, и во всякомъ случаѣ должны были начинать этотъ образъ жизни сызнова, при меньшей энергіи и способности къ самостоятельности. Говорятъ, что до эпохи кантоновъ скотоводство процвѣтало у Башкиръ, и среди нихъ были большіе богачи въ ихъ смыслѣ, обладавшіе цѣлыми тысячами и болѣе головъ скота. Во время кантоновъ скотоводство сократилось, а послѣ упало, и до сихъ поръ не можетъ поправиться, да и едва-ли поправится.

Выходитъ, что этотъ народъ былъ испорченъ тѣмъ, что его хотѣли заставить сдѣлаться инымъ, чѣмъ онъ всего естественнѣе могъ быть, т. е. скотоводомъ, выбили его изъ привычной колеи жизни внезапно, безъ всякой постепенности, ослабили его энергію и превратили въ народъ недѣятельный, морально дряблый и теперь лѣнивый. Между тѣмъ въ прежнее время это былъ одинъ изъ энергичныхъ, безпокойныхъ и воинственныхъ народовъ. Я не выставляю это объясненіе вялости и лѣни Башкиръ какъ единственное, а лишь какъ одно изъ вѣроятныхъ.

Лѣнивое существованіе Башкиръ поддерживается, какъ я сказалъ, изобиліемъ природныхъ богатствъ, среди которыхъ они живутъ: до послѣднихъ десятилѣтій многочисленное скотоводство составляло главнѣйшій источникъ ихъ обезпеченія, затѣмъ центръ тяжести переходитъ на безконечные когда то уральскіе лѣса, на которые существовалъ и сушествуетъ постоянный спросъ для русскаго населенія, и Башкиры принялись за нихъ какъ за постоянный и готовый предметъ заработка, освобождающій отъ непріятнаго и тягостнаго изысканія другихъ заработковъ, и истребляютъ свои лѣса уже не первый годъ, не имѣя сознанія о ихъ значеніи для нихъ, такъ что лѣсамъ предвидится конецъ. Считая лѣса въ своемъ родѣ за безбрежное море, которое нельзя вычерпать, Башкиры не только сами истребляютъ ихъ, но съ легкимъ сердцемъ допускаютъ къ участію въ этомъ дѣлѣ и постороннихъ кулаковъ — хищниковъ изъ русскихъ, предоставляя имъ иногда право безграничной и безконтрольной рубки лѣса не только за какіенибудь рубли, но и копѣйки; и подобный хищникъ, забравшись въ лѣсныя дебри, не упуститъ случая вырубить лѣсу на тысячи рублей въ возмѣщеніе рублей и копѣекъ, истраченныхъ на пріобрѣтеніе права рубки.

Подобное неумѣнье давать настоящую цѣну вещамъ зависитъ отъ узости умственнаго кругозора и понятій Башкиръ, а частью отъ естествен-

Digitized by Google

ной ихъ безкорыстности, отъ отсутствія чувства стяжанія, столь развитаго, напр., въ Татарахъ.

Кругъ понятій Башкиръ узокъ на столько, что съ ними иногда приходится вести бесѣду почти какъ съ ребятами, такъ они бываютъ наивны: они съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и изумленіемъ разсматриваютъ, напр., костюмъ и вещи вновь появляющагося среди нихъ русскаго, дотрогиваясь до всего руками и издавая возгласы: «ай-ай-ай, якши», т. е. хорошо. Такая неразвитость стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что Башкиры дальше своихъ поселеній и кочевокъ никуда носу не показываютъ, точно приросли къ своимъ мѣстамъ и совершенно чужды той жажды къ передвиженіямъ, какую находимъ у предпріимчивыхъ Татаръ, почему Башкиры не знаютъ ни другихъ мѣстъ, ни другихъ людей кромѣ своихъ. Не зная людей, не имѣя опытности въ сношеніяхъ съ ними, они полны естественныхъ настроеній какъ дѣти природы: наивны, довѣрчивы и непрактичны, полагаются на слово каждаго человѣка и очень часто попадаютъ въ сѣти ловкихъ гешефтмахеровъ, неизмѣнно проявляющихъ поползновенія на ихъ естественныя богатства. Благодаря такой непрактичности Башкиръ и непониманію своихъ кровныхъ интересовъ и могло произойти въ 70-хъ годахъ грандіозное расхищеніе башкирскихъ земель, начатое частными дѣльцами и законченное оффиціальными раздачами отъ оренбургскаго генералъ-губернатора, которыя распространились на чиновниковъ всевозможныхъ ранговъ и положеній вплоть до Петербурга и достигли цифры полумилліона десятинъ независимо отъ частныхъ хищеній, которыя были безконечны. Первобытный народъ не былъ въ состояніи сознавать свои кровныя пользу и выгоды, а ловкіе люди совершенно безправно эксплоатировали его наивность и простоту, выбивали его изъ вѣковыхъ устоевъ жизни и вынимали почву изъ-подъ его существованія. Покупались башкирскія земли буквально за копѣйки десятина путемъ насильственнаго составленія приговоровъ отъ башкирскихъ обществъ о продажѣ подъ воздѣйствіемъ власти становыхъ, исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, которые, содѣйствуя скупщикамъ земель, были участниками въ дѣлежѣ добычи.

Вообще самы Башкиры какъ народъ, стоящій на низкой степени развитія, не умѣютъ эксплоатировать своихъ богатствъ: не занимаются земледѣльемъ за небольшимъ исключеніемъ, въ то время, какъ земли, принадлежащія имъ, напр., въ бо́льшей части оренбургской губ., необыкновенно плодородны: урожаи могутъ быть прекрасные, удобренія полей совсѣмъ не требуется; лѣсистыя Уральскія горы въ достаточной степени обезпечиваютъ необходимое количество влаги.

Вмѣсто Башкиръ пользуются хищнически этими землями русскіе

Digitized by Google

арендаторы, арендуя десятину за 10—20 к. и сѣя на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока бываютъ урожаи безъ удобренія, а затѣмъ переходя на новыя мѣста, такъ наз. *новины*, т. е. никогда непаханныя земли, каковыхъ въ этомъ почти нетронутомъ, малонаселенномъ краѣ еще большіе запасы.

Башкиры не въ состояніи, конечно, эксплоатировать и богатыхъ мѣсторожденій золота, находимыхъ въ ихъ земляхъ, и уступаютъ ихъ въ аренду за незначительную плату постороннимъ предпринимателямъ изъ Русскихъ или Татаръ; однако вблизи золотыхъ пріисковъ они заражаются страстью стязанія и корыстолюбія, какъ первобытный народъ не зная удержу въ своихъ страстяхъ, и прибѣгаютъ къ кражѣ и даже грабежу золота съ пріисковъ, или сами пускаются добывать его въ малыхъ размѣрахъ, тайкомъ, безъ разрѣшенія подлежащаго начальства, держа у себя станки и др. орудія, необходимыя при добычѣ этого металла, и изыскивая въ глухихъ мѣстахъ по горамъ самородки золота, нерѣдко находимые на небольшой глубинѣ.

Такое золото они потомъ контрабандно продаютъ окрестнымъ золотопромышленникамъ по цѣнѣ низшей, чѣмъ платитъ казна, довольствуясь тѣмъ, если найдутъ въ теченіе дня 10 долей золота и продадутъ его за нѣсколько двугривенныхъ, а когда эти двугривенные разойдутся, Башкиръ принимается за новое отыскиваніе золота.

Ради корыстныхъ соображеній Башкиръ считаетъ позволительнымъ прибѣгать ко всякимъ мерзостямъ въ сношеніяхъ съ золотопромышленниками: къ обману, подвоху, вѣроломству, лести и т. п., обнаруживая всѣ гадости человѣческой природы и отсутствіе нравственной уравновѣшенности, тогда какъ въ другихъ обстоятельствахъ онъ не чуждъ многихъ положительныхъ человѣческихъ качествъ. Здѣсь сказывается натура первобытнаго народа, одинаково способная къ проявленію добра и зла. Впрочемъ, около золота не одни Башкиры обнаруживаютъ нравственныя безобразія. Залежи золота на Уралѣ далеко еще не исчерпаны, и эта страна продолжаетъ быть въ своемъ родѣ Калифорніей. Новые пріиски открываются одинъ за другимъ, иногда съ блестящимъ успѣхомъ.

Приведенныя отрицательныя черты племеннаго характера Башкиръ: лѣнь, непредпріимчивость, вялость, узость понятій и представленій, неумѣнье цѣнить и пользоваться богатствами своей страны, отсутствіе широкаго знанія людей, первобытная наивность и довѣрчивость неизбѣжно обусловливаютъ отсутствіе устойчивости и упругости ихъ быта и строя жизни: земли, лѣса и другія богатства, не цѣнимые владѣльцами, уходятъ изъ рукъ Башкиръ; ихъ кочевой образъ жизни, требующій простора и изобилія естественныхъ богатствъ, сокращается и искажается или въ лучшемъ случаѣ перерождается; словомъ, народъ этотъ находится въ насто-

Digitized by Google

ящее время въ переходномъ состояніи: его формы быта подъ вліяніемъ культурной волны, хлынувшей въ настоящее время на Уралъ и въ Сибирь, обнаруживаютъ тенденцію радикально измѣниться: въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ онъ принужденъ будетъ оставить кочевой образъ жизни, сдѣлаться осѣдлымъ и даже ассимилироваться съ господствующимъ племенемъ, которое все плотнѣе и плотнѣе разселяется около и среди инородцевъ Урала и съ бо́льшимъ искусствомъ эксплоатируетъ окружающія естественныя богатства.

Процессъ перерожденія формъ жизни Башкиръ совершается повидимому труднѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ, напр., Киргизъ. Башкиры пассивно воспринимаютъ таковыя явленія жизни, не идутъ сами на встрѣчу имъ по примѣру Киргизъ, и эти явленія обрушиваются на нихъ неожиданно, всею своею тяжестью. Особое стеченіе обстоятельствъ, недостатокъ энергіи, сопротивляемости въ характерѣ Башкиръ приводили къ тому, что народъ этотъ злостно эксплоатировался и претерпѣлъ огромныя бѣдствія, которыя всѣ сводятся къ упадку скотоводства въ зависимости отъ истребленія лѣсовъ и обезземеленія. Вся сила Башкиръ въ скотоводствѣ, и надобно признать, что при теперешнемъ уровнѣ развитія этотъ народъ наиболѣе можетъ быть полезенъ - для государства, какъ кочевой народъ, какъ *скотоводъ*, и все, что̀ ведетъ къ уменьшенію скотоводства среди Башкиръ, сокращаетъ для него возможность быть полезнымъ народомъ, его приспособленность къ жизни, обрекаетъ самого на бѣдствія и вымираніе. Поэтому-то нежелательны всякія преднамѣренныя, насильственныя или ускоренныя измѣненія его строя жизни, которыя до послѣдняго времени обрушивались именно на этотъ народъ и вызывали въ немъ всякія явленія выраженія, и желательно устраненіе по крайней мѣрѣ ненужныхъ причинъ этого послѣдняго, тѣмъ болѣе, что Башкирскій народъ во многихъ другихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ положительныя качества своего племеннаго характера, которыя онъ, ассимилировавшись, можетъ впослѣдствіи внести въ общерусскій національный организмъ.

Какъ примѣръ перерожденія формъ быта Башкиръ можно привести явленія постепеннаго сокращенія вѣковѣчнаго обычая выѣзда въ лѣтнюю пору на кочеваніе въ урманъ, т. е. въ горные лѣса.

Проѣзжая по деревнямъ, особенно бѣднымъ, я замѣчалъ, что изъ зимовокъ не всѣ выѣзжали въ урманъ и оставались тѣ, у кого вовсе не было скота или очень мало, и лишь богачи выбирались со всѣмъ скотомъ и скарбомъ на цѣлое лѣто въ горы. Изъ разспросовъ выяснялось, что число невыѣзжающихъ на кочевки увеличилось особенно послѣ голоднаго 1891 г., когда скотъ у Башкиръ палъ въ огромномъ количествѣ. Такимъ образомъ съ упадкомъ скотоводства извѣстный процентъ башкирскаго населенія, не

Digitized by Google

выѣзжая изъ зимовокъ круглый годъ, волей-неволей дѣлается осѣдлымъ и вызываетъ появленіе огородовъ и даже пашенъ среди башкирскихъ вѣсей. Напр., многолюдная деревня Ахунова, имѣющая три мечети, высылаетъ теперь только шесть кошей на кочевку въ сосѣднихъ безлѣсныхъ поляхъ и почти вся остается на лѣто въ зимовкѣ.

Не одни отрицательныя стороны характера обнаруживаютъ Башкиры, но и положительныя, которыя оказываются немалочисленны и въ извѣстной степени умѣряютъ то невыгодное впечатлѣніе, о которомъ я распространился на предыдущихъ страницахъ.

Башкиры прежде всего дѣти природы и, какъ таковые, проявляютъ естественныя хорошія стороны человѣческаго существа: простодушіе, довѣрчивость, добродушіе, готовность безкорыстно услужить, привѣтливость, гостепріимство, что выражается и на ихъ физіономіяхъ, которыя выглядываютъ такими простодушными, чуждыми заднихъ мыслей, и лишены какой-либо отталкивающей дикости или свирѣпости. Гостепріимство развито у нихъ высоко: пріѣзжающій въ башкирскую деревню, особенно кочевку, можетъ обратиться съ просьбою о пріемѣ къ каждому хозяину избы или юрты съ увѣренностью, что никто не откажетъ; напротивъ, на свою просьбу непремѣнно услышитъ оживленный отвѣтъ: «айда, знакóмъ, кунакъ будешь», т. е. «пойдемъ, знакомый, гостемъ будешь,» и его вещи поспѣшно переносятся въ избу, гдѣ затѣмъ хозяинъ предлагаетъ ему все, чѣмъ богатъ: если есть кумысъ и мясо, то ихъ, а то чаепитіе съ лепешками и молокомъ. Во время его прогулки мало того, что всѣ наивно заинтересованы появленіемъ новаго пріѣзжаго, зазываютъ его въ свои юрты и при томъ весьма усердно: «айда, знакóмъ, айда въ кошъ кумысъ есть, айда, кунакъ будешь», и когда онъ войдетъ, ему немедленно подаютъ добрую чашку кумыса и вмѣстѣ съ нимъ пьютъ всѣ, устремляютъ на него любопытные взоры, дотрогиваются до его платья, и засыпаютъ разспросами, кто онъ, откуда, чѣмъ занимается или сколько жалованья получаетъ и т. п.

Въ качествѣ гостя можно быть совершенно спокойнымъ за безопасность не только себя, но и своихъ вещей, ничто изъ принадлежащаго гостю и находящагося въ кошѣ не пропадетъ; но если вещи эти находятся внѣ коша, никто за ихъ сохранность не отвѣтственъ, и похитить ихъ вовсе не считается предосудительнымъ; или, напр., если вещи лежатъ въ экипажѣ, ихъ никто не осмѣлится коснуться, но если онѣ выпали и лежатъ около экипажа, то ихъ похитятъ на томъ основаніи, что это-де все равно, что вещь лежитъ на дорогѣ: чья она, неизвѣстно, и принадлежитъ она первому нашедшему. Довѣрчивость Башкиръ доходитъ до того, что безъ особливой опасливости передаютъ свои деньги первому знакомому,

Digitized by Google

вѣря въ каждаго человѣка и не подозрѣвая часто того огромнаго корыстолюбія, какимъ одержимы бываютъ люди и котораго они почти не знаютъ. Безкорыстно Башкиры способны и помогать другимъ: напр., разсказывали мнѣ, что въ весеннюю или осеннюю распутицу, встрѣтивъ на дорогѣ застрявшій возъ или телѣгу, Башкиры безъ всякихъ размышленій устремляются въ вязкую грязь и освобождаютъ возъ и не берутъ даже денегъ, если имъ предлагаютъ за услугу: не за что-де, тогда какъ русскій или вовсе откажется отъ услуги или сначала станетъ торговаться о вознагражденіи, иначе-де не поможетъ.

Мягкость характера или, такъ сказать, естественная гуманность составляетъ чуть ли не отличительное качество Башкиръ: въ нихъ совершенно отсутствуетъ азіатская жестокость или сухое, враждебное чувство въ отношеніяхъ къ людямъ.

Прежде всего это качество проявляется въ семейной жизни, которая хотя построена на азіатской основѣ — на безусловной подчиненности женщины, но свободна отъ систематическаго проведенія и гнета этого принципа и является гораздо проще и естественнѣе, чѣмъ у другихъ мусульманъ. Мужья не разыгрываютъ изъ себя деспотовъ по отношенію къ женамъ и предоставляютъ послѣднимъ извѣстную свободу отъ обрядностей, не подвергаютъ ихъ тѣлеснымъ побоямъ за рѣдкими исключеніями, не лишаютъ ихъ права самостоятельнаго заработка: напр., если Башкирка соберетъ ягодъ и продастъ, то деньги удерживаетъ у себя, также обращаетъ въ свою пользу доходъ отъ продажи молока; вообще у Башкиръ нѣтъ той жесткости, пренебреженія и необузданности по отношенію къ женамъ, какъ у Киргизъ; къ женамъ своимъ Башкиры нерѣдко привязываются и этимъ объясняютъ свое нерасположеніе къ многоженству, которое у нихъ мало распространено въ силу сознанія его неудобства. Женятся Башкиры рано: иногда лѣтъ въ 15. Богачи не отказываютъ, впрочемъ, себѣ въ многоженствѣ, хотя и среди нихъ встрѣчаются поклонники единоженства.

Насколько можетъ простираться самостоятельность башкирскихъ женщинъ, это показываетъ слѣдующій фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ въ пребываніе свое въ кочевкѣ Казаккуловой въ 50 верстахъ отъ г. Верхнеуральска. Когда я приближался къ ней, везшій меня Башкиръ изъ деревни Московой разсказывалъ мнѣ, что въ Казаккуловой кочевкѣ живетъ у отца *Фахарница* (женское имя), которая убѣжала отъ своего мужа изъ Московой. Одно то, что передаются разсказы объ отдѣльной женщинѣ, доказывало, что личность этой Башкирки и самостоятельность выразились въ чемъ-нибудь вполнѣ опредѣленно и, вѣроятно, настолько необычно, что заставила о себѣ говорить.

Дѣйствительно, Башкирка Фахарница, насколько мнѣ удалось видѣть

Digitized by Google

ее, представляла собою энергичный женскій типъ съ тонкими чертами лица, быстрымъ взглядомъ и движеніями, у которой дѣло спорилось въ рукахъ. Изъ разсказовъ видно было, что Фахарница 2 года назадъ была выдана замужъ въ башкирскую деревню *Москову*, и за нее полученъ былъ ея отцомъ опредѣленный выкупъ, такъ наз. *калымъ*. По обычаю восточныхъ народовъ невѣсты покупаются, и женихъ долженъ дѣлать отцу невѣсты извѣстный взносъ, смотря по состоятельности той и другой стороны; напр., въ составъ калыма входятъ лошадь, корова, мелкій скотъ, разныя вещи и деньги (отъ 30—40 руб.).

Фахарница прожила съ своимъ мужемъ спокойно одинъ годъ, а затѣмъ неожиданно возстала противъ него, перестала исполнять его желанія и приказанія, входила вопреки обычаю въ постоянныя препирательства съ нимъ, запустила его избу и хозяйство и однажды уѣхала къ своему отцу въ Казаккулову какъ бы въ гости. Но, явившись къ роднымъ, она объявила, что больше не возвратится къ своему мужу, потому что онъ дуракъ, рохля, никакое дѣло у него не идетъ. По разсказамъ другихъ, мужъ ея былъ очень скромнаго характера, медлителенъ и вялъ въ дѣйствіяхъ, но вообще не дуракъ, а добрый, обыкновенный Башкиръ. Очевидно, Фахарницѣ былъ антипатиченъ характеръ ея мужа, и она, совершенно опредѣленно заявляя свои вкусы, рѣшилась отдѣлаться отъ мужа-рохли. Родители были ошеломлены ея безпримѣрнымъ поступкомъ и всячески убѣждали ее возвратиться, отецъ прибѣгалъ даже къ строгостямъ и угрозамъ. Фахарница отказывалась и лишь когда пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней ея мужъ и чуть не плача разсказывалъ, что весь обиходъ, все хозяйство рушилось, умолялъ ее вернуться, Фахарница подъ давленіемъ настояній отца согласилась поѣхать назадъ къ мужу. Но недолго и на этотъ разъ прожила она съ мужемъ: вскорѣ возобновились раздоры между супругами и постоянно по почину Фахарницы, которая почти загнала своего мужа до того, что его вчужѣ жалѣли сосѣдніе Башкиры. Кончилась эта эпопея тѣмъ, что Фахарница въ одинъ прекрасный день вторично убѣжала къ отцу и заявила ему, что больше ни за что не вернется къ мужу, а останется у отца жить. Родные были, конечно, опечалены этимъ событіемъ, но убѣдились въ такомъ рѣшительномъ упорствѣ Фахарницы, что когда мужъ опять пріѣхалъ за женою, они не пробовали оказать ему какое-либо содѣйствіе и согласились по его требованію на возвращеніе *калыма*, какой онъ заплатилъ за жену, въ знакъ расторженія брака. Фахарница даже не настаивала на удержаніи при себѣ единственной дочери, которую мужъ рѣшительно оставлялъ у себя: съ нея довольно было торжества надъ мужемъ и разлученія съ нимъ. Она поселилась у отца, принялась за домашнія работы и стала вновь *дѣвкой*, т. е. невѣстой, такъ по крайней мѣрѣ называли ее Башкиры, повела себя

Digitized by Google

скромно и тихо, какъ подобаетъ дѣвкѣ, въ ожиданіи новаго жениха, и только бо́льшая смѣлость въ разговорахъ съ мужчинами и съ Русскими и говоръ о ней по окрестнымъ деревнямъ отличали ее отъ другихъ Башкирокъ, безропотно и почти безсознательно несущихъ роль безотвѣтныхъ слугъ своихъ мужей.

Въ исключительныхъ случаяхъ: въ пьяномъ состояніи, когда чѣмъ раздосадованы или въ силу характера у отдѣльныхъ лицъ, первобытная, неуравновѣшенная натура Башкиръ проявляется во всей своей необузданности и даже жестокости.

Въ той же кочевкѣ Казаккуловой въ іюлѣ 1893 г. справлялась богатая башкирская свадьба: старшина женилъ сына на дѣвицѣ изъ сосѣдней деревни, и торжество по обыкновенію имѣло грандіозный характеръ; въ немъ участвовали обѣ деревни цѣликомъ, при чемъ сначала устроила праздникъ кочевка Казаккулова и пригласила всю сосѣднюю кочевку, а потомъ сосѣдняя отплатила отвѣтнымъ праздникомъ, созвавъ всѣхъ Казаккуловцевъ. Втихомолку отъ старшихъ молодежь пила водку, такъ называемый *аракъ*, пить который старики считаютъ за грѣхъ и за пагубу.

Водка почти не употребляется среди Башкиръ и Киргизъ, удовлетворяющихъ потребность въ алькоголѣ народнымъ напиткомъ кумысомъ; только молодежь въ особыхъ случаяхъ балуется ею какъ запрещеннымъ плодомъ.

Послѣ шумнаго и своеобразнаго празднованія въ теченіе 3 дней казаккуловская молодежь вечеромъ третьяго дня возвратилась домой въ веселомъ настроеніи съ уханьемъ, гиканьемъ, молодецкимъ свистомъ, головоломно скача на подводахъ верхомъ по горной дорогѣ. Ухарскіе клики и свистъ такъ звонко разносились по горамъ, что всполошили мирныхъ обитателей кочевки, которые заинтересовались, что̀ такое происходитъ. Вскорѣ молодые Башкиры во весь духъ влетѣли въ кочевку и произвели въ ней всеобщее оживленіе, затѣмъ разъѣхались по юртамъ и тамъ кружка́ми избывали свою веселость, навѣянную употребленіемъ арака. Въ кошѣ самаго богатаго Башкира кочевки Асафа Казаккулова ораторствовалъ, плохо держась на ногахъ въ кругу компаньоновъ, сынъ его Магафуръ съ киргизскими угловатыми чертами лица и нѣсколько свирѣпымъ выраженіемъ, что́ является страннымъ на ряду съ тѣмъ, что̀ родной его братъ Азаматъ имѣлъ правильныя и мягкія черты лица.

Между прочимъ, Магафуръ приказалъ молодой женѣ своей поставить самоваръ; послѣдняя начала исполнять приказаніе съ ропотомъ, указывая на позднее время (около полуночи), укоряя его за нетрезвое состояніе. Мужъ приказывалъ ей замолчать, но та продолжала, пока грѣлся самоваръ, свои укоризны. И вотъ Магафуръ не вытерпѣлъ, и его дикая натура разрази-

Digitized by Google

лась со всею необузданностью на неосторожную жену. Ударъ кулакомъ влетѣлъ ей въ голову и спину, она заревѣла и стала причитать. Повтореніе ударовъ куда ни попало заставило ее съ неистовымъ крикомъ выбѣжать вонъ, гдѣ ее окружили любопытные Башкиры и Башкирки. На шумъ и вопли выбѣжалъ изъ сосѣдняго коша братъ Магафура Азаматъ и началъ убѣждать и усмирять расходившагося брата, который яростно бранился и порывался выбраться вслѣдъ за женою и продолжать расправу съ нею. Послѣдняя, поревѣвъ на вольномъ воздухѣ, возвратилась въ избу въ расчетѣ, что мужъ ея угомонился, и осмѣлилась возвысить свой голосъ съ какимъ-то замѣчаніемъ, но печально ошиблась въ предположеніи: мужъ вновь началъ награждать ее ударами въ голову, спину, животъ (а она была беременна); къ воплю жены присоединился отчаянный плачъ дѣвочки-дочери, которая при каждомъ ударѣ прижималась съ усиленнымъ крикомъ къ матери и пыталась ее защищать. Отецъ и на дочь не обращалъ вниманія, а, гнѣвно ругаясь, продолжалъ бить жену, пока послѣдняя вновь не выбѣжала изъ коша. Послѣ этого въ драку вмѣшался братъ жены и вступилъ въ единоборство съ ея мужемъ. Благодаря стараніямъ вмѣшавшихся Башкиръ драка прекратилась.

Расходившійся Башкиръ, вѣроятно, уставъ, пересталъ драться и только продолжалъ браниться на жену, которая осталась въ юртѣ и занялась было самоваромъ и хозяйствомъ; мужъ рѣшилъ пронять прекословившую жену словесно — попреками и требованіемъ просить на колѣнахъ прощенія: среди этой бурной перебранки то и дѣло слышалось слово «торъ», грозно и повелительно произносимое; я спросилъ Башкиръ, что это слово значило, и узналъ, что имъ мужъ приказывалъ женѣ стать на колѣни.

Очень любопытно было отношеніе къ этой исторіи постороннихъ Башкиръ. Они вообще не вмѣшивались въ нее, и только когда братъ разъярившагося мужа Азаматъ счелъ надобнымъ вмѣшаться, нѣкоторые Башкиры приняли участіе съ нимъ. Когда я сталъ указывать имъ на звѣрство Магафура и приглашалъ ихъ остановить его, они мнѣ отвѣтили, что нельзя этого сдѣлать, что онъ—мужъ и можетъ съ женою поступать какъ захочетъ, что жена сама виновата: развѣ можно перечить мужу. Я расчитывалъ, что по крайней мѣрѣ Азаматъ другихъ воззрѣній въ виду его дѣятельнаго стремленія прекратить неистовства брата, но, разговорившись съ нимъ, я увидѣлъ, что онъ не обвинялъ брата, а лишь жену: какъ-де она смѣетъ прекословить мужу, что онъ не порицалъ поступка брата по существу, а, пожалуй, былъ согласенъ, что братъ далъ лишку, и онъ, Азаматъ, пытался прекратить драку лишь по личному нерасположенію къ ней.

Однако, хотя принципъ безграничной власти мужа надъ женою оставался незыблемымъ, Башкиры явно обнаружили несочувствіе такому дикому

Digitized by Google

и необузданному проявленію этой власти. Отецъ Асафъ на другой день вовсе не говорилъ съ сыномъ, возмутившись его неистовымъ поведеніемъ и тѣмъ, что напился на свадьбѣ арака (водки); братъ Азаматъ былъ сухъ; Магафуръ чувствовалъ себя провинившимся и нѣсколько робко держалъ себя въ кошѣ отца; однако стоило только попрекнуть его поступкомъ съ женою, какъ онъ сердито и со злостью доказывалъ свою полноправность и правоту въ происшедшей исторіи: жена-де не смѣетъ говорить на перекоръ мужу, который можетъ избить ее хоть до смерти. Магафуръ чувствовалъ свою неправоту, но не хотѣлъ признать ее.

Подобное обращеніе съ женами представляетъ рѣдкіе случаи, вообще же преобладаетъ мягкое, отнюдь не деспотическое, добродушное отношеніе къ нимъ. На ряду съ полнымъ подчиненіемъ власти мужа башкирская женщина даетъ примѣры проявленія своей личности. Эта же мягкость, ровность характера Башкиръ обнаруживается въ сношеніяхъ съ посторонними людьми изъ другихъ народностей. Между русскимъ и башкирскимъ населеніемъ почти не бываетъ никакихъ замѣтныхъ недоразумѣній, и какого-нибудь недовѣрія или боязни по отношенію къ Русскимъ среди Башкиръ не существуетъ. Развѣ относительно чиновниковъ у нихъ рождаются по временамъ опасенія. Такъ я былъ свидѣтелемъ безпокойства Башкиръ кочевки Казаккуловой по поводу появленія вблизи нихъ землемѣра, который нѣсколько дней дѣлалъ какія-то измѣренія, кажется, въ виду намѣренія правительства взять въ опеку башкирскіе лѣса. Башкиры мучились подозрѣніемъ, что у нихъ хотятъ отобрать земли: «кажется, у насъ земли лишней нѣтъ, только въ мѣру, никого мы не трогаемъ, а у насъ хотятъ отнять и эту: зачѣмъ ѣздитъ къ намъ землемѣръ»? Разубѣждать ихъ въ подобныхъ подозрѣніяхъ — дѣло не легкое.

Но всякаго гуманнаго, справедливаго чиновника они отмѣчаютъ особеннымъ къ нему расположеніемъ и добрымъ словомъ о немъ.

Вообще Башкиры являются мирнымъ и вполнѣ вѣрноподданнымъ народомъ нашего отечества. Сопоставляя себя съ Русскими, они говорятъ: «на́ша ва́ша одинъ Богъ и одинъ царь».

Представленія о царѣ у нихъ чрезвычайно высокія: идея о немъ въ ихъ пониманіи есть синонимъ высшей и нелицепріятной правды и отеческой заботливости о всѣхъ его подданныхъ. Особенно сильныя чувства преданности и признательности къ царю питали они въ голодные годы 1891—92: «кабы не царь, чтобы мы стали дѣлать? всѣ бы помирали: бульно тяжела́ было. А царь не забылъ насъ, хлѣба прислалъ да машину (т. е. желѣзную дорогу) велѣлъ построить. Ай-ай хитра́ люди стали» — прибавляютъ они по поводу желѣзной дороги. — «Царь о всѣхъ заботится и велѣлъ всѣмъ поровну раздавать хлѣба — 30 ф. на душу, да чиновники обижаютъ: исправ-

Digitized by Google

никъ и старосты раздавали по 15 ф. и говорили, что мука растряслась. Нѣтъ, это имъ не пройдетъ такъ: царь непремѣнно узнаетъ, пришлетъ своего чиновника, которому мы будемъ жаловаться; царь правду любитъ. Царь только одинъ заботится о насъ, кабы не царь, всѣ бы мы помирали: дай Богъ ему на здоровье».

Чиновникъ дѣйствительно пріѣзжалъ — это князь Голицынъ, уполномоченный для провѣрки раздачи пособій голодающему населенію въ восточныхъ губерніяхъ. Но онъ проѣзжалъ только по городамъ, и Башкиры прозѣвали его проѣздъ, или не могли о немъ знать: такъ и остались не при чемъ въ своемъ исканіи правды.

Вообще неудовольствія Башкиры питаютъ по адресу чиновниковъ, а не относительно русскаго населенія, съ которымъ они живутъ въ ладу благодаря тому, что русскій крестьянинъ добродушно и безъ заднихъ мыслей относится къ нимъ.

Въ умственномъ отношеніи народъ этотъ вообще одаренный, и хотя умъ его почти совсѣмъ еще спитъ, но проявляетъ задатки къ развитію: взрослые Башкиры нерѣдко обнаруживаютъ житейскую разсудительность и даже житейскую философію; любознательность свойственна Башкирамъ во всѣхъ возрастахъ, а въ ребятахъ она проявляется особенно при обученіи въ русскихъ школахъ. Благодаря этому качеству и при отсутствіи тенденціозной замкнутости, какъ у Татаръ, они легко воспринимаютъ вліяніе русской культуры и безъ національной опасливости: они вполнѣ, напр., сознаютъ важность русской грамоты и отдаютъ своихъ дѣтей въ русскую школу, не боясь ея, тогда какъ Татаръ, напр. приходится долго разубѣждать въ ихъ опасеніяхъ и какими-нибудь особенными мѣрами привлекать въ русскія школы. Башкирскія дѣти обнаруживаютъ большую даровитость и скоро и разумно усваиваютъ русскую грамотность, знаніе которой даетъ право на большое уваженіе среди Башкиръ, и послѣдніе, какъ я уже раньше упоминалъ, прямо предпочитаютъ русскую школу татарской за скорость усвоенія и понятливость преподаваемой въ ней грамоты. Никто противъ школы ничего не имѣетъ, и если многіе не отдаютъ въ нее дѣтей своихъ, то по экономическимъ причинамъ или потому, что всѣхъ не принимаютъ.

Но надо, однако, отмѣтить, что Башкиры въ своемъ образованіи дальше начальныхъ школъ не поднимаются.

Наибольшую даровитость Башкиры обнаруживаютъ въ поэтическомъ отношеніи, и ихъ творчество заслуживаетъ вообще вниманія, а въ сравненіи съ творчествомъ другихъ инородцевъ — особеннаго. Интересъ и разнообразіе ихъ творчества надобно поставить въ тѣсную связь съ той чудной природой Урала, среди и въ тѣсномъ общеніи съ которой живутъ Башкиры. Причудливыя и живописныя очертанія горъ, постоянная смѣна картинъ,

Digitized by Google

одна другой красивѣе, заманчивая даль, раскрывающаяся съ каждой высокой горы на необозримое море горъ и горныхъ хребтовъ, широкія долины, узкія и глубокія ущелья, почти дѣвственная природа съ лѣсами и животными въ нихъ, — все это должно поражать воображеніе и энергично возбуждать фантазію и поэтическое творчество.

Башкиры оказываются, дѣйствительно, чуткими къ красотамъ природы: они для своихъ кочевокъ выбираютъ, какъ я уже упомянулъ, самыя красивыя мѣста въ горахъ; по собственному побужденію знакомятъ посторонних посѣтителей съ замѣчательными видами ихъ мѣстности и могутъ предаваться наслажденію созерцанія природныхъ красотъ: такъ не разъ можно слышать разсказы о томъ, какъ Башкиръ останавливается и подолгу смотритъ въ даль; когда его спрашиваютъ, къ чему онъ присматривается, онъ указываетъ на красивую гору или красивый видъ, и съ чувствомъ говоритъ: «ай, хорошá, бу́льно хорошá», затѣмъ опять предается созерцанію, выражая восклицаніями свое восхищеніе.

Тептяри.

Что касается третьей народности, исповѣдующей магометанскую религію, среди которой я также записывалъ пѣсни, — Тептярей, то о ней придется сказать кратко какъ по ея малочисленности, такъ и по малой оригинальности, ибо ихъ языкъ и образъ жизни весьма близки къ башкирскому, а нравственное состояніе менѣе симпатично и поэтическое творчество не столь интересно и въ значительной степени заимствовано.

Тептяри населяютъ Тептяро-Учалинскую волость въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губ. въ 40 — 50 верстахъ отъ г. Верхнеуральска. Численность достигаетъ не болѣе восьми тысячъ, а можетъ быть, и того меньше. Вотъ названіе ихъ поселеній: Рысаева, Калканова, Учалы, Мулдашево, Ильтабанова, Ильчина, Долгая Деревня, Уразова и пр.

Тептяри любопытны тѣмъ, что представляютъ изъ себя сборную народность. Обитая на ряду съ Мещеряками, совершенно отатарившимся народцемъ на башкирской землѣ, они вмѣщаютъ въ своей народности много этнографическихъ элементовъ. Существуетъ нѣсколько мнѣній о происхожденіи и составѣ этого народа. Такъ Уйфальви думаетъ, что Тептяри могли произойти отъ скрещиванія Башкиръ съ Татарами.

По Георги Тептяри образовались изъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища въ горахъ послѣ паденія татарскаго царства въ Казани, и составные элементы этого новаго народа образовались изъ Вотяковъ, Черемисовъ, Чувашей и Татаръ. Главная причина ихъ эмиграціи былъ страхъ, что Рус-

Digitized by Google

скіе принудятъ ихъ принять свою религію. Различные народы, изъ которыхъ составились Тептяри, сливаются все болѣе и болѣе. Во времена Георги, однако, еще можно было различать языкъ каждаго отдѣльнаго народа.

Тептярь значитъ по-татарски «бродяга», человѣкъ слишкомъ бѣдный, чтобы платить подати. Между Тептярями есть особый классъ такъ называемыхъ Бобылей (см. О Башкирахъ, профессора Сомье. Переводъ О. Н. Олениной. Екатеринбургъ 1891, стр. 15. Перепечатано изъ «Записокъ» Уральскаго Общества любителей естествовознанія, т. XIII).

На мѣстѣ въ бытность мою среди Тептярей мнѣ удалось добыть слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ народѣ.

Учитель русско-тептярскаго училища въ деревнѣ Учалахъ А. С. Гусевъ, старожилъ среди Тептярей, говорящій на татарскомъ языкѣ и близко знакомый съ бытомъ окрестныхъ инородцевъ, сообщилъ мнѣ, что Тептярь — слово башкирское, въ переводѣ значитъ «хищникъ». По характеру Тептяри, дѣйствительно, народъ хищный, точнѣе говоря, воры. По разсказамъ самихъ Тептярей, и какъ это до нѣкоторой степени подтверждается документами, волость ихъ образовалась изъ поселившихся вмѣстѣ разныхъ бродячихъ людей и цѣлыхъ семействъ, какъ-то: русскихъ бѣглыхъ крестьянъ и солдатъ, Татаръ, Чувашъ, Башкиръ, Мещеряковъ и проч. На такой пестрый составъ этого народа и вмѣстѣ присутствіе русскаго элемента указываетъ, напр., имя и отчество одного родоначальника деревни Ильтабановой, купившаго у Башкиръ земли на свое имя — «Ильтабанъ Степановичъ». Башкирская среда, въ которой они поселились, привила къ нимъ свой языкъ, вѣру и нѣкоторые обычаи. Поэтому у Тептярей, по словамъ Гусева, ни пѣсенъ, ни музыкальныхъ инструментовъ собственнаго произведенія не имѣется,— а если и существуютъ въ обращеніи тѣ или другіе, то они заимствованы или отъ Башкиръ или отъ сосѣднихъ Русскихъ: казаковъ или крестьянъ. Праздники у Тептярей тѣ же, что и у Башкиръ: между прочимъ у нихъ до послѣдняго времени справлялось празднество «*Сабантуй*» — въ переводѣ: «сабанный или послѣ-пашенный пиръ», но въ послѣдніе годы совершенно оставленъ.

У Тептярей все заимствовано и своего племеннаго ничего нѣтъ — заключаетъ свое сообщеніе учитель Гусевъ. Я не склоненъ раздѣлять такой рѣшительный приговоръ потому, что убѣдился самъ въ существованіи творчества среди Тептярей: записалъ нѣсколько несомнѣнно тептярскихъ пѣсенъ и познакомился съ однимъ пользовавшимся популярностью среди народа поэтомъ и пѣвцомъ, Башаровымъ, сообщившимъ мнѣ нѣсколько пѣсенъ и мелодій собственнаго сочиненія. Этотъ пѣвецъ и вмѣстѣ музыкантъ-игрокъ на скрипкѣ успѣлъ обратить свое любимое занятіе въ спеціальность, которою онъ и кормился: онъ добывалъ себѣ средства къ существованію тѣмъ,

Digitized by Google

что былъ приглашаемъ на вечеринки, гуляньки, свадьбы, гдѣ игралъ и пѣлъ башкирскія, тептярскія, русскія и собственнаго сочиненія пѣсни. Другихъ занятій: промышленныхъ и т. п. онъ не имѣлъ и, кажется, былъ не способенъ къ нимъ, такъ что былъ въ своемъ родѣ «свободный художникъ». Собственныя пѣсни этого пѣвца пользуются распространеніемъ среди народа, и я не разъ при разспросахъ о происхожденіи пѣсенъ слышалъ въ отвѣтъ, что такая-то и такая-то пѣсня сочинена Башаровымъ изъ деревни Рысаевой и что никто лучше его не умѣетъ сочинять, хотя мелодіи его мнѣ не особенно нравились.

Что касается вопроса, признавать ли Тептярей отдѣльной народностью или нѣтъ, то считаю надобнымъ привести слѣдующія соображенія директора народныхъ училищъ Уфимской губерніи И. И. Троицкаго. По его словамъ, суть разногласія относительно инородцевъ: Башкиръ, Мещеряковъ, Тептярей и Бобылей состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что одни считаютъ этихъ инородцевъ племенными особями, другіе же относятъ ихъ къ различнымъ сословіямъ. Послѣднее мнѣніе поддерживаетъ Уфимскій Статическій Комитетъ и Крестьянское Присутствіе; это мнѣніе считается болѣе справедливымъ. Хотя прежде тотъ же Статистическій Комитетъ допускалъ псевдоплеменный терминъ—Башкиры, Мещеряки, Тептяри и проч., но допускалъ это потому, что таковой терминъ легально существовалъ во время производства статистическихъ переписей.

Какъ давно появились въ описываемой мѣстности Тептяри, трудно сказать; по крайней мѣрѣ путешествовавшій въ прошломъ столѣтіи (1770 г.) по Уралу и проѣзжавшій какъ разъ по мѣстности, гдѣ теперь живутъ Тептяри, извѣстный академикъ Лепехинъ не упоминаетъ вовсе, чтобы какая-нибудь народность называлась Тептярями, хотя описываетъ горы и озера подъ тѣми же названіями, какія существуютъ и теперь.

Волость Тептярей расположена въ живописной гористой мѣстности, еще достаточно покрытой лѣсомъ и изобилующей многоводными красивыми озерами, которыя сообщаютъ значительное оживленіе и привлекательность горнымъ пейзажамъ. Лѣсистость этой волости и изобиліе влажности находится въ прямой зависимости отъ опеки, установленной казной надъ тептярскими лѣсами, рубить которые Тептяри могутъ только съ разрѣшенія лѣсничаго и въ такъ называемыхъ «дѣлянкахъ», участкахъ лѣса, назначаемыхъ по очереди къ вырубкѣ.

Благодаря этому обстоятельству Тептяро-Учалинская волость производитъ отрадное впечатлѣніе послѣ безлѣсныхъ, обнаженныхъ, лишенныхъ даже травянаго покрова горъ и полей сосѣднихъ волостей, напр., близъ инородческой деревни Ахуновой; вы съ удовольствіемъ въѣзжаете въ Тептяро-Учалинскую волость по дорогѣ, вьющейся среди березняка, вдоль обширныхъ и красивыхъ озеръ, по широкому простору и заманчивымъ

Digitized by Google

далекимъ берегамъ которыхъ взоръ охотно скользитъ, близъ разнообразныхъ горъ, точно нарядной одеждой покрытыхъ лѣсомъ послѣ безлѣсья прежнихъ горъ.

Въ самомъ воздухѣ чувствуется присутствіе здоровой влажности; по полямъ колосятся тучные хлѣба, которые поразительно разнятся отъ хлѣбовъ сосѣднихъ безлѣсныхъ волостей.

На берегу Ургуна, самаго значительнаго и краснваго озера этой мѣстности, вдали отъ селенія на лонѣ природы поселились нѣкоторые изъ Русскихъ, которые съ успѣхомъ занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, дающимъ обильные урожаи безъ необходимости удобренія земли. Надъ земледѣльческой культурой трудился здѣсь упомянутый, нынѣ уже умершій педагогъ Гусевъ, который, примѣняя усовершенствованныя орудія обработки земли, старался и Тептярей пріохотить къ болѣе интенсивному занятію земледѣліемъ при помощи такихъ же усовершенствованныхъ орудій.

Минеральныя богатства этой мѣстности значительны: нѣсколько лѣтъ назадъ обнаружилось, что Учалинское озеро около деревни Учаловъ испортилось и перестало быть годнымъ для питья благодаря тому, что размыло въ землѣ залежи мѣднаго купороса, который отравилъ воду, такъ что скотъ, пившій изъ озера, издыхалъ. Здѣсь же сгруппировано нѣсколько золотыхъ пріисковъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма успѣшно работаютъ, напр., Прибылева и особенно Э. И. Гана, бывшаго городскаго врача въ г. Троицкѣ, открывшаго работы съ Апрѣля 1893 г. Залежи золота оказались очень богаты какъ въ россыпяхъ, такъ и въ жилахъ: находились въ большомъ числѣ самородки. Добыча золота ежедневно измѣрялась 17 зол. со 100 пудовъ, а бывали дни, когда она доходила до 1 п. 30 ф., 2 п. 12 ф. чистаго золота, — событіе, почти безпримѣрное въ лѣтописяхъ мѣстной золопромышленности. Этотъ фактъ лишній разъ подтверждаетъ несомнѣнную наличность горныхъ богатствъ Урала.

Открытіе необыкновенно богатаго пріиска произвело сильное впечатлѣніе на все окружающее населеніе и русское, и инородческое. Хищническіе инстинкты инородцевъ поднялись во всей силѣ. У Башкиръ и Тептярей сердца разгорѣлись отъ близкаго сосѣдства съ золотоноснымъ источникомъ, и они пустились во всѣ тяжкія, лишь бы поживиться отъ богатствъ новаго пріиска. Послѣдній первое время былъ буквально въ осадномъ положеніи: для охраненія склада золотоносныхъ камней, найденныхъ въ большомъ количествѣ въ первые же дни, приходилось учреждать вооруженную стражу изъ рабочихъ въ виду того, что Тептяри каждую ночь дѣлали вылазки и нападенія на пріискъ изъ сосѣдней деревни Рысаевой. Происходили настоящія перестрѣлки, при чемъ однажды одинъ изъ Тептярей былъ подстрѣленъ. Послѣдніе угомонились, лишь убѣдившись, что пріискъ энергично охраняется.

Digitized by Google

Склонность къ воровству, если судить по разсказамъ, — преобладающая страсть у Тептярей.

Тептяри усердно занимаются конокрадствомъ и, говорятъ, будто въ каждой своей деревнѣ содержатъ воровскія конторы, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ нити организованнаго воровства. Сами власти будто бы не въ силахъ бороться съ этимъ зломъ, потому что понятые и свидѣтели берутся изъ той же среды воровъ, которые весьма солидарно дѣйствуютъ между собою. Похитители сами извѣщаютъ потерпѣвшихъ, что украденную вещь или лошадь они могутъ выкупить въ конторѣ. Бороться съ этимъ зломъ считаютъ возможнымъ только энергичными мѣрами.

Такимъ образомъ, Тептяри создали себѣ дурную репутацію воровъ, хищниковъ, живущихъ на чужой счетъ, ничего своего за душой не имѣющихъ. Хотя, можетъ быть, есть доля преувеличенія въ этомъ рѣшительномъ мнѣніи, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что бытъ Тептярей представляетъ мало своеобразности и самостоятельности сравнительно съ Башкирами. Они, впрочемъ, не бѣднѣе послѣднихъ: правда, имѣютъ меньше скота, на кочевки не выѣзжаютъ, кумысомъ не богаты, но занимаются до нѣкоторой степени земледѣліемъ и имѣютъ хорошіе заработки на сосѣднихъ пріискахъ.

Живутъ они въ деревняхъ, устроенныхъ наподобіе русскихъ: въ деревянныхъ избахъ, въ которыхъ вмѣсто русской печи устраивается *каминъ*, такъ называемый *чувалъ*, съ котломъ для кипяченія, вмѣсто столовъ и лавокъ — *нары*, т. е. очень широкія скамейки. Обстановка запущена, грязна и убога, среди которой успѣшно гнѣздятся болѣзни: глазныя, накожныя, частію сифилисъ и особенно тифъ. Подъ вліяніемъ всеобщаго голоданія въ 1891—1892 гг. тифъ свирѣпствовалъ по тептярскимъ, какъ и по другимъ инородческимъ деревнямъ, съ огромной силой: по всѣмъ избамъ валялись среди грязи и безпомощности больные, которымъ окружавшіе не догадывались даже давать воды отъ угнетавшей ихъ жажды, и больные въ полубезсознательномъ состояніи чмокали губами или лежали съ раскрытыми ртами, пока ихъ не убирала смерть, съ особеннымъ успѣхомъ подвизавшаяся въ атмосферѣ, наполненной дымомъ, пепломъ и парáми отъ кипящихъ котловъ и топящихся чуваловъ. Тептяри въ отчаяніи и безпомощности прибѣгали къ Божьей помощи, исполняя въ родѣ слѣдующихъ молебствій и обрядовъ. Въ лунную ночь они выходили толпами на улицу во главѣ съ муллами, въ бѣлыхъ чалмахъ, блѣдные, изнуренные, движущіеся какъ тѣни, останавливались противъ каждаго дома, гдѣ были больные: поднимая руки къ небу и взывая «Аллá, аллá», думали изгнать отъ себя болѣзнь. Ихъ жалобы, мольбы, монотонные и печальные возгласы «Аллá, Аллá» доносились отъ селенія къ селенію, наводя еще бóльшее уныніе.

Русскія власти обнаружили при этомъ необыкновенную мѣшкотность,

Digitized by Google

собравшись послать врача черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда эпидемія сама стала прекращаться, тогда какъ онѣ были давно предупреждены объ эпидеміи.

Вообще Тептяри, находясь на низкомъ экономическомъ уровнѣ, стоятъ на низкихъ ступеняхъ и относительно духовнаго развитія. Ихъ нравственная репутація незавидна, народное творчество менѣе богато, интересно и разнообразно, чѣмъ у другихъ инородцевъ: собственныхъ пѣсенъ имѣютъ мало, а больше усваиваютъ отъ другихъ. Въ народныхъ школахъ особенныхъ успѣховъ не дѣлаютъ. Представляя изъ себя сборную, составную народность, они отражаютъ на себѣ всевозможныя вліянія окружающихъ племенъ.

Въ жизни описанныхъ инородцевъ совершается въ настоящее время кризисъ: перерожденіе ихъ формъ жизни подъ вліяніемъ вѣяній времени и надвигающейся русской культуры. Конечно, перерожденіе это совершается не безболѣзненно главнымъ образомъ потому, что инородцы не могутъ сами подняться и реформировать свою жизнь. Правда, часть инородцевъ, съ Татарами во главѣ, обнаруживаютъ склонность и способности охранять свою племенную индивидуальность, но у большинства инородцевъ нѣтъ данныхъ для состязанія съ силою вещей; имъ повидимому не избѣжать сліянія съ высшею націею. Здѣсь можетъ быть нежелательнымъ лишь одно: слишкомъ большая болѣзненность этого сліянія, но есть основанія думать, что можно избѣжать такой болѣзненности сліянія. Въ этомъ убѣждаетъ больше всего безусловно мирный характеръ отношеній между русскимъ и инородческимъ населеніемъ, въ силу чего нѣтъ и тѣни какой-либо вражды или неудовольствія между ними, и вліяніе русской стихіи хотя постепенно, но прочно распространяется среди инородцевъ; затѣмъ безболѣзненность сліянія можетъ быть обезпечена также тѣмъ, если носители русской культуры не будутъ производить насильственнаго и своекорыстнаго воздѣйствія на ходъ вещей или ускорять его, примѣръ чему мы видѣли въ расхищеніи башкирскихъ земель.

Съ устраненіемъ подобныхъ нежелательныхъ условій ходъ вещей поведетъ къ естественному и постепенному водворенію русской культуры во всемъ этомъ инородческомъ краѣ и къ сближенію инородцевъ съ господствующею націей, къ которой у нихъ не замѣтно никакихъ враждебныхъ настроеній.

Digitized by Google

II.

Произведенія творчества уральскихъ мусульманъ.

Въ составъ собраннаго мною этнографическаго матеріала вошли:

1) образцы книжнаго мусульманскаго творчества;

2) народныя лирическія пѣсни числомъ около 100 и мелодіи къ нимъ;

3) образцы инструментальной музыки инородцевъ также около 100;

4) сказки и легенды;

5) образцы пословицъ, поговорокъ, причитаній, заговоровъ, ворожбы, и т. п.;

6) образцы повѣрій и описаніе нѣкоторыхъ инородческихъ обычаевъ и празднествъ.

Мѣстомъ моей экскурсіи и этнографическихъ наблюденій были, какъ я уже упоминалъ, городъ Уфа и Верхне-уральскій и Орскій уѣзды Оренбургской губерніи, центръ коренной Башкиріи.

Записываніе пѣсенъ и мелодій я производилъ одинъ; въ собираніи другаго этнографическаго матеріала мнѣ содѣйствовали народные учителя; общее содѣйствіе моимъ этнографическимъ занятіямъ оказали мнѣ слѣдующія лица: инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губ. Г. С. Рыбаковъ; директоръ народныхъ училищъ Уфимской губ. И. И. Троицкій; владѣлецъ золотаго пріиска Л. Э. Ганъ и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Татарскія пѣсни я записывалъ преимущественно въ гг. Уфѣ, отъ народнаго учителя Зиновія Салимъ-Гиреевича Кудашева, и Верхнеуральскѣ; тептярскія — на золотомъ пріискѣ Э. И. Гана, на восточномъ склонѣ Урала среди тептярскихъ деревень; башкирскія и часть татарскихъ — въ самыхъ кочевкахъ Башкиръ въ Уральскихъ горахъ.

Для собиранія башкирскихъ пѣсенъ я переѣзжалъ изъ кочевки въ ко-

Digitized by Google

чевку, пользуясь, гдѣ можно было, почтовыми лошадьми, а нерѣдко, за неимѣніемъ другихъ экипажей, довольствуясь дрогами башкирскими, которыя оказывались болѣе пригодными для передвиженія по узкимъ горнымъ дорогамъ. Я вращался и ѣздилъ съ Башкирами одинъ безъ всякаго вооруженія: случалось путешествовать даже темными ночами среди пустынныхъ горъ одинъ на одинъ съ возницею-Башкиромъ, и все обходилось безъ приключеній: настолько народъ этотъ замиренъ и спокоенъ.

Записывать пѣсни приходилось при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ: въ полѣ, лѣсу въ перемежку между работами; въ деревняхъ — въ избахъ, въ кочевкахъ — вечеромъ (самое удобное время для записыванія) на открытомъ воздухѣ за чаепитіемъ или за питіемъ кумыса; у костровъ, которые Башкиры разводятъ по горамъ близъ кочевокъ, ложась спать иногда подъ открытымъ небомъ; вечеромъ Башкиры съ большой охотой распѣвали пѣсни и играли на своихъ инструментахъ, особенно если имъ предлагалось угощеніе въ видѣ чая, кумыса, закусокъ или вознагражденіе; иногда они вступали въ музыкальныя состязанія, стараясь блеснуть своими голосами или искусной игрой. Инородцы близъ золотыхъ пріисковъ требовали менѣе невиннаго гонорара въ видѣ водки, папиросъ и т. п., помимо денегъ.

Произведенія поэтическаго творчества народностей Урала, говорящихъ на татарскомъ языкѣ, могутъ быть раздѣлены на два главныхъ разряда:

1-й разрядъ — стихотворенія книжнаго искусственнаго творчества, нѣчто въ родѣ поэмъ или одъ на историческіе и героическіе сюжеты или на злобу дня, большею частію солиднаго, приличнаго и поучительнаго содержанія, носящія названія:

Мынажатъ (обращеніе къ Богу) — религіознаго содержанія, въ которыя входятъ изреченія на арабскомъ языкѣ, и *баитъ* — стихотворенія свѣтскаго характера.

Темами для этихъ произведеній книжнаго сочинительства служатъ, напр., тоска по родинѣ, тяжесть солдатчины и военной дисциплины, просьбы къ Божеству объ избавленіи отъ неправедныхъ правителей, судей, лукавыхъ людей, бѣдствій, о ниспосланіи всякихъ благъ, разсужденія на явленія повседневной жизни, напр., о чаѣ, по поводу котораго въ моемъ собраніи имѣются, какъ упомянуто, два баита противоположнаго другъ другу содержанія: въ одномъ, очевидно, болѣе древнемъ, замѣчается настроеніе, враждебное распространенію чая, видимо, хранители старины среди Башкиръ противились распространенію новаго напитка; въ другомъ восхваляются его благотворныя качества. Подобныя произведенія принадлежатъ перу опредѣленныхъ грамотныхъ личностей, главнымъ образомъ муллъ изъ

Digitized by Google

Татаръ, а также изъ Башкиръ; они назначаются къ исполненію въ солидныхъ собраніяхъ, религіозныхъ и т. п. и имѣютъ успѣхъ среди класса степенныхъ, пожилыхъ правовѣрныхъ, считающихъ неприличнымъ для себя и за грѣхъ пѣть чисто народныя лирическія пѣсни, особенно скорыя, обыкновенно игриваго содержанія, къ которымъ они и относятся пренебрежительно, называя ихъ терминомъ: «шалтай-балтай» (пустяки, вздоръ); стихотворенія книжнаго происхожденія отличаются своею длиною и имѣютъ каждое свою мелодію.

2-й разрядъ — пѣсни непосредственно народнаго творчества, называемыя «джырларъ».

Обыкновенно кратки—въ одну строфу (въ 4 строчки), при чемъ первая полустрофа большею частью не имѣетъ внутренней связи съ послѣдующей второй, и соблюдается лишь внѣшняя связь —рифма во 2-ой и 4-ой строчкахъ. Въ большинствѣ случаевъ пѣсни поются съ припѣвомъ.

Въ первой половинѣ строфы очень часто заключается какой-нибудь поэтическій образъ или картина природы; изрѣдка такой образъ или картина вопреки обыкновенію имѣетъ органическую, подъ-часъ тонкую связь съ содержаніемъ второй половины строфы, какъ аналогія, сравненіе или параллель.

Примѣръ пѣсни безъ внутренней связи между полустрофами:

1-я полустрофа:

Я зажегъ траву на высокой горѣ,
Огонь распространился по вершинѣ горы;

2-я полустрофа:

Я поцѣловалъ тебя въ правую щеку,
А лѣвая осталась сиротой.

Примѣръ пѣсни, части которой связаны между собою по смыслу:

1-я полустрофа:

Я купилъ разныхъ цвѣтовъ,
Чтобы посадить ихъ въ саду;

2-я полустрофа:

Но не купишь счастья за деньги,
Если Богъ не даетъ его.

или

1-я полустрофа:

Вставши рано, я посмотрѣлъ:
Жаворонокъ весело поетъ;

2-я полустрофа:

Я также попѣлъ бы и посмѣялся бы,
Но бѣдность рѣжетъ мою шею.

Digitized by Google

Изрѣдка народныя пѣсни попадаются въ 2, 3 и болѣе строфы, представляя довольно большое стихотвореніе, что́ замѣчается чаще у Башкиръ, чѣмъ у Татаръ.

Пѣсня въ 2 строфы.

1-я строфа:

Я держалъ въ рукахъ домбру (киргизск. муз. инструментъ)
И проходилъ по улицѣ;
Бросилъ я домбру,
Ввелъ дѣвокъ въ избенку,

2-я строфа:

Сталъ я ихъ цѣловать,
Но меня поймали;
Вырвался я изъ бѣды,
Заплативъ по монеткѣ.

Пѣсенныя мелодіи дѣлятся по характеру своему на два класса:

1-й классъ—протяжныя, проголосныя мелодіи, и по нимъ пѣсни называются узункўй (длинная пѣсня), напр. пѣсня № 28.

2-й классъ—скорыя и короткія мелодіи плясоваго характера, и пѣсни, распѣваемыя на нихъ, называются такмакъ[1]).

Что касается отношенія между текстомъ и мелодіей въ инородческихъ пѣсняхъ, то существуетъ слѣдующая особенность. Текстъ и мелодія не связаны между собою на столько, чтобы неизмѣнно сопровождать другъ друга: данный текстъ можетъ распѣваться на данную мелодію, но также на всякія другія однородныя мелодіи при соблюденіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь того, чтобы протяжная, напр., мелодія—«узункўй» не замѣнялась скорою—«такмакъ», а такой же протяжной, и наоборотъ. Эта особенность находится въ полной противоположности съ особенностью русскихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ данный текстъ и данная мелодія въ огромномъ большинствѣ случаевъ неуклонно сопровождаютъ другъ друга.

Впрочемъ, такая особенность проявляется преимущественно въ татарскихъ пѣсняхъ; что касается Башкиръ и Тептярей, то у нихъ есть много пѣсенъ, распѣваемыхъ на одну и ту же мелодію. Циклъ мелодій, на который распѣваются пѣсни, опредѣляется у Татаръ модой, благодаря которой въ одно время входятъ въ употребленіе однѣ мелодіи, а въ другое другія.

Кромѣ того, у Башкиръ и Тептярей существуетъ, на сколько мнѣ удалось убѣдиться, замѣчательное явленіе смѣны поэтическаго творчества

1) См. пѣсни, начиная съ № 37.

Digitized by Google

съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Однажды я ѣхалъ съ Башкиромъ пожилыхъ лѣтъ и разговаривалъ съ нимъ о баитахъ и народныхъ пѣсняхъ. Онъ между разговоромъ пѣлъ баитъ, а затѣмъ перешелъ къ пѣснѣ народнаго характера; я спросилъ его, что это за пѣсня; онъ отвѣтилъ мнѣ, что это старинная пѣсня, которой теперь уже не поютъ, а которую пѣли въ его молодости: «нашихъ старинныхъ пѣсенъ молодые парни отъ насъ не перенимаютъ, а выдумываютъ свои», продолжалъ онъ; «отчего же?», спросилъ я; — «да это такъ всегда бываетъ: мы отъ своихъ стариковъ не перенимали, а теперь отъ насъ ребята не перенимаютъ пѣсенъ и сами для себя сочиняютъ; теперь нѣтъ уже нашихъ старыхъ пѣсенъ, а пошли все новыя». Въ параллель съ тѣмъ, что старики чуждаются современныхъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, особенно скорыхъ, и называютъ ихъ «шалтай-балтай», молодежь игнорируетъ стариковскія пѣсни предыдущаго поколѣнія и усвоиваетъ новыя.

Такимъ образомъ существуетъ любопытный фактъ появленія и исчезновенія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ цѣлыхъ цикловъ пѣсенъ, которые, продержавшись свое время, безслѣдно исчезаютъ, чтобы замѣниться новыми. Этотъ фактъ указываетъ на значительную интенсивность творчества среди разсматриваемыхъ инородцевъ, которые не затрудняются съ каждымъ поколѣніемъ создавать новые и новые циклы пѣсенъ, а вмѣстѣ на отсутствіе той преемности, которая сохраняетъ народную пѣсню отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Конечно, господство отмѣчаемаго факта не безусловное: извѣстная часть пѣсенъ, особенно легендарнаго, повѣствовательнаго характера, переходитъ въ новыя поколѣнія, а что касается лирическихъ, то онѣ, кажется, смѣняются съ каждымъ поколѣніемъ.

Пѣть пѣсни у инородцевъ позволительно только въ опредѣленное время: преимущественно вечерами на сборищахъ, гулянкахъ, свадьбахъ или праздествахъ, а въ другое — считается неприличнымъ.

При записываніи, напр., татарскихъ пѣсенъ въ г. Верхнеуральскѣ я познакомился, между прочимъ, съ семейнымъ татариномъ Ахмадеемъ Алеевымъ, занимающимся маклерствомъ въ городѣ, обладающимъ большимъ запасомъ пѣсенъ. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ для записыванія пѣсенъ, онъ сказалъ, что надо бы-де намъ уйти куда-нибудь пѣть пѣсни, а то здѣсь нельзя: баба дома, да и сосѣди услышатъ и скажутъ, что Ахмадей-де закутилъ, гулянка у него. И мы отправились искать нейтральнаго мѣста: такимъ въ этой сплошь татарской части города оказалась портерная, гдѣ пѣть пѣсни считаютъ позволительнымъ сами Татары.

Въ башкирскихъ кочевкахъ считается неприличнымъ пѣть пѣсни въ теченіе дня, вечерами же предоставляется полная свобода. Когда я записывалъ пѣсни днемъ, то Башкиры-пѣвцы увлекали меня куда-нибудь въ уеди-

Digitized by Google

ненное мѣсто: на поляну подальше или въ лѣсъ, гдѣ насъ никто не могъ ни видѣть, ни слышать. Когда я спрашивалъ, отчего надобно такъ уединяться, то получалъ отвѣтъ: «нельзя, а то скажутъ: что за дуракъ, пѣсни поетъ безъ пути». Особенно стыдились пѣть молодые парни (малаи) въ присутствіи пожилыхъ Башкиръ.

Женщины въ этомъ отношеніи еще болѣе стѣснены, и только въ интимной средѣ подругъ онѣ обнаруживаютъ, что имъ не чуждо искусство пѣнія. Мнѣ не случилось почти слышать женское пѣніе среди инородцевъ и только однажды слышалъ пѣніе дѣвочекъ, одновременно и плясавшихъ: даже дѣвочки должны были уединиться въ одинъ свободный кошъ и, запершись тамъ, довольно робко предавались пѣнію. Болѣе позволительны для женщинъ пляски: по крайней мѣрѣ я раза 2 — 3 былъ свидѣтелемъ ихъ плясокъ на виду у всѣхъ. Однажды Башкиры деревни Кабагушевой устроили нѣчто въ родѣ пикника на такъ называемый «камень» по близости въ горахъ. Среди горъ надъ глубокой лощиной обрывомъ одиноко возвышалась высокая скала довольно правильной цилиндрической формы наподобіе колонны, основаніемъ которой служила гора; вокругъ этой скалы на значительной высотѣ надъ лощиною точно преднамѣренно кѣмъ сдѣланъ достаточно широкій каменный ходъ въ видѣ круговой площадки, и по ней можно ходить кругомъ скалы и стоять надъ пропастью, отъ которой зрителя ничто не отдѣляетъ, какъ только ширина площадки, суживающаяся иногда до 3—4 четвертей. Башкиры и Башкирки ловко и смѣло бѣгали кругомъ этой естественной колонны надъ пропастью, дудочникъ игралъ пѣсни, Башкирки иногда въ своемъ кружкѣ подтягивали, а потомъ, выбравъ довольно ровное и широкое мѣстечко по уклону горы, пустились въ пляску подъ свои пѣсни; спустя немного имъ сталъ подыгрывать дудочникъ и присоединились Башкиры въ качествѣ зрителей. Башкирки плясали въ одиночку, притаптывая ногами, прищелкивая руками и вертясь тѣломъ.

Здѣсь созерцали пляску женщинъ мущины, но обыкновенно для мужчинъ считается непринятымъ смотрѣть на увеселенія женщинъ, особенно среди Татаръ.

Танцы инородцевъ не отличаются особенной подвижностью: танцующій обыкновенно на одномъ мѣстѣ или на небольшомъ пространствѣ перебираетъ ногами, рѣдко дѣлая болѣе сильные движенія или скачки въ сторону и жестикулируя руками или подбоченясь. Мило пляшутъ малайки и апайки (парни и дѣвочки) башкирскіе.

Пляски происходятъ подъ игру свирѣли (курая) или подъ пѣніе съ ритмическимъ аккомпаниментомъ на какомъ-нибудь предметѣ, напр., на деревяшкахъ, на ведрѣ и т. п.; у Татаръ обыкновенно подъ игру скрипки.

Среди пѣвцовъ-инородцевъ преобладаютъ высокіе голоса—баритоны

Digitized by Google

и особенно тенора, которые безъ затрудненія и естественно берутъ чрезвычайно высокія ноты, приближаясь по тэмбру къ дѣтскимъ голосамъ (альтамъ). Пѣвцы-басы встрѣчаются рѣдко.

Одной изъ особенностей исполненія пѣсенъ является продолжительное протягиваніе послѣдней ноты пѣсни съ вибраціей въ голосѣ и сосредоточеннымъ взглядомъ. Эта особенность замѣчается главнымъ образомъ при исполненіи протяжныхъ, проголосныхъ пѣсенъ (узункўй).

Въ мелодіяхъ разсматриваемыхъ инородцевъ мало сказываются сложные изгибы развитаго и глубокаго чувства, нѣтъ того захватывающаго лиризма, какой присущъ русскимъ пѣснямъ; отъ нихъ вѣетъ больше внѣшнимъ настроеніемъ, объективностью, точно онѣ отражаютъ внѣшнія явленія природы, а настоящихъ, или, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ смыслѣ звуковъ человѣческой души онѣ пока еще не слышали и потому не отразили, или, можетъ быть, онѣ отражаютъ особый строй чувствованій, который мы мало понимаемъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не уменьшаетъ интереса къ той значительной мелодичности и оригинальности, какою отличаются напѣвы разсматриваемыхъ инородцевъ.

Digitized by Google

ОБРАЗЦЫ КНИЖНАГО ТВОРЧЕСТВА ИНОРОДЦЕВЪ УРАЛА.

Digitized by Google

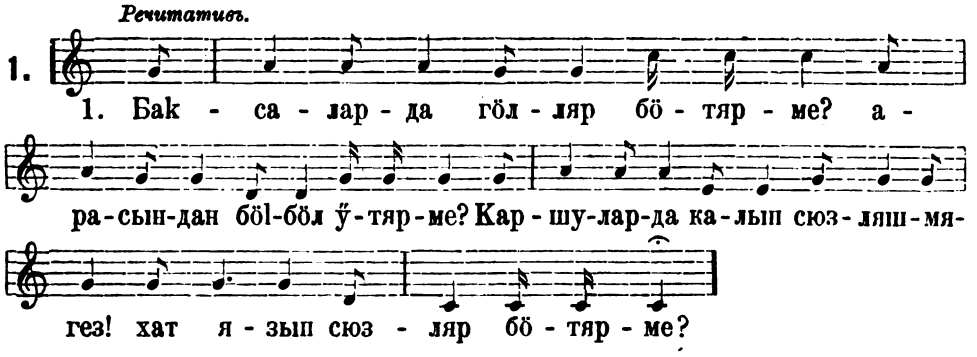
Digitized by Google

Образцы книжнаго сочинительства двухъ родовъ [1]).

I) *Мынажатъ* (обращеніе къ Богу) — религіознаго содержанія.
II) *Баитъ* — стихотворенія разнаго рода на свѣтскія темы.

I. МЫНАЖАТЪ.

1) Татарскій.



2. Ак кошкна булып ӱсяр-идем ишек алдымда кюл булса,
Сагынганда сайын кайтар-идем йир астындан јул булса.
3. Мяндянгня калган турсай атны кадырсыз итеп жикмягез!
Базарларга киткян башымыз тöгöл тиз каітыр тип кöтмягез!

---

1) Авторъ записывалъ эти пѣсни не зная татарскаго языка, и составилъ переводы съ помощію знающихъ русскій языкъ Татаръ. По этому я долженъ былъ исправить тексты и переводы. Я довольствовался при этомъ установленіемъ вѣрнаго раздѣленія словъ и введеніемъ сколько нибудь однообразной орѳографіи, сближая ее съ орѳографіей крещеныхъ Татаръ. Много сомнительнаго я оставилъ неисправленнымъ, потому что часто можно предполагать вліяніе мѣстныхъ нарѣчій пѣвцовъ и лицъ, помогавшихъ автору при составленіи переводовъ, вліяніе, которое я не имѣлъ возможности контролировать. Эта работа была трудна и неблагодарна, и я былъ принужденъ вычеркнуть часть примѣровъ какъ совершенно непонятныхъ. В. Радловъ.

Digitized by Google

Переводъ:

Въ саду кончатся ли цвѣты? между ними пролетятъ ли[1]) соловьи? Не противорѣчте мнѣ! въ письмѣ нельзя передать всѣхъ мыслей. Если бы во дворѣ было озеро, я желалъ бы плыть лебедемъ, когда соскучился бы, поѣхалъ бы домой, хотя бы дорога была подъ землей. Гнѣдой моей лошади прошу часто не запрягать, съ чужой стороны моей головы домой скоро не ждать.

2) Башкирскій.

1. Илагі эйлямя мохтаж шу дюрт адам капусына:
   Бере вали, бере кази, бере муфти, бере султан.
2. Шу дӧрт адамларын шяррен безя кюстярмя я рабби:
   Бере няммам, бере замьян, бере гаммаз, бере шайтан.
3. Ачыглардан имян эйля шу дюрт агзами я рабби:
   Бере башны, бере колак, бере чяшмя, бере лисан.
4. Шу дӧрт нярсяне кюстярмя безя дӧньядя я рабби:
   Бере факыр, бере дяин, бере мараз, бере зиндан.
5. Т'лядем синдян ая бари шу дӧрт нярсягя кыл яры:
   Бере ылым, бере амял, бере аман, бере иман.
6. Шу дӧрт китабларга ынан, айрма безе я ханнан:
   Бере таурат, бере инжел, бере забур, бере форкан.

Переводъ:

Не дай Богъ обратиться съ просьбой къ 4-мъ людямъ: судьѣ, казію, муфтію и султану. Избави Богъ отъ 4-хъ лукавыхъ людей: отъ невѣрующаго, отъ пьяницы, отъ клеветника и отъ шайтана. Отъ злости людей сохрани Богъ мои 4 члена: голову, уши, глаза и языкъ. Слѣдующихъ четырехъ вещей не дай намъ увидѣть въ мірѣ, Боже: бѣдности, долга, болѣзни, тюрьмы.

Желаю отъ тебя, Боже, еще четырехъ предметовъ (благъ): ученія, примѣненія его къ дѣлу, благополучія и вѣрованія во единаго Бога. Симъ четыремъ книгамъ вѣрую, не лишай насъ ихъ, Боже: Пятикнижіе, Евангеліе, Псалтырь и Алькоранъ.

3) Башкирскій.

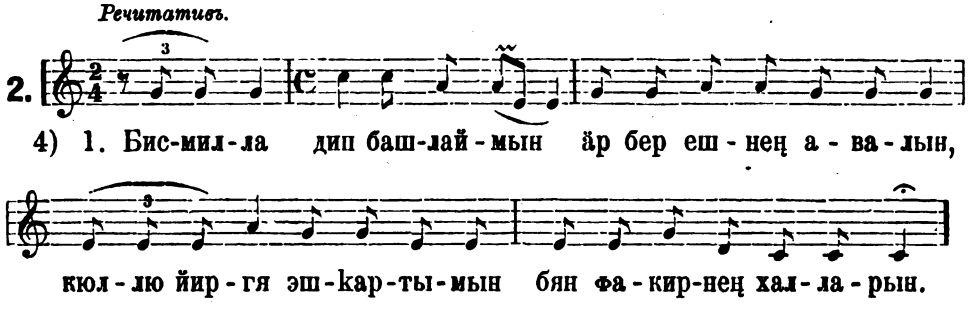
1. Бу дюнъяда мусафермез;	На этомъ свѣтѣ мы путешественники;
Мусаферляр булыр дяртлю;	Они будутъ страдать;
Каму дяртляр сянгя маглум,	Всѣ страданія тебѣ извѣстны,
Гилажын бир харамлардан.	Только дай Богъ средство противъ нечистыхъ.

1) Слѣдовало переводить: «поютъ-ли?», но казанскіе Татары употребляютъ совершенно имъ не понятный османскій глаголъ ӧтӓмӓк, смѣшивая его съ глаголомъ ӱтмӓк.

Digitized by Google

2. Кыш ӱтте, килде бер дям яз, Зима прошла, пришла сразу весна,
Ӱтяр сахрадан ӱрдяк, каз, Прилетаютъ изъ степи утки и гуси,
Кылалар ӓр бере аваз, Всѣ они испускаютъ крики,
Укып тӧрлӧ сенялярдян. Точно читая разныя молитвы.
3. Бу дюнъяда ата анасыз На этомъ свѣтѣ безъ родителей
Газыз баш була кадерсез; Дорогая голова останется безъ почестей;
Димягез бяни сабырсыз, Не говорите обо мнѣ, что я нетерпѣливъ,—
Сабыр биргян ӱзи рахман. Терпѣливость даетъ одинъ Богъ.
4. Саламат-тыр бянем тянем, Тѣломъ я здоровъ,
Валакин аурыды жаным, Но душой страдаю,
Шун ӧчӧн йуктыр дарманым Поэтому нѣтъ средства для меня
Шифа йук ӱзгя тимардан. И нѣтъ леченія кромѣ другой печали.

II. БАИТЪ.



2. Баит яздым бян яратып ӱз илемя каратып.
Бу баитны йӧрӧтсӧнляр илдян илгя таратып.
3. Безнең аул урамы йӧреугя тар булды;
Туган ӱскян йиремдя бяним резек аз булды.
4. Сары сыпсык баласы агындан кюп карасы;
Бэрь худайым язгандан сун бяндянең йук сарасы.
5. Ашлык систем упсын дип буразнасы тулсын дип,
Барса халайык телягян икян бу бахтсыз булсын дип.
6. Сандукларга алма салдым как куярсыз алмадан;
Харь жумгада ханрь йӧрӧп тауфик телягез алладан.
7. Ӱстюмдяке кеимне бян кеимядем туйганса,
Туганларым дусларым кюрмядем бян туйганса.
8. Таңлар ата сырылып салдатъ сыкар тезелеп;
Ступай поход тигяндя джюрягем китте бзӧлӧп.
9. Туган ӱскян йерлярем калды бянемъ иллярем.
Мылтык кылыс кютяреб талды назик ай биллярем.

Digitized by Google

Переводъ:

1. Благословясь, начинаю начало всякаго дѣла.
   Всюду возвѣщу, какъ убогіе живутъ.
2. Пишу стихи по своему желанію, направляя на свою родину;
   Стихотвореніе это пусть передаютъ изъ края въ край.
3. Въ нашей деревнѣ улица была узка;
   Гдѣ я родился и выросъ, тамъ не суждено было мнѣ жить.
4. У желтой синички дѣтенышъ имѣлъ бѣлыхъ пятенъ больше, чѣмъ черныхъ.
   Какъ Господь предначерталъ, тому смертный долженъ покориться.
5. Хлѣбъ я сѣялъ, чтобы разбухъ и чтобы борозда была полна;
   Весь народъ желалъ, чтобы я несчастливъ былъ.
6. Въ сундукъ я положилъ яблоко, чтобы вы сдѣлали изъ него пастилу,
   Каждую пятницу подавать ее какъ милостыню, прося у Бога благословенія.
7. Одежды, которую носилъ, не носилъ досыта;
   Ни на родственниковъ, ни на друзей также не наглядѣлся.
8. Свѣтаетъ. Солдаты быстро и стройно становятся.
   Когда они говорятъ «ступай въ походъ», то сердце у меня робѣетъ.
9. Моя родина, гдѣ родился, гдѣ выросъ, осталась (вдали), а досталось только ружье да сабля, отъ которыхъ устала тонкая моя поясница.

5) Варіантъ.

1. Бисмилла дип башладым ӓр бэр эшнен ӓуялен
   Көллӧ жортка ӓшкӓртеб салдат хезмят халлярен.
2. Салдат хале ауыр икян такат биргел ходайым;
   Фагым биргел кюңлемя бу бяйетне язайым.
3. Таш палатка керттеляр буйга ӱлчӓӱ салдылар;
   Салдат син дип кычкырып бер кагазга жаздылар.
4. Падишадан хӧкӧм дип чыгардылар ызвутка,
   Буйларыма ӱлчӓӱ салып, салдат-сын дип нагутка.
5. Кызарып кояш чыкканда салдат уйный тезелеб;
   Камандирляр кычкырганда, тора ӱзяк ӧзӧлӧб.
6. Иртя тороб карасам, порло (?) кояш жалтырай;
   Ӓписярляр кычкырганда, көллӧ тянем калтырай.
7. Мендем бейек тауларга, ак кейекляр ауларга,
   Падша безне сайлаб алды каршы килгӓн жауларга.
8. Жырак жирдян купис киля, бер акчаны файда дип;
   Ӓнекӓйэм жылый микян, балакайым кайда дип.
9. Жиханнарда кюрямез моңно сайрай сандугач;
   Жылый жыгыла жӧрӧйбез тыуган илдян айрылгач.

Digitized by Google

10. Äнекяйем жылама бер ходайның эшедер;
Салдат тигян хезмятляр жигитлярнең эшедер.
11. Кызарыш кояш байыганда кошлар куна камышка.
Жаш жöрягем калгырай марыш дигян тауышка.
12. Гаскяр башы кызыл салдат, кулларында барабан,
Салдат хасрятен кюргянемчя тыумасамчи анадан.
13. Кояш чыгар äйлянеп, ак болотка бяйлянеп,
Исян бусак бер кайтырбыз, тыуган жиргя äйлянеп.
14. Атна кöннö марыш уйнай, бигряк каты тауышы;
Сугыш итеб жабыкмадым: ата иня сагышы.
15. Салдат яткан таш палатның тязярясе пыяла;
Адашып башы салдатның сугышларда жуяла.
16. Ак канатлы ата каз очоб тöшя кюрянгя,
Салдат хале ауыр икян тўзем бирсең ходай кюргянгя.

Переводъ:

1. Благословясь, я начинаю начало каждаго дѣла.
По всѣмъ домамъ пусть узнаютъ жизнь солдата.
2. Солдатская жизнь тяжела: терпѣніе дай, Господи;
Разумѣніе дай сердцу моему, чтобы эти пѣсни написать.
3. Ввели (меня) въ каменную палату, измѣрили ростъ;
Закричавъ, что я солдатъ, записали въ одну бумагу.
4. Сказавъ отъ царя приказъ, позвали меня во взводъ;
Измѣривъ ростъ, оставили служить на годъ.
5. Когда солнышко, краснѣя, восходитъ, солдаты играютъ въ рядахъ;
Командиры закричатъ, оборвется наше сердце.
6. Вставши рано, я посмотрѣлъ: красное (?) солнышко блеститъ,
Офицеры закричатъ: затрепещетъ мое тѣло.
7. Забрался я на высокую гору, чтобы поймать бѣлаго звѣря.
Царь насъ выбралъ для того, чтобы встрѣтить непріятеля.
8. Съ далекой страны купецъ ѣдетъ, довольный малымъ барышемъ.
Плачетъ ли обо мнѣ мать, говоря, гдѣ сынокъ?
9. На полянѣ мы слышимъ: грустно поетъ соловей.
Плача, падая, мы ходимъ, отлучившись отъ родины.
10. Матушка, не плачь: это, видно, дѣло Божье.
Солдатская служба — это работа молодцовъ.
11. Когда солнышко, краснѣя, заходитъ, птицы садятся въ камышъ.
Молодое мое сердце трепещетъ, когда заиграютъ маршъ.
12. Впереди войскъ красные солдаты, у которыхъ въ рукахъ барабаны.
Чѣмъ видѣть нужды солдата, лучше не родиться бы отъ матери.

Digitized by Google

13. Солнце восходитъ кружась, вокругъ бѣлыхъ облаковъ вертясь.
Если будемъ здоровы, то когда-нибудь вернемся на родину.
14. Въ воскресенье маршъ играютъ, раздаются звонко голоса.
На войнѣ я не похудѣлъ, а похудѣлъ тоской по отцѣ и матери.
15. Казарма, гдѣ лежатъ солдаты, имѣетъ стекляныя окошки.
На войнѣ блуждая, пропадаетъ голова солдата.
16. Бѣлокрылый гусакъ садится на степной ковыль.
Солдатское дѣло тяжелое, терпѣніе дай Господи тому, кто солдатъ.

6) Баитъ о чаѣ — *противъ чая.* (Башкирскій.)

1. Бу заманда фетне өчөнь	Нынѣ для бѣдствія народа
Чыкты чай дигян ӱлян,	Вышла трава подъ именемъ чай,
Чайни долгка ала, ала,	Люди, все покупая чай въ долгъ,
Роззарит булып тюлян.	Расплачиваются и раззоряются.
2. Айда базарга діюбян,	Сказавши одинъ другому: «пойдемъ на базаръ»,
Китя кем силян силян.	Ѣдутъ (Башкиры) съ лѣсомъ потихоньку.
«Я илаги насыб эйля,	«Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясыны».	Какъ люди съ ума сходятъ».
3. Хасылы калям арык атын	Однимъ словомъ, Башкиръ тощую лошадь
Кыйнаюбян чаптырыр;	Бьетъ, заставляетъ ее скакать;
	Ѣдетъ на базаръ за чаемъ,
Гич ӱзендя йук нерсени,	Хотя у него ничего нѣтъ.
4. Курсятер бу нужнасыны	Хоть онъ показываетъ ей свою нужду
Бядбахыт хатын иртер.	А проклятая баба его принуждаетъ.
«Я илаги насыб эйля,	«Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясыны».	Какъ люди съ ума сходятъ».
5. Бер вакытта чай бется,	Если чай весь выйдетъ,
Кана чай? деб ӱкерер?	Жена закричитъ мужу: «гдѣ-же чай?»
Ул бечара хаяи бетеп,	Онъ, бѣдняга, задыхаясь,
Гер тарафка йөгөрер.	Во всѣ стороны побѣжитъ (искать).
6. Шулкадер нужда корюбян,	До того мужъ нужду видитъ,
Кыш булырса йютқерер.	Что какъ зима, такъ закашляется.
«Я илаги насыб айля,	«Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясыны».	Какъ люди съ ума сходятъ».
7. Бер хатыны булыр ися,	Если есть одна жена,
Бер самавары булыр,	То одинъ самоваръ[1]) будетъ,
Азбарына керер ися,	А если зайдешь въ хлѣвъ,
Бердя малы йук булыр,	Ни одной скотины нѣтъ;

1) Смыслъ: на каждую жену будетъ по одному самовару; сколько женъ, столько и самоваровъ.

Digitized by Google

8. Көнөндя бер чай ичся, Если разъ въ день онъ чаю напьется,
Кайгысы йук булыр. То у него уже и нужды нѣтъ.
«Я илаги насыб эйля, «Боже мой, прости,
Халыкларныц кыясы(ны)». «Какъ люди съ ума сходятъ».

7) Баитъ *въ пользу чая.* (Башкирскій.)

1. Хыкайят сюйляйем бэн дынгласаңыз,
Бикар сюз дяп гаипка алмасаңыз,
2. Хыкаят сюйляйем бэн сайыңызга,
Яман якши галим байыңызга.
3. Ägярь эссяң бу сайны иртя берлян
Куя туттың зигенни миска берлян;
4. Ägярь эссяң бу сяйны вакты тöшкя
Зитяр бялки зигенең бик кюп эшкя.
5. Ägярь эссяң бу сайны вакты кистя
Кюңелдя калмас гис бер эштя.
6. Анау торган кагызда сайларымыз
Улыр гяр кюн бэзнең кюңел жайларымыз.
7. Анау торган сауттагы балымыз
Ирер гяр кюн бэзнең ушпу халимез.
8. Тороп сыкты бер мужик таң беленгяс,
Барып керде бер суга тöтöн кюренгяс.

Переводъ:

1. Скажу я вамъ сказку, послушайте ее,
Если не сочтете за глупость;
2. Скажу я вамъ о чаѣ сказку
Про хорошее и худое мое состояніе.
3. Если пить чай утромъ
То прибудетъ въ головѣ оживленія;
4. Если же въ другой разъ пить этотъ чай въ полдень,
То хватитъ ума на многія дѣла;
5. Если пить чай вечеромъ,
Не останется никакой работы въ умѣ.
6. Нашъ чай, завернутый въ этой бумагѣ,
Насъ ежедневно одушевляетъ.
7. Въ этой посудѣ есть у насъ медъ,
Съ каждымъ днемъ улучается наше состояніе.
8. Вышелъ мужикъ на зарѣ
И перебрался черезъ рѣку, увидѣвши дымъ.

(Не конченъ).

Digitized by Google

8) Баитъ о мужикѣ и его женѣ. (Башкирскій.)

Талыбның кадрене бельмяй бу аул.	Учащихся не цѣнитъ эта деревня.
Кöчи йится куяр иде караул;	Сила была бы, поставила бы караулъ;
Караул диб мысаннифнең мурады.	Подъ карауломъ надо понимать слѣдующее.
Бер мужикдян бер талып сöт сорады,	У одного мужика ученикъ попросилъ молока;
Мужик тышда икян ул заманда,	Мужикъ тогда былъ на дворѣ,
Талыблар сюйляшерляр бер маканда.	А ученики разговаривали въ другомъ мѣстѣ.
Мужик äйтя талыбка: ни керяк дип?	Мужикъ спрашиваетъ: «чего вамъ надо?».
Талыб бичара эйтя: сöт керяк дип.	Ученикъ бѣдняжка отвѣчаетъ: «молока надо».
Мужик öйеня керип киткян имеш:	Мужикъ зашелъ въ избу (и сказалъ женѣ):
Талыблар сöт сорай дип эйткян имеш.	«Ученики просятъ молока».
Бичяси гам кызып киткян иреня,	Тогда жена, разсердившись на мужа,
Гакыллы ир талыпка сöт бирерме?	Сказала: «развѣ умный мужикъ дастъ ученикамъ молока?»
Бечяси äйтер: талыбка сöт берерсен,	Она говорила: если имъ отдашь молоко,
Балага инде ни эчерерсен?	Чѣмъ будешь тогда дѣтей кормить?
Бечяси: эйтти сыгырның сöти йукдыр,	Она говорила: нѣтъ молока у коровы,
Сыгыр бу-гöн саламда торобтор.	Сегодня корова стоитъ на соломѣ.
Икенчи кöн сыгыр кöк йäрдя яткан,	Второй день она лежала на голомъ мѣстѣ,
Шуң öчöн сыгырның сöтö кайткан;	Отъ этого убавилось молоко у нея;
Ки сöт öстöн ўзең ашаб туярсын,	Самъ будешь ѣсть сливки и насытишься,
Ки калганын сяке астына куярсын,	Остальное подъ лавку спрячешь,
Ки калганын кшигя гем сатармын,	Остальное и людямъ продамъ,
Ки алмаса балама ашатырмын.	Чего не купятъ, тѣмъ дѣтей накормлю».
Ки шул заман каймакны куйыптыр,	Тогда поставила она сливки (подъ лавку),
Куйы илян песяй аны йейептер.	А котъ съѣлъ ихъ до дна.

Digitized by Google

ТАТАРСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
(ДЖЫРЛАР).

Digitized by Google

Digitized by Google

Переходя спеціально къ татарскимъ пѣснямъ и имѣя въ виду, что преимущественно среди нихъ господствуетъ фактъ независимости между текстомъ и мелодіей, я долженъ нѣсколько обстоятельнѣе коснуться этого явленія.

Но прежде надобно упомянуть, что главный источникъ пѣсеннаго творчества у Татаръ — Казань и казанскій край. Очень значительная часть записанныхъ мною татарскихъ пѣсенъ сообщалась мнѣ подъ названіемъ казанскихъ, и среди оренбургскихъ татаръ мнѣ не удавалось, на сколько помнится, встрѣчать мѣстныхъ творцовъ пѣсенъ въ противоположность Башкирамъ и Тептярямъ, у которыхъ почти въ каждой деревнѣ имѣется свой сочинитель пѣсенъ. Это обстоятельство надобно, повидимому, считать и за доказательство меньшей силы поэтическаго творчества у Татаръ, слишкомъ занятыхъ меркантильными интересами, отчего рѣдко появляются среди нихъ лица съ поэтическими способностями.

Татары довольствуются тѣмъ, что перенимаютъ тотъ или другой циклъ пѣсенъ, уже существующій, согласно модѣ, при чемъ считается почти неприличнымъ пѣть въ данное время какой-нибудь не модный мотивъ.

Пѣсни ихъ, дѣлясь на два главные класса:

1) протяжныя — узункўй (см. пѣсни №№ 26—40);

2) скорыя, плясовыя — такмакъ (см. пѣсни №№ 41—64);

по строенію своему раздѣляются на два вида:

а) на *простыя*, не имѣющія никакихъ добавленій ни въ видѣ запѣвовъ, припѣвовъ, ни т. п., представляющія или чистый узункўй, или только такмакъ и

б) на *сложныя*, состоящія изъ соединенія протяжныхъ пѣсенъ со скорыми, дѣлящіяся обыкновенно на двѣ части: 1-я часть — собственно пѣсня, обыкновенно узункўй, и 2-я часть — припѣвъ, для котораго служатъ скорыя пѣсни — такмаки, на ряду съ самостоятельнымъ значеніемъ

Digitized by Google

играющія громадную служебную роль. Такимъ образомъ 1-я часть сложной пѣсни поется на одинъ мотивъ, а 2-я — на другой.

Примѣръ простой пѣсни изъ класса узункўй — *Тафтельская* № 26, весьма распространенная среди инородцевъ.

Будетъ кстати сравнить варіанты этой пѣсни, какіе встрѣчаются у Башкиръ, чтобы видѣть, насколько фантазія Башкиръ изысканнѣе татарской: см. варіантъ № 66, слышанный мною въ башкирской кочевкѣ Казак-куловой въ исполненіи на *курай*, башкирскомъ музыкальномъ инструментѣ, и варіантъ № 67а, записанный со скрипки.

Что касается происхожденія этой пѣсни, то Башкиры въ своихъ кочевкахъ среди Урала утверждали, что пѣсня сочинена дочерью уфимскаго Муфтія Тевкелева, оплакивавшею въ ней свою несчастную любовь, въ которой она была обманута. Судя по характеру пѣсни, ей можно приписать и башкирское происхожденіе.

Примѣромъ простой пѣсни изъ класса такмаковъ могутъ служить, напр., пѣсни №№ 47, 48 и др.

Въ видѣ примѣра сложной пѣсни изъ класса узункўй приведемъ пѣсню № 27.

Она состоитъ изъ главной пѣсни и припѣва. Припѣвъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и здѣсь выступаетъ новая особенность пѣсенъ разсматриваемыхъ инородцевъ: именно пѣсня съ припѣвомъ не связана обязательно, а можетъ быть соединяема съ различными припѣвами изъ области такмаковъ.

Однако въ видѣ исключенія есть пѣсни, соединяемыя только съ опредѣленнымъ припѣвомъ, при чемъ надо имѣть въ виду мелодическую сторону, т. е. съ данной мелодіей соединяется постоянно одна и та же мелодія припѣва, текстъ же можетъ быть замѣняемъ, напр. пѣсни №№ 28 и 33.

Примѣръ сложной пѣсни изъ разряда такмаковъ см. пѣсню № 44.

Эта пѣсня дѣлится на двѣ части: запѣвъ и собственно пѣсню. Для запѣва употребляется курьезный куплетъ, состоящій изъ набора словъ, лишенныхъ всякаго смысла:

Кайдай ганам яйдый ядрук,
Адри гунай миканда ай хадрук,

это въ силу обыкновенія у инородцевъ начинать пѣніе куплетами безъ смысла, чтобы, какъ говорится, распѣться или имѣть время припомнить текстъ.

Встрѣчаются и другіе куплеты въ томъ же родѣ:

Кайдай ганам айдай ганам,
Айдай ганам миканда ай хайлўк,

Digitized by Google

Ай гай (хай) айли ай хайлўк,
Ай гай айли ай хайлўк,
Айли ганам айли айлўк,
Гайли айлўк ай хайлўк;

или

Кайдай дагна микап айда ганам,
Кайдай дагна микан ай хайдук,
Кайдан дагна микан ай гайдук.

Выше было установлено какъ общее правило, что текстъ и мелодія въ татарскихъ пѣсняхъ независимы другъ отъ друга.

Я уже приводилъ примѣры, какъ одна и та же мелодія исполняется на различный текстъ, но есть и обратные примѣры, что одинъ и тотъ же текстъ распѣвается на различныя мелодіи, см., напр., пѣсни №№ 26—32.

Но и это правило не безъ исключеній: нѣкоторыя пѣсни или припѣвы распѣваются только на свою мелодію, или на мелодію только узункӯй, или только такмакъ.

Встрѣчаются пѣсни, представляющія нѣчто среднее между такмакомъ и узункӯемъ; такъ пѣсня № 42 употребляется для выраженія сильныхъ и противоположныхъ чувствъ: печали, веселости и пр. и сообразно съ этимъ поется или какъ узункӯй, или какъ такмакъ, т. е. и медленно и скоро.

Но приведенныя исключенія не уничтожаютъ общаго правила, что татарскія пѣсни могутъ быть исполняемы на различныя мелодіи, только смотря по надобности измѣняются ударенія.

Содержаніе татарскихъ пѣсенъ довольно разнообразно, касаясь различныхъ сторонъ повседневной жизни; многочисленная часть пѣсенъ посвящена любовнымъ сюжетамъ, при чемъ дѣло доходитъ часто до неудобныхъ откровенностей и реализма. Такъ наз. *такмаки* преимущественно любовнаго содержанія и сочиняются они главнымъ образомъ среди Татаръ: башкирскихъ и тептярскихъ такмаковъ встрѣчается мало.

Что касается протяжныхъ пѣсенъ «узункӯй», то на ряду съ любовными темами въ нихъ замѣчаются и такія, какъ: краткость жизни; здоровье и цѣнность его, сиротство; тоска по родинѣ и тяжелая жизнь на чужбинѣ въ солдатскихъ пѣсняхъ; гнетущее вліяніе раздумья, горя; жалкое состояніе бѣдняка; вѣрность друзей; тяжесть разлуки; скоротечность времени; нелюбовь къ снохѣ и т. п.

Инструментальныя мелодіи у Татаръ представляютъ не столь многочисленный классъ, какъ пѣсенныя. Сюда входятъ плясовыя мелодіи и мелодіи, представляющія варіантъ къ пѣсеннымъ.

Татары исполняютъ ихъ на скрипкѣ или гармоніи, заимствованныхъ

Digitized by Google

отъ Русскихъ, такъ какъ собственныхъ инструментовъ у нихъ нѣтъ, или они не встрѣтились мнѣ въ Оренбургской губ.

№№ 3 и 4 — плясовыя мелодіи.

Изъ мелодій, представляющихъ варіантъ пѣсенныхъ, характерны, напр., слѣдующія:

№ 5 — Гизнакäй (зять, гулявшій со свояченицей).

№ 6 — Акчарлакъ (мартышка), любопытная по своему ритму, сильно разнящемуся отъ ритма соотвѣтственной пѣсенной мелодіи (№ 56), носящему характеръ большой древности, архаичности.

№ 7 — *Айдэ агай аманат* (женихъ увезъ тайкомъ невѣсту) отличается нѣкоторою размашистостью, что рѣдко свойственно татарскимъ мелодіямъ.

№ 8 — *Казанская пѣсня* (со скрипки), исполненная выразительности и чувства.

Въ текстѣ татарскихъ пѣсенъ замѣчаются различные слѣды русскаго вліянія. Такъ, въ припѣвахъ употребляются восклицанія въ родѣ: «ахъ люль люлялей», «ай зюляли, вай зюляли», родственныя русскому «ай люли, ай люли» (см. пѣсни №№ 28 и 52), или встрѣчаются цѣлые припѣвы на русскомъ ломаномъ языкѣ, напр., въ пѣснѣ № 34.

Инородцы, образовавъ ломаный русскій языкъ, заставляютъ и русскихъ усваивать его въ сношеніяхъ съ ними, при чемъ формы и обороты такого жаргона довольно выработаны и устойчивы.

Русскіе пользуются этимъ ломанымъ языкомъ и съ цѣлью поиронизировать надъ инородцами, сочиняя цѣлыя пѣсни на такомъ языкѣ и мелодіи вродѣ инородческихъ. См. пѣсню № 45, текстъ которой представляетъ переводъ одного такмака, или курьезную № 46, довольно удачно подражающую говору Татаръ по русски.

Попадаются въ текстахъ отдѣльныя русскія слова и пр.

Русское вліяніе сказывается и въ томъ, что Татары поютъ нѣкоторыя русскія пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Вдоль да по рѣчкѣ» и др.

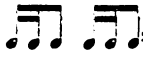
Кромѣ скрипки Татары исполняютъ свои характерныя мелодіи и на гармоніи, заимствованной, конечно, отъ Русскихъ.

Переходя къ характеристикѣ татарскихъ мелодій, я долженъ сказать, что онѣ кажутся мнѣ въ общемъ лишенными шири и полета сравнительно, напр., съ башкирскими пѣснями; онѣ не поражаютъ выдающейся внѣшней мелодичностью, за то имъ присущи извѣстная глубина чувства и выразительность, проявляющіяся въ своеобразныхъ звукахъ. По рисунку своему онѣ отличаются большою опредѣленностью, довольно рѣзкою типичностью: въ нихъ можно довольно легко подмѣтить нѣкоторые обороты, свойственные только имъ, татарскимъ пѣснямъ.

Digitized by Google

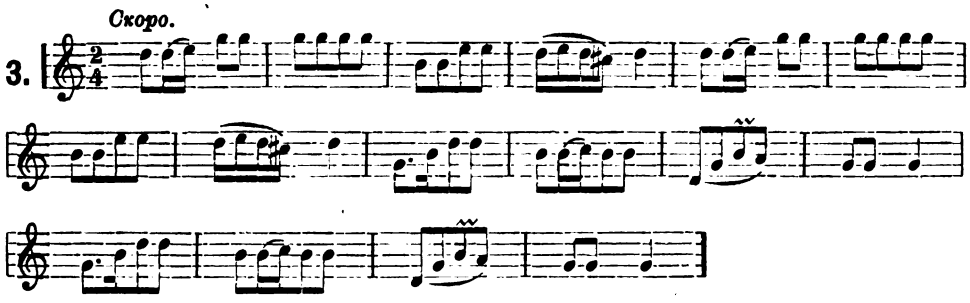
Отсутствіе непосредственности, беззаботности въ татарскихъ напѣвахъ обусловливается, мнѣ кажется, характеромъ торговаго народа, далекаго отъ природы по настроенію и обстоятельствамъ, но умнаго и достаточно глубоко чувствующаго.

На ряду съ этимъ татарскимъ мелодіямъ присущъ характеръ *древности*: если всмотрѣться въ составъ ихъ звукорядовъ, то въ послѣднихъ можно открыть присутствіе древнегреческихъ или такъ наз. церковныхъ ладовъ, пятитонной, такъ наз. китайской гаммы, слѣды, если угодно, эпохъ кварты и квинты, какія устанавливаетъ для древне-народныхъ пѣсенъ Сокальскій въ соч. «Русская народная музыка» и т. п. Татарскія мелодіи вообще мало подходятъ подъ обычную общеевропейскую гармонизацію.

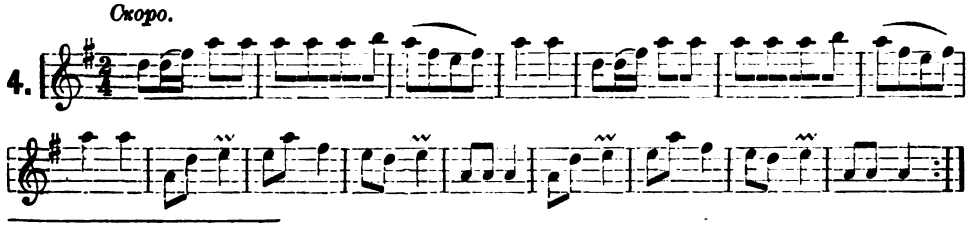
Съ ритмической стороны онѣ также не безъинтересны: на ряду съ ровнымъ ритмомъ, который свойственъ преимущественно скорымъ плясовымъ пѣснямъ — такмакамъ, не рѣдко употребляются тріоли и фіоритуры или подобныя фигуры, какъ  , различныя украшенія: форшлаги, трели, морденты и пр.

Образцы татарскихъ инструментальныхъ мелодій [1]).

Казанская пѣсня плясовая. (На скрипкѣ.)



Касимовская пляска. (На скрипкѣ.)



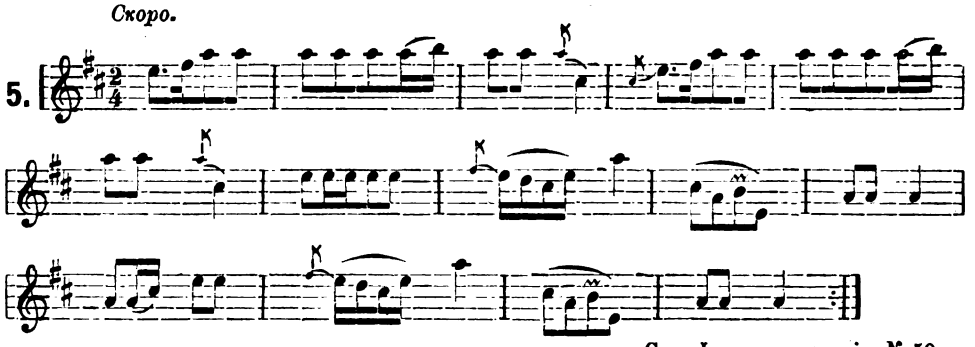
1) Мелодіи №№ 3—24 записаны мною въ городѣ Верхнеуральскѣ, Оренбургской губерніи.

Digitized by Google

Гизнакай (зять, гулявшій со свояченицей). (На скрипкѣ.)

Скоро.

5.

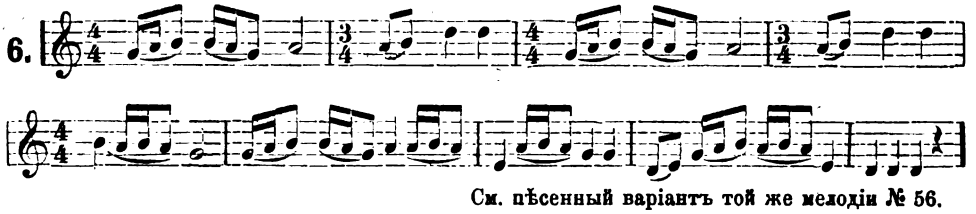


См. пѣсенную мелодію № 50.

Акчарлакъ (мартышка). (Съ игры на гармоніи.)

Умѣренно скоро.

6.

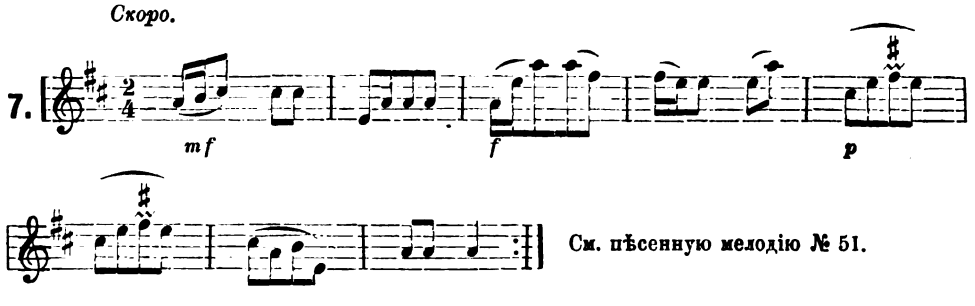


См. пѣсенный варіантъ той же мелодіи № 56.

Айдэ агай аманат (женихъ увезъ тайкомъ невѣсту). (На скрипкѣ.)

Скоро.

7.

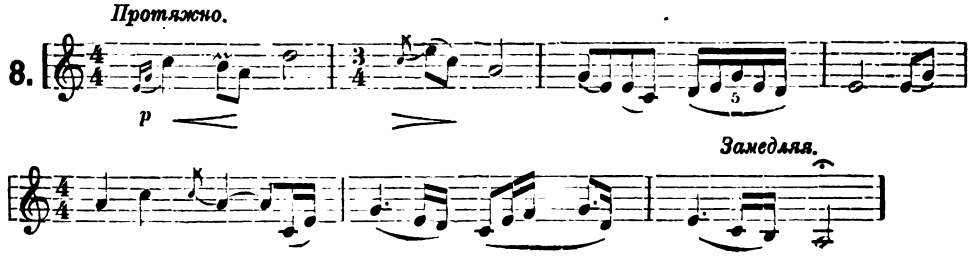


См. пѣсенную мелодію № 51.

Казанская пѣсня. (Со скрипки.)

Протяжно.

8.

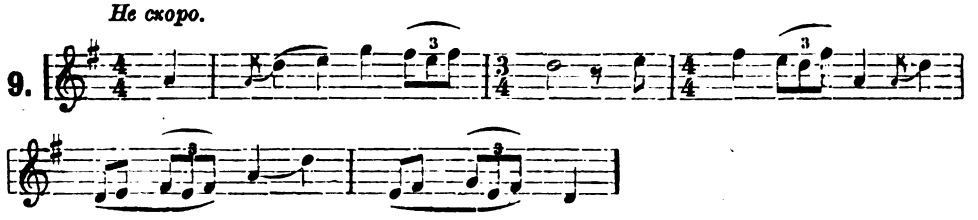


Digitized by Google

Каргалинская. (На скрипкѣ.)

Не скоро.

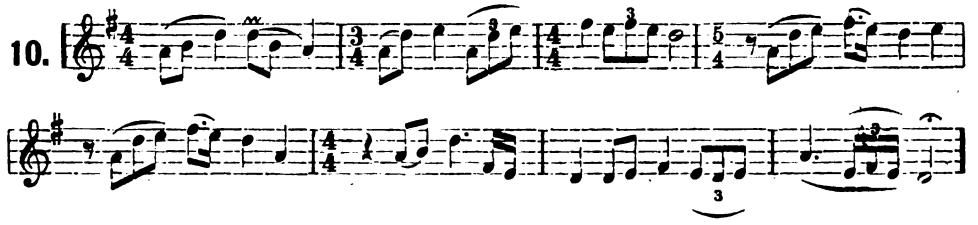
9.



Каргалинская. (На скрипкѣ.)

Умѣренно.

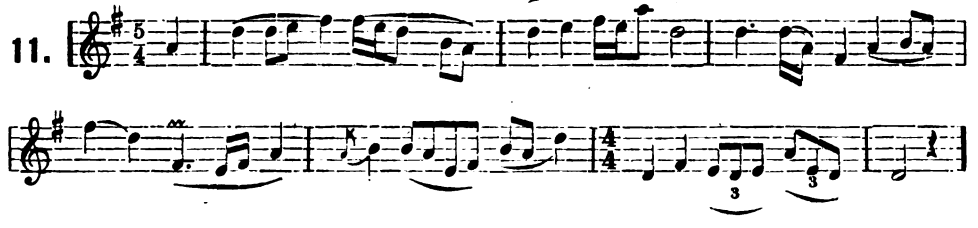
10.



На скрыпкѣ.

Умѣренно.

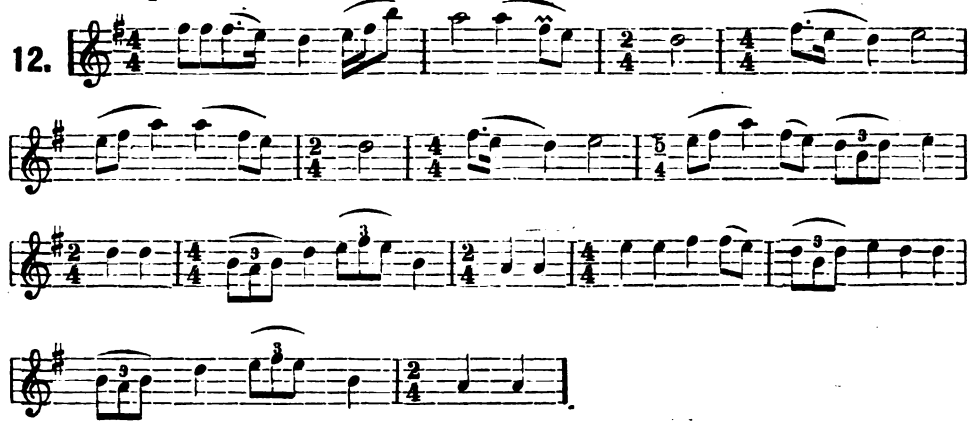
11.



Агым су Башы Бурмалы. (На скрипкѣ.)

Умѣренно.

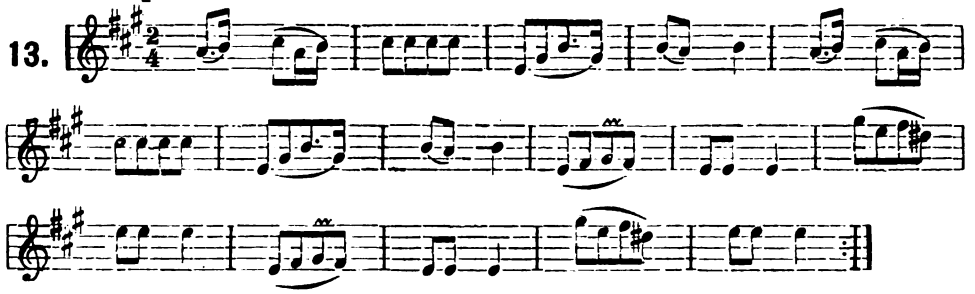
12.



Digitized by Google

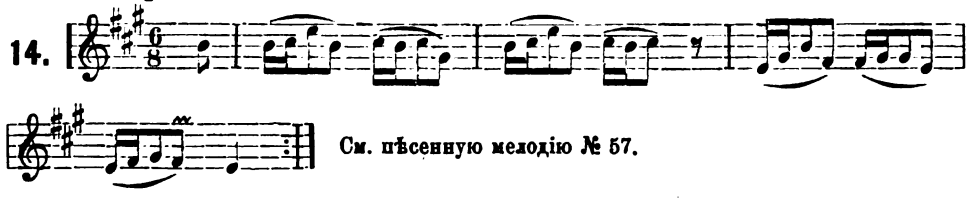
Мензелинская. (На гармоніи.)

Скоро.

13. 

Бяним кіяум — мой зять. (Богатая дѣвка вышла за бѣднаго и стала недовольна своей судьбой.) (На гармоніи.)

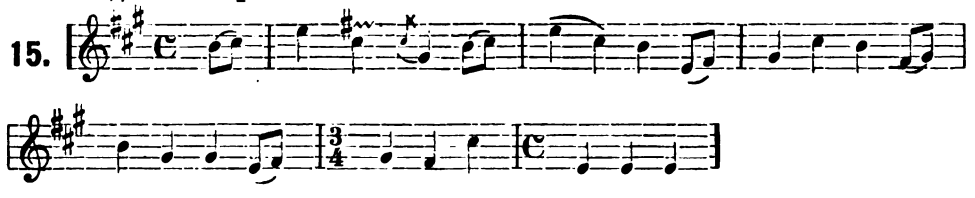
Скоро.

14. 

См. пѣсенную мелодію № 57.

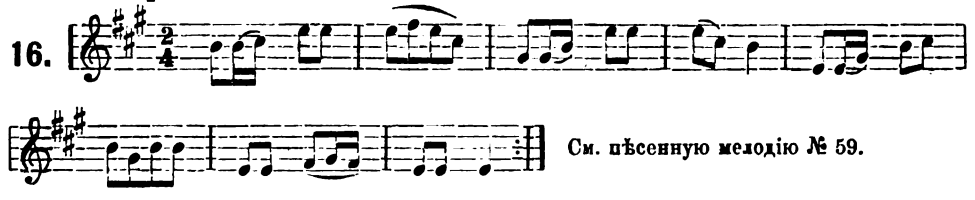
Ак чишмя (бѣлая рѣчка). (На гармоніи.)

Довольно скоро.

15. 

Без урамнан ӱтяик. (На гармоніи.)

Скоро.

16. 

См. пѣсенную мелодію № 59.

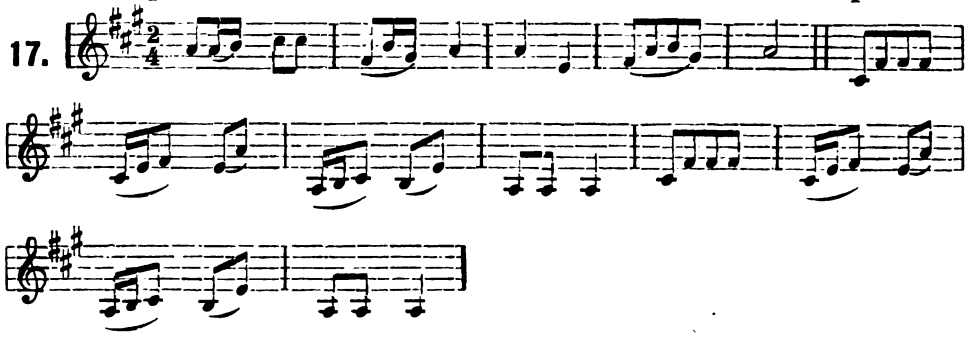
Digitized by Google

Пѣсенныя мелодіи, записанныя безъ текста.

а) УЗУНКЎЙ (проголосныя, протяжныя пѣсни).

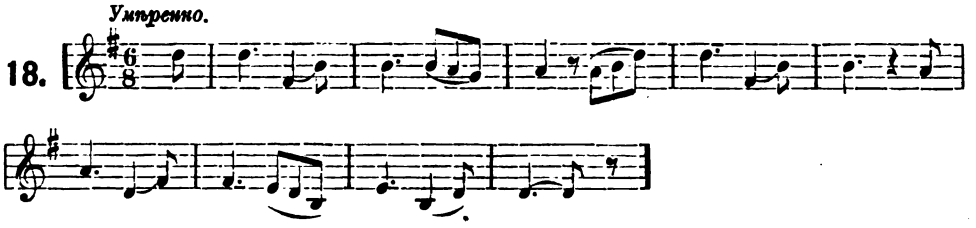
Оренбургская пѣсня.

Умѣренно. *Припѣвъ.*

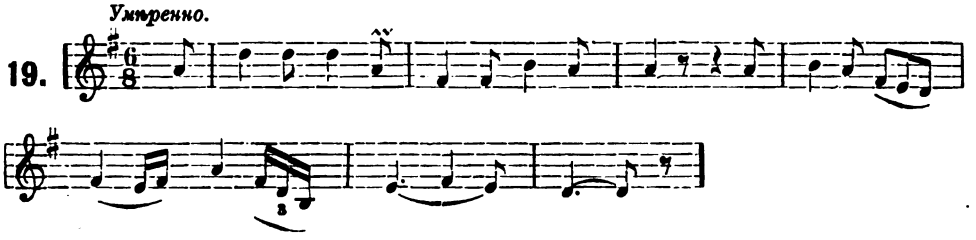
17. 

Чистопольская пѣсня.

Умѣренно.

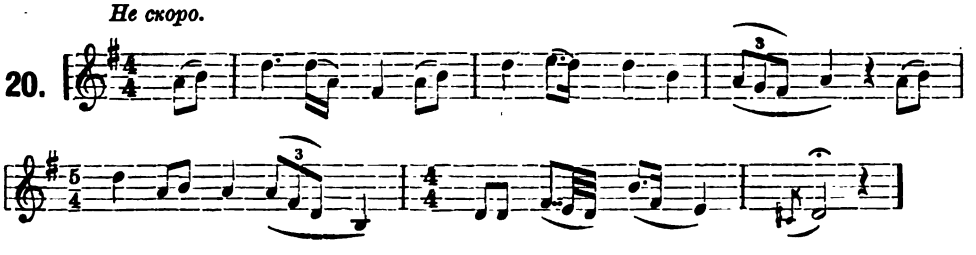
18. 

Умѣренно.

19. 

Мачакія. (Варнская пѣсня изъ деревни около Великопетровской станицы Оренбургской губерніи.)

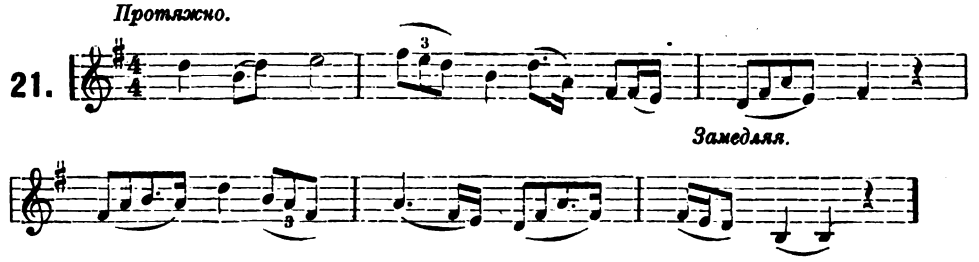
Не скоро.

20. 

Digitized by Google

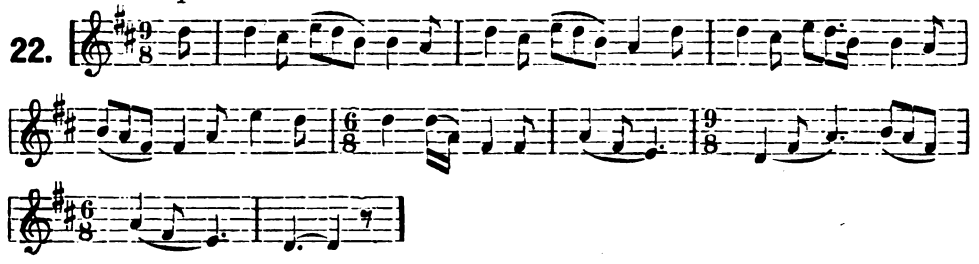
Казанская пѣсня.

Протяжно.

21. 

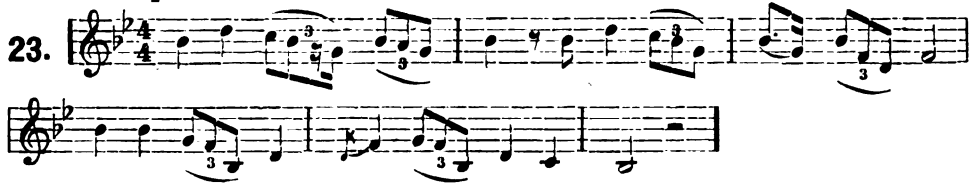
Агым су аг-идел буйлары (рѣка Бѣлая).

Не скоро.

22. 

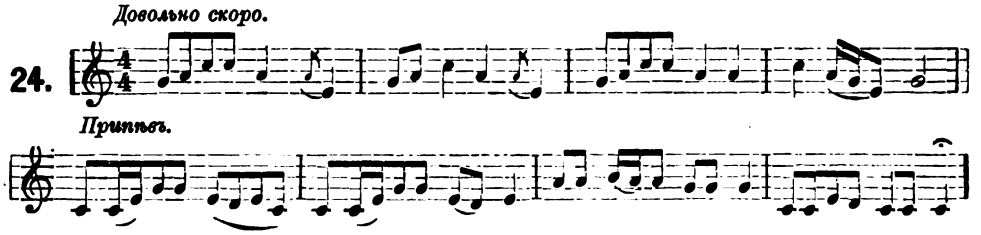
Казанская (дѣвичья пѣсня).

Умѣренно.

23. 

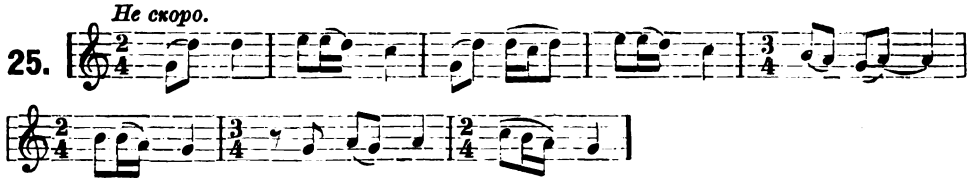
б) ТАКМАКЪ.

Довольно скоро.

24. 

Касида́ — духовная пѣснь, распѣваемая школьниками въ собраніи муллъ. (Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.)

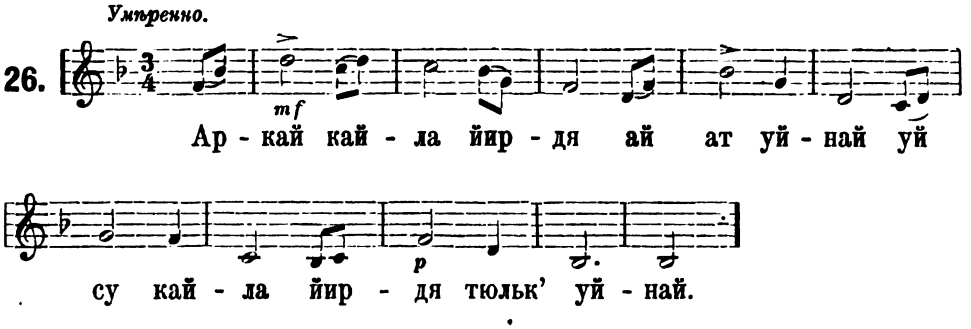
Не скоро.

25. 

Digitized by Google

Протяжныя татарскія пѣсни (Узун куй).

Тафтельская (безъ припѣва). Г. Уфа.



1. Аркай кайла йирдя (ай) ат уйнай
   Уйсу кайла йирдя тӧлкӧ уйнай.
2. Аталардан бала яшлы калса,
   Кӧн итюкайлярень кӧнд'уйлай.

1. На возвышенномъ мѣстѣ рѣзвится лошадь, а въ долинѣ играетъ лисица.
2. Юноша, если останется послѣ отца въ раннихъ лѣтахъ, заботится о каждомъ днѣ.

Мелодія этой пѣсни одинаково распространена и любима какъ среди Татаръ, такъ и среди Башкиръ и Тептярей: тафтельскую пѣсню или, какъ называютъ ее Башкиры, тафтеляу всѣ умѣютъ пѣть. По объясненію Татаръ она возникла на свадьбѣ Кутлукая Тевкелева, племянника уфимскаго муфтія, женившагося на двоюродной сестрѣ: Башкиры на свадьбѣ пѣли эту пѣсню; по крайней мѣрѣ названіе свое пѣсня получила въ память свадьбы Тевкелева (см. башкирскіе варіанты №№ 66, 67, 159, 179).

Тафтельскую пѣсню распѣваютъ и Русскіе на слова Лермонтова:

«Гасбулатъ удалой,
Бѣдна сакля твоя»...

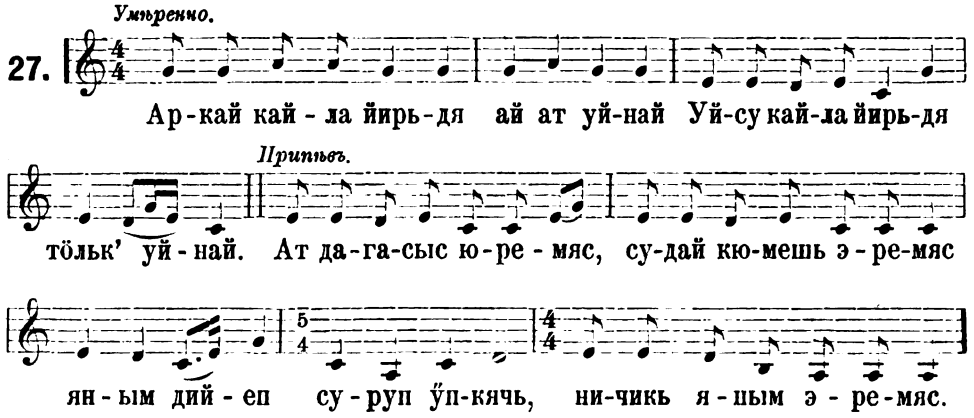
№№ пѣсенъ 26—32 служатъ доказательствомъ того, какъ въ татарскихъ пѣсняхъ одинъ и тотъ же текстъ можетъ распѣваться на разнообразныя мелодіи (разница въ припѣвахъ).

Digitized by Google

Г. Уфа.

Умѣренно.

27.



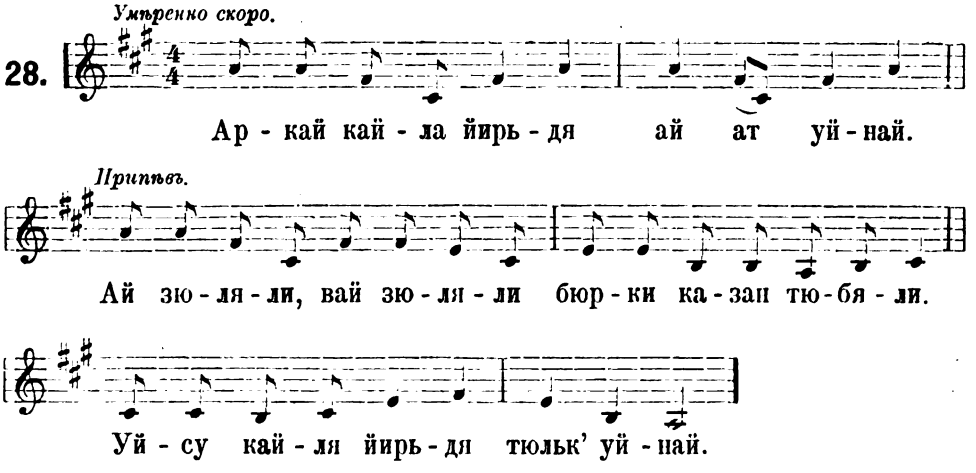
Припѣвъ. Ат дагасыс юремяс,
Судай кюмешь эрémяс,
Джан-ым диеп суруп ӱпкячь,
Ничик джаныц еремяс?

Лошадь не идетъ безъ подковы,
Серебро не течетъ какъ вода;
Когда ты цѣлуешь любимую,
Какъ у тебя не расплавляется душа?

Г. Уфа.

Умѣренно скоро.

28.



Припѣвъ. Ай зюляли, вай зюляли,
Бюрки казан тюбяли.

Ай зюляли, вай зюляли,
Шапка его котелкомъ.

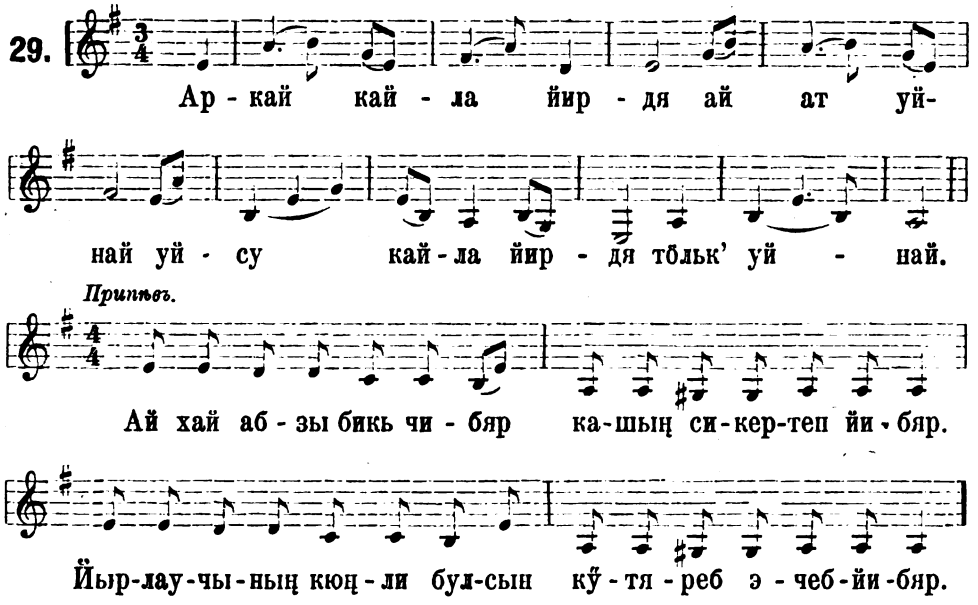
Припѣвъ принадлежитъ только этой пѣснѣ, т. е. съ мелодіей этой пѣсни непремѣнно связанъ только приводимый припѣвъ, тогда какъ обыкновенно припѣвъ можетъ замѣняться по усмотрѣнію другимъ. Въ данной пѣснѣ онъ помѣщенъ не въ концѣ, а въ серединѣ и раздѣляетъ мелодію и текстъ на двѣ части.

Digitized by Google

Г. Уфа.

Медленно.

29.

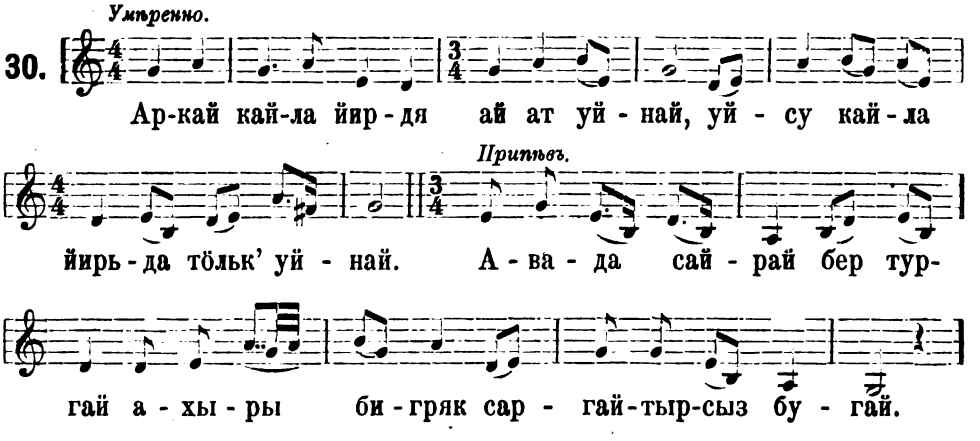


Припѣвъ. Ай хай абзы бикь чибяр, Ай, братецъ, какой ты красавецъ,
Кашың сикерьтеп йибяр, Поводи бровями;
Йырлаучының кюңли булсын, Чтобы исполнить желаніе пѣвцовъ,
Кӱтяреб эчеп йебяр. Выпей, поднявъ чашку.

Г. Уфа.

Умѣренно.

30.

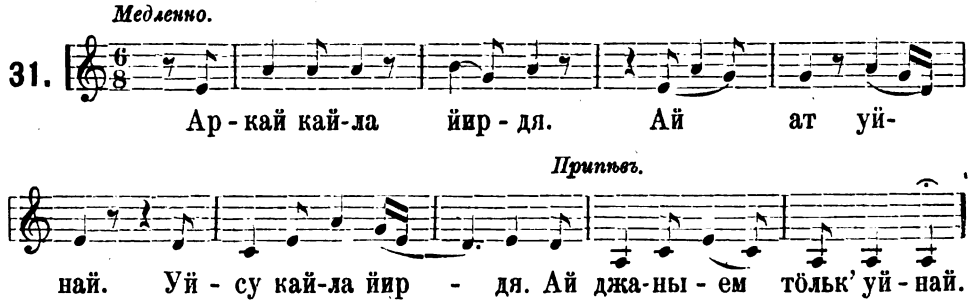


Припѣвъ. Авада сайрай бэрь тургай. Въ небѣ поетъ жаворонокъ.
Ахыры бигряк саргайтырсыз бугай, Кажется, заставитъ онъ потомъ грустить.

Digitized by Google

Г. Уфа.

Медленно.

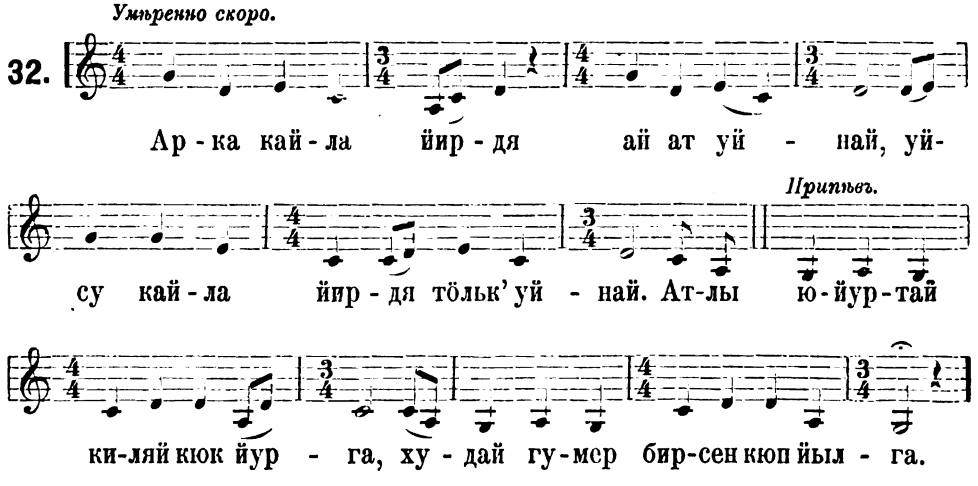


Припѣвъ. Ай джаным (тӧлк'уйнай) Ай душечка (лисица играетъ) *или* *или* Ахмат Султан (тӧлк'уйнай). Ахматъ Султанъ (лисица играетъ).

Припѣвъ (ай джаным) раздѣляетъ вторую половину строфы на двѣ части. Пѣсня называется Ахматъ Султанъ; поется спеціально для выраженія грусти, во время одиночества и т. п.

Г. Уфа.

Умѣренно скоро.



Припѣвъ. Атлы юртай киляй кюк йурга. Онъ пріѣдетъ верхомъ на сивомъ иноходцѣ.

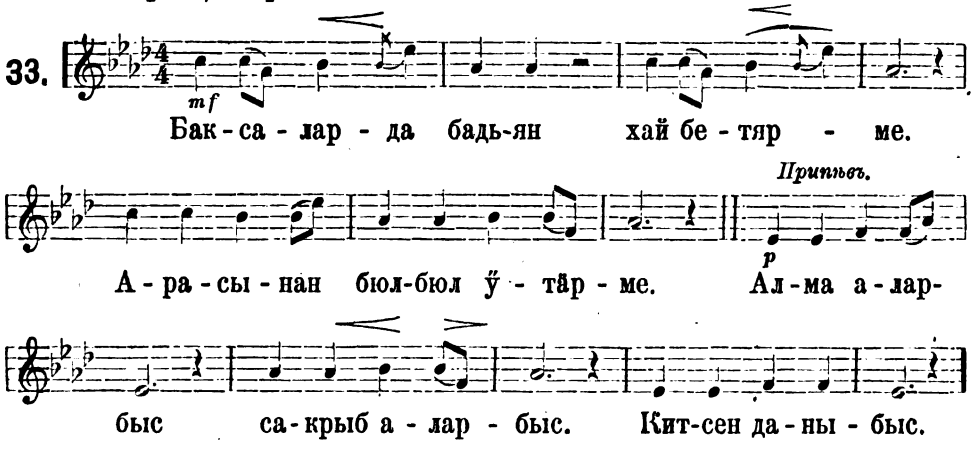
Худай гумер бирсен кюп йылга! Пусть Богъ дастъ жить много лѣтъ!

Digitized by Google

Деревня Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губ. (№№ 33—37).

Умѣренно, съ выраженіемъ.

33.



1. Баксаларда бадьян ай бетярме
Арасынан былбыл ӱтӓрме?

Припѣвъ. Алма аларбыс сакрыб аларбыс,
Китсен даныбыс.
Ӱзгӓняйен кюреп сӱляшмягяс,
Хатка язып сюзляр бютярм'яй?
Припѣвъ. Алма аларбыс...

2. Сандугач хай кушлар хай ник булдыҷ?
Сайрамагас талга ник кундыҷ?
Алма аларбыс...
Гумырынга да буласы йукъ:
Бу кадары сылу ник булдыҷ?
Алма аларбыс...

3. Иртядя туман кистя туман,
Жаҷы жауган апак каркебек,
Алма аларбыс...
Артларымдан сыгып жылап калды.
Мал берэпкэй сауган жыр кебек (?)
Алма аларбыс...

1. Растутъ ли въ садахъ гвоздики
Пролетаетъ ли (поетъ ли) среди нихъ птица?

Припѣвъ. Мы беремъ яблоко и поемъ,
Чтобы распространилась наша слава.
Если я съ тобой не могу говорить,
То могу-ли довѣряться письму?
(*Припѣвъ*). Мы беремъ яблоко и поемъ...

2. Соловей, зачѣмъ ты сталъ соловьемъ?
Если не поешь, такъ зачѣмъ спишь на тальникѣ?
Мы беремъ яблоко и поемъ...
Жизнь наша такъ недолга:
Зачѣмъ же ты такъ красивъ?
Мы беремъ яблоко и поемъ.

3. И утромъ туманъ, и вечеромъ туманъ,
Какъ будто выпавшій тонкій снѣгъ.
Мы беремъ яблоко и поемъ...
Вышедши послѣ меня, она заплакала,
Точно табуна отдаленный шумъ.
Мы беремъ яблоко и поемъ...

Digitized by Google

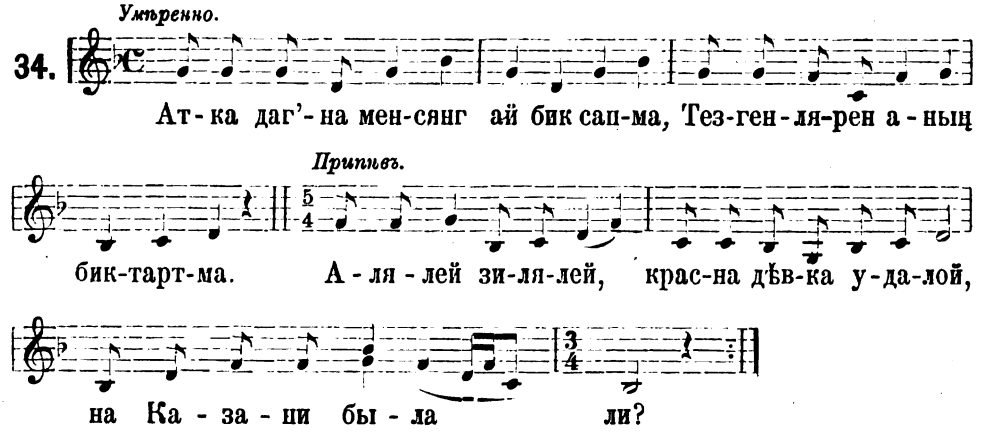
4. Жыр жырлад'айтыб-ук эй айтасын,
Нейндяй жырлар саңа бик киряк?
Алма аларбыс...
Аналардан тыумас тыуса турмас,

Сезненгкебек жигет бик сирäк.
Алма аларбыс...
5. Жöгöрöп кай тюштем гюл баксага:
Кызарып кай бешкан бер алма.
Алма аларбыс...
Сäнедя банга бäнедя санга
Кауштырмас м'икан берь Алла.
Алма аларбыс, сакрыб аларбыс
Китсен даныбыс.

4. Если ты поешь, то ты поешь какъ слѣдуетъ,
Какую пѣсню тебѣ надо?
Мы беремъ яблоко и поемъ...
Отъ матери не родятся (такіе, какъ ты), а если родятся, не будутъ жить.
Такіе молодцы какъ вы рѣдки.
Мы беремъ яблоко и поемъ...
5. Побѣжалъ я въ цвѣточный садъ.
Покраснѣло, поспѣло одно яблоко.
Мы беремъ яблоко и поемъ...
Тебя со мной, меня съ тобой,
Не соединитъ ли насъ Богъ.
Мы беремъ яблоко и поемъ,
Чтобы распространилась наша слава.

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

34.

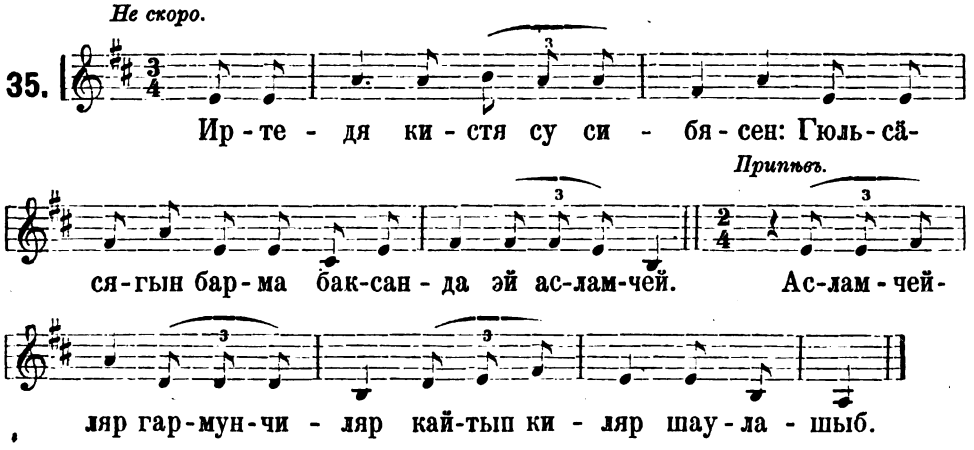


1. Атка дагна менсянг, ай бик сапма,
Тезгенлярен аныц бик тартма.
Припѣвъ. Алялей, зилялей, красна дѣвка удалой,
На Казани была ли?
2. Кыз куйнына керся хай тик жатма,
Кыз сатыр кійлярен бик сакла,
Алялей зилялей, красна дѣвка...

1. Если поѣдешь на лошади, не бей ея,
Повода слишкомъ не тяни.
Припѣвъ. Алялей зилялей, красна дѣвка удалой,
На Казани была ли?
2. Если къ дѣвицѣ за пазуху попадешь,
Охъ, даромъ не лежи; дѣвичью невинность очень береги.
Алялей, зилялей, красна дѣвка....

Digitized by Google

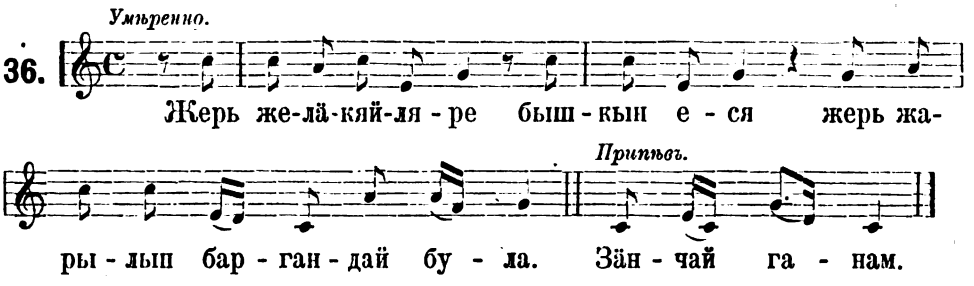
Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.



1. Ирьтядя кистя су сибясен:
Гюль сясягец барма баксада (эй)
асламчей?
Припѣвъ. Асламчейляр гармучиляр
Кайтып киляр шаулашыб.
2. Саусамда(й) жырлар табылыр иде.
Сяниц кебек булмый тапсанда (ай)
асламчей.
Асламчейлäр гармунчилäр
Кайтып киляр шаулашыб.

1. Утромъ и вечеромъ ты поливаешь
водой:
Есть ли въ твоемъ саду цвѣты?
Припѣвъ. Асламчеи музыканты
Уѣдутъ съ шумомъ.
2. Когда я здоровъ, пѣсни найдутся.
Такіе люди, какъ ты, едва ли най-
дутся.
Асламчеи музыканты
Уѣдутъ съ шумомъ.

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.



1. Жирь желякайляры бышкын еся,
Жирь жарылып баргандай була;
Зäньчай ганам (ганым)!
Тывуп ўскян жирляр иска тюшься,
Жюряк жарылып баргандай була.
Дусикай ганам!

1. Когда клубничка ягодка поспѣваетъ,
Тогда земля точно трескается;
Охъ, сношенька, сношенька!
Когда же вспомнишь о родинѣ,
Тогда сердце точно разрывается.
Охъ, дружище, охъ, дружище!

Digitized by Google

2. Ишекай ганам алды куш карагай,
Жил ӧрдеся башы байлана;

Зänчай ганам!
Уйламаган сакта бäн жюремян,
Уйладысам башым айлана;

Дусикай ганам!

2. Передъ моимъ крыльцомъ двѣ сосны,
Если дуетъ вѣтеръ, вершины соединяются;
Охъ, сношенька...
Не предаваясь раздумью, я хожу,
А когда раздумаюсь, голова кружится;
Охъ, дружище...

3. Ак жифекей баулы ак ласын
Куш кюрд'еся сыгар ауага;
Зäньчай ганам!
Бэрь караймын байга бэрь гарипка,
Гарип гумери ӱтяр заяга;

Дусикай ганам!

3. Если соколъ, привязанный бѣлымъ шелкомъ
Увидитъ птицу, взвивается на небо;
Охъ, сношенька...
Если сравнить положеніе богача и посмотрѣть на бѣдняка, то невзрачна доля бѣдняка;
Охъ, дружище...

4. Кюк кюгярсенлярнепг кюрке бар:
Башларында яшыль бюрки бар!
Зäньчай ганам!
Кагарларын салса кадыр мяӱля,
Рахымларын салса ирьки бар;

Дусикай ганам!

4. У сизой голубки видъ очень хорошій:
На головкѣ точно зеленая шапка;
Охъ сношенька...
Покараетъ Богъ, если захочетъ,
Онъ же и помилуетъ: Онъ въ этомъ воленъ;
Охъ, дружище...

5. Куяштай тувар айляныи,
Алма ягасларга байланыи;
Зäньчай ганам!
Ӱткяндяй гумер бильгясе йук,
Киляйсе гюмер кюпме кан?
Дусикай ганам!

5. Когда встаетъ солнце, то кружится,
Освѣщаетъ яблоню.
Охъ, сношенька...
Прошедшее уже протекло безслѣдно,
А будущаго много ли осталось?
Охъ, дружище...

6. Иртэ белян турдым таңбеляи,
Беткян айым жӧрдем бал белян.
Зänчай ганам!
Почтовайлар киля ям беляи,
Макарьядан алган мал беляи.

Дусикай ганам!

6. Я всталъ рано съ зарею,
Прошлый мѣсяцъ у меня былъ медъ.
Охъ, сношенька...
Почтовые ѣхали на подводахъ
Съ товарами изъ Нижегородской ярмарки.
Охъ, дружище...

7. Тугаракай кюльдя дюрт ӱрдяк;
Мяргян булсанг атыб ал.
Зänчай ганам!

7. На озерѣ... четыре утки:
Если ты стрѣлокъ, то убей ихъ.
Охъ, сношенька...

Digitized by Google

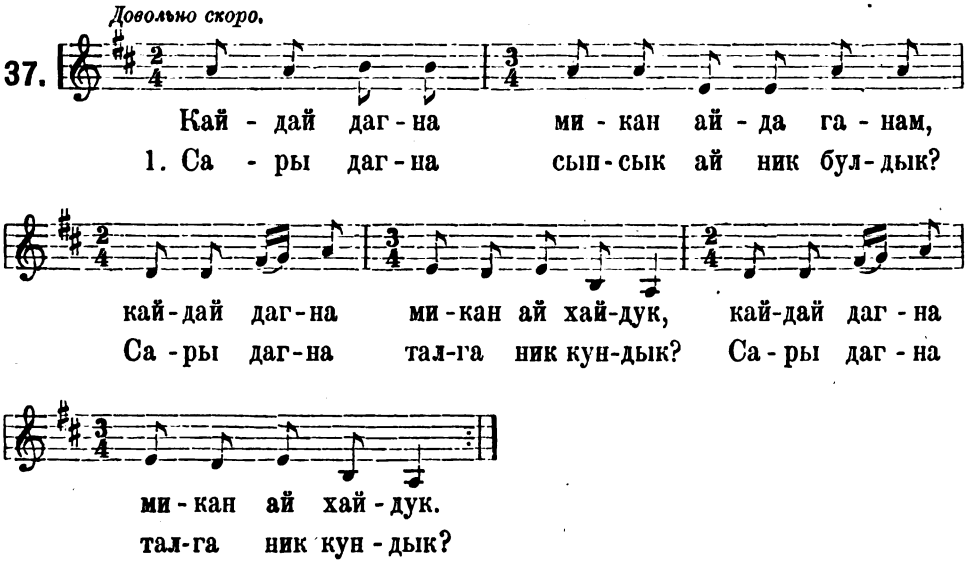
Минган атым тура журга,
Йöз илле сумга сатыб ал.
Дусикай ганам!

Моя лошадь гнѣдой иноходецъ,
Купи его за полтораста рублей.
Охъ, дружище...

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

37.

Довольно скоро.



Кайдай дагна микан айда ганам,
Кайдай дагна микан ай хайдук (2 раза).

Это двустишіе представляетъ изъ себя лишенный смысла наборъ словъ, на который нерѣдко начинаютъ пѣть мелодію прежде, чѣмъ перейти къ самому тексту пѣсни, чтобы, такъ сказать, распѣться.

Сары сыпсык ник булдың?
Сары талға ник кундың?

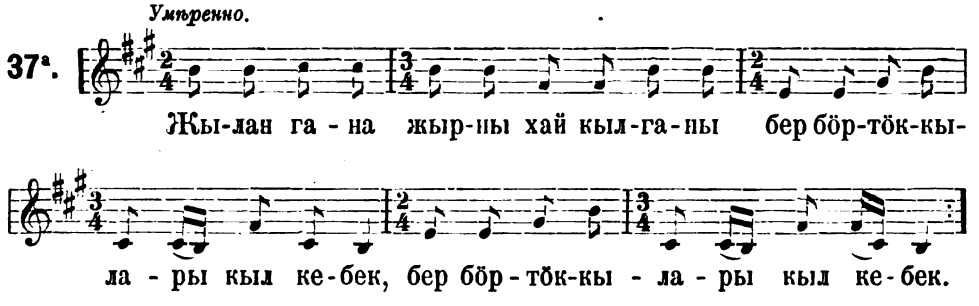
Для чего ты желтая птичка?
Для чего ты сѣла на тальникъ?

1. Сары дагна сыпсык ай ник булдык,
Сары дагна талга ник кундык (2 р.)
2. Сяниң манга буласың йукъ
Джан кюйдюрюп дагна ник тулдык 2 р.)
3. Алма (дагна) таты шикяр ай балбелян
Жуку таты сöй'гян жар белян

1. Зачѣмъ мы, желтыя синицы, зачѣмъ мы спали въ желтомъ тальникѣ.
2. Ты никогда не будешь моей:
Такъ зачѣмъ терзаешь душу?
3. Яблоко сладко съ сахаромъ и медомъ,
А сонъ сладокъ съ любимою.

Digitized by Google

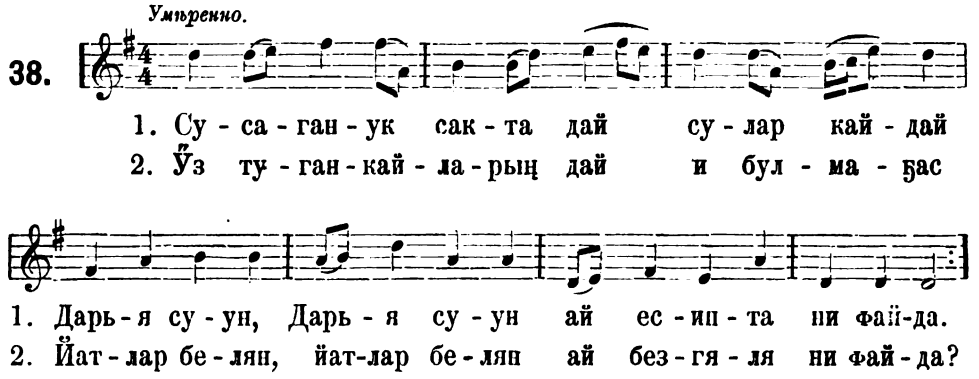
Варіантъ. Цер — пѣсня, нѣчто среднее между узункуй и такмакъ. Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда, Оренбургской губ.



Жалан гана жыр кылганы,
Бер бӧртӧк кыл кебек.
Шул дустларны бик сагынсам,
Бер бер кӯнай була жыл кебек.

Если не вѣрно поешь пѣсню,
То это (негодно) какъ конскій волосокъ;
Если я сильно скучаю о друзьяхъ,
Тогда и одинъ день мнѣ кажется годомъ.

Пак-буе (рѣчка Илекъ близъ Оренбурга). Цер — пѣсня протяжня Дер. Иткулова, Орскаго уѣзда.



Сусаган-ук сакта су кайда,
Дарья суун эсипта ни файда?

Ӱз туганларың булмаса,
Йатлар белян безгя ни файда?

Когда мы чувствуемъ жажду, гдѣ вода,
Какая выгода, если мы пьемъ рѣчную воду?

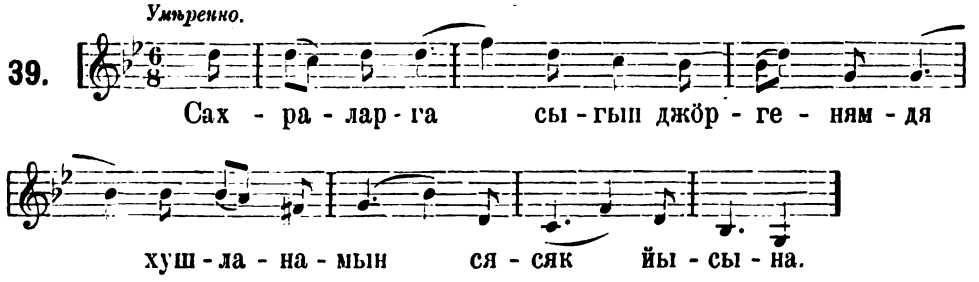
Если нѣтъ у тебя родственниковъ,
Какая намъ польза отъ чужихъ?

Digitized by Google

Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

Умѣренно.

39.



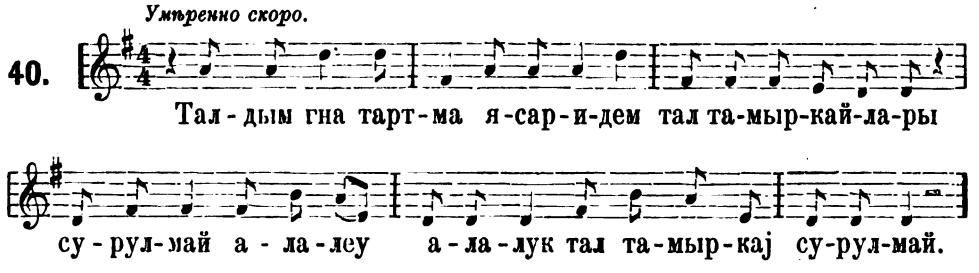
Сахраларга сыҕып джӧргянемдя,
Хушланамын сясяк ыйсына,
Жат жирлярда јаҕыз джӧргянемдя,
Дусытларым тюшся исемя.

Если я выхожу въ степь,
То я наслаждаюсь запахомъ цвѣтовъ,
Если я одинъ нахожусь на чужбинѣ,
Тогда приходятъ мнѣ на умъ друзья.

Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

Умѣренно скоро.

40.



Талдан гна тартма ясар идем,
Тал тамыркайлары сурулмай,
Джаҕада дуслар ясар идем,
Иске дусларым айыр(ы)лмай.

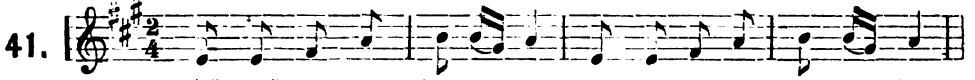
Я сдѣлалъ связки изъ тальника
И не вырвалъ корней тальника;
Если я заключаю новую дружбу,
Я не расхожусь со старыми друзьями.

Digitized by Google

Скорыя татарскія пѣсни (Такмак).

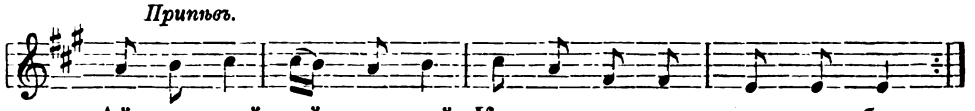
Г. Уфа.

Скоро.

41. 

Ай хай аб-зы бик чи-бяр ка-шың си-керь-теп зе-бяр,

Припѣвъ.



Ай я-ный вай я-ный Ка-шың си-керь-теп зе-бяр.

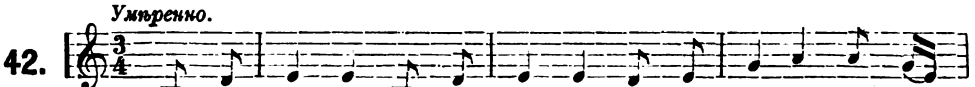
1. Ай хай абзы бик чибяр:
Кашың сикерьтеп зебяр.
Припѣвъ. Ай яный, вай яный,
Кашың сикерьтеп зебяр.
2. Йирлаучының кюңли булсын,
Кӳтяреб эчеб зебяр.
Ай яный, вай яный,
Кӳтяреб эчеб зебяр.

1. Ахъ, братецъ, какой ты красавецъ:
Поводи бровями.
Припѣвъ. Ахъ душенька, раздушенька,
Поводи бровями.
2. Чтобы удовлетворить желанію пѣвцовъ (чтобы развеселить пѣвцовъ), выпей поднявъ чашку.

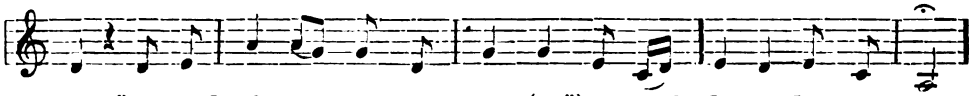
Вмѣсто послѣдняго стиха второй строфы поютъ также:
Яныи штанын ямый. Душенька чинитъ свои штаны.

Г. Уфа.

Умѣренно.

42. 

Ка-бан кю-ли ти-рян-дер-(ляй) те-рян-де-ри тез-дян-



дер йыр-лаб бе-ре сез-дян-дер-(ляй) э-чеб бе-ре без-дян-дер.

Кабан кюли тиряндер (ляй)
Тирянлери тездяндер
Йырлаб бере сездяндер (ляй),
Эчеб бере бездяндер.

Озеро Кабанъ очень глубоко:
Самое глубокое мѣсто по колѣно.
Вы споете,
А мы выпьемъ.

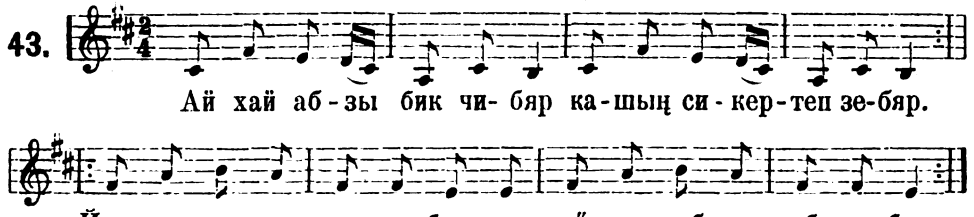
Мотивъ сочиненъ въ Казани въ 1891 г., по случаю смерти одного купеческаго сына лѣтъ 13 — 14 отцомъ умершаго. Общеупотребителенъ для выраженія сильныхъ чувствъ: печали, веселости и пр., и сообразно съ этимъ поется въ умѣренномъ и болѣе скоромъ темпѣ.

Digitized by Google

Г. Уфа.

Довольно скоро.

43.

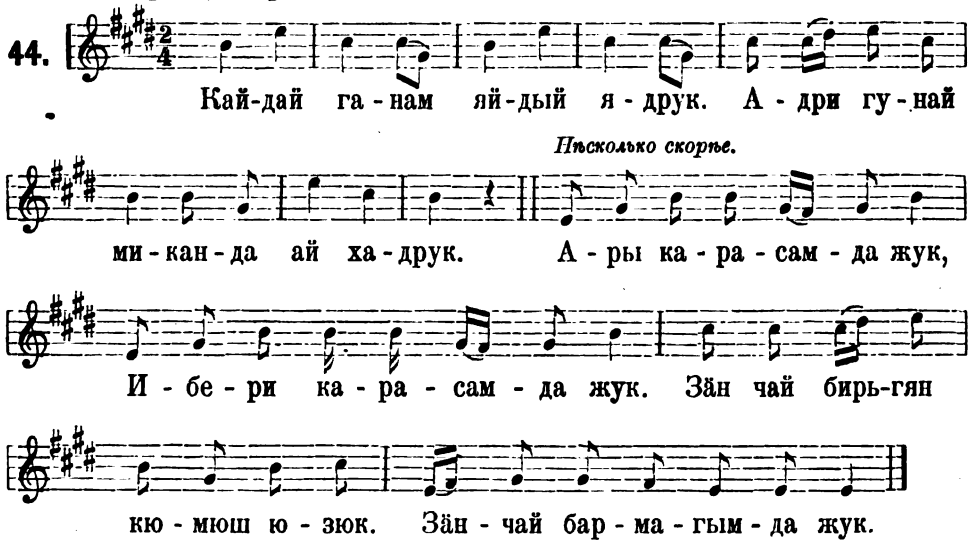


Переводъ см. въ пѣснѣ № 41.

Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губ.

Умѣренно, съ выраженіемъ. Запѣвъ.

44.



Запѣвъ передъ каждымъ изъ слѣдующихъ такмаковъ, состоящій изъ набора словъ безъ смысла.

1. Ары карасамда жук:
   Бери карасамда жук.
   Зӓн(и)чай бирьгян кюмюш юзюк,
   Зӓнчай бармагымда жук.
2. Югряй сыктым таш урамга
   Кильгян алма сатусы:
   Сатусысы сатусы,
   Жук жанымда ятусы.

1. Гляжу—туда, гляжу сюда:
   Ничего не вижу.
   Серебрянаго кольца, даннаго возлюбленной,
   Нѣтъ на пальцѣ у меня.
2. Я выбѣжалъ на мощеную улицу
   И увидѣлъ торговца съ яблоками:
   Тебѣ хорошо торговать,
   А мнѣ спать не съ кѣмъ.

Digitized by Google

3. Сыу агылыр арыктан,
Кызлар карар жарыктан:
Джюгрюп барып ўбяр едем,
Шиклянямен халыктан.
4. Сыу эсенда ак балык:
Б(е)ресин алып кактаныйк
Яз кильмяся кюз киляр

Янсык тыгып саклайык.
5. Сыу эсенда селяусен:
Б(е)рр син алып кюрярсен!
Кюргиң кился кюрярсен,

Тянкя жарым бирярсен.
6. Куш канаты кат кат булыр,
Ирь канаты ат булыр.
Газиз башка эшляр тюшся,
Ўз тыуганларың жат булыр.
7. Сахараларга сыгып юргянемдя
Хошланамын сясяк йысына.
Миця(дай) кильсяң киська киль,

Усурарбыс жумга кисьлярдя.

8. Ефяктяй билмау суксукка:

Укалары тузмас булгасы!
Укалары тузгай тулгасы,
Бу гюмерляр ўтмяс булгасы.
9. Икяудяй ўсяу булайык,
Жулгадай сыгып кунайык.
Жулгадай сыгып жул арынса,

Айырылмас дуслар булайык.

10. Кызыл ката ак уюк

Нигя кызлар кеймяйсез?
Сездя якшы миндя якшы,
Нигя мине сюймяйсез?

3. Вода бѣжитъ изъ желоба,
А дѣвка глядитъ въ щель:
Я побѣжалъ бы, поцѣловалъ бы ее,
Да стыдно мнѣ предъ народомъ.
4. Въ водѣ находится бѣлая рыба:
Поймать бы одну да посолить.
(Мой возлюбленный) если не весною,
то осенью придетъ,
А мы сунемъ его въ кисетъ
5. Въ водѣ плыветъ піявка (червь):
Берешь одну и смотришь;
Если хочешь посмотрѣть, то посмотришь,
Заплативъ полтора рубля.
6. У птицъ крылья — свои,
У людей крылья — лошади.
Если случится бѣда,
То и родные какъ будто чужіе.
7. Я ходилъ по степямъ
И насладился запахомъ цвѣтовъ.
Если придешь ко мнѣ, то приходи
вечеромъ:
Вечеромъ въ пятницу мы встрѣтимся.
8. Шелковый поясъ — съ кистями на
обоихъ концахъ:
Чтобы его позументу не износиться!
Но пусть онъ износится,
Лишь бы моей жизни не износиться.
9. Вдвоемъ или втроемъ выѣхавъ,
Мы ночуемъ въ дорогѣ.
Если наши странствія будутъ счастливы,
То мы не разойдемся, будемъ
друзьями.
10. Красныхъ башмаковъ и бѣлыхъ
чулковъ
Что вы, дѣвки, не носите?
Вы хороши и я хорошъ,
Что же вы меня не любите?

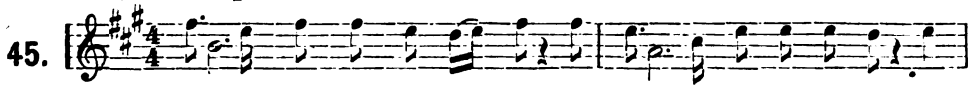
Digitized by Google

На сюжетъ послѣдняго такмака Русскіе, желая потрунить надъ Татарами, распѣваютъ ломанымъ русскимъ языкомъ (какъ говорятъ по-русски Татары) слѣдующую пѣсню.

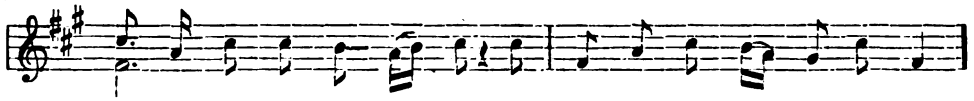
Г. Верхнеуральскъ, Оренбургской губ.

Довольно скоро.

45.



1. Бѣ-лы чул - ки, крас-на баш-макъ, За-чѣмъ но-га не но-сишь?



Мо - ло - день-ка рус - ка дѣв - ка, За-чѣмъ ме - не не лю-бишь?

Далѣе идетъ текстъ въ родѣ фабричныхъ или городскихъ пѣсенъ позднѣйшей формаціи весьма невысокаго достоинства:

2. Ахъ ты, милый, работай,
На помаду денегъ дай (2 раза):
Денегъ нѣту ни гроша,
Безъ помады хороша (2 раза).

3. Я вареньице варила,
Себѣ фартучекъ спалила (2 раза),
Никому я не скажу,
Что я съ дѣвочкой хожу (2 раза).

4. Пойду выйду на рѣку,
Гдѣ поближе къ кабаку (2 р.):
Не моя ли пьяница
Въ кабакѣ валяется (2 раза).

5. Мнѣ мальчишкѣ бѣдному
Пріютиться не къ кому (2 раза),
Пріютился я къ одной —
Отбиваетъ братъ родной (2 раза).

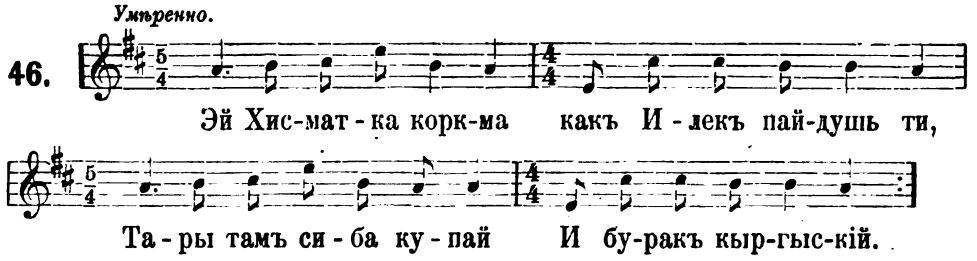
Мелодія записана мною съ голоса и съ игры на гармоніи (русскаго), при чемъ игравшій неизмѣнно бралъ три параллельныя квинты въ 3 сосѣднихъ тактахъ (обозначены двойными нотами въ 1, 2 и 3 тактахъ) си-фа ♯, ля-ми, фа ♯ — до ♯.

По характеру мелодія похожа на инородческія.

Digitized by Google

Вотъ еще примѣръ того, какъ Русскіе въ насмѣшку надъ Татарами сочиняютъ цѣлыя стихотворенія, перемѣшивая въ нихъ русскія ломаныя слова съ татарскими и довольно удачно подражая говору Татаръ по-русски.

Г. Троицкъ, Оренбургской губ.



Эй Хисмяткя коркма [1]),
Какъ Илекъ пайдушь ти,
Тары [2]) тамъ сиба купай,
И буранъ [3]) кыргыскій,
Будишь бульна ти бугатъ,
Бишматъ [4]) новій купишь,
Синь [5]) тугда калымъ [6]) даешь,

За хурушій дивкамъ,
Билій, жирній ти возмешь,
Бары беръ канпиткамъ [7]),
Зубы серній [8]), глаза бустрій,
Нугтя ему красный;
Бисила [9]) съ нимъ заживешь,
Бишбармакъ [10]) ашаешь [11]).

Минь [12]) тугда тиба [13]) придемъ,

Сяй [14]) бирга ашаемъ,
Азракъ [15]) пива будка [16]) пьемъ.
И писня [17]) пускаемъ [18]).

Минь закунъ [19]) крипка даржимъ,
Силій [20]) нусь [21]) ашаемъ,
Гулува наша систимъ
Буруда ссипаемъ,
Пять разъ день миссть пойдемъ
И намазъ [22]) дилаемъ,
И какой файда [23]) була,
Пся [24]) ево кунсяемъ;
И опять лушадь глядимъ,
Миста [25]) гутувляемъ,
Нусь пора [26]) его ташшимъ,
Урунбургъ гуляемъ,
А полисія даржитъ,
Бастрокъ [27]) отправляетъ
И казунній хлибъ [28]) кармитъ,
Ума прибавляетъ.

Сообщилъ студентъ Фак. Вост. Яз. С.-Петерб. унив. М.Н.Зарубинъ.

---

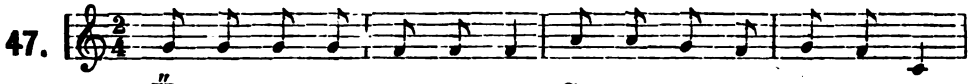
1) не зѣвай; 2) товару; 3) барана; 4) верхнее платье; 5) ты; 6) плату; 7) точно конфетку, пріятную какъ конфетка; 8) черные; 9) весело; 10) мясное кушаніе; 11) будешь ѣсть; 12) я; 13) къ тебѣ; 14) чай; 15) немного; 16) водку; 17) пѣсни; 18) будемъ пѣть; 19) законъ; 20) цѣлую; 21) ночь; 22) молитву; 23) прибыль; 24) всю; 25) мѣсто; 26) ночью; 27) въ острогъ; 28) казеннымъ хлѣбомъ.

Digitized by Google

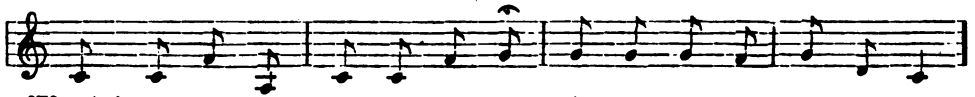
Дер. Казаккулова Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губ.

Довольно скоро.

47.



Ӱс тейн ак - са зур ак - са, Су - тю - би - на ба - та-дыр.



Жан(ы)-кам бяб-кям ни халь и - тейм: Ат-каң жат-ка са - та-дыр.

1. Ӱс тейн акса зур акса,
Су тюбина батадыр.
Жаныкам бябкям ни халь итейм:

Аткаң жатка сатадыр.

2. Трахтыр сыккан саларга
Яш кызларны аларга,
Тюш(е)ня ука саларга,
Красный билет аларга.

3. Камчат бюрек аларбыс,
Ситеня ука саларбыс.
Язгым булса ятка китмяс

Бер ун айга аларбыс.

4. Агын суның агувы(й)
Ак буз атның барувы(й);
Жан бирюве мисал икян
Жан сюйгяндян калувы(й)

5. Шебер шебер ямгур ява,
Уй артында даганап;
Ирт'ӱпкяне яратмасаң,
Кись ӱбярмен сибярляп.

1. Три копейки — большія деньги —
Упали въ воду;
Душенька, цыпленочекъ, что подѣлать:
Отецъ насъ продаетъ чужимъ.

2. Въ трактиръ я зашелъ выпить,
Молодыхъ дѣвокъ взять,
На грудь позументъ наложить,
Красный билетъ взять.

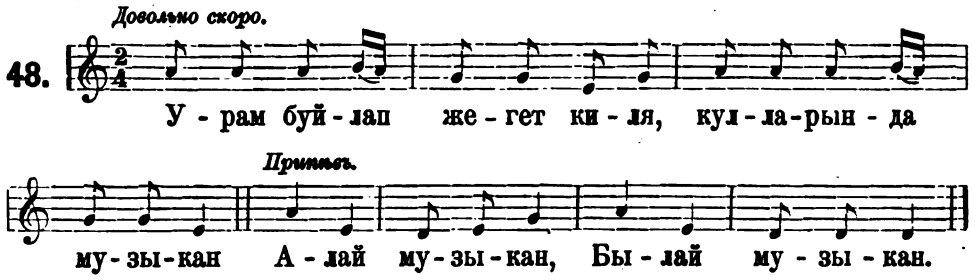
3. Возьмемъ камчатскаго бобра шапку,
По краямъ позументомъ обложимъ.
Если предначертано — на сторону не уйдемъ,
Возьмемъ (билетъ) на десять мѣсяцевъ.

4. Теченіе рѣчной воды —
Ѣзда бѣло-сѣрой лошади.
Трудно отдать душу
И разстаться съ любимою.

5. Шумитъ, шумитъ — дождь идетъ,
За избой льется;
Если не любишь ласокъ утромъ,
Вечеромъ поцѣлую усердно.

Digitized by Google

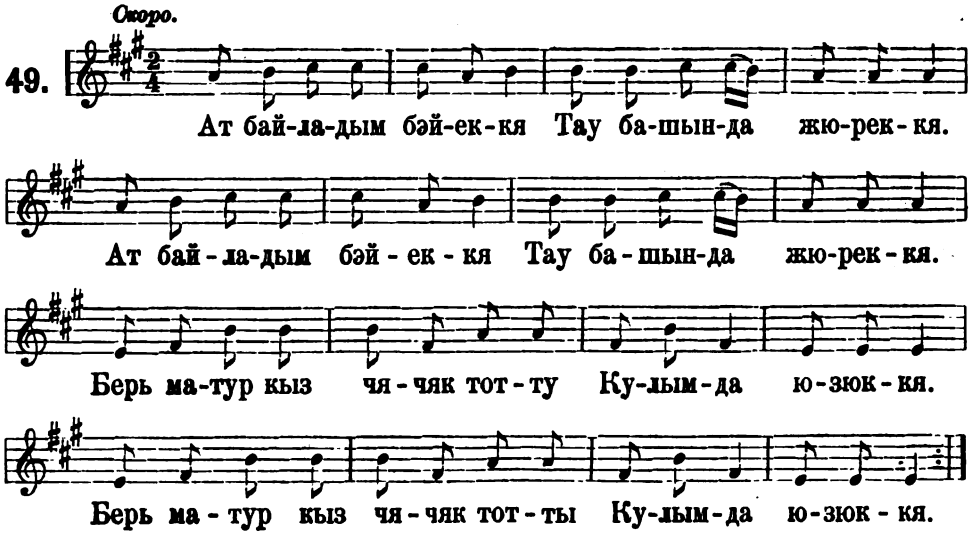
Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.



1. Урам буйлап жегет киля,
Кулларында музыкан.
Припѣвъ. Алай музыкан, былай музыкан.
2. Шул музыкан уйнаганда,
Ж(ю)ряге нисек музикян (тузикан).
Алай музыкан, былай музыкан.

1. Вдоль улицы идетъ молодецъ,
Въ рукахъ музыка (гармонія).
Припѣвъ. И такъ музыка, и этакъ музыка.
2. Когда на этой музыкѣ играютъ,
Сердце отчего-то ноетъ.
И такъ музыка, и этакъ музыка.

Дер. Ахунова, Верхнеуральскаго уѣзда.

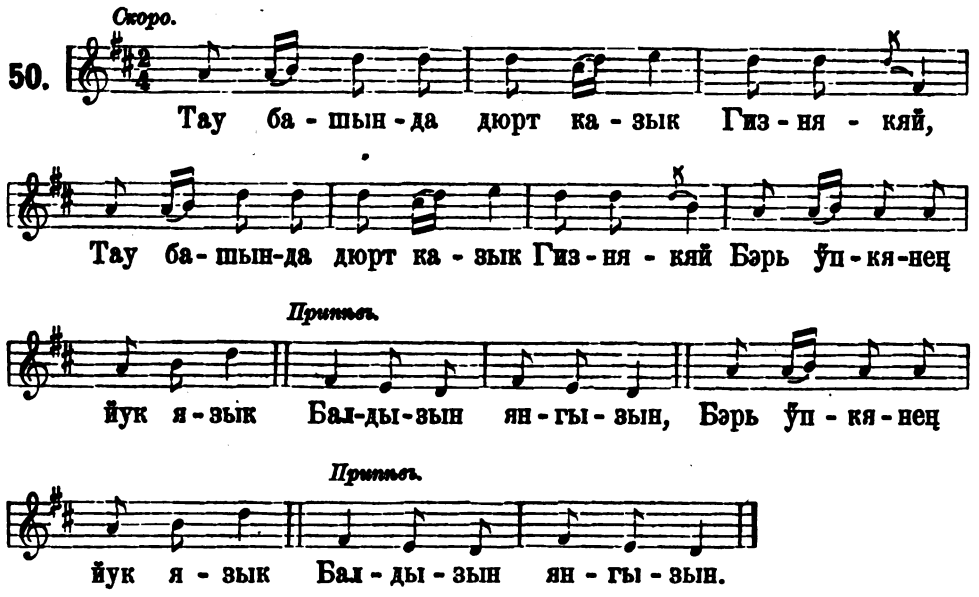


Ат байладым бэйеккя —
Тау башында жюреккя.
Берь матур кыз чячяк тотто
Кулымдагы юзюккя.

Я привязалъ лошадь высоко —
На вершинѣ горы къ ольхѣ.
Одна красивая дѣвица держала цвѣтокъ,
А на моей рукѣ былъ перстень.

Digitized by Google

Гизнякяй (Зять). Дер. Ахунова, Верхнеуральскаго уѣзда.



См. инструментальный варіантъ этой мелодіи (для скрипки) плясоваго характера № 5, а также башкирскій варіантъ № 191.

1. Тау башында дюрт казык, Гиз- 1. На вершинѣ горы 4 кола, зятекъ,
някяй,
Бэрь ўпкянең йук язык; Отъ одного поцѣлуя нѣтъ грѣха.
Балдызын янгызын. *Припѣвъ.* Своячена одинехонька.
Бу биллярең нигя нызка, Гизнякяй? Эта талья отчего тонка, зятекъ?
Татар кызын сюйгäнгä; Оттого, что ласкала татарка;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.

2. Бу аягың ник кякяре, Гизнякяй? 2. Отчего кривы твои ноги, зятекъ?
Кякре кауш кейгянгя; Отъ кривыхъ калошъ;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.
Ал урамның уртасында, Гизнякяй, На большой улицѣ, зятекъ,
Даушфның кантуры; Находится Даушева контора;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.

3. Ал урамны тура барса, Гизнякяй, 3. Если по улицѣ прямо пойдешь, зятекъ,
Шунда кызлар матуры; Тамъ находятся красивыя дѣвицы;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.

Digitized by Google

Бу бармагым нигя нызка, Гизнякяй? Этотъ мой палецъ отчего тонокъ, зятекъ?
Алтын балдак кейгянгя; Оттого, что надѣвалъ золотое кольцо;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.

4. Ал урамның уртасында, Гизнякяй, 4. По срединѣ улицы, зятекъ,
Шувуп бара берь сана; Съ шумомъ ѣдутъ сани;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.
Бэз урамны ўткян сакта, Гизнякяй, Когда мы проѣзжаемъ по улицѣ, зятекъ,
Жылай кала бисара; Съ плачемъ остаются бѣдняки;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.

5. Байлар югар'бэз тюбян, Гизнякяй, 5. Богачи находятся вверху, мы — внизу, зятекъ,
Байлар китсен юз тюбян; Богачи пусть внизъ лицомъ провалятся;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.
Байлар ери баксада, Гизнякяй, Богачи ходятъ въ саду, зятекъ,
Ярлы ери далада; Бѣдные ходятъ по степи;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.

6. Урамг'ямшик туктаган, Гизнякяй, 6. На улицѣ ямщикъ остановился, зятекъ,
Ышлаясын суклаган; Шлея у его лошади съ кистями;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.
Бэзнең жаны ўпкялягян, Гизнякяй, Наши души разсердились, зятекъ,
Ялля янгыз йуклаган; Не знаю, отъ того ли, что одни спали;
Балдызын янгызын. Своячена одинехонька.

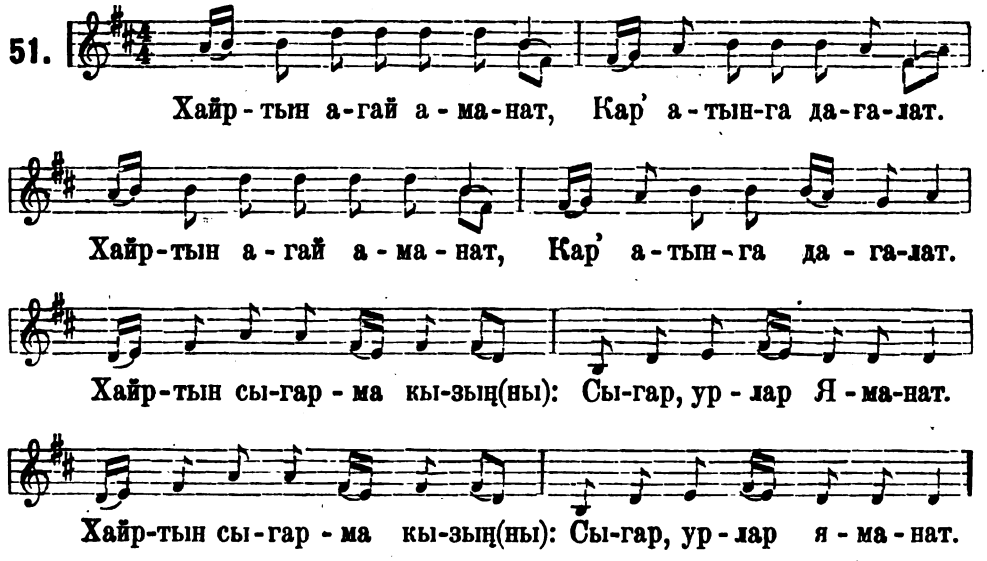
Эта мелодія одна изъ самыхъ любимыхъ и распространенныхъ наравнѣ съ тафтельской, какъ среди Татаръ, такъ и среди Башкиръ (см. № 191): на пирушкахъ и гулянкахъ ее поютъ обязательно, какъ разудалую, веселую.

Digitized by Google

Айдэ агай аманат (дядя посыльный). Гор. Верхнеуральскъ.

Довольно скоро.

51.



См. ту же мелодію для скрипки (плясоваго характера) № 7.

1. Хайртын агай аманат,
Кар'атынга дагалат.
Хайртын сыгарма кызыңны:
Сыгар, урлар Яманат.

2. Хайртын бура бураткан
Ӱйгя тюгюль киляткя.
Хайртын агай Хамида
Маржа тюгюль беляткя.

3. Тау башында селаӱксен
Сыулар тапмай юресен;
Сыулар тапса йуллар тапмай.
Янгыз башың ям тапмай.

4. Астырханың баксасында
Бурлуп ӱскан берь будай.
Будай кюбюк кауштырсын
Икямезне бер Худай.

1. Хайритдинъ, дядя посыльный,
Подкуй карюю лошадь,
Хайритдинъ, не выпускай дѣвицы (дочери):
Выйдетъ, украдетъ Яманатъ (имя мужчины).

2. Хайритдинъ рубилъ срубъ
Не на избу, а на клѣть.
У Хайритдина дяди Хамида
Не жена, а блядь.

3. На горѣ червякъ
Воды не можетъ найти;
Если воды найдетъ, то дороги не найдетъ.
Одинокая голова не найдетъ утѣхи.

4. Въ астраханской бахчѣ
Выросла густая пшеница.
Пусть какъ пшеницу соединитъ
Насъ обоихъ одинъ Богъ.

Digitized by Google

5. Сыуда балык кюп булыр,
Суртан балык бер булыр.
Ильдя матур кюп булыр,
Джан сюйгянем бер булыр.

6. Сясең биштян ӱрюп сал!
Без китябез кюрюп кал!
Йул азыгы безең буса
Уң битемдян ӱбюп кал.

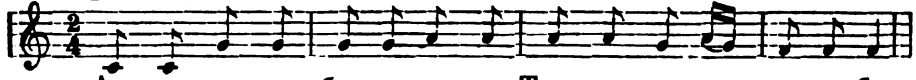
5. Въ водѣ много рыбы,
А рыба щука — одна.
Въ народѣ много красавицъ,
Но любимая моя — одна.

6. Заплети косу въ пять прядей!
Мы поѣдемъ, ты оставайся и гляди!
Вмѣсто запасовъ на дорогу
Поцѣлуй насъ въ правую щеку и оставайся.

Дер. Ахунова, Верхнеуральскаго уѣзда.

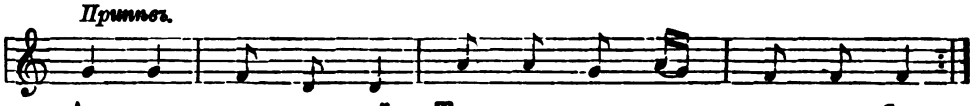
52.

Умѣренно скоро.



Ас-тыр-ха-ның бак-са-сын-да Тап-тым са-ры га-ря-ба,

Припѣвъ.



Ах люль лю-ля-лей, Тап-тым са-ры га-ря-ба.

1. Астырханың баксасында
Таптым сары гаряба,
Ах люль люлялей,
Таптым сары гаряба
Сыйып сыйып алмай калсаң,
Сыйын китер урамга,
Ах люль люлялей,
Сыйын китер урамга.

2. Астым кебет бер такта,
Алдым Бухар басмасын,
Ах люль люлялей,
Алдым Бухар басмасын.
Безней безгя, сезней сезгя;
Куйсаң! душман махтасын!
Ах люль люлялей,
Куйсаң! душман махтасын!

1. Въ астраханской саду
Я нашелъ желтый плодъ,
Ахъ, люль люлялей,
Я нашелъ желтый плодъ.
Чиркалъ, чиркалъ, не успѣлъ,
Чиркай и тащи на улицу,
Ахъ, люль люлялей,
Чиркай и тащи на улицу.

2. Открылъ лавку въ одну доску,
Взялъ бухарской тесьмы,
Ахъ, люль люлялей,
Взялъ бухарской тесьмы;
Наше намъ, ваше вамъ;
Оставь, пусть враги хвалятъ!
Ахъ люль люлялей,
Оставь! пусть враги хвалятъ!

Digitized by Google

3. Ишик алдым сазгана:
Кермя джегет батырсын!
Ахъ люль люлялей,
Кермя джегет батырсын!
Безнең артын гери тыргас,
Янгыз атны сатырсын!
Ах люль люлялей,
Янгыз атны сатырсын!

4. Сикреп тюштем сыу'стем:
Нигя тюштем нигя'стем?
Ах люль люлялей,
Нигя тюштем нигя'стем?
Бу хасрятлярне кюргянем'ся,
Нигя тудым нигя ӱстем?
Ах люль люлялей,
Нигя тудым нигя ӱстем?

5. Сандугаска ем бирмейсен,
Аска ӱлсен дидегмей?

Ах люль люлялей,
Аска ӱлсен дидегмей?

Сагынганҗа дюк салямын,
Саргайып ӱлсен дидегмей?

Ах люль люлялей,
Саргайып ӱлсен дидегмей?

6. Сары сандугас баласы
Ерь еляген ашамай,
Ах люль люлялей,
Ерь еляген ашамай.
Кыз баланы сюйгянә,
Ӱз сюйгянен ташламай,

Ах люль люлялей,
Ӱз сюйгянен ташламай.

3. Во дворѣ у насъ болото:
Не ходи, молодецъ, — завязнешь!
Ахъ, люль люлялей,
Не ходи, молодецъ,—завязнешь!
Если будешь гоняться за нами,
Послѣднюю лошадь продашь!
Ахъ, люль люлялей,
Послѣднюю лошадь продашь!

4. Спрыгнувъ, я упалъ и выпилъ воды:
Зачѣмъ я упалъ, зачѣмъ пилъ?
Ахъ, люль люлялей,
Зачѣмъ я упалъ, зачѣмъ пилъ?
Чѣмъ видѣть такое горе,
Зачѣмъ родился, зачѣмъ выросъ?
Ахъ, люль люлялей,
Зачѣмъ родился, зачѣмъ выросъ?

5. Соловью ты не даешь пищи,
Неужели ты скажешь: «пусть умретъ съ голода?»
Ахъ, люль люлялей,
Неужели ты скажешь: «пусть умретъ съ голода?»
Пошли поклонъ скучающему,
Неужели ты скажешь: «пусть пожелтѣетъ, умретъ?»
Ахъ, люльлюлялей,
Неужели ты скажешь: «пусть пожелтѣетъ, умретъ».

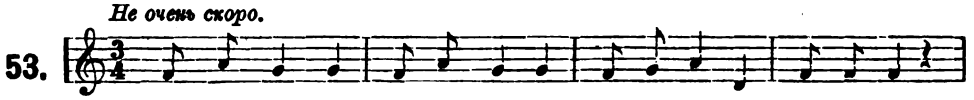
6. Птенецъ желтаго соловья
Клубники не ѣстъ,
Ах, люль люлялей,
Клубники не ѣстъ.
Кто любитъ дѣвицу,
Тотъ не броситъ своей возлюбленной,
Ахъ, люль люлялей,
Тотъ не броситъ своей возлюбленной.

Digitized by Google

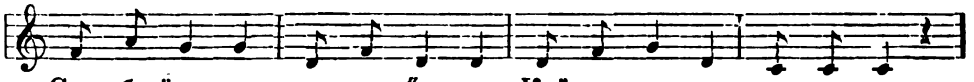
Дер. Рысаева, Верхнеуральскаго уѣзда.

Не очень скоро.

53.



И - ке ма-тур сыу-га ба-ра, Бар кей-е-мен ке-йе-неп.



Сыу бу-йын - да су-рып ӱп-сям: Кай-тып ки-тяр сю - я - неп.

1. Ике матур сыуга бара,
Бар кейемен кейенеп.
Сыу буйында сурып ӱпсям:
Кайтып китяр сюянеп.
2. Матур кызлар сыуга бара:
Таймайм'икан катасы!

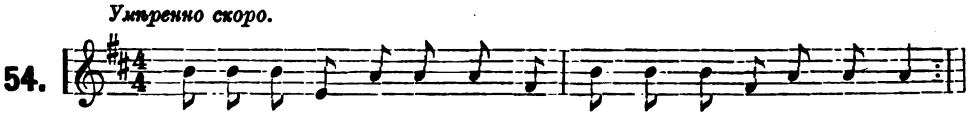
Сыу йулында сурып ӱпсям,
Рахмат укыр атасы.

1. Двѣ красотки пошли за водой,
Надѣвъ всю свою одежду.
У воды я ихъ поцѣловалъ:
Онѣ радостно пошли домой.
2. Дѣвицы красавицы пошли за водой:
Не поскользнулись ли онѣ въ башмакахъ!
Если я поцѣлую ихъ на дорогѣ,
Благодаренъ за это будетъ ихъ отецъ.

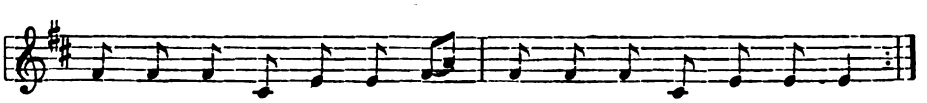
Такмакъ бирскій. Дер. Рысаева, Верхнеуральскаго уѣзда.

Умеренно скоро.

54.



Ба-ла-ка-йым биш-мя-тең-ны Ди-гит-ляр-дян ни'ш-лят-тең



А - су - ла - ма я-ны-кай-ым, ӱ-зюң-дя тун теш-лят-тең.

1. Балакайым бишмятеңне,
Джигитлярдянни'шлättең,
Асулама яныкайым,
Ӱзеңдя тун тешляттең.

2. Агас башын йиль ала,
Кюпер башын сыу ала;
Сюйгян сюйгянен ала,
Сюймягянен кем ала?

1. Своимъ бешметомъ, моя любимая,
Что ты сдѣлала съ молодцами?
Не сердись моя любимая,
Твою шубу ты позволяла хватать зубами.
2. Вѣтеръ обвѣваетъ вершину дерева,
Вода уноситъ мостъ;
Любимый беретъ любимую,
А не любимую кто беретъ?

Digitized by Google

3. Аргы яктан бирге якка	3. Отъ того берега на этотъ берегъ
Сыгар идем ўсь атлап;	Хотѣлось бы мнѣ перейти въ три шага;
Ятыр идем йуклар идем,	Хотѣлось бы мнѣ лежать и спать,
Янкайымны кусаклап.	Обнимая свою любимую.
4. Алай итяргя киряк,	4. Этакъ надо сдѣлать,
Былай итяргя киряк;	Такъ надо сдѣлать;
Бардыр алланың язмышы,	Есть Божье предопредѣленіе,
Сабыр итяргя киряк.	(Поэтому) надо терпѣливо ждать.

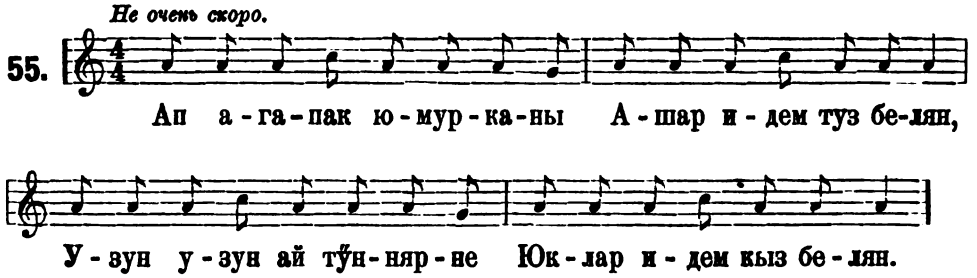
Каждые 2 стиха исполняются дважды.

Варіантъ 1-й строфы.

Айгей кызым ни'шлядең?	О дѣвица моя, что ты сдѣлала?
Джигитлярдян ни'шляттең?	Что ты сдѣлала съ молодцами?
Асулама яникайым,	Не сердись, моя любимая,
Ўзен бишмят тешляттең.	Твой бешметъ ты позволяла хватать зубами.

Дер. Рысаева, Верхнеуральскаго уѣзда.

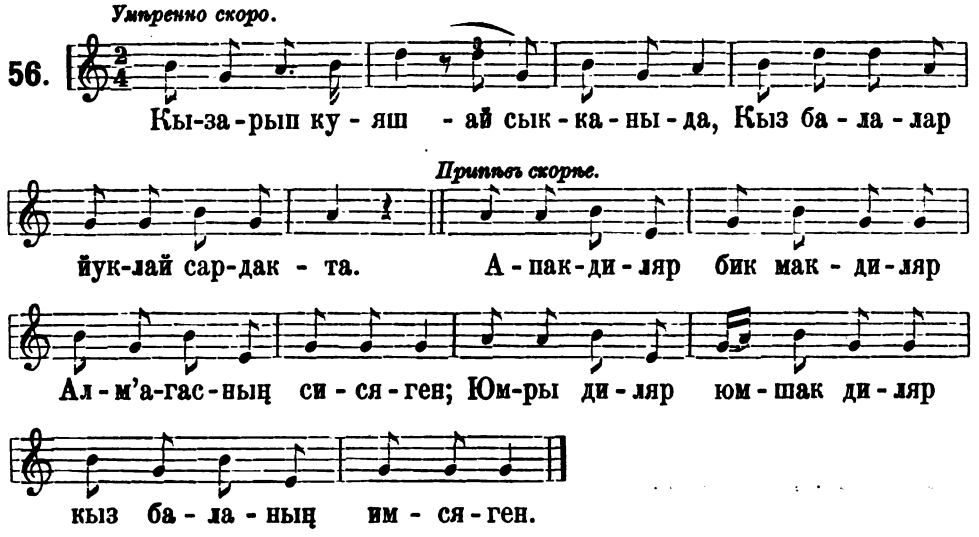
55.



Ап агапак юмурканы	Бѣлое, бѣлое яичко
Ашар идем туз белян	Съѣлъ бы съ солью,
Узун узун ай тўннярне	Долгую, долгую ноченьку
Юклар идем кыз белян	Спалъ бы съ дѣвицею.

Digitized by Google

Акчарлакъ (мартышка).



См. инструментальный варіантъ мелодіи № 6.

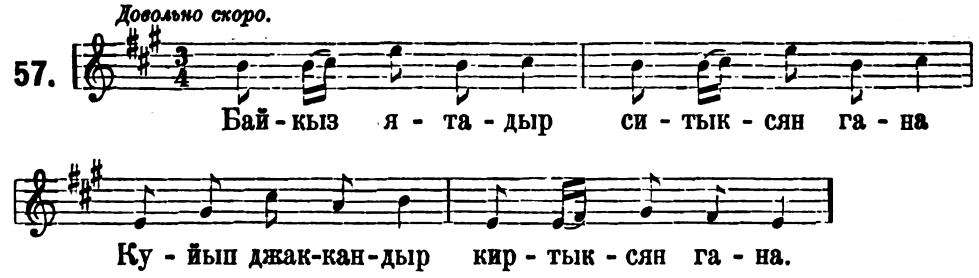
Кызарып куяш (ай) сыкканда,
Кыз балалар йуклай сардакта.
Припѣвъ. Апак диляр бик мактиляр

Алм'агасныц сисяген;
Юмры диляр юмшак диляр
Кыз баланыц имсяген.

Когда восходитъ красное солнце,
Дѣвицы спятъ на чердакѣ.
Припѣвъ. Они называютъ бѣлыми и хвалятъ

Цвѣты яблони;
Они называютъ круглыми и мягкими
Груди дѣвицъ.

Бянем кіяўм (мой зять). Г. Верхнеуральскъ.



См. инструментальный варіантъ этой мелодіи № 14.

Байкыз ятадыр ситыксян г(а)на,
Куйып жаккандыр киртыксян гана.
Бянем кіяўм Мухамадьяр,

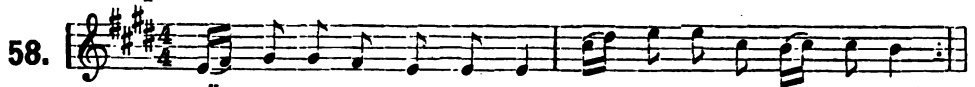
Сюплек сюплектян иск(и)сабатаджăр.
Бянем кіяўм сату сатусы,
Сўплектян хлам джепеп кайтусы.

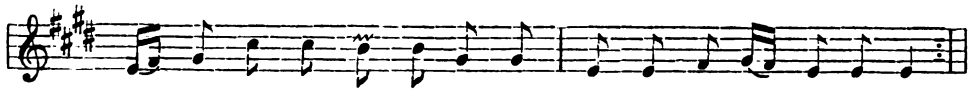
Digitized by Google

Казанская. Г. Верхнеуральскъ.

Скоро.

58.

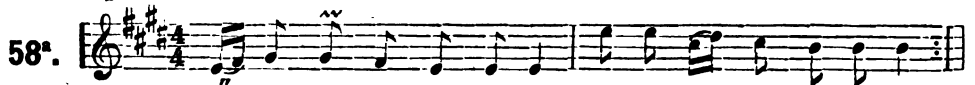


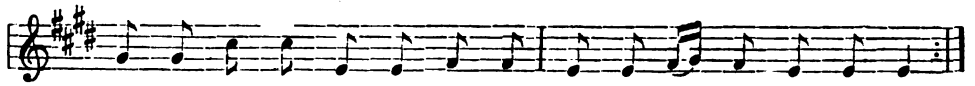


Дер. Казаккулова, Верхнеуральскаго уѣзда.

Варіантъ мелодіи.

58ª.





1. Ӱй артынан кем ӱткян?
Ак калпаклы кыз ӱткян.
Кюрмядеңме ӱткянен?
Сурып сурып ӱпкянен.
2. Алм'агас ӱсяделяр
Астарханда бейек-ук.
Безненг якта бик мактылар,
Кызбаланы діеб-ук.
3. Алтын балдак бармактай
Айланадыр салмакка.
Айтыр сюзең бар кюбюк:
Айда сыгыйк аулакка.
4. Ак иделнең ар джагына
Басма салдым киң такта.
Кызлар белән уйнаганны
Бик мактыйлар китапта.

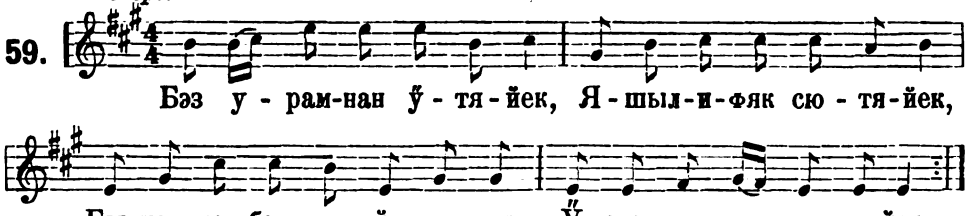
1. Кто прошелъ мимо окна?
— Дѣвка въ бѣломъ колпакѣ.
Не видали ли, какъ прошла?
— Обнявъ ее, онъ цѣловалъ.
2. Яблонныя деревья выросли
Высоко въ Астрахани.
Въ нашей сторонѣ очень хвалятъ дѣвицъ.
3. Золотую колотушку толщиною съ палецъ
Онъ вертитъ, чтобы опустить.
Ты, кажется, желаешь сказать слово:
Пойдемъ въ уединенное мѣсто.
4. На ту сторону Бѣлой
Положилъ я широкую доску.
Игры съ дѣвицами
Очень хвалятъ въ книгахъ.

Digitized by Google

Г. Верхнеуральскъ.

Скоро.

59.



См. инструментальный варіантъ № 16.

1. Без урамнан ӱтяйек,
   Яшыл ифяк сютяйек.
   Бәзнең кебек яш йегетляр,
   Ӱнян (?) гумыр итяйек.
2. Джидегяння дигян джиде йундус,
   Джид(е) айляння таңнар аткансы.

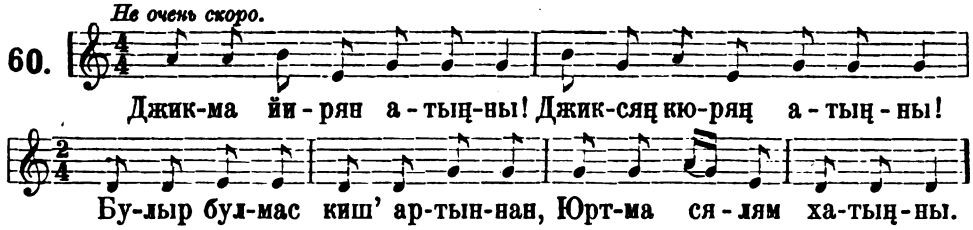
   Сюйгян джарын бик мактыйлар,
   Нися уяння тюнняр ӱткянсе.

1. Перейдемте черезъ улицу,
   Одѣнемтесь въ зеленый шелкъ.
   Молодцы, какъ мы,
   Проведемте веселую (?) жизнь.
2. Когда семь звѣздъ медвѣдицы
   Семь разъ вертятся, появляется заря.
   Любимую они очень хвалятъ,
   Сколько ночей съ ней проводятъ.

Г. Верхнеуральскъ.

Не очень скоро.

60.



1. Джикмя йирян атыңны,
   Джиксяң кюряң атыңны!
   Булыр булмас киш'артыннан,
   Юртма сялям хатыңны!
2. Ӱйиндерсе индерсен,
   Кума синне сындырсын,
   Бигряк матур кыз икянсен,
   Ӱбеп янын тындырсын.

3. Орынбурка йулы ай пияла,
   Баскангына сайын уала,
   Орынбурка киткян джегетлярнең

   Башкайлар кайтмый йугала.

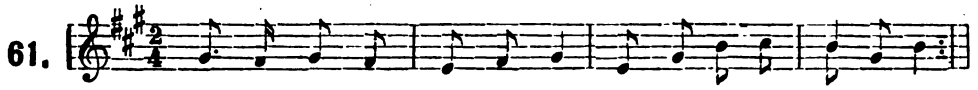
1. Не запрягай рыжей лошади,
   Запрягай каурку!
   Всякимъ людямъ
   Не посылай привѣтственныхъ писемъ!
2. Ты очень красивая дѣвица,
   Въ поцѣлуяхъ пусть душа твоя успокоится.
3. Оренбургская дорога какъ стекло,
   Гдѣ наступишь, ломается,
   Головы молодцевъ, ушедшихъ въ Оренбургъ,
   Не возвращаются, пропадаютъ.

Digitized by Google

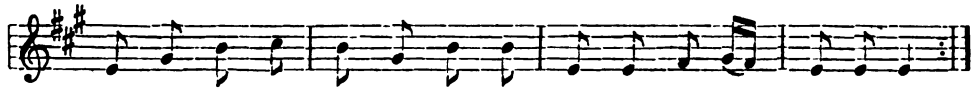
Г. Верхнеуральскъ.

Довольно скоро.

61.



Ак-лый шя-лен бай-лар-сын, Зян-гяр шя-лен бай-лар-сын,



Джа-нын сюй-гян я-на-шы-на Ал-ла на-сыб ай-ля-сен!

1. Аклый шялен байларсын,
Зянгяр шялен байларсын;
Джаным сюйгян янашыма
Алла насыб айлясен!
2. Мендем бейек тауларга,
Чук чукладым бауларга;
Баудан тартсам ўзеля,
Нечкя билгя сизеля.
3. Нечкя билнең анасы
Килсен минем ўземя;
Кился минем ўземя,
Туры äйтермен юзеня.
4. Безнең сыуның буйында,
Кул яулыгы кулында
Бездя кызлар уйнайлар
Язгы сабан туйында,
5. Язгы сабан туйында
Янгы басу буйында.
Анас'иртян кызын эзлій,
Кызы безнең куйнында.

1. Бѣлою шалью накроешься,
Синею шалью накроешься;
Пусть съ любимой
Богъ меня благословитъ!
2. Влѣзъ я на высокую гору,
Пришилъ къ поясу кисточки;
Если тянуть за поясъ, онъ оборвется,
Гибкому стану это чувствительно.
3. Пусть мать красавицы дѣвушки
Приходитъ ко мнѣ;
Если она придетъ ко мнѣ,
То я прямо скажу ей въ глаза.
4. Ходитъ дѣвица по рѣченькѣ
Носовой платокъ въ рукахъ.
У насъ дѣвушки играютъ
Во время весенняго сабантуя [1]),
5. Во время весенняго сабантуя
По зеленымъ лугамъ.
Утромъ мать ищетъ дочь свою,
А дѣвица въ нашихъ объятіяхъ.

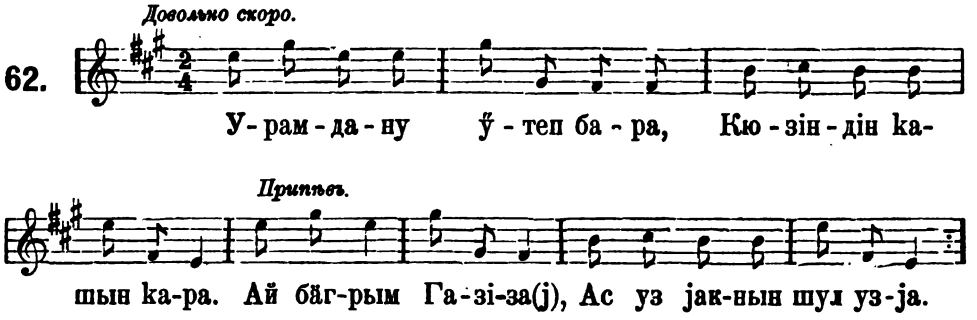
Мелодія пѣсни называется *бирскою*.

1) Сабантуй — особое пиршество съ плясками, которое устраивается въ полѣ передъ началомъ посѣва. Въ настоящее время обычай этотъ выводится.

Digitized by Google

Изъ Оренбурга. Запис. въ татарской дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

62.



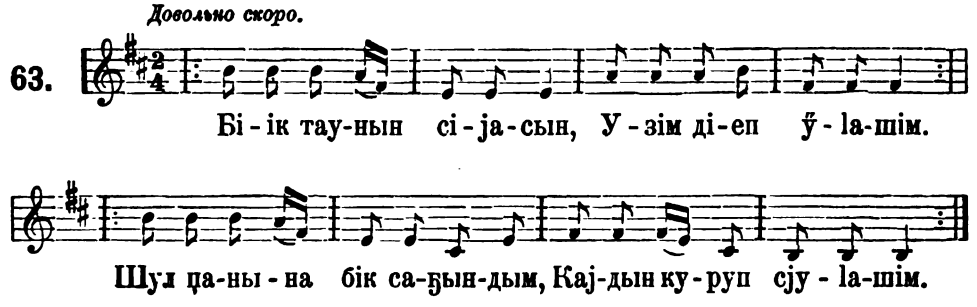
Урамдан ӱтеп бара,
Кюзіндін кашын кара.
Припѣвъ. Ай бäгрым Газіза,
Ас уз jакным шул узja.
Керпегендян гюлляр тама,
Кюрсям жӱрягем жана.
Ай бäгрым Газіза,
Ас уз якным шул узja.

По улицѣ она прошла,
Глаза и брови черные.

Изъ рѣсницъ ея капаютъ цвѣты,
Если я это вижу, мое сердце горитъ.

Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

63.

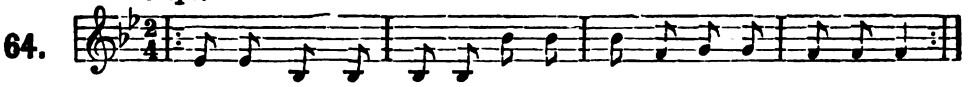


Біек тауның сіясын,
Ӱзім діеп ӱläшім.
Шул ɋанына бік саɣындым,
Кайдан кюреп сюлашім.

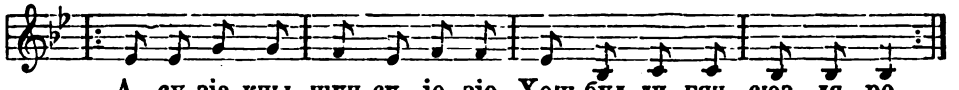
Digitized by Google

Такмакъ Казанскій. Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

64. *Скоро.*



Без у-рам-дан ӱт-кян сак-та, Тя-ря-зя-да кюз-ля-ре.



А-су-зја-кны шун су-јо-зјо, Хош бул ди-гян сюз-ля-ре.

1. Без урамдан ӱткян сакта
   Тярязяда кюзляре } 2 р.
   Асузякны шун сузјо
   Хош бул дигян сюзляре } 2 р.
2. Аппак тып кыршан јаксаң } 2 р.
   Бетен куаш ашамас
   Безгя насып жарлар булса } 2 р.
   Тагда безне ташламас.

Digitized by Google

Тексты безъ мелодій.

1. Сандугач сайрай уяда,
Уялары яшыл пияла.
Сандугач кюбюк сайрай сайрай,
Гумэр итсяк иде дунъяда.

2. Утлар да яна учакта.
Заманалар аур бу чакта,
Бу заманаларнын аурлыгы
Килде кяйля безнең яш чакта.

3. Айдустларым минем сездустларым,
Сез дустларым минем ишлярем!
Сездя дустларымдан айрылышкач
Ялгыз башкайларым нишлярмен?

1. Соловей поетъ въ гнѣздѣ,
Его гнѣздо изъ зеленаго стекла.
О если бы мы, распѣвая какъ соловей,
Проводили свою жизнь въ этомъ мірѣ.

2. Огонь (огни) горитъ на очагѣ.
Времена нынѣ тяжелыя,
Тяжесть ихъ застала насъ
Въ раннихъ лѣтахъ.

3. Вы, друзья мои, дружочки,
Вы, друзья мои, сотоварищи!
Послѣ разлуки съ вами, друзья,
Что мнѣ дѣлать съ моей головушкой?

[1]) 4. Душенька, твои брови —
Какъ народившійся мѣсяцъ,
Душенька, твои груди —
Какъ свѣжее сливочное масло.

5. Я зажегъ траву на высокой горѣ:
Огонь распространился по вершинѣ горы.
Я поцѣловалъ тебя въ правую щеку,
А лѣвая осталась сиротой.

6. Душенька, я люблю тебя въ пять разъ сильнѣе,
Когда ты надѣваешь свой халатъ;
Не грѣхъ будетъ, если побожусь въ этомъ:
Вотъ какъ я люблю тебя.

7. Свою верховую лошадь
Я привязалъ въ камышъ.
Если ты (дѣвица) спишь, то проснешься
На мою громкую пѣсню.

8. Когда въ сады проникаетъ солнце,
Плоды начинаютъ постепенно созрѣвать;

---

1) Къ нижеслѣдующему переводу былъ приложенъ мною отдѣльный текстъ арабскимъ шрифтомъ, но онъ впослѣдствіи не оказался. С. Рыбаковъ.

Digitized by Google

Когда созрѣетъ яблоко,
Я начинаю думать о тебѣ.

9. На высокой горѣ
Нельзя на камень наступить;
Когда я вспомню о тебѣ, красавица,
Терпѣнья недостаетъ и на три часа.

10. (Виднѣется) что-то желтое прежелтое.
Во снѣ я видѣлъ тебя;
Когда во снѣ увидѣлъ я тебя, я влюбился въ тебя:
Пока не умру, не брошу тебя.

11. У тебя ручки бѣлыя;
Много я молился:
Если Богъ приметъ мои молитвы,
Сердце мое лежитъ къ тебѣ.

12. Я поставилъ самоваръ, заварилъ чай
Пить съ тобою, милая;
Полетѣлъ бы я къ тебѣ —
Нѣтъ крыльевъ у меня.

13. Въ пологъ, вытканный узорами,
Я тайкомъ забрался:
Дѣвушка внизу, я — наверху,
И дивное дѣло совершили.

14. Виднѣется ли Москва изъ Казани
Съ высокой лѣстницы?
Выбѣжитъ ли она,
Если запою, какъ соловей?

15. Земной рай —
Уголъ медресэ[1]),
Другой земной рай —
Объятія дѣвицы.

16. За горою на томъ берегу Бѣлой
Что-то зеленѣется.
Когда соловьи запоютъ,
Я думаю, здорова ли моя милая?

17. Если поймаешь ласточку, выпусти;
Если выпустишь, большая въ томъ добродѣтель.
Если дѣвицу поймаешь и поцѣлуешь,
Она не будетъ сопротивляться.

---

1) Мусульманская школа при мечети.

Digitized by Google

18. Хотѣлъ бы я течь какъ золото,
Капать какъ серебро.
Если ты не будешь моею,
Пусть я сгорю.

19. Въ садахъ переведутся ли цвѣты?
Среди нихъ пролетитъ ли соловей?
Я не могу въ письмѣ выразить всего того,
Что я хотѣлъ бы сказать тебѣ наединѣ.

20. На высокой горѣ
Выросла травка.
Сама уѣхала, но слова ея остались.
Когда вспомню ихъ, чуть не умираю.

21. На высокой горѣ
Виднѣется ли что-то бѣлое?
Зажегши свѣчу,
Ждетъ ли моя милая?

22. Въ верхнемъ концѣ села я видѣлъ дѣвушку:
Въ бѣломъ колпакѣ съ кисточкой,
Она спала на спинѣ, поднявши колѣна
И держа руками груди.

23. Шелковый камзолъ сожметъ поясницу.
Красавица дѣвица будетъ кокетничать (подмигивать).
Если красавица дѣвица не будетъ кокетничать,
То ее поглотитъ (сожметъ) могила:

(Смыслъ: всякая красавица кокетничаетъ, а если не кокетничаетъ, то къ чему она красавица? лучше ей умеретъ).

24. Я не приложилъ золотой печати
За неимѣніемъ почтовой бумаги,
Я не присоединилъ подарка,
Потому что не зналъ твоихъ мыслей.

25. На пологѣ бѣлые галуны:
Не тяни ихъ, душечка, — изорвешь.
По ночамъ цѣлуешься,
А какъ день проводишь?

(Указаніе на то, что тяжело дѣвицѣ оставаться днемъ безъ поцѣлуевъ).

26. Дверь новой (бѣлой) клѣти
Оттолкни ногой.
Если любишь меня, моя красавица,
Поцѣлуй меня крѣпко въ губы!

Digitized by Google

27. По большой рѣкѣ
Плыветъ съ шелковымъ канатомъ плотъ.
Мягче шелка, дѣвушка,
Поцѣлуй меня крѣпко въ губы!
28. Въ садахъ растутъ цвѣты гвоздики (бадьяна),
Пусть не клюетъ ихъ воробей!
Если буду живъ, то мы соединимся,
Лишь бы ея желанія не оторвали ея отъ меня.
29. Выбойку [1]) соткутъ,
Изъ выбойки сдѣлаютъ одѣяло
Подъ одѣяломъ, сшитымъ изъ выбойки,
Дѣвицу превратятъ въ бабу.
30. Въ моемъ дворѣ — двѣ сросшіяся березы,
Онѣ распускаются каждый годъ.
Если любимая тобою дѣвушка красива,
То любовь у васъ будетъ рости съ каждымъ днемъ.

Такмакъ.

31. Желтый жаворонокъ садится на болото,
Чтобы пить прохладную воду.
Красивый молодецъ ходитъ по ночамъ,
Чтобы цѣловать красивыхъ дѣвушекъ.

Узункӯй.

32. Красивыя лошади бываютъ большею частію сивы.
Гдѣ народъ трудолюбивъ, тамъ есть ремесла.
Не попадайся врагу въ руки:
Цѣнная голова твоя будетъ безцѣнна (лишится цѣны).
33. Если вдали закукуетъ кукушка,
То спадутъ (отъ нея) въ селеніе вѣсти.
Кто передастъ мои поклоны
Моей любимой женѣ?
34. У серебряной ложки ручка цѣла:
Не берись за нее — руку обожжетъ.
Любовь — дѣло тяжелое:
Она бросаетъ въ пылающій огонь.

---

1) Выбойка — басма — шерстяная матерія полосатая, сѣроватокоричневая для одѣялъ, подкладки, рубашекъ и пр.

Digitized by Google

35. Я купилъ пару гнѣдыхъ лошадей
Для охоты за лисицей.
Я пріѣхалъ не для того, чтобы пить,
А для того, чтобы пѣть.

36. Много крови въ моемъ сердцѣ,
Такъ по жиламъ и разливается.
Любви, которая заняла все существо мое для одной красавицы,
Хватитъ на всю мою жизнь.

37. Если у тебя заболитъ сердце,
То купи на базарѣ яблоко и ѣшь!
Если ты меня не разлюбишь,
То я не разлюблю тебя никогда.

Digitized by Google

БАШКИРСКІЯ ПѢСНИ (ДЖЫРЛАР).

Digitized by Google

Digitized by Google

Башкирскія пѣсни обнаруживаютъ сравнительно съ татарскими больше полета, эффектности и внѣшней мелодичности.

Среди Башкиръ въ большомъ количествѣ распространены между прочимъ татарскія пѣсни, только онѣ часто поются на башкирскія мелодіи. Поэтому то, что̀ сказано объ особенностяхъ татарскихъ пѣсенъ, имѣетъ отношеніе и къ башкирскимъ. По мнѣнію Татаръ разница между башкирскими и татарскими пѣснями болѣе въ мелодіяхъ, чѣмъ въ текстѣ, который большею частію общій. Но это не совсѣмъ такъ: у Башкиръ существуетъ огромная область собственнаго творчества, весьма разнообразнаго, отъ котораго вѣетъ вполнѣ своеобразной, отличной отъ татарской поэтичностью.

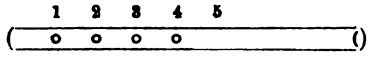
Башкирамъ присущи поэтическое и музыкальное творчество въ бо́льшей степени, чѣмъ Татарамъ. Ихъ поэтическое настроеніе питается близостью съ чудной природой, какая существуетъ на Уралѣ; ихъ наивная мечтательность поддерживается тѣмъ, что они до извѣстной степени еще дѣти природы, нравственно почти цѣльныя, не знавшія большихъ сношеній съ другими народами, чуждыя борьбы личныхъ эгоизмовъ среди той привольной обстановки, которою они располагаютъ еще.

Наличность и сила творческихъ способностей Башкиръ доказываются тѣмъ, что среди нихъ до послѣдняго времени встрѣчаются нерѣдко пѣсельники, соединяющіе въ себѣ даръ поэтовъ и композиторовъ, то есть сочиняющіе свои пѣсни на собственныя мелодіи; затѣмъ та же творческая способность подтверждается любопытнымъ, упомянутымъ уже выше, фактомъ смѣны пѣсеннаго творчества съ каждымъ поколѣніемъ: это легко допустимо, если среди народа въ изобиліи появляются творцы-пѣсельники. Въ кочевкѣ Узункуловой, Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи, я встрѣтилъ, напримѣръ, дудочника Лукманова, который въ окрестномъ населеніи считался лучшимъ игрокомъ на свирѣли (кураѣ), а также искус-

Digitized by Google

нымъ стихотворцемъ, мастеромъ сочинять эпиграммы на своихъ соплеменниковъ и на разные случаи. На смѣну творчества съ каждымъ поколѣніемъ указываетъ также то, что въ представленіи Башкиръ возникновеніе отдѣльныхъ пѣсенъ не простирается обычно далѣе 70 лѣтъ.

Творчество Башкиръ создало кромѣ вокальной музыки также *инструментальную*, довольно обширную, и у Башкиръ имѣются свои музыкальные инструменты, главнымъ изъ которыкъ является свирѣль, такъ называемый *курай*, устраиваемый изъ стебля полеваго растенія, называемаго также «курай», обрѣзаннаго и открытаго съ обѣихъ концовъ, на которомъ прорѣзаны 4 отверстія съ одной стороны и одно съ другой.

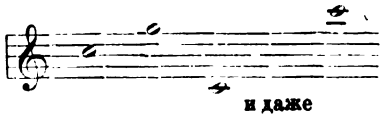


Башкиры для курая выбираютъ гладкій, пустой и чистый внутри, по возможности правильный стебель растенія, иногда сушатъ его, а затѣмъ вырѣзаютъ на немъ отверстія, руководясь приблизительно слѣдующимъ расчетомъ: 1-е отверстіе должно отстоять отъ конца дудки на 3 пальца, 2-е отъ 1-го — на $2^1/_2$ пальца, 3-е отъ 2-го—на 2 пальца, 4-е отъ 3-го—на $1^1/_2$; пятое отверстіе вырѣзается сзади выше 4-го.

Этотъ своеобразный башкирскій инструментъ имѣетъ слѣдующій строй:

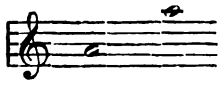
При открытыхъ отверстіяхъ онъ даетъ тонъ. . . . . *ля.*
При закрытыхъ » » » » . . . . . *до.*
При открытомъ 1-мъ отверстіи (когда другія закрыты) . . . . . *ре*
» » 2-мъ » (или 1-мъ и 2-мъ). . . . . *ми.*
» » 3-мъ » (или 1, 2 и 3) . . . . . *фа.*
» » 4-мъ » (или 1, 2, 3, 4) . . . . . *соль.*
» » 5-мъ » (или при всѣхъ открыт. отверстіяхъ). *ля.*
Если же 5-е, заднее отверстіе закрыто, то инструментъ даетъ. . . . . *соль.*
При закрытіи 4-го и 5-го отверстій. . . . . *фа.*
» » 3, 4 и 5 » . . . . . *ми.*
» » 2, 3, 4 и 5 » . . . . . *ре.*
» » всѣхъ отверстій . . . . . *до.*

При закрытыхъ отверстіяхъ различными способами выдыханія воздуха, какъ въ натуральной трубѣ, получаются три звука:



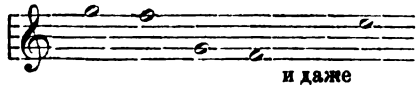
Digitized by Google

При открытыхъ отверстіяхъ 2 звука:



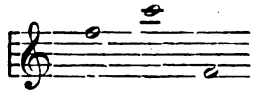
Первыя четыре отверстія дѣйствуютъ, то есть измѣняютъ тонъ при условіи закрытія задняго (5-го) отверстія.

При закрытіи 1, 2, 3 и 5-го отверстій могутъ быть воспроизведены 4 звука.

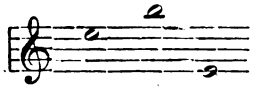


и даже

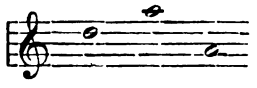
При закрытіи 1, 2, 4 и 5-го отверстій получаются 3 тона:



При закрытіи 1, 3, 4 и 5-го отверстій — 3 тона:



При закрытыхъ 2, 3, 4 и 5-мъ отверстіяхъ—3 тона:



Такимъ образомъ натуральный строй курая представляетъ неполную, такъ называемую китайскую гамму *до*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, — *до*, безъ нашего вводнаго тона.

Не каждый курай, конечно, звучитъ въ строѣ натуральной гаммы *до* — *до*, а какъ придется, одинъ выше, другой ниже, смотря по толщинѣ, длинѣ и другимъ свойствамъ стебля, изъ котораго выдѣлывается инструментъ.

Звуки этого инструмента — тихіе, меланхолическіе и задушевные — достаточно хорошо воспроизводятъ мечтательность башкирскихъ мелодій. Игрокъ на кураѣ называется курайсы́ (дудочникъ).

Есть еще другой инструментъ — домбра, который, по увѣреніямъ однихъ Башкиръ, представляетъ видоизмѣненную балалайку въ 3 струны, а по другимъ — заимствованъ отъ Киргизъ. Послѣднее вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ музыка Башкиръ явственнѣе, чѣмъ татарская, дѣлится на два разряда:

1) на музыку инструментальную и

2) музыку вокальную.

Digitized by Google

Первая чуть ли не преобладаетъ надъ послѣднею: по крайней мѣрѣ мнѣ удалось записать болѣе инструментальныхъ мелодій, чѣмъ вокальныхъ, или во всякомъ случаѣ въ паралель съ почти каждой пѣсенной мелодіей имѣется инструментальная, какъ свободная ея варіація.

Музыкальное исполненіе у Башкиръ имѣетъ нѣкоторыя характерныя особенности. Въ виду преобладанія среди нихъ высокихъ голосовъ, они поютъ пѣсни въ высокихъ регистрахъ; въ связи съ особенностями пѣсенъ, ихъ размашистостью и мелодичностью слушатель какъ бы уносится этимъ въ какую-то далекую высь, тогда какъ татарскія пѣсни лишены широты.

Башкирскій музыкантъ, приступая къ игрѣ, тянетъ довольно продолжительно одинъ и тотъ же звукъ, точно выдерживая начальную ноту мелодіи подъ фермато. Я сначала не видѣлъ особаго значенія въ такомъ обыкновеніи, но отнесясь внимательнѣе къ этому, я нашелъ, что оно имѣетъ свой смыслъ и цѣль. Беря извѣстный звукъ на свирѣли, игрокъ въ то же время начинаетъ голосомъ спускаться отъ этого звука внизъ, дѣлая при этомъ переходы болѣе слитные, чѣмъ хроматическіе, — до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до квинты внизъ отъ начальнаго звука. Найдя голосомъ квинту, онъ этимъ устанавливаетъ для себя строй, въ которомъ и начинаетъ затѣмъ играть мелодію. Выдающіеся артисты берутъ названный интервалъ весьма чисто, присоединяя сюда силу или могучесть тона; второстепенные музыканты находятъ эту квинту не всегда успѣшно и могутъ довольствоваться приблизительною вѣрностью ея.

Звуки курая вообще тихіе, такъ что въ шумномъ обществѣ ихъ не слышно почти, и другіе инструменты, напримѣръ, скрипка или гармонія заглушаютъ его. У хорошаго игрока игра на этомъ инструментѣ, несмотря на тихіе тоны, пріобрѣтаетъ относительную силу и величественность. Инструментальную мелодію играющіе почти постоянно сопровождаютъ, по обычаю восточныхъ народовъ, неизмѣннымъ горловымъ звукомъ гнусящаго характера, представляющимъ вышеупомянутую квинту (то есть основной тонъ), точно органнымъ пунктомъ или педалью. Такое добавленіе кажется для европейскаго уха непріятнымъ, совсѣмъ лишнимъ, нарушающимъ обаяніе мелодичности мотивовъ. Но Башкирамъ это обыкновеніе видимо нравится, если судить по общераспространенности его.

Относительное богатство фантазіи Башкиръ подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи или пѣсни, по крайней мѣрѣ въ моей практикѣ, они сообщали какое-нибудь сказаніе или легенду, такъ что у нихъ можно было бы найти большой циклъ всевозможныхъ сказаній и миѳовъ.

Существуетъ еще особое искусство — такъ называемая *игра горломъ*, состоящая въ слѣдующемъ. Башкиръ-артистъ беретъ горломъ извѣстный

Digitized by Google

звукъ и тянетъ его непрерывно; на фонѣ этого звука онъ маленькимъ язычкомъ (по увѣреніямъ самихъ Башкиръ) наигрываетъ свои оригинальныя мелодіи; такимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ ухитряется воспроизводить одновременно два звука. Впечатлѣніе отъ подобнаго рода искусства получается весьма своеобразное и нѣсколько странное. Фонъ, т. е. неизмѣнная нота, имѣетъ немного гнусящій характеръ; звуки, воспроизводимые маленькимъ язычкомъ, напоминаютъ звуки баульчика или дѣтскаго органчика; они слабы и слышны среди лишь полной тишины. Артисты, играющіе горломъ, встрѣчаются довольно рѣдко, такъ какъ это искусство трудное.

На ряду съ артистами-мужчинами подвизаются женщины — исполнительницы и сочинительницы. Такъ въ дер. Темясовой, Орскаго уѣзда, мнѣ называли нѣкую Гульдиганъ, бабу, играющую на кураѣ; одна изъ инструментальныхъ мелодій (см. № 136) называется Зарифа́ по имени самой сочинительницы этой мелодіи, большой плясуньи; она жила въ дер. Кушеевой, Тамьяно-тангаурской волости, отбилась отъ своего мужа и вела вольную, веселую жизнь, пѣла, сочиняла свои пѣсни.

Башкиры раздѣляютъ свои пѣсни и мелодіи по характеру послѣднихъ на два класса:

1) на протяжныя, проголосныя — кӯjlап, а также ҷер (см. № 159—187), что значитъ пѣсня настоящая, какъ слѣдуетъ, противоположность которымъ составляютъ

2) скорыя, легкія пѣсни — ҷеңɣылкуj (соотвѣтствующія татарскимъ такмакамъ; №№ 188—194).

По характеру сюжетовъ, которымъ посвящены мелодіи, онѣ дѣлятся на нѣсколько разрядовъ:

Разрядъ А) мелодіи въ честь героевъ и выдающихся личностей (см. №№ 65—101, 159, 162, 164, 169—181 и пр.).

Б) Мелодіи, воспѣвающія красоты природы: горы, рѣки и пр., а также животныхъ (см. №№ 102—111, 163, 165, 167, 189).

В) Звукоподражательныя мелодіи (подражаніе пѣнію птицъ, см. №№ 112—118).

Г) Плясовыя мелодіи (біукуj, см. №№ 128—152).

Д) Мелодіи другихъ народовъ: Русскихъ, Татаръ въ передѣлкѣ Башкиръ (№№ 153—158, 191—195).

Что касается мелодій въ честь героевъ и выдающихся личностей, то онѣ воспѣваютъ преимущественно такъ называемыхъ кантонныхъ начальниковъ, башкирскихъ правителей въ эпоху кантоннаго устройства Башкиръ, существовавшаго въ нынѣшнемъ столѣтіи до 1862 г.; кантонные начальники были почти неограниченными правителями Башкиръ, назначались русской властью, держали себя недоступно, окружали себя богатою обстанов-

Digitized by Google

кой и многочисленною свитою (изъ конныхъ Башкиръ) при выѣздахъ; чуть ли не всѣ кантонные начальники увѣковѣчены въ башкирскихъ мелодіяхъ и пѣсняхъ; кантонныхъ начальниковъ смѣнили при отмѣнѣ кантоннаго устройства волостные старшины, также ставшіе героями башкирскихъ пѣсенъ; они уже были лишены помпы и власти кантонныхъ начальниковъ, сами были въ зависимости отъ общества, такъ какъ назначались по выборамъ на сходахъ; если кантонные начальники чуть ли не обязательно воспѣвались въ пѣсняхъ, то изъ старшинъ попадали въ пѣсни лишь выдающіеся и дѣйствительно обращавшіе на себя вниманіе народа; затѣмъ пѣсни упоминаютъ героевъ болѣе или менѣе далекой старины, имѣвшихъ прикосновеніе къ большимъ историческимъ событіямъ. Такъ мелодія № 65 посвящена памяти Калматая — храбраго воина, башкирскаго дворянина, отличавшагося во французскую войну (вѣроятно 1812 — 13 гг.). Она любопытна въ ритмическомъ отношеніи, легко дѣлится на такты въ 3 и 5 четвертей, кончается на доминантѣ, чтобы перейти къ началу, производитъ впечатлѣніе архаичности и большой оригинальности. Или мелодія № 85—86 воспѣваетъ Салаватъ-Батыря—богатыря 27 кантона Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ., отстаивавшаго для Башкиръ казачье положеніе. Если мы обратимся къ историческимъ даннымъ, касающимся Башкиріи, то находимъ, что въ эпоху Пугачевскаго бунта, въ которомъ Башкиры принимали большое участіе, видную роль игралъ нѣкій башкиръ Салаватъ Юлаевъ дѣйствительно въ Уфимской губ. (и частью въ Пермской), ревностный помощникъ Пугачева, въ угоду которому онъ всюду вводилъ казачье устройство. Пѣсня, можетъ быть, имѣетъ въ виду этого именно героя.

Мелодія № 68 связана съ именемъ Киньжавая; она по характеру похожа на европейскія.

Любопытна мелодія № 73, посвященная памяти Бурамбая — старшины 1-й Бурзянской волости, одна изъ самыхъ любимыхъ у Башкиръ; отличается большою характерностью и имѣетъ параллельную себѣ пѣсню. О Бурамбаѣ, родственниковъ котораго я встрѣтилъ во время разъѣздовъ по Башкиріи, Башкиры передаютъ цѣлое трогательное сказаніе (см. пѣсню № 172).

Есть нѣсколько мелодій и пѣсенъ, отмѣченныхъ женскими именами. Напр., мелодія № 97 Хары-сăс (рыжіе волоса); отличается извѣстною изысканностью и сложностью въ своемъ рисункѣ.

Или пѣсня № 183, носящая женскія имена Анжокай-Юлдыкай, связана съ цѣлымъ разсказомъ о происшествіи съ этими женщинами и ихъ сестрами.

Мелодіи, отнесенныя мною въ группу Б (№№ 102—111 и пр.), воспѣваютъ красоты природы: рѣки, горы; такъ мелодія № 102 составлена

Digitized by Google

въ честь крутой горы на уфимскомъ трактѣ Артылышъ. Она отличается своеобразностью и шириною интерваловъ, черезъ рядъ немногихъ нотъ двигаясь въ области цѣлой дуодецимы, какъ бы выражая широкими интервалами трудность подъема на крутую гору. Здѣсь можно видѣть попытку рисовать звуками, зародышъ, изъ котораго при дальнѣйшемъ развитіи возникаетъ такъ называемая програмная музыка.

Мелодія № 103 прославляетъ другую гору — Курташъ, довольно высокую, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ близъ дер. Казаккуловой. Эта мелодія поется и на текстъ (см. № 189).

Нѣсколько мелодій названы именами животныхъ: напр., мелодія № 107 — Бурьтатъ (прекрасная старая лошадь, похороненная съ почестями во время взятія Казани). Любопытенъ 2-й варіантъ (№ 109).

Мелодія № 110 называется Кара јурга (карій иноходецъ) и связана съ цѣлымъ разсказомъ; въ первыхъ тактахъ ея обращаетъ вниманіе совмѣстное появленіе тоновъ *си* и *си* b; небезъинтересенъ ея варіантъ № 111. Эта мелодія является доказательствомъ большой древности нѣкоторыхъ башкирскихъ пѣсенъ и мелодій. Эту самую мелодію (по крайней мѣрѣ пѣсню подъ тѣмъ же самымъ названіемъ) слышалъ сто лѣтъ тому назадъ и упомянулъ о ней одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ путешественниковъ XVIII в. академикъ и медицины докторъ Иванъ Лепехинъ въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ путешествія по разнымъ провинціямъ россійскаго государства», путешествовавшій въ 1770 г. по Уралу, между прочимъ по тѣмъ самымъ горамъ и волостямъ башкирскимъ, гдѣ и мнѣ привелось быть. Вотъ его упоминаніе о названной пѣснѣ (Вторая часть Дневныхъ Записокъ путешествія академика и медицины доктора Ивана Лепехина. Въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1802 г. Вторымъ тисненіемъ. Стр. 113—114) (см. пѣсню 110):

«Башкирцы, повидимому, желая намъ показать всѣ свои увеселенія, представили и вокальную музыку. Старикъ лѣтъ въ 60 за лучшаго у нихъ тогда пѣуна почитался, котораго, правду сказать, и мы не безъ удовольствія слушали. Намъ не столь пріятенъ былъ дубовый его голосъ, какъ тѣлодвиженія. Онъ пѣлъ славныя дѣла своихъ предковъ, которыхъ они батырями называютъ, между коими Алдаръ, Кары Сакалъ, Кильмятъ, Кучимъ и проч. были первенствующіе. Пѣунъ нашъ припѣвалъ не только все ихъ жизни достопамятное; но голосомъ и тѣлодвиженіями выражалъ всѣ ихъ дѣйствія, какъ они увѣщали своихъ товарищей, какъ выступали въ бой, какъ поражали противниковъ, какъ обремененные ранами ослабевали и послѣдній испускали духъ. Все сіе такъ живо выражалъ старикъ, что многіе изъ собесѣдниковъ плакали. Но вдругъ печаль перемѣнилась на радость, какъ старикъ, взявши на себя веселой видъ, запѣлъ пѣсню называемую

Digitized by Google

Карай юрга (карей иноходецъ). Пѣсня сія у нихъ за самую веселую почитается. Старикъ, припѣвая сію пѣснь, ударилъ и въ три ноги: и тогда открылся Башкирскій балъ. Въ пляскѣ своей Башкирцы много кобенятся, и стараются такъ же тѣлодвиженіемъ выражать слова въ пѣсни содержащіяся».

Мелодіи №№ 112 — 118 представляютъ образцы звукоподражательнаго искусства Башкиръ, довольно развитаго у нихъ. Оно искони существуетъ у нихъ и еще въ прошломъ столѣтіи обратило вниманіе того же самаго академика Лепехина, который, упомянувъ о пѣснѣ карай юрга, непосредственно продолжаетъ: «по окончаніи бала завели они (Башкиры) другое, что можно назвать передражниваніемъ. Они голосомъ своимъ подражали крику какъ звѣрей, такъ и разныхъ птицъ, и такъ удачливо, что съ трудностію распознать можно было крикъ настоящей птицы отъ Башкирскаго». (Вторая часть «Дневныхъ Записокъ», изд. 1802 г., стр. 114).

Во время моихъ разъѣздовъ по Орскому уѣзду въ деревнѣ Темясовой, 2-ой Бурзянской волости, мнѣ сообщили, что въ этой деревнѣ живетъ башкиръ Мансурка, умѣющій изображать, какъ поютъ различныя птицы. По моему желанію башкира этого отыскали и привели въ домъ, гдѣ я остановился. Я увидѣлъ башкира страннаго вида, съ придурковатой физіономіей, застѣнчиво улыбающагося и косящаго глазами. Въ деревнѣ онъ слылъ за дурачка и имѣлъ только одно занятіе—былъ ночнымъ караульщикомъ.

На мою просьбу изобразить, какъ поютъ птицы, онъ широко улыбнулся и законфузился было, но, побуждаемый присутствовавшими, оправился и сталъ показывать свое искусство. Началъ онъ съ изображенія *пѣнія лебедя:* послышались странные по тембру и своеобразные звуки, глухіе и слегка гнусящіе въ силу того, что исполнитель воспроизводилъ ихъ съ закрытымъ ртомъ и въ носъ; при этомъ ясно слышалась мелодія (см. № 112; она иногда расширялась вставкою послѣ перваго такта такихъ же фигуръ, какъ въ послѣднемъ тактѣ). Затѣмъ Мансурка, онъ же Мансуръ Гулубуевъ, сильно улыбаясь подъ впечатлѣніемъ общихъ одобреній, изобразилъ, какъ воркуютъ голуби; то, что́ онъ воспроизвелъ при этомъ, можетъ быть передано слѣдующими буквами: *дръ, дръ* (небольшая пауза) *у у у;* послѣднія буквы башкиръ произносилъ нѣсколько глухо; при этомъ имѣлъ значеніе также самый тембръ. Далѣе артистъ показывалъ, какъ свиститъ и трещитъ одна полевая птица, кажется, стрепетъ. Эти послѣдніе звуки уже трудно передать на бумагѣ.

Нашъ артистъ, получивъ гонораръ за свое искусство, выказалъ на своей физіономіи большую радость и удовольствіе и добровольно началъ повторять свой немногочисленный репертуаръ, а затѣмъ вечеромъ, явившись для исполненія обязанностей караульщика къ сосѣднему дому, часто

Digitized by Google

подходилъ къ окнамъ дома, гдѣ я остановился, и много разъ пѣлъ и ворковалъ по птичьему, будучи видимо польщенъ тѣмъ, что его искусствомъ заинтересовались. Я вовсе не слышалъ, чтобы этотъ своеобразный артистъ разговаривалъ, а встрѣчаясь со мною въ другіе дни на улицѣ или площади, вмѣсто всякаго привѣтствія, улыбаясь, пѣлъ неожиданно по лебединому или ворковалъ по голубиному, и въ этомъ выражалось его привѣтствіе. Впечатлѣніе отъ этого своеобразнаго искусства въ связи съ обстановкой, при которой приходилось его слышать, было крайне оригинально и интересно.

Въ другихъ мѣстахъ я слышалъ инструментальныя мелодіи (исполняемыя на кураѣ), имѣющія цѣлью подражаніе *куkованію кукушки:* такъ въ дер. Ташбулатовой, Верхнеуральскаго уѣзда, дудочникъ (курайсы́) Магафуръ Каракаевъ игралъ мнѣ такъ называемый *какукъ* (кукушка см. № 113).

Въ Орскомъ уѣздѣ я слышалъ любопытные варіанты (см. №№ 114 и 115). Эти мелодіи относятся также къ разряду плясовыхъ пѣсенъ—біукуj, и подъ нихъ иногда пляшутъ, подражая движеніямъ кукушки.

Въ Кананикольскомъ уѣздѣ, Орскаго уѣзда, я записалъ съ игры крещенаго башкира Ивана Лукманова мелодію подъ названіемъ Сыңрау-турно (см. № 118), подражащую пѣнію какихъ-то особенныхъ журавлей бѣлаго цвѣта; по догадкамъ русскихъ эти особенные журавли или аисты или другая какая-нибудь птица, прилетающая, быть можетъ, изъ Индіи на Уралъ, когда бываютъ особенно жаркія и сухія лѣта и въ силу этого плохой урожай, такъ что появленіе этихъ птицъ совпадаетъ съ народнымъ бѣдствіемъ и порождаетъ суевѣрное отношеніе къ нему народа. Мелодія № 117 носитъ то же названіе, хотя звукоподражательности въ ней меньше; зато она останавливаетъ вниманіе силою выраженнаго въ ней настроенія при помощи одного простаго мелодическаго оборота, варіируемаго при повтореніяхъ. Отъ этой мелодіи вѣетъ какою-то трудноуловимой грустной и вмѣстѣ трогательной поэзіей; это — одна изъ немногихъ минорныхъ башкирскихъ мелодій.

Мелодія № 116 называется Будäнä (перепелка); непосредственной звукоподражательности въ ней мало.

Обращаетъ на себя вниманіе мелодія № 123 — Заjа тулак — своимъ точно европейскимъ складомъ и изящной выдержанностью.

Что касается плясовыхъ мелодій — біукуj (№№ 128 — 152), то онѣ всѣ имѣютъ соотвѣтственный танцовальный характеръ и нѣкоторыя изъ нихъ очень своеобразны.

Пляску № 128 Сукмуjул (густая черемуха) слѣдуетъ отличать отъ пѣсни того же названія (см. мелодію № 94).

Въ мелодіи № 129 среднее колѣно по характеру напоминаетъ русскія

Digitized by Google

народныя пѣсни, а послѣднее напрашивается на сближеніе съ персидскимъ хоромъ изъ оперы «Русланъ и Людмила».

Характерна мелодія № 134 — Карабаевъ.

Мелодіи №№ 137, 138, 140 представляютъ образцы собственнаго сочинительства дудочниковъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло.

Подъ вліяніемъ, вѣроятно, военной музыки, наслышавшись военныхъ маршей, Башкиры сочиняютъ собственные марши (см. №№ 148—152), въ которыхъ болѣе или менѣе замѣтно русское вліяніе. Такъ мелодія №№ 149 называется «Перовскій маршъ» (иначе «какъ брали Казань»). Въ первомъ колѣнѣ чувствуется вліяніе русскихъ полковыхъ маршей. Я встрѣтилъ мнѣніе, по которому маршъ этотъ русскаго происхожденія и относится къ эпохѣ 1812 — 13 гг., когда Башкиры принимали съ Русскими участіе въ походахъ противъ Наполеона. Любопытенъ варіантъ № 150.

Интересенъ въ отношеніи распространенія вліянія русской культуры на инородцевъ отдѣлъ мелодій (№№ 153 — 158), являющихся башкирской переработкой русскихъ пѣсенныхъ мелодій. Они переняли отъ Русскихъ «Чижика», «Казачка» (Башкиры произносятъ Каза́чку), «Барыню» (баріна), «Косарей» (косары), «Якъ за гаемъ гаемъ», «Вдоль до по рѣчкѣ» и другія пѣсни. Такимъ образомъ русское вліяніе проникаетъ и въ среду горныхъ Башкиръ, повидимому защищенныхъ малодоступными горами; но это вліяніе еще весьма незначительно сравнительно съ его распространенностью среди степныхъ Башкиръ Уфимской губ.

Что касается вокальной музыки, т. е. пѣсенъ, то съ мелодической стороны башкирскія пѣсни вообще длиннѣе татарскихъ и часто бываютъ безъ припѣва.

Башкиры такъ же, какъ и Татары, имѣютъ обыкновеніе начинать пѣніе запѣвомъ на куплеты, лишенные смысла. На подобный текстъ записана мною мелодія № 128, представляющая образецъ проголосныхъ башкирскихъ пѣсенъ (кӱјlап или џер).

Образцомъ скорыхъ пѣсенъ (џенҕыl-кујj) можетъ служить пѣсня № 189 или 190.

Пѣть Башкиры любятъ особенно по вечерамъ въ лунныя ночи, но не затягиваютъ этого удовольствія слишкомъ долго, отходя ко сну значительно раньше полуночи, и только въ исключительныхъ случаяхъ: на празднествахъ, свадьбахъ и т. п. ихъ бодрствованіе и пѣніе продолжается за полночь, и изъ кошей далеко по горамъ разносятся полные мечтательности звуки башкирскихъ пѣсенъ, прерываемыхъ инструментальной музыкой на кураѣ.

Иногда Башкиры соединяютъ пѣніе съ игрой на инструментахъ. Башкиры, какъ и другіе инородцы, поютъ больше въ одиночку: хоровое уни-

Digitized by Google

сонное пѣніе, говорятъ, практикуется у нихъ чаще зимою на вечеринкахъ, свадьбахъ и т. п.

Что касается содержанія башкирскихъ пѣсенъ, то въ нихъ встрѣчаются приблизительно слѣдующія темы:

Случаи изъ жизни—смерть или убійство; дѣвицы—отрѣзанный ломоть, смотрятъ на сторону; сердце горячо въ свое время, а когда пройдетъ время, никуда не годится;

Счастье отъ Бога, а не отъ денегъ и не отъ ума; значеніе судьбы: предопредѣленія ея отвратить нельзя, раньше времени не умрешь; мытарства человѣка при жизни; гнетъ бѣдности, которая уничтожаетъ радости и веселье; любовь къ родинѣ и тоска по ней на чужбинѣ; хорошая жизнь богачей и нелюбовь къ нимъ бѣдняковъ и т. п.

Есть много пѣсенъ и на любовные сюжеты, но онѣ отличаются большей сдержанностью, чѣмъ татарскія любовныя.

Въ общемъ, въ содержаніи башкирскихъ пѣсенъ замѣтенъ элементъ житейской философіи, склонность къ философскимъ взглядамъ на вещи въ бо́льшей степени, чѣмъ у Татаръ.

Характеръ башкирскихъ мелодій, какъ я имѣлъ уже случай упомянуть, значительно отличный отъ татарскихъ.

Прежде всего онѣ внѣшне болѣе мелодичны и эффектны и дышатъ какою-то особенною ширью и размашистостью; иногда вѣетъ отъ нихъ своеобразной прелестью и чувствуется стремленіе къ чему-то неопредѣленному, мечтательному, хотя, можетъ быть, имъ недостаетъ глубины настроенія.

Характерная, бросающаяся въ глаза особенность этихъ мелодій, преимущественно инструментальныхъ, состоитъ въ употребленіи необычныхъ широкихъ интерваловъ: секстъ, септимъ, нонъ, децимъ, дуодецимъ и пр.; звукоряды ихъ обыкновенно очень большіе и переходятъ за предѣлы дуодецимъ. Въ видѣ примѣра могутъ служить очень многія мелодіи, хотя бы, напр., № 69, 70 Бајокили № 147—Сухумская. Любопытно, что башкирскимъ мелодіямъ менѣе свойственны, насколько я могу судить по своему собранію, украшенія въ восточномъ вкусѣ: фіоритуры и пр., ихъ ритмъ отличается бо́льшею ровностью, чѣмъ въ извѣстной части татарскихъ мелодій, и не очень отличается отъ ритма европейскихъ мелодій. Отъ нихъ остается впечатлѣніе вообще бо́льшей новизны, чѣмъ отъ татарскихъ, и онѣ легче допускаютъ обычную гармонизацію. Я не хочу этимъ сказать, что представленные образцы башкирскихъ пѣсенъ продуктъ новѣйшихъ европейскихъ вліяній; но, такъ или иначе, характеръ новизны въ извѣстной степени присущъ башкирскимъ мелодіямъ, хотя это не исключаетъ свойственныхъ имъ оригинальныхъ чертъ.

Сравнивая житейскіе шаги этого народа съ его поэтическою дѣятель-

Digitized by Google

ностью, приходится признать, что въ первомъ отношеніи онъ ушелъ весьма недалеко и, наоборотъ, даетъ сравнительно прекрасныя доказательства во второмъ, если принять къ тому же во вниманіе большой циклъ сказокъ, пословицъ, поговорокъ, басенъ, повѣрій и т. п., который существуетъ у него и образцы котораго удалось и мнѣ собрать, но я теперь ихъ не касаюсь.

Общій выводъ относительно разсматриваемаго нами народа тотъ, что народъ этотъ болѣе художникъ, чѣмъ жизненный практикъ, въ извѣстной степени чувствующій и думающій, чуткій къ поэзіи окружающей его природы Урала, но не дѣлающій жизненный успѣховъ и неспособный отстаивать собственное благополучіе.

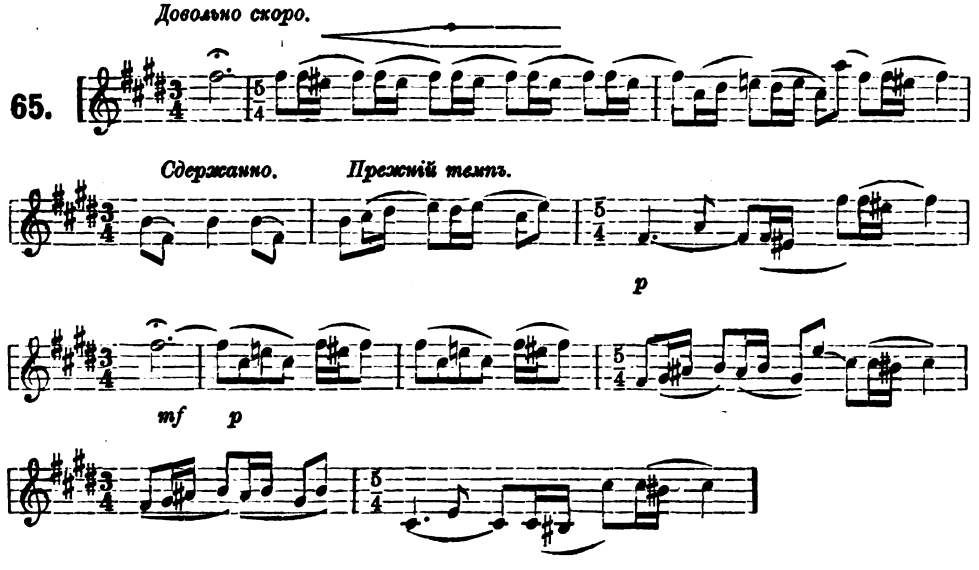
Digitized by Google

Инструментальныя мелодіи Башкиръ, исполняемыя на кураѣ (свирѣли).

А) Мелодіи въ честь героевъ.

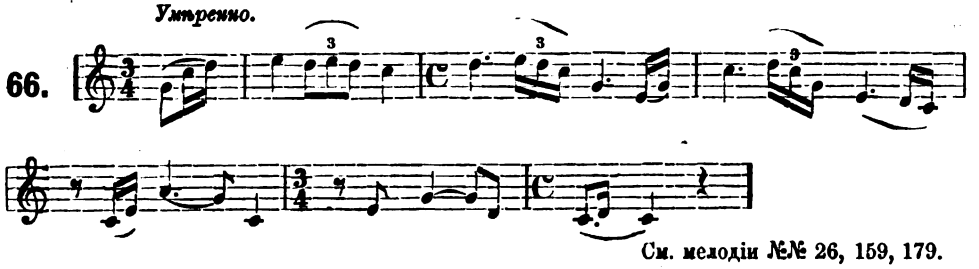
Калматај, храбрый воинъ, дворянинъ башкирскій, отличившійся во французской войнѣ (вѣроятно 1812—1813 гг.). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

65.



Тафтеляу. (Тевкелевская пѣсня въ честь родственника Уфимскаго муфтія.) (Верхнеуральскаго уѣзда, д. Казаккулова.) Цер (протяжная пѣсня).

66.

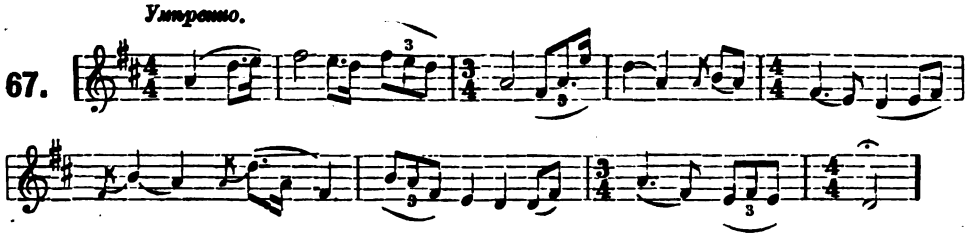


См. мелодіи №№ 26, 159, 179.

Digitized by Google

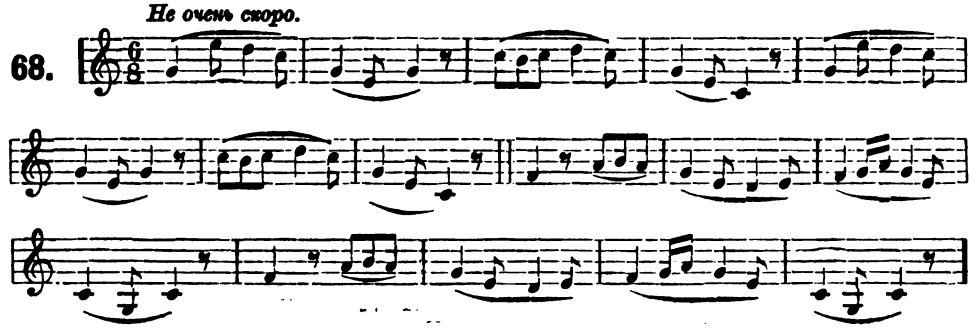
Варіантъ тафтельской пѣсни, записанный со скрипки. (Г. Верхнеуральскъ.)

67.



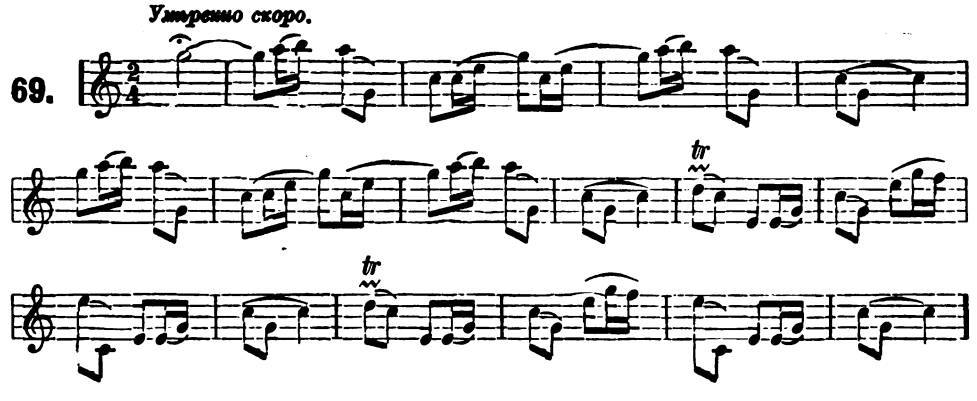
Киняжавај, это былъ богатырь Башкиръ въ деревнѣ Кабагушевой, который обѣднѣлъ и въ горести нанялъ дудочника сочинить для него пѣсню. (Дер. Казаккулова.)

68.



Бајок. Нѣкогда плутъ, бѣжавшій дважды изъ тюрьмы и приговоренный къ повѣшенію. Предъ казнью онъ попросилъ позволенія сыграть эту пѣсню. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

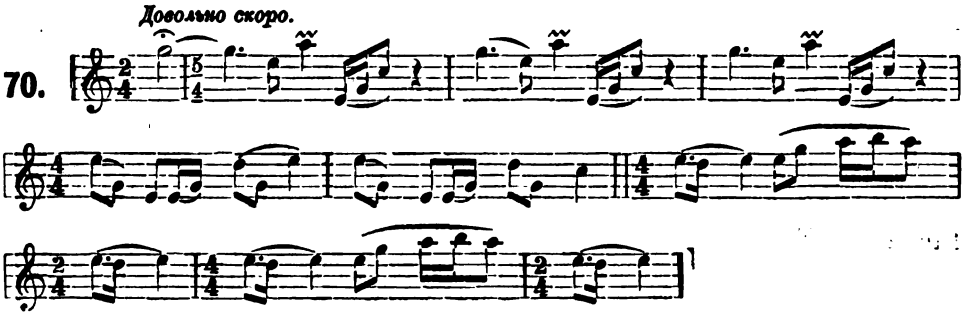
69.



Digitized by Google

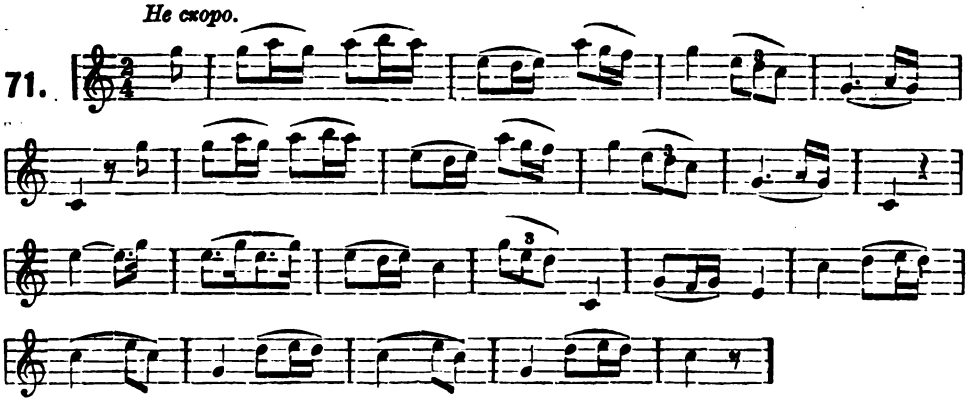
Баік (или Бајок). Варіантъ, записанный въ Орскомъ уѣздѣ. Это былъ разбойникъ и богатырь, убившій продавца косъ, сосланъ въ Сибирь, а передъ ссылкою сочинилъ эту пѣсню. Давно это было. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

70. 

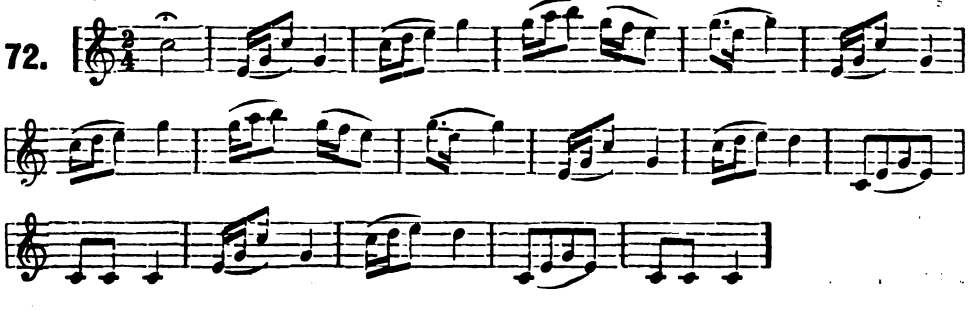
Telaka, эсаулъ въ деревнѣ Карауженѣ, лѣтъ 70 тому назадъ; былъ очень храбръ и зналъ русскую грамоту въ то время, когда никто не зналъ ея среди Башкиръ, и послѣдніе вмѣнили ему въ заслугу это знаніе. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

Не скоро.

71. 

Куватов, очень долго служилъ начальникомъ 1-го кантона, съ 18 лѣтъ отъ роду, при чемъ и отецъ его, Альмухаметъ, былъ кантоннымъ начальникомъ въ томъ же кантонѣ.

Не очень скоро.

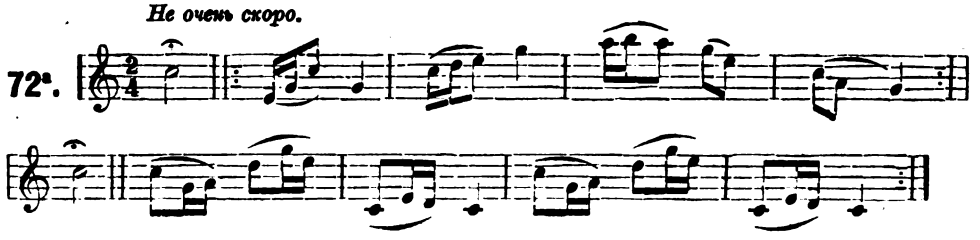
72. 

Digitized by Google

Варіантъ, записанный въ Орскомъ уѣздѣ.

Не очень скоро.

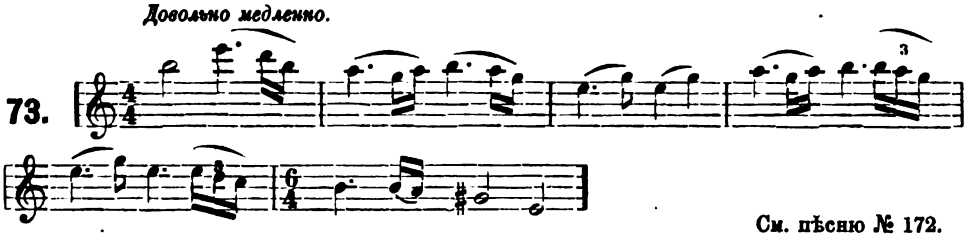
72ª.



Бурамбай, старшина 1-й Бурзянской волости, бравшій деньги за освобожденіе отъ похода, который объявилъ какъ бы отъ имени начальства, за что былъ сосланъ въ Сибирь. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно медленно.

73.

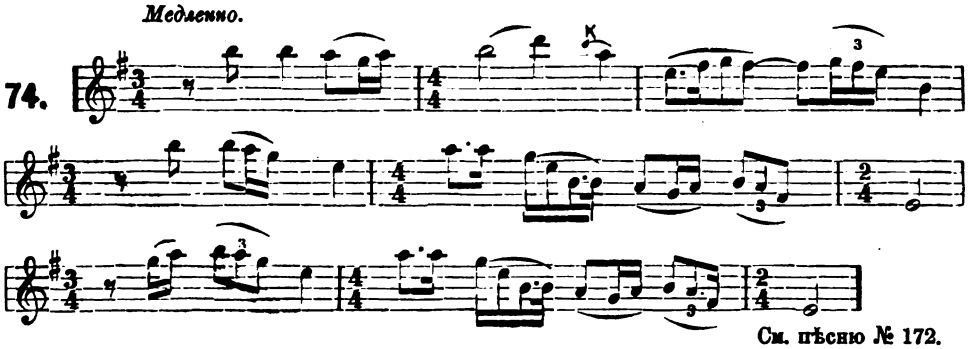


См. пѣсню № 172.

Варіантъ. (Орскаго уѣзда, Кананикольскій заводъ.)

Медленно.

74.

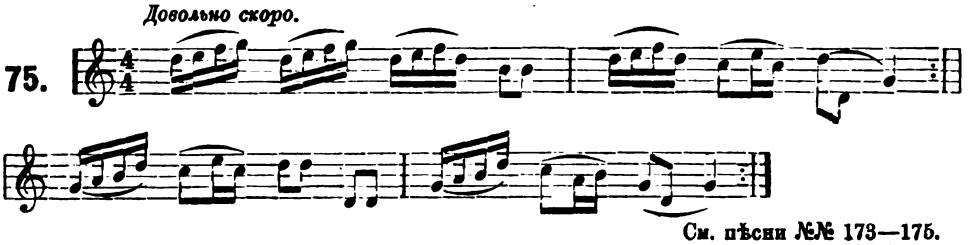


См. пѣсню № 172.

Абдрахман, первый бурзянскій кантонный начальникъ. (Орскаго уѣзда, пріискъ Горяевыхъ.)

Довольно скоро.

75.

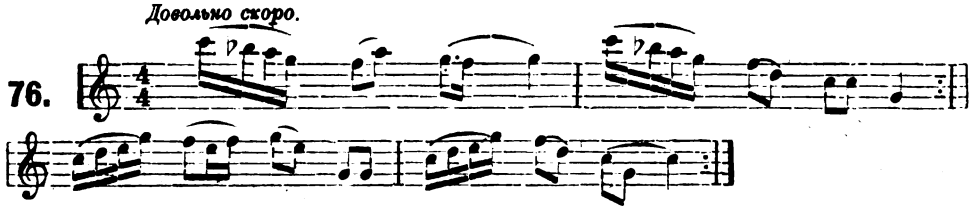


См. пѣсни №№ 173—175.

Digitized by Google

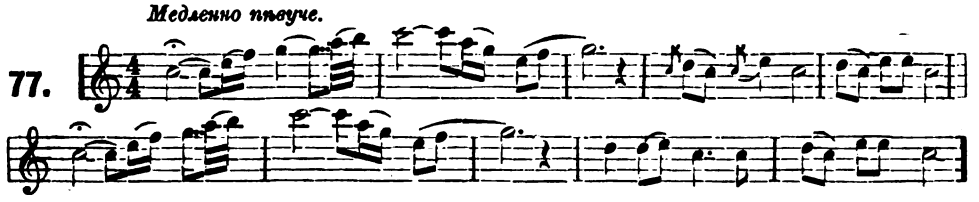
Абдрахман, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, Кананикольскій заводъ.)

Довольно скоро.

76. 

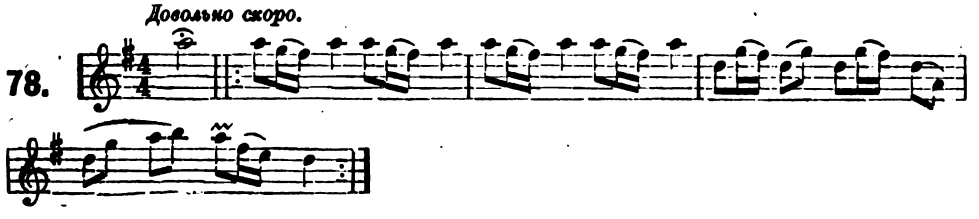
Абдрахман, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Медленно пѣвуче.

77. 

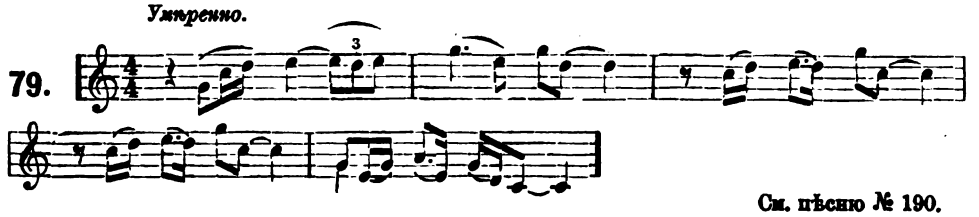
Іҕыбірдін (Іхбердін), старшина, умершій отъ водки; братъ его подарилъ лошадь дудочнику (курајсы), чтобы послѣдній сочинилъ въ честь умершаго пѣсню. Ҷенҕыл-куј (легкая, скорая пѣсня). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

78. 

1-й варіантъ. Пѣсня Ихбердина, бывшаго старшиной 2-й Бурзянской волости; умеръ 1885 г.; отравился отъ плохого положенія дѣлъ и предъ смертью сочинилъ слѣдующую пѣсню. Ҷенҕыл-куј. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

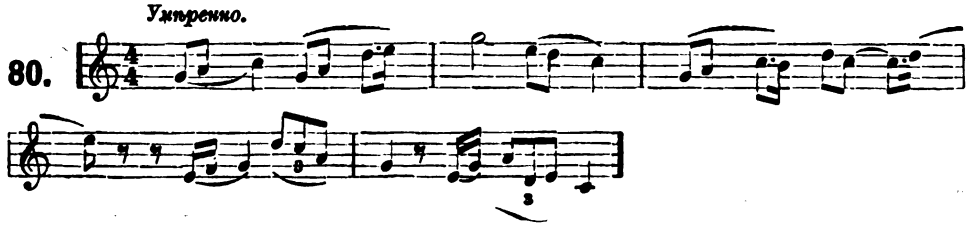
Умѣренно.

79. 

См. пѣсню № 190.

2-й варіантъ.

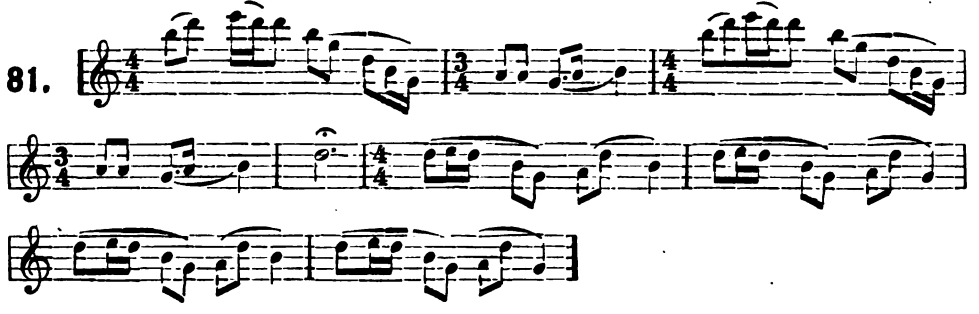
Умѣренно.

80. 

Digitized by Google

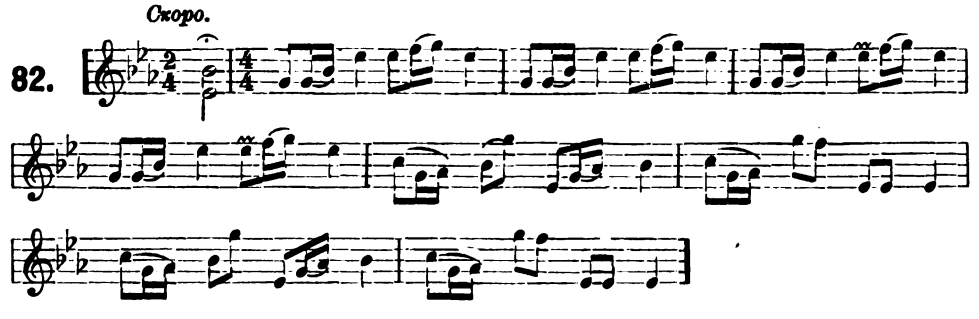
Салковскій, генералъ, командиръ бывшаго башкирскаго войска, умершій лѣтъ 40 назадъ, хорошій человѣкъ. Можетъ быть, подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть полковника Ціолковскаго, который извѣстенъ по двумъ экспедиціямъ въ степь: въ 1823 г. онъ совершилъ походъ съ 800 чел. казаковъ къ рѣкѣ Эмбѣ; въ 1824 г., лѣтомъ, полковникъ Ціолковскій съ 150 чел. уральскихъ казаковъ конвоировалъ купеческій караванъ, слѣдовавшій въ Бухару. (Изъ рукописи В. Ф. Желѣзнова «Памятка уральскаго казака»). Ценҗы-куj (легкая пѣсня). (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Скоро.

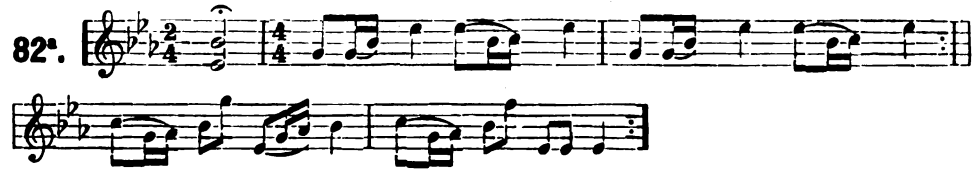
81. 

Ікзаковъ, кантонный начальникъ (2-го кантона) въ деревнѣ Рахметовой, близъ г. Верхнеуральска; былъ онъ грамотенъ, красивъ, начальство его любило. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Скоро.

82. 

Варіантъ.

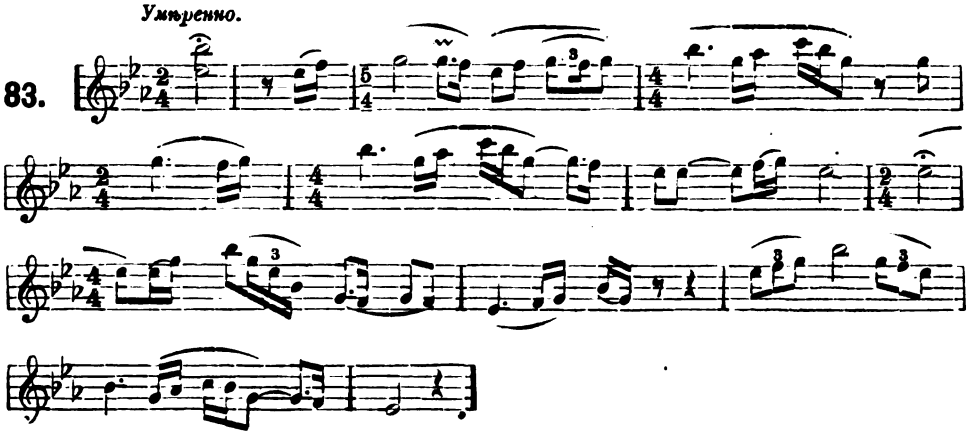
82ª. 

Digitized by Google

Сибаевъ, кантонный начальникъ 2-го кантона изъ деревни Сибаевой (1-ой Бурзянской волости); по должности жилъ въ деревнѣ Рахметовой, предшественникъ Икзакова. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

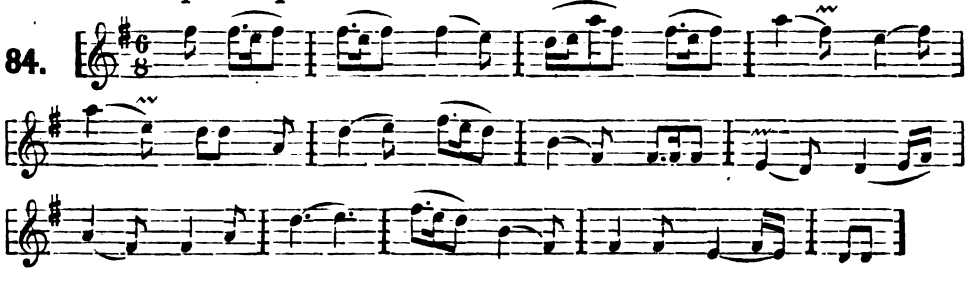
83.



Сибаевъ. Варіантъ. (Съ игры на гармоніи.) Дер. Иткулова I, Орскаго уѣзда.

Умѣренно скоро.

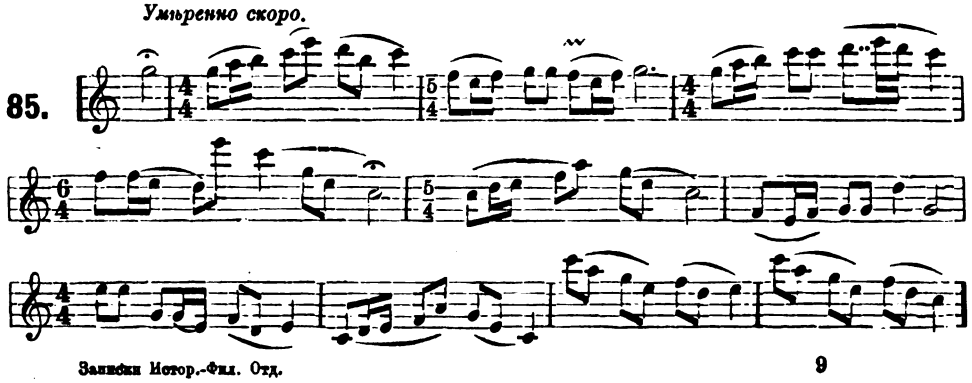
84.



Салават-батыръ, богатырь 27 кантона Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ., отстаивалъ для Башкиръ казачье положеніе. Можетъ быть, здѣсь воспѣвается ревностный сподвижникъ Пугачева, Салаватъ Юлаевъ, сильно поддерживавшій возстаніе среди Башкиръ и въ угоду Пугачеву приводившій ихъ на казачье положенье. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Умѣренно скоро.

85.

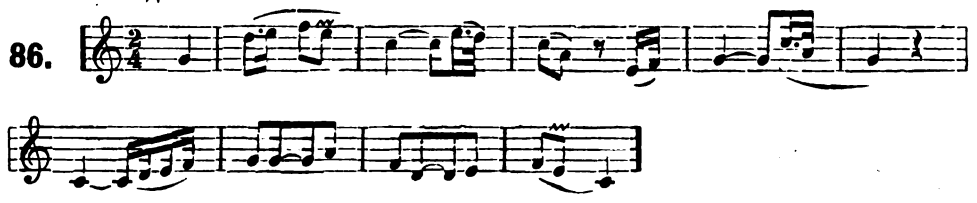


Digitized by Google

Салават-батыръ. Варіантъ. Предводитель Башкиръ во время разбоевъ Киргизъ, путешествовавшій въ пустынныхъ мѣстахъ. (Записано въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, дер. Ташбулатовой.)

Довольно медленно.

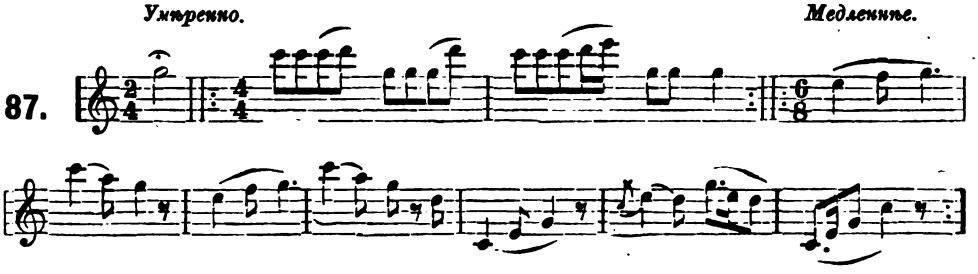
86.



Бахтиlау, пѣсня на кураѣ въ честь генералъ-губернатора, проѣзжавшаго по Башкиріи. Жыр (пѣсня протяжная, длинная).

Умѣренно. *Медленнѣе.*

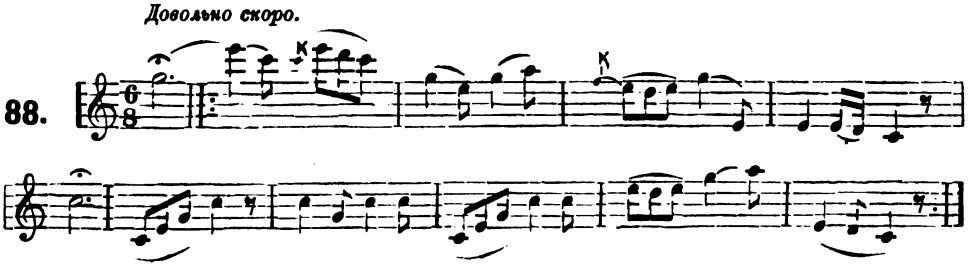
87.



Жулты-каракъ, воръ, бѣжавшій изъ острога и Сибири, вновь сосланный въ Сибирь, гдѣ и умеръ; онъ былъ дудочникомъ и сочинилъ эту мелодію. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.) Жыр.

Довольно скоро.

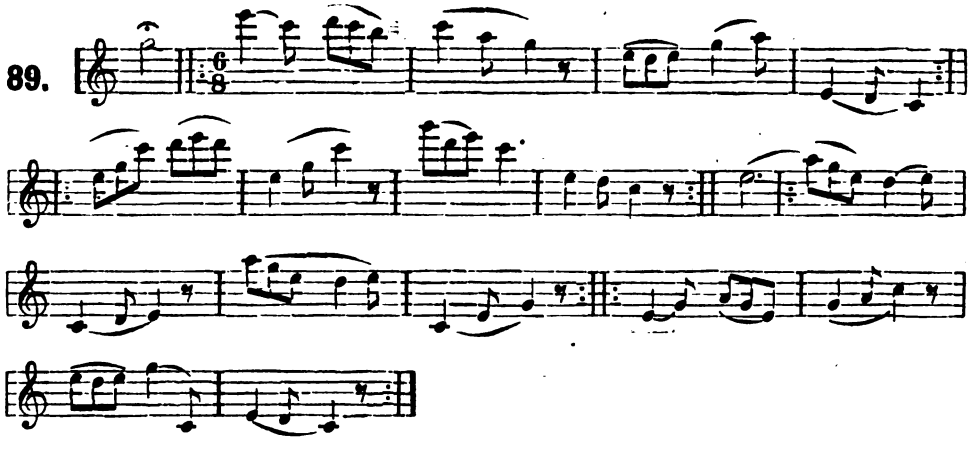
88.



Digitized by Google

Варіантъ, записанный въ Орскомъ уѣздѣ, дер. Темясова.

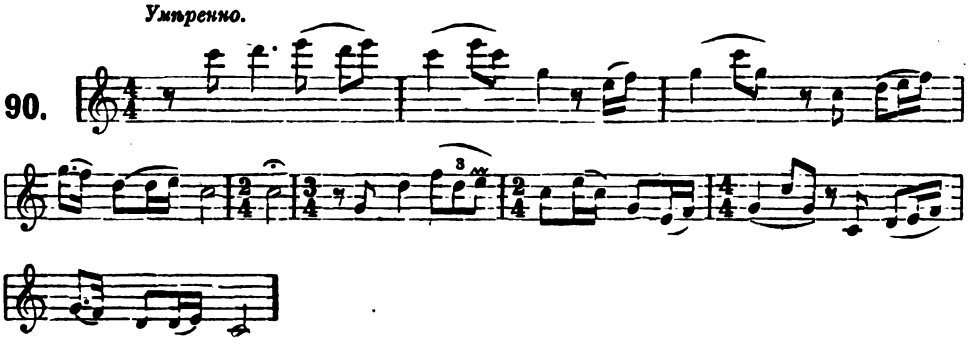
89.



Бейтъ, бродяга, 12 пудовъ вѣса, изъ-за 5-ти аршиннаго забора вытаскивалъ лошадь. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Умѣренно.

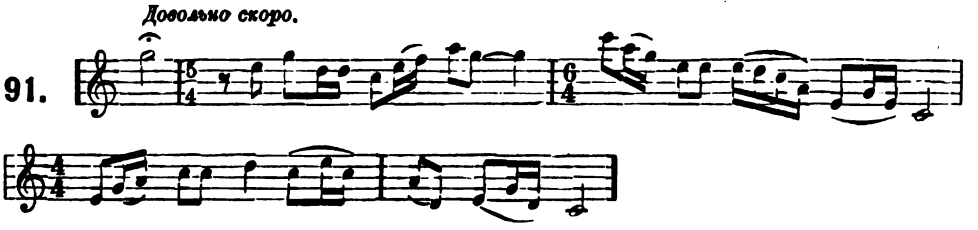
90.



Касым-тюря, былъ полковымъ командиромъ башкирскаго войска въ началѣ его существованія, отличался расторопностью и ловкостью въ дѣятельности; по зависти его отравили сулемой; передъ смертью онъ призвалъ свою мать и разсказалъ ей въ пѣснѣ про свою жизнь. Мать послѣ его смерти поминала его этой пѣснью. Жыр.

Довольно скоро.

91.

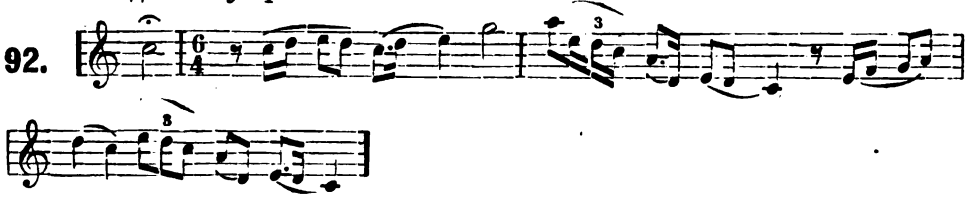


Ср. пѣсенныя мелодіи №№ 162 и 178.

Digitized by Google

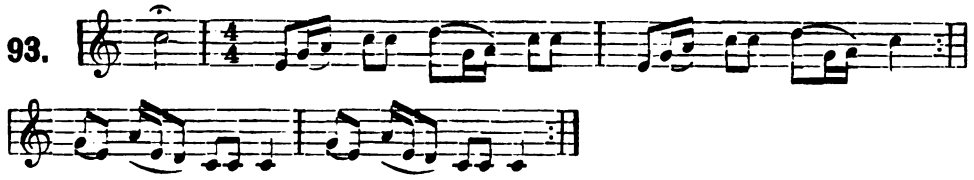
Варіантъ. Жыр.

92. *Довольно умѣренно.*



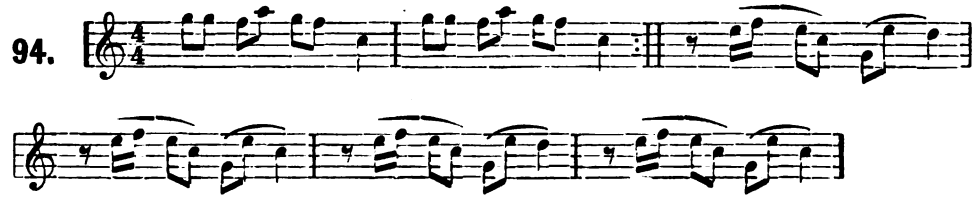
Бостакъ, башкиръ изъ деревни Баимовой, сосланный за что-то на поселеніе; когда онъ отъѣзжалъ, то посадилъ на колѣни своего сына и, прощаясь съ нимъ, качалъ его и пѣлъ эту пѣсню своего сочиненія.

93.



Сукмуюлъ (густая черемуха), пѣсня (Жыр) на слѣдующее сказаніе. Одинъ старикъ ухаживалъ за красивой сноxой и добивался ея любви, но безуспѣшно, — сноха отказывала, говоря: «ты старикъ, мнѣ тебя любить нельзя»; тогда старикъ началъ всячески притѣснять и обижать сноху; послѣдняя, когда ей стало не въ терпежь, наконецъ сказала ему: «жди меня тамъ-то у камня, гдѣ растетъ черемуха». Старикъ обрадовался, осѣдлалъ свою единственную кобылу и поѣхалъ въ назначенное время къ мѣсту свиданія. Пріѣхавъ, онъ привязалъ кобылу по близости въ лѣсу, а самъ сѣлъ у камня и сталъ ждать... Ждалъ, ждалъ, сноха все не приходила. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ пошелъ въ лѣсъ къ лошади, но ее тѣмъ временемъ съѣлъ волкъ!... Старикъ поахалъ, поахалъ и пошелъ пѣшкомъ домой. Такъ его сноха и обманула. Цер. (Записано въ Орскомъ уѣздѣ.) (Есть пляска подъ этимъ же названіемъ см. № 128.)

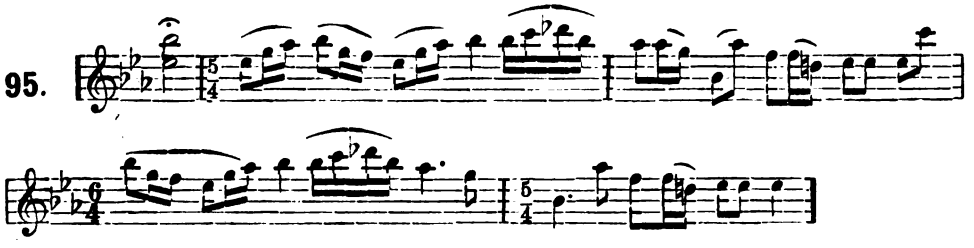
94.



Digitized by Google

Заман іярмас: были 2 дудочника; одинъ изъ нихъ игралъ отлично, другой хуже. Однажды они стали играть вмѣстѣ одну и ту же мелодію; тотъ, кто игралъ получше, Аѳлятъ Таировъ, доигралъ ее до конца, а другой, игравшій хуже, *Заманъ*, не доигралъ, не успѣлъ, отсюда и названіе «Заман іярмас» — «Заманъ не успѣлъ».

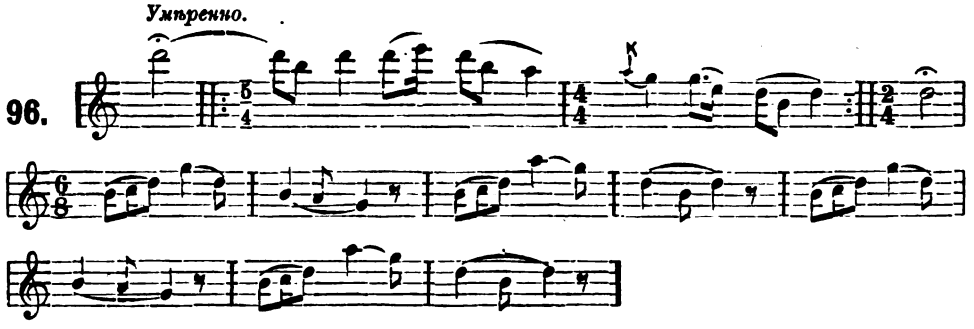
95.



Махтасӱпъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

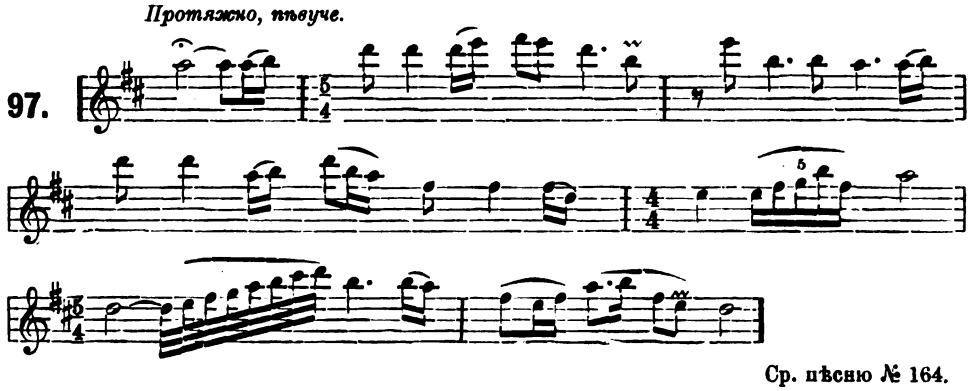
96.



Хары сӓсъ (рыжіе волоса), это была дѣвка, которая убѣжала неизвѣстно куда, а была красавица; братъ ея былъ дудочникъ и сочинилъ пѣсню на потерянную сестру. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.) Цер.

Протяжно, пѣвуче.

97.

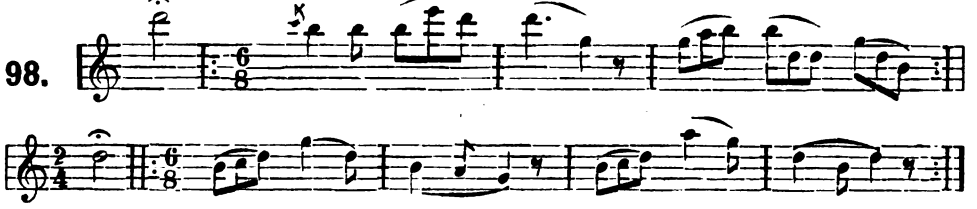


Ср. пѣсню № 164.

Digitized by Google

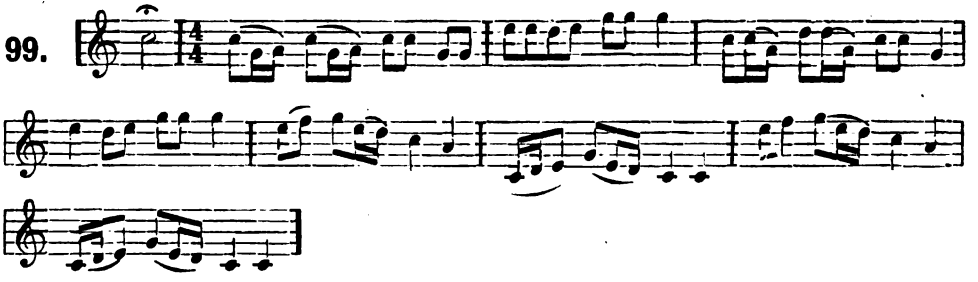
Килинсяк, дочь богача; она была выдана замужъ за бѣдняка, у котораго и одной кобылы не было, и недовольна была своей судьбой; по этому поводу сочинила пѣсню. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

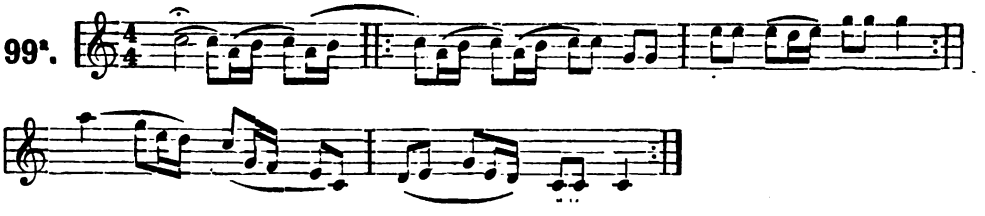
98. 

Мухипба или Алты цигит (шесть молодцовъ); они были на вечеринкѣ и веселились, возились съ Мухипбой, бабой изъ Бурзянской волости; она ненасытна была въ любви; давно это было; она сама сочинила мелодію. Ценӈыl -куj (скорая, легкая пѣсня). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

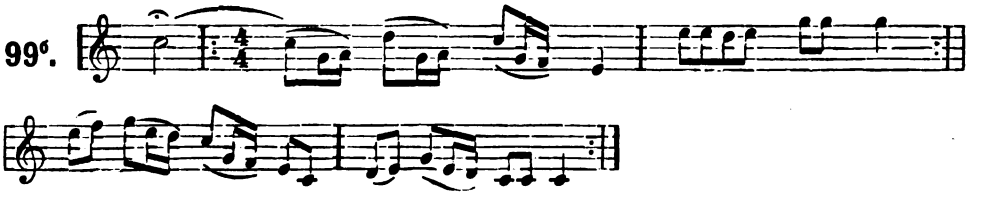
Довольно скоро.

99. 

1-й варіантъ.

99ª. 

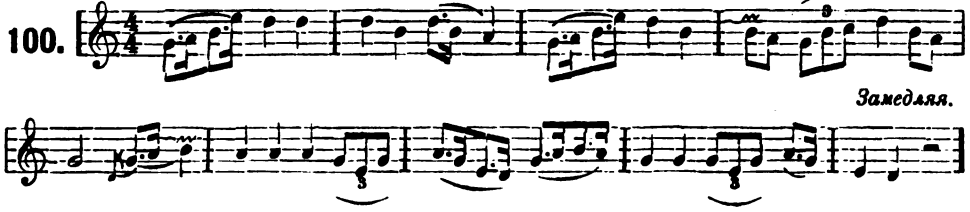
2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

99б. 

Digitized by Google

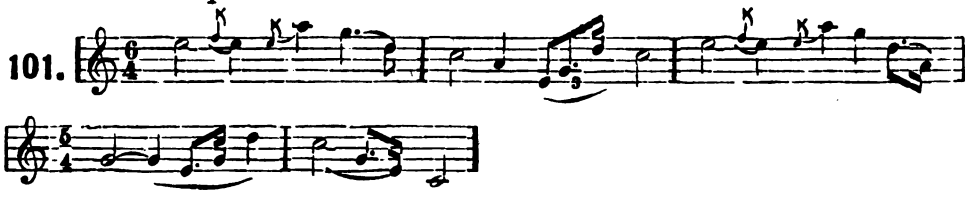
Ганжемал (имя дѣвицы). (Г. Верхнеуральскъ.)

Умѣренно, тягуче.

100. 

Махмузя; записано въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, дер. Ташбулатовой; въ Орскомъ не встрѣчается.

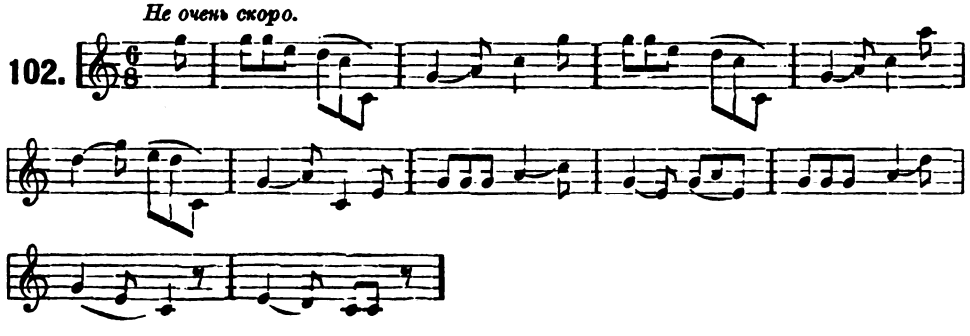
Не скоро.

101. 

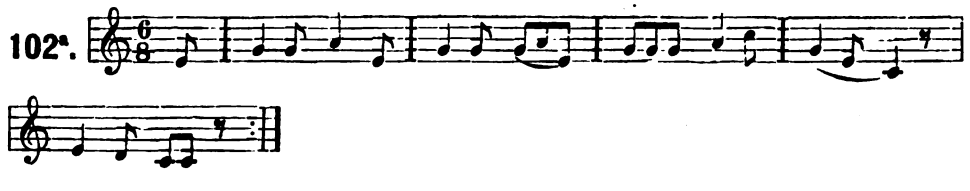
Б) Мелодіи, воспѣвающія красоты природы: горы, рѣки и пр., а также животныхъ.

Артылышъ, крутая гора на Уфимскомъ трактѣ. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Узунгулова.)

Не очень скоро.

102. 

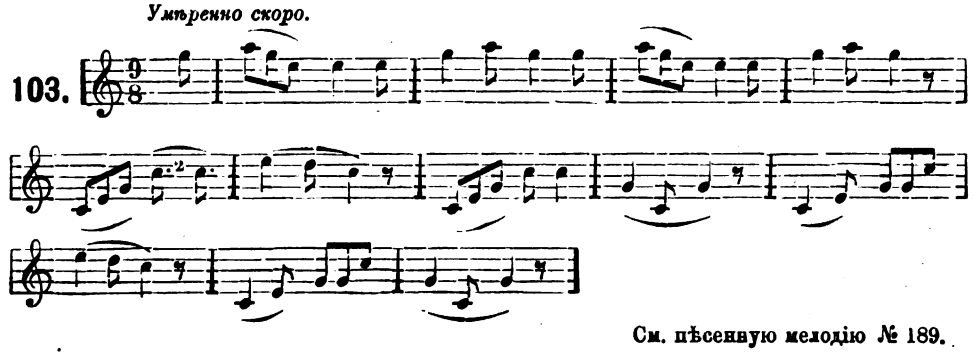
Варіантъ 2-го колѣна.

102ª. 

Digitized by Google

Курташъ, высокая гора въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ близъ дер. Казаккуловой.

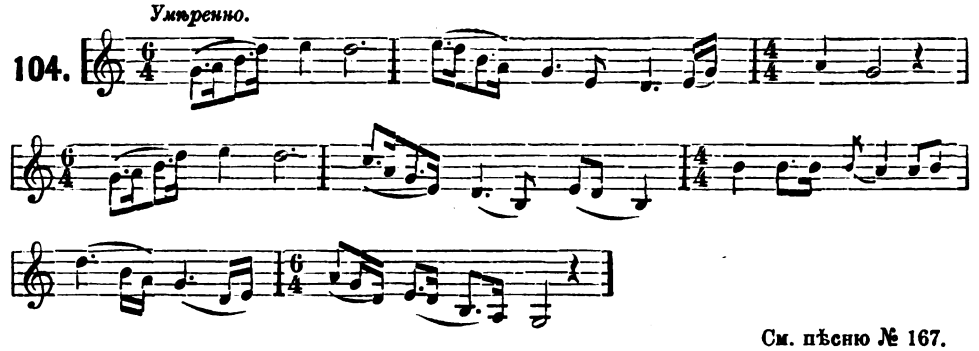
Умѣренно скоро.

103. 

См. пѣсенную мелодію № 189.

Ашкадаръ, рѣчка, впадающая въ Бѣлую ниже Стерлитамака. Башкиры поютъ пѣсню на эту мелодію, отправляясь на охоту. Жыр (протяжная пѣсня). (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

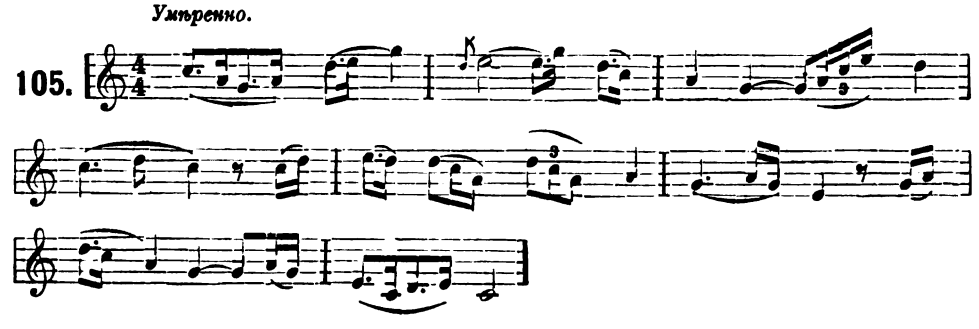
Умѣренно.

104. 

См. пѣсню № 167.

Сырдарія: Башкиры ходили служить въ Сырдарьинскую землю и сложили объ этой странѣ (и рѣкѣ) пѣсню. Давно это было. (Орскаго уѣзда, дер. Юлукъ).

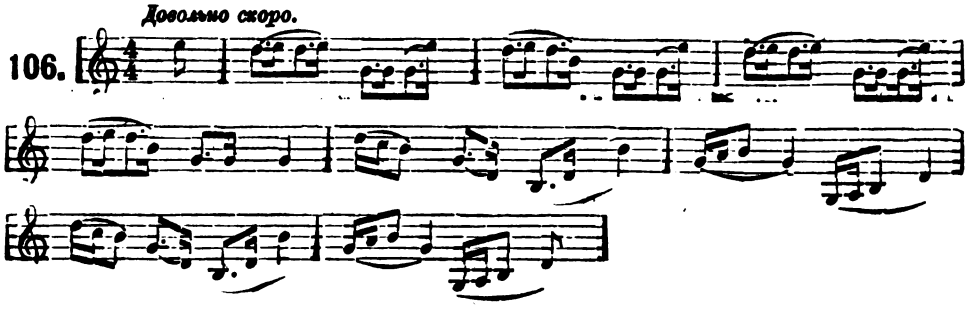
Умѣренно.

105. 

Digitized by Google

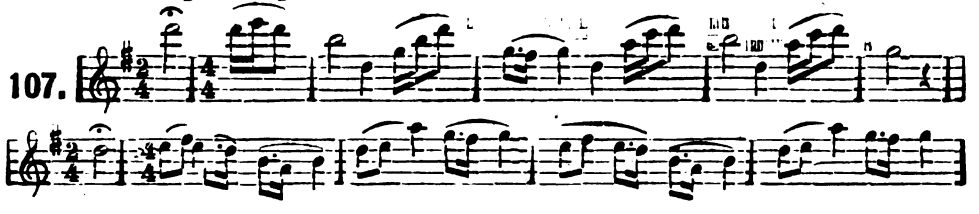
Саптар-юрга: Башкиръ ѣхалъ на прекрасной лошади и, восхищаясь ею, напѣвалъ эту мелодію безъ словъ. (Верхнеуральскій уѣздъ, дер. Ташбулатова.)

Довольно скоро.

106. 

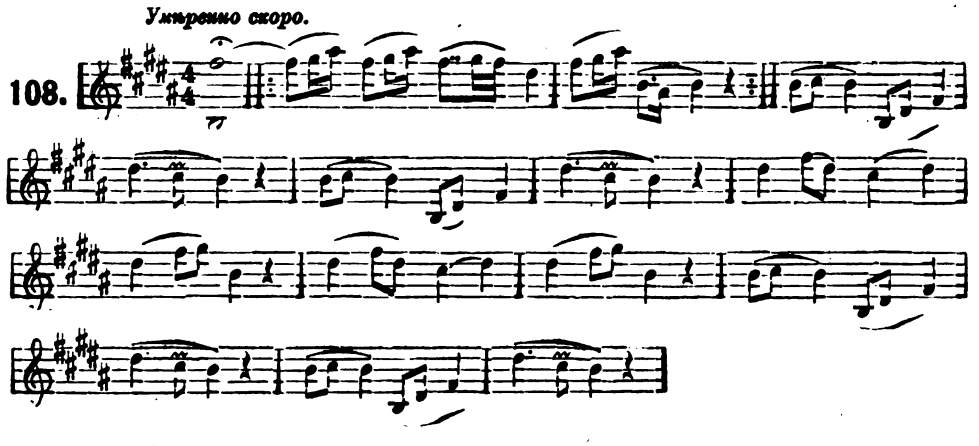
Буртатъ, это была прекрасная старая лошадь во время взятія Казани, похороненная съ почестями. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно скоро.

107. 

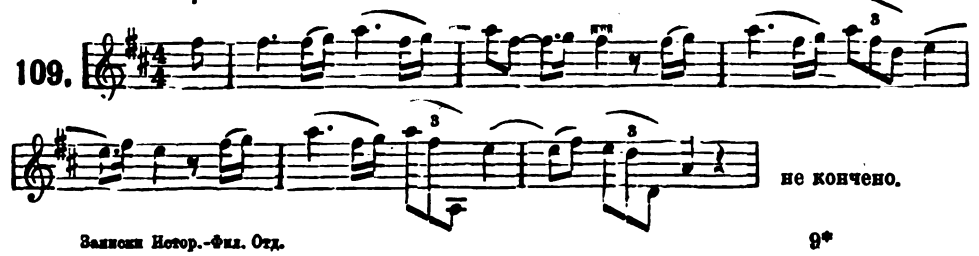
Буртатъ, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова I.)

Умѣренно скоро.

108. 

Буртатъ, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, пріискъ Горяевыхъ.)

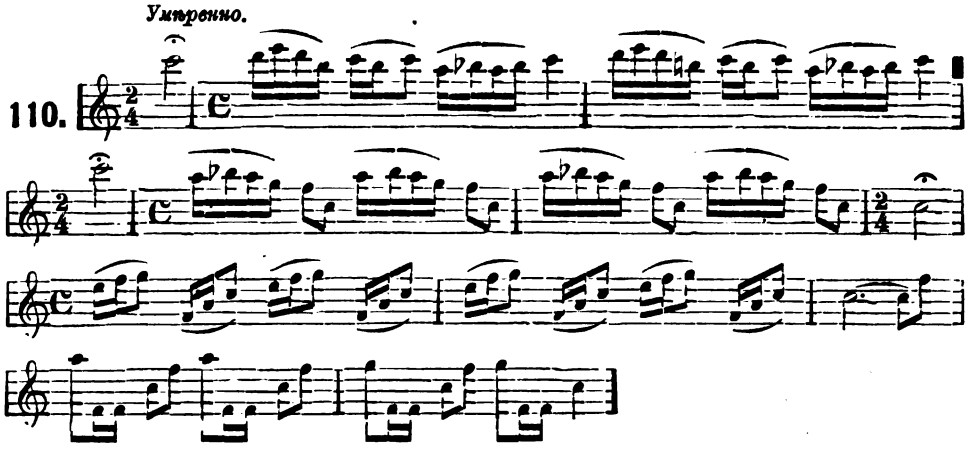
Умѣренно.

109. 

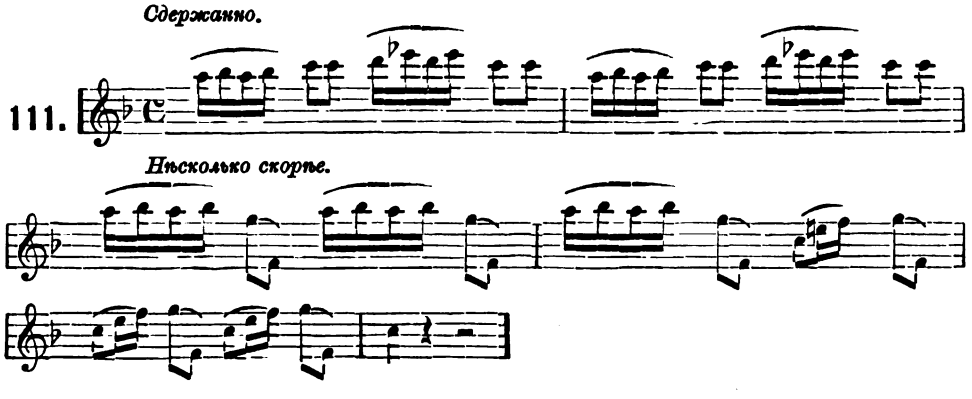
не кончено.

Digitized by Google

Кара́-юрга́ (карій иноходецъ): былъ у богатаго Башкира сынъ, который влюбился въ дѣвицу изъ другаго селенія; родители послѣдней препятствовали его влеченію и строго охраняли дочь. Тогда влюбленный обращается къ своему иноходцу и говоритъ: «карій мой иноходецъ! я осѣдлаю тебя, поѣзжай за моею невѣстой и привези ее». Иноходецъ отправляется и пріѣзжаетъ въ селеніе, гдѣ жила невѣста. Послѣдняя, увидѣвъ иноходца, стала просить у отца позволенія сѣсть на него: «Батюшка, позволь мнѣ покататься: мнѣ иноходецъ этотъ нравится», говорила она, — «сѣдло на немъ хорошее». Отецъ отвѣтилъ: «что же, покатайся». Тогда дѣвица сѣла и, проѣхавшись передъ отцомъ раза два, въ третій разъ сказала ему: «прощайте, батюшка, я больше къ вамъ не возвращусь» и уѣхала на иноходцѣ, догадавшись, что онъ былъ отъ жениха, по сѣдлу ли, или иноходецъ про то ей сказалъ, хорошенько неизвѣстно. Пѣсню подъ этимъ названіемъ слышалъ на Уралѣ въ прошломъ столѣтіи (1770 г.) академикъ Лепехинъ и упоминаетъ о ней въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ» (Орскаго уѣзда, дер. Темясова).



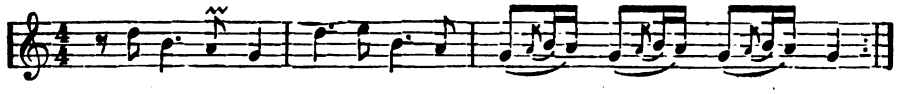
Кара-юрга. Варіантъ. (Орскаго уѣзда, Кананикольскій заводъ.)



Digitized by Google

В) Звукоподражательныя мелодіи: Орскаго уѣзда, дер. Темясова.

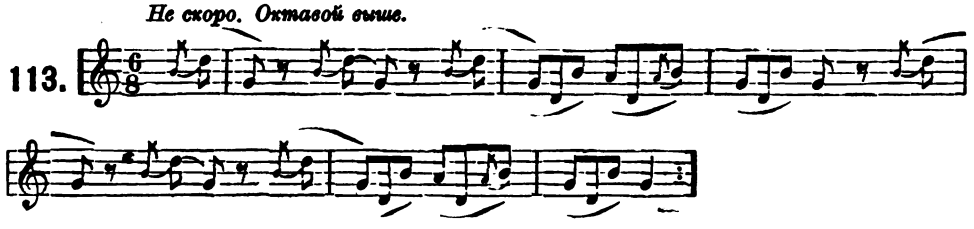
Лебедь.

112. 

Подражаніе голубю: дрь, дрь, у, у, у.

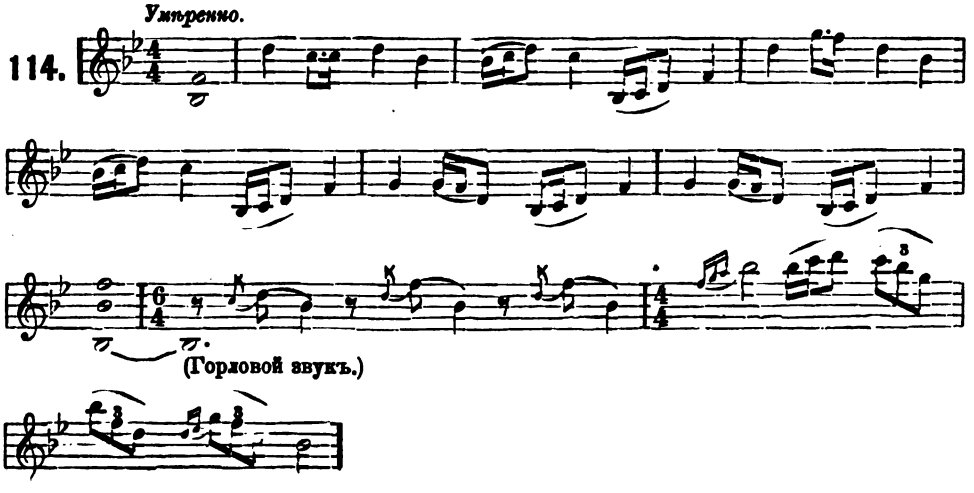
Какук (подражаніе кукованію кукушки). Ценҗыл-куj. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

Не скоро. Октавой выше.

113. 

Какукъ; 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова 2-я, 2-й Бурзянской волости.)

Умѣренно.

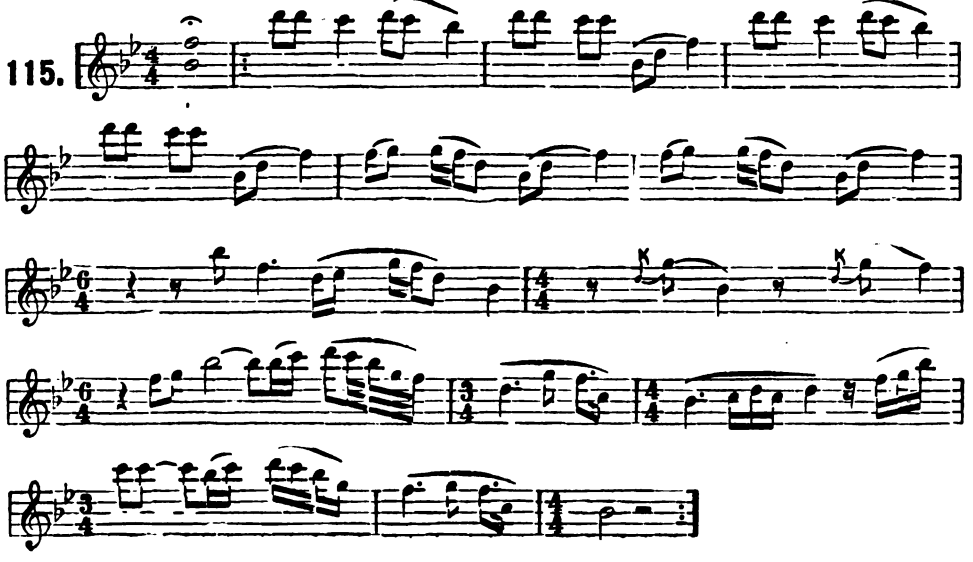
114. 

Digitized by Google

Какукъ. 2-й варіантъ (3-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда, въ дикой горной мѣстности, гдѣ русскихъ совсѣмъ нѣтъ).

Умѣренно.

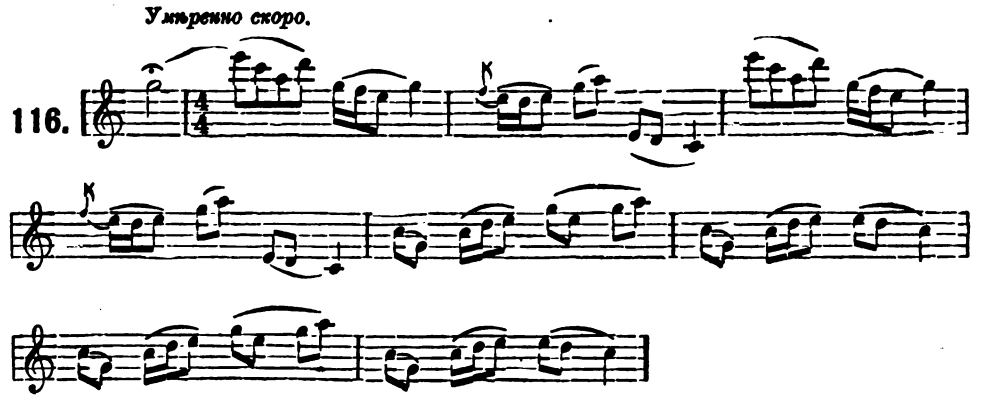
115.



Брдяня (перепелка); пѣсня сложена по поводу радостнаго пѣнія перепелки весною. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Умѣренно скоро.

116.

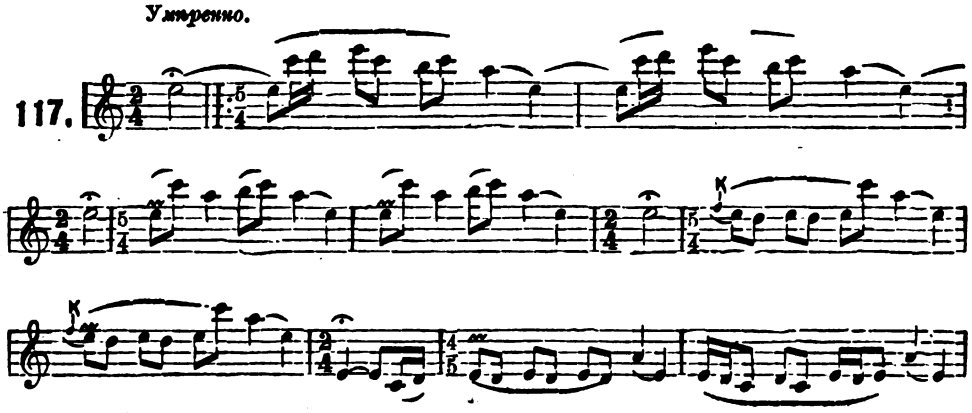


Digitized by Google

Сынгару турна (журавли): когда-то особенные журавли стаей ходили по горамъ; нѣкоторые изъ нихъ играли голосомъ, а другіе плясали. Дудочникъ башкирскій слышалъ ихъ и перенялъ ихъ игру. Этихъ журавлей рѣдко кто видитъ, а если кто увидитъ и услышитъ ихъ пѣніе, такой человѣкъ, по повѣрью Башкиръ, или будетъ необыкновенно счастливъ или вскорѣ умретъ. Башкиры говорили мнѣ, что народъ не любитъ слушать эту пѣсню, потому что гдѣ упомянутые журавли играли эту пѣсню, тамъ бывала прежде война или засуха. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

Утренно.

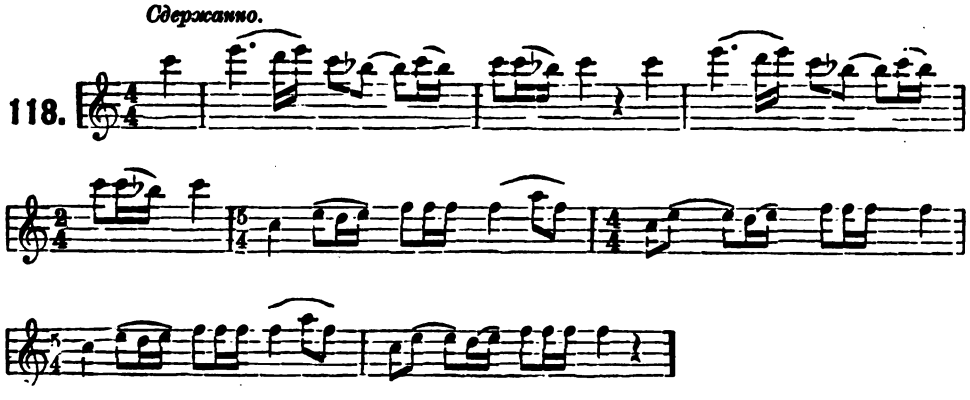
117.



Сынгару-турна. Варіантъ. (Кананикольскій заводъ, Орскаго уѣзда, записанный отъ крещенаго Башкира Ивана Лукманова.)

Сдержанно.

118.



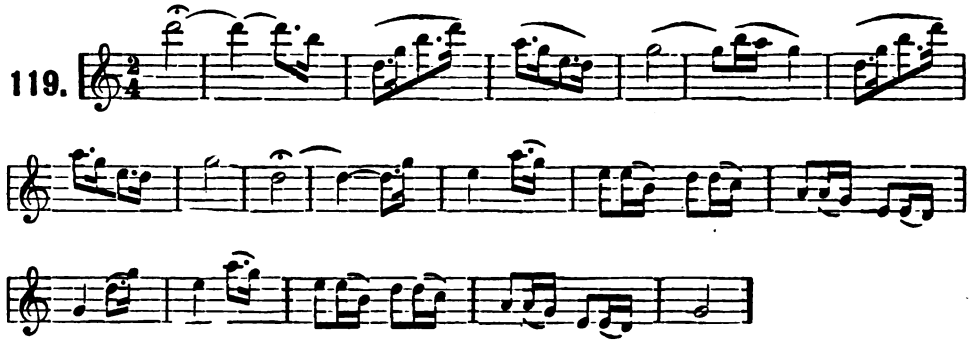
Digitized by Google

Г) Мелодіи различнаго характера.

Фани-дўнья (прекрасное прошлое время). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

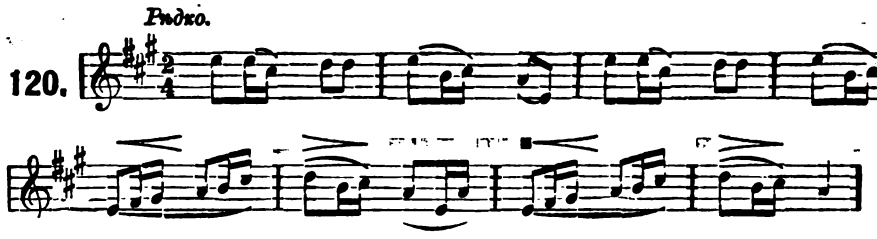
119.



Будымган. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.)

Рѣдко.

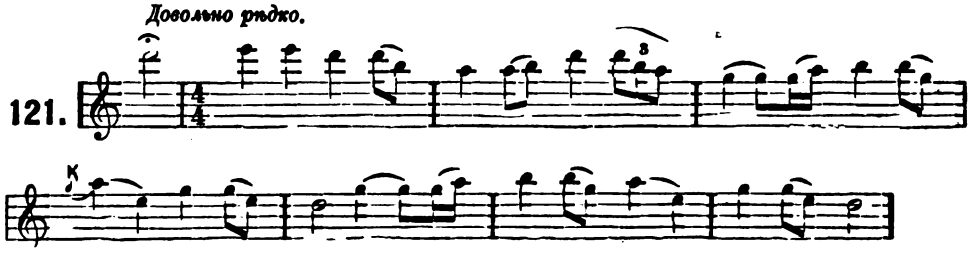
120.



Трахтирская: такъ называютъ Башкиры мелодію, которую часто исполняютъ въ трактирѣ въ Оренбургѣ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно рѣдко.

121.

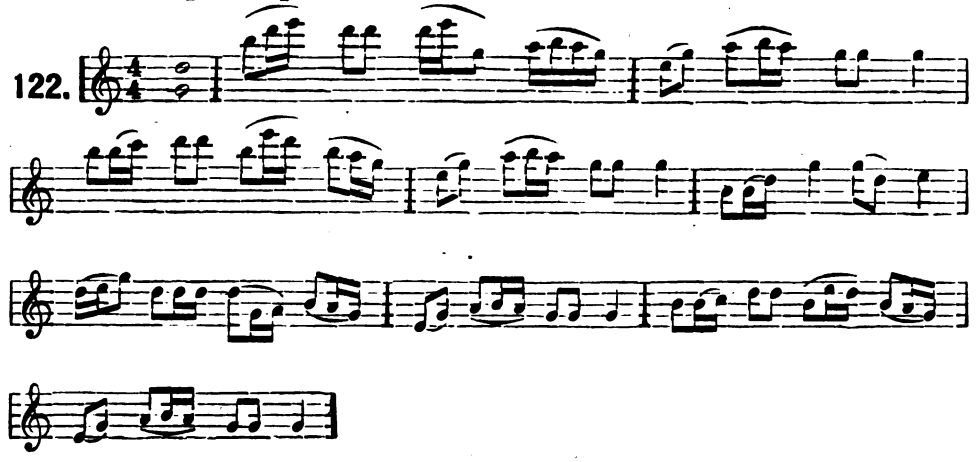


Digitized by Google

Йугра́. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ 3-й Бурзянской волости.)

Умѣренно скоро.

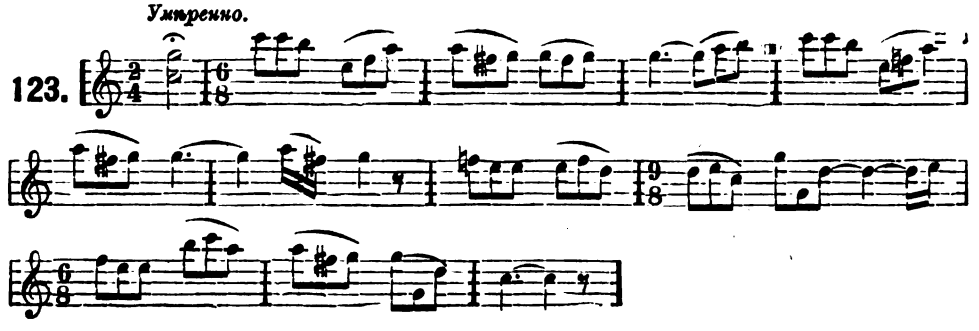
122.



Зая тулак, старинная пѣсня; игрокъ не зналъ, что за пѣсня. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

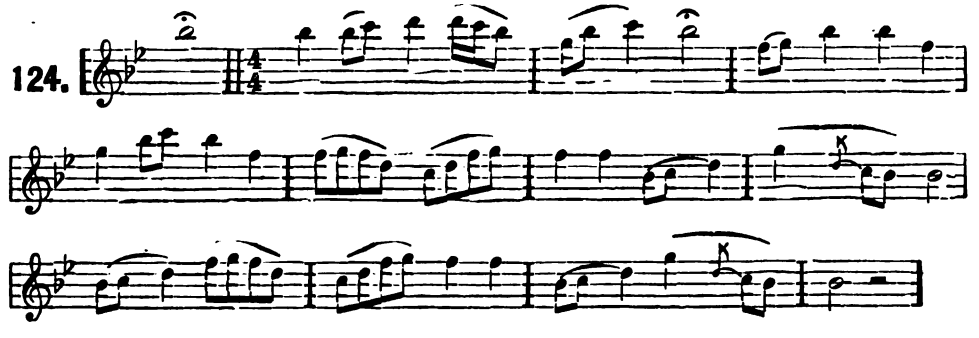
Умѣренно.

123.



Жыр-кюй (пѣсня). (Орскаго уѣзда, гора Максимъ).

124.

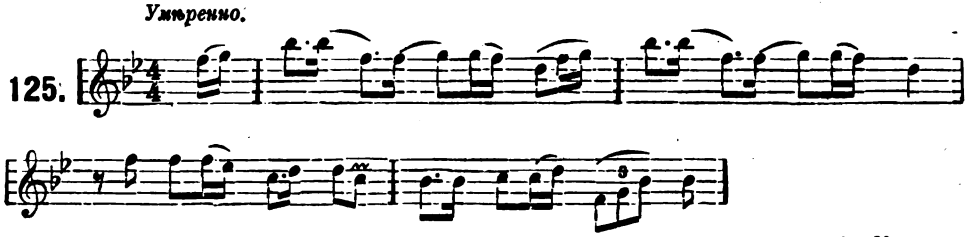


Digitized by Google

Жыр-кюй. Игрокъ не зналъ названія пѣсни. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

Умѣренно.

125.

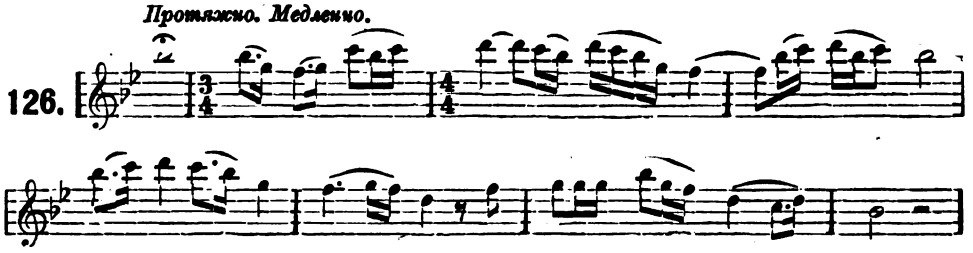


См. пѣсенную мелодію № 188.

Жыр-кюй; игрокъ не зналъ названія пѣсни. (Орскаго уѣзда, гора Масимъ.)

Протяжно. Медленно.

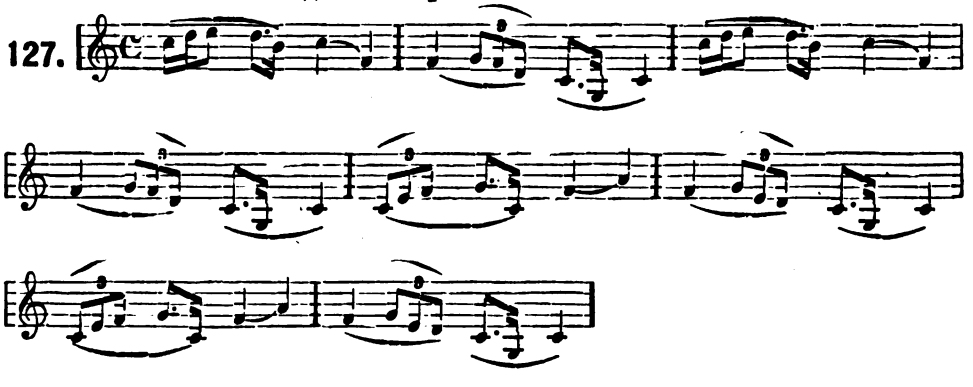
126.



Асамай. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

Октавой выше. Довольно скоро.

127.



Digitized by Google

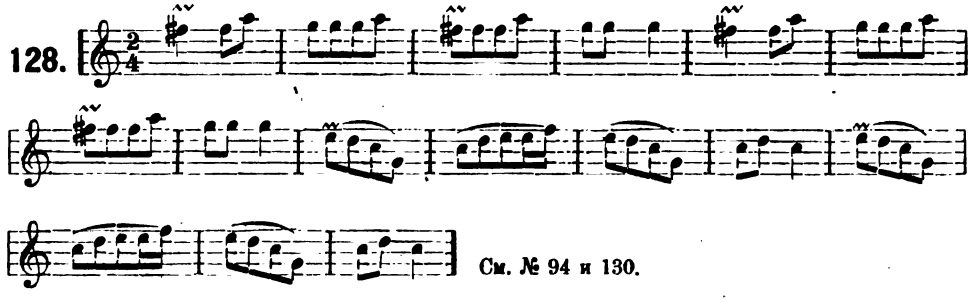
Д) Плясовыя мелодіи (біукуj).

(Всѣ относятся къ разряду ценъыl-куj, легкія пѣсни.)

Сукмуjул (густая черемуха). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Кабагушева.)

Скоро.

128.

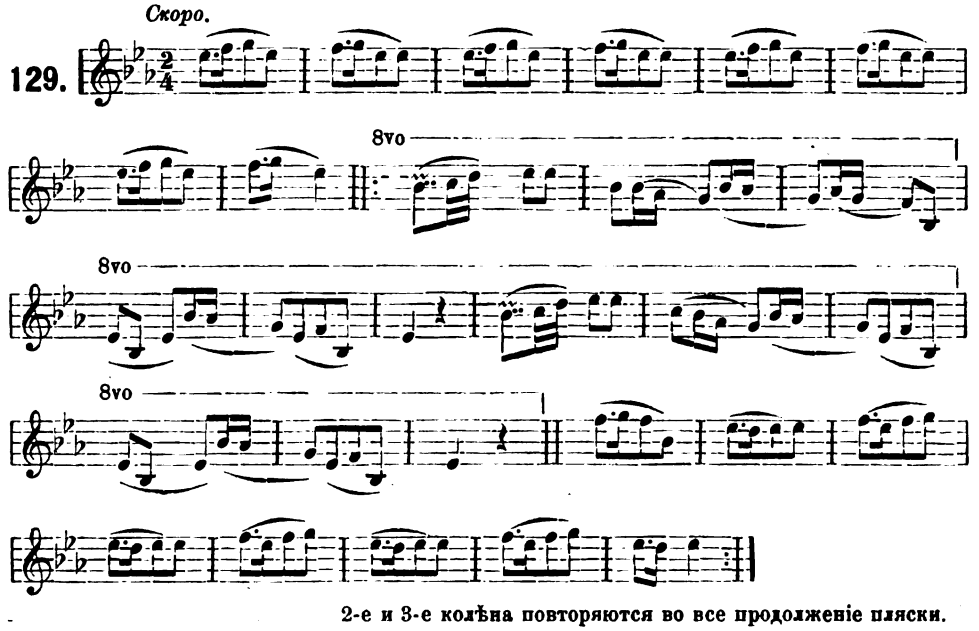


См. № 94 и 130.

Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Казаккулова.

Скоро.

129.

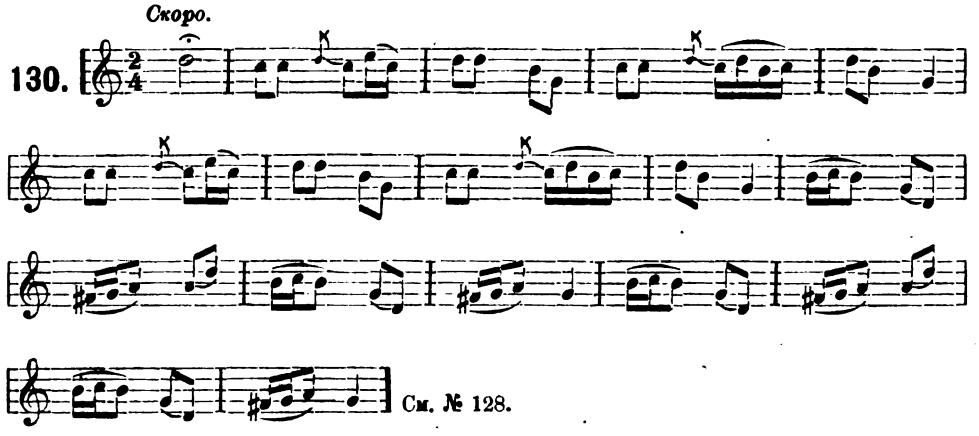


2-е и 3-е колѣна повторяются во все продолженіе пляски.

Digitized by Google

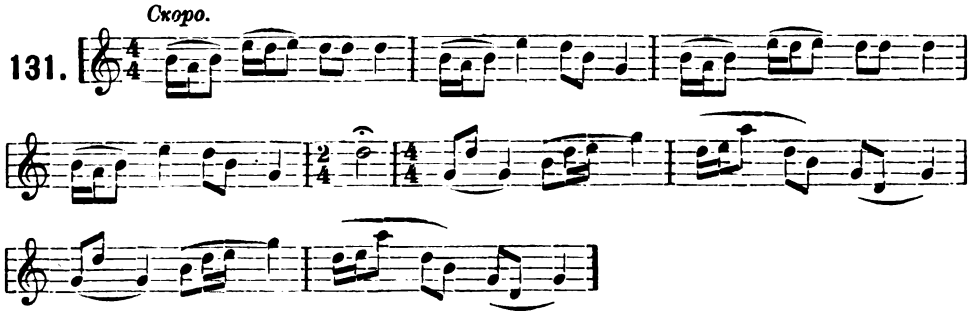
Сукмуjул (густая черемуха) № 2. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

130. *Скоро.*



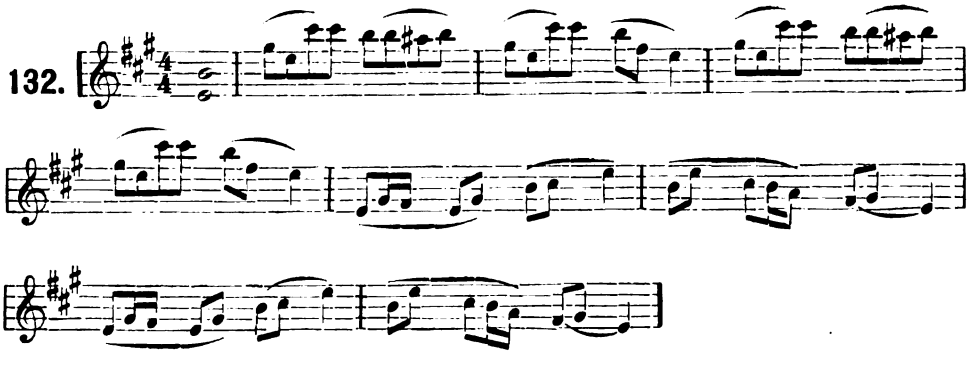
Заҕіда (женское имя). (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

131. *Скоро.*



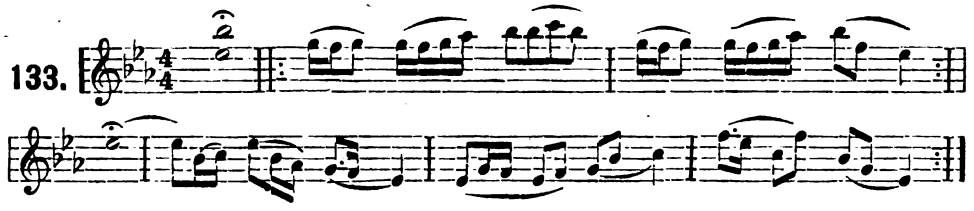
Заҕіда, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

132.



Заӻіда, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

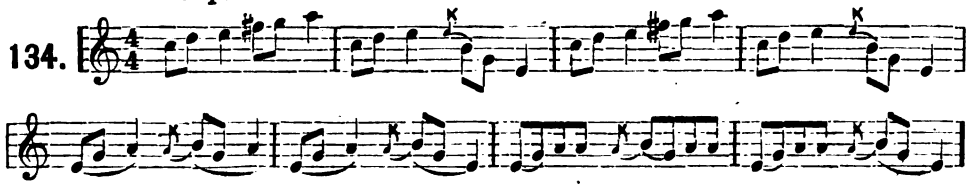
133.



Карабаев, кантонный начальникъ (2 кантона), дудочникъ. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Ташбулатова.)

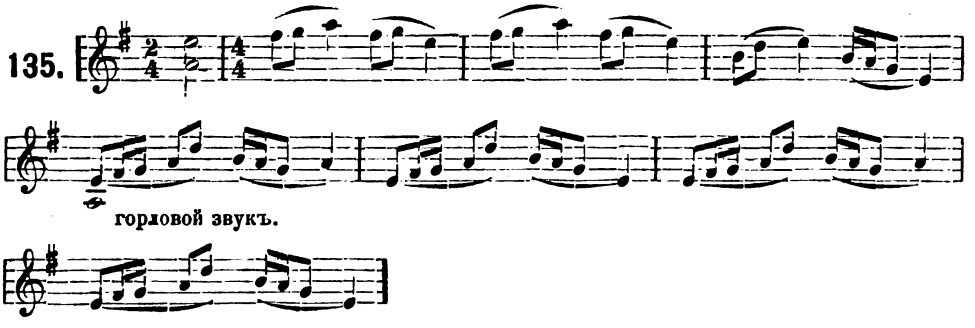
Не скоро.

134.



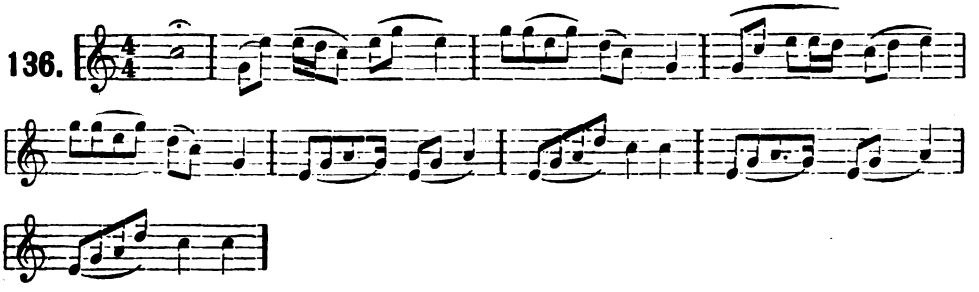
Варіантъ.

135.



Зарифа́, имя плясуньи, сочинившей эту мелодію и плясавшей подъ нее; она жила въ деревнѣ Кушеевой Тамьянотангаурской волости (Верхнеуральскаго уѣзда), отбилась отъ своего мужа и вела вольную, веселую жизнь, пѣла, сочиняла пѣсни.

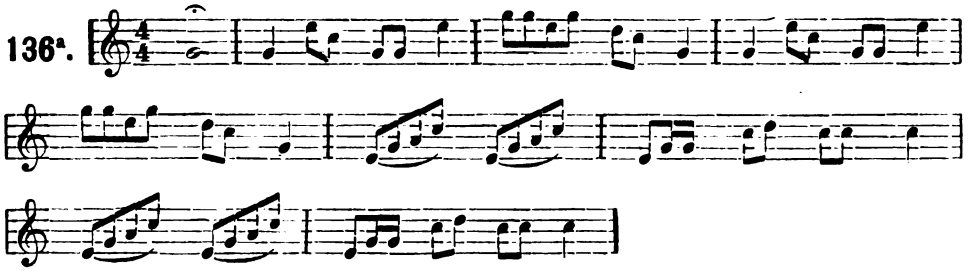
136.



Digitized by Google

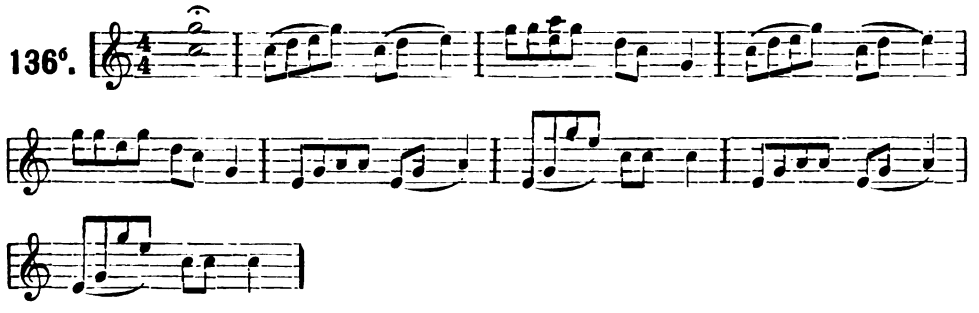
Зарифа́, 1-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

136ª.



Зарифа́, 2-й варіантъ. (Орскаго уѣзда.)

136б.

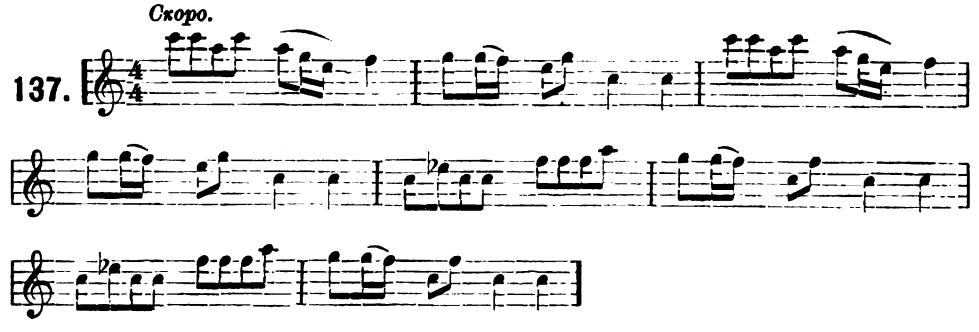


Плясовыя мелодіи дудочника (курайсы) Каракаева, игравшаго мнѣ въ деревнѣ Ташбулатовой (Верхнеуральскаго уѣзда).

Сочинилъ въ 1862 г.

Скоро.

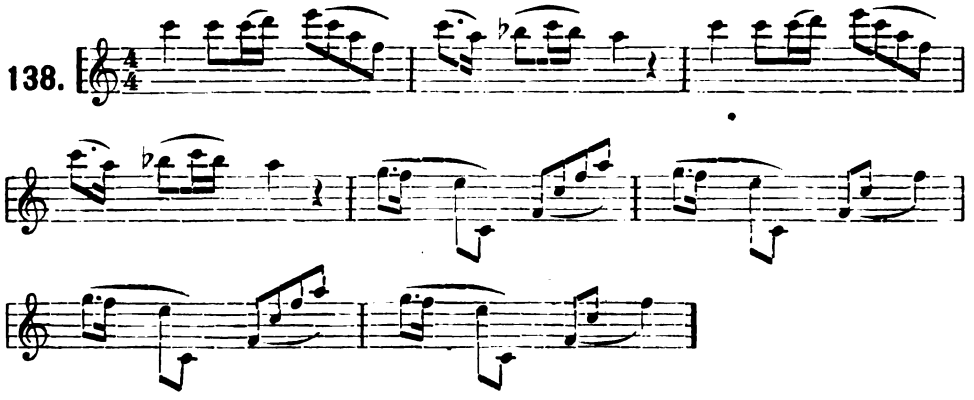
137.



Digitized by Google

Сочинилъ въ 1872 г.

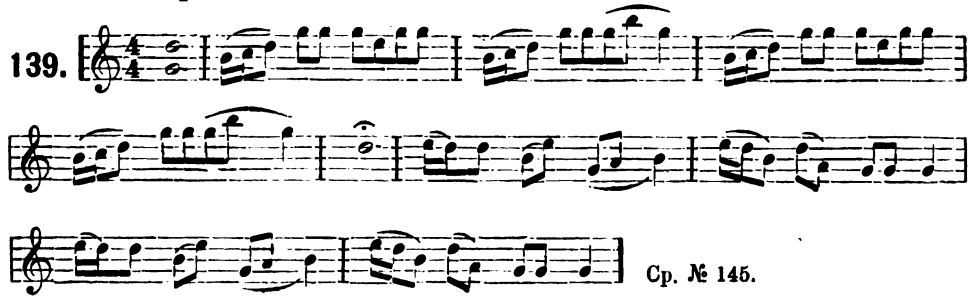
138.



Біукуj (плясовая мелодія); Башкиры ее играютъ на Ѳедоровской мельницѣ (Верхнеуральскаго уѣзда).

Скоро.

139.

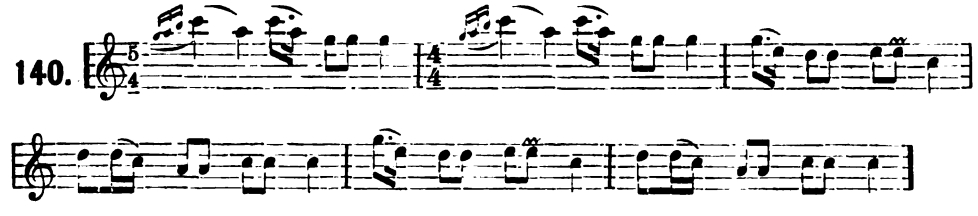


Ср. № 145.

Мелодія дудочника Биргалé изъ деревни Кусеевой, игравшаго мнѣ въ деревнѣ Темясовой (Орскаго уѣзда), біукуj (плясовая).

Скоро.

140.

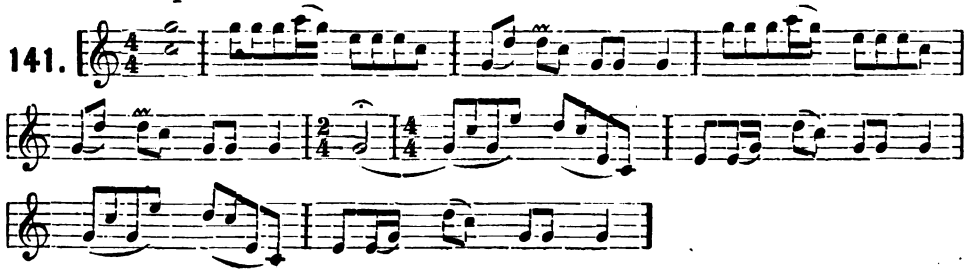


Digitized by Google

Сухын (сухумская пѣсня): Башкиры служили на Кавказѣ въ Сухумъ-Кале и принесли оттуда эту мелодію или, вѣрнѣе, сами сочинили въ память о Сухумъ-Кале. (Орскаго уѣзда, дер. Темясова.)

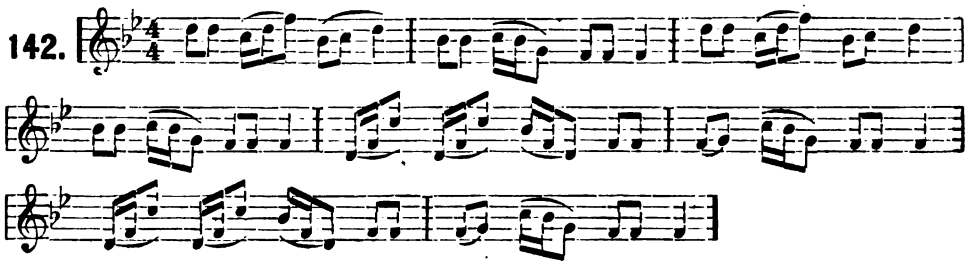
Скоро и легко.

141.



Сухын, варіантъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова.)

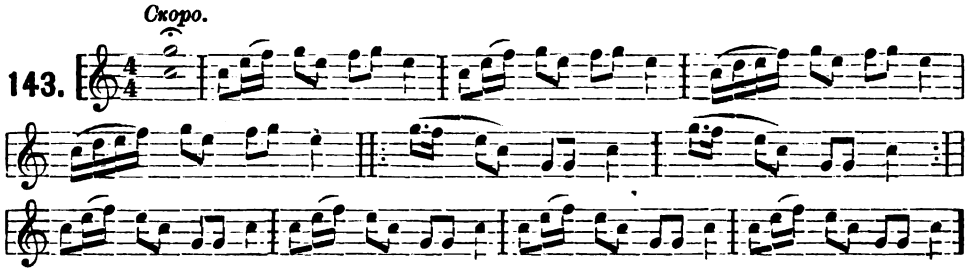
142.



Біукуі (плясовая). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

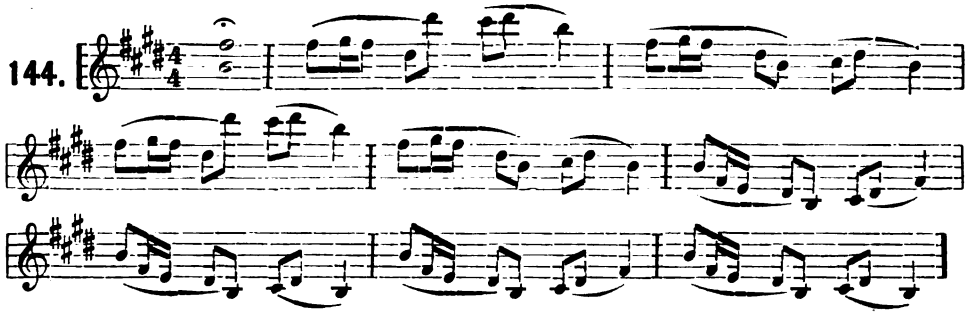
Скоро.

143.



Карымышев, непремѣнный членъ Стерлитамакскаго уѣзда, родомъ Башкиръ, магометанскаго исповѣданія.

144.

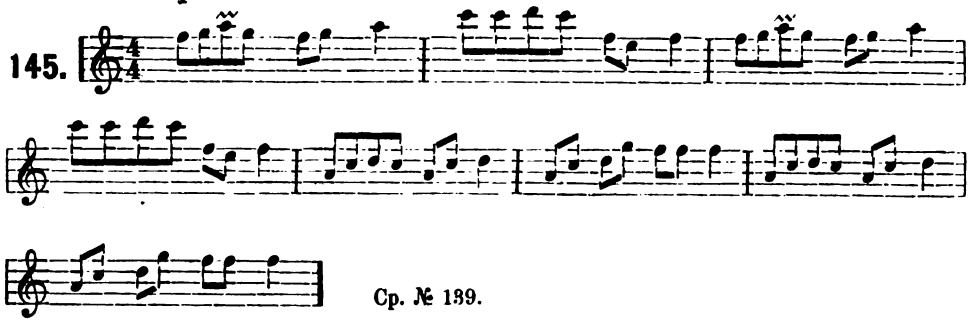


Digitized by Google

Ѳедоровская (на мельницѣ Ѳедорова, Верхнеуральскаго уѣзда).

Скоро.

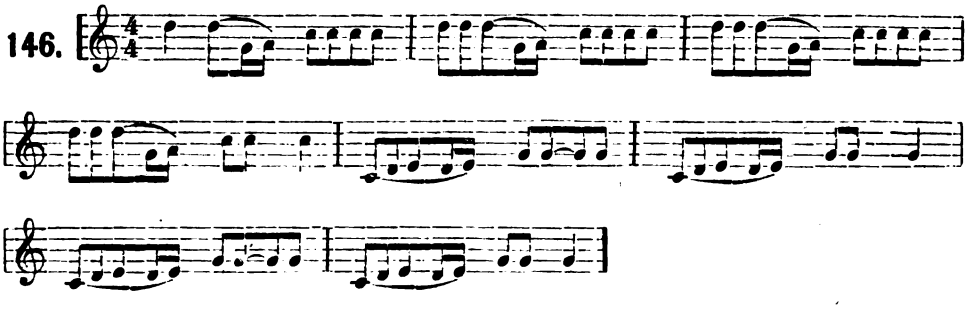
145.



Ср. № 139.

Біукуі (плясовая), (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова I).

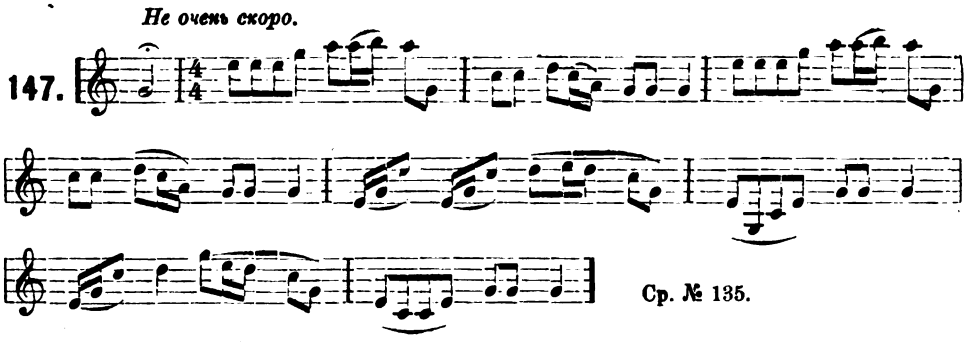
146.



Сухумская (варіантъ мел. сухын), принесена съ Кавказа изъ Сухумъ-Кале. Эту мелодію выдавали за татарскую, но по характеру ея построенія: размашистости, чрезвычайно широкимъ интерваламъ (нона) и употребленію какъ бы нашего вводнаго тона безъ разрѣшенія я склоненъ признавать за нею башкирское происхожденіе. (Верхнеуральскаго уѣзда, дер. Узунгулова.)

Не очень скоро.

147.



Ср. № 135.

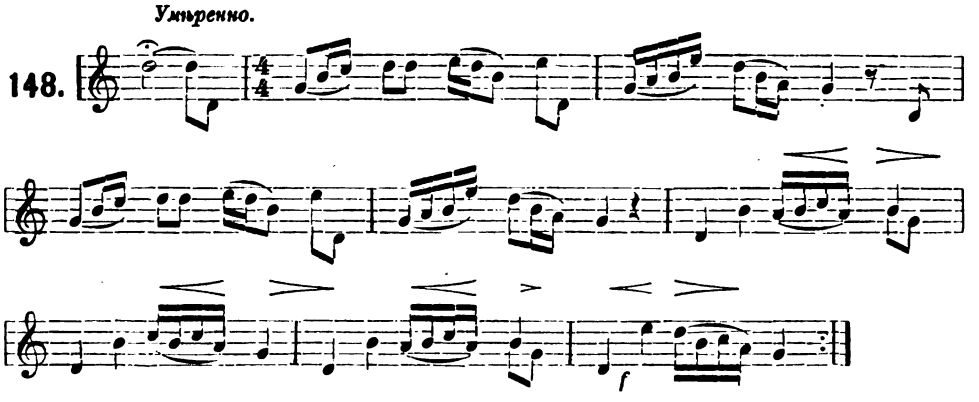
Digitized by Google

Марши.

Фортъ Перовскій. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Умѣренно.

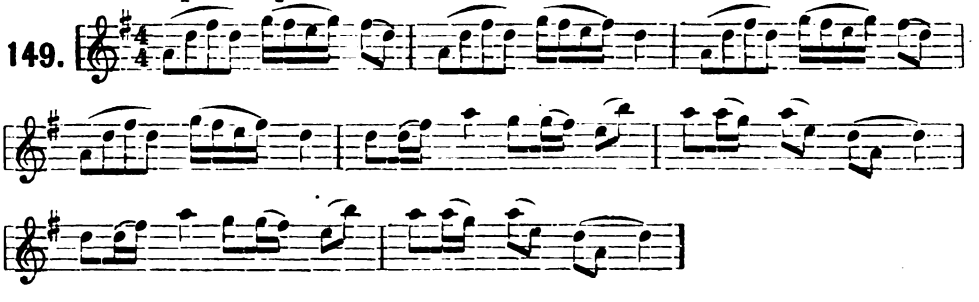
148.



Перовскій маршъ (иначе «какъ брали Казань»): Башкиры встрѣчали этимъ маршемъ въ горахъ генералъ-губернатора Перовскаго; замѣтно вліяніе русскихъ полковыхъ маршей. (Верхнеуральскаго уѣзда.)

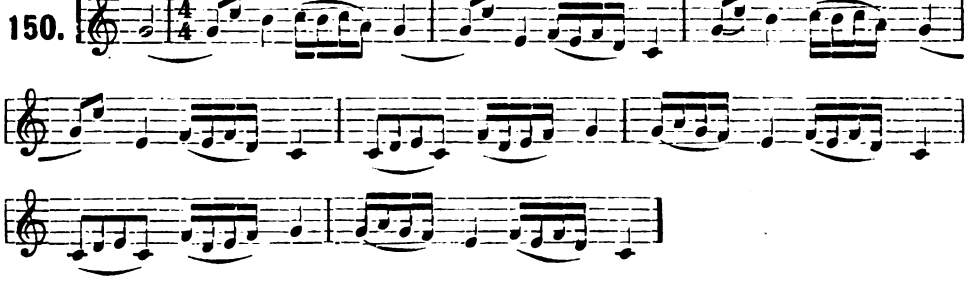
Умѣренно скоро.

149.



Перовскій маршъ; варіантъ (въ Орскомъ уѣздѣ, дер. Темясова).

150.

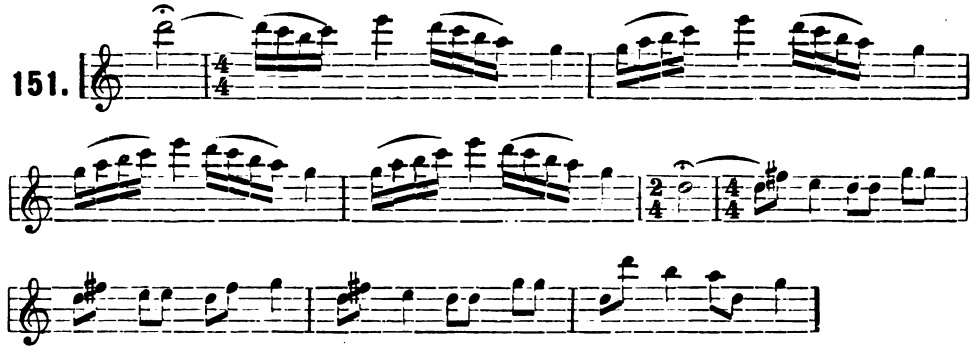


Digitized by Google

Манежъ, мелодіи, подражающія музыкѣ при ученіяхъ въ манежахъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Довольно скоро.

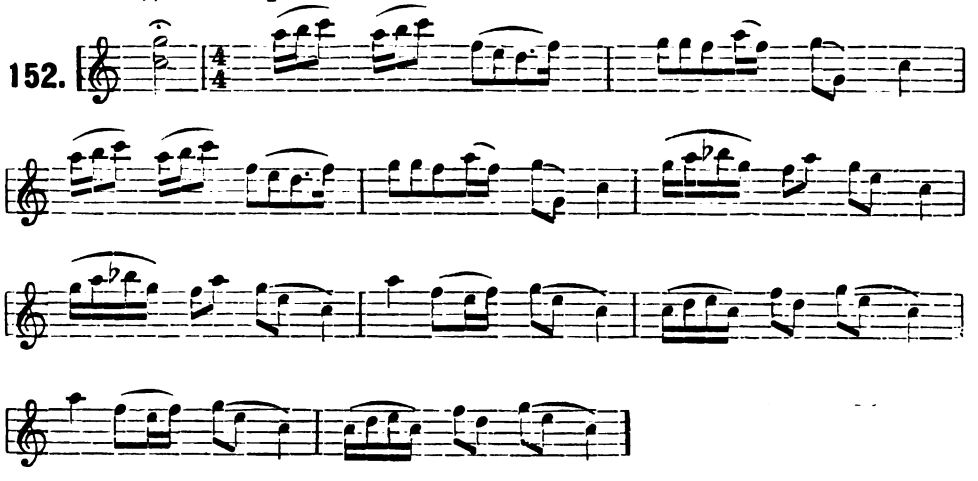
151.



Манежъ, варіантъ.

Довольно скоро.

152.

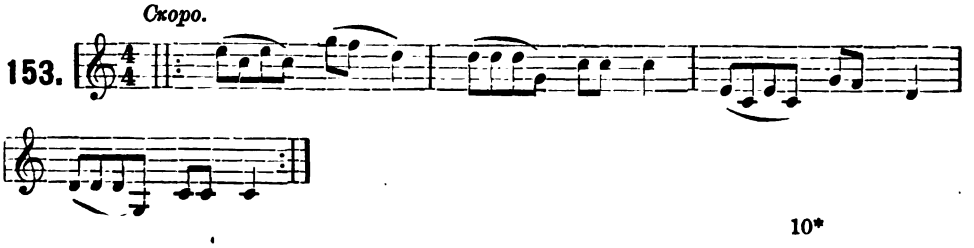


Е) Русскія пѣсенныя мелодіи въ передѣлкѣ Башкиръ.

Чижикъ. (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Скоро.

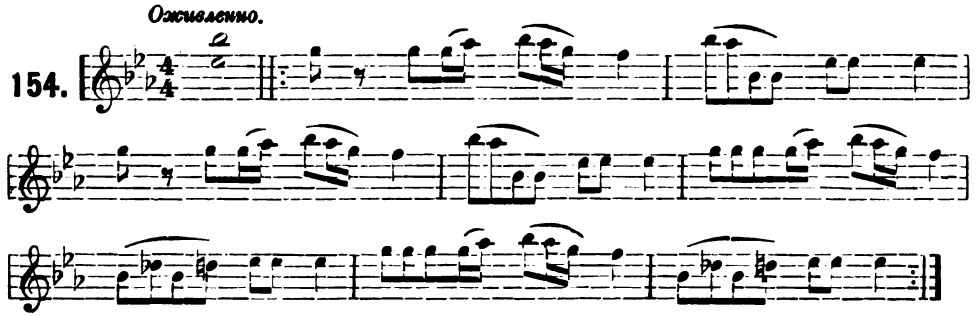
153.



Digitized by Google

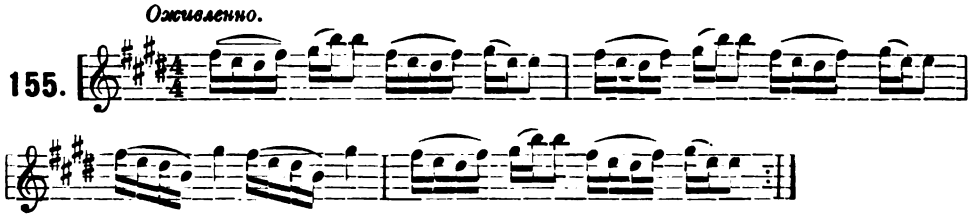
Казачка (казачóкъ). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Оживленно.

154. 

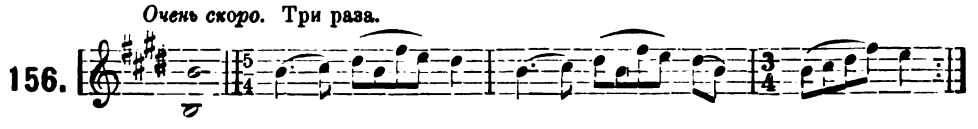
Казачка. Варіантъ. Орскаго уѣзда, Кананковскій заводъ.

Оживленно.

155. 

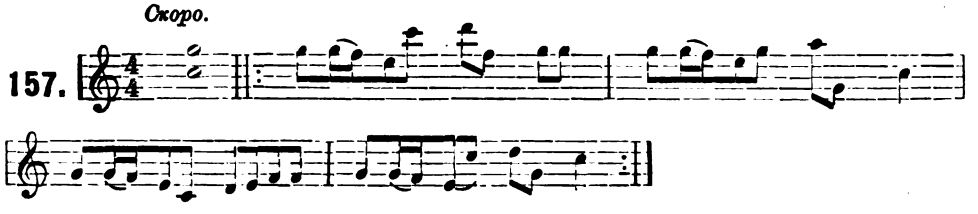
Ба́рина (барыня). (Орскаго уѣзда, дер. Иткулова II.)

Очень скоро. Три раза.

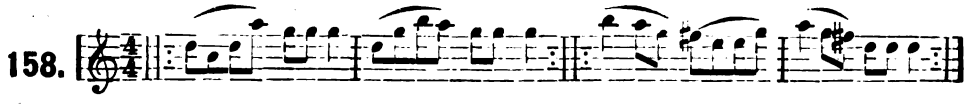
156. 

Ба́рина, варіантъ.

Скоро.

157. 

Косары. (Орскаго уѣзда, дер. Мендегулова, гора Масимъ.)

158. 

Digitized by Google

Протяжныя, проголосныя пѣсни Башкиръ.

Куйляп (также жыр №№ 159—187).

1. Сталдын исак суктырдым карагай ине кумыры.
   Агакаем Искандярнын кыскагна булды гумыры.
   Ак куянларның азыга балусакларнын кабагы.
   Агакаем Искандярнын бурзянларга булсын йазыгы.
2. Агакайганам бар сакта ултраидым уйнун туринда,
   Агакаем минун уафат булгас табалмаймын ишик тӱбендӓ.
   Юрдай башы сварат сылайдай сийпай кимменер?
   Агакайганам Искандярнын сылаб сыпаб кіймен кем кіяр?
   Сакмардай саунан купырын есьбурау блян бӧтергӓн.
   Агакайганам Искандярнын бурзянларнын бур ултырган.

Переводъ.

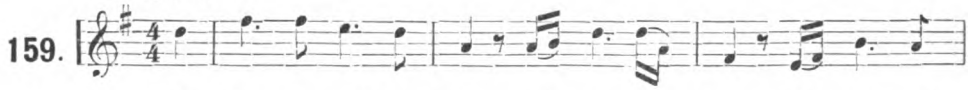
1. Я сдѣлалъ стальной ножъ на сосновыхъ угляхъ.
   Нашъ братъ Искандяръ жилъ недолго.
   У бѣлаго зайца пища — осиновая кора.
   Смерть моего брата Искандяра пусть зачтется въ грѣхъ для бурзянцевъ.
2. Когда былъ живъ мой братъ, я сидѣлъ въ переднемъ углу,
   Когда же братецъ умеръ, не могу найти мѣста даже у дверей.
   Кто будетъ гладить, ласкать и садиться на рыжаго иноходца?
   Кто будетъ носить, пригладивъ и встряхнувъ, одежду братца Искандяра?
   Сакмарскій мостъ стоитъ на трехъ быкахъ.
   Братца Искандяра убили бурзянцы-воры.

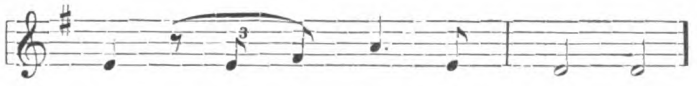
Искандяръ (Александръ) — чиновникъ-башкиръ бурзянской волости (10 кантона) Орскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, былъ убитъ, а дѣти (или братья) сложили эту пѣсню (изъ эпохи контоновъ). Поется во всякое время. Бурзянцы — Башкиры бурзянской волости. Сакмарскій мостъ — черезъ рѣку Самару, впадающую въ р. Уралъ близь Оренбурга.

Digitized by Google

Тафтеляу.

Умѣренно.

159. 



См. пѣсни №№ 26, 66, 67 и 179.

1. Иртän сäккäй тороп ай карасам:
Бул(буз)тургайлар сӳтäрляр уйынды;
Бызда-лагнай шулай уйнаридык,
Йанҗызлыкай кисярляр муйынды.

2. Ишыкаим алды киң йаланда
Ак куянларның езе йок.
Бызның белян уйнап кульган,
Дусишларның инделагна аның бере йок.

3. Ер желяки пшканча,
Ниндай емиш сӳйясец?
Ӳз'ӳзеңне бӳтрӳб,
Ник бухатли куйясың?

1. Вставши рано, я смотрю:
Синицы поютъ пѣсни;
И мы желали бы такъ же пѣть,
Но одиночество гнететъ насъ (рѣжетъ нашу шею).

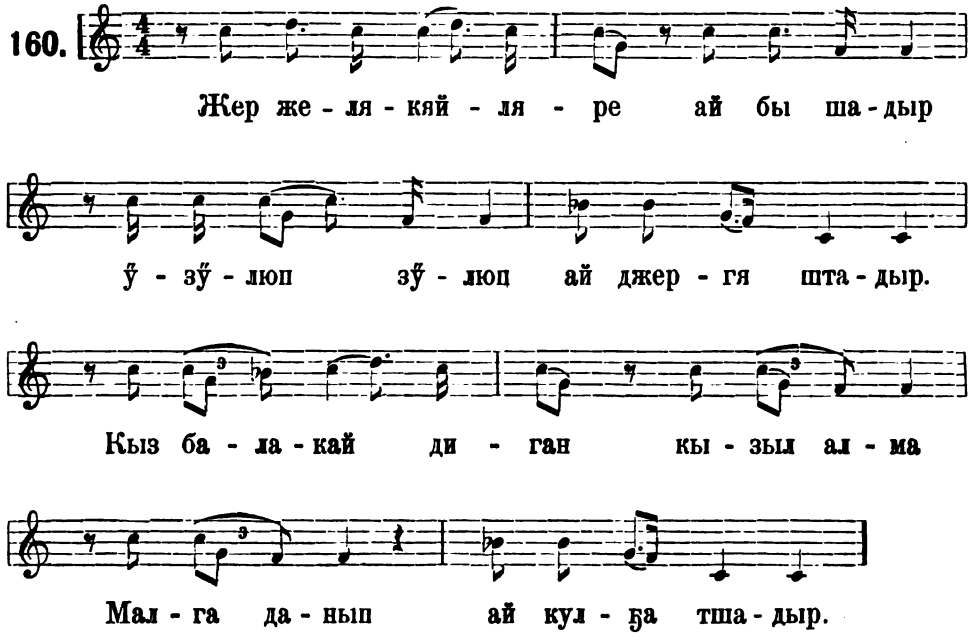
2. Въ широкой степи предъ моей дверью
Нѣтъ слѣдовъ отъ бѣлаго зайца.
Со мной играли и смѣялись мои друзья,
А теперь ни одного нѣтъ.

3. Прежде, чѣмъ поспѣваетъ клубника,
Какую ты ягоду любишь?
Изнуряя самого себя,
Зачѣмъ ты такъ горюешь?

Digitized by Google

Умѣренно.

160.



1. Жер желякяйляре ай пшадыр,
Ӱзӱлюп (д)жергя тшадыр.
Кыз балакай диган кызыл алма,
Малгалданып кулӈа тшадыр.

2. Жыр жырладай дибук айтасыз:
Жырны кайдан алып жырлаим?
Злашып сурашып эй караим,
Табалмасам займы алаим.

3. Алтын іяр атка тіяр,
Тисäля йабыр итмäс.
Елькнä жюрäк яш сакта,
Басла басла китäр даур утқас.

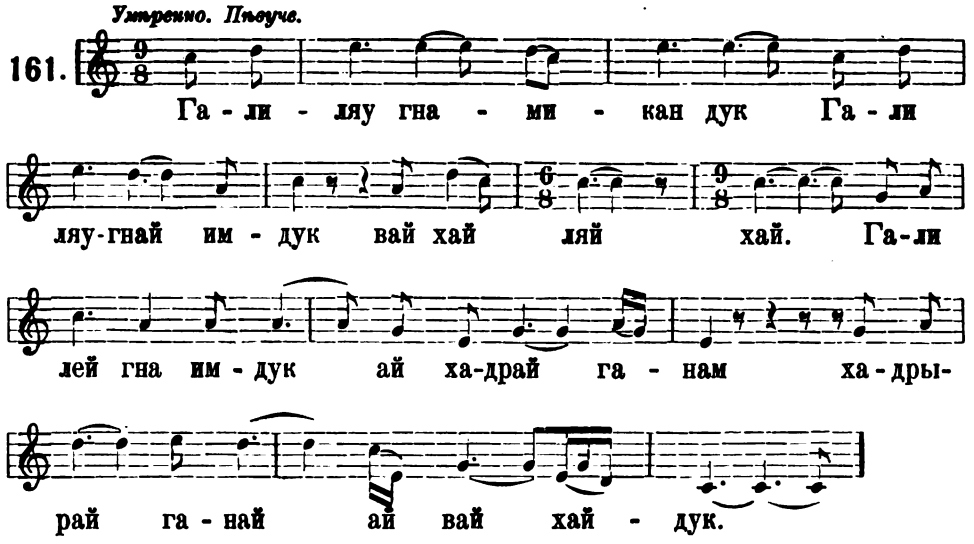
1. Клубничка поспѣваетъ
И, обрываясь, падаетъ на землю.
Дѣвица, красное яблоко,
Прельщаясь вещью, попадаетъ въ чужія руки.

2. Вы говорите, чтобы я пѣлъ пѣсню:
Откуда взять мнѣ пѣсенъ и пѣть?
Попробую поищу, спрошу,
Если не найду, то взаймы возьму.

3. Золотое сѣдло и безъ потника
Не портитъ у лошади спины.
Сердце волнуется, пока молодо,
Утихнетъ, утихнетъ, когда пройдетъ время.

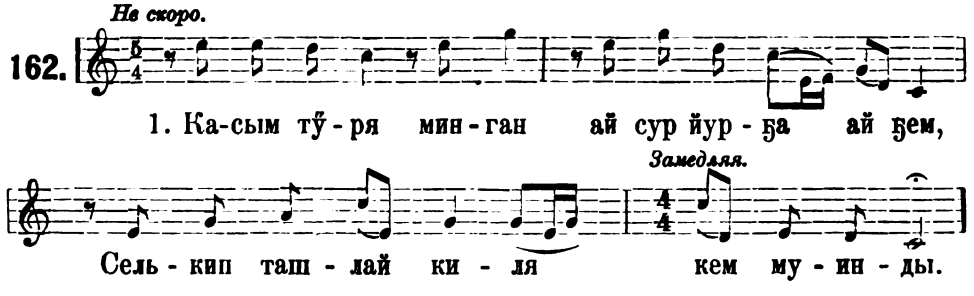
Digitized by Google

Верхнеуральскаго уѣзда, пріискъ Гана.



Текстъ, лишенный смысла, употребляемый въ видѣ запѣва (см. подобный запѣвъ безъ значенія въ татарскихъ пѣсняхъ № 37 и 44; также стр. 64).

Касым тӯря. Орскаго уѣзда, дер. Темясова: жыр или куйляп (протяжная пѣсня).



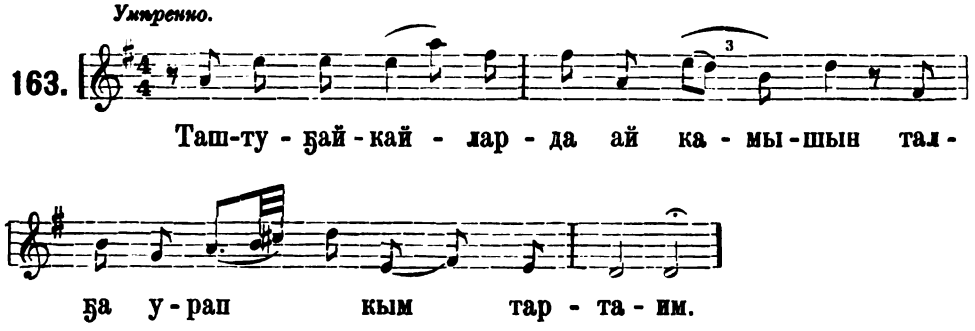
См. инструмент. мелодію № 91 и пѣсню № 178.

1. Касым тӯря минган ай сур йурҕа ай ҕем,
Селькип ташлай киля кем муинды.
Касым тӯря уафат булҕас
Ластыр-майор курсатыр уинды.
2. Алыстын киля карван Хиуадан (Бухардан);
Бызныҥ без буирда ултрыу бәндәлярдән туҕыль Худайдан.

1. Касымъ-чиновникъ ѣдетъ на буромъ иноходцѣ,
Который идетъ, помахивая шеей.
По смерти Касыма-чиновника
Плацъ-майоръ показываетъ ученье.
2. Изъ далека идетъ караванъ — изъ Хивы (Бухары);
Что мы сидимъ здѣсь, — это не отъ людей, а отъ Бога.

Digitized by Google

Таштуҕай (каменный лугъ), жыр (протяжная пѣсня).



См. пѣсню № 165.

1. Таштуҕайкай камыш талҕа урап тартаим.
   Жалан ерниң какук(ы) йук зир урап зирҕа кабат кайтаим.
2. Таштуҕайкай саунын буинда бурулуп бурулуп ускан бер улян.
   Йорт иллярем иска тышканда бер ультрам бер турам.
3. Таштуҕайла синың камышыңны курайлаҕна итып тартаик.
   Жаланҕна ирдын какукы йок, жӱр урманкайларҕа кайтаик!
4. Кумышкна юзюк табы балдым азбарыскайлары утлыктын.
   Жарлаҕымда килип жарламаймым хасрятларым кайгым.

Переводъ.

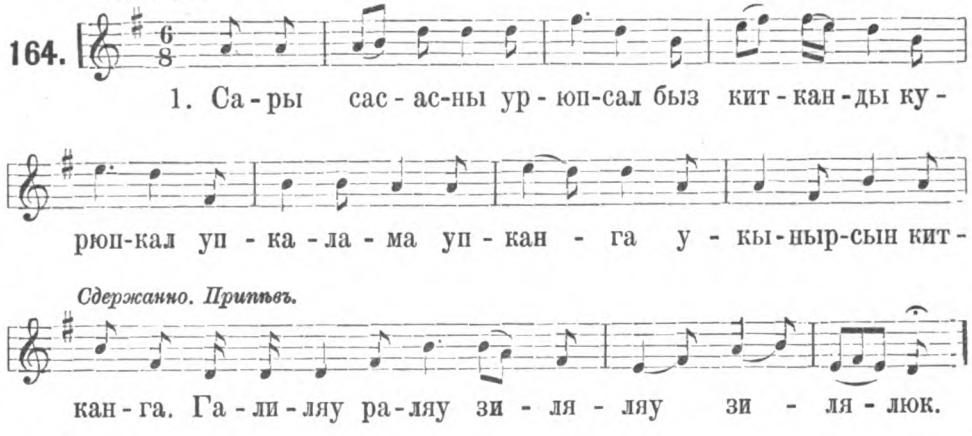
1. Я обвертываю тальникъ камышемъ съ каменнаго луга и тяну.
   Въ степныхъ мѣстахъ кукушекъ нѣтъ, я прохожу (такія) мѣста и возвращаюсь назадъ.
2. По каменному лугу выросла трава, свиваясь.
   Когда вспомню свою родину, тогда то сажусь, то встаю.
3. Каменный лугъ, изъ твоего камыша мы сдѣлаемъ дудку и будемъ играть.
   Въ степныхъ мѣстахъ кукушекъ нѣтъ, пойдемъ, возвратимся въ лѣсъ!
4. Я нашелъ серебряное кольцо въ амбарѣ на ясляхъ.
   Пою я не отъ охоты, а пою отъ множества думъ и горя.

Digitized by Google

Сары сäс; жыр.

Не скоро.

164.



См. инструментальную мелодію № 97.

1. Сары сасас урюпсал;
Быз китканды курюпкал.
Упкалама упканга:
Укынырсын китканга.
Припѣвъ. Галиляу раляй зиляляу зилялюк.

1. Сплети желтые волосы;
Посмотри, какъ я ухожу, и оставайся.
Не сердись за мой поцѣлуй:
Будешь жалѣть, что я ушелъ.

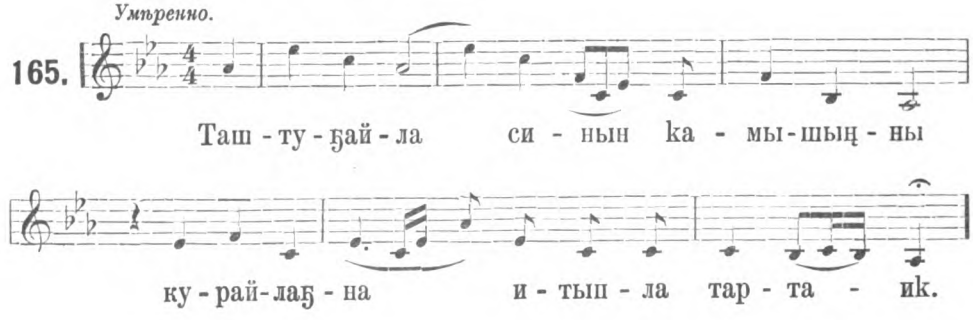
2. Жӳргäн жерляр калд'инде,
Сарыса улян алдында.
Быз китканны karай karай,
Караса кузлар талд'инде.
Припѣвъ. Залиляу раляу зиляляу зилялюк.

2. Мѣста, куда я ѣздилъ, остались тамъ (сзади),
Впереди — желтоватая трава.
Смотрѣли, смотрѣли ея черные глаза,
Какъ мы отъѣзжаемъ, и устали.

Таштуӈай (Каменный лугъ № 2).

Умѣренно.

165.

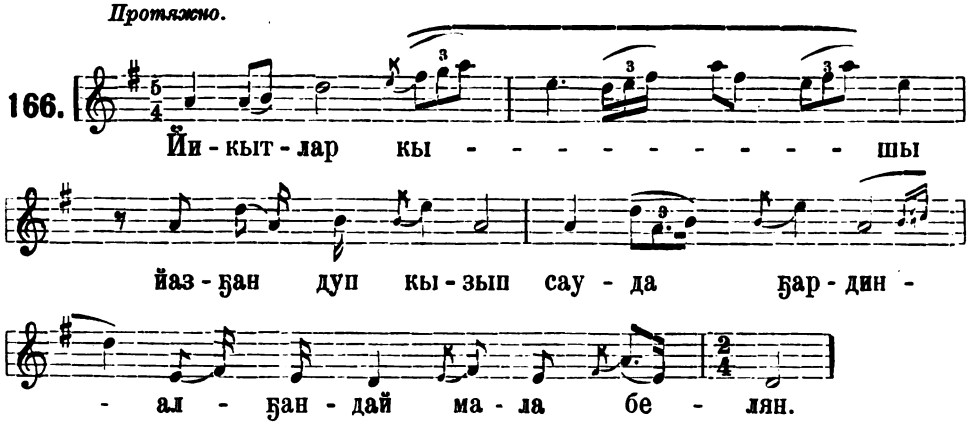


См. пѣсню № 163, строф. 3.

Digitized by Google

Протяжно.

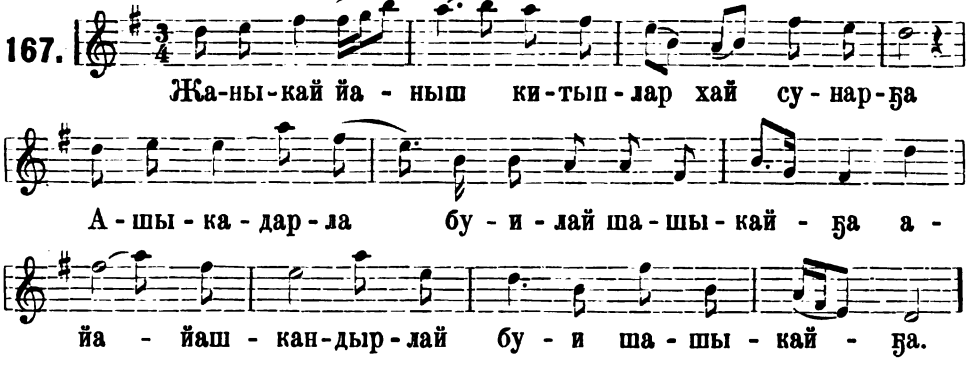
166.



Ашкадар. Жилъ башкиръ Шамсуддилъ лѣтъ 70 назадъ на рѣчкѣ Ашкадаръ, впадающей въ Бѣлую ниже Стерлитамака, въ дер. Аючиной, и умеръ благодаря какому-то несчастью; жена его Бай-Султанъ оплакала его кончину въ пѣснѣ, ею самою составленной. Дер. Юлукъ, 1-й Бурзянской волости, Орскаго уѣзда.

Протяжно.

167.



См. инструментальную мелодію № 104.

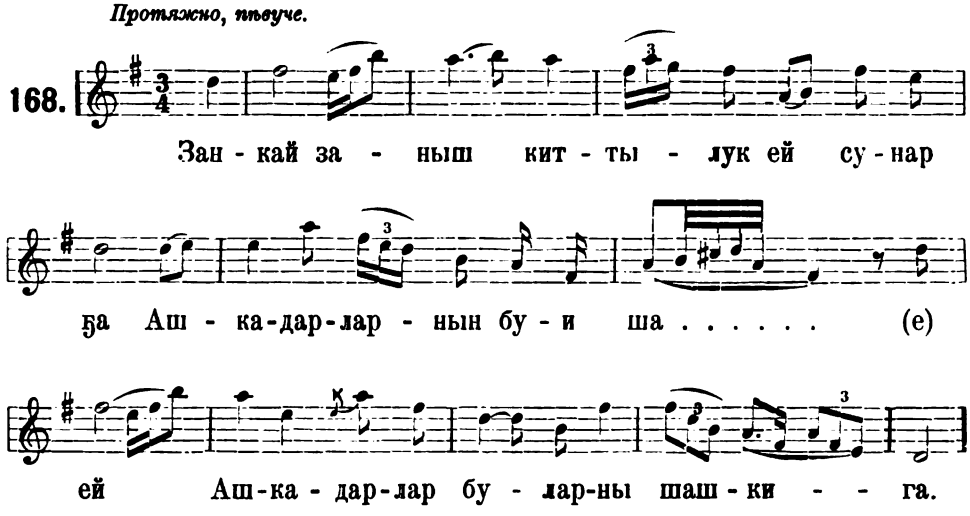
1. Жаныкай йаныш китты сунарға
Ашкадарда буи шашкаға,
Шашкағала китып шағитулды;
Башканаим калды йашкна.
2. Ашкадарда буи йатыуы
Кашбина туңмай йатыуы.
Шашкағала китып фанабулды,
Таштай кумдай (ғундай) аның батыуы.

1. Душа моя, душенька ушелъ охотиться
За куницей по рѣкѣ Ашкадару,
Ушедши за куницей, умеръ мученически;
Моя головушка осталась молодою.
2. По Ашкадару яры (глубокія мѣста)
Лежатъ цѣлую зиму, не замерзая.
Ушелъ (онъ) за куницей и умеръ,
Утонулъ какъ камень или песокъ.

Digitized by Google

Ашкадар, варіантъ. Пріискъ Горяевыхъ, Орскаго уѣзда.

Протяжно, пѣвуче.



1. Заныкай заныш китты ей сунарҕа
Ашкадарларнын буи шашкига,
Шашкаларга китып уафат булды;
Башкнайларым калдук йашкнук.

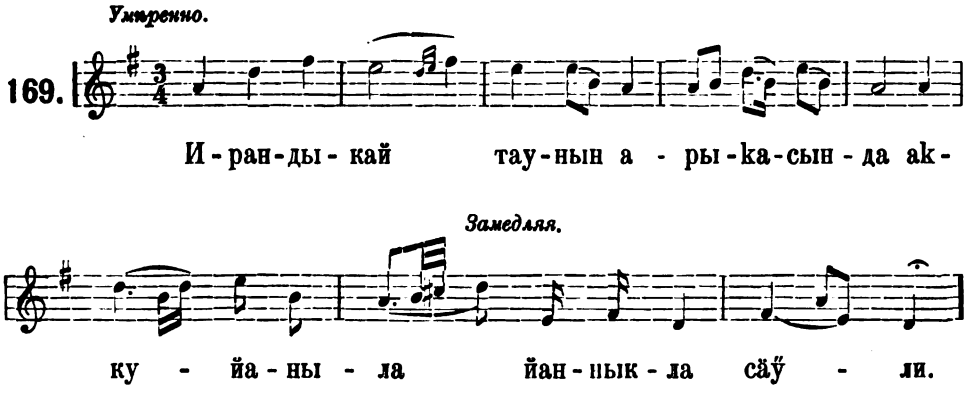
2. Заныкай заныш китты ей сунарҕа
Ашкадарларнын йул белян.
Сур йаткайларын йасап саур идым,
Йасаплаҕна булмай кул белян.

1. Душа моя, душенька ушелъ охотиться
За куницей по рѣкѣ Ашкадару,
Ушедши за куницей, онъ погибъ;
Я осталась молодою съ своей головушкой.

2 Душа моя, душенька ушелъ на охоту
По дорогѣ, идущей вдоль Ашкалара.
Мысленно (сдѣлавъ видъ) я его ласкала бы,
Но невозможно ласкатъ рукою (потому что онъ умеръ).

Digitized by Google

Бараков — рядовой, поддѣлывалъ деньги, былъ ловкій малый на разныя руки; его поймали и сослали въ Сибирь. Когда отправляли его, онъ сочинилъ нѣсколько пѣсенъ и просилъ соотечественниковъ распѣвать ихъ въ память о немъ. Пріискъ Горяевыхъ, Орскаго уѣзда.



1. Ирандыкай [1]) таунын аркасында
Аккуйанла йанныk сăули (саӈали).
Шаӈыйлаӈна китып ӻурубитуп:

Байӈыр инде Биккул аулы.

1. На хребтѣ Ирендыка
Бѣлый заяцъ остерегается звѣрей.
Шагій (имя Баракова) ушелъ, воры переведутся:
Разбогатѣетъ теперь Биккулова деревня.

2. Биккул дагна аулы зур аул,
Урамлары аныӈ тараул;
Кайтырдаӈна идым бăн илимă,
Алдын артын турӈан караул.

2. Биккулова деревня большая,
Но улицы ея узки;
Я возвратился бы на свою родину,
Но впереди и назади караулы.

---

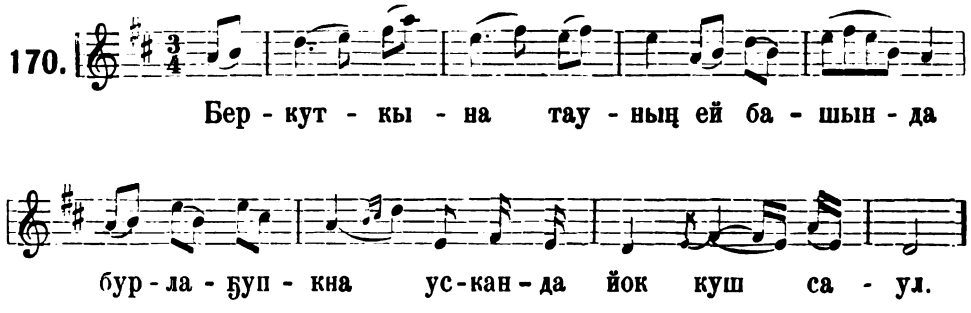
[1]) Хребетъ Ирендыкъ въ южномъ Уралѣ.

Digitized by Google

Бараков, варіантъ 1-й. Пріискъ Горяевыхъ, Орскаго уѣзда.

Протяжно.

170.



1. Беркуткна тауның(ей) башында
Бурлаҕупкна ускан куш саул.
Удаклаҕна йулҕа сәфәр сыктык:
Курыплай булмас заныкай хош сау бул.

2. Беркуткна тауның(ей) башында
Шаулай микан беркутның сәули?
Шаҕый мискин китып ҕуруби-тып:
Байҕыр микан Биккулдын аулы.

1. На вершинѣ горы Беркутъ
Растутъ, переплетясь, два дерева.
Я выѣхалъ въ далекій путь:
Не увидимся, душа, прощай, будь здорова!

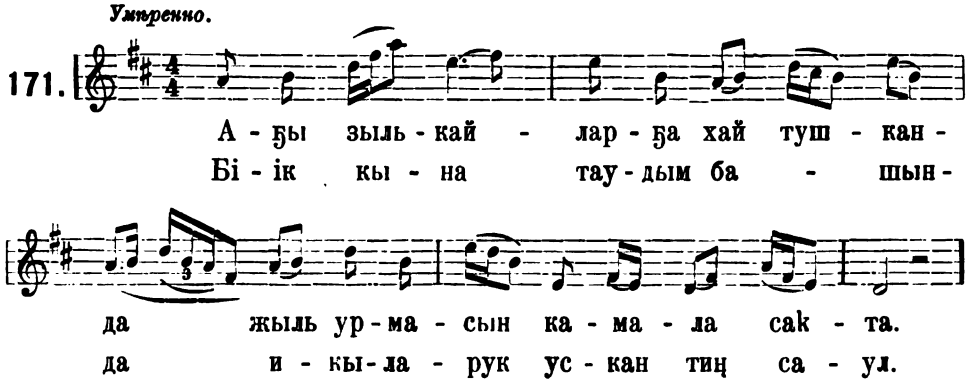
2. На вершинѣ горы Беркутъ
Шумятъ ли ея деревья?
Бѣдный Шагій ушелъ, воры переведутся:
Разбогатѣетъ ли Биккулова деревня?

Digitized by Google

Шаҕи Бараков, варіантъ 2-й. 1-й Бурзянской вол., Орскаго уѣзда.

Умѣренно.

171.



1. Біікkна таудым башында
Икыларук ускан тиң саул.
Жыраккна йулҕа сәфәр сыктым,
Калдын ҕна занышым хош сау бул.
2. Калырсында занышым(ей) калырсың,
Камышлардын йуллар (уйлар) салырсың;
Сӱттин апақ блакларынды
Кым кукрякларына салырсың.

1. На вершинѣ высокой горы
Выросли два одинаковыхъ дерева.
Выѣхалъ я въ дальній путь,
Осталась, душа, одна: прощай, будь здорова.
2. Останешься, душа, останешься,
Выстроишь изъ камыша избу;
Бѣлыя какъ молоко руки
На чью будешь класть грудь?

Бурамбай. Бурамбай былъ старшиной 1-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда (а по другимъ сказаніямъ — кантоннымъ начальникомъ) и растратилъ общественныя деньги, за что былъ сосланъ въ Сибирь. По другимъ варіантамъ онъ сочинилъ какъ бы отъ имени начальства походъ, набиралъ народъ и за освобожденіе отъ похода бралъ взятки; на него подали жалобу Башкиры, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда бѣжалъ, но былъ вторично сосланъ; во время бѣгства онъ сочинилъ пѣсню, извѣстную подъ названіемъ Бурамбай. Другое сказаніе: за выдуманный имъ походъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь, а передъ этимъ два года сидѣлъ въ острогѣ. Онъ просилъ начальство отпустить его домой проститься съ женами. Начальство отпустило его съ конвоемъ. Бурамбай пришелъ домой, созвалъ женъ своихъ и сталъ прощаться съ ними: «прощайте, прощайте, жены мои! Былъ я первымъ человѣкомъ, а теперь сталъ послѣднимъ и иду въ Сибирь; если кто хочетъ со мной идти, то идите, а если не хотите, то оставайтесь». Часть женъ отказались слѣдовать за нимъ, а другія ушли съ нимъ въ ссылку.

Затѣмъ обратился онъ къ своимъ общественникамъ и сказалъ: «ну

Digitized by Google

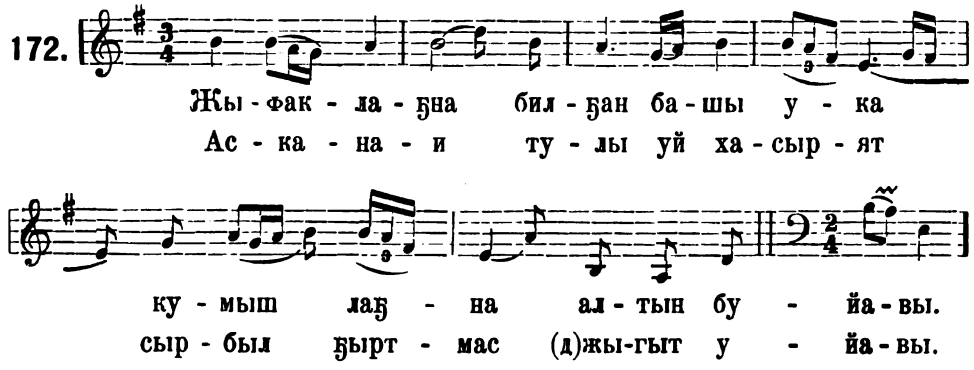
прощайте, старики, совсѣмъ съѣли вы теперь меня»; — «нѣтъ, не мы съѣли тебя, отвѣтили старики, а ты самъ съѣлъ себя: если бы не дѣлалъ такъ, то не было бы съ тобой бѣды». Тогда Бурамбай попросилъ себѣ дудку (курай) и сыгралъ на прощанье пѣсню собственнаго сочиненія, которая съ тѣхъ поръ распространилась подъ названіемъ «Бурамбай».

Бурамбай игралъ такъ трогательно, что старики и общественники плакали: они жалѣли уже о томъ, что Бурамбаю выпало такое суровое наказаніе (ссылка), тогда какъ они ожидали, что Бурамбай посидитъ только въ острогѣ. Но рѣшеніе суда перемѣнить имъ было невозможно.

Родственниковъ этого Бурамбая я встрѣтилъ въ 1-й Бурзянской волости въ дер. Иткуловой 1-й. Кананикольскій Заводъ, Орскаго уѣзда.

Протяжно.

172.



См. инструментальную мелодію № 73 и 74.

1. Жыфаклаҕна билҕал (бильбау) башыука
Кумыш люля алтын буйауы.

Äсканаи тулы уй хасрят,

Сырбыл ҕыртмас жыгыт уйауы.

2. Сакмарлаҕны синың буинда
Урлаплагнай юзä ак урдак.
Уйламаҕан сакта хисната йок,
Уйланисам жана йаш жӱрäк.

3. Табаккна табак ак каҕыз:
Бурамбайдын йазҕан хатлары.
Бурамбайдын йазҕан хатын курып,
Лашалыр аул картлары.

1. На концѣ шелковаго пояса позументъ
Съ серебрянымъ и золотымъ отливомъ.
Хотя въ душѣ (внутри) полонъ думъ и горя,
Но не выскажетъ этого удалой молодецъ.

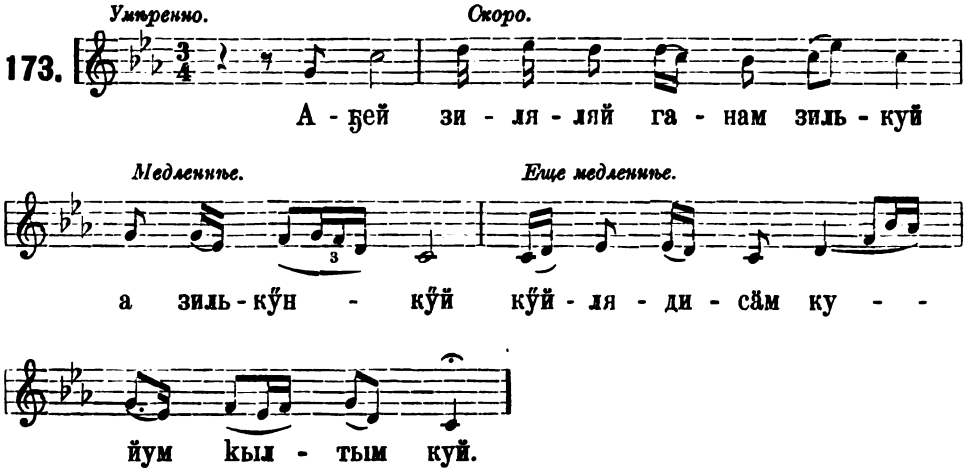
2. Сакмара, по твоимъ водамъ
Плыветъ противъ теченія утка.
Если не думать, и горя нѣтъ,
А подумаю, горитъ молодое сердце.

3. Листы и листы бѣлой бумаги:
Это — письма Бурамбая.
Увидѣвъ письма Бурамбая,
Плачутъ деревенскіе старики.

Digitized by Google

Абдрахман — кантонный начальникъ, созвалъ народъ, чтобы заучили сочиненную имъ пѣсню; эту пѣсню играли и послѣ его смерти называли Абдрахмановою. Дер. Юлукъ, Орскаго уѣзда.

173.



См. инструментальные мелодіи № 75—77.

1. Зилляӈна зиляй зилькӱнкӱй,
Кӱйлядисӓм куйум кылтым куй,
Фанилаӈна дӱндя сымайла,
Жӱрӧк каӈыуахыткайларда жылькынтый.

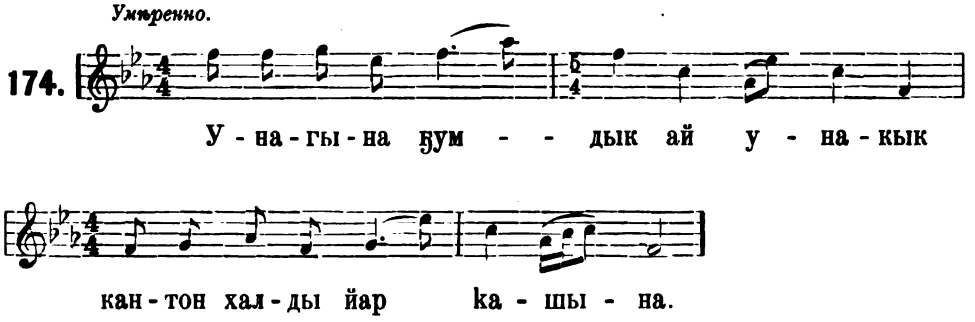
2. Йаз булмайды атлар жир синмай,
Бер жилькынмай жыгыт миң зякмӓй.
Бызны кышы куӈыльтый,
Кайдан биликан ӈамель ульсанмай.

1. Плачь же, плачь, мотивъ, и волнуйся,
Я начну пѣть, упрямый мотивъ;
Прошлаго времени не воротишь,
Сердце веселится въ иное (свое) время.

2. Не бываетъ весны, если не заржутъ лошади;
Не радуется молодецъ безъ того, чтобы не раскраснѣться.
Людское сердце насъ угадываетъ,
Не давая себѣ точно отчета (откуда знаетъ, точно не опредѣляетъ).

Digitized by Google

Абдрахман — кантонный начальникъ 1-го кантона; его опоили и онъ умеръ. 1-й варіантъ. Султановскій пріискъ Рамеевыхъ Орскаго уѣзда.



1. Уна ҕумдык унакык,
Кантон халды йар kашына.
Атам дус итып ишаңма:
Кантон атаң дусы житар башыңа.

2. Ескинаин йанса салкынсыу
Жанган журакка файдимыш.
Йok уда куруп kуанмасak,
Уйауда курйуу kайдимыш.

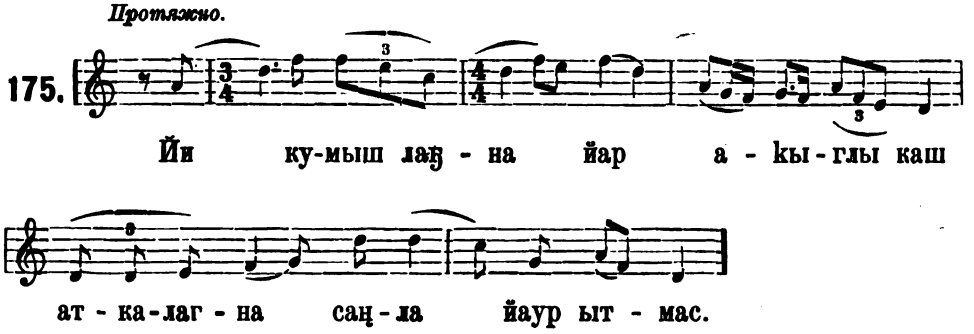
1. Новую рублевую монету и десять сердаликовъ,
Кантонный начальникъ придѣлалъ къ передку сѣдла.
Не надѣйся, кантонный, на друга отца:
Пострадаешь и черезъ друга отца.

2. Если горитъ у тебя внутри,
То холодная вода полезна для горячаго сердца.
Если не обрадуемся увидѣвъ во снѣ,
То какъ увидимъ на яву?

Digitized by Google

Абдрахман Биктимиров — былъ сотникомъ въ 6-мъ кантонѣ въ дер. Старая Сибаева, Орскаго уѣзда, получалъ награды отъ начальства, любилъ пѣсельниковъ; сочинилъ пѣсню, чтобы народъ помнилъ о немъ. Озеро Кылтыбанъ Орскаго уѣзда.

175.



1. Кумышла йар акыглы каш,
Аткаӈна салсаӈ йабыр итмас,
Жильк(и)на журак мали иткас;
Басла басла китар даур' уткас.

2. Йуз илиля сумдан бишар (?) алтын акык
Куйдырдынла йар кашына
Атам дустым пар тип ишандын кантон
Атаӈ дусты житты башына.

1. Если серебряное сѣдло съ сердоликовымъ передкомъ
Ты положишь на лошадь, то не будетъ порчи спины (подпарины);
Веселится сердце въ свое время,
Утихнетъ, утихнетъ, когда пройдетъ время.

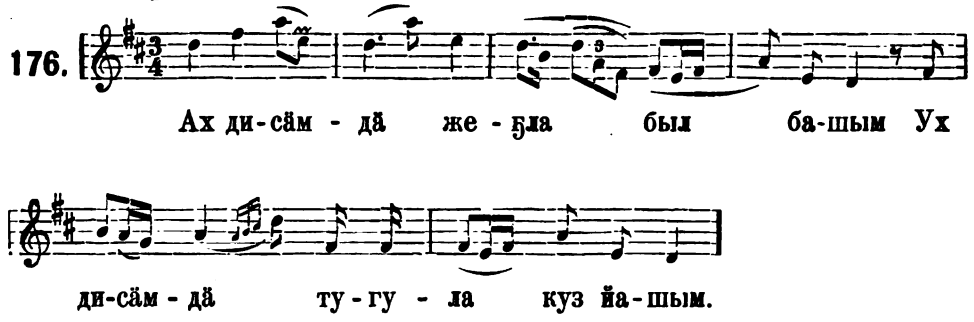
2. Золотомъ и сердоликомъ на 150 рублей
Ты велѣлъ обить передокъ сѣдла;
Кантонный, повѣрилъ ты, что есть у тебя другъ отца:
Другъ отца добрался до твоей головы.

Digitized by Google

Гали Хасянов — простой башкиръ, молодой парень; недавно онъ былъ напрасно сосланъ въ Сибирь за то, что укралъ будто бы лошадей, по наговору крестьянина Кананикольскаго завода (Орскаго уѣзда); съ этимъ крестьяниномъ Хасяновъ, говорятъ, подрался и хотѣлъ стрѣлять въ него изъ револьвера.

Умѣренно.

176.



1. Ах дисämдä жеҕлай бул башым,
Ух дисämдä тугула куз йашым;
Бейҕämбärдä Йакуп зарлы иды,
Бендäлärдä бäни зарл(ы)'итты.

2. Аҕыйдылькайларны урлаҕан,
Канатлары kызыл кук барли,
Уйнапкна кулюп калаиk,
Укындра турҕан купларни!

1. Когда скажу ахъ, плачетъ эта голова,
И когда скажу ухъ, проливаетъ слезы;
Пророкъ Іаковъ былъ грустенъ,
Но и меня люди заставили грустить.

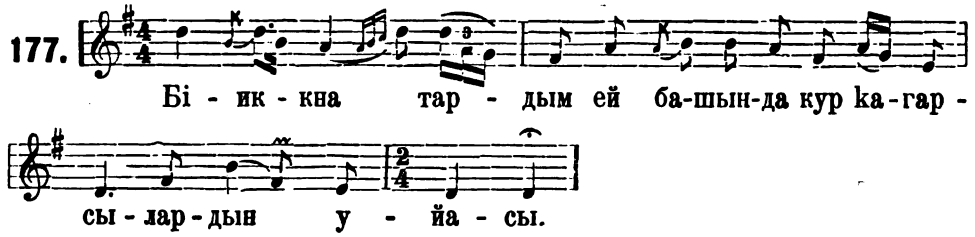
2. Плывущая вверхъ по Бѣлой [1]),
Красноперая сизая рыба
Наводитъ на раздумье многихъ,
А люди все играютъ да смѣются!

1) Смыслъ: какъ при видѣ рыбы является раздумье, что она когда-нибудь попадатся на удочку, такъ то же думается и о людяхъ, но ихъ не озабочиваетъ эта мысль.

Digitized by Google

Жыр (протяжная пѣсня).

177.



1. Біик кна таунын башында
Кук kарсыӷалардын уйасы;
Рахатлары йук йук мех(а)наты куп

Бу уафасыз фани дунйада.

2. Йашиль кна куйма кунджа баулы
Кызыл тура киряк жикмага;

Заманалар аур фитналар куп:

Дусиш киряк дундя кутмаӷа.

1. На вершинѣ высокой горы—
Гнѣзда пестраго (синяго) сокола;
Наслажденій нѣтъ и нѣтъ, а хлопотъ много

Въ этомъ безжалостномъ свѣтѣ.

2. Нужно запрягать съ красной дугой
Зеленую повозку съ ременными постромками;

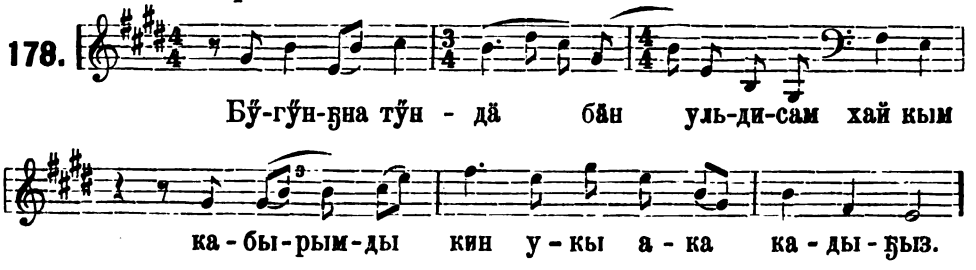
Времена стали тяжелыя, огорченій (дрязгъ) много:

Друзья нужны, чтобы жить на свѣтѣ.

Кахым тўря.

Не очень скоро.

178.



См. мелодіи №№ 91—92 и 162.

1. Бўгўн тўндä бäн ульсам,
Кабырымды кин кадыӷыз,
Башы сума зифа таш куйаӷыз

Исимымды шуӷа йадыӷыз.

2. Бўгäсä тўндä тушумда
Белякäй ӷна желӷа буйладым,
Älля тушум алля уйаум
Тиӈ тушум белян уйнамын.

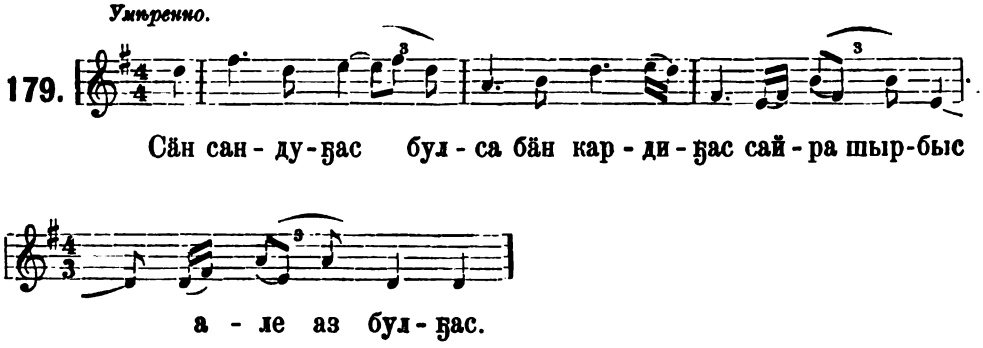
1. Если сегодня ночью я умру,
Вырыйте глубокую могилу,
Поставьте хорошій камень съ гладкимъ верхомъ

И имя мое напишите на немъ.

2. Сегодня ночью во снѣ
Я шелъ по маленькой рѣчкѣ,
Не знаю, во снѣ или на яву
Игралъ я съ товарищами.

Digitized by Google

Тафтеляу.



См. мелодіи №№ 26, 56, 67 и 159.

1. Сӓн сандуҕас булса бӓн кардиҕас
Сайрашырбыс ӓле аз булҕас;
Кем ҕумыры белян кым юрӯсӯҥ,
Узи узи ҕумыры аз булҕас.

2. Аҕыйзыль сине кисканда,
Блаҕым талды бӓним ишканда;
Гакылым бӯтӯп хушим китты,
Уткан ҕумырым иска тушканда.

1. Ты — соловей, я — ласточка,
Попоемъ еще, если мало;
Чьей жизнью станешь пользоваться,
Если собственная жизнь коротка.

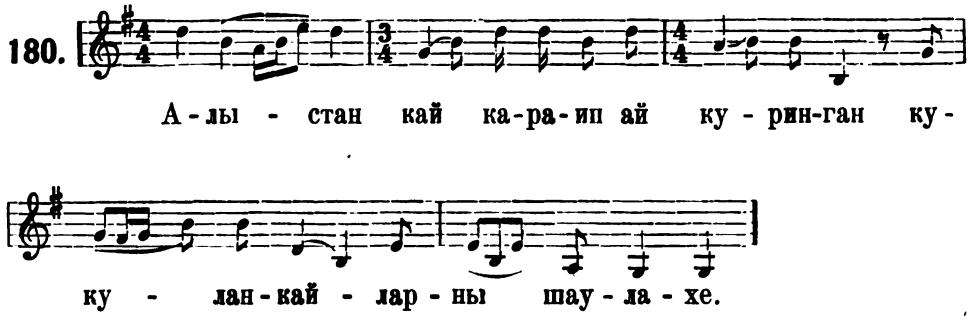
2. Когда я переѣзжалъ тебя, рѣка Бѣлая,
Устала моя рука оттого, что гребла;
Умъ пропалъ, разсудокъ исчезъ,
Когда вспомнилась мнѣ прошлая жизнь.

Digitized by Google

Гылим йаза — имя дѣвки, которую укралъ разбойникъ и которой потомъ не нашли.

Не скоро.

180.



А-лы - стан кай ка-ра-ип ай ку - рин-ган ку-

ку - лан-кай - лар - ны шау - ла - хе.

1. Алыстан kараип kуринган
Кукуланкайларнын шаулахе;
Журт иле исина тушкан саkта
Журуй микан kурла каудахе.

1. Издали виднѣется что-то черное,
Это — тѣнь зеленыхъ травъ;
Когда вспомнится ему родина,
То онъ идетъ и шатается (?) туловищемъ.

2. Баkсысында ускан бадьан аҕас,
Бадьаны бӱтхӓ тал кыбык;

Газизлаҕна башы китып барды
Заклат салып ейган мал кыбык.

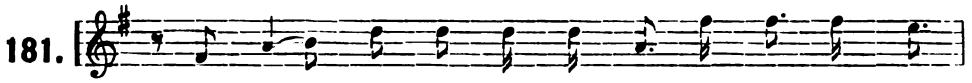
2. Въ саду выросло бадьянное дерево,
Когда плоды кончились, оно стало какъ тальникъ;
Бѣдная его голова ушла
Все равно, какъ вещь, отданная въ закладъ.

Digitized by Google

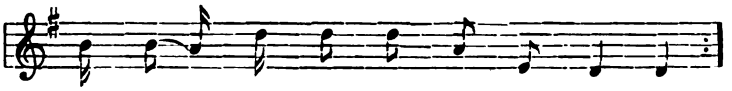
Файзуллина пѣсня: былъ бродяга Файзулла Біишевъ въ Тамьяно-Тангаурской волости верхнеуральскаго уѣзда, котораго лѣтъ 10 не могли поймать; наконецъ онъ былъ пойманъ и посаженъ въ верхнеуральскій острогъ, гдѣ его убили; онъ сочинялъ свои пѣсни.

Умѣренно.

181.



Жы-гыт кы-на кы-шы-нын ай кый-ға-ны
А-ла-мын ди-гап жи-ри-дан ал-май кит-мäс



кы-зыл гы-най тӱль-кӱ ку-лак-сын
жи-гыт у-зи мес-кын а-ла-сын.

1. Жыгыт кышынын кыйғаны
Кызыл тӱлькӱ кулаксын;
Аламын диган жырдан алмай,
Китмäс жыгыт узи мескин аласын.

1. Молодецъ надѣваетъ
Краснолисію шапку;
Молодецъ не уйдетъ, не поживившись,
Оттуда, гдѣ надѣялся на поживу.

2. Хауадинкай ускан кубеляк,
Канатыннын усу туңаряк.
Мал ғайғысы бызга кайғы тугыль,
Баш кайғыңы бызға куберяк.

2. Крылья бабочки, летающей по воздуху,
На концахъ круглы.
Горе отъ имущества для насъ не горе,
У насъ есть другое горе, побольше.

Digitized by Google

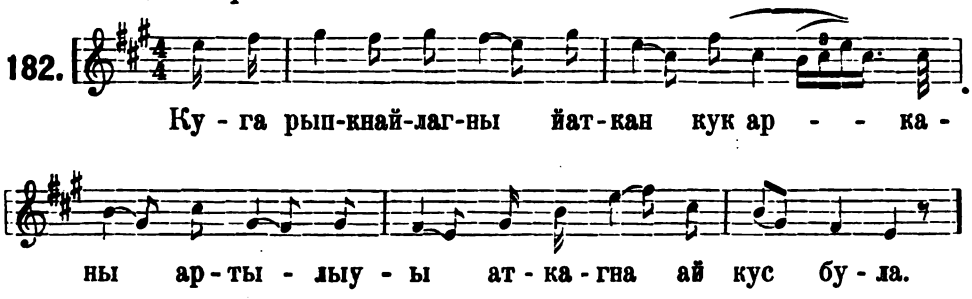
Армейская пѣсня, которую пѣли Башкиры, когда собирались въ армію при существованіи башкирскаго войска.

Не очень скоро.

182.

Ку - га рып-кнай-лаг-ны йат-кан кук ар - - ка -

ны ар-ты - лыу - ы ат - ка - гна ай кус бу - ла.



1. Кугарыпкнай йаткан кук
Арканы артылыуы атка кус була;
Утканҕнай ҕумырыннын билгасы йок:
Таң ата да дахи кис була.

2. Бäн сандуҕас идым уз илимда,
Бäн сайҕаймын кышы жиримда;
Аk жумуртка кибык тагармала тип,
Ризык мескин йурюта куп йергä.

1. Переѣхать синій Сыртъ (горный хребетъ на Уралѣ)
Для лошади тяжело;
Отъ минувшей жизни нѣтъ и признаковъ:
Разсвѣтаетъ и темнѣетъ (т. е. только и помнится, что день да ночь).

2. Я былъ соловьемъ на своей родинѣ,
А на чужой сторонѣ желтѣю;
Какъ бѣлое яйцо катитъ меня
Злая судьба и таскаетъ по многимъ странамъ.

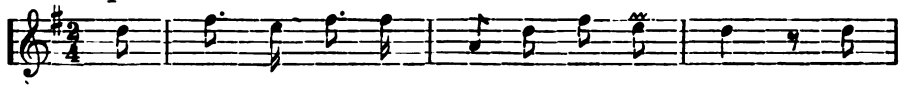
Анжоkай-Іулдыkай. Были 7 дѣвокъ; одна изъ нихъ имѣла жениха; однажды лѣтомъ народъ ушелъ изъ кочевки весь на сѣнокосъ, и коши (лѣтнія жилища Башкиръ) остались пустыми и запертыми. Женихъ воспользовался тѣмъ временемъ и пришелъ къ дѣвкамъ пировать, но у послѣднихъ не было для этого ни кумыса, ни мяса. Тогда сообща рѣшили, что женихъ заберется на верхушку сосѣдняго богатаго коша, а онѣ, дѣвки, спустятъ его по веревкѣ внутрь коша, откуда онъ достанетъ мяса и кумыса. Женихъ забрался на кошъ, а дѣвки стали его спускать на веревкѣ, но когда спускали, онъ наткнулся животомъ на косы, которыя были при-

Digitized by Google

вязаны на верху коша, и тутъ же умеръ. Поднялся переполохъ, дѣвки вытащили обратно трупъ жениха и стали думать, какъ скрыть бѣду, думали и надумали сжечь его; но плохо имъ удалось это, онѣ только обожгли трупъ; народъ возвратился и накрылъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Всѣ семь дѣвокъ были сосланы въ Сибирь, двѣ изъ нихъ сочинили эту пѣсню, названную ихъ именами.

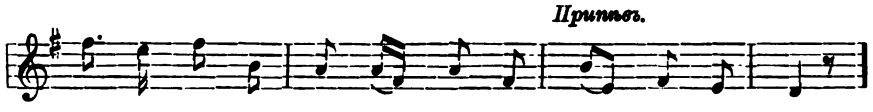
Не скоро.

183.



Бу - га - са кай тӯн - дӓ ай тӯ-шум - дӓ Ур -
Ӓл - ля тӯ-шӯм кай ӓлл' ай у - йау - ым тиң -

Припѣвъ.



ӈа - да - гы суу - ды буй - ла - дым ай Ан-жо - кай
да - шым-ӈы бе - лян уй - на - дым ай Йул-ды - кай.

1. Бугаса тӯндӓ тушумда
Урӈада сууды буйладым
Анжокай;
Ӓлля тӯшӯм ӓлля уйауым,
Тиңдашим белян уйнадым,
Йулдыкай.
2. Урӈадаӈы сыудын буинда
Илиля буӈула ускан бер улян,
Анжокай;
Журт илим искӓ тушкан сакта
Анадан йаңы тыуӈандай булам,
Йулдыкай.
3. Урӈадахы сыуды сыкканда
Камысым жатып калды каирлып
Анжокай;
Камысым ӱсюн кайӈырмаймын:
Тиң тушум калды аирлып,
Йулдыкай.

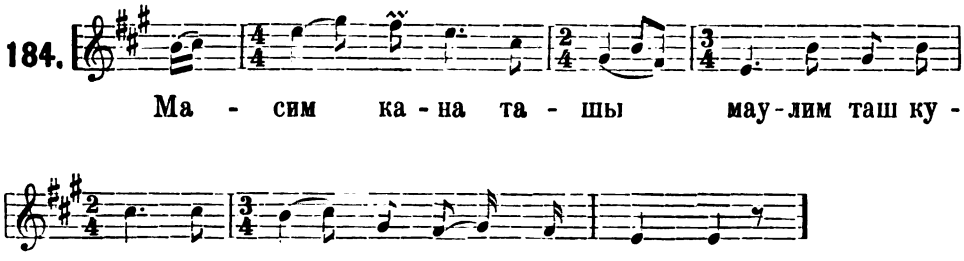
1. Сегодня ночью во снѣ
Я шла вдоль по рѣчкѣ Ургѣ,
Анжокай;
Не знаю во снѣ, не знаю на яву,
Играла я съ другомъ,
Юлдыкай.
2. По теченію рѣчки Угры
Склоняется и гнется трава,
Анжокай;
Когда вспомню свою родину,
То дѣлаюсь точно новорожденная,
Юлдыкай.
3. Когда переходишь рѣчку Ургу,
Камышы ложатся пригибаясь,
Анжокай;
Я о камышѣ не тужу:
Я съ милымъ (другомъ) разлучилась,
Юлдыкай.

Digitized by Google

Пѣсни 3-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда, лежащей въ высокихъ малодоступныхъ горахъ южнаго Урала. Говоръ этой волости отличается отъ говора другихъ башкирскихъ волостей (№№ 184—188).

Протяжно.

184.



1. Масимҕна[1]) ташы маулим таш,
Кумышкна йу(з)дук маржин каш;
Бармаkаим kамыш йузун куйаш,
Аkкыларын камиль ўзўң йаш.

2. Йугрыпка сыkтым саҕылга
Турысайҕна атыңны езларга.
Исänникäй белян саулы киряк
Хыз (сыз) туралар белян бызларга.

1. Камень горы Масимъ — Божій камень,
Серебряный перстень съ коралловымъ камнемъ;
Палецъ твой какъ камышъ, лицо какъ солнце,
Умъ твой въ полной силѣ, самъ ты молодъ.

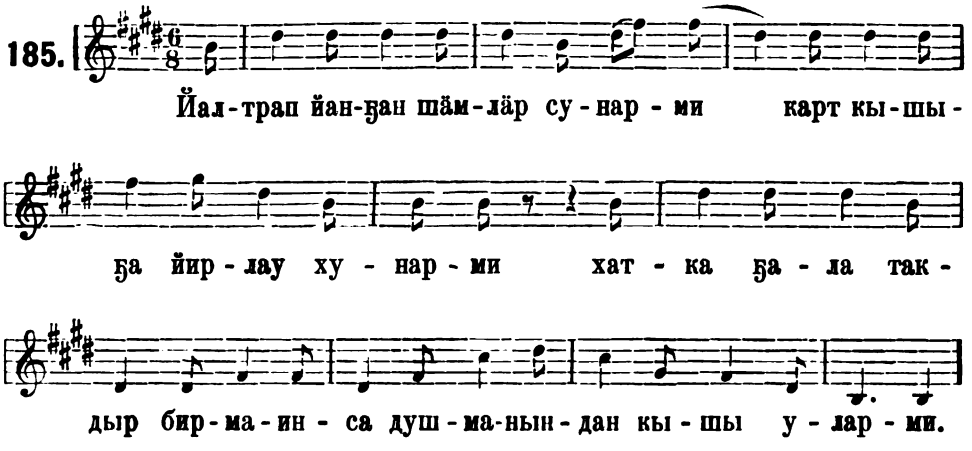
2. Я бѣгомъ взобрался на гору
Искать твою гнѣдую лошадь.
Жизнь и здоровье нужны
И вамъ, господа, и намъ.

1) Масимъ — очень высокая гора въ 3-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда.

Digitized by Google

Умѣренно скоро.

185.



1. Йалтрап йанған шämлäр сунарми
Карт кышыға йирлау хунарми!
Хаткағала такдыр бирмаинса,
Душманындан кышы уларми?

2. Уассämаи белян уальфажир[1])
Кук белян таңның исмидур,
Синын куңлим älля нисик,
Бäним куңлим бизмайдур.

1. Ярко горящія свѣчи развѣ тухнутъ?
Пропѣть старику не штука!
Пока нѣтъ воли Божіей,
Развѣ умретъ человѣкъ отъ враговъ?

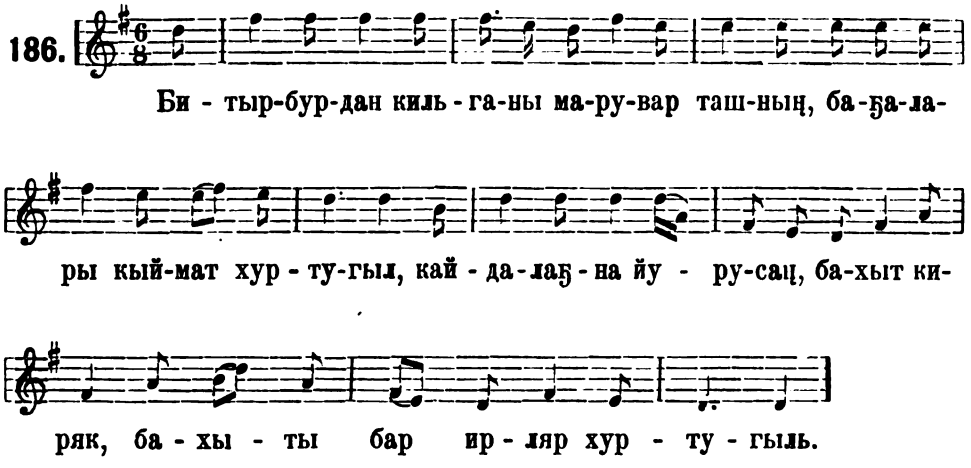
2. «Клянусь небомъ и зарею»,
Это — названіе неба и разсвѣта,
Не знаю, каково твое расположеніе,
Но мое расположеніе не измѣняется.

1) Поэтъ произноситъ клятву по-арабски въ неизмѣнности своего расположенія и объясняетъ арабскія слова по-башкирски во второй строчкѣ.

Digitized by Google

Довольно скоро.

186.



1. Битырбурдан кильган марувар ташның,
Баҕалары кыймат хур тугыль;
Кайдалагна йурусақ, бахыт киряк,
Бахыты бар ирляр хур тугыль.

1. Изъ Петербурга привезенъ дорогой камень,
Цѣна его большая, не малая;
Куда ни поѣзжай, счастье нужно,
Счастливый человѣкъ не плохой человѣкъ.

2. Кугарып йатkан кугаркá
Ирандыкайтаунын Беркуты
Йасыла йаҕла йаурын,

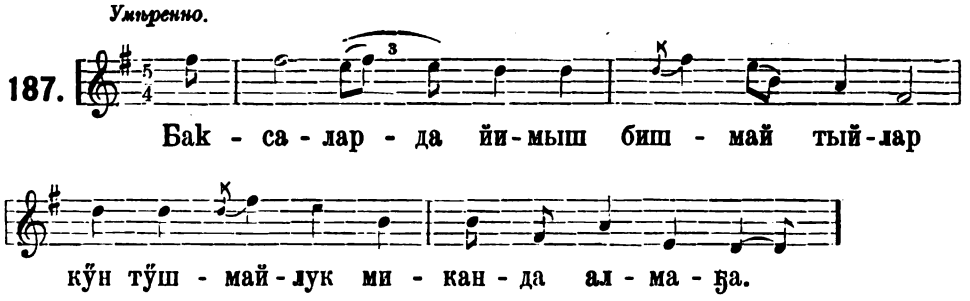
Ах малинки (русское слово) буржан жыгыты.

2. Гора Беркутъ въ хребтѣ Ирендыкъ
Съ своей синѣющей вершиной
Раскинулась точно широкими плечами,
Ахъ, маленькій бурзянскій молодецъ.

Digitized by Google

Умѣренно.

187.



1. Баксаларда йимыш бишмайтыйлар,
Кӯн тушмайлук микан алмаҕа;
Сафарларда теляк макбул тыйлар:
Хар сафарлар йалбар Аллаҕа.

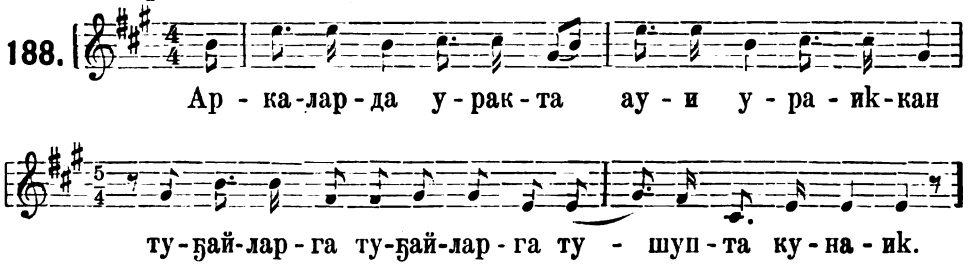
2. Буз турҕай усар хауаҕа
Тасбих айтып тушар бисарà;
Тугыль тала йашим кайгырма:
Башим Алла ишина нійсара.

1. Говорятъ, въ саду ягода не созрѣваетъ,
Вѣроятно, не попадаетъ солнце на яблоки;
Говорятъ, молитва полезна во время путешествія:
Въ каждомъ путешествіи молись Богу.

2. Воробей летитъ по воздуху
И спускается, славя (Бога);
Не омрачай (реньше времени) моей беззаботной юности:
Противъ Божіей волинѣтъ средства!

Умѣренно.

188.



См. инструментальную мелодію № 125.

Аркаларда урак ураик,
Туҕайга тушуп кунаик.
Йулбуйкаинан кышы кильҕан,
Таш уйнаткан кышы булаик.

Будемте жать на горѣ жатву,
Будемте ночевать на лугахъ.
Если человѣкъ пойдетъ по дорогѣ,
Будемте играть какъ бы въ камешки.

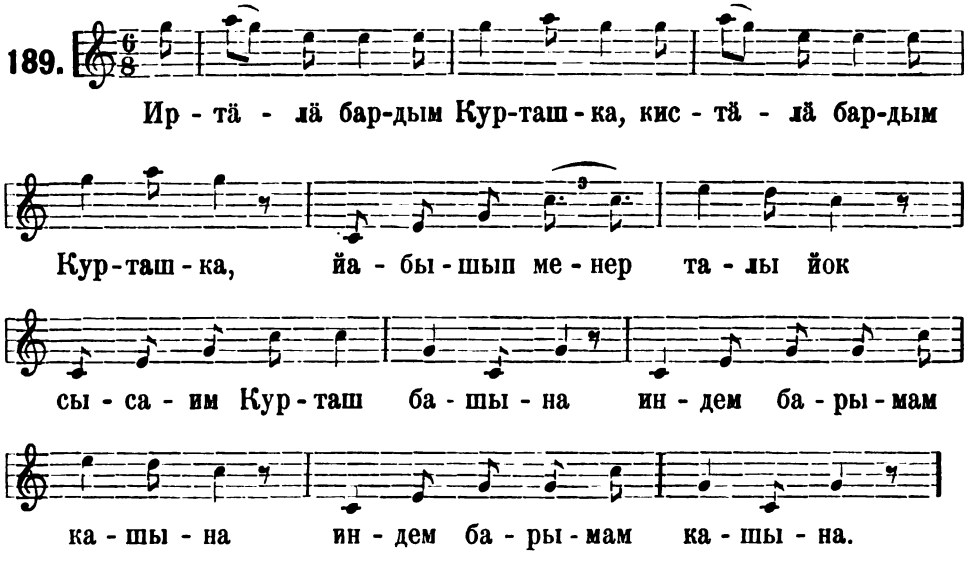
Digitized by Google

Скорыя, легкія пѣсни.

Жиңыль-куй. (№№ 189—195).

Курташ — довольно высокая гора въ южномъ Уралѣ близъ города Верхнеуральска.

Умѣренно скоро.



См. инструментальную мелодію № 103.

Иртäлä бардым Курташка,
Кистäлä бардым Курташка
Йабышып менер талы йок:
Сысаим, Курташ, башына,
Индем барымам кашына,
Индем барымам кашына.

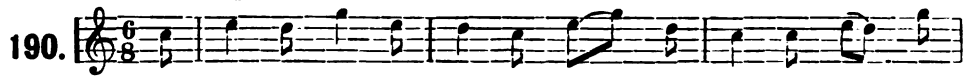
Я утромъ ходилъ на Курташъ,
Я вечеромъ ходилъ на Курташъ
Искалъ, нѣтъ тальниковъ:
Оскверню, Курташъ, твою голову,
Больше къ тебѣ не приду,
Больше къ тебѣ не приду.

Digitized by Google

Пѣсня Ихбердина — это былъ старшина 2-й Бурзянской волости Орскаго уѣзда, ум. 1885 г.; онъ отравился отъ плохаго положенія дѣлъ и передъ смертью сочинилъ пѣсню.

Не очень скоро.

190.



Кы - зыл ту-рат бе - лян кы - зы-л(ы) ку - кат йу - руй ми -

кан са - ҕыл кы - зы - рып.

См. инструментальные мелодіи №№ 78—80.

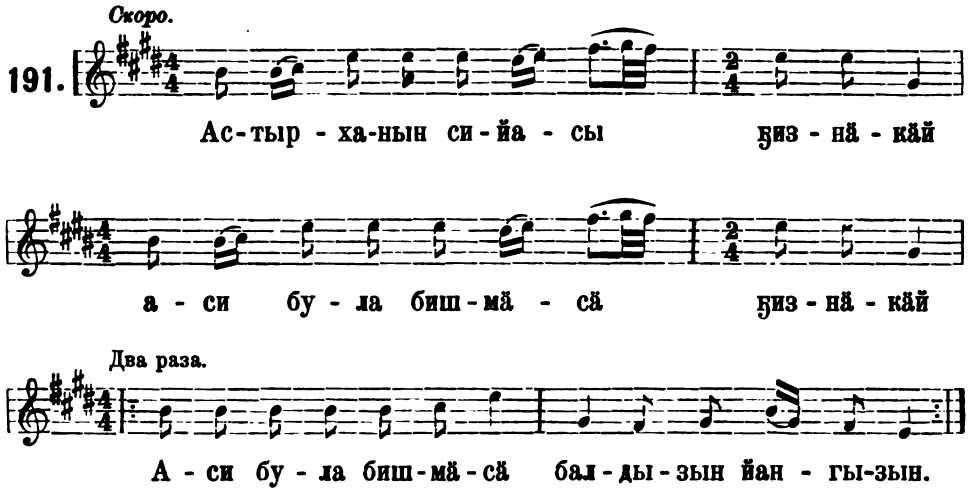
1. Кызыл тур ат белян кызыл кук ат йуруй микан саҕыл кызырып?
   Бряу йурый уйнап кулуп бряу йурый ейлип пугулуп.
2. Жифäк бильбау осу ука биллярында йурюп туз сине.
   Зауклы ҕумыр даим даулäт белян уз сине.

1. Гнѣдая и красносѣрая лошади погуливаютъ ли вмѣстѣ по горамъ?
   Одинъ живетъ играя и улыбаясь, другой живетъ сгорбившись и согнувшись.
2. Шелковый кушакъ съ позументомъ на концѣ пусть износится на твоей поясницѣ;
   Прекрасная жизнь пусть пройдетъ въ богатствѣ.

Digitized by Google

Гизнäкäй (зять).

191.



См. татарскіе варіанты № 5 (для скрипки) и № 50 (пѣсня).

1. Астырханын сійасы, ҕизнäкäй,
Аси була бишмäсä, ҕизнäкäй,
Аси була бишмäсä,
Балдызын йангызын } (2 р.)

1. Астраханскія вишни кислы, зятекъ,
Если не спѣлы, зятекъ,
Если не спѣлы, своячена одинешенька.

2. Альда вылай булмас идым ҕизнäкäй
Йаштан хышкым тушмаса, ҕизнäкäй,
Йаштан хышкым тушмаса,
Балдызын йангызын } (2 р.)

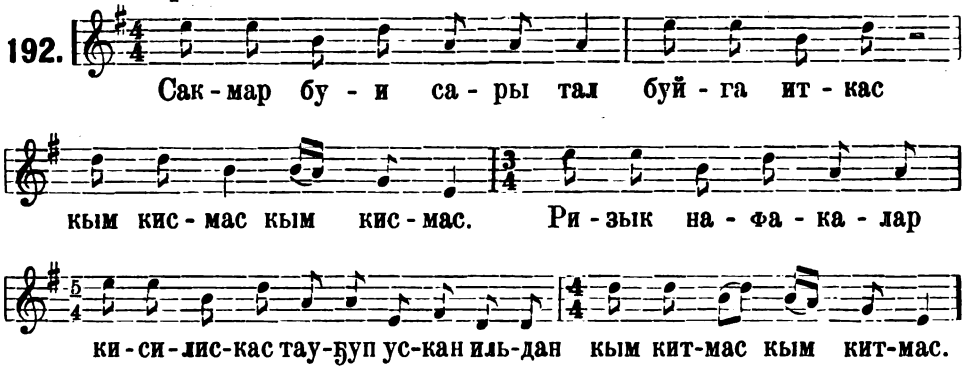
2. Я не была бы такая, зятекъ,
Если бы не влюбилась въ молодости, зятекъ,
Если бы не влюбилась въ молодости,
Своячена одинешенька.

Digitized by Google

Въ слѣдующихъ пѣсняхъ мелодія татарскія, текстъ башкирскій. Жыр. Дер. Иткулова II-я Орск. у.

Не скоро.

192.



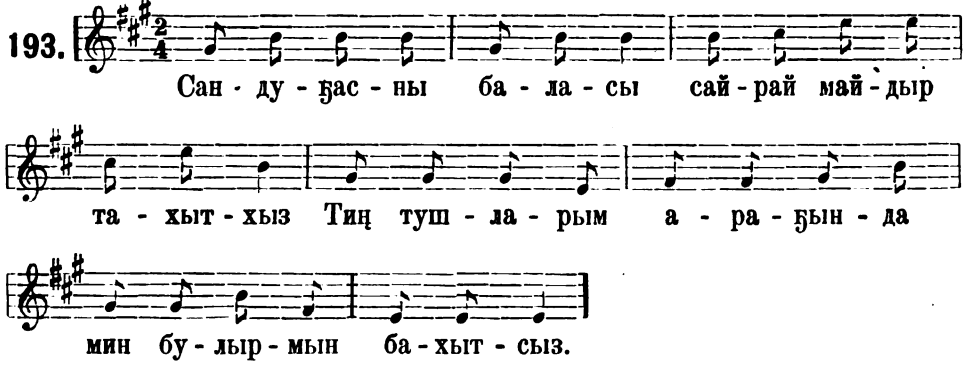
1. Сакмар буи сары тал
Буйга йиткас
Кым кисмас?
2. Ризык нафакалар кисилискас
Тауҕуп ускан ильдан
Кым китмас?

1. По рѣкѣ Сакмарѣ кто не вырубаетъ
Желтаго тальника, когда онъ подростетъ?
Если прекратятся средства къ жизни,
То кто не откажется отъ родины?

Гора Максимъ Орск. у.

Дов. скоро.

193.



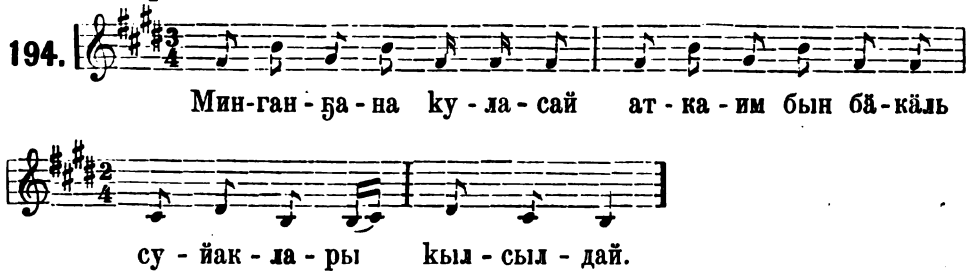
1. Сандуҕасны баласы
Сайраймайдыр тахытхыз;
Тиң тушларым араҕында
Мин булармын бахытхыз.
2. Йаңҕы фурма йарыңмы
Халдым куҕат билиңа:
Ак куш кубык усаридым
Туып ускан илима.

1. Птенецъ соловья
Не поетъ безъ мѣста (не сѣвши куда-нибудь);
Между сверстниками
Я буду несчастливъ.
2. Сѣдло новаго образца
Я положилъ на спину сивой лошади:
Какъ бѣлый лебедь
Полетѣлъ бы я на свою родину.

Digitized by Google

Умѣренно.

194.

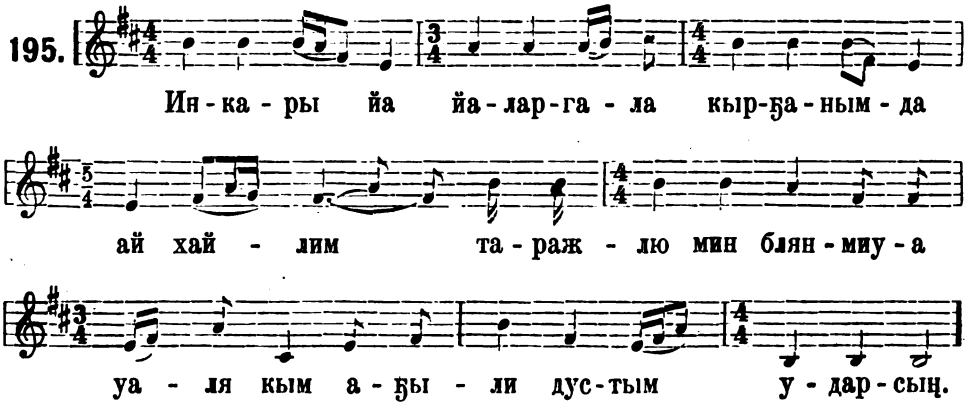


Менганғана куласай аткаим бын,
Бәкаль суйаклары кылсылдай
Тик йат сана жаным кышы
Шишитыр сильтарсуккайларым (?)
сылтырай.

Верховая моя лошадь мышистая,
У нея всѣ косточки шевелятся;
Полежи такъ (спокойно), душа моя,
. . . . . .

Не скоро.

195.



Инкары йарларга кырғанымда,
Таражлю блян міуа ударсың;

Ӓллярыңа килип назарын салса

Руфталаңмай (ульфатлаңмай) нисик тударсың!

Когда вступаешь за границу,
Изъ окошекъ тебѣ подаютъ фрукты (въ Бухарѣ);
Если она придетъ сама и обратитъ вниманіе,
Какъ утерпѣть, какъ не полюбить!

Digitized by Google

(Сообщилъ учитель Казаккуловскаго русско-башкирскаго училища, Верхнеуральскаго уѣзда, г. Ибрагимовъ.)

1. Торло чячкя сатыш алдым утыртыйим дибук бакчага;
Хак тагала бахыт бирмядися сатыб алыш булмый акчага.
Я купилъ разныхъ цвѣтовъ, чтобы посадить ихъ въ садъ;
(Но) не купишь за деньги счастья, если Богъ не дастъ его.
2. Жирянчай атнын жалыкайин кыбылалардан искян жил тарай;
Хак тагаля бахыт бирмядися акыл белян жöрöб кэм жарай.
Гриву рыжей лошади чешетъ вѣтеръ, дующій съ запада (обращ. къ Меккѣ);
Если Богъ не дастъ счастья, то и съ умомъ ничего не подѣлаешь.
3. Жирянчай дя атнын жургасы мäргäн жегет аткан ук кеўек;
Уй хасрятлярем жук кеўек жöрякяйлярем жана ут кэўек.
Иноходь у рыжей лошади — словно стрѣла, пущенная стрѣлкомъ;
Хотя горя и печали нѣтъ, но сердце горитъ какъ въ огнѣ.
4. Алыскына карап кўренгян Уралгына таунын кўляме;
Хак жазмышларын кўрмяйенче тагдир житмяй кешы ўляме.
Издали я посмотрѣлъ: виднѣется гора Уралъ;
Не дождавшись предопредѣленія судьбы, какой человѣкъ умретъ до своей смерти?
5. Кўк кўгярченкяй кўктя уйнай кўлягясе анын жирдя уйнай;
Кузгынайим минем жокласада кўкрякяйем минем кўпне уйлай.
Играетъ сизая голубка въ небѣ, а тѣнь ея на землѣ;
Хотя глаза мои спятъ, но сердце (грудь) мое думаетъ о многомъ.
6. Ике дя жирян парлар кöрян äйден алыш бумый жул белян;
Мангай гына жазган хак жазмышын жуйыб кына бумый кул белян.
Двѣ рыжки, двѣ бурки, не свернешь ихъ на прямую дорогу;
Что судьбою написано на лбу, того не смыть (не стереть) рукой.
7. Алыскына карап кўренгян Уралгына таунын ак ташы;
Кайда да бармас кайда жöрмяс ир башкайы белян ат башы.
Издали я увидѣлъ бѣлый камень Уральскихъ горъ;
Куда не заходитъ, гдѣ не побываетъ голова человѣка и лошади!
8. Билекяйеня быуган биль бауынын чикмяняня сыгар буйауы;
Эчкеняйнен кöйгäн кöйöгöн белгертмяидер жегет уйауы.
Отъ подвязаннаго пояса на кафтанѣ остается краска;
Что бы сердце ни испытывало, не дастъ знать объ этомъ удалой-молодецъ.

Digitized by Google

9. Ун кулыма кейгян кӧмӧш жӧзӧк сул кулыма кейсям буш кеуек;
Был жӧрӧўлярем бик мӓхӧрӧм канатлары сынган кош кеўек.
Кольцо съ правой руки, когда я надѣлъ его на лѣвую, оказалось велико;
Теперь я хожу очень плохо, словно птица, у которой переломлено крыло.

10. Иртя белян тороб мин карасам сарычай тургай сўтя уйынны;
Уйнарда ейдем кӧляр ейдем факирлекяй кися муйынны.
Вставши рано, я посмотрѣлъ: жаворонокъ весело поетъ;
Я также попѣлъ бы, поигралъ бы и посмѣялся бы, но бѣднота рѣжетъ мою шею.

11. Шанкылдайдыр шонкар баласы катринбурскій кантурда;
Баулы лачын кеўек талнынамын тыуыб ўскян жиргя кайтырга.
Поетъ въ екатеринбургской конторѣ маленькій соколъ;
Точно кречетъ на привязи я бьюсь, чтобы отправиться на родину.

12. Алыскына карап кўренгян сарычай тӧлкӧ баласы;
Ўзе жырлый ўзе жылый кайсы атанын монны баласы.
Издали я увидѣлъ дѣтеныша желтой лисицы;
Самъ поетъ, самъ плачетъ: какой это матери несчастное дитя?

13. Башкуртларның байларында кунде пешер куллама;
Башкуртларның кызлары кундя барыр муллага.
У богатыхъ Башкиръ ежедневно куллама (лапша съ крошенымъ) мясомъ).
Дочери ихъ ходятъ ежедневно къ муллѣ

14. Терязем тўбя бузгына челяк йарым тузгына;
Уйнаганым кульганим ун ики йашар кызгына.
У меня на окошкѣ ледокъ, по краямъ ведерка (ведра) — береста;
Забавы да игрушки — двѣнадцатилѣтнія дѣвочки.

---

1. Шыкыр шыкыр саускан,
Аяклары таишкан.
Кимга йаман булсада,
Ўземя якши абшкам.

1. Стрекочутъ сороки,
Кривыя ножки.
Людямъ хоть не нравится,
А самой муженекъ нравится.

2. Француз [1]) кўльмяк сын тектерден,
Итягіерге тисин деп;
Мен чакырым син кильмеден,
Азырак йаның кӧйсен деп.

2. Ты сшила рубашку изъ красной матеріи,
Такъ, чтобы подолъ ея доставалъ до земли;
Когда я звалъ тебя, душка, ты не пришла,
Чтобы я немножко погоревалъ.

1) Красная матерія.

Digitized by Google

3. Кулымда яшел перчатка,

Ишик алдым ришетка,
Каичан тиярикен мең кулым
Ўсеб кильген яш имчекке?

4. Укалы тюбетей кимейсен
Кынгер салып юрмейсен,
Уйнамайсын кўльмейсин,
Гумыр утер димейен.

5. Домбра туттым кулыма

Чиктым урам буина;
Добрамны ташладым,
Кызлар уйга башладым,

6. Кызлар ўбя башладым,
Кызлар убиб тотлыдым;
Тенке береп котылдым.

3. У меня на рукахъ замшевыя перчатки,

На дворѣ зеленыя рѣшетки
Скоро ли прикоснутся къ молодой груди (дѣвицы) мои руки?

4. Тюбетейки изъ позумента ты не надѣваешь набекрень и не ходишь,
Не играешь и не смѣешься,
Забывая, что молодость твоя проходитъ.

5. Я держалъ въ рукахъ домбру (балалайку)

И проходилъ по улицѣ;
Бросилъ я домбру,
Ввелъ дѣвокъ въ избенку,

6. Сталъ я ихъ цѣловать,
Но меня поймали;
Вырвался я изъ бѣды,
Заплативъ по монеткѣ.

(Двѣ послѣднія строфы представляютъ семистишіе.

---

7. Ак калпагын кинсене?
Кингер салып юрсене.
Бекрек матур кыз икенсен,
Мени сöйемен дисене.

8. Ак калпагын бар кубик;
Öзиң шикер бал кубык.
Айленасын, тулганасын.

Менде куңлим бар кубык.

9. Кашын кара куш кöбек,
Буиң туты кöш кöбек;
Сенең белян уйнаган чак,
Юкы да курган тöш кöбек.

10. Бряу да икяу öчеу дöртау,
Бер табанга дустлар басаик;
Бер табанга дустлар басмаганни,
Кильтрен тасанлар га асаик.

7. Есть ли бѣлый колпакъ?
Надѣнь набекрень да похаживай.
Ты очень красивая дѣвка,
Скажи, что де тебя люблю.

8. У тебя есть бѣлый колпакъ;
Уста сахарныя и медовыя.
Ты вертишься и увиваешься около меня.
Желая сказать теплое слово.

9. Брови твои какъ у орла,
Станъ какъ у попугая;
Время свиданья съ тобою, душечка,
Прошло какъ сновидѣнье.

10. Хоть одинъ, хоть двое, трое,
Ступимъ въ одинъ шагъ;
Кто изъ насъ будетъ не согласенъ,
Того привѣсимъ къ столбу.

Digitized by Google

11. Су агадыр арыктын,
Кызлар карай йарыктын,
Югёрип чегеп ёбер идем,
Ёй йаламын халыкдын.

11. Вода течетъ черезъ плотину,
Дѣвки смотрятъ въ щель,
Выбѣжалъ бы да поцѣловалъ бы,
Но стыжусь народа.

См. тотъ же такмакъ въ татарск. пѣсняхъ № 40.

12. Каин тёбе карадыр,
Каин суи тазадыр;
Каин юртына баргас
Ёен безге каядыр.

12. Корень у березы черенъ,
Сокъ березы чистъ;
По выходѣ замужъ
Играть мнѣ не придется.

13. Алтын балдак бармакда,
Эйленедер салмакка;
Эйтер сюзиң булса жанхай!

Айда чегаик аулакка.

13. У меня на пальцѣ золотое кольцо,
Вертится оно у меня на рукѣ;
Если хочешь сказать: «да, согласна!»
Пойдемъ въ уединенное мѣсто.

14. Апрель бетмей ер су кибмей,

Юлга чигып булмайдыр;
Худай насыб итмегеч,

Мал илян барып булмайдыр!

14. До конца апрѣля земля не просыхаетъ,
Нельзя на дорогу выѣхать;
Если мнѣ не суждено съ тобою соединиться,
То деньгами не поможешь!

15. Алма пешер ёзелеб тёшер
Жайниң гёзель вактында;
Югереп чегеп суроб ёбер,
Сагынып кильгän чагында.

15. Спѣлое яблоко само падаетъ
Въ серединѣ жаркаго лѣта;
Моя милая, выбѣжавъ изъ избы,
Поцѣлуетъ меня, когда я возвращусь изъ дальней отлучки.

16. Кёк кўгерчен кукда ойнай,
Кўлягеси ерде ойнай;
Быз мескинляр китя деен,

Бызның ёчень кем йылай.

16. Сизый голубь играетъ въ небѣ,
А тѣнь отъ него на землѣ;
О томъ, что мы бѣдные ѣдемъ на чужую сторону,
Никто не плачетъ.

17. Атайимның атлары
Чабуп тёшти бу йулга;
Атай имга айтыңыз:
Бермей торсин бу йылга.

17. Лошади моего отца
Прискакали на эту дорогу;
Скажите моему отцу:
Пусть не выдаетъ меня замужъ въ этомъ году.

18. Каз канаты каткат булыр,
Ир канаты ат булыр;
Кулында малың бетенеся,

Уз тоганың йат булыр.

18. Крылья у гуся въ нѣсколько рядовъ,
У человѣка крылья — лошади;
Когда въ рукахъ средствъ не будетъ,
Родные станутъ чужими людьми.

Digitized by Google

19. Көмеш кашлы исрни
Салдым сарат белене;

Ак көш булыб өчер идем
Туган өскен ерьлярге.

20. Аргы якта ниляр бар?
Житен чечкен ерлярбар,
Житен чечке ата икен;
Жанкай кайда жата икен.

21. Аргы йактан берги йакка
Басма салдым етмейде;

Бергене матур бар иди,
Худай насып итмеди.

19. Я осѣдлалъ соловаго жеребца
Сѣдломъ съ серебрянымъ набором;
Полетѣлъ бы, какъ бѣлый лебедь
Въ родную свою сторонушку.

20. Что это на томъ берегу рѣчки?
Мѣста, засѣянныя льномъ,
Ленъ цвѣтетъ;
Не знаю я, гдѣ милая живетъ.

21. Съ одного берега на другой
Я положилъ жерди, но онѣ не достали;
Была одна красавица,
Но мнѣ не суждено было ее взять.

---

1. Чай ечесез ўзегез
Тярязедä көзегез;
Уймак кебек аозен
Сөрып, сөрып ўбегез.

2. Кыз десягез кызамен,

Өң кулымни сөзамин;
Кыз булганы хатын булса,
Кырин карап узамин.

3. Су буинда машина,
Аркан таккан башына.
Кызлар матур булам деп,
Сўрымя тартыр кашына.

4. Бар кызларның йахшысы
Четек кяуш кигяни;
Бар кызларның йаманы,
Өкъясиня сигяни.

5. Без кильмядек китяргä,

Кильдек гулять итяргä,
Сезнең көбек кунакларга,
Йирлап хөрмят итяргä.

1. Сами чай пьете
И въ окна глаза бросаете;
Въ уста съ наперстокъ
Крѣпко цѣлуете.

2. Вы скажете: «дѣвка», — изъ ума выхожу,
Правую руку даю;
А если вмѣсто дѣвки — женщина,
Косо смотря, прохожу (мимо).

3. У воды стоитъ машина,
Арканъ привязанъ къ головѣ.
Дѣвки, чтобы быть красивѣе,
Чернятъ брови сурьмой.

4. Хороши дѣвки
Въ ичегахъ и башмачкахъ;
Плохи дѣвки,
Которыя гадятъ на пяткахъ.

5. Мы не пришли (для того), чтобы ни съ чѣмъ уйти,
А пришли съ вами гулять
И васъ, какъ гостей,
Угощать съ пѣснями.

Digitized by Google

Слѣдующую пѣсню поютъ, когда ѣдятъ *салму* — лапшу, круглую, какъ орѣхъ.

6. Бар екетнен йахшысы,
Майлаб чячен тараган,
Бар екетнен йаманы,
Потолокны санаган.

6. Тотъ парень хорошій,
Кто съ масломъ голову причесалъ,
А тотъ парень плохой,
Кто доски на потолкѣ считаетъ.

На эту пѣсню поютъ отвѣтъ.

7. Бар екетнен унганы
Кашыксаин унары.

7. Бойкій парень сразу по 10 штукъ салмы
Зачерпнетъ ложкой.

8. Керели туры атлар ечеп,
Байлар базарга бара;
Буйга ускан кызлар барда,
Тöл хатынны кем ала.

8. Запрягши гнѣдо-карихъ лошадей,
Богачи ѣдутъ на базаръ;
Когда есть взрослыя дѣвицы,
Кто возьметъ вдовъ за себя.

9. Етекяй минга тон тектер:
Минда кіесем киля;
Етекяй минга кызалып бир:
Минда сöясем киля.

9. Закажи, тятя, шубу:
Я хочу ее носить;
Сватай за меня дѣвицу:
Я хочу ее цѣловать.

Эти пѣсни записаны съ пѣнія Башкиръ во время свадьбы (14 ноября 1893 г.).

---

1. Ишегем алды крылецада;
Кук кугарсин горляй, занишаим;
Уйнапда дослар, кулаик,
Булсын куңыль көрлектä, дускаим.

1. Передъ дверями крыльцо;
Горкуетъ сизая голубка, душенька;
Друзья, будемъ веселиться,
Пока душа радуется, — дружокъ.

2 Ирте белян турып карасам:
Йалтырайда таңнын сулпаны.
Йарлы кышы адам дошманы,
Бай кышы адам султаны.

2. Вставши утромъ, я смотрю:
Блеститъ заря восхода.
Бѣдные — враги людей,
А богатые султаны (господа) людей.

3. Китип бара торгас ял итдем
Ике аякаим талганга, занишай ганам.
Уйланып утрып бäн желадым
Тоуп ўскян жирлярказганга, дускаим.

3. Я ходилъ, а потомъ сѣлъ
Отъ усталости обѣихъ ногъ.
Сидя въ раздумьи, я плакалъ
Оттого, что оставляю годную землю.

4. Сандугас кошы зур тоголь,
Ултырган урны киң тоголь;
Адамлардан адам кем тоголь,
Тик бахытлары тиң тоголь.

4. Соловей-птица невеликая,
Мѣсто, занимаемое имъ, не обширно;
Человѣкъ не хуже человѣка,
Но въ счастьи не равны они.

Digitized by Google

5. Іугуруп мендем тауларга
Ак кіікларны ауларга, занишайганам;
Бадыша бызны сайлап алды,
Карши кильгян йауларга, дускаим.

5. Я выбѣжалъ на гору
Охотиться на бѣлыхъ сайгаковъ;
Царь выбралъ насъ
Воевать съ идущими на насъ непріятелями.

6. Бухарадан кильгян марнур таш,
Баҕаси киммат узизур тоголь;
Жикиттай булсаң бахытли бул,
Бахытли кышы хор тоголь.

6. Привезенный изъ Бухары мраморъ
На видъ не великъ, но цѣна его большая.
Если ты молодецъ, то будь еще счастливымъ:
Счастливаго человѣка не обижаютъ.

7. Безнендай кульнын жикан,
Жель тугадыр анын кышкянен;
Бу дунжага горурланып,
Бельмей калма гумырың утканын.

7. Наше озеро — одиноко,
Вѣтеръ знаетъ, высыхаетъ ли оно;
Развлекаясь обманчивымъ міромъ,
Не забывай, что жизнь проходитъ.

8. Кискина дай жельга ташип бара,
Курӧ салган бал көбек, дускайганам;
Газиз башым китып бара
Закладка салган мал көбек, дускай ганам

8. Маленькая рѣчка поднимается
Какъ медъ, въ который положена закваска, пріятель;
Бѣдная моя голова пропадаетъ
Какъ заложенное имущество, пріятель.

9. Уралдын біек (и) тау булмас,
Урал ярып аккан су булмас;
Куп уй хасирят туткан жигитлер
Ни ауру тогель, сау булмас.

9. Нѣтъ горы выше Урала,
Черезъ Уралъ не перетекаютъ рѣчки;
Молодецъ, много печалящійся
Ни боленъ, ни здоровъ.

10. И ямделя икан Уралыгыз,
Кадырм ускен сауска йкен;
Уртседаййасын Уралыгыз:
Бер аз гумырлярге заук икан.

10. Да, красивъ вашъ Уралъ,
Какъ галка, выросшая въ почетѣ;
Пусть Уралъ вашъ сгоритъ:
Хоть немного (это) порадуетъ меня въ жизни.

11. Аппак дай, аппак и агуна
Талдын талларга куна;
Ӧнгди и сӧнгди кашым тарта
Ни еш булыр мекен тагыла?

11. Бѣленькій, да, бѣленькій, бѣлый воробушекъ
Перелетаетъ съ тальника на тальникъ;
Направо и налѣво поводитъ бровями —
(Кромѣ этого) какое еще будетъ дѣло?

Digitized by Google

12. Ишекейм алды куш карагас,
Бутаклары саин кардыгас;
Син кардыгас блян мин сандугас,
Сайрашырбыз икыбыз йаз булгас.

12. Впереди дверей — двѣ сосны,
На каждомъ сучкѣ ласточки;
Ты, ласточка, со мною, соловьемъ,
Вмѣстѣ запоемъ весною.

13. Сары атканы мендем сазлар кистем,
Саз салкынларын алсен тіеп,
Ултрада тороп тауга сыктым,
Журган да жирем калсын дип.

13. Верхомъ на соловой лошади ѣхалъ я черезъ болота;
Избѣгая сырости болотъ,
Поднялся я на гору
Для того, чтобы остались (въ сторонѣ) тѣ мѣста, гдѣ я ѣхалъ.

14. Ак буз аткай менсяң и тир була,
Ак сергида салсам кер була;
Аталардан калган йангыз бала,
Йат жирлярде йöреп ир була.

14. Сяду верхомъ на бѣлую лошадь,— она потѣетъ,
Положу бѣлый потникъ, — онъ грязнится;
Дитя, оставшееся отъ родителей,
Живя по чужимъ мѣстамъ, дѣлается мужчиной.

15. Ак кугарчен белян кöк кугарчен
Мячет башы манара астында;
Эй, йараткан Аллахъ, Кадыр мяуля,
Махрум итмя халык арасында.

15. Бѣлая голубка съ синей голубкой
(Сидятъ) подъ минаретомъ мечети;
О Боже, мой создатель,
Не оставь меня среди людей (народа).

16. Уралгына тауы кирдмяс, кирдмяс,
Кирдмясляри бетар кар киткас;
Ир балакай кайтыр хзмятен биткяс,
Кыз балакай кайтмас бер киткас.

16. Гора Уралъ поднимается ступеньками,
Которыя исчезаютъ, когда растаетъ снѣгъ;
Молодецъ вернется, когда кончится служба,
А дѣвица, ушедши, уже не вернется.

17. Сафараларга чегыш юрегенемдä,
Бан хушландым чечке исеня;
Юрей дагна торгач бер кöйлядем:
Элля ниляр туште исемя!

17. Когда я, путешествуя, прогуливался,
Я наслаждался запахами цвѣтовъ;
Гуляя, я запѣлъ одну пѣсню:
И чего, чего не вспомнилось мнѣ!

18. Ишекеем алды крыльсадан
Егылыпкна töшдем ангсыздан;
Эй гакылсыз кшы тоголь идем,
Гакылларым бетди малсыздан.

18. Съ крыльца передъ дверями
Я упалъ по неопытности;
Эхъ, я былъ человѣкъ не безъ ума,
Да исчезъ онъ за неимѣніемъ достатка.

Digitized by Google

19. Мингандай атым киро дунан,
Кигандай тукум кук жилян;
Асу белян, дускай, кöендеңля,

Бен сагынып килям куи жирдан.

19. Подо мною мухортая четырех-
Надѣлъ я синій халатъ; [лѣтка,
Другъ мой, ты горюешь въ своемъ сердцѣ:
Я, соскучившись, иду къ тебѣ издалека.

20. Утырсында гумрым, әй утырсын,
Картайтыпла харап итярсең;
Картайтыпкайнга без ризабз:
Ультребкне харап итярсең.

20. Пройдешь, жизнь, пройдешь,
Состаривши, сгубишь,
Но ничего, что состаришь:
Ты смертью погубишь.

21. Таошларым миның таулар йара,

Тик самовар тоголь шауларга;

Эчекеем миның от тик кайнай,
Тик сандугач тоголь сайрарга.

21. Мой голосъ раскалываетъ горы (разносится по горамъ),
Только онъ не самоваръ, чтобы шумѣть;
Мой животъ горитъ какъ въ огнѣ,
Только онъ не соловей, чтобы распѣвать.

22. Йаландай ери бигряк йакшы,
Ак тирмяляр корып ейлярга;
Кайдала барсаң достиш булсын,
Карышы чегеп атың бейлярга.

22. Хороши степныя мѣста
Для кочеванія въ бѣлыхъ кошахъ;
Куда ни отправишься, нужны пріятели,
Чтобы встрѣтили и чтобы (было гдѣ) привязать лошадь.

23. Йалангына ернең әй буриси,

Кök сыртлый да булыр кўбеси;
Достишларым куп деп срын чешмя:
Хас дошманлар булыр кўбеси.

23. Въ степныхъ мѣстахъ много волковъ
Съ сивымъ хребтомъ;
Полагаясь на то, что много друзей, не открывай секретовъ:
Многіе изъ друзей окажутся настоящими врагами.

24. Бурай да бурай карлар йаусы
Пуйукмайдыр булан баласы;
Кайдала барсам покой бермяй,
Ир арслан ата баласы.

24. Бурно, бурно снѣгъ падаетъ,
. . . . . сынъ такого-то;
Куда я ни пойду, не даетъ покоя
Сынъ Иръ-Арслана (или «сынъ льва»).

25. Баксаларда байлар әй атлары
Джуганлары алтын затлары;
Буйан зыфа йузун куркам касы
Пейгамбарның затлары.

25. Въ садахъ привязываютъ лошадей
Съ золотыми уздечками;
Твое лицо красиво и брови прелестны
Какъ будто у пророка.

Digitized by Google

ТЕПТЯРСКІЯ ПѢСНИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Тептяри, населяющіе 12 деревень въ Тептяро-Учалинской волости Верхнеуральскаго уѣзда, пользующіеся дурной нравственной репутаціей какъ воры, хищники, ничего своего не имѣющіе за душой, не лишены однако поэтическаго творчества и обладаютъ опредѣленнымъ кругомъ собственныхъ пѣсенъ, сказаній и пр.

Тептярскія пѣсни имѣютъ ту особенность, что въ отличіе отъ татарскихъ имѣютъ каждая свою мелодію. Онѣ по характеру мелодій такъ же, какъ татарскія и башкирскія дѣлятся на

1) протяжныя — узункўй, къ которымъ принадлежатъ также пѣсни мункўй (мункуэ) — печальныя, горемычныя;

2) скорыя — такмакъ, по тептярски кыскакъ.

Наличность пѣсеннаго творчества доказывается присутствіемъ среди Тептярей пѣсельниковъ-авторовъ. Въ дер. Рысаевой (иначе Акбулатовой) я встрѣтилъ одного изъ такихъ авторовъ — Магафура Башарова, который по болѣзни глазъ не занимался работой, а обезпечивалъ себѣ существованіе своимъ искусствомъ. Онъ сочиняетъ, по его словамъ, въ силу слѣдующихъ побужденій: отъ нужды, подъ вліяніемъ бѣдствій, чтобы облегчить ихъ, а также когда бываетъ весело; въ послѣднемъ случаѣ сочиняетъ еще лучше.

Пѣсни его сочинительства пользуются успѣхомъ среди соплеменниковъ, и мнѣ не разъ указывали на Башарова какъ на автора той или другой пѣсни съ прибавленіемъ, что нѣтъ пѣсельника, искуснѣе его слагающаго пѣсни. Башарову 55 лѣтъ (1893 г.), и у него, кажется, есть порядочный запасъ своихъ пѣсенъ, изъ которыхъ иныя онъ сочинилъ, по его словамъ, лѣтъ 25 назадъ, а иныя 20, 10, 5 и даже годъ назадъ. Часть пѣсенъ онъ посвятилъ своему семейному горю: у него одинъ за другимъ умерли дѣти, да при томъ на чужбинѣ при отбываніи воинской повинности. Когда онъ передавалъ мнѣ эти послѣднія пѣсни, то изобильно проливалъ слезы.

Digitized by Google

Несмотря на то, что пѣсни его прививались среди мѣстнаго населенія, онѣ не казались мнѣ особенно интересными съ мелодической стороны.

Башаровъ не только пѣвецъ, но также и игрокъ на скрипкѣ, на которой онъ исполняетъ помимо своихъ татарскія, башкирскія и русскія пѣсни и даже кадрили изъ послѣднихъ, такъ какъ Тептяри, умѣютъ танцовать кадриль, которую усвоили отъ Русскихъ въ публичныхъ домахъ. Башаровъ является непремѣннымъ участникомъ свадебъ, гулянокъ и пр. и представляетъ изъ себя типъ профессіональнаго музыканта, рѣдко встрѣчающійся среди описываемыхъ инородцевъ, особенно среди Башкиръ.

Пляска называется біиу, плясунъ — біиусы.

Своихъ музыкальныхъ инструментовъ у Тептярей нѣтъ, а есть заимствованные. Отъ Башкиръ они переняли свирѣль — курай, игрокъ на которой, дудочникъ, называются курайсы, въ параллель съ чѣмъ пѣсельникъ называются ираусы.

Отъ русскихъ заимствовали скрипку, балалайку и гармонію.

Пѣсни распѣваются на свадьбахъ, гулянкахъ, въ вечернюю пору; на свадьбахъ поются обыкновенныя, — спеціально свадебныхъ пѣсенъ не существуетъ; тептярскіе пѣсельники имѣютъ практику также на окрестныхъ золотыхъ пріискахъ, куда приглашаютъ ихъ съ цѣлью увеселенія Русскіе.

Пѣсни среди Тептярей, какъ среди Башкиръ, живутъ, по словамъ Башарова, не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ новымъ пѣсеннымъ цикломъ. Но господство этого явленія ограничено исключеніями.

При сочинительствѣ текста авторы руководятся, по словамъ упомянутаго Башарова, слѣдующимъ.

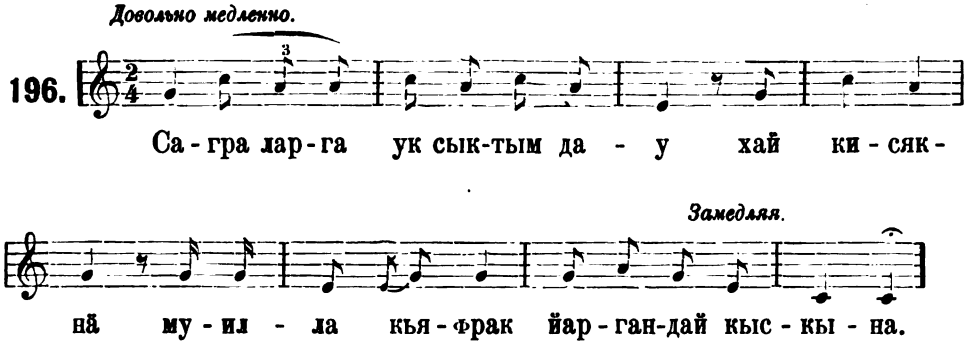
При составленіи строфы они подбираютъ по двѣ пары стиховъ такъ, чтобы между обѣими парами стиховъ было соотвѣтствіе въ риѳмѣ, которая приходится на 2-ю и 4-ю строчки; такія двѣ пары стиховъ съ риѳмой называются кушъ (пара).

При записываніи Тептяри, какъ и другіе инородцы, воспроизводили и повторяли для меня мелодіи обыкновенно отчетливо, безъ измѣненій при повтореніяхъ. Большинство записанныхъ мною тептярскихъ пѣсенъ — протяжныя (узункӯй или мункӯй), и только одна (№ 202) скорая — кыскакъ.

Digitized by Google

Мункӱй (жалобная, горемычная пѣсня).

196.



1. Саграларга ук сыктым дау хай кискна:
Муиллак йафрак йаргандай кискна;
Буный гажап хайран ишляр булды?
Кайгы хасрят китмай хискна.

1. Я вышелъ на открытую степь:
Черемуха расцвѣла цвѣтами;
Что за удивительныя вещи, Боже мой, случились со мною?
Тоска-печаль не отходятъ отъ меня.

2. Карангы тӱндӓ йуруганымдӓ:
Адаштырмай ирнын мижасы;
Адаштырмай ирынын мижасы,
Адаштра дундя нужнасы.

2. Я гулялъ темной ночью:
Вѣдь межа не дастъ заблудиться;
Межа — то не дастъ заблудиться,
Да нужда мірская собьетъ съ пути.

3. Кыркынгы киля тау буйлап,
Кара каз киля куль буйлап;
Бӓним йуракайямны сары
Алды турли хасрят куп уйлап.

3. Полевой звѣрь идетъ по горѣ,
Казарки (гуси) летятъ вдоль озера;
Отъ большого горя
Мое сердце залило желчью.

4. Йаикайгна буйлап йуры тургас,
Усуридым сабак уйинына;
Инды аткайгнам бахиль бул дип.
Белякӓйлӓрин салды муинны.

4. Идя вдоль рѣки,
Попалъ я на мѣсто, гдѣ играютъ чебаки;
«Прости теперь, батюшка», сказалъ онъ (умирающій сынъ).
И положилъ руку на шею (обнялъ).

Digitized by Google

5. Ир кадырлары байлыкта;
Дундя кадырлары саулыкта;
Саулыкаим бäнин даулатым:
Бер Худаим удын йарылка.

6. Ниг' ауры икан был башым,
Ундап сулдап тарта куз йашым?

Турли хасрят уйны куп уйласам,

Дивуана булыр был башым.

7. Йам бирьукайина мисал икан,
Йат илларда йангыз ташлауы;

Илы урамлардын бряу киля:
Мисли Абдылгафур атлауы.

8. Исикайгнам китып бен утрам,
Хайран вуайран ишка аптрап:

—«Илама сана аткайгнам,
Шунда йазган бизгà туфырак».

9. Кым айтыркай икан саламымды,

Аткайгнам килип итсин дип?

Бер Худаим баңá йазган икан
Йангыз юрýп гумырын утсын дип.

5. Цѣна людей — въ богатствѣ,
Цѣна жизни — въ здоровьѣ,
Здоровье — вотъ мое богатство:
Будь милостивъ ко мнѣ, Господи.

6. Отчего у меня болитъ голова,
Изъ праваго и лѣваго глаза течетъ слеза?
Много будешь думать о каждомъ горѣ,
Съ ума сойдешь.

7. Все равно, что свою душу отдавать,
Оставлять на чужой сторонѣ (родственника);
По улицѣ кто-то идетъ:
Походка точно у Абдылгафура (сына автора).

8. Теперь точно безумный я сижу:
Ошеломленный удивительнымъ несчастіемъ:
— «Не плачь, мой батюшка,
Богъ велѣлъ мнѣ на этой землѣ лечь».

9. «Кто велѣлъ передать тебѣ мой поклонъ,
Съ просьбою, чтобы ты пріѣхалъ, батюшка?»
(Отецъ) «Господь судилъ
Одному мнѣ вѣкъ прожить».

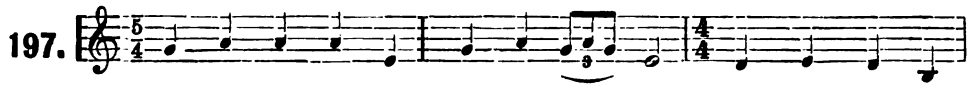
Пѣсню и мелодію сложилъ самъ пѣвшій мнѣ тептярь Магафуръ Башаровъ изъ деревни Рысаевой на смерть своего сына 21-го года, умершаго при отбываніи воинской повинности. Авторъ называлъ ее мункуэ — жалобная, горемычная пѣсня.

Digitized by Google

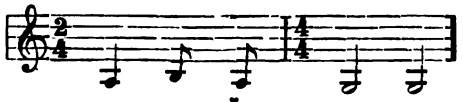
Узункўй.

Довольно медленно.

197.



И-сыр-дым кай-да бän ба-ра-им И-скыр-дым дай



кым-га йа-ра-им.

1. Исырдым кайда бäн бараим?
Искырдым дай кымга йараим?
Утыпкнай китты йаш гумырым:
Кайдан табып сатып алаим?
2. Китапларым китап истўндä,
Китапларым сталь[1]) истўндä;
Бäнин халларымды кышы бильмяй:
Бенсаргайдым ўсь кюн исинда.
3. Сагралargà ўскäн быр тиряк,
Йафаркай ирга тугуля;
Йакташим йок туганым баним:
Йуракайларым ўзюля.
4. Öт дилгалардын аша сыктым,
Икы кулкаймá таш алып;
Кайтыр йулларма карай киттым:
Икы кузыкайима йаш алып.

1. Опьянѣлъ я: куда пойду?
Старъ я сталъ: для кого гожусь?
Прошла жизнь моя молодая:
Гдѣ найти и купить мнѣ ее?
2. Книги мои на книгахъ,
Книги мои на столѣ;
Моего положенія люди не знаютъ:
Я пожелтѣлъ въ три дня.
3. Въ саду выросло дерево,
Листья его падаютъ на землю;
Нѣтъ у меня ни земляка, ни родного:
Надрывается сердце мое.
4. Перешелъ я огненную рѣчку,
Набравъ въ обѣ руки камней;
Посмотрѣлъ я на дорогу, по которой долженъ вернуться:
Заплакали оба мои глаза.

Сочинена вмѣстѣ съ мелодіей пѣвцомъ Магафуромъ Башаровымъ лѣтомъ 1893 г.

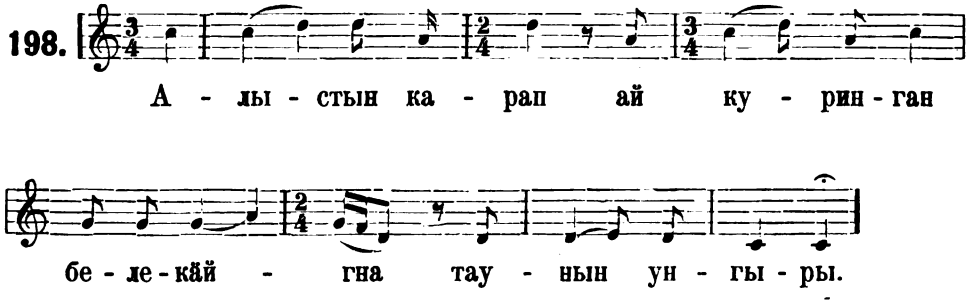
1) Столъ.

Digitized by Google

Узункўй.

Медленно.

198.



1. Алыстын карап (ай) куринган:
Белекайгна тауның унгыры;
Йатларда йюрюп зайа ўтă
Бир маладес икыт ғумыры.

2. Югрюпкна миндым эй тауларга,
Тау башкай кыйгас таш икап;
Дундя нуждаларын куплар курдым,
Талигасыз тауган баш икан.

3. Йаикайгна сыунын ашасында
Таңлар белян беря куш мунглана;
Исянгна юрюп саулар кайтсам,
Ніят бирир идым муллама.

4. Югрюпкна туштым удакка,
Кызарыпкнай бишкан гилякка,
Ир гилякаин берлáр капсам,
Йал булмасмы йанган йуракка.

1. Вдали что-то виднѣется:
То-пещера маленькой горы;
На чужой сторонѣ даромъ пропала
Жизнь одного молодца.

2. Бѣгомъ забрался я на гору,
На вершинѣ горы — острый камень;
Много нужды видѣлъ я,
Безъ счастья родившаяся голова.

3. На той сторонѣ рѣки Урала (Яика)
На разсвѣтѣ поетъ одна птица;
Если возвращусь живъ и здоровъ,
То дамъ приношеніе муллѣ.

4. Бѣгомъ спустился я въ оврагъ,
За красной спѣлой клубникой,
Которой если поѣмъ разъ,
Не будетъ ли отъ этого легче горящему сердцу.

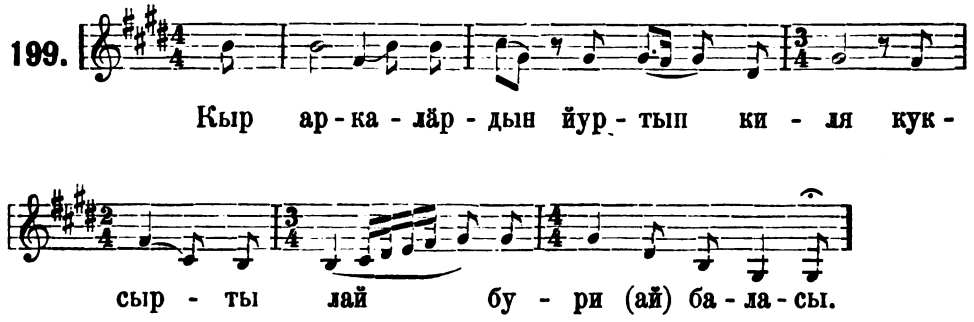
Сочинена вмѣстѣ съ мелодіей пѣвцомъ Башаровымъ лѣтъ 20 назадъ.

Digitized by Google

Мункӱй (жалобная, горемычная пѣсня).

Протяжно.

199.



1. Кыр аркалардын йуртып киля
Кук сыртылай бури баласы;
Кайдадагнай барса пакуй бирмай
Ир арсланы атай баласы.

2. Мышагыркай таунын бійигы
Югрюп тушар сыугӓк кыігы;
Сар(ы) ауру тугуль ӱзӱм белям,
Бул елга йанын кайигы.

3. Алыстын карап курингап,
Йаикайгна сыунын боулары;
Бӓнин йуракайларым йанып бара,
Сундыралмай дарья сыулары.

4. Комышкна йар токамлы икан;
Магады-тӱря[1]) минган ат икан;
Карышы туруп йауап биря
Магады-тӱря кымнын заты икан.

1. Рысью бѣжитъ по хребту горъ
Волченокъ съ сивымъ хребтомъ;
Куда бы я ни пошелъ, не даетъ покоя
Дитя Иръ-Арслана (или «сынъ льва»).

2. Съ высокой горы Мышагыръ
Сайгакъ бѣгомъ спустился къ водѣ;
Самъ я знаю, болѣзнь эта — не желтуха,
А отъ горя нынѣшняго лѣта.

3. Вдали виднѣются,
Пруды рѣки Урала;
Сердце мое начинаетъ горѣть,
Не утушитъ его и рѣчная вода.

4. Обрывистый берегъ украшенъ камышемъ;
Магадій — чиновникъ ѣдетъ на лошади;
Выйди на встрѣчу и отвѣть намъ:
Что за птица — Магадій.

---

1) Магады былъ засѣдателемъ въ деревнѣ Уразовой Верхнеуральскаго уѣзда.

Digitized by Google

5. Бäлякäйгна куласаим,
Кышнапкна киля уйурга;

Магадытӱря йауап бирялирдá,
Тайанышкай икы буйурга.

6. Йашиль гна сана тырякты;

Тӱндá йурган ирлар йуракты;

Йаш йураккай инá сыдай алмай,

Йок нихматларга илякты.

7. Куз булдысà саул бурлана,

Йаз булдыса таллар турланá;
Елама сана йанкайгнам:
Куз кырбыкайларын кырлана.

5. Маленькая моя лошаденка
Ржетъ и идетъ въ косякъ (часть табуна);
Магадій—чиновникъ даетъ отвѣтъ,
Подпершись въ оба бока.

6. Зеленыя сани устроены съ отводами;
Смѣлые мущины гуляютъ по ночамъ;
Не вытерпѣвъ со своимъ молодымъ сердцемъ,
Я подвергся небывалымъ хлопотамъ.

7. Осенью листья на деревьяхъ свертываются,
Весною тальники измѣняются;
Не плачь же, душа моя:
Рѣсницы изъ вѣкъ (глазъ) твоихъ выпадаютъ.

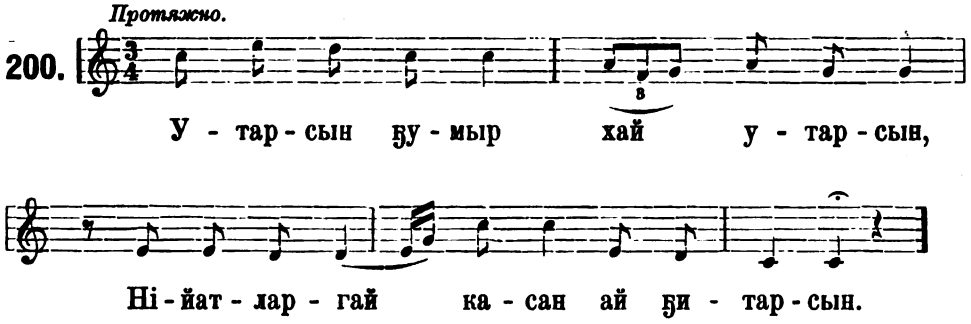
Пѣсня сложена по поводу похищенія шкатулки съ золотыми деньгами у партіи русскихъ переселенцевъ тремя тептярями, которые были пойманы.

Digitized by Google

Узункўй.

Протяжно.

200.



1. Утарсын ҕумыр утарсын,
Нійатларга касан ҕитарсын;
Мукадарьда йазган йазылмышны,
Курмаинса нихаль итарсын.

1. Пройдешь, жизнь моя, пройдешь,
Когда исполнишь то, что назначено;
Того, что написано на роду,
Никакъ нельзя не испытать.

2. Сайрайгна килип сайрай кайта
Карлигаскай белян сандугас;
Дўндя малы ўсюн кайгырмаймын,
Гўллю агызаларым саубулгас.

2. Когда прилетаютъ, поютъ и когда улетаютъ, поютъ
Соловьи и ласточки;
Не тужу я о богатствѣ въ мірѣ,
Когда здоровы мои члены.

3. Алыстын карап курынган
Бійкайгна таунын билляре;
Ир икыт мискын кайтыр иды,
Еракай ирда калган илляре.

3. Вдали виднѣются
Вершины высокихъ горъ;
Бѣдный молодецъ вернулся бы,
Да далеко осталась его родина.

4. Китаик, дускай, ай китаик
Булгарадым Бухар утаик;
Душманым кубырак дуссиш адрак,
Сыр бильгыртмай дўндя кутаик.

4. Поѣдемъ же, дружокъ, поѣдемъ,
Проѣдемъ, если согласенъ, Бухару;
Враговъ много, друзей мало,
Будемъ жить, не говоря никому ничего.

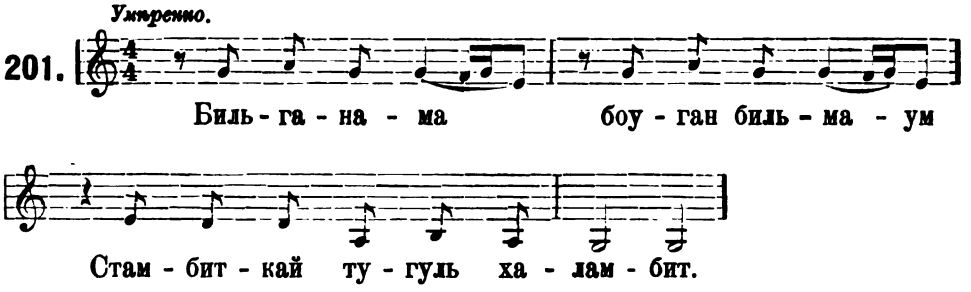
5. Алыстын карап курынган
Агидыль башы Ирамаль таш микан?
Мульдур гна мульдур туҕульган
Кузларымнын туҕульган йашмикан?

5. Не гора ли Иремель въ верховьяхъ рѣки Бѣлой
Виднѣется издали?
Неужели это слезы изъ глазъ
Текутъ да текутъ ручьемъ?

Digitized by Google

Узункўй.

Умѣренно.

201. 

1. Бильганама боуган ай бильмаум,
Стамбиткай тугуль каламбит;
Агай иныларнын кадырина,
Алларында куйлап турамбит.
2. Йуграгнай атлап бен килямин
Сирямыкай ускан каиндын;
Сары аурып йатып йабыкмадым,
Бен йабыктым санын кайгындын.
3. Йаны дагнай салган гурнисанды [1])
Без бурамайинса кым бурай?

Ўзыганаин, дингай, матур булгас:
Без уйнамаинса кым уйнай?

4. Ишикай гнам алды баганага

Ат байладым тўшюп кульсага;
Ай-хай гна жикитка маладес:
Матургна йарга кул сала!

5. Кумышкна йудук сыркаликаш-(таш)
Кыйасынкай кильса сандык [2]) ас;

Санынгнай кубык йумышак-тыльды,
Булса булыр сары сандугас.

1. Кушакъ, которымъ я подпоясался,
Не шелковый, а шерстяной;
Въ честь своихъ братьевъ,
Я пою передъ нимъ пѣсенку.
2. Я бѣгомъ пробираюсь
Черезъ сырыя березы;
Я похудѣлъ не отъ болѣзни,
А похудѣлъ, соскучившись о тебѣ.
3. Вновь строющуюся горницу
Если не мы, то кто будетъ устраивать?
Ты сама, кума, красавица:
Если не мы, кто будетъ играть съ тобою?
4. Слѣзая съ лошади, я привязалъ ее за кольцо
Къ столбу передъ дверями;
Ай да молодецъ джигитъ:
Протягиваетъ руки къ красивой невѣстѣ!
5. Открой сундукъ, если хочешь надѣть
Серебряный перстень съ сердоликовымъ камнемъ;
Такой мягкій голосъ (языкъ), какъ у тебя,
Бываетъ развѣ только у желтаго соловья.

---

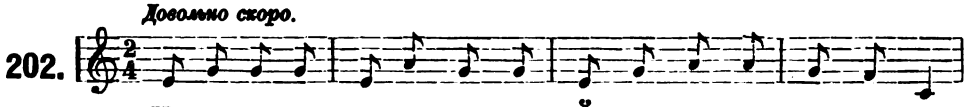
1) Горница, комната.
2) Сундукъ.

Digitized by Google

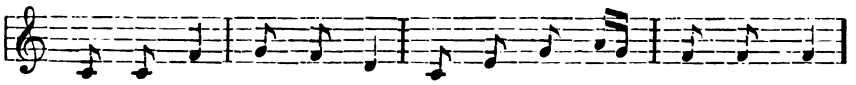
Такмакъ тептярскій (по тептярски: кыскакъ).

Довольно скоро.

202.



Иг-тай а-гай ар-ба-дын-да Йа-тып кал-ган бе-ри штан



А-дун-дя за-лю-ли, Йа-тып кал-ган бе-ри штан.

1. Игтай аҕай арбандында
Йатып калган бери штан,
Адундя залюли,
Йатып калган бери штан.
Штанына ник кайгырсын:
Фахарниса бик куштан;
Адундя залюли,
Фахарниса бик куштан.
2. Игтай аҕай бура бурай
Уйга тугуль килятка,
Адундя залюли,
Уйга тугуль килятка.
Игтай аҕай йаш бисäсе
Фахарница билятка,
Адундя залюли,
Фахарница билятка.
3. Туркын туркын куйлар киля,
Агасында кара йок,
Адундя залюли,
Агасында кара йок.
Нихаль итсын Фахарниса
Алла кушкас сара йок,
Адундя залюли,
Алла кушкас сара йок.

1. Въ телѣгѣ дяди Игтая
Остались одни штаны,
Ай да люли,
Остались одни штаны.
О штанахъ ему нечего горевать:
Фахарница очень любезна,
Ай да люли,
Фахарница очень любезна.
2. Игтай рубитъ (лѣсъ)
Не на избу, а на амбаръ,
Ай да люли,
Не на избу, а на амбаръ.
Молодая жена дяди Игтая
Фахарница — блядь,
Ай да люли,
Фахарница — блядь.
3. Идутъ гуртомъ бараны,
Все бѣлые, черныхъ нѣтъ,
Ай да люли,
Все бѣлые, черныхъ нѣтъ.
Какъ же быть Фахарницѣ?
Такъ Богъ судилъ, ничего не подѣлать,
Ай да люли,
Такъ Богъ судилъ, ничего не подѣлать.

Digitized by Google

Digitized by Google

БАКАЛИНСКІЯ ПѢСНИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Бакалинцы (по сообщенію пѣвшаго мнѣ пѣсни бакалинца Павла Ивановича Шурупова) — татары, крещеные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ во время взятія Казани: въ то время часть татаръ скрылась, а другая была крещена. Названіе свое получили отъ селенія Бакалы, гдѣ они живутъ,— на р. Камѣ, недалеко отъ р. Бѣлой; отсюда часть ихъ была переселена въ 1842 г. въ Оренбургскую губернію въ Верхнеуральскій уѣздъ.

Музыкальные инструменты, распространенные среди нихъ, русскаго происхожденія: балалайки, гармоніи, гусли, скрипки, а также сыбузга (чибузга) — инструментъ, на которомъ играютъ молодые парни на святкахъ. Бакалинцы усвоили многіе русскіе обычаи и обряды; такъ, напримѣръ: на святкахъ парни и дѣвки, откупивъ вечеръ (т. е. помѣщеніе для вечера), въ полночь приносятъ воды съ рѣчки, опускаютъ кольца и гадаютъ.

Крещеные татары имѣютъ другое названіе: Нагайбаки отъ селенія Нагайбакъ, въ которомъ они первоначально жили (въ Уфимской губерніи). Это селеніе сначала было крѣпостью, построенной въ 1736 г. въ предѣлахъ нынѣшнаго Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи. На мѣстѣ крѣпости, раньше ея основанія, какъ сообщаетъ Рычковъ (Топографія Оренбургской губ., соч. П. И. Рычкова, 1762 г.; второе изд. Оренбургъ, 1887 г. стр. 379—382), жилъ башкирецъ Нагайбакъ, и юртъ его назывался по нему деревней *Нагайбаковой*. Въ окрестностяхъ этой крѣпости, по словамъ Рычкова, «издавна двоякаго состоянія люди находились, а именно: новокрещеные и иновѣрцы». Новокрещеные, которыхъ Рычковъ предлагаетъ вѣрнѣе называть старокрещеными въ отличіе отъ позднѣйшихъ крещеныхъ, были обращены въ христіанство, какъ они сами говорили, при царѣ Иванѣ Грозномъ изъ магометанъ и язычниковъ, но не были наставлены въ правилахъ вѣры и были христіанами по имени; русскаго языка не знали вовсе, церквей у нихъ не было. До 1736 г. всѣ они платили въ казну ясакъ, а

Digitized by Google

начиная съ этого года по указу Императрицы Анны Іоановны за то, что они «къ бунтовавшимъ башкирцамъ не приставали и претерпѣли отъ нихъ многія раззоренія, ясакъ былъ съ нихъ снятъ и всѣ тѣ земли, на коихъ они, платя башкирцамъ оброки, жительствовали, отданы въ собственное ихъ владѣніе, за что велѣно имъ служить казачью службу, которую они и исполняли въ Оренбургѣ». Во всемъ Нагайбацкомъ округѣ во времена Рычкова было десять деревень и одно село съ церковью, въ которыхъ числилось 1359 служилыхъ казаковъ, получавшихъ казенное содержаніе тогда лишь, когда были командируемы далѣе 100 верстъ отъ своихъ жилищъ.

Въ 1758 г. Казанскій епископъ Гавріилъ обратилъ вниманіе на религіозное состояніе Нагайбаковъ и поручилъ священнику села Спасскаго въ вотчинѣ Рычкова посѣщать ихъ и наставлять въ вѣрѣ.

До 1842 г. Нагайбаки мирно жили въ Уфимской губерніи, въ окрестностяхъ названной станицы Нагайбакъ и деревни Бакалы. Но въ 1842 г., какъ мнѣ разсказывали старики на новыхъ мѣстахъ жительства Нагайбаковъ въ Оренбургской губерніи, по Высочайшему повелѣнію ихъ переселили на теперешнія мѣста въ Верхнеуральскій уѣздъ, Оренбургской губерніи, для защиты этихъ мѣстъ отъ нападеній киргизъ со стороны степи. Нагайбаки не хотѣли добровольно переселяться съ насиженныхъ мѣстъ, и переселеніе ихъ совершилось при посредствѣ угрозъ и массовой порки, какъ это помнятъ еще здравствующіе по нынѣ (1894 г.) старики 70—80 лѣтъ.

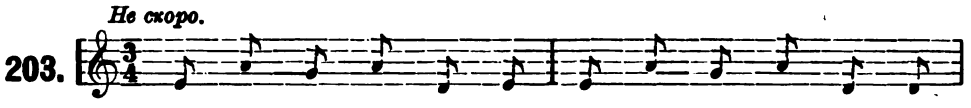
Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Нагайбаки живутъ въ 6 поселкахъ, которые имѣютъ двоякія названія: именныя и по номерамъ, Кассель или № 1 (т. е. первый поселокъ, считая отъ г. Верхнеуральска), затѣмъ Остроленко или № 2, Требія или № 3, Парижъ или № 4, Фершампенуазъ или № 5 и Куликовскій. Такія громкія имена поселки получили по распоряженію высшаго казачьяго начальства, которое, размѣщая по своимъ соображеніямъ казачьи поселенія, называло ихъ часто въ честь главнѣйшихъ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками въ Италіи, Германіи и Франціи въ 1799 г. и въ Наполеоновскую войну 1813—1814 гг., водворяя въ этихъ странахъ чуждыя имъ названія.

Нагайбаки по ихъ словамъ поютъ въ настоящее время двояко: а) по стариковски — коротко (пѣніе на старинныя оригинальныя мелодіи внѣ русскаго вліянія) и б) какъ молодые — протяжно на мелодіи съ русскимъ характеромъ, это новый родъ пѣнія. Нагайбаки вообще сильно подчиняются русскому вліянію какъ въ быту, такъ и въ пѣсенномъ творчествѣ, почти всѣ говорятъ по-русски и подъ вліяніемъ христіанства и казачества (они входятъ въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска), вѣроятно, совсѣмъ сольются впослѣдствіи съ русскими.

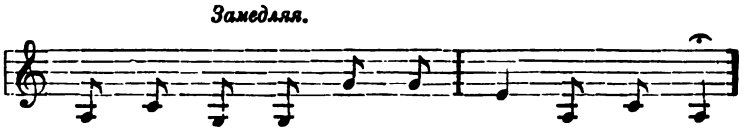
Digitized by Google

Узункўй бакалинскій (нагайбакскій).

Не скоро.



Замедляя.



1. Самоварлар куйдым сайлар истым,
Таш тарилка тулы бáлбилен, йандусым.
Бу дынйакайларны кутсан иды
Йанын танын сиган йарбилен, йандусым.

2. Мäдрäсä йатып укыманыңны,
Тухбá дагнай белян Мульяны, йандусым?
Икыдагнай йарны тиңляр сауп
Кутсан иды фаны дуньяны, йандусым.

3. Бер сауган йарны эй кыганы
Хутна дагнай белян гарнитур, йандусым.
Ak гурнисаларнын есляриндä
Зарландрып жырлай бер матур, йандусым.

1. Я поставилъ самоваръ, пилъ чай,
Глиняная тарелка полна меду, пріятель.
Чтобы такъ же сладко (какъ медъ) жить мнѣ
На этомъ свѣтѣ съ своей милой, пріятель.

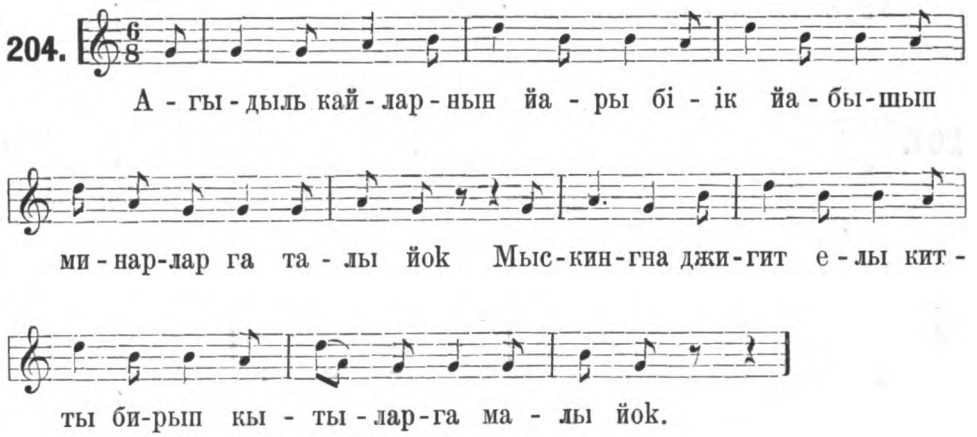
2. Не читалъ ли ты, когда былъ въ медрессе,
(Книгъ) Тухба и Мулья, пріятель?
Любить бы двухъ красавицъ одинаково
И жить бы на этомъ только свѣтѣ, пріятель!

3. Любимая красавица одѣта
Въ бархатъ и гарнитуръ, пріятель;
Въ бѣлой горницѣ
Распѣваетъ одна красавица, пріятель.

Digitized by Google

Умѣренно.

204.



1. Агыдыль йары біік йабышып минарларга талы йок.
Мыскингна джигит елы китты бирып кытыларга малы йок.
На рѣкѣ Бѣлой высокій берегъ, не за что уцѣпиться взбираясь: нѣтъ тальника.
Бѣдный молодецъ заплакалъ и ушелъ: дать ему нечего.

2. Урманарга керсän (крисän) кыр сызғырып усак йапраклар сылкинсын.
Кайда юрёсиндä йакшы йуры курып калган адам укынсын.
Когда зайдешь въ лѣсъ, свисти, чтобы осиновые листья тряслись.
Тамъ, гдѣ ходишь, ходи хорошо, чтобы весь народъ дивился (любовался).

3. Аклар каиндà кукляр тіин атырмáмын диды дулыдыр.
Аклар белякаин муинга салып аирылмáм диды жилыдыр.
На бѣлой березкѣ сѣрая бѣлка (говоритъ) — «не поддамся на выстрѣлъ» и прыгаетъ.
Положа на шею бѣлую рученьку, она говоритъ: «не разстанусь» и плачетъ.

Digitized by Google

ПѢВЦЫ И МУЗЫКАНТЫ СРЕДИ УРАЛЬСКИХЪ МУСУЛЬМАНЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ заключеніе считаю надобнымъ упомянуть о тѣхъ инородческихъ пѣвцахъ и музыкантахъ, отъ которыхъ я записывалъ пѣсни и мелодіи во время путешествій по Уралу, и о тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, при какихъ мнѣ приходилось ихъ слышать.

Инородческіе музыканты въ верхнеуральскомъ уѣздѣ.

Дер. Москова. Первыя двѣ мелодіи на тексты книжнаго сочинительства записаны мною въ башкирской деревнѣ *Московой*, лежащей въ 12 верстахъ отъ г. Верхнеуральска вверхъ по рѣкѣ Уралу, у самаго подножія восточныхъ склоновъ Уральскаго хребта. Мѣстность въ общемъ довольно красива, только выглядываетъ пустынной благодаря тому, что лѣсъ на горахъ и въ долинѣ, простирающейся по направленію г. Верхнеуральска, весь вырубленъ.

Въ долинѣ этой протекаетъ своими верховьями рѣка Уралъ, дѣлая многочисленные изгибы; ширина и глубина ея въ этихъ мѣстахъ незначительна: ширина не болѣе 6—8 саженъ, а самыя глубокія мѣста — въ ростъ человѣка. Жители дер. Московой, благодаря неурожайнымъ годамъ, очень обѣднѣли, лишились почти всего скота, въ которомъ, какъ вообще у Башкиръ, заключалось все ихъ богатство, и промышляютъ вырубкою лѣса и продажею дровъ, вѣниковъ, ягодъ и т. п. въ городѣ. Избы лишь изрѣдка попадались въ исправномъ видѣ, и чаще онѣ или были безъ крышъ (съ однимъ потолкомъ), или покосились. Больше половины жителей со скотомъ въ Маѣ мѣсяцѣ (а я былъ въ деревнѣ въ Іюнѣ 1893 г.) выселились въ урманъ (боръ) въ горы, ради привольныхъ пастбищъ для скота. Когда я со спутниками пріѣхалъ, деревня была почти пуста, и съ трудомъ нашлись для меня два пѣсельника (ираусы), отъ одного изъ которыхъ я и записалъ

Digitized by Google

Курайсы — башкиръ-игрокъ на кураѣ.

Курай (къ стр. 112).

Digitized by Google

въ полѣ двѣ упомянутыя мелодіи; говорили они мнѣ, что плохо поется теперь имъ да и всѣмъ Башкирамъ въ эти неурожайные годы, не то, что прежде.

Ибрагимовъ, Зарыфъ Зарыфовичъ, учитель русско-башк. училища въ деревнѣ Казаккуловой, доставилъ тексты книжнаго сочинительства — мынажатъ и баитъ, а также часть башкирскихъ пѣсенъ (безъ мелодій) (стр. 186—192), которыя приготовлены были для представленія на Екатеринбургскую выставку въ 1880 году, но представить почему-то не удалось.

Мурзиковъ, скрипачъ въ Верхнеуральскихъ гостинницахъ, изъ Русскихъ, сообщилъ мелодіи №№ 3—5, 7—12. Разыскивая знатоковъ инородческихъ пѣсенъ, я лѣтомъ 1893 г. въ г. Верхнеуральскѣ узналъ отъ вышеупомянутаго г. Ибрагимова, что много татарскихъ и башкирскихъ пѣсенъ знаетъ и играетъ на скрипкѣ нѣкто Мурзиковъ, который извѣстенъ во всѣхъ гостинницахъ, гдѣ онъ играетъ, и въ какой нибудь изъ послѣднихъ навѣрно можно его найти. Я отправился на поиски этого артиста: спрашиваю въ одной гостинницѣ, днемъ, когда кромѣ прикащика за прилавкомъ съ питіями да полового никого въ ней не было; мнѣ отвѣчаютъ, что Мурзиковъ только что былъ, но ушелъ въ другую гостинницу; отправляюсь во вторую гостинницу, въ родѣ большой пивной и здѣсь Мурзикова не нашлось, — онъ вовсе не приходилъ; тогда я спрашиваю содержателя гостинницы, какимъ путемъ изловить этого Мурзикова: — «да право не могу вамъ изъяснить, шутъ его знаетъ, въ какой пивной или гостинницѣ онъ шатается, онъ сидитъ тамъ, гдѣ ему подадутъ, а можетъ онъ и дома теперь; да вотъ я пожалуй спосылаю мальчика къ нему на домъ, да въ одну гостинницу». Посланный нашелъ Мурзикова у него на квартирѣ и сказалъ ему, что его требуютъ въ гостинницу; Мурзиковъ въ ту же минуту явился со скрипкой въ рукахъ. Это былъ человѣкъ немного выше средняго роста, съ размашистыми движеніями, юркій, кое-какъ, запущенно одѣтый, съ неприглядной физіономіей, благодаря испорченному, раздвоенному носу. «Здравія желаю, ваше благородіе», — привѣтствовалъ онъ меня гнусливымъ голосомъ, торопливо входя въ комнату, — «что прикажете сыграть — польку али кадрель?» — «Этого мнѣ не надо», отвѣчаю я, — «а вотъ умѣешь ли ты играть татарскія и башкирскія пѣсни?» — «Съ нашимъ удовольствіемъ-съ, какъ не умѣть; да я ихъ за всегда, кажинный день по гостинницамъ играю, тамъ разный народъ бываетъ: купцы или татары, башкиры; купцы сидятъ себѣ попиваютъ либо чай, либо водочку да и скажутъ: «ну-ка, Мурзиковъ, на, выпей да сыграй намъ либо тамъ польку, либо вальсъ; а послѣ: а ну-ка, Мурзиковъ, башкирскую, либо татарскую валяй! и начнешь имъ наигрывать: просто за первый сортъ они уважаютъ ихъ, а про башкиръ и не говори, ничево

Digitized by Google

другова и слышать не хотятъ». «Такъ и мнѣ играй башкирскія и татарскія пѣсни», говорю я ему, — «очень хорошо-съ», отвѣчаетъ Мурзиковъ, «только, господинъ, хорошо бы тово-съ, чтобы веселѣе играть-то было, косушечку бы», задабривающимъ и тѣмъ же гнусливымъ тономъ доканчиваетъ онъ. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы подали косушку. Мурзиковъ совсѣмъ оживился и съ услужливой поспѣшностью началъ настраивать свою плохенькую скрипку, поплевывая на колки и пробуя струны то щипкомъ, то смычкомъ.

«Вамъ бы лучше, господинъ, пройти вотъ въ эту комнату», замѣтилъ содержатель гостинницы и указалъ на свободную угловую комнату, гдѣ кромѣ одного длиннаго стола да двухъ-трехъ табуретокъ ничего не было. Мы приняли предложеніе, такъ какъ въ билліардной, гдѣ мы были, заниматься записываніемъ пѣсенъ было неудобно, и перешли въ сосѣднюю комнату. Здѣсь Мурзиковъ докончилъ настраиваніе скрипки, неизмѣнно поплевывая на колки, выпилъ поданную косушку водки, крякнулъ и принялся было уже играть, но пріостановился, обратившись ко мнѣ со словами: «надо бы, ваше благородіе, покурить». Когда я распорядился принести папиросъ, Мурзиковъ окончательно принялся играть. Игра его, неважная въ техническомъ отношеніи, не лишена была живости, а временами выразительности. Когда я записалъ нѣсколько мелодій съ ихъ названіями, Мурзиковъ остановился и высказалъ мысль, что хорошо было бы еще косушечку выпить: тогда еще веселѣе было бы играть. Я велѣлъ подать по желанію Мурзикова. Выпивъ вторую косушку, Мурзиковъ продолжалъ играть мнѣ инородческія мелодіи, запасъ которыхъ былъ у него довольно богатый. Послѣ записыванія я обыкновенно повторялъ голосомъ или насвистываніемъ его мелодіи и спрашивалъ, такъ ли;—«такъ, такъ, поспѣшно подтверждалъ онъ, — «вѣрно, точка въ точку записалъ», и выражалъ удивленіе, какъ это я такъ скоро записываю голосъ (мелодію), тогда какъ года де четыре тому назадъ съ его же, Мурзикова, игры записывалъ скрипачъ — управитель маленькаго клубнаго оркестра, да только долго какъ-то, и то не каждый разъ сходилось. Вообще я удостоился большого благоволенія со стороны Мурзикова по поводу записыванія его мелодій.

Наши занятія прерывались, между прочимъ, тогда, когда моему артисту надобно было высморкаться, что составляло для него нелегкую задачу, благодаря недостаткамъ его носа: много стараній и усилій дѣлалъ онъ по этому поводу, наклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, напрягаясь мускулами лица и безуспѣшно издавая носовые звуки; жалко было смотрѣть на него въ эти минуты, но что-то и комическое было во всей этой процедурѣ. Около обѣденной поры мы прекратили наши занятія; передъ тѣмъ,

Digitized by Google

какъ разойтись, Мурзиковъ игралъ вальсы и польки, порядочно искаженныя, желая доставить этимъ мнѣ удовольствіе и восхищаясь ими, кажется, болѣе, чѣмъ инородческими мелодіями. Многія изъ послѣднихъ были полны оригинальности и выразительности.

Условливались мы съ Мурзиковымъ еще разъ сойтись, но когда я при вторичныхъ поискахъ нашелъ его въ одной гостинницѣ, опять днемъ же, онъ былъ въ невозможномъ состояніи: изрядно выпивши и еле лепеча языкомъ, онъ что-то топтался, наклонясь у стола; не сразу отозвался онъ на мой окликъ и несвязными словами выражалъ готовность опять играть для меня; принялся было настраивать скрипку, но колки никакъ не слушались его и то и дѣло выскакивали изъ скрипичной шейки, не смотря на то, что онъ усерднѣе обыкновеннаго прибѣгалъ къ поплевыванію; не повиновалась и одна струна, которую онъ, надвязавъ, тщетно пробовалъ натянуть; самый языкъ не слушался моего артиста и произносилъ что-то безсвязное; мнѣ оставалось только уйти; послѣ этого я съ Мурзиковымъ уже не видѣлся.

Ахмадей Алеевъ (№№ мелодій 17—24), татаринъ, базарный маклеръ въ г. Верхнеуральскѣ и игрокъ въ деньги. На него, какъ на большого знатока татарскихъ пѣсенъ, указалъ мнѣ тотъ же вышеупомянутый г. Ибрагимовъ (Августъ 1892 г.). Такъ какъ послѣдній не могъ указать, гдѣ въ городѣ живетъ Алеевъ, то я отправился на базаръ и сталъ разспрашивать татаръ и торговцевъ о его мѣстожительствѣ. Оказалось, что онъ живетъ въ татарской части города, такъ называемой Золотаркѣ; я нашелъ домъ Алеева, построенный по татарскому образцу, но не засталъ его дома; во второй мой приходъ онъ оказался дома и на мое предложеніе пѣть для меня татарскія пѣсни, онъ, усмѣхаясь, согласился: «что же, можемъ пѣть, только теперь-то не время, мнѣ на базаръ надо идти», сказалъ онъ, «приходите лучше ко мнѣ вечеромъ, тогда я буду слободенъ». Такъ мы и согласились, а затѣмъ вмѣстѣ вышли, онъ—на базаръ, я — домой. Изъ разговора выяснилось, что онъ человѣкъ бывалый, жилъ при отбываніи военной службы во многихъ городахъ внутренней Россіи и хорошо знаетъ русскую грамоту; на мой вопросъ, много ли онъ знаетъ пѣсенъ, онъ отвѣтилъ: «э, столько, что хоть три мѣсяца, или хоть годъ пиши, всего не напишешь!» — «Вотъ какъ!», выразилъ я изумленіе, — «право вѣрно», отвѣтилъ тотъ; можетъ быть, въ этомъ утвержденіи есть преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ оно соотвѣтствуетъ его репутаціи, какъ великаго знатока татарскихъ пѣсенъ. Пришелъ я къ нему вечеромъ, когда было уже темно и ни одной души не встрѣчалось на улицахъ этой татарской слободки; вошелъ я въ избу и засталъ Алеева съ женой за чаепитіемъ; сидѣли они на полу на разостланномъ большомъ бухарскомъ коврѣ около самовара и чайныхъ принад-

Digitized by Google

лежностей, здѣсь же въ центрѣ стояла керосиновая лампа, освѣщая хозяевъ и предметы снизу. — «Здравствуйте», сказалъ я, входя, — «здравствуйте, пожалуйте, садитесь съ нами чайку откушать», отвѣчалъ хозяинъ, приподнимаясь. Я присѣлъ на коверъ къ самовару. — «Извините, у насъ татарское заведеніе, не на столахъ пьемъ», продолжалъ онъ, «да вы садитесь за столъ, пожалуйте сюда», указывалъ онъ мнѣ на столъ у одной изъ стѣнъ; — «ничего, я посижу съ вами», отвѣчалъ я и остался на полу у самовара. Обстановка у Алеева была смѣшанная: при убранствѣ въ восточномъ вкусѣ съ коврами, занавѣсями, сундуками и пр. въ комнатѣ стоялъ русскій чайный шкафъ со стеклянными дверцами, оклеенный внутри голубой бумагой, столъ и нѣсколько стульевъ. Поджавъ ноги на коврѣ и попивая чай, мы разговаривали о томъ, о семъ, о пѣсняхъ и пр., а жена его смиренно сидѣла у самовара, полузастѣнчиво прикрываясь, и молча наливала и пила чай; спустя нѣкоторое время она удалилась отъ насъ за занавѣску и чѣмъ-то занялась. Послѣ чаепитія, часу въ девятомъ вечера, я предложилъ приступить къ записыванію пѣсенъ: «хорошо», отвѣтилъ Алеевъ,— только не ладно здѣсь въ избѣ, не ловко, уйти бы намъ куда нибудь»; — «отчего?», съ изумленіемъ спросилъ я его; — «такъ, не хорошо здѣсь», продолжалъ онъ, — «баба моя дома, да безо времени пѣть пѣсни у насъ нельзя, если запоешь теперь, сосѣди сейчасъ услышатъ и скажутъ: «э, Ахмадейка закутилъ, гулянка у него, пѣсни поетъ,—нехорошо будетъ»; — «куда же мы съ тобой пойдемъ въ такую пору?», спросилъ я его; — «айда въ пивную на площади у деревянной церкви, тамъ народъ гулящій, пѣсни пѣть можно, Татары ничего не скажутъ». Пошли мы съ нимъ по улицѣ темной, тишина была осенняя, по прежнему ни одной души не встрѣчалось; Верхнеуральскъ—городокъ маленькій и объ уличномъ освѣщеніи серьезно въ немъ не помышляютъ; вышли мы на площадь, и тамъ таже темень, и единственный огонь свѣтился въ окнахъ пивной, къ которой мы направлялись; въ пространствѣ смутно вырисовывался силуетъ деревянной церкви; во всѣхъ домахъ по площади окна были закрыты ставнями, и точно всѣ спали глубокимъ сномъ подъ вліяніемъ пасмурной осенней погоды. Пришли мы въ пивную: это была заурядная лавка съ двумя-тремя еще новыми деревянными столиками и прилавкомъ, за которымъ стоялъ полусонный прикащикъ; одна висячая лампа освѣщала заведеніе; не было ни одного посѣтителя, и сонное затишье и безмолвіе, царившія надъ городомъ, были разлиты и здѣсь. Я со спутникомъ сѣлъ за одинъ изъ столиковъ и спросилъ пива, думая угостить имъ моего пѣсельника. Ахмадей баритономъ, гортаннымъ голосомъ началъ пѣть пѣсни, а я записывалъ мелодіи. Подали намъ пиво, и я предложилъ моему пѣсельнику пить его, но къ удивленію услышалъ отъ него полный отказъ: «нельзя намъ пиво пить, законъ не

Digitized by Google

позволяетъ»; какъ я ни упрашивалъ, указывая на то, что пиво не водка, Ахмадей былъ непреклоненъ и безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, т. е. выпивки, въ противоположность Мурзикову, охотно и усердно пѣлъ мнѣ пѣсни, терпѣливо повторяя ихъ, когда это было нужно. Надобно добавить по этому поводу, что Алеевъ въ прежніе, молодые годы изрядно пилъ водку, какъ говорится, напропалую, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ круто перемѣнился и точно по зароку совсѣмъ пересталъ пить всякіе возбуждающіе напитки; этимъ объясняется, между прочимъ, его рѣшительный отказъ пить пиво. Въ 11-мъ часу ночи мы кончили свои занятія и вышли вмѣстѣ изъ пивной по одному направленію: таже невозмутимая тишина царила по улицамъ; сѣрыя разорванныя тучи неслись по небу, обѣщая разсѣяться; земля была влажна, въ воздухѣ чувствовалась теплота и легкая сырость, и какая-то особенная поэзія царила во всемъ этомъ: тишина водворялась и на душѣ и было и отрадно, и слегка какъ-то грустно. Вскорѣ я съ Алеевымъ разстался, условившись свидѣться еще разъ, и пошелъ одинъ; только мои шаги нарушали тишину ночи.

Послѣ я не разъ видѣлся съ Ахмадеемъ: онъ приходилъ ко мнѣ для записыванія пѣсенъ; былъ и я у него, но не заставалъ иногда дома, и меня встрѣчала его молодая жена: прежней застѣнчивости въ ней не было и слѣда, она не закрывалась, бойко говорила и давала просторъ живости своей природы, въ физіономіи проявлялась осмысленность, движенія дѣлались свободнѣе, она обстоятельно объясняла, гдѣ можно найти Ахмадея, а глаза ея смѣялись и блестѣли. Но лишь только появлялся мужъ, все это пропадало. Ахмадей терпѣливо, съ постоянной готовностью пѣлъ мнѣ и диктовалъ тексты татарскіе, ни въ какія условія заранѣе не входилъ и скроменъ былъ до того, что отказывался принимать вознагражденіе за трудъ и лишь послѣ моихъ настояній съ большою конфузливостью принималъ его.

Такъ какъ гостинницы и пивныя въ Верхнеуральскѣ считаются мѣстами неудобными по нравственнымъ соображеніямъ, то хожденія по этимъ заведеніямъ вызвали въ городѣ двусмысленные толки по моему адресу, тѣмъ болѣе, что вообще записываніе инородческихъ пѣсенъ и мелодій представлялось обывателямъ дѣломъ безцѣльнымъ, которымъ я занимаюсь ни къ чему, отъ празднаго времени.

Валейка (№№ 6, 13—16, 56—61), татаринъ, отбывавшій воинскую повинность въ верхнеуральскомъ батальонѣ. На него, какъ большого игрока на гармоніи, указалъ мнѣ верхнеуральскій воинскій начальникъ И. С. Ѳедоровъ. Когда я пришелъ въ казармы вечеромъ пригласить Валейку къ себѣ, оказалось, ему въ этотъ вечеръ надобно было стоять на караулѣ. «Какъ быть?» — говорю я, — «какъ быть?», повторилъ съ тономъ большого сожалѣнія Валейка, 21-лѣтній солдатъ: видимо ему очень хотѣ-

Digitized by Google

лось вмѣсто дежурства отправиться по приглашенію и похвастаться своимъ излюбленнымъ искусствомъ; — «вы вотъ что, баринъ, сдѣлайте: отпросите меня у унтеръ-офицера, а я замѣсто себя отдежурить найду другого». Отправился я изъ казармы черезъ дорогу въ домикъ унтеръ-офицера и спрашиваю, нельзя ли отпустить Валейку ко мнѣ: «вы кто будете?», спросилъ полуначальственно унтеръ-офицеръ, оглядывая меня; я сказалъ, что пришелъ отъ имени воинскаго начальника; тогда онъ, подумавъ, согласился отпустить солдата. Валейка, нашедши себѣ замѣстителя и взявъ подъ мышку гармонію, весело пошелъ со мною и съ товарищемъ своимъ, котораго рекомендовалъ какъ знатока пѣсенъ; Валейка былъ въ своемъ родѣ удалецъ-молодецъ, плутоватый парень лѣтъ 21—23, чисто говорившій по-русски и пользовавшійся довольно большою извѣстностью въ городѣ среди мѣщанъ и торговцевъ, какъ завзятый игрокъ на свадьбахъ, вечеринкахъ и пирушкахъ; онъ безразлично появлялся и на русскихъ, и на татарскихъ свадьбахъ; пришли мы съ нимъ ко мнѣ и сначала занялись чаепитіемъ, раньше и во время котораго Валейка не хотѣлъ играть и велъ себя сдержано; послѣ чаепитія началъ играть на гармоніи и игралъ бойко, громко: видно было, что имѣлъ навыкъ въ игрѣ; татарскія мелодіи, которыя онъ мнѣ игралъ, были вообще характерны, оригинальны; предлагалъ онъ мнѣ сыграть и русскія пѣсни, которыхъ зналъ не мало, но я больше интересовался инородческими. Товарищъ Валейки все время просидѣлъ молча и занимался только чаепитіемъ, такъ какъ на вечеръ слишкомъ было достаточно и того запаса пѣсенъ, какой былъ у Валейки; часовъ до 11 ночи продолжали мы занятія, затѣмъ гости мои ушли, получивъ вознагражденіе. Послѣ этого я Валейки не видѣлъ до слѣдующаго лѣта 1893 г., когда онъ имѣлъ для меня татарскія пѣсни съ текстомъ, но какъ пѣвецъ, онъ оказался гораздо ниже, чѣмъ въ качествѣ игрока, былъ просто плохой пѣвецъ, который текстовъ не зналъ да и пѣлъ неинтересныя мелодіи. Въ роли пѣвца онъ очутился очень курьезно въ силу того, что во время нашихъ занятій у него отняли гармонію, взятую имъ у кого-то безъ спроса, а своей у него уже не было: какой-то малый, похожій на Валейку, пришелъ, когда онъ только что разыгрался и распѣлся, и началъ съ нимъ энергически тараторить по татарски, указывая на гармонію и отнимая ее; Валейка вышелъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько времени пришелъ съ гармоніей; но опять явился тотъ же парень и окончательно отнялъ у него ее; Валейка, раскраснѣвшійся, недовольный, принужденъ былъ только пѣть своимъ неважнымъ голосомъ.

Встрѣтился я съ Валейкой послѣ этого еще разъ на улицѣ: «здравствуйте, какъ поживаете?» неожиданно услышалъ я на улицѣ привѣтствіе,

Digitized by Google

оглянулся, смотрю: какой-то молодой человѣкъ, одѣтый въ крахмаленую рубашку съ галстухомъ, пиджакъ, брюки на выпускъ и свѣтло вычищенные сапоги, съ развязностью кланяется мнѣ; сначала я не узналъ, кто это, такъ мало былъ похожъ въ этомъ костюмѣ Валейка на прежняго солдата; хотя и раньше замѣтна была въ немъ склонность къ франтовству, но теперь этотъ татаринъ явился во всемъ блескѣ галантерейности, точно говорилъ: «развѣ я такой, какимъ вы меня видѣли въ солдатахъ? вотъ теперь посмотрите, каковъ я!» — «Ну что, выучили теперь пѣсни, которые я пѣлъ вамъ?» — спросилъ онъ меня, небрежно выставляя впередъ ногу съ вычищеннымъ сапогомъ, — «да, выучилъ», отвѣтилъ я, и спросилъ съ своей стороны про его житье-бытье: «да теперь ничего живу; вотъ выписался изъ солдатовъ», весело отвѣтилъ онъ, точно послѣ этого наступаетъ для него не житье, а масляница. Попрощавшись, мы разстались. Больше я Валейки не видѣлъ.

Ученикъ муллы (№ 25) — въ кочевнѣ дер. Казаккуловой; онъ пріѣхалъ въ гости къ богатому башкиру кочевни Асафу Казаккулову подъ вечеръ и былъ встрѣченъ не только гостепріимно, какъ всякій гость, но и съ нѣкоторымъ уваженіемъ; его посадили въ срединной части коша противъ входа и угощали лучшимъ кумысомъ; разговоры велись едва-ли обычные, свѣтскіе, такъ какъ гость много пѣлъ въ теченіе вечера на тексты изъ духовныхъ книгъ мусульманскихъ (Махмадья и др.); между прочимъ онъ спѣлъ касидӯ, духовную пѣсню, исполняемую школьниками въ присутствіе муллъ; пѣлъ онъ сильнымъ, звучнымъ баритономъ; мелодіи его настолько отличались отъ народныхъ башкирскихъ мелодій, что разомъ какъ-бы выдѣляли его изъ ихъ среды, имѣя какой-то торжественный и отчасти меланхолическій характеръ; и держался этотъ ученикъ муллы какъ-то особенно, точно была какая-то грань между нимъ и присутствовавшими; кружокъ башкиръ слушали его со вниманіемъ какъ внутри, такъ и снаружи коша; записывая его мелодіи, я обратилъ этимъ его вниманіе на себя: онъ довольно много разспрашивалъ меня, зачѣмъ и какъ это я записываю, сталъ вслѣдствіе этого менѣе обособленно держать себя и превратился въ обычнаго собесѣдника; когда я пропѣлъ ему его касиду, онъ засмѣялся одобрительно и какъ-бы удивляясь сказалъ: «такъ, такъ, совсѣмъ вѣрно». Наступили уже лѣтніе сумерки, башкири стали собираться спать; ученикъ муллы попѣлъ еще немного, выпилъ еще чашку кумыса передъ сномъ и умолкъ; хозяинъ старательно приготовилъ ему постель; башкиры разошлись по своимъ шалашамъ и кочевка погрузилась въ сонъ. На другой день рано утромъ ученикъ муллы уѣхалъ.

Зиновій Салимъ-Гиреевичъ Кудашевъ (№№ 26—32, 41—43, также тексты безъ мелодій, стр. 104) — татаринъ, кончившій курсъ Казанской

Digitized by Google

татарской учительской школы; ведетъ свой родъ отъ Гиреевъ, крымскихъ хановъ. Рекомендовалъ мнѣ его, какъ знатока татарскихъ народныхъ нѣсенъ, директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи И. И. Троицкій, въ квартирѣ котораго я и встрѣтился съ г. Кудашевымъ и записывалъ отъ него пѣсни; онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о раздѣленіи татарскихъ народныхъ пѣсенъ на разряды, диктовалъ много текстовъ съ переводами, передалъ нѣсколько рукописей народныхъ пѣсенъ и пѣлъ самыя мелодіи. Пѣлъ онъ низкимъ басомъ, мелодіи его оказались интересны; онъ сообщилъ мнѣ, что среди Татаръ распространяются и русскія народныя пѣсни, напр., «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Вдоль да по рѣчкѣ», «Во лузяхъ» и др. Во время нашего знакомства онъ искалъ мѣста народнаго учителя, а въ настоящее время состоитъ переводчикомъ при Уфимскомъ окружномъ судѣ; образованъ и достаточно начитанъ; имѣетъ медаль за спасеніе утопающихъ.

Мирсеидъ Магасумовъ (№№ 33—35, 37, 47, 48), бѣдный башкиръ деревни Казаккуловой, Верхнеуральскаго уѣзда, близъ высокой горы Курташъ, молодой, лѣтъ 20-ти; на его попеченіи были мать и братъ; жилъ онъ въ небольшомъ срубѣ изъ бревенъ, въ щели между которыми свободно проникалъ вѣтеръ; срубъ былъ покрытъ берестой, но одинъ уголъ оставался открытымъ для выхода дыма отъ костра; Мирсеидъ лишился лошади и обѣднялъ благодаря голодному году 1891—92 и жилъ скудно, еле доставая кое-какую работу, и часто вздыхалъ; въ первый разъ я услышалъ его пѣніе іюньской ночью у костра: приготовившись ложиться спать въ кошѣ, гдѣ я остановился, я увидѣлъ, что на одномъ пригоркѣ горитъ костеръ и около него смутно обрисовывались силуэты людей; меня заинтересовала эта группа, и я отправился къ костру; подхожу: костеръ ярко горитъ, освѣщая фигуры нѣсколькихъ Башкиръ, которые то сидѣли около огня, то лежали въ растяжку, и въ числѣ послѣднихъ Мирсеидъ Магасумовъ пѣлъ пѣсни. Я спросилъ, зачѣмъ они развели костеръ въ такое время; мнѣ отвѣтили, что «нусъ пора пришла (т. е. ночь наступила), спайтъ (спать) надо»: это все бѣдняки, которымъ или негдѣ было пристроиться или тѣсно было въ лачугахъ, устроились на ночь подъ открытымъ небомъ у костра. Башкиры лежали, грѣлись у костра, по временамъ поплевывали въ него, а Мирсеидъ пѣлъ татарскія пѣсни, характерныя по произношенію и напѣву. Нѣкоторые напѣвы я записалъ здѣсь же у костра. Была тихая, теплая іюньская ночь, звѣзды ярко горѣли, окружающія горы объяты были темнотой и безмолвіемъ, вблизи раздавалось непрестанное мѣрное журчаніе ручейка; башкиры у костра весело говорили, шутили, смѣялись, а Мирсеидъ все пѣлъ. Незамѣтно прошло время среди такой необычной обстановки, когда почувствовалось, что уже поздно, можетъ быть, близко къ

Digitized by Google

полуночи, и я, простившись съ собесѣдниками, готовившимися уже спать, ушелъ въ свой кошъ.

Въ другіе дни я записывалъ пѣсни отъ Мирсеида по возможности въ уединенныхъ мѣстахъ на пригоркахъ, въ лѣсу или свободномъ кошѣ; въ присутствіи постороннихъ Мирсеидъ конфузился пѣть, говоря, что надъ нимъ будутъ смѣяться, что де за дуракъ, пѣсни поетъ безъ пути; особенно онъ робѣлъ передъ стариками и богатыми, какъ-то съеживался и переставалъ пѣть, шепотомъ говоря мнѣ: «постой, нельзя теперь, другой разъ буду пѣть», и наши занятія прекращались. Вообще это былъ сѣрый, посредственный башкиръ, сильно павшій духомъ послѣ потери единственной лошади въ голодный годъ и не знавшій, какъ поправить свою бѣду.

Галимъ Баймухаметовъ Тулубаевъ (№№ пѣсенъ 36, 44)—изъ той же деревни Казаккуловой, бѣдный башкиръ, жившій въ кочевкѣ лѣтомъ въ берестяномъ шалашѣ (изъ березовой коры); средства къ существованію добывалъ пилкой лѣса; отличался мягкимъ, вѣжливымъ обращеніемъ, довольно чисто говорилъ по-русски и съ собесѣдникомъ изъ русскихъ всегда на вы; по понятіямъ гораздо ближе стоялъ къ русскимъ, и относиться къ нему приходилось иначе, чѣмъ къ другимъ мало развитымъ башкирамъ; Тулубаевъ былъ на военной службѣ въ разныхъ городахъ Россіи и этому онъ обязанъ высшимъ развитіемъ передъ своими соплеменниками. Вообще военная служба, при всѣхъ отрицательныхъ ея вліяніяхъ, полезна для инородцевъ тѣмъ, что даетъ возможность увидѣть свѣтъ Божій, поднимаетъ ихъ уровень развитія и научаетъ русской грамотѣ.

Тулубаевъ былъ услужливъ и обнаружилъ больше смѣлости сравнительно съ Мирсеидомъ Магасумовымъ, соглашаясь пѣть пѣсни въ своемъ шалашѣ во всякое время.

Ислямъ Муратовъ (№№ 65, 68, 69, 71, 72, 88, 120, 129, 147) — башкиръ изъ той же деревни Казаккуловой, также не изъ богатыхъ, но жилъ въ болѣе крѣпкой палаткѣ; существовалъ пилкой лѣса и столярнымъ мастерствомъ; былъ высокъ ростомъ, брюнетъ и подвиженъ; производилъ впечатлѣніе растябая, часто усмѣхающагося и готоваго смѣхомъ своимъ поиронизировать надъ кѣмъ и надъ чѣмъ нибудь; кажется, нерѣдко ссорился съ обитателями кочевки, и послѣдніе не любили его и пренебрежительно отзывались о немъ. Я случайно открылъ, что онъ дудочникъ (курайсы): однажды послѣ обѣда я хотѣлъ было заняться чтеніемъ, но неожиданно услышалъ звуки духового инструмента и вышелъ на нихъ; оказалось, что игралъ въ сосѣдней избенкѣ Ислямъ на кураѣ, и довольно бойко, плясовыя мелодіи; я вошелъ къ нему и сѣлъ на скамейкѣ слушать его; Ислямъ полулежалъ на коврѣ и подушкѣ; у него были уже 2—3 посѣтителя, изъ которыхъ одинъ пустился въ пляску посреди избы

Digitized by Google

подъ музыку Исляма: на тѣсномъ пространствѣ крохотной избенки онъ усердно топалъ ногами, прищелкивалъ руками, наклонялся, подбоченивался, а Ислямъ съ жаромъ наигрывалъ плясовыя мелодіи.

Я сталъ записывать мелодіи Исляма: это были первыя мои записи башкирскихъ мелодій, и вообще въ исполненіи Исляма Муратова я впервые услышалъ башкирскую музыку и заинтересовался ея красивостью (Іюнь 1892 г).

Я искалъ случаевъ позаняться съ Ислямомъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ видимо не обременялся этимъ и съ усмѣшкой наигрывалъ мелодіи по моей просьбѣ.

Я приглашалъ его по вечерамъ къ себѣ пить чай: садились мы на ковры, а посреди насъ стоялъ самоваръ съ чайнымъ приборомъ. Ислямъ въ промежуткахъ между чашками наигрывалъ на кураѣ и привлекалъ этимъ любопытныхъ.

Однажды въ тихій, ясный іюньскій вечеръ мы съ Башкирами согласились развести костеръ и около него поиграть и попѣть. Пока мы чайничали, кто-то уже развелъ костеръ на пригоркѣ въ полуверстѣ отъ кочевки; мы туда и отправились. На пригоркѣ лежало огромное, въ нѣсколько обхватовъ, дерево, видимо давно срубленное и гнившее отъ дождей и времени; посединѣ оно было обожженно; явно было, что имъ пользовались для костровъ, но оно было такъ велико, что только небольшая часть его въ серединѣ обуглилась. И въ настоящій разъ башкиры подложили подъ него хворосту и зажгли: огонь запылалъ, и работы для него было на всю ночь, огромное дерево горѣло и не сгорало. Были уже сумерки, когда мы пришли къ костру; постлавъ на травѣ ковры съ подушками, мы расположились на нихъ и занялись музыкой при свѣтѣ костра. Ислямъ игралъ на кураѣ, явились и другіе дудочники и наперерывъ другъ передъ другомъ стали играть. Собралась большая толпа Башкиръ, костеръ ярко горѣлъ, была теплая, тихая ночь, изрѣдка вѣялъ прохладный вѣтерокъ, Башкиры оживленно говорили, весело смѣялись, острили, выражали знаки одобренія искуснымъ игрокамъ. Я записывалъ мелодіи Исляма на коврѣ при мерцаніи свѣчи. Ислямъ разошелся и много красивыхъ и оригинальныхъ мелодій игралъ, какихъ я раньше не слышалъ отъ него.

Спустя немного, Башкиры стали расходиться въ свои коши, оставались лишь немногіе, и Ислямъ доигрывалъ послѣднія мелодіи. Но мнѣ не хотѣлось уходить, и видя, что два-три Башкира устраиваются на ночь у костра, я самъ рѣшилъ ночевать тутъ же, тѣмъ болѣе, что костеръ обѣщалъ не потухать цѣлую ночь. И вотъ мы въ числѣ немногихъ расположились на покой въ отдаленіи отъ кочевки, на уединенномъ пригоркѣ, вблизи лѣса, среди темноты и безмолвія ночи, и только звѣзды ясно горѣли надъ

Digitized by Google

нами. Впечатлѣніе было новое: въ первый разъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ среди горъ Башкиріи, и было какъ-то особенно пріятно лежать среди этой необъятной обстановки и смотрѣть на безчисленныя созвѣздія. Вотъ налетѣлъ легкій вѣтерокъ, ярче запылалъ костеръ, и мы погрузились въ сладкую дремоту.

Тихая ночь торжественно совершала свой путь; отъ прохлады или дуновенія вѣтра я проснулся, кругомъ царила тишина, лишь изрѣдка, слышно было покрикиваніе ночной птицы да позвякиваніе колокольчиковъ пасшихся лошадей; посмотрѣлъ я на небо: звѣзды уже сильно подвинулись и перемѣстились къ горизонту, и совсѣмъ иную картину, чѣмъ съ вечера, представляло небо; я не замѣтилъ, какъ вновь заснулъ; ночь продолжала свое шествіе; ощущеніе съ одной стороны холода ночи, съ другой жара костра пробудила меня; уже было близко къ разсвѣту и довольно прохладно стало; отодвинулъ я постель подальше отъ костра и опять улегся; на небѣ была набросана новая картина: многія знакомыя звѣзды были низко у горизонта или совсѣмъ скрылись, медвѣдица также склонилась; чувствовалось присутствіе предразсвѣтной росы. Вновь я проснулся уже отъ теплоты яркаго утренняго солнца, высоко сіявшаго надо мною; около меня костеръ уже не горѣлъ, Башкиръ, ночевавшихъ около него, не было, а въ полуверстѣ кочевка была полна оживленныхъ голосовъ и движенія.

Не разъ еще слышалъ я игру Исляма Муратова, и она мнѣ нравилась бойкостью и достаточной чистотой.

Странно было, что игра его не нравилась Башкирамъ, и они неодобрительно отзывались о его искусствѣ, говоря мнѣ: «что ты слушаешь такого курайсы, онъ — «яманъ курайсы» (т. е. плохой дудочникъ), ты вотъ послушай Лукмана, нѣтъ дудочника лучше его, а Ислямъ плохой дудочникъ». Я не могъ согласиться съ этимъ отзывомъ, такъ какъ Ислямъ во всякомъ случаѣ недурно игралъ очень интересныя мелодіи. Вѣроятно, въ силу личныхъ счетовъ соплеменники не признавали его талантовъ, и я самъ замѣчалъ, какъ Ислямъ держалъ себя иронически — отчужденно по отношенію къ сосѣдямъ.

Лукмановъ (№№ 66, 102, 103, 189) — башкиръ изъ деревни Узункуловой, Верхнеуральскаго уѣзда, слылъ за лучшаго игрока и импровизатора въ окрестныхъ деревняхъ.

Однажды я условился съ нимъ встрѣтиться къ вечеру въ Узункуловой кочевкѣ, но послѣ обѣда пошелъ дождь и продолжался до самыхъ сумерекъ; небо покрылось тучами, и сумракъ лѣтней ночи переходилъ почти въ осеннюю темноту. Я выжидалъ, пока пройдетъ дождь, чтобы, не смотря на запозданіе, отправиться къ Лукманову въ его кочевку Узункулову, которая была въ полуверстѣ отъ казаккуловой кочевки: мнѣ очень хотѣ-

Digitized by Google

лось слышать игру Лукманова. Взялъ я съ собой записную книжку, вооружился палкой и отправился въ кочевку; дорога шла по косогору среди рѣдкаго лѣса; воздухъ былъ влаженъ; отъ сырой травы и деревьевъ поднимались легкія испаренія; деревья и обстановка пути въ полумракѣ вечера какъ-то расплывались, принимали особенныя очертанія; тропинки исчезали изъ-подъ ноги, и мнѣ не разъ пришлось попадать съ одной тропинки на другую; среди темноты и пустынности мѣстности и таинственныхъ вздоховъ мокрой травы и лѣса и паденія рѣдкихъ капель почувствовались какая-то опасливость за то, не заблудиться бы мнѣ. Но вскорѣ мелькнуло между деревьями сквозь насыщавшія воздухъ испаренія зарево костровъ кочевки, и я, не разбирая, иду ли по тропинкѣ или нѣтъ, по прямой линіи пошелъ быстрѣе къ кострамъ.

Меня встрѣтилъ сердитый лай собакъ, побѣжавшихъ отъ линіи кошей; отмахиваясь отъ нихъ палкой, я подошелъ къ одному изъ кошей, гдѣ сидѣла группа Башкиръ, безмолвно и съ любопытствомъ ждавшихъ, пока я подойду. Я спросилъ, гдѣ Лукмановъ; Башкиры, привставъ и осматривая меня, указали мнѣ на сосѣдній потухавшій костеръ со словами: «тамъ Лукманъ». Я подошелъ къ этому костру, и сидѣвшіе около него почти всѣ услужливо показали мнѣ Лукманова: «вотъ Лукманъ: на что тебѣ, знакомъ?» Лукмановъ былъ среднихъ лѣтъ и роста, сухощавый, но съ румянымъ, здоровымъ цвѣтомъ лица, башкиръ, сдержанно себя ведшій и не очень много разговаривавшій. «Что, Лукмановъ, будешь играть?» — спросилъ я его; башкиръ улыбнулся и сказалъ: «будемъ, чево не будемъ», — «такъ играй», — побудилъ я его; Башкиры одинъ передъ другимъ стали мнѣ расхваливать дудочника: «хай, хай, хороша́ дудочникъ, за первый сортъ дудочникъ», сами оживились, подбросили хворосту въ костеръ, который ярко запылалъ, принесли изъ коша кадочку, сказали мнѣ: «айда, садись, знакомъ» и приготовились слушать своего артиста. Лукмановъ присѣлъ на жердь ограды, окружавшей кошъ, утерся рукой, сплюнулъ, взялъ въ ротъ дудку-курай и сдѣлавъ пробныя трели, началъ играть красивыя мелодіи о высокихъ горахъ Курташъ, Артылышъ, о Югрѣ, и другіе Башкиры, освѣщаемые костромъ, слушали и ахали отъ удовольствія. Когда онъ кончалъ, башкиры распространялись о другихъ достоинствахъ артиста: «хороша́ играетъ; онъ, знакомъ, бульно мастёръ слово къ слову подбирать на тебя, на меня, на кого хочешь, такой мастёръ, такъ ловко, просто бида». Это они говорили о его талантѣ сочинять стихи и эпиграммы на разныхъ лицъ и на случаи. Я просилъ Лукманова поиграть еще; толпа Башкиръ ухмылялась: «хай, нашто это тебѣ, знакомъ, наша пѣсня́?», я говорю, что хороши онѣ, что онѣ мнѣ нравятся; Башкиры уже серьезно подтверждали: «ейе (да), хороша́ наша пѣсня́». Когда я повторялъ какую-нибудь мелодію,

Digitized by Google

Башкиры пытливо глядѣли на меня, говорили: «такъ, такъ, знакóмъ, молодесъ», смѣялись и перекидывалась между собой словами.

Мы говорили и слушали въ темнотѣ ночи, отгоняемой только нашимъ костромъ, и группа наша точно терялась среди уединенія мѣстности, такъ какъ въ другихъ кошахъ уже не горѣло костровъ и обитатели подъ вліяніемъ ненастья улеглись раньше обыкновеннаго. Поговоривъ еще немного, я разстался съ собесѣдниками, угощавшими меня кумысомъ, и условился съ Лукмановымъ свидѣться еще на завтра. Пошелъ я обратно тѣмъ же путемъ, и таже теплая сырость царила кругомъ, только темнота ночи еще болѣе сгустилась.

Въ другой разъ Лукмановъ пѣлъ мнѣ пѣсни однажды днемъ, — онъ былъ свободенъ, и мы пошли въ жаркую ясную погоду въ лѣсъ, подъ сѣнь деревьевъ, разостлали въ густой травѣ коверъ, улеглись и начали работу. Мы занимались, а вокругъ насъ жужжало, трещало и летало множество насѣкомыхъ. Довольно долго работали мы съ нимъ въ этотъ жаркій день подъ тѣнью деревьевъ.

Мирсеидъ Марзаголовъ (мелодія № 128) изъ деревни Кабагушевой; кочевка этой деревни была расположена въ верстѣ отъ кочевки Казаккуловой и была видна изъ послѣдней; вскорѣ по пріѣздѣ я отправился съ братомъ въ кочевку Кабагушеву пѣшкомъ, подхожу, меня встрѣтили лаемъ собаки, отъ которыхъ пришлось принимать мѣры; коши были расположены въ одну линію, и около нихъ дымились костры; когда мы проходили вдоль нихъ, изъ кошей смотрѣли и выходили любопытные; мы спросили, у кого есть хорошій кумысъ; насъ съ большой услужливостью увлекли въ одинъ изъ крайнихъ кошей, посадили на нары и стали угощать кумысомъ, который впрочемъ не оправдалъ нашихъ ожиданій.

Собралось нѣсколько Башкиръ, которые усѣлись и стояли вокругъ насъ и съ большимъ любопытствомъ осматривали насъ; сначала они молчали, потомъ начали разспросы: — «гдѣ лежишь (живешь, остановился), знакóмъ?» — «въ Казаккуловой», отвѣчаю я, — «ага; откуда пришелъ, знакомъ?» — «Изъ Верхнеуральска», — «ага», сказали собесѣдники и немного помолчали, не прекращая простодушныхъ взоровъ; — «баба есть, знакомъ (т. е. женатъ)?» — «нѣтъ»; — «какъ нѣтъ? баба пора взять, борода есть у тебя, какъ безъ бабы? бабу надо взять». Опять помолчали, попили кумысу: «жалованье получаешь, знакомъ?» — «получаю», — «много жалованья получаешь»? — «столько-то»; — «якшы (хорошо); айда, пей кумысъ, знакомъ, якшы кумысъ». Такъ шла наша бесѣда, и Башкиры заинтересовались не только нами, но и нашимъ платьемъ, осматривали его, дотрогивались, брали за пуговицы.

Я спросилъ о дудочникѣ; мнѣ назвали Мирсеида Марзаголова, что

Digitized by Google

хорошо играетъ. За позднимъ временемъ онъ не игралъ, а на другой день вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ пить чай, который мы устроили подъ открытымъ небомъ, на полянкѣ, разостлавъ ковры; но гости изъ Кабагушевой не скоро пріѣхали, и я долго ждалъ ихъ, распивая чай съ мѣстными Башкирами Казаккуловцами; уже почти стемнѣло, когда подъѣхала къ намъ телѣга съ гостями; мы подогрѣли самоваръ, положили краюшку хлѣба, сахару и пр.; гости стали угощаться, къ нимъ за компанію присоединились другіе Башкиры, и началось молчаливое чаепитіе. По окончаніи его, уже стемнѣло, когда Марзаголовъ взялся за курай и издалъ первые звуки; вскорѣ взошла луна и озарила блѣднымъ свѣтомъ нашу группу; сначала Марзаголовъ игралъ поэтическія или пѣсенныя мелодіи, которыя присутствовавшіе слушали молча, потомъ перешелъ на плясовыя, и общество сразу оживилось: нашлись танцоры, и ихъ своеобразныя движенія и оригинальный костюмъ точно сквозь дымку вырисовывались при слабомъ освѣщеніи луны; особенно отличался одинъ башкиренокъ (баранчукъ), плясавшій ловко и живо на широкой доскѣ, которую подставили ему взрослые; онъ снялъ обувь (ичиги) и плясалъ въ однихъ чулкахъ.

Было уже довольно поздно и выпала вечерняя роса, когда Марзаголовъ и гости уѣхали домой, а Казаккуловцы пошли по своимъ кошамъ, собравъ чайныя принадлежности. Ночь была прохладная и въ горномъ воздухѣ чувствовалась сырость.

На другой день я опять пошелъ въ Кабагушеву повидаться съ Марзаголовымъ; день былъ ясный; подхожу: башкиръ колетъ барана; онъ уже держалъ его за голову, чтобы не бился и чтобы кровь легче вытекала; затѣмъ принялся свѣжевать его: надрѣзалъ грудь и животъ и снялъ шкуру; обрѣзалъ ножки, собралъ весь жиръ и разрубилъ на части тушу; отъ недавно живого барана остались одни куски мяса. Башкиръ понесъ мясо въ кошъ и пригласилъ меня пить кумысъ: въ кошѣ я нашелъ нѣсколько Башкиръ, въ томъ числѣ одного глубокаго старика и Марзаголова; по обыкновенію посадили меня въ середину и подали чашку кумыса, но плохого, кислаго: я только попробовалъ его; вся эта компанія съ бабами-Башкирками собралась ѣхать въ горы къ такъ называемому «камню» на прогулку и брала съ собой дудочника и провизіи. Я поѣхалъ съ ними; приходилось подниматься все въ горы (см. опис. стр. 49). Спустившись съ «камня» въ лежащую около него глубокую лощину и посмотрѣвъ на любопытную пещеру въ скалѣ на нѣкоторой высотѣ надъ землею, гдѣ будто-бы скрывались разбойники или Пугачевъ, мы поѣхали назадъ; дорога шла подъ гору; развеселившіеся Башкиры уже не придерживались дороги, а гнали лошадей прямо черезъ лѣсъ по травѣ, и тряско было ѣхать въ первобытной двухколесной таратайкѣ; гдѣ послѣдняя шла ровнѣе, Марзаголовъ брался за курай и игралъ

Digitized by Google

пляски, напр., Сукмуюлъ (густая черемуха). Но вотъ послышались впереди насъ неистовое гиканье и свистъ: это верховые Башкиры, доѣхавъ до большого тракта (почтовой дороги), устроили внезапную скачку и стремительно погнали своихъ лошадей; гулкимъ эхомъ разносились ихъ свистъ и окрики по лѣсу, и бездна молодечества и ухарства было въ этомъ удаломъ эпизодѣ.

Марзаголовъ былъ скромный, мягкій башкиръ, довольствовавшійся тѣмъ, что выпадало на его долю; какъ игрокъ онъ славился въ окрестныхъ деревняхъ.

Башкирскіе музыканты на свадьбѣ.

Около того-же времени я видѣлъ, какъ состязались дудочники на одной богатой свадьбѣ. Старшина Кубелякъ-Телевской волости Вахитовъ, у котораго былъ лучшій кошъ въ кочевкѣ Казаккуловой, женилъ своего старшаго сына на невѣстѣ изъ кочевки Кабагушевой. Послѣ предварительныхъ празднествъ какъ у отца невѣсты въ Кабагушевой, такъ и у отца жениха въ Казаккуловой, когда Башкиры засиживались въ кошахъ до поздней ночи, пили, пѣли и играли, — наступилъ день свадьбы. Съ утра стала готовиться кочевка Казаккулова ѣхать въ Кабагушеву, такъ какъ на богатыя свадьбы приглашается поголовно вся деревня. Бѣдняки лишь рано утромъ поработали немного, а потомъ стали одѣваться въ то, что̀ было получше у каждаго, и выѣхали на дрогахъ по 5—6 человѣкъ по дорогѣ въ Кабагушеву раньше богачей; часовъ въ 10 утра поднялись и послѣдніе, одни верхомъ на богато убранныхъ лошадяхъ, другіе въ тарантасахъ; я ѣхалъ съ послѣдними; лихо тронулся поѣздъ богачей съ верховыми впереди, благо, что дорога была ровная и разстояніе было небольшое. Вскорѣ мы обогнали дроги бѣдняковъ, которые длинной линіей вытянулись вдоль дороги и ѣхали неспѣша, давая нашему поѣзду дорогу. Наши тройки и пары неслись впередъ; но вотъ черезъ нѣсколько времени послышались впереди свистъ, гиканье и раскаты голосовъ: это наши верховые приблизились къ кочевкѣ, гдѣ праздновалась свадьба, и ихъ встрѣтила группа верховыхъ Кабагушевцевъ, назначенныхъ для встрѣчи гостей, издавая возгласы, махая шапками и нагайками. Встрѣтивъ гостей, они поскакали вмѣстѣ съ нами, и когда мы подъѣхали къ кочевкѣ, къ тарантасамъ подскочили другіе Кабагушевцы и услужливо помогали намъ вылѣзть изъ нихъ.

Всѣ гости размѣстились полукружіемъ на ровной зеленой полянкѣ, усѣвшись прямо на землѣ и лишь немногіе подостлавъ подъ себя ковры или одежду. Посрединѣ этого полукружія поставлены были кадки съ кумысомъ и квашенымъ медомъ, называемымъ у Башкиръ *кисляткой*. Стоявшіе у кадокъ

Digitized by Google

4—5 человѣкъ разливали кумысъ и медъ по чашкамъ и разносили послѣднія гостямъ. Когда башкиръ подходилъ съ чашкой къ гостью, онъ давалъ пить ему, держа чашку ладонями обѣихъ рукъ; гость, выпивъ значительную часть чашки, самъ бралъ послѣднюю въ обѣ руки, наклонялъ въ сторону угощавшаго и предлагалъ ему пить изъ нея; послѣдній сначала отказывался и заставлялъ гостя опять пить, но когда тотъ настаивалъ, допивалъ остатокъ кумыса. Такую церемонію продѣлывали всѣ присутствовавшіе, и это служило выраженіемъ учтивости. Пили очень много, чашку за чашкой, и я даже испугался, когда почувствовалъ, что больше пить не могу, а угощенію не предвидѣлось конца; только послѣ самаго настойчиваго отказа меня оставили въ покоѣ. Вскорѣ послѣ начала пиршества заиграли дудочники, которыхъ собралось человѣкъ 5—6. Они пока играли поэтическія мелодіи лишь для услажденія слуха присутствовавшихъ.

Соперничали между собой въ искусствѣ играть Лукмановъ, Ислямъ Муратовъ, Марзаголовъ и др. Они сидѣли въ разныхъ мѣстахъ и имѣли своихъ слушателей. Лукмановъ видимо лучше другихъ игралъ, такъ какъ курай былъ у него лучше другихъ, но и Марзаголовъ мало уступалъ ему; не очень отставалъ-бы отъ нихъ и Ислямъ, если-бы не новый, сырой курай, который онъ только что сдѣлалъ, отправляясь на свадьбу.

Послѣ кумыса подали въ большихъ деревянныхъ чашкахъ мясное кушаніе — *бишбармакъ*, которое у башкиръ обязательно ѣсть пальцами, откуда и самое названіе (пять цальцевъ). Гости группами разсѣлись у чашекъ, предварительно, правда, вымывъ руки у рукомойниковъ, висѣвшихъ на вѣтвяхъ дерева, или подавая другъ другу воду. Одинъ изъ сидѣвшихъ около чашки рѣзалъ мясо на куски и подавалъ окружающимъ, которые также брали его руками и ѣли безъ хлѣба.

Съѣвъ мясо, присутствовавшіе стали пить бульонъ или наваръ изъ чашекъ, подавая ихъ другъ другу по очереди. Хотя русскому могутъ не нравиться эти пріемы принятія пищи, но нельзя было не признать мяса и навара очень вкусными, какъ по ихъ свѣжести, такъ и въ силу аппетита, который разыгрывался на открытомъ воздухѣ.

Этимъ въ сущности кончилось угощеніе. Послѣ того объявили, что будутъ скачки и что участвующіе въ нихъ уже уѣхали верстъ за 8, и ихъ слѣдуетъ вскорѣ ждать. Тѣмъ временемъ собраніе занялось разговорами и созерцаніемъ плясокъ. Опять выступили на сцену дудочники и заиграли плясовыя мелодіи, подъ которыя взрослые и особенно ребята принялись плясать. Многіе продѣлывали при этомъ ловкія движенія. Но долго пляски не продолжались по неудобству плясать на травѣ. Тогда началась борьба — одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій Башкиръ. Картина быстро оживилась, большинство публики встало; борцы выходили въ середину, брались

Digitized by Google

за кушаки и боролись; въ критическій моментъ, когда кто-нибудь изъ борцовъ долженъ былъ преодолѣть, толпа приходила въ возбужденіе, раздѣлялась на двѣ партіи и возгласами, криками поощренія старалась придать энергіи своему избранному для одержанія побѣды. Когда-же напряженіе борьбы разрѣшалось въ побѣду для одного и пораженіе другого, вся толпа издавала нѣчто, похожее на ревъ, и расточала похвалы одному и сожалѣнія другому. Побѣдитель получалъ при этомъ большой конецъ ситца. Затѣмъ начинали бороться другіе въ томъ-же родѣ. Дудочники въ это время стушевались.

Боролись довольно продолжительно и наконецъ устали, а участники скачки все не появились. Толпа въ бездѣйствіи стояла и занималась тихимъ говоромъ, а также удивлялась, отчего такъ долго не показываются всадники.

Но вотъ опять пробѣжало движеніе въ толпѣ и раздались громкіе голоса: это увидѣли, что по дорогѣ скачутъ ожидаемые всадники, и всѣ съ большимъ любопытствомъ устремили взоры на несущагося первымъ. Всадники, которые оказались ребятишками, повернули съ дороги и прямо по травѣ во весь духъ подлетѣли къ кочевкѣ. Громкіе возгласы одобренія встрѣтили перваго всадника, къ которому подъѣхалъ башкиръ съ подаркомъ, насаженнымъ на палку: то были, кажется, большой кусокъ баранины и ситецъ; за первымъ всадникомъ прискакали второй, третій и т. д., и всѣ до шестого включительно получили подарки отъ того-же башкира на лошади.

Оживленіе толпы было необыкновенное и разговоровъ о скачкахъ было множество.

Этимъ кончилось празднество. Правда, дудочники играли еще нѣкоторое время, но собравшіеся мало слушали ихъ, такъ какъ стали расходиться по кошамъ кочевки, къ своимъ знакомымъ или родственникамъ.

Скоро на полянѣ почти никого не было, но веселье продолжалось внутри кошей, по которымъ разбрелись и дудочники, и игра ихъ доносилась то изъ того, то изъ другого коша. Въ нѣкоторыхъ кошахъ веселье было особенно шумно: тамъ въ видѣ угощенія являлась водка (аракъ); ее молодежь обыкновенно пьетъ тайкомъ отъ старшинъ, находя болѣе вкусной, чѣмъ кумысъ.

Свадебные обряды этимъ не исчерпываются: женихъ съ невѣстой и родственники веселятся особо, исполняя разныя церемоніи, напр. невѣсту прячутъ въ одномъ изъ кошей, а женихъ ищетъ ее; послѣ того, какъ онъ находитъ ее, невѣста быстро выбѣгаетъ изъ коша, а женихъ ловитъ ее поймавъ, онъ уже вполнѣ завладѣваетъ ею.

Digitized by Google

Пѣвцы и музыканты на пріискахъ.

Въ Тептяро-Учалинской волости Верхнеуральскаго уѣзда въ 6 верстахъ отъ деревни Учаловъ и въ верстѣ отъ деревни Рысаевой расположенъ пріискъ Э. И. Гана, богатый золотыми залежами. Кругомъ живутъ Тептяри, имѣющіе хорошіе заработки на окрестныхъ золотыхъ пріискахъ. Ихъ пѣвцы и музыканты нерѣдко приглашаются русскими на пріиски и за свое искусство получаютъ хорошое иногда вознагражденіе деньгами и вещами, не говоря уже объ угощеніи водкой и т. п. Поэтому артисты-инородцы въ этой мѣстности болѣе избалованы и требовательны, чѣмъ въ Башкиріи.

Имѣя рудокопныя работы, Тептяри исполняютъ и другія должности на пріискѣ, напримѣръ, караулятъ его ночью. Караульщики размѣщаются въ различныхъ пунктахъ. Коротая долгую августовскую или осеннюю ночь, тептяръ-караульщикъ обходитъ свой участокъ, стуча въ колотушку и напѣвая свою пѣсню.... и когда прислушаешься, проснувшись, въ тиши ночной къ этой пѣснѣ, то сильнѣе чувствуешь оригинальную поэтичность ея, говорящую о какомъ-то особенномъ мірѣ; — и лучше думается тогда объ этихъ инородцахъ.

На пріискѣ у Гана пѣли для меня пѣсни слѣдующіе Тептяри.

Магафуръ Башаровъ (№№ 196—202, см. о немъ въ отдѣлѣ тептярскихъ пѣсенъ стр. 197); передъ занятіями онъ желалъ, чтобы его угостилъ и водкой и папиросами. То и другое ему было доставлено, и онъ угощался во все продолженіе нашихъ занятій. Хозяинъ пріиска хорошо наградилъ его за пѣніе. Башаровъ зналъ много русскихъ пѣсенъ, охотно предлагалъ играть ихъ и расхваливалъ: — «хай, хороша русска пѣсня́, бульно хороша». Вообще русскія мелодіи легко прививаются инородцамъ.

Шагіахматъ Валіевъ изъ деревни Рысаевой, молодой, ласковый тептярь; его пригласилъ съ работы на пріискѣ хозяинъ и заставилъ пѣть, предложивъ также угощеніе, но Шагіахматъ водки не пилъ и папиросъ не курилъ, удовольствовавшись лакомствами. Онъ обладалъ высокимъ теноромъ и сообщилъ мнѣ прекрасную мелодію изъ разряда протяжныхъ пѣсенъ (см. № 161).

Павелъ Ивановичъ Шуруповъ (№№ 203, 204) — молодой, краснощекій бакалинецъ (крещеный татаринъ), съ веселымъ, добрымъ лицомъ, въ красной рубахѣ, въ которой онъ былъ очень похожъ на русскаго парня, за какого я сначала его и принималъ. Онъ былъ хорошій, исправный работникъ, успѣлъ

Digitized by Google

вселитьвъ хозяинѣ пріиска довѣріе къ своей честности; говорилъ совершенно правильно по-русски. Онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько бакалинскихъ мелодій и пѣсенъ (бакалинцы — крещеные Татары, переселенные въ 40-хъ годахъ изъ деревни Бакалы Уфимской губерніи въ Верхнеуральскій уѣздъ Оренбургской губерніи и извѣстны болѣе подъ названіемъ *Нагайбаковъ*).

Не смотря на порчу, какую вносятъ пріиски въ окрестное населеніе, среди Тептярей все-же попадаются скромные, нравственно цѣльные, работящіе ребята, особенно изъ молодыхъ.

Башкирскіе музыканты въ Орскомъ уѣздѣ.

Выѣздъ изъ города Верхнеуральска.

25-го Іюня 1894 года я, братъ мой Петръ и Андрей Степановичъ Гусевъ, народный учитель, выѣхали на лошадяхъ въ центръ Башкиріи, черезъ Кулебякъ-Телевскую, Тамьяно-Тангаурскую волости, также башкирскія, въ Орскій уѣздъ.

Путь лежалъ вдоль Уральскихъ горъ по восточному склону ихъ, у подошвы отдѣляющагося самостоятельно хребта Ирендыкъ, отъ горы Еремель до южнаго конца Уральскихъ горъ. Между Ирендыкомъ и собственно Ураломъ находится широкая долина, покрытая лѣтомъ густою травою. Средняя часть Ирендыка, отрѣзанная съ обоихъ концовъ двумя рѣчками, называются одинаково — Кызылъ, носитъ названіе «Кыркты» (вырѣзка).

Деревня Ташбулатова.

Вечеромъ перваго дня пріѣхали въ деревню Ташбулатову. Спрашиваемъ встрѣчныхъ Башкиръ о башкирскихъ пѣсельникахъ и дудочникахъ въ деревнѣ.

А. С. Гусевъ зналъ одного изъ нихъ прежде и спросилъ о немъ, живетъ ли онъ въ деревнѣ. Башкиръ отвѣтилъ, что нѣтъ, ушелъ въ верхнеуральскій острогъ за конокрадство. Спрашиваемъ о другихъ дудочникахъ, но и тѣ сидѣли также въ острогѣ. Странно вели себя дудочники. Въ виду этого извѣстія оставалось проѣхать Ташбулатову мимо, если бы далѣе не вы-

Digitized by Google

яснилось, что, и помимо сидѣвшихъ въ острогѣ, въ деревнѣ найдется дудочникъ.

МАГАФУРЪ КАРАКАЕВЪ.

(№№ 86, 87, 99, 101, 106, 113, 127, 130, 131, 134, 136, 137, 138.)

Остановиться оказалось всего удобнѣе въ домѣ одного русскаго, занимающагося въ этой башкирской деревнѣ хлѣбопашествомъ (Козловъ), потому что домъ русскаго сразу отличался отъ башкирскихъ избушекъ своею бо̀льшею величиною, исправностью, тесовою, крѣпкою крышею и опрятностью внутри.

Пока искали для насъ дудочника (курайсы, по-башкирски) Каракаева, познакомились съ хозяевами: жена хозяина оказалась богомольной, суевѣрной и болтливой старушкой; когда она узнала, за чѣмъ пріѣхали господа изъ города, т. е. слушать игру и пѣсни Башкиръ, то объявила: «вы, батюшки, ужь здѣсь въ дому съ нимъ не возитесь: грѣшно, завтра воскресенье»; на возраженіе, что нуженъ дудочникъ не для забавы, а чтобы записать его пѣсни, она продолжала: «нѣтъ, батюшки, грѣшно въ русскомъ дому, — у Башкиръ можно», и привелось искать помѣщенія въ башкирскихъ избахъ. Каракаева, котораго мы ждали, не оказалось тогда въ деревнѣ, — онъ былъ въ кочевкѣ въ трехъ верстахъ отъ деревни; за нимъ нарочно ѣздили и привезли часовъ въ 8—9 вечера. Съ нимъ мы отправились въ одну башкирскую избу почище, находившуюся по той-же улицѣ наискосокъ русскаго дома. Входимъ, — изба не старая, довольно опрятная: лишняго стараго хлама не разбросано, на нарахъ (широкихъ скамейкахъ по стѣнамъ) разостланы недорогіе ковры. Мы вошли и разсѣлись на нарахъ; передъ нами поставили оказавшійся въ избѣ столъ, что̀ довольно рѣдкое явленіе для башкирской избы, принесли желѣзный подсвѣчникъ и зажгли нашу стеариновую свѣчу, такъ какъ у хозяина въ виду лѣтняго времени не оказалось никакихъ освѣтительныхъ матеріаловъ: въ башкирской избѣ распространилось непривычное освѣщеніе. У топившагося чувала (печка вродѣ камина) стали приготовлять самоваръ; въ ожиданіи его нашъ дудочникъ заигралъ башкирскія пѣсни, на его игру сошлись посторонніе Башкиры, и изба наполнилась любопытными; я началъ записывать мелодіи и воспроизводить ихъ голосомъ или насвистываніемъ: Башкиры выражали удивленіе по поводу того, какъ это я записываю.

Вскорѣ былъ поданъ самоваръ, и хозяинъ сталъ угощать чаемъ насъ, курайщика и нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ. Разговоръ прекратился и началось усердное молчаливое чаепитіе, во время котораго любопытные взоры многихъ изъ присутствовавшихъ осматривали насъ, о чемъ-то со-

Digitized by Google

ображая. Мой братъ пользовался случаемъ набросать портретъ нѣкоторыхъ изъ Башкиръ и восхитилъ ихъ удачностью одного снимка: «ай хай» — слышалось среди оживленнаго по этому поводу башкирскаго разговора: «якшы» (хорошо).

Послѣ чаепитія я возобновилъ записываніе пѣсенъ: дудочникъ продолжалъ играть полулежа на подушкѣ на нарахъ (у него болѣла нога, вывихнутая при паденіи съ телѣги). Своей болѣзнью онъ, повидимому, мало безпокоился, такъ какъ пріѣхалъ по первому зову за нѣсколько верстъ, не смотря на то, что едва могъ двигаться, да и то при помощи палки. Каракаевъ оказался довольно пожилымъ башкиромъ, много видавшимъ кое чего на своемъ вѣку. Кажется, и онъ, по примѣру другихъ дудочниковъ, своихъ односельчанъ, въ свое время побывалъ въ верхнеуральскомъ острогѣ. Вообще, къ слову сказать, свѣжаго человѣка поражаетъ легкость отношенія Башкиръ ко всякаго рода дисциплинарнымъ наказаніямъ до острожнаго сидѣнія включительно. Отбывъ свой срокъ наказанія, башкиръ какъ ни въ чемъ небывало, возвращается въ свою общину, гдѣ отрицательное отношеніе къ его запятнанной личности выразится развѣ въ шуткахъ да кличкѣ— острожный.

Бывалостью Каракаева можно объяснить довольно большой запасъ у него пѣсенъ. Кромѣ того онъ оказался не чуждъ личного сочинительства и сообщилъ нѣсколько пѣсенъ имъ самимъ сложенныхъ. Часовъ около одиннадцати ночи наше засѣданіе кончилось, и мы поднялись по домамъ; число любопытныхъ къ этому времени уменьшилось, и въ избѣ осталось 2—3 постороннихъ Башкира. Вышли мы изъ избы; глубокая темень царила кругомъ, и холодный, порывистый, точно осенній вѣтеръ пронизывалъ насквозь, и это въ концѣ іюня!

Цѣлую ночь шумѣлъ и стучался вѣтеръ въ окна дома, гдѣ мы остановились; устроиться на ночь пришлось на полу, правда чистомъ, какъ и вообще все было довольно чисто и опрятно въ этомъ жилищѣ русскаго.

На другой день утромъ вѣтеръ стихъ и солнце ярко сіяло и даже согрѣвало, не смотря на продолжавшійся холодъ. Ко времени утренняго чая дудочникъ Каракаевъ ждалъ уже въ кухнѣ, какъ было условлено съ вечера. Пригласили его пить съ нами чай: онъ устроился по башкирскому обычаю на полу, при чемъ хозяйка дала ему особую посуду, спеціально для Башкиръ содержимую ею; по ея убѣжденіямъ нельзя Башкирамъ давать пить чай изъ той-же посуды, какъ у русскихъ: — «они вѣдь нéхристи, креста у нихъ нѣтъ, грѣхъ изъ одной посуды съ ними ѣсть», равно какъ грѣхъ русскому взять посуду, которую она предназначила для Башкиръ; когда кто-то изъ насъ взялъ было чашку для Башкиръ, то хозяйка заахала: «что ты, батюшка, какъ можно, изъ этихъ чашекъ вѣдь Башкиры пьютъ; опо-

Digitized by Google

ганишься; постой, я тебѣ русскую чашку дамъ». Мы смѣялись, и находившійся при этомъ башкиръ также трунилъ надъ нею, подзадоривая ее. Зашла рѣчь о томъ, что̀ грѣхъ и что̀ не грѣхъ, на что̀ молитва есть и на что̀ молитвы нѣтъ. Старуха-хозяйка между прочимъ увѣряла, что если мышь упадаетъ въ колодезь и опоганитъ его, то на это есть молитва, священникъ можетъ освятить колодезь и сдѣлать его опять чистымъ, а на баню молитвы нѣтъ, баню освящать священникъ никогда не ходитъ.

Деревня Темясова.

Въ этотъ-же день къ вечеру пріѣхали мы въ Абзелилову, гдѣ ночевали. Записать здѣсь ничего не привелось, такъ какъ деревня пустовала: Башкиры кочевали и въ деревнѣ (зимовкѣ) не оказалось ни одного дудочника. Слѣдующій день ушелъ на переѣздъ по направленію къ деревнѣ Темясовой, второй Бурзянской волости, куда добрались къ вечеру. Эта деревня не оказалась покинутою совсѣмъ жителями, тѣмъ болѣе, что въ ней жили и торговали русскіе.

Подъѣхали мы къ самому большому и высокому дому деревни: это былъ домъ мужа сестры Андрея Степановича, который занимался торговлею въ окрестныхъ деревняхъ, переѣзжая изъ деревни въ деревню и ведя, какъ и прочіе торговцы, своеобразную кочующую жизнь, свойственную торговцамъ только въ этихъ мѣстностяхъ. Новый большой домъ былъ неожиданностью для Андрея Степановича, который давно не видѣлся съ сестрой и ея мужемъ, а послѣдніе прежде имѣли лишь небольшой одноэтажный домъ. Убѣдившись изъ разспросовъ, что этотъ домъ дѣйствительно его сестры, онъ заключилъ: «значитъ, разбогатѣли». Сестра его, Катерина Степановна, по мужу Петрова, встрѣтила насъ радушно и тотчасъ велѣла взять въ домъ вещи, а насъ пригласила въ лучшую комнату, вродѣ гостинной. Наскучивши проливнымъ дождемъ и уставши отъ долгаго сидѣнія въ экипажѣ, мы охотно вылѣзли изъ него и, расправляя полуонѣмѣвшія руки и ноги, вошли въ домъ. Послѣ тѣхъ непритязательныхъ и неврачныхъ помѣщеній, какими приходилось пользоваться въ предъидущіе дни путешествія, высокій, съ просторными комнатами, домъ Катерины Степановны, показался очень пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что отъ характера постройки и убранства дома пахло коренною Русью, что̀ особенно бросалось въ глаза среди всей этой дикой и глубокой Башкиріи. Домъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, обнесенный со стороны двора галлереею, былъ построенъ по типу домовъ зажиточныхъ торговцевъ-мѣщанъ, чистыя комнаты, не очень однако удобно расположенныя, были устланы половиками, новыя сосновыя

Digitized by Google

стѣны, ничѣмъ ни оклеенныя, издавали пріятный смолистый запахъ; къ галлереѣ примыкали два хода: парадный и черный съ неизбѣжнымъ висячимъ рукомойникомъ снаружи. У Катерины Степановны было большое хозяйство: коровы, птицы, лошади и пр.; благодаря достатку, а также для надобности хозяйства она имѣла прислугу, но за одно съ ней сама все дѣлала: большаго разстоянія между ней и прислугой не было.

За чаемъ я по обыкновенію завелъ рѣчь о дудочникахъ и пѣсельникахъ башкирскихъ: Катерина Степановна усмѣхнулась; вообще всюду подобные разспросы наши вызывали усмѣшку или улыбку; видно было, что насъ принимали за веселыхъ малыхъ, которые, можетъ быть, пріѣхали покутить и провести время какъ слѣдуетъ, безъ скуки; впрочемъ улыбка Катерины Степановны была не такая: въ ней не было той брезгливой предубѣжденности, какъ у старухи въ деревнѣ Тамбулатовой; Катерина Степановна тотчасъ-же вошла въ наши интересы и стала припоминать, какіе есть въ деревнѣ пѣсельники и дудочники, желая оказать намъ пріятное. Въ деревнѣ были не только мущины артисты, но и пѣсельницы и дудочницы. Это было ново для меня: раньше я не встрѣчалъ среди Башкиръ женщинъ-артистокъ. Я сообщилъ, что у меня есть открытый листъ отъ Географическаго Общества въ Петербургѣ; Андрей Степановичъ сказалъ: «вотъ и отлично, его завтра можно будетъ показать старшинѣ, и тогда онъ живо найдетъ намъ дудочниковъ».

МАНСУРКА.

(№ 112).

Въ теченіе слѣдующаго дня я видѣлся съ однимъ дудочникомъ и записывалъ отъ него башкирскія пѣсни, а затѣмъ Катерина Степановна пригласила меня во внутреннія комнаты, гдѣ былъ башкиръ придурковатаго и страннаго вида съ улыбающейся, застѣнчивой физіономіей. «Вотъ это Мансурка, про котораго я вамъ говорила», сказала Катерина Степановна, — «мастеръ пѣть по птичьему». — «Ну, Мансурка, сыграй, какъ лебеди поютъ», продолжала она. Мансурка (его полное имя было Мансуръ Гулубуевъ) всполошился, сконфузился, засмѣялся во все свое лицо и спрятался въ рукавъ, топчась на мѣстѣ. Присутствовавшіе вторично стали его побуждать: «ну же, Мансурка, не бойся». Тогда Мансурка, вытянувъ свою физіономію, закрывъ ротъ и носъ, сталъ издавать въ высшей степени странные, своеобразные звуки полузакрытаго характера; эти звуки дѣйствительно были похожи на что-то птичье, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно слышалась мелодія. Это лебединое курлыканіе слушалось

Digitized by Google

прямо съ удовольствіемъ: такъ это было не обычно, искусно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно. Присутствовавшіе издали одобрительные возгласы и заставили повторить. Мансурка опять широко улыбнулся, видимо онъ былъ польщенъ и повторилъ пѣніе лебедя. Я въ то-же время записалъ мелодію. Затѣмъ онъ изображалъ, какъ воркуютъ голуби, какъ поетъ какая-то полевая птица, кажется, стрепетъ, и все это было очень своеобразно и правдоподобно. На похвалы Мансурка отвѣчалъ улыбкой во весь ротъ, и улыбкѣ этой не было конца, онъ уже не такъ былъ застѣнчивъ, а когда я ему далъ различныхъ фруктовъ, радость его была искренняя, онъ оживился и началъ топтаться на мѣстѣ еще болѣе. Послѣ этого Мансурку отпустили.

МАНСУРКА вечеромъ.

Въ комнатѣ были уже вечерніе огни, но они не мѣшали видѣть въ окна, что погода прояснилась, и вечерняя заря розовымъ, мягкимъ полусвѣтомъ отражалась на подоконникахъ и на домахъ снаружи. Стало сразу веселѣе послѣ почти двухдневнаго ненастья. Въ это время вдругъ подъ окнами раздались какіе-то знакомые звуки: это Мансурка пѣлъ по лебедиными; онъ стоялъ у оконъ и усердно показывалъ свое искусство; мы открыли окна и стали слушать; Мансурка, увидѣвъ насъ, разразился широкой и радующейся улыбкой. Въ ней и въ томъ усердіи, съ какимъ онъ изображалъ пѣніе птицъ, видно было, что онъ сильно польщенъ вниманіемъ къ его искусству и хотѣлъ показать, что въ немъ живутъ чувства благодарности. Чистое небо, догорающая заря, тихій вечеръ, новые для насъ люди, добрые и привѣтливые, необычная обстановка, горная природа, въ высшей степени странное и оригинальное искусство Мансурки, всего этого достаточно было, чтобы почувствовать себя въ совершенно новомъ своеобразномъ мірѣ, увидѣть, что все прежнее осталось гдѣ-то назади и отъ изобилія свѣжихъ пріятныхъ впечатлѣній познать особое душевное удовлетвореніе, когда всецѣло погружаешься и наслаждаешься настоящимъ и забываешь о прошедшемъ и будущемъ.

Деревня Иткулова 2-я ТУЛУНГУЖА ГУБЕЙДУЛЛИНЪ.

(№№ 73, 78, 96—98, 107, 119, 121, 148, 151).

На другой день (29-го Іюня) мы поѣхали съ Андреемъ Степановичемъ немного далѣе, за 20 верстъ, въ деревню Иткулову 2-ю. Гусевъ надѣялся тамъ найти для меня извѣстнаго игрока дудочника Хамита, такъ-какъ

Digitized by Google

въ Темясовой особенно выдающіеся отсутствовали. Пріѣхали въ Иткулову около базарнаго времени и остановились въ домѣ матери Андрея Степановича, бодрой, расторопной старушки, которая съ усердіемъ стала хлопотать для насъ. Въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ было необыкновенно чисто и прибрано. Андрей Степановичъ спросилъ ее о дудочникѣ Хамитѣ, здѣсь ли онъ, но на нашу неудачу его не было. Тогда мы пошли на базаръ, расчитывая найти тамъ какого-нибудь дудочника. Въ базарный день башкирская деревня довольно оживлена, въ другіе же дни на мѣстѣ базара совсѣмъ пусто и стоятъ однѣ открытыя деревянныя лавки. На базарѣ народу много, все Башкиры и Башкиры, и лишь торговцы русскіе— 5—6 человѣкъ.

На базарѣ въ Иткуловой мы стали распрашивать, нѣтъ ли здѣсь дудочника. Вся толпа Башкиръ заинтересовалась нашимъ появленіемъ и разспросами, заволновалась, затараторила по своему, раздались оклики и откуда-то явился дудочникъ; я спросилъ: «ты курайсы (дудочникъ)?» — «ейé (да)», отвѣтилъ онъ, — «хорошо играешь?» — «какъ не хорошо, мало мало умѣемъ»; въ это время толпа окружила насъ уже со всѣхъ сторонъ и живо слѣдила за результатами переговоровъ; при послѣднемъ вопросѣ моемъ она вся крикнула, точно рѣчь касалась ея, — «хай, когда не хорошо, первы курайсы!». Тогда я сказалъ дудочнику: «ну пойдемъ ко мнѣ въ избу». Изъ толпы раздавались новыя предложенія: «эй, знакомъ, еще курайсы есть, бульно хорошá, айда бери его»: видимо толпа смекала, какъ-бы поживиться на счетъ новыхъ пріѣзжихъ. Когда я съ дудочникомъ, — звали его Тулунгужа Губейдуллинъ изъ деревни Искаковой —, уходилъ съ базара, отдѣльные голоса вслѣдъ ему что-то выкрикивали; Андрей Степановичъ, знавшій по-башкирски, послѣ говорилъ мнѣ, что толпа кричала дудочнику, чтобы онъ побольше взялъ съ насъ за игру.

Какъ только мы пришли съ нимъ, онъ уже въ кухнѣ взялъ въ зубы свою свирѣль (курай) и началъ наигрывать мелодіи, да все хорошія, красивыя, — меня такъ и подгоняло начать скорѣе записывать: «вотъ, думаю себѣ, будетъ пожива». Сидѣли мы съ дудочникомъ на коврѣ долго, все кумысъ пили да онъ пѣсни игралъ, а я записывалъ. Дудочникъ оказался изъ хорошихъ; много мелодій удалось тогда записать, тѣмъ болѣе, что я предложилъ дудочнику остаться на весь вечеръ, чтобы послѣ обѣда опять что-нибудь записать. Онъ согласился, мы дали ему обѣдать, и вечеромъ онъ еще игралъ для меня. Получивъ плату, онъ уѣхалъ часовъ въ 9 вечера. Пѣсенъ я записалъ тогда много. Рисунокъ, помѣщенный на стр. 118, набросанъ моимъ братомъ съ Тулунгужы Губейдуллина въ то время, когда онъ игралъ для меняс пѣни.

Digitized by Google

Пріискъ Горяевыхъ. АБДРАХИМЪ ДАУЛЯТОВЪ.

(№№ 159, 166).

Изъ деревни Иткуловой 2-й поѣхали на золотой пріискъ Горяевыхъ въ 45 верстахъ.

Остановились въ школѣ: учитель и его жена радушно насъ встрѣтили, отыскали мнѣ дудочника, и я за нимъ записывалъ пѣсни въ присутствіи любопытныхъ (№№ 75 и 109).

Пріискъ Горяевыхъ является уютнымъ уголкомъ среди всей этой дикой Башкиріи, и проѣзжающій съ удовольствіемъ проводитъ нѣсколько часовъ на пріискѣ, гдѣ встрѣчаетъ опять культурность, съ которою разстался, очутившись въ предѣлахъ Башкиріи.

На другой день утромъ я опять записывалъ пѣсни отъ башкира. Звали его Абдрахимъ Даулятовъ. Это былъ рабочій съ пріиска Горяевой. Пѣсенъ зналъ онъ не такъ то много и вообще, если можно такъ сказать, не былъ присяжнымъ игрокомъ и знатокомъ своего дѣла, не изъ такихъ, о которыхъ молва среди Башкиръ распространяется иной разъ на сотни верстъ. Впрочемъ онъ сообщилъ мнѣ много текстовъ. Другихъ игроковъ на пріискѣ не оказалось, а потому интереснѣе было вернуться въ Темясову, гдѣ начались башкирскія сходки. Народу соберется много, найдутся безъ сомнѣнія и дудочники.

Вечеръ съ башкирскими музыкантами.

Дѣйствительно, Катерина Степановна и ея мужъ сообщили, что въ отсутствіе наше у нихъ состоялся цѣлый вечеръ съ пѣсельниками и дудочниками башкирскими, которые въ большомъ количествѣ наѣхали въ Темясову по поводу схода и базара, что пѣсельники и дудочники были отличные и послѣдніе играли нѣсколько человѣкъ сразу. Я спрашивалъ Андрея Степановича, какъ играли дудочники — всѣ одно и тоже, или раздѣлялись на голоса. А. С. отвѣтилъ, что всѣ одно и тоже, т. е. всѣ играли унисонную, общую мелодію: «гдѣ имъ, дикарямъ, играть на разные голоса», — прибавилъ онъ. Я очень сожалѣлъ, что не присутствовалъ на этомъ вечерѣ, потому что ни раньше, ни позже мнѣ не удавалось слышать среди Башкиръ хорошей одновременной игры на нѣсколькихъ инструментахъ (кураяхъ); нестройную игру я слышалъ, а на упомянутомъ

Digitized by Google

вечерѣ Башкиры играли согласно; сообщили мнѣ также, что на вечерѣ пѣлъ отличный пѣвецъ — теноръ, Абдурахманъ Узенбаевъ, изъ деревни Токтагуловой, 2-й бурзянской волости, близь султановскаго пріиска Рамеева, и посовѣтовали во время моихъ разъѣздовъ по Башкиріи отыскать его и записать его прекрасныя пѣсни. Я занесъ въ памятную книжку его фамилію.

Дудочники и пѣсельники эти были частью привлечены въ Темясову старшиною спеціально для меня; по этому-то сожалѣли бывшіе на вечерѣ, что я отсутствовалъ.

БИРГАЛЕ.

(№№ 70, 79, 81, 85, 89—91, 110, 117, 140, 141, 150, 152).

На другой день, 2-го Іюля, на крыльцѣ дома встрѣчаю башкира, который всталъ и поклонился мнѣ; я спросилъ, кто онъ и что ему надобно; онъ отвѣтилъ, что онъ курайсы (дудочникъ) Биргале изъ деревни Кусеевой и пришелъ къ «начальнику изъ Петербурга» играть, — такъ называлъ онъ меня. Слухъ о томъ, что я записываю башкирскія пѣсни и даю за это деньги игрокамъ, распространился при содѣйствіи старшины довольно далеко среди Башкиръ. Я сказалъ Биргале, чтобы онъ немного подождалъ, что я скоро возвращусь и тогда буду записывать пѣсни. Возвратившись, я разсказываю хозяевамъ о встрѣчѣ съ Биргале, а они мнѣ сообщаютъ, что этого дудочника задержалъ нарочно для меня старшина на сходкѣ наканунѣ, и что дудочникъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ ихъ мѣстности.

Я ушелъ, чтобы начать работу съ Биргале: «гдѣ мы съ тобой будемъ играть?» спросилъ я,—«гдѣ хотите», отвѣтилъ онъ почтительно: несомнѣнно онъ продолжалъ видѣть во мнѣ «начальника изъ Петербурга». Въ домѣ Катерины Степановны оказалось неудобнымъ устроиться намъ съ Биргале, и тогда послѣдній, по моему порученію, нашелъ въ деревнѣ свободную избу.

Любопытство Башкиръ.

Пришли мы въ новую избу, сравнительно просторную, почти пустую, гдѣ были только нары (широкія скамейки) вдоль одной стѣны; сначала въ избѣ были я, Биргале и хозяинъ; но скоро стали входить другіе Башкиры; въ это же время, вѣроятно, хозяинъ принесъ кадочку съ кумысомъ и сталъ угощать присутствовавшихъ; игра, угощеніе, вообще такой невиданный случай привлекъ въ непродолжительномъ времени многихъ любопытныхъ; я съ Биргале условились было не впускать постороннихъ и заниматься безъ

Digitized by Google

народа, и Биргале не впускалъ сначала въ избу; но Башкиры снаружи у дверей начали стучаться и возвышать голоса: что они говорили, я не понималъ, конечно, только Биргале пересталъ препятствовать желанію любопытныхъ проникнуть внутрь, и послѣдніе одинъ за другимъ стали входить и наполнили всю избу. Послѣ Биргале мнѣ говорилъ, что когда онъ пробовалъ не впускать Башкиръ въ избу, то они кричали ему изъ-за двери, что изобьютъ его, если онъ не будетъ впускать ихъ, поэтому онъ больше не мѣшалъ имъ входить въ избу. Такимъ образомъ пришлось записывать мелодіи Биргале при толпѣ; Башкиры нисколько ни стѣснялись, разлеглись на нарахъ, поджавъ подъ себя ноги, а кто не умѣстился тамъ, стояли посрединѣ комнаты; одинъ башкиръ сѣлъ около кадочки и разливалъ изъ нея кумысъ въ чашки, которыя раздавались по рукамъ; въ центрѣ возсѣдали старики почтенной наружности съ длинными сѣдыми бородами, но проявлявшіе любопытство и жизнерадостность не хуже молодежи; особенно одинъ изъ нихъ, весьма говорилвый и полный добродушія, съ длинными сѣдыми усами, съ широкою довольно выразительною физіономіею и живыми веселыми глазами, громко разспрашивалъ меня въ подробностяхъ, кто я, правда ли, что изъ Петербурга, зачѣмъ записываю пѣсни и т. п., я удовлетворялъ его любопытство, и онъ шумно издавалъ поочередно возгласы одобренія, изумленія, удивленія или удовольствія: «хай-хай» протяжно выражалъ онъ удивленіе, или «молодесъ, вотъ молодесъ, такъ, молодесъ, хорошá люди», поощрялъ онъ меня по поводу записыванія мелодій и одобрительно хлопалъ по плечу, а глаза его такъ и свѣтились добродушнымъ удовольствіемъ; другіе Башкиры съ любопытствомъ разсматривали нотную бумагу, на которой я записывалъ мелодіи, спрашивали меня, что это такое и какъ это я самый голосъ записываю, и усердно старались постичь мои, конечно, самыя элементарныя объясненія, но видимо это имъ такъ и не удавалось, потому что молча, полуробко, съ печатью того-же недоумѣнія отходили они отъ меня; кто то изъ нихъ сказалъ, что еще не видывалъ, чтобы записывали такъ по линейкамъ, что онъ видѣлъ, какъ «русакъ» записывалъ на бумагѣ ихъ пѣсни, но чтобы голосъ записывать да по такимъ линейкамъ, онъ не видывалъ.

Въ такой компаніи я записывалъ мелодіи отъ дудочника Биргале и вмѣстѣ принималъ участіе въ питіи кумыса волей-неволей, такъ какъ мнѣ подносили чашку первому и слѣдили, чтобы она не была пустой; однако, много пить я не могъ, потому что кумысъ былъ плохой, кислый. Когда я, записавъ мелодію, воспроизводилъ ее самъ, то ропотъ одобренія, особенно вначалѣ, проносился по всей толпѣ, иныя даже смѣялись отъ удовольствія, что слышатъ свою пѣсню отъ «русака», другіе вслухъ произносили: «хай, хай, шулай, якшы» (т. е. хорошо), такъ, вѣрно, хорошá, молодесъ».

Digitized by Google

Башкирская сходка.

Довольно долго записывалъ я пѣсни въ этой избѣ, нѣсколько часовъ, такъ что значительная часть Башкиръ, удовлетворивъ своему любопытству, разошлись изъ избы, остались немногіе, въ томъ числѣ описанный выше разговорчивый старикъ, обнаружившій терпѣніе досидѣть до конца. Наши занятія прервались по поводу сходки у волостнаго правленія, на которой надо было присутствовать всѣмъ, въ томъ числѣ и Биргале; эта сходка была продолженіемъ бывшей наканунѣ и на ней происходила таже раздача съ торговъ правъ на содержаніе лошадей для проѣзжающихъ по деревнямъ волости, такъ какъ наканунѣ не успѣли покончить съ этой процедурой. Я заинтересовался сходкой и пошелъ туда. На пути, близь волостного правленія, встрѣтился мнѣ Мансурка, три дня тому назадъ забавлявшій насъ своимъ искусствомъ пѣть по птичьему: еще издали онъ увидѣлъ меня и застѣнчиво шелъ на встрѣчу, а на физіономіи его уже давно играла безпредѣльная улыбка; я предполагалъ, что онъ скажетъ мнѣ въ видѣ привѣтствія: «здравствуй», но вмѣсто всякаго привѣтствія онъ нежданно, негаданно прокурлыкалъ по лебединому и разразился улыбкой удовольствія. Я такъ и не слышалъ ни одного слова отъ этого своеобразнаго артиста, способъ изъясненія у котораго былъ повидимому исключительно птичій. Я остановился, прослушалъ его пѣніе, что-то говорилъ ему, а онъ застѣнчиво улыбался; когда я пошелъ далѣе, онъ еще разъ пропѣлъ по лебединому. Вообще видно было, что онъ старался выразить какія то симпатическія чувства. Начавшаяся сходка была бурная, Башкиры горячо спорили, кричали и неистовствовали, давая волю своимъ страстнымъ чувствованіямъ. У волостнаго правленія была уже большая толпа. На крыльцѣ правленія стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ волостной писарь изъ русскихъ и старшина башкиръ Сулеймановъ. Когда я пришелъ, старшина пригласилъ меня сѣсть въ серединѣ за столъ рядомъ съ нимъ, и я очутился въ центрѣ сходки и видѣлъ, какъ она проходила. Старшина былъ украшенъ старшинскою цѣпью съ бляхой. Торги происходили слѣдующимъ образомъ. Писарь называлъ деревню, въ которой должны содержаться лошади для проѣзжающихъ и спрашивалъ, кто сколько хочетъ платить за это обществу. Кто нибудь изъ Башкиръ называлъ сумму; толпа напряжено слѣдила за ходомъ торговъ, и уже первое заявленіе цѣны вызывало въ ней нѣкоторое волненіе, и ропотъ голосовъ проносился по всей толпѣ; когда же кто нибудь другой назначалъ высшую цѣну, то раздавался взрывъ цѣлаго ряда голосовъ, которые по

Digitized by Google

башкирски что-то кричали предложившему высшую цѣну или же тараторили оживленно между собой; вмѣстѣ съ тѣмъ толпа все тѣснѣе надвигалась къ столу, гдѣ сидѣли старшина и писарь, забиралась на перила, окружавшія крыльцо, перелезала черезъ нихъ и постепенно наполняла самое крыльцо, такъ что старшина уже морщилъ свою физіономію и покрикивалъ на толпу. Когда же начиналось состояніе изъ-за цѣнъ, и кто нибудь двое все повышали цѣны, толпа приходила въ экстасъ: раздѣлялась на партіи, и каждая изъ этихъ партій наблюдала и поддерживала своего кліента; послѣ каждой новой цѣны толпа издавала взрывы возгласовъ, колыхалась, жестикулировала; отдѣльныя физіономіи, напряженныя, красныя, обращались то къ торгующимся, то къ старшинѣ и во все горло что то кричали, махая руками, забираясь на перила, на стулья. Старшина въ общемъ сидѣлъ невозмутимо, и довольно умная физіономія его съ крупными, типичными чертами что-то серьезно, солидно обдумывала, не обращая вниманья на крики толпы; лишь по временамъ она покрывалась тѣнью неудовольствія, и старшина полугнѣвно качалъ головою или махалъ рукою на крики, какіе были обращены къ нему изъ толпы, а иногда грозно окрикивалъ толпу. Такимъ образомъ онъ руководилъ ходомъ сходки. Волостной же писарь изъ русскихъ держалъ себя совершенно беззаботно, спокойно записывая цѣны торговъ и не обращая ровно никакого вниманія на толпу, какъ бы погруженный въ свои записи; по временамъ только онъ посмѣивался.

Возбужденіе и смятеніе толпы достигало высшей степени, когда кто нибудь изъ состязающихся не выдерживалъ и называлъ свою послѣднюю цѣну; тогда вдругъ раздавался такой оглушительный ревъ голосовъ, что въ пору было затыкать уши: толпа неистово колыхалась, всѣ лица наливались кровью, и всѣ кричали что есть духу; часть толпы видимо ликовала, другая часть съ явною укоризною въ тонѣ голосовъ обращалась къ сопернику, не выдержавшему торговъ, а тотъ понуро, молча стоялъ или махалъ рукою. Много разъ повторялись такія сцены въ теченіи сходки и казалось иногда, что вотъ эти разъярившіяся головы сейчасъ набросятся другъ на друга, и начнется заправская свалка, но дѣло ограничивалось только неистовствомъ голосовъ и необыкновеннымъ жестикулированіемъ толпы. Вообще сходка носила чрезвычайно шумный, строптивый характеръ (я хотѣлъ было сказать бурный, но это было бы неточно); подобныхъ сходокъ у русскихъ я не встрѣчалъ. Наконецъ торги кончились, и толпа разошлась, но не совсѣмъ, а черезъ нѣсколько времени опять собралась у дома Ивана Степановича Петрова, гдѣ мы остановились, для полученія подарковъ отъ тѣхъ Башкиръ, которымъ на торгахъ достался разгонъ лошадей по деревнямъ, это такъ уже водится на сходкахъ у Башкиръ: если кто нибудь проситъ общество о чемъ нибудь, напр., о продажѣ или сдачѣ въ аренду земель, лѣ-

Digitized by Google

совъ или участковъ для добыванія минераловъ и т. п., и будетъ сдѣлано постановленіе, благопріятное для просителя, то послѣдній долженъ вознаградить сходъ подарками: если онъ хлопочетъ о большомъ дѣлѣ, то деньгами или вещами, если же онъ не богатъ, то просто чаемъ, до котораго Башкиры чрезвычайно падки. Такъ и въ настоящемъ случаѣ всѣ, получившіе право разгона лошадей должны были въ видѣ благодарности одарить сходъ чаемъ, причемъ на долю каждаго приходилось восьмушка и не болѣе четверти чаю. Такъ какъ упомянутый Иванъ Степановичъ торговалъ чаемъ, то ему и поручили названныя лица отпустить чаю участникамъ схода; Башкиры запрудили весь его дворъ и окружили съ улицы домъ его, терпѣливо ожидая каждый своей очереди;—и долго Иванъ Степановичъ раздавалъ Башкирамъ чай изъ своей подвальной лавки. А послѣдніе въ это время безпечнѣйшимъ образомъ сидѣли на бревнахъ, на землѣ или стояли, весело тараторя, видимо очень довольные такимъ беззаботнымъ времяпрепровожденіемъ.

Неумѣніе Башкиръ цѣнить свои богатства.

Эти награды за мірскіе приговоры отъ заинтересованныхъ лицъ почти также развращающе и вредно дѣйствуютъ, какъ и мірское питіе водки у русскихъ крестьянъ. Если кому нужно за безцѣнокъ снять въ аренду огромныя площади земли, лѣсу, то еще раньше приговора раздаютъ наиболѣе вліятельнымъ участникамъ сходки деньги, чай и другіе подарки, а затѣмъ обѣщаютъ послѣ приговора раздать подарковъ въ такихъ то размѣрахъ, и подкупленное башкирьё, ожидая впереди еще подачекъ, весело, съ легкимъ духомъ, не разбирая хорошенько дѣла, постановляетъ въ пользу угодившаго имъ подарками, готовя этимъ себѣ часто явные убытки и раззореніе. Такими путями снялъ, напр., въ аренду огромныя площади лѣсу чуть ли не во всѣхъ трехъ бурзянскихъ волостяхъ извѣстный въ орскомъ уѣздѣ золотопромышленникъ тататинъ Рамеевъ, причемъ Башкиры въ своихъ же лѣсахъ лишились права рубить лѣсъ на постройки и должны покупать его у Рамеева. Такъ Башкиры упускаютъ драгоцѣнныя свои сокровища, не зная имъ настоящей цѣны.

Настойчивое любопытство Башкиръ.

Въ концѣ сходки я видѣлся съ Биргале и условился съ нимъ, что еще позаймемся послѣ обѣда вечеромъ. Тогда оказалось возможнымъ заниматься въ дому, гдѣ мы остановились, и я съ Биргале расположились въ гостинной Катерины Степановны, заперѣвъ предварительно парадную дверь, чтобы

Digitized by Google

не вошли и не мѣшали намъ Башкиры. Я послалъ одного башкира съ бутылью за кумысомъ; онъ принесъ его и самъ остался, а мнѣ неловко было сказать, чтобы онъ ушелъ; за нимъ вошли двое-трое Башкиръ, прилично одѣтые, и такъ ласково, почтительно относились ко мнѣ, что я также не могъ ничего возразить противъ ихъ присутствія. Биргале игралъ уже для меня мелодіи. Все это видѣли и слышали Башкиры, дежурившіе вокругъ дома, и рѣшили непремѣнно послѣдовать примѣру вошедшихъ: поднялись по парадной лѣстницѣ съ улицы и начали самымъ непринужденнымъ образомъ стучаться въ запертую дверь. Мы сначала хотѣли оставить безъ вниманія это проявленіе желаній Башкиръ, но въ дверь стучались и торкались такъ настойчиво, что Биргале пришлось отпереть дверь и окрикнуть безпокойныхъ соплеменниковъ; однако не обошлось безъ того, что мы двоихъ-троихъ впустили. Торканье и стуки и послѣ этого не прекращались, но мы рѣшительно не обращали на нихъ вниманія; такъ много у Башкиръ непосредственности въ проявленіи своихъ желаній; послѣднія въ данномъ случаѣ были тѣмъ сильнѣе, что Башкиры большіе охотники до зрѣлищъ и пріятнаго времяпрепровожденія, особенно съ музыкой, и одарены огромнымъ запасомъ любопытства, которому я обязанъ былъ тѣмъ, что всюду приходилось вести занятія на виду многочисленныхъ собраній, не лишавшихъ меня и своихъ сужденій.

Я съ Биргале занимался, а 5—6 человѣкъ Башкиръ, настойчиво пробравшихся въ наше общество, смиренно сидѣли и слушали; лишь черезъ нѣкоторое время одинъ изъ нихъ обнаружилъ, что можетъ быть оживленнымъ и разговорчивымъ собесѣдникомъ. Участіе его въ нашихъ занятіяхъ началось съ разсказа легенды по поводу одной мелодіи, сыгранной Биргале; говоря по-русски гораздо чище, чѣмъ другіе присутствовавшіе Башкиры, онъ оказался очень полезенъ для меня въ разъясненіяхъ пѣсенъ, когда онѣ поются, съ какими сказаніями связаны, причемъ излагалъ мнѣ въ болѣе ясной формѣ и то, что пытались сообщить мнѣ, но слишкомъ не ясно, другіе Башкиры.

Кумысомъ я думалъ угощать дудочника Биргале, но неловко было обходить другихъ присутствовавшихъ, которые такими ласковыми глазами смотрѣли на кумысъ, да у Башкиръ къ тому же принято обыкновеніе при угощеніи предлагать его всѣмъ, кто бы ни присутствовалъ; поэтому я потчевалъ кумысомъ всѣхъ, и всѣ принимали это какъ должное, нисколько не церемонясь, не отказываясь, какъ у русскихъ крестьянъ, словомъ чувствовали себя какъ слѣдуетъ гостями, хотя для меня они были непрошенными.

Мелодіи, какія игралъ мнѣ Биргале, вообще были интересны, и самъ онъ принадлежалъ къ числу выдающихся дудочниковъ, владѣющихъ секре-

Digitized by Google

томъ выдѣлывать дудки (курай) съ хорошимъ чистымъ тономъ и играть на нихъ съ силой и выразительностью, хотя тонъ курая вообще тихій.

Сообщенными мелодіями не исчерпывался запасъ мелодій у Биргале; прекратили мы занятія потому, что устали, и Биргале надобно было отправляться въ свою деревню Кусееву. Мы расчитывали еще встрѣтиться во время дальнѣйшихъ моихъ разъѣздовъ по Башкиріи.

Толки Башкиръ по поводу собиранія пѣсенъ.

Пока мы собирались выѣхать изъ деревни Темясовой въ сосѣднія дикія горныя волости (3-ю бурзянскую), произошелъ одинъ курьезъ, имѣвшій связь съ тѣмъ, какое толкованіе получили у Башкиръ моя поѣздка и записываніе пѣсенъ. Мы подрядили одного башкира — Кирамиддина Ишмуратова, попросту Кирамку, провести насъ по сосѣднимъ волостямъ въ теченіе двухъ недѣль. Кирамка, приготовляясь въ деревнѣ Темясовой къ отъѣзду съ нами, послалъ за чѣмъ-то своего брата въ ихъ деревню Исянову, гдѣ оставалась жена Кирамки; черезъ нѣсколько времени является мальчуганъ — посыльный отъ жены Кирамки и передаетъ ему наказъ отнея, чтобы сейчасъ пріѣзжалъ назадъ въ деревню и не ѣздилъ бы съ чиновниками изъ Петербурга, «а то де они тебя увезутъ съ собой въ Петербургъ». Послѣ того, какъ я сталъ записывать пѣсни и давать деньги игравшимъ и пѣвшимъ мнѣ Башкирамъ, среди послѣднихъ возникло недорозумѣніе, къ чему это я разъѣзжаю и записываю; это недорозумѣніе надобно было какъ нибудь разрѣшить. И вотъ пошла молва, что я де присланъ изъ Петербурга собирать башкирскія пѣсни къ свадьбѣ Наслѣдника (теперь царствующаго Государя Николая II) и что кромѣ этого мнѣ приказано также набирать башкирскихъ дудочниковъ и привезти ихъ для той же свадьбы. Такъ передавали разныя лица. Очень естественно, что жена Кирамки, до которой дошла такая молва, узнавъ, что мужъ ея ѣдетъ съ «чиновниками изъ Петербурга», вообразила, что мы завербовали Кирамку и увозимъ его въ Петербургъ, перепугалась при мысли, на кого же онъ ее покидаетъ, и отправила посланца съ вышеприведеннымъ наказомъ. Кирамка отослалъ мальчугана назадъ съ извѣщеніемъ, что ѣдетъ только по башкирскимъ волостямъ; но это не успокоило жены, и она прислала вторичное посольство; болѣе строгій отвѣтъ Кирамки заставилъ ее притихнуть. Большое развлеченіе доставилъ намъ этотъ случай.

Digitized by Google

3-я бурзянская волость. Гора Масимъ.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ на западъ отъ дер. Темясовой, къ границамъ Уфимской губ., въ горную, малопроѣздную 3-ю бурзянскую волость на рѣкѣ Бѣлой. Мы вступили въ соглашеніе съ рекомендованнымъ намъ башкиромъ Кирамиддиномъ Ишмуратовымъ, чтобы онъ провезъ насъ по сосѣднимъ волостямъ. Это былъ тихій, скромный, степенный башкиръ, который въ послѣдніе дни бывалъ въ гостяхъ у нашего хозяина, но какъ-то не былъ замѣтенъ, потому что въ разговорахъ почти не участвовалъ и лишь изрѣдка скромно, робко вставлялъ какую нибудь незначащую фразу. Намъ достаточно пришлось познакомиться во время пути съ нерасторопностью, неухватливостью этого башкира. На пути въ 3-ю бурзянскую волость кругомъ тянулись сплошныя лѣсныя дебри, которыя рѣдко оживлялись какимъ нибудь проѣзжимъ; русскихъ вовсе не было въ этой волости; на второй день по выѣздѣ изъ Темясовой кочевки, гдѣ мы были въ гостяхъ у старшины Сулейманова, мы пріѣхали въ дер. Мендегулову, въ которой помѣщалось волостное правленіе 3-ей бурзянской волости. Почти до самой деревни тянулась узкая лѣсная дорога, а незадолго передъ Мендегуловой мы выѣхали на «мѣховую дорогу», по выраженію Башкиръ, т. е. вѣховую, усаженную вѣхами, по которой заплутаться нельзя, первый сортъ дорога, трактовая, какъ хвалили Башкиры, хотя она была не болѣе, какъ проселочная дорога. Подъѣзжая къ Мендегуловой, мы были очарованы восхитительнымъ горнымъ видомъ: дорога начала спускаться далеко внизъ, и когда мы спустились, передъ нашими глазами раскрылась широкая зеленѣющая долина, окаймленная двумя грядами горъ, а въ долинѣ величественно, спокойно, ровной лентой текла красавица Бѣлая, которая, когда мы спустились по дорогѣ, неожиданно очутились у нашихъ ногъ. Вдоль одного ея берега тянулась богатырская каменная гряда. На другомъ берегу виднѣлась деревня, безлюдная, молчаливая: Башкиры перекочевали изъ нея на лѣто на сосѣднія горы и, между прочимъ, на главную изъ нихъ — Масимъ.

Единственный русскій былъ — это волостной писарь, кажется, Остроумовъ. Случайно гостилъ у него лѣсной кондукторъ, также русскій. Оба сказали намъ, что въ деревнѣ дѣлать нечего, ни Башкиръ, ни кумыса нѣтъ, а что надо поѣхать въ кочевки на гору Масимъ, въ 18 верстахъ отъ Мендегуловой Мы рѣшили ѣхать туда, а двое русскихъ остались скучать въ этой глуши, куда вѣсти и газеты со свѣта Божьяго попадаютъ лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; напр., объ убійствѣ президента французской республики Карно знали въ г. Верхнеуральскѣ изъ газетъ уже 20—22

Digitized by Google

іюня, а въ дер. Мендегулову привезли извѣстіе объ этомъ событіи только мы, и это было 7 іюля, а если бы мы не пріѣхали, то и дольше не знали бы тамъ. Газеты путешествуютъ цѣлыя недѣли прежде, чѣмъ доходятъ до своего назначенія, будучи прочитываемы въ разныхъ волостныхъ правленіяхъ.

Долина дер. Мендегуловой имѣетъ благодатный климатъ и плодородную почву: окружающія горы защищаютъ ее отъ вѣтровъ и вьюгъ зимнихъ и сберегаютъ для нея массу солнечнаго тепла, отчего всѣ плоды: ягоды, овощи и проч., поспѣваютъ въ ней чуть ли не мѣсяцемъ раньше и выходятъ крупнѣе и сочнѣе, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ на высотѣ горъ.

Дорога до горы Масимъ на протяженіи 18 верстъ представляла сплошной подъемъ; съ каждой новой терассой горизонтъ все расширялся; путешествіе было утомительно особенно для лошадей; кругомъ горы были покрыты густою растительностью; огромные вѣковые дубы, клены, вязы, сосны, ели, березы на каждомъ шагу уходили ввысь; по обѣимъ сторонамъ дороги растилался богатый травяной покровъ, всюду разсыпано было множество цвѣтовъ, особенно бросались въ глаза роскошныя лиліи; крупная, ароматная лѣсная земляника въ изобиліи краснѣла на зеленомъ фонѣ травы. Было значительно тепло и даже жарко: чувствовалась замѣтная разница въ климатѣ южнаго Урала, гдѣ мы находились, и болѣе сѣвернаго, напр. около гор. Верхнеуральска, а тѣмъ болѣе Златоуста; въ южномъ Уралѣ замѣчалось несравненно бо́льшее благорастворе́ніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земли. Но кругомъ было дико и безлюдно. Дорога слѣ намѣчена была башкирскими двухколесными экипажами, сами Башкиры большею частію ѣздятъ верхомъ; русскіе въ эти дебри не заглядываютъ, и никакого торговаго движенія тамъ не существуетъ.

За трудности пути мы были вознаграждаемы прекрасными горными видами, которые, чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ болѣе расширялись: мы какъ бы возносились надъ Ураломъ; на одной терассѣ величественный широкій горный видъ заставилъ насъ остановиться: передъ нами раскрылось безпредѣльное море горныхъ хребтовъ, вблизи и вдали синѣвшихъ, шедшихъ параллельно другъ другу, амфитеатромъ, пересѣкавшихся другъ съ другомъ или терявшихся въ смутныхъ силуетахъ. Мы почти царили надъ Уральскими горами, но намъ предстоялъ впереди еще не одинъ подъемъ. Вечерѣло, солнце заволакивалось иногда туманной дымкой. Дальнѣйшій путь пролегалъ среди горныхъ ущелій, рытвинъ и черезъ быстрыя рѣчки, черезъ которыя были перекинуты зыбкіе мосты; приходилось не разъ идти пѣшкомъ и поддерживать экипажъ, чтобы не свалился съ дороги, которая становилась все круче: послѣдніе восемь верстъ составляли подъемъ на самую гору Масимъ, вершина которой какъ бы

Digitized by Google

лѣпилась на другихъ горахъ; окружающія горы тѣснились другъ на друга. Лошади сильно устали и не разъ останавливались, поднимаясь на Масимъ; мы всѣ шли пѣшкомъ и отъ нечего дѣлать собирали ягоды и рвали цвѣты. Горы все отступали и оставались внизу подъ нами, выше насъ была только вершина Масима, но и до нее мы наконецъ кое-какъ добрались, и передъ нами раскрылась широкая поляна, почти на вершинѣ Масима; вскорѣ показалась кочевка Башкиръ, а вокругъ нея пасся скотъ; у Башкиръ этой волости, т. е. 3-ей бурзянской, кошей (куполообразныхъ лѣтнихъ жилищъ, покрытыхъ войлокомъ) нѣтъ, а вмѣсто нихъ они устраиваютъ обыкновенные деревянные срубы безъ оконъ, въ которыхъ и проводятъ лѣто; такъ какъ Башкирамъ надобно мѣнять мѣсто ради пастбы скота, то каждый хозяинъ имѣетъ по нѣскольку такихъ срубовъ, которые и стоятъ лѣто и зиму на одномъ мѣстѣ; еще особенность хозяйства Башкиръ 3-ей бурзянской волости: у нихъ почти вовсе нѣтъ барановъ и овецъ; это, кажется, въ связи съ падежемъ скота въ голодные 1891—92 гг.; намъ большого труда стоило достать небольшое количество баранины, и то случайно завезенной изъ другихъ волостей.

Мы подъѣхали къ кочевкѣ и у одного сруба просили пристанища: Башкиры оказались очень не людимы и такъ недовѣрчиво и молча смотрѣли на насъ; на повторенную просьбу остановиться въ избѣ хозяинъ угрюмо отвѣтилъ отказомъ; то же повторилось у другого сруба; срубы внутри были совсѣмъ темные и черные, закоптѣлые, такъ что большого удовольствія не было бы пребывать въ нихъ; наконецъ намъ предоставили въ концѣ кочевки лубочный шатеръ, совсѣмъ новый, въ которомъ никто еще не жилъ, и помѣститься въ немъ мы были рады гораздо болѣе, чѣмъ въ закоптѣломъ темномъ срубѣ; нелюдимость Башкиръ этой волости объясняется тѣмъ, что живутъ они въ мало доступныхъ горахъ, въ сторонѣ отъ другихъ Башкиръ и проѣзжихъ дорогъ и пунктовъ, и торговыхъ занятій почти не знаютъ. Непріютно чувствовалось на первыхъ порахъ среди этого дикаго южнаго Урала, среди этихъ непривѣтливыхъ, недовѣрчивыхъ людей. Солнце уже сѣло; мы устроились въ шалашѣ, и кучеръ нашъ Кирамка занялся приготовленіемъ чая и ужина и развелъ костеръ внутри шалаша, что́ было кстати, такъ какъ въ воздухѣ чувствовалась горная сырость, было туманно и накрапывалъ дождь.

Я читалъ въ это время исторію башкирскихъ бунтовъ, и когда послѣ смотрѣлъ на раскрывавшіеся безчисленные хребты и гряды горъ, то казалось, что еще и теперь звучатъ въ долинахъ между горъ отголоски возстаній и гулъ сраженій Башкиръ съ Русскими, и изъ края въ край колышится и движется Башкирія.

На другой день рано утромъ намъ сообщаютъ, что къ намъ желаетъ

Digitized by Google

придти урядникъ; мы велѣли просить; урядникъ послѣ привѣтствій началъ насъ выспрашивать, кто мы и зачѣмъ сюда пріѣхали, отчасти показывая въ тонѣ, что онъ — начальство въ этихъ мѣстахъ; это былъ коренастый Оренбургскій казакъ съ рыжей, широкой бородой и въ сапогахъ на высочайшихъ подборахъ съ подковами.

Онъ сталъ читать переданную ему мною бумагу отъ Императорскаго Географическаго Общества, въ которой послѣднее просило всѣхъ лицъ и учрежденія объ оказаніи мнѣ возможнаго содѣйствія въ дѣлѣ собиранія инородческихъ пѣсенъ и этнографическихъ матеріаловъ. Когда онъ дочиталъ до мѣста, гдѣ говорится о содѣйствіи, то привсталъ и уже безъ прежняго полуначальственнаго тона заявилъ: «я долженъ, значитъ, вамъ оказывать содѣйствіе»; а когда онъ прочелъ въ концѣ бумаги надпись на сургучной печати, что это есть печать Императорскаго Географическаго Общества, а также подпись вице-предсѣдателя Общества Сенатора П. П. Семенова, то окончательно всталъ и принялъ почтительный видъ; вслѣдъ за этимъ онъ крикнулъ громкимъ голосомъ башкира — вѣстового съ бляхой и, обнаруживая въ своихъ движеніяхъ особое оживленіе, приказалъ вѣстовому немедленно скакать въ сосѣднюю деревню Кіикбаеву и привести оттуда всѣхъ пѣсельниковъ, какіе найдутся; оживленіе или суетливость урядника передалась вѣстовому, и послѣдній тотчасъ же исчезъ и поскакалъ въ деревню. Урядникъ прекрасно говорилъ по-башкирски и этимъ оказался мнѣ очень полезенъ; послѣ прочтенія бумаги онъ былъ любезенъ съ нами, услужливъ и разговорчивъ.

Въ ожиданіи пріѣзда пѣсельниковъ мы предприняли поѣздку на самую вершину Масима, которую составлялъ четырехгранный широкій и довольно высокій, въ нѣсколько саженей, камень. День былъ ясный, отчасти вѣтряный; къ намъ присоединились многіе Башкиры, большіе любители всякихъ развлеченій и особенныхъ случаевъ; всѣ поѣхали верхами, и образовался большой поѣздъ всадниковъ; урядникъ изъ учтивости неуклонно ѣхалъ рядомъ со мною; всѣ тронулись вмѣстѣ и шагомъ, но незамѣтно лошади множествомъ и шумомъ увлекли, вѣроятно, другъ друга, и черезъ нѣсколько времени весь нашъ поѣздъ понеся вскачь; всѣ смѣшались, урядникъ отсталъ гдѣ-то сзади; слышались свистъ, гиканье, крики, смѣхъ; до камня было не болѣе версты, и мы не замѣтили, какъ прискакали къ нему. Передъ нами возвышался голый гранитный четырехгранный камень, на который, казалось, не было возможности забраться, но Башкиры ловко забрались на него, карабкаясь руками и ногами по разсѣлинамъ и небольшимъ выступамъ въ камнѣ; сверху они спустили крѣпкую веревку для насъ; мы по очереди забирались по ней на камень, пользуясь также разсѣлинами камня, при чемъ Башкиры крѣпко держали веревку.

Digitized by Google

Сверху камня, выше котораго уже не виднѣлось точки въ пространствѣ, раскрылся величественный и широчайшій видъ. На безпредѣльное пространство во всѣ стороны тянулись и пересѣкались хребты и хребты, одинъ другого выше, какъ молчаливые и угрюмые гиганты, покрытые лѣсами — точно мелкою травою, усѣянные долинами и полянами, точно маленькими лужайками, на которыхъ едва замѣтными черными точками виднѣлись башкирскія деревни; ни звуковъ, ни движенія не замѣчалось въ этомъ необъятномъ пространствѣ: если бы птица кричала, крикъ ея не донесся бы до нашей высоты, а ея полетъ былъ бы незамѣтенъ тамъ, откуда вѣковые гигантскіе лѣса казались мелкою травкою; надъ всей этой панорамой безчисленныхъ хребтовъ висѣла довольно густая дымка, которая мѣшала ясности зрѣлища; тѣмъ не менѣе мы могли различать на западъ хребты Уфимской губ. и среди нихъ далекую и славную своей высотой гору Турá-тау, близъ гор. Стерлитамака, на востокъ — величавый горный хребетъ Ирендыкъ (до 3000 ф. выс.), явно преобладающій надъ другими своими собратьями; на сѣверѣ — въ неясной дали, верстъ за 200, Башкиры указывали на горы Яманъ-тау и Иремель (выс. 5062 ф., 54° 22′ с. ш.) въ верхнеуральскомъ уѣздѣ, изъ которыхъ первая, въ переводѣ — дурная гора, прославилась своей непроходимостью благодаря обилію болотныхъ мѣстъ, а вторая, превышая высотою самую гору Масимъ, постоянно привлекаетъ на свою вершину облака и грозы, и окрестные жители, желая знать, какова будетъ погода въ извѣстный день, обращаютъ взоры на вершину Иремеля и смотрятъ, въ какомъ положеніи тамъ дѣла. Въ серединѣ всей этой массы хребтовъ, недалеко отъ Масима, Башкиры указывали на главный Уральскій хребетъ — Уралъ-тау, столь излюбленный и прославленный въ башкирскихъ пѣсняхъ, тотъ самый горный хребетъ, черезъ который, по словамъ пѣсенъ, не протекла ни одна горная рѣчка, тогда какъ другіе хребты не разъ изрѣзываются рѣчками:

Нѣтъ горы (хребта) выше Урала,
Черезъ Уралъ не перетекаютъ рѣчки,

говорится въ пѣснѣ (см. стр. 192); это обстоятельство отмѣтилъ еще въ прошломъ столѣтіи извѣстный путешественникъ, академикъ Лепехинъ, въ своихъ «дневныхъ запискахъ» (2-я ч. СПБ. 1802 г., стр. 100); онъ говоритъ: «черезъ Уралъ единственно только тотъ поясъ горъ означается, который между сплетенными вершинами рѣкъ проходитъ, и которой никакая рѣка не перебила».

На всей этой величавой картинѣ лежала печать глубокаго безмолвія и какой-то мертвенности: всѣ обычныя для человѣка проявленія жизни терялись въ этомъ безконечномъ пространствѣ и какими незначительными

Digitized by Google

казались; мы соприкасались съ безпредѣльностью и были въ сосѣдствѣ съ вѣчностью. Этотъ мертвенный покой какъ бы высшихъ, звѣздныхъ сферъ былъ непривыченъ, и тянуло обратно къ жизни, къ ея обычнымъ, болѣе мелкимъ проявленіямъ, тѣмъ болѣе, что впереди была невѣдомая, заманчивая Башкирія.

На вершинѣ камня собралось много Башкиръ, которые успѣли втащить туда турсуки съ кумысомъ и угощались послѣднимъ; здѣсь же появились дудочники (курайсы) и на разные лады выигрывали башкирскія мелодіи; только инструменты ихъ (курай) были разныхъ строевъ, и отъ одновременной игры получалась несносная какофонія. Башкиры очень любопытствовали смотрѣть въ мой бинокль, и удивленію ихъ не было конца по поводу того, что трубка эта дѣлаетъ предметы больше и ближе.

Когда мы черезъ нѣсколько времени спускались обратно съ камня, вокругъ послѣдняго было привязано къ деревьямъ большое число лошадей: пока мы были на вершинѣ камня, за это время прибыло еще не малое число любопытныхъ.

Шумно, еще болѣе многочисленной кавалькадой возвратились мы въ кочевку. Около послѣдней стояла другая большая толпа Башкиръ: оказалось, пріѣхали изъ сосѣдней деревни Кіикбаевой пѣсельники и съ ними немалое число плясуновъ, борцовъ и просто любопытныхъ, которыхъ всегда много среди этого располагающаго временемъ народа. Только лишь слѣзъ я съ лошади, подходятъ нѣсколько человѣкъ, это были 13 пѣсельниковъ изъ деревни Кіикбаевой. При посредствѣ урядника они были приглашены въ нашъ шалашъ, и я было приступилъ къ слушанію и записыванію ихъ пѣсенъ, но вошелъ какой-то башкиръ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «что ты отпустишь народъ или нѣтъ?»; я недоумѣвалъ; тогда урядникъ объяснилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ пѣсельниками пріѣхали плясуны, борцы и другіе Башкиры изъ деревни Кіикбаевой и желаютъ, чтобы я посмотрѣлъ на пляску и борьбу, хотя о танцорахъ и борцахъ я никому ничего не говорилъ. Чтобы не обидѣть, мы отправились смотрѣть зрѣлище. На полянѣ полукругомъ уже сидѣла довольно большая толпа народа. Для насъ, т. е. меня, брата и урядника, было приготовлено почетное мѣсто, — разостланъ коверъ и положены подушки. Сначала Башкиры подъ звуки кураевъ плясали; были уже на лицо неизбѣжные турсуки съ кумысомъ, и шло угощеніе. Затѣмъ Башкиры перешли къ самому любимому занятію — борьбѣ; дудочники стушевались, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за борящимися. Появились и призы: богатые Башкиры, сидѣвшіе въ серединѣ полукруга, привезли съ собою ситцы, которые разрывались на лоскуты и въ видѣ приза раздавались побѣдителямъ. Что было для меня ново, это то, что почти каждый изъ получившихъ призъ

Digitized by Google

почтительно подходилъ къ кому-нибудь изъ присутствовавшихъ и дарилъ ему полученный призъ; въ отвѣтъ на это удостоенный такого вниманія самъ дарилъ что-нибудь побѣдителю, такъ одинъ богачъ подарилъ цѣлый улей, что́ довольно цѣнится у Башкиръ. Не обошли и насъ подобнымъ вниманіемъ, и мы могли отблагодарить только деньгами.

Борьба шла оживленно, возгласы, крики одобренія или порицанія, смѣхъ то и дѣло раздавались, но одинъ случай еще болѣе занялъ вниманіе присутствовавшихъ: какой-то блѣдный, видимо болѣзненный башкиръ вступилъ въ единоборство и безъ труда былъ побѣжденъ, но это не ослабило его намѣренія продолжать борьбу и хотя каждый разъ по слабости былъ побѣждаемъ, однако упорно вступалъ въ состязаніе и все съ однимъ и тѣмъ же противникомъ, такъ что послѣдній не зналъ, какъ отдѣлаться отъ него; уже вмѣшались изъ толпы и стали разнимать, а больной, блѣдный башкиръ такъ и цѣплялся за своего противника, тяжело дыша и странно смотря возбужденными глазами: говорили, что это былъ помѣшанный.

Долго продолжалась борьба, такъ что даже наскучило; на вопросъ, когда кончится увеселеніе, урядникъ и другіе Башкиры отвѣтили мнѣ, что это зависитъ отъ меня, когда захочу, тогда и кончится празднество, а я и не подозрѣвалъ такого обстоятельства. Объявивъ, что довольно насмотрѣлись, мы пошли въ кочевку. Толпа Башкиръ осталась на полянѣ, скучилась и о чемъ-то бесѣдовала; немного спустя догоняетъ насъ башкиръ, посланецъ отъ толпы, и черезъ урядника передаетъ отъ имени Башкиръ: «въ прежнее де время, когда пріѣзжали чиновники изъ Петербурга, они всегда давали для Башкиръ фунтъ чаю: и теперь Башкиры ждутъ, что ты дашь чаю». Фунтъ чая оказался въ моихъ запасахъ, и Башкиры на полянѣ, не знаю, какъ ухитрились подѣлить его между собою, потому что ихъ собралось большое количество. Долго занимались они дѣлежомъ, а тѣмъ временемъ пѣсельники въ нашемъ шалашѣ уже посвящали меня въ тайны своей поэзіи.

ПѢСЕЛЬНИКИ НА ГОРѢ МАСИМЪ.

(№№ 184—187, 193, 194).

Всѣхъ пѣсельниковъ набралось 13 человѣкъ. Урядникъ, заявившій, что онъ будетъ неотлучно при насъ, пока находимся въ завѣдываемой имъ волости (чѣмъ отчасти стѣснялъ насъ), явился дѣятельнымъ посредникомъ между мною и пѣвцами, благодаря знанію языка, и его посредство оказалось очень полезно. Сначала пѣвцы пѣли довольно свободно, но когда увидѣли, что я записываю на бумагу, стали стѣсняться и даже отказы-

Digitized by Google

ваться пѣть. Урядникъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы заставить продолжать пѣть; но пѣніе не возстановлялось; онъ спрашивалъ, почему отказываются они пѣть; пѣвцы заявляли, зачѣмъ де онъ (т. е. я) записываетъ на бумагу, можетъ быть, хочетъ ихъ имена сообщить по начальству. Урядникъ убѣждалъ, что ничего плохого не будетъ для нихъ, что нужно только записать ихъ пѣсни; — «и зачѣмъ надо записать наши нѣсни?», недовѣрчиво продолжали спрашивать Башкиры; урядникъ далъ имъ объясненіе по своему разумѣнію: «ваши пѣсни онъ записываетъ потому, что хочетъ узнать о нихъ самъ Царь, пойте же и не бойтесь ничего»; — «самъ Царь хочетъ узнать?», спрашивали, не вполнѣ довѣряя Башкиры, — «тогда хорошо, будемъ пѣть». И пѣвцы мои опять запѣли; я по очереди записывалъ отъ каждаго изъ нихъ.

Это были простые, наивные, немного дикіе, молодые и старые Башкиры; нѣкоторые изъ нихъ пѣли высокими, чистыми тенорами. Урядникъ былъ полезенъ тѣмъ, что заставлялъ ихъ произносить слова рѣже и внятнѣе или самъ передавалъ ихъ мнѣ, одновременно сообщая отчасти и переводъ. Говоръ этой волости отличается отъ говора другихъ бо́льшей жесткостью, напримѣръ, здѣсь очень употребительны густые придыхательные звуки, и вмѣсто буквы *с* другихъ волостей Башкиры этой волости произносятъ придыхательное *х*, напримѣръ вмѣсто сары (желтый) — хары и т. п.

Наступилъ почти вечеръ, когда мы кончили занятія. Пѣвцы получили вознагражденіе деньгами, а одинъ — чаемъ, но такъ какъ стоимость чая оказалась нѣсколько выше той суммы, какую получили поровну пѣвцы, то послѣдніе заявили претензію на неравномѣрность оцѣнки ихъ труда, и я хотѣлъ было вмѣсто чая вознаградить пѣвца также деньгами, но послѣдній предусмотрительно скрылся, и его не могли найти; остальные волей-неволей примирились.

Урядникъ все оставался при насъ и порядочно прискучилъ этимъ намъ. Наконецъ подъ вечеръ онъ самъ увидѣлъ безцѣльность своего пребыванія при насъ и откланялся, прося не поминать лихомъ, если въ чемъ нибудь не услужилъ.

Мы остались въ кочевкѣ до утра слѣдующаго дня, такъ какъ Башкиры не совѣтовали пускаться въ ночь по горнымъ, лѣснымъ дебрямъ въ виду возможности встрѣчи съ медвѣдями и другими лѣсными обитателями.

Былъ довольно неясный лѣтній вечеръ, кочевка приняла обычный вечерній видъ: скотъ собрался около, Башкирки привязывали, доили его и отгоняли прочь, въ разныхъ мѣстахъ горѣли костры, дымъ отъ которыхъ стлался довольно низко по землѣ; по полянѣ раздавались голоса и звуки людей и животныхъ.

Digitized by Google

ЛУКМАНЪ ИШМУРАТОВЪ.

(№№ 104, 115, 122—126, 144, 145, 157, 158).

На другой день, 8-го іюня, рано утромъ, когда солнце ярко свѣтило, и мы собирались уѣзжать, передаютъ мнѣ, что сынъ хозяина шалаша, въ которомъ мы остановились, желаетъ играть на кураѣ: постороннимъ де пѣвцамъ я давалъ денегъ за пѣніе, теперь надо, чтобы я послушалъ хозяйскаго сына и наградилъ его.

Хотя сильно не хотѣлось слушать новаго игрока послѣ занятій предыдущаго времени, но сынъ хозяина, котораго звали Лукманъ Ишмуратовъ, былъ настойчивъ въ своемъ стремленіи и началъ играть. Лукманъ былъ молодой, довольно сосредоточенный, немного угрюмый башкиръ; онъ забрался въ нашъ шалашъ и у дверей его уже наигрывалъ мелодіи. Послѣднія заинтересовали меня, и я не жалѣлъ, что остался слушать: нерѣдко случалось слышать хорошіе образцы музыкальнаго творчества отъ артистовъ, вовсе не пользовавшихся извѣстностью, — они при своей безвѣстности носили въ себѣ настоящія жемчужины народнаго или даже собственнаго творчества; творческая природа дѣйствовала въ нихъ, не претендуя на особое вниманіе, чуждая самооцѣнки.

Былъ жаркій лѣтній день, когда мы спускались съ горы Масима обратно къ деревнѣ Мендегуловой; въ этотъ разъ незамѣтно промелькнули 18 верстъ лѣсными горными дебрями. Въ долинѣ деревни Мендегуловой опять предстала во всей своей красѣ Бѣлая. Пока мы отдыхали у волостнаго писаря, по рѣкѣ проплыла барка и придала ей недоставшее оживленіе; эта барка была изъ Бѣлорѣцкаго или Авзяно-Петровскаго заводовъ (на рѣкѣ Бѣлой) и плыла послѣднею изъ того каравана барокъ, который ежегодно въ половодье отправляется съ мѣдью внизъ по Бѣлой и Камѣ и Волгою до Нижняго-Новгорода. Находившіеся на баркѣ люди (Русскіе) кричали противъ волостнаго правленія, не продадутъ ли имъ хлѣба; но лишняго хлѣба у писаря не было, и барка, остановившись было, поплыла далѣе.

Отъ Мендегуловой до Кананикольскаго завода.

Изъ деревни нашъ путь лежалъ на Кананикольскій заводъ, въ 40 верстахъ. Тѣмъ временемъ успѣла разразиться гроза, могучимъ эхомъ грохотавшая въ горахъ, и пролилъ дождь; густыя облака красиво носились

Digitized by Google

надъ горами и отражались въ рѣкѣ. Пріятный, теплый, освѣжающій вѣтеръ вѣялъ въ этой прекрасной долинѣ. Не безъ затрудненій переправились мы черезъ Бѣлую, такъ какъ приспособленій для переправы почти не было, и экипажъ, напр., приходилось втаскивать черезъ бортъ большой лодки, которая замѣняла парóмъ; лошадей переправили вплавь.

На той сторонѣ Бѣлой дорога опять направилась въ гору: мы должны были вновь выбраться изъ долины рѣки Бѣлой на окружавшія высоты. За то раскрывались живописные горные виды, особенно по направленію къ долинѣ Бѣлой. Лошадямъ трудно было ѣхать въ гору, и опять мы шли часть пути пѣшкомъ. Нашъ возница Кирамка съ присущей ему простоватостью и малодушіемъ временами ахалъ, глядя на лошадей. Въ одномъ мѣстѣ онъ показалъ у самой дороги свѣжій слѣдъ на измятой травѣ: это былъ слѣдъ несомнѣнно какого-то большого животнаго, вѣрнѣе всего медвѣдя, который видимо недавно былъ у самой дороги, но поворотилъ назадъ. Проѣзжали черезъ деревню Атикову, совсѣмъ безлюдную, лишь въ одномъ-двухъ мѣстахъ работали плотники; среди деревни стояла мечеть, какъ это обычно почти во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ.

Предполагали въ тотъ же вечеръ, къ полуночи, пріѣхать въ заводъ, но на половинѣ пути, въ виду усталости лошадей, ночевали на хуторѣ Кочкаирѣ.

Вечеръ былъ прохладный, туманъ стлался въ окружающихъ лѣсахъ и поляхъ и заволакивалъ самый хуторъ; на немъ остановились также нѣсколько проѣзжающихъ Башкиръ верхомъ; въ двухъ-трехъ мѣстахъ горѣли костры, также и у насъ въ томъ сараѣ, гдѣ мы ночевали; сквозь туманную дымку свѣтила луна; для лошадей Кирамка накосилъ травы; лошадей продержали нѣсколько часовъ на привязи, чтобы остыли; нужно было видѣть, съ какой жадностью принялись они за сѣно; пока не пускали ихъ къ травѣ, они нетерпѣливо ржали: сильно проголодались отъ усталости.

На другой день утромъ до полудня пріѣхали въ заводъ; дорогой попадались на встрѣчу и обгоняли насъ Башкиры, возвращавшіеся изъ завода и ѣхавшіе въ него по случаю базарнаго дня. Вблизи завода расположены казенныя и заводовладѣльческія лѣсныя дачи. Дорога развѣтвлялась въ разныя стороны, и мы плутали, пока не выручали насъ встрѣчные Башкиры.

Башкирія въ прошломъ столѣтіи и теперь.

Приходилось намъ проѣзжать по мѣстностямъ, по которымъ пролегалъ путь не разъ упомянутаго здѣсь путешественника прошлаго столѣ-

Digitized by Google

тія академика Лепехина. Не такъ далеко отъ Мендегуловой находится бывшій заводъ Вознесенскій, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ котораго Лепехинъ осмотрѣлъ замѣчательную пещеру въ горѣ Сулюганъ-Ташъ; объ этой пещерѣ Башкиры и намъ сообщали и предлагали съѣздить къ ней, но обстоятельства помѣшали намъ осуществить это.

Лепехинъ описываетъ и Кананикольскій заводъ. Изъ этого завода онъ направился къ озеру *Толкасъ*, которое мы видѣли, когда ѣхали изъ Темясовой на пріискъ Горяевыхъ; это озеро — среднихъ размѣровъ, лежитъ у подошвы хребта Ирендыкъ; окрестные русскіе называютъ его Толкачъ. По его берегамъ находятся теперь нѣсколько башкирскихъ деревень; во время Лепехина никакихъ поселеній тамъ, кажется, не было; существовали только каменоломни и древнія, по Лепехину, чудскія копи.

При сравненіи теперешняго состоянія края съ тѣмъ, какимъ оно является за XVIII столѣтіе въ описаніи Лепехина, приходится признать, что значительныхъ измѣненій не произошло; во всякомъ случаѣ времени протекло гораздо болѣе, чѣмъ послѣдовало измѣненій. Мѣстность по прежнему остается въ первобытныхъ, дикихъ условіяхъ; Башкиры — такія же непосредственныя, развѣ только болѣе присмирѣвшія дѣти этой горной страны; населенность послѣдней не увеличилась, если только не уменьшилась; напр., въ 3-ей бурзянской волости числилось въ 1894 г. 4642 души мужчинъ и женщинъ; нѣсколько увеличилось число башкирскихъ деревень и другихъ осѣдлыхъ пунктовъ; расширилось добываніе ископаемыхъ богатствъ Урала, возникли заводы на рѣкѣ Инзерѣ, въ самой глухой Башкиріи, появился рядъ золотыхъ пріисковъ, но за то прекратили дѣятельность нѣсколько желѣзодѣлательныхъ и мѣдиплавильныхъ заводовъ, работавшихъ въ прошломъ столѣтіи; русскихъ поселеній нѣтъ, если не считать заводовъ; число русскихъ если и увеличилось сравнительно съ временемъ Лепехина, то это или предприниматели, гонящіеся за наживой, или рабочіе ихъ, или торгаши, имѣющіе не малые прибытки въ глухой Башкиріи; земледѣліе не развивается, если не принимать въ расчетъ посѣвовъ кулака — золотопромышленника татарина Рамеева.

Въ настоящее время здѣсь проложено значительно больше дорогъ, что говоритъ объ увеличеніи сношеній, но эти дороги весьма первобытны и почти не оживлены никакимъ движеніемъ.

Замѣтно усилилось русское вліяніе, и, напр., волостные писаря (изъ русскихъ) если всюду представляютъ изъ себя силу (къ сожалѣнію, чаще темную), то тѣмъ болѣе господствуютъ здѣсь, среди бѣдныхъ и забитыхъ судьбою Башкиръ.

Со времени Лепехина край сталъ спокойнѣе, умиротворенъ, но чтобы онъ поднялся по пути процвѣтанія, чтобы проявляла себя гдѣ-нибудь

Digitized by Google

творческая, созидающая рука человѣка, это нельзя было замѣтить, присутствіе же хищнической руки чувствовалось и въ этихъ рѣдѣющихъ, но сохраняющихъ признаки первобытности лѣсахъ, и въ этихъ раскиданныхъ тамъ и сямъ татарскихъ и отчасти русскихъ золотыхъ промыслахъ, и въ этой скупкѣ за безцѣнокъ богатыхъ башкирскихъ земель. Впрочемъ, послѣднія правительственныя мѣропріятія, по которымъ покупка земель и лѣсовъ у Башкиръ предоставляется только крестьянскимъ обществамъ, а не частнымъ лицамъ, должны значительно ослабить всѣ эти «язвы здѣшнихъ мѣстъ».

Кананикольскій заводъ.

Во время Лепехина (1770 г.) Кананикольскій заводъ (основанный въ 1751 г. Туляниномъ Иваномъ Масаловымъ) имѣлъ мѣдиплавильную фабрику съ шестью печами, три горна для перечистки, переливанія мѣди и одинъ «сплейсофенской», колотушечную фабрику съ двумя печами, тремя молотами и однимъ горномъ для кусковой мѣди; мусорную толчею, лѣсопилку, кузницу и пр.; ежегодно выплавлять чистой мѣди полагалось по 3955 п. 34 ф., но заводъ могъ выплавлять до 8500 п. Строеній на заводѣ было до 250 дворовъ и «изрядная деревянная церковь». Рабочихъ и мастеровыхъ числилось болѣе 300 душъ, но въ работахъ принимали участіе и вольнонаемные изъ инородцевъ (очень дешевые).

Такимъ образомъ Кананикольскій заводъ проявлялъ въ прошломъ столѣтіи довольно значительную дѣятельность. Иную картину представляетъ онъ въ настоящее время.

Заводъ окруженъ лѣсистыми горами и самъ лежитъ на возвышеніи. Особенно красиваго вида не представляетъ. Заводскія каменныя помѣщенія теперь пустуютъ, плотина у пруда въ обветшаломъ и далеко неисправномъ видѣ, прудъ отчасти запущенъ и какъ-то сиротливо выглядываетъ отъ окружающей его и своей собственной бездѣятельности; никакихъ горныхъ работъ на заводѣ не производится.

Населеніе — русское; въ прежнее время оно жило работами на заводѣ, теперь же принуждено обращаться къ другимъ источникамъ существованія; оно мало носитъ обычный отпечатокъ горнозаводскихъ жителей — подвижность, расторопность, ухарство, намъ де море по колѣно, и похоже больше на мѣщанъ (и даже въ плохомъ смыслѣ этого слова) подъ вліяніемъ теперешняго рода занятій: жители занимаются промыслами — плотничествомъ, извозомъ, огородничествомъ, рубкою и гонкою лѣса (больше всего) и отхожими промыслами.

Digitized by Google

На ихъ домашней обстановкѣ лежитъ печать мѣщанской запущенности, затхлости и безвкусія; домъ довольно зажиточнаго купца или мѣщанина, у котораго мы остановились, былъ построенъ и украшенъ внутри безъ всякаго вкуса и пониманія удобствъ; ненужныя проходныя комнаты, крыльца не у мѣста, нелѣпыя, неграмотныя рѣзныя надписи на загрязненныхъ стѣнахъ, безвкусіе въ окраскѣ послѣднихъ, — все это не могло сообщать домовитости и уютности жилищамъ Кананикольскихъ обывателей, да послѣдніе и не славятся въ окрестностяхъ особой любезностью, привѣтливостью и гостепріимствомъ. Вообще заводъ не оставилъ большихъ пріятныхъ впечатлѣній; управленіе заводомъ проявило себя однимъ своимъ качествомъ-сухостью.

Въ настоящее время (въ 1894 г.) въ заводѣ, который составляетъ самостоятельную волость (во время Лепехина находился въ предѣлахъ бурзянской волости), жителей числится 4330 душъ (муж. — 2130, женск. — 2200), — со времени Лепехина приростъ не очень значительный.

ИВАНЪ ЛУКМАНОВЪ.

(№№ 74, 111, 118).

Въ заводѣ розыскали мнѣ дудочника Ивана Лукманова, крещенаго башкира, котораго очень хвалили за умѣнье играть на кураѣ. Это былъ башкиръ хотя и крещеный, но въ душѣ такой же первобытный и дикій, какъ и некрещеные его сородичи, онъ былъ чуждъ не только христіанскихъ настроеній, но повидимому и какихъ либо знаній о своей новой вѣрѣ; очевидно, по какой-то странной случайности онъ былъ крещенъ и затѣмъ никто не заботился о его духовномъ состояніи; что онъ случайно сталъ христіаниномъ, доказывается тѣмъ, что въ этихъ глухихъ мѣстахъ никакой миссіонерской дѣятельности не существуетъ и никого въ христіанство не обращаютъ; Иванъ Лукмановъ долго служилъ сторожемъ при заводоуправленіи и, кажется, одинъ изъ управляющихъ окрестилъ его. Какая-то первобытная дикость и узость понятій чувствовались въ его разговорахъ,— это былъ не то, что неразвитой русскій крестьянинъ; у послѣдняго, при его неразвитости, ограниченности, замѣчается какая-то ширь и добродушіе какъ свойства, присущія породѣ; въ крещеномъ же Иванѣ Лукмановѣ чувствовалась другая порода, болѣе узкая, менѣе богатая, дальше соображеній о себѣ не идущая; хриплымъ, диковатымъ голосомъ разсказывалъ онъ о своихъ дѣлахъ и неудачахъ, и видимо совсѣмъ былъ чуждъ идеи, что поживиться на счетъ другого, устраивать свои дѣлишки на бѣдахъ другого — непохвально. Тѣмъ не менѣе нельзя было сказать, чтобы природа его была дурная или злая, онъ былъ нелишенъ добродушія, ласковости и чувства

Digitized by Google

благодарности, только все это скрывалось или замирало подъ корою загрубѣлости.

Какъ большой мастеръ играть на кураѣ, онъ былъ участникомъ разнаго рода празднествъ, увеселеній при заводоуправленіи, и управляющіе, такъ сказать, угощали имъ гостей, которые наѣзжали въ заводъ отовсюду, начиная съ Петербурга. Однажды услышалъ игру Ивана Лукманова инспекторъ Петербургскаго Лѣсного Института, восхитился ею и, согласно обѣщанію, выслалъ ему изъ Петербурга мѣдный курай, взявъ мѣрку и расчетъ, съ какимъ надобно дѣлать отверстія на цилиндрѣ. Но Петербургскій мастеръ ошибся въ расчетахъ, и мѣдный курай фальшивилъ въ тонѣ; тогда Лукмановъ самъ поправилъ бѣду: понизилъ отверстія, сдѣлавъ вырѣзки въ нижнихъ ихъ концахъ и запаявъ оловомъ верхніе концы; курай сталъ давать довольно вѣрный тонъ; мѣдный курай издаетъ болѣе сильные звуки, но за то почти теряетъ тембръ натуральнаго курая.

Лукмановъ игралъ довольно любопытныя мелодіи, между прочимъ, сыңрау — турнó (глухіе журавли, № 118), въ которой подражаніе пѣнію птицъ довольно явственно. Мы занимались съ нимъ одинъ день (9-го іюня), потому что онъ спѣшилъ на сѣнокосъ.

Заставляя его брать отдѣльно звукъ за звукомъ при постепенномъ закрываніи отверстій, я окончательно установилъ строй курая (см. стр. 112).

На другой день поѣхали дальше. Передъ отъѣздомъ купались въ рѣчкѣ *Канъ*, протекающей черезъ заводъ и впадающей въ р. Бѣлую; вода въ ней, какъ горной рѣчкѣ, очень холодная, и я поплатился за купанье лихорадкой, которая обнаружилась на слѣдующій день, хотя стояла жаркая погода.

Ночной переѣздъ отъ Кананикольскаго завода до дер. Юлукъ.

Было уже послѣ обѣда. Собирались тучи и обѣщала разразиться гроза, когда вѣстовой изъ волостного правленія показывалъ намъ путь по направленію къ дер. Юлукъ, 1-ой бурзянской волости, на юго-востокъ отъ завода. Мы возвращались въ менѣе дикую башкирскую волость — 1-ю бурзянскую, гдѣ Башкиры гораздо общительнѣе, привѣтливѣе, чаще видятъ русскихъ, и путешественникъ имѣетъ болѣе точекъ соприкосновенія и общихъ интересовъ съ ними.

Вскорѣ же послѣ выѣзда изъ завода насъ застигла въ лѣсу гроза; хорошо, что она разразилась не прямо надъ нами, а раскаты грома слышались гдѣ-то по сторонамъ насъ, иначе можно было бы не на шутку поплатиться за свое пребываніе въ это время въ лѣсу. Дождь порядочно лилъ надъ нами. Лѣсъ начиналъ постепенно рѣдѣть, и дорога продолжалась довольно открытой долиной, окаймленной грядой горъ. Часа за полтора до заката солнца прекратился дождь, и воздухъ дышалъ обновленной свѣжестью, а долина была разукрашена переливами цвѣтовъ отъ склонявшихся

Digitized by Google

лучей заходящаго солнца. На пути попадались изрѣдка сѣнокосы и косцы— Башкиры. Въ общемъ пустынно и тихо было кругомъ. Вечерѣло, скоро должна была наступить ночь, а намъ предстоялъ переѣздъ въ 40 в. до татарской дер. Юлукъ, изъ которыхъ мы успѣли проѣхать развѣ верстъ 10—15: лошади нашего кучера Кирамки начинали уставать. Кирамка въ началѣ пѣлъ было пѣсни, а потомъ умолкъ, и мы всѣ молчали. Въ сумерки проѣхали мы хуторъ Зилаиръ на рѣчкѣ того же названія: въ пустынной мѣстности пріятно было встрѣтить населенное мѣсто, при томъ въ такое позднее время; трусливый, малодушный Кирамка съ особой радостью и оживленіемъ пустился въ разговоры съ жившими на хуторѣ Башкирами: остановивъ на нѣсколько минутъ лошадей, онъ разспрашивалъ о пути. Вблизи этого хутора въ прежнее время, въ прошломъ столѣтіи, при Неплюевѣ, когда устраивался и заселялся Оренбургскій край, существовала крѣпость, входившая въ рядъ крѣпостей, которыми русское правительство постепенно оцѣпило Башкирію.

Наступила уже темнота, когда мы поѣхали далѣе.

Трусливость Кирамки сказалась теперь вполнѣ: онъ не разъ обращался ко мнѣ: «Сергѣй Гаврились, чево станешь дѣлать? темнá бульно»;— «ѣдемъ, вотъ чево станешь дѣлать», отвѣчалъ я; Кирамка погонялъ лошадей, а самъ нѣтъ — нѣтъ, да и охалъ: «ай, ай, темнá бульно», или остановитъ лошадей, соскочитъ съ козелъ и осматриваетъ дорогу на нѣсколько шаговъ впередъ. Темнота наступила полная, но трусость Кирамки больше забавляла, чѣмъ передавалась намъ. Ночь была тихая, кругомъ ни звука не было слышно, и мы невольно сами погрузились въ молчаніе и полудремоту, довѣрившись инстинкту лошадей. Довольно долго ѣхали мы такъ, и даже вздоховъ Кирамки не было слышно болѣе. Но вотъ мое вниманіе пробудили торжественно — красивые, слегка меланхолическіе звуки: это Кирамка запѣлъ мусульманскую молитву, потому что въ эти минуты торжественно поднимался на горизонтѣ громадный багровый дискъ луны. Чѣмъ-то величавымъ повѣяло отъ такого неожиданнаго момента: послѣ предыдущей полной темноты и затишья въ природѣ, когда, казалось, вся жизнь замерла, появленіе въ свое время и съ такой величественностью ночного свѣтила вливало новую струю жизни въ природу и какъ бы говорило о порядкѣ и гармоніи, которые кѣмъ-то постоянно поддерживаются въ окружающемъ строѣ вещей, и тѣмъ впечатлительнѣе была эта религіозная бдительность мусульманъ, которые во всякихъ обстоятельствахъ съ беззавѣтной покорностью и памятливостью о Высшемъ Началѣ отмѣчаютъ молитвою и пѣніемъ установленные важнѣйшіе моменты дня. Мелодія Кирамки звучала торжественно — красиво и была полна какой-то затаенной тоски души по чемъ-то такомъ, пожалуй, неземномъ, чему душа мусульманина безпредѣльно, безъ

Digitized by Google

разсужденій предана. Въ этой религіозной бдительности, фанатичной преданности началамъ своей вѣры и кроется вся мощь мусульманства: Кирамка, темный, неученый, недалекій башкиръ, не забылъ всетаки, что вотъ появилась на горизонтѣ луна, и теперь, значитъ, около 9 часовъ, — время послѣдняго моленія за истекшій день, и что надобно воздать Аллаху должное; подобную бдительность рѣдко встрѣтить въ нашемъ, славящемся религіозностью народѣ.

Я не ожидалъ, что мусульманство способно создавать такія величавыя и красивыя, полныя внутренняго настроенія религіозныя мелодіи, что̀ я имѣлъ возможность провѣрить послѣ и на другихъ образцахъ.

Послѣ пѣнія Кирамка прошепталъ нѣсколько молитвенныхъ словъ, повелъ руками по лицу и кончилъ этимъ религіозную обязанность; луна тѣмъ временемъ поднялась на небосклонѣ, уменьшилась въ размѣрахъ, просвѣтлѣла и озарила безмолвную и темную Башкирію своимъ блѣднымъ, мечтательнымъ свѣтомъ, но спустя немного надвинулись тучи, и окрестности опять погрузились если не въ прежнюю полную темноту, то въ сильный полумракъ. Опять мы ѣхали молча.

Трусливость не давала Кирамкѣ покоя: попался въ сторонѣ отъ дороги небольшой лѣсъ; еще не доѣзжая до него, Кирамка уже говорилъ мнѣ озабочено: «Сергѣй Гаврились, а Сергѣй Гаврились, мѣста̀ бульно не хороша̀, дурны людя́ есть здѣсь, дай револьверъ». Я досталъ револьверъ, который неизвѣстно, въ какомъ состояніи былъ, потому что ни разу не подвергался за время путешествія пробѣ. Кирамка взялъ его въ руки и сильно насмѣшилъ насъ, начавъ держать револьверъ высоко въ воздухѣ и объяснивъ намъ, когда мы пріѣзжали мимо лѣса, что онъ держитъ револьверъ высоко для того, чтобы его видомъ испугать заранѣе «дурны людя́»: простякъ Кирамка совсѣмъ не принялъ во вниманіе царившей тогда темноты. Мы проѣхали лѣсъ, а къ услугамъ револьвера такъ и не пришлось прибѣгнуть: можетъ быть, «дурны людя», согласно соображеніямъ Кирамки, провидѣли издали сквозь темноту револьверъ у него въ рукахъ и благоразумно скрылись...

Длиннымъ показалось намъ путешествіе за эту ночь: надо думать, по нашему примѣру и лошади позволяли себѣ дремать, пока тащились до дер. Юлукъ.

Деревня Юлукъ.

Было уже значительно за полночь, когда мы при свѣтѣ луны пріѣхали въ деревню Юлукъ и думали остановиться въ дому перваго богача въ деревнѣ, татарина-золотопромышленника Рамеева. Деревня спала глубокимъ

Digitized by Google

сномъ, даже собаки не нарушили при нашемъ въѣздѣ тишины улицъ. Кирамка нѣкоторое время стучался въ ворота дома Рамеева, пока извнутри, со двора, не послышался вопрошавшій голосъ татарина или башкира. Кирамка спрашивалъ, дома ли хозяинъ и можно ли остановиться у нихъ; голосъ быстро, часто отвѣчалъ по-татарски, какъ вообще говорятъ Татары, и особенно звучно, сочно раздалось слово ёк (нѣтъ) съ сильнымъ гортаннымъ характеромъ буквы к. Оказалось, хозяина не было дома, а прикащикъ самъ не рѣшался принять проѣзжающихъ. Опять мы потревожили ночную тишину, ища пристанища въ другомъ уже мѣстѣ, у родственницъ Кирамки.

Печальная картина ждала насъ въ убогой, бѣдной татарской избушкѣ. Послѣднія всюду устроены одинаково: по серединѣ сѣни, на лѣво отъ нихъ чистая половина, горница, гдѣ помѣщаются хозяева и принимаются гости, на право — черная половина, кухня. Мы вошли налѣво, темнота была полная; при свѣтѣ спички оказалось, что мы потревожили цѣлое спящее царство: на нарахъ (широкихъ скамейкахъ) за занавѣсками копошились спавшіе, убирались и очищали для насъ мѣсто. Лишь на правой сторонѣ наръ кто-то по прежнему лежалъ и даже какъ будто не былъ пробужденъ нашимъ пріѣздомъ: это лежала больная. Она въ забытьи тяжело вздыхала, ворочалась и иногда охала. Непріятно чувствовалось въ сосѣдствѣ съ боль ною, но дѣваться было некуда; пока мы возились съ вещами и устроились за чаемъ, больная пробудилась и недоумѣвающе долго смотрѣла на насъ изъ-за занавѣски. Лучше было перебраться хотя бы въ кухню, что̀ мы и сдѣлали, хотя запущена она была болѣе, и обитали въ ней разнаго рода насѣкомыя. Передъ сномъ были мы на дворѣ: деревня безмолвствовала, луна уже скрылась, стояла тихая звѣздная ночь, гдѣ-то въ сторонѣ на дворѣ выстаивались и фыркали наши усталыя лошади . . .

Когда мы утромъ, часовъ въ семь (11-го Іюля), поднимались, я чувствовалъ тяжесть въ организмѣ и ломоту въ суставахъ: лихорадка, полученная въ холодныхъ струяхъ рѣчки Каны, дала себя знать . . .

Мы перебрались въ довольно просторный, чистый и новый домъ одной татарки-вдовы, послѣ чего началось наше знакомство съ деревней; большинство дворовъ были заперты, и улицы пустовали: населеніе деревни разъѣхалось на сѣнокосъ и на жнитво; только около мелочной лавочки стояла группа Татаръ, довольно опрятно одѣтыхъ: Татары почти всюду отличаются исправностью, подтянутостью въ обиходѣ и жизни своей, въ нихъ замѣчается извѣстнаго рода выправа, выдержка, это не то, что̀ другіе инородцы, хотя бы Башкиры, и даже не то, что̀ русскій человѣкъ... Въ сѣрыхъ баранихъ шапкахъ и исправныхъ халатахъ, они съ любопытствомъ слѣдили за моимъ приближеніемъ, но у нихъ не было того наивнаго любопытства и, пожалуй, ротозѣйства, какія обнаруживаютъ Башкиры при появленіи рус-

Digitized by Google

скаго; когда я сталъ знакомиться съ товарами, Татары больше не посвящали мнѣ своего вниманія и, какъ дѣловые люди, занялись бесѣдой о своихъ дѣлахъ.—Эта татарская деревня была единственная среди Башкиріи; Татары переселились сюда изъ Казанскаго края, кажется, по вызову начальства и по обыкновенію занялись торговлей.

Я, между прочимъ, спрашивалъ, есть ли хорошіе пѣвцы и дудочники;— «когда нѣтъ», отвѣчали Татары, съ усмѣшкой глядя на меня, — «много есть, вотъ пѣсельникъ, вотъ дудочникъ», показывали они на нѣкоторыхъ изъ своей среды, и толпа смѣялась; когда же я разговоръ перевелъ на болѣе серьезный тонъ и просилъ прислать мнѣ хорошихъ пѣвцовъ и игроковъ, одинъ изъ Татаръ, перемѣнивъ насмѣшливый тонъ, спросилъ: «да ты взаправду што-ли говоришь или только шутишь»? — «Взаправду», отвѣтилъ я; — «коли взаправду, тогда другой разговоръ; это тебѣ для дѣла нужно, а не такъ себѣ, шалтай-балтай (по пустякамъ)»?, — «для дѣла», говорю я ему; — «да кто ты такой будешь? не про тебя ли тутъ волостной старшина говорилъ, что ты пѣсни пишешь и даешь деньги за это Башкирамъ; въ Темясовой ты былъ»?; — «былъ»; — «ну, значитъ, тебя самаго волостной старшина въ разныхъ мѣстахъ поджидалъ и хотѣлъ встрѣтить да и намъ говорилъ». Такимъ образомъ слухъ о моихъ разъѣздахъ и собираніи башкирскихъ пѣсенъ распространился по нѣсколькимъ волостямъ и предшествовалъ моему пріѣзду.

Татары уже съ серьезной услужливостью обѣщали прислать мнѣ хорошихъ татарскихъ артистовъ.

Дальше по улицѣ стояла каменная мечеть; въ деревнѣ мечетей было болѣе трехъ, и это въ одинокой, заброшенной въ глуши Башкиріи, татарской деревнѣ; татары вѣрны себѣ: всюду они религіозны и трудолюбивы.

Около полудня деревня оживилась: къ мечетямъ потянулись правовѣрные, хотя и не многочисленные. На время моленій Татары оставляютъ всѣ свои занятія и даже запираютъ лавки на базарѣ, который на полчаса, на часъ пустѣетъ.

МУЗЫКАНТЫ ВЪ ДЕРЕВНѢ ЮЛУКЪ.

(№№ 37 a, 39, 40, 62, 63, 64, 167, 169, 172, 173, 176, 195).

Приходили ко мнѣ пѣсельники-Татары и дудочники-Башкиры.

При этомъ можно было наглядно сопоставить характеръ татарскихъ и башкирскихъ пѣсенъ и мелодій: въ то время какъ первыя отличаются характерной незамысловатостью и опредѣленностью мелодическаго рисунка и ритма мелодій, башкирскія мелодіи бросаются въ глаза затѣйливостью, причудливостью своего рисунка.

Digitized by Google

Артисты приходили и садились на полъ на ковры, по восточному опираясь на колѣни и опустившись корпусомъ на пятки и въ сосредоточеніи показывали свое искусство.

Нѣкоторые изъ нихъ были уже избалованы относительно платы: требовали вознагражденія бо̀льшаго, чѣмъ предлагалось имъ.

Познакомился съ волостнымъ фельдшеромъ — пожилымъ башкиромъ Азаматовымъ; это — особый типъ Башкиръ, которымъ привиты кое-какія знанія; фельдшера изъ Башкиръ получаютъ образованіе въ Оренбургской фельдшерской школѣ; въ теченіе практики среди сородичей они растериваютъ часть своихъ немногисленныхъ свѣдѣній и знаютъ кое-что и съ сомнительной твердостью. Они усердно предлагаютъ противъ разныхъ болѣзней хину и салициловую кислоту; фельдшеръ-башкиръ былъ находкою для меня въ этой глуши, такъ какъ лихорадка изъ рѣчки Каны давала себя чувствовать. Въ глухихъ мѣстахъ даже плохой фельдшеръ радуетъ не менѣе хорошаго доктора.

На другой день (12-го Іюля) былъ базаръ: это одинъ изъ самыхъ крупныхъ въ тѣхъ мѣсностяхъ. Татаръ, Башкиръ собралось множество, Русскихъ лишь нѣсколько торговцевъ, и чего-чего по тѣмъ мѣстамъ не было на базарѣ, главнымъ образомъ мясо, котораго въ другое время вообще трудно достать . . .

Встрѣтились мы здѣсь со знакомымъ торговцемъ И. С. Петровымъ, въ домѣ котораго жили въ Темясовой. У насъ онъ обѣдалъ, при чемъ мы сидѣли по восточному на коврахъ на полу . . . Была гроза, когда обѣдали. Высказывая нѣкоторыя опасенія по поводу нея, онъ выѣхалъ въ дальнѣйшій путь, на пріискъ Горяевыхъ, такъ какъ базаръ въ Юлукѣ кончился. Приглашалъ заѣзжать къ нему въ Темясову.

Игра горломъ.

Вечеромъ опять были у меня пѣсельники. Между прочимъ, когда я почти кончилъ занятія, произошелъ довольно курьезный случай, который далъ мнѣ возможность познакомиться съ особымъ искусствомъ Башкиръ— *игрой горломъ*.

Въ ворота послышался стукъ; когда ихъ открыли, на дворъ въѣхалъ всадникъ-башкиръ, который слѣзъ съ лошади и безъ особыхъ стѣсненій вошелъ въ комнату, сѣлъ и, поздоровавшись, заявилъ, что пріѣхалъ ко мнѣ пѣть пѣсни: «я услышалъ, что ты даешь деньги за пѣсни, мать и говоритъ мнѣ, а живу я въ лѣсу далеко, гонкой дегтя занимаюсь: ««вотъ ты безталанный, ищешь денегъ и нигдѣ не находишь, а въ Юлукъ пріѣхалъ русскій и даетъ деньги за пѣсни, не ты ли мастеръ пѣть пѣсни? поѣзжай и пой

Digitized by Google

передъ русскимъ, деньги получишь»». Я послушалъ ее и пріѣхалъ къ тебѣ». На это я отвѣтилъ, что очень усталъ и не могу больше записывать пѣсни.

Тогда башкиръ сказалъ: «вотъ таланъ мой: другіе получаютъ деньги за пѣсни, а я тоже мастеръ пѣть пѣсни, да слушать меня не хочешь; на роду моемъ написано мнѣ несчастливымъ быть, нигдѣ не везетъ мнѣ счастье, охъ»....

Тѣмъ не менѣе онъ сталъ играть на кураѣ...

Мнѣ жалко стало этого неталанливаго башкира, ради заработка пріѣхавшаго издалека; отъ нашего ужина осталась рисовая каша, которую и предложилъ я башкиру, онъ сѣлъ на полъ и принялся за кашу, сказавъ печально: «и на этомъ спасибо». Съѣвъ кашу, онъ поднялся и на сундукѣ началъ показывать крайне своеобразное искусство, началъ *«играть горломъ»*.

То, что̀ мы услышали, было такъ необычно, что наше вниманіе немедленно было приковано раздавшимися звуками.

Самъ башкиръ носилъ отпечатокъ какой-то одичалости лѣсной, голосъ его звучалъ глухо, какъ бы замкнуто, говорилъ онъ не такъ открыто, какъ другіе соотечественники, жившіе не въ лѣсу, лицо его было темное, заскорузлое.

Когда онъ заигралъ горломъ, впечатлѣніе лѣсной дичи еще болѣе увеличилось.

Искусство это состояло въ слѣдующемъ.

Башкиръ исполнялъ горломъ одинъ и тотъ же тонъ довольно дикаго, гнусящаго характера; на фонѣ этого тона онъ наигрывалъ, съ помощью маленькаго языка (по его словамъ) башкирскія мелодіи; звуки получались тихіе, но ясные, отчетливые и пріятные, похожіе на звуки баульчика, игрушечнаго органчика; надобно было соблюдать полнѣйшую тишину, чтобы слышать эту своеобразную, дикую, но не лишенную пріятности музыку; выходило, что одинъ и тотъ же человѣкъ исполнялъ заразъ два тона: горломъ и язычкомъ. Башкиръ не только пріятно наигрывалъ эти своеобразные звуки, но и артистически исполнялъ ихъ: онъ обнаруживалъ настоящее искусство.

Долго мы его слушали: онъ совсѣмъ расположилъ насъ въ свою пользу, и я сказалъ ему, что завтра съ утра буду записывать его пѣсни и мелодіи, теперь же не могу, усталъ. Башкиръ высказалъ согласіе остаться до утра, поблагодарилъ за ужинъ и за то, что слушали его, и пошелъ вмѣстѣ съ кучеромъ нашимъ спать въ экипажѣ. Мы тоже вскорѣ легли; это было уже около полуночи. Тогда свѣтила луна на ущербѣ, сіяли звѣзды сквозь темноватый свѣтъ луны, а на востокѣ уже загорались первые проблески утренней зари.

Вставши утромъ часовъ въ семь, я спросилъ кучера, гдѣ башкиръ,

Digitized by Google

игравшій вчера горломъ. Кучеръ разсказалъ слѣдующую странную исторію. Башкиръ улегся вмѣстѣ съ нимъ въ экипажѣ съ намѣреніемъ дождаться утра, но на разсвѣтѣ проснулся и собрался въ путь, говоря: «нѣтъ, уѣду пораньше назадъ въ лѣсъ; кто его знаетъ, можетъ быть, онъ и не станетъ меня слушать и не дастъ денегъ, такой мой талантъ, лучше пораньше уѣхать»; съ этими словами сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, когда разсвѣтъ только что разгорался, и солнце еще не взошло. Пришлось только удивиться этой исторіи и признать, что башкиру этому счастье дѣйствительно не везло, онъ самъ бѣжалъ отъ счастья: я имѣлъ твердое намѣреніе заняться съ нимъ и дать ему денегъ, а онъ уѣхалъ раньше результатовъ своей поѣздки и ни къ чему показавъ передъ нами свое искусство. Есть же такіе безталанные люди.

Деревня Иткулова 1-я.

Оставалось поѣхать дальше. Мы направились къ деревню Иткулову 1-ой бурзянской волости. Былъ тихій лѣтній день, дорога шла среди слегка холмистой мѣстности; лошади Кирамки, отдохнувъ за двое сутокъ пребыванія въ Юлукѣ, бѣжали бойко, мы быстро проѣхали 20 верстъ до деревни Иткуловой и въ обѣденную пору были уже въ ней. Изъ волостнаго правленія насъ пригласилъ къ себѣ въ гости волостной старшина Юлуевъ, тотъ самый, о которомъ въ Юлукѣ говорили, что онъ все ждалъ нашего пріѣзда и хотѣлъ гдѣ-нибудь встрѣтить насъ. Это былъ пожилой, отличавшійся необычною для его сородичей опрятностью и воспитанностью башкиръ; даже что-то джентлеменское было въ немъ; онъ зналъ русскую грамоту, читалъ русскія книги, затрагивалъ въ разговорѣ необычныя темы; былъ весьма предупредителенъ и любезенъ какъ хозяинъ, и къ нему приходилось относиться совсѣмъ не такъ, какъ къ другимъ Башкирамъ. Порядокъ, чистота и опрятность въ его домѣ, которыя сдѣлали бы честь и русскому дому, вполнѣ соотвѣтствовали характеру этого волостного старшины, интеллигента въ своемъ родѣ среди Башкиръ.

Убранство его дома было смѣшанное, — и восточное, и русское: полъ былъ устланъ коврами, на которые хозяинъ и пригласилъ насъ сѣсть; но вмѣстѣ въ комнатѣ находились столъ, покрытый скатертью, стулья и шкафы. Старшина, угощая, пригласилъ насъ за столъ и былъ радушенъ настолько, что предлагалъ обѣдъ и хотѣлъ ради этого заколоть барана, но намъ интересно было отправиться поскорѣе въ кочевку этой деревни и поэтому обѣдъ мы отклонили.

Старшина познакомилъ насъ также съ сыномъ своимъ и учителемъ мѣстной русской башкирской школы.

Digitized by Google

Башкиръ-писатель.

Молодой Юлуевъ обращалъ на себя еще бо́льшее вниманіе: это былъ первый писатель среди Ба̀шкиръ, какого я видѣлъ. Онъ получилъ образованіе въ Уфѣ, учительствовалъ раньше въ Уфимской губерніи, а теперь жилъ при отцѣ; достигнувъ извѣстнаго развитія, онъ дошелъ до сознанія жизни, нуждъ, радостей и бѣдъ своего народа и сдѣлался писателемъ: владѣя довольно удовлетворительно русскимъ языкомъ, онъ напечаталъ рядъ статей по этнографіи Башкиръ въ московскомъ журналѣ «Этнографическое Обозрѣніе», но первое время, по словамъ молодого Юлуева, одно лицо, близко стоящее къ редакціи, пользовалось его сообщеніями и печатало ихъ подъ своей фамиліей. Фактъ странный для нравовъ Московскихъ журналистовъ.

Юлуевъ подарилъ намъ нѣкоторыя изъ своихъ статей и какъ писатель тѣмъ болѣе былъ интересенъ, что Башкиры крайне рѣдко выдѣляютъ изъ своей среды лицъ, успѣвающихъ достигать высшихъ ступеней интеллигенціи: молодежь проходитъ курсъ только начальныхъ школъ, въ среднія учебныя заведенія попадаетъ рѣдко и чаще не кончаетъ курса, а чтобы Башкиры кончали высшее учебное заведеніе, я слышалъ только о трехъ—четырехъ случаяхъ: такое качество свойственно народу, опустившемуся въ своей духовной и внѣшней жизни, измятому, искалѣченному историческими обстоятельствами и брошенному теперь на произволъ судьбы. Совсѣмъ иное Киргизы, которые нерѣдко появляются въ нашихъ университетахъ.

Юлуевъ игралъ мнѣ башкирскія мелодіи на гармоніи (она и сюда уже пробралась и даже далѣе, въ киргизской степи, можно встрѣтить ее); я записывалъ мелодіи, а затѣмъ повторялъ; сначала башкиръ выказалъ неопредѣленное отношеніе, а затѣмъ, вслушавшись, выразилъ полное удовольствіе по поводу точности записи (см. мел. №№ 38, 84 и 146).

Кочевка деревни Иткуловой I.

Изъ Иткуловой I-ой мы отправились въ кочевку этой деревни верстахъ въ 12, такъ какъ главное пребываніе Башкиры имѣли тамъ, а молодой Юлуевъ хотѣлъ угостить насъ. Во время переѣзды Юлуевъ говорилъ о нравахъ Башкиръ, о сочиненіяхъ по исторіи этого племени и съ нѣкото-

Digitized by Google

рыми изъ послѣднихъ былъ знакомъ. Упоминалъ и о своихъ статьяхъ; одна изъ нихъ, оттискъ которой онъ далъ намъ, подъ заглавіемъ: «Къ этнографіи Башкиръ (свадебные обряды въ Орскомъ уѣздѣ Оренбургской губ.) напечатана въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1892 г., №№ 2—3, и подписана: Батыръ-гарей Мухамедовъ Юлуевъ. Какъ истый башкиръ, онъ сопровождалъ насъ верхомъ, но охотно предоставлялъ ѣхать на его лошади, а самъ садился въ нашъ экипажъ.

Кочевка была расположена въ довольно ровной, почти степной мѣстности; высокихъ горныхъ точекъ не встрѣчалось. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ кочевки подъ откосомъ струилась рѣчка.

Вдали виднѣлись, особенно вдоль рѣчки, другія кочевки, такъ что мѣстность не выглядывала пустынной и не лишена была нѣкоторой картинности.

Пріѣзжаемъ, знакомимся. Юлуевъ въ достаточной степени разъяснилъ Башкирамъ, кто мы такіе, и Башкиры приняли насъ учтиво — степенно, пригласили въ кошъ, который чисто убрали, и начали, конечно, угощать кумысомъ.

Башкиры любопытно посматривали на насъ и ихъ интересу къ тому, кто мы и гдѣ путешествовали, съ большой охотой удовлетворялъ нашъ кучеръ Кирамка, который, сидя сбоку собранія, явился словоохотливымъ ораторомъ и центральнымъ лицомъ, къ которому устремлены были взоры присутствовавшихъ.

Во время его повѣствованія неизмѣнно слышались фразы: Темясова, ялля (затѣмъ) Мендегуловъ, ялля Масимъ, ялля Мендегуловъ, ялля Кананикольскій, ялля Юлукъ, ялля Иткулова: это онъ перечислялъ пункты, черезъ которые мы проѣзжали, обозначалъ нашъ путь. Башкиры слушали и восклицали: хай, хай, — имъ казалось очень далекимъ разстояніе, которое мы проѣхали.

Затѣмъ Кирамка сообщилъ и дальнѣйшій нашъ путь, при чемъ слушатели, кажется, любопытствовали о цѣнѣ, за какую онъ былъ нанятъ нами и, можетъ быть, говорили, что дешево взялъ онъ, если судить по поведенію Кирамки въ дальнѣйшемъ пути.

Не разъ и послѣ того, на другихъ остановкахъ, Кирамка являлся въ этомъ родѣ героемъ и предметомъ общаго вниманія: его добродушное, недалекое лицо самодовольно при этомъ улыбалось, и небольшіе смирные его глазки не спѣша осматривали собраніе, послѣ чего начиналось повѣствованіе съ неизмѣннымъ повтореніемъ: ялля Мендегуловъ, ялля Масимъ и т. д.

Во время нашей степенной бесѣды и угощенія кумысомъ послышался издали, со степи, звонъ колокольчика, который все болѣе приближался и наконецъ, звонко прогремѣвъ вблизи кочевки, умолкъ: около кошей остано-

Digitized by Google

вился экипажъ; Башкиры одинъ за другимъ начали выходить наружу и тараторить между собою, а спустя немного нѣкоторые изъ нихъ возвратились и сообщили, что это остановился мировой судья ихъ участка на возвратномъ пути съ пріиска Горяевыхъ, гдѣ онъ производилъ судъ, и что онъ желаетъ видѣться со мною. Наше свиданіе состоялось: видъ чиновничей фуражки съ кокардой, человѣка, принадлежащаго къ верхнему, интеллигентному слою нашего общества, разговоръ съ нимъ разомъ какъ-бы возстановили порванную нами связь со всѣмъ остальнымъ міромъ среди этой глухой, первобычной Башкиріи, гдѣ мы должны были разстаться со всѣмъ, къ чему привыкли въ ежедневной жизни; — и вотъ этотъ интеллигентный человѣкъ, разговоръ съ нимъ внесли въ обстановку кошей и кочевокъ струю чего-то прежняго, полузабытаго, струю изъ нашей оставленной жизни; и было какъ-то странно чувствовать это среди горъ Башкиріи, и вмѣстѣ пріятно.

Но колокольчикъ опять зазвенѣлъ, экипажъ удалился, и вновь захлопнулась дверь въ оставшійся гдѣ-то далеко міръ нашей культуры, міръ Европы и ея идей.

Ночная пирушка.

Это было 13-го Іюля вечеромъ; насъ пригласили въ кошъ самаго состоятельнаго башкира кочевки; кошъ былъ чисто прибранъ, и въ немъ уже сидѣли участники предстоявшаго пиршества: хозяева, Башкиры-сосѣди, музыканты-курайсы (игроки на кураяхъ) и Юлуевъ съ гармоніей. Посрединѣ стоялъ деревянный сосудъ, похожій на миску, такъ называемый чапанъ, съ кумысомъ, одинъ изъ Башкиръ сидѣлъ около, мѣшалъ кумысъ и разливалъ его по чашкамъ для присутствовавшихъ; нѣсколько поодаль, около стѣнки коша, стояло нѣсколько боченковъ кумыса, которые предстояло распить въ эту ночь. Башкиры готовили пиршество, хотѣли угостить на славу пріѣзжихъ гостей. Мы, какъ гости, сѣли у стѣны противъ входа, посрединѣ собранія.

Послѣ привѣтствій подали первыя чашки съ кумысомъ и начались разговоры. Башкиры съ любопытствомъ и предупредительностью смотрѣли на насъ и разспрашивали о поѣздкѣ; лица ихъ улыбались и сіяли желаніемъ угодить намъ.

Digitized by Google

БАХТІАРЪ.

(№ 108).

Раздались первые звуки курая, послышались хотя тихія, но увѣренныя, почти могущественныя въ своей увѣренности, полныя силы и красоты мелодіи: это заигралъ одинъ изъ самыхъ первыхъ игроковъ на кураѣ въ той мѣстности — Бахтіаръ; онъ былъ довольно высокаго роста, съ осмысленнымъ выраженіемъ лица, нѣсколько сосредоточенъ, и тотъ-же самый оттѣнокъ энергіи и могучести, который звучалъ въ его мелодіяхъ, лежалъ и на его фигурѣ.

Присутствовавшіе умолкали и прислушивались къ его тихой, но и не чуждой величественности игрѣ.

Когда я тогда-же набросалъ въ свои тетради нѣкоторыя изъ его мелодій и повторялъ ихъ самъ, лица Башкиръ озарялись самодовольствомъ и поощрительнымъ смѣхомъ.

Разговоръ дѣлался громкимъ. Лица оживлялись. Звуки курая иногда пропадали. Но кто-нибудь возстановлялъ тишину и всѣ снова прислушивались къ мечтательнымъ, поэтичнымъ мелодіямъ Бахтіара, который между тѣмъ нисколько не смущался шумнымъ разговоромъ и въ самый разгаръ послѣдняго преспокойно, какъ-бы всецѣло занятый самъ собою, продолжалъ наигрывать на кураѣ, довольствуясь, что по крайней мѣрѣ самъ чувствуетъ, что́ играетъ.

Чашки съ кумысомъ тѣмъ временемъ осушались безъ остановокъ. Уже наступила темнота; появилось освѣщеніе — стеариновая свѣча (кажется, изъ нашихъ запасовъ).

Поданъ былъ второй боченокъ съ кумысомъ; веселость и оживленіе увеличивалось: кумысъ дѣлалъ свое дѣло, веселилъ сердца; лица присутствовавшихъ принимали красноватый оттѣнокъ; разговоръ становился все громче и разбился на нѣсколько теченій: уже возвышались отдѣльные голоса; Юлуевъ (башкиръ-писатель) съ жаромъ игралъ на гармоніи; на дудочника Бахтіара никто не обращалъ вниманія, звуки его курая совсѣмъ стушевались и были заглушаемы громкимъ говоромъ и кричащими, рѣзкими, почти наглыми по тембру звуками гармоніи; но все ато нисколько не служило для игрока побужденіемъ бросить игру: онъ, кажется, съ еще большимъ стараніемъ, важною сосредоточенностью игралъ на кураѣ, который рѣшительно не былъ слышенъ..... Но вотъ прикатили третій боченокъ съ кумысомъ. Къ шуму разговора и игрѣ на гармоніи прибавилось еще пѣніе:

Digitized by Google

Башкиры пѣли пѣсни свои съ сопровожденіемъ гармоніи сначала сдержанно, а потомъ все болѣе развязно.

Недолго пришлось набрасывать нѣкоторыя изъ мелодій, которыя слышались здѣсь: вскорѣ я увидѣлъ, что записывать совсѣмъ было неудобно,— и не къ мѣсту, и не ко времени.

Угощали усердно и много; я наконецъ почувствовалъ испугъ, какъ это можно продолжать далѣе пить кумысъ, приподнялся, не смотря на упрашиваніе выпить еще кумыса, и вышелъ; за мной съ пѣніемъ послѣдовали Башкиры.

Была тихая, темная іюльская ночь; надъ нею во всей своей необозримости царилъ небосклонъ, а на немъ сіяли крупныя, ясныя звѣзды и иныя изъ нихъ колебались; на землю падалъ еле примѣтный свѣтъ ихъ, а воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, и грудь легко, свободно дышала, и радостно было дышать.

Башкиры разсыпались въ темнотѣ парами, тройками; среди ночного приволья слышалось пѣніе, звучала гармонія, а группы пѣвцовъ пропали въ темнотѣ, точно погрузились въ пучины мрака.

Пѣли между прочимъ любимую, очень распространенную среди Башкиръ и вообще пріуральскихъ мусульманъ пѣсню «Гизнäкäй» (Зять, см. пѣсни №№ 50 и 191), дышащую удалью, веселостью.

Черезъ нѣсколько времени всѣ снова собрались въ кошъ, сѣли вокругъ кумыса и опять начали пить и пѣть..... Лица разгорались, голоса возвышались, умиленіе нисходило въ сердца Башкиръ. Вновь я почувствовалъ испугъ отъ ихъ усердія угощать...

Всюду одинакова природа человѣка, всюду ищетъ она временами выхода, простора, гдѣ могла бы развернуться во всю ширь, сказаться всѣмъ тѣмъ беззавѣтнымъ, искреннимъ, что́ накопляется въ душѣ, или могла бы стряхнуть ежедневную тяготу и скуку жизни и, стряхнувшись, освѣжиться.

Такъ и Башкиры дали волю, просторъ своей природѣ и развернулись во всю и забыли все: и себя, и женъ своихъ, и дѣтей, которыя кстати тутъ же, въ кошѣ, за занавѣской спали.

Шумъ и возгласы раздавались все громче, пѣвцы уже перестали прислушиваться другъ къ другу и голоса начали замѣтно расходиться: каждый пѣлъ, что́ нравилось ему; среди пѣнія по прежнему не терялась гармонія, но на ней Юлуевъ ни къ кому не подлаживался, а велъ также свою линію. Получился концертъ, который могъ-бы смутить въ другое время самихъ участниковъ, но въ этотъ разъ не разстраивался, а обѣщалъ неопредѣленно долго продолжаться... Началась пляска; въ серединѣ собранія появился маленькій ловкій башкиренокъ и съ особымъ мастерствомъ исполнялъ мимическіе танцы: то онъ смѣшилъ собраніе изображеніемъ,

Digitized by Google

какъ ковыляетъ и сердится на насмѣшки хромая старуха, то представлялъ, какъ куютъ и стучатъ молотами кузнецы, то выдѣлывалъ разныя другія замысловатыя, бойкія движенія. Вниманіе присутствовавшихъ было все цѣло поглощено созерцаніе плясокъ, и искусный плясунъ башкиренокъ былъ награждаемъ дружными возгласами одобренія и восхищенія... Вновь участники пирушки вышли изъ коша, въ которомъ становилось душно, за ними и я и разсыпались въ темнотѣ вокругъ кошей. Было около полуночи, на небѣ созвѣздія перемѣстились между собою, на горизонтѣ гдѣ-то около востока брезжило что-то, точно зародышъ, изъ котораго пышно разовьется дневное свѣтило..... Изъ темноты около кошей доносились поющіе голоса или ликующіе и дикіе возгласы, а иногда и хохотъ, и свистъ... Былъ самый разгаръ пирушки.

Погулявъ среди прохлады и свѣжести ночи, пирующіе опять возвратились въ кошъ, и пачалось третье отдѣленіе пирушки: принялись за новый боченокъ съ кумысомъ, угощали меня, угощались и сами, лица были красныя, глаза умиленные, нѣкоторые сидѣли, обнявшись другъ съ другомъ, и умолкали; пѣніе, кто какъ умѣлъ, продолжалось, но не съ той энергіей, какъ незадолго передъ тѣмъ; не переставала звучать гармонія Юлуева, но дудочники (курайсы) уже давно стушевались и бездѣйствовали: иные изъ нихъ сидѣли съ отяжелѣвшими глазами, другіе даже заснули.— Пирушка видимо приходила къ концу: дальше пить, кажется, никто уже не могъ, свѣча догорала, чувствовалось, что было за полночь, кто-то поднялся, чтобы идти, подалъ примѣръ другимъ, и Башкиры шумной толпой встали, разбудили заснувшихъ и начали выходить. Пирушка кончилась, хозяинъ прибиралъ боченки, перемѣстилъ догоравшую свѣчку и прощался со всѣми: лицо его не сіяло какъ раньше, усталость лежала на немъ. Уже брезжилъ разсвѣтъ, кругомъ на всемъ лежала точно какая-то бѣлизна, вѣяла живительная утренняя прохлада, когда мы расходились по кошамъ...

Поздно, не ранѣе 8—9 часовъ, проснулись мы послѣ пирушки утромъ 14-го Іюля; хозяева подавали намъ умыться на открытомъ воздухѣ; солнце сіяло, было тепло; хорошо чувствовалось послѣ крѣпкаго сна; подали самоваръ; тогда вспомнили, что наши запасы хлѣба истощились: что дѣлать? пустой чай пить было непривычно; хозяева нашлись по своему: они подали чашку варенаго мяса, приготовленнаго съ утра, и мы пили чай съ мясомъ, т. е. сначала ѣли мясо, а потомъ запивали чаемъ; въ первый разъ приходилось чайничать съ такими добавленіями, надобно было довольствоваться и ими.

Въ теченіе дня Башкиры выглядывали послѣ вчерашней пирушки какими-то вялыми, сонными: они сидѣли по кошамъ, имѣли хмурыя лица и мало разговаривали, пирушка въ такихъ размѣрахъ и для нихъ не была дѣломъ обычнымъ.

Digitized by Google

Кокетство башкирки.

Послѣ обѣда Башкиры вышли изъ коша, гдѣ мы остановились, выходилъ и я, но черезъ нѣсколько времени возвратился за чѣмъ-то обратно; Башкирки убирали посуду послѣ обѣда, при чемъ занавѣски ихъ отдѣленія были отдернуты. Когда я искалъ какую-то вещь, одна башкирка, кажется, старшая жена хозяина, уже не первой молодости, но и не пожилая, некрасивая, но ничего отталкивающаго и безобразнаго не имѣвшая, съ бойкими, смѣющимися глазами, стала, нѣсколько спрятавшись за занавѣску, махать мнѣ рукой и гримасничать, при чемъ лицо ея не имѣло обычнаго покрывала. Эти жесты невольно остановили мое вниманіе: смотрю, башкирка, еще болѣе дѣлая смѣющіяся гримасы, показываетъ рукою на меня и мое лицо и говоритъ: «якшы» (хорошъ). Надо сказать, что у Башкиръ и многихъ другихъ инородцевъ съ представленіемъ о русскомъ связано представленіе о чемъ-то лучшемъ, болѣе красивомъ, и не разъ приходилось слышать отъ Башкиръ такія фразы: «она красива какъ русская», которыя они говорили въ похвалу своимъ красавицамъ.

Сказала и мнѣ похвалу башкирка, а потомъ сконфузилась и спряталась за занавѣску, точно испугавшись, что ее увидитъ кто-нибудь изъ Башкиръ; черезъ минуту она вновь выглянула и лукаво мигала и улыбалась мнѣ: видно было, что она рада пококетничать, воспользовавшись обстоятельствами и давъ свободу своей всегда сдавливаемой мусульманскими предразсудками природѣ. Дѣйствительно, женщины у мусульманъ, постоянно удаленныя отъ общенія съ людьми и жизнью, всюду сильно расположены къ кокетству и т. п. передъ иностранцами и чужими людьми тайно отъ мужей и наблюдающихъ за ними.

Кокетничала и башкирка: глаза ея смѣялись, руки жестикулировали и показывали на хозяйственныя принадлежности, — эта башкирка угощала меня тѣмъ, что у нея было въ запасѣ: кипяченными сливками, башкирскимъ сыромъ (крутъ) и т. п. Пообѣдавъ недавно, я отказывался, а башкирка все угощала, и глаза ея продолжали смѣяться, а на лицѣ бѣгали забавныя гримасы; думалъ я себѣ, что дальше будетъ; но въ это время послышались снаружи приближавшіеся мужскіе шаги, и башкирка быстро задернула занавѣску и скрылась; все вошло въ обычный порядокъ, какъ будто ничего не было. Такъ кончилось кокетство башкирки.

Digitized by Google

НИЩІЕ.

Жилъ въ кочевкѣ молодой слѣпой башкиръ и побирался подаяніями около состоятельныхъ. Жаль было на него смотрѣть, мы интересовались имъ, и онъ самъ запѣлъ пѣсню, которую я записалъ незадолго до отъѣзда (см. № 177); выраженіе лица его было, какъ вообще у слѣпыхъ, сосредоточенное, какъ бы застывшее. На другой день онъ хотѣлъ идти въ другую сосѣднюю кочевку, гдѣ его также накормятъ. Таково положеніе нищихъ среди Башкиръ: хлѣбомъ они не собираютъ, потому что нѣтъ хлѣба у Башкиръ. Хотя положеніе нищихъ среди этого народа менѣе обостреннос, чѣмъ у культурныхъ народовъ, но число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, видимо народъ бѣднѣетъ.

Намъ говорили, что большія собранія Башкиръ-кочевниковъ встрѣтятся по другую сторону хребта Ирендыкъ у озера Кылтыбанъ, и дальнѣйшій нашъ путь поэтому получилъ направленіе къ пріиску Горяевыхъ, лежащему у этого хребта.

Юлуевъ уѣхалъ обратно послѣ обѣда въ Иткулову къ отцу; мы также черезъ нѣсколько времени выѣхали по направленію къ уже знакомому намъ пріиску Горяевыхъ, до котораго было не болѣе 15 верстъ, наградивъ предварительно почти всѣхъ хозяевъ за вчерашнее пиршество; Башкиры очень были рады и весьма благодарили.

Это было подъ вечеръ; солнце начало склоняться къ горизонту; когда нашъ экипажъ поровнялся съ сосѣдней кочевкой, на дорогу подбѣжалъ дудочникъ Бахтіаръ и вызывался вслѣдъ за нами прибыть на пріискъ Горяевыхъ, чтобы играть для меня пѣсни; но вскорѣ раздумалъ: далеко ли ему показалось ѣхать, или не имѣлъ онъ лошади, не знаю; ѣхали мы по холмистой мѣстности, дорога перебѣгала съ холма на холмъ; кругомъ не было ни деревца, солнце уже склонилось къ закату, и наступали сумерки; безлюдье царило кругомъ такое-же, какъ и въ предшествовавшіе дни нашего путешествія.

Сначала какъ-то само собою пѣлось, вспоминались слышанныя пѣсни, пѣлъ и Кирамка, но онъ усвоилъ твердо одну только пѣсню, слышанную нами на горѣ Масимъ: «Масим лягна ташы» (см. стр. 177), которую и пѣлъ неизмѣнно въ разныхъ случаяхъ: во время пути или гдѣ-нибудь въ

Digitized by Google

кочевкахъ. Но потомъ, вѣроятно, наступившіе сумерки заставили насъ погрузиться въ молчаніе.

На пріискѣ Горяевыхъ вторично.

На пріискъ пріѣхали мы, когда едва вырисовывались силуэты пріисковыхъ зданій, высокой трубы и характерныхъ насыпей отъ промытаго песку; тихо было на пріискѣ, и все спало кругомъ; хозяевъ будить не хотѣлось, и мы подъѣхали къ школѣ, въ которой и далъ намъ пріютъ учитель; не смотря на позднее время, для меня пригласили башкира-пѣсельника послѣ окончанія работъ на пріискѣ. Это былъ уже знакомый пѣсельникъ Абдрахимъ Даулятовъ, который пѣлъ пѣсни въ первый нашъ пріѣздъ на пріискъ (см. стр. 224).

Онъ предствавлялъ изъ себя самаго сѣраго башкира, малосмыслящаго, угнетеннаго нуждой и мучающагося на пріисковыхъ работахъ. И теперь онъ пришелъ ко мнѣ въ школьную комнату, въ открытое окно которой смотрѣлось темная, тихая іюльская ночь, — усталый, изнуренный, широко зѣвая и часто почесываясь. Мы были вдвоемъ, и никто не слушалъ, какъ онъ пѣлъ пѣсни (см. №№ 168 и 170) сквозь свою усталость, какъ его теноръ звучалъ сначала довольно сильно, а затѣмъ становился все болѣе вялымъ, и наконецъ, какъ башкиръ, зѣвнувъ особенно сильно, съ слипшимися почти глазами, сказалъ мнѣ: «пускай меня, завтра утра — пора бульно рано на работу гуляйтъ надо, спайтъ охота». Вижу: башкиръ дѣйствительно не глядитъ почти, клюетъ носомъ и покачивается, пѣть давно пересталъ, и я простился съ нимъ.

Башкиры-рабочіе уже далеко не то, что Башкиры-кочевники; давленіе нужды, невольной работы кладетъ на первыхъ тотъ отпечатокъ забитости, скованности, какого не имѣютъ послѣдніе; башкиръ-кочевникъ глядитъ и дышетъ какъ-то свободно, привольно, какъ привольны тотъ воздухъ и обстановка, хотя и бѣдныя, среди которыхъ они живутъ. Еще плачевнѣе положеніе Башкиръ-рабочихъ въ мѣстахъ химическаго добыванія золота, какъ это мы видѣли на фабрикѣ химической обработки золота графа Роттермонда въ пяти верстахъ отъ пріиска Горяевыхъ: сложное устройство со множествомъ печей въ нѣсколько этажей, горячій воздухъ, скопленіе массы вреднихъ газовъ отъ химическихъ процессовъ губительно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ-Башкиръ, вообще не отличающихся крѣпкой организаціей, — и лица ихъ блѣдны, и ходятъ они сами какъ тѣни, даже одежда не выдерживаетъ разрушающаго дѣйствія газовъ и разваливается какъ ветошь; мы сами въ короткое пребываніе испытали на себѣ удушливость

Digitized by Google

атмосферы фабрики, среди которой господствовалъ запахъ хлора, весьма ядовитаго газа. Слѣдуетъ обращать особенное вниманіе горной администраціи на устройство и состояніе фабрикъ химическаго добыванія золота: къ нимъ должны быть предъявляемы самыя строгія и настоятельныя требованія гигіены.

Слѣдующій день, 15-го Іюля, оставались на пріискѣ на семейномъ праздникѣ хозяевъ. Радушіе, интеллигентность и деликатное вниманіе послѣднихъ къ гостямъ сказались въ этотъ разъ не менѣе, чѣмъ въ первый нашъ пріѣздъ. Пріискъ Горяевыхъ является для путешествующихъ въ этихъ мѣстахъ дѣйствительно отраднымъ оазисомъ въ разныхъ отношеніяхъ, и прежде всего въ нравственномъ, что́ мы увидѣли особенно послѣ того, когда побывали на пріискахъ татарина Рамеева, когда казалось, что попали въ блаженной памяти Золотую Орду.

16-го Іюля, довольно рано, простившись съ хозяевами еще наканунѣ, мы выѣхали, пересѣкая хребетъ Ирендыкъ, на западныхъ склонахъ котораго лежитъ пріискъ, — къ озеру Кылтыбанъ. Солнце ярко свѣтило, было чудное, свѣжее іюльское утро, когда наши лошади бойко взбирались на высоты Ирендыка, которыя вблизи оказывались больше холмами; послѣднія были совсѣмъ лишены растительности, уничтоженной ненасытными огнями сосѣднихъ пріисковъ: еще многіе на пріискѣ Горяевыхъ помнятъ, какъ менѣе, чѣмъ лѣтъ пять назадъ вблизи него красовалась березовая роща, а вотъ однажды Башкиры-собственники задумали превратить ее въ полѣницы дровъ для продажи на пріискѣ, и въ одно прекрасное утро рощи не стало: она была послѣдняя представительница растительнаго царства въ этихъ мѣстахъ.

Около пріиска образовалось поселеніе изъ рабочаго населенія, преимущественно Башкиръ. Поровнявшись съ лавочкой, мы были восхищены вывѣской, написанной съ удивительной орѳографіей: «Торговля бакалѣимъ, глатирѣимъ, чаимъ, сахарымъ и прочіимъ таварымъ».

Хребетъ Ирендыкъ. Озеро Кылтыбанъ.

Дорога все поднималась въ гору, на встрѣчу намъ бѣжали холмы и холмы, то большіе, то маленькіе; наконецъ мы достигли точки, съ которой дорога стала склоняться, ѣзда наша сдѣлалась быстрѣе, и къ обѣденному времени мы спустились съ высотъ Ирендыка въ широкое степное пространство: мы пересѣкли поперекъ хребетъ Ирендыкъ и почти выѣхали изъ сферы Уральскихъ горъ, — дальше на востокъ виднѣлись развѣ небольшіе холмы, за которыми текла рѣка Уралъ. Вскорѣ блеспуло широкое водное пространство — озеро Кылтыбанъ почти круглыхъ очертаній.

Digitized by Google

Вопреки ожиданій, вокругъ озера не оказалось изобилія кочевокъ, встрѣтились лишь только двѣ-три кочевки на довольно высокомъ берегу озера, съ котораго открывался широкій видъ. Насъ пригласили въ кошъ и угощали, а Кирамка началъ повѣствованіе о путешествіи въ той-же стереотипной формѣ, только къ прежнимъ перечисленіямъ мѣстъ, гдѣ мы были, «ялля Масимъ, ялля Кананикольскій, ялля Юлукъ»... онъ добавилъ новыя названія: «ялля Иткуловъ, ялля Горяевъ, ялля Кылтыбанъ»; разсказывалъ онъ съ прежнимъ простоватымъ добродушіемъ, а Башкиры, по обыкновенію, издавали возгласы и аханья и поглядывали на насъ, а затѣмъ повидимому обсуждали вопросъ о размѣрахъ вознагражденія, за которое Кирамка возилъ насъ. Послѣ угощенія рыбой (окунями) изъ озера, которой, кстати сказать, Башкиры и вообще инородцы почти не пользуются, насъ повезли изъ кочевки, въ которой пѣвцовъ не оказалось, вглубь степи къ одному пѣсельнику, бывшему на покосѣ. Былъ жаркій день, зной усиливался благодаря открытому степенному пространству и довольно сильному вѣтру.

Мы рады были, что пріѣхали къ одному кошу и могли укрыться въ немъ отъ зноя; здѣсь было мѣсто кочевки деревни Старой Сибаевой, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ.

Зной, и степное однообразіе, и этотъ одинокій кошъ, и его сдержанный хозяинъ, и бѣдность жившая здѣсь, не могли настроить насъ на пріятный ладъ; въ добавокъ къ этому мы ошиблись въ расчетахъ и около озера Кылтыбанъ не нашли башкирскихъ кочевокъ, если не считать одной-двухъ, встрѣченныхъ нами.

Пѣвецъ-хозяинъ, высокій, сухой и расчетливый башкиръ, — довольно рѣдкій типъ среди этого народа, — сообщилъ мнѣ нѣсколько пѣсенъ и одну мелодію (см. № 175), а затѣмъ объявилъ, что у него дѣло есть, что пѣть ему некогда, и далъ понять, что не задерживаетъ насъ у себя; въ добавокъ онъ выразилъ неудовольствіе по поводу суммы, какую я далъ ему за пѣніе, и получилъ въ концѣ концовъ сумму, болѣе значительную, чѣмъ завзятые пѣвцы и игроки, встрѣчавшіеся мнѣ раньше.

Ни малѣйшаго сожалѣнія не испытывали мы, покидая эти однообразныя степныя мѣста, эту негостепріимную кочевку и ея непривѣтливаго хозяина.

Въ одномъ мѣстѣ, среди высокой степной травы, мы встрѣтили ручей съ прозрачной, холодной водой, протекавшій узкой, глубокой лентой, и рады были встрѣтить его въ этотъ знойный день.

Тишина, пустынность и непріютность по прежнему царили кругомъ, когда мы выбирались изъ степныхъ пространствъ обратно въ область горъ по направленію къ деревнѣ Старая Сибаева.

День склонялся къ вечеру, было почти пасмурно, мы поднялись опять

Digitized by Google

на высоты Ирендыка, проѣхали бѣдную, почти пустую деревню Старую Сибаеву, съ которой народная пѣсня связываетъ имя сотника Абдрахмана Биктимирова, любителя народной поэзіи, пѣсельниковъ и музыкантовъ; онъ въ добавокъ сочинилъ даже собственную пѣсню, имѣя въ виду сохранить свое имя въ потомствѣ (см. стр. 169). Не смотря на то, что въ Сибаевой жилъ такой поэтическій человѣкъ, въ самой деревнѣ не было ничего поэтическаго, она только немного оживила однообразный тонъ пустынныхъ, молчаливыхъ, безлѣсныхъ и скучныхъ въ этотъ хмурый вечеръ горъ.

Дорога извивалась среди горъ. Мы имѣли въ виду побывать еще на двухъ пріискахъ этой мѣстности, пріискахъ татарина Рамеева, о которыхъ наслышались раньше и гдѣ ожидали встрѣтить побольше Башкиръ. Дѣйствительно, вечеромъ, почти ночью этого дня (16-го Іюля) мы пріѣхали на такъ наз. Гадильшинскій пріискъ Рамеева, уединенно ютившійся среди горъ и скрывавшій въ себѣ совершенно особенный міръ, — міръ замкнутой, полувраждебной татарщины.

Татарскій пріискъ.

Пріискъ открылся передъ глазами лишь тогда, когда мы пріѣхали къ нему вплотную: его немалочисленныя постройки терялись среди горъ, и онъ не имѣлъ вида со стороны, откуда мы пріѣхали. Постройки были новыя, исправныя, видно, что пріискъ устроенъ недавно.

Прежде всего мы познакомились съ русскимъ, занимавшимъ какую-то небольшую должность на пріискѣ; это былъ скромный, услужливый, почти смиренный человѣкъ среднихъ лѣтъ; бросалась въ глаза такая смиренность у русскаго, въ то время, какъ Русскіе здѣсь всюду чувствуютъ себя господами и выглядятъ такъ свободно, открыто, смѣло; этотъ русскій былъ въ услуженіи на татарскомъ пріискѣ и отсюда, какъ объяснилось послѣ, и вытекало его смиреніе.

Разобравшись съ вещами, я познакомился съ управляющимъ-татариномъ; меня приняли въ главномъ, довольно большомъ домѣ, внутреннее расположеніе котораго было въ странномъ, далекомъ до удобствъ, чисто-татарскомъ вкусѣ. Первое, что̀ почувствовалось въ пріемѣ, это — холодность, почти не имѣвшая даже внѣшней привѣтливости; управляющій встрѣтилъ меня холодными, безучастными, почти недружелюбными глазами, которые говорили: «ты по себѣ и мы по себѣ, мы здѣсь хозяева съ толстымъ карманомъ, намъ тебя и знать очень не надо»; если къ этой холодности прибавить чуждую, неуютную для русскаго обстановку татарскаго міра, то станетъ понятнымъ, какъ тягостенъ и какъ обиденъ для русскаго

Digitized by Google

былъ безстрастный, полупренебрежительный вопросъ нетрогавшагося съ мѣста татарина-управляющаго: «Кто вы? зачѣмъ пріѣхали сюда»? Негодованіе готово было вырваться горячими потоками, но самое лучшее было — сдержать его.

Татары, пріобрѣтая благодаря капиталу независимость, свили себѣ гнѣздо и тотчасъ же показали, насколько они чужды, преднамѣренно чужды русскому міру и какъ эта отчужденность постоянно живетъ у нихъ въ душѣ.

Я объяснилъ, на сколько можно популярнѣе, цѣль своего пріѣзда, показалъ бумагу отъ Географическаго Общества, но мои объясненія и этотъ документъ особаго дѣйствія на самодовольнаго татарина не произвели, онъ по прежнему смотрѣлъ безучастными и мало-что понявшими изъ того, что́ я говорилъ, глазами, — онъ предложилъ только сѣсть и чашку чаю.

Затягивать визитъ татарину не хотѣлось; уходя, я заявилъ, что остаюсь на пріискѣ переночевать; намъ предоставили помѣщеніе въ конторѣ пріиска, новомъ, свободномъ зданіи.

Служащіе и работники были все Татары, услуживали намъ также Татары, и если бы не портретъ Государя въ конторѣ, все могло бы заставить насъ вообразить себя попавшимъ въ независимый и далеко не дружелюбный татарскій міръ, подъ его безучастную и немилосердную власть. Не особенно пріятно чувствовалось; впечатлѣніе нѣсколько смягчилось знакомъ вниманія со стороны управляющаго, который прислалъ намъ хорошаго кумыса.

Сумму непріятныхъ впечатлѣній увеличило поведеніе нашего кучера Кирамки, который, сбитый съ толку, вѣроятно, разговорами съ Башкирами и считавшій цѣну, какую взялъ съ насъ, низкою, по пріѣздѣ на пріискъ заупрямился, объявилъ, что дальше не повезетъ, и требовалъ уплаты денегъ. Онъ тѣмъ болѣе могъ расчитывать на успѣхъ, что пріискъ въ это время бездѣйствовалъ за неимѣніемъ золотоносной руды, и народу на немъ не оказалось, такъ что некому было бы вести насъ далѣе. Кирамка довольно развязно сѣлъ въ освободившійся экипажъ и уѣхалъ въ домики около пріиска, увѣренный, что мы въ его рукахъ. Но мнѣ оказалось полезнымъ въ данномъ случаѣ письменное условіе, которымъ я заручился въ волостномъ правленіи въ Темясовой, когда выѣзжали съ Кирамкой въ путь. Хотя это условіе юридической силы не имѣло, но показывая его на другой день утромъ Кирамкѣ послѣ напрасныхъ поисковъ вощиковъ и указывая на обязательства, какія онъ взялъ на себя по этому условію, я подѣйствовалъ на его упорство, и онъ считая себя въ нашихъ рукахъ, повезъ насъ далѣе. Управляющій пріискомъ особеннаго желанія посодѣйствовать намъ въ виду упрямства Кирамки не обнаружилъ.

Была темная, тихая и какая-то сосредоточенная ночь, когда мы оста-

Digitized by Google

вались на пріискѣ: нельзя было различить ни строеній, ни зданій; откуда-то издалека беззвучно блистала молнія и, озаривъ окрестности, погружала пріискъ въ еще болѣе непроницаемую тьму; въ оградѣ пріиска сердито лаяла собака, такъ что свободно ходить по пріиску было неудобно; люди всѣ укрылись въ своихъ жилищахъ; лишь кузница, въ которой производились работы, какъ бы дышала фантастическимъ огненнымъ дыханіемъ и одна точно не боялась сумрачной, готовой разразиться грозою, ночи. Но живителенъ былъ воздухъ этой ночи.

На другой день, яснымъ утромъ, уломавъ Кирамку, мы поспѣшили далѣе все въ сѣверномъ направленіи: ничто не побуждало насъ продлить пребываніе на этомъ татарскомъ пріискѣ, въ которомъ чувствовалось точно въ блаженномъ памяти Золотой Ордѣ, и Татары если не надмевались, то были бы не прочь надмеваться, если бы это имъ можно было. Легко воображались здѣсь униженіе, и муки, и позоръ, какіе переносили приснопамятные строители русской земли въ Золотой Ордѣ отъ «злыхъ татаровей», потомки которыхъ выглядывали «злыми», безучастными, и немилостивыми даже въ наше время, на этомъ Гадильшинскомъ пріискѣ.

Впрочемъ хозяинъ пріиска, Татаринъ Рамеевъ, извѣстенъ какъ паукъ орскаго уѣзда: засѣвая, напр., по 1000 дес. хлѣба ежегодно, онъ сдѣлалъ съ нимъ особенно выгодную аферу въ голодные 1891—92 г.г., когда онъ нарочно не продавалъ хлѣба несчастнымъ, умиравшимъ Башкирамъ до тѣхъ поръ, пока цѣна не поднялась до цыфры 2 р. 40 к. — 2 р. 60 к. пудъ, какъ это разсказывали и Башкиры, и Русскіе.

Мы спѣшили дальше, поскорѣе прочь отъ этого пріиска, на другой пріискъ, впрочемъ, того-же Рамеева, такъ наз. Султановскій, но здѣсь впечатлѣнія татарщины были смягчены радушнымъ пріемомъ русскаго управляющаго г-на Ларіонова.

Султановскій пріискъ.

По пріѣздѣ (17-го Іюля) познакомились съ пріискомъ: онъ былъ бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ Гадильшинскій, работалъ и очень не дурно; около былъ устроенъ большой прудъ. На пріискѣ жилъ одинъ изъ братьевъ Рамеевыхъ, но никому не показывался, будучи занятъ по цѣлымъ днямъ созерцаніемъ собственныхъ галлюцинацій: онъ былъ психически разстроенъ.

Г-нъ Ларіоновъ не только оказалъ намъ гостепріимство, но заявилъ себя большимъ хлѣбосоломъ. Своею общительностью и ласковостью онъ весьма скрашивалъ наше выжидательное положеніе относительно башкирскихъ пѣсельниковъ, которыхъ мы расчитывали наконецъ встрѣтить здѣсь,

Digitized by Google

между прочимъ Абрахмана Узенбаева, котораго еще въ дер. Темясовой рекомандовали моему особенному вниманію.

Но интересныхъ для меня Башкиръ не было на пріискѣ, всѣ разъѣхались на покосъ; г-нъ Ларіоновъ распорядился, чтобы отыскали и привезли на пріискъ Узенбаева. Мы ждемъ, а пѣсельниковъ все нѣтъ, пріѣзжаетъ посланный и сообщаетъ, что одни не ѣдутъ, другіе оказались не тамъ, также Абдрахманъ уѣхалъ куда-то въ другое мѣсто, но что онъ, посланный, наказалъ непремѣнно прислать на пріискъ Абдрахмана. Ждемъ, время идетъ, разговаривали много, даже перестали разговаривать, пообѣдали, познакомились со всѣмъ семействомъ г-на Ларіонова, а пѣвцовъ все нѣтъ. Отъ скуки стали разсматривать товары у кочующихъ торговцевъ, такъ наз. венгерцовъ, потомъ разузнавали, не поетъ ли кто-нибудь изъ пріисковыхъ людей: никого не оказалось, кто пѣлъ бы путно.

День сталъ уже склоняться къ вечеру, а Башкиръ все нѣтъ какъ нѣтъ. Терпѣніе истощилось; съ досадой думалось, неужели придется уѣхать и съ этого пріиска ни съ чѣмъ, тогда какъ въ Темясовой мнѣ говорили, что на немъ можно встрѣтить много Башкиръ-музыкантовъ. Но день оканчивался, пѣвцовъ все не было, поневолѣ приходилось убѣждаться въ такой перспективѣ, и оставалось сдѣлать одно распоряженіе — запрягать лошадей.

Радушные хозяева всей семьей провожали насъ съ пожеланіемъ благополучнаго пути; экипажъ нашъ тронулся и выѣзжалъ изъ воротъ пріиска, какъ въ послѣднихъ столкнулся съ нами тотъ, кого мы такъ долго и уже безъ надежды ожидали, — самъ Абдрахманъ Узенбаевъ, верхомъ на лошади.

АБДРАХМАНЪ УЗЕНБАЕВЪ.

(№№ 174, 178—183).

Мы немедленно возвратились назадъ, и въ конторѣ пріиска, при свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей, состоялся вечеръ съ Узенбаевымъ въ присутствіи многочисленныхъ слушателей изъ обитателей пріиска. Имъ въ первый разъ приходилось быть на такомъ вечерѣ, слушать такой концертъ.

Абдрахманъ Узенбаевъ былъ молодой, высокій, довольно стройный башкиръ изъ дер. Токтагуловой, 2-й бурзянской волости; онъ имѣлъ черные волосы, каріе, острые глаза и румяное лицо; не даромъ пользовался онъ славою замѣчательнаго пѣвца: при первыхъ же звукахъ можно было убѣдиться въ незаурядности его голоса,—у него былъ высокій, чистый, звучный и сильный теноръ; съ большимъ удовольствіемъ слушалось пѣніе этого прирожденнаго артиста. Самыя мелодіи оказывались у него разнообразны и мелодичны. Публика слушала, одобряла и все прибывала, вскорѣ напол-

Digitized by Google

нилась вся комната конторы, и вечеръ нашъ прошелъ оживленно и почти незамѣтно: нѣкоторые изъ присутствовавшихъ добровольно помогали мнѣ объясненіями, повтореніями или диктованіемъ словъ пѣсенъ. Было уже 11 ч. вечера. Радушный хозяинъ пригласилъ поужинать; нашъ вечеръ кончился, Абдрахманъ Узенбаевъ, получивъ вознагражденіе, въ ночь поѣхалъ домой; также въ ночь рѣшили и мы ѣхать.

Около 12 ч. подали лошадей. Насъ провожали люди и управляющій, пробовали уговорить остаться до утра, но не хотѣлось измѣнять намѣченнаго плана. Ночь была «темна-темнешенька»; сиротливо и какъ-то безпомощно колебалась одинокая свѣча въ рукахъ г-на Ларіонова среди подавляющей темноты ночи.

— «Благополучнаго пути», — дружно раздавалось вслѣдъ намъ, пока мы выбирались изъ ограды пріиска, и долго еще мерцала маленькой звѣздочкой, почти пропадая въ темнотѣ, свѣча въ рукахъ управляющаго, стоявшаго на крыльцѣ и усердно наставлявшаго насъ относительно дороги, пока мы не выѣхали еще за пріискъ. Звучно раздавался его голосъ въ ночномъ воздухѣ.

Въ результатѣ приходилось быть довольнымъ протекшимъ днемъ. Узенбаевъ былъ послѣдній пѣвецъ въ Башкиріи, отъ котораго я записывалъ пѣсни.

На обратномъ пути въ г. Верхнеуральскъ.

Мы направились въ дер. Абзелилову, — пунктъ, уже не новый для насъ, въ ней мы были въ началѣ путешествія: теперь, возвращаясь въ гор. Верхнеуральскъ, мы должны были отъ Абзелиловой ѣхать по тракту, такъ наз. Старо-Исетскому, уже разъ нами пройденному.

Какъ темна ночь! даже дороги не было видно, даже лошади шли неувѣренно, а между тѣмъ впереди, на третьей верстѣ, насъ ожидалъ сомнительный, поломавшійся мостъ, какъ предупреждали о томъ на пріискѣ; Кирамка уже соскочилъ съ козелъ и старательно, низко нагибаясь, искалъ дорожной колеи; съ трудомъ различивъ ее, онъ кряхтѣлъ, охалъ и прибавлялъ: «ай, ай, нусъ (ночь) темна».

Цѣлую, долгую, темную ночь, до самаго восхода солнца, и даже дальше совершали мы этотъ переѣздъ въ 45 верстъ до дер. Абзелиловой.

Въ началѣ Кирамка пѣлъ пѣсни, мы ему подпѣвали, разговаривали, проѣхали мостъ на третьей верстѣ; вдругъ заднее колесо засѣло на всемъ ходу въ рытвину, и лошади остановились; послышались оханья Кирамки мы вылѣзли изъ экипажа и помогали нашему вознице освободить колесо изъ рытвины. Лошади стояли и изрѣдка позвякивали колокольчиками.

Digitized by Google

Поѣхали дальше. Нѣсколько разъ засыпали и пробуждались подъ вліяніемъ прохлады предутренника или отъ какого-нибудь внушительнаго толчка.

Передъ глазами развертывался весь кругъ ночного движенія небеснаго свода: чѣмъ ближе къ разсвѣту, тѣмъ все новыя и новыя картины, небесныя свѣтила въ тихой, величественной гармоніи перемѣщались между собой. Какая чудная, неувядающая красота! глаза не могутъ устать, наслаждаясь ею; и какъ рѣдко видимъ мы эту красоту во всемъ ея теченіи.

Ночь приближалась къ разсвѣту; по сторонамъ тянулись гряды горъ и холмовъ, и силуеты ихъ причудливо, полутаинственно вырисовывались на фонѣ разгоравшейся зари и привлекали взоры своеобразной ночной красотой своей.

Ни рева звѣрей, ни крика птицъ не было слышно, кругомъ царила полная тишина, лишь нашъ колокольчикъ однозвучно и неумолкая раздавался среди горныхъ ночныхъ картинъ.

Сквозь полусонъ помнится, какъ проѣзжали какую-то деревню и какъ Кирамка долго стучался въ одну избу и озабоченно разспрашивалъ о дорогѣ. Выходившіе въ однихъ рубахахъ Башкиры чесались, зѣвали и махали руками, показывая дорогу. Потомъ опять длинная дорога и неожиданный сюрпризъ: лошади остановились среди поля и дальше ни шагу, — слабосильныя башкирскія лошади переутомились и обезсилѣли; оханьямъ, стонамъ, отчаянію Кирамки не было конца: «ай, Алла, што станешь дѣлать, Сѣргей Гаврились? лошадь не пойдетъ, ай, хай, вотъ бида; ай, Алла, Алла, что́ станешь дѣлать»? И онъ суетливо топтался около лошадей. Кирамка разпрягъ лошадей и пустилъ ихъ на траву; коренная недвижно и понуря стояла, не касаясь травы, и рѣдко и глубоко вздыхала; пристяжка, отдохнувъ немного, принялась ѣсть; Кирамка ходилъ около нихъ, ощупывалъ коренника, касался его ноздрей, засматривалъ въ зубы, трогалъ за ушами и плаксиво, надоѣдливо вздыхалъ и стоналъ: «ай, хай, Алла, вотъ бида, што станешь дѣлать, Сергѣй Гаврились? пигашка не ашайтъ (не ѣстъ)». Конечно, дѣлать было нечего, оставалось выжидать и лечь на подстилкахъ на травѣ; клонило ко сну, но докучливые возгласы Кирамки не давали покойно лежать. Оставалось, наконецъ, на него прикрикнуть; онъ нѣсколько притихъ, но среди начинавшейся дремоты опять слышался унылый, тревожный, хотя и сдавленный вздохъ: очевидно, Кирамка жалѣлъ лошадь, но предавался малодушному излишнему отчаянію.

Прошло больше часу; тревожная мысль, какъ доѣдемъ до Абзелиловой, не давала уснуть; Кирамка запрягъ пристяжку въ корень, а пѣгашку утомившуюся въ пристяжку, и лошади трусцой поплелись далѣе.

Опять дремалось; помнится сквозь дремоту, спрыснулъ насъ легкій

Digitized by Google

утренній дождь: въ небѣ среди горъ носилась довольно большая, но одинокая туча и сѣяла дождемъ; она была эффектно окрашена въ темно розовый цвѣтъ лучами уже взошедшаго, но скрывавшагося за грядою горъ солнца: мы были въ темнотѣ, а тамъ, наверху, лучи солнца играли и точно забавлялись чудными эффектами въ царствѣ тучъ, паровъ и дождя.

Вотъ уже утро, вотъ и солнце во всемъ своемъ царственномъ блескѣ, а деревня еще не показывалась; дорога казалась безконечной въ долинѣ вдоль горъ, къ тому же мы жестоко устали, лошади еле тащились.

Но наконецъ, около 7—8 часовъ, мы въ Абзелиловой, въ той же школѣ, какъ и въ первый нашъ пріѣздъ. Отдохнули, подкрѣпились, затѣмъ рѣшили вопросъ о лошадяхъ; лошади Кирамки, очевидно, не могли довести до города; были поданы почтовыя лошади.

Съ Кирамкой простились хорошо, — онъ смиренно, съ почти виноватымъ видомъ просилъ извинить его, что не довезъ до города, просилъ простить его за все, что́ случалось въ дорогѣ, глаза его смотрѣли такъ покорно, такъ жалобно, можетъ быть, въ нихъ сказывалась печаль о лошади, которая хотя нѣсколько отдохнула, но не ѣла нормально; мы позаботились добыть для нея овса.

Кирамка и другіе вышли провожать; взаимно просили не забывать другъ друга. Вотъ почтовыя лошади помчали насъ; послѣ ѣзды на обезсилѣвшихъ лошаденкахъ Кирамки быстрая ѣзда на сильныхъ, сытыхъ почтовыхъ лошадяхъ была очень пріятна, мы точно побѣдоносно неслись послѣ выдержаннаго сраженія, въ самомъ встрѣчномъ воздухѣ, обвѣвавшемъ насъ, казалось, было бо́льше энергіи, самыя картины горной Башкиріи точно освѣжились.

Было слегка пасмурно, но игра свѣта и тѣней въ лежавшемъ налѣво хребтѣ Кыркты не прекращалась.

Менѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ часа проѣхали мы разстояніе въ 30 верстъ до деревни Ташбулатовой, посѣтили шведовъ, поселившихся здѣсь съ земледѣльческими цѣлями, и въ тотъ же день (18-го іюля) къ вечеру пустились дальше: это былъ послѣдній переѣздъ до города Верхнеуральска (въ 45 верстъ).

Конецъ путешествія.

Конецъ путешествія по Башкиріи: какая радость! Вскорѣ мы будемъ тамъ, вскорѣ мы увидимъ то, съ чѣмъ, какъ русскіе, свыклись съ колыбели и съ чѣмъ разстались на время путешествія; башкирскія условія жизни уже порядочно прискучили, хотѣлось возвратиться къ своему, хотѣлось

Digitized by Google

видѣть своихъ; послѣ не малаго перерыва, съ освѣженными чувствами, какъ радостно ожидалось возвращеніе къ роднымъ порядкамъ! Къ тому же мы ѣхали не съ пустыми руками, такъ или иначе возвращались съ результатами: погрузившись въ невѣдомую, глухую, коренную Башкирію, мы извлекли изъ нея своеобразные перлы ея духовнаго творчества и теперь везли ихъ...

Ночь настигала насъ; она обѣщала быть не менѣе темною, чѣмъ предыдущая; накрапывалъ дождь и слегка смочилъ насъ: мы ѣхали въ открытомъ экипажѣ. Пока еще не совсѣмъ смерклось, можно было различать по правую сторону русло рѣки Урала, по лѣвую — все тѣже Кыркты; въ одномъ мѣстѣ проѣзжали мимо башкирской деревни; на фонѣ догоравшей зари, смотрѣвшей въ прогалину между горъ, отчетливо, рельефно вырисовывался слѣва отъ насъ силуетъ мечети съ минаретомъ и луной; почему-то особенно повѣяло отъ этого силуета букетомъ Азіи, чуждаго, нехристіанскаго, мусульманскаго міра, не лишеннаго прелести, какъ она выражается хотя бы въ этой мечети съ высокимъ минаретомъ и гордой луной въ небесахъ: этотъ міръ прикоснулся къ намъ какъ бы всей своей цѣлостью, ароматомъ перваго впечатлѣнія, всей своей загадочной очаровательностью и величавостью, въ которой не видны внутренніе недостатки, пятна и противорѣчія.

Мусульманская Азія смотрѣла на насъ лицомъ къ лицу; чувствовалось, что это самостоятельный и сильный міръ; велики его завоеванія и въ Башкиріи, не смотря на господство русской власти: намъ не встрѣчалось ни одной деревни башкирской, въ которой не было бы мечети, а слѣдовательно и школы; вся Башкирія усѣяна мечетями; это явленіе началось со второй половины XVIII ст. когда наше правительство не мало содѣйствовало усиленію магометанства, заводя школы, устроя я на государственный счетъ мечети и пр. Еще въ 1806 г. Преосвященный Августинъ, обозрѣвавшій Оренбургскую епархію, доносилъ оберъ-прокурору св. синода А. Н. Голицыну, что во всѣхъ уѣздахъ Оренбургской епархіи великое множество татарскихъ селеній съ мечетями и училищами (Е. Маловъ. О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи. Правосл. Собесѣдникъ 1868, кн. 1).

Въ русскихъ же селеніяхъ рѣдко встрѣчаются церкви.

Эта рисовавшаяся на фонѣ зари мечеть напоминала, что мы, Русскіе, въ мусульманствѣ здѣсь, какъ и всюду, имѣемъ сильнѣйшаго врага для нашихъ культурныхъ задачъ.

Много труда, много борьбы предстоитъ намъ хотя бы въ этой Башкиріи... Дикій край, непочатый край: его несмѣтныя природныя богатства ждутъ разумной и широкой разработки, защиты отъ хищниковъ, его первобытное населеніе, скованное исламомъ, ждетъ просвѣщенія, но какъ мало

Digitized by Google

здѣсь школъ! (впрочемъ невольно вырывается при этомъ другое восклицаніе: какъ мало всюду на Руси школъ!) Нужны дѣятели, сѣятели и пахари для этой первобытной страны, но какъ мало ихъ у насъ...

Вотъ мы ѣдемъ среди безконечно темной ночи и не знаемъ, по дорогѣ ли ѣдемъ или блуждаемъ по степи, такъ неопредѣленны наши дороги, такъ не опредѣлилась еще наша работа и наша борьба за культурные интересы въ этомъ краѣ.

Хотя мѣстность была открыта, но можно было рисковать попасть въ рытвины, скатиться съ косогора, заѣхать въ болото; чуть не сталкивались мы лошадьми и экипажами съ рѣдкими встрѣчными проѣзжими.

Но близокъ конецъ нашего путешествія, послѣдняя цѣль нашего странствованія — г. Верхнеуральскъ. Время приближалось къ полуночи; среди подавляющей темноты блеснули слѣва отъ насъ, — это въ 10 верстахъ отъ города, — какъ матовыя зеркала, два озера Большой и Малый Багадакъ; спустя немного, показались впереди огни, неопредѣленные, колеблющіеся, расплывавшіеся въ темнотѣ, какъ свѣченіе фосфора, огни города; мы улавливали ихъ взорами и не могли уловить и сказать, въ какой это части города горятъ они.

Вотъ наконецъ и городъ... Приходилось удивляться инстинкту лошадей, ни разу не сбившихся среди такой темной ночи.

Ѣдемъ широкими улицами, среди горящихъ изрѣдка фонарей, среди исправныхъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ: какъ мы успѣли отвыкнуть отъ подобныхъ зрѣлищъ, какъ пріятно очутиться опять въ мірѣ высшей культуры!.. Было уже около часа ночи на 19-е іюля, на улицахъ ни души, окна домовъ всюду закрыты ставнями.

Мы останавливаемся, осторожно стучимся, черезъ нѣсколько времени родной міръ раскрываетъ свои двери, и мы видимъ радостное, ликующее, дорогое лицо матери...

Въ августѣ совершили еще поѣздку къ Нагайбакамъ, крещенымъ татарамъ верхнеуральскаго уѣзда и въ одну кочевку Киргизъ; отчетъ объ этой поѣздкѣ сюда не входитъ, онъ составилъ предметъ особой статьи для журнала «Живая Старина».

23-го августа выѣхали изъ Верхнеуральска въ Петербургъ черезъ Башкирію старымъ Исетскимъ трактомъ (проложеннымъ отъ Оренбурга до Челябинска въ прошломъ столѣтіи генералъ-губернаторомъ Неплюевымъ) на ст. Міасъ Сам.-Златоустовской желѣзной дороги. По пути заѣзжали въ одну деревню (Байрамгулову), гдѣ бесѣдовали съ башкиромъ, бывшимъ кантоннымъ начальникомъ Игликовымъ, знавшимъ Филатова, памятнаго для Башкиръ попечителя, который путемъ нещадной порки хотѣлъ пріучить ихъ къ осѣдлой культурѣ.

Digitized by Google

Въ деревнѣ Уразовой ночевали, и я записывалъ пѣсни отъ ямщика—башкира. Затѣмъ 24-го и 25-го августа — пріискъ Гана; 26-го августа въ 11 часовъ утра поѣздъ отошелъ отъ станціи Міасъ на Самару, куда прибылъ 27-го августа. Далѣе — Волга; 30-го августа — въ Нижнемъ-Новгородѣ, а 1-го сентября 1894 г. въ $8^1/_2$ часовъ утра мы были въ Петербургѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какъ счастливъ я, когда держу я это перо и имъ пишу эти строки, послѣднія строки труда нѣсколькихъ лѣтъ. Какъ бы то ни было, оконченъ трудъ... Было бы дерзостью съ моей стороны добавить дальнѣйшія знаменитыя слова: «завѣщанный отъ Бога», но... много впечатлѣній толпилось въ головѣ отъ путешествія и повелительно требовали они себѣ исхода, пока не вмѣстилъ я ихъ болѣе или менѣе въ эти строки. Не мнѣ судить, какъ удачно я это сдѣлалъ... Объ одномъ лишь хочется сказать, что̀ вынесъ я изъ опыта возникновенія и исполненіе этой работы: какъ трудно иногда бываетъ Русскимъ заниматься изученіемъ Россіи, какъ много препятствій, много, пожалуй, сочувствія, но мало поддержки. Въ нашемъ обществѣ весьма слабо интересуются вопросомъ объ инородцахъ, между тѣмъ инородческій вопросъ является однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей внутренней политики: чтобы вести его къ благополучному разрѣшенію, надобно прежде всего изучать и изучать старательно инородцевъ, какъ то̀ дѣлаютъ относительно своихъ колоній наши соперники на Востокѣ — Англичане и Французы. Хотя по словамъ поэта

«Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить (Ѳ. Тютчевъ),

но жизнь и счастье нашей родины требуютъ не только вѣрить въ Россію, но и знать ее: вѣру безотчетную, инстинктивную можно и должно превратить въ вѣру сознательную, и въ этомъ дѣятели нашей родины будутъ имѣть силу, равную которой трудно найти другую. Ради этого великаго пріобрѣтенія въ будущемъ да сдѣлаетъ наше общество болѣе легкой работу лицъ, посвящающихъ себя изученію Россіи. Нѣтъ надобности доказывать, что изученіе народовъ Россіи неизбѣжно поведетъ къ улучшеніямъ въ разныхъ областяхъ нашей обще-государственной жизни, до экономической области включительно, упроченію самосознанія, подъему и бодрому біенію

Digitized by Google

общественной жизни и къ исцѣленію отъ многихъ недуговъ и язвъ нашего культурнаго существованія.

..... Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй —
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ! (Н. Некрасовъ).

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

По мысли и указанію Влад. Вас. Стасова перепечатываю рѣдкое музыкальное изданіе — Сборникъ инородческихъ мелодій, записанныхъ въ Астрахани въ началѣ текущаго столѣтія, интересный помимо самихъ мелодій тѣмъ, что представляетъ, можетъ быть, первую въ Россіи запись инородческихъ мелодій и одну изъ первыхъ литографскихъ работъ, такъ какъ онъ изданъ литографскимъ способомъ. Эта литографская работа достойна вниманія особенно потому, что появилась въ первые же годы послѣ введенія литографіи у насъ, и въ такомъ глухомъ и далекомъ уголкѣ малокультурной Россіи, какъ Астрахань.

Искусство литографіи изобрѣтено въ Западной Европѣ въ 1796 году Алоизомъ Зенефельдеромъ [1]). Въ Россіи первые опыты примѣненія литографіи были сдѣланы, какъ полагаютъ, въ 1817 году для надобностей Генеральнаго штаба.

Въ 1816—1817 гг. былъ командированъ въ Мюнхенъ чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, баронъ П. Шиллингъ, спеціально для изученія литографскаго искусства съ тѣмъ, чтобы потомъ пользоваться имъ для копированія дѣловыхъ бумагъ. Въ 1818 году баронъ Шиллингъ открылъ литографское заведеніе. И вотъ въ то время, какъ производились эти первые опыты въ столицы, въ 1816 году существовало уже въ Астрахани литографическое заведеніе, въ которомъ выпущенъ въ свѣтъ упомянутый сборникъ подъ названіемъ «Азіатскій музыкальный журналъ». Это искусство занесено туда, вѣроятно, какимъ нибудь заѣзжимъ иностранцемъ,

1) См. Georg Scamoni: Alois Senefelder und sein Werk. С.-Петербургъ, 1896 г.

Digitized by Google

основавшимся тамъ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С. Петербургѣ, въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ, хранится одинъ экземпляръ этого изданія, въ такой степени рѣдкаго, что его извѣстно всего только два или три экземпляра. Изданіе это, прод. in -4°, состоитъ изъ 8-ми номеровъ, имѣющихъ одинаковый заглавный листъ; изъ цензорской надписи на нихъ видно, что журналъ издавался въ теченіе 1816—1818 годовъ.

Мелодіи переложены для исполненія на фортепіано; приложенные-же при нихъ авторомъ сопровожденія или аккомпаниментъ оставляютъ желать очень многаго по своей примитивности и наивности, и потому я не счелъ интереснымъ воспроизводить ихъ, какъ затемняющихъ характеръ мелодій.

Въ одномъ изъ номеровъ помѣщены сочиненія (танцы) самого издателя, Ив. Добровольскаго, которыя, какъ не имѣющія отношенія къ инородческой музыкѣ, опущены.

Въ перепечаткѣ сохранена орѳографія подлинника.

С. Рыбаковъ.

Digitized by Google

АЗІАТСКІЙ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИВАНОМЪ ДОБРОВОЛЬСКИМЪ.

АСТРАХАНЬ.

Digitized by Google

Печатать дозволяется съ представленіемъ въ Цензурный Комитетъ Казанскаго Университета восьми экземляровъ для казенныхъ мѣстъ. Астрахань. Октября 25-го дня 1816 г.

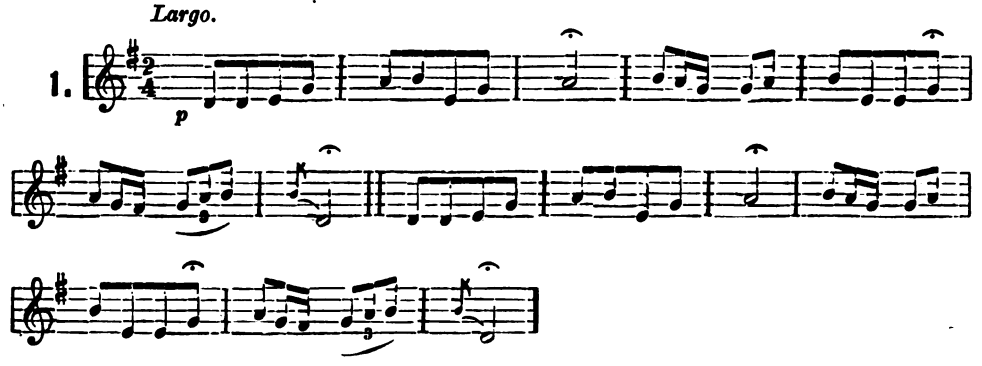
Тетрадку сію по препорученію цензурнаго комитета Казанскаго Университета читалъ Директоръ Астраханскихъ училищъ Храповицкій.

Digitized by Google

ТЕТРАДЬ № 1.

Пѣсни Калмыцкія протяжныя.

Маштыкъ бодо́ или малая лошадь. Сочиненная во время компаніи 1812 года послѣ перваго сраженія съ французами калмыцкаго войска подъ начальствомъ владѣльца ихъ князя Тюменя.



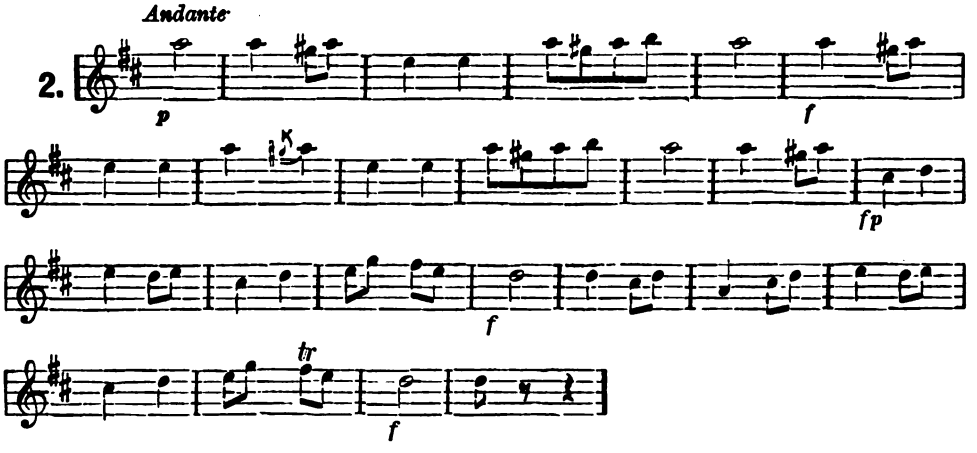
Сёмъ хамартай пранцузъ,
Сёргюнь ябаджа чапчія.
Маштанъ боромини депкедъ чамшине.
Мана ноіонъ джюджи москованъ тем-
цедъ морилнай.
Тасарха гюдюлтей боромини.
Тактаинъ аманду кюрнела.
Табунъ тюмюнь пранусиги,
Тактагинъ аманду чапчая.
Мунхунъ болоксанъ пранусни
Москогинъ баласу иденеила.
Манаи ноюнъ хаирханъ
Мана яштугай гексеньбо.
Бокдоду кюрея гекюна,
Бокшорго мету нисини!

Французы въ четверть носа,
Не трудно ихъ побить.
Наши лошади крепки.
Нашь владѣлецъ джюджа храброй.
Летимъ съ нимъ въ Москву,
Тамъ побьемъ пятьдесятъ тысячь
французовъ.
Они Москву столицу разорыли,
Любезный нашъ владѣлецъ,
Мы умремъ за Государя и Отечество.

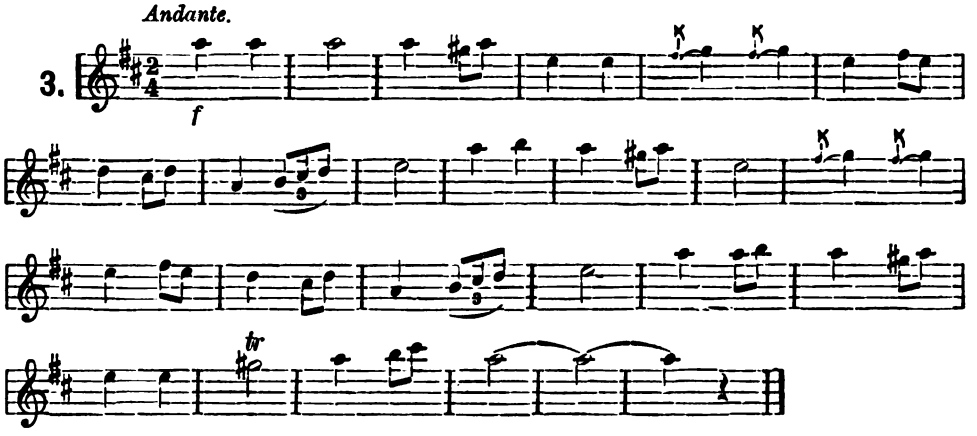
Полетимъ скорей птицъ,
И онѣ всѣ погибнутъ.
И не дадимъ французамъ ни маханъ,
Ни трубки съ табакомъ!

Digitized by Google

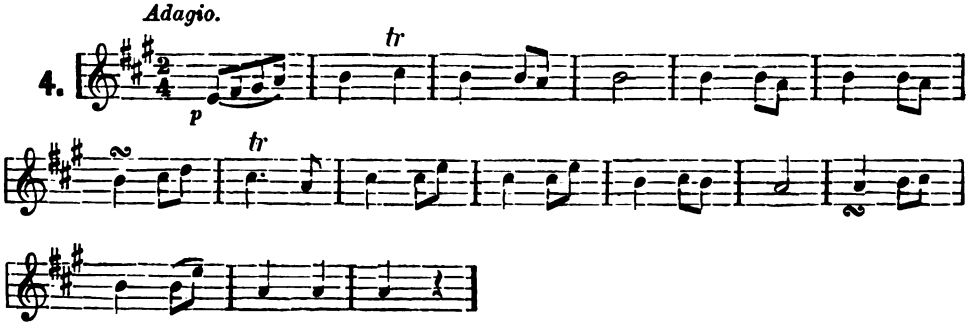
Мазанъ Богатырь о древнихъ богатыряхъ калмыцкихъ.



Далма Богатырь. Также изъ древнихъ преданій.

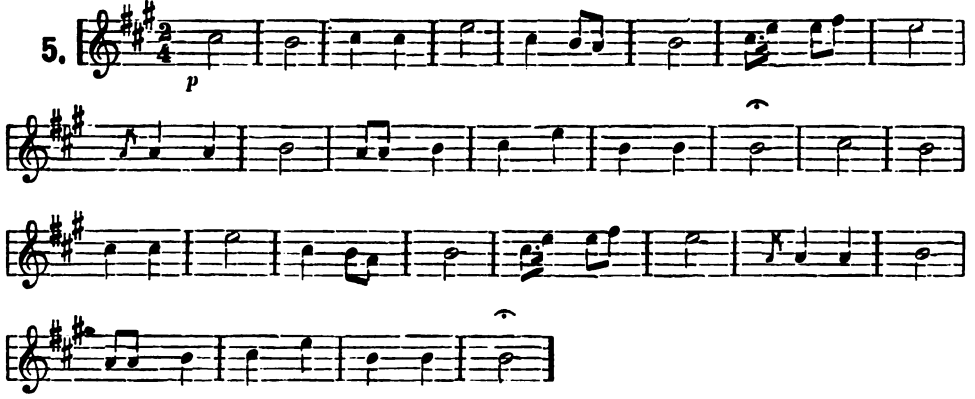


Батыръ Тара. Молитва вечерняя, когда заставляютъ бархана или верховнаго ихъ идола спать.



Digitized by Google

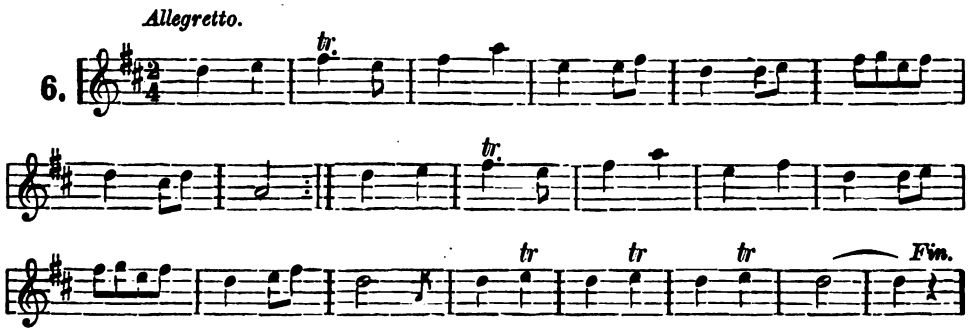
5. *Adagio.*



Пѣсни плясовые.

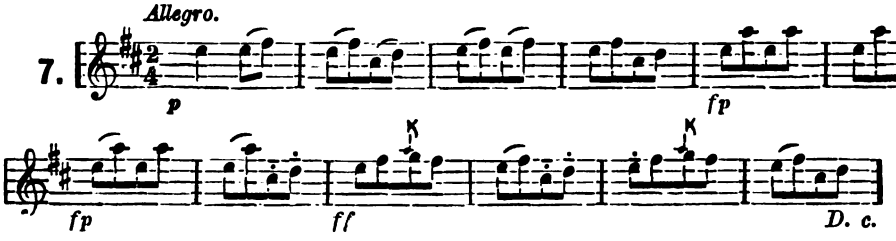
Хавчихсынъ хондо́ галонъ.

6. *Allegretto.*



Хабъ Хара Моринду.

7. *Allegro.*



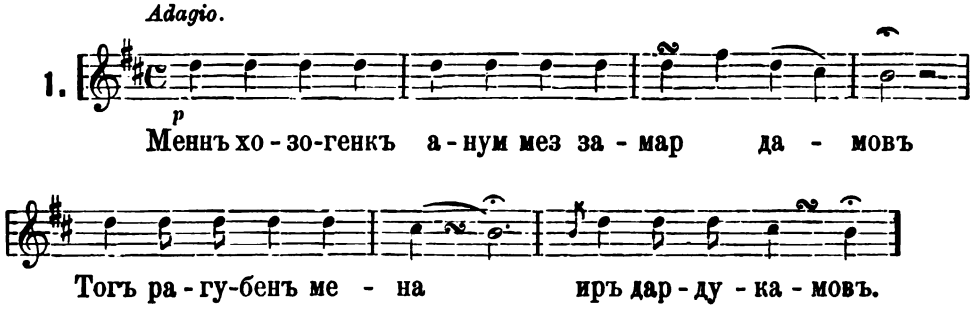
Хабъ хара моринду,
Хазар уге яхуби.
Харинъ сайхинъ кюкюнда
Кюргюнъ уга яхуби.
Ноготу нуринъ кю̈бю̈дю,
Нугусунъ ю̂ндогладъ чишкине.
Ноярлыкъ байдалтай чамаги,
Ноюдыты нуринъ буръ-гулядб.

Карія лошадь безъ узды,
Бѣдная красная дѣвица безъ жениха.
Возлѣ рѣчки на зеленомъ лужку
Утка яйцо снесла и крякала.

Digitized by Google

ТЕТРАДЬ № 2.

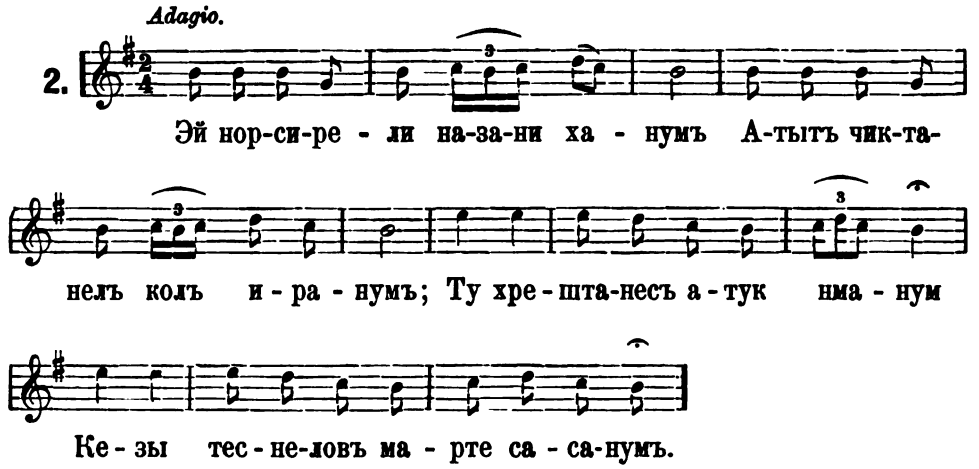
Пѣсни Армянскія протяжныя.



Менн хо зогенкъ анум мезамаръ дамовъ,
Тогъ рагубнъ мна иръ дардукамовъ.
Ахтаремъ пацарѣлъ ту имнесъ самовъ;
Іенъ ампуремъ пернисъ амара оки.
Маріамъ ацалыкесъ куйновъ спитакъ,
Іересетъ лусніак шохкт арекакъ,
Ачкертъ квары инчпесъ луськецакъ,
Інкератъ кегецыкъ камара оки.
Черкезъ оглинъ асацъ назани кери
Имъ дживанъ ахпорсъ митогъ бичари
Эсъ ко састыкъ сѣрнъ сиртесъ квари.

1. Мы гуляемъ, веселимся, довольны нашей судьбой.
Пусть терзается завистный, исчезнетъ, гибнетъ онъ злой.
Загадали мнѣ, пребудешъ любезною ты моей;
Наполни меня сладостью устъ твоихъ душа моя!
Твои румяныя щеки съ бѣлизною какъ лилей,
Ты прекрасна яко солнце, безподобна межъ тварей,
Взоръ твой страстный обитаетъ въ глубинѣ души моей,
Брови твои какъ небесна радуга душа моя!
Черкезъ-оглы сочинитель Богинею тя зоветъ,
Проситъ чтобъ брата своего любви твоей не лишить,
Чтобъ горя твоей любовью въ пеплъ его не обратить.

Digitized by Google



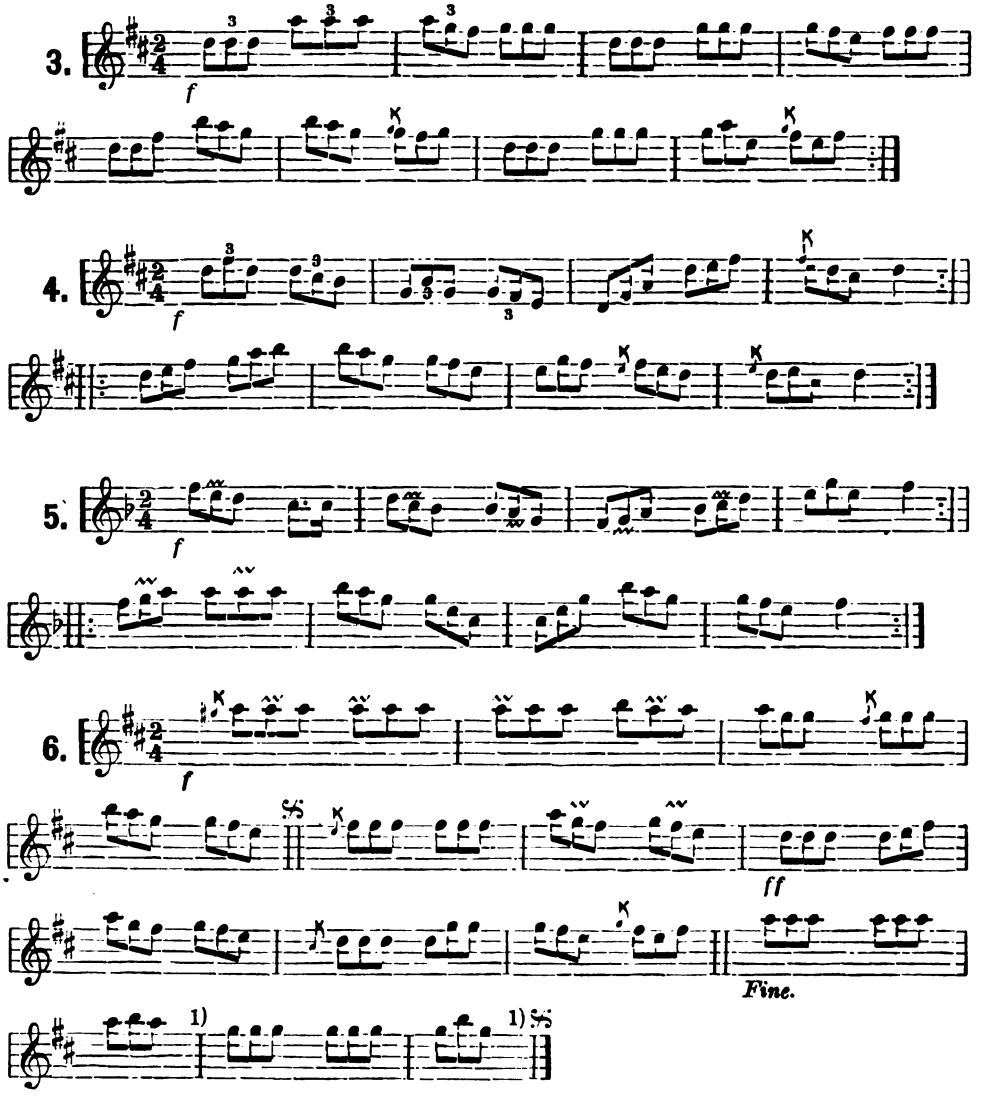
Эй норсирели назаниханумъ.
Атытъ чиктанвилъ колъ иранумъ,
Ту хрештанѣсъ атукъ нманумъ,
Кези теснеловъ марте сасанумъ.
Мерацъ мартикнъ кезъ те мотананъ.

Шунчъ оки карнѣнъ кнентан хнанъ,
Іврkинкицъ іекаръ мѣкемъ манана,
Хенца клохатъ ходжи тархана,
Синаитъ вера кепелесъ ялдузъ.
Чечаловъ менекъ іекъ іеки дуздузъ,
Ачкертъ нманъ хандуи джаусъ.

Прелестной твоей красотѣ
Никто сравнятся не можетъ въ свѣтѣ
Ангелской твой образъ и видъ,
Устрашаетъ смертныхъ и дивитъ!
О! естьлибъ умершы могли приступить къ тебѣ,
Пріяли бъ духъ и животъ отъ тебя.
Не манна ли ты низпадшая съ небесъ
На главѣ украшенномъ ты несъ
Діядиму камней драгоцѣнныхъ.
На персѣ твоемъ злато чистое
Грядешъ пронзая сердце нѣжное,
Очи твои подобны мушкатамъ индійскимъ.

Digitized by Google

Свадебныя плясовыя.

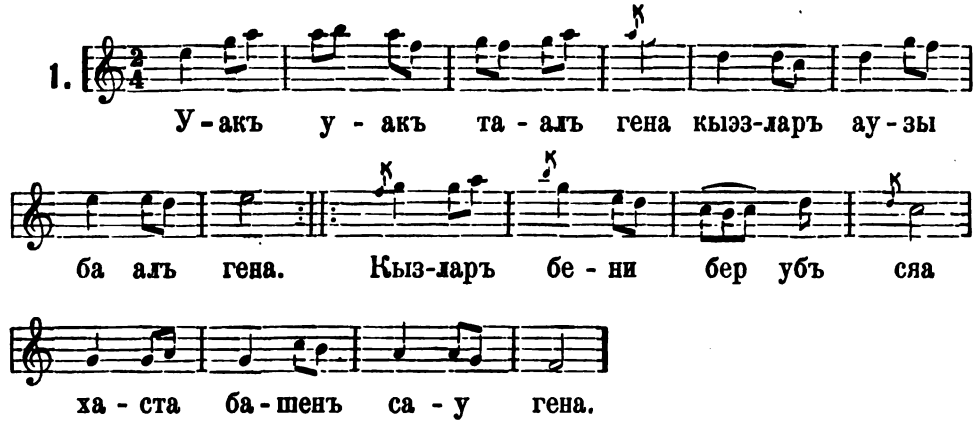


1) Такты послѣдній и третій отъ конца воспроизведены мною буквально какъ въ подлинникѣ, т. е. какъ бы съ недостающею второю четвертью такта. С. Рыбаковъ.

Digitized by Google

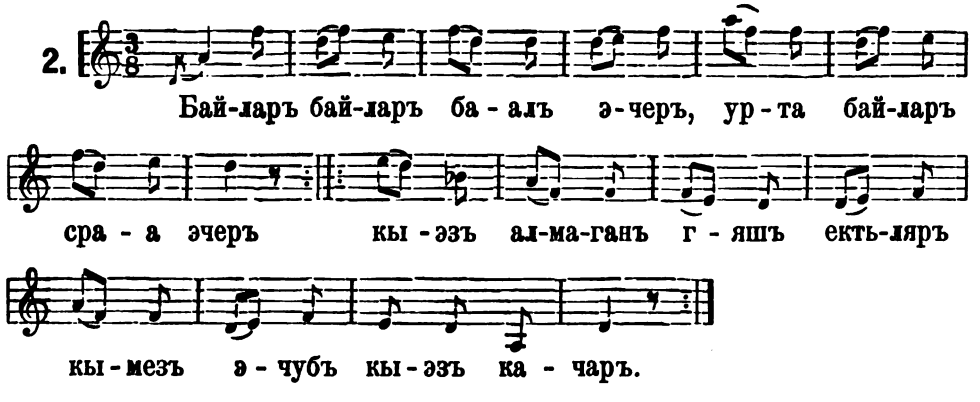
ТЕТРАДЬ № 3.

Пѣсни Казанскихъ Татаръ.



اوواق اووق تالغنه قزلر آوزی (با)لغنه قزلر بنی بر اوپسه خسته باشم ساو غنه

Маленькія вѣточки на тальникѣ, а медъ — на устахъ молодой дѣвушки. Если какая нибудь красавица меня поцѣлуетъ, то головная боль моя въ одну минуту пройдетъ.



بايلر بايلر بال آچَر اورتا بايلر... اچر قز آلغان ياش يكتلر قمز اچوب قز قوچر

Люди богатыя медъ пьютъ; люди бѣдные пиво пьютъ; люди молодые, неженатые, кумысъ[1]) пьютъ и обнимаютъ молодыхъ красныхъ дѣвушекъ.

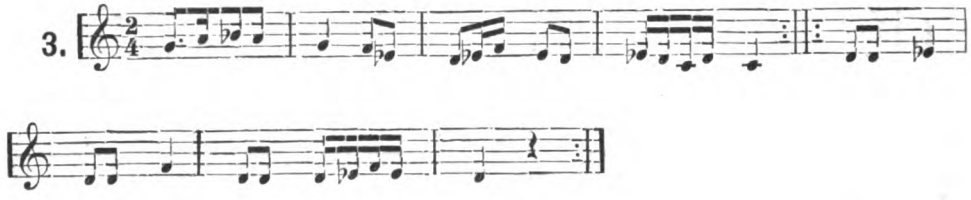
1) Кумызомъ называется кобылье заквашеное молоко, находящееся въ большомъ употребленіи у Татаръ, особенно у Нагайцевъ.

Digitized by Google

Пѣсни Астраханскихъ Татаръ.

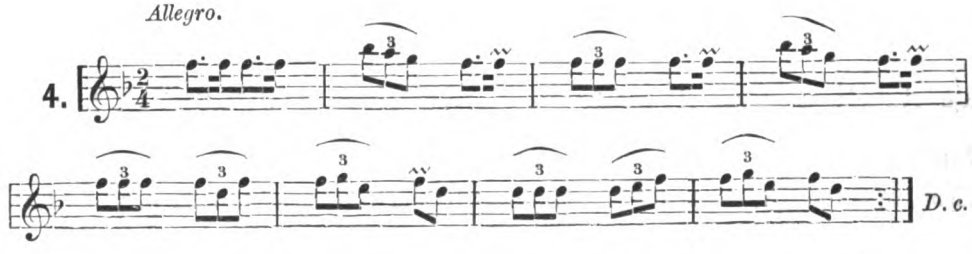
Adagio.

3.



Allegro.

4.

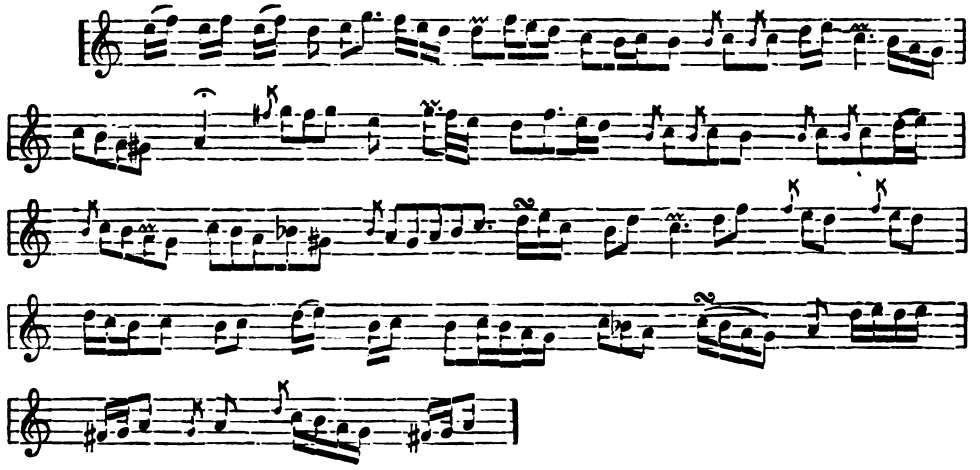


Digitized by Google

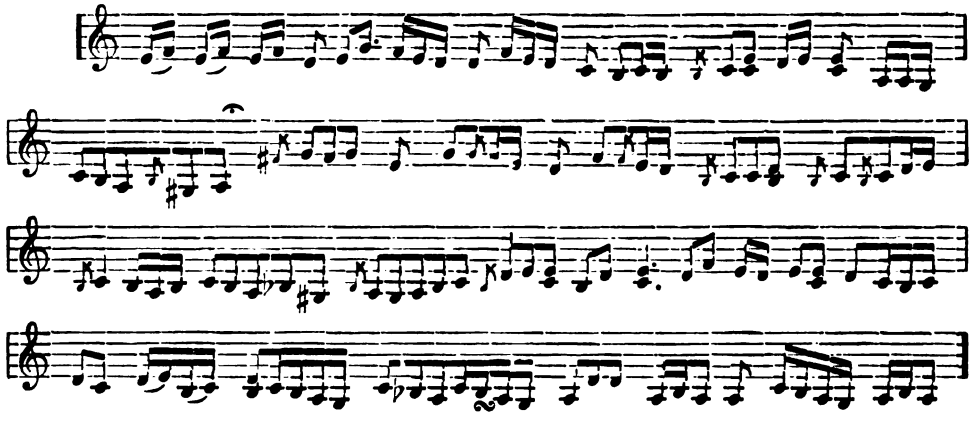
ТЕТРАДЬ № 4.

Персидская пѣсня Фатъ-Али дербентскаго хана. Овымъ Сирѣли.

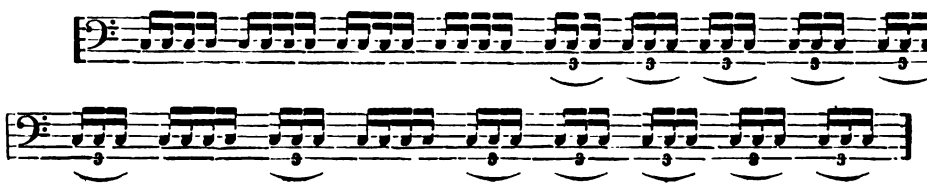
Violino 1-mo.



Violino 2-do.

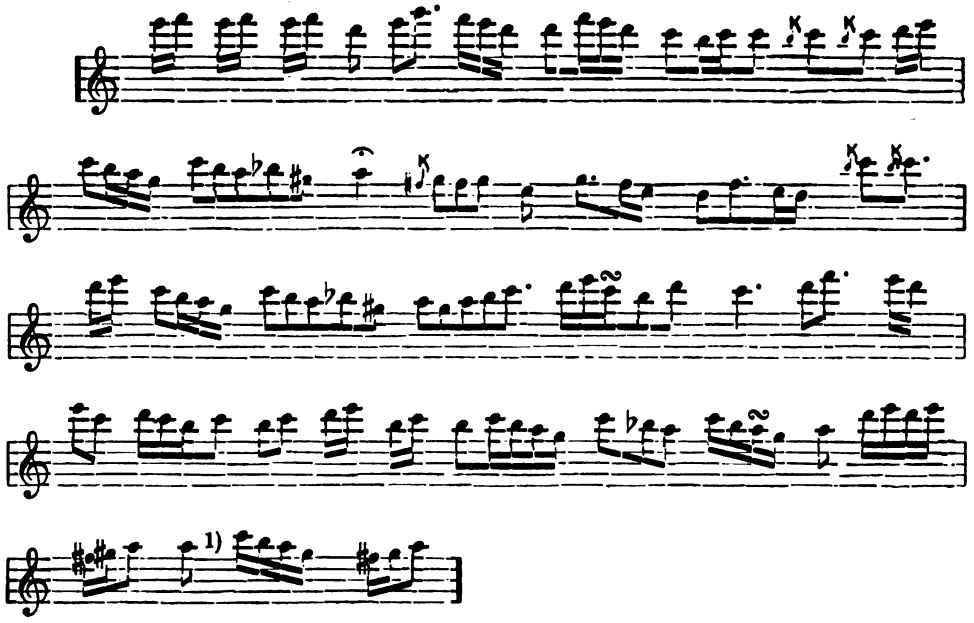


Tambura grando.



Digitized by Google

Flauto.

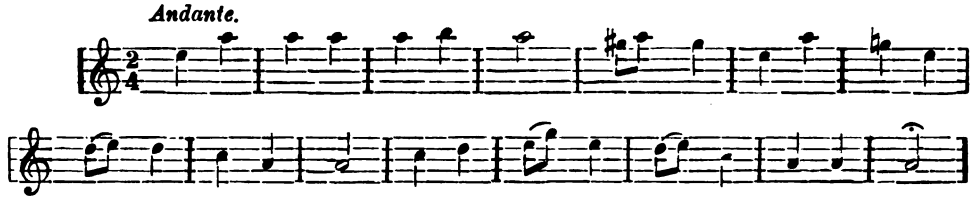


1) Въ оригиналѣ, вѣроятно по ошибкѣ, значится соль.

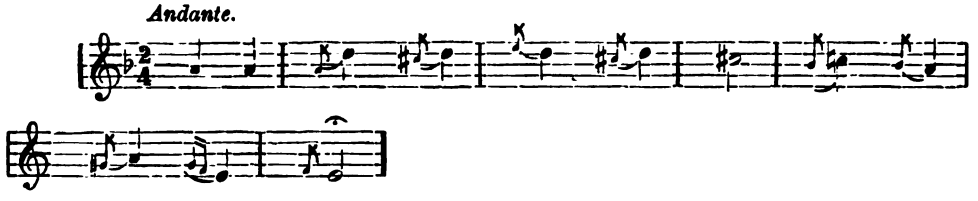
Digitized by Google

ТЕТРАДЬ № 5.

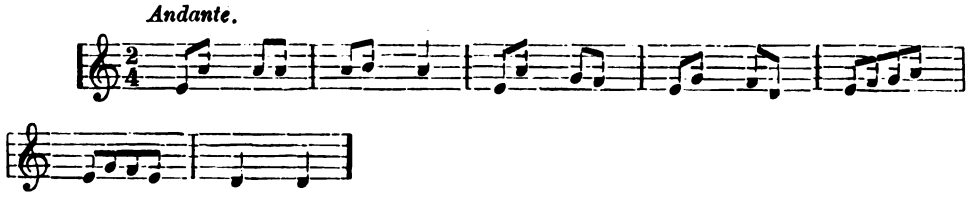
Пѣсня Астраханскихъ Татаръ.



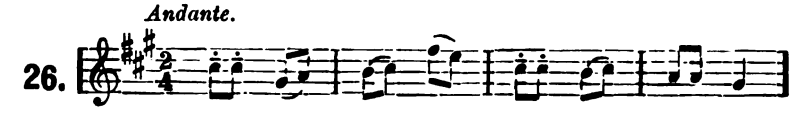
Пѣсня Хивинская.



Пѣсня Киргиская.



Пѣсня Трухменская.

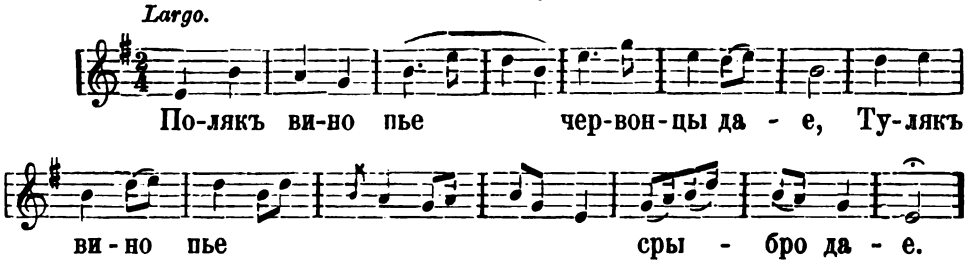


Digitized by Google

ТЕТРАДЬ № 6.

Пѣсня козацкая.

Largo.



Козакъ вино пье, денегъ не дае,
Денегъ не дае, шинкарочку мане.
Поедемъ шинкарочко, на нашъ Донъ,
Унасъ на Дону не по вашему,
Не ткутъ, не прядутъ, а медъ и горилку пьютъ.

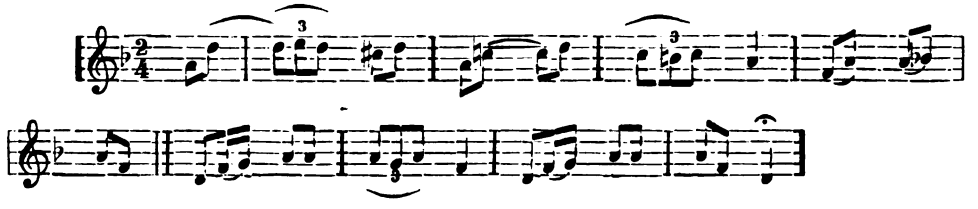
Пѣсня Горская.

Allegro.

Черкесская пѣсня.

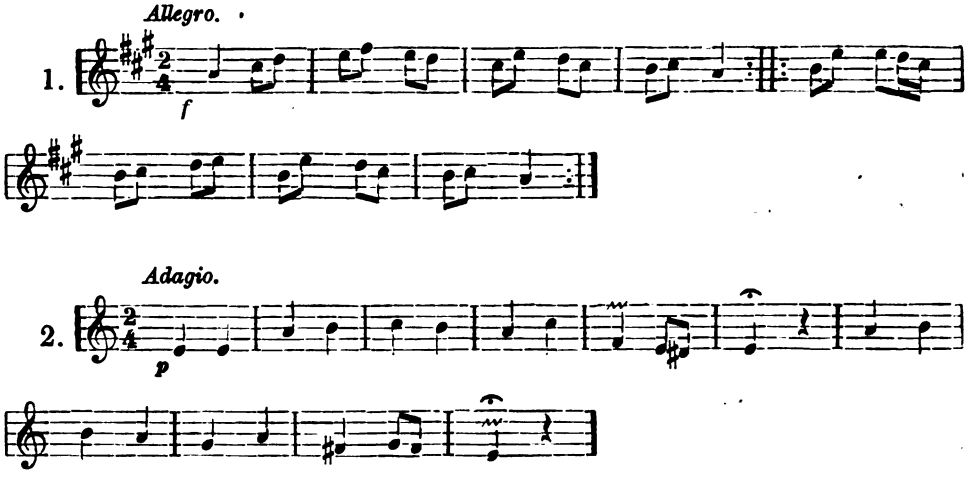
Щедро.

Пѣсня чеченская.

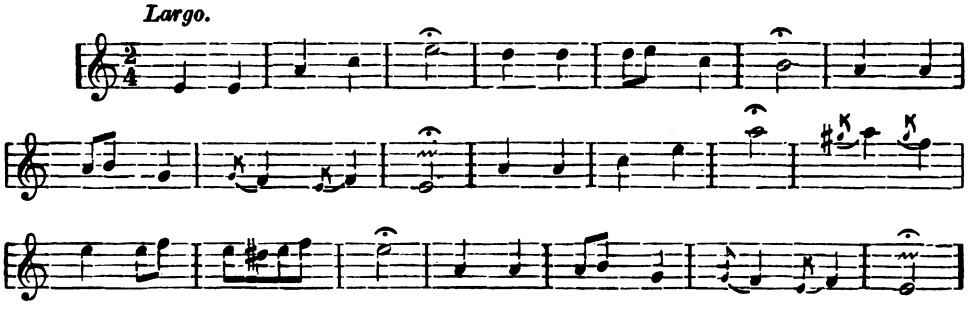


ТЕТРАДЬ № 7.

Пѣсня Бухарская.



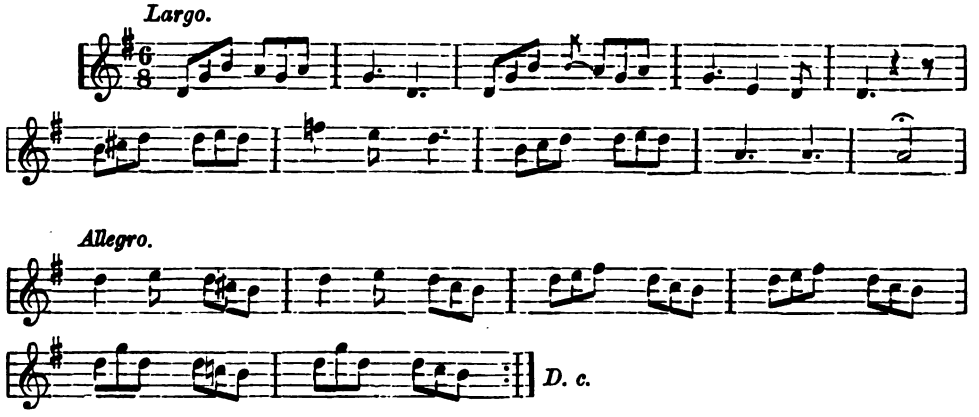
Пѣсня Кабардинская.



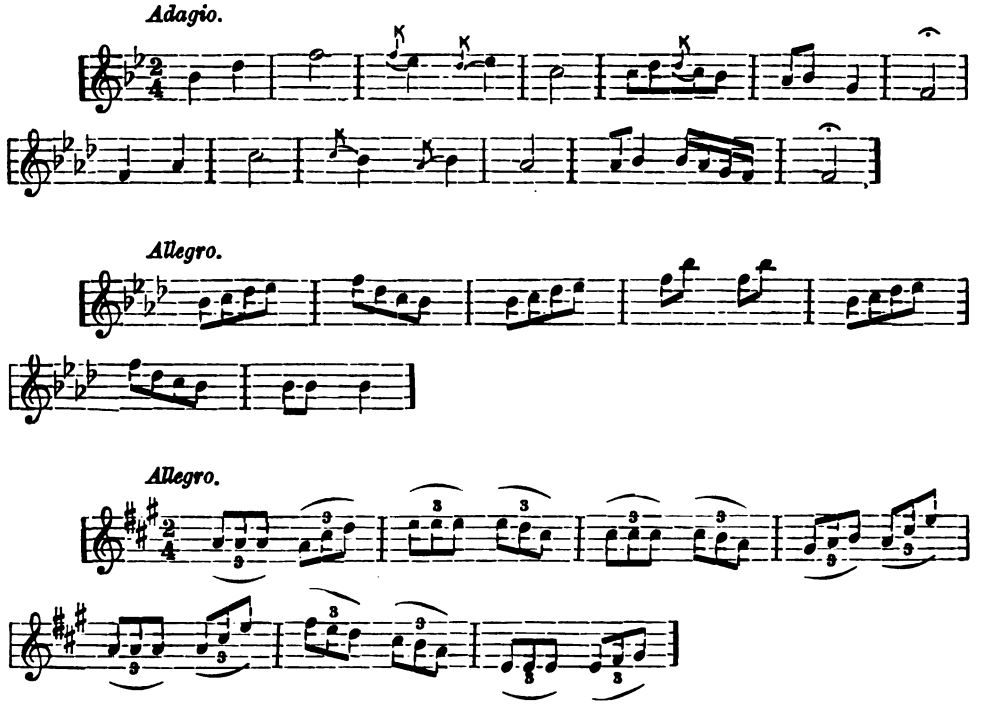
Digitized by Google

ТЕТРАДЬ № 8.

Пѣсня Лизгинская.

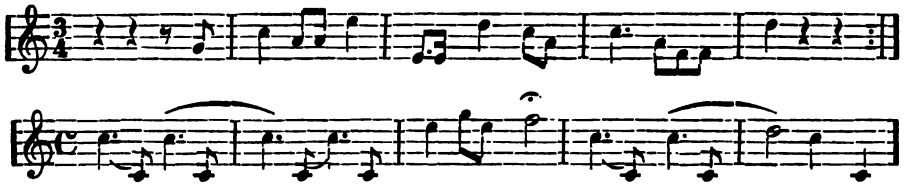


Нагайскія пѣсни.

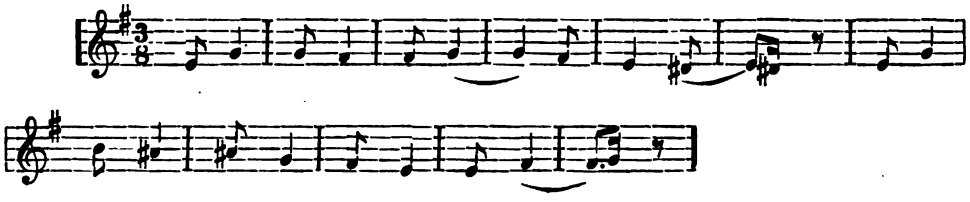


Digitized by Google

Тунгузскія мелодіи. Монгольское племя[1]).



«Noch eine dritte Melodie war die folgende, deren letzter Ton immer möglichst abgerissen abschnitt».



1) Изъ сочиненія A. v. Middendorff, Uebersicht der Natur Nord- und Ost-Sibiriens Theil 2, Seite 1500. St. Petersburg, 1875.

Digitized by Google

II.

Опытъ указателя литературы инородческихъ пѣсенъ.

Предлагаемый указатель есть перечень главнѣйшихъ явленій литературы музыкѣ и пѣсняхъ инородцевъ Россіи, преимущественно мусульманъ, и составитель не претендуетъ на полноту его.

Азіатскій Музыкальный Журналъ. Изд. Ив. Добровольскимъ. Астрахань. 1816—1818 г.г. 8 тетрадей. Повидимому первый опытъ записи въ Россіи инородческихъ мелодій съ текстомъ и русскимъ переводомъ.

Инородческія пѣсни въ рукописяхъ Архива Императорскаго Географическаго Общества.

Крымъ-Ховаджа, А. Ч. Крымско-татарскія народныя пѣсни (безъ мелодій), пословицы, обряды и сказки.

Пѣсни Калмыковъ 9 страницъ. Текстъ на калмыцкомъ языкѣ (безъ мелодій) и русскій переводъ. Карт. А. V. 13.

Умитбаевъ, М. С. Историко-этнографическіе матеріалы о башкирахъ. Въ концѣ стихотворенія арабскимъ шрифтомъ безъ перевода (14—19 полулистовъ). Карт. А. V. 1.

Винтеръ, Е. Описаніе моленія Чувашъ во время перехода въ новый домъ и свадебнаго обряда ихъ 10 полулистовъ. Приведено нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ или прибаутокъ на чувашскомъ языкѣ русскимъ шрифтомъ съ переводомъ. 1871 г. Карт. А. V. 57.

Ястребовъ, І. Мокша или этнографическое описаніе Мордвовъ Пензенской губерніи Нижеломовскаго уѣзда, села Муромки. 1854 г. Нѣсколько пѣсенъ протяжныхъ и плясовыхъ на русскомъ ломанномъ языкѣ. 22 полулиста. Карт. А. V. 47.

Макарій, іеромон. Мордовскія пѣсни на мокшанскомъ и ерзянскомъ

Digitized by Google

нарѣчіяхъ съ буквальнымъ переводомъ на русскій языкъ. 1849—50 г., 6 полулистовъ. Русскій шрифтъ. Карт. A. V. 46.

Невоструевъ, К. Обыкновенія Мордвы-Мокшанъ въ селѣ Киль-дюшевѣ, Симбирской губерніи и уѣзда, 9 четвертей листа. 1849 г. Свѣдѣнія о колядованіи. Карт. A. V. 43.

Невоструевъ, К. Описаніе обычаевъ Мордвы-Эрзи села Косогоръ, Симбирской губерніи, Ардатовскаго уѣзда. 1849 г., 14 четвертей листа. Колядки и *пѣсни* на мордовскимъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Карт. A. V. 41.

Макарій, іеромон. Этнографическія записки о Мокшанахъ, содержащія въ себѣ ихъ пѣсни, сказки и загадки. 1949 г., 7 полулистовъ. Мордовскій текстъ съ русскимъ переводомъ. Карт. A. V. 39.

Зерновскій, священникъ. О Мордвѣ, находящейся въ Нижегородскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. 1848 г., 25 полулистовъ. О мордовскихъ пѣсняхъ 10-й, 20-й и др. полулисты. Карт. A. V. 38.

Евленьтьевъ, К. Этнографическія извѣстія о Мордвахъ Самарской губерніи. Безъ обозначенія года, 5 полулистовъ. Приведены пѣсни и преданія мордвы только въ русскомъ переводѣ. Карт. A. V. 33.

Мордовское село Скафтымъ, Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи. Безъ обозначенія года 60 полулистовъ. На 48-мъ полулистѣ (на оборотѣ) «Всеобщія гулянія». Карт. A. V. 31.

Архангельскій, С., священникъ изъ Мордвовъ. Свѣдѣнія о Мордвахъ, живущихъ въ Саратовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Безъ обозначенія года, 17 полулистовъ. О пѣсняхъ и колядованіяхъ 6-й, 7-й и 12-й полулисты. Текстъ русскими буквами и переводъ. Карт. A. V. 30.

Небосклоновъ, В., священникъ. Историческія, этнографическія и метеорологическія свѣдѣнія о селѣ Нижнемъ Катмисѣ и деревнѣ Водолейнѣ, Картофлеѣ и Дигилевкѣ, насел. Мордвою. Безъ обозначенія года, 22 полулиста. На 11-мъ и 12-мъ полулистахъ упоминаніе о пѣсняхъ и «музыкальныхъ орудіяхъ». Карт. A. V. 29.

Орловъ, В., діаконъ. Первоначальные опыты изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Мордвы. 163 страницы. О древнемъ общественномъ мордовскомъ богослуженіи и праздникахъ. Страница 58-я и слѣдующія. Карт. A. V. 28.

Pàźîmes. Źemajtiszkas gajdas pridietinas pri Dajnun Źemajćziu surinktun ir iszduotun par Symona Stanewicźe Mokslininka Literaturos ir graźiunju Pritirimu. Wilniuje. Spaustuwieje B. Neumana. Metunse 1829. Rigoj', spausta pas Wilh. Ferd. Häckera, Metunse 1833, 15 четвертей листа. 28 жмудскихъ пѣсенъ *съ мелодіями*, латинскій шрифтъ; безъ перевода. При рукописи письмо Лаврентія Августовича Ивинскаго отъ 15-го ноября 1871 г.,

Digitized by Google

который сообщаетъ, что рукопись эта — «копія пѣсень мною списанныхъ по книгѣ случайно попавшейся изданной въ Вильнѣ 1829 г. и въ Ригѣ 1833 съ какою по сіе время, кромѣ одного экземпляра сомнительной цѣлости, мнѣ еще не удалось встрѣтиться и отъыскать другую по упомянутымъ мѣстамъ».... Рѣдкая рукопись. Мелодіи характерны. Карт. А. V. 20.

Петкевичъ, А. Суевѣріе, легковѣріе и предразсудки жмудскаго народа. 1859 г., 28 полулистовъ. На 23-мъ полулистѣ о жмудскихъ пѣсняхъ. Карт. А. V. 19.

Калмыцкіе тексты отъ Правителя Багацохуровскаго улуса, аймачнаго Зайсанга Церенъ-Раши-Онкорова. 1854 г., 14 полулистовъ. Безъ перевода. Карт. А. V. 18.

Пѣсни и сказки калмыцкаго народа Астраханской губерніи Богацохуровскаго улуса. На рукописи, довольно старой, помѣтка: «бывшая Бобровникова». Безъ обозначенія года. 48 полулистовъ. Безъ перевода. Карт. А. V. 15.

Луканинъ, А. Зырянская духовная пѣснь. 1859 г., 2 полулиста. На ломанномъ русскомъ языкѣ. Карт. А. V. 11.

Гавриловъ, Б., священникъ. Языческая религіозно-обрядовая жизнь вотяковъ Казанской и Вятской губерній. 1884 г. (годъ на письмѣ при рукописи). На рукописи помѣтка: «Будетъ напечатана въ Казани». 247 страницъ. О пѣсняхъ въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, на стр. 105—107. Карт. А. V. 2.

Село Уканское, Вятской губерніи, безъ означенія года. 21 полулистъ. На 15-мъ полулистѣ о вотяцкихъ пѣсняхъ. Карт. Х. 12.

Поповъ, Н. І. Свѣдѣнія и матеріалы для изученія повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у Качинскихъ татаръ, Минусинскаго округа. На 24-мъ полулистѣ упоминаніе о музыкальныхъ инструментахъ и пѣсняхъ. Карт. Б. IX. 29.

Коротановъ, И. И. Описаніе быта инородцевъ, обитающихъ по Абаканскимъ степямъ Минусинскаго округа, Енисейской губерніи. Сказки и пѣсни стр. 63. Карт. Б. IX. 27.

Градецкій, А. І. Литовскія *пѣсни*, записанныя въ Маріампольскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи.

Вольтеръ, Э. А. Образцы мелодій литовскихъ народн. пѣсенъ Виленск. губ.

Digitized by Google

Пѣсни кавказскихъ инородцевъ въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". Изд. Управ. Кавказскаго учебнаго округа.

Куліевъ, М. Татарскія пѣсни. XIII, 2, стр. 230—237.

Калашевъ, А. и Іоакимовъ, А. Татарскіе тексты. XVIII, 2, стр. 37—74 (пѣсни — 37—43, 53, 55, 67, 70 и 72 стр.).

Татарская народная словесность въ Закавказьѣ.

Цаллаговъ. Кумыкскіе тексты. Шікестелер — пѣсни влюбленнаго. Замѣтка Л. Лопатинскаго. XVII, 3, стр. 3—33.

Аѳанасьевъ, М. Кумыкскія пѣсни. XVII, 3, стр. 34—57.

Вейденбаумъ, Е. Г. Начало Гуэнской пѣсни. XVII, 3, стр. 58—59.

Калашевъ, А. Айсорская пѣсня. Пѣсня школьника. XX, 2, стр. 92—96.

Лопатинскій, А. Курдскіе тексты. XX, 2, стр. 1—16.

Адамовъ, М. Курдскія пѣсни. XX, 2, стр. 1—3.

Зелинскій, С. Пѣсня хойскаго Вартана, армянскаго народнаго пѣвца. II, 2, стр. 99—106.

Шульгинъ, Константинъ. Двѣ армянскія сказки и три пѣсни, записанныя въ Эриванской губерніи Эриванскаго уѣзда. V, 2. 83—88, въ русскомъ переводѣ.

Калашевъ, А. Вардаваръ. XVIII, 2, стр. 1—36 (татарскія пѣсни армянъ при этомъ празднествѣ).

Миндели, Н. и Каландарашвили, Ѳ. Картвельскія пѣсни. XIX, 2, стр. 124—140 (о пѣсняхъ и хороводахъ рачинцевъ).

Петровъ, Ив. Е. Мингрельскіе тексты. X, 2, стр. 253—310.

Гроздовъ, Хр. Мингрельскія народныя пѣсни. XVIII, 1894 г., 1, стр. 1—58. *Съ мелодіями.*

Нижерадзе, Виссар. Сванетскія пословицы, загадки и пѣсни. X, 2, стр. 1—8.

Стояновъ, А. И. Образцы сванетской народной поэзіи. X, 2, стр. 9—68.

Тепцовъ, В. Я. Сванетскіе мотивы и пѣсня о Консавѣ Кипіани (съ мелодіями). X, 2, 69—92.

Гренъ, А. Н. Сванетскіе тексты. X, 2, стр. 76—160. (Народная пѣсня — 90 стр.; пѣсня объ ушкульскихъ молодыхъ людяхъ — 96 стр.; грузинированная Бечойская пѣсенка — 100 стр.).

Маргіани Д. Сванетскія легенды и пѣсня. X, 2, стр. 242—252. Его-же Сванетскія пѣсни и сказки по-русски. X, 3, стр. 1—11.

Digitized by Google

Нижерадзе, Г. Сванетскіе тексты. XVIII, 1, стр. 91—132. (пѣсни и сказка — 91 стр.).

Стрѣлецкій, А. Кабардинская пѣсня о нартѣ Айдемирканѣ. V, 2, стр. 113—118.

Лопатинскій, Л. Кабардинскіе тексты. XII, 1, стр. 1—104.

Далгатъ, Баширъ. Цудахарскія пѣсни. XIV, 2, стр. 9—72.

Махмудбековъ. Сказка Молла-Касумъ. Къ ней татарскій текстъ сказокъ. XIX, 2, стр. 261—285.

Отдѣльныя изданія.

Ипполитовъ-Ивановъ, М. М. Грузинская народная пѣсня и ея современное состояніе. Съ приложеніемъ 12 народныхъ мелодій и романсовъ. Москва. 1895. Типографія товарищества И. Кушнеревъ и Ко., 32 стр.

Tigranoff, Nicolas (Тиграновъ, Н.) — 1) Trans-Kaukasische Volkslieder und Tänze.

2) Bajathi-Khurd (élégie kurtaine).

3) Bajathi-Schiras (élégie de Schiras).

4) Orientalweisen: a) Drei armenische Rundtänze: «Findjan», «Fatenki-tam», «Tharz-par»; b) Drei armenische Tänze: «Erivaner-trengi», «Usundarah», «Doi-doi»; c) Das armenische Lied «Tunari» und der armenische Rundtanz «Ver-Ver». С.-Петербургъ и Москва. Мелодіи въ фортепіанномъ переложеніи въ видѣ пьесъ безъ текстовъ.

Кленовскій, Н. Этнографическій концертъ. Сборникъ народныхъ пѣсенъ русскихъ и инородческихъ, переложенныхъ для одного, двухъ и четырехъ голосовъ, съ фортепіано. Москва. Изданіе П. Юргенсона. 95 стр. 300 экз. 1 р. 50 к.

Инородческія пѣсни въ „Извѣстіяхъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ".

Кошурниковъ, В. Бытъ вотяковъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Томъ II, 1879 г., прил. II-е, стр. 35-я и слѣдующія — пѣсни безъ мелодій.

Смирновъ, И. Н. Вотяки. Исторически-этнографическій очеркъ. VIII, 2, 1890. О поэзіи и пѣсняхъ гл. VI, стр. 143 и слѣдующія.

Мошковъ, В. А. Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. XI, 1—4, 1893.

Игнатьевъ, Р. Г. Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Пѣсни Салавата въ русскомъ переводѣ. XI, 2, 1893, стр. 3.

Digitized by Google

Игнатьевъ, Р. Г. О татарскихъ рукописяхъ, обращающихся у магометанскаго населенія Оренбургской губерніи (къ статьѣ предназначались мелодіи, къ сожалѣнію, не напечатанныя, см. введеніе В. Н. Витевскаго объ авторѣ). XI, 2.

Мошковъ, В. А. Мелодіи Оренбургскихъ и Ногайскихъ татаръ. Введеніе. XII, 1, 1894.

Матвѣевъ, С. М. Свадебные обычаи и обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губ. XIII, 5, 1896.

Насыровъ, А. К. Образцы народн. литературы казанск. татаръ тамъ же.

Пантусовъ, Н. Н. Таранчинскія пѣсни (съ мелод.). XIII, 6, 1896.

Идигинъ, А. С. Пѣсни тургайскаго киргиза, умѣющаго говорить по русски, тамъ же.

Евсевьевъ, М. Е. Мокшанскія пѣсни (текстъ и перев.). XIII, 6, 1896 XIV, 1, 1897.

Юркинъ, И. Н. Чувашскія національныя пляски. XIV, 1, 1897.

Отдѣльныя статьи.

Поповъ, Н. Этнографическія замѣтки о Пермякахъ. Ж. М. В. Д. 1852, часть 39. Упоминаніе о музыкальныхъ инструментахъ.

Витевскій, В. Н. Нагайбаки, ихъ прошлое и настоящее состояніе а также пѣсни на татарск. яз. съ русскимъ пер. Труды IV-го археологическ. съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. II, стр. 257—280. Каз. 1891.

Рыбаковъ, С. Курай, башкирскій музыкальный инструментъ; съ 6 мелодіями. Русская музыкальная Газета, январь 1896 г.

Его-же. Русскія вліянія въ музыкальномъ творчествѣ Нагайбаковъ, крещеныхъ Татаръ Оренбургской губ.; съ 18 мелодіями. Русская музыкальная Газета, ноябрь 1896.

Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

II книга. Князь Костровъ. Очерки (самоѣдское племя); между прочимъ о пѣсняхъ.

III » » » Тунгузскія пѣсни.

IV » » » Очерки туруханскаго края.

VIII » » » Этнографическія замѣтки о Кизильскихъ татарахъ, свадебныя пѣсни.

Digitized by Google

Инородческія пѣсни въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географическаго Общества.

Плотниковъ, Вл. Замѣтки на статью г. Алтынсарина «Очеркъ киргизскихъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ». 1870 г. Выпускъ 1-й, стр. 122—136. На 130-ой стр. киргизская пѣсня «туйбастаръ» и др.

Покровскій, Ив. Сборникъ башкирскихъ и татарскихъ пѣсенъ. Тамъ-же, стр. 151—229. Текстъ арабскимъ шрифтомъ и русскій переводъ.

Игнатьевъ, Р. Г. Сказанія, сказки и пѣсни, попадающіяся въ рукописяхъ татарской письменности и устныхъ пересказахъ у инородцевъ-магометанъ Оренбургской губерніи. 1875 г., вып. 3-й, стр. 183—236.

Сейдалинъ, Т. А. и султанъ Джантюринъ, С. А. Образцы киргизской поэзіи (переводъ стихами П. Н. Распопова). Текстъ арабскимъ шрифтомъ. Тамъ-же, стр. 249—419.

Лоссіевскій, М. Черемисская свадьба. 1881 г., вып. 4-й, стр. 170—176; пѣсни въ русскомъ переводѣ стр. 173.

Инородческія пѣсни въ журналѣ „Живая Старина", издаваемомъ при отдѣленіи этнографіи Императорскаго Географическаго Общества.

Якутская пѣсня о водкѣ. 1890, вып. I, отд. II, стр. 30.

Евсевьевъ. Мордовская свадьба; — приведены двѣ мелодіи. 1892, вып. II.

Жмудскія пѣсни, записанныя Мечиславомъ Довойна-Сильвестровичемъ съ переводомъ и примѣчаніями А. Л. Погодина. 1893, вып. IV.

Корельская пѣсня, записанная и переведенная Н. Ѳ. Лѣсковымъ. 1893, вып. IV.

Рыбаковъ, С. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тептярей; съ 40 мелодіями. 1894, вып. III и IV.

Лѣсковъ, Н. Ѳ. Корельская свадьба и погребальные обряды кореляковъ. 1894, вып. III и IV; — свадебныя и погребальныя причитанія на корельскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ.

Digitized by Google

Пѣсни Киргизъ.

См. А. Н. Харузина Библіографич. указатель статей, касающ. этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ. Этн. Обозр. 1891 г. № 12).

Левшинъ, А. Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей. СПБ. 1832. 3 тома. Въ 3-мъ т. авторъ говоритъ о поэзіи, музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ киргизъ и прилагаетъ ноты двухъ пѣсенъ (въ русскомъ переводѣ, стр. 137—138).

—ковъ.—Киргизы. Воскресный досугъ, 1864, № 72 и 73; —между прочимъ о пѣсняхъ.

Круторожинъ, А. — Курбанъ-байрамъ. Иллюстрированн. газета 1865 № 47 и 48; — разсказы Уральскаго казака-офицера изъ жизни киргизовъ Малой орды; есть указанія на киргизскія пѣсни.

Самсоновъ, А. — Очерки Сибирскихъ киргизовъ. Записки для чтенія, изд. Трубниковымъ 1869 г. августъ-декабрь; — о кочевой жизни киргизовъ, о ихъ свадебныхъ обрядахъ, пѣсняхъ и о татарской школѣ.

П. Р. — Киргизскія пѣсни. Вѣстн. Европы 1874, кн. 12; — двѣ киргизскія пѣсни на русскомъ языкѣ.

Загряжскій, Г. — Бытъ кочеваго населенія долины Чу и Сыръ-Дарьи. Туркестанк. Вѣд. 1874, №№ 25, 27—32; между прочимъ о музыкальныхъ инструментахъ.

Ибрагимовъ, И. Очерки быта киргизовъ. Др. и Нов. Россія, 1876 т. III; — авторъ говоритъ между прочимъ о киргизской пѣснѣ.

Musik, Gesang und Tanz der Baschkiren und Kirgisen. Das Ausland 1876 № 34.

П. — Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области. Русск. Вѣстн. 1878. Т. 137. № 9; — на 42 стр. изложены свадебные обряды съ пѣснями похоронные обряды съ причитаніями, уходъ за родильницей и новорожденнымъ и списокъ употребительныхъ лекарствъ; кромѣ того, пословицы.

Стремоуховъ, Н. — Киргизъ-пѣвецъ. (Киргизск. сказка.). Дѣтск. Чтеніе 1884 № 1; — на 17 страницахъ авторъ передаетъ интересный разсказъ киргиза-старика о сказочномъ киргизскомъ пѣвцѣ, очаровавшемъ своимъ пѣніемъ всѣхъ людей и животныхъ.

Radloff, W. — Aus Sibirien. Leipzig 1884. 2-te Ausgabe. 1893; — въ концѣ I-аго тома двѣ главы о киргизахъ и каракиргизахъ, въ которыхъ авторъ говоритъ, между прочимъ, и о пѣснѣ.

Lansdell, H. — Russisch Central-Asien. (Deutsche Ausgabe bearbeitet d. H. v. Wobeser). B. II, und III. Leipzig 1885; — 19 и 20 главы I-го

Digitized by Google

тома, а также 21 глава II-го тома посвящены Киргизамъ; описаніе касается, между прочимъ, пѣсни.

П. Р. — Образцы киргизской поэзіи въ пѣсняхъ эпическаго и лирическаго содержанія. Оренб. 1885; — 16 пѣсенъ, переведенныхъ стихами на русскій языкъ; одна изъ пѣсенъ (XVI) представляетъ интересный эпосъ о Кенисарѣ.

Радловъ, В. — Образцы литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Ч. V. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. СПБ. 1895.

Vámbéry, H. — Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig 1885; — между прочимъ, и о киргизской пѣснѣ.

Ивановскій А. — Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай. Этнографич. Обозрѣніе. II, Москва 1889; — въ небольшой статьѣ (10 стр.) авторъ очень живо обрисовываетъ характеръ знаменитаго киргизскаго пѣвца и этимъ проливаетъ свѣтъ на киргизскихъ пѣвцовъ импровизаторовъ, на характеръ киргизской поэзіи и на почетъ, которымъ пользуются пѣвцы; авторъ говоритъ и о джатáкахъ.

Его-же. — Смертъ киргизскаго пѣвца Улгенбая. Русск. Вѣдомости 1890 г. № 327; — описывается предсмертная пѣсня киргиза-пѣвца, въ которой яркими красками рисуется побѣда добра надъ зломъ.

Киргизскія и сартовскія пѣсни. Этнографич. Обозрѣніе кн. III. М. 1889; а также кн. IV, стр. 265, поправки. М. 1890; — сартовскихъ пѣсенъ только двѣ (съ нотами), записаны Р. Пфеннингомъ; киргизскихъ пѣсенъ 16, изъ нихъ восемь записаны Р. Пфеннингомъ и къ нимъ приложены ноты, остальныя восемь записаны А. А. Ивановскимъ.

Пфеннингъ, Р. — О киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ. Тамъ-же кн. Ш.; — авторъ останавливается преимущественно на музыкальной и тональной сторонѣ пѣсни и этимъ отмѣчаетъ ту сторону, которая еще никѣмъ не была затронута.

Готовицкій, М. — О характерѣ киргизской пѣсни, тамъ-же.

Алекторовъ, А. — Киргизская пѣснь. Оренбургскій Листокъ, 1890 г. № 18.

Brehm, Dr. A. E. — Vom Nordpol zum Aequator. Stuttgart, Berlin und Leipzig 1890; — на стр. 318—422 мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о киргизской степи и о Киргизахъ; на стр. 397 глава «Volks- und Familienleben der Kirgisen» весьма живо рисуетъ слѣдующія стороны быта: байга, охота, пѣсни, игры, свадебные обряды, обряды при погребеніи и т. д.

Юдинъ, П. — Киргизы, этнографическій очеркъ. Оренбург. Губ. Вѣдомости. 1890 г. № 52, 1891 г. №№ 1 и 5; — между прочимъ есть упоминаніе о музыкальныхъ инструментахъ, пляскѣ и пѣніи.

Digitized by Google

К. — Киргизскій трубадуръ. Кавказъ 1882, № 17.

Алтынсаринъ, И. — Киргизская хрестоматія. Оренб. 1879; — киргизскіе пѣсни и стихи — отдѣлъ III-й.

Лютшъ, Я. Киргизская хрестоматія. Сборникъ образцовъ народной литературы киргизъ Туркестанскаго края. Ташк. 1883; — на стр. 91—251 образцы лирической и эпической поэзіи.

Рыбаковъ С. записалъ лѣтомъ 1896 г. до 80 пѣсенныхъ и инструментальныхъ мелодій Киргизъ Тургайской и Уральской областей съ текстами и русскимъ переводомъ, а также аккомпанименты къ пѣснямъ на домбрѣ киргизскомъ музыкальномъ инструментѣ.

Яковлевъ, священникъ... Религіозные обряды черемисъ. Изданіе Казанскаго Миссіонерскаго Общества. Казань 1887; — приведены многочисленные тексты молитвъ и причитаній черемисъ.

Произведенія народной словесности... Вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань 1888. (Изд. Правосл. Миссіонерскаго Общества).

Гавриловъ, Г. Произведенія народной словесности, обрядыи по вѣрья Вотяковъ Казанской и Вятской губерніи. Казань 1880 (тоже).

П. Б. Матеріалы для изученія народной словесности вотяковъ. Этнографическое Обозрѣніе 1892 г., № 4.

Ahlquist, Aug. Aus einem Briefe des Candidaten... an A. Schiefner. Mélanges russes III, 3 (1857) стр. 266—285; — о вѣрованіяхъ, поэзіи и пѣсняхъ Чувашей.

Михайловъ, В. И. Обряды и обычаи Чувашъ. Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи т. XVII, в. II. СПБ. 1891.

Михайловъ, С.-Чувашскіе разговоры и сказки. Каз. 1853, 8°; на стр. 33—37 три пѣсни по Чувашски и въ русск. перев.

Ашмаринъ, Н. Очеркъ народной поэзіи у чувашъ. Этнографическое Обозрѣніе. 1892 г. № 2—3.

Пантусовъ. Таранчинскія пѣсни. Спб. 1890 (отд. отт. изъ «Записокъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. этнографіи»); — съ мелодіями, текстомъ и русскимъ переводомъ.

Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Книга II. СПБ. 1886;— стр. 358—360 телеутская мелодія.

Грамматика алтайскаго языка, составленная членами Алтайской миссіи. Казань. 1869;—нѣсколько алтайскихъ пѣсенъ въ текстѣ и русскомъ переводѣ.

Верхоянскій сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, записанныя въ Верхоянскомъ Округѣ И. А. Худяковымъ. Записки Восточно-Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.; I-й томъ, 3-й выпускъ.

Digitized by Google

Тоже. II-й томъ, выпускъ 2. Н. Н. Затопляевъ. Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ: пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ.

Schrenck. Reisen und Forschungen. III, вып. 3; — мелодіи гиляковъ стр. 681; записалъ полковникъ Максимовъ.

Лаптевъ. Казанская губернія. СПБ. 1861. Военн. Тип.; — на стр. 221—223 нѣсколько татарскихъ пѣсенъ въ русскомъ переводѣ; на стр. 247—249 нѣсколько чувашскихъ пѣсенъ также въ русск. перев.

Фуксъ, К. Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Казань 1844 г. — приведены татарскія и башкирскія пѣсни въ русскомъ переводѣ.

Риттихъ, А. Ф. Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія (XIV-я). Каз. 1870; — приведены мелодіи татарскія, чувашскія и черемисскія.

Переводы казанско-татарскихъ пѣсенъ помѣщались въ газетахъ «Казанскій Телеграфъ», «Волжскій Вѣстникъ» и «Камско-Волжскій край» за 1894—1897 гг.

Взглядъ на женщину по пѣснямъ крещен. татаръ Казанск. губ. Камско-Волжскій край 1897 г., №№ 59, 70, 73 и раньше.

Сборники татарскихъ и киргизскихъ пѣсенъ и стихотвореній ежегодно печатаются въ Казани арабскимъ шрифтомъ; ср. за прежнее время Dorn, B. Chronologisches Verzeichniss der seit d. J. 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arab., türk., tatar. und persischen Werke. Mélanges asiatiques V (1864—68) стр. 533 слл., а за новѣйшее время списки В. Д. Смирнова въ «Запискахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества».

Bálint Gábor. Kazáni-Tatár nyelvtanulmányok. 1. füzet. Kazáni-Tatár szövegek. Budapesta 1875 (текстъ).

Вагаповъ. Самоучитель для русскихъ по татарски и для татаръ по русски: 11-е изд. Казань. 1892; — приложены татарскія пѣсни арабскимъ шрифтомъ съ переводомъ; эти пѣсни вошли въ Турецкую Хрестоматію проф. И. Н. Березина. Т. II, вып. 12. Пѣсни самоучителя Вагапова и хрестоматіи пр. Березина предполагаетъ переиздать проф. Н. Ѳ. Катановъ, имѣвшій возможность перевѣрить ихъ на мѣстѣ.

Катановъ, Н. Ѳ. — Поѣздка къ Карагасамъ въ 1890 г. Записки Имп. Р. Географ. Общества по отд. этнограф. т. XVII, в. II. Спб. 1891.

Онъ же собралъ лѣтомъ 1897 г. пѣсни крещеныхъ татаръ и отатарившихся башкиръ въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губ.

Катановъ, Н. Ѳ. — Письма изъ Сибири и Восточнаго Туркестана. Прил. къ LXXIII. т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ 1893 г. № 8. СПБ.; — о размѣрахъ пѣсенъ Дунгайскихъ Киргизъ-Казаковъ, Татаръ Китая и Туркестана и Минусинскихъ, стр. 106, 107 и 110.

Digitized by Google

Веселовскій, Н. Матеріалы для изученія якутской народной словесности. 11 №№ якутскихъ пѣсенъ. Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XXI, №№ 2 и 3.

Сѣрошевскій, В. Л. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Т. I. СПБ. 1896; — есть якутская мелодія стр. 591; во II-ой части пѣсни съ русскимъ переводомъ.

Александровъ, М. Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій Самоѣдовъ язычниковъ и ихъ быта (по ихъ сказкамъ и пѣснямъ). Енисейск. Епархіальныя Вѣдомости 1887 № 21, 1888 №№ 1—4, 5.

Князь Костровъ. Пѣсни минусинскихъ Татаръ. Енисейск. Губерн. Вѣдомости 1850 г. № 30.

Маріуполь и его окрестности. Изд. поч. попечит. Д. Ал. Хараджева. Маріуполь 1892; — приложены пѣсни и 10 мелодій, поющіяся греками города на татарскомъ языкѣ.

Лейсекъ собиралъ въ Ташкентѣ татарскія пѣсни съ мелодіями по сообщенію Самаркандской газ. «Окраина» 1890 г. № 232.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. 5 томовъ, 1892 и др. гг.;—между прочимъ, пѣсни въ русскомъ переводѣ.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ... подъ ред. Н. А. Маева. Вып. III, СПБ. 1874; — въ концѣ библіографическій указатель сочиненій о Средней Азіи, напечатанныхъ въ Россіи на русск. яз. съ 1692 г. Н. В. Дмитровскаго.

Сравни еще:

Межовъ, В. И. Систематическій и азбучный указатели сочиненій и статей, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, вошедшихъ въ составъ 1—150 томовъ Туркестанскаго Сборника, составленнаго по порученію К. П. фонъ-Кауфмана. СПБ. 1878.

Фаминцынъ, Ал. С. Древняя индо-китайская гамма въ Азіи и Европѣ СПБ. 1889; — приведены (стр. 64 — 70) мелодіи татарскія, бурятскія, качинскія, киргизскія, калмыцкія и малайскія.

Ostrowskich, P. — Ueber die Musik-Instrumente der Katschinzen Aus den Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft. Zeitschr. für Ethnologie. XXVII. 1895 стр. 616.

Смирновъ, Вас. Дм., проф. СПБ. Университета, имѣетъ рукопись: «Пѣсни крымскихъ Татаръ» съ мелодіями.

Digitized by Google

Таблица

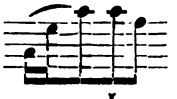
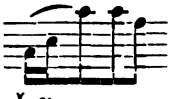
скорости мелодій по метроному.

Цифры, приводимыя съ правой стороны означаютъ скорость движенія четверти цѣлой ноты (𝅗𝅥), а иногда трехъ восьмыхъ ноты, что каждый разъ обозначено особо.

№	№	№	№
1 88	51 108	101 72	155 100
2 96	52 104	102. 102a 84	156 176
3 132	53 96	103 92	157 132
4 150	54 108	104 76	158 116
5 132	55 92	105 69	159 84
6 126	56 76	106 112	160 80
7 138	припѣвъ . . . 104	107 100	161 . . . . . (3/8) 69
8 52	57 116	108 96	162 76
9 62	58. 58a 120	109. 110. 76	163 72
10 72	59 126	111 . . . . . 72 и 76	164 . . . . . (3/8) 76
11 84	60 96	112 63	165 84
12 80	61 112	113 . . . . . (3/8) 63	166 первые 4 такта 66
13 116	62 96	114 первые 7 такт. 100	послѣдніе . . 60
14 . . . . . (3/8) 76	63 100	остальные . . 72	167. 168 60
15 112	64 116	115 первые 7 такт. 104	169 72
16 126	65 108	остальные . . 72	170 63
17 80	сдержанно . . 72	116 88	171 60
18 . . . . . (3/8) 72	66 76	117 100	172 66
19 . . . . . (3/8) 69	67 72	118 72	173 первые 2 такта 84
20 76	68 . . . . . (3/8) 80	119 80	3-й тактъ . . 69
21 69	69 92	120 69	2 послѣднихъ 63
22 . . . . . (3/8) 72	70 88	121 84	174 88
23 58	71 63	122 88	175 66
24 96	2-я половина . 69	123 . . . . . (3/8) 60	176 72
25 76	72. 72a 96	124 96	177 63
26 72	73 63	125 63	178 84
27 80	74 54	126 60	179 80
припѣвъ . . . 104	75. 76 92	127 100	180 76
28 100	77 63	128 132	181 80
29 69	78 80	129 138	182. 183 72
припѣвъ . . . 104	79 76	130 104	184 66
30 72	80 69	131 108	185 . . . . . (3/8) 88
31 . . . . . (3/8) 44	81. 82. 82a . . . 112	132 112	186. 187 84
32 84	83 72	133 108	188 72
33 92	84 . . . . . (3/8) 66	134 96	189 . . . . . (3/8) 96
34 96	85 112	135 88	190 76
35 84	86 69	136. 136a. 136b. 137. 112	191 116
36. 37. 37a . . . 72	87 104	138 108	192 84
38 84	и . . . . (3/8) 63	139 112	193 116
39 . . . . . (3/8) 56	88. 89 . . . (3/8) 88	140 108	194 112
40 104	90 69	141 116	195 84
41 108	91 84	142 112	196 72
42 64	92 69	143 132	197 88
43 100	93 104	144 116	198 76
44 76	94 108	145 126	199 72
припѣвъ . . . 92	95 100	146 116	200 69
45 100	96 88	147 120	201 80
46 96	и . . . . (3/8) 92	148 92	202 120
47 104	97 66	149 100	203 72
48 108	98 80	150 96	при замедленіи 66
49 120	99. 99a. 99b . . . 112	151. 152 108	204 84
50 126	100 80	153. 154 126	

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр. 3, строка 7 снизу	Татаръ, Киргизъ, ... Черемисъ	Татары, Киргизы и проч. . . Черемисы.
» 13 » 7 сверху	разсчетомъ	расчетомъ
» 15 » 12 снизу	монотеисты	монотеисты,
» — » 9 »	говорятъ	говорятъ,
» 25 » 18 »	приплюнутымъ	приплюснутымъ
» 68, въ мелодіи № 7	3-й тактъ 	
» 135, въ мелодіи № 102 и № 102 а.	въ послѣдн. тактѣ 7 выпустить.	
» 140, мелодія № 116	Брдяня	Будяня
» 141, въ названіяхъ мелодій № 117 и 118	Сынгару-турна	Сыңрау-турно
» 149, мелодія № 140	$\frac{4}{4}$ (во второмъ тактѣ)	(перенести въ третій тактъ)
» 151, посл. стр. снизу	135	141, 142
» 176, строка 14 снизу	Угры	Урги
» 181, въ послѣднемъ тактѣ мелодіи 7		(выпустить)
» 184, мелодія № 193	Максимъ	Масимъ
» 212, строка 15 снизу	Фершамненуазъ	Фершампенуазъ
» 224 » 15 »	имѣлъ	пѣлъ
» 229 » 7 сверху	царила	царила
» 243 » 3 снизу	118	218
» — » 1 »	меняс пѣни	меня пѣсни
» 245 » 3 сверху	близь	близъ
» 246 » 15 »	говорилвый	говорливый
» 248 » 6 »	состояніе	состязаніе
» — » 6 »	кто-нибудь вдвое	кто нибудь вдвоемъ
» — » 12 снизу	въ теченіи	въ теченіе

Digitized by Google

				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр.	273,	строка	2 снизу	переѣзды	переѣзда
»	276	»	17 сверху	самодовольствомъ	самодовольнымъ
»	278	»	4 »	созерцаніе	созерцаніемъ
»	—	»	7 »	и я	и я,
»	283	»	20 »	бѣдность жившая	бѣдность, жившая
»	286	»	19 »	орскаго	Орскаго
»	287	»	12 »	венгерцовъ	венгерцевъ
»	288	»	3 »	обясненіями	объясненіями
»	289	»	19 снизу	Сѣргей	Сергѣй
»	—	»	16 »	понуря	понуро
»	—	»	7 »	унилый	унылый
»	316	»	3 сверху	музыкѣ	о музыкѣ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03354 5495

Digitized by Google